

Иван Еремеев

СЛАВЯНЕ И НОРМАННЫ
К СЕВЕРУ ОТ ДНЕПРА

Том 2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Ivan Eremeev

**SLAVS AND NORSEMEN
NORTH OF THE DNIEPER
BEFORE THE 10th CENTURY**

THE INITIAL STAGES OF SLAVIC-SCANDINAVIAN
ETHNO-CULTURAL INTERACTIONS

In two volumes

Volume 2

Norsemen and the burial rite of Ilmen-Volkhov Region

St. Petersburg
2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Иван Еремеев

СЛАВЯНЕ И НОРМАННЫ К СЕВЕРУ ОТ ДНЕПРА ДО НАЧАЛА X ВЕКА

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ СЛАВЯНО-СКАНДИНАВСКИХ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В двух томах

Том 2

Норманны и погребальный обряд Ильмень-Волховского региона

Санкт-Петербург
2023

УДК 902/904
ББК 63.4
Е 70

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проекты № 13–06–00744, 14–06–10033, 19–09–00085) и Шведского института (Svenska institutet)

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Рецензенты:

доктор исторических наук В. А. Лапшин (ИИМК РАН)
кандидат исторических наук А. Г. Фурасьев (Государственный Эрмитаж)
кандидат исторических наук Н. В. Лопатин (ИА РАН)

Еремеев И. И.

Е70 Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X в. Начальные этапы славяно-скандинавских этнокультурных взаимодействий в Восточно-Балтийском регионе по данным археологии. В двух томах. Том 2. Норманны и погребальный обряд Ильмень-Волховского региона. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2022. — 432 с. : ил.

ISBN 978-5-6049788-0-1

ISBN 978-5-6049788-2-5 (том 2)

Монография посвящена славянизации Северо-Запада России во второй половине I тыс. н. э. и зарождению здесь протогосударственных социально-политических институтов. Основой этих процессов признается серия миграций земледельческого населения из области Днепровско-Неманского междуречья и Подвинья. Представлены результаты раскопок раннесредневековых городищ, селищ, сопок и курганных могильников Ильмень-Волховского региона. Культурные процессы подвергаются рассмотрению на фоне динамики ландшафтов. Привлекаются данные палеогеографических, палинологических и карпологических исследований, серийное радиоуглеродное датирование.

В томе 2 рассматривается скандинавская колонизация Северо-Запада, ее характер, и влияние на обитавшее здесь славянское население. Анализируется раннесредневековая земледельческая культура и погребальные традиции, находящиеся в тесной связи между собой. В центре внимания находятся русские большие курганы/сопки Поволховья и их скандинавские прототипы. В качестве сравнительного материала представлены подготовленные И. И. Еремеевым к публикации коллекции из раскопок больших курганов Центральной Швеции VI–IX вв., являющихся, по мнению автора, прообразами новгородских сопок.

Для историков, археологов, этнологов, культурологов, читателей, интересующихся начальными этапами древнерусской истории.

The monograph develops the concept of slavonization of North-West Russia during 500–900 AD and the emergence of proto-state socio-political institutions here. The basis of these processes is recognized as a series of migrations of the agrarian population from the regions of Dnieper-Neman Rivers interfluvium and West Dvina River basin (modern Byelorussia). The results of archaeological excavations of early medieval hillforts, open settlements and burial mounds of Ilmen-Volkhov Region are presented. Cultural processes are considered on the background of ancient landscape dynamics. The data of paleogeographic, palynological and carpological studies, serial radiocarbon dating are used.

Second volume is devoted to the study of Scandinavians movement to North-West Russia, its character and relationship with the Early Medieval Slavic migrations. Agriculture and burial traditions of North-West Russia are analyzed. The focus is on the large burial mounds – “sopkas”, which were studied in Volkhov Region, and on their Swedish prototypes. The hypothesis is put forward that the oldest large mounds mark the zones of Scandinavian initial agrarian colonization. As a comparative material for the “sopkas” study, archaeological collections from the excavations of large mounds (500–900 AD) from Central Sweden are published.

The book is written for historians, archaeologists, ethnologists, readers interested in the initial stages of Ancient Rus history.

На обложке: стр. 1 – аэрофотосъемка, сделанная И. И. Еремеевым осенью 2022 г. на восточном берегу оз. Ильмень, а также удила из курганных раскопок С. Н. Орлова 1940-х гг. в Старой Ладого, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Стр. 4 – акварель Н. Н. Черныгина 1920-х гг., изображающая сопки Нижнего Поволховья, из архива ИИМК РАН.

ISBN 978-5-6049788-0-1

ISBN 978-5-6049788-2-5 (том 2)

DOI: 10.31600/978-5-6049788-0-1

© Институт истории материальной культуры РАН, 2023
Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Science, 2023

© Еремеев И. И., 2023
Eremeev I. I., 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ к тому 2	9
ГЛАВА 5. Скандинавская экспансия в Восточно-Балтийском регионе VIII–IX вв.: инфильтрация в лесную зону	11
5.1. Торговая концепция скандинавской колонизации: «искатели серебра»?	12
5.1.1. Норманны и путь в Прикамье в VII–VIII вв.: первые шаги вглубь тайги и большие курганы	13
5.1.2. Норманны в Северном Приладожье: поиски путей на восток	14
5.1.3. Норманны в Курляндии, на Моонзунде и к западу от Чудского озера: освоение побережья	14
5.1.4. Норманны на Даугаве: несостоявшаяся конкуренция Поволховью	17
5.2. Аграрная концепция скандинавской колонизации: постановка вопроса	19
5.2.1. Динамика ландшафтов и история земледелия в Средней Швеции во второй половине I тыс. н.э. по данным древних спорово-пыльцевых спектров	22
5.2.2. Данные карпологии о земледелии в Средней Швеции во второй половине I тыс. н.э.	23
5.2.3. Древние аграрные ландшафты Средней Швеции и соседних территорий	24
5.2.4. Земледельческие орудия в Средней Швеции и Юго-Западной Финляндии во второй половине I тыс.н.э.	24
5.2.5. Пахотные орудия Швеции и Поволховья: сравнительный анализ	33
5.2.6. Норманны в Нижнем Поволховье: земледельческий микрорегион?	44
Выводы по ГЛАВЕ 5	50
ГЛАВА 6. Славяно-скандинавский культурно-политический синтез в VIII – первой половине X в.: динамика земледельческих традиций и погребальный обряд	51
6.1. Большие курганы и сопки в Балтийском регионе	51
6.1.1. Большие курганы Центральной Швеции VII – первой половины IX в.	52
6.1.1.1. Лёта, курган 7 (Löta, Bettna sn, Sö., RAÄ 152, A7)	55
6.1.1.2. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10)	59
6.1.1.3. Хёксла (Hoxla, Sorunda sn, Sö., RAÄ 201)	64
6.1.1.4. Сёдра Хусбю, курган 1 (Södra Husby, Trosa-Vagnherad sn, Sö., RAÄ 177, A1)	65
6.1.1.5. Сёдра Хусбю, курган 3 (Södra Husby, Trosa-Vagnherad sn, Sö., RAÄ 177, A3)	66
6.1.1.6. Хора (Håga, Bondkyrka sn, Up., RAÄ 356, Kung Björns hög)	67
6.1.1.7. Брубю, курган 1 (Broby, Börje sn, Up., RAÄ 26, A1)	67

6.1.1.8. Брубю, курган 2 (Broby, Börje sn, Up., RAÄ 26, A2)	69
6.1.1.9. Старая Упсала, Вестхёген (Gamla Uppsala, RAÄ 123, Västhögen, Torshög)	70
6.1.1.10. Старая Упсала, Гульхёген (Gamla Uppsala, RAÄ 123, Gullhögen)	70
6.1.1.11. Хешбю, курган 38 (Hersby, Sollentuna sn, Up., RAÄ 45/47)	73
6.1.1.12. Хэгвик, курган 1 (Häggvik, Sollentuna sn, Up., RAÄ 81, A1)	74
6.1.1.13. Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn, Up., RAÄ 18)	74
6.1.1.14. Хусбю (Husby, Vansö sn, Sö., RAÄ A59, Ingjaldshögen)	75
6.1.1.15. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33)	77
6.1.1.16. Ворбю, курган 6 (Vårby, Huddinge sn, Sö., RAÄ 8, A6)	86
6.1.1.17. Ормкнёс (Ormknös, Adelsö sn, Up., RAÄ 111)	86
6.1.1.18. Старая Упсала, Курган Тинга (Gamla Uppsala, RAÄ 123, Tingshögen, Domarhögen) ...	87
6.1.1.19. Синхилсбори (Signhildsberg, Håtuna sn, Up., RAÄ 39, Signhilds kulle)	87
6.2. Происхождение сопок	87
6.2.1. Что такое сопка?	88
6.2.2. Что такое «не сопка»?	89
6.2.3. Проблема единства традиции и ареала	90
6.2.4. Поиск прообразов сопок в Восточной Европе	91
6.2.5. Норманнская версия происхождения сопок	94
6.2.6. Проблема полицентричности зарождения и распространения сопок	94
6.2.7. Социальный аспект проблемы	96
6.3. Сопки Северного Поволжья VIII–Xвв.	98
6.3.1. Урочище Сопки/Велеша	99
6.3.1.1. Сопка 3-II (северная группа)	105
6.3.1.2. Сопка 3-III (северная группа) – курган СXXXI (Бранденбург 1895)	109
6.3.1.3. Сопка 4-I (центральная группа) – курган СXXXII (Бранденбург 1895)	109
6.3.1.4. Сопка 4-II (центральная группа), сопка № 1 по С. Н. Орлову (Орлов 1955)	111
6.3.1.5. Сопка 5-III (южная группа) – «Полая сопка»	113
6.3.2. Урочище Победище	114
6.3.2.1. Старая Ладога, ур. Победище (северная группа), курган СXLI (Бранденбург 1895) – сопка № 14-I (Петренко 1994)	117
6.3.2.2. Старая Ладога, ур. Победище (северная группа), курган СXL (Бранденбург 1895) – сопка 14-II (Петренко 1994)	128
6.3.2.3. Старая Ладога, ур. Победище (северная группа), сопка 14-IV (Петренко 1994)	136
6.3.2.4. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), сопка № 15-I (Петренко 1994)	136
6.3.2.5. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), курган СXLII (Бранденбург 1895) – сопка № 15-II (Петренко 1994)	140
6.3.2.6. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), сопка № 15-III (Петренко 1994)	144

6.3.2.7. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), сопка № 15-IV (Петренко 1994)	145
6.3.2.8. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), сопка № 15-V (Петренко 1994)	147
6.3.3. Старая Ладога, ур. Плакун (правый берег Волхова)	151
6.3.3.1. Старая Ладога, ур. Плакун, курган СXXXV (Бранденбург 1895)	151
6.3.3.2. Старая Ладога, ур. Плакун, сопка № 2 (Орлов 1955), сопка 10-III (Петренко 1994)	153
6.3.3.3. Старая Ладога, ур. Плакун, сопка 11-I (Петренко 1994)	162
6.3.3.4. Лопино, сопка 12-III (Петренко 1994)	164
6.4. Рождение нового мифа: о скандинавских элементах в сопках Северного Поволжья	164
Выводы по ГЛАВЕ 6	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ по ТОМУ 2 и некоторые общие итоги. О характере начальных этапов норманнской колонизации в Поволжье и Приильменье	179
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. И. И. Еремеев. Топография монетных и денежно-вещевых кладов IX–XI вв. в Восточно-Балтийском регионе	181
Иллюстрации к разделу 6.1	222
Список сокращений	355
Термины и методики	355
Письменные источники	355
Научные издания и учреждения	355
Список литературы	358
Публикации исторических источников	358
Публикации переводов исторических источников	359
Картографические источники	360
Научно-исследовательская литература	361
Архивные источники	422

ВВЕДЕНИЕ к тому 2

Среди множества факторов, определяющих диалектику этногенетического процесса в «доосевом» (по К. Ясперсу) обществе, на первом месте стоит миф и на втором — насилие. Миф, согласно Ф. Шеллингу, рождается вместе с народом, воплощая его судьбу. Рождаясь в мифе, этничность укрепляется, расширяется или исчезает в насилии — как в противостоянии народов, так и во внутренних распрях. В первом томе были рассмотрены некоторые аспекты славянской языческой колонизации Северо-Запада, приведшие к формированию «славянского клина» — славяноязычной (по крайней мере в представлении летописцев XI–XII вв.) и монокультурной (как показывает археология) области к северу от Днепра, большая часть которой была в XI в. поделена между двумя древнерусскими раннегосударственными образованиями — Полоцкой и Новгородской землей.

Славянское расселение в V–VIII вв. в иноязычной среде к северу от Днепра нам представляется преимущественно процессом насильственного захвата земельных угодий, на начальном этапе протекавшим примерно так же, как и славянская экспансия на Балканах в VI–VII вв. Результат восточной экспансии оказался, однако, прямо противоположен той ассимиляции, которой в итоге подверглись славяне на территории Византийской империи. На Северо-Западе к концу VIII в. область их расселения в общих чертах приобрела культурную однородность и географические контуры, знакомые нам по летописным данным. Некоторую роль в этом окончательном оформлении сыграли какие-то подвижки населения междуречья Днепра и Немана, испытывавшие в свою очередь давление на своих юго-западных границах. Причиной этого были отголоски гуманитарной катастрофы в Подунавье 790-х гг., вызванной крушением Аварского каганата. В этот период, или чуть позже, в области озера Ильмень на основе зарождающейся племенной верхушки и связанной с ней дружины проявляются первые начала варварской государственности. Опорой для нее служили городища.

Изучение славянского этногенеза и колонизационного процесса возможно лишь на фоне исследований проявлений мифа в материальных остатках древности. В первом томе, посвященном полностью ран-

неславянской тематике, сравнительно немного места уделено отражению в археологическом материале мифологии. Это объясняется тем, что формирование ее находится далеко за хронологическими рамками нашей работы — в области начал славянского этногенеза, конечно, лежащей глубже, чем V–VIII вв. Кроме того, *мифическое* мировоззрение размыто многовековой христианской проповедью, и его реконструкция требует большой отдельной работы на стыке многих историко-филологических и этнологических дисциплин.

В процессе обсуждения этой книги мне не раз приходилось выслушивать нетерпеливые или лукавые требования коллег «сформулировать» славянский миф. Надо заметить, что историко-археологическая наука знает несколько удачных попыток подойти к отдельным аспектам этой проблемы. Имею в виду труды-идеи П. В. Шувалова (славянские представления об оборотничестве), Д. А. Мачинского (о роли образа Дуная в мифологии), В. Я. Конецкого (о сопках и мировом древе), В. А. Булова (о сопках и мировой горе). Но как попасть в миф и понять его из нашей эпохи с иным мировосприятием и иной этикой? Постижение мифа, проживание его ученым (на чем настаивал, например, А. Ф. Лосев) требует отдельной специальной работы. Есть, однако, методический маневр, намеченный Ф. Шеллингом. Согласно его идее, рождение народа есть пребывание в кризисе, знаменующем рождение мифа. Он чаще всего недоступен исследователю, поэтому важно не столько его содержание, сколько сам момент его формирования, период хаоса, к которому так или иначе восходит любая *мифическая* система. Этот хаос зарождения нового мифа оставляет хорошо читаемые следы в культуре, и, даже не понимая сущности последнего, мы определяем его присутствие, а значит — получаем возможность охарактеризовать и процесс этногенеза. Кстати, именно за эту позицию, за «конструирование» мифа Ф. Шеллинга и критиковал А. Ф. Лосев.

Переходя к финальной теме нашего исследования — к образованию в IX в. новой этничности — русской, нельзя уклониться от темы зарождения вместе с ней и нового мифа. Множество элементов материальной и духовной культуры VIII–X вв. (домострои-

тельство, керамика, оружие и пр.) несут на себе отпечаток этногенетического мифического хаоса, но наиболее ярко в этом качестве выступает погребальный обряд, прямо отражающий отношение общества к круговороту жизни и смерти. В пределах «славянского клина» эта трансформация мифического мировоззрения, сопровождавшая рождение руси, выразилась в начальном разнообразии погребальных практик и в распространении как бы «поверх них» больших курганов, получивших на Северо-Западе название сопки. Это явление и рассматривается мною во втором томе. В археологии Северо-Запада именно сопки являются наиболее ярко воплощенным мифом, агрессивно манифестирующим себя в пространстве.

В качестве прообразов русских сопок исследователями традиционно, со времен А. А. Спицына, рас-

сматриваются скандинавские, точнее среднешведские, большие курганы, и я не вижу альтернативы этому мнению. Ниже рассматриваются большие курганы трех центральных шведских провинций и делается попытка выделить среди них группу памятников, которая в хронологическом и морфологическом отношении стоит ближе всего к восточноевропейским сопкам. При этом в качестве эталона на востоке мы возьмем сопки Старой Ладogi — региона, в котором сочетаются два условия: огромное и бесспорное скандинавское влияние VIII–IX вв., и присутствие древнейших русских больших курганов. Такова главная задача второго тома. Предваряя эту работу, я попробую кратко охарактеризовать течение скандинавских переселений и влияний в Восточно-Балтийском регионе.

ГЛАВА 5. Скандинавская экспансия в Восточно-Балтийском регионе VIII–IX вв.: инфильтрация в лесную зону

После этого владения и власть конунга стали расплываться в роду по мере того, как он разветвлялся. Но некоторые конунги расчищали лесные дебри, селились там и так увеличивали свои владения.

*Сага об Инглингах*¹

Воззрения на механизмы интеграции северных германцев в восточнославянское общество в науке довольно абстрактны и обычно сводятся к представлениям о торговцах (работоторговцах), воинах и ремесленниках, объединенных в экстерриториальные «торговые компании», которые каким-то само собой разумеющимся образом, то ли в силу совершенства военной и социальной организации, то ли благодаря владению передовыми технологиями и экономической мобильности, захватывают лидирующие политические позиции в иноэтничном обществе (Толочко 2015: 11, 12)². Если подобные купеческие сообщества и создавали территориальные структуры, то лишь в виде торжищ или системы разбойничьих гнезд — городков, в которых торговцы живым товаром концентрировали «большие группы рабов» (Мачинский 2009: 156).

Ближе к реальности, мне кажется, позиция А. Стальсберга, полагающей, что следы скандинавской оседлости на востоке противоречат «разбойничьей» трактовке роли норманнов преимущественно как викингов: «я не могу представить себе викингов — пиратов и разбойников — мирно проживающих на территории Руси бок о бок с местными жителями» (Стальсберг 2015: 37, 38). Норманны на востоке, по А. Стальсбергу, — мирные иммигранты. Надо отметить, что позиция этой исследовательницы имеет слишком очевидную этическую окраску, мешающую трезвому восприятию «доосевых» реалий Северной Европы, — викингов она, в духе европейской политики толерантности, именуется «террористами своего времени» и «национальным норвежским позором»

¹ Снорри 1980: 30.

² Полагаю, над исследователями часто довлеет образ хитроумного «немца», сложившийся в русском сознании и в русской культуре в XVII–XIX вв. Нужно, однако, отдавать себе отчет, что этот обитатель «немецкой слободы» эпохи Петра Великого, а затем современник А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского (каждый гений приложил руку к этому образу) является продуктом городской эпохи. Однако в Восточной Европе в VIII–IX вв. не было еще городов, а жизнеобеспечение поселений, которые им предшествовали, целиком зависело от сельского хозяйства.

(Стальсберг 2015: 36). Мы должны двигаться не в направлении смены образа кровожадных норманнов образом миролюбивых норманнов, а вести речь об историчности аспектов взаимодействия социальных структур.

Механизм интеграции скандинавов в политическую жизнь восточных славян был не очень понятен и летописцам, записавшим предание о призвании варягов. Несомненно, это лишь легитимирующий миф, и поиски в нем элементов реального «ряда» выглядят довольно неубедительно. Как хорошо известно, ни одна элита (а таковая уже формировалась в IX в. в восточнославянской среде) не уступит своей политической и экономической власти без принуждения. Причины создавшегося в Восточной Европе положения нужно искать в какой-то иной области. Альтернативу предлагает сам летописец, сообщая о народе русь, переселившемся на восток за Варяжское море. Действительно, более реалистично выглядят концепции, предполагающие появление в Восточной Европе возникших на основе миграций варварских территориальных раннегосударственных структур с изначально доминирующей ролью скандинавов (Франклин, Шепард 2000: 30, 56; Кузьмин 2008: 76; Мачинский 2009). Такие структуры, опирающиеся на определенные системы расселения, и можно было бы рассматривать как зародыши некоторых древнерусских княжений. Правда, многие исследователи представляли эти норманнские вожества возникающими в финноязычном окружении, за сотни километров от ареала славянского расселения. Эта гипотеза, как показано в первом томе нашего исследования, не может быть принята. Признание ранней (VI–VII вв.) датировки славянской колонизации Приильменья влечет за собой вывод: созданные норманнами в VIII–IX вв. варварские королевства на фоне славянского ареала расселения были карликовыми и недолговечными образованиями, быстро интегрировавшимися в формирующиеся независимо от них более крупные славянские протогосударственные структуры. Крупнейшее из таких норманнских королевств возникло на северной периферии «славянского клина» — в Нижнем Поволжье и в Юго-Восточном Приладожье.

Итак, наличие неких норманнских военно-экономических объединений мы примем за аксиому. Могли ли эти структуры иметь «бродячий» характер, не будучи связаны с земельными угодьями? Уместно ли использование термина «people in between» (Hillerdal 2009) — непереводаемого на русский язык определения, выдвинутого шведской археологией, по отношению к руси? Или же эти структуры были оседлыми, земельными, а их экстерриториальность — еще один миф, порожденный научным сознанием эпохи глобализации? Концепцию «разбойничьих гнезд» на городках, существовавших на Северо-Западе с эпохи бронзы, вряд ли стоит рассматривать всерьез. Ответ на поставленный вопрос, мне представляется, дают не городища, а огромные курганы, разбросанные по берегам русских рек.

5.1. Торговая концепция скандинавской колонизации: «искатели серебра»?

В евразийской пушной торговле в третьей четверти I тыс. н. э. между уральским хребтом и датскими проливами существовало два магистральных транзональных (т. е. шедших в общем направлении север-юг) пути — восточный и западный. На восточном пути в VI–VII вв. ключевую роль играли финно-угорские народы Прикамья (Морозов 1996: 150; Сокровища Приобья 1996: 70, 71; Маршак 2006; Даркевич 2010; Голдина 2012: 110; Голдина 2015: 133, 140) и Волго-Окского междуречья. Прикамье было узловым регионом, через который таежные пушные богатства перекачивались в Среднее Поволжье, где пути разветвлялись: один через Приазовье вел в византийский Херсон и оттуда в Средиземноморье, второй шел по Волге на Каспий и далее в Среднюю Азию и Сасанидское государство.

Существовали и более восточные, очень древние, маршруты, связывавшие северорусскую тайгу со Средней Азией напрямую, через область современной Башкирии (Иессен 1952: 230; Вощина 1953; Морозов 1996: 152, 153, рис. 1; 2; Голдина 2012: 116). Свидетельства всему этому — византийские и восточные монеты, утварь и украшения VI — первой половины VIII в., которые находят в кладах в западном таежном Приуралье, в бассейне Оби.

Западная транзональная магистраль пушной торговли ориентировалась на ресурсы североамериканской тайги — в Северной Швеции и Финляндии (Казанский 2010а: 58). В качестве перевалочного региона здесь выступали юго-западные районы последней (Gustin 2016). Ресурсная база этой экономической системы была значительно беднее вышеописанной восточноевропейской. Скандинавы, обитавшие в Средней Швеции и на Готланде, господствуя на Балтийском море, в VI–VII вв. видимо, контролировали

это западное направление. Возможно, одну из ключевых ролей на западном пушном пути играл Гробиня. Еще одним важным регионом в этой системе была область Пруссии, где, наряду с Готландом, группируются клады дирхемов первой группы (рис. 54). В IX в., после установления системы путей через восточнославянские земли, роль Пруссии в балтийской торговле снижается.

Но это будет потом, а пока, в VI–VII вв., интересующий нас Ильмень-Волховский регион был выключен из пушной торговли (об этом говорит почти полное отсутствие престижного импорта), представляя собой широкую буферную зону между двумя глобальными системами. Этот вакуум заполнялся на протяжении третьей четверти I тыс. н. э. земледельческим славянским населением, далеко не сразу втянувшимся в пушную торговлю, а только в VIII в. открывшим новые экономические возможности. Теперь ему, как и группам норманнов, выдвинувшимся сюда из Центральной Швеции в VII–VIII вв., необходимо было не столько организовать транзитную торговлю мехами, сколько перехватить уже существующую конъюнктуру, перенаправить ресурсные потоки (главным образом с востока, но вышло, видимо, и с запада) в область бассейна озера Ильмень. Так в VIII в. обитатели Приильменя оказались новыми игроками в пушной торговле Востока и Средиземноморья с миром восточноевропейской тайги.

Нужно уточнить, что Ильмень-Волховский регион не представлял в VI — середине VIII в. единого целого. Раннеславянские древности этого времени, все более рельефно проступающие в Приильменье (Прость, Городок на Маяте, Сельцо, Городок на Шелони, Бронница), неизвестны в Нижнем Поволжье. Мы в лучшем случае можем говорить о начале проникновения славян в Ладожскую округу в третьей четверти I тыс. н. э. Явные следы славянской колонизации здесь прослеживаются с последней четверти I тыс. н. э. (Кузьмин 2008: 76, 77).

Скандинавы, появившиеся в Нижнем Поволжье на позднее середины VIII в., возможно, опередили славянскую колонизацию этого региона. Можно предположить, что норманнов привели сюда поиски новых источников пушнины для пополнения доходов от вышеупомянутого транзитного пути через Юго-Западную Финляндию, Готланд, Гробиня и Пруссию. Жизнь в безлюдном и изолированном микрорегионе Поволжья требовала создания самостоятельной сельскохозяйственной базы, и первые поселенцы привезли с собой пахотные орудия (речь о них пойдет ниже) и скот. Вряд ли они занимались таежным промыслом сами. Скорее всего, пушнина обменивалась у местного населения на бусы и продукты ювелирного и кузнечного производства. Термин «искатели серебра» (подразумевается в первую очередь арабское монет-

ное серебро), введенный С. Франклином и Д. Шепардом (2000) был, таким образом, неактуален для ранних этапов скандинавской экспансии в Ильмень-Волховском регионе, и на это уже обращали внимание исследователи (Кузьмин 2008: 76).

Поступление основной массы восточного монетного серебра в область к северу от Днепра связано с деятельностью славян, соприкасавшихся с областями Хазарии, в которые дирхемы начали активно ввозиться с 770-х гг. (Noonan 1980: 408). География кладов в Верхнем Поднепровье, Понеманье, Верхнем Подвинье, Верхневолжье и Приильменье (рис. 54; 55), а также находки дирхемов на городищах (речь об этом шла в первом томе) и селищах указывают на широкую циркуляцию монеты в славянской среде. Именно выходцы из нее, обитатели городищ, создавали в конце VIII — начале IX в. сеть торговых коммуникаций в пределах «славянского клина». Кажется очевидным, что небольшие группы норманнов, обитавших в Нижнем Поволжье или через него попадавших в Восточную Европу, физически не могли освоить столь широко разбросанную сеть речных коммуникаций.

5.1.1. Норманны и путь в Прикамье в VII–VIII вв.: первые шаги вглубь тайги и большие курганы

Культурные связи Центральной Швеции и Юго-Западной Финляндии с Волго-Камским регионом уходят корнями в эпоху бронзы (Volin 1999). В первой половине I тыс. н. э. эти связи ослабевают, однако торговое обогащение Прикамского региона в VII–VIII вв., в результате притока восточного и византийского серебра с юга, не прошло незамеченным для скандинавов. О возобновлении в вендельское время

этих связей говорят находки прикамской поясной гарнитуры в погребениях Юго-Западной Финляндии (Hackman 1938: 185–187; Крыласова, Белавин 2001: 91–94; Голдина 2015: 137). Самая выразительная (по местонахождению) находка встречена в одном из больших курганов Старой Упсалы (Jansson 1999: 122), который ниже будет рассмотрен подробно.

Уязвимо мнение о путешествиях в Скандинавию торговцев из прикамских финно-угров (Лебедев 2005: 463; Казанский 2007: 137; Голдина 2015: 137). Ничто в археологическом материале и в исторических источниках не говорит о способности последних организовать морскую экспедицию. Более резонно ожидать таких дальних походов от хорошо знакомых с мореплаванием скандинавов, оставивших следы в Юго-Западной Финляндии, на островах Финского залива и в северном Приладожье. Путь с Балтики в Прикамье наиболее вероятен по Волхову и Мсте с волоком (водораздельной сухопутной системой дорог) до Волжского бассейна в северной части Молого-Мстинского междуречья. Начало этого волока на Мсте отмечает, похоже, один из крупнейших микрорегионов с сопками — Бельский археологический комплекс (Конецкий, Носов 1995). Восточная часть этого волока завершалась где-то в бассейне Чагодоши в Молого-Шекснинском междуречье, где наблюдается концентрация поселений середины — второй половины I тыс. н. э. (Башенькин 1995). Показателем связи этого региона с Нижним Поволжьем являются большие курганы, распространившиеся здесь одновременно с утверждением аналогичной обрядности в Нижнем Поволжье или даже несколько ранее. В Молого-Шекснинском междуречье было исследовано шесть больших курганов (табл. 49), представляющих два хронологических пласта.

Табл. 49*. Исследованные большие курганы Молого-Шекснинского междуречья

№	Топоним, комплекс	D, м	H, м	Возраст кургана	Источники и комментарии
1	Усть-Белая I, курган № 8	26	5	VII–IX вв. 1380±40 (Ле-4556)	Башенькин, Иванищева 1988: 34; Башенькин 1993: 141; Башенькин, Васенина 2003, 2004; Михайлова 2013: 344
2	Усть-Белая I, курган № 2	32	4,2	1580±100 ВР (Ле-3449) 1565±100 ВР (Ле-3453) 1560±70 ВР 1540±40 ВР (Ле-3452) 1520±60 ВР (Ле-3450)	Башенькин, Васенина 1989: 28–30; 2003; 2004; Башенькин 1993: 141; 1995: 16–19
3	Крутец-Избищи I, курган № 3	16	2,15	VIII–IX вв.	Башенькин 1995: 27, 28
4	Крутец-Избищи I, курган № 4	30	2,25	1170±50 (ГИН-7210)	Башенькин 1995: 27, 28
5	Озереве	26	6,40	VIII–IX вв.	Башенькин 1995: 28
6	Куреваниха III, курган № 5	34	6	1460±90 (ГИН-7207) 1260±30 (Ле-3456) 1210±50 (Ле-3457)	Башенькин, Васенина 1989, 2012; Клещенко, Решетова 2019: 98, 99, рис. 38

Примечание: * – тома 1 и 2 имеют единую нумерацию таблиц.

Наиболее сложен вопрос о древнейшем этапе местной курганной традиции, отнесенном А. Н. Башенькиным к рубежу IV и V вв. (Башенькин, Васенина 2004: 23). Правда, этот этап представлен единственным большим курганом (могильник Усть-Белая, курган № 2). Столь раннее появление большого кургана на Чагодошце произошло, видимо, под влиянием местных факторов. Объяснения им пока нет, и приходится вынести этот казус за скобки. В любом случае, маловероятно, что один курган на далеком лесном волоке мог оказать влияние на культуру будущей Новгородской земли. Что касается остальных больших курганов Молого-Шекснинского региона, то их хронология близка ранним насыпям Старой Ладogi, а материальная культура имеет ряд общих черт с культурой Поволховья. Отчетливые параллели прослеживаются и в строении древнейших больших курганов. Самый впечатляющий курган на Мологе — № 5 в группе Куреваниха III (содержавший однолезвийный меч и фрагмент пластинчатого лунничного височного кольца с параллелями в Старой Ладoge и на городище Любша) — первоначально представлял собой плоскую насыпь высотой 1,6–1,8 м диаметром 22 м (Башенькин, Васенина 2012: 32, рис. 2), дважды досыпавшуюся. Этот курган, датированный А. Н. Башенькиным концом VII — началом VIII в., имеет отчетливые параллели с древнейшими курганами-платформами Старой Ладogi (насыпи 14-I, 14-II, 15-II, 10-III, 11-I), информацию о которых мы будем разбирать ниже.

В конце VIII в. стабилизация политической обстановки в Среднем Поволжье (образование Волжской Болгарии), активизация торговли Хазарского каганата с исламским миром значительно повысили спрос на пушнину и ее добычу. В этих условиях Прикамье оставалось важным ресурсным регионом, и в IX вв. там продолжали выпадать клады куфического серебра и драгоценная восточная утварь (Маршак 2006; Даркевич 2010: табл. 52), однако, финно-угорское население Прикамья, находившееся на догосударственном уровне развития социально-политических институтов, не обладало потенциалом для должной централизации и интенсификации пушной добычи и не могло удовлетворить растущий пушной рынок Византии и Халифата. Для планомерного выкачивания ресурсов из южной тайги необходимо было государство с организованной системой контроля за потоками товара.

5.1.2. Норманны в Северном Приладожье: поиски путей на восток

Исследователи традиционно связывают с первыми проникновениями скандинавов в Ладожское озеро два погребальных комплекса из Северо-Западного Приладожья — в Нукутталахи и в Наскалинмяки

(Сакса 2010: 45–62; Казанский 2010а: 82). Их датировка соответственно VI и рубеж VIII/IX вв. Следы поселений третьей четверти I тыс. н. э. обнаружены в Приозерске (Сакса 1992: 185; Кирпичников, Сакса 2002: 137, рис. 2: 2) и в ряде других мест в северной части Карельского перешейка. Фрагментарный археологический материал дополняется данными спорово-пыльцевых диаграмм, указывающими на земледельческое освоение этого региона в третьей четверти I тыс. н. э. (Сакса 2006а: 63).

Как объясняется тяготение населения в этот период к Северо-Западному Приладожью? По мнению некоторых исследователей, на этом этапе освоения путей на восток, для проникновения в Ладожское озеро скандинавские торговцы предпочитали Вуоксинский путь (Сакса 2010: 42). Это представляется не вполне удобным — ведь безопасность и удобство короткой и полноводной Невы при путешествии на корабле несомненно по сравнению с извилистой и порожистой Вуоксой. Да и каботажное плавание по Ладожскому озеру до Свири и Волхова при использовании Невы короче и безопаснее. Противоречие можно объяснить тем, что первые контакты скандинавов с Приладожским регионом (обмен пушнины на западноевропейское оружие и товары) происходили именно в районе Выборгского залива, а дальше корабли скандинавов в VI — начале VIII в. не проникали. Еще одним объяснением недолгого первенства области севера Карельского перешейка в контактах между Скандинавией и Восточной Европой может быть существование каких-то сухопутных (зимних?) путей по северному побережью Финского залива. Во всяком случае, в римское время финское население, которое могло поддерживать такой путь, здесь существовало (Миеттинен 1997). Как только сфера устойчивых интересов западных купцов расширилась до Поволховья, они начали пользоваться Невским путем, о чем говорит один из кладов куфических монет, найденный на Васильевском острове (Санкт-Петербург).

5.1.3. Норманны в Курляндии, на Моонзунде и к западу от Чудского озера: освоение побережья

Самым крупным археологическим комплексом, связанным с начальным периодом скандинавской экспансии в Восточно-Балтийском регионе, является Гробиня (Латвия) близ западного побережья Курляндского полуострова (Kruse 1859; Šturms 1949; Nermaņ 1929, 1934, 1958; Петренко, Вирсе 1993; Petrenko 1991; Petrenko, Urtāns 1995; Андрощук 2004; Vogucki 2006; Virse, Ritums 2012; Virse 2017). Географическое расположение комплекса не несет в себе явно выраженной стратегической ценности. Поселения, составляющие его, расположены на небольшой речке (или даже ручье, впадающем в Лиепайское озеро) Аланде.

Устья магистральных водных путей, ведущих вглубь континента (Неман, Даугава, Вента), лежат далеко от Гробиня.

Археологический комплекс VII — середины IX в. включает несколько поселений и разнотипных могильников, часть которых принадлежала местному населению (рис. 1). Центр комплекса образует расположенное на правом берегу Аланде городище Скабаржжалнс с культурным слоем, превышающим по мощности 2 м (по результатам раскопок 2016–2017 гг.). Городище небольшое, с площадкой размерами всего 65–70 × 40–45 м при высоте современной площадки 4,5–5 м над поймой (Petrenko, Urtāns 1995: 15). Укрепление необычно для латвийских городищ/пилскалнсов своим очень низким (с учетом мощности слоя) расположением в пойме р. Аланде. Это позволяет сближать его по характеру с укрепленными торговыми центрами-гаванями, расположенными на низких прибрежных равнинах (вроде Трусо, Хедебю или Вестергарна). Пожалуй, этим сходство Гробиня с эмпориями и ограни-

чивается. Масштабы фортификаций известных эмпориев и небольшого Гробиня несопоставимы, да и судоходность Аланде во второй половине I тыс. н. э. находится под вопросом. К городищу выше по течению реки примыкает крупное неукрепленное поселение. Культурный слой имеется и на противоположном берегу реки близ городища.

В целом, Гробиня VII–IX вв. выглядит как агломерация открытых поселений, сконцентрированных вокруг небольшого укрепленного центра. Говорить о городском характере комплекса не приходится. Выходцам из Средней Швеции приписываются курганные могильники Приеденс (содержавший изначально не менее 2000 курганных насыпей) и Порани (около 50 курганов), в которых изучены погребения с выразительным скандинавским инвентарем. Готландцам, вероятно, принадлежал, расположенный прямо напротив городища грунтовый могильник Смукуми, первоначально содержавший, по подсчетам Б. Нермана, около 1000 захоронений. В округе Гроби-

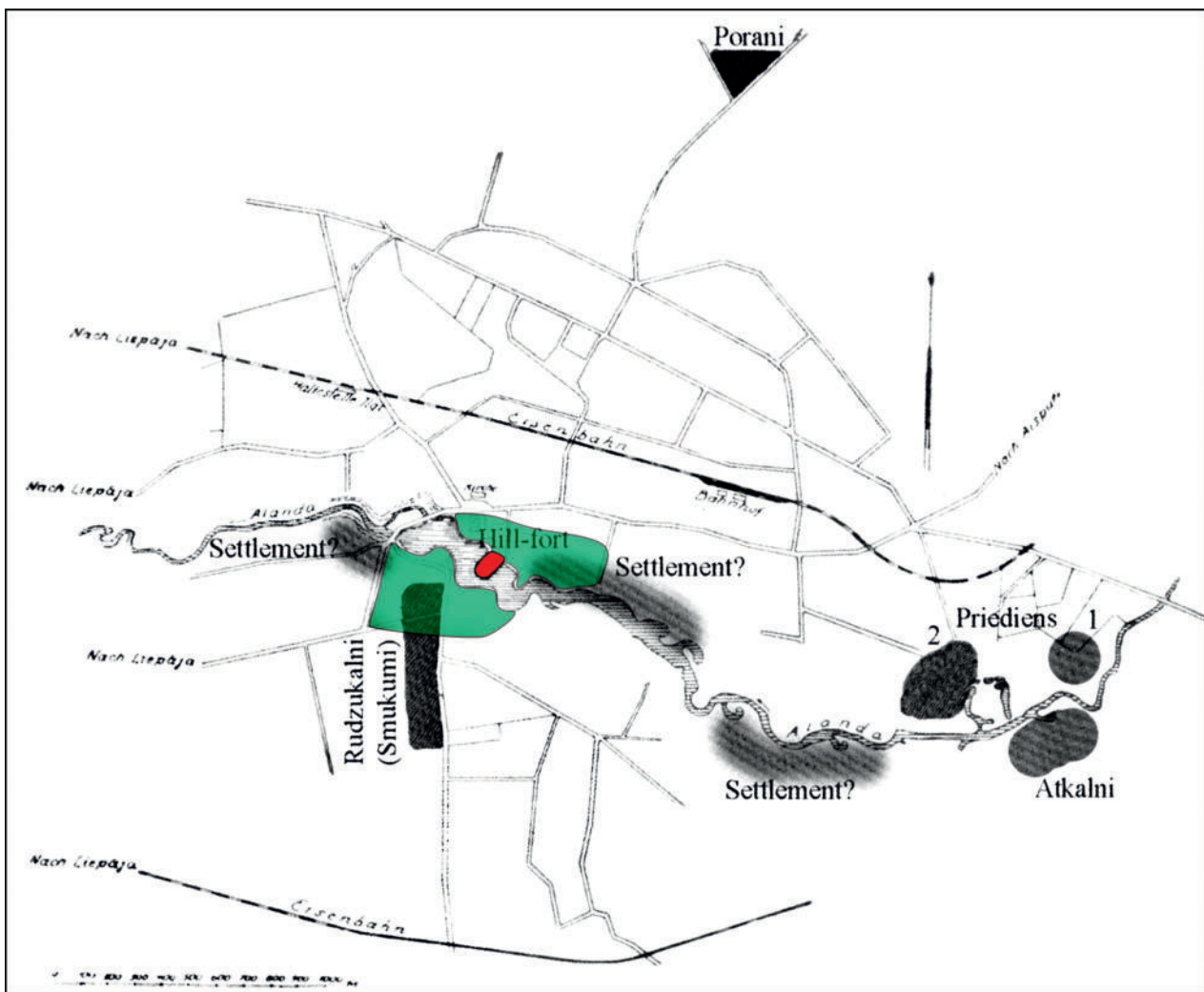

Рис. 1. Гробиня. Топографическая структура археологического памятника. Границы культурного слоя (заливка) по Virse 2017

ня известны и другие грунтовые могильники со скандинавскими находками: Дурбе, Гавиезе (Nerman 1929: 42–44, 69; Vogucki 2006: 99).

Исследователи 1920–1950-х гг. с германской прямотой писали о Гробиня как о шведской колонии, среди основателей которой преобладали воины и торговцы, во всех отношениях доминировавшие над местным балтским населением (Nerman 1934: 364, 369, 371; Arbman 1955: 11–12). С 1990-х гг. идеи германского культуртрегерства оставлены, и в научной литературе, напротив, стало принято подчеркивать роль куршей в формировании поселений Гробиньского микрорегиона еще с римского времени (Петренко, Вирсе 1993: 96–99; Petrenko, Urtāns 1995: 18; Vogucki 2006: 97). Действительно, количество исследованных памятников явно не скандинавского облика в округе Гробиня растет, и находки позволяют, например, говорить о том, что уже в VII в. здесь начинает складываться специфический ювелирный стиль, соединяющий элементы скандинавских и балтских традиций (Петренко, Вирсе 1993: 102). Структура археологического микрорегиона (небольшое городище с округой) по своему типу больше напоминает восточноевропейские (летто-литовские) селитебные формы, нежели среднешведские или готландские. Исследователи уже отмечали и нетипичность для Скандинавии больших по численности курганных могильников, подобных могильнику Приеденс. Конечно, не обязательно ждать от переселенцев (в условиях иноэтничного окружения, а не на пустующих землях, как в Исландии) воспроизведения селитебной структуры, стопроцентно идентичной той, которую они оставили на родине. Существование в Гробиня в VII–VIII вв. влиятельной шведской диаспоры, контролировавшей часть Курляндского полуострова, никоим образом не может быть поставлено под сомнение, так же как и пребывание в ней, наряду с готландцами, выходцев из Центральной Швеции. Ситуация, видимо, изменилась после середины IX в., когда Гробиня приходит в упадок, а за пределами Готланда перестают появляться памятники, которые можно связать с мигрантами с острова (Thunmark-Nylén 1992a: 156).

Важно подчеркнуть, что переселенцы из Центральной Швеции не привнесли на освоенную территорию традицию больших курганов, расцвет которой в Средней Швеции приходится как раз на вендельское время (преимущественно на VII в.). Для Швеции большой курган является частью аграрного ландшафта — свидетельством закрепления за родственным кланом его земельных прав. Отсутствие таких памятников в Гробиня ставит под сомнение традиционный характер сформированного здесь шведами общества, и склоняет к признанию за скандинавскими поселениями Гробиньского региона

особого статуса. Если земледелие играло заметную роль в жизни курляндских шведов, то речь может идти о каких-то иных, отличных от метрополии, формах земельного владения (коллективного?). В этом случае, актуальность идеи большого кургана отпадала.

Еще одним важным памятником в Курляндии, связанным со шведской экспансией, является городище Апуоле (Литва). Оно стоит на небольшой речке Луопа и вряд ли может быть сколько-нибудь крупным торговым центром и тем более «городом», как писал Б. Нерман (Nerman 1934: 367). К укреплению примыкает открытое поселение и грунтовый могильник. В раскопках 1931 г. на городище найдена бронзовая булава готландского типа, датирующаяся вендельским временем (VIII в., по Б. Нерману) (Nerman 1934: fig. 17) и множество скандинавских наконечников стрел, которые связывают с атаками викингов (Nerman 1934: 370–371; Zabiela 1997).

С морскими походами северных германцев связан могильник в Салме у основания полуострова Сырве-саэр на о. Сааремаа (Allmäe et al. 2011; Tvauri 2012: 275–277; Peets et al. 2013). Здесь открыты два массовых воинских захоронения в ладьях скандинавского типа — с клинкерным корпусом и железными заклепками. Многочисленное оружие и инвентарь позволяют видеть в погребенных выходцев из Центральной Швеции. Воинские погребальные комплексы из Салме иллюстрируют замечание П. Лиги о бедности о. Сааремаа археологическими памятниками вендельского времени и начала эпохи викингов вплоть до середины X в. и об отсутствии здесь монетных кладов, зарытых ранее этого времени (Ligi 1995: 39–43). Причину слабой заселенности Моонзунда и Рижского залива вслед за П. Лиги следует видеть в опасности пиратских набегов.

Далее к востоку, в береговой Эстонии, во второй половине I тыс. н. э. следы скандинавов достаточно многочисленны. С ними активно контактировали жители городища Иру на восточной окраине Таллина (Lang 1995, 1996), существовавшего с перерывами на протяжении всей второй половины I тыс. н. э. Из укрепления и близлежащего селища происходит ряд скандинавских вещей VIII–IX вв.: бронзовая фибула типа вальста (Lang 1995: fig. 9), миниатюрный односторонний наборный гребень первой группы, по О. И. Давидан, схожий с тем, который был найден в заполнении городней вала Рюрикова Городища 5 (Tvauri 2012: fig. 53: 1). Близ Иру располагается могильник Прооза, откуда происходит навершие меча и ряд украшений скандинавского типа, относящихся к V–VI вв. (Selirand, Deemant 1985; Мандель 1985: 82; Lang 1996: tahvel L). Находки на территории Эстонии мечей северогерманских типов их фрагментов и аксессуаров V–VI вв. попадают часто, как и скандина-

вские украшения этого времени (Мандель 1985: 82; Quast 2004: Abb. 21; 23; Казанский 2010а: 67). К более позднему времени относится комплекс неясного происхождения (вотивный клад?), найденный близ хутора Кунилепа (Kunilera, округ Juuru) в Центральной Эстонии (Tallgren 1924; 1925: 10–23, Abb. 39; 59). В комплекс, помимо многочисленных украшений, входили детали воинского снаряжения: бронзовая шпора, 5 мечей (2 из них с инкрустацией медной проволокой на перекрестии и навершии), 4 железных ножа, 21 наконечник копья, языковидное кресало. А. М. Тальгрэн, первый исследователь находки, отметил, что ювелирные изделия связаны с Литвой. Комплекс вооружения и кресало он отнес к скандинавским типам и датировал временем около 800 г., увидев в нем отражение скандинавской (шведской) экспансии на восток (Tallgren 1925: 12–14). Эта датировка принята и в настоящее время (Tvaugri 2012: 223).

В области, занятые населением, возводившим длинные курганы, норманны, очевидно, проникали редко. Скандинавских находок в длинных курганах нет. Единственным исключением является находка фрагментов наборного одностороннего гребня в погребении XI кургана № 6 могильника Рысна-Сааре I (Аун 2009: 256, 357). Уникальным примером, возможно, иллюстрирующим ранние контакты скандинавов в Восточном Причудье, является могильник у д. Лоисицы в бассейне р. Плюссы. В 1949 г. С. А. Тараканова раскопала здесь удлиненный курган (13×9×1,5 м), имевший по периметру обкладку из валунов и плитняка высотой до 50 см с проходом в южной части насыпи. В центре кургана расчищена мощная пирамидальная валунная кладка размерами 2,0×2,5 м. Между камнями встречались угольки. Под кладкой обнаружено основное погребение — безынвентарное трупосожжение на месте (№ 8) на кострище размером 1,5×2,0 м. В разных местах насыпи обнаружено еще 7 небольших скоплений кальцинированных костей; были ли это отдельные впускные погребения — неясно (Тараканова А-1949: л. 49–51; Седов 1974: 18, табл. 15: 2). Каменные конструкции кургана имеют близкие параллели в Швеции и в ладожских сопках.

5.1.4. Норманны на Даугаве: несостоявшаяся конкуренция Поволховью

С середины I тыс. н. э. и вплоть до возникновения Полоцка около 950 г. Западнодвинский водный путь не играл существенной роли в экономике Восточной Европы (Казанский 2012; Еремеев 2015). Причиной этого следует, видимо, считать расселение около середины I тыс. н. э. на Западной Двине выше района Браслава славянского населения (носителей культурных традиций типа Заозерье–Узмень, как усвоивших уже курганный обряд погребения, так и не принявших его) и формирование славяно-латгальского по-

граничья (Плавинский 2010; Лопатин 2018: рис. 1). Наиболее выразительным археологическим комплексом круга древностей Заозерье–Узмень здесь является не учтенное в вышеупомянутой работе Н. В. Лопатина городище и селище Зазоны (Поболь 1983: 127 (п. 40); Егорейченко 1996, 2011; Археалогія Беларусі 2009: 349, 350).

Показателем того, что в экономической жизни Балтийского региона в VIII — начале X в. значение Западной Двины было второстепенным, является характер присутствия там скандинавов. В Днепродвинское междуречье они проникают во второй половине IX в. с севера, с Ильменя. О сравнительно ранней (не позднее второй половины–конца IX в.) дате появления норманнов в Витебске и в области к востоку от него говорят единичные находки украшений с элементами стиля «хватаящий зверь» (Городок на Вопи) и некоторые другие свидетельства (Еремеев 2005; Еремеев, Дзюба 2010: 496–505; Callmer 2013: 60–62). Ранняя дата появления варягов в районе Витебска объясняется, видимо, их стремлением контролировать один из путей поступления куфического серебра на север — с верховьев Днепра к истокам Западной Двины и далее — в Приильменье (Noonan 1998:343). Этот путь установился, как мы можем заключить по датировке хорошо изученного клада из Добрино под Витебском (Ряцевич 1998: 69–70), примерно в 840-х гг.

В устье Даугавы и в ключевом для речной торговли районе Румбальских порогов скандинавы появляются, судя по отдельным находкам северных украшений, не позднее, чем в Поволховье. В районе Даугмале (точнее — близ местечка Дюнхоф, Dunhof, Kreis Bauske) в 1837 г. была случайно найдена овальная скандинавская фибула типа P1, украшенная циркульным орнаментом (Nerman 1929: 38, fig. 37; Jansson 1992: 67). Еще одна фибула типа P1, но без орнамента, найдена на острове Доле на поселении Долес Рауши (в пахоте) в раскопках Э. Шноре 1971 г. (Spirģis 2008: 49–50; Спиргис 2009: 14–16). Б. Нерман датировал находку из Дюнхоф VII в. (Nerman 1929: 39). Позднее хронология этих украшений была пересмотрена, и они были отнесены к VIII в. (Arwidsson 1942: 40–50), что подтверждается дальнейшими исследованиями (Langhammer 2007: 145). Маленькая овальная неорнаментированная фибула найдена в древнейшем горизонте Старой Ладоги (Давидан 1994: рис. 1: 20). С учетом староладожской фибулы дату бытования этих украшений к востоку от Балтийского моря действительно следует поднять до конца вендельского времени. О попытках скандинавских дружин контролировать Рижский залив уже в поздневендельское время (в начале VIII в.?) свидетельствуют и вышеупомянутые погребения воинов в ладье в Салме у основания полуострова Сырвесаэр на о. Сааремаа

(Tvauri 2012: 275–277; Peets et al. 2013). Уже к середине VIII в., таким образом, встал вопрос: где и когда в Восточной Европе соприкоснутся две стремящиеся навстречу друг другу стихии, северогерманская (скандинавская) и восточнославянская, — на Неве и Волхове или на Западной Двине–Даугаве?

Единичные скандинавские находки, происходящие с территории Белоруссии, в частности из Полоцка, до середины X в. по качеству и количеству незначительны, за редкими исключениями, датируются X–XI вв. и представлены в значительной своей части оружием (Дернович 2006: карты 1–6). Вероятно, самую раннюю дату (начало 890-х гг.) проникновения норманнов на эти земли дает Брилевский комплекс (возможно, жертвоприношение) с верховьев Березины, содержащий, наряду с куфическими монетами и мечом каролингского типа, серебряный спиральный браслет, имеющий многочисленные параллели в кладках Северной Европы (Рабцэвіч, Плавінскі, Іоў 2011). Богатый комплекс скандинавских находок из недавно исследованного на Двине под Витебском поселения Кордон (Кенько, Дернович 2019; Шадыро, Кенько 2019; Левко 2018; Левко и др. 2019) также относится к X в. Редкая ранняя находка — равноплечная скандинавская фибула раннего типа с городища Масковичи (Callmer 2013: 58–59), к сожалению, не имеет контекста.

Скандинавские находки IX в. (в первую очередь, женские украшения) в археологических комплексах известны в низовьях Даугавы (Jansson 1992: 67, 76). По мнению Р. Спиргиса, находки овальных скандинавских фибул, характерных для этого времени, в могильниках Даугавы лежат в составе погребального инвентаря, относящегося ко времени не ранее X в. (Спиргис 2009: 17). Когда-то на основании этих материалов исследователи склонны были искать здесь шведские колонии (Nerman 1934: 376). Сейчас авторы обычно подчеркивают немногочисленность свидетельств пребывания норманнов (Messal 2001: 77; Radiņš 2006: 85; Радиньш 2010: 282). Как бы там ни было, скандинавы, конечно, появлялись здесь в IX столетии, разбойничали на берегах Даугавы и, вероятно, собирали дань.

В Саге об Олаве Святом упоминается Эйрик, конунг Упсалы, который «подчинил себе Финнланд, Кирьяланд, Эйстланд, Курланди многие земли на востоке» (Снорри Стурлусон 1980: 219). Время правления Эйрика относят к 850-м — началу 880-х гг. (Брим 2002: 234; Джаксон 1991: 125). Если за сообщением стоит историческая реальность, не могли избежать набегов Эйрика и берега Даугавы. В Саге о Хрольве Пешеходе фигурирует конунг Хреггвид (старший современник Хрольва). Он «много воевал и подчинил себе земли по реке Дюне, которая течет в Гардарики» (Пряди истории 2008: 15). Сам Хрольв Пешеход, историче-

ским прототипом которого послужил, как считается, конунг Хрольв/Роллон, живший в конце IX — начале X в., согласно саге, также занимался грабежами вдоль реки Дюны (Пряди истории 2008: 89). Возможно, свидетельством этих событий является найденный еще в XIX столетии в Айзкраукле (Ашерадене) каролингский меч «особого типа 2», по Я. Петерсену, или типа «Манхайм», по Г. Янкуну (Kruse 1859: tab. 5: 2; Nerman 1929: 68–69; Мугуревич 1965: 98). Мечи этой группы по археологическим и изобразительным источникам датируются серединой VIII — концом IX в. (Petersen 1919: 85–86; Nerman 1929: 69; Петерсен 2005: 121; Андрощук 2013: 157–161).

Но скандинавских опорных пунктов, подобных Старой Ладоге или Рюрикову Городищу, на Даугаве вплоть до начала X в. не возникло. По крайней мере археологами они до сих пор не зафиксированы, несмотря на масштабные раскопки поселений. Показательно, что немногочисленные североевропейские находки VIII–IX вв. с территории Латвии группируются только в западной части латвийского течения реки. Латгалы, жившие в основной своей массе выше по течению и непосредственно соседствовавшие со славянами, с норманнами в этот период, видимо, почти не контактировали (Мугуревич 1965: 84). Скандинавские находки в Селонии, к югу от Даугавы, также незначительны (The Selonians 2007: 246).

Латгалы занимали обширные области по правому берегу Даугавы и контролировали в интересующее нас время не менее 2/3 ее течения за пределами освоенных кривичами берегов (Седов 1987: 362; Радиньш 2001: 65–66). На территории латгалов плотность городищ на единицу площади максимальна для бассейна Даугавы (Sietinsone 2006: fig. 5). Изобилие вооружения в погребениях говорит о высокой степени милитаризации общества. Видимо, именно предки латгалов и селов (последние русским летописям вовсе неизвестны и впервые упомянуты только в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского, написанной в XIII в.) и создавали на протяжении VIII — начала X в. тот барьер, который препятствовал превращению Западной Двины–Даугавы в международную торговую артерию, подобную Волховско-Невскому пути.

Элементы этого барьера можно, вероятно, видеть в системе городищ, расположенных на берегах Западной Двины между восточной границей Латгалии и Рижским заливом. Всего на этом отрезке насчитывается до 40 приречных укреплений, образующих ряд скоплений, самое восточное из которых (шесть городков) располагается на небольшом отрезке между Краславой и Даугавпилсом, как бы запирая въезд в Латгалию (Brastiņš 1928; Balodis 1929; Urtāns 1993; 1994: 25–26; 1995: 4). Ничего подобного мы не знаем в Кривичском Подвинье, где городища, как правило, удалены от Западной Двины на небольшие притоки.

В поречье же выдвинуты там лишь отдельные городки (Полоцк, Кордон, Старое Село, Витебск, Сураж, Велижи несколько других). Идея о концентрации городищ в Латгалии в связи с возникшей в VII в. славянской угрозой, переросшей со временем в угрозу, исходившую от древнерусских земель (в первую голову от Полоцка), принадлежит, как известно, Ф. Балодису (Balodis 1929: 294; 1942: 50–51). Гипотеза кажется здоровой. Стоит обратить внимание и на подмеченное латвийскими исследователями отсутствие (за небольшим исключением) привозных товаров в археологических комплексах низовьев Даугавы, датирующихся VIII–IX вв. (Мугуревич 1965: 98; Radiņš 2006: 85; Радиньш 2010: 282). Подобное свойство имеет и культурный слой древнего Полоцка, крайне бедный импортными изделиями вплоть до середины X в. Все это говорит об отсутствии масштабного (или транзитного, в общеевропейских масштабах) товарообмена по Даугаве–Западной Двине.

Необходимо упомянуть о характерной группе импортных вещей из могильников Нижнего Подвинья, а именно — об односторонних гребнях скандинавского типа. В эпоху викингов сложносоставные гребни были одним из самых распространенных предметов импорта из Скандинавии, а также изготавливались в ведущих торгово-ремесленных центрах Восточной Европы по скандинавским образцам. Давно установлено, что односторонние гребни в общих чертах делятся на две хронологические группы (Давидан 1962; 1999). Группа 1, по О. И. Давидан, характерна преимущественно для VIII — первой половины X в. Гребни этой группы представлены во всех регионах Северной и Центральной Руси, где до середины X в. присутствовали или торговали скандинавы, — в Изборске (Седов 2007: рис. 81: 3; 83), Пскове (Белецкий 1980: рис. 6: 30, 31; Кондратьева, Белецкий 2002: рис. 1, 2) и в Камно (Тараканова 1956: рис. 21), Старой Ладоге (Давидан 1999: рис. 1; Davidan 1992: Abb.13–16), на Рюриковом Городище (Носов 1990: рис. 28: 1, 29: 1, 45: 11; Меч и златник 2012: кат. 152) и в Новгороде (Путь из варяг в греки 1996: кат. 107), в Витебске (Бубенько 2004: рис. 95: 1, 7) и Гнёздове (Пушкина 1993: рис. 1: 4, 5; Гнёздово сквозь века 2006), в смоленских длинных курганах (Шмидт 2012: рис. 9: 11, 12, 15; 2013: рис. 22: 3), на Сарском городище (Леонтьев 2012: рис. 5: 14) и в Костромском Поволжье (Ryabinin 1992: fig. 2: 1). Есть эти находки и в Эстонии — на городищах Иру (Tvauri 2012: 91, fig. 53: 1) и Рьуге (Аун 1992: табл. XXIV: 7).

Расчески второй группы, массово появляясь в Скандинавии, Прибалтике и на Руси в X в., продолжают, видоизменяясь, бытовать в XI в. Гребням из могильников Даугавы посвящены специальные работы С. Тилко (Tilko 2006; 2011). Как видно из этих исследований, гребни раннего облика первой группы пол-

ностью отсутствуют в погребениях по течению Даугавы. Это говорит, видимо, о том, что ввоз односторонних гребней и мода на них охватили Нижнее Подвинье в то время, когда в Балтийском регионе произошло полное «вымывание» гребней первой группы из обихода, т. е. не ранее середины X в. Ту же картину дадут нам гребни из Полоцка. Кроме норманнов еще одной своеобразной группой населения, активно участвовавшей в трансевропейской торговле в VIII — первой половине X в., были выходцы из Хазарского каганата. Салтовская археологическая культура, связанная с каганатом, оставила заметные следы в древностях Приильменя и Поволховья, в Киевском и Смоленском Поднепровье (см., например, Нефёдов 2002: рис. 5). На территории Белоруссии предметы импорта из салтовского культурного ареала почти отсутствуют (автору известны несколько случайных находок).

5.2. Аграрная концепция скандинавской колонизации: постановка вопроса

В одну руку он взял лукошко с зерном, в другую — меч, пошел на поле, огороженное изгородью, и стал сеять.

*Сага о Ньяле*³

Предпосылки зарождения древнерусского государства связаны с экономическим подъемом Восточно-Балтийского региона в конце VIII — X в., когда масса куфической монеты хлынула сюда через Каспий, Северный Кавказ и Северное Приазовье. Этому сопутствовал ввоз огромного количества бус, преимущественно стеклянных. В некоторых регионах бусы, видимо, использовались наравне с монетой. Поток монетного серебра отложил многочисленные клады и отдельные находки на поселениях, вблизи их и просто на лесных тропах или корабельных стоянках. Два древнейших скопления ранних кладов за пределами Руси находятся на о. Готланд и в Средней Швеции⁴. Что служило материальным эквивалентом этой монетной массы и почему ее след замыкается на двух вышеупомянутых регионах Восточной Скандинавии? Возможны два варианта ответа. Серебро может быть как добычей военных походов и даннических поездок викингов в Восточную Европу, так и выручкой от их участия в транзитных торговых операциях. В любом случае, налицо связь двух областей Швеции с Восточно-Балтийским регионом, причем с его наиболее удаленной от этих областей

³ Исландские саги 1956: 631.

⁴ Есть и третье скопление — в Пруссии, куда дирхемы попадали посредством севев и особенно готландцев, имевших давние связи с Южной Прибалтикой и даже основавших здесь колонии.

частью. В исторической литературе о Восточной Европе преобладает образ скандинава как находника, «легко меняющего весы купца на меч воина» (Перхавко 2012: 66–67). Но так ли легко было норманну на востоке сменить личину? Мог ли персонаж со столь сомнительной репутацией добиваться экономических и политических успехов в иноэтничной среде, не имея опоры в лице устойчивых селитебных анклавов соплеменников-земледельцев? Иными словами, не следует ли к весам и мечу добавить еще двор и рало?

«Менее ясны пути и средства политического влияния варягов», — написал когда-то А. А. Шахматов про норманнов русского Сказания (Шахматов 1919: 54). Средств политического влияния у викингов в лесах, действительно, было недостаточно, а доверия еще меньше. Викингам не доверяли нигде. История этого недоверия начинается с известных злоключений свеонов-росов при дворе Людовика Благочестивого в Ингельгейме в 839 г. и продолжается далее в жесткой регламентации их поведения в Константинополе в русско-византийских договорах X в. Да и на Руси варягов не всегда жаловали. К ним относились с подозрением люди самых разных сословий — от князя Владимира и его сына Мстислава до простых новгородцев. Эта двойственность отношения к выходцам с севера хорошо слышна в ПВЛ⁵. Действительно, европейские источники дают довольно много известий о вероломных нападениях норманнов, притворяющихся торговцами, на прибрежных жителей. Подобный же сюжет, заимствованный, похоже, из какой-то саги, содержит и известие ПВЛ о захвате Киева войском Олега. Надо, однако, учитывать разницу между тактической военной хитростью и политико-экономической практикой.

«Стратегикон» (военный трактат, приписываемый императору Маврикию, 582–602 гг.) объясняет, что, по мнению византийских профессиональных военных, требовалось, чтобы захватить полон и прочую добычу на землях славян. В трактате содержатся развернутые рекомендации по организации грабительского похода по земледельческим регионам в лесисто-болотистой местности Дунайского левобережья (Свод 1994: 369–381). Отметим следующие указания для войска, насчитывающего несколько тысяч солдат:

- Необходим отвлекающий маневр частью войска, чтобы не дать врагу объединиться в один кулак. Подчеркивается опасность от промедления, давшего такую возможность.

- Поход должен быть организован в зимнее время, когда невозможно укрыться в лесах. Бегство в лес

и нападение оттуда как излюбленные тактические приемы славян постоянно упоминаются в трактате.

- При необходимости по пути следования войск с добычей лес вырубается.

- При стоянках необходимо размещать войска вдаль от леса в укрепленном лагере.

- Нападение осуществляется стремительно по двум направлениям с охватом территории на 20 миль (дневной переход конницы).

- Из войска выделяются группы, занимающиеся грабежом, пока мобильная часть войска продвигается вперед, охватывая населенный регион.

- Все оказывающее сопротивление население уничтожаются.

Картина, нарисованная императором, указывает на то, что славяне в своем привычном ландшафте представляли грозную силу, в первую очередь, очевидно, за счет особенностей социальной организации. Сложно сказать, способны ли были норманны в Восточной Европе в VIII–X вв. организовать что-то, хоть отдаленно напоминающее это, весьма небезопасное даже для византийской регулярной армии, военное предприятие. Были ли словене новгородские, кривичи и дреговичи, обитавшие между Припятью и Волховом, столь же воинственны и организованы как склавины, дреговичи и кривичи, завоевавшие Македонию⁶? Археологические данные указывают на единый тип хозяйства и социальной организации раннесредневекового славянского мира. Оснований для того, чтобы говорить о социальной, хозяйственной или военной отсталости северо-восточных славян по сравнению со склавами Маврикия, у нас нет⁷.

На Руси, в малообжитой сельской местности, вдаль от моря, на тропах по берегам лесных рек скандинавам, несомненно, приходилось выбирать — разбой или торговля. Вряд ли обитавшее в лесах земледельческое население позволяло пришельцам бесконтрольно перемещаться по своей территории, свободно манипулируя весами и мечом⁸. Уместно вспомнить известие «Стратегикона» об отношении славян к гостям:

⁶ Эти этнонимы в Средневековье, как известно, фиксируются письменными источниками как на Балканах, так и в Восточной Европе.

⁷ Г. Г. Литаврин писал об этом историческом подходе: «...каждое драгоценное свидетельство о древних славянах следует, по-видимому, рассматривать в качестве фиксации определенного элемента всей системы» (Литаврин 2001: 527).

⁸ В самой Скандинавии торговля была существенно ограничена властью местных правителей. Об этом повествуют, например, пряди о Торлейве Ярловом Скальде, о Торстейне сыне Халля с Побережья, о Халли Челноке и др. (Исландские пряди 2017: 12, 13, 331, 395).

⁵ См. известия от 6488/980, 6523/1015, 6532/1024 гг.

«К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него священным долгом» (Strategikon. 372. 8–12, Свод 1994: 369).

Отрывок повествует не только о первобытных законах гостеприимства, но и о наличии у славян ритуализированной системы контроля за иноплеменниками, проникшими на территорию группы. Такие системы, призванные обезопасить социум от вредоносных «чужаков», многократно описаны этнологами у разных народов мира. Именно как проявление подобной системы контроля в Поволжье следует расценивать многократно обсужденное учеными известие об остановке в Ладоге норвежцев в 1034 г. и посылку ими нарочного в Хольмгард за разрешением двигаться далее (Снорри Стурлусон 1980: 378; Стальсберг 2015: 37, 38).

Представляется, что славянские земли в бассейне Ильменя и Западной Двины, не говоря уже о более удаленных от Варяжского моря территориях, были мало уязвимы для набегов викингов. Исключение составлял лишь один регион — Нижнее Поволжье со Старой Ладогой. Специфика географии Восточно-Балтийского региона такова, что проникнуть на Ильмень внезапно морские дружины не могли. Появление кораблей в устье Невы не могло пройти незамеченным. Следовавший за тем путь по Неве с ее быстрым течением и Ладожскому озеру, Волховские пороги — все это сводило на нет фактор внезапности. Оставив корабли (охрана которых требовала значительного воинского контингента и ресурсов), дружине норманнов пришлось бы, терпя лишения, бродить по лесам от поселения к поселению, не поспевая за убегающим в лес населением. Пример такого военного предприятия в лесной области красочно описан в Саге об Олаве Святом:

«Потом Олав конунг поплыл назад в Страну Финнов, высадился на берег и начал разорять селения. Все финны убежали в леса и увели с собой весь скот. Конунг двинулся тогда вглубь страны через леса. Там было несколько поселений в долинах, которые называются Хердалар. Они захватили там скотину, какая была, но из людей никого не нашли. День клонился к вечеру, и конунг повернул обратно к кораблям. Когда они вошли в лес, со всех сторон появились люди, они стреляли в них из луков и теснили их. Конунг велел закрыть его щитами и обороняться, но это было нелегко, так как финны прятались в лесу. Прежде чем конунг вышел из леса, он потерял многих людей, а многие были ранены. Конунг вернулся к кораблям вечером» (Снорри Стурлусон 1980: 170).

Армия викингов, подобная тем, что действовали в Европе по нескольку лет, конечно, могла решить некоторые военные задачи, но весьма сомнительно, чтобы она могла собраться для действий и прокормить себя в восточноевропейских лесах. Та же проблема вставала бы перед скандинавскими пиратами, попробуй они совершить грабительский поход вверх по порожистой Западной Двине. Конечно, такие попытки имели место, но вряд ли являли постоянную практику, ведущую к прочной политической зависимости.

Спорно предположение, что воин, только что с риском для жизни добывший в сражении рабов, отправился бы после этого закупать меха и снаряжать моносилы для похода на Каспий, в Херсонес или Константинополь. Военный набег и весенне-летние предприятия *росов* (такие, какими мы их знаем по трактату Константина VII Багрянородного) требуют совершенно разной логистики. И еще более фантастическим выглядит предположение, что после разбойных набегов на славян *росам* было бы позволено строить на их земле, в лесах верхней Волги и верховьев Днепра, флот, спускать его на воду, проходить многочисленные лесные пороги и выходить на большую воду, ведущую в Каспийское и Черное моря.

Тем не менее, исторические источники (Бертинские анналы, труд Константина VII, Повесть временных лет, некоторые сочинения восточных авторов) в совокупности указывают на то, что какая-то система контроля над Восточно-Балтийским регионом в IX в. была скандинавами установлена. Безусловно, сделать это было проще, имея здесь опору в виде постоянной системы земледельческих поселений. Такая система позволяла бы накапливать военные силы и ресурсы, меньше зависеть от кораблей и их стоянок. А главное, она позволяла бы совершать походы в зимнее время — тогда, когда лес не дает земледельцам необходимого убежища. Речь идет не только о крупных поселениях вроде Гнёздова или Рюрикова Городища, но и о небольших селениях или даже усадьбах, включенных в систему коммуникаций. Чтобы проверить это предположение, надо попробовать отыскать в Восточной Европе, в частности, в Ильмень-Волховском регионе, следы варяжской сельской колонизации или иммиграции земледельческого населения.

Подобная постановка вопроса не нова. Впервые о существовании в Прибалтике и на Руси до призвания варягов оседлых скандинавов-колонистов писал, как известно еще В. Томсен (Томсен 1891). Периодически эта тема звучит в трудах исследователей (Шахматов 1919: 54; Arbman 1955: 43; Jansson 1997; The Curonians 2009: 220; Стальсберг 2015). Ответ на этот вопрос лежит в первую очередь в демографических, хозяйственных и географических реалиях самой Скандинавии второй половины I тыс. н. э.

Археологические исследования показали, что особенно тесная связь с Восточной Европой установилась в эпоху викингов у населения Средней Швеции и о. Готланд. Коротко охарактеризуем раннесредневековую историческую географию этих регионов. При этом основными источниками будут служить данные спорово-пыльцевых диаграмм о ландшафтной динамике и составе возделываемых культур, карпологиические материалы из раскопок поселений, а также находки земледельческих орудий.

5.2.1. Динамика ландшафтов и история земледелия в Средней Швеции во второй половине I тыс. н. э. по данным древних спорово-пыльцевых спектров

Палинологические исследования, направленные на изучение антропогенной динамики ландшафтов в железном веке и Средневековье, проводились во многих районах Швеции (Engelmark 1978; Regnéll 1989; Segerström 1990; Berglund 1991; Wallin 1996; Björckman 2001). Для нас важное значение имеют материалы, полученные в результате палеоботанического изучения Средней Швеции, в провинциях Упланд, Вестманланд, Нерке, Эстерётланд, Сёдерманланд (Uppland, Västmanland, Närke, Östergötland, Södermanland), где расположены наиболее подробно изученные раннесредневековые археологические комплексы (Widgren 1983; Miller, Hedin 1988; Almgist-Jacobson 1994; Robertsson, Karlsson, Helm 1995; Karlsson, Robertsson 1997; Eriksson 1999; Karlsson 1999).

Начало земледельческой деятельности в Средней Швеции и на прилегающих территориях, прослеживаемое по данным спорово-пыльцевого анализа (СПА), относится к эпохе неолита и связано с культивацией ячменя и пшеницы (Florin 1958: 231, 235, 239, 242). Начиная с эпохи бронзы (около 3000 л. н.) отмечается выращивание льна (Karlsson et al. 1995: 325). С римского времени и на протяжении всего I тыс. н. э. в районе оз. Меларен и на прилегающих территориях фиксируются следы культивации конопли (Fries 1962; Pålsson 1981; Miller, Hedin 1988: 38). Соседние области Швеции дают и более ранние датировки начала выращивания конопли (вплоть до 2500 л. н.) (Björck, Häkansson, Antonsson 1995: 342, 343).

В римское время и в эпоху переселения народов (первая половина I тыс. н. э.) интенсивность сельскохозяйственного освоения областей Средней Швеции заметно возрастает. Обширные территории очищаются от леса. В озерных и болотных отложениях, датирующихся этим временем, фиксируются следы использования огня для расчистки пахотного пространства (Miller, Hedin 1988: 67, 68). На протяжении всего I тыс. н. э. основными выращиваемым в Средней Швеции и на сопредельных территориях хлеб-

ными злаками оставались ячмень, пшеница и овес (Robertsson, Karlsson, Helm 1995: 286; Eriksson 1999: 28; Karlsson 1999: 19, 20). Первые пыльцевые зерна ржи спорадически появляются в спектрах в различных районах Средней Швеции то начиная с эпохи раннего железа (Widgren 1983: 91), то с римского времени (Almgist-Jacobson 1994: 56) или эпохи переселения народов (Eriksson 1999: 28, 31)⁹. Незначительно количество пыльцы ржи на всех этих ранних отрезках диаграмм указывает на отсутствие ее целенаправленной культивации. Все это время продолжается выращивание льна (Pålsson 1981: 80).

Палеоботанические свидетельства о ландшафтной динамике Меларского региона в последующее время, в эпоху викингов, суммированы в ряде статей (Karlsson, Robertsson 1997; Karlsson 1999; Pedersen, Widgren 2011). Именно в IX–XI вв. отмечен особенно резкий рост интенсивности антропогенного воздействия на ландшафты оз. Меларен. Растут открытые пространства, что выражается на диаграммах ростом кривых можжевельника. В спектрах увеличивается количество пыльцы злаков: пшеницы, ячменя, овса. Впервые появляются свидетельства целенаправленной культивации ржи (Karlsson, Robertsson 1997: 66). В составе лесной растительности происходят заметные изменения, главным из которых является повсеместное угнетение широколиственных пород. Практически во всех пыльцевых диаграммах из района Средней Швеции резко уменьшается кривая дуба и лещины¹⁰. Возрастает роль ели и сосны, постепенно занимающих, по-видимому, пространства, очищенные человеком от широколиственных пород деревьев (Karlsson 1999: 17). Вопрос о природе раннесредневекового максимума хвойных пород трактуется исследователями по-разному, в частности, и как результат упадка сельского хозяйства (Engelmark, Wallin 1985: 365). На фоне роста в позднем железном веке в районе Средней Швеции числа поселений более вероятной кажется связь экспансии сосны и ели с распространением экстенсивных форм земледелия. Рост численности населения приводил к необходимости освоения новых земельных участков, удобрения для которых не хватало. Это вело

⁹ Радиоуглеродные даты появления пыльцы ржи в спектрах окрестностей Упсалы — 1675±75; 1530±75 BP (Eriksson 1999: 30)

¹⁰ Некоторые исследователи связывают уничтожение дубрав с ростом судостроения и с рубкой дуба для строительных нужд (причалы и фортификационные сооружения) (Karlsson, Robertsson 1997: 59, 66), но более вероятно сведение дубрав при расчистке земледельческих угодий. Отметим, что вместе с дубом из пыльцевых спектров исчезает и лещина, произрастающая в сходных с ним почвенных условиях (на глинистых почвах) (Karlsson 1999: 20), а также липа и вяз (Karlsson 1999: 17).

к быстрому выводу из сельскохозяйственного оборота вновь расчищенных участков и поиску новых угодий. На заброшенных же пашнях широколиственные породы замещались елью и сосной.

На вопросе о культивации ржи в Средней Швеции в эпоху викингов следует остановиться подробнее. Начало роста кривых ржи зафиксировано в это время на диаграммах во множестве пунктов Меларского региона — в Борсёкнашён (Borsöknašjön) и Тэкторпшён (Tacktorpssjön); Фатбуршён (Fatburssjön); Шуе Риддаре Треск (Sju Riddares Träsk, Болото Семи Рыцарей); Ольдпуссен (Äldpussen), Россберга (Rössberga) (Karlsson, Robertsson 1997), в Упсале, где в пыльцевом спектре начала эпохи викингов зафиксирован василек (Eriksson 1999: 32) — специфический сорняк ржи. При этом сравнительно незначительное количество пыльцевых зерен ржи в большинстве спектров (Karlsson, Robertsson 1997: 66) позволяет считать, что она не имела в Средней Швеции в VIII–X вв. самостоятельного места в составе культивируемых злаков, а высевалась в небольших количествах в смеси с другими культурами, то есть отчасти выступала еще в роли сорняка.

Эта особенность набора хлебных злаков отличает область Средней Швеции (и более северных территорий) от Южной Швеции, где экспансия ржи в пыльцевых спектрах начинается в более раннее время, чем эпоха викингов (Berglund 1991; Pedersen, Widgren 2011: 63). Материалы СПА привели палеогеографов к выводу, что начало культивации ржи районе оз. Меларен и на прилегающих территориях относится ко времени около 1000 л. н. (Robertsson, Karlsson, Helm 1995: 287; 293).

Картина сельскохозяйственного освоения Северной Швеции во второй половине I тыс. н. э. имеет свои особенности. По-видимому, теплолюбивая пшеница не культивировалась на севере вовсе или же выращивалась в незначительных количествах и не нашла отражения в изученных озерных отложениях. Исследования, проводившиеся в южной части провинции Онгерманланд (Ångermanland), выявили, что пыльца ржи появляется в спектрах около рубежа н. э. и возрастает в числе после 500 г. (Wallin 1996: 304, 305). Начало же самостоятельной культивации ржи, отмеченное резким ростом количества пыльцы в спектрах, относится, так же, как и в Средней Швеции, к периоду около 1000 г. (Wallin 1996: 304). Шведские пыльцевые спектры I тыс. н. э. указывают на постепенное вхождение ржи в состав целенаправленно культивируемых злаков. До этого ведущее место принадлежало ячменю (Wallin 1996: 308).

Нужно отметить, что датировки пыльцевых спектров в диаграммах немногочисленны и достаточно условны (палеогеографы обычно оперируют понятием «эпоха викингов»), а при решении стоящих перед

нами исторических проблем датирование того или иного периода в развитии земледелия концом VIII, IX или X столетием принципиально важно. Сами по себе спорово-пыльцевые диаграммы пока не дают возможности для таких узких датировок. Дать более точную привязку спорово-пыльцевых данных к абсолютной хронологии помогают исследования растительных макроостатков из культурных слоев поселений.

5.2.2. Данные карпологии о земледелии в Средней Швеции во второй половине I тыс. н. э.

Детальную картину древнего земледелия дает изучение растительных макроостатков из культурных слоев, давно ставшее в Швеции составной частью полевых региональных археологических исследований (Helbaek 1955; Engelmark 1981; Wennberg 1986; Hansson 1995; 1997a; Ramqvist 1992; 1998). Несколько работ посвящены изучению растительных макроостатков, обнаруженных в погребениях (Hansson 1997b; Hansson, Bergström 2002).

Данных по Средней Швеции эпохи викингов еще сравнительно немного — карпологические материалы получены при раскопках раннесредневековых поселений в Санда (Sanda), Гёрла (Görla), Шеггеста (Skäggesta) и при исследованиях в Бирке (Karlsson, Robertsson 1997: 51). Только лишь на материалах этих поселений затруднительно получить представительную картину для всего региона. Поэтому в дальнейшем уместно будет обратиться к материалам некоторых соседних областей, в первую очередь расположенных к северу от Меларского региона.

Сначала все же упомяну о результатах исследований в Упланде. На перечисленных выше четырех изученных здесь поселениях доля ржи (Secale) среди определенных зерновок злаков составляет от 0,3% (Sanda) до 7% (Birka) (Karlsson, Robertsson 1997: 51). Главное же место в наборе культивируемых злаков принадлежит ячменю (Hordeum) — от 37% (Birka) до 78,3% (Skäggesta), пшенице (Triticum) — от 19,6% (Skäggesta) до 47,9% (Sanda) и овсу (Avena) — от 0,7% (Görla) до 15% (Birka) (Karlsson, Robertsson 1997: 51). При подобной пропорции ржи речь о ее целенаправленной культивации идти еще не может.

Исследования растительных макроостатков на поселениях Северной Швеции дали картину, аналогичную той, которую рисуют пыльцевые спектры. В провинции Хельсингланд (Hälsingland) небольшое количество зерен ржи (1%) при ведущей роли ячменя (83%) и овса (6%) отмечено среди определенных макроостатков культивируемых растений уже на поселении эпохи переселения народов Трогста (Trogsta). Лен составляет здесь 10% (Wennberg 1986: 258, 259). Пшеница среди определенных зерновок отсутствует.

Карпологиические исследования селища эпохи викингов Арнесбакен (Arnäsbaden) в провинции Онгерманланд (Ångermanland) выявили аналогичный спектр культивируемых растений, также без участия теплолюбивой и требовательной к почвенным условиям пшеницы: ячмень (*Hordeum*) — 82%, овес (*Avena*) — 14%, рожь (*Secale*) — 1%, хмель и/или конопля (*Cannabaceae*) — 3% (Ramqvist 1998: fig. 91).

Теперь мы можем отметить главные особенности развития набора культурных злаков в Средней Швеции и в прилегающих регионах во второй половине I тыс. н. э. Все это время набор остается достаточно стабильным и включает пшеницу (для Меларского региона и более южных территорий), ячмень и овес. Рожь присутствует в незначительном количестве, постепенно увеличивая свою долю в спектрах и зерновых отмывках, полученных при раскопках поселений. Наблюдается преемственность в составе возделываемых злаков между эпохой переселения народов, вендельским временем и последней четвертью I тыс. н. э. Новации эпохи викингов выражаются в более частом, по сравнению с предшествующим временем, появлении в образцах ржи, которая пока что по-прежнему выступает преимущественно в качестве сорняка ячменя и пшеницы.

В целом, набор земледельческих культур Средней Швеции не отличался от такового в лесной части Восточной Европы. Хозяйственное развитие этих регионов шло примерно одинаковыми темпами и в одном направлении.

5.2.3. Древние аграрные ландшафты Средней Швеции и соседних территорий

Исторические и ландшафтные особенности землепользования в Средней Швеции способствуют сохранению древних элементов в составе современных аграрных ландшафтов. Эта черта позволила исследователям реконструировать динамику систем землепользования на протяжении I тыс. н. э. (Widgren 1983).

Ландшафтно-хозяйственные структуры, сложившиеся в раннем железном веке — в первой половине I тыс. н. э. включали в себя небольшие сельские поселения с примыкающей к ним устойчивой системой пастбищ, покосов и небольших пахотных полей, разграниченных сложенными из валунов стенами. Поля уже с конца I тыс. н. э. удобрялись навозом, накапливавшимся за счет ночного и зимнего содержания скота в усадьбах (Welinder 1975: 83; 1994: 37–40; Widgren 1983: 123).

Собственно следов распашки I тыс. н. э. в Средней Швеции и в прилегающих регионах известно сравнительно немного. Следы древних пахотных орудий в Европе находят преимущественно под насыпями курганов и валами городищ. В Средней Швеции устойчивость земельных участков и дефицит пригод-

ных для обработки почв вели к тому, что на пахотных полях редко сооружались могильники. Так же, как и городища, они локализуются обычно на краях долин вне аграрных ландшафтов (Hyenstrand 1981: 10). Один из самых ранних пахотных участков зафиксирован при раскопках в Лукста (Lucksta, провинция Medelpad) и датируется ранним железным веком (до рубежа I–II тыс. н. э.). Распашка производилась по двум взаимно перпендикулярным направлениям однозубым ралом с V-образным в вертикальном сечении наконечником (Broadbent 1985: 390, 392). Значительный участок пахотного поля, датирующийся V в. н. э., исследован в той же провинции при раскопках большого кургана в Хёгом (Högom) (Ramqvist 1992: 198–200). Пахота производилась однозубым ралом по тому же принципу, что и распашка в Луксте. Ширина борозд составляла 0,05 м (о глубине распашки судить трудно), расстояние между бороздами около 0,5 м. Последнее говорит о том, что изученная поверхность была использована под посевы всего несколько раз. Судя по результатам карпологиических исследований поселения в Хёгом, подобным образом готовились поля под посевы ячменя (Ramqvist 1992: 210).

5.2.4. Земледельческие орудия в Средней Швеции и Юго-Западной Финляндии во второй половине I тыс. н. э.

На протяжении раннего железного века и римского времени в Средней Швеции использовались однозубые рала без металлических наконечников. Во всяком случае, при наличии следов распашки этого времени железных пахотных орудий пока не найдено. Вероятно, и на протяжении второй половины I тыс. н. э. деревянные инструменты преобладали в наборе орудий почвообработки.

Деревянные части рал находят очень редко. В Средней Швеции известны всего два таких пахотных орудия, относящиеся к раннесредневековому времени. Это однорукояточные дубовые рала из Тиббле (Tibble, Södermanland) и Сварварбо (Svarvarbo, Uppland), имеющие радиоуглеродные датировки (рис. 2). Первое рало датируется концом вендельского времени и ранней эпохой викингов (1250±80 и 1130±70 BP), второе — концом эпохи викингов (970±80 BP) (Jirllow 1973: 20–22)¹¹. Оба они принадлежат к типу IV, по Ф. Шаху (František Šach), и представляют простейшие рала с горизонтальной подошвой, составляющей единое целое с рукоятью, стоящей к ней под углом около 45° (Šach 1968: 11, 12). Осталось не ясным — имели ли рала железные наконечники.

¹¹ Первоначально рало из Сварварбо исследователи датировали по пыльце, собранной в углублениях дерева, суббореалом, т. е. эпохой бронзы (Краснов 1975: 98).

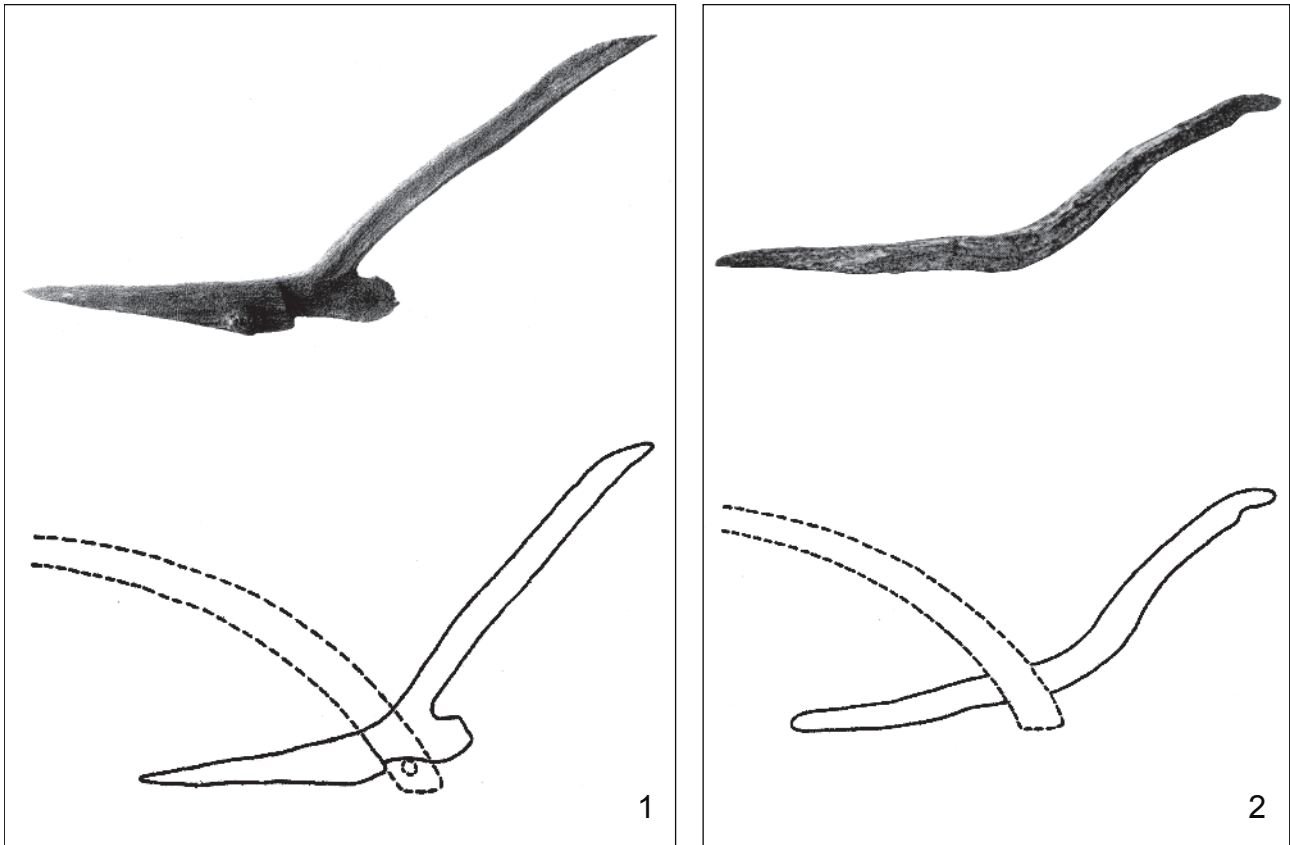

Рис. 2. Рабочие части дубовых рал эпохи викингов из Швеции и реконструкции их использования (Jirlow 1973).
1 – Тиббле; 2 – Сварварбо

Горизонтальная (или близкая к горизонтальной) постановка достаточно длинной рабочей части делает эти изделия малопригодными для обработки завалуненных и тяжелосуглинистых почв, а также для участков, недавно очищенных от леса и насыщенных корнями деревьев. Горизонтальный полоз создавал слишком длинное плечо силы при выдергивании рала из земли, когда на его пути встречалось препятствие. Можно предположить, что подобные орудия применялись преимущественно на аллювиальных почвах, лишенных камней, и на старопашотных участках с легкими почвами, расчищенными предшествующими поколениями земледельцев.

Демографические изменения и рост числа поселений в районе Средней Швеции около середины–третьей четверти I тыс. н. э. открыли новый этап внутренней колонизации, охвативший участки с широколиственными породами деревьев. Интенсивное земледельческое освоение новых территорий требовало более эффективных орудий обработки почвы.

Распространение в Швеции рал с железными наконечниками Я. Мюрдаль некогда отнес ко времени около 500 г. (Myrdal 1982). Ближайшая к району Средней Швеции находка этого времени была тогда известна на Готланде — железный наральник из по-

стройки 17 поселения Вальхагар (Vallhagar); датированной 400–550 гг. (Stenberger 1955: 1146). Это широкий, слегка ассиметричный наконечник с длинными «крыльями», крепившими его к деревянной основе (рис. 3: 1)¹².

К другому типу относится наральник, найденный на городище Дасгорд (Dasgårde, Uppland) в Рослагене (Myrdal 1982: 86; Pedersen, Widgren 2011: 68; Olausson 2014: fig. 10). Это узколезвийный наконечник с длинной втулкой (рис. 4: 2). Датировка находки определяется в рамках позднего этапа существования городища — второй половиной V — началом VI в. (Olausson 2014: 189). Место находки позволяет относить наральник к хозяйству представителя местной социальной верхушки.

В Средней Швеции сделана еще одна находка, важная для понимания истории земледелия в Скандинавии. В подкурганном погребении A25:2 в могильнике Кумла (Kumla, Södermanland) был найден миниатюрный наральник со следами дерева внутри,

¹² Аналогичные изделия продолжали бытовать на Готланде и на Оланде до начала II тыс. н. э. Похожие находки датируются X–XIII вв. с поселения Фьяле (Fjåle) (Carlsson 1979: fig. 141; Myrdal 1982: 86) и Экеторп III (Eketorp III 1998: 68).

Рис. 3. Железные земледельческие и бытовые орудия и оружие с поселения Вальхагар на о. Готланд (Stenberger 1955)

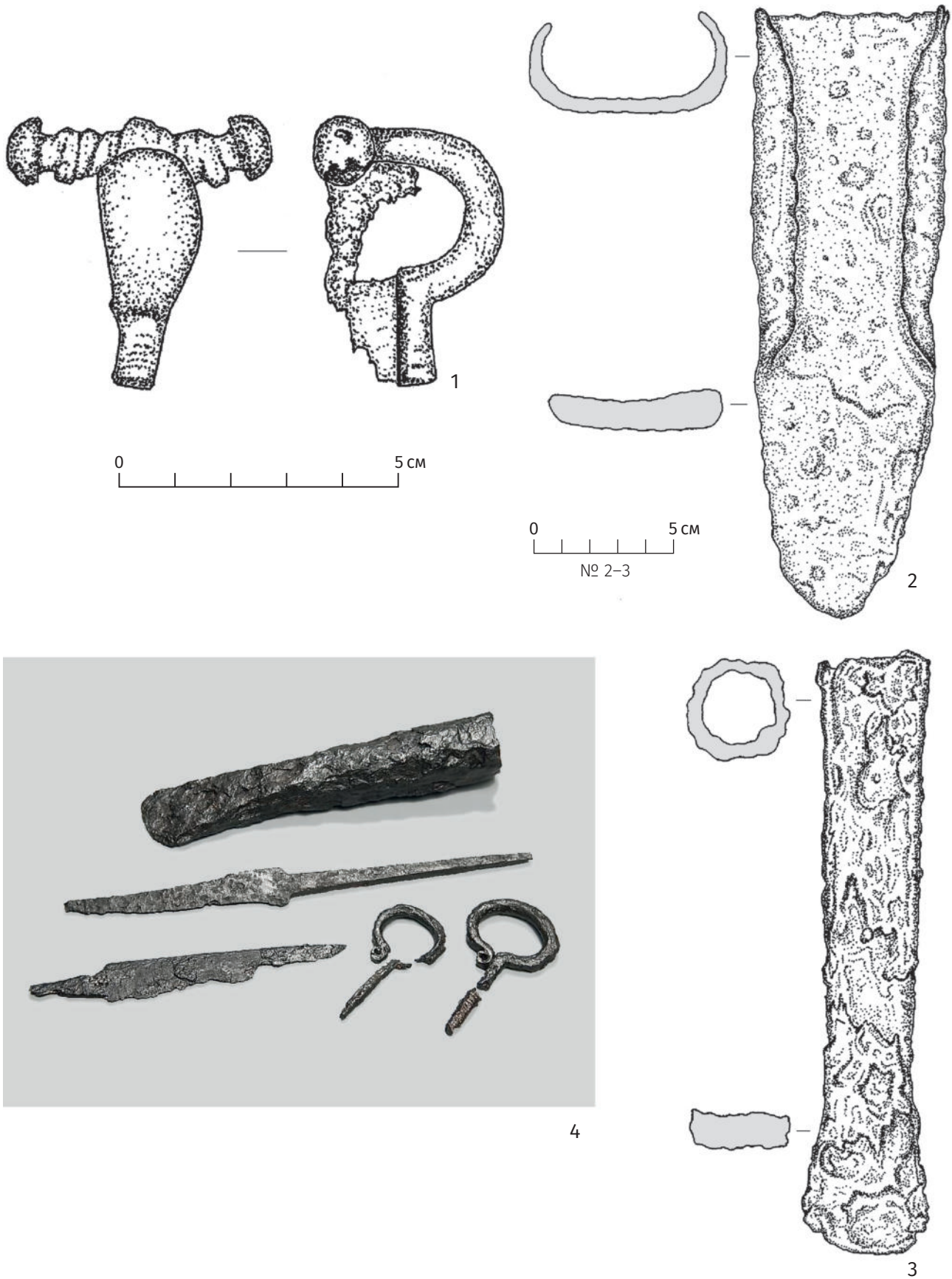

Рис. 4. Находки с городища Дасгорд (Dasgårde, Urpland) в Рослагене. 1 – фибула типа Хусбю; 2 – наральник; 3 – втульчатое орудие; 4 – фото предметов из железа, опубликованное на сайте SHM. 1–3 – рисунки А. Едерлунд (Andrea Jäderlund) по Olausson 2014

что говорит о том, что на погребальный костер было положено целое рало (**рис. 5: 1**)¹³. Наральник из Кумлы имеет подтреугольную рабочую часть. Деревянная основа, на которую он насаживался, имела в ширину всего 5,2 см, а в толщину всего 1,8 см. Следует заметить, что погребение отличается особой роскошью сопроводительного инвентаря, в составе которого были фрагменты золотых украшений и стеклянная посуда (**рис. 5: 2**). Своими размерами курган A25 также выделяется в могильнике. Возможно, все это следует расценивать как свидетельства того, что орудия с железными наконечниками были в то время еще редкими и дорогими, что и обусловило помещение рала в могилу местного аристократа.

Комплекс датируется VI–VII вв. (Drotz, Ekman 1995: 164). Радиоуглеродная датировка погребения: 1580±90 BP (Beta-59487), что при калибровке (2σ) дает хронологический интервал 250–650 AD (Drotz, Ekman 1995: 172).

Наральники эпохи викингов, найденные в датирующемся контексте, представлены в Средней Швеции тремя находками. Одно орудие происходит из Бирки — из погребения Bj. 562 (Arbman 1943: 182). Наральник, бывший в употреблении (его рабочая кромка носит следы использования) поврежден и не годен к работе (**рис. 6: 1**). Поскольку погребение располагалось близ кузницы возле «гарнизонного дома» Бирки, есть основания предполагать, что сломанный наральник, происходит из культурного слоя мастерской, и с захоронениями не связан. Датировка изделия определяется, таким образом, временем жизни Бирки в целом — второй половиной VIII–X в.

Наральник имеет лопатообразную рабочую часть с притупленной кромкой. Следует оговорить, что подобное оформление рабочей кромки не бывает результатом износа заостренного наконечника. Протертые в ходе работы заостренные наконечники выглядят по-другому, что можно увидеть, например, на наральниках из Деревяниц или Городища на Менке (они имеют характерное раздвоение на конце) (**рис. 13: 3; 14: 1**). Обращает на себя внимание очень тонкая втулка наральника из Бирки, подразумевающая небольшую толщину деревянной части рала (насада) — ок. 1,5 см.

Еще одна находка из Упланда, датируемая эпохой викингов, сделана неподалеку от Бирки на поселении Поллиста (Pollista) в контексте усадьбы IX–XI вв. (Hållans 1986: 42, 43; Åqvist, Flodin 1992: 318). Нараль-

ник из Поллисты очень близок изделию из Бирки (**рис. 6: 2**). Это широкая и достаточно тонкая железная пластина, насаживавшаяся на очень тонкую деревянную основу (ок. 2 см толщиной). Наральник асимметричен и имеет длинные загнутые «крылья» шириной чуть больше половины всей длины изделия.

Можно высказать некоторые предположения относительно конструкции рал, которым принадлежали наральники из поселений Вальхагар, Бирка и Поллиста. Тонкая втулка и большая ширина наконечников свидетельствуют о том, что они надевались на рала с горизонтальной подошвой (полозные). Некоторая асимметрия рабочей части (если она не случайна) связана, возможно, с какими-то особенностями использования изделий. Впрочем, вряд ли можно строить какие-то уверенные выводы на асимметрии наральников — все они индивидуальны. Более узкие наконечники с приостренной рабочей частью (Кумла) принадлежали, вероятно, более легким орудиям, имевшим возможность постановки наконечника рала к поверхности пашни под увеличенным углом.

Кроме двух вышеуказанных типов наконечников в Средней Швеции известны также находки длинных массивных наральников (**рис. 7: 1, 2; 8**). Предметы эти большей частью не имеют надежного контекста, и можно было бы отнести их все к более позднему времени, чем эпоха викингов, если бы не находка в одном из курганных погребений X в. железного амулета, изображающего в мельчайших деталях именно такой наральник. Несмотря на небольшие размеры, амулет очень реалистичен — мастер даже передал небольшой угол, под которым рабочая часть загибалась в сторону втулки, чтобы предотвратить соскальзывание наральника с насада (**рис. 7: 4, 5**). Эта находка сделана в кургане № 3 могильника Фрескати (Lilla Freskati) на месте современных корпусов Стокгольмского университета (Thålin-Bergman 1984: 24–26).

Подведем промежуточный итог. С VI–VII до X в. в Швеции бытуют два типа земледельческих орудий, которые, в зависимости от местных условий, могли снабжаться железными наконечниками. Надо подчеркнуть, что последние удлиняли срок службы рала, но не являлись его необходимой деталью. Итак:

- Рало с широким и плоским полозом. В процессе работы оно срезало дерн и неглубокий верхний слой почвы, раздвигая его на обе стороны. Образцом орудия такого рода является рало из Тиббле. По своей конструкции этот тип орудия мог существенно варьировать, как показывает рало из Сварварбо, отличающееся по конструкции, но сходное с ралом из Тиббле по принципу работы. Для таких орудий предназначались широкие наконечники с плоской втулкой, образцы которых найдены на Готланде

¹³ К сожалению, авторы раскопок опубликовали рисунок находки в нерасчищенном виде (Drotz, Ekman 1995: fig. 40). Когда десять лет спустя я получил возможность с ней ознакомиться, наконечник по-прежнему не был принят на хранение в музей и не прошел реставрацию. Из-за толстого слоя окислов судить о точных размерах изделия сложно.

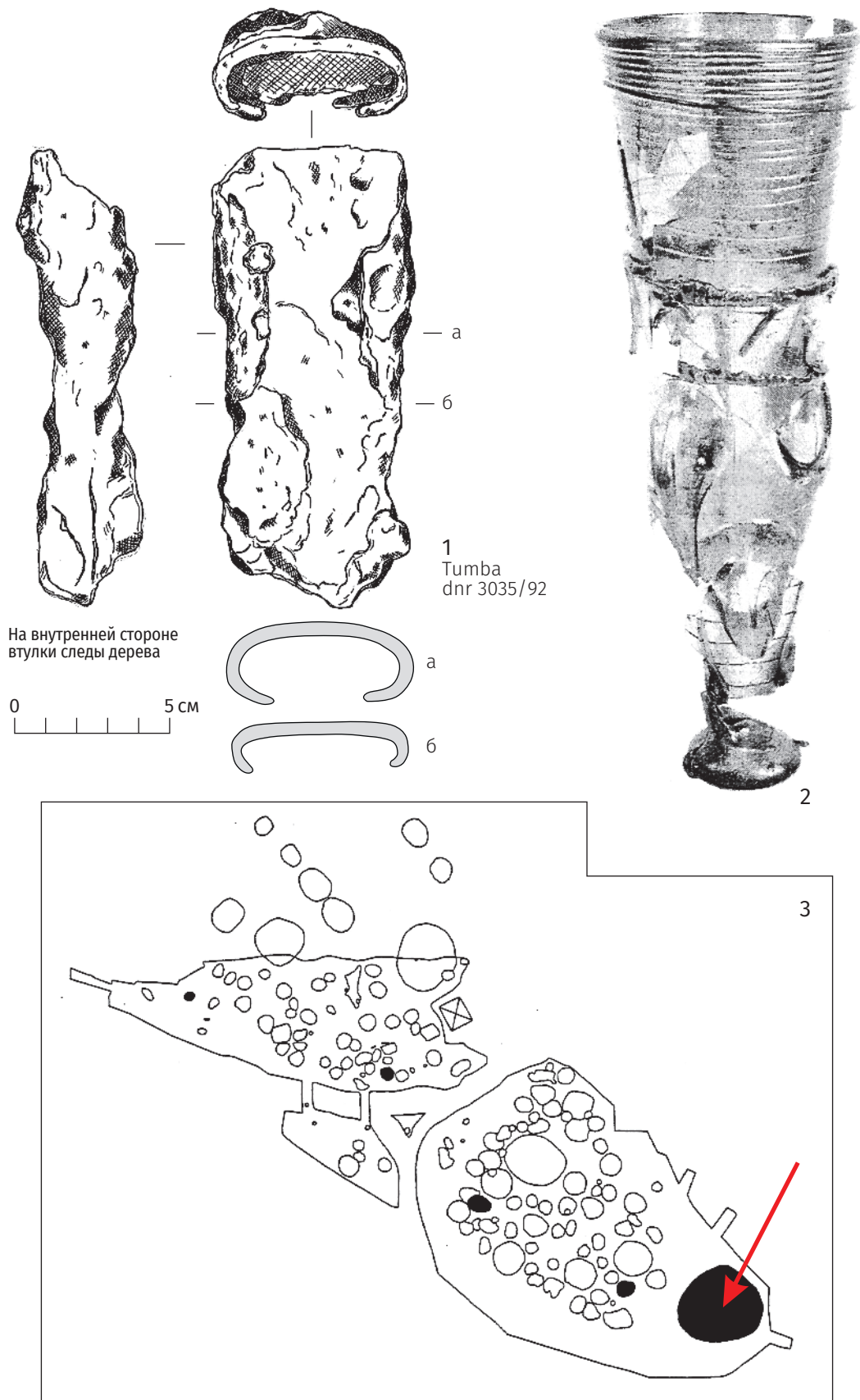

Рис. 5. Железный нарвалник и стеклянный кубок из погребения 2 кургана A25 (на плане отмечен стрелкой) в могильнике Кумла (Kumla, Södermanland, Härad's sn). Выделены погребения ранневендельского времени (400–600 гг. н. э.). 1 – рис. И. И. Еремеева; 2, 3 – Drotz, Ekman 1995

Рабочая часть имеет следы использования

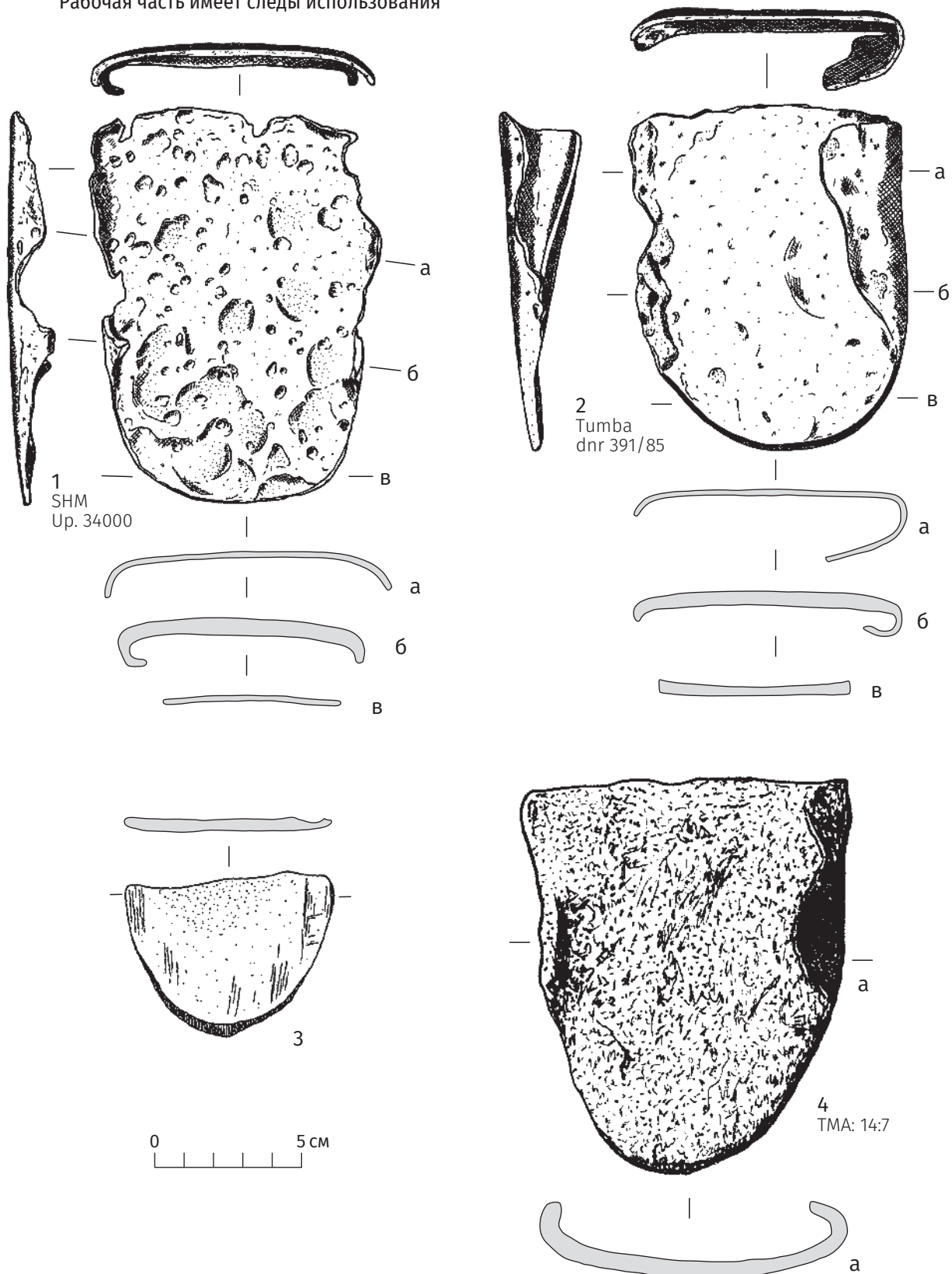

Рис. 6. Наконечники пахотных орудий эпохи викингов из Меларского региона Швеции (1, 2) и Эстонии (3, 4). 1 – Бирка; 2 – Поллиста; 3 – Иру; 4 – Тарту (4) и Иру (5). 1-2 – рис. И. И. Еремеева; 3 – Lang 1996; 4 – Tvauri 2012

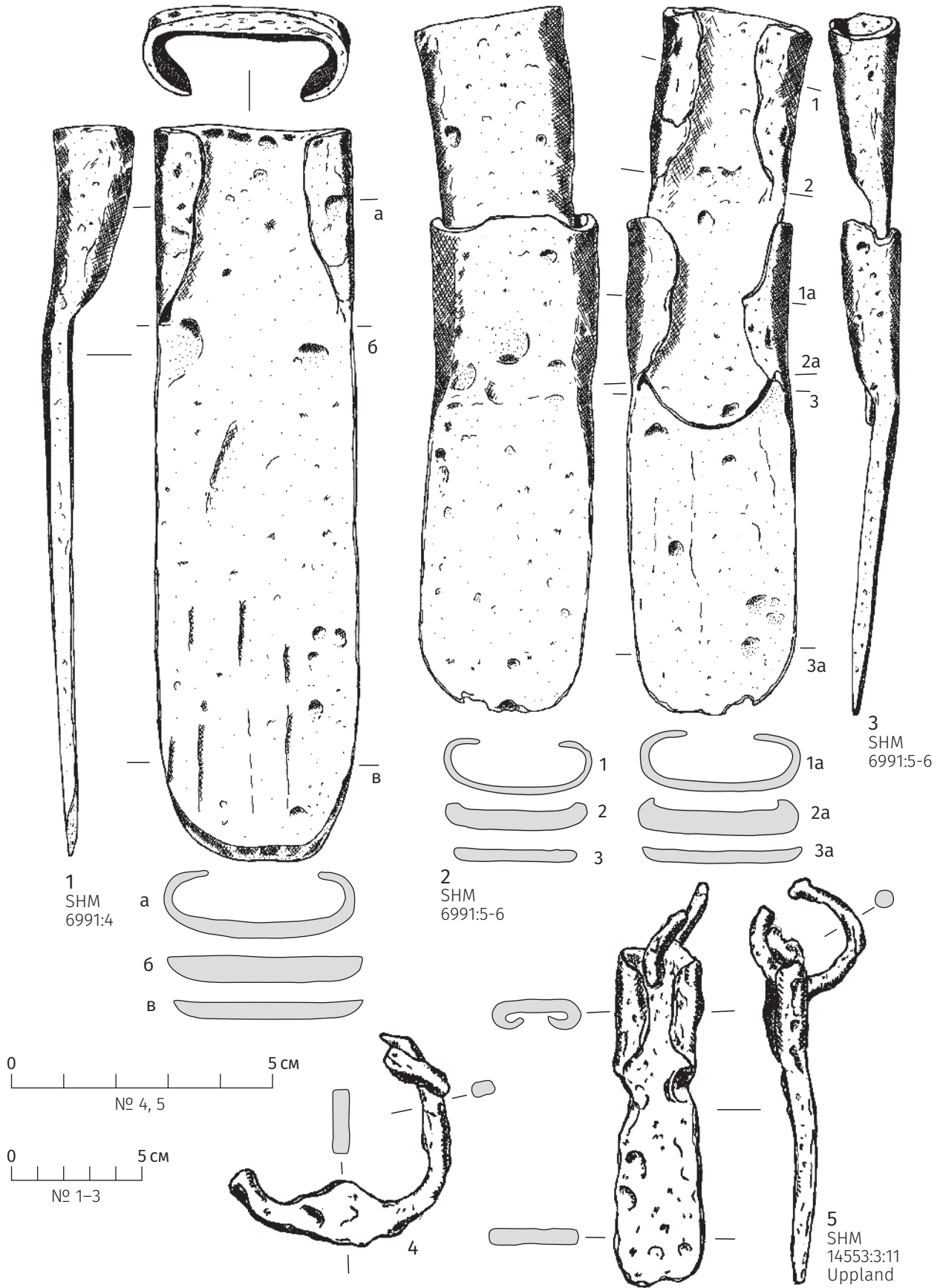

Рис. 7. Наконечники пахотных орудий из Робю (Råby, Lohärads sn) (1–3) и железный амулет в виде наральника из погребения в кургане № 3 могильника Фрескати (Lilla Frescati, Solna sn) (4, 5). Упланд, Швеция.
Рисунки И. И. Еремеева

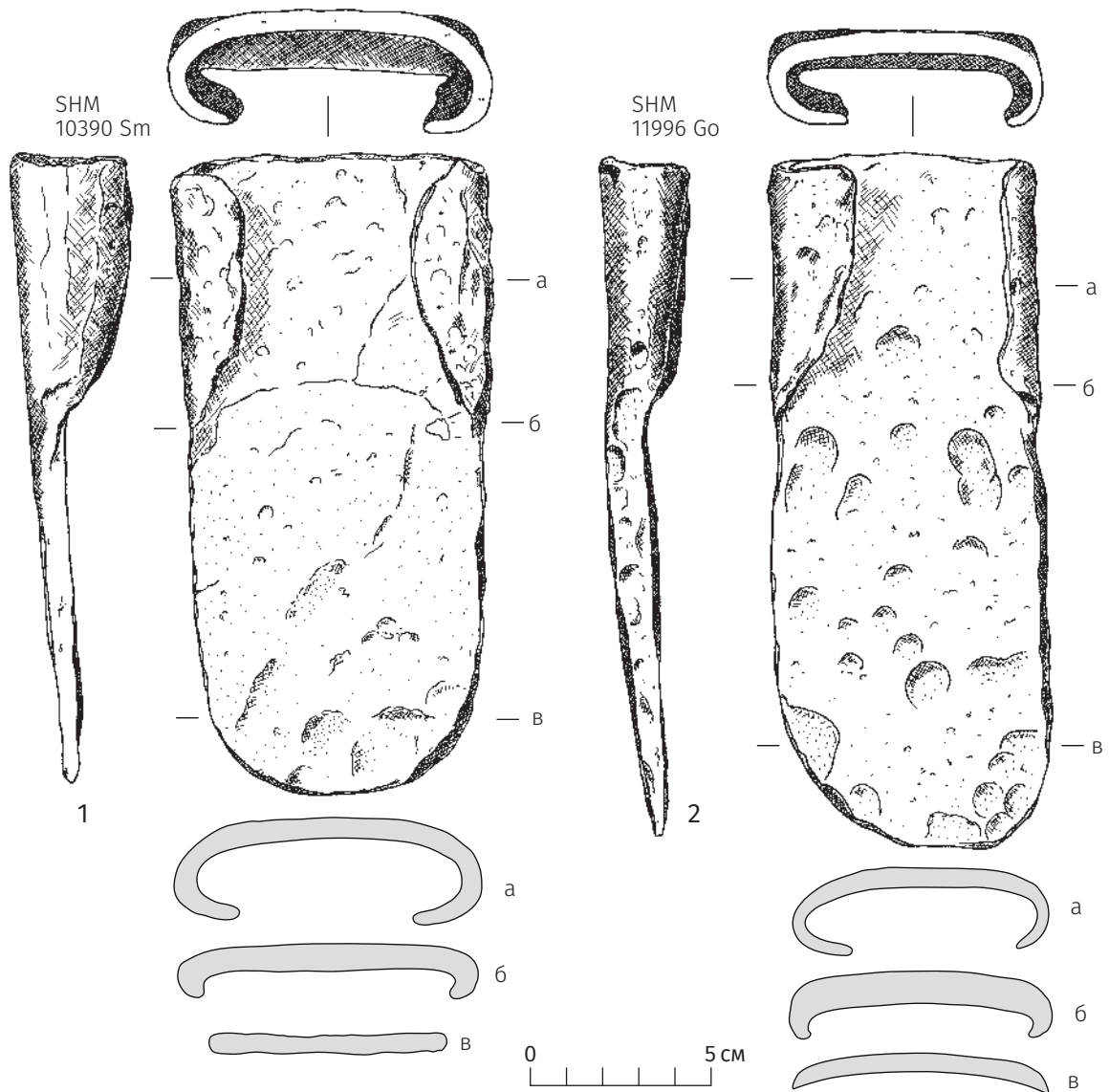

Рис. 8. Железные наральники из Швеции. 1 — приход Линнерюд, Смоланд (Småland, Linneryd sn); 2 — Ганнарве, Готланд (Gotland, Stenkumla sn). Рис. И. И. Еремеева

(Вальхагар) и в Упланде (Бирка и Поллиста). Подобные полозные рала предназначались для обработки старопахотных почв, а также для распашки безвалунных почв на аллювиальных и озерных отложениях.

• Более легкое рало. Наконечники из Дасгорда и Кумлы указывает на существование легких орудий, возможно, тоже полозных. Можно предположить, что наральники принадлежали более простым пахотным орудиям, близким типам I, III и VI по Ф. Шаху. Подобные рала гораздо более пригодны для обработки каменистых земель, пересеченных участков местности и лесных рощистей — почв, при распашке которых требуется постоянный контроль глубины борозды и периодическое выдергивание пахотного орудия из грунта на камнях и корнях. Не исключено, что рабочая часть такого орудия могла в случае необхо-

димости быть повернута к почве под бóльшим углом. Узость и легкость рабочей части позволяли быстро выдернуть ее из земли при встрече с препятствием. Вряд ли можно сомневаться, что основной функцией таких рал была обработка новин.

• Не позднее X в. (судя по амулету из могильника Фрескати) в Швеции появляется третий тип пахотных орудий — тяжелое полозное рало с массивным лопатообразным железным наконечником, лопасть которого значительно длиннее втулки. Появление этого орудия следует связывать с развитием первого из вышеперечисленных типов пахотных орудий. Возможно, утяжеление орудия определялось тем, что в плужную упряжку теперь ставились две лошади вместо одной. Некоторую роль, вероятно, сыграли и расширившиеся возможности металлургии, позволявшей

теперь изготавливать более массивные и долговечные железные изделия.

Дополнить представления о сельскохозяйственных орудиях Средней Швеции помогает обзор деталей пахотных инструментов, найденных на Аландских островах и в Юго-Западной Финляндии. Эти регионы, как известно, испытывали на себе сильное шведское влияние и имели достаточно многочисленное оседлое население выходцев из центральных шведских провинций. В Юго-Западной Финляндии известна одна находка средневекового полозного рала (**рис. 9**), близкого орудиям из Тиббле и Сварварбо. Это болотная находка из Пернио-Паарскюля (Pernio-Paarskylä), имеющая радиоуглеродную датировку 1290 CAL-AD (Brady 1990: 164).

Для сопоставления со шведским материалом в нашем распоряжении из западных областей Финляндии оказывается всего шесть наконечников пахотных орудий о форме которых можно судить уверенно, датирующихся эпохой викингов (Brady 1990). Они распадаются на те же три типа, которые я уже описал выше, применительно к Центральной Швеции.

- Узколопастной наральник с плоской втулкой из Ванайа-Кирконкюля (Vanaja-Kirkonkylä), аналогичный наральнику из Кумлы (**рис. 10: 3**). Еще один наральник (более широкий и близкий по форме к треугольнику), сходный с этим типом, найден в Мухосе (Muhos). О форме втулки последнего судить нельзя, поскольку опубликован лишь абрис предмета (Brady 1990: fig. 10: 9).

- Два широколопастных наральника с Аландских островов из Йомала-Голбу (Jomala-Golby) (**рис. 10: 1, 2**), однотипные с находками из Бирки и Поллесты.

- Тяжелый наконечник с массивной втулкой из Лието-Наутела (Lieto-Nautela) (**рис. 10: 4**). Еще один фрагмент аналогичного наральника без втулки найден в Сальтвик-Кварнбо (Saltvik-Kvarnbo) на Аландах (**рис. 10: 5**). Эти орудия, несомненно, принадлежат к той же группе, что и шведские наральники, которые изображает амулет из Фрескати.

Как видим, Западная Финляндия в эпоху викингов вполне ожидаемо демонтирует тот же набор сельскохозяйственных орудий, что и центральные области Швеции.

После X в. сельскохозяйственные орудия Швеции становятся более разнообразными, но дальнейшие этапы их истории нам менее интересны, т. к. с середины X в. говорить о возможности влияния Скандинавии на сельскохозяйственные технологии Восточной Европы не приходится¹⁴.

¹⁴ Количество находок железных деталей сельскохозяйственных орудий на Руси в это время резко возрастает, и на первое место выходит соха. В одном лишь Новгороде в слоях второй половины X – начала XI в. к началу 2000-х гг. было найдено шесть сошников (Мурашева, Нефедов 2002: 190).

5.2.5. Пахотные орудия Швеции и Поволховья: сравнительный анализ

В археологической литературе, как известно, давно уже дискутируется предположение о присутствии в Восточной Европе в эпоху викингов земледельцев-колонистов из Скандинавии, в первую очередь из материковой Швеции и с Готланда. Возможно также участие в миграции скандинавов, обосновавшихся на Аландских островах и в Юго-Западной Финляндии. Очевидно, при такой постановке вопроса первое, что мы должны сделать, — сравнить сельскохозяйственные орудия материковой и островной Швеции (вендельского времени и начальной эпохи викингов), Аландов и Юго-Западной Финляндии, и тех восточноевропейских регионов, которые, по свидетельствам археологии, испытали наиболее сильное скандинавское влияние. Такими регионами, по эту сторону Балтики в первую очередь должны выступить Эстония, Поволховье и Приильменье, где в нашем распоряжении оказываются довольно многочисленные исследованные археологически древние поля и хорошо датированные детали сельскохозяйственных орудий. Мысль о том, что сельскохозяйственная техника Прибалтики и Поволховья VIII–X вв. принесена из Северной Европы или, по крайней мере, испытала на себе сильное скандинавское влияние, — неоднократно в разных формах высказывалась в литературе (Миролюбов 1972: 119; Мугуревич 1985: 96; Давидан 1994: 158; Конецкий 2000: 254). При этом ни одной попытки детально сравнить пахотные орудия Швеции и Северной Руси сделано не было, главным образом из-за того, что находки с хорошими датировками появлялись нечасто (в первую очередь, как мы видели выше, в самой Швеции). Попробуем произвести такое сравнение, насколько это позволяют накопившиеся источники.

Пахотным орудиям из Поволховья посвящено несколько исследований (Орлов 1956; Миролюбов 1972; Конецкий 2000), не считая использования этого материала в обобщающих работах (Краснов 1987). Сам набор находок, которым можно оперировать в работе, со времен С. Н. Орлова и М. А. Миролюбова пополнился мало. Для Нижнего Поволховья VIII–X вв. у нас есть всего пять наральников и сошник из Старой Ладоги и один наральник с открытого поселения при Любшанском городище. Кроме того, следует упомянуть еще две находки. Во-первых, фрагмент железного наральника был найден в раскопе на Варяжской улице. Обломок (полевой инв. № 166) был найден на уровне 9–10 штыка в слое, датированном автором раскопок IX–X вв. (Петренко А-1976: рис. 38: 1) (**рис. 12: 4**). Во-вторых, аналогичный обломок происходит из раскопок Земляного городища 2009 года (**рис. 11: 5**). Наверняка, дальнейшая обработка ста-

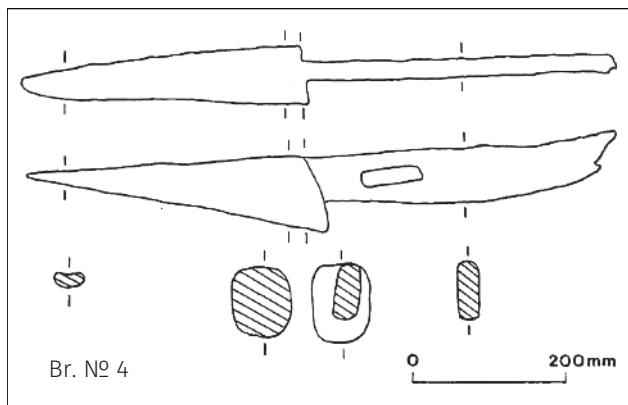

Рис. 9. Рабочая часть деревянного рала с территории Юго-Западной Финляндии, датированная 1290 г. н. э. (Brady 1990)

роладожских коллекций выявит и другие фрагменты наральников. Для характеристики пахотных орудий, так же, как и ранее, мы будем использовать размеры и пропорции втулки, позволяющей говорить об угле наклона рабочей части рала по отношению к поверхности земли.

Древнейший наральник (Л-1692) происходит из горизонта E₃ Земляного городища (1947 г., кв. Ж₁, в основании слоя навоза со щепой). Наральник насаживался на очень легкое рало, толщина деревянного окончания которого (насада) составляла всего 1–1,5 см при ширине 5–6,5 см (рис. 11: 2). Понятно, что такой непрочный рабочий наконечник (даже усиленный железным покрытием) мог использоваться только на рале с горизонтальным полозом. Небольшая ширина наконечника, возможно, позволяла иногда увеличивать угол наклона рабочей части, подрезать корни и обходить камни. Такое рало могло использоваться как в пойме, так и на завалуненных моренных почвах коренного берега Волхова с обилием известнякового щебня.

Ближайшими аналогиями этому наральнику являются вышеописанные находки с городища в Дасгорде (рис. 4) и из кургана в Кумле (рис. 5). Хотя втулка ладожского наральника имеет другую форму, но по общим пропорциям и положению при использовании (под небольшим углом к поверхности почвы) он идентичен скандинавскому.

Второй наральник этого же типа (рис. 11: 4) был найден при раскопках на Земляном городище в 2009 г. В отчете он фигурирует как «сошник» (полевая опись № 1450) из заполнения жилища 3, изученного в горизонте А (Кирпичников А-2009: л. 14. 15)¹⁵. Дендродаты позволяют относить жилище ко второй половине IX в. (Кирпичников А-2009: л. 16).

¹⁵ В этом жилище был найден также и расколотый жернов.

Еще один наральник (НГОМЗ 10064) происходит, как известно, с левого берега Ладозки и по своему стратиграфическому положению традиционно датируется ранней эпохой викингов (Орлов 1956: 142; Миролюбов 1972: 118). Наральник более крупный и широкий, чем предыдущий, но также предназначался для закрепления на насаде очень тонком (рис. 11: 1). Толщина последнего была всего 1,5–2 см при ширине 8,8 см. Этот наральник, как и наконечник с Земляного городища, предназначался для рала с горизонтальным полозом. Только в данном случае это, несомненно, было более массивное изделие, менее удобное для лесных новин и завалуненных моренных почв Поволховья.

Наральник с Ладозки находит аналогии среди орудий, распространенных в Швеции в вендельское время и в раннюю эпоху викингов (Вальхагар, Бирка, Поллиста) (рис. 3; 6: 1, 2).

К этому же типу изделий принадлежит и наральник с лопатообразной рабочей частью с Любшанского селища (рис. 12: 2), найденный в 2006 г. в шурфе № 2, заложенном С. Л. Кузьминым (СЛМ КП-98610, инв. № А-22445)¹⁶.

Добавим, что наральники, похожие на наконечники «НГОМЗ 10064» и «СЛМ КП-98610, инв. № А-22445», известны в Восточной Эстонии. Один из них найден на городище в Тарту (рис. 6: 4) и считается самым ранним из полностью сохранившихся эстонских наральников (Мугуревич 1985: 87–89). Второй наконечник (фрагментированный) найден на поселении при городище Иру (рис. 6: 3). От него сохранилась только часть округлой лопатообразной рабочей кромки. Эстония с позднеримского времени испытывала на себе сильнейшее влияние скандинавских культурных традиций, и исследователи неоднократно высказывали мысль о связи древнейших эстонских наральников со Скандинавией.

Четвертый ладожский наральник (ЛГ-739 по М. А. Миролюбову) найден на Земляном городище в слое X в. (Миролюбов 1972: 121). Несмотря на пропорции, сближающие его с сошниками XI–XIV вв., это именно наральник, на что уже обращалось внимание в литературе (Конецкий 2000: 253; Мурашева, Нефёдов 2002: 193). Об этом говорит небольшой угол, под которым лопасть повернута к втулке, а также сточенность (или намеренная уплощенность) на обращенной к втулке стороне лопасти, в месте ее окончания (рис. 11: 3). Его втулка гораздо более массивна, имеет овальную форму: толщина до 3,5 см при ширине 6–7,8 см.

¹⁶ С. Л. Кузьмин сообщил мне также, что пахотные борозды обнаружены в его шурфе на любшанском селище, что отражено на рис. 15.

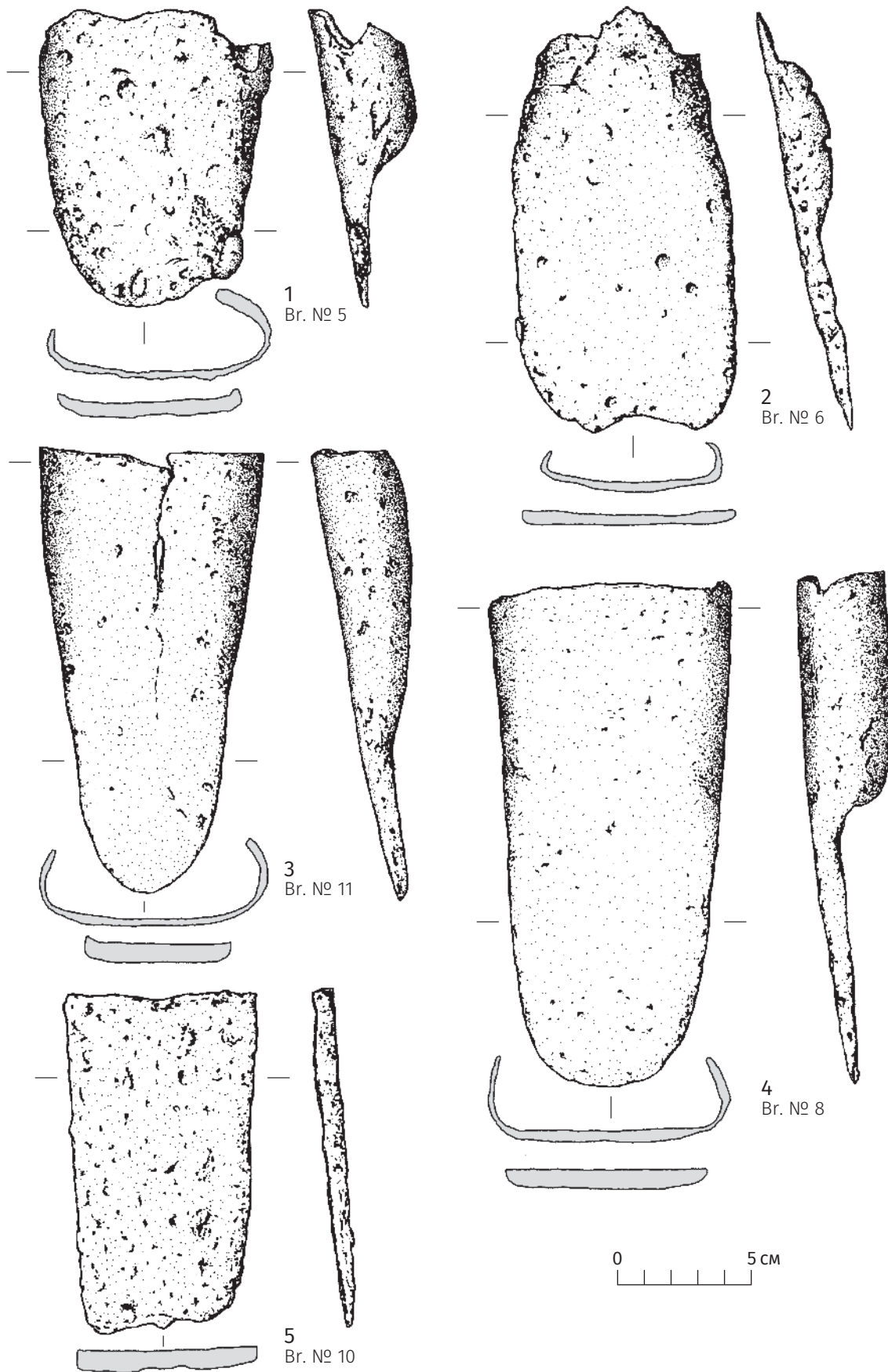

Рис. 10. Железные наконечники пахотных орудий с территории Финляндии (Brady 1990). Под порядковыми номерами – номера предметов по каталогу Н. Д. К. Брэди. 1, 2 – Йомала-Голби; 3 – Ванайа-Кирконкюля; 4 – Лието-Наутела; 5 – Салтвик-Кварнбо

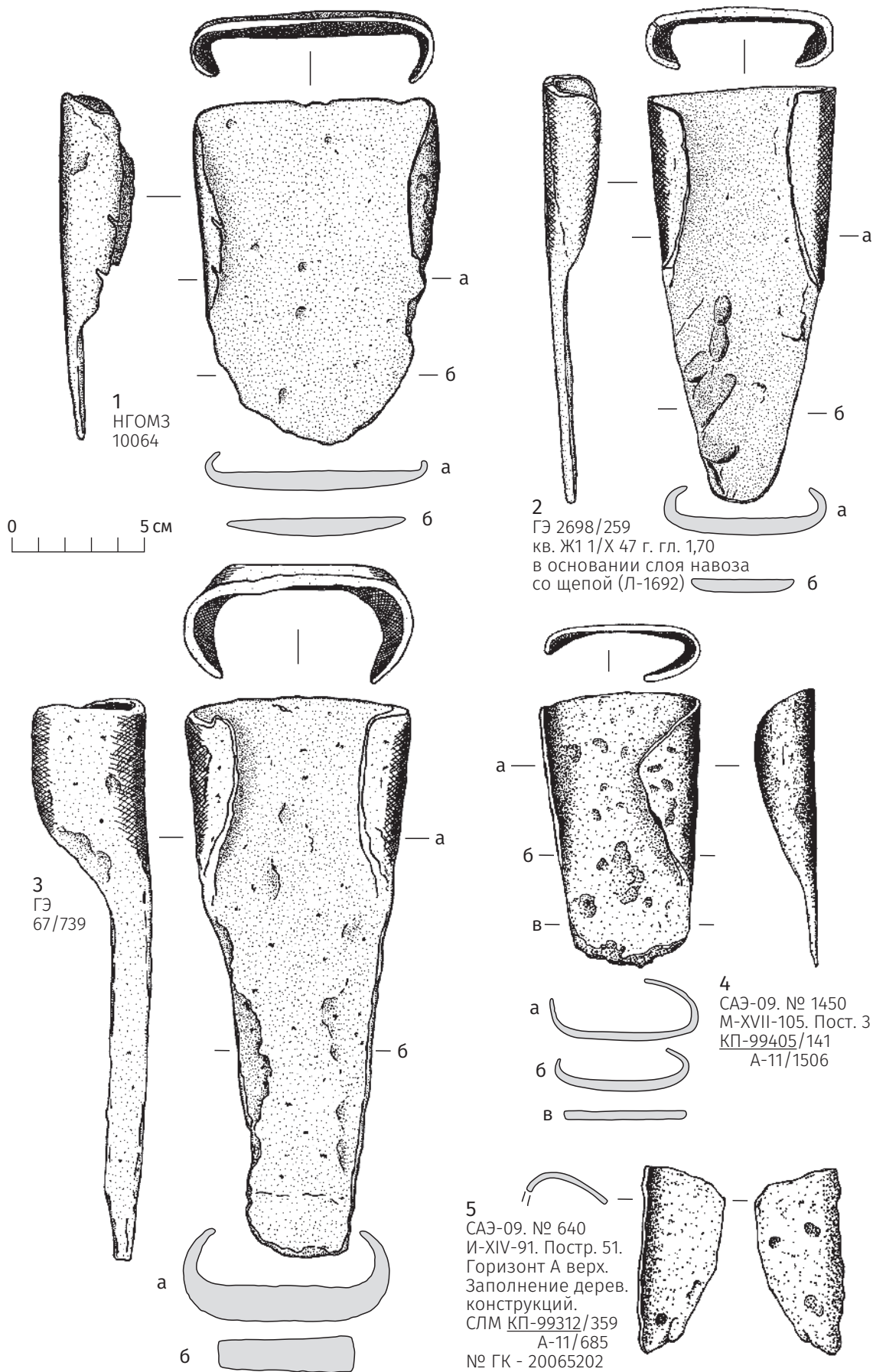

Рис. 11. Наральники (1–4) и фрагмент наральника (5) из Старой Ладоги. Рис. И. И. Еремеева

Четвертый ладожский наконечник находит, на мой взгляд, аналогии среди массивных скандинавских наральников, представленных тем типом, который воплощен на амулете из Фрескати. Набор самих таких наральников можно видеть, например, в находке из Робю в Рослагене (Råby, Lohård sn, Uppland) (рис. 7: 1–3). Мы видим здесь те же элементы — длинная массивная рабочая часть, загнутая под небольшим углом в сторону втулки, скошенность края лопасти со стороны втулки. Стенки втулки массивны и предназначены для сравнительно толстого насада. К числу аналогий относятся также находки из Юго-Западной Финляндии в Лието-Наутела и Салтвик-Кварнбо (рис. 10: 4, 5).

Так же, как и три предыдущие наральника, наконечник «ЛГ-739, 67/739» принадлежал полозному ралу. Массивность наконечника, большая толщина втулки определялась, видимо, не изменением угла наклона рабочей части, а усовершенствованием и утяжелением деревянной части рала, в которую появилась возможность впрягать пару лошадей или быков.

Последний из известных мне ладожских наральников происходит из Никольского монастыря из шурфа № 8, заложенного О. М. Иоаннисяном в 1978 г. (СЛМ КП-84470, Инв. № А-16862)¹⁷. Этот наконечник имеет широкую втулку и треугольную форму (рис. 12: 1). Орудие близко наральникам из Приильменья (рис. 13) и кривичско-дреговичского региона (рис. 14: 1–3) и, видимо, является классическим для славянского населения этих земель.

Обзор пахотных орудий Старой Ладogi уместно завершить упоминанием узколопастного сошника, обнаруженного в предматериковых отложениях северной части ладожского мыса в раскопе Н. К. Стеценко 1983 г. (СЛМ, КП-95042, инв. № А5–126)¹⁸. Сошник имеет следы ремонта — его рабочая часть сварена из двух сломанных изделий (рис. 12: 3). Напластования, из которых происходит находка, залегают под ранней (безрастворной) каменной стеной, по периметру окружавшей ладожский мыс. Древнейшие находки узколопастных сошников в лесной зоне древней Руси сделаны в Гнёздове, где их датировка определяется в рамках конца X — первой четверти XI в. (Мурашева, Нефедов 2002: 188). Датировку ладожского сошника следует определить в рамках

¹⁷ Помимо наральника, из шурфов в Никольском монастыре происходят такие ранние находки, как трапециевидная подвеска с многорядной каймой из прессованных точек по нижнему краю и каменная литейная формочка, указывающие на существование здесь поселения VIII–X вв. (Иоаннисян А-1978: рис. 128, 129).

¹⁸ Предматериковый слой гумуса в кв. А3 (Стеценко А-1983: л. 15).

второй половины X — XI в. (причем, XI в. выглядит предпочтительнее)¹⁹. Данный наконечник являет уже классический образец наконечника русской сохи, использовавшейся в разных модификациях вплоть до этнографической современности.

Наш обзор показывает, что набор древнейших ладожских пахотных орудий, хотя и содержит классические славянские элементы (наральник «СЛМ, КП-84470, инв. № А-16862» и сошник «СЛМ, КП-95042, Инв. № А5–126»), весьма близок набору земледель-

¹⁹ Наибольшую важность для датировки слоя под безрастворной стеной имеют раскопы Н. К. Стеценко: № 1 и 2 у северо-восточного прясла стены. Уже в раскопе 1 (1982 г.) Н. К. Стеценко зафиксировала, что стена поставлена на культурном слое с посудой, изготовленной без использования круга, причем кладка частично просела в материковую яму с лепной керамикой (Стеценко А-1982: ил. 4, 5). При этом в культурном слое, использовавшемся для забутовки пространства между лицевыми стенками древнейшей стены, найдена как лепная, так и гончарная керамика (Стеценко А-1982: л. 6).

В раскопе 2 (1982–1983 гг.) с восточной (внешней) стороны у «каменно-земляной» стены обнаружен уходящий под нее деревянный настил из плах, как выяснилось, принадлежавший срубной постройке, стоявшей на этом месте до сооружения стены (Стеценко А-1983: л. 13, 14). В 1982 г. при разборке настила найдена лепная и гончарная керамика (Стеценко А-1982: л. 9).

В 1983 г. выяснилось, что постройка, которой принадлежал настил, стояла на «предматериковом» культурном слое мощностью до 0,17 м, насыщенном углем. Из предматерикового культурного слоя, наряду с фрагментами разновременной лепной посуды, происходит выразительный комплекс раннесредневековых находок: развал раннегончарного сосуда (Стеценко 1983а: ил. 60: 1), ланцетовидная стрела (Стеценко 1983а: ил. 66: 2), полусферическое костяное пряслице (Стеценко 1983а: ил. 61: 5) и сошник с обломанной и наваренной заново поверх обломка рабочей частью (Стеценко А-1983: л. 15). Особенно важно то, что этот слой дал выразительную серию фрагментов гончарной керамики с волнистым орнаментом и манжетовидным венчиком (Стеценко А-1983: л. 14; Стеценко А-1983а: ил. 59). Датировка подобной керамики обычно определяется в рамках XI–XII вв. и ни при каких условиях не может быть опущена ниже второй половины — конца X в. То же самое можно сказать и про узколопастный сошник.

Вместе с керамическим материалом, сошник является веским аргументом в пользу того, что безрастворная стена, окружавшая по периметру ладожский мыс, не может быть датирована временем ранее конца X в. Очевидно, датировка стены (конец IX — начало X в.), данная А. Н. Кирпичниковым (Кирпичников 1980, 1982, 1984), будет со временем пересмотрена в сторону существенного омоложения.

Пока вывод может быть таков: стена поставлена на мало-мощном культурном слое, накапливавшемся с эпохи раннего металла до X в. и существенно перемешанном в результате интенсификации жизнедеятельности на данном участке во второй половине X–XI в.

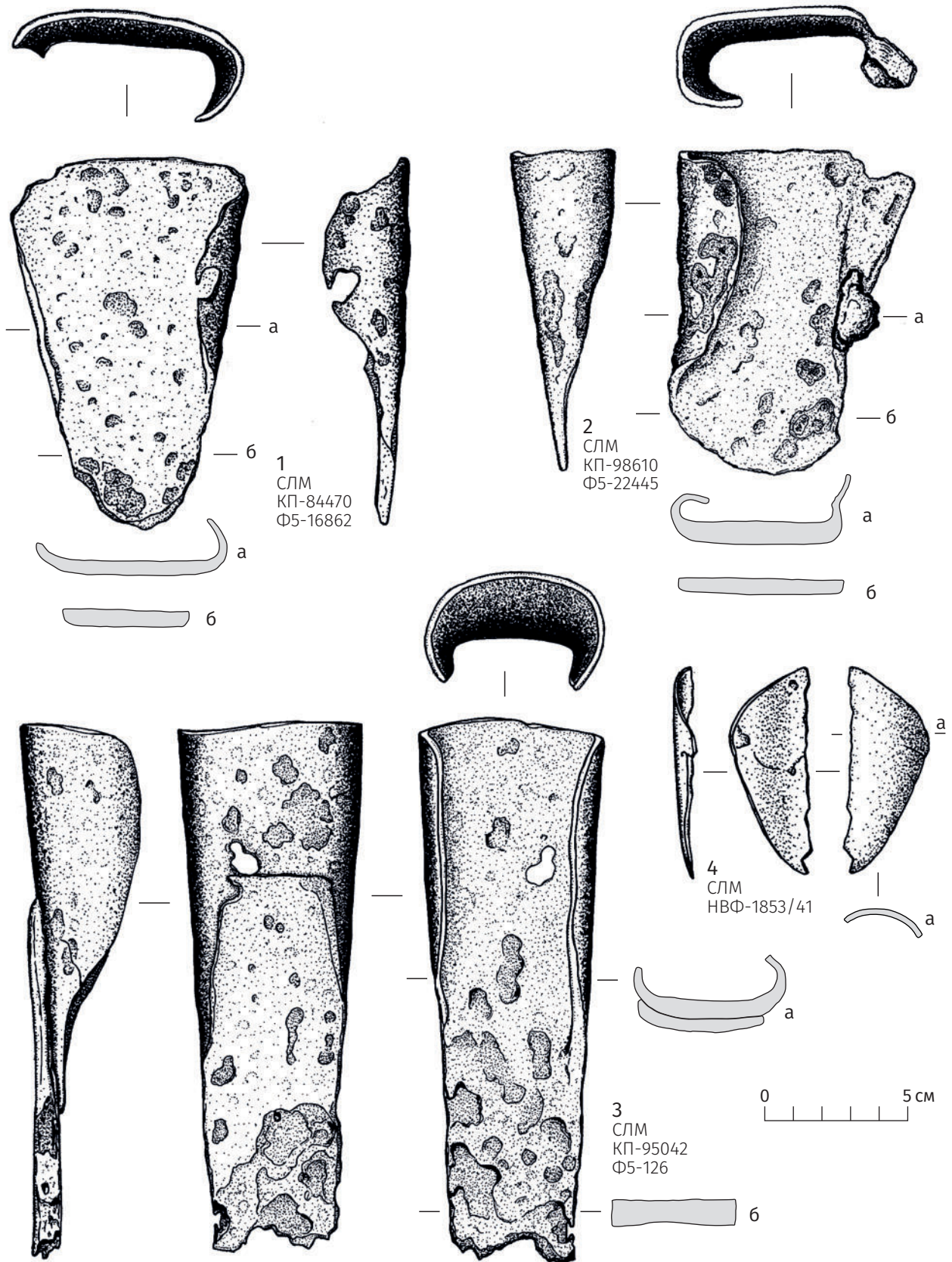

Рис. 12. Наконечники пахотных орудий из района Старой Ладogi. 1 — наральник из шурфа О. М. Иоаннисяна № 8 (1978 г.) на территории Никольского монастыря; 2 — наральник из шурфа С. Л. Кузьмина № 2 (2006 г.) на селище Любша; 3 — сошник со следами ремонта из раскопа Н. К. Стеценко № 2 (1983 г.) в северной части Ладожского мыса; 4 — фрагмент наральника (?) из раскопа на Варяжской улице (1976 г.). Рисунки И. И. Еремеева

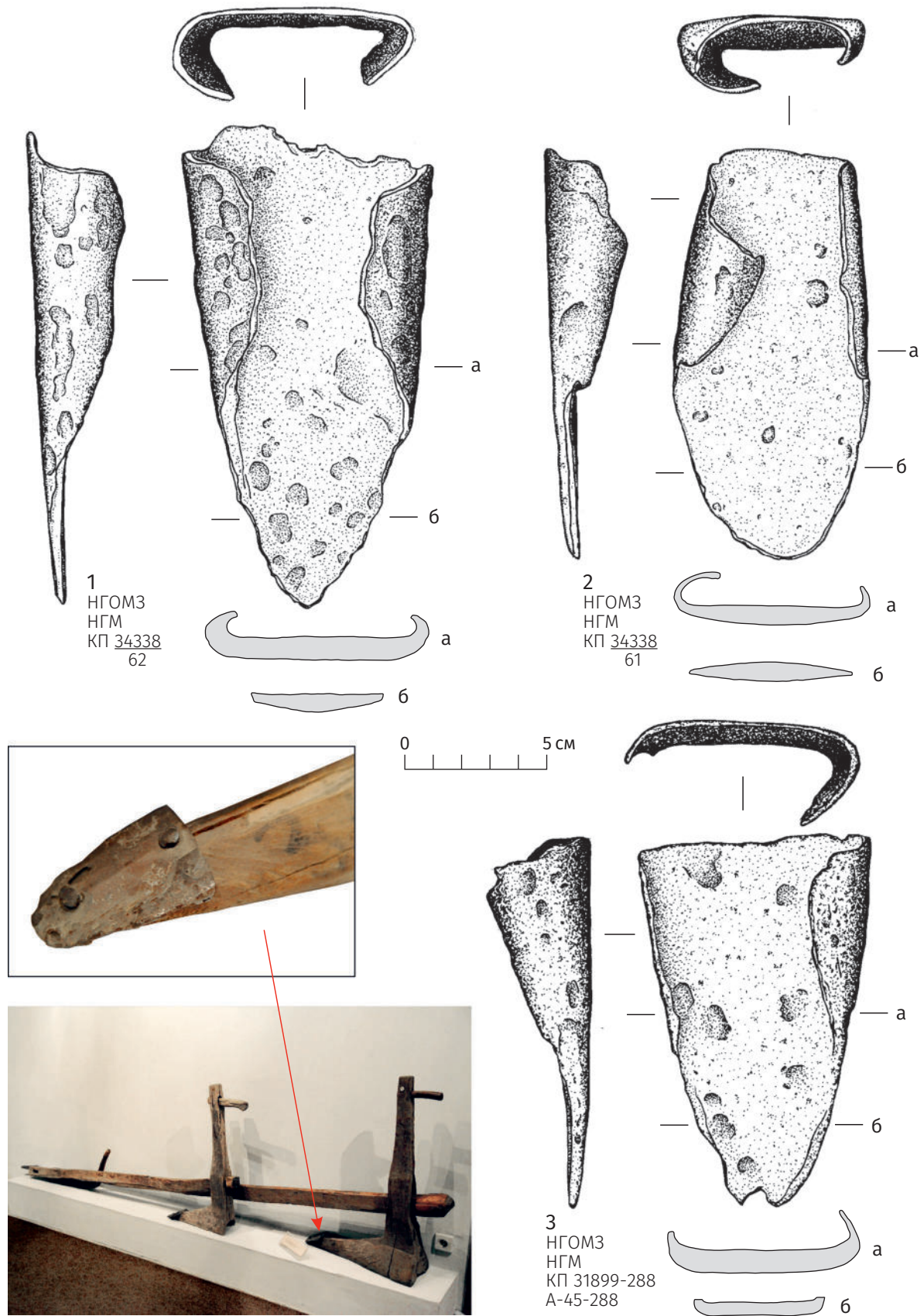

Рис. 13. Железные наральники из области истока Волхова. 1, 2 — клад на Холопьем Городке; 3 — находка из ровика сопки в Деревяницах. Рисунки И. И. Еремеева. На фотографиях — пример использования сопоставимых по пропорциям наральников на простейших ползных ралах. Экспозиция Красноярского краевого краеведческого музея. Фото И. И. Еремеева

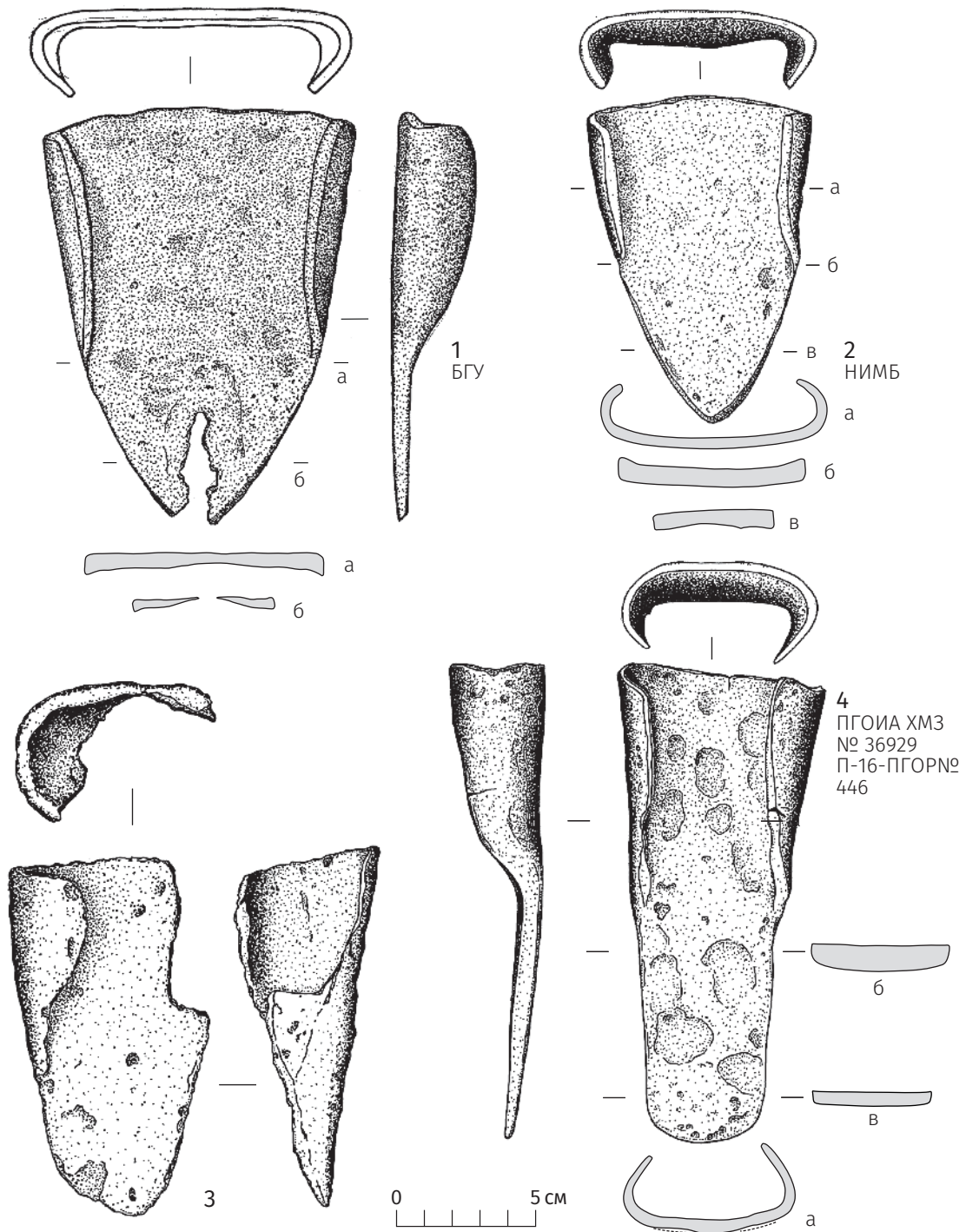

Рис. 14. Железные наральники кривичско-дреговичского региона. 1, 2 — Городище на Менке (рисунки И. И. Еремеева); 3 — Бирули (Вайцяховіч, Кенька 2009); 4 — Горожане. 1 — находка с городища из раскопок Э. М. Загоруйского (раскоп VII, пласт 7) (на внутренней стороне рабочей части прокована канавка, по которой рабочая лопасть протерлась); 2 — подъемный материал с селища (на внешней поверхности рабочей части прокована канавка); 3, 4 — подъемный материал с селищ

ческого инвентаря Средней Швеции VI–X вв. и колонизированных свеонами регионов на Аландах и в Юго-Западной Финляндии. Параллели там находят пять из шести рассмотренных орудий. Таким образом, гипотеза о том, что в земледельческом освоении Нижнего Поволжья приняли участие выходцы

из Шведской Скандинавии, представляется вполне закономерной.

Следует, однако, помнить, что фиксируемое нами в Ладоге сочетание земледельческих орудий может оказаться случайным. Традиция использования железных наконечников на пахотных орудиях появля-

ется в Швеции в V–VI вв. В Восточной Европе в славянском ареале железные наральники фиксируются несколько раньше. Населению киевской культуры известны были тяжелые рала с железными наконечниками (Терпиловский 2004: 75). Фрагменты железных наральников встречены на поселениях киевской культуры дважды — в заполнении постройки 5 селища Ульяновка 1 датированного Р. В. Терпиловским IV — первой половиной V в. (Терпиловский 1984: 61, 89, табл. 13: 1) и в культурном слое селища Каменево 2 (Обломский 1991: рис. 32: 17). На более западных территориях железные наконечники пахотных орудий, к которым восходят рассматриваемые нами образцы, появляются значительно раньше. Так, недавно опубликован клад, найденный на территории Восточной Чехии, в состав которого входил меч и надетый на него втульчатый наральник. Меч датирован в интервале между периодами A3–B1 в по европейской хронологии (Vích et al. 2018).

Теоретически, нельзя исключать вероятности того, что формирование комплекса земледельческих орудий в Нижнем Поволховье и в Швеции происходило параллельно и независимо одно от другого. Правда, как мне представляется, против этого имеется серьезный аргумент. Он вытекает из сравнения набора железных наральников из Нижнего Поволховья с набором из Верхнего Поволховья, — другого региона, где влияние скандинавов было очень велико, но несомненно, преобладал славянский этнический элемент.

Из окрестностей Новгорода известны три наральника, относящиеся к IX в. Один из них найден В. Я. Конечким в ровике сопки в Деревяницах (Конечкий 2000: 255, рис. 1: 5). Это подтреугольный наконечник с достаточно мощной втулкой и острым завершением. Рабочая часть имеет загиб в сторону втулки (рис. 13: 3).

Еще два наральника происходят из клада хозяйственного инвентаря на Холопьем Городке (Носов 1990: 180, 181). Первый из них идентичен деревяницкому; он имеет подтреугольную форму и острое завершение (рис. 13: 1). Второй наральник сильно деформирован ударами сбоку (рис. 13: 2), что скрадывает его изначально подтреугольную форму. Он относится к тому же типу, что и первый наральник, хоть и имеет притупленную кромку рабочей части, как у наральников с левого берега Ладужки, с Любши, из Бирки и Поллисты.

Наральники из истока Волхова демонстрируют более единообразную картину, чем наконечники из его низовьев. Похоже, комплексы почвообрабатывающих орудий Ладуги и Приильменя формировались на несколько разных основах. Комплекс из истока Волхова стоит ближе к восточноевропейским и средневропейским пахотным орудиям, чем к на-

ральникам из Швеции. Следует обратить внимание на близость приильменьских орудий наральникам из кривичско-дреговичского региона (рис. 14: 1–3).

В заключение перечня находок упомяну еще одну, сделанную В. Я. Конечким в ровике погребального сооружения на Забитнинском селище, входящем в состав Любытинского археологического микрорегиона (Конечкий 2016; Конечкий, Патица 2017). Наконечник найден в слое с лепной керамикой и датируется, видимо, X в. Наральник значительно массивнее изделий из Деревяниц и с Холопьяго Городка, имеет подтреугольную лопасть с закругленным концом и слабо выраженными плечиками, что позволяет автору находки относить ее к «южнорусскому» типу. Втулка его сильно уплощена, на основании чего В. Я. Конечкий относит его к ралу, рабочий наконечник которого должен был располагаться под минимальным углом (почти параллельно) поверхности земли (Конечкий 2016: 89). Этот вопрос нельзя считать закрытым, поскольку тогда неясно назначение «плечиков», которые должны, по идее, раздвигать и отваливать грунт в стороны. Как бы там ни было, забитнинский наральник отличается от ладожских и верхневолховских и стоит в стороне от темы нашего исследования.

Нижнее Поволховье, как известно, было подвержено длительному (с середины VIII в., а возможно, и ранее) и интенсивному скандинавскому культурному и экономическому воздействию. Значение торговли для региона было очень велико. Но в первую очередь его следует рассматривать как *компактный земледельческий микрорегион*. Об этом свидетельствует структура расселения, представляющая скопление неукрепленных поселений под защитой двух-трех городищ (рис. 15).

Раннесредневековое земледельческое освоение Восточно-Балтийского региона во второй половине I тыс. н. э. можно разделить на три этапа, обусловленные динамикой увлажненности и, видимо, ростом численности населения. Обозначить их можно так.

- *Пойменный этап* начался в раннем железном веке и захватил треть четверть I тыс. н. э. Для него характерно тяготение земледельческого населения к аллювиальным почвам пойм и низких надпойменных террас, не требовавшим для обработки орудий с металлическими наконечниками.

- *Береговой этап* (преимущественно относящийся к последней четверти I тыс. н. э.). Распашке подвергаются высокие речные террасы и коренные берега с более тяжелыми, часто завалуненными почвами. Именно теперь становится актуально использование железных наральников.

- *Водораздельный этап* (начавшийся в конце I тыс. н. э.). В этот период разворачивается земледельческое освоение моренных водоразделов с плодород-

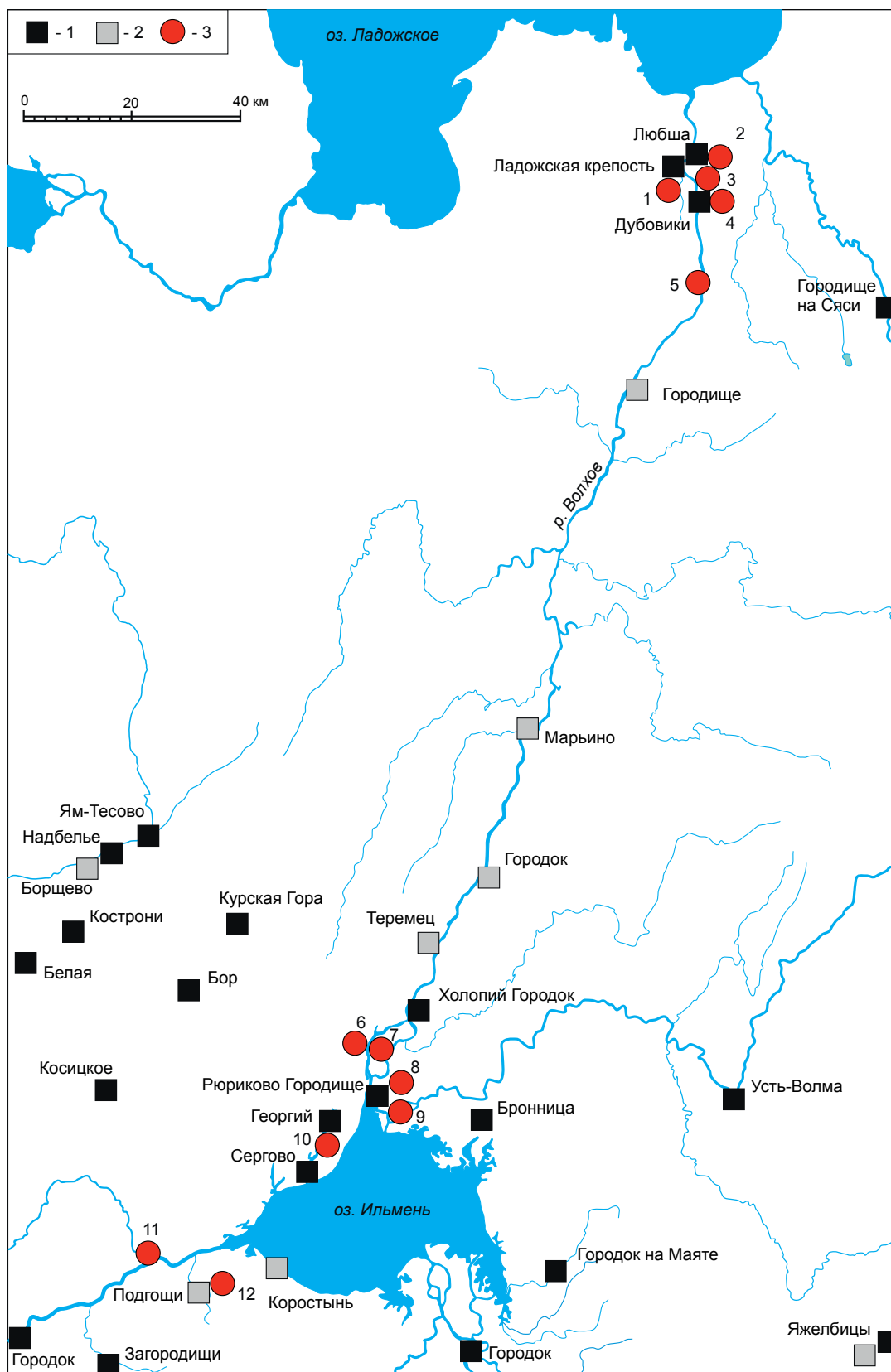

Рис. 15. Земледельческое освоение Ильмень-Волховского региона в I тыс. н. э. 1 – городища РЖВ – Раннего Средневековья; 2 – городища по неподтвержденным данным; 3 – места археологической фиксации пашен, датирующихся временем не позднее X в. Номера обозначены исследованные участки пашен: 1 – Ладога, Земляное городище; 2 – Любша, городище; 3 – Любша, селище; 4 – Новые Дубовики; 5 – Вындин Остров; 6 – Новгород, Софийская сторона; 7 – Новгород, Торговая сторона; 8 – Рюриково Городище, холм; 9 – Рюриково Городище, пойма; 10 – Георгий; 11 – Мшага Воскресенская; 12 – Коломо

ными, но наиболее тяжелыми почвами. Обработка их без металлических орудий была крайне затруднена, и теперь последние получают повсеместное распространение. Изобретение сохи на рубеже X и XI вв. связано именно с распашкой водоразделов.

Разумеется, на каждой стадии сохранялись элементы предыдущего этапа и начатки последующего. Это в меньшей степени касается пойменного земледелия, возможности которого к концу I тыс. н. э. значительно сузились из-за подъема уровня воды в реках.

Мне не представляется достаточно обоснованной гипотеза о том, что раннесредневековое славянское освоение ладожского микрорегиона связано с пойменным земледелием, высказанная В. А. Лапшиным (Лапшин 2015: 30–31; 2019а: 114–117). Конечно, в Нижнем Поволжье поймы в I тыс. н. э. вводились в земледельческий оборот в первоочередном порядке (Александровский, Кренке, Нефёдов 2010: 54; Александровский 2012). Выбор устья Ладожки для центрального поселения, несомненно, был предопределен наличием здесь на обоих берегах Волхова пойм. Но их площади в целом в Нижнем Поволжье столь незначительны, что они, очевидно, не способны были прокормить средневековое население, скопившееся от Новых Дубовиков до береговых валов ладожской трансгрессии²⁰.

Земледельческая ценность Нижнего Поволжья не в пойменных аллювиальных почвах (в отличие, например, от Верхнего Поволжья и Центрального Приильменья), а в карбонатных почвах коренных берегов Волхова. И вот их распашку в VIII–IX вв. археологам и удалось зафиксировать сразу в нескольких точках, маркирующих южный и северный края Нижневолховского региона.

Наблюдение первостепенной важности сделано Е. А. Рябининым на городище Любша, расположенном на коренном берегу Волхова. Под культурным слоем городища, который относится, похоже, к финалу третьей четверти I тыс. н. э., зафиксирован горизонт распашки однозубым ралом: борозды (рис. 16), шириной до 7 см и глубиной до 2,5 см, пересекающиеся под прямым углом, на площади около 12 м² (Рябинин А-2001: 7, рис. 16; Миляев 2018: рис. 5.9 и 5.11). Учитывая специфику механического состава почвы на плато коренного берега в районе устья Любши, а именно — близкое залегание материковой известняковой плиты и обилие известнякового щебня и ледниковых валунов в тонком слое перекрывающего ее моренного суглинка и супеси, можно заключить, что распашка производилась ралом с железным наконечником.

²⁰ Весьма примечательно в контексте этого спора недавнее признание распашки Зеляного городища «кратковременным эпизодом» (Платонова и др. 2020: 178).

В 1997 г. пашня, произведенная однозубым орудием, на коренном берегу Волхова была зафиксирована С. Л. Кузьминым под одной из сопок (17-III) близ городища Новые Дубовики. Пахотное поле, находившееся в тех же ландшафтных условиях, что и любшанское (на перекрытой маломощной мореной известняковой плите), может быть датировано, как и сопки, не позднее первой трети X в. (Кузьмин А-1997: табл. 39; 40; Кузьмин 1998: 261, 262). Никаких пойм, допускавших бы более архаичное земледелие, в районе Волховских порогов нет.

Итак, земледельческое освоение Нижнего Поволжья связано преимущественно с *береговым земледельческим этапом*, для которого характерна концентрация населения и использование пахотных орудий с железными наконечниками на тяжелых завалуненных почвах коренных берегов. Кто мог возделывать угодья на месте будущего Любшанского городища ралом с железным наконечником? Пока мы не можем сказать, обладало ли такими наконечниками славянское население, освоившее в третьей четверти I тыс. н. э. исток Волхова. Это не исключено, но находки наральников, уверенно связывающихся с древностями этого времени в Приильменье и в ареале псковских длинных курганов, тушемлинской и банцеровской культур не известны. А именно ареал тушемлинско-банцеровских древностей представляется сейчас наиболее вероятной исходной территорией для заселения Центрального Приильменья (Еремеев, Дзюба 2010).

Зато, несомненно, железные наральники использовались в третьей четверти I тыс. н. э. на Готланде и в Средней Швеции. Все это подводит нас к предположению о том, что в земледельческой колонизации Нижнего Поволжья уже в поздненевендельское время могли принять участие скандинавы. С одной стороны, об этом же говорит сходство комплекса металлических деталей земледельческих орудий Нижневолховского региона, Средней Швеции и Юго-Западной Финляндии, и отличие их от комплекса орудий того же назначения из Верхнего Поволжья, Приильменья и кривичского-дреговичского региона — с другой.

С учетом вышесказанного представляется возможным существование и других анклавов земледельческого населения, переселившегося на территорию Руси в VIII–X вв. из Средней Швеции и сопредельных областей Скандинавии. Ряд крупных поселений с яркими и многочисленными скандинавскими находками, открытых в последнее десятилетие в Двинско-Ловатском междуречье (Кордон, Юрьевы Горы (Усвяты), Шниткино, Горожане), дает основание надеяться на подтверждение нашей гипотезы. В одном из этих поселений (Горожане) найден и железный наральник, предположительно X в. (рис. 14: 4).

5.2.6. Норманны в Нижнем Поволжье: земледельческий микрорегион?

Вокруг своего двора он возвел крепостную стену и прослыл человеком видным и могучим.

*Прядь о Хромунде Хромом*²¹

В VIII–IX вв. наиболее активное население Нижнего Поволжья было сгруппировано вокруг трех городищ в трех комплексах: близ устьев рек Любши и Ладожки, и возле Волховских порогов.

Любшанский комплекс состоит из мысового городища и примыкающего к нему с напольной стороны селища (Кирпичников, Петренко А-1973; Лебедев, Седых 1985: 17; Миляев 2018). Кроме него к городку тяготеют два поселения на правобережье Волхова: Чернавино (выше по течению) и Горчаковщина (ниже). С обоими связаны могильники с сопками: соответственно с пятью и четырьмя насыпями (Лебедев, Седых 1985: 15–17). Любшанское городище характеризуется четырьмя особенностями. Во-первых, обилие предметов, связанных с железоделательным и кузнечным производством (Розанова и др. 2008), а также с ювелирным делом (Шеглова 2003). Каждый из трех этих видов деятельности, хоть они и сопряжены между собой, требует отдельного рабочего места, а то и отдельного помещения. Добавим к этому жилище для мастера с подмастерьями, хозяйственные сооружения, включая стойла для скота. На городище, несомненно, не только занимались ремесленной деятельностью, но и жили, — слой времени существования укреплений насыщен костями животных, рыб и рыбьей чешуей (Рябинин А-2001: л. 8).

Во-вторых, необычен характер предметов, связанных со Скандинавией. На городище найдена уникальная для Руси кобылка для щипковой лиры — престижного музыкального инструмента, распространенного в Западной Европе с меровингского времени до XIII в. (Поветкин 2002: 77; Косых 2007). Кобылка вырезана из янтаря, т. е. сделана на берегах Балтики. Территориально ближайшая находка аналогичного предмета (тоже янтарного) происходит с Готланда, из знаменитого погребения А (1) в Броа, приход Хала. Погребение датируется в пределах второй половины VIII — начала IX в.²² Как мы увидим далее, готландская параллель не случайна. Еще две аналогичные янтарные кобылки известны в Дорестаде (Roes 1965: 45, 46, pl. XIX: 140, 141), две — в Элисенхофе (Шлезвиг) и одна — в «Svarta Jorden» в Бирке (Crane 1972: 13, 14). Лирьы были связаны с досугом высших слоев западноевропейского общества (Hillberg 2015: 52). «Ар-

фисты и скрипачи» упоминаются в Саге об Инглингах и Саге об Олаве Святом, как принадлежность богатого двора конунга (Снорри Стурлусон 1980: 22, 237). Использование этого инструмента славянским певцом (особенно учитывая раннюю датировку находки — VIII–IX вв.) маловероятно, как уже отмечалось В. И. Поветкиным. К германским развлечениям в Восточной Европе относилась в VIII–IX вв. и игра с использованием характерных костяных полусферических фишек, одна из которых встречена на Любше (Миляев 2017: рис. 5: 4). На городище найдено необычно много ладейных заклепок (по Е. А. Рябинину — до 50 экз.), принадлежавших, в большинстве, конечно, клинкерным морским кораблям (Миляев 2017: 231). Собранные (расклепанные с шайбами) заклепки попадали сюда вместе с корабельными досками вторичного использования и в качестве железного лома. Вероятно, заготовки для них делались в местной кузнице. Корабли же строились и ремонтировались на берегу Волхова.

В-третьих, среди городищ Ильмень-Волховского региона Любша — едва ли не самая слабая в военном отношении крепость. Ее размеры 70×60 м (Кирпичников, Петренко А-1973: л. 4). При этом пространство внутри вала городища имеет размеры всего 35×30 м (площадь не более 0,1 га). Длина подковообразного вала — 70 м при максимальной ширине (в расплывшемся состоянии) от 15 до 18 м (Кирпичников, Петренко А-1973: л. 4). Весьма скромной была и высота вала, по подсчетам Е. А. Рябинина — до 3 м (Рябинин А-2001: л. 4). В. П. Петренко отмечал, что высота вала с напольной стороны около 2 м (Кирпичников, Петренко А-1973: л. 4, 8). Реальная высота вала, зафиксированная при его прорезке, и того меньше: на участке раскопа II (это наиболее угрожаемое центральное направление предполагаемого штурма) — 1,58 м при ширине 6–8 м (Миляев 2018: 211). Столь же незначителен и ров — шириной 2,2 м и глубиной 0,5 м (Миляев 2018: 213).

В-четвертых, фортификации Любши включают каменную стену. При раскопках оплывшего вала обнаружена сложенная насухо плитняковая стенка высотой до 2,5 м (Рябинин А-2001: л. 2) и шириной около полуметра (Рябинин 1998: 5). На некоторых участках вала вместо стенки снаружи зафиксирован развал плитняка, интерпретированный как «чешуеобразная обкладка вала» (Кирпичников, Петренко А-1973: л. 8; Петренко, Шитова 1985: 183). Положенные в один ряд известняковые плиты в раскопе В. П. Петренко, прорезавшем вал в южной части городища, больше похожи на декоративную внешнюю облицовку, нежели на фортификационный элемент (Петренко А-1972: л. 1, 3–5). Наконец, в центральной части каменной стены нет вовсе, а вместо нее присутствует какая-то «подпорная стенка» высотой

²¹ Исландские пряди 2017: 127.

²² Подробный разбор хронологии этого погребения см. в разделе, посвященном кургану из Вибю.

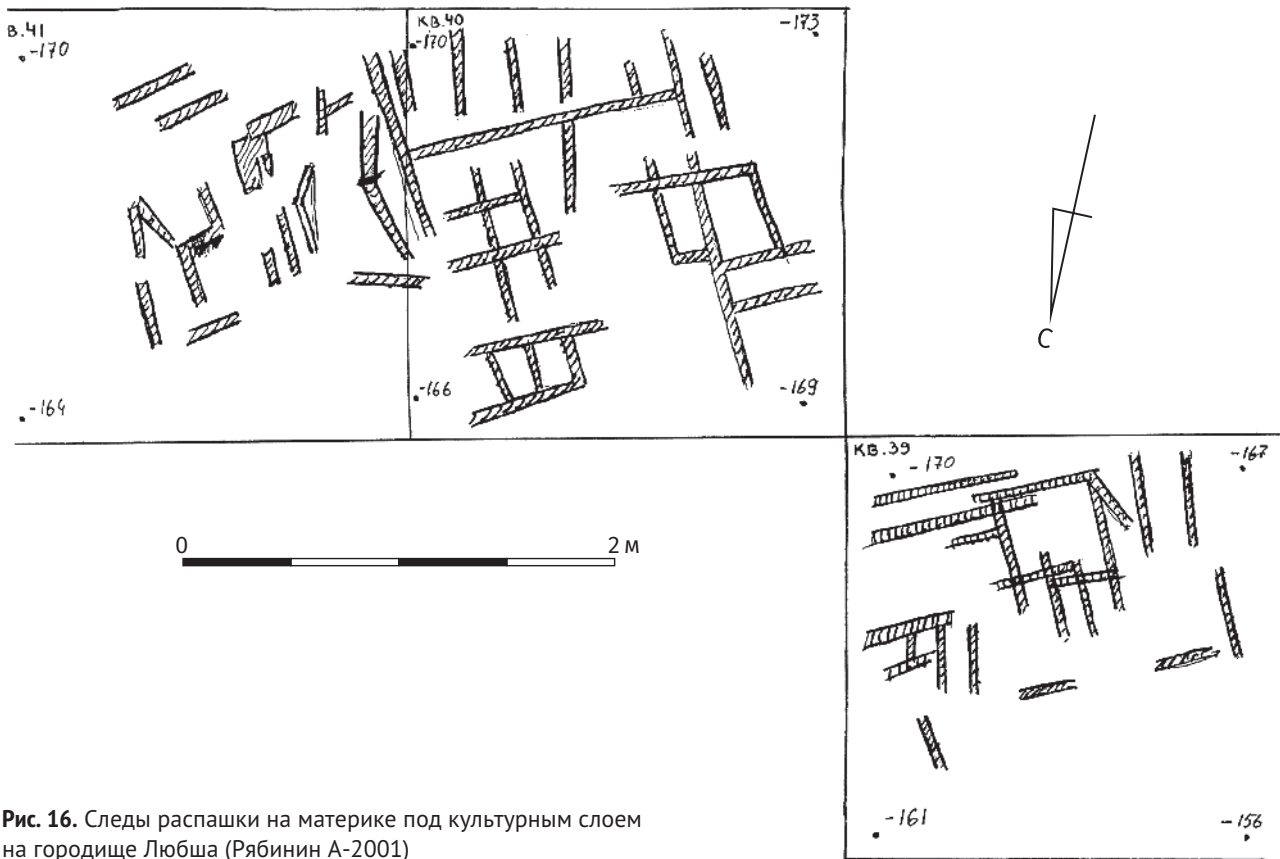

Рис. 16. Следы распахки на материке под культурным слоем на городище Любша (Рябинин А-2001)

0,38 м и шириной 0,45 м (Миляев 2018: 213). Вероятно, каменная облицовка здесь разобрана.

Земляной вал, примыкавший к плитняковой кладке изнутри, имел, по мнению Е. А. Рябинина, в основе решетчатую конструкцию из бревенчатых лежней. Они упоминаются в полевых отчетах и публикации (Рябинин А-1999: л. 4; Рябинин, Дубашинский 2002: 198), присутствуют на реконструкции (Рябинин 2003: 178), но на полевых чертежах не зафиксированы, поэтому остаются под вопросом (Миляев 2018: 215). Наконец, возле Волхова внешний скат вала вовсе не имел отчетливых каменных элементов (Рябинин 1999: рис. 35). Не ясно время образования наплыва грунта с внешней стороны плитняковой стенки. Автор раскопок полагал, что он накопился после разрушения укреплений, т. е. плитняковая кладка первоначально была не прикрыта землей и выполняла роль фасадной «подпорной стенки». На предложенной им реконструкции, однако, кладка все же прикрыта грунтом (Рябинин 2003: 178)²³.

Какую функцию выполняла легкая каменная кладка на Любшанском городище? Едва ли она имела существенное оборонительное значение. Как бы

ни называть ее — «подпорной стенкой», «облицовкой» и т. д., ясно, что легкая плитняковая конструкция, «псевдокаменная стена», служила фундаментом для фасада какой-то нетяжелой деревянной постройки, стоявшей на невысоком валу. Каменная стенка носила декоративный характер, заключая в себе идею манифестации силы, адресованную людям, видевшим где-то настоящие каменные стены.

Вопрос о происхождении любшанских укреплений следует начать с рассмотрения традиции использования плитняка в фортификации вообще. Казалось бы, этот прием должен быть распространен повсеместно, где имеются выходы известняка. Но это не так. В качестве примера приведу выходы плитняка по течению Западной Двины, которые начинаются между Велижем и Витебском — в полосе, занятой древностями культуры длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины. На берегах Западной Двины известны городища второй половины I тыс. н. э., но плитняковые (и вообще — каменные) конструкции не выявлены. Использование плитняка в Витебске начинается только с храмового строительства в древнерусское время. Встречаются выходы известняка на Ловати и Верхней Волге, в Помостье и некоторых других местах. Но плитняковых кладок на городищах мы там не знаем.

Единственное городище в Приильменье, где присутствует плитняковое ограждение площадки, —

²³ Песчаные насыпи, подпиравшие с напольной стороны плитняковую стенку, обнаружены, например, на городищах Пуртсе и Койла в Эстонии (Мяэсалу, Тамла 1983: 307, 308).

Городок на Шелони, о котором уже говорилось в томе 1. Плитняковая кладка здесь относится к последней четверти I тыс. н. э. В городке на Шелони также заметны скандинавские элементы.

Каменные конструкции выявлены в первоначальном валу Изборска. Опубликованная полевая документация (Седов 2007: рис. 55; 56; 193–197) показывает, что это была, скорее всего, не «древнейшая каменная стена», возведенная на более раннем вале, как ее описывает В. В. Седов (2007: 73–75; 169), а единая конструкция, включавшая насыпной вал (его ширина всего 4 м при высоте ок. 1 м), дополненный плитняковой облицовкой с внешней стороны, и какие-то несохранившиеся деревянные сооружения, стоявшие на этом фундаменте, возведенном из глины и плиты. Возможно, деревянные конструкции тоже были отчасти облицованы плитняком. Эта фортификация близка любшанским укреплениям как по технологии, так и по очень скромным масштабам всего сооружения, ширина которого составляла всего около 5 м. При этом, конечно, нужно помнить, что число обитателей изборского городища во много раз превышало чисто обитателей любшанского городка. Датировка древнейших укреплений Изборска определяется по ранним находкам с площадки — третьей четвертью I тыс. н. э. (Седов 2007: 116).

Еще один пример известен в западной части Ижорского плато. Там с напольной стороны вала городища Пиллово-2 прослежена какая-то каменная кладка. Она не исследовалась; городище датируется второй половиной I тыс. н. э. (Михайлова, Стасюк, Федоров 2016: 263). Логично предположить, что зафиксированная при внешнем осмотре вала плитняковая облицовка относится к финальным векам жизни городища, т. е. к последней четверти I тыс. н. э. Население городища, судя по керамике, было родственно обитателям береговой Эстонии и испытывало заметное влияние скандинавской культуры.

С Ижорского плато ареал раннесредневековых городищ с каменными конструкциями уходит в Северную Эстонию, и об этом уже писал Хейки Валк (Валк 2014). Облицованные плитняком стенки и валы исследованы на городищах Койла и, возможно, Клоуди (первая половина I тыс. н. э.) (Шмидехельм 1955: 169, 175, табл. XV; XVI; рис. 50), на городище Пада II (VI–VIII вв.) (Тамла 1984: 360, табл. XII; Tvauri 2012: fig. 18), на городищах Пуртсе (VIII–IX вв.) (Шмидехельм 1955: 176; Мяэсалу, Тамла 1983: 307, рис. 2, табл. XVI), Иру (X–XI вв.) (Lang 1996: 56–66), Варбола (XI–XII вв.) (Тамла, Тыниссон 1983: 310, табл. XVIII: 2). Подобная строительная техника распространилась в тех регионах, где в вендельское время и в эпоху викингов сильно было влияние Готланды и Центральной Швеции (Mägi 2016: 234–240, fig. 1), иногда пред-

полагают — как средство обороны от набегов скандинавов (Tõnisson 1992: 169).

Известно, что заселенные финскими племенами приморские области Балтики были особенно восприимчивы к скандинавским влияниям (Tõnisson 1992). Городища береговой Эстонии важны нам в свете весьма перспективной гипотезы об этнических особенностях скандинавской колонизации Поволжья. Й. Кальмер предположил, что значительную роль в этом движении играло скандинавское население (частично смешавшееся с финно-уграми) сгруппировавшееся в VII–IX вв. на Аландских островах, в Юго-Западной Финляндии, возможно, на Моонзунде и в береговой Эстонии (Кальмер 1999: 155; Callmer 2000: 12–14, 27–28, 32, 35–36, 47; Mägi 2016). Поволховье, согласно такому взгляду, выступает объектом не прямой шведской экспансии, а как бы второго, опосредованного, ее этапа, осуществленного с завоеванных в вендельское время прибалтийских плацдармов (подробнее см. раздел 5.1.3.). Именно в контексте этой гипотезы, мне кажется, следует рассматривать и близость Любшанского городища и городков береговой Эстонии.

А как с подобной техникой фортификации обстоят дела в самой Скандинавии? Большой интерес для нашей темы представляют плитняковые оборонительные конструкции островной Швеции. Экеторп II на Эланде, построенный с использованием такой техники, датируется эпохой переселения народов — ранневендельским временем, т. е. V–VII вв. (Stenberger 1966: 160–161; Wegraeus 1976; Iversen, Näsman 1978). Городище Экеторп периодически, без существенных перестроек (видимо в непродолжительные периоды военных действий), использовалось также в поздневендельское время и в эпоху викингов, о чем говорят отдельные находки этого времени (Eketorp III 1998: 61, 62, 180, 262–264, 275). Островные городища — это, однако, не мысовые городки, как на Руси, а кольцевые или полукольцевые (например, Bårby, Mörbylånga sn) укрепления — наследники римских лагерей и предшественники «треллеборгов» X–XI вв. Около сотни городищ разного типа находится на Готланде, причем значительная часть из них имеет каменные фортификационные сооружения. Близость готландских и эстонских городищ отмечалась в литературе (Engström 1992: 49).

Готландские городища слабо изучены, за исключением Торшбургена близ восточного, обращенного к Руси, побережья острова. Для нашей темы это ключевой памятник. Городище представляет собой скальное плато (его площадь 112,5 га), окруженное по периметру плитняковой стеной (кроме тех участков, где ее делает излишней неприступная отвесная скала). Культурного слоя на плато нет. В Торшбургене мы видим — как на самом деле выглядит оборонительная

стена из плитнякового камня, имевшая бревенчатый каркас. Следы его выявлены археологическими раскопками (Engström 1984). Торшбурген, сооруженный усилиями огромного количества людей, предназначен для укрытия населения большой округи (едва ли не всего острова) вместе с имуществом и скотом. Укрепления варьируют от небольших плитняковых стенок на наименее удобных для штурма участках до огромных каменных массивов. Датировка Торшбургена определяется радиоуглеродными данными. Укрепления первоначально возведены в эпоху переселения народов, перестраивались в поздневендельское время и в финальный период эпохи викингов (Engström 1984: 152–154). Собственно, именно технологии поздневендельского Торшбургена и могут быть сопоставлены с технологиями Любши.

Надо добавить, что там, где плитняк отсутствовал, обитатели Центральной Швеции и готландцы использовали для строительства укреплений валунный камень. Таковы, например, укрепления Хельгё (вендельское время — ранняя эпоха викингов) и Вестергарна (эпоха викингов).

Вернемся к Любше. Образ скандинава, хозяина кузницы, занимающегося ремонтом кораблей, в час досуга наслаждающегося героическими песнями под аккомпанемент лиры, плохо соотносится с продуктами кузнечного и ювелирного ремесла с городища. Оказывается, что подавляющая часть железных изделий с Любши изготовлена в довольно примитивной технике, отличной от скандинавской и даже ладожской, и находящей близкие параллели в восточнославянском ремесле третьей четверти I тыс. н. э. (Розанова и др. 2008: 46, 47). То же самое относится и к ювелирной коллекции с Любши (Щеглова 2003; 2004: 269–270). Как своеобразные норманнские древности Любши уживаются с восточноевропейским ремеслом? Ответ на этот вопрос следует искать в стратиграфии ремесленной зоны памятника, видимо, содержащей два культурных горизонта. Скандинавские находки (заклепки, лиру и некоторые другие; см.: Миляев 2017) следует отнести к позднему этапу (к нему, собственно, относится вал с «облицовкой»). Городище можно, на мой взгляд, расценивать как укрепленную усадьбу, а не как славянский городок. Что же касается ювелирного производства, оно существовало в VIII в. на мысу, видимо, еще до постройки исследованного Е. А. Рябининым вала. Во всяком случае исследователь отметил в культурном слое под валом (даже под лежащими вала) не только находки ранне-средневековой лепной керамики, но и слиток из сплава меди, позволяющий синхронизировать слой под валом в раскопе I «со следами активной ювелирной деятельности в раскопе II» (т. е. на площадке городища (Рябинин А-1999: 4). При этом важно помнить, что керамика из-под вала аналогична лепной сред-

невековой посуде с Земляного городища (Петренко, Шитова 1985: 181; Сениченкова 2010: 74, 75). Скандинавский материал с Любши был проанализирован П. А. Миляевым, который, отметив немногочисленность северных находок, пришел к выводу об отсутствии постоянного скандинавского населения в Любше (Миляев 2017: 241)²⁴. Мне представляется, что речь может идти не об отсутствии норманнов, а скорее о кратковременности их проживания в довольно слабом и не возобновлявшемся укреплении с каменными элементами.

Наиболее логичной картиной развития ситуации видится такая. В VIII в. на берегу Волхова существует неукрепленное земледельческое поселение, обитатели которого распаивают мыс однозубым ралом, скорее всего, с железным наконечником (иначе почвы коренного берега Волхова не поднять). Спустя некоторое время ремесленная окраина поселения надвигается на пашню, откладывая культурный слой с лепной керамикой, аналогичной керамике Земляного городища (для этого должно было понадобиться приличное время). На следующем этапе на мысу появляется укрепление, хозяин которого и внимал скальду с драгоценной лирой, сделанной около 800 г. Вероятно, к этому времени близка и датировка любшанской фортеции. Когда-то в IX в. крепость была взята штурмом и сожжена. Чертежи, опубликованные П. А. Миляевым, создают впечатление, что после этого была разобрана каменная облицовка центральной части вала, а сам он был частично срыт. Похоже, далее жизнь на городище еще какое-то время продолжалась, но утверждать это уверенно мы не можем.

Итак, остановимся на версии, что и эстонские городища, и Любша являются в своей каменной составляющей провинциальными подражаниями знаменитым скандинавским укреплениям. На фоне Торшбургена и Вестергарна становится очевидно, что все известные ранние каменные сооружения Северной Руси (Изборск, Любша, Ладога (?), Городок на Шелони) являются лишь деревоземляными (преимущественно деревянными) фортификациями с элементами каменных конструкций, не несущими основных оборонительных функций, а имевшими, скорее всего, декоративно-представительский характер.

Староладожский археологический комплекс сформировался вокруг мысового поселения при впадении в Волхов р. Ладожки. Окончание мыса в последней четверти I тыс. н. э. имело укрепления. Следы их в виде плохо сохранившихся плитняковых стенок, уложенных насухо на краю коренного берега Волхова, выявлены раскопками 2017 г. Видимо, на эти неширокие (не более 1,5 м шириной) плитняковые

²⁴ Об отсутствии в Любше скандинавов, со слов Ю. М. Лесмана, писал В. Дучко (Duczko 2004: 65).

кладки, игравшие роль фундаментных оснований и облицовки нижней части стен, опирались какие-то деревянные конструкции. Типологически фортификации староладожского городка были близки любшанским укреплениям, укреплениям Городка на Шелони или Изборска. С напольной стороны к городку примыкало обширное поселение, в значительной своей части уничтоженное при фортификационных работах, которые велись здесь неоднократно с древнерусского времени до XVIII в. Лучше всего сохранилась центральная часть этого поселения, так называемое Земляное Городище.

Старая Ладога часто видится исследователями как полиэтничное мультикультурное поселение, родственное западноевропейским эмпориям. Если представители разных этнических группировок жили вместе, то хоронили они своих умерших в отдельных могильниках по обычаям своих предков. Различия в погребальных обрядах стирались постепенно. Так и сформировался «топохрон» Ладоги с Земляным Городищем, обрамленным могильниками с различной погребальной обрядностью.

Мне представляется, что Старую Ладогу, по крайней мере с IX в. и до христианизации, следует рассматривать в первую очередь как *агломерацию* аграрных поселений, в пользу чего говорят несколько фактов:

1. Открытие пахотных горизонтов (времени не позднее VIII в.) на Любшанском городище и на Земляном Городище и рассмотренные выше многочисленные находки железных наконечников пахотных орудий;

2. Дисперсное размещение могильников с большими курганами, свидетельствующее о распределении земельных владений, а также идеи силы и власти между отдельными поселениями или богатыми усадьбами, разбросанными по обоим берегам Волхова;

3. Отсутствие в Ладоге до 1114 г. фортификационного сооружения, способного укрыть все население агломерации. Здесь не найдено ничего подобного по масштабам Боргу Бирки, Торшбургену и Вестергарну на Готланде, Рюрикову Городищу или Яжелбицам 1. Из этого следует разобщенность поселений Ладожской агломерации в VIII–X вв. Военная опасность в Ладожском микрорегионе в VIII–X вв. была невысока. Городища на мысу Ладожки и в устье Любши, с их незначительными укреплениями, способны были отбить натиск самое большее нескольких десятков человек. Излишне объяснять, что об отражении такой военной угрозы, против которой предназначался Борг Бирки, Торшбурген или Яжелбицы 1, не могло быть и речи. Вопрос о времени возникновения здесь единого центра силы и власти остается открытым.

Агломерация у Волховских порогов исследовалась эпизодически и отражена в научной литературе недостаточно (Носов 1976; Кузьмин 1994, 1997, 1998; Кузьмин, Тарасов 1998, 2000; Кузьмин и др. 1999). Центральным ее местом был комплекс памятников у д. Новые Дубовики при впадении в Волхов правого притока — ручья Мельник. Комплекс состоял из мысового городища, укрепленного валом и рвом, и примыкавшего к нему селища, вытянутого вдоль Волхова на протяжении не менее 300 м (Носов 1976: 76). Городище уничтожено карьером и не исследовалось. К северу от поселения располагался могильник, включавший семь сопков (Носов 1976: 80). С.Л. Кузьмину удалось получить информацию еще о трех сопках, располагавшихся к югу от поселения (Кузьмин 1998: 262).

Раскопки на селище производила Невская экспедиция (Г.П. Гроздилов) в 1952 г., Е.Н. Носов в 1972 г. (170 м²). Датировка поселения определяется в рамках VIII–X вв. Важная датирующая находка — гребень, одна из накладок которого (с двойной окантовкой) украшена композицией из дугообразных сегментов, найдена в раскопе Е.Н. Носова 1972 г. в заполнении сооружения № 8 с лепной керамикой (Носов А-1972: л. 9, рис. 33а). Подобные гребни зафиксированы в нескольких достоверных комплексах «перехода» от вендельского времени к эпохе викингов (VIII — начала IX в.). Подробнее об этих гребнях см. раздел о кургане в Вибю. Исследования поселения были продолжены С.Л. Кузьминым в 1997 г. (100 м²) и в 1998 г. (100 м²) (Кузьмин, Тарасов 1998). На селище обнаружены следы производственной деятельности — шлаки, льячка, фрагменты тиглей (Кузьмин 1998: 56), остатки трех углубленных в землю овальных подполий срубных жилых построек (Кузьмин 1998: 56, 57; Кузьмин и др. 1999: 34); Кузьмин, Тарасов 2000: 38). Помимо центрального поселения с укреплением на берегах Волхова известно еще несколько селищ с подъемным материалом эпохи Раннего Средневековья: Михаил Архангел (Кузьмин 1997: 75; 1998: 263), Шкурина Горка (Кузьмин 1997: 75; 1998: 263), Халтурино, где возле селища с лепной керамикой конца I тыс. н. э. находился пробитый в известняке спуск к воде (Кузьмин 1997: 75, 76; 1998: 263, 264).

Три скопления поселений VIII–X вв. в Нижнем Поволжье представляют единый в культурном отношении микрорегион. Несмотря на многолетние интенсивные исследования, материал, который можно было бы уверенно сопоставить с раннеславянскими памятниками Приильменя (Прость, Городок на Маяте, Сельцо, Бронница), не говоря уже о более южных областях Ильменского бассейна на его границах с Подвиньем, очень незначителен (Сениченкова 2010: 73, 74; Лапшин 2019: 301, 302, рис. 22; 2019а). Возможно, когда-нибудь следы первых проникновений этого населения по Волхову и будут найдены,

но открытие следов колонизации сомнительно. Расселение славян в Нижнем Поволжье следует пока датировать, мне представляется, не ранее VIII в.²⁵

Присутствие скандинавов в Нижнем Поволжье определяется, как известно, рядом археологических наблюдений. Хорошо известно наличие находок скандинавского происхождения в культурном слое Старой Ладogi (уже в древнейших слоях) и городища Любша. Известны некоторые принципы домостроительства, находящие параллели в Скандинавии (староладожские «большие дома» традиционно считаются скандинавской адаптацией местных строительных традиций: Arbman 1955: 37; Callmer 2000: 31; Кирпичников 2004: 96; 2014: 238–240; Кузьмин 2008: 75; Волковицкий, Селин 2012: 185). Широкое распространение в Нижнем Поволжье традиции морского клинкерного судостроения с использованием железных заклепок для скрепления поясов обшивки. Следы изготовления и ремонта таких кораблей встречены на городище Любша, на поселении на Ладожском мысу (в крепости и на Земляном Городище), а остатки сожженных кораблей (или лодок) — в курганах Плакунского могильника.

Менее известно сходство *техники* фортификационного строительства между Любшанским городищем VIII–IX вв. и городищами островной Швеции (Торшбурген, Экеторп). Речь идет о возведении деревоземляных валов с опорой на сухую плитняковую кладку с фасадной стороны. Я говорю исключительно о *технике*, поскольку *масштабы* фортификационного строительства в Скандинавии ни в какое сравнение с аналогичным восточноевропейским строительством не шли. Это заимствование подчеркивает в восточноевропейском материале роль Готланда в начальной русской истории — роль, еще мало осознанную археологами. Специфические готландские черты выделяются и в материалах из раскопок Земляного Городища.

Важно отметить сходство *комплекса* металлических деталей земледельческих орудий Староладожского микрорегиона, Средней Швеции и Юго-Западной Финляндии, с одной стороны, и отличие их от

комплекса орудий того же назначения из Верхнего Поволжья и Приильменя — с другой.

И наконец, нужно указать на особый способ сакральной организации пространства земледельческих угодий — традицию возведения вертикальной доминанты, неподвластной разрушению временем, или большого кургана. Идея оптической доминанты как символа господства и землевладения была совершенно чужда славянской культуре до IX в. В Нижнее Поволжье эта идея, несомненно, занесена из Средней Швеции, где она находит почти повсеместное воплощение с эпохи переселения народов (V–VI вв.). Широкое распространение традиции относится к VII–VIII вв. и связано с укреплением в Швеции власти родовой аристократии (королевские курганы) и развитием институтов общинных собраний (курганы тинга). Усвоение славянами этих традиций в IX (конце VIII?) — X в. было обусловлено наличием у них своего оригинального курганного обряда, в котором существовала уже идея кургана как принципа организации пространства, но без оптической составляющей, создающей доминанту в центре окультуренного пространства. Курганы КДК V–VIII вв. преимущественно маркировали границы этого освоенного пространства, а не его центр. Распространение «сопкой» традиции следует связывать с разделом и укреплением земледельческих угодий за отдельными родами и семьями. Решающую роль в распространении традиции больших курганов (сопок) в Восточной Европе сыграло преобладание здесь во второй половине I тыс. н. э. пойменного земледелия, буквально «вынесшего» скандинавскую идею большого родового кургана на мысы и края надпойменных террас русских рек и озер. Спор о способе использования этих сакральных доминант (были ли это родовые или коллективные усыпальницы, или же «языческие храмы») мне представляется праздным. Большой курган мог использоваться самым различным способом и культ предков, воплощением которого он являлся, мог принимать разные формы, о которых мы практически не имеем представлений.

Все это (особенно традиция больших курганов — сопки) говорит о том, что в районе Старой Ладogi в VIII–IX вв. выходцы из материковой Средней Швеции и с Готланда составляли заметную, может быть временами лидирующую, группу оседлого населения. На Земляном Городище под защитой небольшого укрепления на стрелке ладожского мыса концентрировалось зажиточное торговое сословие. На противоположном берегу Волхова располагалось еще одно поселение, следы культурного слоя которого были обнаружены в переотложенном виде в насыпи «сопки в пойме» (Еремеев 2007). Учитывая его топографическую связь со скандинавским курганным могильником в ур. Плакун и с «сопкой в пойме», можно

²⁵ Представления о появлении скандинавских колонистов в Нижнем Поволжье прежде славян пытались на топонимических материалах доказать Т. Н. Джаксон. По ее мнению, топоним *Ладога* появился в языке славян-новгородцев через посредство скандинавского *Aldeigia* от исходного финского гидронима (Джаксон 1994: 78). За пределы Нижнего Поволжья исследовательница в своих рассуждениях не выходит. Не берясь судить о корректности лингвистического анализа, отметим, что подобные топонимы встречаются в европейской России в достаточном количестве, причем в тех регионах, где следы скандинавов не выявлены. Пока лингвисты не объяснят этот факт, следует относиться к скандинавской версии происхождения названия *Ладога* с осторожностью.

с достаточной долей уверенности отнести поселение к скандинавам. Еще одной резиденцией выходцев из Швеции на какое-то время стало городище Любша. Вероятно, существовали и другие места обитания колонистов; очевидно, что их следы следует искать возле сопок. В географическом пространстве это общество представляло собой достаточно рыхлый конгломерат земледельческих усадеб, ремесленных мастерских (в первую очередь связанных с судостроением) и сезонных мест проживания купеческих общин. Конгломерат этот лишен был прочного политического единства. Отчасти свидетельством этого служит легенда ПВЛ, в которой повествуется об изгнании за море варягов, взимавших дань со славяно-финского населения Северной Руси. Миграция варягов (уход за море под военным давлением) вместо ожесточенной борьбы за землю может говорить о том, что они не прерывали связи с метрополией; возможно, значительная их часть не находилась в Поволховье постоянно. Во всяком случае, они не имели возможности оказать сопротивление, что вполне согласуется как с их малочисленностью, так и со слабостью той фортификации, которую можно им предположительно приписать.

Выводы по ГЛАВЕ 5

Раннесредневековая земледельческая колонизация Восточно-Балтийского региона во второй половине I тыс. н. э. прошла через два этапа (пойменный и береговой) и вступила в третий — водораздельный. Последовательность обусловлена как динамикой увлаженности, так и ростом населения. Нижнее Поволховье как территория длительного (с середины VIII в., возможно, и ранее) скандинавского воздействия, это в первую очередь *земледельческий микрорегион*, и его освоение связано с *береговым этапом*, для которого характерно использование орудий с железными наконечниками. Анализ их форм указывает на возможное присутствие в Нижнем Поволховье скандинавских традиций землепашества.

Структура расселения здесь — совокупность укрепленных поселений вокруг нескольких малых городков. О том, что они не представляли единой системы, говорит то, что Любша и Дубовики находясь на противоположном берегу от поселения в устье Ладожки. Откуда бы ни пришла опасность — сверху или снизу по Волхову, — самое богатое поселение оказывалось отрезано от городков. Широкая река не давала возможности перегнать скот и объединить силы, благоприятствуя нападающей стороне. Все это исключает наличие какого-то плана в географии городищ, и вряд ли стоит расценивать Любшу (Кирпичников 2014: 230) и Дубовики как «форпосты»

Ладоги, как это часто делается. Больше похоже, что каждый из городков был сам за себя.

Городища отражают свойства и уровень насилия в обществе. Изучая их как средство ведения оборонительных боевых действий, следует помнить о том, что оборонительное и наступательное оружие всегда развиваются во взаимодействии. В формах оборонительного оружия закодированы свойства и тактика применения оружия наступательного. На Готланде на рубеже вендельского времени и эпохи викингов мы видим гигантское городище Торшбурген, подразумевающее единовременную эвакуацию всего острова. Это говорит о высокой военной опасности и непревзойденных возможностях ответной мобилизации. Населению Готланда угрожали крупные морские десанты, отразить которые можно только сообща. Нечто в том же роде мы видим в Приильменье. Такие большие городища как Бронница, Городок на Шелони и особенно Яжелбицы 1 позволяли укрыть население ближайшей округи. В середине IX в. в число этих городищ добавилось Рюриково Городище 5. В Приильменье явно происходили в этот период военные столкновения с участием большого количества людей.

Саги и изображения на готландских рунических камнях свидетельствуют о том, что штурмы и осады хуторов были нередким явлениям в Скандинавии. Упомянуты саги и об укрепленных дворах, например, об усадьбе Хромунда Хромого (Исландские пряди 2017: 127, 715). Имеются археологические свидетельства о таких укреплениях — королевская усадьба в Форнситуне имеет планировку, очень близкую к славянским городкам. В то же время, городки Нижнего Поволховья выпадают из общего фортификационного раннеславянского контекста лесной полосы Восточной Европы. Технология каменного строительства ставит их в один ряд с укреплениями береговой Эстонии, Готланда и Эланды. Но при этом их можно назвать скорее имитациями последних. Ладожские городища (включая и Новые Дубовики) малы и слабо укреплены, не позволяли накапливать под защитой стен силы для ответного удара. Фактически это укрепленные усадьбы. Исходя из того, что мы знаем о набегах норманнов в конце VIII — IX в., они не были надежным убежищем от отрядов, способных осадить европейские города или такие укрепления, как Торшбурген и Вестергарн на Готланде, Бирку или Хедебю. Городища Нижнего Поволховья предназначены не против викингов, а против менее крупной опасности, исходившей с суши. Опасны были обитавшие на границе южной тайги прибалтийско-финские племена (вожане, как известно, еще в середине XI в. способны были напасть на Новгород). Но, куда большая опасность грозила Ладоге с Ильменя, со стороны славянского мира.

ГЛАВА 6. Славяно-скандинавский культурно-политический синтез в IX – первой половине X в.: динамика земледельческих традиций и погребальный обряд

Немыслимо, чтобы мифология народа возникала из чего-либо уже наличествующего и среди наличествующего, а потому ей не остается ничего иного, кроме как возникнуть вместе с народом — в качестве сознания народа-индивида; вместе с этим сознанием народ и выступает из всеобщего сознания человечества, благодаря такому сознанию он и есть вот этот народ, и оно отличает его от всех иных народов не меньше, нежели его язык.

Ф. Шеллинг. *Введение в философию мифологии*²⁶

6.1. Большие курганы и сопки в Балтийском регионе

Для средневековых хронистов окруженные почитанием могилы героев (подлинные или легендарные) воплощали былую славу, и хроники подкреплялись упоминаниями больших могильных холмов. На заре археологической науки любители старины ожидали в них самых богатых реликвий. В общественном сознании Скандинавии королевские курганы Осеберга, Упсалы и Еллинга стали национальными символами. В России курганы языческих правителей забыты. Только в Старой Ладогe известна сопка «Олегова могила». Действительно, Н1 сохранила предание о ладожской «могиле» Олега Вещего (ПСРЛ, т. III. 2000: 109). Но топоним имеет книжное происхождение и возник не раньше XIX в. Летопись не позволяет локализовать могилу князя, да и неизвестно — был ли он похоронен именно в кургане (слово «могила» — многозначно). Фольклорная традиция отводит сопкам совсем иное место в истории края. Еще недавно жители приписывали их воинам-инородцам — «литве» или «шведам».

Любой большой курган предназначен для обозрения людьми и несет им определенную информацию. Это качество, которого лишены археологические памятники (поселения и рядовые могильники), с которыми обычно сталкивается археолог. Разумеется, насыпая курган, люди Средневековья рассчитывали на достижение определенного эффекта, на передачу некоей идеи в обозримом человеческом будущем — в ближайших поколениях. Но отблеск этой идеи, слабый и искаженный, все же заметен и человеку современности, и архитектурно-композиционный смысл сооружения может быть им понят. Образы варварского прикладного мировоззрения, заложенные в облике большого кургана, доступны для гипотез

тетической реконструкции. Поэтому так важно изучение места кургана в древнем жилом и хозяйственном ландшафте и рельефе, позволяющее понять, каким памятником выделялся (в прямом смысле) его создателям и их ближайшим потомкам.

Сведения иного характера получает археолог, *раскапывая* большой курган и обнаруживая следы языческих обрядов, смысл которых утрачен. Это следы законченной мистерии, в которых нет «послания потомкам», *специально заложенной* информации, похожей на ту, которая содержится в топографии, форме и позиции кургана в пространстве, окружающем древнее поселение. Анализируя материальные следы погребального ритуала и находки, мы можем лишь строить предположения о дате или этапах возведения насыпи, о социальном статусе и этнической принадлежности погребенного, о его связях с окружающим миром и так далее, т. е. о тех основных вопросах, которые встают при изучении *любого* погребения.

В центре внимания этого исследования — самая загадочная группа восточноевропейских раннесредневековых древностей — новгородские сопки. Сотни огромных (до 11 м высотой) курганов были насыпаны на берегах рек и озер Северо-Запада России в IX–X вв. Этот феномен сопровождал появление на исторической сцене нового древнерусского государства и нового народа — руси. Подобного по масштабам строительства монументальных курганов во второй половине I тыс. н. э. мы не знаем более нигде в Европе за исключением Швеции и области скандинавского мира, наиболее тесно связанной с Восточной Европой. Вот основные вопросы дальнейшего исследования:

- Где находятся прообразы сопок, и где зарождался этот обряд.
- Какова динамика возведения больших курганов в Восточной Европе во времени.
- Каков социальный статус погребенных в сопках.

²⁶ Шеллинг 1989: 213, 214.

• Каково этническое происхождение населения, с которым связаны сопки.

«Норманнская» гипотеза появления на Руси монументальных курганов господствует в отечественной историографии и приводит к необходимости сопоставления сопок с большими курганами Средней Швеции вендельского времени и рубежа его с эпохой викингов. Начинать эту работу нужно с уточнения их хронологии.

6.1.1. Большие курганы Центральной Швеции VII — первой половины IX в.

В этой стране долго были добрый мир и урожай, но в ней живет намного больше народу, чем способна прокормить эта земля. <...> Пускай все то множество людей, которое тут собралось, насыплет здесь подальше на мысу большой курган и обнесет мыс оградой, так чтобы никакая скотина не заходила туда. И пусть всякий уважаемый человек принесет в этот курган полмарки серебра себе на погребение.

*Прядь об Олаве Альве Гейрстадира*²⁷

Под термином «большой курган» я подразумеваю курган, отличающийся внушительными размерами и рассчитанный на зрительное восприятие со значительной дистанции (от нескольких сот метров до нескольких километров). Возможность такого восприятия обеспечивалась помещением насыпи в доминирующие точки рельефа среди открытых пространств (пахотных полей или пойм). Большой курган становился, таким образом, элементом аграрного ландшафта (Еремеев 2007). Высота и диаметр насыпи зависели от статуса погребенного и физических возможностей населения округи, возводившей курган, а также от особенностей ландшафта. Для создания насыпи, доминирующей над обширными пашнями Упсальской равнины или Восточного Вестманланда требовалось сооружение 6–10-метровой громады. Но значительная часть населения Средней Швеции в I тыс. н.э. была привязана к клочкам пахотной земли в узких долинах, зажатых между водоемом и скальными массивами. В подобном ландшафте достигнуть аналогичного зрительного эффекта можно было гораздо более скромными средствами при условии удачного выбора участка рельефа. В этом случае даже сравнительно скромная насыпь диаметром 15 м и высотой 2–3 м, господствующая над расчищенными от леса наделами, могла производить внушительное впечатление. Указанные размеры я и буду считать минимальными при подборе материалов по большим курганам Меларского региона.

²⁷ Исландские пряди 2017: 203.

Большие курганы возникают в Средней Швеции как погребения представителей социальной верхушки. Как правило, курган возводился для одного захоронения²⁸. Анализ погребального инвентаря, связь больших курганов с известными по письменным источникам и данным топонимики королевскими владениями и усадьбами знати — все это не оставляет сомнения в социальном значении обряда, выраженного в принципе: «чем знатнее человек, тем больше и богаче его курган». Знатность «могильного жителя» выражалась не только размерами кургана, но и богатством заупокойных даров. Ряд элементов погребального набора в престижных захоронениях является поразительно устойчивым на протяжении всей второй половины I тыс. н. э. К их числу относятся гребни, игральные шашки, привозные стеклянные кубки, железные заклепки от ларцов и каких-то массивных изделий — ладей, повозок, сундуков или, возможно, парадных сидений. Техника сооружения больших курганов Средней Швеции мало меняется на протяжении всей второй половины I тыс. н. э. Как правило, на уровне погребенной почвы располагалась каменная кладка, перекрывавшая погребение, совершенное по обряду сожжения. По размерам каменное ядро кургана колебалось от небольшой вымостки до огромной груды, занимающей большую часть объема насыпи. В некоторых случаях под курганом обнаруживается несколько каменных кладок. Большие курганы Средней Швеции делятся исследователями на несколько групп (табл. 50).

1. Огромные «королевские» курганы по 40 м и более в диаметре. Это курганы Старой Упсалы (табл. 50, № 22–24), насыпь в Асхусбю в Упланде (не исследована). Самым высоким является «Курган Анунда» в Вестманланде (табл. 50, № 39), имеющий высоту около 11 м. На территории Средней Швеции подобных насыпей известно всего 14 (Swensson 1983: 26).

2. Более скромные курганы, диаметр которых колеблется между 15 и 40 м, а высота составляет 2–5 м. Среди них встречаются монументальные сооружения, не уступающие по производимому ими впечатлению курганам Старой Упсалы. В некоторых случаях они копируют композиционные приемы, использованные при постройке упсальских курганов. Таковы, например, могильные холмы в Вадабю (Nerman 1960; Ambrosiani 1985). Больших курганов этой группы в Средней Швеции очень много — плотность их распространения вполне сопоставима с плотностью сопок в областях Северо-Западной России (ил. 1–3).

²⁸ Идея коллективного захоронения в кургане была совсем не чужда северогерманскому мифическому сознанию. См., например, Прядь об Олаве Альве Гейрстадира (Исландские пряди 2017: 203, 204). Археологических свидетельств таких захоронений пока, однако, не найдено.

3. Уплощенные курганы большого диаметра. В литературе они получили название «курганы тинга». В некоторых случаях их вершина оформлена в виде специально утрамбованной широкой площадки. Такие насыпи входят в ансамбли королевских усадеб в Старой Упсале (**табл. 50, № 25**) и Форнситуне (**табл. 50, № 28**). Иногда при округлой вершине они имеют очень пологие склоны — таковы насыпи в Останбро и «Курган короля Харальда» в Вестманланде (Nerman 1963: fig. 4; 5). «Курганы тинга» играли важную роль в общественной жизни, будучи связаны с общинными собраниями, судебными разбирательствами и языческим культом. Хорошо прослеживается связь этих сооружений с королевскими усадьбами (Damell 1991; 1993). Возведение таких курганов не всегда предполагало совершение погребений, хотя в качестве «курганов тинга» могли использоваться и могильные насыпи.

Композиционные приемы едины для всех трех групп. Большие насыпи редко строились на ровной поверхности долин (исключение составляют некоторые курганы Вестманланда, например «Курган Анунда»). Выделяются следующие основные приемы:

1. Насыпи на озовой или моренной гряде, возведенные с подрезкой ее склонов и гребня. Самым ярким примером такого архитектурного решения являются курганы Старой Упсалы. Реже для возведения кургана использовались выходы гранитной скалы.

2. Насыпи на округлой природной возвышенности с подрезанными склонами.

3. Насыпи на пологом склоне, рассчитанные на восприятие снизу, с воды или из долины. При таком приеме часто использовалась эскарпировка склона, но это не всегда можно установить без раскопок. Это, пожалуй, наиболее многочисленная группа курганов.

4. Насыпи на краю ровных платообразных возвышенностей. Этот тип курганов, столь широко известный в Восточной Европе, в Средней Швеции встречается нечасто в силу природных особенностей региона — из-за отсутствия речных террас.

Отчасти подобное размещение курганов диктовалось практическими целями — вынести могильник за пределы остродефицитных в Средней Швеции долинных пахотных угодий. Но основной смысл был явно иным. Необходимо было придать большому кургану как можно большую монументальность, максимально используя для этого рельеф местности. Трудно проследить какую-то упорядоченность в размещении больших курганов относительно поселений. Известны насыпи, расположенные почти вплотную к постройкам, иногда они отстоят от поселения на расстоянии нескольких сотен метров.

В некоторых случаях для создания большого кургана использовались более древние погребальные холмы. Дважды при раскопках в основании насыпей эпохи викингов были обнаружены курганы римского времени (Zachrisson 1994: 228, 229). При сооружении в X в. верхней части большого кургана в Бруннбю (**табл. 50, № 3**) в качестве подножия был использован курган Вендельского времени (Hansson 1938). В этих случаях можно предположить, что создателям позднего кургана были достоверно известны персонажи, которым принадлежали первоначальные погребения. Более сложна ситуация с курганом Эпохи бронзы в Хога (**табл. 50, № 18**), в котором была обнаружена фибула Вендельского времени и наконечник стрелы, возможно, принадлежавшие разрушенному перекопками впускному погребению (Almgren 1905: 37, 38).

Большие курганы в центральной части Швеции образуют два крупных скопления. Часть памятников тяготеет к западной части полуострова, обращенной к Норвегии. Вторая группа лежит на востоке, в области озера Меларен в провинциях Упланд, Сёдерманланд и Вестманланд (**ил. 1**). Для нас особенно важно изучение больших курганов в этих провинциях, поскольку именно их обитатели в конце Вендельского времени и в Эпоху викингов имели наиболее тесные контакты с восточными областями Балтийского региона.

В октябре 2008 г. в Стокгольмском университете была защищена диссертация П. Братта, посвященная большим курганам Меларского региона как показателю динамики формирования социальной элиты на этой территории (Bratt 2008). Новейший картографический материал и каталог, тщательно составленный этим автором, будет служить мне основной опорой для дальнейшей работы. К монографии П. Братта я отсылаю читателя за подробным изложением развития исследовательской мысли в области изучения больших курганов Скандинавии. Свой же историографический обзор постараюсь сделать предельно кратким. Углубленное изучение больших курганов Швеции открывает монументальное монографическое исследование С. Линдквиста (Lindqvist 1936). С начала XX в. увидели свет множество публикаций, посвященных отдельным памятникам (Almgren 1905; Schnittger 1912; Arne 1924; Schnell 1928; Ekholm 1931; Rydh 1936; Hansson 1938; Einerstam 1940; Nerman 1961; Svensson 1983; Arrhenius 1990; Bratt 1999; Palm 2001, 2002; Kaliff, Oestigaard 2018). Вышел также ряд работ по исторической географии Центральной Швеции, в которых большие курганы рассматриваются как элементы богатых усадеб, занимавших ключевые позиции в системе расселения и на путях сообщения (Hyenstrand 1981; Wijkander 1983; Ambrosiani 1985; Bratt 2008; Schneider 2011). Наиболее детально изучены на сегодняшний день

знаменитые королевские погребения Старой Упсалы (Lindqvist 1936; Duczko 1996; Ljungkvist 2008), хотя сами курганные насыпи над этими погребениями, фрагментарно раскопанные в XIX в., еще таят немало загадок. Обобщающих работ по крупногабаритным насыпям со времен С. Линдквиста написано немного, и они носят обзорный характер (Svensson 1983; Müller-Wille 1992; Silver 1996; Bratt 1996, 2008). Значительная информация сосредоточена в полевых отчетах. Часть их издана, некоторые хранятся в архивах и музейных собраниях.

О плотности распространения больших курганов в области озера Меларен дают представление несколько опубликованных археологических карт. Единственная сводная карта по Средней Швеции, которую составил О. Хюенстранд, учитывает только курганы диаметром более 25 м (Huenstrand 1981) (ил. 2). Список и карту «королевских» курганов в Упланде опубликовал К. Сильвер (Silver 1996). Наиболее полная информация о больших курганах (диаметром до 20 м) бассейна оз. Меларен до недавнего времени содержалась в каталоге К. Свенссона (Svensson 1983). В настоящее время мы располагаем прекрасными картами и единым каталогом, составленными для Упланда, Сёдерманланда и Вестманланда П. Браттом (Bratt 2008: fig. 40, 43, 48) (ил. 3).

Оценивая состояние изученности шведских больших курганов, замечу, что этот материал преимущественно служил исследователям инструментом исследования микрорегиональной истории, системы расселения, кристаллизации элиты в вендельское время и ее преемственных связей с аристократией эпохи викингов и христианского Средневековья, а также для рассмотрения административно-территориальных структур, связанных с королевской властью. П. Братт продемонстрировал, что наиболее спорные и неразработанные сюжеты связаны с хронологией. Поэтому мною было принято решение начать работу именно с детальной публикации погребений и хронологического анализа инвентаря.

Неопределенность во взглядах на то, насколько велик или богат должен быть курган, чтобы называться «большим», ведет к тому, что точный подсчет количества подобных захоронений затруднен. Шведские исследователи при составлении карт обычно берут за основу диаметр курганов (например, 20 м и более). Общее количество таких больших курганов в Меларском регионе по публикациям прошлого века составляло 255 насыпей (Swensson 1983: 26; Bratt 1996: 25). В монографии П. Братта содержится информация о 268 курганах (Bratt 2008: 338–355). Правда, в список включены и плоские (высотой до полуметра) насыпи шириной 20 м. В то же время трехметровые сооружения несколько меньшего диаметра в каталог

не попали, что, конечно, создает несколько искаженную картину. Тем не менее, вряд ли нужно продолжать на этих страницах скрупулезный подсчет «больших курганов», требующий полевой работы. Ведь, как говорилось выше, большой курган в первую очередь *выглядит* большим. Как ни детальна документация шведской системы учета древностей, без осмотра памятников здесь не обойтись. Поэтому, взяв за основу картографический материал П. Братта, следует принять к сведению, что общее количество монументальных курганных захоронений в Средней Швеции составляет приблизительно 300 насыпей, и обратиться к раскопанным археологическим комплексам.

Всего в Меларском регионе, по первоначальным данным П. Братта, исследован 41 большой курган (от 15 до 67 м в диаметре) (Bratt 1996: 17). В своей статье 2007 г. я опубликовал предварительную таблицу, включавшую 35 курганов (Еремеев 2007: 253–255). В итоговой работе, опубликованной в 2008 г. П. Братт в качестве источниковой базы использует 75 курганов — все исследованные насыпи диаметром 18 м и более, а также некоторые курганы диаметром 10–17 м (Bratt 2008: 210). В результате, в каталоге рядом с большими курганами Старой Упсалы странным образом оказались, например, насыпи диаметром 10 м и высотой 1 м (Bratt 2008: 210), диаметром 11 м и высотой 1,1 м (Bratt 2008: 217) и т. д. Список следует сократить, убрав могильные холмы, размеры которых при самом не критичном подходе не соответствуют требованиям, предъявляемым к *большим* курганам, а именно насыпи диаметром менее 17 м и высотой менее 2 м.

Сравнение каталога П. Братта, составившегося им на протяжении 16 лет (Bratt 2008: 3), и моей таблицы показало, что, по сути дела, собирая в 2005–2007 гг. данные по Средней Швеции, я упустил сравнительно немного. Следуя последним описаниям П. Братта, я добавил в свою таблицу шесть курганов: погребение из Löta (Bettna sn), Rissne (Spånga sn), Gryttjom (Tierp sn), Vårby (Huddinge sn), Ene (Överjärna sn) и курган из могильника Бирки (Bj. 82). Еще две насыпи, учтенные мной: из Häggvik (Sollentuna sn) и Rösaring (Låssa sn) в каталоге П. Братта отсутствуют. Таким образом, общее количество исследованных больших курганов действительно составляет 41 насыпь, включая один учтенный мной могильник, расположенный за пределами Меларского региона — в Смоланде (Gunnerstad, Gamleby sn).

В числе того, что следует, на мой взгляд, позаимствовать у П. Братта (кроме данных о нескольких упущенных нами комплексах) — расположение материала по алфавитному порядку церковных приходов. Эта система структурирования материала в большей степени соответствует традициям шведской

науки, чем примененная мной в работе 2007 г., традиционная для отечественных археологов, система алфавитного расположения населенных пунктов. Кроме того, исследователям легче будет в дальнейшем работать с двумя публикациями, фактически дополняющими одна другую. Итак, монография шведского исследователя существенных корректив в мой каталог не внесла. Отредактированный список памятников выглядит следующим образом (табл. 50).

Раскопанных больших курганов вендельского времени (вторая половина VI — VIII в.) и ранней эпохи викингов в Средней Швеции немного, и каждый из них следует анализировать отдельно. В мою задачу не входит анализ происхождения больших курганов в Средней Швеции. Поэтому я не рассматриваю знаменитые курганы, относящиеся к VI в., такие как Тиббле, Оташхёген, Гульхёген в Хусбю-Льундра, а также королевские курганы Старой Упсалы, датирующихся VI — началом VII в. (Duczko 1996; Ljungkvist 2008). Внимание сосредоточено на менее выдающихся объектах, которые составляют массу больших курганов, поскольку меня интересуют не курганы-события, а курганы-традиции. Наконец, я не рассматриваю могильные холмы X в., поскольку они связаны уже с другой темой — с проблемой больших дружинных курганов, которая выходит за хронологические рамки исследования. Для характеристики интересующего нас круга древностей остаются комплексы, рассмотренные в разделе 6.1.1.

6.1.1.1. Лёта, курган 7 (Löta, Bettna sn, Sö., RAÄ 152, A7)

Курган исследован в 1885 г. под руководством С. Бойе (Arne 1915; Lamm 1962; Bratt 2008: 211). Насыпь входила в состав крупной курганный группы, состоявшей из 63 погребений. Могильник заключал в себе четыре больших кургана. Диаметр кургана 7–15 м, высота 3 м. Под насыпью находилось каменное ядро диаметром 9 м и высотой 0,8 м. Под ним по всей площади прослежено углистое пятно, в котором в 5 м от края стоял глиняный горшок, перекрытый сверху вторым сосудом меньших размеров. Кальцинированные кости рассыпаны по поверхности кострища. Определены кости человека, собаки, коня, свиньи, овцы или козы, птицы и рыбы (Lamm 1962: 295). Находки из кургана (по описи SHM 13974).

1. Фрагмент бронзовой богато орнаментированной накладкой или застежки в виде коня (стиль II по Б. Салину)²⁹.

²⁹ При указании на орнаментальные североевропейские стили я пользуюсь традиционными обозначениями по Б. Салину (стили I–III) и Г. Арвидссон (стили A–E). Имена исследователей даются только при первом упоминании разработанной ими системы.

2. Бронзовая накладка или застежка в виде коня, помещенного на горизонтальное основание.

3. Бронзовая накладка или застежка в виде коня с аналогичной композицией.

4. Бронзовая накладка или застежка в виде зверя (волка?), закинувшего голову за спину. Изделие выполнено в стиле II.

5. Бронзовая накладка или застежка, изображающая птицу (лебедя?).

6. Фрагмент накладки в виде птицы, аналогичной предыдущей (?).

7. Оплавленный фрагмент бронзового навершия меча с инкрустацией. Изделие богато орнаментировано в стиле I.

8. 5 бронзовых оплавленных фрагментов со следами орнамента в зверином стиле (возможно, от навершия меча)

9. Двойная подквадратная бронзовая пластинка с двумя заклепками.

10. 12 оплавленных фрагментов бронзовых изделий, в том числе бронзовая спиралька и коническая (?) бусина из спирально закрученной бронзовой проволоки.

11. 3 фрагмента орнаментированного костяного изделия (гребня?), один из которых имеет изображение животного (стиль I).

12. 2 фрагмента игральные кости-кубиков.

13. 11 фрагментов костяных игральные фишек.

14. 11 фрагментов зеленоватого стекла от расплавленного сосуда.

15. Сплавленные бусы зеленоватого стекла.

16. Каплевидная сердоликовая бусина.

17. 3 фрагмента каменного оселка.

18. Около 30 фрагментов дерева (возможно, игровой доски).

19. 2 расколотых глиняных сосуда.

Хронологическим индикатором из кургана 7 является редкая находка — фрагмент боковой пластины роскошного гребня, украшенного изображением животного в стиле I. Помимо этого пластина орнаментирована циркульным узором из двух concentрических кругов с точкой в центре. Края пластины имеют характерную для вендельского времени тройную кайму.

Погребение содержит оплавленные обломки стеклянного сосуда с «трубчатым краем», в котором У. Нэсман опознал (с долей сомнения) низкий округлодонный кубок (англ. — *palmscup*) (Näsman 1986: 73). Само погребение Нэсман датировал «началом периода VII», т. е. второй половиной VII в. (Näsman 1986: 73, 84).

Заколки, броши или амулеты в виде скачущих по ровной поверхности коней известны в Скандинавии на протяжении всего вендельского времени (см., напр.: Nerman 1969: Taf. 153, 308). Встречаются они

и в эпоху викингов. Для датировки комплекса имеет ключевое значение конская фигурка (1) (ил. 5: б). Брошь (на обратной стороне фигурки имеется петелька) выполнена в стиле II, характерном для VI–VII вв. (Bratt 2008: 211). То же самое относится и к застежке (4) в виде волка (?) (ил. 5: е). Аналогичное изделие, выполненное в виде фигурки птицы, также может быть сопоставлено со временем распространения стиля II.

В погребении найден поврежденный огнем фрагмент бронзового навершия меча (6), выполненный в стиле I. Боковая часть навершия была украшена инкрустацией из граната (ил. 5: а). По Г. Арвидссон изделие выполнено в стиле D (Arwidsson 1942: 108) и, соответственно ее хронологическим выкладкам, бытовало в интервале приблизительно от 750 до 800 г. (Bratt 2008: 211). Датировки Г. Арвидссон были пересмотрены Б. Аррениус на основании разработанной

Табл. 50. Большие курганы Средней Швеции, исследованные раскопками (см. карту, ил. 4): розовым цветом выделены курганные комплексы, описываемые ниже; желтым — курганы, непосредственно предшествующие древнейшим ладожским сопкам; зеленым цветом выделены курганы X в., не рассматриваемые в этой работе; без заливки — графы с курганами ранневендельского времени, которые тоже не рассматриваются

№	Приход	Топоним	Номер RAÄ, номер или название кургана ¹	D, м	H, м	Возраст кургана, гг. н. э.	Год раскопок	Литература
1	Bettna	Löta	RAÄ 152, A7	15	3	600–750 гг.	1885	Arne 1915; Lamm 1962; Bratt 2008: 211
2	Botkyrka	Norsborg	RAÄ 8, A10	46×39	6	700–750 гг.	1939	Åberg A-1939; Einerstam 1940; Arwidsson 1942; Nerman 1961; Bratt 2008
3	Brännkyrka	Brunnby	RAÄ 12, Forn. 1	14,5×17,5	2	600–700 гг., 900–1000 гг. ²	1937	Hansson 1938; Ferenius, Gustafsson 1999
4	Huddinge	Vårby	RAÄ 8, A 6	20	3	Датировки нет	1969–1970	Bratt 2008: 218
5	Härads	Kumla	RAÄ 15, A12	12–18	1,2–2	800–900 гг. (?)	1992	Drotz, Ekman 1995
6	Sorunda	Hoxla	RAÄ 201	10	2,4	600–650 гг.	1960	Varenius A-1960; Nordström 1980; Sten, Vretemark 1988; Waller 1996; Bratt 2008: 221, 222
7	Trosa-Vagnherad	Södra Husby	RAÄ 177, A1	22	0,7 ³	600–700 гг.	1959	Särlvik A-1959; Särlvik 1962; Bratt 2008: 223, 224; Ljungkvist 2009
8	Trosa-Vagnherad	Södra Husby	RAÄ 177, A3	18	2	560–600 гг.	1959	Särlvik A-1959; Särlvik 1962: 48, 49; Bratt 2008: 223, 224
9	Vansö	Husby	RAÄ 59, Ingjaldshögen	39×35	2	700–800 гг.	1919	Lindqvist 1936; Sten, Vretemark 1988; Bratt 2008: 225–226
10	Östertalje	Karleby	RAÄ 1, A15	16	1,5	600–800 гг.	1972	Bennett 1985
11	Östertalje	Karleby	RAÄ 1, A22	18	1,2	900–1000 гг.	1972	Bennett 1985; Sten, Vretemark 1988
12	Överjärna	Ene	RAÄ 72	17×19	2,9	900–950 гг.	1919	Bratt 2008: 228
13	Överjärna	Linga	RAÄ 64, A1	19	3,9	900–1000 гг.	1910–1911	Schnittger 1912
14	Överjärna	Linga	RAÄ 64, A3	17×12	2	900–1000 гг.	1910–1911	Schnittger 1912

№		Приход	Топоним	Номер RAÄ, номер или название кургана ¹	D, м	H, м	Возраст кургана, г. н. э.	Год раскопок	Литература
15	Uppland	Adelsö	Hovgården	RAÄ 48, Skopintull	22	3	900–1000 гг.	1917	Rydh 1936; Ambrosiani 1985; Sten, Vretemark 1988
16		Adelsö	Ormknös	RAÄ 111	21	2,7	Римское время (?), 800–1000 гг. ⁴	1976	Arrhenius 1990; Bratt 2008: 233
17		Adelsö	Hemlanden	RAÄ 118, Bj. 82	16,5	1,95	900–950 гг.	1873–1895	Arbman 1943; Bratt 2008: 233–234
18		Bondkyrka	Håga	RAÄ 356, Kung Björns hög	43×49	8,8	Эпоха бронзы; 700–800 гг. ⁵	1902	Almgren 1905; Arvidsson 1942; Bratt 2008; Kaliff, Oestigaard 2018
19		Börje	Broby	RAÄ 26, A1	20	1,8	600–700 гг.	1930	Larsen A-1931; Lindqvist 1936; Bratt 2008: 235–236
20		Börje	Broby	RAÄ 26, A2	20	?	600–800 гг.	1931	Larsen A-1931; Lindqvist 1936; Bratt 2008: 236
21		Eds	Antuna	RAÄ 66, A1, A6	17	2	917–1000 гг.	1991	Andersson 1993, 2004
22		Gamla Uppsala	Gamla Uppsala	RAÄ 123, Västhögen (Tors hög)	67×51	10,5	590–630 гг.	1874	Lindqvist 1936, 1945; Sten, Vretemark 1988; Duczko 1996; Bratt 2008; Ljungkvist 2008, 2013
23		Gamla Uppsala	Gamla Uppsala	RAÄ 123, Mellanhögen (Frejs hög)	58×48	7	Погребение не исследовалось	1847, 1925	Lindqvist 1936, 1945; Duczko 1996; Bratt 2008
24		Gamla Uppsala	Gamla Uppsala	RAÄ 123, Östhögen (Odens hög)	60 × 49,5	6	500–600 гг.	1846–1847	Lindqvist 1936, 1945; Duczko 1996; Bratt 2008
25	Gamla Uppsala	Gamla Uppsala	RAÄ 123, Tingshögen (Domarhögen)	50×45	3	?	1984–1986	Lindqvist 1936; Christiansson, Nordahl 1989	
26	Gamla Uppsala	Gamla Uppsala	RAÄ 123, Gullhögen	34	2–3	600–700 гг.	1846	Lindqvist 1936; Волковицкий 1995; Мачинский 1997: 161; Иванов 1998; Jansson 1999; Goldina 2003; Казанский 2006, 2007; Ljungkvist 2008, 2013; Gustin 2016	

№		Приход	Топоним	Номер RAÄ, номер или название кургана ¹	D, м	H, м	Возраст кургана, г. н. э.	Год раскопок	Литература
27	Uppland	Husby Långhundra	Vackerberga	RAÄ 30, Gullhögen	31×26	4,8	Римское время; эпоха викингов	1988–1993	Zachrisson 1994; Arrhenius, Eriksson 2006
28		Håtuna	Signhildsberg	RAÄ 39, Signhildskulle	26	3	400–1000 гг. ⁶	1984–1986	Allerstav et al. 1991; Damell 1991; Hammar 1999; Bratt 2008: 245
29		Kalmar	Viby	RAÄ 33	20	3,5	ок. 800 г.	1976	Svensson 1983: 15; Müller-Wille 1992: 15; Sten, Vretemark 1988: 147; Bratt 2008: 31, 246; Еремеев, Янссон, Сёдерберг 2010
30		Låssa	Rösaring	RAÄ 23	22	2,5	700–1000 гг. 1135±80 BP ⁷	1981, 1982	Damell 1985
31		Orkesta	Vaxtuna	RAÄ 30, Köhögen	35	7	500–800 гг.	1724	Arne 1924; Lindqvist 1936; Nerman 1960
32		Sollentuna	Häggvik	RAÄ 81, A1	17	2,2	600–700 гг.		Andersson, Lindström-Holmberg 1998
33		Sollentuna	Hersby	RAÄ 45/47	20	3	600–700 гг.	1905	Grufhögsfynd vid Tureberg 1908; Arne 1919; Lindqvist 1936: 19; Hedlund 1994; Bratt 2008: 249
34		Spånga	Rinkeby	RAÄ 178, A5	15	2	600–750 гг.	1967	Sten, Vretemark 1988; Biuw 1992
35		Spånga	Rissne	RAÄ 9, A1, A2	14,2 × 20	2–3	925–1000 гг.	1981	Bratt 2008: 253–254
36		Tierp	Gryttjom	RAÄ 18, A33	17×15	3	600–700 гг. (?)	1943	Bratt 2008: 254–255
37	Uppsala-Näs	Staby	RAÄ 18	23	5	600–700 гг.	1921	Ekholm 1931: 65–69; Bratt 2008: 258–259	
38	Vendels	Husby	RAÄ 1, Ottarshögen	38	7	476–600 гг.	1914, 1916	Lindqvist 1936; Karlsson, б. д.; Sten, Vretemark 1988; Bratt 2008	
39	Västmanland	Badelunda	Långby	RAÄ 431, Anundshög	68×64	9,2	1905±60 BP, 1775±80 BP, 1690±60 BP	1998	Lindqvist 1936, 1957; Bratt 1999, 2004, 2008
40		Badelunda	Tibble	RAÄ 432, Gullhögen	22	1,7	540–630 гг.		Nerman 1963; Arrhenius 1971; Bratt 1999, 2008
41	Småland	Gamleby	Gunnerstad	RAÄ 61, A1	22	2,3	600–700 гг.	1957	Sten, Vretemark 1988; Palm 2001, 2002

Примечания к таблице: 1 — номер RAÄ — номер археологического объекта в учетной системе Государственного управления древностей (Riksantikvarie ämbetet); 2 — курган сооружен в два приема, сильно разнесенные во времени; 3 — верхняя часть насыпи разрушена (Särlvik 1962: 45); первоначальная ее высота неизвестна; 4 — курган сооружен в два приема; 5 — насыпь сделана в эпоху бронзы; 6 — датировка по времени существования поселения; 7 — дата получена для «церемониальной дороги», ведущей к кургану и перекрытой полой курганной насыпи (Damell 1985: 183).

к тому времени континентальной меровингской хронологии. При этом датировки двух комплексов, на которые опиралась Г. Арвидссон, — Вендель VII (Vendel VII) и Вальсгерде 6 (Valsgårde 6) существенно удревнились и были привязаны к периодам соответственно 630/640–720 г. и 700–720 г. (Arrhenius 1980: 36). Надо, однако, отметить, что присутствие в погребении Вендель VII ременной (от удил) накладки в стиле III/E (Stolpe, Arne 1912: Pl. XIX: fig. 7–10), характерном для финала вендельского времени или даже для начала эпохи викингов «подтягивает» вверх, по крайней мере до середины VIII в., и стиль I. Навершие меча из Лёта, таким образом, можно датировать довольно широко — от второй четверти VII в. до середины VIII в.

Существенную роль в сужении даты кургана 7 в Лёта в работе П. Братта играют бусы. Как пишет исследователь, «сочетание зеленых стеклянных бус и трех бронзовых спиральных бусин соответствует горизонту бус [pärlhorisont. — И. Е.] P4 по Б. Петре, который он датирует 600-ми годами» (Bratt 2008: 211). Думается, вряд ли в данном случае следует привязывать погребение к одному из «горизонтов бус» исследованного Б. Петре могильника Лувё. Из двух найденных в погребении кургана 7 в относительной сохранности бронзовых бус одна представляет из себя цилиндрическую спиральную пронизку из плоско-выпуклой в сечении проволоки. Вторая, более крупная бусина изготовлена из проволоки круглой в сечении. Ни та, ни другая металлические бусины не служат надежным хронологическим индикатором. Такие украшения в Швеции можно встретить вплоть до X в. Оплавленные бусы зеленоватого стекла также затруднительно узко датировать. Редкая каплевидная сердоликовая бусина имеет широкую датировку; по крайней мере, в Восточной Европе такие бусы известны в Волжской Болгарии (Полубояринова 1991: 30, рис. 1: 23). П. Братт датирует курган 7 в Лёта VII в. (Bratt 2008: 211). Думается, датировку можно расширить вверх до VII — первой половины VIII в.

Курганный группа в Лёта, в которую входил рассмотренный выше курган интересна связями с Восточной Европой. Инвентарь трупосожжения из кургана 14 состоял из фрагмента бронзового изделия, железного ножа, 70 целых и фрагментированных железных заклепок и гвоздей, нескольких сломанных железных скоб, железного инструмента (шила?), фрагмента железа, возможно, от предыдущего изделия, четырех глиняных горшков и фрагментов еще нескольких сосудов (всего в погребении находились, вероятно, 8 сосудов). Особняком от этих находок стоит обломок орнаментированного двустороннего костяного гребня, вероятно, из впускного захоронения более позднего времени. Примечательно, что не менее трех найденных в кургане 14 сосудов из основного погребения имеют профилировку, характер-

ную для восточнославянских территорий, в первую очередь — Поднепровья, Подвинья или Верхнего Поволжья. Керамический комплекс свидетельствует о связях сеев, обитавших в Лёта с территорией Древней Руси.

6.1.1.2. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10)

Курган на юго-западной окраине современного Стокгольма (рис. 51; ил. 8) был исследован в 1939 г. под руководством Н. Оберга (Åberg A-1939). Памятник до настоящего времени не опубликован, хотя фигурирует в ряде научных работ (Einerstam 1940; Arwidsson 1942; Nerman 1961; Bratt 2008). Размеры насыпи 46×39 м, высота 6 м. Курган содержит семь захоронений, три из которых (№ 1–3) существовали на этом месте до возведения большого кургана. Они представляли собой круглые валунные кладки диаметром 2–3 м. Две из них (№ 2 и 3) были перекрыты невысокими песчаными насыпями. Кальцинированные кости в погребениях помещены в сосуд или высыпаны на кострище, однако, как отмечает автор раскопок, при этом они были очищены от угля, что отличает погребения в Нушбори от обычных трупосожжений своего времени.

Центральное валунное ядро кургана имеет около 20 м в поперечнике и 0,8 м высоты. Основная каменная кладка формировалась, видимо, из нескольких отдельных (приблизительно одновременных) сооружений, чем объясняется ее сложная форма и наличие различных выступов, среди которых особенно выделяется участок каменной стенки, примыкающий к центральной кладке с запада (ил. 12). Помимо центральной валунной вымостки, вокруг нее было расчищено еще несколько не связанных с ней вымосток. Наиболее крупная из них — подтреугольной формы расположена к западу от центральной кладки и южнее каменной стенки. Под центральной кладкой в различных местах обнаружены три углистых пятна с остатками трупосожжений, перекрытые валунными кладками (погребения 4–6). Еще одно такое пятно (погребение 7) располагалось к северу от центральной вымостки, и не было перекрыто камнями (ил. 13).

Раннее погребение 1. Представляло круглую в плане, плоскую каменную кладку диаметром около 4 м и высотой 0,6 м, изначально не имевшую над собой земляной насыпи (ил. 17). Камни были перекрыты непосредственно дерновой насыпью большого кургана. Под кладкой на погребенной почве располагалось кострище диаметром 1,1 м. Находки в погребении:

1. Зонная, подграненная, печеночно-красного стекла бусина (ил. 18: 9; 21: 1).
2. Мелкий фрагмент бронзовой проволоки.

3. 10 железных заклепок с полыми полусферическими головками (сбруйная гарнитура?) (ил. 18: 1–8).

4. Около 100 целых и фрагментированных железных «ладейных» заклепок и гвоздей (ил. 19; 20).

5. Два лепных сосуда — миниатюрный, сохранившийся целиком; и более крупный, фрагментированный (ил. 18: 10, 11; 21: 2).

Раннее погребение (курган) 2. Валунная кладка диаметром около 3 м и высотой 0,5 м, состояла из кольца крупных камней и внутреннего заполнения из более мелкого материала. На вершину вымостки был положен округлый валун (gravklot). Вместе с перекрывавшей его песчаной насыпью сооружение имело диаметр 4 м, а высоту 0,75 м (ил. 16). Кострище диаметром 2,4 м располагалось в центральной части кургана. Находки:

1. Фрагменты двустороннего костяного гребня (ил. 22: 1–10).

2. Фрагмент накладки второго (?) гребня (ил. 22: 11).

3. Несколько фрагментов колец диаметром 1,5–2 см из гладкой бронзовой проволоки (ил. 22: 13–15).

4. Фрагменты кольца диаметром около 2 см из бронзовой рубчатой проволоки (ил. 22: 12).

5. Два фрагмента овального в сечении бронзового браслета (ил. 22: 16, 17).

6. Четыре фрагмента бронзовых спиральных пропозок (ил. 22: 20, 21).

7. Овальная зооморфная бронзовая фибула (ил. 23: 1).

8. Фрагмент бронзового украшения (ил. 23: 2).

9. Фрагмент бронзовой фибулы (?) (ил. 23: 3).

10. Бусы, сильно пострадавшие от огня и, возможно, изменившие первоначальный цвет: два фрагмента бусины из горного хрусталя (ил. 22: 29; 23: 4а, 4б); крупная желтая бисерина (?) (ил. 23: 11); глазчатая бусина, синяя, с красными глазками в желтых овалах (?) (ил. 22: 22; 23: 5); бочонковидная, печеночно-красная бусина (фрагмент) (ил. 22: 24; 23: 6); бочонковидная оранжевая бусина (ил. 22: 25; 23: 7); зонная бусина прозрачного серо-зеленого стекла (ил. 22: 26; 23: 8); зонная бусина темно-зеленого стекла (ил. 22: 27; 23: 9); бочонковидная бусина серо-голубого стекла (ил. 22: 28; 23: 10); железный нож (ил. 22: 30); лепной сосуд (ил. 22: 31).

Раннее погребение (курган) 3. Основу кургана составляла круглая в плане валунная кладка диаметром около 4 м и высотой до 0,6 м. Она была перекрыта песчаной насыпью диаметром 6,5 м. Общая высота сооружения — 1 м. В центре его, в песке, была установлена необработанная каменная стела. Слой с остатками трупосожжения диаметром 1,6 м, находился на погребенной почве в центральной части вымостки (ил. 15). Находки из погребения:

1. Фрагменты одностороннего гребня с футляром (ил. 24: 1–16).

2. Бочонковидная бусина печеночно-красного стекла (ил. 24: 17).

3. Железный нож (?) (ил. 25: 7).

4. Гвозди и фрагменты неопределимых железных изделий (ил. 25: 1–6, 8).

5. Оселок из серого мелкозернистого сланца (ил. 24: 18).

6. Лепной сосуд (ил. 24: 19).

7. Круглый и плоский карбонизированный хлеб.

8. В погребении найдены также несожженные кости двух рыб и кальцинированные кости собаки.

Идея Н. Оберга состояла в том, что каменная стела, установленная в рыхлом песке над погребением 3, могла простоять, не упав, только непродолжительное время; и, если она найдена в вертикальном положении, то только благодаря тому, что вскоре после установки стелы, погребение (курган) 3 был перекрыт большой насыпью (Åberg A-1939). Это наблюдение, как мне представляется, достаточно умоглядно.

Погребение 4 располагалось под главной (центральной) каменной вымосткой, у основания западного выступа («каменной стенки») (ил. 13). Слой кострища имел диаметр около 1,5 м. На его восточной границе на расстоянии 0,9 м друг от друга обнаружены остатки двух столбов. Еще два столба прослежены в 1,5 м к востоку и юго-востоку от кострища. Лепной сосуд с костями, стоявший среди углей на погребенной почве, был огорожен с двух сторон каменными плитами. Здесь же находился еще один раздавленный сосуд. Слой сожжения был перекрыт овальной каменной вымосткой размерами примерно 1,0×1,5 м. Находки, связанные с погребением:

1. Мелкие оплавленные обломки бронзового изделия (ил. 28: 6, 7).

2. Три обломка одностороннего составного гребня (ил. 28: 1–3).

3. Фрагмент изделия из кости (ил. 28: 4).

4. Бочонковидная бусина печеночно-красного стекла (ил. 28: 5; 26: 2).

5. Целая и несколько фрагментированных «ладейных» заклепок, несколько железных гвоздей (ил. 28: 8–32).

6. Лепная урна, фрагментированный лепной сосуд меньшего размера и фрагменты миниатюрного лепного сосуда (ил. 27).

7. Неожженные кости рыбы, петуха и курицы.

Погребение 5. Находилось в южной половине главной каменной вымостки на погребенной почве (ил. 13). Слой сожжения толщиной 3–4 см занимал площадь примерно 2,5×3,75 м. Находки:

1. Бронзовая пластинка (ил. 29: 1).

2. Фрагмент скрученной в трубочку огнем пластинки из белого (?) металла (ил. 29: 2).

3. Фрагмент прямоугольного в сечении бронзового кольца (?) (ил. 29: 3).

4. Фрагмент железного гвоздя (ил. 29: 4).

5. Фрагмент керамики.

6. Зубы свиньи, а также овцы или козы.

Погребение 6. Слой сожжения располагался в северной части главной каменной вымостки на погребенной почве (ил. 13). Размеры кострища примерно 2,0×2,5 м, толщина 5–7 см. К северу от него, также на песчаной погребенной почве, лежала линза глины размерами примерно 4,5×6,0 м и толщиной 5–13 см. В глине найдено незначительное количество угля, сожженных и несколько несожженных человеческих костей (четыре позвонка и две фаланги пальцев). Остатки погребального инвентаря найдены как в углистом слое, так и на прослойке глины. В частности, золотые нити и обломки золоченой накладки найдены и там и там, что говорит о том, что мы имеем здесь дело с одним и тем же погребением.

Находки:

1. Узкая золотая накладка с овальными перлами по центру и рубчатым кантом (ил. 31: 3).

2. Фрагмент золотого пластинчатого браслета с орнаментом (ил. 31: 1).

3. Обрывки золотых нитей, плоских и спиральных (ил. 31: 4).

4. Капля золота.

5. Фрагменты золоченой серебряной накладки с тисненым орнаментом (вероятно, от питьевого рога — ритона) (ил. 31: 2).

6. Два фрагмента узкой серебряной накладки с орнаментом «волчий зуб» (ил. 31: 7, 8).

7. Два фрагмента узкой серебряной накладки с гладкими продольными валиками (как и накладки, отмеченные в пункте 6, вероятно, принадлежат тому же рогу) (ил. 31: 5, 6).

8. Два серебряных гвоздика.

9. Бронзовая пластинка.

10. Множество бронзовых слитков от неопределенных расплавленных украшений.

11. Фрагмент крупной бусины из горного хрусталя (ил. 26: 3; 30: 2).

12. Фрагмент бочонковидной бусины печеночно-красного стекла (ил. 26: 4; 30: 1).

13. Фрагмент внутренней пластинки одностороннего составного гребня с бронзовым штифтом (ил. 30: 10).

14. Две костяные игральные фишки (ил. 30: 8, 9).

15. Шесть целых и фрагментированных железных заклепок с плоскими круглыми головками (от ременной сбруи?) (ил. 30: 3–7).

16. Фрагменты не менее шести «ладейных» заклепок (ил. 30: 12–18).

17. Кусок железного шлака.

18. К востоку от погребения найден зуб коровы.

Погребение 7. Единственное из раскопанных погребений, не имевшее каменного покрытия. Слой сожжения находился за пределами большой центральной каменной вымостки, к северу от нее (ил. 13). Углистое пятно имело размеры 1,5 × 2,0 м и толщину 5–10 см. Находки:

1. Неопределимый фрагмент бронзового изделия.

2. Фрагменты двух (?) железных заклепок (ил. 32: 1–3).

3. Неопределимый железный предмет (ил. 32: 2).

4. Оплавленный кусочек стекла.

Помимо вышеописанных погребений под насыпью большого кургана обнаружено еще несколько объектов, связанных с ритуальной деятельностью, предшествовавшей его возведению. В полевом отчете они получили буквенные обозначения — А–F.

Сооружение (погребение?) А. Углистый слой диаметром 1,6 м и толщиной 4–6 см, возможно место костра⁵⁰. В слое найдено 150 г кальцинированных костей. Кострище (?) перекрыто бесформенным валунным набросом, смыкающимся с центральной валунной вымосткой к юго-востоку от нее. В углистом слое найдено несколько железных гвоздей (ил. 32: 7–12).

Сооружение В. Углистое пятно диаметром около 0,8 м к юго-востоку от центральной валунной кладки. В пятне попадались крупные угли; ни кальцинированных костей, ни находок не обнаружено. Пятно перекрыто вымосткой из небольших камней, уложенных в два слоя. Имеются обожженные камни.

Сооружение С. Под вымосткой из камней, лежащих в два слоя, зафиксировано пятно песка, смешанного с углем. Кальцинированных костей и находок не обнаружено.

Сооружение D. Валунная вымостка, смыкающаяся с центральной большой каменной кладкой. Под камнями зафиксировано пятно песка, смешанного с небольшим количеством угольков. В пятне найдено несколько мелких обломков кальцинированных костей.

Сооружение E. Каменная кладка располагалась за пределами центральной вымостки, к западу от нее. В тонком слое гумусированного песка под камнями лежал небольшой железный гвоздь и были рассыпаны обломки кальцинированных костей общим весом 16 г.

Сооружение F (stenbrygga). Валунная кладка между погребением № 3 и центральной вымосткой. Сооружение имело подтреугольную форму с наиболее четкой гранью с восточной стороны. До сооружения большого кургана эта кладка не была перекрыта отдельной насыпью. Погребения не обнаружено. Автор

⁵⁰ Так в полевом отчете.

раскопок, учитывая четкую восточную грань вымостки, называет кладку F «каменным мостом» (*ув. stenbrygga*), связывающим погребение № 3 с центральной валунной кладкой (Åberg A-1939).

П. Братт отмечает, что сооружения А, D и E, содержавшие фрагменты кальцинированных костей, могут быть остатками погребений, предшествовавших сооружению большого кургана на этом месте (Bratt 2008: 213).

История возведения кургана реконструируется следующим образом. Первоначально на подкурганной площадке существовали три небольших кургана — один каменный (погребение № 1) и два кургана с валунным ядром, перекрытым грунтовой подсыпкой (погребения № 2 и № 3). Курган (погребение) № 3 был увенчан каменной стелой. Возможно, поблизости находились еще погребения, остатки которых представлены сооружениями А, D и E. При строительстве большого кургана они могли быть разрушены.

Спустя время над этими погребениями возведен большой курган, под центральную вымостку которого были помещены сожженные останки женщины и, возможно, мужчины (погребение № 6) и еще как минимум два погребения (№ 4 и 5). Центральная валунная вымостка представляет собой редкое и сложное сооружение. Основу его составляет валунная стена (автор раскопок называет ее «хребет» — *rygg*) положенная по линии запад-восток.

Курган сооружен в два приема. Первоначально это была плоская насыпь высотой около 4 м. Основание насыпи большого кургана сложено преимущественно из лугового (по мнению авторов раскопок) дерна вперемешку с глиной. Пестрые, волнистые и горизонтальные прослойки дерновых пластов хорошо видны в стенах раскопа, особенно в южной части кургана. В северной и восточной части насыпи дерн сменяется однородным песком, местами — с углистыми прослойками. Кое-где (особенно в центральной и верхней части насыпи) прослеживаются линзы ила (?). Позднее это сооружение было перекрыто слоем песка, а затем — слоем глины.

В насыпи кургана над центральной частью большой каменной вымостки в слое песка зафиксирована еще одна небольшая **валунная кладка**. Также в насыпи зафиксированы большое и маленькое кострища, возможно (по мнению Н. Оберга), связанные с жертвоприношениями, совершенными во время сооружения насыпи. Размерами выделяется большое кострище, лежавшее на поверхности дернового слоя (на 2 м выше центральной валунной кладки) и с 5 м к северо-северо-западу от центра кургана зафиксирован углистый слой диаметром 4,5 м и толщиной 0,05–0,5 м. Из этого слоя происходит железный нагель, железный одношипный наконечник гарпуна

или дротика (**ил. 32: 5**) и 50 г кальцинированных и необожженных костей (в том числе три зуба коровы). В слое дерна в 4–8 м от этого углистого слоя найдены игральная шашка (**ил. 32: 4**), железный гвоздь и обломок ножа (**ил. 32: 6**). Вершина и поверхность кургана сложены из глины, местами смешанной с песком, специально (по мнению автора раскопок) для сохранения формы насыпи.

Датировка кургана. Б. Нерман считал, что датированы могут быть пять или даже шесть комплексов кургана 10 (Nerman 1961: 97). Думается, дела обстоят не столь оптимистично. Находки, имеющие первостепенное значение для датировки, происходят всего из трех погребений — № 2, 3 и 6. При этом только погребение № 6 (главное в могильном комплексе) связано собственно с большим курганом; комплексы № 2 и № 3 дают для него лишь *terminus post quem*.

Исследователи обращались к датировке кургана 10 несколько раз. Первую оценку находкам дал Н. Оберг в полевом отчете. Находка в погребении 2 овальной зооморфной фибулы, орнаментированной в стиле II (**ил. 23: 1**), и фрагмента второй фибулы (?) с орнаментом, переходным к стилю III (**ил. 23: 2**); а также золотой браслет (?) из погребения № 6 (**ил. 32: 1**), позволили Н. Обергу в 1939 г. отнести погребение ко времени около 700 г. или к началу VIII в. н. э. (Åberg A-1939). Вскоре после раскопок к датировке комплекса обратилась Г. Арвидссон. Она отнесла орнамент на овальной зооморфной фибуле к стилю D, который появляется, по ее мнению, не ранее конца VII в. (Arwidsson 1942: 108, Abb. 47). Б. Нерман датировал курган временем около 650–700 г. н. э. (Nerman 1961: 97), не приводя для этого, однако, весомых оснований. Его предположение о том, что серебряные и золотые фрагменты из погребения № 6 принадлежат рукояти меча было недостаточно обоснованным и не было принято другими исследователями. Приводимые им параллели представляются менее убедительными, чем изначальные предположения Н. Оберга об остатках пиршественного рога. П. Братт датировал большой курган второй половиной VIII в. (Bratt 2008: 214).

Находки из богатого женского **погребения № 2**, напомним, дают дату, не ранее которой был сооружен большой курган. Маленькие овальные зооморфные фибулы редки в Меларском регионе; они более характерны для южношведских и датских областей (Ørsnes 1966; Høilund Nielsen 1987; Jørgensen 1990; Jørgensen, Jørgensen 1997: fig. 18). Представительная коллекция этих украшений собрана в могильниках на о. Борнхольм. При построении хронологической шкалы для южной Скандинавии исследователи опирались на типологию женских украшений, разработанную М. Урснесом (Ørsnes 1966; Høilund Nielsen 1987). Зооморфные фибулы поздневендельского времени очень индивидуальны, поэтому при соот-

несении рассматриваемой находки с известными типами украшений возникают сложности. Фибула из Нушбори, имеет небольшие размеры. Очертания зверя, образующие фигурные края фибулы, лишены ровной окантовки. На спине зверя располагается щиток, заполненный плетеным орнаментом в стиле D. Наибольшее сходство застежка имеет с фибулами типа O2a (Ørsnes 1966). В то же время фигура фантастического животного, по сравнению с образцами этого типа, лучше проработана — натурально выглядят лапы, треугольный хвост и короткая треугольная морда, что роднит находку с изделиями типа N1d. Фибулы указанных типов распространяются в могильниках Борнхольма в период 2 A и продолжают использоваться в хронологический период 2 B (Høilund Nielsen 1987: fig. 10; Jørgensen, Jørgensen 1997: fig. 18). Время их бытования охватывает большую часть VIII в., может быть, за исключением последней четверти столетия (Jørgensen, Jørgensen 1997: fig. 24). Вышесказанное актуально и по отношению к фрагменту выпуклой фибулы с орнаментом, близким стилю III из погребения № 2 (ил. 23: 3). Возможно, это была овальная фибула типа N1d.

Уточнить хронологию помогают фрагменты двух составных гребней. Первый из них, найденный в погребении 2, двусторонний, вендельского облика (ил. 22: 1–10). Второй гребень (ил. 24: 1–14), происходящий из погребения № 3, сочетает характеристики, свойственные как вендельскому времени, так и эпохе викингов. Гребень имел длинные узкие окончания, характерные для вендельского времени. В то же время его накладки сильно выпуклые и украшены двойным кантом и орнаментацией из ромбических фигур, образованных сочетанием циркульного и линейного орнамента. Гребень с подобной орнаментальной композицией известен, в частности, в горизонте E₃ Староладожского Земляного Городища (Davidan 1992: 35).

Что дает для хронологии инвентарь погребения № 6, совершенного в центральной каменной кладке? Детали богато украшенного пиршественного рога (?) говорят о богатстве захоронения, но не дают узкой датировки (ил. 31: 2, 5–8). Можно очень осторожно предположить, что животное, изображенное на тисненой золотой пластине (ил. 31: 2), выполнено в стиле III/E (судя по фрагменту изображения лапы с длинными загнутыми когтями). Впрочем, уверенно утверждать это нельзя. Для выяснения хронологии большого кургана важны два сплавившихся фрагмента золотого украшения в виде ленты с пущенным по центру строенным валиком и орнаментом «волчий зуб» (ил. 31: 1). Перед нами, видимо, остатки спирального браслета, близкого так называемому борнхольмскому типу. По типологии М. Урснеса и К. Хой-

лунд-Нельсен браслет близок к типу Q2b (Ørsnes 1966: 166; fig. 209; Høilund Nielsen 1987: 78; fig. 10). Подобные браслеты в Южной Скандинавии бытуют в пределах периодов 1D2–2A, т. е. на протяжении второй половины VII — первой половины VIII в. (Jørgensen, Jørgensen 1997: fig. 18). Таким образом, стратиграфически более позднее погребение № 6 содержит украшение, более архаичное, по отношению к стратиграфически более раннему инвентарю из погребений № 2 и № 3.

Следует обратить внимание на золотую ленту из погребения № 6, представляющую собой ряд овальных перлов с каймой из двух линий мелких перлов (ил. 31: 3). Разные орнаментальные композиции из рядов овальных перлов распространяются в Европе в поздневендельское время и доживают до ранней эпохи викингов. Этот элемент известен как на украшениях в стиле III, так и на изделиях в стиле «хватающий зверь». Неясно — какое изделие украшала эта лента, среди скандинавских ювелирных украшений места ей, как будто, не находится. Скорее всего это деталь какого-то предмета, привезенного из Европы. Может быть, нужно присмотреться к книжным переплетам и к церковной утвари (переносным алтарям, реликвариям и т. п.). Подобные орнаментальные ленты использовались там нередко³¹.

В целом, хронологическая «вилка», образуемая датировками вещей из погребений № 2 и № 6, позволяет, на мой взгляд, утверждать, что люди, насыпавшие курган 10 в Нушбори, жили около середины VIII в., т. е. были современниками поселенцев, основавших Староладожское поселение и насыпавших первые староладожские сопки.

С какими курганами в Старой Ладогe следует соотносить в хронологическом отношении курган 10 в Нушбори? Думаю, это северная группа сопок в урочище Победище, представленная двумя насыпями: 14-I и 14-II (рис. 24–29). Датировка начала возведения насыпи 14-II определяется неволинской поясной гарнитурой (рис. 28: 1–15), а его финал — салтовским рифленным бубенчиком последней трети VIII — первой половины IX в. Из находок, связанных с первым ярусом захоронений в насыпи 14-I, обращает на себя внимание такая необычная для сопок деталь, как фрагменты золотой фольги (рис. 25: 6–10), а с финалом насыпи связана поясная бляшка степного типа VIII–IX вв. (рис. 26: 2).

Итак, курган в Нушбори в настоящее время является единственным достоверно синхронным древнейшим слоям Ладогe комплексом в центральной

³¹ Например, в окладе Евангелия Теоделинды (VII в.), Евангелия из Линдау (середина VIII – IX в.), в оформлении реликвария Истинного Креста из музея Метрополитан (конец VIII – начало IX в.) и т. п.

Швеции, который можно отнести к так называемым «королевским» курганам. Нужно отметить целый ряд параллелей в погребальном обряде и конструкции кургана в Нушбори и староладожских сопок:

- Размеры сооружения и его топография, подчеркивающие монументальность насыпи.
- Многоярусность сооружения.
- Наличие нескольких ярусов погребений (сооружения, предшествовавшие большому кургану можно рассматривать как древнейший ярус, поскольку ясно, что хронологического разрыва между ними и курганом почти не было).
- Каменные конструкции в виде стенок и вымосток круглой и треугольной формы.
- Наличие каменного ящика из плит, куда помещалось захоронение.

Любопытна прямая параллель между погребением № 4 с двумя сосудами в каменном ящике в валунной стене кургана в Нушбори и аналогичным захоронением № 3 во втором ярусе кургана 14-II в Старой Ладогe (рис. 27). Напомню его описание: на высоте 1 арш. над уровнем погребенной почвы расчищена короткая стенка, сложенная в 2–3 яруса из валунов и ориентированная с запада на восток. Внутри стенки была обустроена ниша, отгороженная с одной стороны вертикально поставленной плитой. В нише находилось погребение № 3, помещенное в сосуд (рис. 29: 4–6), перекрытый другой плитой.

Курган в Нушбори уникален для Средней Швеции, где преобладают насыпи с одним захоронением. Такой элемент конструкции, как каменная стенка, проходящая через центр насыпи тоже не находит параллелей в больших курганах Меларского региона. Представленный материал демонстрирует обоснованность гипотезы о привнесении традиции возведения сопки из Швеции. Единственная корректировка, которая тут требуется, касается переноса хронологии этого процесса из IX в. (распространенная сейчас точка зрения, см.: Кузьмин 1997а; 1999) в поздневендельское время, к которому и относится основание Старой Ладоги.

6.1.1.3. Хёксла

(Hoxla, Sorunda sn, Sö., RAÄ 201)

Курган исследован в 1959 г. под руководством К. Варениуса (Varenius A-1960; Nordström 1980; Waller 1996; Bratt 2008: 221, 222). Могильник располагается на берегу реки на пашне. Диаметр насыпи на момент раскопок составлял 10 м, а высота — 2,4 м. Края кургана сильно подпаханы, и его первоначальный диаметр нельзя, на мой взгляд, считать меньшим, чем 15 м³². Высота насыпи, как полагает автор раскопок,

³² Я имел возможность осмотреть курганную группу, как и большинство описываемых здесь могильников.

изначально составляла не менее 1,5 м. Курган сложен преимущественно из супеси с вкраплениями гумусированного песка. Сверху насыпь оказалась перекрыта слоем рыхлой (переотложенной в недавнее время) почвы. Под курганом зафиксирована глинистая погребенная почва толщиной 0,25 м, подстилаемая материковым песком. В верхней части погребенной почвы в восьми местах (объекты 1–8) зафиксированы включения углей, обожженных камней, обожженной глины, мелкие обломки кальцинированных и несожженных костей, фрагменты керамики и отдельные находки. Из находок таким образом были зафиксированы:

1. Четырехгранный в сечении стержень из сплава меди (ил. 39: 33).

2. Несколько фрагментов лепной керамики, в том числе фрагмент венчика сосуда большого диаметра с тщательно заглаженной, даже подлощенной поверхностью (ил. 35: 1).

Погребение (объект 9) располагалось в северной части кургана. Здесь расчищена полусферическая валунная кладка диаметром 4 м и высотой 1 м, сооруженная из камней диаметром 0,3–0,6 м³³. Валунная кладка перекрывала кострище диаметром 2,75 м и мощностью 0,35 м. Среди угля собрано около 40 кусков обожженной глины и многочисленный погребальный инвентарь. В центральной части кострища стояла лепная урна с кальцинированными костями (около 1 литра) мужчины в возрасте около 50 лет. В западной части кострища собрано около 67 литров кальцинированных костей животных, среди которых определены кости лошади, крупного рогатого скота, свиньи, овцы и собаки. Вещевой инвентарь, сопровождавший погребение, собран в слое кострища:

1. Золотая пластинка, орнаментированная в центральной части филигранным узором из сдвоенной проволоки. Края пластины украшены бордюром из одинарной проволочной нити (ил. 37: 1).

2. Серебряная пластинка, орнаментированная филигранным узором из сдвоенной проволоки, образующим ряд крестообразных фигур. По краям пластины идет бордюром из витой скани, выполненный из двух проволочек (ил. 37: 2).

3. Фрагмент серебряной пластины аналогичной вышеописанной, но очень сильно оплавленной (ил. 37: 3).

4. Фрагмент бронзовой пластинки с филигранным орнаментом. Оплавлен.

Автор раскопок в полевом отчете предполагает, что диаметр кургана составлял 13 м.

³³ В отчете К. Варениуса ошибочно указана высота кладки 2 м (Varenius A-1960: л. 3), что повторено П. Браттом (Bratt 2008: 221). Я указываю параметры, исходящие из приложенного к отчету полевого чертежа.

5. Три фрагмента составного перекрестия меча, выполненные из сплава меди (ил. 36: 14–6; 37: 4). На одном из фрагментов сохранились следы косых бороздок, вероятно, для серебряной (?) инкрустации (ил. 36: 4; 37: 4а). Детали перекрестия были сломаны и сильно повреждены огнем.

6. Фрагменты оплавленных деталей из сплава меди, возможно, от рукояти того же меча (ил. 36: 1–3).

7. Бронзовая булавка (ил. 39: 31).

8. Бронзовая прямоугольная накладка, орнаментированная по длинным сторонам двойным кантом (ил. 39: 5). По углам — отверстия для заклепок (одна из них сохранилась). На конце накладки — шарнир с остатками сочлененной детали. Накладка погнута.

9. Бронзовая прямоугольная накладка, орнаментированная по длинным сторонам двойным кантом. По углам — отверстия для заклепок (ил. 39: 6).

10. Бронзовая пряжка из согнутой пополам пластины с двумя заклепками и обломками рамки с язычком (ил. 39: 1).

11. Семь (или восемь) целых и фрагментированных бляшек-скорлупок из сплава меди (ил. 39: 10–17).

12. Три проволочных пробоя из сплава меди (ил. 39: 7–9).

13. Две бронзовые заклепки, фрагментированные (ил. 39: 24, 25).

14. Бронзовая миниатюрная обойма (ил. 39: 4).

15. Бронзовый стержень (ил. 39: 32).

16. Оплавленные фрагменты бронзовых накладок (ил. 39: 26–30).

17. Более 100 мелких оплавленных фрагментов бронзовых изделий.

18. Две железные пряжки из согнутых пополам пластин с двумя заклепками (ил. 39: 2, 3).

19. Шесть железных заклепок, пять из них с остатками бронзовых шайб (ил. 39: 18–23).

20. Железный гвоздь с полый полусферической головкой (ил. 40: 14).

21. Две железных заклепки (от ременной сбруи?) с круглыми декоративными головками (ил. 40: 15, 16).

22. Фрагмент железной орнаментальной ажурной ленты (ил. 40: 26).

23. Фрагмент железной пластинки с отверстием (ил. 40: 27).

24. Девять целых и фрагментированных железных гвоздиков от небольшого деревянного изделия (ил. 40: 17–25).

25. Около 50 целых и фрагментированных заклепок (всего не менее 18 целых заклепок) (ил. 44).

26. Около 60 бесформенных кусков железных окислов (главным образом, вероятно, «ладейных» заклепок).

27. Игральная кость с циркульным орнаментом (ил. 41: 2).

28. 25 целых костяных игральные фишек и 21 фрагмент аналогичных фишек. Большинство фишек — с одинарным отверстием (ил. 41–43), одна — с двумя отверстиями с основания (ил. 41: 1).

29. 14 фрагментов одностороннего костяного гребня (ил. 40: 1–13; 38).

30. Круглая костяная пластинка с отверстием в центре, диаметром 1,1 см.

31. Более 50 оплавленных фрагментов кубка (кубков) светло-зеленого стекла. Выделяются два фрагмента, украшенные накладной сдвоенной нитью (ил. 38).

32. Около 1 литра фрагментов пористого стекло-видного шлака (от перегоревших стеклянных изделий?).

33. Керамическая урна, в качестве которой была использована нижняя часть крупного лепного сосуда (ил. 35: 2).

Фрагменты донной части лепного сосуда, слегка ошлакованного (на погребальном костре?) (ил. 35: 3).

35. Фрагмент древесной коры (часть емкости?) размерами 11,4×5,4 см.

36. Два крупных фрагмента карбонизированной хлебной буханки и несколько ее мелких фрагментов.

Датировка кургана. Из рассматриваемых больших курганов погребение в Хёксла является одним из самых ранних. Основания для датировки дают обломки рукояти меча, украшенной золотой филигранью, датирующейся первой половиной VII в. (Waller 1996: 68–70; Bratt 2008: 222). Ближайшая параллель меча из Хёксла представлена в оформлении рукояти оружия из погребения 1 некрополя Ночера Умбра (Nocera Umbra) в Перудже, Италия (Paroli, Ricci 2008: 478).

6.1.1.4. Сёдра Хусбю, курган 1 (Södra Husby, Trosa-Vagnherad sn, Sö., RAÄ 177, A1)

Курган исследован в 1959 г. под руководством И. Сэлвик (Särilvik A-1959; Särilvik 1962; Bratt 2008: 223, 224; Ljungkvist 2009). Диаметр кургана — 22 м, высота над древней погребенной почвой на момент исследования — 0,7 м. Курган сильно поврежден распахкой, до раскопок его границы читались нечетко. Депрессия в материковой поверхности (ил. 47) указывает на то, что первоначально курган был значительно выше и массивней. Давление насыпи постепенно образовало понижение в глинистом материке.

Насыпь сооружена из глины с отдельными камнями. В насыпи зафиксирован слой твердой глины с железистыми конкрециями естественного происхождения. Он имел в плане овальную форму и размеры 5×11 м. Включения угля и обожженной глины встречались в насыпи на разных уровнях. На глубине

0,7 м на поверхности материка зафиксирован слой насыщенной углем обожженной глины (ил. 45) размерами примерно 16×21 м. Он не совсем совпадает по очертаниям с более правильными геометрическими границами курганной насыпи. Примерно в 2 м к востоку от центра кургана располагались две выкладки, сооруженные из камней, имевших размеры от 0,1 до 0,4 м в поперечнике.

Вымостка 1 (погребение). Имела размеры 2,5×5,0 м. Некоторые ее камни оказались пережженными. Под вымосткой, в ее северной части, располагалась круглая линза сажи, угля и кальцинированных костей. Диаметр линзы составлял 2,4 м, толщина 0,2 м. От слоя обожженной глины эту линзу отделял слой глины толщиной около 6 см. С углистой линзой связаны практически все находки погребального инвентаря. В верхней части каменной вымостки найдены были осколки бледно-зеленого стекла и фрагмент костяного гребня. Остальные находки лежали полностью в углистой линзе под камнями.

Вымостка 2. Имела размеры 1,0×2,0 м. Несколько находок находились за пределами погребения в слое обожженной глины. В 6 м к северо-западу от центра кургана найдено небольшое скопление костей (около 8 см в диаметре). Отдельные кальцинированные кости найдены были в центре кургана и вокруг каменных кладок в том же слое обожженной глины. Остатки погребального инвентаря:

1. Золотая бусина, украшенная сканью (ил. 48: 5; 47а).
2. Золотой перстень (ил. 48: 3).
3. Золотой перстень (ил. 48: 4).
4. Золотая пластинка размером 3,0×0,8 см.
5. Пять фрагментов золотой ленты шириной 0,3 см и длиной до 5 см.
6. Золотой стержень (ил. 48: 6). Возможно, фрагмент платежной гривны (Särlvik 1962).
7. Золотые нити (17 фрагментов) длиной до 25 см.
8. Фрагмент бронзовой бляшки диаметром 0,9 см.
9. Оплавленные фрагменты бронзовых украшений (около 15 экз.).
10. Кость с бронзовой конкрецией.
11. Фрагмент железной пластинки.
12. Железный ключ (найден в дерновом слое, не имеет отношения к погребению).
13. Фрагментированные железные заклепки (9 экз.) длиной до 2,5 см.
14. Фрагменты сильно окислившихся железных изделий (около 20 экз.) длиной до 6,5 см.
15. Восемь фрагментов орнаментированного костяного одностороннего гребня (в коллекции SHM к кургану 1 приписано 13 фрагментов от двух гребней) (ил. 49).
16. Фрагмент игровой фишки.

17. Осколки светло-зеленого стекла. В том числе: фрагмент венчика и семь других обломков с тонкими накладными нитями; один неорнаментированный фрагмент венчика; один фрагмент, на котором прослеживаются два орнаментальных «хобота» от кубка типа «*snabelbägare*»; один фрагмент с бордюром, украшенным насечками; фрагмент вогнутого донца с накладными нитями; 51 осколок стекла (некоторые каннелированные); 21 оплавленный осколок стекла (Särlvik 1962: 46). Фрагменты принадлежат двум сосудам, которые удалось убедительно реконструировать (ил. 48: 1, 2).

18. 26 оплавленных осколков стекла янтарного цвета и 2 кусочка темно-темно синего стекла.

19. Бусина зеленого стекла.

20. Пять бусин белого стекла.

21. 21 бусина красного стекла, из которых три «катушкообразной» формы.

22. Две бусины оранжевого стекла.

23. Две стеклянные красно-белые бусины.

24. Стеклянная бело-красно-черная бусина.

25. Стеклянная красно-желто-зеленая бусина.

26. Три стеклянные бусины, цвет которых определить невозможно.

27. Оплавленные фрагменты бус из которых — пять красных, четыре оранжевых, один — бело-желто-зелено-синий, один — красно-желто-белый, два — оранжево-красно-зеленые. Восемь оплавленных фрагментов не поддаются определению по цветам.

Датировка кургана. П. Братт определяет ее по бусам и фрагментам гребней, ориентируясь на хронологию Б. Петре, разработанную для могильника Лувё. Дата, которая получается в результате, мне представляется заниженной, — вторая половина VI в. (Bratt 2008: 224). Проблема в датировке комплекса отмечена еще автором раскопок, указавшей на параллели украшениям как в вендельском времени, так и в эпохе викингов (Särlvik 1962: 48). Ориентироваться нужно, видимо, на датировку стеклянных кубков, которая не выходит вверх за рамки VII в. (Ljungkvist 2009: 36, 37).

6.1.1.5. Сёдра Хусбю, курган 3 (Södra Husby, Trosa-Vagnerad sn, Sö., RAÄ 177, A3)

Курган исследован в 1959 г. под руководством И. Сэлвик (Särlvik A-1959; Särlvik 1962: 48, 49; Bratt 2008: 223, 224). Диаметр кургана 18 м, высота до 2 м. Насыпь повреждена распашкой. В материковой глине под курганом прослеживается депрессия, образовавшаяся от давления насыпи на грунт (ил. 52). На кургане была некогда установлена нижняя часть рунического камня, найденная в реке Trosaån.

Насыпь сложена из глины, с включениями обожженной глины, углей и железистых конкреций. В северной части кургана была расчищена кладка диаметром около 5 м и высотой примерно 1 м, соору-

женная из камней размерами от 0,08 м до 0,55 м в поперечнике. Некоторые камни были обожжены. Под каменной кладкой обнаружилась линза угля и сажи вперемешку с кальцинированными костями. Линза имела размеры 2 × 3 м и толщину 0,3 м. Линза лежала на слое обожженной и закопченной глины, занимавшем площадь размерами 12×14 м в центре кургана. Все находки элементов погребального инвентаря происходят из углистой линзы под каменной кладкой. В погребении найдены:

1. Фрагмент бронзового накладного гребня парадного шлема (ил. 53: 1).
2. Кольцо диаметром 0,9 см, витое из золотой сканной проволоки (ил. 53: 2).
3. Два фрагмента костяного составного одностороннего гребня (ил. 54: 7).
4. Целые и фрагментированные игральные фишки (8 фрагментов) (ил. 54: 1–6). Все они не имеют отверстия в основании.
5. Фрагменты железных заклепок (7 экз.) (ил. 54: 8–14).
6. Мелкие фрагменты глиняного неорнаментированного лепного сосуда, поврежденного огнем (26 экз.).

Датировка комплекса определяется фрагментом массивного гребня шлема, украшенного рядами параллельных бороздок. Аналогии имеются в погребениях Вендель I и Вендель XII (Stolpe, Arne 1912: Pl. VI, XXXVI), что позволяет, опираясь на хронологию Б. Аррениус, датировать курган 3 концом VI в. (Bratt 2008: 224).

6.1.1.6. Хора (Håga, Bondkyrka sn, Up., RAÄ 356, Kung Björns hög)

Курган в Хога, раскопанный в начале XX в., сохранил богатое захоронение эпохи бронзы (Almgren 1905; Arvidsson 1942; Bratt 2008; Kaliff, Oestigaard 2018). Интерес для нас представляют две находки из верхушки кургана. В перекопе на вершине (на глубине примерно 1 м) найден был железный втульчатый наконечник стрелы с поврежденной втулкой (ил. 55: 1). О. Альмгрен считал маловероятной датировку наконечника эпохой викингов и отнес находку к вендельскому времени (600–800 гг.) на основании параллелей в погребениях Ультуны и Венделя (Almgren 1905: 37). Впрочем, некоторые различия в пропорциях наконечников не позволили ему вынести окончательное заключение и он остановился на определении «средневековый» наконечник (Almgren 1905: 38). Автор раскопок предположил, что это результат выстрела (отсюда и поврежденная втулка).

Уже после завершения раскопок в отвале найдена бронзовая овальная зооморфная фибула (ил. 55: 2). По мнению О. Альмгрена, она залегала на вершине

кургана и была пропущена рабочими. Подобные находки принято связывать со вторичными захоронениями. Высказал такую гипотезу и О. Альмгрен, отметив, однако, что других следов, которые могли бы свидетельствовать о вторичном погребении на вершине, найдено не было. Исключение составляет маленький фрагмент большеберцовой кости из перекопа. Поэтому О. Альмгрен не исключал и возможности случайной утери фибулы на кургане и принесения ее сюда с какими-то ритуальными целями. Вершина кургана, однако, имела столь сильные повреждения, что вынести окончательное заключение затруднительно. Все, что мы знаем о больших курганах второй половины I тыс. н. э. как в западной, так и в Восточной Европе, позволяет, все же, склоняться к версии о разрушенном позднем захоронении. Застежка из Хога относится к группе маленьких овальных фибул VIII в., стоящих на расплывчатом культурно-хронологическом рубеже между вендельским временем и эпохой викингов. Изделия эти очень индивидуальны и плохо поддаются узкому датированию, как и сам «övergången» между эпохами (Jansson 1985: 15, 16). Орнаментальная композиция представляет сильно стилизованного зверя с выпученными глазами, бока которого покрыты плетеным орнаментом. Г. Арвидссон отметила на фибуле элементы стилей D и E (Arvidsson 1942: 43, 114). По типологии М. Урснеса фибула стоит ближе всего к типу N2a (Ørsnes 1966: 152, fig. 190).

6.1.1.7. Брубю, курган 1 (Broby, Börje sn, Up., RAÄ 26, A1)

Группа из пяти больших курганов располагается в равнинном ландшафте на берегу реки, очевидно, среди древних пахотных полей (Lindqvist 1936: fig. 25). Топография памятника весьма близка русским сопкам (ил. 56: 1). Курган 1. Диаметр кургана — 20–20,5 м, высота на момент раскопок — около 1,5 м. Курган был поврежден распашкой, поэтому его первоначальная высота неизвестна. Курган 2. Диаметр около 20 м. Курган, сильно поврежденный распашкой, едва возвышался над окружающей поверхностью. В процессе раскопок выяснилось, что высота сохранившейся части достигает 1 м. Курган 3. Диаметр около 20 м, высота 4 м. Сильно поврежден погребом. Курган 4. Диаметр более 15 м (сильно подпахан), высота 4 м. Курган 5. Размеры 22–30 м. Высота не менее 3 м. Курган поврежден ямой. Как сообщает Х. Ларсен, насыпь несет следы раскопок Верелиуса XVII в. (Larsen A-1931: л. 1). Курган содержал сожжение в сопровождении глиняных сосудов (Lindqvist 1936: 35).

Курган 1 исследован в 1930 г. под руководством Х. Ларсена (Larsen A-1931; Lindqvist 1936; Bratt 2008: 235–236). В основании кургана прослежено образовавшееся от давления насыпи на материковый

суглинок углубление, говорящее о том, что насыпь изначально была гораздо массивнее, чем сохранившаяся останец (ил. 56: 2). В центральной части насыпи на глубине 0,2 м открыта валунная вымостка конической формы с диаметром основания до 4,2 м и плоской вершиной диаметром 3,2 м. Высота каменного сооружения, лежащего на погребенной почве, — 1,2–1,4 м. Под каменной кладкой находилось кострище, диаметром 3,5 м, содержавшее многочисленные фрагменты кальцинированных костей. В центре его стояли две лепные урны с пережженными костями; еще один сосуд находился под камнями в юго-восточной части кострища (ил. 57). Среди угля найдены:

1. Круглая, сильно поврежденная, бронзовая подвеска и мелкие обломки бронзовых неопределимых деталей (ил. 60: 19)³⁴.

2. Фрагменты одного (?) одностороннего составного гребня и, вероятно, двух (?) футляров от гребней (ил. 59).

3. Бусы: шесть аметистовых (ил. 60: 1–6), одна круглая глазчатая (серо-зеленого стекла с желтым, с красной каймой, глазком) (ил. 60: 7); печеночная зонная (ил. 60: 8).

4. Фрагменты стеклянного сосуда (ил. 60: 11–18).

5. Игральные фишки. В музейном собрании SHM находятся 41 целая и фрагментированная фишка, позволяющая реконструировать размеры изделия и 29 мелких обломков (ил. 64–67)³⁵.

6. Четыре фрагмента от трех (?) игральных костей (ил. 63: 2–5).

7. Ледоходный шип (ил. 58: 16).

8. Ромбический наконечник стрелы (ил. 58: 15).

9. Железные детали ремня или конской сбруи: четыре пряжки; две прямоугольные и три шестиугольные накладки; железные заклепки (2 экз.) (ил. 58: 1–13; 67: 6, 7).

10. Массивный оселок (ил. 63: 1).

11. Целые и фрагментированные массивные «ладейные» железные заклепки с круглым в сечении стержнем (не менее 19 экз.) (ил. 69).

12. Заклепки средних размеров с тонким четырехгранным в сечении стержнем от сундука или ларца (не менее 32 экз.) (ил. 68).

13. Мелкие декоративные железные заклепки (3 экз.) (ил. 67: 8–10).

П. Братт датирует погребение первой половиной VII в., ближе к 600 г. (Bratt 2008: 236), что, как мне представляется, занижает датировку комплекса. При

датировке фрагментов гребней и их футляров из погребений Меларского региона исследователи обычно ссылаются на типологию Б. Петре, построенную им для периода около 400–800 г. н. э. на материалах могильника Лувё (Petré 1984a: 70–80). В основе схемы, созданной Б. Петре, лежит классификация отдельных элементов формы и орнамента деталей гребней (Petré 1984a: 71). Проблема датировок по гребням из кремаций состоит в том, что предметы сильно фрагментированы, отчего реконструкция пропорций изделий и орнаментальных композиций затруднена. Брубю не является в этом отношении исключением. Гребень из погребения сохранился плохо. В коллекции SHM лежат два фрагмента с точечно-циркульным орнаментом и тройной продольной окантовкой накладок. Вероятно, этому же гребню принадлежат и два фрагмента с тройной окантовкой и дополнительными орнаментальными линиями в верхней части пластины (тип L6).

Согласно типологии Б. Петре, боковые накладки, которые имеют в поперечном сечении выпуклый, сужающийся к краям профиль (тип S6), и украшены тройной линией по верхнему и нижнему краю (тип L3), характерны, в целом, для VII — начала VIII в., хотя не исключена и вторая половина VI в. (Petré 1984a: 75, 216, рис. 91). В эпоху викингов тройная окантовка накладок почти не встречается. Группы вертикальных рядов точечно-циркульного орнамента (тип С4) появляются на гребнях в начале вендельского времени (Petré 1984a: 76), широко распространяются в VII в. (Nerman 1969: Taf. 122, Fig. 1077, 1082, 1084) и доживают по крайней мере до первой половины VIII в. (Ambrosiani 1981: 130–131). Фрагменты первой накладки от футляра имеют более тонкое сечение и тройную окантовку, а также продольный линейный орнамент в верхней и нижней части (тип L6, L7). Вторая накладка украшена плетеным и точечно-циркульным орнаментом в сочетании с тройной окантовкой края пластины. В могильнике Лувё подобная орнаментация найдена единожды (погр. 74), и, по данным Б. Петре может быть датирована не уже, чем VII–VIII вв. (Petré 1984a: 54).

Наиболее характерным датирующим элементом в погребении являются аметистовые бусы. Место их производства находилось где-то в Восточном Средиземноморье; в континентальную Европу и дальше в Англию и Скандинавию бусы поступали, видимо, через Италию (Huggett 1988: 66; Geake 1997: 12; Brugmann 2004: 40). Их датировка, в общих чертах, укладывается в VII в., захватывая конец VI в. (Huggett 1988: 66). Согласно хронологии англо-саксонских могильников, разработанной Х. Геек, период наиболее интенсивного поступления аметистовых бус в Англию относится к концу VII — началу VIII в. (Geake 1997: 12, 41).

³⁴ В период моей работы в SHM в 2004–2008 гг. бронзовые предметы находились на реставрации и были недоступны для изучения. Изображения этих предметов взяты мною из рукописной описи.

³⁵ Одна из фишек была найдена недавно среди кальцинированных костей и не внесена в опись.

К этой точке зрения присоединяется Б. Брюгман, относя аналогичные бусы из ранних англо-саксонских могильников к фазе С (Final Phase) распространения бус (beads phases) в Англии, т. е. ко времени после 650 г. (Brugmann 2004: 40, 70, fig. 173).

Хронологическая схема, построенная Л. Йоргенсеном для Северной Италии, относит аметистовые бусы к несколько более раннему периоду (фазы I–III = 570–650 гг.) (Jørgensen 1992: 101). Форма бус и месторождения камня со временем меняются. К раннему импорту относятся миндалевидные ярко-фиолетовые бусы, в более позднее время их сменяют бусы вытянутых пропорций более тусклого цвета. В Центральную Европу такие бусы попадают, согласно У. Кох, в середине VII в. (Koch 1987: 346). Бусы из Брубю, асимметричные, сильно вытянутые, блеклого лилово-серого цвета, могут быть отнесены ко второй группе, и, соответственно, наиболее вероятное время их попадания в Швецию относится ко второй половине VII в. Аметистовые бусы в Скандинавии встречаются и позднее, до рубежа эпохи викингов (Arrhenius 1978: 12, 13).

Найденные в погребении осколки зеленовато-серого прозрачного стекла принадлежат сосуду с венчиком, украшенным аналогичной по цвету спиральной стеклянной нитью (диаметр ее около 1 мм в верхней части и примерно 0,5 мм ниже по венчику сосуда). По сохранившимся фрагментам трудно сказать, был ли это «snabelbägare» (от шведского «snabel» — хобот, т. е. кубок с хоботовидными выступами; в английском языке «claybeaker» — кубок с когтевидными выступами), кубок иного типа или низкий округло-бокий сосуд — наиболее распространенные типы импортной стеклянной посуды в мелких обломках неопределимы (Näsman 1986: 66, 67).

Игральные фишки из кургана различаются по форме и размерам. Среди них представлены как крупные и приземистые, с широким основанием изделия (диаметром до 3,7 см), в тенденции более свойственные вендельскому времени, так и несколько небольших фишек (диаметром до 2,7 см) с суженным основанием, более характерных для эпохи викингов. Фишки имеют снизу по одному отверстию.

По набору погребального инвентаря курган может быть датирован серединой VII — рубежом VII/VIII вв.

6.1.1.8. Брубю, курган 2 (Broby, Börje sn, Up., RAÄ 26, A2)

Курган исследован в 1931 г. под руководством Х. Ларсена (Larsen A-1931; Lindqvist 1936; Bratt 2008: 236). Диаметр около 20 м. Курган, сильно поврежденный распашкой, едва возвышался над окружающей поверхностью. В процессе раскопок выяснилось, что высота сохранившейся части достигает 1 м.

На глубине 0,35 от поверхности расчищена валунная кладка диаметром до 5 м (ил. 56: 4). Под ней находился слой погребального костра, собранный в кучу диаметром 2,5 м и высотой до 0,5 м. На нем, чуть к югу от центра, стояла урна (ил. 70: 1) с кальцинированными костями. На костре найдены:

1. Бронзовая пряжка с двойной пластинчатой обоймой и неопределенные фрагменты бронзовых изделий³⁶.

2. Фрагменты двух односторонних составных гребней (ил. 71).

3. Фрагменты двух или трех (?) стеклянных сосудов, среди которых выделяются осколки сосуда ярко-голубого стекла; обломки сосуда зеленоватого стекла, украшенного красными рельефными нитями и обломки сосуда бесцветного, чуть зеленоватого стекла (возможно, принадлежат второму сосуду).

4. 27 целых и фрагментированных костяных игральные фишек и 23 их мелких обломка (ил. 72; 73).

5. Фрагменты не менее 10 железных «ладейных» заклепок и около 10 неопределимых обломков (заклепки, гвозди?) (ил. 74).

6. Девять железных заклепок от ременной сбруи (ил. 70: 3–11).

7. Декоративная железная заклепка с треугольной шляпкой (ил. 70: 2).

Боковая пластина первого гребня имела тройную окантовку (тип L3), дополнительную продольную линию в нижней части (тип L7) и была украшена точно-циркульным орнаментом (тип C3, C4), т. е., согласно разработкам Б. Петре, возможная датировка гребня охватывает все вендельское время.

Второй гребень имеет орнаментацию из горизонтальных рядов кружков с точкой, соединенных линиями в ромбические фигуры (L9), и одинарную окантовку накладок (L1). Орнамент типа L9 в сочетании с тройным кантом (L3) в могильнике Лунда на Лувё, согласно Б. Петре, характерен для периода VII:2–3, для VII в. (Petré 1984a: fig. 89, 91). Он продолжает существовать здесь и в раннюю эпоху викингов, сочетаясь с типичной для этой эпохи двойной окантовкой (погребения A 84 и A 11) (Petré 1984a: 75). Исследования на соседнем могильнике в Хельгё дали погребение с гребнем L9, датирующееся по фибуле типа Вальста VIII — началом IX в. (Melin, Sigvallius 2001: 72). Еще чуть дальше на запад, на Адельсё, гребень L9 найден в комплексе с монетой Исмаила ибн Ахмата 905 г. (Rydh 1936: 132). В обоих этих случаях, однако, гребни имели уже двойную кайму (орнамент L2).

³⁶ В период моей работы в SHM в 2004–2008 гг. бронзовые предметы находились на реставрации и были недоступны для изучения.

Одинарная кайма по краю пластин известна в Меларском регионе с римского времени, однако, по материалам могильника Лунда намечается хронологический разрыв в использовании этого орнаментального мотива в VI–VII вв. и возобновление в первой половине VIII в. (Petré 1984a: 75, fig. 91). Сложно сказать, насколько можно полагаться на этот вывод, сделанный на основании наблюдений над горизонтальной стратиграфией могильника, но согласно ему, гребень датируется, скорее всего, VIII в.

Игральный набор из кургана 2 сохранился плохо и не имеет определенного лица. Он включает в себя как крупные приплюснутые фишки диаметром до 2,8 см, так и маленькие, с суженным основанием, диаметром 2,7 см.

П. Братт, опираясь на хронологию гребней, датирует комплекс 750–800 гг. (Bratt 2008: 236). Судя по гребням, курган 2, возможно, несколько младше кургана 1, но оба они относятся к одной эпохе. Курган 2 следует датировать концом VII — VIII в.

6.1.1.9. Старая Упсала, Вестхёген (Gamla Uppsala, RAÄ 123, Västhögen, Torshög)

Курган исследован в 1874 г. под руководством Б. Э. Хильдебранда (Lindqvist 1936; Bratt 2008; Ljungkvist 2008). Раскопки велись траншеей шириной 6 м (в основании) от юго-восточного края кургана к центру насыпи. Размеры кургана составляют приблизительно 67×51 м (он слегка вытянут в направлении Запад-Восток). Высота насыпи 10,5 м (за счет подрезки озовой гряды, на которой насыпан курган, его высота в целом возрастает до 13 м). На вершине кургана, согласно обмерам Б. Э. Хильдебранда 1846 г., существовала площадка размерами 9×12 м, возможно, поврежденная перекопами.

В центре кургана на погребенной почве находилась каменная кладка диаметром 1,6 м и высотой 1,1 м. В ее центральной части был установлен деревянный столб (между камнями обнаружены его остатки). Под кладкой зафиксирована линза кальцинированных костей, содержащая поврежденный огнем погребальный инвентарь. Каменная кладка была возведена на глиняной подсыпке диаметром около 3 м и толщиной около 6 см. Под курганной насыпью были зафиксированы следы огня (глиняная подсыпка местами была обожжена «до состояния кирпича», что дало автору раскопок основания предположить, что сожжение было произведено на месте строительства кургана. На расстоянии около 12 м к юго-востоку от центра кургана на погребенной почве были установлены два крупных камня, в углублении при одном из них найдены кальцинированные кости, перемешанные с углем и золой.

Насыпь кургана была возведена в несколько этапов. Сначала над погребением насыпан курган с пло-

ской вершиной высотой до 3,9 м из песка с гравием. Затем была насыпана основная часть насыпи мощностью до 5,1 м, причем использовалась глина. Затем произведена подсыпка гравием мощностью 0,6 м, после чего насыпь была покрыта гумусом мощностью 0,5 м (Lindqvist 1936: 336). Инвентарь погребения под центральной каменной кладкой включал нити из тонкой золотой фольги, первоначально вплетенные в какое-то текстильное изделие, фрагмент золотой детали навершия меча (шв. *svärdsknapp*), сильно поврежденный огнем, треугольную золотую деталь навершия меча, несколько фрагментов золотых изделий в технике клуазонне и прочие находки, указывающие на высочайший статус погребенного (Lindqvist 1936: 177–185; Duczko 1996: 82–92).

Датировка Västhögen определяется, с учетом параллелей из Саттон-Ху, периодом 590–620/630 (Ljungkvist 2008: 275; 2013).

6.1.1.10. Старая Упсала, Гульхёген (Gamla Uppsala, RAÄ 123, Gullhögen)

Находки из комплекса многократно рассматривались (Lindqvist 1936; Волковицкий 1995; Мачинский 1997: 161; Иванов 1998; Jansson 1999; Goldina 2003; Казанский 2006, 2007; Ljungkvist 2008, 2013; Gustin 2016), но при этом ни разу не были проанализированы как единое целое с курганом и его позицией в могильнике. Причина этого кроется в том, что локализация на местности и анализ материала затруднены из-за плохой документированности исследований XIX в. (Ljungkvist 2008: 276).

Интересующие нас находки (ил. 76; 77) получены во время раскопок Б. Э. Хильдебранда и подполковника К. Штоля в 1846 и 1847 гг. Тогда, наряду с раскопками Odinhögen–Osthögen (Восточного кургана), было исследовано несколько менее крупных насыпей в южной части курганного могильника на упсальском озе (*ås*). Комплекс находок из одной из них, названной Гульхёгеном, был впервые опубликован С. Линдквистом в его монументальной монографии (Lindqvist 1936: fig. 56). Находки хранятся в SHM под номером 1411, их рукописная опись из АТА, датированная 1847 г., частично опубликована С. Линдквистом (Lindqvist 1936: 78). Ниже приводится ее полный перевод:

«Находки из маленьких курганов в Старой Упсале.

Маленький фрагмент сломанной золотой пряжки, две X-видные медные бляшки, две маленькие медные бляшки-скорлупки, похожие на половинку бусины, маленький железный гвоздь длиной 5/8 дюйма, неопределенные оплавленные части медных и стеклянных украшений, несколько фрагментированных костяных фишек с отверстием на плоской стороне, кости человека и животного. Все это найдено в кургане, расположенном на той же гряде (*ås*), что и королевские курганы, но дальше от церкви.

Н. В. В других курганах на той же гряде встречались куски урн, уголь, сожженные кости, фрагменты гребенки и т.д.

Исследование этих курганов проводилось в том промежутке времени, когда все рабочие не могли работать на Odinshögen» (Inv. 1411. A-1847).

По поводу коллекции 1411 С. Линдквист поясняет: «... это, по-видимому, находки из того кургана, что был раскопан 14, 16 и 19 сентября 1846 г. На некоторых старых этикетках к этим вещам стоит название «Гульхёген» [золотой курган. — И.Е.]. Таким же образом, находки из двух других курганов лежат с этикетками «ликхёген» [курган мертвеца. — И.Е.] и «данска хёген» [датский курган. — И.Е.], в то время как касающаяся их опись дает лишь короткое резюме. К частично перемешанным находкам из маленьких курганов под № 1411 Хильдебранд должен был также отнести то, что он, согласно дневнику, нашел 5 сентября 1846 г. в погребении на другой стороне Туносена [название упсальского оза. — И.Е.]» (Lindqvist 1936: 78).

Основным источником об этих исследованиях является хранящийся в АТА дневник Б. Э. Хильдебранда, опубликованный С. Линдквистом. В этом документе о раскопках маленьких курганов рассказывается в записях от 2, 12, 14, 16 и 19 сентября 1846 г. и 14 июня 1847 г.

1846

«Den 2 Sept. (Onsdag).<...>В течение этого и предыдущего дня, так же, как и в течение двух дней прошлой недели, были предприняты небольшие раскопки в двух из множества маленьких курганов, которые находятся на озе за Курганом Тора (Thorshögen), однако, все они имеют западины на вершинах и таким образом, без сомнения, были вскрыты в древности кладоискателями. Никаких старинных находок при этих раскопках не обнаружено. Правда, в таком кургане, на юго-западной оконечности оза, встречена небольшая куча камней и окислы железа.

То, что эти маленькие курганы были погребальными насыпями, несомненно. Раньше их число было гораздо большим. <...>

Den 12 Sept. (Lördag).<...> Раскопки произведены на двух маленьких курганах на продолжении оза, где найдены фрагменты урн, как необожженных (большинство), так и сильно обожженных (немного). Также найдены обожженные кости, уголь и три железных гвоздя с большой головкой, длиной приблизительно 1 дюйм³⁷.<...>

Den 14 Sept. (Måndag).<...>Утром я осмотрел более внимательно субботний раскоп в маленьком кургане,

где нашел в выброшенной земле кусочки костей, угольки и два обломка накладки на костяной гребень с гравировкой в виде маленьких колец, фрагмент тонкой черепной кости, обожженный передний зуб и т.д.

På f.m. велись раскопки другого кургана, где одна сторона (западная) была повреждена карьером. На глубине примерно 2 футов со стороны поврежденного края встретился слой больших камней, частью округлых, частью обколотых³⁸. Под ними была смешанная с глиной рыхлая земля, которая покоилась на крупном песке оза — так же, как и в галерее в Odinshög. Раскопки были продолжены в верхней части кургана, которая имела плоскую вершину, без заметного углубления в центре, как на других малых курганах. Каменная вымостка резко поднимается к центру кургана на высоту фута до верхнего края, а затем снова понижается к другому краю кургана, отчего она приобрела вид свода в центре. Над камнями лежала глина, уложенная, вероятно, для предотвращения размыва дождями.

Затем встречены камни, которые были довольно большими и частично перекрывали друг друга; приблизительно в 5 футах под поверхностью кургана встречен сначала слой глины, а затем углистый слой толщиной 3 дюйма, заключающий в себе большое количество обгорелых костей и угля, а также склеившиеся остатки обожженного железа со следами медных окислов и измельченных костей <...> Также найдены 4 полусферические костяные изделия с отверстием на плоской стороне и 2 фрагмента таких изделий <...>

Den 16 Sept. (Onsdag).<...> Исследования в последнем из вскрытых маленьких курганов были продолжены. Фрагменты урн, как обожженных, так и необожженных, встречались вместе с невероятно большим количеством обожженных костей в вышеупомянутом слое рыхлой земли. Несомненно, здесь было сожжено и захоронено большое количество людей. Среди костей обнаружена маленькая нижняя челюсть, вероятно принадлежавшая ребенку. Также найдено несколько костяных шашек или пуговиц, подобных описанным выше. <...>

Den 19 Sept. (Lördag).<...> В менее высоком кургане, раскопанном мною прежде, был разобран песок в еще нетронутой до сих пор части. Были найдены кроме кусочков костей, фрагмент небольшой урны, сильно обожженной, с небольшими квадратными косо-решетчатыми фигурами на дне <...>

1847

Den 14 Juni (Måndag).<...> Утром 2 человека были отправлены чтобы заложить раскоп с другой стороны на уплощенном кургане дальше по гребню оза, побли-

37 Шведский дюйм – 2,5 см.

38 Шведский фут – 0,297 м.

зости от высокого камня. Курган состоял из толстого верхнего слоя грунта и затем мелкого гравия. Внизу на гребне лежал слой мешаной глины, содержащей много угля, частично от лиственного дерева, частично от хвойного, и пережженные кости. Среди этого найдено 8 железных заклепок длиной чуть больше дюйма, одна сломана посередине. Все эти заклепки лежали на пространстве в форме квадрата. В кургане не было каменного наброса, но по краям в основании лежали 4 больших камня, отдаленных друг от друга, а также несколько мелких. <...> В центре камней не было. Предметы из железа и большинство костей были встречены ближе к северо-западному краю кургана» (Lindqvist 1936: 134–142)³⁹.

Итак, наличие в коллекции SHM1411 игральных фишек с одним отверстием, а также фрагмента лепного сосуда с отпечатком решетчатого штампа, упомянутого в дневнике за 19 сентября 1846 г., позволило С. Линдквисту идентифицировать Гульхёген с курганом, раскопанным 14, 16 и 19 сентября 1846 г. Очевидно, чтобы лучше понять памятник, важно идентифицировать Гульхёген среди сохранившихся насыпей. Комплекс находок из Гульхёгена, в первую очередь присутствие в нем золотого предмета, изготовленного в технике клуазоне, говорит о том, что перед нами не рядовое погребение, поэтому логично было бы ожидать того, что насыпь, его содержащая, выделялась на фоне небольших курганов, примыкавших с юга к Западному кургану.

Как видно из дневника, это был крупный курган, высотой не менее 1,5 м, с плоской вершиной. Не вполне ясно, почему Б. Э. Хильдебранд пишет 14.09.1846 г. о плоской вершине, в то время, как на всех планах, да и ранее в дневнике отмечаются повреждения на вершинах «малых» курганов. Собственно, это противоречие, главным образом, сбивает с толку исследователей, пытающихся локализовать курган (Ljungkvist 2013: 42). Остается только предполагать, что повреждение не мешало восприятию вершины кургана как плоской платформы. Крупные размеры кургана подтверждаются и тем, что на его раскопки ушло 3 дня. Визуально высота кургана должна быть больше, так как упсальский оз использовался как пьедестал для крупных насыпей. Еще мы знаем, что западная пола кургана была разрушена карьером, а сам он, как видно из записи 14 сентября, был разрезан Б. Э. Хильдебрандом от одной полы до другой.

Могильник в Старой Упсале, как известно, приурочен к песчаному озу, который был использован для придания курганам большей монументальности. Королевские курганы вытянуты по озу цепочкой, и к самому южному из них (Västhögen) примыкает курганный могильник из множества невысоких на-

сыпей, продолжающийся по озу и его склонам в южном направлении. Этот курганный могильник не однороден по структуре. Его основу образует цепочка из трех больших курганов, расположенных на гребне оза, которые как бы запечатлели попытку подражания огромным королевским курганам (ил. 75). Три эти насыпи «второго порядка» (явно более поздние, чем Västhögen) вполне укладываются в наше определение «большого кургана», и их тоже можно было бы так назвать, не будь рядом трех куда более грандиозных могил.

Профили всех трех курганов «второго порядка» зафиксированы на рисунке К. Штоля, сделанном 25 сентября 1846 г. (Lindqvist 1936: pl. 23: 1). Все они имели уплощенные вершины, поврежденные грабительскими ямами, и все они находятся на краю карьера. Ближайшая из насыпей «второго порядка» расположена в 15 м от полы королевского кургана (Västhögen). Еще два больших кургана находились чуть поодаль — примерно в 100 м к юго-западу от Västhögen (Lindqvist 1936: Pl. 5, 14, 17).

Только одна из трех этих насыпей — ближайшая к Västhögen — несет на себе следы раскопок широкой (около 10 м) траншеей, шедшей поперек оза. Эта траншея с прямой южной стенкой зафиксирована на плане 1935 г. (Lindqvist 1936: pl. 25). Особенно хорошо ее показывают опубликованные на сайте Упсальского университета данные лазерного сканирования⁴⁰. С высокой долей уверенности можно предположить, что курган с траншеей и есть Гульхёген с раскопом Б. Э. Хильдебранда⁴¹. Диаметр этого кургана в его нынешнем состоянии составляет 34 м, визуальное воспринимаемая высота — 2–3 м (Еремеев 2007: 253). Очевидно, значительная часть этой высоты приходится на материковый останец. Даже при значительных нынешних повреждениях курган смотрится как плоская платформа, что может объяснить вышеупомянутое противоречие в дневнике Б. Э. Хильдебранда.

В дискуссии вокруг Гульхёгена существует мнение об очень ранней его дате — V в. н. э. Другие версии, на основании параллелей X-видным бляшкам с территории Финляндии, предполагают ранний и средний вендельский период (Ljungkvist 2008: 276), т. е. условный интервал 550–700 гг., или просто VII в. (Казанский 2007: 130).

Датировка кургана в значительной степени определяется его соседством с Västhögen. Сейчас эти курганы разделяет старый карьер, но, глядя на план

⁴⁰ В настоящее время с рельефом могильника в 3D-формате можно ознакомиться на сайте Упсальского университета: https://www.arkeologi.uu.se/Forskning/Projekt/Gamla_Uppsala/3darkiv/.

⁴¹ Эта точка зрения впервые была высказана И. Янссоном на научной конференции в Перми в 2003 г.

³⁹ Перевод И. И. Еремеева.

1847 г., так же, как и на данные современного лазерного сканирования, можно видеть, что курганы в прошлом почти соприкасались лапами. Старше Западного кургана Гульхёген вряд ли может быть, поскольку при таком масштабном строительстве он не уцелел бы. Известно, что при строительстве королевских курганов грунт на гребне оза вокруг них подрезался и выравнивался, чтобы придать насыпи дополнительную монументальность (Silver 1996: 56; Ljungkvist 2013: 38). Принимая во внимание соображение, что воздвигнутый в интервале 590–620/630 гг. Västhögen (см. раздел выше) представлял собой законченное архитектурное сооружение и вряд ли подразумевал немедленную застройку своего подножия другими курганами, следует заключить, что датировка Гульхёгена не может быть опущена ниже 600 г.

Сосуды с решетчатым орнаментом, подобные найденному в Гульхёгене, известны на Готланде, где время их бытования определяется периодами VII:1 (Nerman 1969: Taf. 89, 91; 92) и VII:2 (Nerman 1969: Taf. 150; 151), реже VII:3 (Nerman 1969: Taf. 214), т. е. в пределах 600–700 гг.

Набор из 13 игровых шашек, уплощенных, с одним отверстием в основании, выглядит стандартно для вендельского времени, но имеет в своем составе несколько (не менее четырех) высоких шашек (ил. 77: 1–3, 5), более свойственных для поздневендельского времени и эпохи викингов.

Коробчатое золотое изделие, состоящее из пластины с напаянным бортиком, принадлежало украшению в стиле клуазоне, датировка которого, при опоре на шведские источники вроде бы не должна выходить за пределы VI–VII вв. Для памятников VIII в. Средней Швеции такие предметы не характерны (Ljungkvist 2013: 44). В Старой Упсале находка подвески в технике клуазоне известна, помимо Västhögen, на поселении (раскопки 2015 г.)⁴². Надо, однако, отметить, что на европейском континенте техника клуазоне используется и в VIII в.

Самый интригующий элемент комплекса, две X-видные поясные накладки, происходящие, по общему признанию, из Восточной Европы. Накладки имеют по два шпенька с ромбическими шайбами для крепления к кожаной основе. Как неоднократно отмечалось, ближайшие параллели происходят из погребений неволинской культуры в Прикамье, где датируются VII в. (Казанский 2007: 127). Не ясно — относились ли к тому же поясу полусферические бляшки-скорлупки.

Совокупность приведенных данных позволяет датировать комплекс в пределах VII в. Й. Юнквист то датирует комплекс 560/570–700 гг., то склоняется

к первой половине VII в. (Ljungkvist 2013: 44, 45). Мне представляется, что с учетом предполагаемой локализации кургана, ориентироваться нужно скорее на середину — вторую половину этого столетия.

6.1.1.11. Хешбю, курган 38 (Hersby, Sollentuna sn, Up., RAÄ 45/47)

Курган исследован в 1905 г. Т. Арне (Grufhögsfynd vid Tureberg 1908; Arne 1919; Lindqvist 1936: 19; Hedlund 1994; Bratt 2008: 249). К моменту раскопок насыпь была сильно разрушена при строительстве железной дороги (ил. 78: 2). Диаметр кургана 20,5 м, высота 4,2 м, на вершине располагалась площадка, имевшая около 6 м в поперечнике. На глубине около 1 м от поверхности кургана находилась вершина полусферической валунной кладки диаметром около 15 м и высотой 2,5 м. Под грудой камней лежало кострище, размеры которого остались не выяснены, поскольку курган исследован не полностью. Судя по сделанному разрезу, наибольшей мощности слой угля достигал под центральной частью каменной кладки. Из огромных валунов на кострище было сооружено подобие ограды, в которую были помещены остатки сожжения (ил. 78: 1). Между большими камнями здесь зафиксированы остатки древесины (дуба) на высоту около 1 м от поверхности кострища (деревянная камера?). Сверху был положен еще один крупный валун, образовавший подобие крыши. Остатки трупосожжения размещались между большими валунами. Здесь, вместе с кальцинированными костями, найдено:

1. Бронзовая деталь в виде трехлопастной свастики (оплавлена) с костяной накладкой на штифте в центре (ил. 79: 1).
 2. Оплавленное бронзовое колечко (ил. 79: 4, 5).
 3. Бронзовая пластинка (ил. 78: 3).
 4. Железный нож (ил. 78: 8).
 5. 17 фрагментов железных заклепок (вероятно, от примерно 10 заклепок) (ил. 82).
 6. 5 маленьких гвоздей (ил. 79: 12, 13).
 7. 28 целых и фрагментированных костяных шашек (ил. 80: 1–15; 81).
 8. 1 каменная шашка (ил. 80: 16).
 9. 3 фрагмента крупной хрустальной бочонковидной бусины (ил. 79: 2).
 10. 2 оплавленные бусины молочно-белого стекла (ил. 79: 6, 7).
 11. 12 оплавленных фрагментов сосуда синезеленого стекла (вероятно, кубка).
 12. Обломки каменного оселка (ил. 84).
- Самой интересной находкой является накладка в виде трехлопастной свастики. Возможно, она покрывала полусферическую фишку, и разогнулась уже в пламени погребального костра. П. Братт указывает на похожую накладку в погребении Вендель VII (Stol-

⁴² <https://glaup.blogspot.com/2015/06/the-gold-pendant.html#comment-form>.

ре, Arne 1912: pl. XX, fig. 3), которое, по хронологии Б. Аррениус, относится к периоду 630/640–720. Проблема датировки комплекса Вендель VII, как уже говорилось выше, сталкивается, с присутствием там ременной гарнитуры в стиле III/E (Stolpe, Arne 1912: Pl. XIX: fig. 7–10), характерном для финала вендельского времени и начала эпохи викингов. Видимо, это погребение следует «подтянуть» ближе к середине VIII в.

В настоящее время в коллекции из Хешбю находится также фрагмент составного гребня, неоднократно фигурировавший в публикациях (Hedlund 1994: fig. 3; Bratt 2008: 288). Й. Хедлунд подметил неуместность его в данном комплексе (Hedlund 1994: 78). Гребень относится к типу, более характерному для VIII–IX вв. (ил. 79: 14). Ни в рукописной описи Т. Арне, ни в печатной описи SHM этот гребень не упоминается. В картотеке SHM сведения о нем вписаны в карточку от руки поверх печатного текста. Возможно, фрагмент попал в коллекцию случайно в более позднее время⁴⁵.

Надо, кроме того, заметить, что набор для игры производит впечатление достаточно позднего (характерного для эпохи викингов), из-за формы большинства фишек — высоких, с суженным основанием и одним отверстием.

Т. Арне датировал курган VII в. (Grufhögsfynd vid Tureberg 1908). П. Братт отнес его к началу VIII в. именно из-за сомнительного, с моей точки зрения, гребня (Bratt 2008: 249). Отбросив непроверенную находку, мы все равно оказываемся перед необходимостью датировать комплекс VII — началом VIII в.

6.1.1.12. Хэгвик, курган 1 (Häggvik, Sollentuna sn, Up., RAÄ 81, A1)

Курган исследован в 1994 г. под руководством Г. Андерссона (Andersson, Lindström-Holmberg 1998: 59–67). Диаметр насыпи на момент раскопок — 13 м, высота — 1,5 м. В процессе работ установлено, что первоначальные размеры сооружения: диаметр — 17 м, высота — 2,2 м. Центральная часть кургана сильно повреждена грабительской ямой, а края насыпи пострадали от хозяйственной деятельности.

Основу кургана составляла округлая в плане валунная кладка диаметром 14 м и высотой 1 м (ил. 85). В краевых местах кладки, местами, были зафиксированы более массивные валуны. За пределами центральной валунной кладки сохранились значительные участки внешней кольцевой обкладки основания кургана в виде прерывистой линии валунов. Кладка была перекрыта земляной насыпью мощностью

до 1,5 м (ил. 86). Нижняя ее часть на высоту до 0,3 м, была сложена глиной, частично смешанной с песком. Под валунной кладкой на погребенной почве зафиксировано кострище размерами 6×7 м и мощностью до 0,15 м, поврежденное грабителями. В погребенной почве расчищено несколько ям, крупнейшая из которых была заполнена камнями. Кальцинированные кости и фрагменты погребального инвентаря найдены на кострище, в ямах, а также в выбросе грабительского перекопа. Материал сравнительно небогат. Основные находки:

1. Фрагменты оплавленных бронзовых изделий.
2. Целые и фрагментированные железные заклепки и гвозди.
3. Около двух десятков фрагментов железных изделий.
4. Фрагменты костяного игральнго кубика.
5. Сильно фрагментированный набор полусферических костяных игральнх фишек с одинарным отверстием в основании (ил. 87: 6).
6. Фрагменты двух (?) костяных гребней и двух футляров для гребня (ил. 87: 1–5).
7. Фрагменты керамики.
8. Три фрагмента серебряной проволоки.
9. Бронзовая заклепка.
10. Бочонкообразная бусина из красной пасты.

Среди костяных фишек выделяется редкий экземпляр, так называемый король, — крупная (44 мм в диаметре и 26 мм в высоту) фишка с пятью отверстиями для крепления металлической накладки. В одном из отверстий сохранился бронзовый штифт.

Авторы раскопок кургана, на основании анализа фрагментов гребней, датируют комплекс серединой — второй половиной VII в. (Andersson, Lindström-Holmberg 1998: 27). С курганом связана серия радиоуглеродных датировок BP: 1310±70 (Ua-7126), 1455±70 (Ua-7510), 1485±65 (Ua-7127) (Andersson, Lindström-Holmberg 1998: 28).

6.1.1.13. Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn, Up., RAÄ 18)

Курган исследован в 1921 г. под руководством Г. Экхольма (Ekholm 1931: 65–69; Bratt 2008: 258–259). Диаметр сооружения — 23 м, высота — 5 м; форма насыпи — коническая (ил. 89–91). На вершине стояла каменная стела, утраченная к 1921 г. (рис. 53, ил. 90). При раскопках насыпи обнаружены несожженные кости животных. В центральной части насыпи в 20 см друг от друга зафиксированы два вертикальных отверстия диаметром 0,12 и 0,08 м, по краям которых удалось проследить остатки березовой коры и древесного тлена — все, что осталось от двух березовых столбов. Столбы были укреплены в середине и на вершине большой валунной кладки, находившейся в центре кургана. Кладка коническая, диаметром 3,5 м,

⁴⁵ Эту точку зрения разделяет И. Янссон, которому я приношу глубокую благодарность за консультацию.

высотой 1,5 м. К северо-востоку от нее на невысокой подсыпке расчищена еще одна плоская валунная вымостка размерами около 1 м в поперечнике (ил. 92). У основания большой груды камней к северо-востоку и югу от нее отмечены фрагменты березовых плашек, частично уходящие под камни.

Под обеими груды камней расчищены кострища, линзы которых, достаточно мощные в центре (под большой каменной грудой — до 0,3 м), сужаются к краям (ил. 90; 91). На кострищах в слое угля лежали фрагменты кальцинированных костей. Находки располагались там же, без видимого порядка. На кострище под малой вымосткой найдена железная заклепка и некоторое количество обломков железных предметов (гвоздей и заклепок), а также фрагмент внутренней краевой пластины одностороннего гребня (ил. 99: 4). Пластина украшена циркульным и линейным орнаментом. Под центральной валунной кладкой найдены:

1. 3 фрагмента и 4 зубца от одностороннего орнаментированного гребня (ил. 99: 1–3).
2. 38 осколков оплавленного стеклянного сосуда (ил. 99: 6–12; 100).
3. 16 целых и фрагментированных игральные фишки (ил. 93–95).
4. Игральная кость с циркульной разметкой граней (ил. 99: 5).
5. Остатки конской сбруи (?) — 23 железные декоративные заклепки с полусферическими полыми головками, а также обломки трех прямоугольных железных накладок с заклепками (ил. 98).
6. Фрагменты примерно 30 железных гвоздей и заклепок и некоторое количество мелких неопределимых обломков.
7. Глиняный сосуд, заполненный кальцинированными костями (в настоящее время утрачен).

Курган в Стабю имеет конструкцию, не совсем обычную для Средней Швеции. Первое, что обращает на себя внимание, — его двухъярусное строение. Это хорошо видно во всех трех разрезах, сделанных Г. Экхольмом во время раскопок (ил. 90; 91). Первоначальный курган высотой около 3 м и диаметром около 20 м имел широкую плоскую вершину. Следы тщательного выравнивания площадки видны в разрезах в виде горизонтальных подсыпок песка. Березовый столб, установленный на большой каменной кладке, судя по разрезу E–F, возвышался над платформой на вершине кургана, стоя точно в ее центре. В таком виде курган находился какое-то время, за которое деревянный столб успел сгнить и упасть (в верхнем ярусе он не прослеживается).

На втором этапе была возведена верхняя часть насыпи высотой около 2 м, а на вершине была воздвигнута каменная стела, основание которой удерживала валунная кладка.

Погребения в верхней части кургана не найдено, но не исключено, что оно размещается где-то за пределами раскопа-колодца Г. Экхольма.

Эволюции кургана в Стабю чрезвычайно напоминают этапы сооружения сопок волховского типа (за исключением каменной стелы), и поэтому его хронология представляет для нас большой интерес. Согласно типологии Б. Петре, боковые накладки, имеющие в поперечном сечении выпуклый, сужающийся к краям профиль (тип S6) и украшенные тройной линией по верхнему и нижнему краю (тип L3), характерны, в целом, для VII — начала VIII в., хотя не исключена и вторая половина VI в. (Petré 1984a: 75, 216, рис. 91). Оплавленные осколки стекла принадлежат одному сосуду бледно-зеленого стекла, украшенному в верхней части под венчиком спиральной нитью, скорее всего, кубку типа «*snabelbägare*».

Дополнительным аргументом в рассмотрении хронологии кургана в Стабю может быть форма игральные фишки. В поздневендельское время (VIII в.) в Скандинавии в моду входят высокие, небольшого диаметра, фишки с суженным основанием и одним отверстием снизу. Фишки из Стабю, наоборот, очень крупные, приплюснутые. Большинство имеет по одному отверстию, и лишь одна из них — три отверстия (ил. 95: 8), что является признаком ранневендельских изделий. Курган следует, видимо, датировать в пределах VII в.

6.1.1.14. Хусбю (Husby, Vansö sn, Sö., RAÄ A59, Ingjaldshögen)

Курган исследован в 1919 г. С. Линдквистом (Lindqvist 1921, 1936; Bratt 2008: 225–226). Размеры кургана приблизительно 39×35 м, высота 2 м. Он изначально имел плоскую вершину, на момент раскопок сильно поврежденную кладоискательской ямой. Размеры площадки на вершине составляли примерно 14×18 м (рис. 52, ил. 101). Насыпь была сложена из дерна. Центральную ее часть составляла валунная кладка размерами 18×22 м и высотой около 1,3 м. На ее поверхности найдены остатки дерева неясного происхождения. Под каменной кладкой на материке расчищено кострище, в пределах которого к северо-западу от центра валунного ядра кургана выделяется наиболее насыщенный углем (до 0,2 м толщиной) участок, площадью около 10 м². Отсюда происходит большинство находок. Прокаленная погребенная почва под кострищем говорит о том, что сожжение совершено на месте. Под валунной кладкой найдены ямки от трех столбов, одна из них — 7 см диаметром и 20 см глубиной.

В 1 м к северо-востоку от мощного углистого пятна в материковой яме был найден лепной сосуд (ил. 102). На дне его лежали кальцинированные кости

и несколько игральные фишки. Рядом с ним вне ямы находились остатки второго лепного сосуда. Находки из погребения:

1. Фрагменты сосуда (в том числе часть венчика с отогнутым бортиком) в стиле ретицелла — из прозрачного зеленоватого стекла, украшенного желтыми полосками (ил. 108: 10–12);

2. Мелкие обломки неопределимых бронзовых изделий и капли бронзы (ил. 105: 17–23);

3. Два фрагментированных составных односторонних гребня (ил. 104; 105: 1–6);

4. Обломки трех декоративных гвоздиков с бронзовыми шайбами (ил. 105: 13–15);

5. Две фрагментированные костяные бусины (?) (ил. 105: 11, 12);

6. Фрагменты трех игральные костей (ил. 105: 7–10);

7. 41 целая и фрагментированная игральная фишка и 83 мелких фрагмента подобных изделий (ил. 106; 107; 108: 1–9);

8. Около 40 мелких гвоздиков (от ларца?) (ил. 109: 3–40);

9. 13 железных гвоздей с широкими круглыми декоративными шляпками (ил. 109: 41–53);

10. Около 20 «ладейных» заклепок и гвоздей (ил. 109: 1, 2; 110);

11. Лепной округлодонный сосуд с ушками (ил. 103: 1);

12. Развал лепного плоскодонного сосуда (ил. 103: 2).

Датировка кургана строится на анализе трех категорий находок: стеклянного сосуда в стиле ретицелла, груболепного округлодонного сосуда с ушками и двух наборных гребней. От полихромного стеклянного сосуда (ил. 111: 1–6) сохранился фрагмент венчика (ил. 111: 3). Его край был отогнут наружу и сложен вдвое, так, что орнаментированный участок оказался внутри сгиба. Подобное оформление венчика в Раннем Средневековье в Скандинавии известно только у одного типа сосудов — у полихромных чаш, изготовленных в технике ретицелла (англ. — *reticella bowls*) (Näsman 1986: 76, 77; Holand 2003: 213).

Североевропейские находки стеклянной посуды в стиле ретицелла подробно проанализированы У. Нэсманом, пришедшим к выводу, что она могла производиться в Англии и завозиться в Скандинавию фризскими купцами (Näsman 1986: 93). Имеются и другие версии относительно места ее производства. Как явствует из широкого культурно-хронологического диапазона памятников, на которых найдены сосуды в стиле ретицелла, в качестве хронологического индикатора их использовать пока затруднительно (тем более, что фрагменты из трупосожжений и из культурных слоев сильно измельчены). Находки обломков посуды в стратифицированных напласто-

ваниях Экеторпа и особенно целого сосуда в погребении Вальсгерде 6, говорят о том, что керамика в стиле ретицелла появляется в Скандинавии в середине — второй половине VII в. (Arrhenius 1980: 36; Näsman 1986: 59; Ljungkvist 2009: 39). Пик ее распространения приходится на период расцвета торгово-ремесленных поселений VIII–IX в., таких как Хельгё, Дорестада и Риббе, где было найдено наибольшее количество фрагментов этих сосудов (Näsman 1986: 78–79, fig. 12). Как показывает находка в погребении 649 в Бирке, эти сосуды продолжает попадать в Среднюю Швецию и в X в. (Näsman 1986: 77). Что касается выделения внутри этого потока импорта отдельных хронологически значимых типов, эта работа еще не проделана, и диапазоны датирования изделий оказываются очень широкими. Например, чашу со «складчатым» венчиком (того же типа, что и венчик из кургана Ingjaldshögen), фрагменты которой были найдены при недавних раскопках в Северной Норвегии, исследователи считают возможным отнести к VIII — началу IX в. (Holand 2003: 214).

Необычны для Средней Швеции найденные в кургане гребни. Первый из них, большой, имеет выгнутую спинку (тип R5). Его боковые накладки представляют в сечении не сегмент круга, как у большинства гребней этого типа, а уплощенный шестигранник с четкими гранями, напоминающий тип S4. Необычен для Меларского региона также орнамент в виде кружков с точкой, соединенных линиями таким образом, что создается эффект «бегущей волны» (ил. 104). В частности, в «опорных» для меларской хронологии могильниках на Лувё такой орнамент встречается иногда только на внутренних крайних пластинах (RAÅ 27, Lunda, A 81), но не на накладках гребней (Petré 1984: 328). Странности добавляет орнаментация верхней и нижней граней боковых накладок продольными линиями и верхней части внутренних пластин — перекрестной насечкой. Гребень, вероятно, изготовлен за пределами Меларского региона. Пришедший к этой мысли П. Братт считает возможным обратиться к гребням Старой Ладого из горизонтов E₃–E₂ и, соответственно, датировать находку из кургана в Хусбю серединой VIII–IX в. (Bratt 2008: 225). Как пишет этот автор, гребень находит параллели в Ладого, «за исключением формы сечения накладок и линейной орнаментации». Действительно, на ладожских гребнях встречается орнаментация в виде «бегущей волны» и насечки на гранях пластин (ил. 112: 5, 6). Но в целом, коль скоро речь идет о гребнях группы 1, по классификации О. И. Давидан, аналогий *изделию в целом* в Ладого нет.

Орнамент в стиле «бегущей волны» мы находим на гребнях, происходящих с территории Фризии (Roes 1963: pl. XXXII: 1), в частности, из Дорестада (Roes 1965: pl. XXVIII: 212; XXIX: 222; XXX: 225). Но наи-

большого внимания, вероятно, заслуживают орнаментированные подобным же образом гребни с Готланда, отнесенные Б. Нерманом к периоду VII: 3–4, т. е. ко второй половине VII — первой половине VIII в. (Nerman 1969: Taf. 192: 1600; 242: 1998).

В коллекции из раскопок кургана Ingjaldshögen есть предметы, возможно, проливающие дополнительный свет на конструкцию и датировку большого гребня. Речь идет о круглых бронзовых пластинках с отверстием, украшенных по краям точечным тисненым орнаментом (ил. 105: 13–15). Найдено две таких розетки — большая и маленькая, а также подобная же, но неорнаментированная бляшка с железной заклепкой. Все вместе это похоже на детали гребня, украшенного металлическими розетками. Гребень с аналогичными бронзовыми украшениями встречен на Готланде (Nerman 1969: Taf. 39: 415) (ил. 112: 1–4). Наличие бронзовых розеток косвенно объясняет и необычный плоский поперечный профиль боковых накладок гребня из «Кургана Ингьяльда». Широкие (диаметром до 12 мм) плоские накладки требовали ровной поверхности. Готландский гребень с розетками Б. Нерман относит к периоду VII:1, т. е. ко второй половине VI в. Эта дата умозрительна, ибо контекст у гребня отсутствует (Nerman 1975: 156). Можно лишь указать, с одной стороны, на тройную окантовку его боковых накладок, как на характерный признак вендельского времени; и, с другой стороны, на то обстоятельство, что в эпоху викингов бронзовые бляшки-розетки на гребнях не известны.

Вторая группа фрагментов принадлежит одностороннему гребню с узкой прямой спинкой (ил. 105: 1–5). Подобные изделия были распространены в вендельское время и в эпоху викингов на территории Фризии (Roes 1963, pl. XXI: 2; 1965: pl. XXXVIII: 210, 214). Датировать этот сильно фрагментированный гребень в узком хронологическом интервале не представляется возможным.

Игральный набор из «Кургана Ингьяльда» включает только небольшие в диаметре (от 23 до 28 мм) высокие фишки с суженным основанием (ил. 106; 107; 108: 1–9), более характерные для эпохи викингов. Нужно, однако, отметить, что как мы видим даже на примере разбираемых в нашей работе комплексов, такие фишки встречаются и в составе несомненно вендельского погребального инвентаря (см. игральные наборы из курганов Брубю 1 и 2). Несомненно, небольшие фишки с суженным основанием изготавливались и в VII–VIII вв. Существовали, должно быть, и игральные наборы, состоявшие лишь из них.

Возведение «Кургана Ингьяльда», судя по вышеперечисленным признакам (особенно существенным для датировки нам представляется гребень с бронзовыми накладками), можно предположительно отнести к поздневендельскому периоду и определить в пределах VIII в.

6.1.1.15. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33)⁴⁴

Внимание нескольких поколений археологов в Восточной и в Северной Европе оказалось направлено на изучение параллелей в погребальном обряде так называемых дружинных высоких курганов Древней Руси и больших курганов Швеции (Arbman 1955; Булкин 1975; Петрухин 1975; Седов 1982; Андрощук 1993; Седых 1997; Петрухин 1998; Андрощук 2003; Duczko 2004). Достаточно распространилось, в частности, мнение о непосредственном переносе ее из Скандинавии в Восточную Европу (Седых 1997: 31; Петрухин 1998: 367, 368). При этом наиболее монументальные древнерусские памятники исследователи даже склонны рассматривать как погребения представителей княжеской династии Рюриковичей (Петрухин 1998: 368).

Исследовательская традиция, приписывающая наиболее выдающиеся своими размерами могильные холмы легендарным королям, основывается на богатейшей скандинавской историографии курганов Старой Упсалы. В 1960-е гг. Б. Нерман гипотетически сопоставил несколько могильников с большими курганами в Меларском регионе с предполагаемыми усадьбами конунгов, стоявших во главе отдельных территориальных образований (Nerman 1960, 1961, 1963). Впоследствии исследования К. Свенссона и П. Братта продемонстрировали, что в Средней Швеции (в провинциях Упланд, Вестманланд и Сёдерманланд) известно более 250 больших курганов диаметром свыше 20 м (Svensson 1983: 26; Bratt 1996: 25; 2008: 29). Как правило, монументальные насыпи входят в состав обычных родовых могильников. Количество и география распространения больших курганов таковы, что интерпретация всех их как погребений «малых конунгов» невозможна. Воплощенная при своем рождении в начале вендельского времени в немногих огромных королевских курганах, позднее, в VII–VIII вв. практика сооружения монументальных могильных холмов (разумеется, меньших размеров) становится, по-видимому, почти повсеместной. Для этого времени реалистичнее выглядит более широкая трактовка шведских больших курганов как памятников, связанных с усадьбами родовой аристократии (в том числе, конечно, и представителей королевских родов). В последовавших за работами Б. Нермана научных трудах все больше внимания обращалось на роль больших курганов в территориальной организации сельских общин. Проблематика

⁴⁴ Первый вариант этого раздела, написанный совместно с И. Янссоном по материалам отчета С. Сёдерберга, был опубликован в 2010 г. (Еремеев, Янссон, Сёдерберг 2010). Данный раздел повторяет эту публикацию с некоторыми изменениями.

в работах, посвященных большим курганам, несколько сместилась из области погребальной обрядности в сторону круга вопросов, связанных с древним землевладением. Исследовательский интерес привлекает связь монументальных насыпей с родовым земельным наделом — одалем (Zachrisson 1994; Андрощук 2003: 6). Создавая искусственную топографическую доминанту, освященную сакральным авторитетом предка, род утверждал свои права на территорию, над которой господствовал курган. Согласно этой концепции, идея большого кургана в Швеции оказывается, в конечном итоге, связана с земледельческой культурой. Для его появления необходимо наличие родового надела и устойчивой традиции пашенного земледелия. Возможно, потому что вне одаля большой курган для скандинава на его родине не мыслился, мы не видим монументальных насыпей в городском некрополе Бирки, хотя среди ее обитателей, несомненно, были знатные и родовитые люди. Действительно, в связанной с городом части могильника имеется несколько относительно крупных насыпей (не больше 20 м в диаметре), но они не доминируют в ландшафте и сливаются с окружающим их курганным полем (Duczko 2004: 161)⁴⁵.

Подобный взгляд на большие курганы Скандинавии поздневендельского времени позволяет сопоставлять их с новгородскими сопками, но существенно усложняет сравнение с так называемыми дружинными курганами срединных и южных земель Древней Руси (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 33–34) и Ярославского Поволжья (Седых 1997: 28–29). Несмотря на многочисленные норманнские параллели в погребальном обряде и инвентаре, основное смысловое содержание большого «дружинного» кургана на Руси оказывается, вероятно, несколько иным, чем в Скандинавии. Исследователи неоднократно обращали внимание на это обстоятельство, отмечая, что древнерусские курганы связаны не с усадьбами богатых землевладельцев, а с мобильной военно-торговой (т. е. по отечественной терминологии — «дружинной») аристократией, группировавшейся в торговых и военно-административных центрах. Отсюда и сложность прямого сопоставления больших курганов Швеции и Руси, которую ощущали многие археологи. В. Я. Петрухин прямо писал: «Дружинная верхушка,

таким образом, заменяла храмы своими курганами, а родовой культ — культом военных вождей (Петрухин 1975: 92). В то же время и В. А. Булкин пришел к выводу, что ни один из больших курганов Гнёздова «нельзя признать норманнским» (Булкин 1975: 144). Позднее В. Дучко, проводя параллели между Гнёздово и Биркой, именно после анализа больших гнёздовских курганов отметит различия в характере «северной» культуры на Руси и культуры Скандинавии, обусловленные особенностями жизни варягов на востоке (Duczko 2004: 186).

Другая проблема заключается в хронологии больших курганов. Установлено, что традиция возведения монументальных насыпей для захоронения знати появляется на Руси в X в. (мы не касаемся новгородских сопкок — это отдельный вопрос). Большинство исследованных раскопками больших курганов Средней Швеции вполне определенно датируется вендельским временем. Следующей по времени заметной группой памятников являются курганы X в. (сюда относится и знаменитый «Скопинутулл» на о. Адельсё).

Итак, могли ли центральные регионы Швеции — область Скандинавии, наиболее тесно связанная с Русью, — послужить источником для переноса туда живой традиции возведения монументальных насыпей? Чтобы попробовать ответить на этот вопрос, в первую очередь необходимо уточнить, имеются ли в Средней Швеции прообразы восточноевропейских «дружинных» курганов, которые непосредственно (в рамках жизни одного-двух активных человеческих поколений) предшествовали бы последним? Как у шведов обстояли дела с погребениями в больших курганах во второй половине IX в. — в эпоху летописной варяжской дани и призвания варягов на Русь?

Большим курганам Меларского региона посвящена специальная статья П. Братта и его диссертация (Bratt 1996; 2008). Для того чтобы рассмотреть хронологическую динамику возведения больших курганов, этот исследователь отбирает 29 раскопанных насыпей диаметром от 20 до 67 м, поддающихся, по его мнению, датировке. Хронологические диаграммы, составленные П. Браттом, и сводная таблица памятников говорят о том, что на IX в. в Меларском регионе приходится всего два раскопанных кургана диаметром от 20 до 67 м. Вся проблематика, связанная с возможным начальным переносом в Восточную Европу скандинавской традиции больших курганов, таким образом, фокусируется лишь на двух погребальных комплексах — «Кургане Ингьяльда» (*шв. Ingjaldshögen*) в Сёдерманланде и кургане в местечке Вибю в Упланде, северо-западнее Стокгольма (Bratt 1996: fig. 2; 2008: 31, Tab. 2).

Датировка малоинвентарного погребения в «Кургане Ингьяльда» (Lindqvist 1936) является остро дискуссионной и рассмотрена мною выше. Для того,

⁴⁵ На о. Бьорко в нескольких сотнях метров от городско-го некрополя расположен небольшой могильник Ormknös с тремя крупными курганами, самый большой из которых (диаметром 21 и высотой 2,7 м) раскопан Б. Аррениус в 1978–1979 гг. (Arrhenius 1990). Погребение оказалось разрушено, и дата сооружения кургана осталась неясна. Исследователи склоняются к тому, что могильник Ormknös не имеет прямого отношения к Бирке, и связан с отдельной усадьбой (Gräslund 1980: 6; Holmqvist Olausson 1993: 43–49, fig. 5: 9, 10).

чтобы уверенно отнести его к эпохе викингов материалов нехватает — не исключено, что оно относится к более раннему времени. Иначе обстоят дела с большим курганом в Вибю, давшим многочисленный инвентарь. Независимо от наших взглядов на датировку «Кургана Ингьяльда», нужно признать, что в IX в. большие курганы в Средней Швеции насыпались редко. Все это, конечно, делает исключительно интересным анализ комплекса из Вибю, принадлежность которого к ранней эпохе викингов кажется несомненной. Привлекает внимание богатство погребения, уже при раскопках получившего среди археологов негласное имя «шведского Осеберга».

Судьба памятника сложилась непросто. Большая насыпь, находившаяся на территории фермы, уже к началу XX в. была сильно разрушена хозяйственной деятельностью. Поэтому, когда в 1976 г. в Вибю началась перепланировка местности под застройку ее коттеджами и встал вопрос о раскопках полуразрушенного кургана (в центре его был некогда сооружен погреб), мало кто из специалистов надеялся на то, что памятник будет представлять интерес для науки. Исходя из этих соображений, рассчитали и полевую смету. Когда оказалось, что погребение в кургане сохранилось, и раскопки затянулись, для написания полевого отчета и сдачи коллекции в музей финансовых средств уже не осталось. В результате, отчет так и не был никогда написан. Коллекция же на долгие годы осела во временном хранении SHM. Рукописная полевая документация и подготовительные материалы к отчету поступили в АТА. Раскопки фактически не были введены в научный оборот, и вещи, о которых пойдет речь ниже, публикуются впервые.

Единственной обобщающей работой о кургане (анализу погребального инвентаря уделено в ней всего несколько строк) является хранящийся в Стокгольмском университете неопубликованный студенческий диплом К. Свенссона. На него и принято ссылаться в научной литературе при упоминании кургана в Вибю⁴⁶. Дипломный труд К. Свенссона, хотя и стоит по своему научному значению значительно выше рядовой студенческой работы, все же носит слишком обобщенный характер. В первую очередь сказанное касается хронологического анализа, который был проведен этим исследователем лишь в самой предварительной форме. Первоначально курган был датирован концом IX — началом X в. (Svensson 1983: 15). Позднее в публикациях неоднократно рассматривался остеологический материал из погребения. Сам курган при этом без развернутой аргументации относился то к IX–X вв. (Müller-Wille 1992: 15), то просто к X в. (Sten, Vretemark 1988: 147), то, наконец,

в работе П. Братта — к началу X в. (Bratt 2008: 31, 246). Между тем датировку комплекса, на наш взгляд, можно откорректировать.

Местечко Вибю находится в приходе Кальмар провинции Упланд (Viby, Kalmar sn, Uppland; номер памятника – RAÄ 33), в 37 км к северо-западу от центра Стокгольма (ил. 4). Курган стоял на правом берегу небольшой реки, неподалеку от ее впадения в Кальмарский залив оз. Меларен. Река протекает здесь по ровной долине, борта которой образованы гранитными скалами и моренными холмами. На краю одного из холмов и был расположен курган. Насыпь была возведена таким образом, что господствовала над речной долиной и была заметна издали, с расстояния около 1 км. Важным является вопрос — где располагалась усадьба, связанная с курганом. При раскопках под насыпью были обнаружены пятна культурного слоя, радиоуглеродная датировка которого (1690±90 BP) указывает на позднеримское время и эпоху переселения народов (ил. 116)⁴⁷. Учитывая стабильность топографии усадеб, можно предположить, что и в IX в. поселение располагалось рядом с курганной насыпью, вероятнее всего, к юго-востоку от нее, на месте современной усадьбы Вибю.

Курган был раскопан под руководством С. Сёдерберга в 1976 г. К началу раскопок от насыпи сохранился только останец. Землеустроительная карта 1858 г., отражающая ситуацию до появления вокруг насыпи застройки, позволяет реконструировать размеры кургана — приблизительно 29×26 м (Svensson 1983: 10). Предполагается, что высота кургана составляла первоначально около 3,5 м (ил. 114; 115). На материке открыто кострище размерами 5×3 м (ил. 113). Поскольку почва под углистым пятном оказалась прокалена, можно утверждать, что сожжение было совершено на подкурганной площадке. После этого на месте кремации была возведена невысокая кладка из крупных валунов. Промежутки между ними были засыпаны гумусированным грунтом с включениями угля с погребального костра. Кладка из крупных валунов была перекрыта набросом из мелких булыжников без примеси земли. В результате образовалась каменное сооружение высотой до 1,5 м. Затем поверх него была возведена земляная насыпь. Размеры каменной кладки в том виде, в каком она дошла до наших дней, составляли 15×10 м.

Остатки погребения — кальцинированные кости человека и животных (некоторые кости животных не были сожжены) преимущественно остались на ме-

⁴⁶ Кроме короткой заметки в: *Arkeologii Sverige* 1976: 49–50.

⁴⁷ Анализ выполнен в лаборатории Государственного музея естественной истории (шв. *Laboratoriet för isotopgeologi, Naturhistoriska Riksmuseet*) в 1977 г. Номер образца – St-6013. Заключение о результатах радиоуглеродного исследования приложено к делу, хранящемуся в *Riksantikvarieämbetet*.

сте кремации в углистом слое. В стороне от него в южной части каменной кладки (в 0,3 м от ее поверхности) под верхним слоем булыжников был обнаружен лепной горшок с пережженными костями. Сосуд был раздавлен, и его содержимое рассыпалось между камнями. Было ли это второе или «вторичное» (часть кальцинированных костей с кострища) погребение, или же сопроводительная жертва — осталось неясным. Остатки еще одного сосуда, раздавленного камнями, найдены были в пределах углистого пятна. В непо потревоженной части кургана находки встречались как на кострище, так и в нижнем слое каменной кладки.

Погребальный инвентарь из Вибю по качеству и количеству заметно выделяется среди прочих курганных древностей Меларского региона VIII–IX вв. Были зафиксированы следующие находки⁴⁸:

1. Серебряная обойма, состоящая из удлиненной пластинки и трех заклепок. Две боковые заклепки имеют круглые головки-розетки с перлами по краю. Центральная заклепка крупнее боковых и украшена «вихревым» орнаментом в виде двух фантастических животных повернутых в профиль. Изображения животных имеют крупную голову с круглым глазом и заостренным клювом, которым, похоже, хватают друг друга за короткое туловище или хвост. Как отмечено в Отчете о консервации находок (*шв. Konserveringsrapport*; хранящимся в АТА), на фигурах сохранились следы позолоты. На головке заклепки крепится золотое кольцо, сплетенное из двойной перекрученной сканной нити (**ил. 118: 1**).

2. Серебряная заклепка с круглой головкой-розеткой, аналогичная боковым заклепкам вышеописанной обоймы (**ил. 118: 2**). Наличие отдельной заклепки позволяет предположить, что обойма (№ 1) первоначально имела парную к ней обойму.

3. Фрагмент оплавленной золотой пластинки.

4. Серебряная литая застежка, выпуклая, с плотным рельефным орнаментом в виде «хватающих зверей» (*шв. gripdjur; англ. gripping beasts*). Застежка имеет две дужки, к одной из которых прикипела оплавленная до неузнаваемости серебряная деталь (**ил. 119: 1**).

5. Сильно оплавленная серебряная литая застежка (?) и прикипевшие к ней оплавленные фрагменты серебряных украшений с плотно покрывающим всю поверхность изделия, рельефным орнаментом в виде «хватающих зверей» с головами-масками (**ил. 119: 2**).

6. Поврежденная огнем литая серебряная пластина с двусторонним рельефным орнаментом в виде двух цепочек «хватающих зверей», помещенных

на ровную поверхность и разделенных в центре пластины полосой овальных перлов (**ил. 119: 7**).

7. Фрагмент орнаментированного серебряного изделия, напоминающего наконечник ножен меча (?) (**ил. 119: 8**).

8. Оплавленные фрагменты неопределимых серебряных украшений (не менее 7 экз.) (**ил. 119: 3–6**).

9. Фрагменты отлитых из медного сплава накладок (или накладки?) с изображениями «хватающих зверей», частью выполненных в высоком рельефе на фоне ровной поверхности, частью образующих ажурные розетки. Украшения (или украшение?) дополнительно орнаментированы С-образным штампом. На одном из фрагментов имеется отверстие для крепления к основе (**ил. 120: 1–13**).

10. Бронзовое кольцо, подтреугольное в сечении, и фрагмент второго, аналогичного, кольца (?) (**ил. 121: 1, 2**).

11. Фрагменты проволочного колечка с завязанными концами (**ил. 121: 3**).

12. Фрагменты различных по форме бронзовых пластинок от оковки каких-то неопределимых изделий (чаши или рога?). Часть пластин — с бронзовыми и железными гвоздиками (**ил. 121: 4–18**).

13. Фрагмент трубочки из бронзового листа с прикипевшим к ней сплавом полихромных стеклянных бус (**ил. 121: 19**).

14. Две стеклянные бусины — шестигранная, из тянутой трубочки, цвета морской волны (**ил. 122: 13**), и овальная в продольном сечении бусина синего стекла (изготовлена методом навивки) (**ил. 122: 12**).

15. Фрагменты сосуда из зеленоватого прозрачного стекла (**ил. 122: 1–11**). Сохранился небольшой неоплавленный фрагмент верхней части сосуда с прямым краем (**ил. 135: 1**).

16. Фрагменты не менее двух лепных сосудов (**ил. 122: 14, 15**). Среди них выделяются крупные обломки сосуда из «вторичного» захоронения. Профиль сосуда реконструируется полностью (**ил. 122: 14**).

17. Фрагменты боковых накладок составного гребня, украшенных дугообразными рядами циркульного орнамента и тройной линией по верхнему и нижнему краю пластин; а также часть внутренней краевой пластины орнаментированной тройной линией, возможно, принадлежавшей тому же изделию (гребень 1, **ил. 123: 15–19**).

18. Фрагменты боковых накладок составного гребня, украшенных циркульным орнаментом и двойной линией по верхнему и нижнему краю пластин (гребень 2, **ил. 123: 7–14**).

19. Фрагменты узких выпуклых накладок составного гребня, украшенных косо перекрещивающимися рядами сдвоенных линий (гребень 3, **ил. 123: 1–3**).

20. Два фрагмента костяных накладок, украшенных косо перекрещивающимися рядами сдвоенных

⁴⁸ Перечень составлен И. И. Еремеевым на основании просмотра коллекции в 2005 г.

линий. Один конец у накладок обработан под втулку (?) (ил. 123: 4, 5).

21. Небольшой фрагмент краевой части накладки гребня, украшенной тройной вертикальной линией (гребень 4 (?), ил. 123: 6).

22. Фрагмент костяного стержня, украшенного двойной врезной линией (ил. 123: 21).

23. Фрагмент костяного изделия с циркульным орнаментом (ил. 123: 22).

24. Фрагменты орнаментированных и простых костяных накладок (ил. 123: 23, 24).

25. Не менее 15 целых и фрагментированных костяных игральные фишек. Все они каплевидной формы — высокие с суженным основанием и одним отверстием снизу (ил. 124).

26. Три ледоходных шипа — один с полукруглой пластиной (ил. 125: 3) и два — с прямоугольной (ил. 125: 1, 2).

27. Фрагмент лезвия железного ножа (?) (ил. 125: 4).

28. Фрагменты проволочного железного кольца (ил. 125: 5).

29. Фрагменты не менее шести тонких железных заклепок от какого-то деревянного изделия (ларца, сундука?). Длина стержня колеблется в пределах 1,7–2,5 см (ил. 125: 6–11).

30. 104 целых и фрагментированных мелких декоративных железных гвоздика от деревянного ларца или сосуда (?). Среди них выделяются гвозди с крестовидными головками (29 экз.) (ил. 126: 1–29), с S-видными головками (5 экз.) (ил. 126: 30–34), с головками в виде шестиугольника (не менее 4 экз.) (ил. 126: 35–41).

31. 114 целых и фрагментированных декоративных гвоздей с круглыми плоскими шляпками диаметром от 1 до 2 см. Длина стержня колеблется в пределах от 1,5 до 2,5 см. Гвозди, вероятно, принадлежат сундуку (ил. 126: 42–55; 127–129).

32. 149 декоративных гвоздей с высокой полусферической полый внутри шляпкой, диаметром от 1 до 1,8 см, украшавших какие-то деревянные изделия (ведра, сундуки?). Длина стержня колеблется в пределах от 1 до 2,2 см (ил. 130; 131).

33. 41 целый и фрагментированный железный гвоздь (вероятно, тоже от сундука, часть могла принадлежать ладье). Длина стержней колеблется в пределах от 2 до 5 см (ил. 134).

34. 56 (?) целых и фрагментированных железных заклепок с круглым в сечении стержнем и ромбической шайбой (ил. 132–134). Длина стержня заклепок колеблется в пределах от 1 до 4,5 см. Характерный разброс в длине заклепок и их форма позволяют предположить, что при сожжении была использована небольшая лодка или ее часть.

35. Около 300 фрагментов неопределимых железных изделий (цифра дана по К. Свенссону, который упоминает 315 подобных находок) (Svensson 1983: 13).

36. Обломки точильного камня из сланца (ил. 136)⁴⁹.

Еще две находки должны быть упомянуты отдельно: фибула в виде повернутой в профиль хищной птицы и фрагмент бронзовой цепочки (ил. 117). Обе вещицы некогда принадлежали торговцу из местечка Кальмарсанд, в приходе Кальмар, Й. А. Винбергу, коллекционировавшему предметы старины. После его смерти в 1944 г. они были переданы в Музей Упланда (Upplandsmuseet) в Упсале. Фибула (инвентарный номер UM20307; Atterman 1934: 171, fig. 3) имеет в длину 7,4 см (ил. 117: 1). Изготовлена она из бронзы и имеет в двух местах вставки гранатов — один из них образует глаз птицы, второй расположена на ее туловище. Обе вставки имеют ободок из сканной серебряной проволоки, а одна из них, расположенная на туловище птицы, помещена на круглое основание из перламутра. В трех местах фибула была инкрустирована в технике клуазоне (на шее, хвосте и лапе птицы), но сохранилась инкрустация только на хвосте — здесь остались два кусочка прозрачно-зеленого, близкого цвету морской волны, стекла. Фибула украшена также штампованным орнаментом. На обратной стороне находятся основание и приемник для иглы (ил. 117: 2). Игла не сохранилась, но следы окислов говорят о том, что она была выполнена из железа. Большое круглое отверстие в лапе птицы было просверлено, возможно, для крепления цепочки. Это отверстие и выкрошившаяся инкрустация, возможно, указывают на то, что фибула была в использовании долгое время, но уверенно говорить об этом трудно, поскольку других заметных следов изношенности на украшении не видно. Цепочка из медного сплава (инвентарный номер UM20309) имеет в длину 7,4 см, и состоит из пар колец диаметром 0,8 см каждое (ил. 117: 3).

Судя по особенностям стиля, фибула относится к ранневендельскому времени (конец VI — начало VII в.). Аналогичными фигурами хищных птиц в германском мире часто украшалось оружие и другие группы вещей, связанные с мужской субкультурой,

⁴⁹ Наш перечень несколько отличается от опубликованных перечней К. Свенссона и П. Братта количеством второстепенных находок (мелких бронзовых обломков, гвоздей, заклепок и т. д.). Железные неотреставрированные предметы постепенно разрушаются, обнажая новые детали и уничтожая старые. Есть и принципиальные отличия. К. Свенссоном учтены отдельно все фрагменты заклепок, в то время как мы пытались уточнить их примерное количество, считая фрагменты шайб и головок вместе (ил. 132–134).

но фибулы данного типа являлись женскими украшениями (Atterman 1934; Lamm 2000: 310–311, там же литература). Цепочки из двойных звеньев также входили в состав женского убора. Они часто встречаются на Готланде, реже — на Скандинавском полуострове (Lehtosalo-Hilander 1982: 114.; Thunmark-Nylén 2006: 239–242; Petersen 1928: 171, fig. 205). Находка на Готланде двух фибул ранневендельского времени, скрепленных с цепью, частично состоящей из двойных звеньев, указывает на то, что подобные цепочки начинают употребляться уже в конце VI — начале VII в. (Nerman 1958: 100, Textfig. 134; 1969: fig. 27). С конца вендельского времени они особенно широко распространены в Финляндии и в Юго-Восточной Прибалтике, где используются вплоть до эпохи крестовых походов.

Фибула, согласно сведениям Винберга, происходит из «большого кургана викинга» в Вибю, а цепочка найдена позже «в том же месте» (Atterman 1934: 171). В архиве Riksantikvarieämbetet хранится письмо от частного лица, датированное 21 мая 1930 г., в котором говорится, что при постройке подвала найдена «уздечка или что-то в этом роде», купленная Винбергом. К письму приложен рисунок вышеописанной фибулы, возможно, сделанный археологом, посетившим торговца. Поскольку иной большой насыпи в Вибю никогда не было, следует сделать вывод, что находки происходят из кургана, раскопанного в 1976 г. Вероятно, они были обнаружены во время строительных работ на ферме и рытья в кургане погребца в конце XIX — начале XX в. К сожалению, никакой дополнительной информации об «уздечке» (видимо, какой-то железный предмет) в нашем распоряжении не имеется.

Учитывая значительный хронологический разрыв между временем совершения основного погребения в кургане (как мы покажем ниже) и датировкой фибулы, можно предложить три версии происхождения фибулы и цепочки. Во-первых, курган мог перекрыть более раннее захоронение, которое оказалось полностью разрушено при строительстве подвала; во-вторых, не исключено, что более ранние погребения находились у подножия насыпи. В-третьих, нельзя полностью отбросить и вероятность того, что находки могли происходить из культурного слоя, зафиксированного под курганом.

Вернемся к описанию центрального погребения. Особенностью его является большое количество костей (по разным сведениям — объемом от 60 до 80 литров). Определены кости: мужчины в возрасте 35–64 лет; шесть собак; шесть лошадей; двух овец; коровы; свиньи; кошки; гуся; курицы и петуха. Найдены кости белки, а также рыб (трески, щуки и окуня) и птиц — вороны, филина и ястреба-тетеревятника (охотничьего?). В погребении оказались также когти

медведя и рыси (Sten, Vretemark 1988: 148, 150; Svensson 1983: 13).

Обратим внимание только на наиболее выдающиеся находки и на те вещи, которые имеют значение для датировки памятника. В первую очередь это орнаментированные изделия из серебра и бронзы. Сложность заключается в том, что практически все крупные фрагменты ювелирных украшений из кургана в Вибю уникальны, и их функции нам неясны. Судя по результатам остеологического анализа, в кургане погребен мужчина, поэтому мы могли бы ожидать находки украшений оружия и сбруи верхового коня. Но четкие указания на присутствие этих категорий инвентаря отсутствуют. В могиле нет железных деталей снаряжения всадника, например, удила (но следует, все-таки, помнить о находке загадочного предмета, определенного некогда как «уздечка»). Не найдено в кургане и клинка, копья или железного умбона щита. Само по себе это не значит, что оружие не участвовало в погребальных ритуалах, поскольку в Меларском регионе в вендельское время и, возможно, в начале эпохи викингов, после сожжения тела железные части оружия традиционно изымались с места погребального костра, на котором оставались только мелкие обломки украшений оружия, например детали рукояти меча (Ljungkvist 2000: 174–177). Действительно, в кургане в Вибю найдена оплавленная, орнаментированная с двух сторон серебряная вещица, напоминающая наконечник ножен меча (№ 7; ил. 119: 8). Однако точные аналогии таким наконечникам нам по публикациям неизвестны, и интерпретация этой находки остается под сомнением.

Таким образом, вопрос о назначении находок из цветного металла открыт; и главными основаниями для датировки украшений является их стиль и техника изготовления. Вещи украшены очень разнообразно, а качество работы указывает на руку мастера — ювелира высокого класса.

Серебряная обойма с кольцом из золотой сканной проволоки (№ 1, ил. 118: 1), скорее всего, крепилась к некоей органической основе (кожа, кость или рог?). Найденная отдельно заклепка (№ 2, ил. 118: 2) говорит об изначальном наличии в погребении второго такого же изделия, возможно, погибшего в огне. Узор на головке центральной заклепки выглядит чужеродным для скандинавского искусства. Такие элементы, как «вихревая» композиция фантастических животных, их заостренные клювы и объемные «щеки» имеют параллели в кельтском и англо-саксонском искусстве Англии, а также во франко-саксонском искусстве Каролингской империи. Отдельные кельтские украшения, найденные в погребениях ранней эпохи викингов в Норвегии, дают нам отдаленные аналогии (см., напр.: Rygh 1885: fig. 619–620, 632, 635; франко-саксонское искусство известно, главным

образом, по иллюстрированным манускриптам, например Mutherich, Gaehde 1977: pl. 17, 41, 48). Аналогии же вещи в целом нам неизвестны. Можно лишь указать на то, что заклепки-розетки, схожие с боковыми заклепками обоймы, имеют множество параллелей в ювелирных изделиях Скандинавии эпохи викингов (e.g. Wilson, Klindt-Jensen 1966: pl. XIV–XVa; Jansson 1985: 108–110, fig. 25, 40c, 96, 135; Androshchuk 2005: fig. 1), а также на Западе Европы (напр. Henry 1967: pl. 62; Wilson 1964, pl. IIc, XV, XXIII: 41, XLIII: 152; Wamers 1999: Abb. 19).

Второе украшение, полностью сохранившееся в пламени погребального костра, — серебряная застежка с двумя дужками (одна из них — снизу) (№ 3, **ил. 119: 1**). К одной из дужек прикипела почти полностью расплавленная серебряная деталь. В Швеции аналогичная застежка, тоже украшенная фигурами «хватающих зверей», найдена в Бирке в женском погребении (Bj 844) и в Уппокре, в Сконе. Последняя находка не имеет контекста и для хронологии ничего не дает (Helmbrecht 2008: Abb. 20). Вещь из Бирки имеет некоторые отличия — у нее отсутствует дужка снизу и сохранились следы золочения. Кроме того, она находилась во вторичном использовании в качестве подвески (к дужке была прикреплена дополнительная петля). Украшение найдено в составе ожерелья на груди погребенной (Arbman 1940: Taf. 99: 11; 1943: 317–319, Abb. 267). Следы переделки в сочетании с сильной потертойостью указывают на длительный разрыв между изготовлением вещи и ее захоронением. То же самое можно сказать о найденной там же куфической монете, позолоченной и превращенной в подвеску (Arbman 1940: Taf. 138: 4; 1943: 318, где она датирована 809/810 гг.; И. Янссон (Jansson 1985: 127) дает иную дату — 812–815 гг.). Погребение Bj 844 — ингумация с парой овальных фибул типа P51B1 (Jansson 1985: 63, 174, 227), относится к «периоду поздней Бирки» (*ув. yngrebirkatid*), т. е. к концу IX — X в. Орнаментация застежки, однако, указывает на переходный период от вендельского времени к эпохе викингов или на раннюю эпоху викингов. Аналогии «хватающим зверям» на застежке из Вибю можно увидеть в декоре уздечек этого времени (напр.: Arbman 1940: Taf. 28:5; Trotzig 1968: bild 2–3; Thunmark-Nylén 1995: Abb. 39a; 130a; обзор этой группы изделий, имеющих поздние параллели в Восточной Европе, см.: Androshchuk 2005: 117–120).

Х. Арбман назвал застежку из Bj 844 «застежкой от книжного переплета или одежды» (Arbman 1943: 318). Согласно своей концепции каролингского влияния на искусство Скандинавии, этот автор относит «застежку» к группе вещей, изготовленных частью на севере Каролингской империи, частью в Англии, и датирующихся концом VIII в. (Arbman 1937: 124–138, Bj 844 упомянуто на с. 132). Отсюда следует вы-

вод, поддержанный рядом авторов, что мотив «хватающий зверь» впервые появился в Западной Европе (Wamers 1999, там же литература и сравнительный материал из континентальной Европы). Существует и противоположное исследовательское направление, аргументирующее северное, скандинавское происхождение «хватающего зверя» (Wilson, Klindt-Jensen 1966: 48). Принадлежность застежек из Вибю и Bj 844 к переходному периоду между вендельской эпохой и эпохой викингов очевидна.

Интерпретация застежки из Bj 844 как детали книги (т. е. вещи западноевропейской работы) поддержана, между прочим, В. Хольмквистом (Holmqvist 1975: 53). Однако попытки реконструировать функциональные особенности предполагаемой книжной застежки никогда не предпринимались. Не знаем мы и аналогий среди достоверных элементов книжных переплетов. Находка аналогичной застежки в составе набора ременной гарнитуры в Аггбихле (Бавария), который тоже относится ко времени около 800 г., позволяет более обоснованно считать, что это часть какого-то воинского снаряжения (скорее всего, портупей для меча) (Helmbrecht 2008: 380, Abb. 3: 3; Ungerman 2015: 262). В коллекции из Вибю находится еще одно ювелирное изделие, оплавленное до неузнаваемости и не поддающееся интерпретации (№ 5, **ил. 119: 2**). Ясно лишь, что оно изготовлено в едином стиле с застежкой № 3 и, видимо, принадлежит с ней к одному комплекту украшений.

Массивная литая серебряная пластина с двусторонним рельефным орнаментом из «хватающих зверей» (№ 6, **ил. 119: 7**) является, возможно, ремненным наконечником. Длинные ременные наконечники, правда, с односторонним орнаментом в стиле «хватающий зверь», входят в состав уже упомянутой группы уздечных наборов ранней эпохи викингов (Arbman 1940: Taf. 28: 5; Trotzig 1968: bild 2a, 3c; Thunmark-Nylén 1995: Abb. 39a: 1, 2). Орнамент на пластине из Вибю скомпонован из «хватающих зверей» на гладком фоне. Фантастические создания состоят только из головы, хвоста и лапы, которой они цепляются за хвост соседнего животного, образуя композицию, подобно звеньям цепи. Сходные композиции можно видеть на уже упоминавшихся ременных наконечниках, а также на некоторых овальных фибулах, датирующихся ранней эпохой викингов (напр.: Jansson 1985: fig. 15).

Для датировки погребения важны обломки бронзового украшения (накладки?) или украшений (последнее более вероятно) с орнаментом, выполненным в технике высокого рельефа, изображающем фантастических животных (№ 9, **ил. 120: 1–13**). На одном из фрагментов полностью сохранилась фигура «хватающего зверя» с длинными когтями и головой, повернутой в фас, и кайма из крупных овальных перлов (**ил. 120: 1**).

На других обломках мы видим ажурные выпуклые розетки в виде фигуры «хватящего зверя», вцепившегося лапами в их края (ил. 120: 2–4). Розетки украшены ободком из перлов, заключенных в двойную рельефную кайму. Некоторые фрагменты сохранили «чешуйчатый» орнамент, состоящий из оттисков дугообразного штампа. Такой штамп типичен для стиля III, по Б. Салину (или стиля E, по Г. Арвидссон и М. Эрнесу) и встречается на самых разных ювелирных украшениях, в частности на накладках известного уздечного набора из погребения А (1) в Броа, приход Хала, Готланд, и на многих кресаловидных подвесках (напр.: Almgren 1955: pl. 38a, 38d, 38f; 41b). Лапы с длинными когтями зверя, сохранившегося целиком (ил. 120: 1), также сходны с аналогичными чертами животных на накладках из Броа, выполненных в стиле III/E (Almgren 1955: pl. 51; Wilson, Klindt-Jensen 1966: fig. 31, pl. XXIIb; Thunmark-Nylén 1995: Abb. 128b–c, 11). Добавим, что ажурные розетки или «шишечки», образованные фигурами животных, обычно более грубыми, чем звери в розетках из Вибю, можно видеть на некоторых овальных фибулах (Jansson 1985: fig. 13, 15, 16, 73).

Элементы орнаментации на серебряных и бронзовых украшениях из Вибю имеют многочисленные параллели среди украшений, относящихся к рубежу вендельского времени и эпохи викингов и началу этой эпохи. Одной из ближайших аналогий являются накладки уздечного набора из вышеупомянутого погребения А в Броа (Salin 1922; Wilson, Klindt-Jensen 1966: 70–74, fig. 31–38, pl. XXI–XXII: a–g, i; Nerman 1969: fig. 2048, 2278–2296; 1975: 72, 81 142; Thunmark-Nylén 1995: Abb. 128a–e; 2000: 327–328), датировка которого определяется промежутком возможного сосуществования в быту изделий, несущих на себе орнаментацию, связанную с тремя изобразительными стилями или мотивами — стилем III/E, фигурами «хватящих зверей» и стилем D/E (последний использован при отделке рукояти меча из комплекса в Броа). Б. Нерман отнес погребение в Броа к периоду VII-5, заключительной фазе вендельского времени, датирующейся, по его выкладкам, приблизительно 750–800 гг. н. э. (Nerman 1969; 1975). Л. Тунмарк-Нюлен относит погребение (как и большинство находок, отнесенных Б. Нерманом к периоду VII:5), к начальной фазе эпохи викингов, что соответствует в ее понимании началу IX в. (Thunmark-Nylén 2000: 673–694, особенно 684; Thunmark-Nylén 2007: 361; одно из оснований для передатировки — радиоуглеродный анализ, в том числе двух образцов из погребения А в Броа). Она также установила, что накладки делятся на две различные по происхождению группы — раннюю А (со следами передатировки для вторичного использования) и позднюю В (без таких следов) (Thunmark-Nylén 1992: 238). Хронологический разрыв между

ними едва ли был велик — группы украшений имеют много общих стилистических элементов, например, орнаментацию дугообразными штампами. Накладки из Вибю сопоставимы с накладками группы В, несущими как фигуры в стиле III/E, так и рельефные изображения «хватящих зверей». Важно, что при общем композиционном сходстве с находками группы В на накладках из Вибю нет фигур, выполненных в чистом стиле III/E, то есть стилистически они ближе к эпохе викингов.

Другое погребение из Броа, могила G, содержит уздечный набор, все элементы которого декорированы фигурами «хватящих зверей» (Thunmark-Nylén 1995: Abb. 130a; Wilson, Klindt-Jensen 1966: pl. XXIIh). По сравнению с украшениями из Вибю их орнаментация ближе эпохе викингов — здесь нет элементов стиля III/E, а работа ремесленника грубее, что также характерно для ювелирного производства эпохи викингов.

Еще один важный комплекс орнаментированных украшений, близких по времени находкам из Вибю, — погребение в корабле из Осеберга в Норвегии (Shetelig 1920; Wilson, Klindt-Jensen 1966: 48–70, fig. 16–30, pl. VI–XVII). От находок в Броа и Вибю оно отличается тем, что орнаментацию несут преимущественно деревянные детали. Из ювелирных украшений уцелели между прочим две уздечных бляшки вышеупомянутой группы, украшенные изображениями «хватящих зверей» (Shetelig 1920: 210–211; Androshchuk 2005: fig. 1). Осеберг и Броа часто рассматриваются вместе как лучшие образцы западно- и восточноскандинавского искусства начала эпохи викингов, хотя декорация вещей из Осеберга стилистически шире. Есть здесь и вещи, которые указывают на дальнейшее развитие искусства в IX в. — так называемый поздний стиль Осеберга (см.: Wilson, Klindt-Jensen 1966: 60–69, fig. 24–30, pl. XIIIb–XV, XVIb–c; Jansson 1985: 189–193, fig. 135). Следов этого развития в Броа и Вибю нет.

Осеберг дает некоторые точные даты, важные для выяснения времени бытования в скандинавском искусстве образа «хватящего зверя». Погребение, по данным дендрохронологии, совершено летом 834 г., а один из предметов, украшенных фигурами «хватящего зверя», — сам корабль — датируется временем около 820 г. (Bonde 1993: 138). Так мы получаем *terminus ante quem* для первого появления «хватящего зверя» в Норвегии. В Рибе, в Дании, самые ранние культурные напластования с формочками для отливки изделий, украшенных «хватящим зверем», сейчас датируются примерно 790–800 гг. (Feveile, Jensen 2000: 17–19; Thunmark-Nylén 2006: 693).

Следует остановиться на других предметах, менее долговечных, чем искусные ювелирные изделия, и поэтому с большей точностью датирующих захоронение в Вибю. Особый интерес представляет набор

из трех гребней. Первый, с широкой спинкой, украшен дугообразными линиями циркульного орнамента (ил. 123: 15–19). Согласно типологии Б. Петре, гребень может быть описан следующим образом: его боковые накладки имеют в поперечном сечении выпуклый, сужающийся к краям профиль (тип S6) и украшены тройной линией по верхнему и нижнему краю (тип L3). Начало распространения гребней с подобными накладками приходится на вторую половину VI в., а пик — на VII–VIII вв. (Petré 1984: 75, 216, рис. 91). Верхнюю границу их бытования К. Амбросиани относит ко времени около 800 г. (Ambrosiani 1981: 131, 152, 153). Техника гравировки на первом гребне (широкие и глубокие линии) характерна скорее для эпохи викингов, чем для вендельского времени. Действительно, изредка гребни с тройным кантом на накладках встречаются в комплексах ранней эпохи викингов, например, в некоторых захоронениях на Готланде (Thunmark-Nylén 1995: Abb. 7: 17; 9: 2; 39a: 15; 150b: 14; 162: 13; 171: 9); найдены они также и в «черной земле» Бирки (*ув. Svartajorden*) (SHM 5208: 656, 666, 670). На время бытования их в Бирке указывает находка в погребении Bj 456, расположенном внутри «Борга» и датирующемся, с большой долей вероятности, временем до создания его укреплений (Gräslund 1980: 5, 64, 74) — т.е. концом VIII — началом IX в. К проблеме датировки погребений «Борга» мы еще вернемся позднее.

Похоже, что гребни с тройной линейной окантовкой накладок, изготавливались в небольших количествах на протяжении всего VIII в., постепенно теряя популярность. Например, в коллекции Старой Ладogi второй половины VIII–IX в. их уже совершенно нет (Davidan 1992: Abb. 3: 13–20; Давидан 1999: 173). Дугообразная компоновка кружкового орнамента также встречается нечасто, поэтому следует указать на две важные аналогии находке из Вибю. Во-первых, это гребень, происходящий из курганного захоронения на о. Амрум (Западный Шлезвиг-Гольштейн). Так же, как и в Вибю, здесь показательно сочетание элементов ювелирного стиля вендельского времени (овальная фибула с орнаментом, близким стилю III/E) с фигурами «хватающих зверей» (булавка со щитком), характерными для ранней эпохи викингов. Х. Арбман, размышляя о времени появления «хватающего зверя», датировал погребение временем около 800 г. или чуть раньше (Arbman 1937: 136, Abb. 26).

Во-вторых, это гребень с открытого поселения при городище Новые Дубовики в Поволховье. Гребень, одна из накладок которого (с двойной окантовкой) украшена композицией из дугообразных сегментов, найден в раскопе Е. Н. Носова 1972 г. в заполнении сооружения № 8 с лепной керамикой (Носов А-1972: л. 9, рис. 33а).

Второй гребень из кургана в Вибю демонстрирует классический образец группы 1 (по О. И. Давидан), характерной для эпохи викингов в IX — первой половине X в. (ил. 123: 7–14) — его накладки были украшены двойным линейным ободком и циркульным орнаментом (тип S6L5C3, по Б. Петре).

Третий гребень имел узкие, сильно выпуклые, с параллельными краями, накладки, покрытые резбой из косых перекрещивающихся сдвоенных линий (ил. 123: 1–3). Небольшие размеры уцелевших фрагментов не позволяют точно определить тип вещи. Время бытования гребней с подобным сочетанием формы накладок и орнамента очень широко — практически весь интересующий нас период (вторая половина VIII — X в.) (Callmer 2006: 582). Будучи сильно измельчены, для установления хронологии они дают мало. Можно лишь предположить, что изделие близко к группе b, которую В.-Д. Темпель выделил, работая с материалами Элизенхофа (Западный Шлезвиг-Гольштейн), и датировал VIII в. (Tempel 1979: 167; Abb. 2: 5–7; см. также находки в западнославянских землях: Wadyl 2018: 62, гус. 2а; 7). Напомним, что именно с датировкой этого гребня, опрометчиво отнесенного к позднему типу В по слишком обобщенной типологии К. Амбросиани, связано завышение даты кургана в работе П. Братта (Bratt 2008: 246). Кроме фрагментов этого гребня в коллекции имеются обломки узких костяных накладок, орнаментированных аналогичным образом (ил. 123: 4, 5). Какому изделию они принадлежали — неясно.

Существенными для датировки кургана в Вибю находками также являются мелкие декоративные гвоздики с фигурными шляпками, украшавшие, возможно, деревянный сосуд или ларец (ил. 126: 1–41). Они имеют круглые, шестиугольные, крестовидные и S-видные шляпки. К. Свенссон впервые обратил внимание на аналогичные гвоздики в одном из погребений Бирки (Bj 461) (Svensson 1983: 15). Это погребение, совершенное по обряду сожжения, не позволяет уточнить, какие именно изделия украшались подобным набивным орнаментом (Arbman 1940: Taf. 281: 6; Arbman 1943: 130). Проблема датировки Bj 461 так же, как и упоминавшегося выше погребения Bj 456, связана с дискуссией вокруг времени возведения «Борга» — городища Бирки. Погребения входят в небольшую группу захоронений (всего исследовано семь или восемь трупосожжений), обнаруженных внутри укрепления. Перекрывавший погребения слой грунта не образовывал курганных насыпей (возможно, за исключением погребения Bj 460). Отсутствие насыпей над сожжениями в «Борге» навело исследователей на мысль, что они возникли до возведения укреплений и курганы были снівелированы в ходе строительства вала или в результате последовавшего за этим хозяйственного освоения огороженного им пространства (Gräslund 1980: 5, 74).

Отмечался и особенно ранний характер набора инвентаря из указанных погребений, позволяющий относить их к раннему периоду Бирки (Gräslund 1980: 64). Время возведения «Борга» определяется как письменными, так и археологическими источниками. Упоминание укрепления Бирки в «Житии Святого Ансгария» в связи с событиями, имевшими место в 840-е гг., указывает на то, что «Борг» был выстроен на раннем этапе существования поселения (Из ранней истории 1999: 40–41). Недавние раскопки вала показали, что он сооружен в два этапа. Древнейшие укрепления, на основании радиоуглеродных датировок, предположительно отнесены к концу VIII — началу IX в. Под валом обнаружен курган; и это действительно указывает на то, что могильник на этом участке предшествовал крепости (Holmqvist Olausson 2001: 11–13). В соответствии с этими данными, Bj 461 следует, вероятно, относить ко времени, непосредственно перед возведением «Борга», т. е. ко второй половине VIII в. или к периоду около 800 г.

Гребни, ювелирные украшения и элементы набивного декора ларца (?) позволяют отнести комплекс из Вибю к рубежу двух исторических эпох — вендельского времени и эпохи викингов. Хронологическая привязка этого рубежа сама по себе является одним из самых дискуссионных сюжетов скандинавской археологии. Наиболее приемлема датировка кургана концом VIII — началом IX в.

Итак, перед нами погребение знатного пожилого мужчины с шестью собаками, шестью лошадьми и, возможно, охотничьим ястребом с богатыми и очень искусно изготовленными заупокойными дарами (изделия из золота — очень редкая находка в погребениях эпохи викингов). По роскоши инвентаря курган в Вибю сопоставим (в масштабах Средней Швеции эпохи викингов) только с курганом «Скопинтулл» на о. Адельсё, возведенным на столетие или полтора позже. Новый всплеск в X в. строительства больших курганов представляется не столько результатом плавной преемственности в традициях, сколько своеобразным «ренессансом», причины которого нельзя считать окончательно установленными.

Возвращаясь к проблемам изучения русско-скандинавских связей, можно заключить, что курган в Вибю, ввиду своей ранней даты, не заполняет собой той хронологической лакуны, которая наметилась между большими курганами Средней Швеции поздненвендельского времени и ранней эпохи викингов и древнерусскими «дружинными» большими курганами. Хотя он и несет некоторые элементы обряда, как будто узнаваемые, например, в гнёздовских курганах (размеры насыпи, доминирующее положение кургана в рельефе по отношению к долине реки, сожжение трупа на месте возведения кургана, использование при сожжении ладьи или ее части, жертво-

приношения диких и домашних животных и птиц), его отделяет от них приблизительно столетие.

Ситуация с хронологией больших курганов Средней Швеции заставляет задуматься о том, можно ли рассматривать «дружинные» большие курганы Древней Руси только лишь как результат прямого взаимодействия из Скандинавии? Если последний подъем строительства больших курганов в X в. и на Руси, и в Швеции происходит примерно синхронно, не допускает ли это возможности обратного влияния восточноевропейских традиций (точнее, обычаев, сложившихся у норманнов, осевших в Восточной Европе в конце IX — начале X в.) на культуру Средней Швеции X в.? И главное — в поисках прообразов древнерусских «дружинных» курганов следует обращать больше внимания на сопки IX–X вв., распространенные в Северной Руси.

6.1.1.16. Ворбю, курган 6 (Vårby, Huddinge sn, Sö., RAÄ 8, A6)

Курган 6 диаметром 20 м и высотой 3 м, полусферической формы, находился в составе могильника, содержащего погребения от эпохи переселения народов до эпохи викингов. Могильник исследован в 1969–1970 гг. экспедицией Городского музея Стокгольма (*Stockholms stadsmuseum*) под руководством Й. Ферениуса (Bratt 2008: 218).

Курган 6 сильно поврежден подвалом. Насыпь состояла из слоев песка, глины и суглинка с отдельными камнями. Под насыпью раскрыты два каменных наброса (A6: I и A6: II) (Bratt 2008: 218). Первый, округлой формы, диаметром около 3 м и высотой 0,3 м и второй — размерами 4,5×5,0 м и высотой 0,6 м. Под первым набросом, выходя за его пределы, залегал слой темного песка и суглинка. Никаких находок в каменных набросах сделано не было. В насыпи найдены пережженные кости, две железных заклепки, фрагмент железного предмета, около 40 фрагментов керамики, деревянный сосуд (?), уголь и обожженная глина.

Северо-западная часть большого кургана перекрывает две более ранние каменные вымостки (A6: 1 и A6: 2). Первая из них (A6: 1), размерами 1,4×0,9 м и высотой 0,15 м, содержала захоронение по обряду кремации. 14 фрагментов кальцинированных костей и 4 обломка керамики найдено в углистом песке. Вторая каменная кладка имела размеры 0,6×1,0 м и высоту 0,2 м. Находок и следов погребения она не содержала. Датировка кургана не установлена.

6.1.1.17. Ормкнёс (Ormknös, Adelsö sn, Up., RAÄ 111)

На о. Бьорко в нескольких сотнях метров от городского некрополя расположен небольшой могильник, в состав которого входят три крупных кургана,

самый большой из которых раскопан Б. Аррениус в 1978–1979 гг. (Arrhenius 1990; Bratt 2008: 233). Курган сильно поврежден грабителями. Насыпь была возведена в два приема. Первоначальное сооружение представляло собой платформу из камней в три слоя диаметром около 16 м и высотой до 1 м. Затем, как полагает автор раскопок, в эпоху викингов размеры кургана были доведены до 2,7 м в высоту и до 21 м в окружности (ил. 137; 138).

В отвале грабительской ямы найден каменный оселок (ил. 139: 2). Кроме того, в насыпи найден круглый обточенный гранитный камень, истолкованный Б. Аррениус как могильный *gravklot* (Arrhenius 1990: 69), принадлежавший первоначальному кургану (ил. 139: 3)⁵⁰.

6.1.1.18. Старая Упсала, Курган Тинга (Gamla Uppsala, RAÄ 123, Tingshögen, Domarhögen).

Domarhögen является самым северным в цепочке курганов на упсальском озе (Lindqvist 1936; Bratt 2008: 240; Ljungkvist 2013). Имеет плоскую форму. Размеры насыпи по основанию 50×45 м, размеры площадки — 30×20 м (ил. 140). Разведочные раскопки траншеями, не затронувшие центр кургана до материка, производились в 1988 и 1990 гг. (Christiansson, Nordahl 1989). Выяснилось, что курган имеет каменное ядро с ровной поверхностью, перекрытой горизонтальными слоями песка и глины, указывающими на то, что строители изначально стремились к созданию широкой горизонтальной площадки. Есть ли в кургане погребение — осталось неясно.

6.1.1.19. Синхилсбори (Signhildsberg, Håtuna sn, Up., RAÄ 39, Signhilds kulle)

Большой курган расположен близ королевской резиденции Форнсигтуна (ил. 141), состоящей из комплекса длинных домов, выстроенных на мысовом всхолмлении таким образом, что образуется подобие городища (Allerstav et al. 1991; Damell 1991; Hammar 1999; Bratt 2008: 245). Курган имеет диаметр 26 м и высоту 3 м (ил. 142; 143). В основе его лежит природная возвышенность, поэтому реальная высота насыпи составляет 1,5–2 м. На вершине ровная площадка примерно 15 м в поперечнике. Насыпь исследована в 1984–1986 гг. под руководством Д. Дамелла (Allerstav et al. 1991: 38–46). Основу насыпи составляет кладка, диаметром около 19 м и высотой до 1,2 м. Она сооружена из крупных камней, засыпанных сверху более мелкими для выравнивания поверхности. На камнях лежит горизонтальный слой глины, а затем — слой более рыхлого грунта. Стратиграфия

не оставляет сомнений, что курган строился как площадка с ровной поверхностью.

Погребения в кургане найдено не было. Исследователи пришли к выводу, что он построен без захоронения специально для общинных собраний. Датировать курган можно предположительно, ориентируясь на материалы раскопок поселения второй половиной I тыс. н. э.

6.2. Происхождение сопок

Идеал создателей курганов состоял в стремлении к тому, чтобы, при данном основании, поднять насыпь кургана до самой большой высоты, какая только возможна была при первобытных технических средствах.

В. З. Завитневич.

*Археологические разыскания в бассейне р. Березины*⁵¹

Если все происходившее расположить в естественном порядке, то самое внутреннее — это изменение в сознании, далее следует более внешнее — произвольное смещение языка, а наиболее внешнее — это разделение человеческого рода на массы, в дальнейшем исключают друг друга не только пространственно, но также внутренне и духовно, т. е. разделение на народы.

Ф. Шеллинг. *Введение в философию мифологии*⁵²

От древностей, связанных с сопками — монументальными земляными сооружениями, насыпавшимися в Раннем Средневековье обитателями нынешней Новгородской, Псковской, Тверской, Ленинградской и некоторых соседних с ними областей, — традиционно начинается на севере отсчет древнерусской культуры. Уже в конце XIX в. для А. А. Спицына несомненно была генетическая связь сопок с древностями X–XII вв. и кровное родство создателей сопок и «новгородцев» (Спицын 1899: 309). Сейчас, однако, по-прежнему остается загадкой появление и стремительное (как писал А. А. Спицын — «враз») распространение сопок (Спицын 1899: 309).

Сопки — уникальное культурное явление, несомненно отражающее формирование нового мифа и новой идентичности внутри северной ветви восточнославянского мира. В лесной полосе Европейской России ни в столетия, предшествовавшие сооружению сопок, ни в последующие эпохи не известны культовые и погребальные объекты, требовавшие бы таких огромных затрат и такой высокой степени организации сельских общин. В древнерусское время масштабные земляные работы и крупное культовое строи-

⁵⁰ Обточенные каменные шары, иногда орнаментированные, использовались при обустройстве некоторых погребений в Скандинавии около рубежа эр и в I тыс. н. э.

⁵¹ Завитневич 1894: 127.

⁵² Шеллинг 1899: 245.

тельство могли себе позволить лишь города или князья. Большие воинские курганы X в. мы знаем только в составе некрополей крупных городов и торгово-ремесленных центров — мест сосредоточения княжеских дружин — эффективной и хорошо организованной рабочей силы. Северные сопки, напротив, были явлением преимущественно сельской жизни и неизвестны в некрополях городов, за исключением Ладоги.

Кроме Руси в славянском мире известны большие курганы Малопольши (см. **рис. 1** в томе 1), очень немногочисленные (Ślupeski 1999: 92, 93; Buko 2008: 143–165; Florek 2008). Самый знаменитый, самый большой и, кажется (раскопки плохо документированы), самый ранний из них, *копец Крака*, датируется по находке «пропеллеровидной» накладки аварского типа — VIII в. (Tyniec 2018: 237–238, гус. 5). Еще одна находка из этого кургана — монета, выбитая около 970 г., возможно, свидетельствует о том, что курган возводился в несколько этапов, разнесенных во времени. Интересен обнаруженный в *копце Крака* центральный столб (Tyniec 2018: 237) — деталь, сближающая его как с волховскими сопками, так и со скандинавскими большими курганами вендельского времени. Вряд ли, однако, можно ожидать какой-то связи между русскими сопками и большими курганами гнёздовского типа с одной стороны и копцами Малопольши с другой. Возможно, последние тоже связаны со скандинавскими традициями и демонстрируют, что эддическая идея большого кургана попадала в разных регионах славянского мира на сходную социальную почву.

6.2.1. Что такое сопка?

Несмотря на многолетние дискуссии, у исследователей до сих пор отсутствует единое мнение относительно того, что же собственно такое сопки⁵³. Столетним камнем преткновения является проблема выделения их из массы раннесредневековых больших курганов Восточной Европы. Свода, посвященного последним, до сих пор не существует, и археологам трудно понять, сколько больших насыпей в Восточной Европе и как они распределяются географически. В дискуссиях, посвященных расплывчатости ареала

⁵³ Сам термин «сопка» ведет происхождение от названия этих памятников, распространенного среди современного населения центральных районов Новгородчины. Местные наименования этих объектов могут, впрочем, варьироваться — в Приильменье курганы часто приписываются «литве», на юге Псковщины — «французам». Существуют фольклорные сюжеты о сокрытом в насыпи сокровище. На Псковщине это «золотые шапки», «золотая корона», лошадь с золотыми подковами или уздечкой. Севернее, в Новгородской области — «золотой гроб». Деревенская традиция обычно наделяет одним и тем же именем все окрестные курганные древности, не отличая низкий курган от высокого.

больших курганов, обычно фигурируют высокие земляные сооружения притока Западной Двины — р. Каспли (с легкой руки А. А. Спицына, опубликовавшего известные отчеты В. Н. Глазова и И. С. Абрамова), и большие курганы верховьев Сожа, внимание к которым было привлечено П. Н. Третьяковым, производившим поблизости раскопки.

А. А. Спицын, перу которого принадлежат первые, специально посвященные сопкам исследования, не провел строгой границы между большими насыпями сельской новгородской глубинки и высокими курганами Смоленщины, Чернигова, Гнездова и Киева, назвав их всех сопками, заодно с «королевскими» курганами Упсалы (Спицын 1899а: 142, 149; 1899б: 309). Разумеется, культурные и хронологические различия между всеми этими памятниками А. А. Спицын осознавал, но не придал значения народной терминологии, просто отнес к сопкам все большие насыпи выше 4 аршин (2,8 м).

В. В. Седов (1970, 1982) изначально исходил из этнической сущности общности, насыпавшей сопки: они являются, по его мнению, погребальными памятниками словен новгородских. С этой позиции автор производил территориальный отбор памятников и их характеристику. Культура сопок при таком подходе должна была иметь ареал с четкими границами и обладать единством, уловимым не только на уровне погребальных памятников, но заметным и в иных сферах материальной культуры. Отсюда — поиски В. В. Седовым единства в морфологии высоких насыпей в масштабах всего Северо-Запада и сопоставление с сопками определенных керамических традиций — лепной посуды «ладожского типа» и баночной керамики с коротким отогнутым венчиком.

При подобном подходе там, где П. В. Л. фиксирует не *словен*, а другие племена, сопок, как будто, быть не должно. Даже самая расширенная трактовка формулы П. В. Л. «около озера Илмеря» не позволяла в южном и западном направлении выходить за пределы Ильменского бассейна. Так из ареала распространения сопок выпадает «верх» Днепра, Двины и Волги, река Великая — земли, богатые большими курганами, но приписываемые летописью кривичам. Набор археологических признаков, выделенный В. В. Седовым для сопок новгородских словен (каменная обкладка, усеченно-коническая форма насыпи), оказался слишком узок и неприменим при практическом археологическом картографировании (Носов 1974)⁵⁴. Археологическое картографирование (Носов 1974)⁵⁴.

⁵⁴ Позднее В. В. Седов признал, что «среди сопок есть и насыпи с полусферическими и коническими вершинами, и насыпи без видимой каменной обкладки» (Седов 1995: 238), и далее: «по своим размерам сопки разнообразны — от небольших, высотой 2–2,5 м и диаметром 12–14 м, до грандиозных, достигающих 10 м в высоту при диаметре

логические исследования 1970–1990-х гг. (раскопки В. П. Петренко, Е. Н. Носова, В. Я. Конецкого, И. В. Ислановой, С. Л. Кузьмина, Н. И. Платоновой, В. В. Милькова и других) не выявили для предполагаемого ареала «культуры сопок» новгородских словен ни единой бытовой материальной культуры, ни морфологического единообразия курганов.

По мере исследования селищ при сопках становилась все более очевидна пестрота их материальной культуры. В первую очередь, это относится к керамике. Говорить о «керамике культуры сопок», как было возможно в начале 1980-х гг. (Носов 1981: 56), давно уже не приходится. Впервые к такому выводу, на основании анализа лепной керамики Приильменя, пришел А. В. Плохов (1992). Наши раскопки селища Хачево в бассейне Куньи, в частности, показали, что керамический комплекс поселений при сопках в верхнем Половатье в X в. существенно отличается от керамики «культуры сопок» восточных и центральных районов Новгородской земли, где значительный процент лепной посуды представлен реберчатými формами (Носов, Плохов 1991: 128). В Хачево практически отсутствует керамика «ладожского типа» и зафиксированы лепные сковородки — деталь, характерная для древностей более южных территорий (Еремеев, Дзюба 2010). Раскопки В. Я. Конецкого на поселении Губинская Лука в среднем течении Ловати также выявили очень мало реберчатой посуды. Керамику Губинской Луки В. Я. Конецкий счел возможным сопоставить с посудой культуры Прага-Корчак, здесь также присутствуют лепные сковородки (Конецкий 1992). Одним словом, оказалось, что материальная культура поселений при сопках в Тверской, Псковской и на юге Новгородской области более близка древностям Белоруссии VIII–X вв., смоленских длинных курганов и Гнездова, нежели «классическим» памятникам Помостья и Поволховья. На это указывает не только керамика, но и находки вещей близ сопок в Вехнем Подвинье, например, «кривичское» височное кольцо на селище Красный Ручей (Носов, Плохов 1994).

Полученные на селищах при сопках материалы продемонстрировали, что прочного единства материальной культуры за общностью, насыпавшей сопки, не стоит. Ее выделяют из славянского мира только собственно сопки, да тот набор разнородных артефактов, который определяет «точку отсчета» северо-западного варианта древнерусской культуры (некоторые североевропейские, прибалтийские, финно-угорские, дунайские и другие древности, свиде-

около 40 м (Седов 1995: 238). «В строениях сопок наблюдаются иногда некоторые индивидуальные особенности» (Седов 1995: 240). Стержнем его методики выделения сопок остались общеисторические соображения.

тельствующие о разносторонних культурных, торговых и военных контактах).

Да и сами сопки предстали перед исследователями отнюдь не монолитным явлением. Накопление археологического материала показало, что каждая новая раскопанная сопка уникальна (Пронин 1990: 167, 168). Постоянные затруднения, возникавшие при интерпретации все новых и новых «нестандартных» насыпей, не укладывавшихся в схему, вызвали появление и широкое употребление терминов «классическая сопка» применительно к насыпям, по строению ближе всего стоящим к сопкам Нижнего Поволховья, и «сопковидная насыпь». Последнее название применяли, когда исследователь колебался — достаточно ли для сопки величина насыпи, или тогда, когда крупная насыпь располагалась в «неподобающем» для сопки ландшафте или рельефе, не имела каменных конструкций, и т. п.

6.2.2. Что такое «не сопка»?

Для определения нашего понятия о сопке целесообразно провести ряд весьма условных «отсеивающих» источниковедческих процедур. Археология фиксирует в лесной зоне Восточной Европы несколько эпох в строительстве курганов высотой 2–10 м и диаметром 20–40 м. Впервые они появляются в мощинской культуре, которая, как известно, прекратила свое существование, не дожив до начал древнерусской истории.

В ареале КПДК обычай сохранялся до конца I тыс. н. э. (Петров 1999: 7). От сопок курганы КПДК отличаются своеобразной ландшафтной и топографической приуроченностью. Как правило, их можно встретить в местах нежилых — в борах у троп и дорог, вдали от синхронных поселений и водоемов. Композиционные принципы, положенные в основу таких «архитектурных ансамблей», подразумевали, надо полагать, отчуждение пространства, отводимого мертвым, от жилого ландшафта. Есть, однако, единичные памятники, относимые исследователями к КПДК, но имеющие доминирующую позицию в аграрном ландшафте, характерную для классических сопок. Такова, например, насыпь в Репях в Полужье (Лебедев 1978: 93; Михайлова 2013: 336; 2019), курган № 4 в могильнике Струйское в Верхнем Поволжье (Олейников 2001: 258, рис. 1) или курган № 5 в могильнике Куреваниха III на Мологе (Башенькин, Васенина 2012: 30, рис. 1)⁵⁵. Подобные памятники демонстрируют, что идея большого кургана проникла

⁵⁵ Наряду с выразительным комплексом украшений КПДК, курган в Репях содержал железную кованую сковороду — предмет, скорее всего, связанный (учитывая датировку VIII в.) с влиянием северных традиций.

в среду КПДК извне, на первых порах еще сохраняя свою чистоту и первоначальный смысл.

Безусловно, из корпуса источников следует включить большие курганы так называемых дружинных могильников середины — второй половины X в. — Гнёздова, Киева, Чернигова, Тимерева и др. Основная масса больших дружинных курганов возникает в середине — второй половине X в. (Петрухин 1998: 362). По землям Древней Руси близ крупных древнерусских центров разбросано немало отдельных высоких насыпей, связанных с престижными дружинными захоронениями, — таков, например, большой курган близ Коростеня (Фехнер 1982), возможно, так называемый, большой курган Псковского некрополя (Колосова, Милютина 1994) и т. д. Этот пласт памятников, датирующийся X в., легко вычлняется из массы больших насыпей — в инвентаре ярко выражены скандинавские черты, погребения сопровождают оружие и богатый инвентарь. Что послужило причиной появления этой третьей волны больших курганов (X–XI вв.) нам в общих чертах известно — на речных путях Восточной Европы складывалась варварская государственность. Большой курган стал символом власти конунга-князя и привилегированного положения его людей, свидетельством социальной дифференциации общества. Связь этой курганной традиции со Скандинавией в погребальной обрядности выступает достаточно ярко (Булкин 1975; Седых 1997; Петрухин 1998).

Часто на Северо-Западе встречаются древнерусские курганы с труположениями XI–XII в., отличающиеся значительными размерами (но все же, редко выше 3 м). Они, как правило, входят в состав обычных курганных групп. Значительная концентрация высоких курганов XI–XII вв. (насыщенных оружием) прослеживается на Новгородско-Полоцком пограничье близ верховьев р. Полоты что правомерно связать с присутствием и противостоянием здесь в период Новгородско-Полоцких конфликтов дружинных контингентов с обеих сторон (Еремеев, Фурасев 1997). Известны большие курганы с труположениями XII в., исследованные в верховьях Волги (Комаров, Елина 1976). Некоторые исследователи склонны связывать их с погребениями знати и возводить к «сопочным» ритуалам (Петров 1993: 87). С большей уверенностью в этих памятниках можно видеть отголоски «дружинных» курганных традиций X в.

6.2.3. Проблема единства традиции и ареала

Отсеяв курганные древности мощинской культуры V–VI вв., большие насыпи в сосновых борах V (?)–X вв. — изначальный элемент погребальной обрядности КДК, дружинные курганы X–XI вв. и высокие древнерусские насыпи с труположения-

ми XI–XII в., мы остаемся перед обширной группой больших курганов последней четверти I тыс. н.э., рассеянных по пространствам Южного Приадожья, Верхнего Полужья, Верхнего Поволжья, Новгородчины, Псковщины и Смоленщины, а также Северной Белоруссии. Все эти большие насыпи различаются по строению, но представляют, видимо, воплощение одной идеи, по-разному проявившейся в региональном культурно-историческом контексте. Отметим, что название «новгородские сопки» не вполне отражает их географию и является данью историографической традиции, связавшей с большими курганами словен новгородских, обитавших, по ПВЛ, «около озера Ильмень».

Традиционно очерченная в работах Н. Н. Чернягина, В. В. Седова, Е. Н. Носова область сопок принципиально не меняется по мере учета новых памятников. Но на археологической карте появляется ряд своеобразных «протуберанцев», протянувшихся в разные стороны от основного ареала сопок, и группа микрорегионов за его пределами (Еремеев, Дзюба 2010). Изучение тех и других — исключительно интересная задача. Такое исследование позволяет очертить условия появления сопочной обрядности, может быть, более рельефно, чем изучение сопок на основной их территории. Наконец, отдельные аналогичные сооружения встречаются и далеко за границами очерченной области. Таков, возможно, был большой многоярусный курган Пинска (Кухаренко 1968), большой курган некрополя Трубчевска (Падин 1985). Список подобных комплексов можно продолжить⁵⁶.

Первым признаком, сближающим эти памятники, являются «размытость» погребальных функций и следы сложных, как правило, многократных языческих ритуалов — начиная от тщательного выбора места для будущей насыпи. Наконец, объединяет их только им присущая, доминирующая топографическая позиция в открытом аграрном ландшафте. Этот признак является объединяющим и определяющим для этой группы древностей. Количество погребений в насыпи, строительные приемы, та или иная форма ограждения площадки — все это зависело от локальных и неповторимых сплавов региональных традиций эпохи начала Руси. Действительно, единообразие обрядовых действий и конструктивных приемов возможно в рамках археологических микрорегионов, например, Поволховья (Кузьмин 2000: 182, 183). Впрочем, и там сопки весьма разнообразны по технике строительства и деталям обрядности (Петренко 1994: 50–55). Но в пределах обширной Новгородской земли, а тем

⁵⁶ Данные о еще двух больших курганах в Могилевской области приводятся, например, в работе В. Н. Седых (Седых 1997: 31). Для территории Белоруссии тоже составлена карта распространения больших курганов (Дучыц 2000).

более всего Северо-Запада с сопредельными землями, странно было бы ожидать единства строительных приемов и единообразия связанных с ними языческих обрядов. Ведь речь идет о сотнях сельских общин, разбросанных среди лесов. Сопки стали сооружаться уже после оседания на земли основной массы пришедшего славянского населения, т. е. тогда, когда разобщенность отдельных коллективов была уже значительна. Неудивительно, что вариативность обрядовых действий и связанных с ними практических приемов ведения земляных работ была весьма велика⁵⁷.

Общая особенность всех этих, неповторимых в деталях, сооружений заключается в том, что курган оказывается активно включен в повседневное жилое пространство. Сопка — огромная, необычная, не встречающаяся в природе форма, приковывающая взгляд, — это часто было первое, что видел человек, выходя утром из жилища. Сопка оставалась в поле зрения земледельца, возделывающего близ поселения пашни по берегам реки или озера. Сопку, возвышающуюся на крутой речной излучине, неизбежно огибал рыбак, отправляясь на промысел и возвращаясь с него. Смысл этого обдуманно спроектированного и очень «агрессивного» вторжения большого кургана в культурный ландшафт можно реконструировать по-разному. Но именно в наличии этого замысла, собственно, и заключается отличие сопки от кургана более ранней и более поздней эпохи.

Связь сопок с реками подчеркивалась всеми исследователями, начиная с З. Ходаковского. При этом реки рассматривались преимущественно как «речные пути», но не как элемент микроландшафта (Спицын 1922; Равдоникас 1924; Чернягин 1941: 96). Но сопки связаны собственно не столько с водой, или водными путями, сколько с открытыми речными и озерными ландшафтами⁵⁸. Известны насыпи, находящиеся довольно далеко от воды, но приуроченные к окраинным частям широких пойм и старицам. Связь сопок с водой обусловлена, кажется, не столько связью, существовавшей в сознании древнего населения между сопкой и влагой как мистическим рубежом или путем, сколько стремлением древних «архитекторов» поместить сооружение в открытый ландшафт. Естественно, в лесной зоне такие ландшафты существовали главным образом близ водоемов. Иными словами, сопки строили по берегам не потому, что

вода или водная дорога были близко, а потому, что водная поверхность в совокупности с поймами и расчищенными от леса прибрежными пашнями давала необходимое свободное пространство для зрительного восприятия монументального рукотворного холма⁵⁹.

Перспективным представляется рассмотрение больших курганов в совокупности — как общего для Восточной Европы явления, имевшего единые социально-политические и культурные предпосылки. Речь может идти о мощном импульсе, прокатившемся в IX в. (может быть, и во второй половине VIII в.) по рекам балтийского бассейна (в Верхнее Поднепровье, возможно, эта традиция проникла из бассейна Западной Двины). По каким-то причинам древнее население оказалось в разной степени восприимчиво к нему, отклик обитателей отдельных территорий на этот импульс выразился в различных формах. Но изначальная идея, заложенная во внешне пеструю традицию, повсюду узнаваема.

6.2.4. Поиск прообразов сопок в Восточной Европе

Кто были люди, возводившие сопки, и какова была их погребальная обрядность до восприятия этой традиции? В историографии можно проследить три версии ответа на первую часть вопроса (финны, славяне, скандинавы). Историографическое значение имеет сейчас гипотеза о принадлежности сопок дославянскому населению Северо-Запада (Артамонов 1990; Ляпушкин 1968; Лебедев 1984; Микляев 1984а). Но финское население в тех регионах, где оно не смешивалось со славянами, как известно, не насыпало больших курганов. Исключение составляют, возможно, вышеупомянутые большие курганы, открытые А. Н. Башенькиным в Молого-Шекснинском междуречье (Башенькин 1993: 141; 1995: 16–19; Башенькин, Васенина 2003; 2012; Башенькин, Иванищева 1988: 34).

Г. П. Гроздилов написал когда-то о сопках: «могильные насыпи, сооруженные первыми славянскими пришельцами» (Гроздилов А-1952: л. 27). Сейчас археологические находки не позволяют усомниться в том, что основным населением, проживавшим на поселениях, близ которых высятся сопки, были славяне (Носов 1974; 1981; 1982; 1988; Конецкий 1989; 1991а). При этом большие курганы были совершенно чужды

⁵⁷ Безусловно, приемы возведения крупногабаритных земляных сооружений зависели от того, насколько та или иная группа знакома была с земляным (в первую очередь, вероятно, городищенским) строительством.

⁵⁸ Необоснованность точки зрения, будто сопки сооружались лишь по берегам крупных водных артерий, продемонстрирована В. В. Седовым, доказавшим, что большая часть высоких насыпей приходится на берега мелких несудоходных притоков (Седов 1970: 29; Носов 1981: 49)

⁵⁹ Исследователи выделяли еще один вид больших курганов — не связанные с длинными курганами, очень крупные насыпи в борах, по форме неотличимые от «классических» сопок, являющиеся продуктом синтеза двух культур — сопок и длинных курганов (Носов 1981: 51; Конецкий, Носов 1995: 43, 44; Петров 1999: 9). Основой для обособления этой категории древностей первоначально послужили памятники Помостья, но есть они и в других регионах.

культуре славян до их прихода на Волхов, Ильмень, Западную Двину и Верхнюю Волгу. Где бы ни помещали различные исследователи исходные земли славянской миграции, все они сходятся на отсутствии в тех краях прообразов сопок⁶⁰. Проблема могильных памятников эпохи освоения летописными славянами Северо-Запада решается в пользу существования у них грунтовых могильников с сожжениями (пока в массе своей не выявленных), подобных тем, которые известны в древностях типа Заозерье-Узмень и в культуре Прага-Корчак⁶¹. Не исключены для этого периода и поверхностные захоронения, подобные зафиксированным для X в. у населения, соорудившего сопки в Поплюсье (Михайлова, Кузьмин 1994: 50–52)⁶².

Существует группа курганных древностей, упоминания которой не избежать, коль скоро речь заходит о генезисе культуры сопок. Это большие курганы мощинской культуры, распространенные в бассейне рек Оки и Угры. Весьма вероятно соотношение с мощинскими древностями больших курганов Подмосковья, таких как большой беседский курган (Арциховский 1970), первый покровский курган (Юшко 1972: 187–190), и отдельных неисследованных насыпей (Уборы, Еганово, Городена, Ильинское) (Юшко 1991: 157). По внешнему виду и топографии все они имеют некоторые общие черты с большими курганами последней четверти I тыс. н. э. Однако от самых ранних сопок русского Средневековья мощинские курганы отделяет хронологический разрыв, по крайней мере, в столетие (Носов 1974: 232–233). Поэтому сейчас уже нельзя считать перспективной давнюю попытку П. Н. Третьякова связать с ними происхождение сопок (Третьяков 1966: 284–285; Артамонов 1990: 281). Данное предположение основывалось, с одной стороны, на неверной, омоложенной, их дате. Исследователь считал, что сопки начали возводиться в третьей четверти I тыс. н. э. (Третьяков 1970: 64, 65, 124)⁶³. При этом датировка курганов типа Шанько-

во-Почепок неоправданно завышалась вплоть до X в. (Третьяков 1966: 294, 297). Более интересно предположение И. В. Ислановой о возможной роли мощинских курганов в появлении больших насыпей в КПДК на юго-восточной ее периферии. Предположение базируется на мощинских элементах в керамическом комплексе населения Молого-Мстинского междуречья третьей четверти I тыс. н. э., свидетельствующих о каких-то культурных импульсах из Окского бассейна⁶⁴.

Могли ли крупные насыпи КПДК третьей четверти I тыс. н. э. стать прообразами сопок? Если КПДК и сыграла роль в сложении новой обрядности, то роль не ведущую. Большие курганы в борах, в отличие от сопок, кажется, не имеют каменных конструкций, они, как правило, значительно меньше сопок по размерам (хотя бывают исключения). Главное же — их топография принципиально отлична от топографии сопок. Местные истоки традиции возведения сопок на Северо-Западе сомнительны. Вопрос о вероятных местных предпосылках традиции сооружения сопок можно разделить на две части. Во-первых, насколько соотносится с сопками существовавшая на Северо-Западе ранее, в первой половине и третьей четверти I тыс. н. э., погребальная и культовая обрядность. Во-вторых, насколько развиты здесь были традиции «земляной архитектуры».

Обряд захоронения усопших у племен РЖВ на Северо-Западе не известен⁶⁵. Очевидно, он не требовал земляных работ, и погребения совершались в каких-то трудноуловимых археологическими методами наземных сооружениях (подробнее об этом см.: разделы 4.3.1–4.3.4 первого тома). Земляные погребальные насыпи появляются приблизительно на рубеже IV–V вв. и связаны с распространением культуры длинных курганов. Первые курганы, преимущественно небольшие песчаные холмы, сооружались вдали от водных источников, у лесных троп и дорог. Эти могильники, как я пытался показать выше, являются синтезом привнесенной традиции грунтовых могильников с местной обрядностью надземных труположений. В третьей четверти I тыс. н. э. на Северо-Западе в культуре населения длинных курганов появляются и большие или, как их иногда называют, «сопковидные» насыпи или «сопки в борах». Среди сопок места славянам не оставалось вовсе (Артамонов 1990: 281).

⁶⁴ Гипотеза была высказана И. В. Ислановой на заседании Тверской археологической конференции в апреле 1999 г. и подтверждается раскопками О. М. Олейникова в Ржевском Поволжье (Олейников 2001).

⁶⁵ Если не рассматривать недостаточно обоснованную гипотезу В. Б. Вилинбахова, пытавшегося связать с сопками большие курганы о. Рюген (Вилинбахов 1962: 265, 266). Критику концепции В. Б. Вилинбахова см.: Петренко 1994: 38.

⁶⁰ Если не рассматривать недостаточно обоснованную гипотезу В. Б. Вилинбахова, пытавшегося связать с сопками большие курганы о. Рюген (Вилинбахов 1962: 265, 266). Критику концепции В. Б. Вилинбахова см.: Петренко 1994: 38.

⁶¹ Некрополь такого типа, датирующийся VI–VIII вв., исследован в Удомельском Поозерье (Исланова 1997: 50–55). Аналогичные грунтовые могильники известны в Старой Ладогe (Орлов 1941; 1960) и в Заполье (Верхнее Полужье) (Платонова 2021).

⁶² Опыт сооружения крупных культовых земляных конструкций мог возникнуть у славян при возведении городищ. Городищенские валы, помимо практических функций, имели, конечно, и сакральное значение. Возможность изучения строительной «земляной» техники Восточной и Северной Европы представляется перспективной при решении многих проблем, связанных с сопками.

⁶³ Близкую позицию в этом вопросе занимал М. И. Артамонов, с тем отличием, что в его концепции культуры

них есть как сравнительно низкие, но значительного диаметра курганы-платформы (иногда их рассматривают как недосыпанные большие курганы) (Фехнер 1959: 242; Башенькин 1995: 27), так и высокие (обычно, около 2–3 м, реже — до 6 м) полусферические или усеченно-конические. Часто большие курганы входят в состав могильников с длинными насыпями (Носов 1981: 51, 52; Аун 1992: 111).

Происхождение больших курганов этого типа пока неясно, раскопано их очень мало. Есть мнение, что они изначально бытуют в культуре длинных курганов (Носов 1982: 60, 61; Михайлова 1993: 77; Башенькин 1995: 28). Большие курганы насыпались населением КДК в течении длительного времени, вплоть до X–XI вв. (Ефимова 1987: 64, 65). Топография их, в большинстве случаев, не отличается от топографии иных насыпей этой культуры — валообразных, удлиненных, невысоких полусферических. Они так же располагаются в борах, вдали от поселений и топографически обособлены от последних, спрятаны от глаз и не рассчитаны на восприятие с достаточно большого расстояния. Есть, впрочем, и исключения из этого правила.

Иначе, вероятно, обстояло дело с некоторыми земляными сооружениями сакрального характера, не имевшими погребального назначения. Трудно пока сказать, насколько широко было распространено среди населения середины — третьей четверти I тыс. н.э. культовое земляное строительство, но оно, видимо, имело место. Спорным вопросом является культовое происхождение некоторых городищ, практический смысл которых с современной точки зрения минимален. Есть, однако, и другие факты. Б. С. Короткевич открыл и исследовал в Псковской области святилище у д. Воловжа, в центре которого располагалась искусственная фигурная насыпь, очевидно, имевшая культовое назначение (Короткевич 1999: 172–175). Правда, сама насыпь невелика, но размещение ее на высокой горе на берегу озера может свидетельствовать о стремлении древнего населения к формированию некоей сакральной топографической доминанты. Позднее в древностях культуры сопки эта архитектурно-композиционная идея будет доведена до совершенства. Время функционирования святилища Б. С. Короткевич склонен относить к эпохе длинных курганов (Короткевич 1999: 185).

Могли ли земляные сооружения КДК середины и третьей четверти I тыс. н. э. (крупные курганы и культовые насыпи — святилища на вершинах естественных всхолмлений) стать прообразами сопки? Исчерпывающего ответа на вопрос в настоящее время быть не может. Если указанные традиции и сыграли роль в сложении «сопочной» обрядности, то, надо думать, роль не ведущую. Большие курганы

в борах, в отличие от сопки, не имеют каменных конструкций, они, как правило, значительно меньше сопки по размерам (хотя бывают исключения), а главное — их топография принципиально отлична от топографии сопки. Святилища типа Воловжи, образовывавшие, возможно, культовые центры жилых округ были, вероятно, все-таки слишком немногочисленны.

На Северо-Западе опыт земляного строительства племен РЖВ ограничивался сугубо практическими действиями — возведением примитивных укреплений — валов и эскарпов небольших городищ. В пределах Смоленщины известны городища округлой формы с кольцевыми невысокими валами и рвами. Есть они и севернее, в бассейне Западной Двины. Проблема датировки этих памятников не решена. Их позиция в рельефе зачастую не имеет ничего общего с сопками, но последовательность операций, необходимых для сооружения сопки, до известного момента совпадает с последовательностью действий по оборудованию подобного городища — круговая подрезка естественного всхолмления, создание кольцевого рва и вала, иногда с разрывом для всхода на площадку. Нам представляется, что интерпретация этих городищ как исключительно культовых (Седов 1962: 63; Рыбаков 1987: 150) недостаточно обоснована. Но тем не менее, защитная функция круглых городищ в сознании их строителей, вероятно, обеспечивалась не только мощностью укреплений, но и сакральным потенциалом их концентрической формы, моделирующей «земной круг». Так что, пристальному вниманию при изучении генезиса «сопочной» традиции, городища заслуживают. Кроме того, при их постройке у населения могли зародиться определенные необходимые для создания сопки технические и организационные навыки работы. Надо учитывать, однако, то, что население третьей четверти I тыс. н. э., тяготеющее, как известно, большей частью к водно-ледниковым ландшафтам, имело дело, главным образом, с сыпучим песчаным грунтом, а сопки во многих случаях насыпаны из валунного суглинка или валунной супеси с гравием. Работа с таким грунтом требовала особой сноровки и особых орудий труда, которыми население культуры длинных курганов могло и не обладать — в них просто не было необходимости. Сомнительно, чтобы техническая практика сооружения сопки могла зародиться в среде носителей КДК. Нужны были новые навыки работы с землей и камнем и более совершенные рабочие инструменты.

На вопрос о существовании возможных местных прообразов и истоков традиции возведения сопки на Северо-Западе следует ответить отрицательно.

6.2.5. Норманнская версия происхождения сопок

Наиболее разработанной версией происхождения сопок остается в настоящее время теория привнесения традиции норманнами. У истоков этой концепции стоит А. А. Спицын (Спицын 1899: 142, 149; 1899а: 309; 1922: 7, 8). Исследователь впервые сопоставил сопки центральной Новгородчины и Поволховья с большими курганами Упсалы. При этом он, однако, отметил, что упсальские курганы на несколько столетий старше самых ранних сопок (Спицын 1899: 152). Точка зрения А. А. Спицына была достаточно категорична: «В верховьях Луги и в низовьях Ловати имеется хорошее количество норманнских сопок» (Спицын 1922: 7). Сопки, по А. А. Спицыну, отмечали торговые пути, которыми норманны проникали вглубь Восточной Европы. С выходцами из Скандинавии ученый связывал и монументальные курганы Смоленской губернии (Спицын 1922: 8). «Распространение, время и величавость сопок говорят за принадлежность их норманнам. В X в. все они еще есть, но не всюду и в несравненно меньшей величине. Трудно решить, куда и как исчезли норманны. Возможно, отчасти они возвратились на родину, о чем имеется прямое русское предание, а отчасти перебрались на Волгу и к Смоленску. И там и здесь имеются огромные курганные группы...» (Спицын 1929: 30). При всем том А. А. Спицын был далек от приписывания скандинавам всех сопок. «Наши северные сопки оставлены отчасти самими норманнами, а главным образом новгородцами, перенявшими у норманнов обычай...», — писал исследователь (Спицын 1899а: 309).

К мнению А. А. Спицына присоединились В. И. Равдоникас и Х. Арбман — сопки могли быть насыпаны выходцами из Швеции, двигавшимися вглубь Восточной Европы по «пути из варяг в греки» и по Волжскому пути (Равдоникас 1924: 31; Arbman 1955: 40)⁶⁶. Позднее к норманнскому происхождению сопок Поволховья склонялась Н. В. Тухтина, снова обратившая внимание на шведские аналогии открытым в сопках каменным конструкциям, в первую очередь треугольным каменным кладкам (Тухтина 1968), а вслед за ней и Д. А. Мачинский (Мачинский 1997: 72).

От первенствующей роли норманнов в зарождении «сопочной» обрядности в 1970 г. решительно отказался В. В. Седов: «Все детали строения исследуемых насыпей и погребального ритуала находят аналогии в восточноевропейских, в значительной части в местных материалах» (Седов, 1970: 29). К такому выводу исследователь пришел, разложив свойственный сопкам обряд и способы сооружения насыпей на составляющие (обряд сожжения, каменные

конструкции, курганная насыпь, жертвоприношения и т. д.), и отыскав каждой из них аналогию в восточноевропейских (славянских, финских и балтских) древностях V–X вв. Позднее позиция В. В. Седова утратила жесткость практически по всем пунктам его концепции, в том числе и по этому — норманнские параллели каменным кладкам волховских сопок ученый признал (в отличие от 1970-х гг.) без оговорок (Седов 1995: 240) и одновременно высказался в пользу отсутствия генетических основ традиции возведения сопок в древностях Восточной Европы (Седов 1995: 243, 246). Исследователь затем пришел к мысли о приильменском, славянском происхождении сопок «на определенном этапе активного развития жизни и культуры новгородских словен <...> независимо от влияний других этносов» (Седов 1995: 246).

В. П. Петренко по данному вопросу занимал осторожную позицию, близкую воззрениям В. В. Седова. Исследователь волховских сопок предпочитал дифференцированный подход к материалу, пытаясь выделить в массиве сопок отдельные традиции, привнесенные различными этническими группами, в том числе и скандинавами. На первый план В. П. Петренко выдвигал некоторое сходство каменных сооружений Восточной Прибалтики (в Литве и Латвии), предполагая наличие направленного оттуда культурного импульса, приведшего «к появлению наиболее заметных черт насыпей III типа» (Петренко 1994: 114). Насыпи III типа, по В. П. Петренко, составляют основное ядро «классических» волховских сопок (многоярусные сооружения с каменными конструкциями на краю надпойменной террасы) (Петренко 1994: 53–66).

Представляется, что современные археологические и исторические источники склоняют чашу весов к норманнской версии происхождения сопок. Очевидно, говорить следует о Центральной Швеции, где концентрация больших курганов особенно высока. Дания, как известно, напротив, не богата большими курганами второй половины I тыс. н. э. (Müller-Wille 1992: 10). При этом многие исследователи сходятся на том, что традиция сооружения больших курганов была занесена скандинавами в полиэтничное сообщество Поволховья в VIII в., или, что более вероятно, в IX в. Отсюда новая сакрально-погребальная традиция распространилась по всему Северо-Западу уже в сугубо славянской среде (Конецкий 1989: 148–149; Носов 1992: 11).

6.2.6. Проблема полицентричности зарождения и распространения сопок

Основная проблема здесь заключается не в вопросе о возможности привнесения скандинавами в Поволховье традиции возведения больших курганов. В вероятности такого поворота событий (учиты-

⁶⁶ Позднее В. И. Равдоникас изменил свою точку зрения.

вая яркие норманнские древности Ладоги VIII–IX вв.) сомнений нет. Неясны механизмы трансляции новой обрядности вглубь континента. «Норманнская теория» А. А. Спицына и В. Н. Равдоникаса с точки зрения логики была достаточно стройной — норманны, двигаясь с берегов Балтики по восточноевропейским речным дорогам «в греки» и на Волгу, гибли, устилая берега рек своими могилами. Неизбежное участие в этом движении местного населения вело к распространению традиции в славянской среде.

Следов подобного массового движения скандинавов вглубь континента в IX в. не выявлено. Норманнские древности этого времени в Восточной Европе очень немногочисленны. В. Я. Конецкий пришел к необходимости связать проблему распространения сопок с вопросами славянской колонизации, и заменить норманнов славянскими земледельцами Приильменья: «Возникнув в Ладогe, мода на монументальные памятники <...> проникла на коренные территории ильменских словен — в районы Поозерья и Южного Поволховья. В ходе славянского расселения она была распространена по всему Приильменью. Во всяком случае, тотальное обследование долины р. Ловать под углом анализа интенсивности освоения пригодных для жизни пойм показывает, что движение населения, оставившего сопки, было направлено с Севера на Юг» (Конецкий 1989: 149, 150). Оснований для подобных заключений (если иметь в виду именно земледельческую колонизацию) у нас пока недостаточно. «Анализ интенсивности освоения пойм» без раскопок ничем здесь нам помочь не может. Поселения при сопках низовьев Ловати (Коровитчино) дали пока что сравнительно позднюю дату — X в. (Конецкий, Клубова 1989: 12, 13). Но дело даже не в этом. Не ясны причины, которые могли бы вызвать столь мощный отток славянского населения из Центрального Приильменья и Поозерья обратно на юг — на Ловать, по-видимому, уже освоенную⁶⁷. Ведь ко-

личество фактов, свидетельствующих в пользу южной гипотезы появления летописных славян в Приильменье (по крайней мере южном) продолжает нарастать (Конецкий 1998: 236; Еремеев, Дзюба 2010; этому посвящен также первый том этой работы). Да и количество сопок по берегам Ильменя не так уж велико, а датировка их неясна. Кроме того, славянские поселения Центрального Приильменья в IX в., при всей своей многочисленности, едва ли обладали необходимым для такой экспансии демографическим потенциалом, а возможности внутренней колонизации центрального Приильменья были в IX в. еще очень велики. И самое главное — южный вариант культуры сопок (в верховьях Ловати) демонстрирует близость с древностями Смоленщины и Белоруссии, но никак не с материалами центра Новгородской земли (Еремеев, Дзюба 2010).

Наверное, истоки сопочной традиции действительно следует искать в норманнских больших курганах. Может быть, не в так называемых королевских

А-1989, А-1990, А-1991). Следует обратить внимание на следующие находки: 1. Присутствие керамики слабопрофилированных форм, характерных для КПДК и КТБ; 2. Большое количество (судя по иллюстрациям к отчету) находок на поселении биконических, так называемых, высоких пряслиц, типичных для культур третьей четверти I тыс. н.э. — банцеровской, колочинской, пеньковской и пражской (Терпиловский 1984: 33). На Северо-Западе такие изделия более характерны для древностей V–VIII вв. (Юрьевская Горка, Городок 1) (Исланова 1997: 49); 3. На поселении найден обломок лопасти бронзового пинцета с резко расширенными концами. Пик распространения этих изделий в Восточной Европе приходится на V–VII вв. (Седов 1999: 103–105). Имеются данные об их бытовании в VIII–IX вв. В комплексах X в. такие пинцеты неизвестны; 4. Малое количество найденных на поселении бус. Этот факт кажется нам особенно значимым. При большой раскопанной площади (вскрыто более 1600 м²) бус найдено всего 9 экз. Лишь 5 из них — привозные, стеклянные (все это мелкие невыразительные пронизки). Остальные сделаны на месте из подручного материала (кость, глина). При этом надо заметить, что на раскопе осуществлялась промывка культурного слоя из комплексов. Такое малое количество бус для поселения, находившегося на одной из крупнейших водных артерий в конце IX–X вв., кажется нам крайне маловероятным. Наши исследования памятников IX–X вв. чуть южнее, на Западной Двине и в бассейне Куньи, значительно более скромные по масштабам, дали десятки стеклянных украшений. Ту же картину можно наблюдать в Помостье, Полужье, Поволховье — всюду, где есть сопки. Таким образом, допустимый хронологический интервал в пределах которого существовало поселение, может быть сдвинут вниз и существенно расширен до VII–IX вв. Что же касается находки единственного раннегончарного обломка, то он, возможно, указывает на существование поблизости участка более позднего культурного слоя, которому и сопутствовала сопка. Окончательно решить вопрос о датировке можно будет только после полной публикации памятника автором раскопок.

⁶⁷ В этом отношении, может быть, следует пристальнее взглянуть в материалы раскопок селища Губинская Лука. Рубежом IX/X — первой половиной X в. датирует памятник В. Я. Конецкий (1992: 50; 1994а: 141). Аргументами в пользу этой точки зрения являются с одной стороны — фиксация на поселении одного (!) фрагмента раннегончарной керамики, с другой стороны — находка в находящейся неподалеку сопке достаточно позднего набора бус — сердоликовой 14-гранной и трехчастной золотостеклянной пронизки. Пронизки имеют широкую датировку (VIII–XI вв.) (Львова 1968: 84–85). Что же касается многогранных сердоликовых бус, то начало их распространения на Северо-Западе, судя по материалам Старой Ладоги, относится лишь ко второй половине IX в. (горизонт E₁) (Давидан 1998: 124; Рябинин 1982: 171). Мне представляется, что эти материалы недостаточны для датировки самого поселения концом IX–X в. Комплекс его находок выглядит очень архаично для новгородских сопок (Конецкий

курганах, а в загадочных «пустых» насыпях — не содержащих погребений. В Скандинавии они соорудились на протяжении почти всего I тыс. н. э. С сопками их сближают различные каменные конструкции; во многих скандинавских больших курганах этого типа, так же как и в сопках, известен деревянный центральный столб (Andersen 1951: 133, fig. 3, 13, 14, 15, 16, 17, 18). Уплотненные вершины скандинавских больших «пустых» курганов (по мнению некоторых исследователей, они использовались для общественных ритуальных действий) напоминают насыпи-платформы, лежавшие в основании многих сопкок Поволховья и других областей Северо-Запада (Кузьмин 1999; 2000).

Признание скандинавских истоков традиции вовсе не означает автоматического признания истоков ладожских. «Ладогоцентристские» концепции распространения сопкок, возможно, преувеличивают культурно-историческую роль этой торговой фактории второй половины VIII–IX в. на северной окраине славянского мира. Неизбежно возникает вопрос, какая историческая сила стоит за скромной округой, давшей столь своеобразный культурный толчок огромной территории лесной зоны Европейской России? Вероятный вариант ответа дал А. Д. Мачинский, принадлежавший к сторонникам ладожско-норманнской теории происхождения сопкок. Распространение их по территории Северо-Запада исследователь связывает с централизованной военно-экономической активностью волховской Руси — гипотетичного северорусского, в значительной степени норманнского, протогосударства первой половины IX в. с центром в Ладоге, каганата *Rhos* Бертинских анналов (Мачинский, Мачинская 1988: 45–47). Распространение сопкок происходит, по его мнению, в процессе освоения этой ранней Русью северной части Каспийско-Волжского и Черноморско-Донского торговых путей. Позиция А. Д. Мачинского на более высоком источниковедческом уровне повторяет очертаения концепции А. А. Спицына. В этом случае вновь перед глазами возникает стройная историческая картина — группы норманнов-руси в лесной зоне захватывают ключевые пункты на Волжском и Донском путях поступления в Северную Европу арабского серебра. В образующихся локальных торгово-административных центрах появляются первые сопки. Из этих пунктов, как круги по воде, новая традиция распространяется далее вплоть до глухих уголков Новгородчины, Смоленщины, Псковщины. Без этой гипотетичной ранней Руси идея распространения сопкок в IX в. из одного центра, пусть даже такого яркого как Ладога, как нам кажется, не является убедительной. И недаром В. Я. Конецкий, выдвинув вышеупомянутую идею славянского расселения из Центрального Приильменья, позднее предположил в ос-

нове распространения сопкок «импульсы ладожского населения, причиной которых были кризисные ситуации в Ладоге», возникшие в связи с ростом экспансии викингов в 840-е гг. (Конецкий 1994: 55).

Идея о связи сопкок с русью перспективна, но едва ли Ладога была единственным пунктом зарождения сопкок. «Импульсы ладожского населения» в случае, если они имели место, в социально-демографическом отношении были, конечно, ничтожны в масштабах Северо-Запада. Более правильно, наверное, считать Ладогу одним из элементов структуры, породившей сопки, и надо, вероятно, попробовать отыскать другие составляющие этой структуры. Представляется допустимой гипотеза о существовании в Восточной Европе не одного, а ряда локальных очагов возникновения «сопочной» традиции, вероятно, культурно и исторически взаимосвязанных. В таком случае, центрами формирования «сопочной» обрядности будут области на ключевых участках речных путей, куда скандинавы (или скорее норманизированные полиэтничные группы «находников» — русь) начали проникать уже в IX в. (возможно, и в VIII в.). Эти области были в то же время и опорными пунктами славянской колонизации. В качестве таких областей могут выступать в первую очередь, конечно, Поволховье, Помостье⁶⁸, низовья р. Великой (Александров 1990; Белецкий 1986; Харлашов 1994), Холмское Половатье, районы Смоленского и Псковского Подвинья. О раннем (IX в.) присутствии здесь скандинавов говорят, возможно, известные норманнские находки в Торопце, опубликованные Г. Ф. Корзухиной) (Корзухина 1964) и недавно открытое поселение Шниткино (Стефутин 2018). На Торопу русь и норманны попадали скорее всего из района Холма. Не исключено, что в список следует добавить и Смоленское Поднепровье с верховьями Сожа.

6.2.7. Социальный аспект проблемы

Проблема сопкок тесно связана в историографии с изучением структуры восточнославянского общества. Здесь наблюдается противостояние двух концепций, уходящих корнями в 1930-е гг. Первая из них, разработанная П. Н. Третьяковым, рассматривает сопки как родовые усыпальницы сельских общин (Седов 1970: 32; 1999: 160). Представляется, что эта концепция не в состоянии объяснить *быстроту* распространения сопкок по огромной территории лесной полосы Европейской России.

Вторая точка зрения впервые высказана В. С. Пономаревым. Появление сопкок было связано им с вы-

⁶⁸ На одной из Новгородских археологических конференций во время дискуссии В. Л. Яниным высказано предположение о зарождении сопочной обрядности в Помостье.

делением в восточнославянской среде «родовых старейшин, племенных князей и их дружинников» (Пономарев А-1938). Данную позицию разделял Е. Н. Носов (Носов 1992: 11; 1994: 3–4) и отстаивают В. Я. Конецкий (Конечский 1994: 55) и Н. И. Петров (Петров 1999: 20), в научных построениях которых распространение сопок жестко связано с положением о распаде в IX–X вв. в восточнославянской среде родоплеменных отношений и о выделении в сельских общинах социальных слоев, «для которых возведение сопок стало важным элементом утверждения своего престижа и могущества» (Носов 1992: 11; 1994: 3–4). Зерно скандинавской традиции возведения больших курганов пало на благодатную почву, совпав по времени с повсеместным стремлением «сельской общинной верхушки» утвердить свою общественную значимость. Таким образом, становится как будто понятной молниеносность и широта распространения сопок. Для их объяснения, в данном случае, не требуется делать упор на Центральное Приильмень и Поволховье как перевалочные базы славянской колонизации Северо-Запада.

К выводу о высоком социальном статусе погребенных привела исследователей малочисленность захоронений в сопках в сочетании с трудоемкостью их возведения (Конечский 1989: 142; 1993: 11; 1995: 55). Попытка продемонстрировать социальную дифференциацию общества на материалах Губинской Луки, раскопанного большой площадью селища близ сопки, предпринята В. Я. Конечским. Тут вскрыты остатки крупной, с обширным подпольем, постройки, интерпретированной как жилище главы семейной общины, и несколько подпольных котлованов от небольших построек. Все это, по мнению автора раскопок, свидетельствует о «социальной дифференциации внутри общины» (Конечский 1994а: 142). В. Я. Конечский сопоставляет планировочную структуру поселения с новгородской усадьбой середины — второй половины X в. Однако очень немногочисленный вещевой инвентарь селища нельзя считать прочной основой для таких выводов, так же, как и материалы погребальных древностей Губинской Луки⁶⁹.

⁶⁹ Материалы раскопок на Губинской Луке допускают различные трактовки планировки поселения. Характерные сочетания находок, позволяющие более или менее уверенно интерпретировать материковые ямы как основания жилых построек (бусы, пряслица, изделия из цветных металлов в сочетании с большим количеством керамики), найдены только в двух комплексах — «большом доме» и находящейся рядом с ним небольшой округлой яме. Возможно, мы имеем здесь дело лишь с одной жилой постройкой, окруженной хозяйственными сооружениями. Спорна параллель селищенским материалам, увиденная автором раскопок в погребальных памятниках Губинской Луки. Сопке, как месту захоронения представителей социальной верхушки (обитателей «большого дома»),

Логическая цепочка «огромные трудозатраты — малое количество погребений — погребения родовой аристократии» неоспорима. Археология знает немало примеров гигантских сооружений, иррациональных с современной точки зрения. В сопках в качестве «основных» погребений встречаются детские и женские захоронения, кости животных (напр.: Конечский 1994а: 141). Инвентарь захоронений, как правило, скромный и не позволяет уверенно говорить о высоком статусе мертвецов. Несомненно, в Северной Руси IX–X вв. значительные сокровища сосредоточились в руках племенной верхушки. Основой ее обогащения послужила восточная торговля и походы первых князей на Византию. Но престижные ювелирные изделия и дорогое вооружение в сопках единичны. Это особенно заметно при сравнении сопок и североевропейских больших курганов. Да и на фоне известных древнерусских «дружинных» древностей X — начала XI в., связь которых с элитой очевидна, сопки не дают веских оснований для аналогичных выводов. Восточнославянское общество в последней четверти I тыс. н. э., несомненно, стремительно стратифицировалось. Но сопки были явлением сельской жизни, а насколько далеко зашло социальное расслоение рядовых сельских общин Северо-Запада в VIII–IX вв.? Тезис о такой глубокой социальной стратификации всегда вызывал сомнения (Фроянов 1992: 33; Кальмер 1999: 154; Кузьмин 1999: 95).

Распространение сопок совпало с появлением нового этноса — руси, и стало проявлением того взрыва социальной и религиозной энергии, который сопровождает эпоху рождения и расцвета каждого этнического сообщества. Попытка проникнуть в эту

В. Я. Конечский, а вслед за ним Н. И. Петров противопоставляют обнаруженный на краю поселения «каменный круг» — по предположению В. Я. Конечского, место захоронения рядовых членов общины (хозяев малых построек) (Конечский 1994а: 141, 142; Петров 1993: 80). В данном случае не достаточно обоснованно применение термина «каменный круг» по отношению к сооружению, представлявшему, по описанию автора раскопок, «низкую плоскую насыпь диаметром около 12 м, окруженную по периметру кольцом из камней» (Конечский 1994а: 141). Сооружение было окружено ровиком и содержало остатки сожжения на стороне (в переотложенном виде найдено до 150 г костей). Добавим, что высота насыпи, санилированной распашкой, реконструирована быть не может. Перед нами остатки кургана с каменной обкладкой основания. Подобные курганы, содержавшие немногочисленные индивидуальные сожжения, известны в бассейне Ловати, хотя, судя по скудным сведениям о них, не были там распространенным явлением (Глазов 1903: 52). Видеть в них отражение «массового погребального обряда населения культуры сопок» нет оснований. Двойственность погребальных древностей урочища Губинская Лука имеет, вероятно, другие объяснения, возможно, хронологического характера.

область *мифического* выразилась в еще одной точке зрения на назначение монументальных насыпей VIII–X вв. Импульсом для ее развития послужили разработки В. Я. Конечким (1989) гипотезы о культовом назначении сопки, наряду с их ролью усыпальниц родоплеменной знати. Идея, отпочковавшаяся от комплексной концепции автора, зажила самостоятельной жизнью. Некоторыми исследователями сопки рассматриваются как «языческие храмы» — родовые святилища со следами жертвоприношений, в том числе человеческих (Фролов 1994: 47; Кузьмин 1999: 95; Петров 1999: 29). В пользу этого говорят сложные ритуальные действия, связанные с сооружением сопки, отсутствие в некоторых из них погребений, жертвоприношения, явное несоответствие в некоторых случаях социального ранга погребенных пышному обряду (захоронения малолетних детей). Наличие в сопках захоронений не противоречит господству культовых функций высоких насыпей, как не противоречат погребения в христианских храмах их культовому назначению. Особый социальный статус людей, останки которых помещались в сопки, может быть обусловлен не их принадлежностью к социальной верхушке, а их связью с языческими культурами. В сопках могли захоранивать, например, жрецов (Исланова 1997: 110).

Едва ли назначение сопки станет окончательно понятно прежде, чем будут исследованы могильники основной массы славянского сельского населения VII–X вв., до сих пор широко не выявленные. Вместе с тем становится все более ясно, что вопрос о происхождении сопки затруднительно решить на материалах только лишь Северо-Запада. Идея большого кургана периодически возникала у различных народов Европы, начиная с эпохи бронзы. Сопки являются одним из этапов развития этой идеи, и изучение их как изолированного явления малоперспективно. Рассмотрение феномена сопки в общеевропейском контексте могло бы существенно продвинуть вперед работу.

6.3. Сопки Северного Поволжья VIII–X вв.

Умерло множество народу, и всех, кто только мог на это претендовать, перенесли в курган, поскольку Олав конунг велел людям прямо с тинга отправляться насыпать необычайно большой курган, а еще жители страны соорудили изгородь, как он им посоветовал. <...> Сбылось и то, что в последнюю очередь встретила смерть дружина и ее препроводили в курган. Самым последним умер Олав конунг, и его немедля вместе с большими богатствами положили рядом с его людьми, и после этого курган был закрыт вновь. Тогда мор пошел на убыль. Затем случились великий урожай и голод. Тогда было принято решение, что они начнут приносить жертвы Олаву конунгу, чтобы он послал им урожай...

*Прядь об Олаве Альве Гейрстадира*⁷⁰

Для решения вопроса о происхождении сопки наибольшее значение имеют памятники Старой Ладogi. Результаты раскопок Н. Е. Бранденбурга, С. Н. Орлова, В. П. Петренко, В. А. Назаренко, Е. Н. Носова и С. Л. Кузьмина можно попробовать сравнить с большими насыпями Центральной Швеции. Ведущая роль в систематизации материалов ладожских сопки принадлежит В. П. Петренко, итоговая нумерация которого используется мной в работе. Для проверки его выводов в ряде случаев приходится возвращаться к работам его предшественников: Н. Н. Черныгина (А-1929), Г. Ф. Корзухиной (А-1965), С. Н. Орлова (А-1968б) В. А. Назаренко (А-1970). По мере знакомства с материалом я все глубже погружался в сомнения.

Возможна ли точная привязка насыпей, раскопанных Н. Е. Бранденбургом, не говоря уже о раскопках З. Я. Ходаковского, А. С. Уварова или Д. П. Европеуса? Привязки строятся на цепочках допущений, проверить которые часто невозможно. Что из себя представляли раскопы всех указанных лиц? Всегда ли Н. Е. Бранденбург нумеровал свои курганы строго снизу вверх по течению Волхова? Действительно ли он не стал бы копать насыпи, уже несшие следы раскопок, ведь в некоторых случаях он отмечает разнообразные повреждения (курганы СXXXV, СXLIII, СXLV)? На эти вопросы внятных ответов нет. Чтобы понять, как по-разному видели курганные группы исследователи даже с единым базовым образованием достаточно сравнить планы Победища, снятые В. А. Назаренко и В. П. Петренко с разницей в несколько лет. Вряд ли можно доверять и обмерам — ведь главная цель древних строителей сопки была придать

⁷⁰ Исландские пряди 2017: 204.

насыпи монументальность при максимальной экономии средств. Поэтому насыпи часто возводились на наклонных поверхностях, на краях возвышенностей. Как в таких случаях описывать их высоту? На этот вопрос нелегко ответить даже при инструментальной съемке. Поэтому я попробую строить свой обзор, взяв за основу версии В. П. Петренко, но не принимая их как догму. Лучше всего вообще рассматривать данные Н. Е. Бранденбурга и В. П. Петренко по отдельности, не прибегая, как последний, к комбинированным планам, смонтированным из планов раскопок разных исследователей (табл. 51)⁷¹.

Первые обитатели Ладожского мыса и Земляного Городища, видимо, хоронили своих сожженных покойников в грунтовых могильниках, подобных тем, что известны в киевской культуре, а позже — в тушемлинско-банцеровских и пражских древностях, а также при поселениях третьей четверти I тыс. н. э. на Мсте (Кобылья Голова) (Орлов А-1966), Верхней Ловати (Фурасьев, Лопатин 2007) и в Верхнем Полужье (Платонова 2021). Бескурганые погребения известны в кривичском ареале и позже, в в IX–X вв. Такой грунтовый могильник (в 1938 и 1948 гг. изучено 9 погребений) открыт на южной периферии Земляного Городища на левом берегу Волхова. Могильник перекрыт культурным слоем IX–X вв. и датируется более ранним временем, т. е. по крайней мере VIII–IX вв. (Орлов 1941; 1960; Равдоникас 1945: 41; Корзухина А-1965: л. 181)⁷².

Поиск истоков традиции сопок в Скандинавии требует систематического подхода. Во-первых, необходимо последовательно проанализировать элементы сходства и различия между большими курганами Швеции и сопками Поволжья. Во-вторых, для того, чтобы говорить о заимствовании, нужно определить хронологический стык между сравниваемыми древностями Средней Швеции и Поволжья. В-третьих,

⁷¹ Цветом выделены исследованные раскопками могильники, рассмотренные ниже для сравнения со шведскими большими курганами. Количество курганов указано по данным второй половины XX в. При описании сопок Нижнего Поволжья мною взята за основу система В. П. Петренко, не лишенная противоречий и неясностей. Особенно это касается количества больших курганов. Разные исследователи часто описывали их по-разному, причисляя то к одной, то к другой группе. При этом количество курганов и их внешний вид постоянно менялись как из-за раскопок, так и в результате природных и грабительских разрушений (подробный анализ сложностей: Корзухина А-1965; Назаренко А-1970). Углубляться здесь в проблемы микротопографии Ладоги будет излишним, поскольку в масштабах Ильмень-Волховского региона возникающие погрешности невелики. Итоговое число сопок в таблице является приблизительным.

⁷² О вероятной связи могильника с населением, послужившем подосновой КПДК и Тушемли-Банцеровщины: Петров, Фурасьев 1995.

необходимо дать объяснение — каким образом произошло перенесение традиции в Восточную Европу. Ведь ни в Прибалтике, ни в Финляндии, находившихся под сильным скандинавским влиянием, а то и имевших целые шведские колонии (например, Гробиня), традиция больших курганов не получила распространения.

Для того, чтобы выполнить эту работу, следует сначала очертить круг восточноевропейских источников, рассмотрев их строение и хронологию. Возьмем описания 18 комплексов, известных в Поволжье по раскопкам З. Ходаковского, Н. Е. Бранденбурга, В. А. Назаренко, В. П. Петренко и Е. Н. Носова (табл. 51). Специфика материала в том, что раскопки большинства сопок отличает низкое качество полевой документации. Если прибавить к этому, что некоторые курганы в разные годы копались несколькими исследователями и привязки раскопок разных лет к одним и тем же памятникам не всегда бесспорны, мы получим весьма специфический источник, в отношении к которому следует соблюдать предельную осторожность в выводах, особенно хронологических.

6.3.1. Урочище Сопки/Велеша

Цепочка сопок вытянута по краю коренного левого берега Волхова между пос. Старая Ладога и д. Велеша (ныне не существует) на протяжении приблизительно 700–800 м. Разные исследователи включают в эту группу различное количество насыпей. Н. Е. Бранденбург сообщает о 13 курганах (группа «гг»), включая сюда два кургана на правом берегу р. Ладожки, насыпи близ Малышевой горы и сопку возле Успенского монастыря (Бранденбург 1895: 135; Павлова 2021: 217). Другие исследователи указывают 12 (Лебедев, Седых 1985: 16) или 11 сопок (Репников 1904: 57; Назаренко А-1970: табл. 2). Вдаваться в эти детали, подробно рассмотренные в недавней работе М. С. Павловой, мы не будем. По данным В. П. Петренко, относившем к цепочке 9 насыпей, могильник делится на три группы: северную — № 3 (3 сопки); центральную — № 4 (2 сопки) и южную — № 5 (4 сопки) (Петренко 1994: рис. 4). Эту цепочку из девяти сопок можно считать единым родовым могильником.

Одна сопка здесь раскопана З. Ходаковским, две — Н. Е. Бранденбургом (Бранденбург 1895: 135), две насыпи — С. Н. Орловым (на снос)⁷³. В 1975 г. два

⁷³ Всего в группе «гг» по Н. Е. Бранденбургу этим исследователем раскопано четыре кургана. Две насыпи на левом берегу р. Ладожки (СXXXIII и СXXXIV) содержали древнерусские труположения. Однако, в насыпи СXXXIII найдены две ладейные заклепки, что позволяет предположить, что курган относится к более раннему времени. Надо полагать, курганы VIII–X вв. использованы в древнерусское время (судя по браслету в одном из погребений, в XI–XII вв.) для впускных захоронений.

Табл. 51. Большие курганы (сопки) Ильмень-Волховского региона (рис. 17)

№1	Административная принадлежность	Топоним	Характер памятника, (число сопок)	Источники и комментарии
1	Новгородская обл., Новгородский р-н	Наволоок, д.	Сопка	Еремеев 1995: 66; Памятники истории 1999: 150 (п. 63); Еремеев, Лисицына 2004: 48, 49
2	Новгородская обл., Новгородский р-н	Ямно, ур.	Сопка	Романцев 1911: 57; Отчеты 1913: 165; Чернягин 1941: 119 (п. 339); Седов 1970: 43 (п. 314); Еремеев 1995: 66; Анкудинов 2005: 201
3	Новгородская обл., Новгородский р-н	Бронница, пос.	Группа сопок (не менее 2)	Паллас 1809: 9; Материалы 1886: 387
4	Новгородская обл., Новгородский р-н	Балоджи (Баложа), д.	Сопка	Седов 1970: 39 (п. 181); Памятники истории 1999: 144 (п. 2); Паспорт
5	Новгородская обл., Новгородский р-н	Вейско, д.	Сопка Группа сопок (2)	Романцев 1911: 44; Памятники истории 1999: 145 (п. 11–14); Носов А-1984
6	Новгородская обл., Крестецкий р-н	Вязинка, д.	Сопка	Романцев 1911: 44
7	Новгородская обл., Парфинский р-н	Теребуша, д.	Сопка	Романцев 1911: 55
8	Новгородская обл., Парфинский р-н	Городок, д.	Сопка Группа сопок (не менее 2)	Кулжинский 1861: 155; Романцев 1911: 45; Чернягин 1941: 115 (п. 251); Седов 1970: 39 (п. 177); Памятники истории 1999: 171 (п. 9)
9	Новгородская обл., Парфинский р-н	Бучки, д.	Сопка	Романцев 1911: 43
10	Новгородская обл., Парфинский р-н	Сельцо, д.	Сопка	Романцев 1911: 54
11	Новгородская обл., Парфинский р-н	Григорово, ур.	Сопка	Романцев 1911: 45; Мильков А-1981
12	Новгородская обл., Парфинский р-н	Олисово, д.	Сопка	Романцев 1911: 51; Чернягин 1941: 115 (п. 250); Седов 1970: 39 (п. 179); Памятники истории 1999: 173 (п. 24); Мильков А-1981
13	Новгородская обл., Парфинский р-н	Рябутки, д.	Группа сопок (10)	Седов 1970: (п. 180); Памятники истории 1999: 173, 174 (п. 28); Мильков А-1981; Еремеев А-2004
14	Новгородская обл., Парфинский р-н	Росстани, д.	Сопка	Памятники истории 1999: 173 (п. 26); Мильков А-1981
15	Новгородская обл., Парфинский р-н	Заполье, ур.	Сопка	Сведения местных жителей 2005 г.
16	Новгородская обл., Парфинский р-н	Сопки, ур.	Сопка	Еремеев А-2004
17	Новгородская обл., Парфинский р-н	Дуброво (Дубровы), д.	Группа сопок (2) Группа сопок (2)	Романцев 1911: 70; Чернягин 1941: 116 (п. 252); Седов 1970: 39 (п. 178); Памятники истории 1999: 172 (п. 10, 11); Мильков А-1981
18	Новгородская обл., Парфинский р-н	Лутовня, ур.	Сопка	Памятники истории 1999: 173 (п. 20); Мильков А-1981
19	Новгородская обл., Парфинский р-н	Лоринка, Шершовка, дд.	Сопка Группа сопок (2)	Романцев 1911: 73, 79; Памятники истории 1999: 172–174 (п. 17–19, 35); Мильков А-1981
20	Новгородская обл., Парфинский р-н	Щечково Малое, д.	Группа сопок (2)	Романцев 1911: 79; Смирнов 1931: 107, 108; Памятники истории 1999: 174 (п. 36); Данные инвентаризации 1992 г.
21	Новгородская обл., Парфинский р-н	Мануйлово, д.	Сопка	Романцев 1911: 74; Смирнов 1931: 107; Памятники истории 1999: 173 (п. 21); Мильков А-1981

№ ¹	Административная принадлежность	Топоним	Характер памятника, (число сопок)	Источники и комментарии
22	Новгородская обл., Старорусский р-н	Подтеремье, Лунышино, дд.	Сопка	Романцев 1911: 75; Памятники истории 1999: 201 (п. 31); Гей А-1981
23	Новгородская обл., Старорусский р-н	Борисово, д.	Сопка	Памятники истории 1999: 198 (п. 2)
24	Новгородская обл., Волотовский р-н	Язвино, д.	Сопка	Романцев 1911: 79; Памятники истории 1999: 61 (п. 47); Данные инвентаризации 1992 г.
25	Новгородская обл., Волотовский р-н	Парник, д.	Сопка	Кулжинский 1861: 152; Романцев 1911: 74; Памятники истории 1999: 60 (п. 37); Данные инвентаризации 1992 г.
26	Новгородская обл., Старорусский р-н	Старое Солобско, д.	Сопка	Кулжинский 1861: 151; Романцев 1911: 77; Седов 1970: 39 (п. 171); Памятники истории 1999: 203 (п. 50, 51); Пронин А-1979
			Сопка	
27	Новгородская обл., Старорусский р-н	Устрека, д.	Сопка	Романцев 1911: 67; Ершевский 1970: 17; Ершевский, Конецкий 1985: 61–65; Конецкий, Носов 1985: 42; Памятники истории 1999: 203, 204 (п. 52–55); Мильков А-1982; Данные инвентаризации 1992 г.
28	Новгородская обл., Солецкий р-н	Городок, д.	Группа сопок (2)	Памятники истории 1999: 193 (п. 11, 12, 14, 15); Орлов А-1969; Данные инвентаризации 1992 г.
29	Новгородская обл., Солецкий р-н	Сосновка, д.	Сопка	Памятники истории 1999: 195 (п. 33); Орлов А-1969: 43, 63
30	Новгородская обл., Солецкий р-н	Замостье, д.	Сопка	Памятники истории 1999: 194 (п. 22); Данные инвентаризации 1992 г.
			Группа сопок (2)	
31	Новгородская обл., Волотовский р-н	Учно, д.	Сопка	Памятники истории 1999: 61 (п. 45); Данные инвентаризации 1992 г.
32	Новгородская обл., Солецкий р-н	Выбити, Уполозы, дд.	Сопка	Кулжинский 1861: 152; Романцев 1911: 68, 78; Чернягин 1941: 118 (п. 301); Седов 1970: 38 (п. 154, 153); Памятники истории 1999: 192, 196 (п. 7, 8, 37); Данные инвентаризации 1992 г.
			Сопка	
33	Новгородская обл., Солецкий р-н	Велебицы, д.	Сопка	Романцев 1911: 58
34	Новгородская обл., Шимский р-н	Любыни, д.	Группа сопок (2)	Кулжинский 1861: 151; Передольский А-1891; Памятники истории 1999: 236 (п. 29–32); Данные инвентаризации 1992 г.
			Сопка	
35	Новгородская обл., Шимский р-н	Дуброво, д.	Сопка	Памятники истории 1999: 234, 235 (п. 16–18); Мильков А-1980; Данные инвентаризации 1992 г.
			Сопка	
36	Новгородская обл., Шимский р-н	Солоницко, д.	Группа сопок (2)	Кулжинский 1861: 150; Романцев 1911: 77; Памятники истории 1999: 238 (п. 45–49); Пронин А-1980; Мильков А-1980; Данные инвентаризации 1992 г.
			Группа сопок (3)	
			Сопка	
37	Новгородская обл., Шимский р-н	Подгощи, д.	Группа сопок (4)	Кулжинский 1861: 150; Рерих 1899; Романцев 1911: 75; Alexandrov, Tallgren 1930; Памятники истории 1999: 237 (п. 41–43); Мильков А-1980; Данные инвентаризации 1992 г.
			Сопка	
38	Новгородская обл., Шимский р-н	Коломо, д.	Группа сопок (2)	Романцев 1911: 71; Конецкий 1983; 1984а; 1985; Памятники истории 1999: 325 (п. 19); Мильков А-1980; Данные инвентаризации 1992 г.
39	Новгородская обл., Шимский р-н	Горцы, д.	Сопка	Кулжинский 1861: 151; Богданов 1879: 462; Романцев 1911: 69; Памятники истории 1999: 234 (п. 8–10); Пронин А-1980; Мильков А-1980; Данные инвентаризации 1992 г.
			Сопка	

№ ¹	Административная принадлежность	Топоним	Характер памятника, (число сопок)	Источники и комментарии
40	Новгородская обл., Шимский р-н	Витонь Большая, д.	Группа сопок и курганов (5)	Кулжинский 1861: 151; Романцев 1911: 68; Памятники истории 1999: 233 (п. 5, 6); Мильков А-1980; Данные инвентаризации 1992 г.
41	Новгородская обл., Шимский р-н	Витонь Малая, д.	Сопка	Кулжинский 1861: 151; Путятин А-1894; Романцев 1911: 68; Памятники истории 1999: 233 (п. 7); Данные инвентаризации 1992 г.
42	Новгородская обл., Шимский р-н	Бор, д	Сопка	Памятники истории 1999: 233 (п. 2–4); Пронин А-1980
43	Новгородская обл., Шимский р-н	Шимск, пос.	Сопка	Романцев 1911: 66
44	Новгородская обл., Шимский р-н	Турская Горка, д.	Группа сопок (3)	Памятники истории 1999: 239 (п. 53); Пронин А-1980; Мильков А-1980; Данные инвентаризации 1992 г.
45	Новгородская обл., Шимский р-н	Плосково, д.	Сопка	Памятники истории 1999: 237 (п. 37–40); Пронин А-1980; Мильков А-1980; Данные инвентаризации 1992 г.
46	Новгородская обл., Шимский р-н	Старый Медведь	Сопка	Кулжинский 1861: 150; Романцев 1911: 61; Памятники истории 1999: 238 (п. 50, 52); Данные инвентаризации 1992 г.
47	Новгородская обл., Новгородский р-н	Базловка, д.	Сопка	Романцев 1911: 57; Носов 1991: 22 (п. 43); Носов А-1985; Памятники истории 1999: 144 (п. 1)
48	Новгородская обл., Новгородский р-н	Окатово, д	Сопка	Носов 1991: 22 (п. 42); Памятники истории 1999: 150 (п. 65); Носов А-1985
49	Новгородская обл., Новгородский р-н	Завал, д.	Сопка Сопка	Седов 1970: 39 (п. 173); Носов 1991: 21, 22 (п. 39–41); Памятники истории 1999: 148 (п. 39); Орлов А-1958; Носов, Плохов А-1989
50	Новгородская обл., Новгородский р-н	Любоежа, д.	Сопка ²	Орлов А-1941; Седов 1970: 39 (п. 174); Носов 1991: 19 (п. 30, 31); Памятники истории 1999: 149 (п. 55, 56); Носов А-1982
51	Новгородская обл., Новгородский р-н	Горошково, д.	Сопка	Седов 1970: 39 (п. 175); Носов 1991: 19, 20 (п. 32, 33); Памятники истории 1999: 146 (п. 27, 28)
52	Новгородская обл., Новгородский р-н	Мосеевичи (Моисеевичи), д.	Сопка	Романцев 1911: 166; Памятники истории 1999: 149 (п. 57)
53	Новгородская обл., Новгородский р-н	Береговые Морины, д.	Сопка	Романцев 1911: 62; Седов 1970: 39 (п. 176); Носов 1991: 16 (п. 23, 24); Памятники истории 1999: 144 (п. 3, 4); Носов А-1978; А-1982а
54	Новгородская обл., Новгородский р-н	Перынь, ур.	Группа сопок (3)	Седов 1953; 1954; 1956; Кузьмин 1995; Конечкий 1995а; Васильев 1999; Носов, Плохов 2002
55	Новгородская обл., Новгородский р-н	Спас-Нередица, д.	Сопка	Романцев 1911: 62; Конечкий 1980; 1981; 1984: 158; 2000а; Памятники истории 1999: 153 (п. 89)
56	Новгородская обл., Новгородский р-н	Мшашка, р., Савино, д.	Группа сопок (3)	Носов 1991: 23 (п. 48–50); Памятники истории 1999: 151, 152 (п. 78–80)
57	Новгородская обл., Новгородский р-н	Волотово, д.	Сопка Группа сопок (не менее 3)	Ходаковский 1839: 171–173, 1844: 372; Богданов 1879: 463; Романцев 1911: 58; Строков, Богусевич 1939: 92; Чернягин 1941: 120 (п. 340); Седов 1970: 43 (п. 315); Носов 1991: 11 (п. 5–7); Памятники истории 1999: 145 (п. 16, 17); Анкудинов 2005: 187–189; Носов А-1982
58	Новгородская обл., Новгородский р-н	Ушерска, д	Сопка Группа сопок (3)	Ходаковский 1839: 174; Богословский 1878: 206; Богданов 1879: 462; Романцев 1911: 65; Чернягин 1941: 120 (п. 341); Седов 1970: 43 (п. 318); Носов 1991: 11 (п. 8); Анкудинов 2005: 189

№ ¹	Административная принадлежность	Топоним	Характер памятника, (число сопок)	Источники и комментарии
59	Новгородская обл., Новгородский р-н	Родионово (Радиваново), д.	Группа сопок (3)	Ходаковский 1839: 174; Богословский 1878: 205; Романцев 1911: 63; Чернягин 1941: 120 (п. 342); Седов 1970: 43, 44 (п. 317); Носов 1991: 11 (п. 9, 10); Памятники истории 1999: 151 (п. 75); Анкудинов 2005: 193
60	Новгородская обл., Новгородский р-н	Деревяницы, д	Сопка	Конецкий 1984а; Конецкий, Носов 1985: 100–115; Носов 1991: 12, 13 (п. 12, 13)
61	Новгородская обл., Новгородский р-н	Хутын, ур.	Сопка	Седов 1970: 43 (п. 316); Булкин, Седых, Штендер 1985; Фомин 1987: 56–57; Носов 1991: 13, 14 (п. 14–16); Памятники истории 1999: 153, 154 (пп. 95–100); Носов А-1978; А-1982
			Сопка	
			Сопка (?)	
62	Новгородская обл., Новгородский р-н	Слутка, д.	Сопка	Носов 1991: 15 (п. 18); Памятники истории 1999: 152 (п. 88); Анкудинов 2005: 199; Носов А-1985
63	Новгородская обл., Новгородский р-н	Воцкое (Водское), д.	Сопка	Ходаковский 1839: 158; Чернягин 1941: 120 (п. 343); Седов 1970: 44 (п. 319)
64	Новгородская обл., Новгородский р-н	Кирилловка, д.	Сопка	Памятники истории 1999: 148 (п. 46, 47)
65	Новгородская обл., Новгородский р-н	Глебово, д.	Сопка	Кулжинский 1861: 150; Романцев 1911: 58
66	Новгородская обл., Новгородский р-н	Змейско, д.	Группа сопок (2)	Чернягин А-1929: л. 41–43; Чернягин 1941: 120 (п. 344); Орлов А-1963, 1966–1968, 1970: л. 18
67	Новгородская обл., Новгородский р-н	Ямно, д.	Группа курганов (сопок?)	Орлов А-1963, 1966–1968, 1970: л. 18
68	Новгородская обл., Чудовский р-н	Кузино, д.	Сопка	Орлов А-1963, 1966–1968, 1970: л. 18
69	Новгородская обл., Чудовский р-н	Званка, ур.	Сопка	Петренко 1991
70 П27	Новгородская обл., Чудовский р-н	Серебряницы, д.	Сопка	Седов 1970: 44 (п. 321); Петренко А-1979б: л. 3; Петренко 1994: 134
71 П26 – I	Ленинградская обл., Киришский р-н	Оснички, д.	Сопка	Чернягин А-1929: л. 29, 30; Чернягин 1941: 120 (п. 345); Седов 1970: 44 (п. 322); Петренко 1994: 134
72 П25-I-III	Ленинградская обл., Киришский р-н	Городище, д.	Группа сопок (3)	Петренко 1994: 134
73 П24-I-III	Ленинградская обл., Киришский р-н	Подсопье, д.	Группа сопок (3)	Орлов А-1968б; Чернягин 1941: 120 (п. 346); Седов 1970: 44 (п. 323); Петренко 1994: 133, 134
74 П23-I	Ленинградская обл., Волховский р-н	Вындин Остров, д.	Сопка	Репников 1904: 60; Чернягин А-1929: л. 24, 25; Чернягин 1941: 120 (п. 347); Орлов А-1968б; Седов 1970: 44 (п. 324); Петренко 1994: 133; Михайлова 2010б
75 П22-I	Ленинградская обл., Волховский р-н	Горка (Шкурина Горка), д.	Сопка	Чернягин 1941: 120 (п. 348); Орлов А-1968б: л. 8; Седов 1970: 325 (п. 325); Петренко 1994: 133
76 П21-I-III	Ленинградская обл., Волховский р-н	Волхов, г; (ц. Михаила Архангела)	Группа сопок (2)	Бранденбург 1895: 139–141; Репников 1904: 60; Чернягин А-1929: л. 21; Чернягин 1941: 120 (п. 349); Орлов А-1968б: 11; Седов 1970: 326 (п. 326); Петренко 1994: 132–133
77 П20-I	Ленинградская обл., Волховский р-н	Волхов, г.	Сопка	Орлов А-1968б: л. 9; Петренко 1994: 132
78 П19-I, II	Ленинградская обл., Волховский р-н	Волхов, г. (ГЭС)	Группа сопок (2)	Орлов А-1968б: л. 9; Петренко 1994: 132
79 П18-I, II	Ленинградская обл., Волховский р-н	Новые Дубовики, д.	Группа сопок (3)	Орлов А-1968б: л. 9–11; Петренко 1994: 132

№ ¹	Административная принадлежность	Топоним	Характер памятника, (число сопок)	Источники и комментарии
80 П17-I-IV	Ленинградская обл., Волховский р-н	Новые Дубовики, д.	Группа сопок (4)	Репников 1904: 60; Чернягин А-1929: л. 34–37; Гурина А-1952; Орлов А-1968б: л. 10, 11; Седов 1970: 44 (п. 328); Петренко 1994: 132; Кузьмин А-1997; Кузьмин 1994, 1997а, 1998
81 П16-I, II	Ленинградская обл., Волховский р-н	Симанково, д.	Группа сопок (2)	Репников 1904: 60; Орлов А-1968б: 11, 12; Петренко 1994: 132
82 П1-I-II	Ленинградская обл., Волховский р-н	Горчаковщина, д.	Группа сопок (2)	Орлов А-1968 б: 13, 14; Репников 1904: 57; Чернягин А-1929: л. 9, 10; Чернягин 1941: 122 (п. 359); Седов 1970: 45 (п. 336); Лебедев, Седых 1985: 15; Петренко 1994: 121
83 П2-I	Ленинградская обл., Волховский р-н	Горчаковщина, д.	Сопка	Орлов А-1968б: 13, 14; Чернягин А-1929: л. 10, 11; Чернягин 1941: 122 (п. 359); Седов 1970: 45 (п. 336); Лебедев, Седых 1985: 15; Петренко 1994: 121
84 П3-I-III	Ленинградская обл., Волховский р-н	Сопки/Велеша, ур.	Группа сопок (3)	Бранденбург 1895: 135; Репников 1904: 57; Чернягин А-1929: л. 1, 2; Чернягин 1941: 122 (п. 357); Орлов 1958; Орлов А-1968б: л. 15; Назаренко А-1970; Седов 1970: 45 (п. 335); Лебедев, Седых 1985: 16; Петренко 1994: 121
85 П4-I, II	Ленинградская обл., Волховский р-н	Сопки/Велеша, ур.	Группа сопок (2)	Бранденбург 1895: 135; Репников 1904: 57; Чернягин А-1929: л. 2; Чернягин 1941: 122 (п. 357); Орлов 1955; Орлов А-1968б: л. 15; Седов 1970: 45 (п. 335); Петренко А-1979; Петренко А-1979а; Лебедев, Седых 1985: 16; Петренко 1994: 121
86 П5-I-IV	Ленинградская обл., Волховский р-н	Сопки, ур.	Группа сопок (4)	Бранденбург 1895: 135; Репников 1904: 57; Чернягин А-1929: л. 3–5; Чернягин 1941: 122 (п. 357); Орлов А-1968б: л. 14, 15; Назаренко 1970: л. 7; Седов 1970: 45 (п. 335); Лебедев, Седых 1985: 16; Петренко 1994: 122
87 П6-I, II	Ленинградская обл., Волховский р-н	Малышева Гора	Группа сопок (2)	Бранденбург 1895: 135; Чернягин А-1929: л. 5–7; Орлов А-1968б: л. 14; Лебедев, Седых 1985: 17; Петренко 1994: 122
88 П7-I	Ленинградская обл., Волховский р-н	Успенский монастырь	Сопка	Бранденбург 1895: 135; Чернягин А-1929: л. 7, 8; Орлов А-1968б: л. 14; Лебедев, Седых 1985: 17; Петренко 1994: 122
89 П8-I	Ленинградская обл., Волховский р-н	Наволок, ур.	Сопка	Чернягин 1941: 122 (п. 359); Седов 1970: 45 (п. 337); Лебедев, Седых 1985: 17; Петренко 1994: 122, 123
90 П9-I-III	Ленинградская обл., Волховский р-н	Малое Чернавино, д.	Группа сопок (3)	Чернягин А-1929: л. 13–15; Чернягин 1941: 122 (п. 358); Репников 1904: 60; Лебедев, Седых 1985: 23; Петренко 1994: 123
91 П10-I-IV	Ленинградская обл., Волховский р-н	Плакун, ур.	Группа сопок (4)	Бранденбург 1895: 136; Репников 1904: 60; Чернягин А-1929: л. 13–15; Чернягин 1941: 122 (п. 358); Орлов 1955; Назаренко 1971; Лебедев, Седых 1985: 23; Петренко 1994: 123
92 П11-I	Ленинградская обл., Волховский р-н	Плакун, ур.	Сопка	Чернягин А-1929: л. 30–31; Чернягин 1941: 121 (п. 354); Корзухина А-1965: л. 1; Орлов А-1968б: л. 12, 13; Седов 1970: 45 (п. 331); Лебедев, Седых 1985: 23; Петренко 1994: 123, 124; Назаренко, Носов А-1971; Носов А-1972; Носов 1985; Михайлов 1995

№ ¹	Административная принадлежность	Топоним	Характер памятника, (число сопок)	Источники и комментарии
93 П12-I-IV	Ленинградская обл., Волховский р-н	Лопино, д.	Группа сопок (4)	Бранденбург 1895: 139; Репников 1904: 60; Чернягин А-1929: л. 11–13; Чернягин 1941: 121 (п. 353); Орлов А-1968б: л. 12; Седов 1970: 45 (п. 330); Лебедев, Седых 1985: 23; Петренко 1994: 124; Кузьмин А-1999
94 П13-I	Ленинградская обл., Волховский р-н	Старая Ладога	Большой овальный курган	Бранденбург 1895: 136, 137; Чернягин 1941: 121, 122 (п. 356); Лебедев, Седых 1985: 23; Петренко 1994: 124, 125
95 П14-I-IV	Ленинградская обл., Волховский р-н	Победище, ур.	Группа сопок (4)	Бранденбург 1895: 137; Чернягин 1941: 121 (п. 355); Орлов А-1968б: л. 16; Лебедев, Седых 1985: 23; Петренко 1994: 125–127
96 П15-I-8	Ленинградская обл., Волховский р-н	Княщина, д., Победище, ур.	Группа сопок (8)	Бранденбург 1895: 137; Репников 1904: 59; Чернягин 1941: 352 (п. 352); Корзухина А-1965: л. 1, 2; Орлов А-1968б: л. 16; Седов 1970: 45 (п. 329); Петренко 1977; Лебедев, Седых 1985: 24; Петренко 1994: 127–131; Бессарабова 1997
97	Ленинградская обл., Волховский р-н	Поляща, д.	Группа сопок (3)	Петров 1997: 58–60
Всего учтено могильников и курганных насыпей				
Могильников — 114			Больших курганов – не менее 196	

Примечания к таблице: 1 — для Нижнего Поволжья дается также номер по: Петренко 1994; 2 — история раскопок малоизвестна. «На левом берегу р. Веряжи, впадающей в оз. Ильмень, в 4 км от ее устья, на пахотном поле между дд. Любоежа и Горошково Новгородского р-на расположены две сопки: № 1 — сопка 3 м высотой и 16 м в диам. 100 метр. От дер. Любоежа к западу от нее. № 2 — сопка 2,5 м высотой и 15 м диам. Раскопана музеем сопка № 1. Насыпь состояла из песка, в насыпи встречались валуны, но копали секторами и формы расположения валунов не проследили. В основании зольный слой. Находок не найдено никаких» (Орлов А-1941: л. 4).

разрушенных кургана в урочище изучались В. П. Петренко. Курган № 1, раскопанный, как считал В. П. Петренко, Д. П. Европеусом, был прорезан траншеей. Так же был прорезан траншеей останец кургана № 5, раскопанного С. Н. Орловым в 1940 и 1948 гг. (Петренко А-1975а). Одна из сопок, раскопанных Н. Е. Бранденбургом, изучена траншеями В. П. Петренко.

В урочище найдена равноплечная фибула (см. табл. 58), близкая типу F1b по Х. Нельсен. В Южной Скандинавии такие фибулы датируют хронологическими периодами 1 А–1 В2 (540–600 гг. н. э.) (Jørgensen, Jørgensen 1997: fig. 18) или 520–550 гг. н. э. (Müller, Steuer 2000: Abb. 124: 3). В вендельское время эти фибулы попадают на территорию Финляндии, и длительность их бытования там — вопрос довольно темный (Волковицкий 2001: 60, 61). Похоже, фибулы типа F1 у финских племен, подвергшихся раннему скандинавскому влиянию, бытуют дольше, чем у северных германцев, более динамично менявших моду на украшения. Именно на основании финских материалов, опираясь на хронологию Э. Кивикоски, В. П. Петренко и А. И. Волковицкий датировали украшение VI–VII вв. (Петренко 1984: 89, рис. 4: 2; Волковицкий 2001: 61),

а Д. А. Мачинский допускал и более позднюю датировку этих фибул — до рубежа VII/VIII вв. (Мачинский 1997а: 162). В любом случае, намечается хронологический разрыв между фибулой и большинством сопок, т. е. находка указывает на существование здесь поселения. Связь ее с большими курганами маловероятна.

Видимо, связанный с фибулой культурный слой с лепной керамикой был обнаружен С. Н. Орловым под сопкой 4–II. В золистом слое под насыпью найдено 11 мелких лепных гладкостенных черепков (тесто с примесью дресвы), принадлежавших разным сосудам. Как сообщает автор раскопок, «черепки не принадлежат к погребальному инвентарю, а попали сюда вместе с золой, которую, возможно, частично приносили с домашних очагов» (Орлов 1955: 205).

6.3.1.1. Сопка 3-II (северная группа)

Сопка № 2 по В. А. Назаренко (Назаренко А-1970: л. 5). Диаметр не менее 18 м, высота около 5 м (Петренко 1994: 121). Центральная часть насыпи повреждена (как считает В. П. Петренко, раскопана Д. П. Европеусом в 1879 г.). Оставшаяся часть сооружения

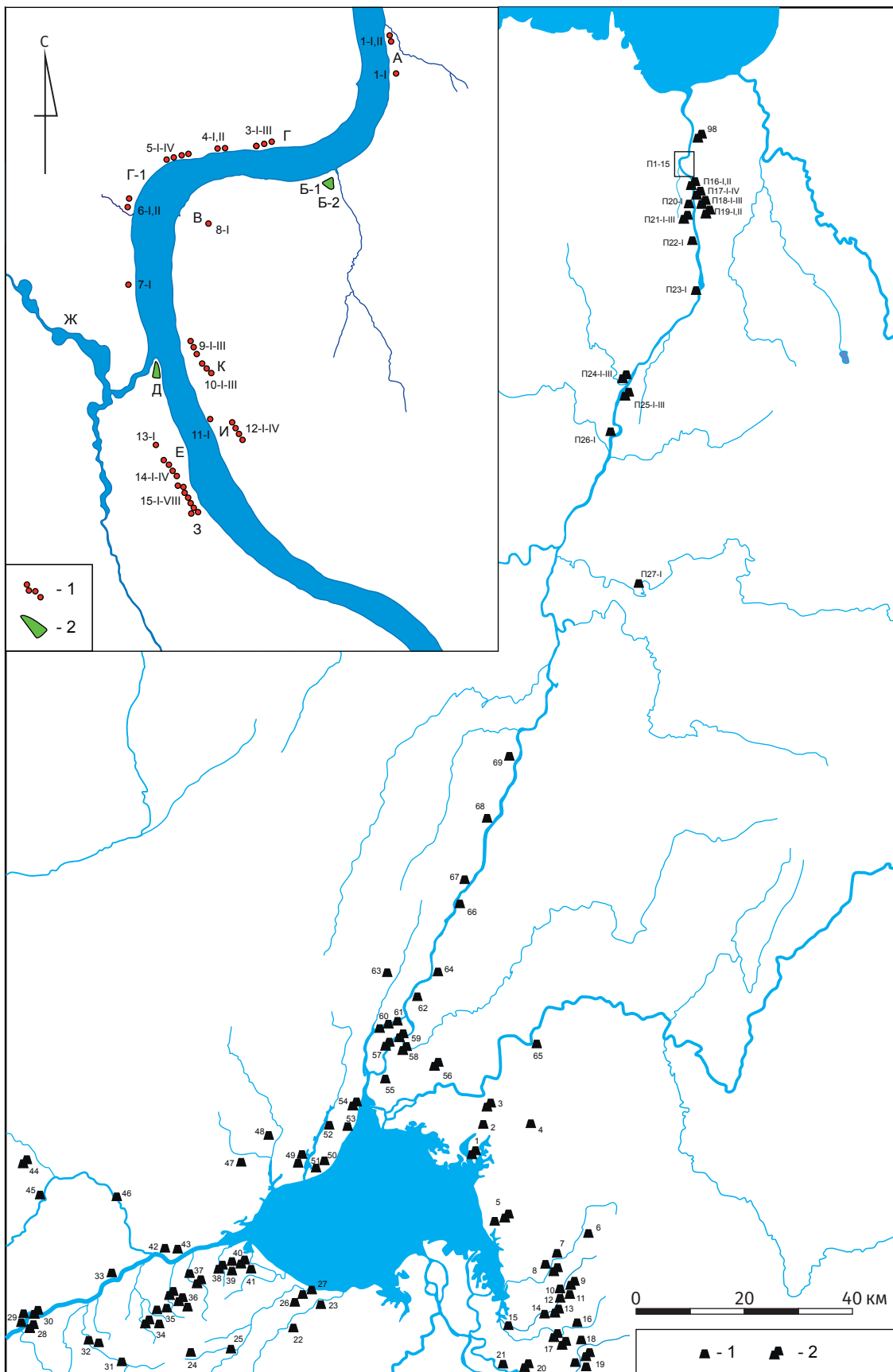

Рис. 17. Сопки Ильмень-Волховского региона. Условные обозначения: 1 – сопка; 2 – группа сопок. На врезке – сопки Старой Ладогы по В. П. Петренко (Петренко 1994). Условные обозначения на врезке: 1 – сопки; 2 – городища. Поселения, границы которых точно не установлены, обозначены буквами от А до К (подробнее о них в **табл. 58**, там же расшифровка буквенных индексов)

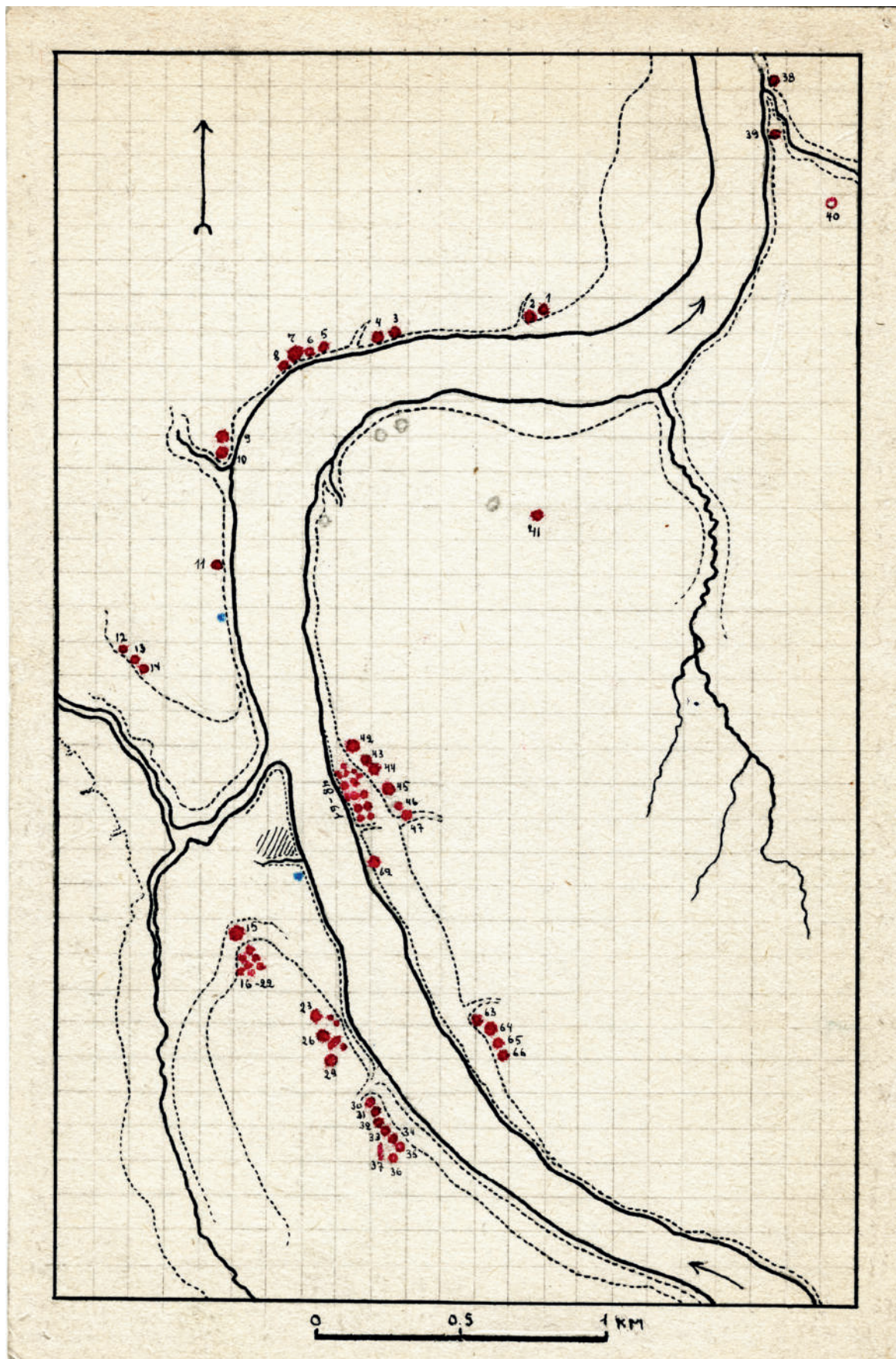
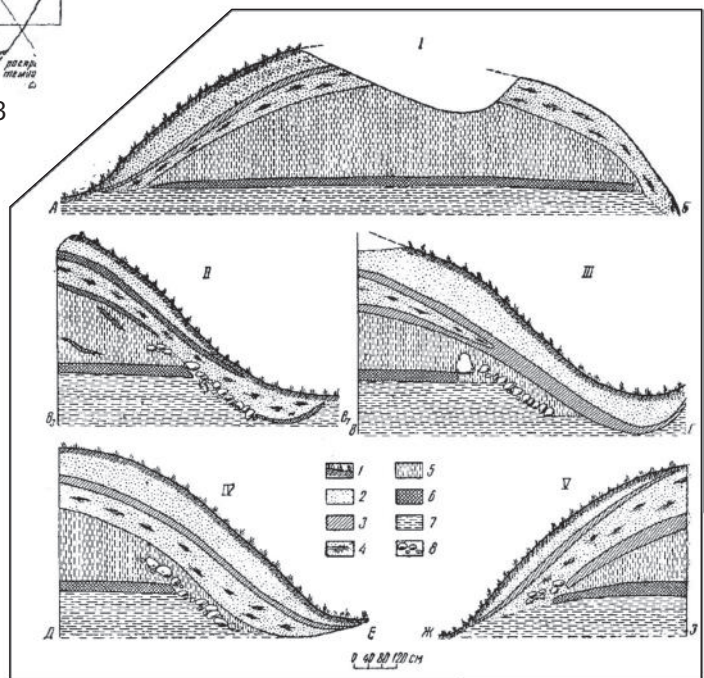
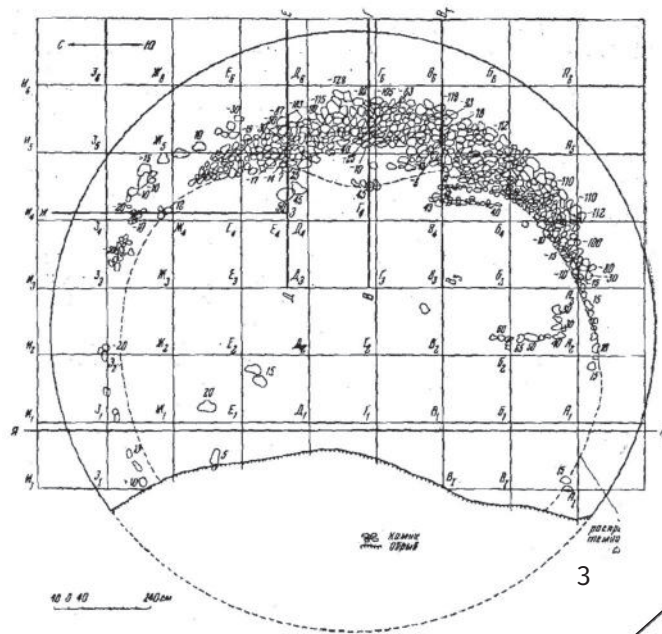
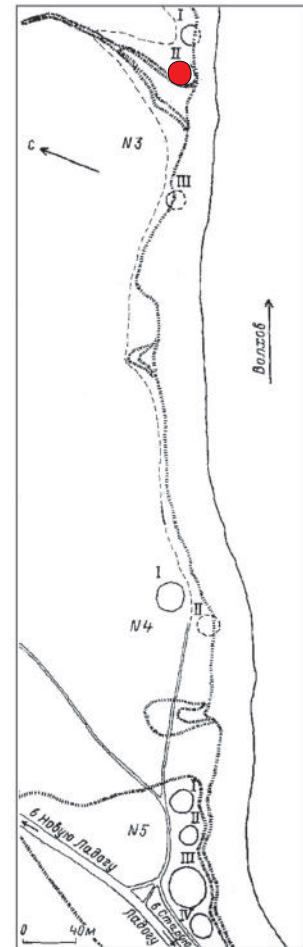
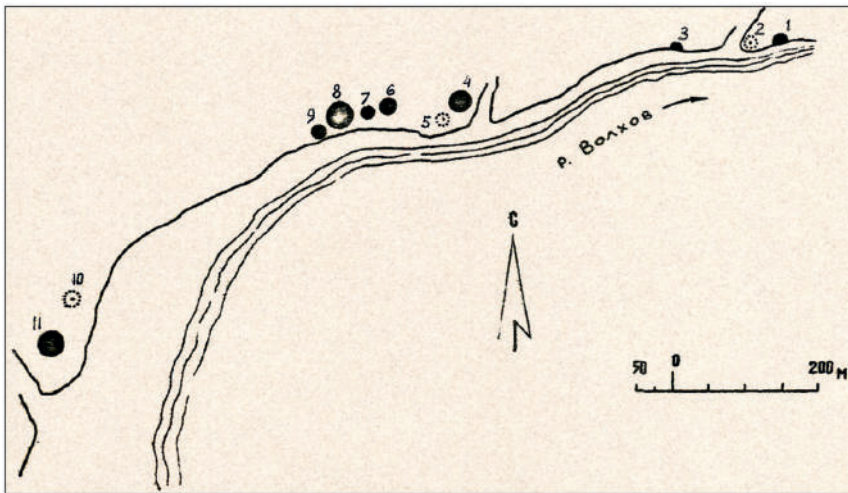

Рис. 18. Карта расположения курганов в районе Старой Ладоги, составленная Г. Ф. Корзухиной в августе 1965 г. (Архив ИИМК, ф. № 77, Арх. № 56, л. 2). Красным отмечены курганы, синим — грунтовые (?) могильники

Условные обозначения к рис. 4:

- 1 – дерн;
- 2 – светло-желтый песок;
- 3 – темный гумус;
- 4 – светло-желтый песок с вкраплениями золы;
- 5 – серый плотный песок;
- 6 – темный зольный слой;
- 7 – материковый желтый песок;
- 8 – камни

Рис. 19. Сопки на левом берегу р. Волхов севернее Старой Ладogi. 1, 2 – общие планы по В. А. Назаренко (А-1970) и В. П. Петренко (1994); 3 – план сопки 3-II (северная группа); 4 – профили сопки 3-II по С. Н. Орлову

полностью исследована С. Н. Орловым в 1950 г. (Орлов 1958; Петренко 1994: 121). В сопке обнаружено несколько групп объектов, соответствующих трем этапам сооружения кургана (рис. 19).

1-я группа. Насыпь из серого плотного песка диаметром около 16 м и высотой около 2,8 м была сооружена на сформированном путем подрезки материковом останце высотой до 1,5 м. Поверхность насыпи была одернована. При этом склон останца и частично основание насыпи с восточной стороны были перекрыты каменной кладкой. С северной и южной стороны каменная обкладка основания намечена отдельными камнями. В южной части насыпи на высоте 0,3–0,65 м над поверхностью погребенной почвы расчищена кладка из камней, уложенных в форме буквы «Г». Еще одна стенообразная каменная выкладка длиной около 2 м зафиксирована в основании насыпи близ ее восточного края. Захоронения в первоначальной насыпи не найдено. В погребенной почве обнаружен фрагмент оплавленного бронзового изделия и небольшой обломок железной пластины.

2-я группа. Первоначальная насыпь была в древности перекрыта слоем светло-желтого песка с вкраплениями золы мощностью до 1,2 м (Орлов 1958: 238). При этом оказался засыпанным и ровик с каменной кладкой. На поверхности желтого песка с золистыми включениями также читается дерново-почвенный слой в виде прослойки темного гумуса. На второй стадии сооружения размеры сопки составляли: диаметр около 17 м, высота около 3,2 м.

В верхней части насыпи выявлена еще одна прослойка светло-желтого песка. По мнению С. Н. Орлова, эта подсыпка связана с третьей стадией возведения сопки. В. П. Петренко высказал предположение, что слой супеси, перекрывший гумусную прослойку (дерн) на вершине сопки, является отвалом раскопа Д. П. Европеуса (Петренко 1994: 135). Поскольку в одном из разрезов видно, что указанный слой сходит на нет на вершине насыпи (рис. 19), с предположением В. П. Петренко можно согласиться. Таким образом, сопка возведена в два приема. Следов погребения не обнаружено.

6.3.1.2. Сопка 3-III (северная группа) – курган СХХХI (Бранденбург 1895)

Сопка № 3 по В. А. Назаренко (Назаренко А-1970: л. 5, 6), считавшему, что курган разрыт к 1970 г. кладоискателями (Назаренко А-1970: л. 19). По мнению В. П. Петренко, данный курган раскопан Н. Е. Бранденбургом в 1883–1884 гг. под № СХХХI (Петренко 1994: 20)⁷⁴. Поскольку описание раскопанных курганов

Н. Е. Бранденбург, видимо, начал с дальнего от Старой Ладogi края могильника, логика В. П. Петренко не лишена оснований, и мы будем ее придерживаться. Останец кургана доследован В. А. Назаренко в 1970 г.

Курган СХХХI имел в окружности 70 шагов и 4½ арш. вышины, что соответствует диаметру 14,4 м и высоте 3,1 м. Самая западная (ближайшая к Ладoge) насыпь в северной группе (рис. 20: 1, 2). В раскопе Н. Е. Бранденбурга в середине насыпи СХХХI на погребенной почве была обнаружена гряда валунов высотой до 1,4 м. К западу от нее — несколько разбросанных костей животных (в т. ч. два шейных позвонка коровы) (Бранденбург 1895: 135).

Останец, изученный В. А. Назаренко в 1970-м г., сохранился на высоту не более 1 м, и по площади составлял не более трети первоначального размера сооружения (Назаренко А-1970: л. 5, 6). Площадь раскопа В. А. Назаренко составила 72 м². В северной части насыпи на глубине 0,55–0,80 м от поверхности останца в раскопе 1970 г. обнаружено скопление кальцинированных костей (погребение № 1). На одном уровне с погребением в северной части сопки обнаружен развал камней, залегающих полосой примерно от центра насыпи к ее северо-западному краю (рис. 20: 1).

Таким образом, курган уже на начальном этапе содержал захоронение. Инвентарь: венчик лепного сосуда и бронзовый перстень. Рисунков вещей отчет В. А. Назаренко не содержит. В. П. Петренко уточняет, что найден «бронзовый витой перстень» (Петренко 1994: 121). Датировка насыпи, таким образом не определяется уже, чем VIII–X вв.

6.3.1.3. Сопка 4-I (центральная группа) – курган СХХХII (Бранденбург 1895)

Сопка № 4 по В. А. Назаренко (Назаренко А-1970: л. 6). По мнению В. П. Петренко, эта насыпь была раскопана Н. Е. Бранденбургом в 1883–1884 гг. под № СХХХII (Петренко 1994: 20)⁷⁵. В 1979 г. В. П. Петренко исследовал траншеями северную и восточную полы насыпи (Петренко А-1979; Петренко А-1979а; Петренко 1994: 122). Окружность — 95 шагов, высота — 8 арш., что соответствует примерно 21,2 м диаметру и высоте 5,6 м. В насыпи обнаружено несколько групп объектов.

1-я группа. В основании сооружения находится материковая платформа высотой 1,1–1,2 м, обложенная камнями в 2–4 яруса на высоту 0,6–0,7 м (Петренко А-1979: рис. 8; Петренко 1994: 121). Раскопками

⁷⁴ Г. Ф. Корзухина считала, что курган СХХХI не определяется (Корзухина А-1965: л. 5).

⁷⁵ Г. Ф. Корзухина полагала, что насыпь № СХХХII находилась в группе из двух сопкок возле Малышевой Горы (Корзухина А-1965: л. 5), т. е. в группе 6 по В. П. Петренко.

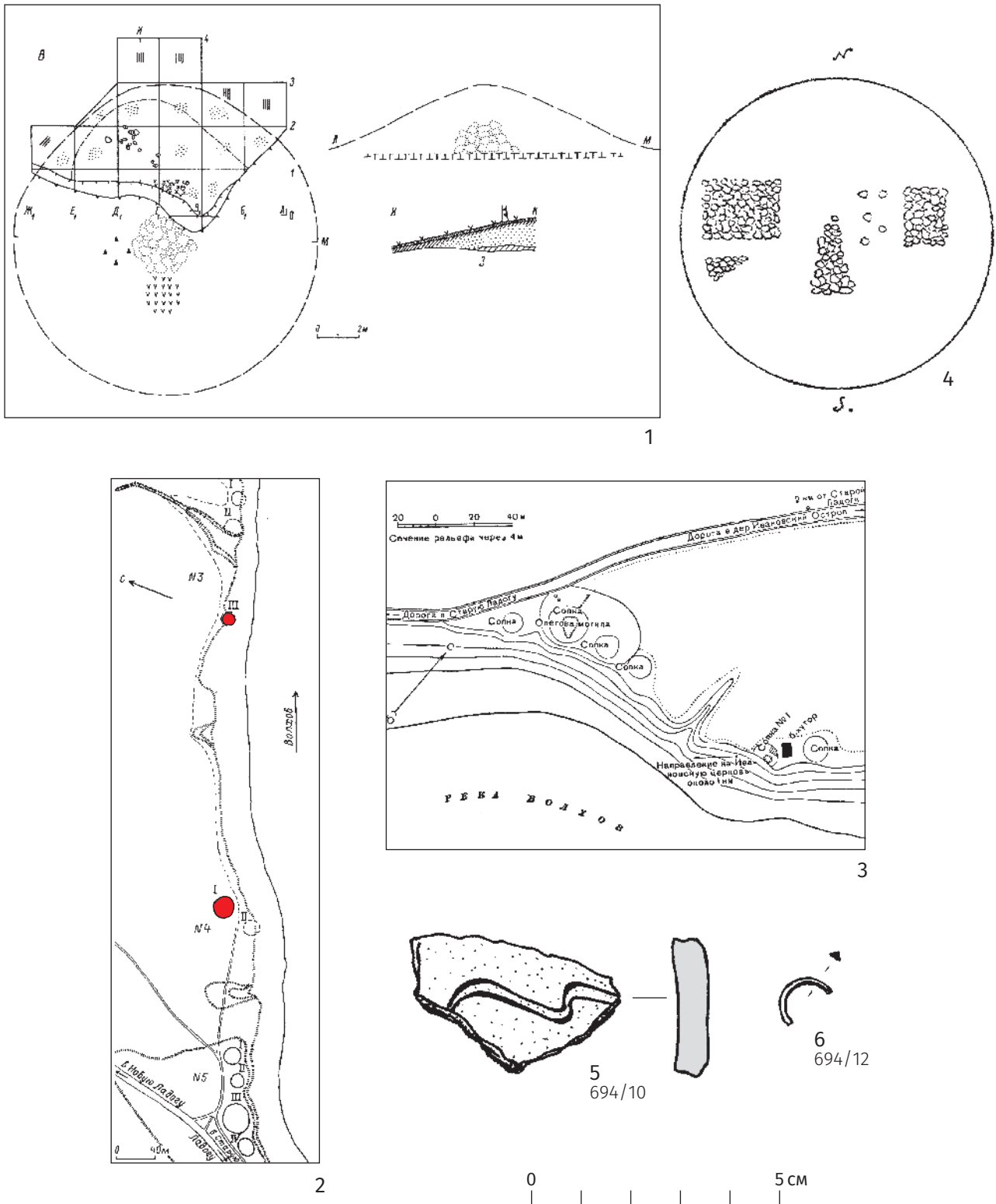

Рис. 20. Сопки на левом берегу р. Волхов севернее Старой Ладоги. 1 – сопка 3-III, реконструкция В. П. Петренко по материалам раскопок Н. Е. Бранденбурга 1883 г. и В. А. Назаренко 1970 г. (Петренко 1994: рис. 3); 2, 3 – планы могильника Сопки по В. П. Петренко и С. Н. Орлову (Орлов 1955); 4 – план сооружений нижнего яруса сопки СXXXII по Н. Е. Бранденбургу (1895) – сопки 4-I по В. П. Петренко; 5, 6 – находки из погребения № 1 сопки СXXXII (ГЭ). 5 – фрагмент гончарного сосуда, 6 – обломок бронзового колечка.

Н. Е. Бранденбурга на погребенной почве расчищено несколько валунных кладок (**рис. 20: 4**):

1. Треугольная большая вымостка — размерами 6 × 2 арш. (4,2 × 1,4 м) — к югу от центра насыпи. Сложена из камней в 2–3 яруса;

2. Прямоугольная малая вымостка — размерами 3 × 2 арш. (2,1 × 1,4 м) — в восточной полé кургана;

3. Прямоугольная большая вымостка — размерами 3 × 5 арш. (2,1 × 3,5 м) — в западной полé насыпи;

4. Треугольная малая вымостка, сложена из камней в два яруса, — размерами 1½ × 2 арш. (1,0 × 1,4 м) — к югу от вымостки 3. Находок на уровне каменных кладок сделано не было (Бранденбург 1895).

2 группа. В верхней части насыпи обнаружено погребение на глубине 0,35 м (линза кальцинированных человеческих костей). Инвентарь хранится в Эрмитаже:

1. «Три горшечные черепка» (Бранденбург 1895: 135). В Эрмитаже сохранились два фрагмента сосудов, связанных с комплексом I в насыпи СХХХII (694/10, 11). Один из них принадлежит гончарному горшку, украшенному волнистым орнаментом (**рис. 20: 5**).

2. «Обломок небольшого бронзового колечка» из треугольной в сечении проволоки (694/12) (**рис. 20: 6**).

Время строительства первоначального сооружения остается неясным, поскольку находок не было сделано ни в раскопе Н. Е. Бранденбурга, ни в траншеях В. П. Петренко. Что касается погребения на вершине сопки (возможно, впускного), то гончарная керамика позволяет датировать его второй половиной X–XI в.

6.3.1.4. Сопка 4-II (центральная группа), сопка № 1 по С. Н. Орлову (Орлов 1955)

Сопка № 5 по В. А. Назаренко (Назаренко А-1970: л. 6). Размеры насыпи разнятся от описания к описанию. По одним данным они составляют диаметр 17 м при высоте около 5 м (Орлов 1955: 193), по другим — диаметр 16 м при высоте около 3 м (Петренко 1994: 122). Насыпь к моменту исследований была сильно разрушена. Раскопана С. Н. Орловым в 1940 и 1948 гг. (Орлов 1955; Петренко 1994: 122)⁷⁶.

Установлено, что насыпь конической формы возведена в один прием из мелкого светложелтого песка. Никаких прослоек (кроме редких включений золы) в ней прослежено не было (Орлов 1955: 193). В центральной ее части на подсыпке высотой около 0,5 м располагалась овальная выкладка из валунов размерами 1,2 × 0,7 м. Внутреннее пространство было заполнено золой с мелкими угольками (**рис. 21**).

⁷⁶ Местонахождение коллекции из раскопок сопки неизвестно. Курган копался, как сообщает С. Н. Орлов, на средства Новгородского музея. Если туда же в 1940–1941 гг. была передана коллекция, то, скорее всего, она пропала во время войны.

С западной стороны над этой выкладкой на 1 м выше погребенной почвы в насыпи находились два крупных валуна. На поверхности погребенной почвы в южной части кургана расчищены два погребения (возможно, одно погребение, размещенное на площадке двумя пятнами) в виде рассыпанной углистой массы, золы и кальцинированных костей с оплавленными фрагментами инвентаря.

Погребение № 1. Повреждено осыпью берега и перекопом, поэтому размеры углистого пятна определить было невозможно. Сохранившаяся часть кострища имела в длину около 3 м. Собрано не менее 550 г кальцинированных костей человека. Инвентарь:

1. Семь железных гвоздей с широкими шляпками, некоторые фрагментированы.

2. Оплавленный бронзовый пластинчатый держатель с двумя колечками, к которым крепились небольшие гладкие трапециевидные подвески.

3. Оплавленная крупная бусина черного стекла с бирюзовыми и красными вставками в светлых ободках.

4. Две серебростеклянные трехчастные пронизки, поврежденные огнем.

5. Двухчастная пронизка вишневого цвета, оплавленная.

6. Сильно поврежденная огнем темная бусина с бирюзовыми вставками и светлыми разводами.

7. Пострадавший от огня фрагмент изделия (игральной фишки?) из головки бедренной кости с отверстием.

Погребение № 2. Повреждено осыпью берега. Расчищено в юго-западной полé сопки. Собрано 357 г. кальцинированных костей (Орлов 1955: 196). Инвентарь:

1. Фрагменты пяти железных гвоздей с широкими шляпками.

2. Фрагмент скобочки из бронзовой проволоки.

3. Обломок сланцевого точильного бруска.

4. Две небольшие бусины вишневого стекла (бирюзовые?).

5. Двенадцать обломков неопределимых железных предметов (гвоздей?).

В слое погребенной почвы в разных местах найдено 11 фрагментов лепных неорнаментированных сосудов, которые относятся к более раннему культурному слою. Кроме двух погребений на древней дневной поверхности найдено скопление крупных пережженных костей животного. В северной части насыпи на 0,2 м выше погребенной почвы оказался необожженный череп лошади, с лежавшей отдельно нижней челюстью (Орлов 1955: 196).

Сопка 4-II интересна большим количеством найденных в ней фрагментов железных гвоздей (около 20), что сближает ее со скандинавскими погребениями могильника Плакун. Конечно, в сопке были гвоз-

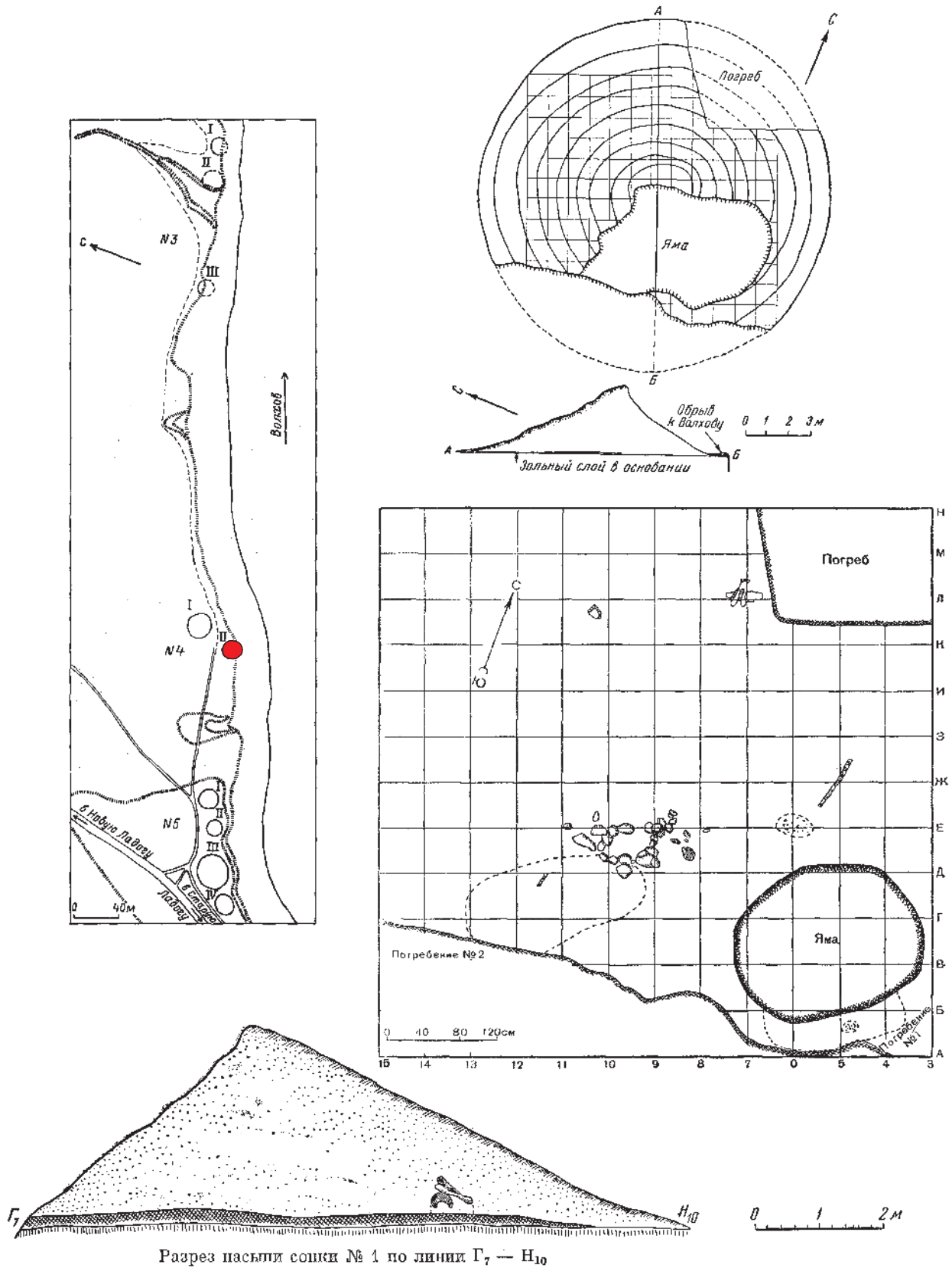

Рис. 21. Старая Ладога. Могильник в ур. Сопки. Сопка 4-II (центральная группа) по В. П. Петренко, она же сопка № 1 по С. Н. Орлову. 1 — ситуационный план по В. П. Петренко; 2-3 — планы и разрез из раскопок С. Н. Орлова

ди не от ладьи, а от другого изделия — парадного сиденья, повозки или сундука. Но сам факт использования железного крепежа в этот период явно говорит о североευропейской ремесленной традиции. Северным элементом является и присутствие в погребении фрагмента полусферической игровой фишки⁷⁷.

Бытование мелких трапециевидных подвесок начинается в середине I тыс. н. э., дотягивая до XI в. (Михайлова 2014: 100, 101). Держатель этих подвесок из сопки имел шестиугольную форму и простое отверстие в верхней части. Похожие украшения (но для трех и четырех подвесок) найдены в области Латгалии: в Люцинском могильнике в погребении III-46 (Люцинский могильник 1893: приложения, с. 21, табл. VIII: 7) и в погребении 96 могильника Кивты (Šnoge 1987: tab. VII: 5). Параллель проволоочной скобочке из насыпи 14-II имеется в сопке в Репьях (Михайлова 2013: рис. 1: 1). Подобным скобочкам (элементам, надо думать, головного украшения) посвящена специальная работа Е. Р. Михайловой, которая отмечает их находки на памятниках прибалтийско-финского населения области Причудья и Финского залива (Михайлова 2019: 104–106). Датировку кургана 14-II нельзя, таким образом, определить уже, чем VIII–X вв. (Равдоникас 1945: 40)⁷⁸.

6.3.1.5. Сопка 5-III (южная группа) — «Полая сопка»

Сопка 5-III (по нумерации В. П. Петренко) — крупнейшая в группе. По Г. Ф. Корзухиной имеет № 7 (Корзухина А-1965: л. 2), по В. А. Назаренко — № 8 (Назаренко 1970: л. 7). Из-за повреждений первоначальные пропорции не ясны. В настоящее время размеры насыпи составляют 30×37 м при высоте — около 7,4 м. Центральная часть сооружения разрушена котлованом размерами 15×10 м и глубиной более 4 м (Петренко 1994: 122). Уникальной деталью являлись, прослеженные на протяжении примерно 10 м, две линии валунов, лучами расходящиеся в северном и северо-западном направлении от северной полы сопки. Валунные выкладки у подножия сопки зафиксированы и нанесены на план С. Н. Орловым (Орлов 1955: 192, рис. 2). До настоящего времени они не сохранились. Нужно уточнить, что уже в 1970 г. В. А. Назаренко пытался проследить эти «лучи», однако, обнаружил на их месте только бессистемно расположенные «глубоко сидящие в земле» крупные валуны (Назаренко 1970: л. 7).

⁷⁷ О назначении предмета можно говорить уверенно — головки бедренных костей отличались хрупкостью, и годились только для игрушек.

⁷⁸ Датировка автора раскопок — VII–VIII вв. (Орлов 1955: 211) явно занижена. К сожалению, не все из найденных бус можно определить по его словесному описанию.

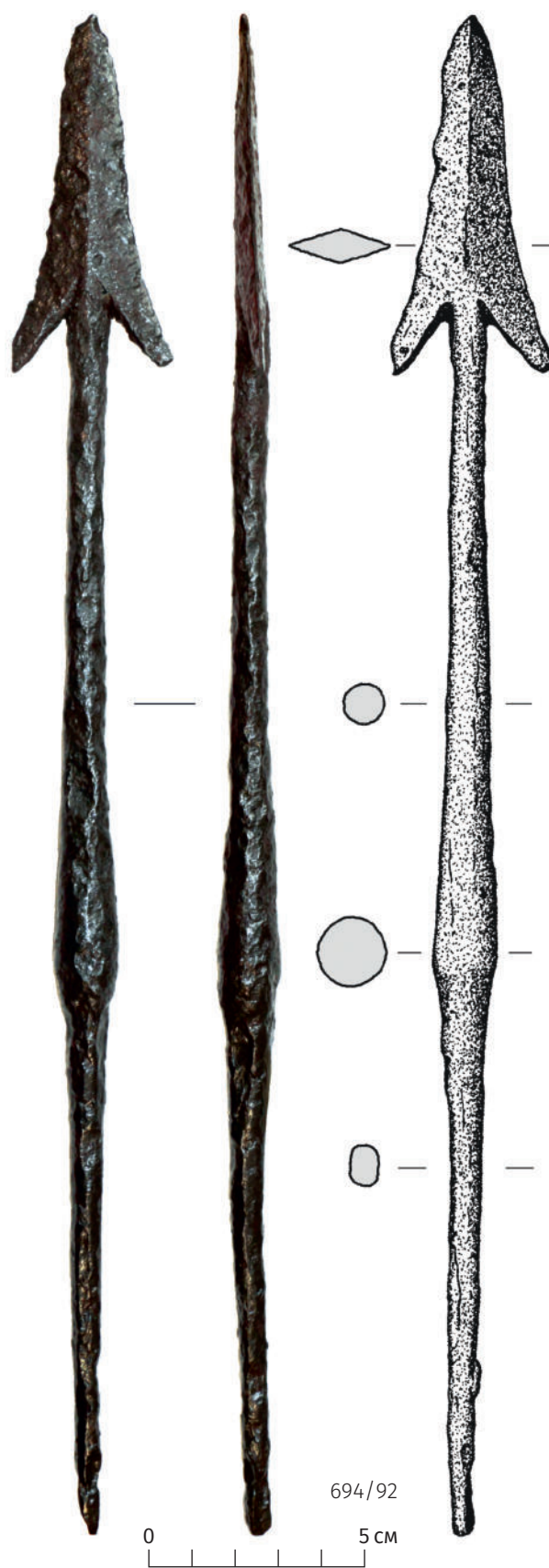

Рис. 22. Старая Ладога. Могильник в ур. Сопки. Сопка 5-III, «полая сопка» (центральная группа). Железный наконечник дротика из эрмитажной коллекции. Профильная фотография позволяет увидеть повреждения жала и черешка оружия, возможно, погнутого перед помещением в курган

Насыпь была раскопана З. Ходаковским в 1820 г. Единственная дошедшая до нас находка — двушипный черешковый дротик с «пламевидным» наконечником (рис. 22). Дротик использовался в бою — его двушипный наконечник был в древности согнут у основания, а затем довольно небрежно выпрямлен. Аналогии дротику и его хронология рассматривается в большом количестве работ (Петренко 1994: 89; Каргопольцев 1997; Кузьмин 1999; Петров 1999). Общий их вывод — дротик не может служить хронологическим индикатором. Подобное оружие использовалось в Балтийском регионе длительное время и имело очень широкий ареал распространения. Его можно встретить и на мозаиках Большого Дворца в Константинополе (VI в.), и в погребениях меровингского времени в Финляндии, и на памятниках X–XI вв.

Интересней остановиться на этно-региональных аспектах использования этого оружия, имеющего западное происхождение. В культурах Восточной Европы — дьяковской (Розенфельдт 1982: рис. 32), тушемлинской (Шмидт 1995: рис. 1), колочинской (Седин 2012: рис. 3, 5) — преобладали втульчатые двушипные дротики. Вряд ли черешковые дротики следует связывать и с северными германцами. В Средней Швеции и на Готланде в вендельское время и в эпоху викингов в арсенале метательного оружия также преобладали втульчатые дротики (Nerman 1969: Taf. 62, 63, 140). В то же время многочисленные находки говорят о том, что перед нами один из основных видов вооружения обитателей Нижнего Поволжья, а возможно и всей северо-западной части «славянского клина». Целый дротик близкого типа найден на Земляном Городище. Он имеет существенное отличие — перекрученный черенок, нижняя утолщенная часть его стержня покрыта фасеточным орнаментом. Дротик найден на уровне горизонтов E₂–E₁ и датируется IX в. (Давидан 1976: рис. 9). Более отдаленная аналогия происходит из кв. T3 горизонта 1 Городца под Лугой (Лебедев А-1972/1973: рис. 21). Горизонт поздний и содержит разновременный материал, вплоть до арбалетных болтов (Лебедев А-1972/1973: л. 12). Дротик из Городца лишен упора при переходе от стержня к черенку. С. Л. Кузьмин датирует дротик не ранее второй половины IX в. (Кузьмин 1999: 97). Мне представляется, что с учетом наличия на Городце лепной керамики близкой керамике третьей четверти I тыс. н. э. допустимую датировку дротика следует расширить на всю вторую половину I тыс. н. э. Еще два таких же, как в Городце, дротика с коротким черенком без упора найдены на Любшанском городище (Рябинин А-1999: рис. 29: 1; Рябинин 2003: 217). Датировать их можно так же, как и все городище — VIII–IX вв.

На Ильмене и к югу от него черешковые дротики не известны. На городищах Приильменя встречено

только втульчатое оружие этой категории (Георгий, Сельцо, Городок на Шелони). Черешковое оружие с двушипными наконечниками встречается западнее «славянского клина» — в Изборске (Седов 2007: рис. 331: 9; рис. 333: 6) и далее в Эстонии (Шмидехельм 1959: табл. VIII: 11) и южнее — начиная с западной периферии банцеровской культуры — с городища Прудники (Шадыра 2006: табл. 15: 7), и далее к западу (Стубавс 1959: табл. VI: 1). Зоной наибольшей концентрации двушипных дротиков являются селонский и латгальский регионы Прибалтики, что давно замечено исследователями (Шмидехельм 1959: 179). М. Атгазис разработал некогда подробную классификацию этого оружия для территории Латвии (Atgāzis 1974). По его классификации дротики из Полой сопки и с Земляного Городища относятся к типу B2, наиболее распространенному в низовьях реки Айвиексте и соседнем с ней поречье Даугавы (Atgāzis 1974: 5. att). Датировку дротиков исследователь определяет в рамках VIII — начала IX в.

Таким образом, при рассмотрении этой боевой традиции на Северо-Западе следует обращаться к следующей альтернативе. Во-первых, традиция могла быть занесена на север «славянского клина» с довольно далекого юго-запада (условно говоря, из области славяно-византийских взаимодействий). При этом придется допустить, что это произошло довольно рано (в VI–VII вв.), и далее традиция развивалась в Поволжье параллельно с аналогичными традициями Прибалтики. Второй вариант более прост — перед нами может быть результат заимствования этого оружия у прибалтийско-финского или балтского населения. Наиболее вероятной мне кажется версия о том, что заимствование произошло в третьей четверти I тыс. н. э. в процессе миграций и военных столкновений на западном фазе «славянского клина». К схожему выводу пришла некогда М. Х. Шмидехельм, полагавшая, что на территорию юго-восточной Эстонии двушипные дротики распространились из Латгалии (Шмидехельм 1959: 170).

6.3.2. Урочище Победище

Сопки и курганы насыпаны на обширном поселении (группе поселений?), которое функционировало, вероятно, с перерывами с эпохи бронзы (Петренко 1994: 126, 127) до Раннего Средневековья. С. Н. Орлов фиксирует культурный слой с текстильной керамикой под курганами южной группы (Орлов А-1968б). Коллекция мелких окатанных фрагментов лепной керамики из раскопок сопки, хранящиеся в фондах СМЗ, включает фрагменты посуды «волховского типа» (по типологии М. А. Раззак), текстильную керамику и лепную гладкостенную посуду I тыс. н. э. Железный серповидный нож, который может быть датирован первой половиной I тыс. н. э., найден

Н. Е. Бранденбургом в «черноватом слое», подстилавшем курган СХХХVI, стоявший на расстоянии 0,5 версты от берега, ближе к р. Ладожка (насыпь 13-1 по В. П. Петренко) (Бранденбург 1895: 137; Петренко 1984: рис. 4: 1)⁷⁹. Ближайшая аналогия ножу происходит из Городка на Ловати/Верготи, а массовое использование таких ножей характерно для поздних этапов КШК и ДДК (Шадыро 1985: рис. 32).

Помимо курганных древностей урочище известно Княщинским кладом арабских монет, считающимся одним из самых ранних: младшая из известных монет выбита в 808 г. (Репников 1904: 59; Марков 1910: 32–33, 140 (№ 179–181, 26); Носов 1976: 100 (№ 2); Noonan 1998: 84–85 (№ 9)). По данным Н. Е. Бранденбурга «в одном месте» с кладом была найдена колесовидная ажурная бляшка из белого металла (рис. 23: 5). Возникло даже предположение, что она принадлежит кладу (Случайные находки 1887: СХL, рис. 1)⁸⁰. Аналогичные подвески известны в культурном слое Земляного Городища и Любши VIII–IX вв. Очевидно, Княщинский клад был спрятан на поселении. Поскольку урочище долгое время распахивалось, сложно понять — как располагались на нем участки разновременного культурного слоя. Надо думать, перед нами памятник типа селища Ситно (см. том первый этой книги) — с пятнами маломощного культурного слоя, на обширной территории.

Курганы в ур. Победище, согласно описанию Н. Е. Бранденбурга, образовывали две группы: северную (нижнюю по течению Волхова) из четырех насыпей «рядом», и южную (верхнюю по течению) из 8 сопкок, вытянутых «цепью вдоль берега» (Бранденбург 1895: 137). На подробной карте Ладоги Н. Е. Бранденбург поместил ниже по течению отдельно всего 3 насыпи (Бранденбург 1896: табл. I). Надо полагать, один из четырех курганов был небольшим по размерам либо был срыт. По нумерации В. П. Петренко могильники обозначаются соответственно цифрами 14 и 15⁸¹.

⁷⁹ Курган имел небольшую высоту (3 арш.) и «овалообразную» форму, поэтому в числе сопкок мной не рассматривается. Возможно, это длинный курган, близкий к КСДК. Датируется он по гребню группы 2, по О. И. Давидан – X в.

⁸⁰ Предмет сохранился в коллекции Государственного Эрмитажа.

⁸¹ Комплекс памятников в урочище включал в себя также какие-то небольшие насыпи, разбросанные по плато коренного берега вдоль дороги из Старой Ладоги в д. Княжчина. Раскопки Н. И. Репниковым в 1903 г. этих насыпей выявили странную картину. Во-первых, они были необычно малы по размерам. Насыпь № 1 – всего 0,7×1,4 м; насыпь № 2 – 1,0×2,1 м; насыпь № 4 – 2,1×1,0 м. Во всех трех найден лишь углистый или золистый слой, без костей. Пустой была и насыпь № 3, хотя по своим размерам она больше похожа на курган (6,3×3,85 м при высоте 0,7 м). Видимо, это не погребальные памятники.

Этого взгляда на структуру памятника я и буду придерживаться⁸².

Н. Е. Бранденбург раскопал на Победище четыре больших кургана, из них два в северной группе (жж), как он пишет, «из отдельных» (Бранденбург 1895: 137). Представляется, что эти две сопки являются древнейшими в Старой Ладоге, и не исключено, что именно отсюда начинается распространение традиции сопкок в Поволховье. Третий большой курган северной группы был тоже раскопан уже к 1903 г. (Репников 1904: 59). Как предположил В. П. Петренко, этот третий курган раскопан А. С. Уваровым в 1880 г. (Петренко 1994: 20). Это возможно, но какой именно из трех копал А. С. Уваров — не ясно. Речь об этом пойдет ниже в описаниях конкретных сопкок.

Для понимания характера северной группы важна локализация и интерпретация «длинного кургана», раскопанного на Победище Н. И. Репниковым в 1903 г. Николай Иванович пишет, что курган помещался возле трех уже раскопанных сопкок (что совпадает с картой Н. Е. Бранденбурга 1896 г.). Как мы увидим ниже, две из этих стоявших относительно кучно насыпей были раскопанными Н. Е. Бранденбургом курганами СХL, СХLI. К выводу о расположении длинного кургана Н. И. Репникова в северной (нижней) части группы «жж» приходит и Г. Ф. Корзухина (Корзухина А-1965: л. 8).

Длинный курган (рис. 23: 4) имел размеры 9×5×1³/₄ арш. (6,3×3,5×1,2 м). В основании его открыта овальная вымостка размерами 7×3 арш. из обломков плиты (Репников 1904: 59). В вершине кургана найдено трупосоужение на стороне с реберчатым лепным сосудом «ладожского типа» (рис. 23: 1), ножом неопределенного облика (рис. 23: 2) и железной пряжкой, D-образной, со скругленными уголками (рис. 23: 3). Пряжка тщательно выделана, имеет плоскую отполированную рамку с приостренным краем и, видимо, принадлежит конской сбруе. В. С. Нефёдов и Е. Р. Михайлова относят подобные пряжки в лесной зоне к салтовскому импорту (Михайлова 2014: 40; Нефёдов 2020: 153, рис. 1: 12). Известны они также в роменско-боршевских древностях (Григорьев 2000: рис. 49: 10, 15; 2005: рис. 32: 11). Ближайшие аналогии найдены в Подвинье, в Шугайлово, курган 7, погр. 1 (Шмидт 2013: рис. 18: 2), и Заозерье, курган 5, погр. 3 (Шмидт 2008: 71, табл. 16: 12). По этим двум погребениям, первое из которых относится к концу VIII–на-

⁸² Г. Ф. Корзухина причисляет к Победищу еще одну группу – ближнюю к Старой Ладоге, состоящую из семи небольших курганов и одной крупной овальной насыпи (СХХХVI). По Н. Е. Бранденбургу, это группа «е» (Бранденбург 1895: 136, 137), а по В. П. Петренко – группа 13. В нашей работе она не рассматривается. По Г. Ф. Корзухиной получается, что это группа на Победище «северная», а группа 14 – «южная» (Корзухина А-1965: л. 1).

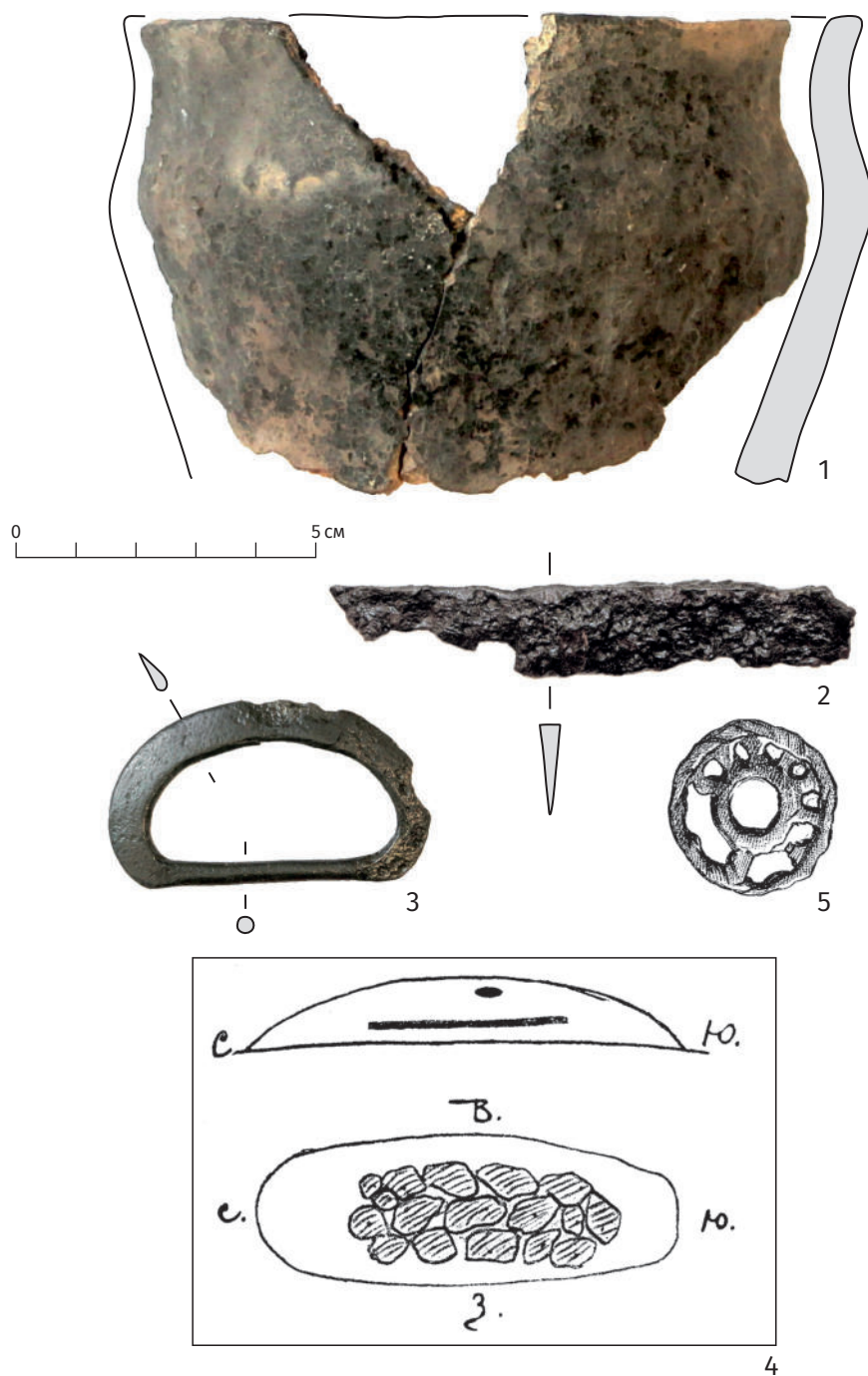

Рис. 23. Старая Ладога. Находки из ур. Победище. 1–3 — предметы из кургана Н. И. Репникова 1903 г.; 4 — план и профиль кургана (Репников 1904); 5 — украшение, найденное вместе с княжинским кладом (Случайные находки 1887). 1 — глина; 2, 3 — железо; 5 — свинцово-оловянистый сплав

чалу IX в. (Нефёдов 2020: 161), а второе, с ромбовидными подвесками на плетёных цепочках, — к X в., видно, что пряжки такого типа имеют широкую датировку. Видимо, салтовские пряжки послужили прообразом для похожих предметов и в составе конской сбруи в Скандинавии (Petersen 1951: fig. 27), в частности, в Бирке (Arbman 1940: Taf. 22; 26: 3). Верхнюю границу бытования интересующих нас пряжек удобно обозначить по погребениям прусского могильника Кауп. Аналогичная пряжка (Кулаков 2016: рис. 41)

входила в состав богатого комплекса K39 а, содержавшего пять денариев Оттона III. Комплекс датирован автором раскопок началом XI в. (Кулаков 2016: 134). В Каупе есть и более поздние находки таких пряжек, относящиеся к концу XI — XII в. (Кулаков 2014: 101, рис. 9), но для ладожской параллели это уже поздняя датировка.

Расположение больших курганов среди могильников с небольшими насыпями с кремациями совершенно не характерно для восточноевропейских со-

пок, за исключением могильников КДК с так называемыми сопками в борах и раннегородских некрополей, вроде Гнёздова и Пскова. Каменные конструкции в этих некрополях и в длинных курганах встречаются редко, как следы каких-то внешних влияний. Скорее всего, курган Н. И. Репникова не имеет отношения к КДК, что уже отмечалось (Михайлова 2014: 40). Его удлиненная форма, возможно, обусловлена тем, что это останец раннего кургана, образовавшийся при сооружении сопки. Каменную конструкцию следует рассматривать в ряду аналогичных сооружений в самих сопках.

Полагаю, могильник на Победище отражает скандинавские традиции, где цепочки больших курганов, окруженные маленькими насыпями разных форм, — скорее правило, чем исключение (Müller-Wille 1992). Таков, например, могильник в Упсале (Lindqvist 1936: pl. 14, 17). Попадают в Швеции рядом с большими курганами и удлиненные насыпи, например близ рассмотренных мною выше Ингьяльдсхёгена (Husby, Vansö sn, RAÄ 59) (Lindqvist 1936: fig. 13) и больших курганов в Нушбори (Norsborg, Botkyrka sn, RAÄ 8) (Nerman 1961: fig. 1). Я привожу только исследованные могильники с раскопанными большими курганами, близкими ладожским по времени.

6.3.2.1. Старая Ладога, ур. Победище (северная группа), курган СХLI (Бранденбург 1895) – сопка № 14-I (Петренко 1994)

Расположение сопки на мысу, обращенном к поселениям на месте Никольского монастыря и Земляного городища, позволяет предполагать, что она является одной из первых сопки в группе. Насыпь располагалась в 160 м к ЮЮЗ от Никольской церкви одноименного монастыря на краю берегового плато. Диаметр 26–27 м, высота 5–5,5 м.

Курган № 23 по Г. Ф. Корзухиной, которая явно ошибочно отождествляла его с курганом СХL Н. Е. Бранденбурга (Корзухина А-1965: л. 2, 9 об.). Причина такого вывода Г. Ф. Корзухиной — убежденность ее в том, что Н. Е. Бранденбург всегда нумеровал курганы строго с севера на юг (Корзухина А-1965: л. 4 об.). Ошибка исследовательницы видна по тому, что северная часть сопки, вскрытая В. П. Петренко в 1974 г., не выявила следов раскопок, хотя именно там Н. Е. Бранденбург помещает треугольную каменную кладку кургана СХL. Г. Ф. Корзухина, работая над своей картой в 1965 г., об этом знать не могла.

По мнению В. А. Назаренко и В. П. Петренко, именно эта сопка раскопана А. С. Уваровым в 1880 г. с неизвестным результатом (Назаренко А-1970: л. 10; Петренко 1994: 20). Скупая информация об этих раскоп-

ках (Бранденбург 1895: II), на мой взгляд, не позволяет точно локализовать Уваровскую сопку.

С насыпью 14-I можно отождествлять и курган СХLI. Дело в том, что Н. Е. Бранденбург описал только середину этого кургана на небольшом пространстве, что согласуется с очертаниями и локализацией старого раскопа, найденного В. П. Петренко (2×3 м на уровне материка). Кроме того, картина, выявленная Н. Е. Бранденбургом, хорошо увязывается со строением кургана, описанным в 1970-х гг. Николай Ефимович пишет:

«В середине кургана в подошве гряда камней, в виде невысокой, довольно правильной сферовидной кучи (вышиной 1, в диаметре 3 арш), сложенной из валунов и наклонно положенных плит как бы покрывавших небольшую земляную насыпь, или составлявших на ней род каменной выпуклой настилки. Следов погребения не оказалось, но близ поверхности кургана, около середины, найдены два горшечных черепка, с орнаментом курганного типа (в виде волнообразных дорожек)» (Бранденбург 1895: 138).

Как мы увидим ниже, В. П. Петренко действительно выявил, что в процессе возведения первоначальной невысокой насыпи в ней были сооружены каменные конструкции-лучи, покрывшие некую «выпуклую» поверхность. Добавим, что древнерусская гончарная керамика, найденная на поверхности сопки Н. Е. Бранденбургом, хорошо соотносится с древнерусскими находками В. П. Петренко (стеклянный браслет, вислая печать). Очевидно, стрелка мыса активно использовалась в древнерусское время.

Сопка № 24 по В. А. Назаренко (Назаренко А-1970: л. 10). По полевой документации раскопавшего ее В. П. Петренко сопка имеет № 1 (Петренко А-1974; Петренко А-1975; Петренко А-1978).

При раскопках сопки В. П. Петренко произошло крупное недоразумение, создавшее путаницу в полевой документации. Как пишет в отчете за 1978 г. и в монографии 1994 г. сам автор раскопок, сопка полностью раскопана им в 1974–1977 гг. (Петренко А-1978: л. 2; Петренко 1994: 126). В другом месте той же монографии указываются другие даты: 1974–1979 гг. (Петренко 1994: 88). Однако в полевых отчетах В. П. Петренко за 1976 и 1977 гг., хранящихся в НОА ИА РАН, сведений о раскопках сопки в эти годы не содержится. Есть в них только описания раскопа на Варяжской улице (Петренко А-1976; Петренко А-1977). В отчете за 1976 г. прямо сказано, что «раскопки сопки в урочище Победище не проводились» (Петренко А-1976: л. 14).

Сопка была поделена бровками на четыре сектора (I–IV). Пятый сектор был образован южной ополочной насыпью за их пределами. В ИА РАН имеются

лишь данные о раскопках северо-западного сектора сопки (Петренко А-1974), северо-восточного сектора (Петренко А-1975) и южной ее ополыны (Петренко А-1978). О центральной части раскопа мы можем судить сейчас только по посмертной монографии автора раскопок и по архивным черновикам.

Обращение к полевой документации В. П. Петренко, сохранившейся в ИИМК РАН, дает иную картину, чем та, которую он рисует в отчетах, направленных в Москву. Согласно примечаниям к полевой описи за 1974 г., в этом году копались все четыре главные сектора сопки (Петренко А-1974а: л. 4 об.–13, 47 об.–53). Хранящаяся в Архиве ИИМК РАН миллиметровка, датированная 1975 г., содержит полный план основания сопки (Петренко А-1975а: л. 47). На полевых чертежах кургана 14-1 за 1978 г., хранящихся в Архиве ИИМК РАН, годы раскопки сопки указаны: «1974, 1975, 1978» (Петренко А-1978а: л. 2, 3, 5–10).

В отчете Староладожской экспедиции за 1975 г., написанном А. Н. Кирпичниковым и хранящемся в Архиве ИИМК РАН, подшит рукописный Приказ № 1 по Староладожской экспедиции от 8 августа 1975 г. Приказ требует интенсифицировать затянувшиеся раскопки на Варяжской улице. Документ содержит следующий пункт: «4. Не производить на территории поселка Старая Ладога и его окрестностей никаких других археологических работ (за исключением недокопанной сопки)» (Кирпичников А-1975: л. 65 об). Таким образом, к 8 августа 1975 г. сопка все еще была не доисследована.

Итак, картина рисуется следующая: в 1974–1975 гг. В. П. Петренко раскопал большую часть сопки, но полный отчет сдавать не стал. В 1974 г. он отчитался за северо-западный (I) сектор. В 1975 г. — за северо-восточный (II). В каком состоянии к концу полевого сезона 1975 г. находились два других сектора — понять сложно.

В 1976–1977 гг. В. П. Петренко был полностью поглощен раскопками на Варяжской улице и сопкой, похоже, не занимался (по крайней мере среди полевых материалов этих лет, хранящихся в Архиве ИИМК РАН, мне не удалось отыскать упоминаний об этом). В 1978 г. он завершил раскопки сопки. Проводились ли какие-то работы на юго-западном (III) и юго-восточном (IV) секторах, мы не знаем. Точно известно, что был заложен раскоп у южного подножия насыпи 14-1. При этом отчет был написан только по этому вновь вскрытому южному сектору. Юго-западный (III) и юго-восточный (IV) сектора остались не описанными. При раскопках выделено несколько групп объектов (рис. 24).

Группа 1. В основании сопки лежит круглая материковая платформа высотой 1,2–1,65 м. Согласно монографии 1994 г., на этой подкурганной площадке, в ее западной части, расчищено кострище диаметром

2,6×3,7 м, толщиной 0,1 м. На кострище находился раздавленный (?) лепной горшок. Полевая тетрадь на этот счет уточняет:

«Кв. Г-5, Г-6, В-5, В-6. Гл. –10 от р. № 1. В этих квадратах на данной глубине встречена небольшая угольная прослойка площадью 12–15 кв. м. Толщина слоя около 5 см. Угли мелкие и попадают разрозненно по всей прослойке. В северо-западном углу над прослойкой (в 5 см выше ее) найдено 37 фр. лепной керамики, в том числе 1 фр. доньшка и 1 фр. венчика. Сосуд, по-видимому, стоял, но из-за неосторожности снимающего был разбит и весь его верх выброшен в отвал. В пользу этого предположения говорит тот факт, что донце находилось ниже всех фрагментов керамики и находилось именно в таком положении, как если бы горшок стоял. Внутри слоя, где находились фрагменты керамики, а зачастую перемешавшись с ними встречались угли. С двух сторон сосуд окружало по камню (С, С3)» (Петренко А-1974а: л. 50).

На погребенной почве в северо-западном секторе кургана обнаружены мелкие кальцированные косточки (11 экз.) (Петренко А-1975: л. 13), определенные как «кости небольшой птицы». Судя по чертежу, косточки лежали компактной линзой около 0,4×0,2 м в поперечнике (Петренко А-1975: рис. 37). Вместе с ними были найдены фрагменты золотой фольги и каменная вставка (?). В полевой тетради все это описывается так:

«В кв. И-3 в гумусированном слое найдено несколько фрагментов изделия из золота (?), очень тонкие пластинки, часть которых сохранила плавный изгиб. Можно предположить, что это части изделия, по форменаноминяющего цилиндр. В кв. К-3 найдена вставка для перстня из камня. В обоих квадратах встречаются кальцированные кости очень мелких рамеров (с булавочный укол). Тут же найдено несколько фрагментов керамики» (Петренко А-1974а: л. 53).

На подкурганной площадке удалось проследить отпечатки ветвей хвойных деревьев (елей?). Что представлял собой этот наброс, осталось неясным. На чертежах В. П. Петренко видны деревца высотой до 5 м, уложенные верхушками к центру насыпи (Петренко А-1974а: рис. 5; Петренко А-1975: рис. 37). Полевые записи дают иную картину:

«Площадь, выложенная еловыми ветвями, достигает 40 кв. м. Ветви, судя по отпечаткам, уложены хаотично, одна на другую. Встречаются отпечатки, где одна перекрывает другую. Ветви мелкие (наибольшая толщина — 3 см). Расположены в слое глины прямо над гумусом» (Петренко А-1974а: л. 52).

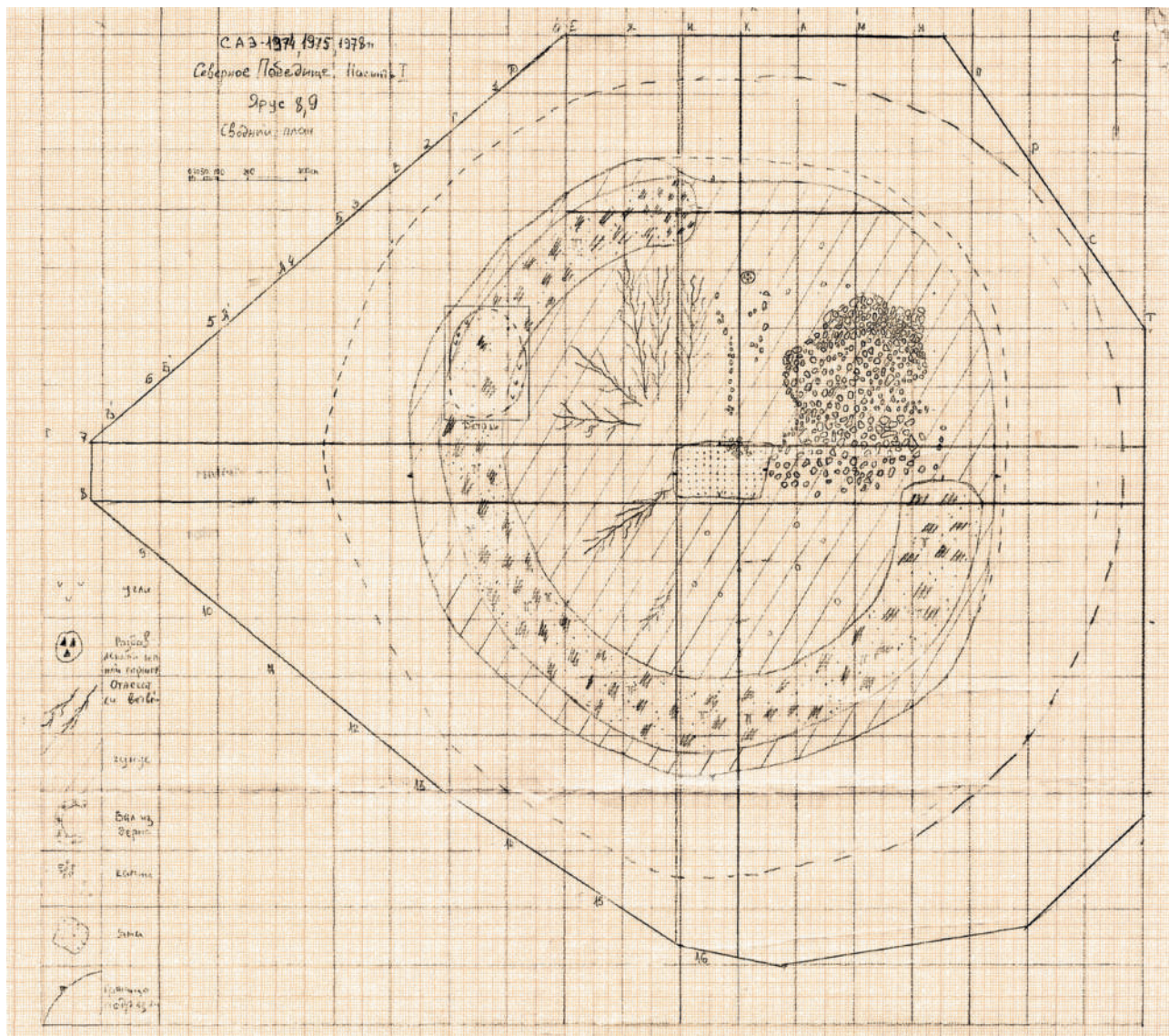

Рис. 24. Старая Ладога. Сопка 14-I по В. П. Петренко. Полевой чертеж из Архива ИИМК РАН

В северо-восточной части кургана на погребенной почве обнаружилась каменная вымостка размерами 4–5×6–7 м. Камни уложены в 1–2 слоя. Близ вымостки находилась «стенообразная выкладка» из камней длиной около 4 м, ориентированная по линии север-юг. Между вымосткой и стеной-выкладкой и сделаны были находки, которые можно предположительно связать с жертвоприношением птицы, совершенным перед возведением кургана (рис. 24).

Таким образом, с первоначальным курганом следует предположительно связывать находки, найденные *in situ* на поверхности погребенной почвы:

1. Лепной сосуд, стоявший на кострище (Петренко А-1974, оп. № 18).

2. Фрагмент лепной керамики с поверхности погребенной почвы (Петренко А-1974, оп. № 19).

3. Фрагменты золотой фольги. В полевой тетради (табл. 52) и в публикации фигурируют 6 экз. (Петрен-

ко 1994: рис. 42: 5). В официальном отчете за 1975 г. упоминается, что найдено было четыре «небольших фрагмента тонкой золотой фольги, покрытой стекловидным налетом» (Петренко А-1975: л. 13)⁸³.

4. «Небольшой шестигранный камень, темно-коричневого цвета (вставка?)» (Петренко А-1975: л. 13).

5. Около 10 фрагментов кальцинированных костей «небольшой птицы» (Петренко 1994: 125).

Над описанными сооружениями путем насыпки подковообразных валиков из глины была сделана курганная насыпь диаметром 26–27 м и высотой 2 м с уплощенной вершиной. В процессе возведения этой первоначальной насыпи она оказалась разделена

⁸³ Не приложены к этим отчетам и открытые листы. Куда делся лист за 1976 г. – неясно. Открытый же лист № 429 за 1977 г. В. П. Петренко приложил к отчету о раскопках южной ополнины сопки № 1 в 1978 г.

на восемь секторов девятью радиальными каменными выкладками, сходящимися в центре кургана (этот центр и был, видимо, раскопан Н. Е. Бранденбургом). Надо заметить, что полевой чертеж, хранящийся в архиве ИИМК РАН (Петренко А-1975а: л. 47), заслуживает особого рассмотрения. Он рисует не такую геометрически правильную картину, как публикация (Петренко 1994: рис. 12). Видно, что в поле был зафиксирован ряд каменных стен и кладок, не нашедший отражения на публикационном чертеже. Например, юго-западная «радиальная выкладка» представляет комбинацию радиальной выкладки с подтреугольной и с неким подобием выложенного из булыжников «каменного ящика».

Основание сооружения было обложено валунами, образовавшими цоколь высотой до 1,5 м. В юго-западной части валунного кольца прослеживаются два ряда валунов, примыкающих под прямым углом к каменному цоколю. Эта деталь конструкции очень напоминает так называемые «юго-западные ворота» (*sudvästportar*), известные в курганах Центральной Швеции преимущественно в эпоху викингов. По поводу этих каменных конструкций, служивших, возможно, местом контакта живых с «обитателем» кургана, существует несколько исследований (Bratt 2008: 94–96, там литература).

С южной стороны кургана вне каменного «цоколя» вплотную к нему раскрыто четыре погребения по обряду трупосожжения (№ 4–6, 9), помещенные в подсыпку из «чистого светлого песка». Погребения перекрыты глиной первоначальной насыпи. По мнению автора раскопок, они совершены до ее возведения и перекрыты ею. Так завершается первый этап строительства насыпи. В первоначальном виде насыпь сохранялась, видимо, какое-то время, поскольку на ее поверхности удалось проследить следы дерна (Петренко 1994: 58, 125).

Первоначальное захоронение (в «насыпи I», по В. П. Петренко) не было обнаружено. Скорее всего, оно не сохранилось, будучи разрушено старым раскопом. Кальцинированные кости в заполнении большой центральной ямы-раскопа встречались и при раскопках сопки самим В. П. Петренко (Петренко А-1974: л. 2, 3), хотя последний связывал их с частично разрушенным погребением № 2 (Петренко 1994: 125) или № 1 (Петренко 1994: 20), что доказать невозможно без специальных исследований костного материала. Остатками разрушенного захоронения также являются две отдельно найденные в северо-западном секторе переотложенные бусины: пронизка голубого стекла (оп. № 1) и оплавленная бусина синего стекла с прикипевшей к ней кальцинированной косточкой (оп. № 3) (Петренко А-1974: л. 3, 62).

Группа 2. На вершине первоначальной насыпи зафиксированы два кострища диаметром 6–7 м и 2 м. На участке кострища, попавшего в раскоп 1974 г., в кв.

Ж-5, найдены два фрагмента железной заклепки (оп. № 6) (Петренко А-1974: л. 62). Рядом с одним из кострищ совершено погребение № 2, по В. П. Петренко. Кальцинированные кости рассыпаны на площади 2,5 × 3 м на слое дерна (Петренко 1994: 125). Погребение повреждено перекопом.

Погребение № 2 (захоронение в «насыпи II», по В. П. Петренко). Остатки кремации, произведенной на стороне, помещены на подсыпку, произведенную поверх первоначальной уплощенной насыпи. Отчет по этому погребению, как уже говорилось, отсутствует. Осталась лишь миллиметровка в НА ИИМК РАН, на котором оно обозначено (Петренко А-1978а: л. 7). Судя по этой миллиметровке, погребение представляло собой линзу кальцинированных костей, рассеянных на площади 3,0 × 2,25 м. В юго-восточной части линзы сделана единственная находка — «обломок литого браслета со змеевидным орнаментом» (Петренко 1994: 125). Рисунка браслета нигде в полевой документации мне отыскать не удалось.

Погребение было перекрыто новой насыпью из красноватой глины высотой около 3 м. Общие размеры сооружения достигают теперь в высоту 5–6,5 м, в диаметре 26–27 м. В процессе возведения верхней насыпи (по мнению В. П. Петренко — не позднее) было совершено еще одно погребение — № 1 (трупосожжение на стороне). Оно было впущено в слой гумуса в северной поле насыпи.

Погребение № 1 (захоронение в «насыпи II», по В. П. Петренко). Остатки кремации на стороне образовывали скопление в северной полé верхней части насыпи, возможно, были высыпаны в ямку. Гумусная прослойка, в которой было найдено погребение, оказалась перекрыта выбросом из большой ямы в центре кургана. Описание погребения разнятся. По официальному полевому отчету площадь погребения — 0,3 × 0,2 м. Инвентарь:

1. «Коррозированная бронзовая подвеска»;
2. Две оплавленные бусины (Петренко А-1974: л. 3, рис. 2).

Опись находок из этого отчета позволяет отнести к этому погребению предметы, найденные в кв. Ж-3 на отметках от +230 до +210: бусину синего стекла (оп. № 2), оплавленную бусину желтого стекла (оп. № 4), бронзовую подвеску с орнаментом (оп. № 5), фрагмент лепного сосуда (оп. № 7) (Петренко А-1974: л. 62).

По монографии В. П. Петренко 1994 г. площадь погребения: 0,4 × 0,3 м. Инвентарь в монографии описан так:

1. Раздавленный лепной сосуд
2. Круглая бляшка из сплава меди
3. Стекланные бусы (Петренко 1994: 125).

Полевые записи рисуют это погребение несколько по-иному:

«23.08.74⁸⁴. В кв. Ж-3, Ж-2 встречено скопление кальцинированных костей. Толщина слоя — 20–25 см. Кости крупные. Отдельные достигают 3–4 см в длину. Расположены гнездами по несколько штук. Скопление расположено на склоне. Находки: несколько фрагментов лепной керамики, оплавленная бусина (1 экз.) и бронзовая бляшка. При разборке кострища (кв. Ж-4, Ж-5, Ж-6) найдены были три фрагмента лепного сосуда, ладейная заклепка.

2.07.74 г. В кв. Ж-3 на глубине +230 от р. № 1 встречено скопление кальцинированных костей. Толщина слоя — 14 см, радиус — 20 см. Скопление находилось в районе корня, сильно его повредившего на самом склоне сопки. Находки: кальцинированные кости — 60 экз., оплавленная бусина (1 экз.), керамика 1 фр. Скопление находится в слое, который можно считать выбросом из раскопа Уварова (?).

4.07.74 г. В кв. Е-2, К-2 на глубине +195 от р. и 15 от пов. скопление кальцинированных костей. Расположены гнездами по 5–6 шт. в каждом. Толщина слоя 10–15 см, идет ровно по склону сопки. Ширина слоя — 1–1,2 м. Находки: бусина, оплавленная вместе с кальцинированной костью.

Примечание: 1) фрагмент керамики из погребения соединился с двумя фрагментами из кв. Е-4, Ж-4, найденными на уровне угольной прослойки. 2) погребение находится на расстоянии от угольной прослойки и выше его» (Петренко А-1974а: л. 49).

Полевой дневник В. П. Петренко за начало июля 1974 г. описывает погребение следующим образом:

«4 июля. Продолжалось исследование указанных квадратов. В кв-те Ж3 на глубине +287 см от репера и в 60 см от поверхности насыпи обнаружено скопление кальцинированных костей. Кости лежат гнездами по 5–6 костей (всего 20 гнезд) на площади диаметром 40 см. Толщина костеносного слоя 14 см. Среди костей найдена 1 оплавленная мозаичная бусина (галактический узор?) и ф-т лепной керамики. В разрезе скопление подовальное. Часть его осталась видимо в бровке. В районе скопления рос куст. Корень повредил описываемый объект. Скопление находилось на склоне. Рядом со скоплением, но ниже его на 18 см в кв-тах Е4, Е5, Ж4, Ж5, И4, И5, а также частично в кв-тах К4, К5 расчищено скопление угольков, в плане подпрямоугольное со скругленными углами. Размеры его 6 м × 4 м. Мощность до 0,2 м. В кв-тах Ж5, Ж4 наблюдалась концентрация углей. Здесь же встречалась красновато-коричневая (прокаленная?) глина. Угольное скопление разрезано примерно посередине бровкой. Здесь же есть золистые включения. Возможно — это кострище (но в нем не было найдено не единой косточки, а кальцинир. кости находились в 0,5–0,6 м к северу на склоне). Среди углей было найдено 2 леп-

ных черепка, которые склеились с фрагментом из скопления кальцинированных костей. В кострище замечены даже куски горелого дерева. Ниже по склону, к северу от описанного скопления в квадратах Ж2, Е2 обнаружены отдельные кальц. кости, которые примыкали к описанному выше скоплению. Кости здесь лежали рассыпью. Площадь участка занятого костями, 1 × 0,4 м. Мощность слоя, где лежали кости, 0,1–0,15 м. Среди костей найдена кость с которой, возможно, сплавлена бусина (?). Рассматриваемые косточки залегали на глубине 0,2–0,3 м от поверхности» (Петренко А-1974 в: л. 3 об.-4 об.).

Согласно совокупности документов, погребение № 1 в северо-западном секторе, найденное при раскопках первым, стратиграфически является самым поздним захоронением собственно в насыпи сопки (или на древней ее поверхности). Это единственный хронологический репер, позволяющий понять, когда насыпь обрела свою финальную форму. Захоронение сопровождалось разжиганием на первоначальной насыпи огромного ритуального костра.

После окончательного оформления большого кургана (возможно, на завершающей стадии оформления) у западного и южного подножий насыпи производится ряд захоронений по обряду сожжения на стороне. Погребения и инвентарь перечисляются ниже в последовательности совершения захоронений (так, как она виделась автору раскопок):

Погребение № 4 (захоронение «первого ряда», по В. П. Петренко). Кальцинированные кости гнездами рассыпаны в слое светлого песка у подножия материкового «пьедестала» на площади 1,6×2,9 м, частично перекрывая каменную обкладку основания сопки (Петренко 1994). В полевой тетради погребение рассматривается под № 2 и описывается так:

«Кв. Н-10. Гл. –15 от р. № 1. В верхнем слое гумусированного песка найдено несколько (14 экз.) кальцинированных костей. Все они были расположены в одном месте. Кости очень мелкие. Рядом найдены две сплавки из стеклянных бус.

Кв. Н-11. Гл. –20 от р. № 1. В слое гумусированного песка 60 см от поверхности найдено 18 экз. кальцинированных костей. Кости все разбросаны. Впечатление таково, что все погребение либо из выброса (но наличие бус ставит под сомнение это предположение), либо основная часть погребения оползла в карьер.

В кв. Н-11 над материковым слоем найдено несколько кальцинированных костей (гл. –116 от р. № 1)» (Петренко А-1974а: л. 49 об.).

Погребение № 5 (захоронение «первого ряда», по В. П. Петренко). Кальцинированные кости рассыпаны в слое чистого песка гнездами у каменной обкладки основания, частично ее перекрывая. Площадь захоронения 2,0×2,7 м. Полевая тетрадь отмечает, что «в кв. М-12 в районе погребения обнаружена

84 С датами в этой полевой тетради какая-то путаница. С датами полевого дневника (Петренко А-1974в) они начинают совпадать только с 04.07.1974 г.

бронзовая пряжка. Встречено также множество кальцинированных костей и керамика» (Петренко А-1974а: л. 12). Пряжка зарисована в дневнике, она опубликована в книге (Петренко 1994: рис. 42: 4).

Погребение № 6 (захоронение «первого ряда», по В. П. Петренко). Кальцинированные кости рассыпаны в слое чистого песка на площади размерами 2,4×3,8 м. Кости залегали гнездами. Рядом с захоронением расчищен след столбика.

Погребение № 9 (захоронение «первого ряда», по В. П. Петренко). Кальцинированные кости рассыпаны в слое чистого песка на площади 1,9×3,4 м «рядом <...> с каменной обкладкой, отчасти накрывая камни нижнего яруса» (Петренко 1994: 125).

Погребение № 3 (захоронение «второго ряда», по В. П. Петренко). Кальцинированные кости залегали под дерном в гумусированном песке на площади 2,2×2,3 м в 3,8 м от каменной обкладки основания сопки (Петренко 1994: 125).

Погребение № 7 (захоронение «второго ряда», по В. П. Петренко). Кальцинированные кости были расчищены под дерном в слое гумусированного песка в 3 м к югу от каменной обкладки основания сопки. Скопление костей представляло собой овальное пятно протяженностью около 2 м. Захоронение оказалось повреждено позднесредневековым перекопом.

Погребение № 8 (захоронение «второго ряда», по В. П. Петренко). Кальцинированные кости в древности были рассыпаны по дневной поверхности на площади размерами 1,9×2,6 м в 0,8 м к юго-западу от каменной обкладки. Расчищены в слое гумусированного песка.

Погребение № 10 (захоронение «второго ряда», по В. П. Петренко). Кальцинированные кости обнаружены в слое гумусированного песка на площади 2,2×4,4 м в 2,5 м к западу от каменной обкладки. Инвентарь — «фрагмент литой подтрапецевидной подвески с врезной линией по краям» (Петренко 1994: 125).

Погребение № 11 (захоронение «второго ряда», по В. П. Петренко). В 1,3 м к западу от погребения № 10 обнаружена материковая яма размерами 1×2 м и глубиной 0,5 м. Кальцинированные кости залегали в яме слоем мощностью до 0,2 м.

Погребение № 12. Расчищено рядом с каменной обкладкой основания сопки в слое гумусированного песка. Перекрывало погребение № 9, будучи отделенным от него гумусной прослойкой толщиной около 0,1 м (Петренко 1994: 125).

В полевом отчете за 1978 г. погребения 3–9 описаны без упоминания находок (Петренко А-1978: л. 3–5). При этом выделяются предметы, которые могли быть связаны с «костеносным» слоем:

1. Пронизка желтого стекла (Петренко А-1978: оп. № 3).

2. Оплавленные бусы (Петренко А-1978: оп. № 6).

3. Синяя глазчатая бусина (Петренко А-1978: оп. № 8).

4. Оплавленные бусы (Петренко А-1978: оп. № 10).

Особое внимание автор раскопок обращает на следующие находки: крупная темно-синяя бусина с концентрическими глазками и среди № 2 и 4 — несколько «молочно-белых бус с темно-коричневой волной или глазками» (Петренко А-1978: л. 5). Исходя из этих находок датировка погребений, образующих «костеносный» слой у южной подошвы сопки, может быть суммарно определена VIII–X вв.

Сопоставление описей за 1974 г. из полевой документации (табл. 52) и из формального полевого отчета (табл. 53) дает существенные разночтения и помогает выявить реальную картину раскопок большого кургана и характер находок.

Вышеприведенная опись не является исчерпывающей. Чтобы получить более полное представление о находках, нам нужно обратиться к документами из НА ИИМК РАН (табл. 55).

Подведем итоги. С возведением первоначальной насыпи связан сложный комплекс ритуальных действий. Перечислим те из них, которые понятны:

1. Подрезка естественной возвышенности и создание округлой платформы.

2. Создание вокруг платформы каменной облицовки/цоколя.

3. Разжигание на платформе костра и размещение на нем лепного сосуда.

4. Обустройство на платформе округлой каменной вымостки и стенообразной выкладки.

5. Сожжение птицы (?) и помещение ее остатков близ вымостки.

6. Укрытие площадки хвойными деревцами, уложенными вершинами к центру кургана (по другой версии — устилание площадки лапником).

7. Возведение насыпи, во время чего были обустроены девять радиальных выкладок.

8. Окончательное оформление сооружения в виде кургана с плоской вершиной.

Таким образом, сопка 14-I предстает перед нами в виде сложнейшего ритуального комплекса. Наличие в нем изначального захоронения вызывает сомнения. Пожалуй, все-таки в пользу его существования говорит обряд, характерный для обезвреживания заложенного покойника, — заваливание места погребения деревцами и еловыми лапами (см. выше, раздел 4.3.4.). Присутствие в жертвоприношении какого-то украшения, включавшего золотую фольгу, напоминает погребальные традиции вендельского времени. На мой взгляд, качество полевой документации не позволяет ответить на вопрос: совершались ли одновременно с возведением этой первой насыпи захоронения за пределами каменного цоколя? По крайней мере, В. П. Петренко полагал, что погребения «первого

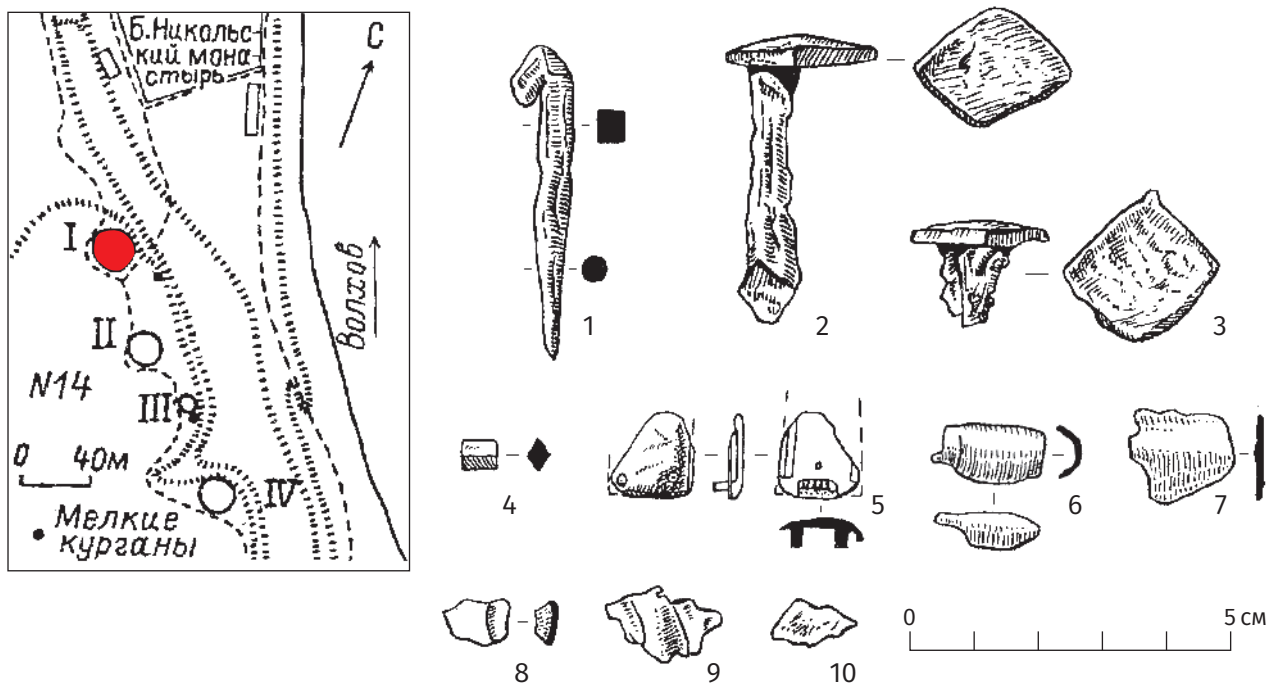

Рис. 25. Старая Ладога. Сопка 14-I по В. П. Петренко (Петренко 1994). Находки: 1 – железный предмет; 2, 3 – фрагменты железных заклепок, 4 – каменная вставка (?); 5 – бронзовая накладка; 6–10 – фрагменты золотой фольги

ряда», лежавшие в чистом песке, «были совершены на одном из ранних этапов строительства насыпи, когда процесс формирования сопки еще не был закончен» (Петренко А-1978: л. 5).

Верхний ярус захоронений, связанный с досыпкой сопки, В. П. Петренко датировал IX–X вв. на основании находки в погребении № 2 «ладьевидного браслета со змеевидным орнаментом» (Петренко 1994: 88). В отчетной полевой документации раскопки этого погребения никак не отражены. На таблице находок из книги В. П. Петренко браслета нет (Петренко 1994: рис. 35; 42), и местонахождение его неизвестно. Поэтому проверить правильность атрибуции В. П. Петренко невозможно. Отмечу только, что ладьевидные браслеты со змеевидным орнаментом появляются в Скандинавии уже в VIII в. (Nerman 1969: Taf. 284: 2260, 2261).

Для того, чтобы попытаться составить представление о времени сооружения верхнего яруса сопки, нужно обратиться к погребению № 1, поскольку только оно содержит сохранившуюся в коллекции СЛМ датирующую находку. Это бронзовая поясная бляшка, ошибочно названная В. П. Петренко «подвеской». В реальности перед нами литая поясная накладка округлой формы со слегка срезанным краем. Посередине среза имеется петля (сломана) для кольца. Лицевая сторона бляшки имеет орнаментацию в виде обращенного вершиной вниз (к кольцу) трилистника. Края бляшки украшены перлами. На обороте имеются три шпенька для крепления к ремню. Бляшки этого типа в VIII–X вв. характерны для ко-

чевнических культур Восточной Европы и связанных с ними культур лесной зоны на очень широкой территории к востоку и югу от Верхней Волги. Множество таких бляшек, с различными вариантами растительного орнамента, известны в салтово-маяцких древностях. Аналогии (с несколько иной композицией трилистника) можно указать в Прикамском и Поволжском регионах. Вероятно, наиболее ранние из них найдены в Елевском (Спицын 1902: табл. XVII: 18; Голдина 1985: табл. XII: 51) и Больше-Тиганском могильниках (Халикова 1976: 178; рис. 11). Ряд исследователей датируют последний концом VIII – первой половиной IX в. (Халикова 1976: 178; Казаков 1992: 76, 77). Есть, однако, мнение о более молодой датировке могильника – конец IX – X в. (Мажитов 1977: 28). Для хронологии существенное значение имеет находка бляшки, сходной с Больше-Тиганской, на мезрянском городище Выжегша в бассейне Клязьмы (Леонтьев, Сапрыкина 2022: рис. 2: 35). Городище существовало в конце VI – IX в. и запустело до начала X в. (Леонтьев, Сапрыкина 2022: 217; Леонтьев и др. 2020: 52). У поволжских финнов интересующие нас поясные бляшки с ободком из перлов и трилистником известны на памятниках конца IX–X в., например, в Лядинском могильнике (Воронина 2007: 29, рис. 14: 14; 75; Ахмедов 2016: 438).

Абсолютно точная аналогия бляшке из сопки 14-I найдена в Южном Зауралье в могильнике Уелги (Кунашакский район Челябинской области), к сожалению, в переотложенном слое (Грудочко, Боталов 2013: рис. 25). Могильник содержит материалы VIII–XI вв.

Табл. 52. Полевая опись находок в насыпи сопки 14-I из полевой тетради 1974 г., хранящейся в Архиве ИИМК (Петренко А-1974а). Цветом выделены находки из погребения 1, совершенного после завершения насыпи в дерне верхнего яруса сопки. Зеленым цветом помечены находки, опознаваемые в Староладожском музее (представлены на рис. 26)

№	Описание	Материал	Условия находки	Шифр	Примечания
1	Две оплавленные бусины (синяя и желтая), спаянные вместе	Стекло	Кв. Н-10 -15 от р. № 1	САЭ-74 сп 1/1	08.07.74 г.
2	Бусина красная (фрагмент)		-//-	САЭ-74 сп 1/2	08.07.74 г.
3	Пронизка голубая	Стекло	Кв. Г-3 -5 от р. № 1	САЭ-74 сп 1/3	10.07.74 г.
4	Бусина синяя	Стекло	Кв. Ж-3 +230 от р. № 1	САЭ-74 сп 1/4	02.07.74 г.
5	Бусина синяя, сильно оплавленная, вместе с косточкой кальцинированной	Стекло	Кв. Ж-2 +195 от р. № 1	САЭ-74 сп 1/5	04.07.74 г.
6	Бусина	-//-	Кв. Г-11, гл. 60 см от Д-12	САЭ-74 сп 1/6	18.07.74 г.
7	Железный шарик, сплюснутый с двух сторон. Д – 1,3 см		Найден в отвале кв. В-11	САЭ-74 сп 1/7	13.07.74 г.
8	Комок из сильно оплавившихся бус (зеленая, синяя, светло-зеленая)	Стекло	Кв. Д-12, гл. 100 от Д-12	САЭ-74 сп 1/8	17.07.74 г.
9	Монета, полушка Петра I		Кв. Г-11, гл. 100 от р. № 1	САЭ-74 сп 1/9	19.07.74 г.
10	Пряжка. Состоит из двух фрагментов, на одной остался поясик от иголки	Бронза	Кв. М-12, гл. -20 от р. № 1	САЭ-74 сп 1/10	29.07.74 г.
11	Бусина синяя, оплавленная с костью	Стекло	Кв. М-12. Гл. -25 от р. № 1	САЭ-74 сп 1/11	29.07.74 г.
12	Бусина голубая, оплавленная, с концентрическими черными и белыми кругами	Стекло	-//-	САЭ-74 сп 1/12	29.07.74 г.
13	Бусина синяя, сплавленная с костью	Стекло	-//-	САЭ-74 сп 1/13	29.07.74 г.
14	Бусины фрагмент	Сердолик	Кв. Н-12. Гл. 40 от Н-12	САЭ-74 сп 1/14	08.08.74 г.
15	Кусок сердолика		-//-	САЭ-74 сп 1/15	08.08.74 г.
16	Вставка от перстня, четырехгранная, в сечении – ромб		Кв. К-3. Гл. -10 от р. № 1	САЭ-74 сп 1/16	05.08.74 г.
17	Скопление фрагментов изделия из фольги. Шесть фрагментов. Пластинки очень тонкие и неодинаковые. Две имеют форму цилиндра	Золото (?)	Кв. И-3. Гл. -15 от р. № 1	САЭ-74 сп 1/17	05.08.74 г. 06.08.74 г.
18	Бусина желтая, сильно оплавившаяся, каплевидной формы	Стекло	Кв. Ж-3. Гл. +210 от р. № 1	САЭ-74 сп 1/18	23.08.74 г.
19	Подвеска орнаментированная (внутри круга изображен листок). Ушко обломано	Бронза	Кв. Ж-3. Гл. +210 от р. № 1	САЭ-74 сп 1/19	-//-
20	Заклепка. Состоит из двух фрагментов	Железо	Кв. Ж-5. Гл. +180 от р. № 1. В слое кострища	САЭ-74 сп 1/20	-//-
21	Фрагмент орнаментированного (ромбовидн.) браслета	Бронза	Кв. К-9. Гл. +247 от р. № 1	САЭ-74 сп 1/21	05. 10. 74 г.

Табл. 53. Полевая опись находок в насыпи сопки 14-I из официального полевого отчета за 1974 г., направленного в Москву (Петренко А-1974). Цветом выделены находки из погребения 1, совершенного после завершения насыпи в дерне верхнего яруса сопки. Зеленым цветом помечены находки, опознаваемые в Староладожском музее (представлены на рис. 26)

№	Описание	Условия находки	Шифр	Примечания
1	Пронизка голубого стекла	Кв. Г-3. Гл. -5	САЭ 1974 СП 1/3	10.07.74 г.
2	Бусина синего стекла	Кв. Ж-3. Гл. +230	СП 1/4	02.07.74 г.
3	Бусина синего стекла сильно оплавленная, к ней прикипела кальцинированная косточка	Кв. Ж-2. Гл. +195	СП 1/5	04.07.74 г.
4	Бусина желтого стекла сильно оплавленная	Кв. Ж-3. Гл. +210	СП 1/18	23.08.74 г.
5	Бронзовая подвеска с орнаментом. Ушко отломано	Кв. Ж-3. Гл. +210	СП 1/19	-//-
6	Железная заклепка (2 фр-та)	Кв. Ж-5 (в слое кострища). Гл. +180	СП 1/20	-//-
7	Фр-т лепного сосуда (1 экз.)	Кв. Ж-3. Гл. 230	СП2/1	2.07.74 г.
8	Лепная керамика (8 фр-в) в том числе 5 от венчиков	Кв. Е-4, гл. +210	СП 2/2, 3, 4, 5, 6, 7, 8	29.06.74 г.
9	Фр-т венчика гончарного сосуда	-//-	СП 2/9	29.06.74 г.
10	Фр-т лепной керамики	Кв. Ж-4. Гл. 205	СП 2/10	29.06.74 г.
11	Фр-т лепной керамики	Кв. Е-4. Гл. +205	СП 2/11	29.06.74 г.
12	Лепная (4 фр-та от донца) и гончарная (2) керамика	Кв. Ж-4. Гл. +200	СП 2/12, 13, 14, 15, 16, 17	01.07.74 г.
13	Гончарная (1 фр-т) и лепная (2 фр-та, из них 1 венчик) керамика	Кв. Ж-3. Гл. +180	СП 2/18, 19, 20	05.07.74 г.
14	Гончарная керамика 9 фр-в, из них 1 венчик	Кв. Г-3. Гл. +180	СП 2/21-30	-//-
15	Лепная керамика	Кв. Р-4. Гл. +180	СП 2/31-46	04.07.74 г.
16	Лепная (22 фр-та) и гончарная (20 фр-в) керамика	Кв. Е-3. Гл. +180	СП 2/59-101	12.07.74 г.
17	Фр-т лепного сосуда	Кв. Г-4. Гл. -10	СП 2/145	27.06.74 г.
18	Фр-ты лепного сосуда	Кв. Г-5. Гл. -10	СП 2/146-183	27.06.74 г.
19	Фр-т лепной керамики	Кв. Е-5 (на поверхности погребенной почвы)	СП 2/188	19.07.74 г.

Табл. 54. Полевая опись находок в насыпи сопки 14-I из официального полевого отчета за 1978 г., направленного в Москву (Петренко А-1978). Выделены находки из погребений у подножия сопки. Зеленым цветом помечены находки, опознаваемые в Староладожском музее (представлены на **рис. 26**)

Шифр САЭ-1978, №	Название	Локализация	Дата
1	Кремневый скребок	Кв. Ж-15	28.7.78
2	Вислая печать свинцовая	Кв. И-14 (яма)	27.7.78
3	Пронизка из желтого стекла (оплавлена)	-//-	20.7.78
4	Ф-т стекл. браслета	Кв. Н-15	29.7.78
5	Отшлифованный камень	-//-	-//-
6	Оплавленные бусы	Кв. И-15	-//-
7	-//-	-//-	-//-
8	Буса крупная, синяя, глазчатая	-//-	-//-
9	-//-	Кв. И-14	-//-
10	Оплавленные бусы	Кв. И-15	-//-
11	Железный предмет	Кв. К-15	28.7.78
12	Кремневый скребок	Кв. Ж-14	-//-
13	Ф-т шиферного оселка	Кв. К-15	30.7.78
14	Кремневое изделие	Кв. Е-13	1.8.78
15	-//-	-//-	-//-
16	-//-	-//-	-//-

Табл. 55. Полевая рукописная опись находок в насыпи сопки 14-I (Петренко А-1978б). Выделены находки из погребений у подножия сопки¹

Шифр САЭ-1978, №	Название	Описание, шифр	Локализация	Дата
1	Кремневый скребок	СП/1	Кв. К-4, зачистка 4-го сектора	VII. 78
2	-//-	Отщеп (СП/2)	Ж-11, Ж-12, Е-12 (погребение 1)	28.7.78
3	Печать свн.	Свинцовая вислая с буквицей(СП/3)	Кв. Ж-11 (погребение 1)	27.7.78
4	Оплавл. бусы стекл.	Синего, зелен. цвета (СП/4)	Погребение 2. Кв. А'-6, А"-6, А'-5	20.8.78
5	Железн. предмет	Коррозиров. Кругл. форма (СП/5)	Кв. И-9 (сектор 4)	VII. 78
6	Оплавл. пронизка стекл.	Желтого цвета (СП/6)	Погребение 1. Кв. Ж-11, Ж-12	VII. 78
7	Фр-т стекл. бр-та	Желтого стекла, витого. (СП/7)	Кв. Н-11, П-11, Н-12. Погребение 3	29.VIII. 78
8	Шлифов. камень с кристаллич. вкраплен.	СП/8	-//-	-//-
9	Железн. предмет	АП/9	Кв. А"-6, А'-6, Б"-6, Б'-6. Погребение 2	23.VIII.78
10	Железн. заклепка	СП/10	-//-	-//-

Шифр САЭ-1978, №	Название	Описание, шифр	Локализация	Дата
11	Оплавл. буса стекл.	Мозаичн. сплавл. с бел. и желт. СП/11	Кв. Ж-11, Ж-12. Погребение 1	26. VIII.78
12	Опл. буса	Зеленого цвета сплавл. с бус. кирпичн. цв.	-//-	-//-
13	-//-	Синяя. СП/12	-//-	-//-
14	-//- (ф-т)	-//- СП/15	-//-	-//-
15	Ф-ты бусы	Оплавл. стекл. кирпичн. цвета	-//-	-//-
16	Железн. предмет	В виде топорлица (?) СП/16	Кв. Ж-12, Е-12 (погребение 1)	28.7.78
17	Кремнев. скребок	СП/17	Кв. Ж-11, Ж-12 (погребение 1)	-//-
18	Фр-т шиферного оселка (?)	СП/18	-//-	-//-
19	Кремень	СП\19	Сектор 3 (зачистка каменной обкладки)	VII. 78
20	-//-	СП/20	-//-Кв. Б-8	VII. 78
21	Бронзовая накладка	Трапециевидн. с насечками по краям СП/21	Погребение 2, кв. А'-6	VIII.78
22	Кремнев. скребок	СП/22	Зачистка каменной обкл-ки 3-го сектора	22. VII. 78
23	Кремнев. отщеп	СП/23	Зачистка каменной обкл-ки 3-го сектора	VII. 78
24	Бронзовая фибула	Фрагментир. СП/24	Найдена севернее Старой Ладоги. Урочище «Сопки»	22. VII. 78
25	Кремнев. скребок	СП\25	Погребение 2. Кв. А'-6, А''-6, Б'-6, Б''-6	VIII.78
26	-//-	СП/26	-//-	-//-
27	-//-	СП/27	-//-	-//-
28	-//-	СП/28	-//-	-//-
29	Железн. предмет	СП/29	-//-	-//-

Примечания к таблице: номера погребений в этой описи не соответствуют итоговой нумерации В. П. Петренко в книге 1994 г., используемой мною при анализе комплекса. При соотнесении находок с погребениями нужно ориентироваться на сетку квадратов.

Показательна география аналогий ладожской бляшке в Балтийском регионе на поселениях, связанных с норманнским присутствием. Абсолютная аналогия найдена в культурном слое поселения Янув Поморски (Трусо) (Woguski 2007: 167, fig. 9). Две аналогичные находки происходят из погребения Bj 523 в Бирке (Arbman 1940: Taf. 96: 10), датирующегося X в. по присутствию в комплексе овалных фибул типа 52 E (Jansson 1985: 174, 175; 1986: 81). Наконец, еще одна бляшка (по степени проработки трилистника она стоит ближе к Больше-Тиганской находке) про-

исходит из нижней части комплекса № 1 раскопа А (1985 г.) на Тимеревском поселении. Верхняя часть заполнения комплекса дает материал X в. (здесь найдено шиферное пряслице). С комплексом связан очаг, в котором лежал дирхем IX–X вв. (Седых, Френкель 2021: 114, рис. 3: 25). Ладожская бляшка, таким образом, пока имеет широкую датировку в пределах IX–X вв., но предпочтительнее выглядит IX в., т. к. представляется маловероятным бытование таких своеобразных и технологически сложных украшений в течение двух столетий.

Помимо ременной накладки, с погребением № 1 связано несколько бус, из которых достоверно определяется одна (рис. 26: 1). Это плохо сохранившаяся бусина, видимо, из поперечно проколотого мозаичного стержня. Ее датировка определяется в пределах VIII–X вв.

Еще одна находка, связанная с этой сопкой, — фрагмент серебряного височного кольца (рис. 26: 5). Этот предмет не фигурирует ни в полевых, ни в отчетных описях (табл. 52–55), но приводится в книге В. П. Петренко, где он привязан к погребению 9 (Петренко 1994: 76, рис. 35: 19; 42: 7). В Староладожском музее этот предмет хранится с полевой этикеткой, относящей его к раскопкам 1974 г. (Северное Победище, насыпь 1, кв. Д-12). Особенностью фрагмента является то, что он откушен клещами. Очевидно, перед нами серебряный лом, либо связанный с деятельностью ювелира, либо принимавшийся на вес как средство оплаты. Для погребений серебряный лом не характерен. Более вероятно, на мой взгляд, попадание предмета в насыпь вместе с культурным слоем.

Подводя итоги, нужно отметить, что два из трех погребений в сопке 14-I — предполагаемое первоначальное захоронение и погребение № 1 относятся к представителям высшего сословия ладожского общества. В первом случае об этом говорят фрагменты золотой фольги, во втором — деталь всаднического пояса. Курган получил окончательную форму не позднее IX в., а его первый ярус, возможно, был построен ранее.

6.3.2.2. Старая Ладога, ур. Победище (северная группа), курган СХL (Бранденбург 1895) — сопка 14-II (Петренко 1994)

Согласно описанию Н. Е. Бранденбурга, курган СХL, принадлежал к «нижней» (т. е. располагавшейся отдельно ниже по течению Волхова) части курганной группы в ур. Победище (Бранденбург 1895: 18). Курган СХL имел окружность 85 шагов (около 60 м), а значит, диаметр его равнялся примерно 18 м. Высота составляла 6 арш. — 4,2 м. Раскопан в 1883 г. (Протокол 1886: XL). Исследователи, вслед за В. П. Петренко, отождествляют курган СХL с сопкой 14-II (Петренко 1994: 21; Волковицкий, Кузьмин 2004: 155)⁸⁵. По Н. Н. Чернягину, сопка 14-II имеет номер 3. По нумерации Г. Ф. Корзухиной курган 14-II имеет номер 26 (Корзухина 1965: л. 2) (рис. 18), а по В. А. Назаренко — номер 27. Насыпь сохранилась в виде плоского всхолмления диаметром около 22 м и высотой около 2 м раскопанного «широким квадратным раскопом» (Назаренко А-1970: л. 11, табл. 28: 1, 2).

⁸⁵ Н. Н. Чернягин полагал, что эта сопка (№ 3 по его нумерации) раскопана А. С. Уваровым.

Будем и мы считать, что именно этот курган был частично раскопан Н. Е. Бранденбургом. Исследована его центральная и восточная части. В. П. Петренко сообщает, что заложил в 1978 г. в юго-восточной части насыпи траншею шириной 1 м и длиной 5,7 м (Петренко 1994: 126). Полевой отчет 1978 г., хранящийся в НОА ИА РАН, информации об этих раскопках не содержит (Петренко А-1978). По данным Н. Е. Бранденбурга и В. П. Петренко выделяется несколько этапов сооружения и функционирования курганной насыпи, с которыми связаны несколько групп объектов (рис. 27).

1-я группа. На погребенной почве Н. Е. Бранденбургом была расчищена кольцевая каменная обкладка, перекрытая грунтом насыпи (рис. 27: 2). С восточной стороны валунная обкладка была сплошной («в два и три яруса»), а с западной — «лишь обозначена отдельно уложенными валунами» (Бранденбург 1895: 138). В южной части насыпи к кольцевой кладке изнутри примыкала короткая выкладка из камней в виде линии, ориентированной с севера на юг. В северной части насыпи внутри стенки расчищена треугольная вымостка из валунов. К востоку от нее — «род огневища из слоя угля (около 1½ арш. в диаметре) с перегорелыми камнями» (Бранденбург 1895: 138). На погребенной почве расчищены два погребения (№ 1 и 2).

2-я группа. На высоте 1 арш. над уровнем погребенной почвы расчищена «короткая стенка, сложенная в 2–3 яруса из валунов и ориентированная с запада на восток. Внутри стенки была обустроена ниша, отгороженная с одной стороны вертикально поставленной плитой. В нише находилось погребение № 3, помещенное в сосуд, перекрытый другой плитой. Очевидно, это погребение маркирует высоту первоначального кургана — 0,7 м высотой и 15 м в диаметре, имевшего валунную обкладку.

3-я группа. На высоте 2,5 арш. над поверхностью первоначальной насыпи зафиксирована вымостка из крупных валунов, «расположенных группами в один слой» (Бранденбург 1895: 137). Никаких находок с этим сооружением не связано. Возможно, оно маркирует второй этап досыпки кургана.

4-я группа. В середине насыпи на глубине 1 арш. от вершины найдена линза кальцинированных костей и большой бронзовый бубенчик — погребение № 4. С этим захоронением, очевидно, связано завершение строительства насыпи, возведенной, как выясняется, в три этапа.

5-я группа. Погребение № 5 располагалось на 0,5 арш. выше валунной вымостки в насыпи кургана в южной его части, в 5 арш. к югу от середины насыпи или от середины вымостки (из описания это неясно). Похоже, оно было впущено в насыпь примерно с современной поверхности. Это следует из

Рис. 26. Старая Ладога. Находки из сопки 14-I по В. П. Петренко (насыпь № 1), принятые (2, 4, 5, 6, 10) и не принятые (остальные) на хранение в Староладожский музей и поясная бляшка из могильника Уелги (Грудочко, Боталов 2013) (3). 1 – полихромная оплавленная бусина; 2 – поясная бляшка; 4 – весовая гирька; 5 – фрагмент височного кольца, откушенный клещами; 6 – кресальный кремь; 7 – оплавненная бусина боченковидная оранжевого заглушенного стекла; 8 – спек синего и желтого бисера; 9 – спек желтого и синего бисера; 9 – спек синего и желтого стекла; 10 – фрагмент бронзовой пряжки; 11, 12 – спек синего стекла; 13 – фрагмент оплавненной бусины красного заглушенного стекла; 14 – спек синего, бирюзового и зеленого бисера; 15 – спек синего и бирюзового стекла; 16 – глазчатая бусина с приклепавшей оплавленной одночастной лимонovidной пронизкой (золотостеклянной?); 17 – спек желтого бисера; 18 – спек синего и желтого стекла; 19 – фрагмент оплавненной бусины голубого прозрачного стекла, с фрагментами бус синего стекла и оранжевого заглушенного стекла; 20 – спек синего стекла; 21 – фрагмент древнерусского витого браслета желтого прозрачного стекла. Фото серебряной поясной накладки (3) предоставлено учебным музейно-выставочным комплексом «Народы и технологии Урала» ЮУрГУ (НИУ). Автор благодарен за консультацию заведующей музеем Ю. В. Васиной

графической реконструкции, если на уровне 1,5 арш. от вершины кургана мы отложим от центральной его части 5 арш. на юг (рис. 27). Таким образом, погребение № 4, возможно, оказывается позднейшим, и, вполне вероятно, — не связанным вовсе с этапами возведения земляной насыпи.

6-я группа. Погребения № 6 и 7 найдены В. П. Петренко при разработке траншеи в юго-восточной части останца насыпи с внешней стороны каменной обкладки. Время совершения этих захоронений по ряду сожжения на стороне — неясно. И так, в кургане обнаружено семь погребений. Вот они в хронологическом порядке.

Погребение № 1 (комплекс V по описи ГЭ, колл. 694). Расположено в восточной части насыпи на погребенной почве. Линза кальцинированных костей имела в поперечнике около 1 м. Представления об инвентаре строятся на описании в публикации Н. Е. Бранденбурга и на описи находок из ОАВЕС ГЭ, составленной на основе описи Артиллерийского музея, по которой вещи были переданы в Эрмитаж. Инвентарь погребения включает следующие предметы.

1. Полукруглая прорезная ременная накладка из сплава меди (ГЭ 694/37). Очевидно, это «сердцевидная бляшка», о которой упоминает Н. Е. Бранденбург (Бранденбург 1895: 138) (рис. 28: 1).

2. Трехконечная накладка из сплава меди (ГЭ 694/38). Упомянута Н. Е. Бранденбургом, по сведениям которого найдена вместе с остатками бересты (рис. 28: 2).

3. Удлиненная накладка с тремя прорезами из сплава меди (ГЭ 694/39) (рис. 28: 3).

4. Два фрагмента еще одной подобной накладки (ГЭ 694/40) (рис. 28: 4). Как и предыдущая, упомянута в публикации Н. Е. Бранденбурга.

5. Четыре удлиненных пластинки с «елочным» орнаментом из сплава меди (ГЭ 694/46). Н. Е. Бранденбург упоминает о пяти подобных бляшках. Эти изделия являются вставками в удлиненные бляшки с тремя прорезами (рис. 28: 5–8).

6. Круглая ременная накладка со вставленной внутрь круглой бляшкой с «лучеобразным орнаментом» (ГЭ 694/43). Н. Е. Бранденбург упоминает о четырех круглых бляшках (рис. 28: 12).

7. Круглая ременная накладка со вставленной внутрь круглой бляшкой с «лучеобразным орнаментом» (ГЭ 694/44) (рис. 28: 11).

8. Фрагмент аналогичной накладки (ГЭ 694/45) (рис. 28: 13).

9. Круглая тонкая бляшка с «лучеобразным орнаментом» — фрагмент круглой бляшки вышеописанного типа (ГЭ 694/41) (рис. 28: 9).

10. Круглая тонкая бляшка с «лучеобразным орнаментом» — фрагмент круглой бляшки вышеописанного типа (ГЭ 694/42) (рис. 28: 10).

11. Железная подчетыреугольная пряжка, украшенная насечкой (ГЭ 694/47). Упомянута Н. Е. Бранденбургом (рис. 28: 22).

12. Фрагменты полусферической бляшки из тонкого листа медного сплава (ГЭ 694/50) (рис. 28: 17). Возможно, это все, что осталось от двух «полушарых (диаметром около 1 дм) листовой бронзы» блях, упомянутых Н. Е. Бранденбургом (Бранденбург 1895: 138).

13. Фрагмент изделия из рифленого листа медного сплава (ГЭ 694/50) (рис. 28: 14).

14. Фрагмент костяного стержня, орнаментированного поясками и циркульным орнаментом (ГЭ 694/48). Н. Е. Бранденбург упоминает о находках в погребении «фрагментов обделанной кости» (Бранденбург 1895: 138) (рис. 28: 19).

15. Фрагмент круглого в сечении браслета (?) из медного сплава (ГЭ 694/49) (рис. 28: 16).

16. Оплавленный фрагмент округлого изделия из стержня медного сплава (браслета?) (ГЭ 694/54) (рис. 28: 15).

17. Оплавленный фрагмент пластинчатого украшения (перстень, наконечник, браслет?) с бордюром из двух невысоких валиков по краям (ГЭ 694/53) (рис. 28: 18).

18. Ромбовидный фрагмент железного изделия (ГЭ 694/55) (рис. 28: 23).

19. Фрагмент лезвия железного ножа (ГЭ 694/57). В реальности это обломок довольно массивного однолезвийного клинка с выпуклой режущей кромкой (рис. 28: 26).

20. Фрагмент черенка ножа (?) (ГЭ 694/58) (рис. 28: 25).

21. Железный нож (ГЭ 694/60) (рис. 28: 27).

22. Железная посоховидная булавка с массивным, прямоугольным в сечении кольцом, украшенным завитком (ГЭ 694/61) (рис. 28: 24). Н. Е. Бранденбург упоминает в публикации погребения «довольно много обломков перегорелой бронзы и железа» (Бранденбург 1895: 138). Железные вещи имеют следы сильной коррозии и, возможно, попали в руки автору раскопок в виде неопределимых сгустков окисла. Можно ли объяснить этим невнимание Н. Е. Бранденбурга и отсутствие описаний таких, например, очевидных вещей как нож и булавка? Ответить на это вопрос сейчас сложно, поэтому принадлежность к погребению железных предметов остается под некоторым вопросом.

23. Две медвежьих когтевых фаланги (ГЭ 694/36) (рис. 28: 20, 21). Н. Е. Бранденбург упоминает о семи фалангах из погребения (Бранденбург 1895: 138)⁸⁶.

24. Конские кальцинированные кости.

⁸⁶ В эрмитажной коллекции кости явно ошибочно отнесены к комплексу III (погребение 3).

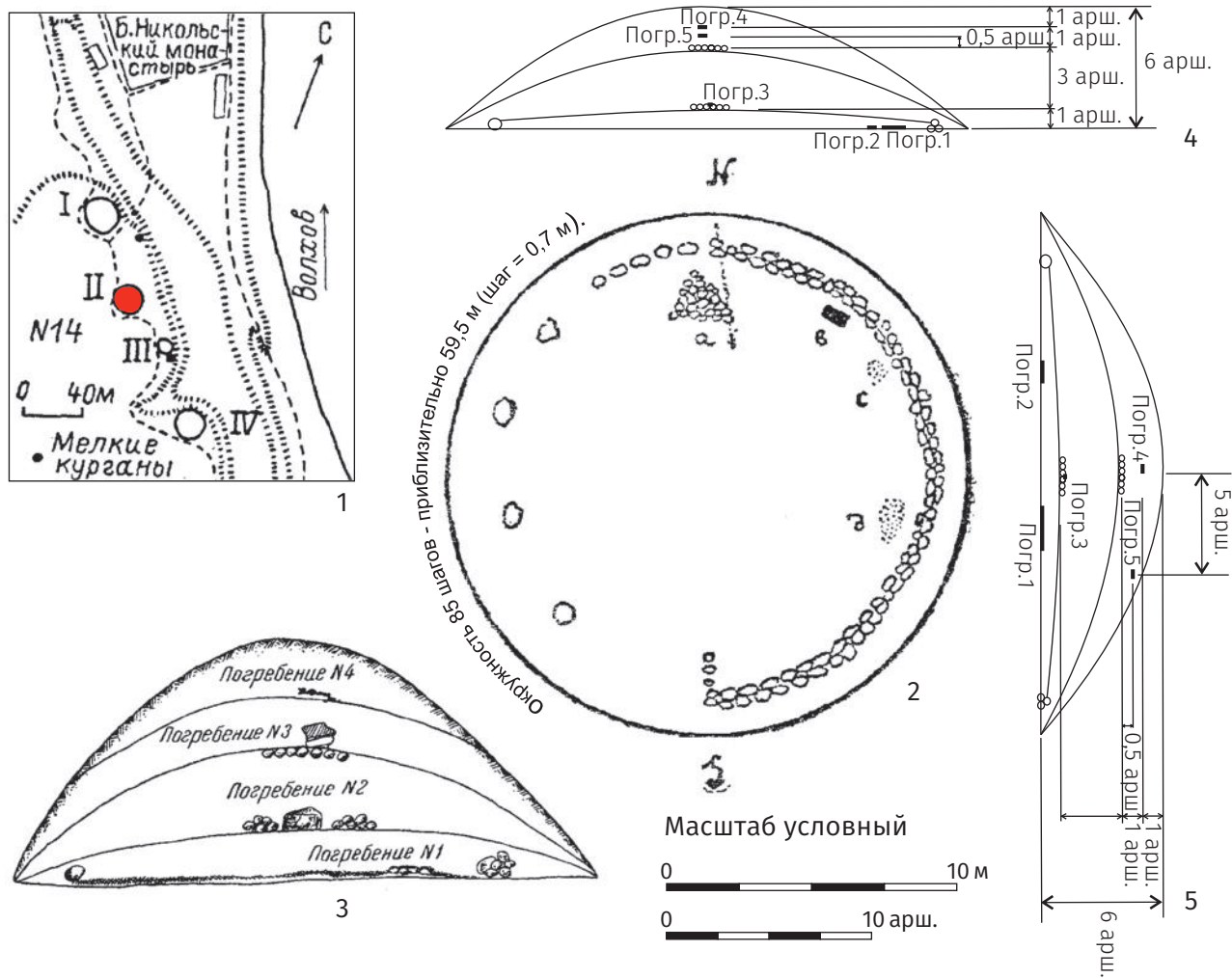

Рис. 27. Старая Ладога, ур. Победище. Курган CXL (сопка 14-II, она же № 27) по данным Н. Е. Бранденбурга. План нижнего яруса погребений (Бранденбург 1895) и реконструкция структуры насыпи по полевым описаниям автора раскопок. 1 – ситуационное расположение по В. П. Петренку; 2 – план Н. Е. Бранденбурга; 3 – реконструкция С. Н. Орлова 4, 5 – реконструкция И. И. Еремеева; 6 – вид останца сопки № 27 с запада в 1970 г. (Назаренко А-1970)

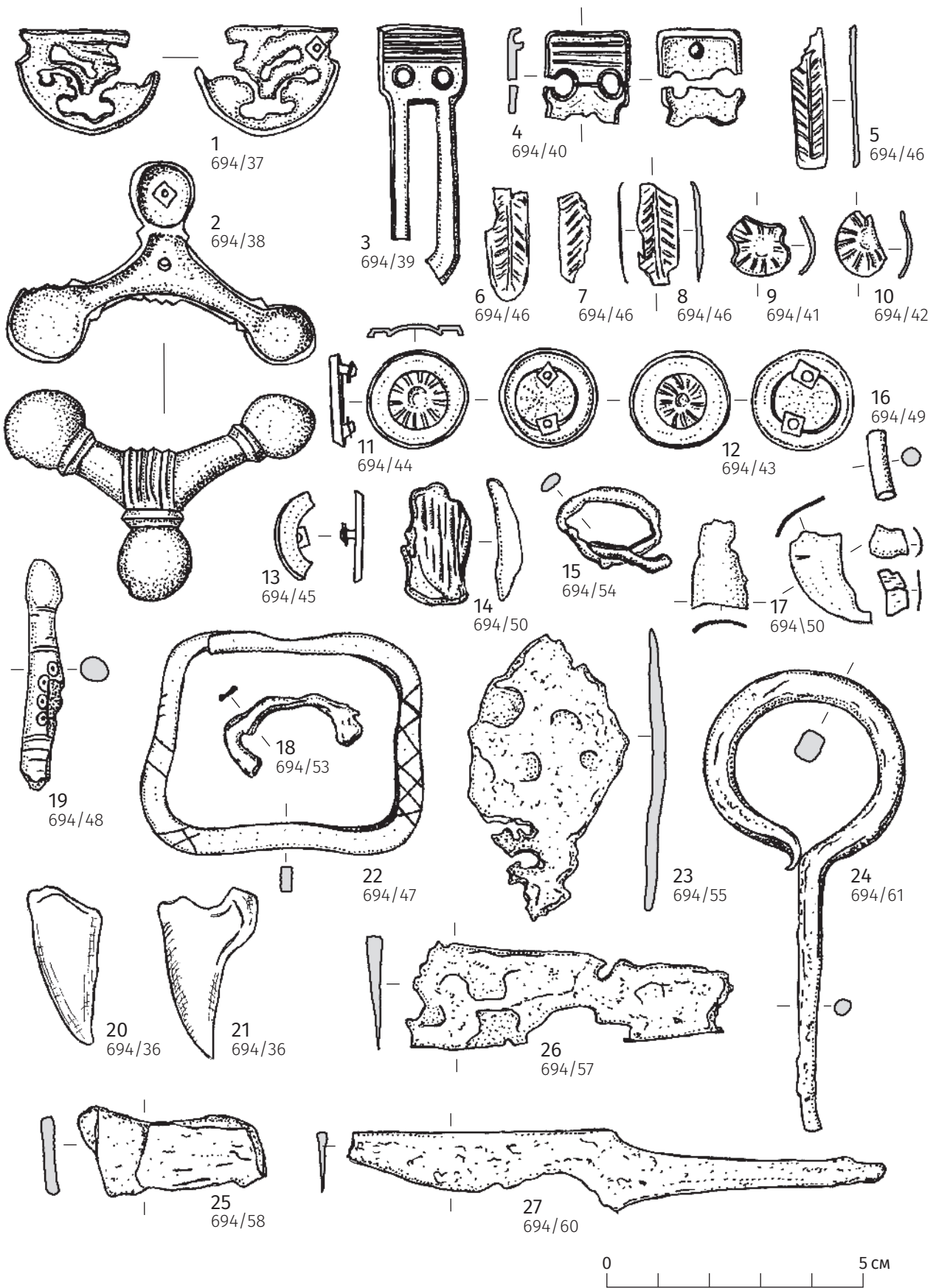

Рис. 28. Старая Ладога, ур. Победище. Курган СХЛ (сопка 14-II). Инвентарь погребения № 1. 1-18 — сплав меди; 19-21 — кость; 22-27 — железо. Находки 23-27 отнесены к погребению предположительно

Погребение № 2 (комплекс V по описи ГЭ, колл. 694). Расположено к северу от погребения № 1 на поверхности древней почвы. Инвентарь:

1. Н. Е. Бранденбург упоминает «кольцеобразную обтяжку» (Бранденбург 1895: 138). В коллекции из кургана 140 это, очевидно, предмет с шифром ГЭ694/51 (рис. 29: 1).

2. Две «бронзовые оковки с заклепками». Идентификация их в коллекции затруднений не вызывает, шифр ГЭ 694/52 (рис. 29: 2, 3).

3. «Несколько тонких листовидных обломков». Возможно, это часть обломков под шифром ГЭ 694/50. Точно сказать затруднительно.

Погребение № 3 (комплекс III по описи ГЭ, колл. 694). Погребение находилось в подбобии каменного ящика, обустроенного в стенообразной вымостке. Кальцинированные кости ребенка были высыпаны в маленький сосуд, который в свою очередь был помещен в сосуд побольше, накрытый каменной плитой. Инвентарь захоронения.

1. Большой глиняный лепной сосуд (сохранился фрагмент его венчика — ГЭ 694/120) (рис. 29: 5).

2. Малый глиняный лепной сосуд (ГЭ 694/119) (рис. 29: 6).

3. Несколько колечек от бронзовой цепочки. В коллекции — это вещи под шифром ГЭ 694/34 (рис. 29: 4).

4. «Следы перегорелых бус». Не сохранились.

5. Кости нескольких птиц «породы величиною с голубя».

6. Позвонок змеи.

Погребение № 4 (комплекс I по описи ГЭ, колл. 694). Находилось в середине насыпи на глубине 1 арш. от вершины. Кости были рассыпаны. Инвентарь — бронзовый бубенчик (ГЭ 694/31) (рис. 29: 7).

Погребение № 5 (комплекс II по описи ГЭ, колл. 694). Глиняный сосуд с кальцинированными костями был найден на глубине 1,5 арш. от вершины и в 5 арш. к югу от центра насыпи. Сосуд был накрыт сверху «большим обломком плиты» (Бранденбург 1895: 137). Инвентарь:

1. Глиняный сосуд (не сохранился).

2. Жезный нож с длинным черенком (ГЭ 694/32) (рис. 29: 8).

3. Оплавленные стеклянные бусы (не сохранились).

4. Обломок сердоликовой бусины. В эрмитажной коллекции из кургана 140 только одна сердоликовая бусина — фрагментированная цилиндрическая (ГЭ 694/35) (рис. 29: 9). Она приписана в описи, явно ошибочно, к комплексу III, в котором автор раскопок сердоликовых бус не отмечает.

Погребение № 6. Найдено с юго-юго-восточной стороны кургана за каменной обкладкой основания. Скопление кальцинированных костей имело диаметр

0,2 м и толщину до 0,1 м (Петренко 1994: 126). Погребального инвентаря не содержало.

Погребение № 7. Найдено с юго-юго-восточной стороны кургана за каменной обкладкой основания в 2 м к юго-юго-западу от погребения № 6. Линза кальцинированных костей прослежена на площади протяженностью 0,2–0,4 м, толщина линзы до 0,1 м. Инвентарь этого погребения не сохранился. Он сохранился:

1. Фрагменты лепной керамики;

2. Стеклянную бусину.

Хронология кургана неоднократно становилась предметом рассмотрения (Седов 1970: 27; Петренко 1994: 88; Кирпичников, Сакса 2002: 135–137; Казанский 2007).

Погребение 1/2. Рассматривать погребения 1 и 2 и их инвентарь, видимо, нужно вместе, поскольку неясно, два ли это погребения или одно, высыпанное в двух местах. Знаменитый наборный пояс представлял, очевидно, полный комплект украшения типа погребения 73 могильника Невотино (Erdélyi, Ojtozi, Gening 1969: Abb. 25). С датировкой пояса связана длительная дискуссия, под которой вряд ли можно подвести черту. Понятно, что пояса данного типа появляются в VII в. (Казанский 2007: 130). Как далеко могут они «проникать» в последующее столетие — неясно. Вероятно, вопрос следует решать с учетом всего набора инвентаря из основания насыпи.

Любопытен фрагмент конического костяного стержня с утолщением на конце. Фрагмент украшен двумя рядами бороздчатого орнамента, участок между которыми орнаментирован циркульными глазками, расположенными по дуге (рис. 28: 19). Аналогий в сопках подобным вещам нет. Допустимы четыре интерпретации находки.

1. Возможно, это фрагмент (половинка) стержневидной биконической застежки. Подобные предметы в Восточной Европе известны с конца II тыс. до н. э., широкое распространение получили в культурах скифского круга и с тех пор не выходили из обихода степных народов (Есаян, Погребова 1980: 87). В частности, известны они в салтовской культуре (Флёрова 2001: 103, рис. 52: 13–16) и на синхронных ей памятниках Самаро-Симбирского Поволжья (Сташенков 2015: рис. VII: 2). Застежки имели различное применение, по крайней мере в потчевашской культуре VI–IX вв. известны находки их в погребении в верхней части груди — там, где запаховается одежда (Могильников, Конилов 1983: 173, рис. 10: 5–7). В VI–VII вв. застежки известны на широкой территории от Южного Приуралья (Мажитов 1981: 11, рис. 4: 29; Могильников, Конилов 1983: 173, рис. 10: 5–7) до Херсонеса. В славянскую культуру биконические застежки с перехватом пришли из степной зоны не ранее IX в.

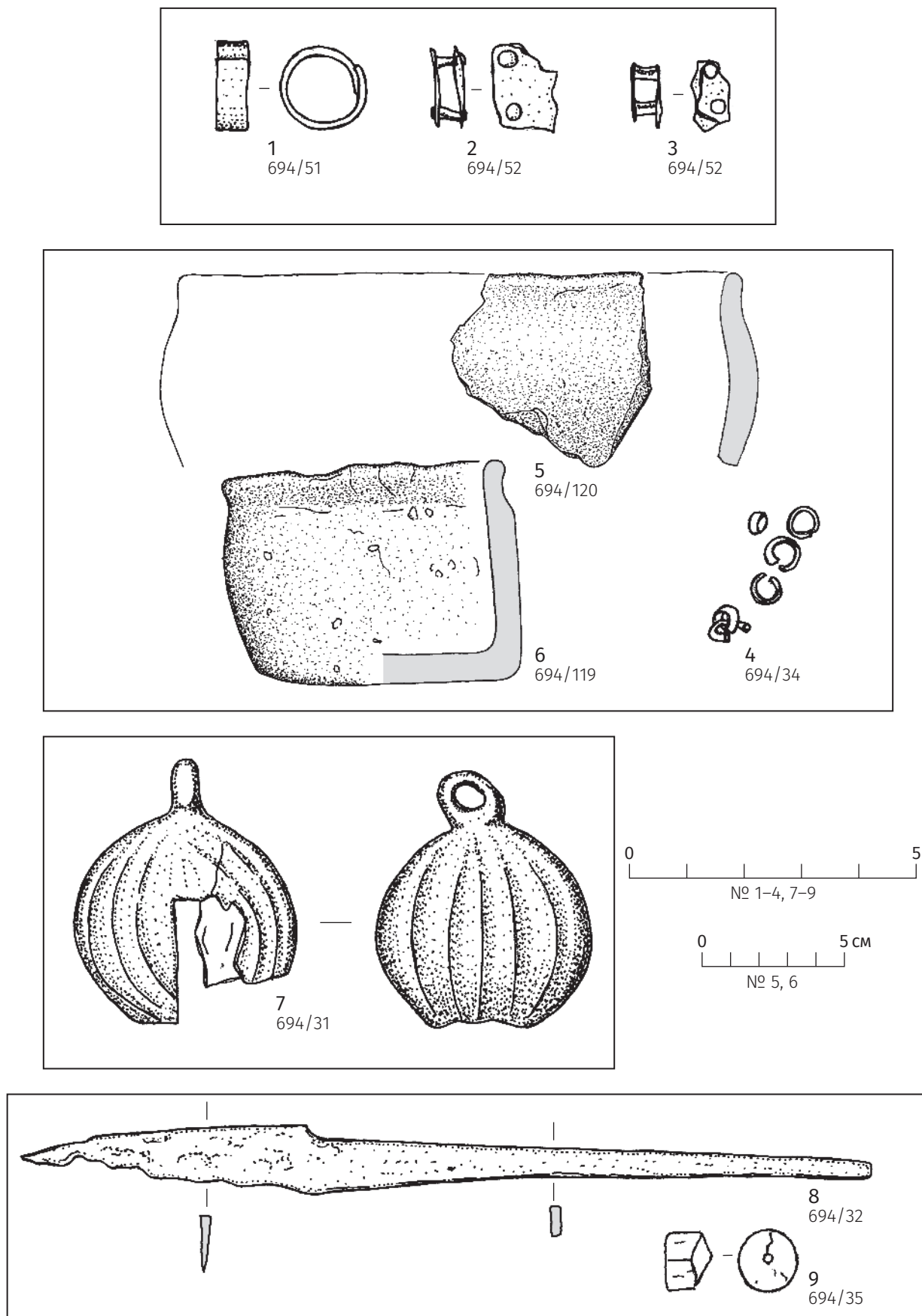

Рис. 29. Старая Ладога, ур. Победище. Курган СХL (сопка 14-II). Инвентарь погребений № 2 (1-3); № 3 (4-6); № 4(7) и № 5 (8, 9). 1-4, 7 — сплав меди; 8 — железо; 9 — сердолик; 5, 6 — глина

2. Фрагмент можно интерпретировать как часть костяного стержневидного псалия. В пользу псалия говорит присутствие в погребении конских костей и крупной, скорее всего от конского снаряжения, пряжки, речь о которой пойдет ниже. Костяные стержневидные псалии (без орнамента) с выделенными головками, близкие к типу II, по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1973: 12, рис. 4), известны в средневековом Херсонесе в коллекции К. К. Косцюшко-Валюжинича (инв. № 2634)⁸⁷.

3. Булавка с орнаментом, напоминающим композицию на гребнях. Действительно, на поселениях Скандинавии и Фризии эпохи викингов известны костяные острия, украшенные подобным образом (Roes 1963; Schietzel 2018: 207). Сочетание линейного и циркульного орнамента (причем последний образует дугообразные линии) копирует орнаментацию одной из разновидностей гребней группы 1 по О. И. Давидан. Таковы, например, гребни из кургана в Вибю (ил. 133: 15–19), и Новых Дубовиков (Носов 1976: рис. 2: 15).

4. И последняя версия — рукоять или оправа (что более вероятно) шила. Роговой футляр для шила, очень близкий по характеру орнаментации (пояски линейной нарезки перемежающиеся композициями из циркульных элементов) находке из сопки, найден в Саркеле (Флёрова 1996: 297, 298, рис. 16: 6). Фрагменты орнаментированных в этом стиле рукоятей и ножен для шильев, в частности, известны в Бирке в погребениях Bj 924, Bj 373 (Arbman 1940: Taf. 156: 7, 8; 1943: 360, Abb. 314). Полагаю, именно данная версия интерпретации находки из сопки CXL (ножны булавок или шила, изготовленные в какой-то северной мастерской или в Хазарии) является наиболее обоснованной.

Железная пряжка из погребения № 1/2 имеет сетчатую насечку на дужке (рис. 28: 22), что делает ее редкой среди повсеместных во второй половине I тыс. н. э. кованых застежек с вогнутыми боками. Насечка нанесена небрежно, и это наводит на мысль, что орнаментация является подражанием какому-то престижному изделию. Действительно, во всадническом наборе из Бирки (погребение Bj 708) представлены пряжки, вероятно, от ремней стремян, украшенные наклонными рядами насечки, заполненной инкрустацией белым металлом (Arbman 1940: Taf. 26: 2, 5). Надо думать, именно таким изделиям подражает пряжка из сопки. Интересно отметить, что комплект сбруи из Bj 708 содержит также D-образную пряжку, аналогичную той, что была найдена

Н. И. Репниковым в «длинном кургане» у подножия сопки CXL (см. выше).

Фрагмент клинка из погребения в сопке 14-II с выпуклой режущей кромкой наводит на мысль о наличии в погребении какого-то сломанного оружия типа скрамасака.

Посоховидная булавка с широкой, прямоугольной в сечении, массивной петлей правильной круглой формы (рис. 28: 24) находит наиболее близкие аналогии в Эстонии (наибольшее количество находок) в первой половине I тыс. н. э., а также в Финляндии и Швеции (Медведев 1995а: 191). В частности, такие булавки происходят с упоминавшегося мною выше городища Дасгорд (рис. 4: 4).

Остается сказать о поясных накладках из сдвоенных прямоугольных пластин (рис. 27: 2, 3). Представляется, что некоторое значение для характеристики комплекса в данном случае могут иметь находки аналогичных украшений в КСДК. В частности, подобная накладка происходит из кургана № 10 могильника Дроково (Шмидт 2014: рис. 28: 10). Учитывая то, что они предназначались для двустороннего украшения ремня, можно отнести их к элементам конской узда. Действительно, в кургане № 10 вместе с костями человека найдены и кости лошади. По совокупности находок курган следует датировать VIII–IX вв.

Погребение № 1/2 принадлежало, вероятно, мужчине-всаднику (об этом говорят кости коня, пряжка упряжи, обломок оружия). Возможно, его связь с Прикамьем объясняется тем, что он был погребен с вывезенной оттуда женщиной. Ее присутствие диагностируется не только поясом неволинского типа, но и посоховидной булавкой – женским атрибутом. В любом случае эклектичный инвентарь первоначального погребения, в совокупности с конструкцией кургана, говорят о некоей неустоявшейся общественной организации. Исходя из отмеченных скандинавских параллелей, первоначальный уплощенный курган следует соотносить не с VII в., о содержании которого применительно к Нижнему Поволховью нам мало известно, а с периодом скандинавского доминирования в Ладоге, т. е. с серединой VIII в.

Погребение 3. Содержало два лепных сосуда. Оба сосуда не связаны с «ладожской» традицией, а скорее напоминают керамику КДК. Один из них, миниатюрный, баночной формы со слабо намеченным плечиком и венчиком (рис. 29: 6), находит параллели среди посуды третьей четверти I тыс. н. э. (например, Гроздилов 1965: рис. 16: 1). Второй — сглаженно-S-видной формы относится к группе 1 (рис. 29: 5). Отсутствие в погребении реберчатой посуды и наличие архаичных форм, характерных для Любшанского городища (типы 4 и 5 по Т. Б. Сениченковой (2010)) тоже могут говорить о сравнительно ранней дате кургана.

Погребение 4. Содержало крупный литой бубенчик с рифленой поверхностью и округлым ушком

⁸⁷ Псалий не опубликован, находится на средневековой экспозиции Херсонесского музея-заповедника. Автор выражает признательность А. А. Роменскому за помощь при описании находки.

типа 1 по С. А. Плетневой (рис. 29: 7). Аналогии увоят в древности, связанные с ранним этапом салтовской культуры в Подонье (Плетнева 1989: 107, рис. 57; Михеев 1985: рис. 12: 8), Крыму (Айбабин 1993: рис. 5: 8, 12; Веймарн, Айбабин 1993: рис. 52: 16) и, как указывала еще Я. В. Станкевич (Станкевич 1950: 202), на Северном Кавказе. Подобными предметами, в основном, украшали дорожную конскую сбрую (Винников, Афанасьев 1991: 47; Аксенов 2005, 2019). Бубенчик кажется слишком массивным, чтобы его могли использовать в одежде. Учитывая, что других предметов погребения 4 не содержало, нельзя исключить, что мы имеем здесь дело с ритуальным захоронением коня, хотя Н. Е. Бранденбург говорит о находке именно человеческих пережженных костей.

Известны, однако, случаи, когда в ингумациях самого разного населения одиночные крупные бубенчики входят в состав ожерелья или еще каким-то образом используются в качестве украшения (Веймарн, Айбабин 1993: 76; Кравченко 2005: рис. 5: 5; Аксенов 2016: рис. 4: 5; Майко, Джанов, Гукин 2019: рис. 3). Комплекс (могила 5) с крупным рифленным бубенчиком на груди скелета открыт, например, в могильнике возле ворот хазарской Сугдеи. Датировка погребения определяется в рамках третьей четверти VIII в. (Майко, Джанов, Гукин 2019: 257). Бубенчики датируются широко — второй половиной VIII — IX в. Есть мнение, что позже середины IX в. в Подонье они неизвестны (Майко, Джанов, Гукин 2019: 254).

Следует отметить то, что подобные бубенчики встречаются в позднеаварских древностях, где считаются одним из элементов кочевнической культуры, занесенной в Подунавье из южнорусских степей в конце VII — VIII в. (Comşa 1982: 26, 29, Abb. 7: 11, 15). Нередкие находки подобных бубенчиков в восточно-литовских курганах (Покровский 1895: 216; 1897: 24, табл. X: 16; Спицын 1896: рис. 30) подтверждают их принадлежность к конской сбруе (рис. 42: 6), но заставляют усомниться в прямой связи украшений сбруи с салтовской культурой. Скорее такие бубенчики следует рассматривать как элемент всаднического снаряжения, хоть и сформировавшийся под влиянием степных традиций, но широко распространившийся в лесной зоне в VIII—IX вв. в самых разных этнокультурных средах, причем влияние исходило как из салтовского региона, так и из сферы аварского влияния.

Погребение 5 стратиграфически самое позднее, возможно впускное, судя по его локализации в насыпи (рис. 27). Основание для датировки дает фрагмент цилиндрической сердоликовой бусины (рис. 29: 9). В культурном слое Земляного Городища такая бусина зафиксирована в горизонте Д (Давидан 1998: 124).

6.3.2.3. Старая Ладога, ур. Победище (северная группа) сопка 14-IV (Петренко 1994)

Располагалась на мысу берегового плато, прорезанного оврагом. По нумерации В. А. Назаренко сопка № 30 (Назаренко 1970: л. 11). Г. Ф. Корзухиной сопка (№ 29 по ее нумерации) была впервые определена как насыпь СХLI, раскопанная Н. Е. Бранденбургом (Корзухина А-1965: л. 2, 5) (рис. 18). Ее мнение поддержано В. П. Петренко. Наверное, исключать такую возможность тоже не стоит, но в наших представлениях о датировке сопок это мало что меняет, поскольку находок в раскопе Н. Е. Бранденбурга сделано не было. Мне кажется, как было сказано выше, что курган СХLI можно связать и с сопкой 14-I.

Останец насыпи 14-IV в 1980–1981 гг. раскопан В. П. Петренко (Петренко А-1980; Петренко 1994: 127). В истории раскопок имеется характерная для этого исследователя лагуна. Данные о раскопках 1981 г. приводятся только в книге В. П. Петренко. В полевом отчете за 1981 г., предоставленном в НОА ИА РАН, сообщается, что «раскопки сопки близ с. Старая Ладога в отчетном сезоне не проводились» (Петренко А-1981: л. 24). Раскопки В. П. Петренко 1980 г. выявили остатки сильно разрушенной кольцевой каменной обкладки основания сопки (Петренко А-1980: рис. 4). Среди камней этой обкладки зафиксировано несколько кальцинированных косточек, а также найдены следующие предметы:

1. Фрагменты (12 экз.) лепной керамики, по крайней мере, от двух сосудов с ребром «ладожского типа» (Петренко А-1980: рис. 5: 3, 4) (рис. 30: 3, 4).

2. Бусина белого стекла с коричневой волной (Петренко А-1980: рис. 5: 1) (рис. 30: 1).

3. Железный серповидный предмет (Петренко А-1980: рис. 5: 2) (рис. 30: 2).

4. Неясный железный предмет.

Погребения у подножия сопки датируются VIII—X вв. Что касается «серповидного предмета» (хранится в Староладожском музее: СЛМ КП-99043/3/A7-187), то он представляет собой отход кузнечного производства — это обрезок неровно вырубленного зубилом железного листа. Предмет указывает на то, что сопка возведена на более раннем культурном слое.

6.3.2.4. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), сопка № 15-I (Петренко 1994)

Сопка — самая северная в южной Победищенской группе. Располагалась на мысу оврага, прорезающего береговое плато, на культурном слое РЖВ. Диаметр насыпи около 16 м, первоначальная высота 3–4 м (Петренко 1977: 55; 1994: 127). Сопка № 31 по нумерации В. А. Назаренко (Назаренко А-1970: л. 12) (рис. 35). Сопка была разрушена примерно наполовину, когда ее останец в 1970 и в 1973 гг. раскопал В. П. Петренко (Петренко А-1970/1971а; Петренко А-1970/1971б;

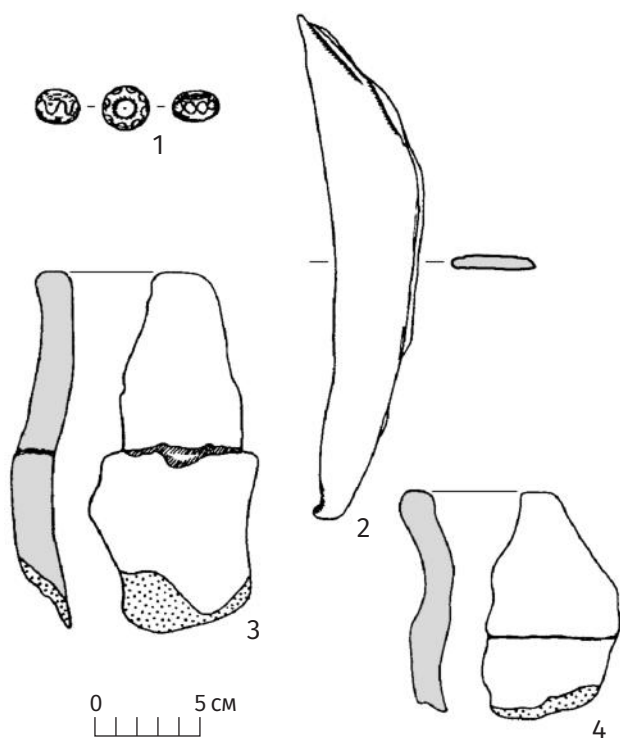

Рис. 30. Старая Ладога. Сопка 14-IV. Находки (Петренко 1994). 1 – стеклянная бусина; 2 – обресток железа; 3, 4 – лепная керамика

Петренко 1977). Исследователь сопки менял нумерацию три раза. По первому полевому отчету насыпь имеет № 6 (Петренко А-1970/1971а: л. 26–29), а в отчете за 1973 г. и в первой публикации названа сопкой № 1 (Петренко А-1973: рис. 1; Петренко 1977: 55). Раскопки насыпи выявили несколько групп объектов.

Группа 1. В основании сопки раскрыта уплощенная округлая насыпь диаметром около 14 м и высотой до 1,5 м. По основанию первоначальный плоский курган был обложен валунами и булыжником в несколько рядов (до 5–6 ярусов). Поверхность первоначального кургана в древности успела задерноваться, на что указывает гумусная прослойка толщиной до 0,2 м (рис. 31). С первоначальным курганом связано захоронение коровы, совершенное в южной части насыпи внутри каменного кольца на прослойке светло-серого песка (погребенная почва?). Близ захоронения в материке открыта яма диаметром 0,8 м с углистым заполнением и перегорелыми камнями. Автор раскопок считал это сооружение «ритуальным очагом» (Петренко А-1970/1971а: л. 27). Возможно, яма связана с селищем. Если первоначальная насыпь и содержала погребения, они находились в разрушенной ее части. Находок в первоначальной насыпи не было.

Группа 2. Погребение 1, стратиграфия которого не вполне ясна. Из чертежей следует, что оно могло быть совершено на поверхности первоначального

кургана, а позднее потревожено. В. П. Петренко полагал, что оно впущено в насыпь после ее досыпки, т. е. относится к группе 3 (Петренко 1977: 60). При этом «перед помещением в сопку 1-го погребения каменная обкладка здесь была разобрана и снята часть дерна» (Петренко А-1970/1971а: л. 29). Погребение представляло собой углистую линзу с кальцинированными косточками площадью около 6 м² и толщиной не более 0,15 м. Инвентарь — фрагмент круглого в сечении бронзового дрота и сердоликовая 14-гранная бусина.

Группа 3. Подсыпка, сделанная после (?) завершения погребения 1. Мощность подсыпки достигает 1 м. После этого насыпь приобрела полусферическую форму. Погребений подсыпка не содержала.

Группа 4. Погребения за пределом каменной обкладки основания кургана зафиксированы в его южной и юго-восточной части.

Погребение 2. Остатки сожжения на стороне, высыпанные поверх обкладки основания кургана на площади около 6 м². Инвентарь — обломки не менее двух лепных сосудов (рис. 1–5) и два неопределимых железных предмета.

Погребение 3. Представляло собой линзу гумусированного песка с угольками размерами 2,6 × 1,0 м за каменным кольцом в южной части комплекса. Инвентарь:

1. Семь весовых гирек (6 боченковидных железных с бронзовой обтяжкой и одна бронзовая 14-гранная) (Бессарабова 1997);
2. Круглая бронзовая бляшка;
3. Подвеска со знаком Рюриковичей;
4. Четыре бусины (полупрозрачного зеленоватого стекла с ребрами; две глазчатые бусины темно-коричневого стекла; цилиндрическая неопределенного цвета).
5. Несколько неопределимых железных фрагментов.
6. Между погребениями 2 и 3 на камнях обкладки найдено 3 фрагмента лепных сосудов.

Погребение 4. Линза гумусированного песка с кальцинированными костями за каменной обкладкой основания кургана. Площадь линзы 0,8 × 1,2 м. Инвентарь: два фрагмента лепного сосуда и бронзовое кольцо, ромбическое в сечении диаметром 23,8 мм.

Этапы сооружения насыпи и их датировка. Первоначальный уплощенный курган с жертвоприношением животного не может быть датирован. По мнению В. П. Петренко «нижняя часть насыпи с каменной обкладкой была сооружена не позднее IX в.» (Петренко А-1970/1971а: л. 29). Это было завершенное сооружение, простоявшее в первоначальном виде достаточно долго, ибо на его поверхности успел сформироваться дерновый слой. Период функционирования сооружения в качестве именно

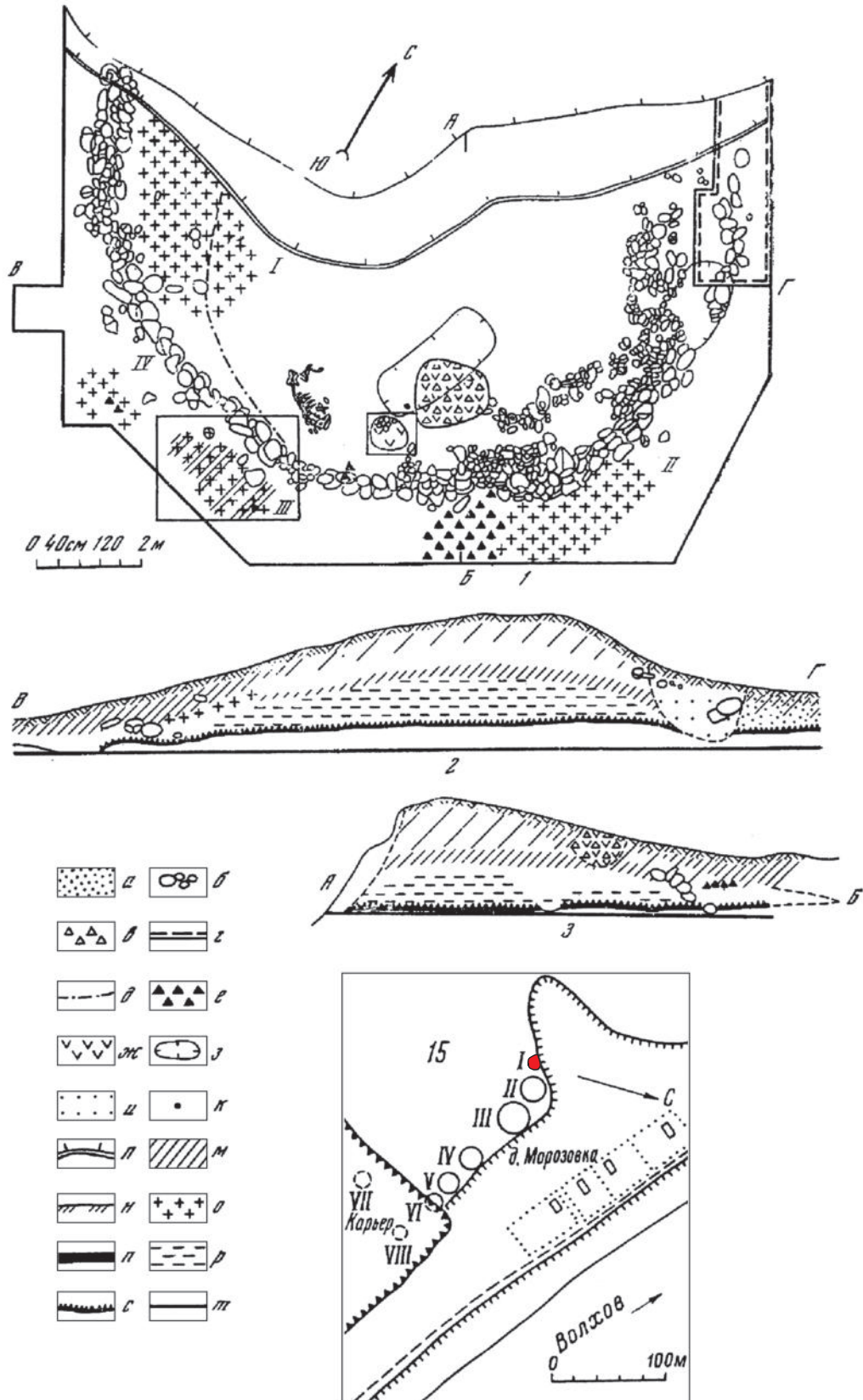

Рис. 31. Старая Ладога. Сопка 15-1. Чертежи насыпи по В. П. Петренко. а — желтый песок; б — камни; в — фрагменты гончарной керамики; г — границы участка, исследованного в 1973 г.; д — границы подсыпки из светло-серого песка в плане; е — фрагменты лепной керамики; ж — уголь; з — ямы; и — перекопы; к — находки в погребении 3; л — верхняя граница обрыва; м — гумус; н — дерн; о — кальцинированные кости; п — нижняя граница раскопа; р — светло-серый песок; с — красновато-коричневая материковая прослойка; т — граница раскопа в плане

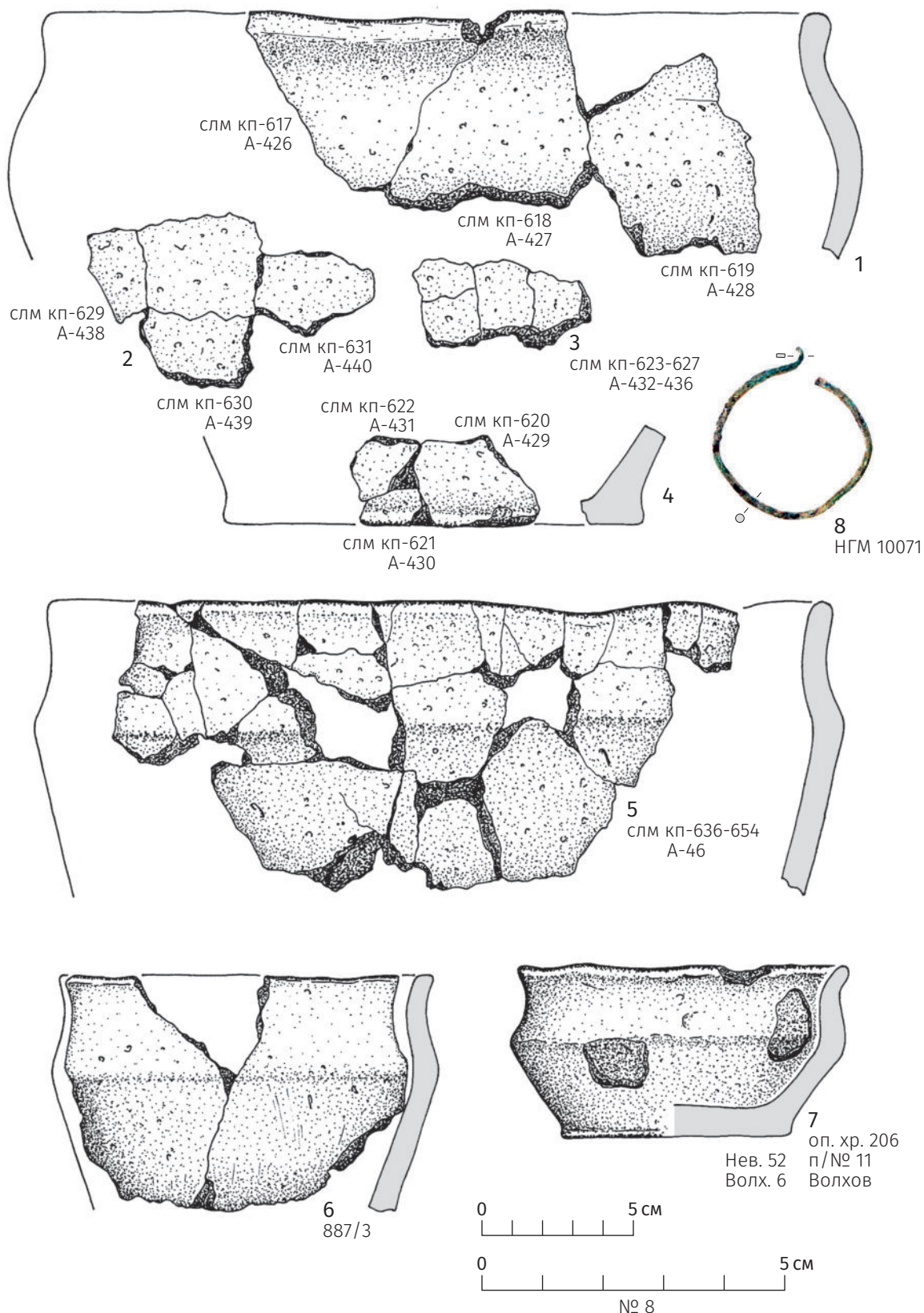

Рис. 32. Старая Ладога и Новые Дубовики. Лепная керамика и бронзовое височное кольцо из комплексов, связанных с сопками. 1–5 – сопка 15-I (сопка № 6(30), раскопки В. П. Петренко 1970 г.); 6 – курган Н. И. Репникова 1903 г.; 7 – сопка на правом берегу Волхова близ Волховстроя (работы Невской экспедиции ЛОИА 1952 г.). 8 – найдено С. Н. Орловым в сопке № 1 в северном конце д. Новые Дубовики на правом берегу р. Волхов, ниже гор. Волховстрой II. 1–5 – СЛГМЗ; 7 – ГЭ; 8 – НГОМЗ

погребального комплекса приходится на X в. На поверхности кургана совершается погребение 1, а у его подножия — погребения 2–4. К X в. относится второй этап возведения насыпи, подсыпанной на 1 м в высоту. Датировка погребения 1 определяется временем бытования на Северо-Западе 14-гранных сердоликовых бус, т. е. X в. Погребение 3 по подвеске датировано X в.

6.3.2.5. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), курган СХLII (Бранденбург 1895) — сопка № 15-II (Петренко 1994)

Размеры, зафиксированные В. П. Петренко: 18×22 м при высоте останца до 2,4 м. (Петренко А-1973: л. 2). Насыпь раскопана В. П. Петренко общей площадью 530 м² (Петренко 1994: 128) (рис. 33). В левой документации насыпь имеет № 2 (Петренко А-1973: л. 2; Петренко А-1973а; Петренко А-1973б). Насыпь на момент раскопок В. П. Петренко разрушена большой ямой. Сопка № 32, по В. А. Назаренко (Назаренко А-1970: л. 12) (рис. 35). В. П. Петренко соотносил сопку с курганом СХLII, по Н. Е. Бранденбургу. Это возможно, поскольку насыпь действительно несет следы раскопок траншеей, ориентированной по линии север–юг. Согласно обмерам Н. Е. Бранденбурга, курган имел окружность 90 шагов и высоту 6 арш. Сопка № 15-II насыпана в два приема. В насыпи найдено несколько групп объектов.

Группа 1. Возведение насыпи началось с сооружения материковой платформы диаметром 18–20 м и высотой до 1,2 м (Петренко 1994: 127). После того, как погребенная почва была перекрыта насыпью, вокруг основания кургана была сооружена каменная обкладка (до восьми ярусов кладки), высота которой достигала 0,7–0,8 м (Петренко А-1973: л. 4; Петренко 1994: 128).

На погребенной почве в 2 арш. на юго-запад от центра кургана расчищен «полукруглый ряд валунов в несколько ярусов, образующий ряд кривой стенки (вышиной около $\frac{3}{4}$ и в диаметре до $1\frac{1}{2}$ арш.)» (Бранденбург 1895: 139). Рядом с каменной выкладкой найдена «кость животного». Над вымосткой была сделана насыпь высотой 1,5–2 м. Высоту первоначальной насыпи можно предположительно реконструировать, ориентируясь на следы жертвоприношения (?), возможно, произведенного на вершине насыпи или на ее поверхности. В раскопе Н. Е. Бранденбурга «от середины на Ю. в 3 арш. на глубине от поверхности $2\frac{3}{4}$ арш., обломок черепа барана и три обломка костей» (Бранденбург 1895: 139). Высота первоначальной насыпи, таким образом (без учета материкового останца?) составляет чуть больше 3 арш., т. е. несколько более 2 м. Погребения в первоначальной насыпи не обнаружено, скорее всего из-за ее нарушения перекопом.

Группа 2. Все захоронения, обнаруженные в сопке, находились в верхней части насыпи на глубине не более $\frac{3}{4}$ арш. Сопка, видимо, насыпана в два приема. Была ли верхняя часть насыпи возведена для этих захоронений или они впущены в нее позже, сказать сложно. **Погребение № 1 (комплекс I по эрмитажной описи).** В центральной части насыпи сразу под дерном найден слой кальцинированных костей (1 кв. арш.). Инвентарь:

1. Фрагменты горшка (утрачены).
2. «Немного обломков бронзы» (не сохранились).
3. «Четыре перегорелых бусы». В эрмитажной описи фигурируют три бусины комплекса I кургана

142 — «круглая крупная, одна маленькая и половинка удлиненной красной бусы». Тут же присутствует пометка, датированная 4/X 1963 г. об отсутствии 1 бусы. Таким образом, сохранились две бусины из рассматриваемого погребения:

3.1. Сильно пережженная т. наз. «печеночная» бусина (ГЭ 694/24) (рис. 34: 1).

3.2. Половинка «печеночной» бусины (ГЭ 694/24) (рис. 34: 2).

Погребение № 2 (комплекс II по эрмитажной описи). В 2,1 м на восток от центра насыпи также под дерном — «разбросанные обломки сожженных человеческих костей». Инвентарь:

1. «Два малых обломка бронзы». В эрмитажной коллекции эта вещь легко опознается — перед нами фрагменты миниатюрной пряжки (ГЭ 694/27) (рис. 34: 5).

2. Половинка крупной стеклянной бусины — синей с красными глазками в желтых овалах (ГЭ 694/26) (рис. 34: 4).

3. Железный нож (ГЭ 694/25) (рис. 34: 3).

4. «Немного фрагментов обделанной кости» (Бранденбург 1895: 138). Не сохранились (?).

Погребение № 3. Найдено в вершине насыпи в 1 арш. к востоку от погребения № 2, но на более значительной глубине — «на $\frac{3}{4}$ арш. от поверхности». Описано автором раскопок как «несколько разбросанных сожженных человеческих костей» (Бранденбург 1895: 138). Инвентарь:

1. Два фрагмента сосуда (не сохранились).

2. Фрагмент пережженной сердоликовой бусины (не сохранилась).

3. Хвостовой позвонок лошади.

Погребение № 4 (комплекс III по эрмитажной описи). «Скопление разбросанных сожженных человеческих костей» найдено в $2\frac{1}{2}$ арш. к югу от центра насыпи на глубине $\frac{1}{2}$ арш. Инвентарь:

1. Черепок горшка (не сохранился).

2. «Небольшой обломок бронзовой пластинки» (Бранденбург 1895: 139). Эта находка нам очень важна — в эрмитажной коллекции к комплексу III приписан фрагмент миниатюрной трапециевидной подвески

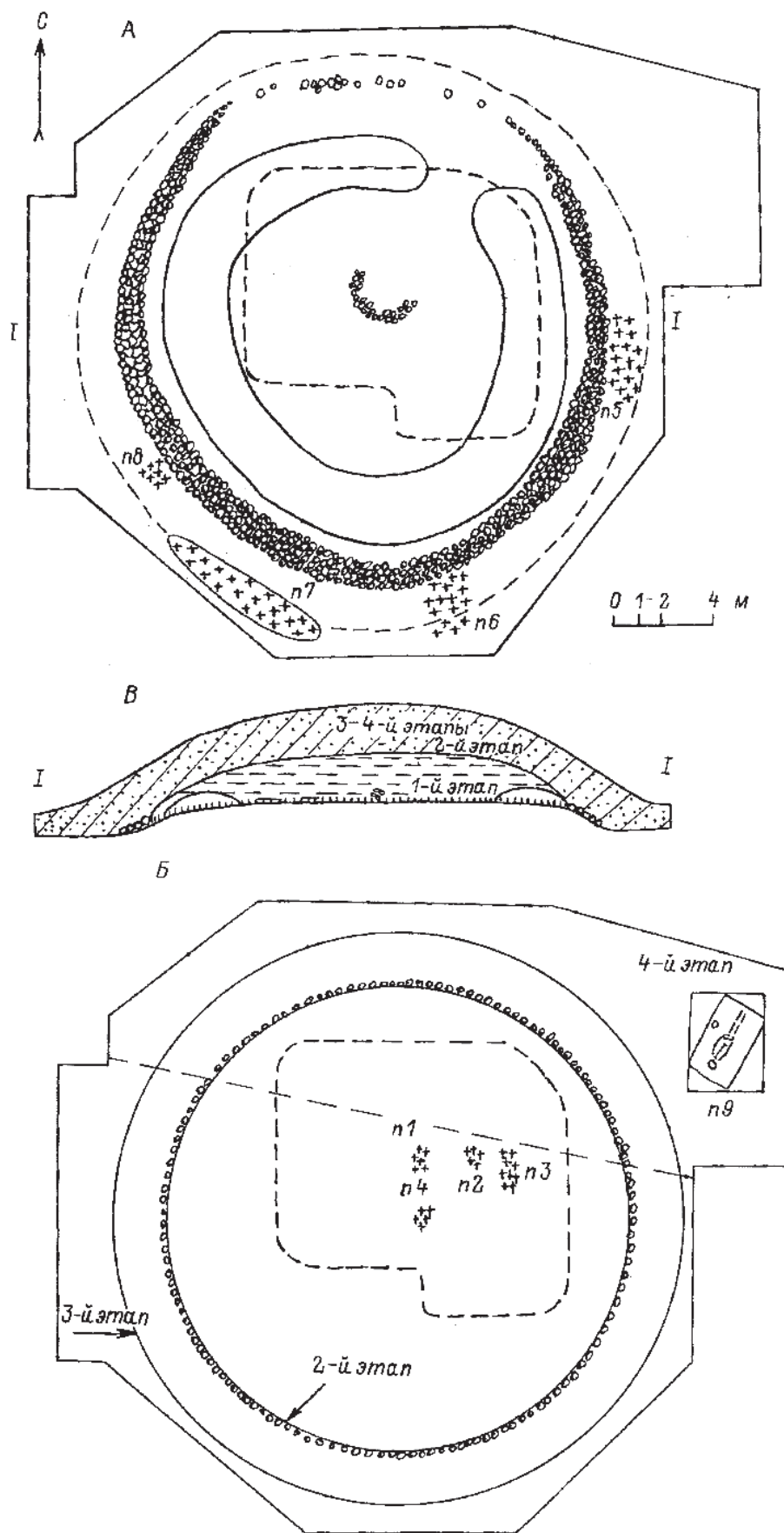

Рис. 33. Старая Ладога. Сопка 15-II. Реконструкция В. П. Петренко по данным 1883–1884 и 1973 гг. (Петренко 1994)

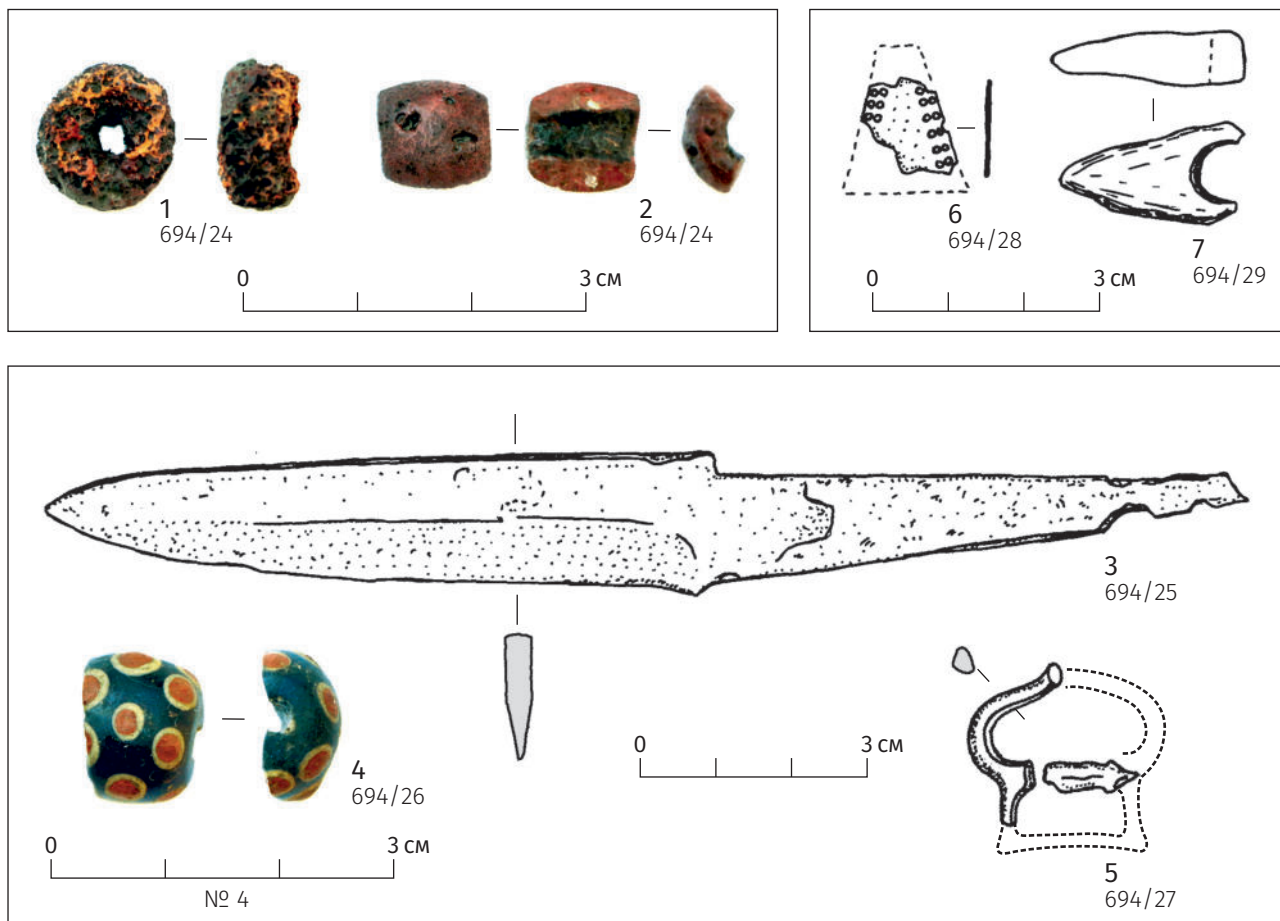

Рис. 34. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), курган СХLII (Бранденбург 1895), сопка № 15-II (Петренко 1994). 1, 2 — погребение № 1; 3–5 — погребение № 2; 6, 7 — погребение № 4. 1, 2, 4 — стекло; 3 — железо; 5, 6 — сплав меди; 7 — кость

с двумя рядами пунсонного орнамента вдоль боковых сторон (ГЭ 694/28) (рис. 34: 6).

3. Н. Е. Бранденбург указывает на находку в погребении «двух когтевых медвежьих фаланг» (Бранденбург 1895: 139). В эрмитажной коллекции к комплексу III приписана находка, напоминающая медвежьей фалангу (694/29) (рис. 34: 7). На самом деле это фрагмент костяного изделия с просверленным отверстием. Скорее всего, перед нами фрагмент костяной подвески-уточки. Возможно, это «обделанная кость» из погребения № 2.

Группа 3. Несколько захоронений были найдены при раскопках останца сопки В. П. Петренко — за пределами валунного основания курганного сооружения.

Погребение № 1 (по В. П. Петренко № 5). Располагалось за каменной обкладкой у подножия насыпи. Занимало площадь 0,7×2,0 м. Разрушено поздним перекопом (Петренко 1994: 128). Инвентарь:

1. Темно-синяя полупрозрачная бусина (Петренко 1994). В отчете значится «бусина зеленого цвета» (Петренко А-1973: оп. № 1; Петренко А-1973: л. 5).

2. Фрагменты бронзовых спиральных украшений (перстень, накосник?) (Петренко А-1973: оп. № 4).

3. Фрагменты лепной керамики, в том числе обломки одного сосуда. Это был «слегка профилированный горшок, сужающийся книзу», плохо обожженный, с примесью дресвы (Петренко А-1973: оп. № 21, 22; Петренко А-1973: л. 5).

Погребение № 2 (по В. П. Петренко № 6). Обнаружено в юго-юго-восточной полé насыпи с внешней стороны каменной обкладки на площади 1,6×3,2 м. Часть кальцинированных костей была рассыпана по нижним камням обкладки (Петренко 1994: 128). Повреждено перекопами. Инвентарь:

1. «11 темно-синих сплавленных бисерин» (Петренко 1994; 129) фигурируют только в монографии автора раскопок. В полевой описи находок из сопки № 3 они отсутствуют (Петренко А-1973: л. 70–72).

2. Желтый бисер (Петренко А-1973: оп. № 3)

3. Зеленая пронизка (Петренко А-1973: оп. № 9)

Погребение № 3 (по В. П. Петренко № 7). «Костеносная» линза располагалась у юго-западного

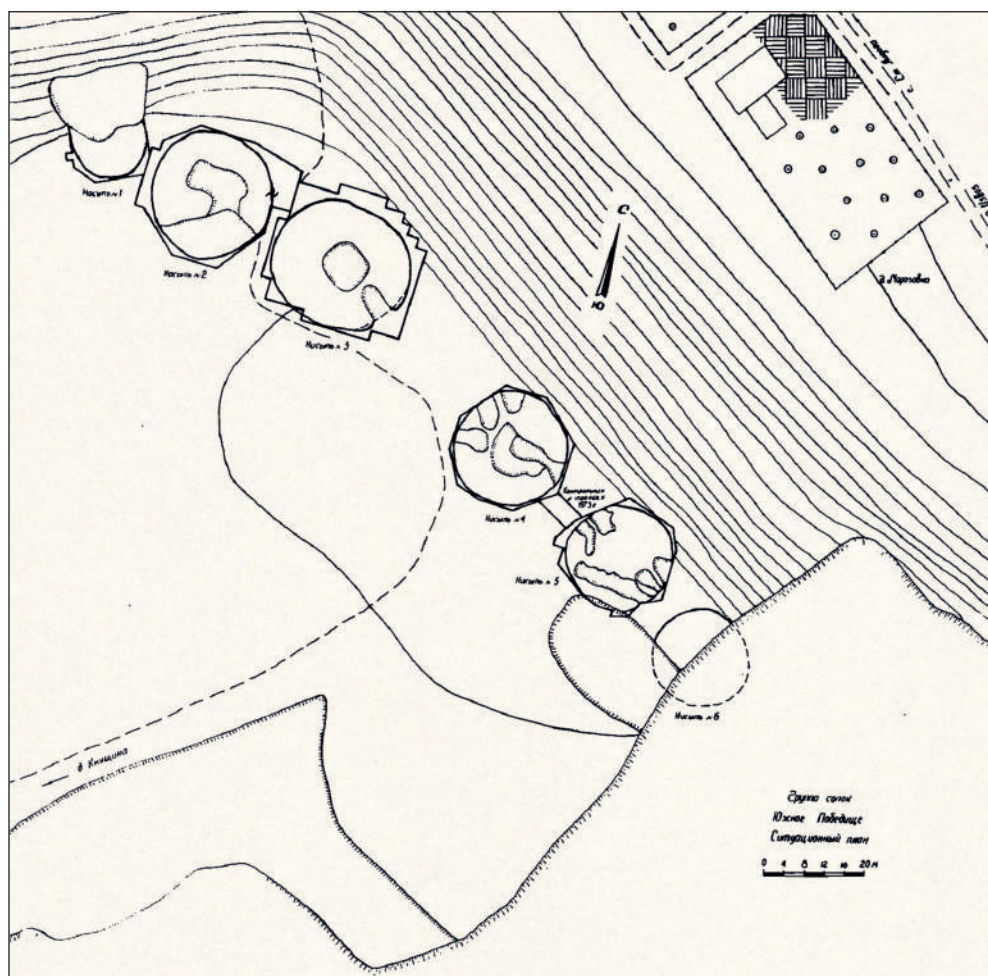
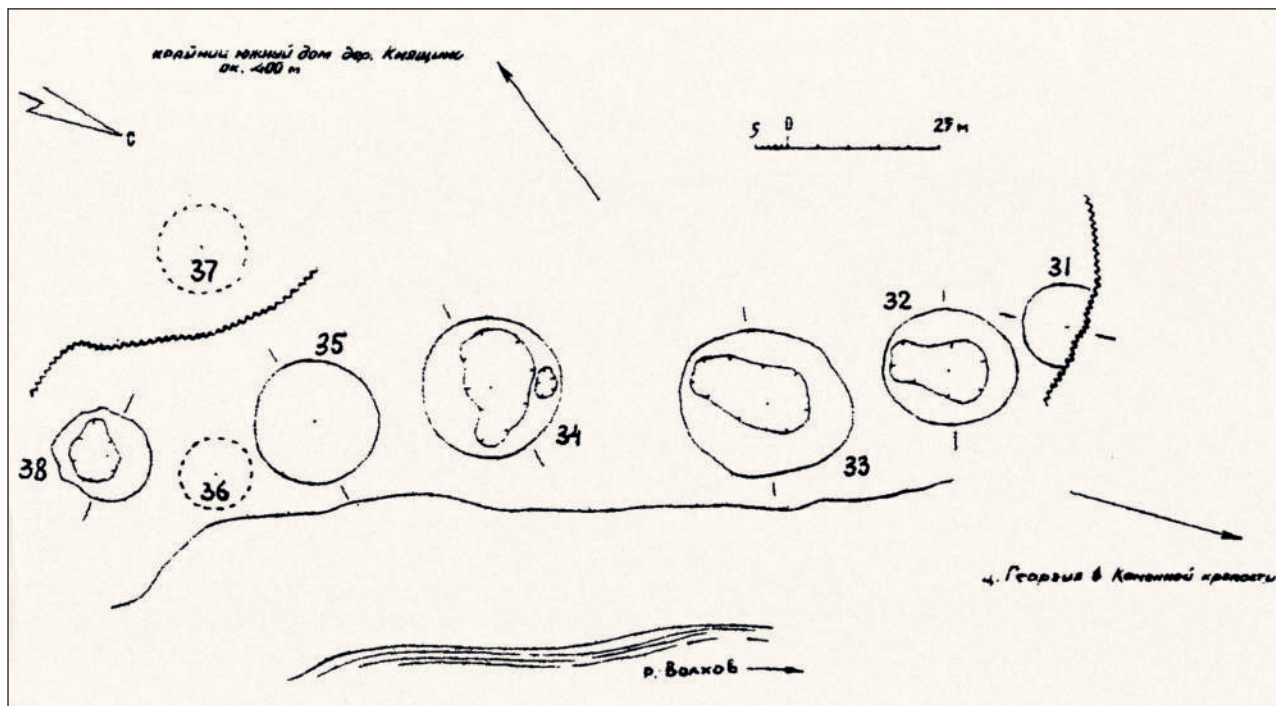

Рис. 35. Южная группа сопок в ур. Победище по В. А. Назаренко (А-1970) и В. П. Петренко (А-1973)

подножия насыпи за каменной обкладкой в 1–1,5 м от нее на площади 1,2–9 м. Инвентарь: бусина молочно-белого стекла с темно-красной волной (Петренко А-1973: оп. № 8).

Погребение № 4 (по В. П. Петренко № 8). Находилось у юго-западного подножия сопки в 0,5 м от каменной обкладки. Занимало площадь диаметром 0,4×0,5 м.

Грунтовое труположение. Обнаружено у подножия насыпи с северо-западной стороны. Мужской костяк лежал в прямоугольной яме размерами 1,3–1,45×3,0 м. Инвентарь:

1. Бронзовая подковообразная фибула.
2. Бронзовая пуговица.
3. Железный черешковый дротик.
4. Кремневое огниво в железной оправе.
5. Пластинчатое кресало.
6. Сланцевый оселок.
7. Железный нож.
8. Бронзовая пряжка.
9. Бронзовая пряжка.
10. Гончарный орнаментированный сосуд.
11. Железные предметы, в т. ч. гвозди (Петренко 1994: 128).

Сочетание пастовой красной и оранжевой бус в погребении № 1 представляет собой цветовую гамму, характерную для вендельского времени и ранней эпохи викингов (Sode, Gratuze, Lankton 2017), хотя, конечно, двух бусин недостаточно для окончательных хронологических выводов.

Глазчатая бусина из погребения № 2 имеет широкую датировку в пределах VIII – IX вв. Нож типа 4 по Р. С. Минасяну обычен для Поволжья. Пряжка, сильно поврежденная огнем и похожая на изделия салтовского круга, все же, датирована быть не может.

Трапециевидная миниатюрная подвеска с двойным пунсонным орнаментом по краю (рис. 34: 6) из погребения № 4 датируется очень широко. Она представляет древнейшую форму этих украшений, восходящую к прототипам третьей четверти I тыс. н. э. При этом подобные подвески серийно представлены в напластованиях Земляного Городища, датирующихся второй половиной IX — первой четвертью X в. (Кирпичников А-2009: рис. 40: 22–26, 30). Подвески-уточки с широким отверстием характерны для КСДК и не могут быть датированы уже, чем VIII–X вв. В радимичских курганных древностях уточки известны и в XI в.

Тем не менее, по совокупности находок нельзя исключать возможности принадлежности сопки к древнейшим большим курганам Ладого. На втором этапе существования сопки вокруг нее совершались захоронения в виде «костеносных» линз различной конфигурации. Датировка их не может быть определена уже, чем IX–X вв. Грунтовое труположение совершено в поле насыпи в XI в.

6.3.2.6. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), сопка № 15-III (Петренко 1994)

Сопка № 33, по В. А. Назаренко (Назаренко А-1970: л. 12). В полевой документации сопка № 15-III имеет № 3 (Петренко А-1973: л. 8; Петренко А-1973а; Петренко А-1973б). Высота около 4 м, диаметр 23–24 м. Очень сильно поврежденное перекопами военного времени сооружение исследовано В. П. Петренко раскопом площадью около 824 м² в 1973 г. Установлено, что насыпь 15-III возведена на краю котлована, образовавшегося при строительстве сопки 15-II (Петренко 1994: 128), также раскопанной в 1973 г. На погребенной почве обнаружены несколько небольших кострищ, возможно, связанных с культурным слоем эпохи раннего металла. Зафиксированы остатки нескольких погребений.

Курган теоретически может быть отождествлен с насыпью СХLIII, по Н. Е. Бранденбургу⁸⁸. Действительно, насыпь несет следы правильной формы ямы. Противоречие здесь в том, что Н. Е. Бранденбург нашел в кургане каменные конструкции, а докапывавший насыпь В. П. Петренко их не обнаружил и сделал вывод, что отсутствие каменных конструкций выделяет эту насыпь среди других больших курганов Победища. Вопрос, таким образом, остается открытым. На момент раскопок Н. Е. Бранденбурга верхняя часть сооружения СХLIII была скрыта местными жителями. Окружность 80 шагов, высота до 5 арш., соответственно диаметр около 16 м, фактическая высота останца 3,5 м. На погребенной почве в центре насыпи — каменный ящик («несколько валунов и довольно большой обломок плиты, уложенные в виде прямого угла»), «в отверстии последнего найден развалившийся череп и два остатка костей» (Бранденбург 1895: 139). Инвентарь («обломки железа») не сохранился. Раскопки В. П. Петренко выявили несколько погребений по обряду кремации.

Погребение № 1. Находилось в 6 м к западу от центра сопки на глубине 0,6–0,7 м от вершины, и занимало площадь 0,6×1,0 м. Мощность линзы кальцинированных костей — 0,2 м.

Погребение № 2. Располагалось в 2 м к югу от предыдущего захоронения, занимая площадь 0,4×0,6 м на глубине 0,6–0,7 м. Мощность линзы кальцинированных костей 0,2 м. Инвентарь, который может быть связан с погребениями № 1 и 2:

1. Оплавленная бусина прозрачного стекла (Петренко А-1973: полевая оп. № 7).

⁸⁸ Г. Ф. Корзухина поместила насыпь СХLIII в южной части южной (Княщинской по ее терминологии) группы на краю плато коренного берега, дав ей номер 35 (Корзухина А-1965: л. 2, 5). В. П. Петренко в публикации также отказался от процитированного мною мнения, высказанного им в отчете, и поместил курган СХLIII в южную оконечность группы в 60–70 м к югу от насыпи 15-V и в 50–60 м от края берегового плато (Петренко 1994: 131).

2. Темно-синяя стеклянная бусина (Петренко А-1973: полевая оп. № 3).

3. Темно-синяя двухчастная пронизка (Петренко А-1973: полевая оп. № 4).

4. Сердоликовая 14-гранная бусина (Петренко А-1973: полевая оп. № 2; Петренко А-1973: л. 9, рис. 10).

Погребение № 3. Находилось в основании насыпи на погребенной почве в 3 м к северо-западу от центра. Скопление кальцинированных костей занимало площадь 0,4 × 0,5 м и было помещено на песчаную подсыпку толщиной до 0,1 м. Инвентарь: бронзовая спиралька-пронизка (полевая опись № 6; Петренко А-1973: рис. 10: 6). С некоторой условностью к инвентарю первоначального погребения можно отнести также развал лепного сосуда «ладожского типа», найденный почти на погребенной почве (Петренко А-1973: л. 10).

Погребение № 4. Найдено в переотложенном состоянии в отвале перекопа. В.П. Петренко в публикации 1994 г., противореча полевому отчету, отнес к этой группе находок следующие вещи:

1. Фрагмент бронзового спирального перстня (?).

2. Двухчастную пронизку темно-синего прозрачного стекла (в отчете отнесена к погребениям № 1 и 2, см. выше).

3. «Каменную вставку», побывавшую в огне (Петренко 1994: 129). Почему автор раскопок, противореча своему отчету, назвал так сердоликовую 14-гранную бусину, неясно. Приложенный к отчету рисунок не оставляет сомнений в том, что эта именно такая бусина (Петренко А-1973: рис. 10: 5).

4. Фрагменты лепной керамики (в т. ч. 15 фрагментов от двух сосудов).

Этапность сооружения насыпи не ясна из-за ее плохой сохранности. находка сердоликовой 14-гранной бусины не позволяет датировать насыпь ранее X в.

6.3.2.7. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), сопка № 15-IV (Петренко 1994)

Диаметр насыпи 22–23 м, высота 4–4,5 м (реконструкция первоначальных размеров сделана В.П. Петренко). Центральная часть насыпи повреждена котлованом 8 × 8 м, как предположил В.П. Петренко в полевом отчете, — раскопом Н.Е. Бранденбурга (Петренко А-1973: л. 12). Сопка № 34, по В.А. Назаренко (Назаренко А-1970: л. 12) (рис. 35). Раскопана В.П. Петренко в 1973 г. на площади 440 м². В полевой документации фигурирует под № 4 (Петренко А-1973: л. 11; Петренко А-1973а; Петренко А-1973б). Разделение на погребения, приводимое ниже, предложено автором раскопок при подготовке публикации. В полевом отчете погребения представлены как единый «костеносный» слой со «сгустками» кальцинированных костей и находок. Нет уверенности в том,

что в каждом случае содержимое погребального кострища ссыпалось к подножию сопки компактно, а не рассеивалось вдоль всего ее подножия. Выделить в таком «костеносном» слое достоверные комплексы не представляется возможным.

Курган отождествлен В.П. Петренко с насыпью СХLIII, по Н.Е. Бранденбургу. Вопрос, как сказано выше, остается открытым. Повторю, что на погребенной почве в центре насыпи СХLIII Николай Ефимович нашел каменный ящик («несколько валунов и довольно большой обломок плиты, уложенные в виде прямого угла»), «в отверстии последнего найден развалившийся череп и два остатка костей» (Бранденбург 1895: 139). Находок им сделано не было. Раскопки В.П. Петренко тоже выявили каменные конструкции, поэтому не исключено, что именно это — самый южный из раскопанных Н.Е. Бранденбургом на Победище курганов. В.П. Петренко обнаружил при раскопках несколько групп объектов (рис. 36).

1-я группа. В основании кургана обнаружена круглая материковая платформа, образовавшаяся в результате подрезки грунта. Подрезка имела подковообразную форму, несомкнутую с северной стороны. На образовавшемся материковом останце была в древности воздвигнута плоская насыпь высотой до 2 м. Местами удалось проследить следы ее одерновки (Петренко 1994: 129). Насыпь по основанию была обложена мощной валунной обкладкой в 5–7 ярусов на высоту до 0,8 м. К северу каменное обрамление постепенно становилось тоньше. Над неподрезанным участком основания кургана валунная кладка не зафиксирована. Здесь отмечаются только отдельные камни, намечающие окружность первоначальной насыпи.

В северо-восточной части кургана расчищена как бы «вписанная» в контур обкладки подтреугольная валунная вымостка, сложенная из мелких камней в 1–2 слоя, размерами 1,2 × 4,7 м. В юго-западной части кургана с внешней стороны валунной обкладки основания были расчищены несколько разнообразных каменных кладок, примыкавших к кольцевой обкладке с внешней стороны. Они залегали на уровне нижнего яруса обкладки, что позволяет говорить об их синхронности, в общих чертах, первоначальной насыпи (Петренко 1994: 129). Поскольку вся центральная часть кургана была разрушена поздним котлованом, никаких данных о первоначальном погребении в кургане (если оно было) у нас нет.

2-я группа. Верхний ярус насыпи прослеживается только в полах насыпи, так как ее центральная часть уничтожена перекопом или раскопом. Возможно, к верхнему ярусу относятся переотложенные трупоожжения, обнаруженные в юго-восточном секторе кургана в отвале старого котлована (условно — погребение № 9) (Петренко 1994: 130).

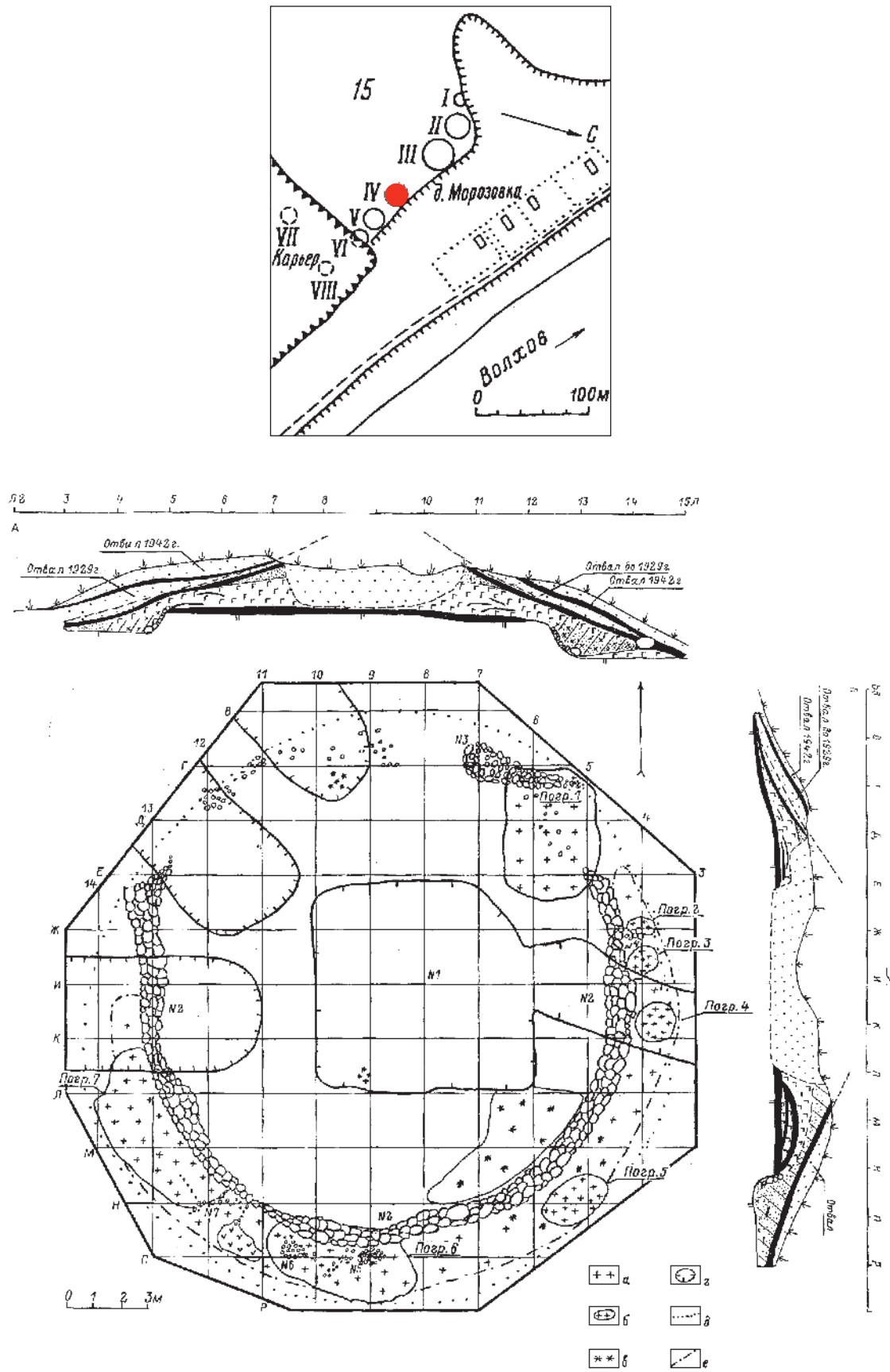

Рис. 36. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), сопка № 15-IV (Петренко 1994). а — кальцинированные кости; б — погребение; в — кальцинированные кости разрушенных погребений на вершине насыпи; г — ямы; д — границы насыпи; е — граница костесодержащего слоя

Погребение № 9. Обнаружено в переотложенном виде под дерном в слое гумусированного суглинка. Отдельные кости найдены в заполнении котлована и небольших ям-перекопов. Инвентарь:

1. Шесть оплавленных стеклянных бусин.
2. Две каменные бусины (по В. П. Петренко — опал, яшма?).
3. Фрагмент височного кольца из белого металла;
4. Две бронзовые пластинки;
5. Фрагменты лепной керамики и сосуда, подправленного на гончарном круге.

3-я группа. У подножия сопки за пределами каменной обкладки найдено несколько скоплений кальцинированных человеческих костей (погребения № 1–8), в совокупности образующих «костеносный слой» мощностью до 1 м (Петренко А-1973: л. 13). Разделение их на отдельные погребения условно. Вот это деление по В. П. Петренко.

Погребение № 1. Располагалось в северо-восточной поле насыпи близ подтреугольной вымостки на площади размерами 3,5×4,8 м. Частично перекрывало вымостку и обкладку основания насыпи. Инвентарь: железная черешковая стрела (Петренко А-1973: оп. № 1) (рис. 37: 28).

Погребение № 2. Располагалось севернее каменной вымостки. Занимало участок размерами 0,6×1,1 м. Инвентарь: железные пластины и острие.

Погребение № 3. Располагалось в 0,4 м к югу от погребения № 2. Занимало участок диаметром 1,1–1,2 м. Мощность линзы кальцинированных костей — 0,1 м. Инвентарь: комок сплавившихся стеклянных бус.

Погребение № 4. Линза кальцинированных костей диаметром 1,4–1,5 м и мощностью до 0,3 м зафиксирована на уровне нижних камней обкладки основания насыпи. Погребение № 4 находилось в 1,1 м от погребения № 3 и было отделено от последнего несколькими камнями. Инвентарь:

1. Обломок бронзовой пластины (Петренко А-1973: оп. шифр 223).
2. Фрагмент бронзового браслета с продольными каннелюрами (Петренко А-1973: оп. шифр 221, 222).
3. Пять комков сплавившихся стеклянных бус.
4. Бусина молочно-белого стекла.
5. Бусина зеленого стекла.

Погребение № 5. Занимало участок размерами 1,5×2,7 м в юго-восточной поле сопки на расстоянии 0,3–0,4 м от камней обкладки. Инвентарь:

1. Пять сильно оплавленных стеклянных бусин.
2. Три обожженные каменные бусины (по В. П. Петренко — опал, яшма?).
3. Каменная овальная вставка от перстня.

Погребение № 6. Располагалось в южной поле насыпи на участке размерами 2,2×5,8 м. Мощность слоя, в котором встречались кальцинированные кости, достигала 0,3 м. Слой лежал на уровне нижних

камней обкладки, местами их перекрывая. В пределах участка захоронения обнаружены две каменные вымостки и каменная стенообразная выкладка, разделявшая зону скопления костей на две части. К западу от погребения выявлено кострище размерами 1,0×1,9 м. Инвентарь:

1. Бронзовая пряжка.
2. Три оплавленные стеклянные бусины.

Погребение № 7. Находилось в юго-западной поле сопки вплотную к каменной обкладке основания насыпи, частично ее перекрывая. Размеры слоя, содержащего кальцинированные кости (свыше 2,5 кг), — 2,7×7,5 м. Инвентарь: фрагмент бронзового витого перстня (или наконсника).

Погребение № 8 (условно). В верхней части напластований с юго-западной, южной и юго-восточной полях насыпи в переотложенном состоянии найдено значительное количество кальцинированных костей, принадлежавших разрушенным захоронениям, находившимся за пределами каменного кольца и совершавшимся, по мнению В. П. Петренко, на заключительных этапах функционирования сопки как погребального комплекса (Петренко 1994: 130). Инвентарь:

1. Шесть стеклянных оплавленных бусин.
2. Желтый бисер.
3. Каменная бусина.
4. Железное кольцо.
5. Крюк.
6. Неясный предмет.
7. Фрагменты лепной керамики (не менее чем двух сосудов).

Датировка первоначальной насыпи не может быть точно определена. Коллекция содержит разновременный материал, явно включающий находки X в. (рис. 37). Выделяется бронзовый браслет, граненый в сечении с расширяющимися концами, украшенными поперечной насечкой (рис. 37: 20). Автор раскопок считал возможным датировать украшение «не позднее VIII в. н. э.» (Петренко А-1973: л. 15), что вряд ли правильно. Верхний ярус захоронений на вершине сопки, судя по присутствию в мешаном слое раннегончарной керамики, возник в X в. Кости сожженных на стороне также высыпались к подножию сопки на протяжении X в. О присутствии здесь захоронений этого времени говорит значительное количество (не менее 6 экз.) сердоликовых бус (Петренко А-1973: оп., шифры 172, 173, 204, 206, 207, 208).

6.3.2.8. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), сопка № 15-V (Петренко 1994)

Диаметр около 22 м, высота более 4 м. Исследована В. П. Петренко в 1972 г. раскопом площадью более 420 м² (Петренко 1994) (рис. 38). В полевом отчете за этот год насыпь фигурирует под № 3 (Петренко

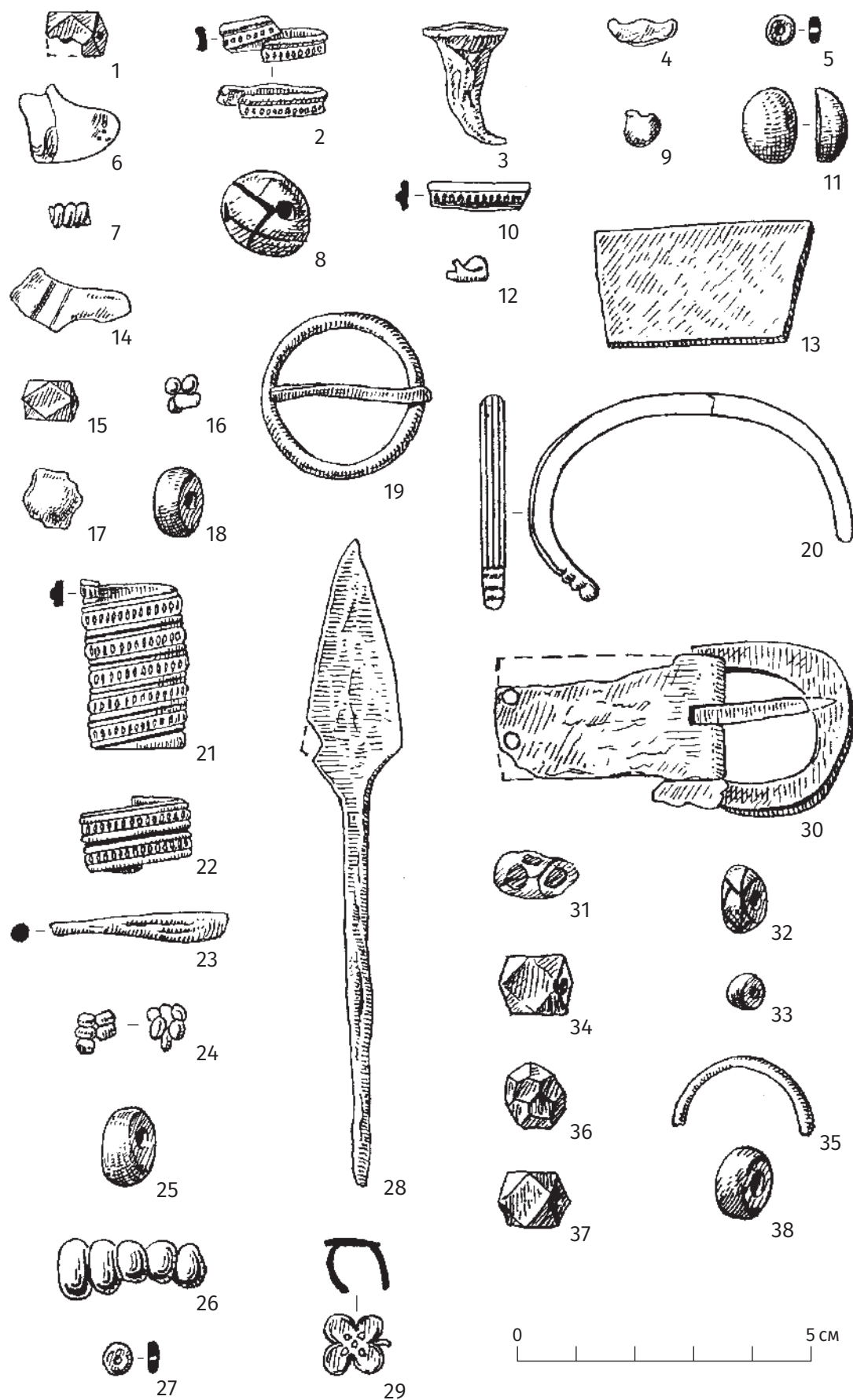

Рис. 37. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), сокка № 15-IV. Инвентарь (Петренко 1994)

А-1972а; Петренко А-1972б; Кирпичников, Петренко А-1973; Кирпичников, Петренко А-1973б). Сопка № 35, по В. А. Назаренко (Назаренко А-1970: л. 13). При раскопках выявлены объекты, которые могут быть объединены в несколько групп.

Группа 1. В основании сооружения открыта платформа диаметром около 16 м и высотой до 1,5 м, сформированная за счет подрезки склонов небольшой возвышенности. По основанию платформа имела валунную обкладку, несомкнутую с северной стороны. К обкладке с внешней стороны примыкало несколько выкладок различных форм. В центре площадки на погребенной почве располагалась валунная кладка размерами 4,5 × 6,5 м и высотой до 1,3 м. Камни перекрывают сложенную из дерна насыпь диаметром около 4 м и высотой 0,5 м. На погребенной почве прослеживается незначительная подсыпка, поверх которой от центра насыпи на северо-северо-восток, восток и юго-запад расходятся стенообразные выкладки из камней в один ряд. Длина выкладок 4–6 м. Каменные сооружения были перекрыты плоской насыпью высотой около 2 м и диаметром до 15 м (Кирпичников, Петренко А-1973б: л. 17). Погребение в первоначальном сооружении отсутствовало (Кирпичников, Петренко А-1973б: л. 19, 25).

Группа 2. На глубине 1,0–1,15 м от вершины сопки находилась разрушенная вымостка из плит и булыжника, занимавшая участок размерами 1,0 × 1,5 м (Петренко 1994: 130). Возможно, кладка отмечает поверхность первоначальной насыпи, перекрытой вторым ярусом насыпного грунта.

Погребение № 1. Линза кальцинированных костей находилась у подножия насыпи, вплотную примыкая к валунной ее обкладке с внешней стороны и частично перекрывая нижние камни обкладки. Размеры участка 1,6 × 2,8 м, мощность линзы 0,15–0,20 м. Инвентарь:

1. Две сильно оплавленные стеклянные бусины.
2. Бусина оплавленная голубого стекла.
3. Бусина оплавленная черного стекла.
4. Бусина оплавленная темно-синего стекла.
5. Бусина темно-синяя с желтыми глазками в белых ресничках.
6. Зеленая мозаичная бусина.
7. Желтая продольно-полосатая бусина.
8. Два фрагмента лепной керамики.

Погребение № 2. Найдено в юго-восточной поле кургана. Линза кальцинированных костей размерами 1,0 × 2,2 м и толщиной до 0,4 м располагалась вплотную к внешнему контуру каменной обкладки, частично перекрывая камни третьего-четвертого яруса обкладки. Инвентарь — несколько фрагментов лепной керамики.

Погребение № 3. Открыто в юго-восточной поле насыпи на уровне нижних камней обкладки, ниже погребения № 2. Слой кальцинированных костей

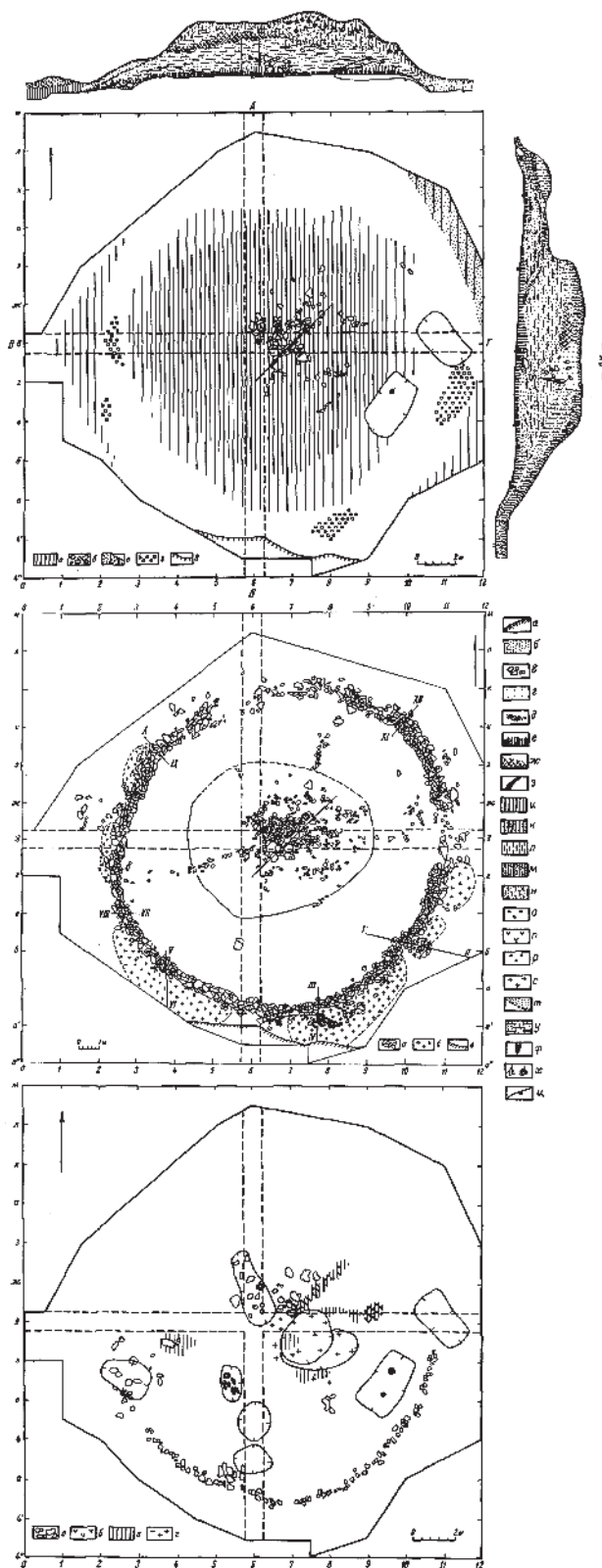

Рис. 38. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), сопка № 15-V (Петренко 1994). а — дерн; б — песок; в — камни; г — перекоп; д — глина; е — темный гумус; ж — темный суглинок; з — угольная прослойка; и — светлый гумус; к — гумусированный песок; л-н — смешанный слой; о — прокаленный песок; п — уголь; р — светлая глина; с — кальцинированные кости; т — яма; у — светлый суглинок; ф — столб; х — корни; ц — материк

занимал участок диаметром 1 м, имея мощность до 0,45 м. Кости частично находились в раздавленной лепной урне и были перекрыты каменной вымосткой. Ниже прослежено кострище. Инвентарь:

1. Лепной сосуд.
2. Оплавленная орнаментированная стеклянная бусина.

3. Комок сплавленных стеклянных бус.

Погребение № 4–5. Скопление кальцинированных костей, золы и угольков в южной поле кургана с внешней стороны каменной кладки на уровне нижних ее камней. Размеры пятна 1,8 × 7,0 м. С погребением связана подтреугольная каменная вымостка и «выкладка в виде буквы «А» (Петренко 1994: 131). Инвентарь:

1. Несколько фрагментов лепной керамики.
2. Комок из не менее шести сплавленных стеклянных бусин.
3. Четыре сильно оплавленные стеклянные бусины.
4. Оплавленная голубовато-зеленая бусина.
5. Стеклянная бусина печеночная с бирюзовыми вставками.

Погребение № 6–7. Скопление кальцинированных костей вдоль обкладки основания сопки в юго-западной ее поле. Мощность «костеносного слоя» — до 0,5 м, размеры примерно 1,6 × 7,3 м. Остатки сожжений перекрывают каменную обкладку, начиная с ее верхнего яруса. Инвентарь:

1. Фрагменты лепной керамики.
2. Обломок железного ножа с длинной рукоятью.
3. Обломок железного ножа с длинной рукоятью.
4. Заклепка.
5. Оплавленный бронзовый предмет.
6. Две бусины зеленого стекла.
7. Оплавленная стеклянная бусина.

Погребение № 8. Располагалось в западной поле кургана на уровне нижнего яруса каменной обкладки. Слой с кальцинированными костями имеет размеры 3,0 × 0,5–0,6 м и мощность до 0,3 м.

Погребение № 9. Располагалось в северо-западной поле сопки на уровне нижнего яруса валунной обкладки. Слой с кальцинированными костями прилегал с севера к стенообразной вымостке, упиравшейся в кольцевую обкладку. Размер участка, занятого погребением, — 0,6 × 0,7 × 2,8 м. Мощность слоя — 0,1 м.

Погребение № 10. Обнаружено в верхней части насыпи сопки, частично переотложено поздними перекопами. Скопление кальцинированных костей мощностью свыше 1 м имело размеры 3,6 × 4,2 м. Погребение представляло собой особо плотную концентрацию костей в пределах описанного «костеносного слоя». Инвентарь:

1. Фрагменты лепной керамики.
2. Обломки костяного одностороннего наборного гребня.

3. Часть резной наборной рукоятки ножа.
4. Бронзовая конусовидная в разрезе бляшка-скорлупка.

5. Фрагмент бронзовой цепочки.
6. Три обломка неопределенных бронзовых изделий.

7. Железная пластина.
8. Четыре оплавленные бусины, прикипевшие к цепочке.

9. Оплавленная бусина, прикипевшая к бронзовому изделию.

10. Комок оплавленных темно-синих бус.

11. Темно-синяя бусина.

12. Голубая бусина

13. Печеночная бусина.

14. Зеленая бусина.

15. Зеленая орнаментированная бусина.

Погребение № 11. Залегало в той же линзе под погребением № 10. Мощность линзы с кальцинированными костями 0,3 м. Инвентарь:

1. Железная спиралеконечная подковообразная фибула.

2. Подчетырёхгранное в сечении острие.

3. Нож (изогнут).

4. Фрагмент ножа.

5. Два обломка ножа.

6. Фрагменты орнаментированной кружками мелкой накладки.

7. Фрагмент подтреугольного в сечении с насечками по гребню изделия в виде полукольца (?).

8. Фрагменты лепной керамики.

9. Молочно-белая бусина.

10. Красная бусина.

11. Пять комков сплавленных бус.

12. Неясное костяное изделие.

Вне захоронений найдено:

1. Фрагменты лепной керамики.

2. Оплавленная стеклянная бусина голубая.

3. Оплавленная стеклянная бусина желтая.

4. Оплавленная стеклянная бусина красная.

Комок из оплавленных бус, печеночных и «темных».

Итак, сопка № 15-V сооружена в два этапа. Первоначально она представляла собой плоский большой курган высотой 1,5 м с каменным ядром и расходящимися от него стенками. Оснований для датировки этой насыпи не имеется.

На втором этапе насыпь досыпается, и в ее центральной части совершаются захоронения, связанные с какими-то плохо сохранившимися каменными конструкциями. Одновременно захоронения совершаются и с внешней стороны каменной обкладки. Второй этап функционирования насыпи датирован автором раскопок IX–X вв. (Кирпичников, Петренко А-1973б: л. 25). Ни одного рисунка находок к полевому отчету В.П. Петренко о раскопках сопки № 15-V

не приложено (Кирпичников, Петренко А-1973б). Сводный рисунок находок опубликован в его монографии (рис. 39). Захоронения у подножия сопки совершались, видимо, в IX–X вв.

С захоронениями в центральной части насыпи дело обстоит сложнее. В. П. Петренко датировал основные погребения № 10 и 11 — X веком на основании предмета, похожего на накладку гребня группы 2 по О. И. Давидан (Петренко 1994: 89). Что касается бус, то понятие из словесного описания изуродованных огнем украшений — к какому типу они относятся — затруднительно. В ИИМКе удалось отыскать две оплавленные бусины из этих погребений (рис. 39: 16)⁸⁹. Об одной из них трудно сказать что-то определенное. Вторая — крупная синего стекла с белой и бело-красной волной (рис. 39: 17) относится к типу В422 по Й. Кальмеру (Петренко 1994: 72, рис. 33: 18; Callmer 1977: pl. 10). Из работ Й. Кальмера следует, что период распространения таких бус, производившихся в Скандинавском регионе с вендельского времени, имеет два количественных пика — в VIII — начале IX в. и в конце IX — первой половине X в. (Callmer 1977: 85; 1997: 197, pl. 15). К какому периоду следует отнести погребения № 10 и 11 — сложно сказать. Дело в том, что предмет, который В. П. Петренко трактует как часть гребня сравнительно поздней (X в.) группы 2, на самом деле слишком мал для уверенной атрибуции. Это может быть, например, фрагмент чехла от гребня более раннего типа. Кроме того, судя по описаниям автора раскопок, погребения № 10 и 11 являются следами неоднократного помещения на вершину сопки сожжений на стороне и, вдобавок, переотложены перекопами. Неясно, что здесь принадлежит первоначальному погребению, а что добавлено позднее, и насколько позднее. Во всяком случае, при определении хронологического диапазона кургана в целом, следует включать в этот интервал и VIII в.

Пора оговорить принципиальную разницу в подходе к датировкам сопки между В. П. Петренко и автором этих строк. Первый считал, что сопка «не могла функционировать по два — три столетия» (Петренко 1994: 89). Мне представляется, что мы ни в коем случае не должны исключать такой вероятности. В условиях относительно устойчивой системы расселения места захоронений часто остаются стабильными даже при смене населения, что связано с приуроченностью могильников к локусам *мифического* и природного пространства, «раз и навсегда» выведенным из хозяйственного оборота. Поэтому мы знаем немало случаев использования языческих сопки и курганов для христианских захоронений вплоть до прошлого столетия. Феномен многократного использования курганов существовал с незапамятных времен, например, в степи. Говоря короче,

⁸⁹ Автор признателен М. С. Павловой, обнаружившей находки в Отделе славяно-финской археологии.

два вида захоронений — костеносные слои у подножия сопки и на их поверхности, и сами насыпи мы вправе рассматривать как связанные, но не обязательно синхронные явления. Более того — похоже, что их одновременность была скорее правилом, нежели исключением.

6.3.3. Старая Ладога, ур. Плакун (правый берег Волхова)

Служанка Сигрун шла мимо кургана Хельги и увидела что Хельги со многими людьми подъехал к кургану.

*Вторая песнь о Хельги убийце Хундинга*⁹⁰

Культурно-стратиграфическая ситуация на Плакуне идентична обстановкам в урочищах Сопки и Победище, а именно — обе террасы правого берега Волхова были обжиты с эпохи бронзы и использовались для жилья в РЖВ и Раннем Средневековье. В раскопках сопки 10-III С. Н. Орловым был обнаружен мелкий окатанный фрагмент лепного сосуда с текстильной поверхностью и штриховкой на срезе венчика (рис. 42: 1; 43: 15). Здесь же была найдена тонкостенная лепная керамика, напоминающая посуду ДДК, а также мелкие фрагменты раннесредневековой лепной гладкостенной посуды, явно происходящие из культурного слоя (рис. 43: 1–3, 15, 16). О находках, связанных с раннесредневековым поселением на надпойменной террасе ур. Плакун, я уже писал ранее (Еремеев 2007). Малые курганы Плакунского могильника, расположенные у подножия группы сопки номер 10, по В. П. Петренко, рядом с так называемой «сопкой в пойме» тоже, как и на Победище, повторяют картину, известную по скандинавским могильникам с королевскими курганами, близ которых часто расположены небольшие погребальные сооружения. Как и для Скандинавии, для Ладоги актуален вопрос — какие из археологических объектов просто перекрыты насыпью большого кургана, а какие непосредственно являются частью его конструкции? Увы, ответить на этот вопрос уверенно чаще всего нельзя.

Так же, как и на Победище, на Плакуне имеется проблема с идентификацией большой насыпи, раскопанной Н. Е. Бранденбургом.

6.3.3.1. Старая Ладога, ур. Плакун, курган СXXXV (Бранденбург 1895)

В. П. Петренко отождествил курган СXXXV Н. Е. Бранденбурга с насыпью № 2 С. Н. Орлова (Петренко 1994: 20), дав им обоим единое обозначение 10-III. Аргументы против этого предположения изложены в разделе 6.3.3.2. Как мне представляется,

⁹⁰ Старшая Эдда 1975: 259.

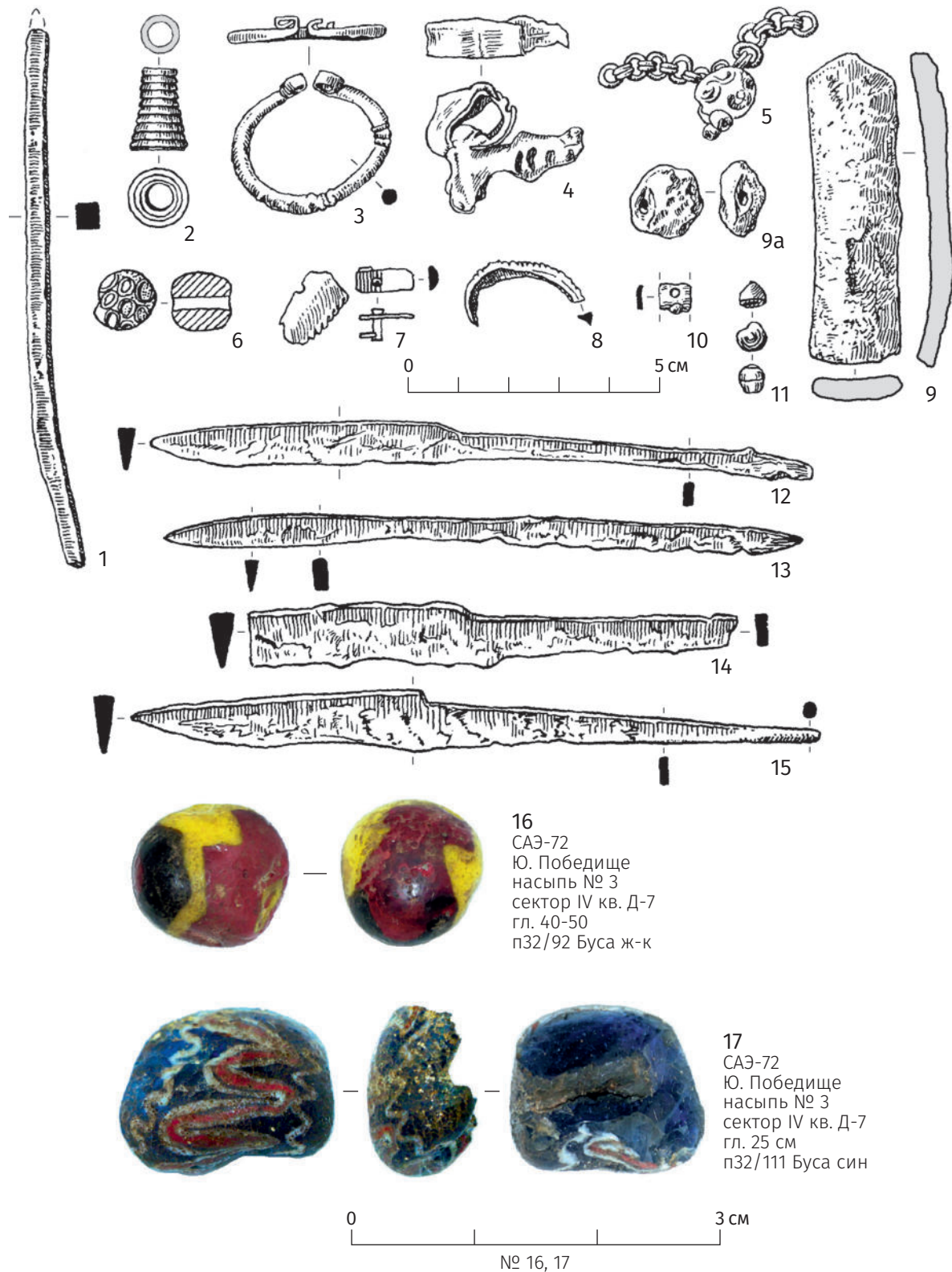

Рис. 39. Старая Ладога, ур. Победище (южная группа), сопка № 15-V. 1–15 — инвентарь (Петренко 1994). 1 — железный дрот; 2 — костяной предмет; 3 — бронзовая фибула; 4 — оплавленное бронзовое изделие; 5 — бронзовая цепочка с прикипевшими стеклянными бусами; 6 — две стеклянные бусины; 7 — фрагмент костяного гребня; 8 — фрагмент бронзового изделия; 9 — железный предмет; 10 — фрагмент бронзовой накладки; 11 — бронзовая бляшка; 12–15 — ножи. 16, 17 — стеклянные бусы из погребений в верхнем ярусе центральной части сопки 15-V (раскопки В. П. Петренко 1972 г.), упомянутые в его монографии, хранящиеся в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН. 16 — бусина из погребения 10 (Петренко 1994: 72). 17 — бусина из погребения 11 (Петренко 1994: 72, 91, прим. 16)

курган СХХХV следует отождествлять либо с курганом № 44 (вслед за Г. Ф. Корзухиной), либо с насыпью № 45 по ее нумерации (Корзухина А-1965: л. 2), т. е. либо с сопкой 9–3, либо с насыпью 10-I, по нумерации В. П. Петренко. В обоих этих курганах зафиксированы следы раскопок. Сам С. Н. Орлов раскопанную им в 1948 г. сопку с курганом СХХХV не отождествлял, выделяя в этом качестве раскопанный широкой траншеей средний курган в группе из трех насыпей, которой В. П. Петренко дал номер 9 (Орлов А-1968б: л. 13).

Насыпь, по Н. Е. Бранденбургу, имела окружность 70 шагов и высоту 4 арш., что соответствует диаметру 15,6 м и высоте 2,8 м. Вершина была повреждена ямой около 1 арш. глубиной. Раскопана в 1883–1884 гг. (Бранденбург 1895: 136).

Погребение № 1. Исследовано Н. Е. Бранденбургом. В центральной части насыпи на глубине около 1 арш. раскрыта вымостка из плит размерами 2×1 арш. (1,4×0,7 м), на которой найдены «следы угля и горелой земли» (Бранденбург 1895: 136). В западной части вымостки лежал раздавленный лепной горшок, покрывавший россыпь кальцинированных костей (**рис. 40: 3**). Инвентарь: глиняный сосуд (не сохранился) и обломок проволочной бронзовой спирали (ГЭ, 694/7). Таким образом, насыпь, вероятно, возведена в два приема. При раскопках насыпи в 5 арш. на юго-запад от центра под дерном найден согнутый железный нож (ГЭ, 694/8) (**рис. 46: 4**), а еще один нож — в восточной подошве насыпи, у ее края (ГЭ, 694/9) (**рис. 46: 3**).

6.3.3.2. Старая Ладога, ур. Плакун, сопка № 2 (Орлов 1955), сопка 10-III (Петренко 1994)

Сопка расположена напротив старолadoжской каменной крепости на краю террасы коренного берега, на мысу, образованном оврагом (**рис. 40**). По дну оврага проходит дорога, ведущая с надпойменной террасы (из ур. Плакун) наверх, к д. Чернавину. Сопка № 41 по нумерации Г. Ф. Корзухиной (Корзухина А-1965) и № 50 по В. А. Назаренко (Назаренко А-1970: л. 16, 17). С. Н. Орлов пишет о диаметре сооружения 18 м; по его чертежам поперечник составляет чуть меньше 17 м (Орлов 1955: рис. 11). Сопка раскапывалась С. Н. Орловым в 1940 и 1948 гг. площадью 90 м² (Орлов 1955). Коллекция из этих раскопок хранится в ГЭ (ГЭ 649, ГЭ 19). По сведениям В. П. Петренко, в 1971 г. зачистку останца северной части сопки произвел В. А. Назаренко (Назаренко 1971). На погребенной почве расчищено множество камней, лежавших в беспорядке (**рис. 41**). В северной части сопки по периметру подкурганной площадки зафиксирована кольцевая валунная обкладка, местами сложенная в два яруса (Орлов 1955: 203). По ре-

зультатам исследования насыпи можно выделить три группы объектов.

Группа 1. Погребальная площадка диаметром чуть меньше 17 м, окруженная ровиком и перекрытая плоской насыпью высотой до 1,5 м. Чуть к северу от центра насыпи на погребенной почве было обнаружено **захоронение лошади (погребение № 1) (рис. 40)**. Инвентарь:

1. Плетенка из ивовых прутьев (фрагменты корзины?) (ГЭ 19/25).

2. Два обломка литых бронзовых удил с псалями в виде конских фигур с крупными прямоугольными скобами (**рис. 42: 3, 4; 43: 13; 44**). Конские головы имеют слегка расширяющуюся к носу форму. Фрагменты носят следы преднамеренной порчи – читаются следы ударов острым орудием (ГЭ 19/13, 14). Половина одного псаля отломана и утрачена.

3. Ременная узда, украшенная бляшками (ГЭ 19/11, 16–24) (**рис. 43: 4–12; 46: 1**):

а) 12 бляшек круглой формы, украшенных двумя концентрическими валиками.

б) 11 бляшек круглой формы, украшенных двумя концентрическими валиками с насечкой на внутренней части меньшего валика;

в) 9 пятиугольных бляшек;

г) фрагменты 5 бляшек сердцевидной формы;

д) фрагменты 2 крупных крестовидных блях.

4. Шумящая плеть с железной рукояткой, имеющей плавное утолщение в месте захвата и воронковидное навершие (ГЭ 19/12) (**рис. 42: 5; 43: 14**). Последнее служило, очевидно, для фиксации петли, удерживавшей плеть на запястье наездника.

5. Фрагмент железного втульчатого орудия (лыжной палки или пешни?) (ГЭ 19/1) (**рис. 46: 2**).

6. Два фрагмента лепного сосуда. На поверхности погребенной почвы найдено не менее трех фрагментов лепных сосудов, которые могут датироваться второй половиной I тыс. н.э., в том числе венчик (ГЭ 19/5, 9) (**рис. 43: 1–3**).

Весьма любопытным кажется такое неброское, на первый взгляд, орудие, как втульчатый наконечник какой-то палки, свернутой из сравнительно тонкого железного листа (**рис. 46: 2**). Довольно хрупкое орудие не предназначалось для нанесения ударов. Возможно, следует обратить внимание на интерпретацию подобных находок в Хедебю как наконечников посохов, использовавшихся для катания на коньках по льду (Schietzel 2018: 219).

Из находок наибольший интерес представляет уздечный набор. В эрмитажной коллекции сохранилась только его часть (**рис. 43: 4–12; 46: 1**). Бляшки тисненые из тонкого серебряного листа. Внутренняя сторона полученного таким образом изделия заливалась свинцово-оловянистым сплавом, который удерживал бронзовый шпенек с шайбой. В коллекции

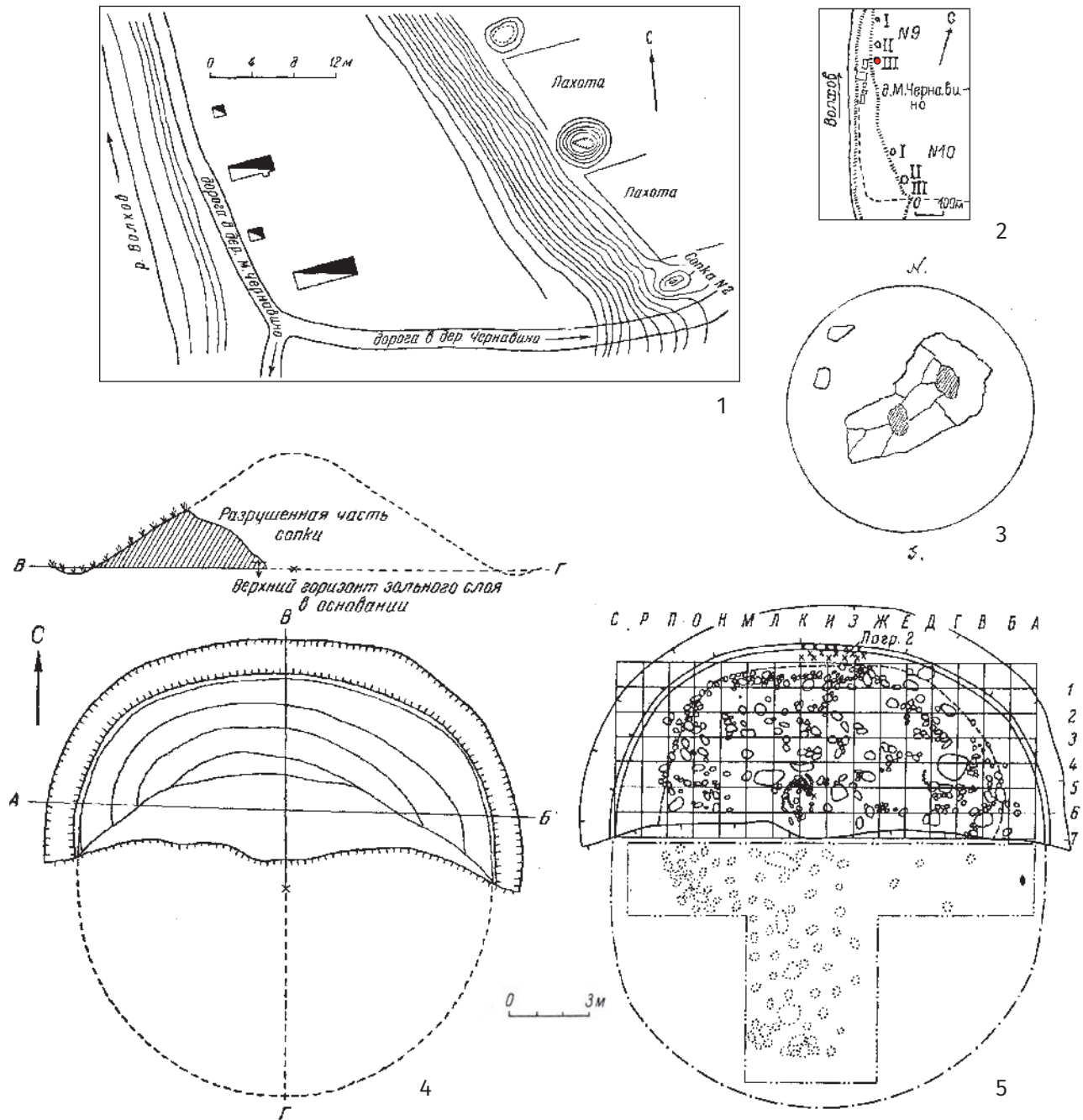

Рис. 40. Старая Ладога, ур. Плакун. 1, 2 — планы урочища по С. Н. Орлову и В. П. Петренко; 3 — курган СXXXV (Бранденбург 1895); 4 — сопка № 2 (Орлов 1955); 5 — сопка 10-III, ошибочно реконструированная В. П. Петренко на основе данных вышеупомянутых исследователей (Петренко 1994)

находится множество этих шпеньков, выпавших после разложения легкоплавкой заливки бляшек. Сохранились два вида круглых бляшек и пятиугольные с рубчатым краем (рис. 43: 7). Следует отметить, что матрица для изготовления из фольги подобных удлиненно-пятиугольных ременных бляшек с рубчатой каймой (несколько более сложного рисунка) обнаружена на Любшанском городище (Щеглова 2004: рис. 2: 12; Курбатов 2018: рис. 6.19: 12). Изделие, выполнен-

ное в этой технике, известно в древнейшем слое Земляного городища, а соответствующая ювелирная технология изначально связана, видимо, с аварскими древностями Подунавья (Щеглова 2004: 263).

Наборы круглых и удлиненных бляшек, тисненых из цветного металла и залитых свинцовым сплавом, известны довольно широко в литовских древностях (Volkaite-Kulikauskiene 1971: 14, pav. 13; Кирпичников 1973: 25). Таков еще один след аварского влияния на

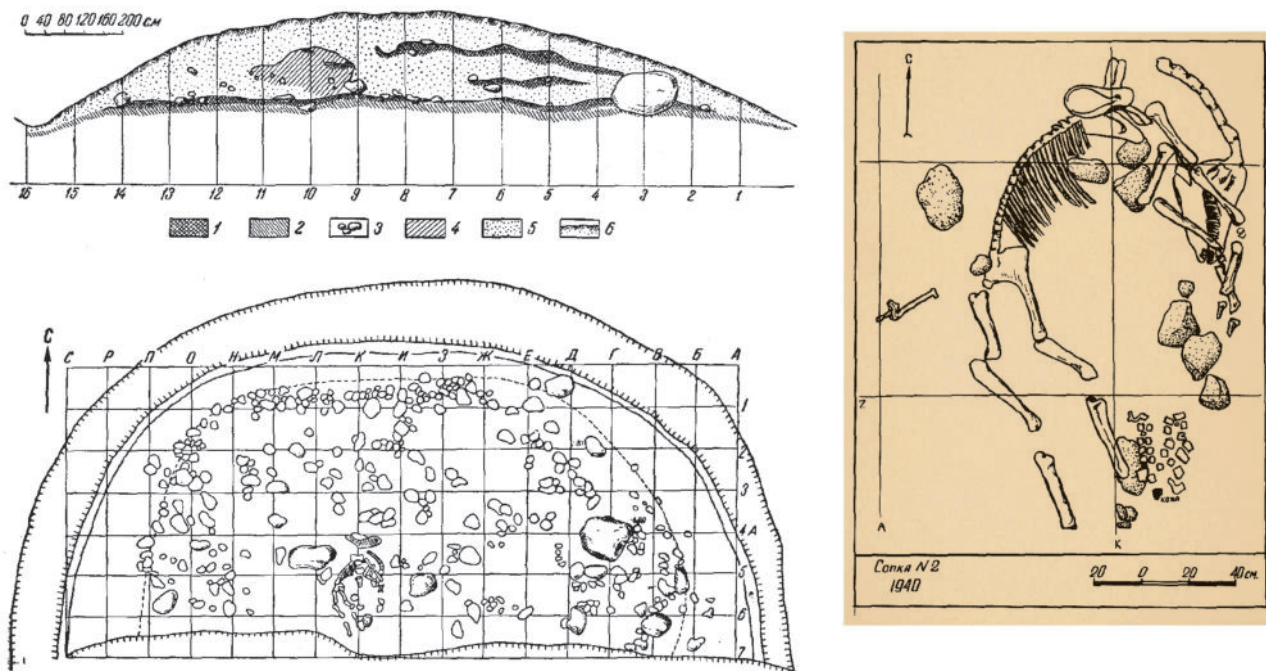

Рис. 41. Старая Ладога, ур. Плакун, сопка № 2 (Орлов 1955, Орлов А-1968). 1 — разрез; 2 — план основания насыпи; 3 — чертеж погребения из научного архива ИИМК РАН (Ф. 35.1968. №113. Л. 46). 1 — зола; 2 — грунт; 3 — камни; 4 — глина; 5 — песок; 6 — дерн

литовский всаднический убор; прообразы литовской конской сбруи в огромном количестве отыскиваются в аварских могильниках Подунавья (Hampel 1905: 444, 459, fig. 1319; 1442; Nagy 1998: Taf. 31B, 111; Tomka 2008: Abb. 16; Bárdos, Garam 2009: Taf. 40, 108, 124, 128, 130). Круглые бляшки из сопки 10-III делятся на две группы: бляшки, центр которых окаймлен кольцом из мелких перлов (рис. 43: 4–6), и бляшки с центральной частью, выделенной простым тиснением (рис. 43: 9–12). Нужно обратить внимание на присутствие серебряных бляшек второго типа в известном погребении кургана № 2 в Цурковке (Шмидт 1958: рис. 4: 7, 8).

Зооморфные бронзовые удила типа Ia, по А. Н. Кирпичникову, имеют ряд редких черт, в частности — изделие полностью отлито из бронзы. А. Н. Кирпичников колебался в датировке сбруи, то относя удила к IX в. (Кирпичников 1973: 14, 88, табл. 7), то оговариваясь, что «лучше сказать» к IX–X вв. (Кирпичников 1973: 13), то определяя дату IX — началом X в. (Кирпичников 1973: 25). Перед нами одно из проявлений огромной проблемы поисков путей заимствования оседлыми народами Европы степных типов конской сбруи и элементов художественных стилей. Этой проблеме посвящена, в частности, работа И. Р. Ахмедова о зооморфных удилах (2002). Автор выделяет специальный тип псалиев первой половины V в., названный им «боспорским», который содержит ряд черт, общих с изделием из соп-

ки. Они изготовлены из бронзы, имеют оформление в виде конских головок и характерную подгранность фигур. На псалиях из Керчи имеется проработанная и резко выпуклая грудь конька (Ахмедов 2002: рис. 1: 6). Скоба, так же, как и на ладожском экземпляре, располагается на спине конька в плоскости фигуры.

Ладожские удила имеют S-видные псалии с простыми скобами, характерные для кочевнических культур VII–X вв. на очень обширной территории, от Южной Сибири до Южнорусских степей (Гаврилова 1965: рис. 16; Грач, Савинов, Длужневская 1998: 33–34) и далее до Подунавья, куда они проникают с востока (Hampel 1905: 248, fig. 587, 588; Budinský-Krička 1956: tab. X: 1, XXIII: 11, XXXIII: 13; Profantová 2015: fig 1: 4). Необычно оформление псалиев в виде коньков с выставленной вперед грудью, образующей изгиб прямоугольный, вместо распространенного сглаженно-S-видного. Тела и шеи коньков в сечении подграненные. Можно отметить некоторое сходство с железными удилами из тайника в кургане № 5 Уйбатского чаатаса (Хакасия), датированными VII в. (Евтюхова 1948: рис. 29). S-видные зооморфные удила оказались, видимо, занесены из южносибирского региона в Подунавье на рубеже VII–VIII вв. (Comşa 1982: Abb. 4: 30) и бытовали там на протяжении VIII в., правда, в железном исполнении. К этой традиции относятся известные удила из могильника Житавска Тонь в Словакии (Budinský-Krička 1956: tab. XIII: 1; Importantssites 1978: fig. 131), удила из погребения

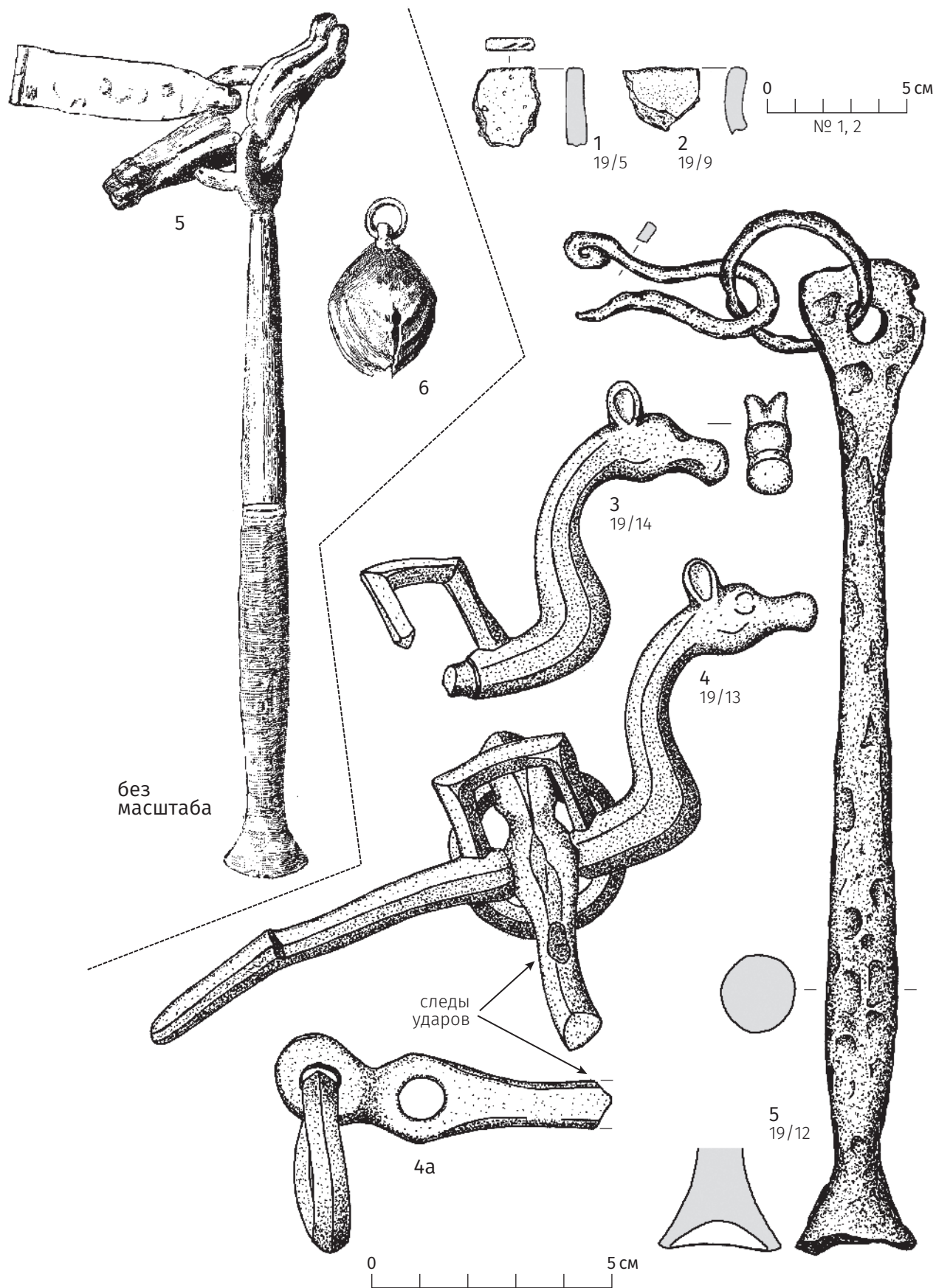

Рис. 42. Старая Ладога, ур. Плакун, сопка № 2 (Орлов 1955). 1, 2 — фрагменты лепных сосудов; 3, 4 — псалии (4а — фрагмент рис. 4); 5 — шумящая плеть (раскопки С. Н. Орлова). 6, 7 — находки из кургана 7 могильника Перкушты (Спицын 1896). 1, 2 — глина; 3, 4 — сплав меди; 5 — железо

Рис. 43. Старая Ладога, ур. Плакун, сопка № 2 (Орлов 1955). Находки. 1–3, 15, 16 – фрагменты лепных сосудов; 4–12 – украшения конского оголовья; 13 – псалий (фрагмент); 14 – шумящая плеть (раскопки С. Н. Орлова). 14–15 – стеклянные бусы из погребения № 2, обнаруженного В. А. Назаренко в 1971 г. (с этикеткой хранятся в Славяно-финском отделе ИИМК РАН)

Рис. 44. Старая Ладога, ур. Плакун, сопка № 2 (Орлов 1955). Фрагмент удила с псалием

200 могильника Колькед-Фекетекапу (Kiss 2001: Taf. 58: 20). Фрагмент таких же удила, найденный на одном из городищ в Богемии, отнесен к концу VIII — началу IX в. (Profantová 2015: 281, fig. 1: 2), что, видимо, совпадает с датировкой клада с аналогичными зооморфными удилами на Холопьем Городке (Носов 1990: рис. 60)⁹¹. Еще одни удила этого типа происходят из кургана в Скамсруд в Норвегии (Rygh 1885: cat. 574; Petersen 1951: fig. 16) (рис. 45: 4). Наконец, железные псалии, близкие подобному типу, найдены в воинском погребении эпохи викингов в Тингельстаде (Rygh 1885: cat. 573) (рис. 45: 3).

Особого внимания заслуживают железные зооморфные S-видные псалии из сожжения коня восточнолитовского курганного могильника Русю Рагас (Ширвинтский район Литвы), стилистически очень близкие староладожским, хотя и имеющие конструктивные особенности (Volkaite-Kulikauskiene 1971: 17, pav. 9, 26) (рис. 45: 5). Близость заключается в том, что в отличие от позднеаварских удила типа Житавска Тонь, конские головы которых сужаются к носу, морды коней из Литвы оформлены в виде расширяющегося рыльца. В Литве известны и бронзовые литые зооморфные псалии с подобными конскими головами — это находка из Вершвай (Veršvai, Pakariai); правда, датируют ее более поздним временем — XI–XII вв. (Volkaite-Kulikauskiene 1971: 17; Iršėnas 2009: pav. 66). Подобный элемент своеобразного прибалтийского звериного стиля — конские головы с рыльцами — можно видеть и на некоторых других изделиях из Прибалтики.

Архаичность удила из сопки 10-III очевидна, и, будь они найдены вне комплекса, их датировка могла бы предполагать всю вторую половину I тыс. н. э. Суммируя, нужно сказать, что удила из кургана 10-III сочетают южносибирские, причерноморские и дунайские культурные элементы. Возможно, удила сделаны в Литве, отсюда — специфический стиль исполнения конских голов.

Железные шумящие плети использовались длительное время, в X в. они известны в Гнэздове, во владимирских курганах (Кирпичников 1973: рис. 74, табл. XXIII: 1–3, 6), в могильниках Латвии (Вилцане 2011: 199, 200, рис. 1: 3) и Литвы (Butėnas 2001: 1 pav.). Плеть близкой формы, но отличающаяся в деталях, найдена в кургане СХVI в могильнике Вахрушево в Юго-Восточном Приладожье (Мурашева 2016: 495). Курган также датируется X в. и считается захоронением скандинава (Кочкуркина 1989: 180). Одна из самых поздних находок (начало XI в.), происходит

из погребения К36 прусского могильника Кауп (Кулаков 2012: 122, рис. 3). Сложность представляет датировка появления интересующих нас плетей (ориентироваться в данном случае, очевидно, нужно на него). Здесь показателен восточнолитовский курган 7 в могильнике Перкшукшты, где в комплексе с подобным кнутовищем найдены крупные рифленые бубенчики салтовского типа, аналогичные бубенчику из сопки СХL (Спицын 1896: рис. 30, 31; Покровский 1897: табл. X: 16, 17). Этот литовский курган, судя по бубенчику, относящийся к IX в., позволяет связать в единое целое конский убор с обеих берегов Волхова из курганов 10-III и СХL (рис. 42: 5, 6).

По А. Хакману, шумящая плеть из сопки 10-III принадлежит к типу D (Hackman 1938: 119–126; Kivikoski 1973: 128, Taf. 110: 998), который тот отнес к периоду 800–850 гг. Эта датировка основывается, очевидно, на аналогии, происходящей из погребения Вендель VIII (Stolpe, Arne 1912: Pl. XXII: 4). Правда, Т. Арне датировал эту могилу началом X в., опираясь на предполагаемую им датировку найденного в погребении ланцетовидного наконечника копья с «готическим» орнаментом на втулке (Stolpe, Arne 1912: 59). Действительно, подобные копья часто встречаются в X в., например, в Гнэздовском кургане № 15, раскопанном М. Ф. Кусцинским (Авдусин 1967: табл. I: 3). Проблема датировки погребения Вендель VIII, однако, осложняется присутствием в могиле накладки в стиле II, который вряд ли можно омолаживать даже до IX в. (Stolpe, Arne 1912: Pl. XXII: 2). Я. Петерсен копьё типа E (по его типологии) отнес к концу VIII — первой половине IX в. (Petersen 1919: 26). Какой бы ни была верхняя граница бытования этих копий, датировку погребения Вендель VIII (рубеж VIII/IX вв.) задает именно накладка в зверином стиле. Эту датировку и следует считать нижней границей хронологического диапазона, который охватывает погребение № 1 сопки 10-III.

Итак, датировка погребения № 1 из сопки 10-III укладывается в IX в. с предпочтением его первой половине. Должен добавить, что именно так датировал сопку С. Л. Кузьмин, хоть цепь его рассуждений не опубликована (Кузьмин 1997а: 111). Размышляя о месте появления этих плетей, полагаю, надо из трех регионов (Швеция, Ладога, Литва), в которых сделаны наиболее ранние находки, отдать предпочтение Литве, поскольку именно для этого региона характерны древнейшие всаднические традиции, восходящие к эпохе переселения народов.

В целом, захоронение лошади, связанное с первоначальной насыпью 10-III, должно быть признано самым богатым погребением в сопке, на всей территории, которую сопки занимают. Связано ли оно с салтовским влиянием, отражает культурные импульсы

⁹¹ Клад с удилами на Холопьем Городке происходит из слоя пожара, который можно соотнести с неизъятием зарытого рядом с городищем клада с младшей монетой 810–812 гг. (Фомин 1993: 14).

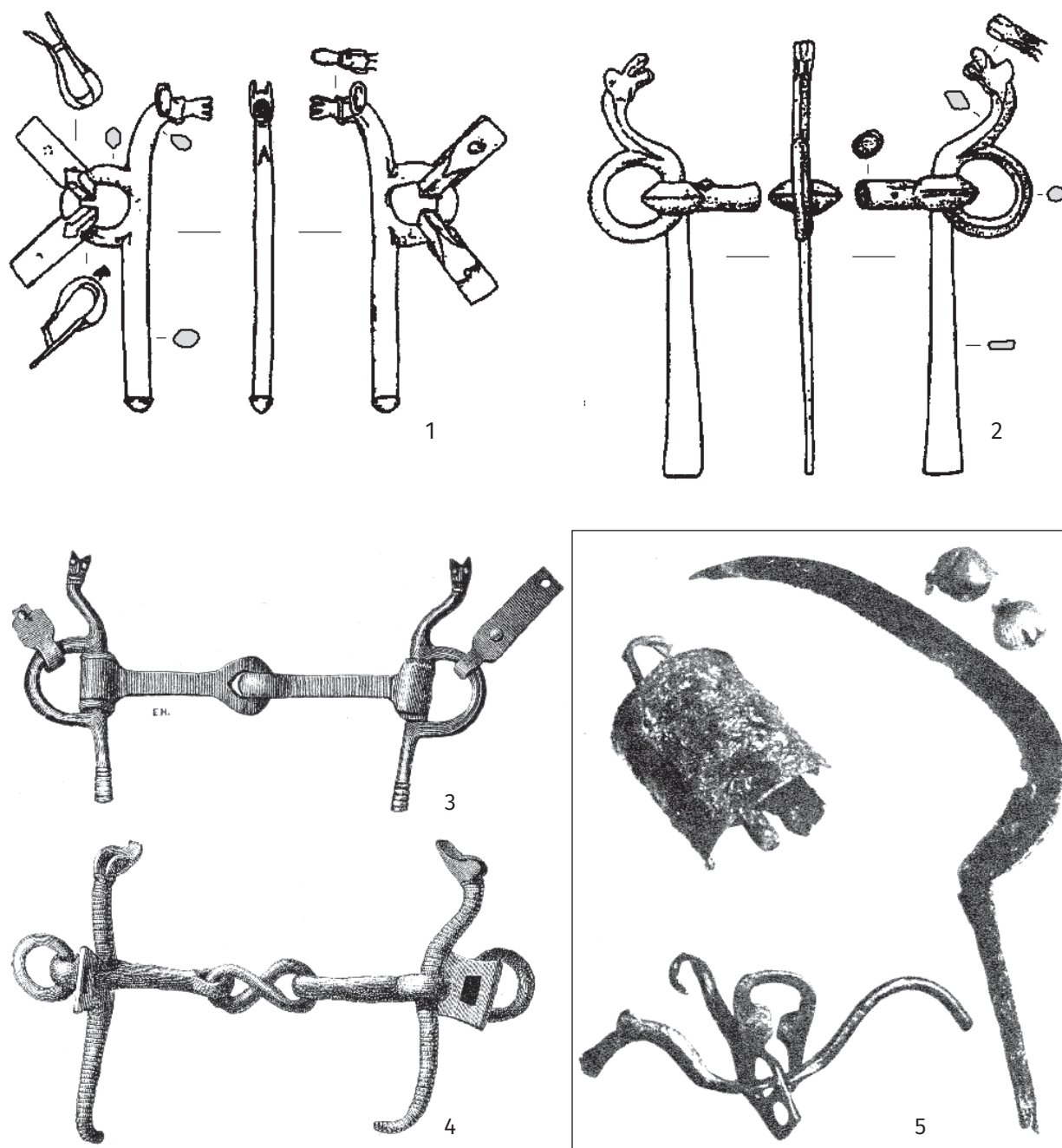
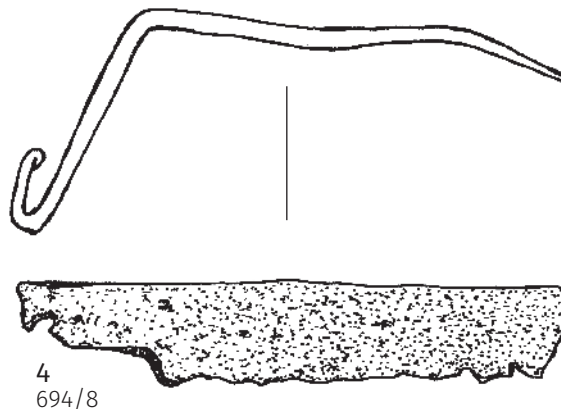
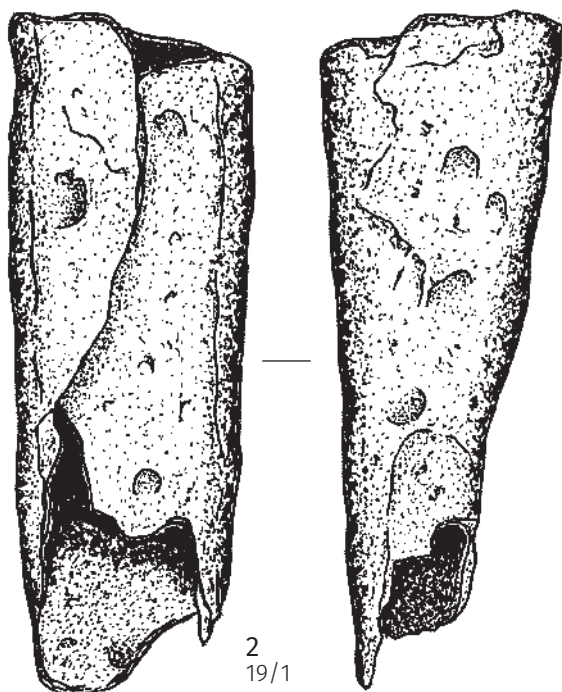
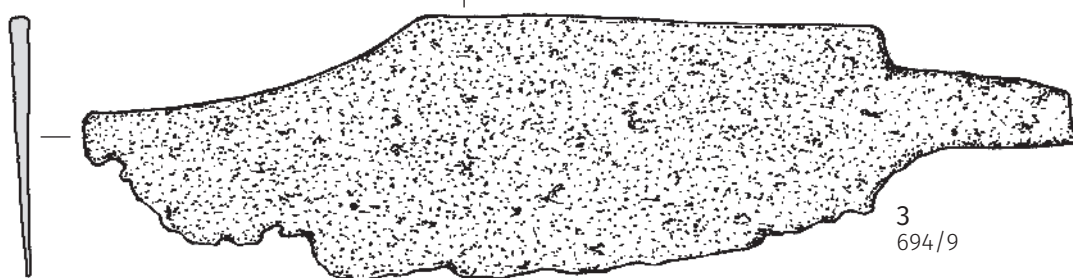
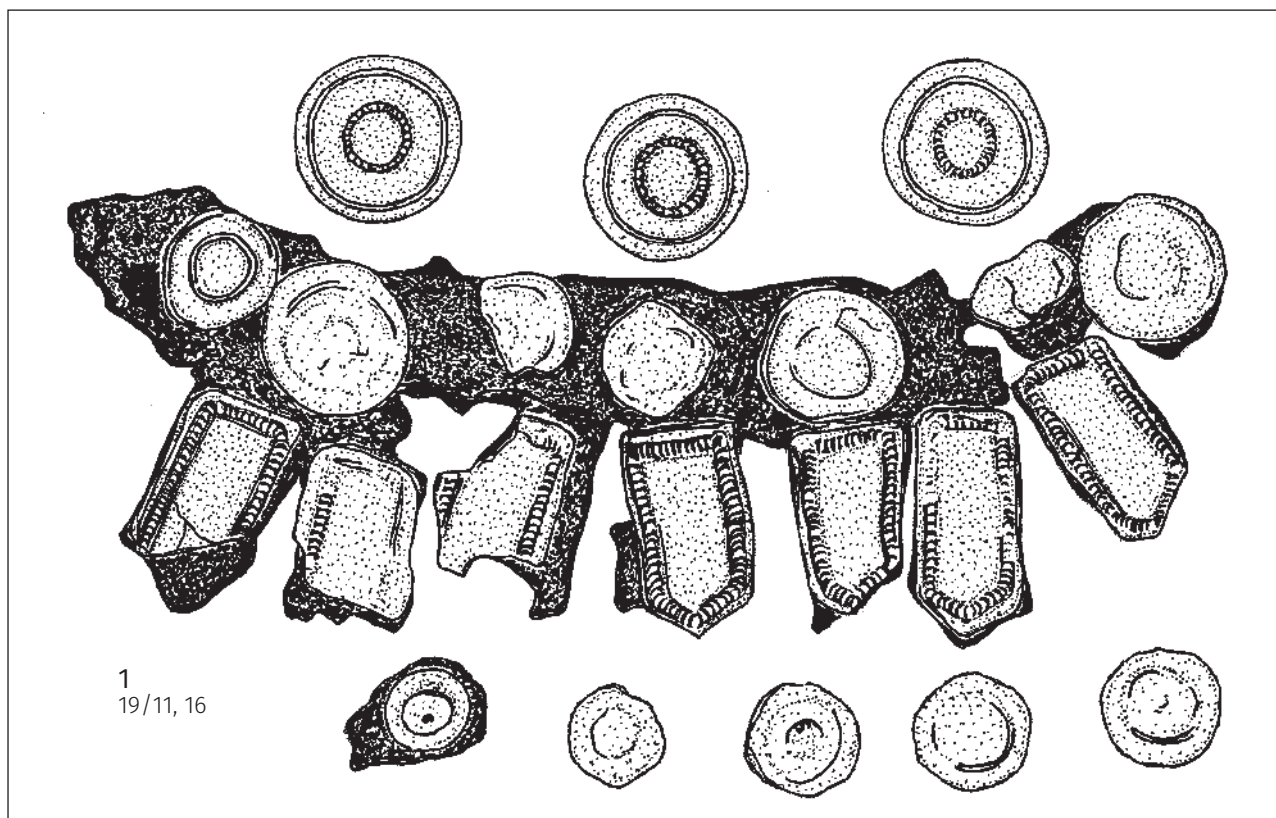

Рис. 45. Зооморфные удила. (1, 2 – Ахмедов 2002; 3, 4 – Rygh 1885; 5 – Volkaite-Kulikauskiene 1971)

из Подунавья, или из Литвы — сложно сказать, хотя, на мой взгляд, наиболее вероятно последнее. Было ли в нижнем ярусе сопки 10-III человеческое захоронение? Погребения коней в богатом уборе без всадников или в отдельных могилах рядом с могилой хозяина, известны не только у кочевников, в частности, аваров (например, захоронение коня с аналогичными бляшками: Томка 2008: 611), но были широко распространены у балтских племен. Пример — вышеупомянутый курган № 7 из литовского Першукштовского могильника, в котором тоже было лишь захоронение коня (Покровский 1897: 24).

Однако мне представляется маловероятным, что ладожский курган был возведен специально для ритуального захоронения коня. Об этом говорит такая деталь, как намеренная порча удила. Подобные действия производились, конечно, для того, чтобы могильный обитатель не мог воспользоваться своим снаряжением во вред живущим — в первую очередь выехать верхом из кургана. Добавим, что в мифических представлениях северных германцев и сами удила могли служить орудием убийства — именно ими, согласно Саге об Инглингах, убили друг друга легендарные конунги Альрек и Эйрик, сыновья Агни

0 5 см

Рис. 46. Старая Ладога, ур. Плакун. Находки из сопок.
1, 2 – сопка № 2 (Орлов 1955);
3, 4 – курган СХХХV (Бранденбург 1895).
1 – свинцово-оловянистый сплав, серебро, кожа;
2-4 – железо

(Снорри 1980: 21). Судя по свидетельствам дренегерманского эпоса и саг, подобные вылазки мертвых всадников из курганов временами случались, и производимое ими на живых действие было самым зловредным, как например в Песне о Хельги, убийце Хундинга. Итак, вряд ли люди, насыпавшие большой курган, опасались, что погребенный в кургане конь в своей потусторонней жизни взнуздает себя сам и самостоятельно поскачет по берегам Волхова. Эта деталь внятно говорит о том, что рядом с конем в разрушенной части сопки находился и его хозяин.

«Серебряное» оголовье, уникальные художественно выполненные удила, шумящая плетть, — каждый из предметов по-отдельности представлял собой высококачественное изделие; это подчеркнуто всеми упомянутыми исследователями, занимавшимися отдельными предметами снаряжения. В кургане был погребен представитель самого привилегированного слоя ладожского общества IX в.

Группа 2. На втором этапе функционирования насыпь было досыпана, а на вершине сооружена была вымостка из плит.

Группа 3. Насыпь высотой не менее 0,7 м, перебившая кладку из плитняка. С этим этапом, возможно были связаны поверхностные погребения. К ним мог относиться найденный под дерном погнутый (т. е. испорченный в ритуальных целях) железный нож.

Погребение № 2. Осенью 1969 г. при расширении дороги бульдозер подрезал останец сопки, причем было разрушено погребение по обряду сожжения с «гончарной керамикой X в.» (Назаренко А-1970: л. 17). Очевидно, в полах насыпи 10-III совершались поверхностные захоронения вроде тех, что были обнаружены на Победище.

Кальцинированные кости располагались на склоне ровика сопки в северной части сооружения (Назаренко 1971). Инвентарь:

1. Двойная пронизка темно-синего стекла.
2. Бусина молочно-белого стекла.
3. Железный предмет.
4. Заполированный клык.
5. Фрагмент оплавленного бронзового украшения, возможно, арбалетовидной фибулы (Петренко 1994: 123).
6. Девять фрагментов гончарного сосуда с волнистым орнаментом.
7. «Несколько обугленных кусков дерева».

В. П. Петренко отождествил насыпь № 2 С. Н. Орлова с курганом СХХХV Н. Е. Бранденбурга (Петренко 1994: 20), дав им обоим единое обозначение 10-III. Для этого ему потребовалось предположить, что раскоп Н. Е. Бранденбурга располагался в южной части насыпи СХХХV. Кроме того, чтобы разместить там раскоп, ему пришлось допустить, что насыпь была слегка выгнута с юга на север (рис. 40: 5), для чего

нет никаких оснований. С. Н. Орлов явно исследовал не треть (как следует из реконструкции В. П. Петренко), а почти ровно половину насыпи (рис. 40: 4), не зафиксировав при этом никаких следов предыдущих раскопок. Между тем, и текст, и рисунок Н. Е. Бранденбурга со всей определенностью указывают на то, что открытая им каменная вымостка располагалась в центре насыпи (Бранденбург 1895: 136, рис. 24). Кроме того, исследователь отмечает, что им вскрыта «западная половина подошвы» и «восточная половина подошвы», т. е. раскоп его прорезал курган через центр с запада на восток. Этому описанию соответствует не сопка № 2 С. Н. Орлова, а насыпь 10-I по В. П. Петренко, несущая следы именно такого раскопа, что отмечено на чертеже С. Н. Орлова (Орлов 1955: рис. 8). Вдобавок ко всему отметим, что Н. Е. Бранденбург не обнаружил в основании сопки погребения, которое должен был сопровождать конь в роскошном уборе. Как уже говорилось, логичнее предположить, что оно было разрушено, нежели, что курган был возведен специально для коня.

6.3.3.3. Старая Ладога, ур. Плакун, сопка 11-I (Петренко 1994)

Большой курган располагался в 250–300 м к югу от курганного могильника в ур. Плакун на южной окраине д. малое Чернавино (рис. 47). Западный склон размывался разливами Волхова. По Г. Ф. Корзухиной имеет № 62 (Корзухина А-1965: л. 2). Зафиксированные размеры останца 25×37 м при высоте 6,2 м (Носов 1985: 147). Курган исследовался В. А. Назаренко (1971 г.) и Е. Н. Носовым (1972, 1973 гг.) и раскопан на снос (Назаренко, Носов А-1971; Носов А-1972; Носов 1985). Выявлено несколько групп объектов.

1-я группа. Первоначальное сооружение, возведенное на плакунской террасе, имело высоту около 2 м и размеры, по мнению Е. Н. Носова, 15–16×29 м. Скорее всего, курган первоначально был округлым в плане. На опубликованных чертежах видно, что обращенная к Волхову сторона первоначальной насыпи разрушена осыпями, и ее границы не могут быть с уверенностью реконструированы (Носов 1985: рис. 3). Вершина насыпи была плоской. Анализируя стратиграфию насыпи, нужно учитывать то, что под ее давлением поверхность террасы просела, образовав углубление, принятое при раскопках за естественную впадину (Носов 1985: 148)⁹². Поэтому напласто-

⁹² Больше нигде на Руси такое явление не известно. Под сопками, насыпавшимися на коренном берегу, материк, естественно, не проседал. Плакунский большой курган едва ли не единственный в Древней Руси, сооруженный на переувлажненной аллювиальной глине пойменной террасы. Но в средневековой Скандинавии такое время от времени случалось, и подобного рода депрессии под большими курганами там известны. Самый знаменитый

вания насыпи оказались сильно смещены. Однако уплощенная форма первоначального кургана сомнений не вызывает. В таком виде курган просуществовал какое-то время, поскольку на его вершине сформировался дерновый слой, прослеживающийся в профиле насыпи в виде прослойки гумусированной глины (Носов 1985: 148). С первоначальным курганом связаны три погребения, совершенные по обряду сожжения на стороне (погребения № 1–3).

Погребение № 1. Совершено, очевидно, при возведении первоначального кургана, на одной из промежуточных поверхностей. Представляло собой низкую плетеную корзину с берестяным дном, поставленную на край зольно-углистой линзы размерами 1,2×1,36 м и мощностью до 15 см. Кальцинированные кости находились как в линзе, так и в корзине. В качестве сопроводительных даров можно рассматривать кальцинированные кости рыбы и собаки (?). Инвентарь: фрагменты гребня, лежавшие в линзе. Гребень типа 1а, по О. И. Давидан (рис. 48), датируется временем не позднее IX — начала X в. (Носов 1985: 154). На уровне погребения 1 в насыпи найдены семь носилок (для двух использованы корабельные доски), рога двух козлов, два весла, обломки лопастей трех деревянных лопат и несколько обломков черенков тоже, видимо, от лопат. Над погребением в насыпь были «беспорядочно брошены ветки деревьев» (Носов 1985: 149). Присутствие веток в кургане важно, эта деталь сближает «первоначальный курган» с вышеописанными сопками № 14-I (раскопки В. П. Петренко) и 10-III (раскопки С. Н. Орлова).

Погребение № 2. Линза кальцинированных костей с мелкими угольками размерами 80×140 см и толщиной до 4 см зафиксирована на поверхности первоначальной насыпи в ее восточной части. Инвентарь: кусок оплавленной бронзы. После того, как кости были помещены на курган, они были присыпаны грунтом.

Погребение № 3. Линза кальцинированных костей диаметром около 0,75 м и мощностью до 10 см, залегавшая в слое глины размерами 1,8×2,2 м с включениями угля зафиксирована в южной части кургана на поверхности первоначальной насыпи. Инвентарь: 12 обломков лепного сосуда, железная пластина ромбической формы. Это погребение тоже сопровождалось небольшой присыпкой грунта сверху.

2 группа. Спустя некоторое количество времени высота кургана была доведена до 6,2 м (с учетом проседания грунта — до 7 м). Таким образом, из плоского кургана с площадкой была сделана высокая коническая насыпь — нечто совершенно иное по своим функциям.

пример – курган в Осеберге. Среди шведских комплексов, которые анализируются в этой работе, такие примеры можно видеть в Брубю.

Погребение № 4. Совершено на вершине насыпи в деревянной камере. Погребение мужчины-воина с конями неоднократно обсуждалось в литературе. Его датировка — X в.

В насыпи первоначального кургана найдены кости лошади, коровы, свиньи, овцы, рыба чешуя, фрагменты лепной керамики (рис. 49), кремневый наконечник стрелы и скребок. Е. Н. Носов ратенивал это как следы тризны (Носов 1985: 151), но нельзя, на мой взгляд, не признать, что картина сложнее. Рога, кальцинированные кости животных и рыб, брошенные носилки, лопаты и весла, — действительно говорят о том, что некие ритуальные действия и тризна имели место. Но все остальное наводит на мысль о наличии здесь более раннего культурного слоя, который был использован при строительстве насыпи. Это мнение окончательно укрепилось, после того, как в эрмитажной коллекции удалось отыскать среди собранных Е. Н. Носовым обломков лепной керамики фрагмент тигля (Еремеев 2007: 249) (рис. 49: 1). Кроме него, в насыпи сопки найдено множество предметов, которые не связаны с погребением. Это заклепки, гвозди, обломки железных изделий (рис. 50). Среди находок выделяются нож с прямой спинкой и сланцевый точильный брусок (Носов А-1972: рис. 50: 2; 51).

Наличие рядом с сопкой 11-I карьера по выборке грунта для строительства насыпи (Носов 1985: 148) сближает памятник со скандинавскими аналогами. Для сопок эта деталь является уникальной. В Швеции карьеры рядом с большими курганами встречаются нередко. Например, Й. Юнквист полагает, что с большими курганами Упсалы связаны карьеры на Упсальском озе. В качестве параллели он отмечает наличие древних выемок грунта рядом с большими курганами в Борре (Норвегия) (Ljungkvist 2013: 40)⁹³. Это обстоятельство не так незначительно, как кажется на первый взгляд. Дело здесь в том, что при снятии на больших площадях верхнего плодородного слоя почвы, она надолго выводилась из земледельческого оборота. Это обстоятельство справедливо подметил в свое время еще К. Сильвер, подчеркнувший, что таким образом строительство большого кургана в Швеции было еще и тратой весьма значительных земледельческих ресурсов (Silver 1996: 55). Там, где это по каким-то причинам было невозможно, и требовалось использование более трудоемких глубоких карьеров.

⁹³ В качестве примеров таких карьеров близ курганов можно указать на Ingeborg, Kung Haralds hög, Uppland, Svinnegarns sn (размер кургана 60×54 м, высота – 5 м), курган в Runsa, Uppland (диаметр – 40 м, высота – 3 м), а также на вышеописанный курган в Staby, Uppland, Uppsala-Näs sn.

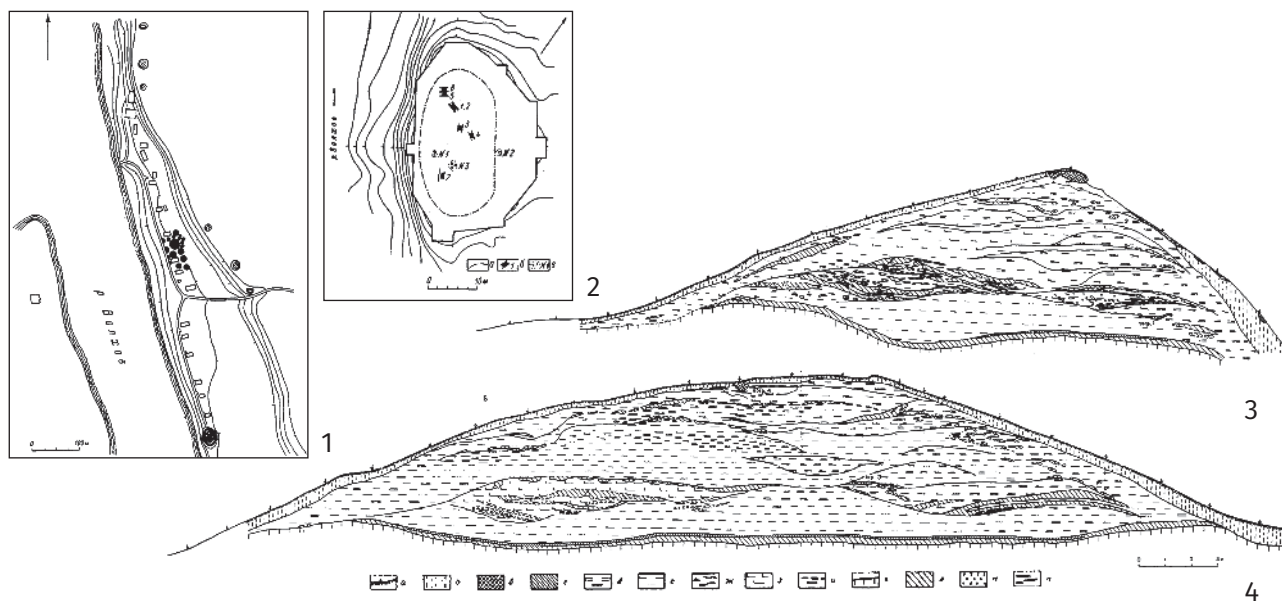

Рис. 47. Старая Ладога, ур. Плакун, сопка в пойме (Носов 1985). 1 — ситуационный план; 2 — схема ранней насыпи; 3, 4 — разрезы. а — дерн; б — аморфный гумусированный глинистый слой; в — перекоп; г — древний дерн; д — коричневая глина; е — синяя глина; ж — уголь; з — темно-серая глина; и — дерево (носилки); к — материк; л — гумусированная глина; м — кальцинированные кости; н — древесный тлен

6.3.3.4. Лопино. Сопка 12-III (Петренко 1994)

Большой курган, последний из группы сопки (не менее 4 насыпей) у д. Лопино на правом берегу Волхова. Первоначальная высота 5 м, диаметр до 22 м. Сопка № 52 по В. А. Назаренко (Назаренко А-1970: л. 18). Останец сильно поврежденного кургана раскопан С. Л. Кузьминым в 1999 г. (Кузьмин А-1999: 8–10). В основании сопки находилась подрезка-платформа. Выявлены остатки каменной обкладки платформы. В насыпи зафиксированы следы двух радиальных стенок-выкладок. Погребений не найдено.

6.4. Рождение нового мифа: о скандинавских элементах в сопках Северного Поволжья

После этого конунг повелел приступить к работам и соорудить курган, на котором он будет сидеть. И вот конунг взошел на престол, который стоял на кургане, и люди стали почитать его еще пуще прежнего < ... >

Немного погодя был создан тинг, и на него явилось множество народа. На этом тинге Гейрвида конунга вновь усадили на престол, подняли на курган, на котором он восседал прежде, и провозгласили государем и правителем всего Гаутланда. Один за другим на курган поднимались хёвдинги, воздавали конунгу почести, и каждый из них старался оказать ему уважение, как только мог.

*Сон Одди Звездочета*⁹⁴

Сделанный выше обзор скандинавской и восточноевропейской групп курганных древностей показывает, что сопоставлять их сложно из-за различий в их сохранности и качестве исследований. Множество больших курганов повреждено до раскопок. Многие коллекции депаспортизованы. Уникальные личности археологов, несравнимы их квалификация и методика. Поэтому не стоит ожидать от сравнительного исследования погребальных сооружений в Восточной Европе и Швеции ярких прорывов и открытий. Однако необходимость таких попыток очевидна (Müller-Wille 2013: 396).

Основой этой работы, во-первых, должен стать анализ хронологии комплексов и культурной принадлежности их вещевого инвентаря. Во-вторых, следует сравнивать культурные социально-политические, экономические, ландшафтные *контексты и условия*, в которых происходило зарождение и развитие традиций возведения больших курганов. Морфология же погребальных сооружений, выраженная цифрами и геометрическими фигурами, дает весьма немного. Например, А. Стальсберг, проведя такой анализ, не нашла ничего общего между большими курганами Швеции и сопками, в частности, между каменными конструкциями в тех и других (Stalsberg 1980: 17, 18).

Рассмотрение погребального инвентаря волховских сопки позволяет сделать несколько наблюдений. Во-первых, инвентарь захоронений в них сильно отличается от скандинавского. Несмотря на ряд параллелей (например, гвозди и игральная фишка из

⁹⁴ Исландские пряди 2017: 593, 597.

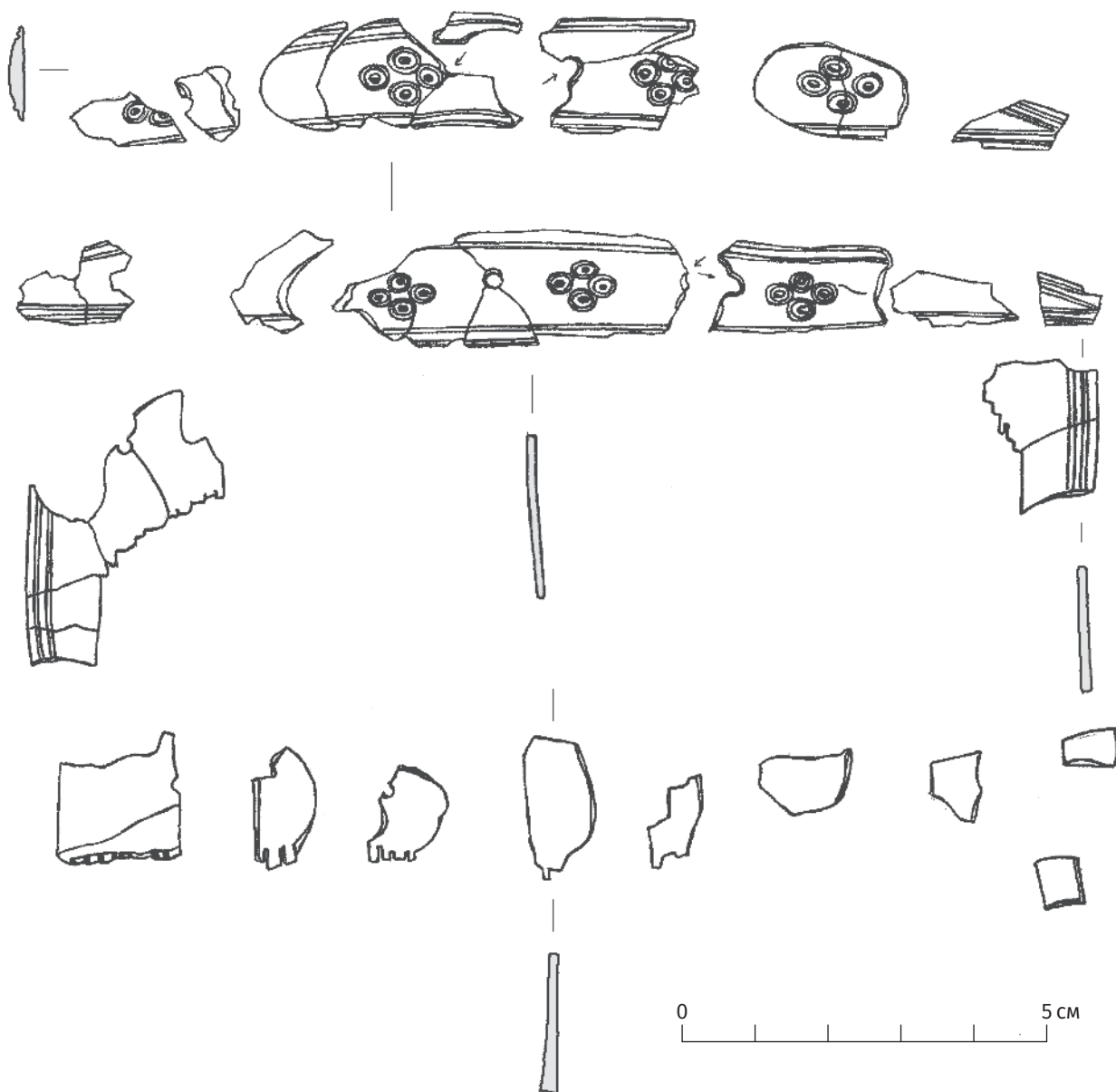

Рис. 48. Старая Ладога, ур. Плакун, сопка в пойме (Носов 1985). Гребень из раннего погребения

сопки 4-II или составной гребень из нижнего яруса сопки 11-I) комплекс находок из сопок указывает на восточноевропейские культурные традиции. Во-вторых, анализ инвентаря и костного материала из сопок говорит о значительной роли коня в погребальном обряде (сопки 4-II, 14-II, 15-II, 10-III; 11-I, курган Н. И. Репникова с подпружной пряжкой возле сопки 14-II). Связано ли это с тем, что в сопках погребены всадники — представители социальной верхушки? Думаю, нет. Во второй половине I тыс. н. э. конские захоронения распространяются в Восточной Европе очень широко и, как и в сопках, не всегда сочетаются с элитарным инвентарем. На территории Пруссии, например, конь сопровождает большинство мужских погребений (Скворцов 2010: 25). Явно

не только элитарный характер имели сопроводительные погребения коня в Литве (Вайткунскене 1986: 107). В КПДК конские погребения также не дают оснований для выводов о связи их с верхушкой общества (Михайлова 2018: 176). В Старой Ладоге захоронение коня, помимо сопок, известно в грунтовом могильнике. Безусловно, перед нами ряд обществ, где конь играл важную роль в системе хозяйствования, в военном деле и торговле (как тяговая сила), в пищевом рационе (особенно на погребальных пирах), и соответственно — в мифических представлениях. То, что некоторые исследователи называют «культуром коня», было следствием его огромной роли в повседневной жизни. Обладание конями было символом не роскоши, а благоденствия.

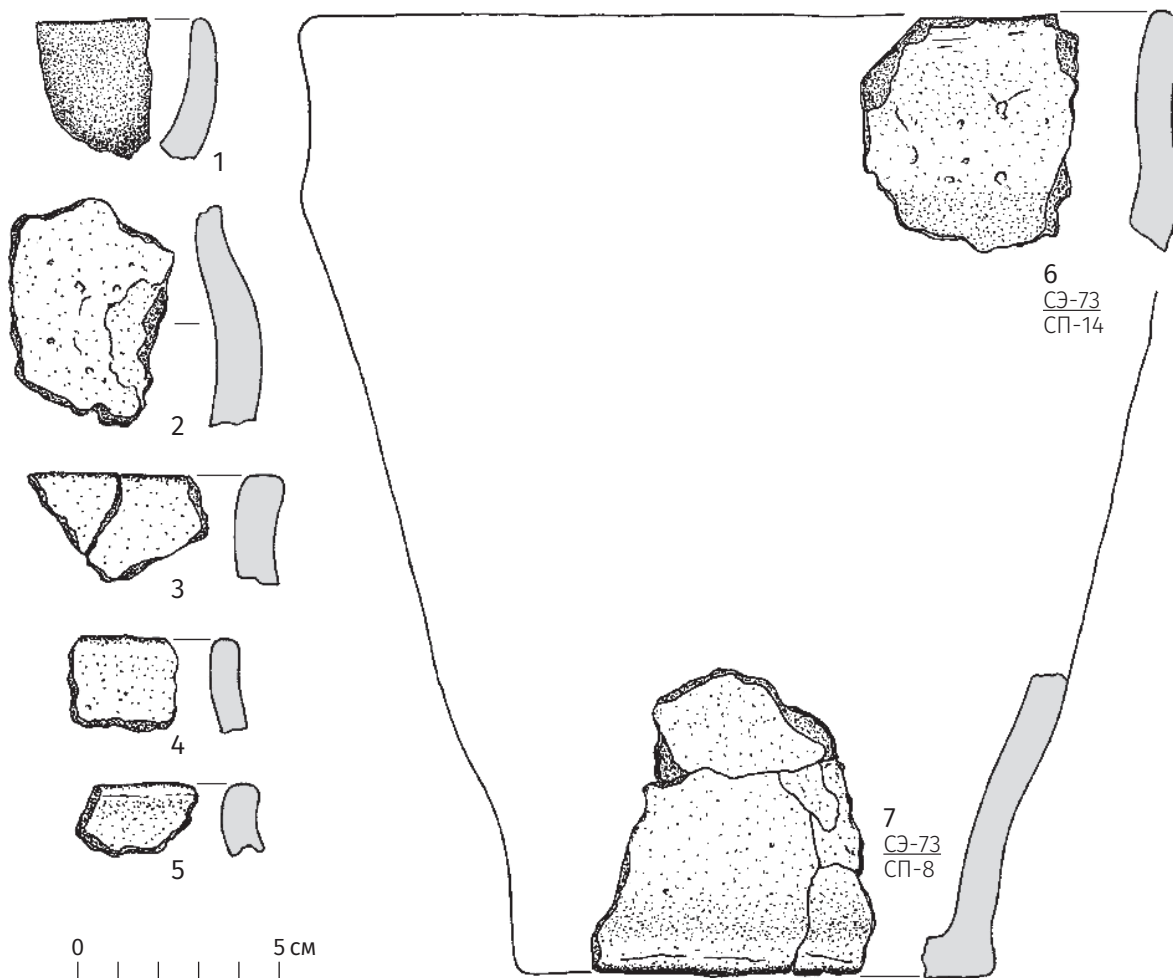

Рис. 49. Старая Ладога, ур. Плакун, сопка в пойме (Носов 1985). Фрагмент тигля (1) и лепная керамика (2–7)

Проблема изучения создававшихся скандинавами на востоке «обществ-фрагментов» заключается в том, что под влиянием местных условий они мгновенно трансформировались, сохраняя в то же время множество черт своих метрополий. Так, общество исландских колонистов IX–X вв., которое порой воспринимается как эталон скандинавской культуры, в реальности весьма быстро разошлось в своем развитии с магистральной линией социально-политического развития северогерманского мира с его растущей централизацией королевской власти и бурной политической историей (Байок 2004: 143–144). Нечто подобное, но с обратным знаком, произошло и в Восточной Европе. Если в Исландии решающим фактором развития «общества-фрагмента» стало отсутствие внешней агрессии, то на востоке, напротив, агрессия приобретала решающее значение. Из проблем с местным населением (здесь у нас нет оснований не доверять сказанию ПВЛ об изгнании варягов) вытекала невозможность для переселенцев органи-

зовывать свои поселения и систему расселения по образцу метрополии. Это влекло за собой и изменения в домостроительстве (например, появление знаменитых ладожских «больших домов», не имеющих прямых аналогий ни в Скандинавии, ни в Восточной Европе), а также организацию поселений по восточноевропейскому принципу «городище-посад» (самые яркие примеры: Ладога и Гробиня). Нечто подобное мы вправе предполагать и с традицией возведения больших курганов, поэтому поиски сходства отдельных элементов малоперспективны и всегда будут неубедительны, как продемонстрировала А. Стальсберг, которая нашла треугольные вымостки в сопках и треугольные погребальные сооружения Скандинавии не похожими друг на друга.

Однако та же ПВЛ повествует и о «золотом веке» варяжской дани, когда норманны и восточнославянские племена существовали в некоем равновесии, хоть и не выгодном для последних. Собственно это легендарный отрезок русской праистории до «изгнания

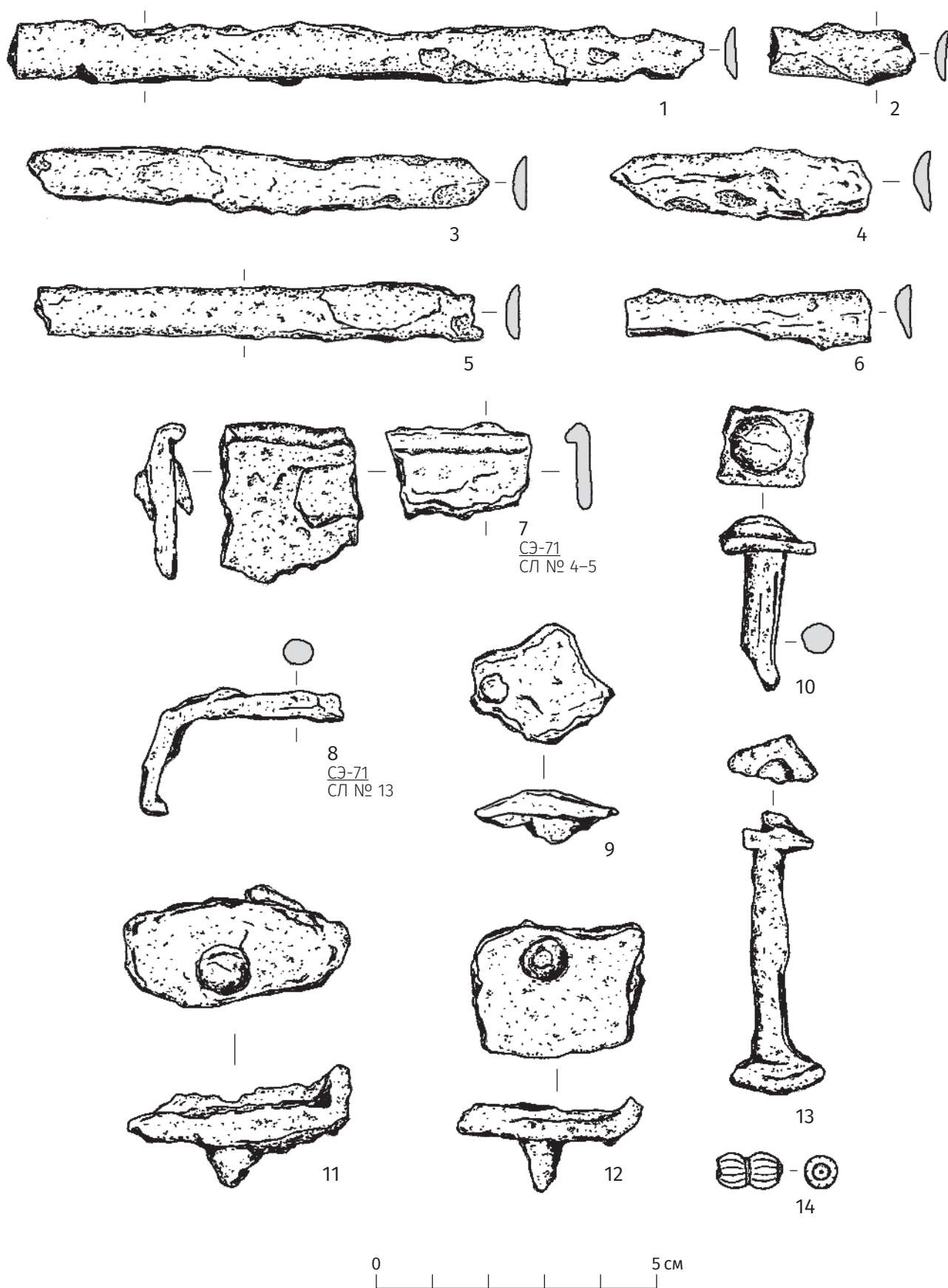

Рис. 50. Старая Ладога, ур. Плакун, сопка в пойме (Носов 1985). Находки из насыпи

варягов» (очевидно, до середины IX в.) и видится мне в качестве того периода, когда сосуществование скандинавской и восточнославянской земледельческих культур в Поволховье породило феномен сопки. Сам факт того, что восточноевропейские сопки возникают «на излете» вендельской традиции возведения больших курганов в Швеции, располагает к скептической оценке перспектив сравнительного изучения морфологии этих групп древностей. Следует идти другим путем — выделить идеи, которые восточноевропейское население позаимствовало у скандинавов. Нам понятны две из них: большой курган как способ манифестации власти, прав и могущества рода и каменные конструкции как средство создания преграды между миром живых и миром мертвых. Идея визуализации могущества вовсе не была чужда восточным славянам, но воплощалась она в виде деревоземляных сооружений иного типа — городищ. Разумеется, необходимость обезопасить себя от вредоносных покойников славяне ощущали и до появления норманнов. Но осуществлялась она по-иному.

Единая линия развития традиции больших курганов на западе и востоке Балтийского региона представлена в **табл. 56**.

Во второй половине VI в. в Центральной Швеции складывается несколько высокоорганизованных обществ с сильной королевской властью, достаточно централизованных, чтобы позволить себе строительство огромных курганных комплексов. Главным из них становится Упсала, сравнимая с королевским комплексом в Саттон-Ху и меровингскими королевскими захоронениями (Ljungkvist 2013: 46). Строящиеся во второй половине VI — начале VII в. королевские курганы начинают традицию, развивающуюся на протяжении всего VII в. Повсеместно в центральных шведских провинциях элементами родовых усадеб становятся курганы, подражающие Упсале, кургану Анунда в Вестманланде и тому подобным гигантским сооружениям. Традиция больших курганов развивается в двух направлениях: большие высокие «королевские» курганы и «курганы тинга» — насыпи с плоскими вершинами, предназначенными для ритуалов, связанных с осуществлением полномочий конунгов или иных лиц, облеченных властью, и для общинных собраний⁹⁵.

⁹⁵ Обзор исторических и историко-этнографических источников о королевском церемониале восседания на кургане впервые составлен А. Ольриком (Olrik 1909), который, однако, недостаточно внимания уделил роли кургана в общинной жизни. После раскопок «кургана Ингьяльда» тема вновь зазвучала в статье С. Линдквиста «Родовые могилы Инглингов» (Lindqvist 1921: 93–97). В дальнейшем исследователи неоднократно обращались к роли курганов в королевской ритуально-политической практике и в процессе функционирования тингов уже в археологическом контексте (Schnell 1928; Fredsjö 1960; Андрощук 2003, 2017).

По данным П. Братта, плоские вершины имеют больше половины больших курганов Меларского региона с диаметром более 20 м (Bratt 2008: 97)⁹⁶. В VIII в. традиция постепенно угасает, и к 800 г. практически прекращается. Единственным хорошо датированным большим курганом, стоящим на рубеже вендельского времени и эпохи викингов (около 800 г.), в Центральной Швеции в настоящее время является курган в Вибю.

В момент этого почти полного угасания традиции в Швеции, в Южном Приладжье возникает новый очаг сооружения больших могильных холмов. В основе его оказываются не устремленные вверх королевские курганы, а именно эта, вторая линия, связанная с уплощенными насыпями большого диаметра. Это можно попробовать объяснить тем, что центральная власть на территориях, заселявшихся на востоке выходцами из Средней Швеции и Готланда, не успела еще сформироваться в VII — начале IX в. Большие курганы Поволховья воплощают не силу королевской власти, а служат нуждам сельских земледельческих общин, оказавшихся в соседстве с агрессивным славянским миром. Это, разумеется, не исключает и наличия у этих комплексов погребальных функций. Но именно поэтому в больших курганах Поволховья престижные погребения с богатым инвентарем очень немногочисленны (их известно всего три (14-I, 14-II, 10-III), причем по богатству они сильно уступают шведским прототипам.

Могло ли привнесение в Поволховье традиции больших курганов произойти на фоне почти полного прекращения ее в Швеции в конце VIII — IX в.? Наиболее вероятно, что этот перенос начался несколько ранее — в интервале с середины VII в. до середины VIII в. Контекстом для переноса являются хорошо прослеживающиеся в археологическом материале связи Юго-Западной Финляндии и Центральной Швеции с Прикамьем в VII в. Транзитным регионом для этих связей служило, кроме Поволховья, Молого-Шекснинское междуречье, где тоже известны в VII–IX вв. большие курганы, причем именно того же типа, что и содержавшие элементы неволинской поясной гарнитуры Гульхёген в Упсале, и курган 14-II в Старой Ладоге. Я имею в виду тип кургана большого диаметра с плоской вершиной — «курган тинга». Вряд ли, конечно, в Молого-Шекснинском междуречье присутствовали выходцы из самой Швеции. Скорее, можно говорить о проникновении туда какого-то населения из Нижнего Поволховья, уже освоившего в VII в. традицию возведения больших курганов.

⁹⁶ При этом далеко не все воспринимаются как курганы-платформы, например, площадки есть и на Восточном и Западном упсальских курганах.

Элементы курганной архитектуры, позволяющие говорить о скандинавском происхождении волховских сопок, сведены мною в табл. 57. Рассматривая объекты, раскрытые в основаниях курганов, мы не можем быть до конца уверены в том, что они были созданы одновременно с курганом. В Швеции известны случаи, когда под насыпью больших курганов оказывались более ранние захоронения в каменных кладках или в небольших курганах (см., например, Нушбори, курган 10; Ворбю, курган 6). Нельзя исключать этого и в Ладого. Я буду, однако, исходить из того, что даже ставя курган на более ранней каменной вымостке, строители так или иначе должны были соотносить в своих мифических представлениях эти объекты, и с этой точки зрения, их в любом случае можно считать комплексом.

Еще один методологический аспект. Исследователи часто рассматривали элементы сопочной архитектуры по-отдельности, пытаясь отыскать их прототипы в культурах разных народов. Такая эклектика кажется мне необоснованной. В Восточно-Балтийском регионе использование камня в погребениях характерно для северогерманской и прибалтийско-финской обрядности. У славян использование камня при похоронах было чрезвычайно ограничено. Ни в курганах, ни в грунтовых могильниках VI — начала X в. камень не применялся настолько, чтобы оставить впечатление устойчивой традиции. Разного рода каменные набросы, обкладки курганов и могил появляются во второй половине X в., т. е. относятся уже к эпохе христианизации.

Груда камней по верованиям древних германцев должна была предотвратить проникновение умершего обратно в мир живых. В Швеции каменные кладки (*kärnröset*) в курганах достигают огромных размеров. Семантика этих коллективных сооружений чрезвычайно многогранна. Важна была, например, роль камня в жертвоприношениях (согласно Саге о Людях с Песчаного Берега, о камень разбивались головы людей, приносимых в жертву Тору). Камень служит средством отвращения злых сил, а групповой характер камнеметания многократно усиливал желаемое действие. Коллективное побиение камнями как род казни (первоначально, вероятно, общинного жертвоприношения) практиковалось у многих европейских народов, в том числе и у германцев (об этом есть упоминания в сагах). Сакральная традиция формирования каменных куч известна на Ближнем Востоке и в Европе очень давно (Кагаров 1913: 77–79). Главная роль каменных сооружений над погребениями, вокруг и рядом с ними, восстанавливается достаточно уверенно — с помощью камней строители курганов воздвигали преграду между собой и умершими, затрудняли их возвращение в мир живых

и нейтрализовали их вредоносные наклонности. А вредоносной, как известно из средневековых исландских *мифических* представлений, могла быть даже сама зола от трупосожжения, если она остается не укрытой от дневного света и доступной (Сага о Людях с Песчаного Берега/Исландские саги 2004: 121, 310). В качестве такой преграды в сагах фигурируют каменная груда, которую наваливают на тело (Там же: 62, 73; Сага о Греттире 1976: 37, 59; Сага о Битве на Пустоши/Исландские саги 2000: 51, 57), или сложенная из камней стенка, отгораживающая место захоронения (Сага о Людях с Песчаного Берега/Исландские саги 2004: 74–57).

Выше, в разделе первого тома о заложных покойниках, уже приводилась мысль о том, что ко времени записи саг в XIII в. эти *мифические* аспекты сознания были вытеснены христианизацией в область представлений о «неправильной смерти». Разумеется, побиение камнями и создание каменной груды над могилами разного рода маргиналов уходит корнями в глубокую древность. Но в I тыс. н. э. обряд наброса каменных куч распространялся у северных германцев, видимо, на значительно более обширную сферу соприкосновения живущих с предками, не только вредоносными. Недаром каменная ограда вокруг кургана упоминается в описании могилы Беовульфа, славнейшего из героев, далекого от различных маргинально-инфернальных персонажей исландских родовых саг, которые обычно хоронились под грудой камней (Беовульф 1975: 179).

Помимо религиозных причин, у обрядов с массивными каменными конструкциями имеется и технический аспект — ландшафты Центральной Швеции изобилуют камнем. Системы устойчивых земледельческих наделов (так называемые *кельтские поля*) начали формироваться в Швеции в IX–VIII вв. до н. э., (Pedersen, Widgren 2011: 50, 56, 57), что способствовало постепенному накоплению вблизи поселений больших запасов камня на границах постоянно очищавшихся участков. Необходимость внесения в почву удобрений также требовала расчистки участков от камней.

Оказавшись в гораздо менее освоенных ландшафтах Поволховья, переселенцы должны были столкнуться с дефицитом этого строительного материала. Помимо пашенных участков камень мог, конечно, специально добываться для погребений на берегах рек или в каких-то карьерах, но это очень сильно усложняло и замедляло бы ритуальное строительство. Иными словами, столкнувшись с реалиями слабоосвоенных в земледельческом отношении земель, переселенцы неизбежно должны были перейти к каким-то более экономным способам использования каменного материала. Строительство здесь настоящих

шведских *kärnröset* было попросту невозможно. Не потому ли в волховских сопках каменные кладки сравнительно невелики по размерам. В некоторых случаях их заменяют дерновые или земляные кучи, обложенные камнем по верху (сопки 14-IV и 15-V). Вполне вероятно, что каменная обкладка оснований курганов имеет в своей основе ту же необходимость экономить строительный материал. Собственно, такие детали, как разреженные неупорядоченные каменные набросы (сопки 10-III и 14-I) могут рассматриваться как попытки создать вокруг погребенного некую каменную преграду при ограниченном количестве строительного материала.

Широкое использование каменных кладок (в первую очередь кольцевых стен в основаниях) в волховских сопках следует, на мой взгляд, рассматривать не только как сугубо обрядовый феномен, но и в русле скандинавской традиции использования каменных стен для разграничения земельных участков. В первую очередь это строительство связано с расчисткой земельных участков, но каменные стены строились и на границах другого рода. У восточных славян эта техника не известна; они для тех же целей предпочитали строить разного рода деревянные изгороди или плетни. На восточнославянской почве в VIII в. вряд ли могла зародиться традиция каменного строительства стен в любой ее форме — как практической, так и сакральной.

Сопка, как и большой курган в Швеции, была не только воплощением прав на земельное владение, но и самим этим владением, его концентрированным воплощением. Ведь витальная сила и ценность земли сосредоточена в ее верхнем почвенном слое — в пашне, дающей зерно, и в дерне, дающем корм скоту. Отсюда — особая роль дерна и почвы (в прямом смысле слова) в *мифических* представлениях германцев и в их правовой практике. Передача земельного владения сопровождалась передачей куска дерна или определенным образом собранного грунта; дерн использовался и в других важных языческих ритуалах (Гуревич 2007: 257). Сопки бывают окружены ровиками, но грунта, взятого из них, как правило, не хватает для насыпи. Поскольку карьеры рядом редки, остается предположить, что для возведения сопки обычно снимался верхний слой почвы. Сопки возводились часто на пахотных полях, поэтому этот слой был уже разрыхлен и легче поддавался деревянным лопатам. Но дело, безусловно, не только в этом. Для сопки, очевидно, брался именно верхний слой почвы, представляющий ценность и обладающий особой витальной силой. Говоря проще, сама насыпь сопки и большого кургана была как бы погребальным инвентарем, тем более роскошным, чем больше была площадь употребленного для ее постройки почвенного слоя.

Выводы по ГЛАВЕ 6

Большие курганы, как центральные точки, от которых отходят лучи зрительного восприятия, организуют освоенное пространство социума, символизируют его единство, служат местами культов и ритуалов, обеспечивающих мир и коммуникацию с предками. Здесь приносятся жертвоприношения животных и, вероятно, людей. Покидая родину, человек пытается воспроизвести ее на новом месте, воссоздать экономические и социально-политические условия прежней жизни. Первое поколение переселенцев наиболее верно родовым законам. Воплощением этого правила стала в Восточной Европе традиция сопкок, принесенная сюда норманнами на исходе вендельского времени.

Ключевым пунктом для понимания феномена раннесредневекового славяно-скандинавского симбиоза остается Старая Ладога. Во взглядах исследователей на ее топографию, с 1970-х гг. и до сегодняшних дней, слишком сильно художественно-эстетическое восприятие ладожского Поволховья как композиционного единства, имеющего центр, верх и низ. Так возник образ пространства-храма, имеющего северные и южные (верхние и нижние) «пропилеи» в виде сопкок и городищ (Лебедев 1986: 4; Мильчик 2014: 12–16; Миляев 2017: 241). Этот подход, в основе которого лежит уверенность в том, что Ладога уже в VIII в. является городом (протогородом, раннегородским центром), представляется спорным. Предлагаемое мною понимание пространственной структуры Старой Ладого основывается на трех положениях: 1. Старая Ладога во второй половине I тыс. н. э. представляет собой не город в классическом понимании этого слова, а агломерацию поселений; 2. Поселения Староладожского микрорегиона изначально носили земледельческий характер; 3. Могильники Старой Ладого находятся со своими поселениями не только в зрительной, но и в топографической связи.

Последний пункт требует развернутого пояснения. Как показывает практика поиска поселений при сопках, они *всегда* отыскиваются неподалеку, на том же берегу реки или озера, что и могильник. Предположения о том, что могильник и поселение должна разделять вода, заимствованы без должной критики из этнографии и фольклористики. Действительно, в мифическом сознании многих народов область смерти отделена от мира живых неким водоемом. Однако география мифа и топография повседневности отнюдь не находятся между собой в прямых отношениях. В частности, в археологических реалиях I тыс. н. э. этот мифический образ никогда не воплощается на практике. Могильники (независимо от их обряда) *всегда* располагались рядом с поселением, иногда даже «теснили» его, о чем часто свиде-

тельствуют культурные слои под курганами, в том числе и в самой Ладогe. Еще чаще само поселение «надвигалось» на могильник, как это произошло, например, с грунтовым могильником к югу от Земляного Городища.

Это правило действительно отнюдь не только для восточноевропейских могильников, курганов и сопок. Точно так же тесно связаны с усадьбами и курганные кладбища Швеции, в частности большие курганы. В этом отношении показательны области Швеции, располагающиеся на западном побережье Ботнического залива, поскольку они не так плотно освоены в промышленную эпоху и лучше сохраняют структуру древнего расселения, т. е. позволяют делать обоснованные статистические подсчеты. Л. Лиедгрeн на примере представительной выборки усадебных комплексов в Норрланде, относящихся к I–VII вв. н. э., показал, что 88% усадеб имеют могильники не далее 50 м от жилых построек. 91% усадеб имеет могильники в пределах 100-метрового пространства (Liedgren 1992: 193). Такой же обычай действовал и в более позднее время вплоть до христианизации Швеции и запустения родовых языческих кладбищ.

Конечно, были исключения из этого правила. Одно из них, как известно, описано Ибн Фадланом в первой половине X в. В исключительных случаях курган мог быть сооружен и в месте сезонной стоянки на этническом пограничье. Таково, например, известное курганное воинское захоронение со щитом и скрамасаксом в Сангис (Sangis, Nederkalix sn, Norrbottens län, Norrbotten) — самый северный пункт в Ботническом заливе, где известен курган шведского типа. Специальные исследования показали, что он приурочен не к усадьбе, а к железоделательной и кузнечной мастерской в месте временной стоянки, связанной, вероятно, с германско-финскими торговыми контактами (Ramqvist 2014; Ramqvist, Hörnberg 2015: 134). Вряд ли, конечно, в представлениях скандинавов земледельческое Поволховье было краем ойкумены, подобно Сангису. Известен, однако, русско-скандинавский Балымерский могильник X в. в Среднем Поволжье, состоящий из очень небольших насыпей (Измайлов 2003: 130). Это действительно был «край ойкумены», и возводить там большой курган было некому и незачем.

Разбросанные по берегам Волхова группы сопок отражают распределение связанных с ними земледельческих поселений. Часть из этих последних в урочищах Сопки/Велеша, Победище, Плакун, как было показано выше, зафиксирована археологами (табл. 58), часть, несомненно, еще будет найдена в будущем. Величественный ладожский храм старины с «пропиляями» является плодом фантазии художественно одаренных ученых. Человек Средневековья видел в ладожской «картине мира» в первую очередь членение

на родовые земледельческие наделы, отмеченные родовыми могильниками, центрами которых были большие курганы. Безусловно, видел он в этом мифическом пейзаже и определенное единство — в первую очередь отвоеванное у леса освоенное пространство. Был ли в этом единстве политический элемент?

Существование некоего политического единства в Нижнем Поволховье представляется, конечно, вполне вероятным. Это предполагаемое единство в VIII–X вв., однако, не следует представлять категориями «город и округа». Следует остановиться на термине «вождество», как наиболее адекватно отражающем пространственную антиномию, которую демонстрируют нам могильники с сопками: одновременно высокую социальную организацию коллективов и их разобщенность, противостояние друг другу.

Прообразы сопок следует искать в Средней Швеции — единственном регионе Балтии, где концентрация больших курганов VI–IX вв. сопоставима с концентрацией сопок Новгородской земли и сопредельных областей (см. рис. 1 в первом томе). Какое место в социальной иерархии Швеции занимали люди, погребенные в вышеописанных мною больших курганах? Безусловно, среди этих людей были и конунги, и приближенные к ним представители высшей аристократии, связанные с военными и жреческими функциями в обществе. Им принадлежат, вероятно, самые огромные насыпи, являющиеся частью целых архитектурно-ритуальных ансамблей, — вроде курганов Старой Упсалы в Упланде или кургана в Лонгбю в Вестманланде (RAÄ 431, Anundshög). Однако общераспространенность более скромных по трудозатратам больших курганов и демократичность самих захоронений (порой с весьма скромным инвентарем) свидетельствует о том, что основной категорией «хозяев» больших курганов были свободные вотчинники — владельцы наследственных усадеб. Большой курган (или несколько курганов, если уважаемых прародителей было несколько) был верительным документом, свидетельствующим о правах этих владельцев на неотчуждаемость своего одаля⁹⁷. В Средней Швеции в качестве прообразов больших курганов Ладogi следует рассматривать немногочисленные большие двухрусные курганы VII–VIII вв.: Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn, Up., RAÄ 18) (рис. 53), Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10) (рис. 51), Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33), возможно Гульхёген в Старой Упсале (Gamla Uppsala, RAÄ 123, Gullhögen) и большие уплощенные «курганы тинга», которые создавались, вероятно, специально для проведения на их площадках общинных ритуалов и собраний. Уплощенные «курганы тинга» могут содержать погребения, как кур-

⁹⁷ Одаля в I тыс. н. э. в Скандинавии — неотчуждаемое земельное владение большой семьи.

Табл. 58. Поселения I тыс. н. э. в Староладожском земледельческом микрорегионе (развернутая аннотация к рис. 17)

Индекс	Наименование	Локализация	Характер культурного слоя	Источники
А	Горчаковщина, открытое поселение	В южной части д. Горчаковщина при устье ручья	Многослойный памятник, включающий напластования ЭРМ, второй половины I тыс. н. э. и XII–XIV вв.	Лебедев и др. 1971: 5; Лебедев, Седых 1985: 15 (п. 4); Петренко, Шитова 1985; Петренко 1994: 105–108; Мильчик 2014: 168–170
Б-1	Любша, открытое поселение	Левобережный мыс при устье р. Любши	Распаханный культурный слой под которым местами сохранились напластования VIII–X вв. и горизонт древней распашки	Орлов А-1968а; Орлов А-1968б: л. 21–23; Петренко А-1970; Петренко А-1971; Петренко А-1970/1971а; Петренко А-1970/1971б; Кирпичников, Петренко А-1973б; Воронова А-1984: л. 51, 52; Рябинин А-1998, А-1999, А-2000, А-2001; Лебедев, Седых 1985: 17 (п. 16–18); Петренко, Шитова 1985; Рябинин, Дубашинский 2002; Рябинин 2003; Алещукин, Рябинин, Шитов 2003; Щеглова 2003, 2004; Косых 2007; Розанова и др. 2008; Львова 2009; Сениченкова 2010; Юшкова 2011: 175; Щеглова, Григорьева 2014; Мильчик 2014: 159–161; Миляев 2015
Б-2	Любша, городище	Левобережный мыс при устье р. Любши	Мысовое поселение, защищенное валом с напольной стороны. Укрепления датируются VIII–IX вв.	
В	Наволок, открытое поселение	Вторая терраса на правом берегу впадающего в Волхов ручья	Многослойный памятник с культурным слоем мощностью до 0,8 м. Напластования ЭРМ и конца I — начала II тыс. н. э.	Петренко А-1979а: л. 3–5; Лебедев, Седых 1985: 17 (п. 13); Петренко, Шитова 1985; Петренко 1994: 108
Г	Велеша, открытое поселение	Плато коренного берега Волхова к северу от группы сопок 3 — I–III	Распаханный культурный слой с лепной керамикой «ладожского типа».	Лебедев, Седых 1985: 16 (п. 6); Мильчик 2014: 133
Г-1	Сопки, открытое поселение (?)	Сопки, ур. между «Полой сопкой» и «Олеговой могилой» зафиксирован культурный слой поселения РЖВ	Случайная находка бронзовой равноплечной фибулы VI–VII вв., предположительно из культурного слоя	Петренко А-1978б; Петренко 1984: рис. 4: 2; Волковицкий 2001
Д-1	Устье Ладожки, открытое поселение	Мысовые участки на левом (Варяжская улица) правом (Земляное городище) берегах Ладожки	Раннесредневековый культурный слой Старой Ладожки	Средневековая Ладога 1985
Д-2	Ладожский мыс, городище	На оконечности правобережного мыса при устье Ладожки	Культурные напластования VIII–X вв., переотложенные при строительстве и перестройках каменной крепости. Хотя достоверные данные об укреплениях отсутствуют, конфигурация мыса подразумевает защищенность поселения	Корзухина А-1958; Кирпичников, Петренко А-1973а; Кирпичников 1980, 1982, 1984; Мильчик и др. А-1983, Мильчик и др. А-1983а, А-1983б; Стеценко 1997; Стеценко А-1982, Стеценко А-1983, Стеценко А-1983а, Стеценко А-1984, Стеценко А-1984а, Стеценко А-1985, Стеценко А-1985а; Семенов 1995; Юшкова 2011: 177

Индекс	Наименование	Локализация	Характер культурного слоя	Источники
Е	Никольский монастырь, открытое поселение	Надпойменная терраса в пределах ограды монастыря	В шурфах найдены: архаичный наральный, трапецевидная подвеска с многорядной каймой из прессованных точек по нижнему краю и каменная литейная формочка VIII–X вв.	Иоаннисян А-1978: рис. 128, 129; Гайдуков 2010
Ж	Висельник, открытое поселение	Левый берег Ладожки в 500 м от Старой Ладogi, около 200–300 м от д. Висельник и в 100 м от кладбища	Под пахотой С. Н. Орлов зафиксировал в 1940 г. линзообразное углубление шириной 3–4 м с темным заполнением. Находки — глиняная обмазка и лепная керамика	Орлов А-1941а: л. 5
З	Княщина, открытое поселение	У южной оконечности южной Княщинской группы сопки	Фрагменты лепной гладкостенной керамики на пахоте и в насыпях сопки. Известна находка бляшки из свинцово-оловянистого сплава (Случайные находки 1887). В 1968 г. С. Н. Орлов исследовал под останцом сопки 48 м ² Мощностъ слоя до 0,30 м. Керамика с текстильной и штрихованной поверхностью. Зафиксированы две материковые ямы с гончарной керамикой XI–XIII вв. (Орлов А-1968б: л. 18)	Лебедев, Седых 1985: 23, 24 (п. 48–50); Чернягин А-1929: л. 20; Орлов А-1941: л. 42; Орлов А-1968б: л. 16–17; Мильчик 2014: 145
И	Плакун, открытое поселение	На первой надпойменной террасе правого берега р. Волхов южнее «сопки в пойме» (11-I) близ связанного с ней карьера	Находки из культурного слоя раннесредневекового поселения (в т. ч. фрагмент тигля) обнаружены в насыпи «сопки в пойме» (11-I)	Носов 1985; Еремеев 2007: 249
К	Плакун, открытое поселение	На краю коренного берега р. Волхов, близ подъема на него	Находки лепной керамики из культурного слоя раннесредневекового поселения обнаружены под насыпью сопки 10-III	Орлов 1955

ган в Хусбю (Husby, Vansö sn, Sö., RAÄ, A 59, Ingjaldshögen) (рис. 52), или же быть ритуальными комплексами, как Синхилсбори (Signhildsberg, Håtuna sn, Up., RAÄ 39, Signhilds kulle) или упсальский Курган Тинга (Gamla Uppsala, RAÄ 123, Tingshögen, Domarhögen).

Древнейшие ладожские сопки представляли собой плоские курганы большого диаметра с очень скудными погребениями, больше напоминающими жертвоприношения. Со скандинавскими прообразами их роднят в первую очередь каменные конструкции и плоские вершины. Древнейшими большими курганами Ладogi следует считать насыпи 14-I и 14-II в ур. Победище. Досыпка курганов 14-I и 14-II производилась,

скорее всего, в IX в. Насыпь 11-I в ур. Плакун также претендует на раннюю дату в пределах VIII–IX вв. Досыпана она была уже в X в.

Исследования шведских археологов убедительно показали, что большие курганы VI–X вв. являются частью усадебного пространства. Помимо погребальных функций, направленных на то, чтобы обеспечить переход в загробный мир покойному и обезопасить от него живых, курган воплощал земельные права рода, а своими размерами символизировал способность последнего отстаивать свои права — как юридически, так и силой. Ведь монументальность насыпи прямо говорила о количестве трудоспособного,

Рис. 51. Нушбори. Курган № 10, восстановленный после раскопок (справа), и курган № 19. Вид с юго-востока. Фото И. И. Еремеева

Рис. 52. Курган Ингьяльда. Фото И. И. Еремеева

Рис. 53. Стабю. Большой курган. Вид с юга. Фото И. И. Еремеева

а значит – боеспособного, поддающегося мобилизации, населения. Большой курган, таким образом, является символом свободного землевладения. Еще одной функцией большого кургана (как адресата жертвоприношений) было обеспечение плодородия и изобилия жизненных ресурсов. Саги донесли до нас связь между большим курганом, его почитанием и урожайностью (см., например, Прядь об Олаве Альве Гейрстадира, *Исландские пряди 2017: 203–204*). Самым знаменитым сюжетом из этой области является предание Саги об Инглингах о большом кургане Фрейра, которому для сохранения урожайности в Упсале приносились подати, словно живому правителю (Снорри Стурлусон 1980: 16).

Каким образом произошло перенесение традиции из Швеции в Поволжье? Мне представляется, что этот феномен трудно объяснить в рамках концепции военно-торговой экспансии скандинавов, столь популярной у отечественных историков. Постоянно перемещающемуся воину-наемнику, пирату или торговцу не нужен большой курган в чужой стороне, да и его возможности для мобилизации

ресурсов, необходимых для сооружения мемориала, ограничены. Курган нужен землевладельцу для поддержания урожайности, утверждения прав на свой «мидгард» («курганы одаля») и земледельческой общине для урегулирования споров («курганы тинга»). Представляется таким образом, что идея о скандинавских корнях «культуры сопки» неотделима от признания наличия скандинавской земледельческой колонизации в Восточной Европе. Главной моделью для отработки этой идеи является сравнительно хорошо изученный старолadoжский земледельческий микрорегион. Где же могли в Нижнем Поволжье располагаться предполагаемые усадьбы выходцев из Центральной Швеции? Полагаю, их следует искать неподалеку от вышеперечисленных древнейших ладожских сопок.

Одна из этих усадеб может быть локализована на Плакунской террасе — там, где располагается достоверный скандинавский курганный могильник, включающий большой уплощенный (на раннем этапе) курган — «сопка в пойме». Я уже показал, что в насыпи сопки 11-I содержатся находки, говорящие о том, что

для ее возведения использовались участки раннесредневекового культурного слоя. Поскольку котлован, откуда брался грунт, располагается на террасе к югу от сопки 11-I, предполагаемую усадьбу следует локализовать к югу от «сопки в пойме».

Второе место, где можно предположительно локализовать усадьбу скандинавских переселенцев, — участок надпойменной террасы Волхова, ныне занятый Никольским монастырем. Вышеупомянутый материал из шурфов О. М. Иоаннисяна определенно указывает на наличие здесь напластований VIII–IX вв. Особо следует обратить внимание на находку под лестницей монастыря уникальной монеты короля Нортумбрии Эанреда (810–840 гг.). П. Г. Гайдуков, опубликовавший находку, справедливо отметил, что медная монета, не имевшая практической ценности за пределами Нортумбрии, могла быть привезена в Ладогу только норманном (Гайдуков 2010: 187). С этим поселением следует связывать древнейшие сопки северной группы в ур. Победище (14-I и 14-II).

Скандинавские переселенцы обитали и в устье Ладожки на Земляном Городище и мысу. Об этом говорит сам материал из горизонта E₃, в первую очередь знаменитая ремесленная мастерская с «кладом» инструментов (Курбатов 2018: 243–251). Сложно пока связать с этим поселением какую-то группу сопки. Эта могла быть сопка 7-I в парке или какие-то насыпи в ур. Сопки. Впрочем, учитывая особый ремесленный характер поселения на Земляном Городище, нельзя исключать того, что оно не имело своего большого кургана.

Итак, представляется, что первые большие курганы Старой Ладоги возникают возле скандинавских усадеб. Это происходит, судя по совмещенной хронологии шведских и старолadoжских объектов, не позднее VIII в. Какое-то время эти курганы функционировали в виде ритуальных комплексов, наполовину состоявших из подрезок-платформ, наполовину — из грунта. Следует подчеркнуть, что в ладожских сопках мы не видим того, что так ярко представлено в больших курганах Швеции, — погребений военной аристократии с богатым инвентарем. Представителей этой старой аристократии среди переселенцев просто не было. Вероятно, это связано с особой структурой мигрирующего сообщества, на первых порах достаточно однородного социально. Нечто подобное имело место, правда значительно позже, при скандина-

вской колонизации Исландии. Феномен деволуции северогерманских социальных институтов в переселенческом обществе уже привлекал внимание ученых (Байок 2012: 118–120).

Скандинавский анклав в Поволховье, разумеется не мог бы существовать поколениями, будучи составленным из разобщенных усадеб. Переселенцы находились здесь в иноэтничном окружении, которое не могло не проявлять враждебности. Для ее нейтрализации требовалась некая общинная организация. Формы этой организации были отчасти, видимо, позаимствованы у славянского населения — это городища (их было три — Любша, Дубовики и, видимо, Ладожский мыс). В этом отношении Нижнее Поволховье было организовано так же, как Гробиня, где скандинавские поселения сгруппировались вокруг городища. Впрочем, городища имели выраженное «скандинавское лицо» — я имею в виду каменные конструкции (на Любше и, возможно, на Ладожском мысу), не свойственные местной славянской фортификации. Еще одним выражением этой общинной организации, ставшей, вероятно, основой для будущего политического образования, были большие курганы, изначально не содержавшие человеческих погребений и предназначенные для общинных собраний, — курганы тинга.

Традиция возведения больших курганов в Нижнем Поволховье быстро обрела своеобразные черты, отдалявшие ее от скандинавской метрополии. Главной из этих черт стали коллективные захоронения возле больших курганов и отчасти на самих этих курганах. Это традиция вторичная и, несомненно, восточноевропейская, восходящая к каким-то формам поверхностных захоронений. Ничего подобного мы в Швеции не знаем. Причина этих изменений очевидна — в Нижнем Поволховье в VIII в. изменился состав населения. В результате старолadoжский земледельческий микрорегион не стал изолированным норманнским анклавом в Восточной Европе, а приобрел новые уникальные традиции. Обычай возводить большие курганы не прервался, но приобрел своеобразие. Появились сопки — двух-трехъярусные сооружения с расположенными на них или рядом с ними «костеносными горизонтами», которые продолжали пополняться, судя по инвентарю, на протяжении IX–X вв. Именно эти вторичные, по сути, захоронения и сформировали представления о поздней дате старолadoжских сопки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ по тому 2 и некоторые общие итоги. О характере начальных этапов норманнской колонизации в Поволховье и Приильменье

Разнообразие народов и их исторических судеб подразумевает существование в прошлом различных путей этногенеза. Отражения двух из них в археологическом материале рассмотрены в этой работе. Первый путь — эгалитарный, изучен на примере славянского Приильмения с его общинными городищами (том 1). Второй путь — элитарный, рассмотрен с привлечением материала из больших курганов Центральной Швеции и из ладожских сопок (том 2). Активное взаимодействие общностей, построенных на различных началах, определило особенности становления северорусского государства с центром в Новгороде.

Славянская колонизация Центрального Приильмения началась около середины I тыс. н. э. и завершилась в главных чертах к VIII в. Основу системы расселения составляли, видимо, городища, возникшие на местах, традиционно воспринимавшихся как центры экономического и политического доминирования. До конца VIII в. мы не видим в культуре ильменских словен и кривичей не только археологических следов присутствия экономической элиты, но и предпосылок для ее возникновения (что не исключает наличия у них военных вождей и влиятельного жреческого сословия — волхвов).

Совершенно иной тип общества, с властью конунгов и многочисленной, доминировавшей в экономическом отношении, родовой аристократией, являли собой в VI–VIII вв. области Средней Швеции⁹⁸. Материальным и мифическим воплощением стратифицированного общественного устройства стали там большие курганы. Следы проникновения этой традиции в восточнославянскую культуру мы и видим в таком достаточно локальном феномене, как сопки. Представление о престижном погребальном обряде, пришедшее вместе с норманнами в Восточную Европу, нашло отражение в каких-то восточноевропейских сагах, послуживших основой для ПВЛ повествующей о курганах легендарных вождей.

Судя по тем регионам, где в первую очередь оседало попадавшее на Балтику через Ильмень куфическое серебро, с Восточно-Балтийским регионом были

связаны преимущественно выходцы из области озера Меларен (Упланд, Вестманланд и Сёдерманланд) и с острова Готланд. Их движение на восток на начальных этапах имело характер морской колонизации, направленной на острова, участки, приближенные к морскому побережью и устья крупных рек. Исключением из этого правила были попытки шведского проникновения в Прикамье, но для освещения этой темы материалов пока недостаточно. Ясно лишь, что это проникновение происходило через Северное Приладожье. В восточной части Балтики внимание северных германцев привлекали Рижский залив с устьем Даугавы и Финский залив с устьями Невы и Вуоксы. Движение скандинавов вверх по Даугаве и по Невско-Волховской водной системе началось одновременно — в VIII в. Однако судьбы этих колонизационных движений сложились по-разному. На Даугаве скандинавам так и не удалось закрепить влпоть до середины X в. Несмотря на то, что Даугава, казалось бы, предоставляла кратчайшую дорогу с Готланда на Восток — на рынки Волжской Болгарии и Хазарии и на юг — на Днепр и Черное море, путь этот к западу от Полоцка оказался полностью парализован на всем протяжении VIII–IX вв. и в начале X в. Причина этого кроется в особенностях эффективной военной и социально-политической организации балтского населения Латгальского региона, которое смогло сохранить контроль над речной магистралью на протяжении всего вышеуказанного времени и создать своеобразный заслон между славянами и германцами. Даугавский водный путь начал функционировать как транзитная торговая магистраль только около середины X в.

Тем временем в Финском заливе, на Волхове и Ильмене ситуация складывалась по-иному. В середине VIII — начале IX в. шведы закрепляются в Нижнем Поволховье, в частности в торгово-ремесленном поселке на Земляном Городище Ладоги, на городке в Любше и, возможно, в Дубовиках. Скорее всего, поселений было больше, но это раннее скандинавское расселение носило хуторской характер (как и в самой Швеции) и оставило после себя мало археологических следов. Возникает устойчивое торговое сообщение между Средней Швецией и Готландом

⁹⁸ Сравнение двух этнических сообществ см: Крадин 2012: 217–219.

с одной стороны и Поволховьем — с другой. В этот период во всех этих регионах выпадает самая знаменитая — древнейшая группа кладов. Норманнская колонизация Северо-Запада России развернулась в VIII в. примерно на 200–250 лет позже того времени, когда на Ильмене и в Истоке Волхова появились славяне, что, по-видимому, придавало движению норманнов в этом направлении особый характер. Они соприкоснулись на Волхове с огромным восточнославянским пространством, сравнительно едином в языковом отношении, пронизанным культурными связями и имевшим выходы к торговым рынкам Средиземноморья и юга Восточной Европы. На протяжении второй половины VIII — первой половины IX в. происходит взаимопроникновение славянской и норманнской культур и формирование новой этнической группы, получившей в письменных источниках IX в. имя *русь*. Самым ярким индикатором новой культуры и новой аристократии стали большие погребальные курганы — сопки. Можно говорить о формировании в Нижнем Поволховье на рубеже VIII/IX вв. вожества или славинии с военно-торговой прослойкой, состоявшей в значительной степени из скандинавов.

Скандинавская аграрная колонизация. Важнейшей составляющей Сказания ПВЛ о варяжской дани является признание организующей роли норманнов в восточнославянском обществе. Для взывания дани необходимо сначала должным образом *организовать* лесное население, придать ему политическую форму и иерархию. Для морских пиратов это неразрешимая задача. Дань — присвоение чужой жизненной энергии, является результатом победившего насилия. Как писал Клаузевиц, государство, обладающее большими пространствами, нельзя завоевать (т. е. навязать ему свою волю). Но можно ли покорить большое пространство, лишённое организующего начала? Даннические отношения подразумевают либо наличие такого начала, либо его создание, т. е. устойчивый контроль за территорией, опирающийся на систему расселения. Поэтому довольно давно у исследователей созрело предположение о существовании на территории Восточной Европы аграрных поселений скандинавских колонистов, которые со временем стали частью будущей политической структуры государства (Шахматов 1919: 54). Феномен сопок (как он представлен

в этой работе) служит подтверждением такой позиции. В то же время нельзя не признать (об этом первый том), что предпосылки варварской государственности были сформированы еще в процессе освоения славянами Приильменья в VII–VIII вв.

Большие курганы Швеции и восточноевропейские сопки. Традиция возведения больших курганов зарождается в Средней Швеции в ранневендельское время и получает широкое распространение в VII в. Шведская колонизация Нижнего Поволховья происходит в середине VIII в. (возможно, несколько раньше) на этапе постепенного угасания традиции. Ни у восточных славян, ни у прибалтийских финнов большие курганы в это время не известны. Поэтому, сомнений относительно того, кто принес этот обряд в Поволховье, быть не может.

В науке довольно долго длился спор о том, что содержат в себе русские сопки, — погребения социальной верхушки общества или же общинные могильники. Сейчас вопрос этот представляется праздным. В Скандинавии большие курганы принадлежали языческой аристократии и служили выражением наследственных прав рода на определенную территорию. Несомненно, сопки в Приильменье и Поволховье несли в себе тот же смысл, что и их прообразы в Упланде и Сёрмланде. Другое дело, в Скандинавии были известны и курганы без погребений — так называемые курганы тинга. Что-то подобное встречается и в Восточной Европе. Возможно, такие курганы также послужили прообразами части сопок.

Сопки появляются в момент резкого повышения эффективности пашенного земледелия, обусловленного распространением рал с железными наконечниками. Начинается повсеместное выдвигание населения из пойм на водоразделы, на более тяжелые завалуненные почвы, требовавшие огромных затрат для расчистки. Наследование земельной собственности в этих условиях становится одним из самых актуальных вопросов общественной жизни. Связь традиции сопок с этой проблемой несомненна. Воплощение собственности на землю, сконцентрированной в руках малых общин, — вот что такое сопки как массовое явление. Таким образом, видимо, происходит перенесение аристократической северной традиции в более демократическую культуру восточных славян.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Топография монетных и денежно-вещевых кладов IX–XI вв. в Восточно-Балтийском регионе (развернутая легенда к рис. 54–56)¹

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
Бассейн р. Западная Двина				
1	Тверская обл., Андреапольский (?) р-н	Псковская губ. на границе с Тверской губ.	Клад (?) найден до 1910 г. Известны 3 монеты, определенные В. Г. Тизенгаузенем: 1, 2 – варварские подражания аббасидским дирхемам, чеканенным в Армении в 279 г. х. (892 г.); 3 – дирхем, Саманиды, Самарканд, 283 г. х. (896 г.) (Марков 1910: 39 (№ 213))	Марков 1910: 39 (№ 213); Пахомов 1926: 80 (№ 267)
2	Бельский у.	Смоленская губ., Бельский у.	Два дирхема (клад?) найдены до 1910 г. при неизвестных обстоятельствах в неустановленном месте: 1 – Саманиды, 291 г. х. (903 г.), аш-Шаш; 2 – Саманиды, 298 г. х. (910 г.), Самарканд (Марков 1910: 44 (№ 244))	Марков 1910: 44 (№ 244)
3	Набатово, д., Тверская обл., Торопецкий р-н	Псковская губ., Торопецкий у., Туровская вол.	Клад дирхемов найден в 1926 г. при неизвестных обстоятельствах. Уцелели две монеты, поступившие в том же году в Торопецкий музей краеведения. Определены Р. Р. Фасмером: 1 – чеканена в Мадинат Балхе в 185 г. х. (801 г.); 2 – выбита в Мадинат Самарканде в 200 г. х. (815/816 г.)	Окулич-Казарин 1914: 265; Фасмер 1929: 292 (№ 41); Кропоткин 1971: 80 (№ 32); Noonan 1998: 91 (№ 20)
4	Торопец, г., Тверская обл.		Клад арабских монет найден в 1960 г. на песчаном холме на северном берегу оз. Зеликовье. Определено 55 монет (определение А. А. Быкова). Дирхемы аббасидские, чеканены между 134 г. х. (751/752 г.) и 253 г. х. (867 г.) (Корзухина 1964). Ко времени публикации В. В. Кропоткина удалось собрать 73 монеты. Датировка клада не изменилась (Кропоткин 1971: 81)	Корзухина 1964; Кропоткин 1971: 81 (№ 34); Noonan 1998: 107 (№ 58)
5	Глазуново, д., Псковская обл., Усвяцкий р-н		Клад был найден в 1958 г. близ деревни на берегу рч. Успол, левого притока р. Усвячи, в 100 м от его устья. Монеты находились в глиняном горшке. Место находки клада осмотрено И. И. Еремеевым в 1996 г. Следов поселения не обнаружено. Известно 7 монет (определения А. А. Быкова, И. Г. Добровольского, Вяч. С. Кулешова). Все монеты аббасидские. Младшая выбита в 853/854 г.	Алексеев 1980: 75, рис. 5; Микляев 1992: 135; Еремеев 1997: 38; Еремеев, Дзюба 2010: 506; Кулешов, Еремеев 2015

¹ Топография представляет дополненный вариант опубликованной карты (Еремеев 2015: 574–604). Основания для сложных картографических привязок представлены в первой публикации.

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
6	Кислые, д., Смоленская обл., Смоленский р-н		Клад серебряных монет в лепном сосуде найден в 1967 г. на территории селища на левом берегу р. Жереспя. Содержал более 800 арабских дирхемов, сасанидскую драхму, брактеат, чеканенный в Хедебю ок. 825 г. Младшая монета клада выбита в 838 г. (Нахапетян, Фомин 1994: 146). Еще 12 фрагментированных монет, вероятно, относящихся к кладу, найдено в раскопе Е. А. Шмидта 1968 г. (Галанов 2014: 11)	Шмидт, Ходченков 1961: 46, 47; Шмидт 1969: 63–65; 1976: 214–216; 1983: 77; Потин 1970: 76; Кропоткин 1971: 85 (№ 92); Нахапетян, Фомин 1994: 146, 168 (№ 13); АКР 1997: 108–109 (п. 33–37); Noonan 1998: 97 (№ 34); Галанов 2014: 11
7	Городище, д., Смоленская обл., Демидовский р-н		Клад куфических монет найден на городище (на СЗ берегу оз. Городище) во время Великой Отечественной войны	Шмидт, Ходченков 1961: 56; Шмидт 1982: 44–46; АКР 1997: 174–176 (п. 70, 71, 69)
8	Витебск, г., Беларусь		Клад куфических монет найден в городе в 1822 г. 15 монет приобретены Академией наук. Саманиды и Бувейхиды, сер. X в.	Савельев 1847: 157 (№ 21в); Сементовский 1867: 67; Марков 1910: 3 (№ 10); Рябцевич 1998: 67 (№ 3)
9	Витебск, г., Беларусь		Клад (?) куфических монет (несколько экз.) найден на Нижнем замке в 1950 г. при строительстве гостиницы «Двина». Саманиды	Рябцевич 1998: 67 (№ 6)
10	Витебск, г., Беларусь		Клад (?) арабских монет найден в 1964 г. в обрыве Западной Двины. Определен один дирхем. Аббасиды, ал-Мамун, Мадинат Арран, 823/824 г. (Поболь 1983: 134). По сведениям В. Н. Рябцевича, найдено две монеты, вторая не определена (Рябцевич 1998: 67 (№ 9))	Поболь 1983: 134; Рябцевич 1998: 67 (№ 9)
11	Витебск, г., Беларусь		Клад (?) найден в городе в 1960-е гг. Определены 2 дирхема: 1 – Харун ар-Рашид, 786–809 гг.; 2 – ал-Мамун (правл. 813–833 гг.). Возможно, монеты из того же клада, что и экз., информация о котором опубликована Л. Д. Поболем (см. выше)	Кропоткин 1971: 92 (№ 173); Рябцевич 1998: 67 (№ 7)
12	Витебская обл.,	Витебская губ., имение г-жи Богомолец в 40–50 верстах от Витебска, Беларусь	Клад, найденный между 1821 и 1823 гг., включал до 100 фунтов арабских монет. Уцелело и определено 19 монет. Две из них омейядские: Гишам, Васит, 734 г.; Мерван II, Куфа, 745 г. Остальные монеты аббасидские: ал-Мансур, ал-Мегди, Харун ар-Рашид, ал-Мамун, ал-Амин. Младшая монета – ал-Мустаин Биллах (862–866 гг.)	Савельев 1847: 109 (№ 21а); Марков 1910: 2–3 (№ 9); Рябцевич 1998: 74 (№ 50); Noonan 1998: 107 (№ 56)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
13	Витебская губ., Беларусь	Витебская губ.	Клад найден кантонистами Витебского батальона в неустановленном месте в 1839 г. Известно 3 монеты и 4 обрезка. Определено 5 монет: 1 – Омейяды, Гишам; 2–4 – монеты принадлежат трем первым Аббасидам; 3 – Тахириды, Абдуллах, Мерв, 219 г. х. (834 г.)	Савельев 1847: 28 (№ 21); Марков 1910: 3 (№ 11); Рябцевич 1998: 74–75 (№ 52)
14	Витебский р-н, Беларусь, Витебская обл.		Клад найден в неустановленном месте ок. 1969 г. Известны две монеты: 1 – Нух ибн Наср, Бухара, 340 г. х. (951/952 г.); 2 – Этельред II, Англия, 978–1016 г.	Рябцевич 2000: 66 (№ 75).
15	Сенненский р-н, Беларусь, Витебская обл.		Клад найден в 1957 г., в неустановленном месте. Известно 5 западноевропейских монет. Дата сокрытия, по В. М. Потину, – не ранее 1150-х гг. (Потин 1967: 165)	Потин 1967: 165 (№ 282)
16	Добрино, д., Беларусь, Витебская обл., Лиозненский р-н		Клад найден в поле в 1962 г. Находился в лепном сосуде. Собраны 431 целая монета и 96 обрезков. Определены В. Н. Рябцевичем. Монеты чеканены между 121 г. х. (738/739 г.) и 227 г. х. (841/842 г.). В состав клада входила свернутая в спираль серебряная гривна, восьмигранная в сечении с гранчатыми головками, украшенная чеканным орнаментом	Рябцевич 1965: 121–160; 1998: 69–70 (№ 22); Кропоткин 1971: 92 (№ 169); Noonan 1998: 98–99 (№ 38)
17	Суходрево (Суходорово), бывш. им., Беларусь, Витебская обл., Витебский р-н		Клад найден в 1870-х гг. в полё кургана на берегу р. Суходровки. В состав клада входили куфические монеты – «значительное количество», перстни «с камнями и резьбой», серебряные шейные гривны. Сохранились изображения двух гривен (Сементовский 1890: рис. 47), на основании которых Г. Ф. Корзухина отнесла клад к IX–началу X в.	Сементовский 1890: 76–77; Марков 1910: 139 (№ 15); Корзухина 1954: 80 (п. 3); Рябцевич 1998: 70 (№ 23)
18	Богушевский р-н, Беларусь, в настоящее время – части Витебского, Оршанского и Сенненского р-нов Витебской обл.		Клад найден в 1958 г. Известны по эстампам 5 аббасидских дирхемов. Младшая монета – ал-Мамун, Мадинат Арран, 207 г. х. (822/823 г.) (Рябцевич 1998: 74)	Рябцевич 1998: 74 (№ 51)
19	Тупичино, д., Беларусь, Витебская обл., Шарковщинский р-н, Лужковский с/с.	Виленская губ., Дисненский у.	Клад найден в 1867 г. Известны 135 целых и фрагментированных монет. Старшая монета: Аббасиды, ал-Мутаид Биллах, Васит, 281 г. х. (894/895 г.). Младшая монета: Саманиды, Нух ибн Наср, аш-Шаш, 332 г. х. (943/944 г.)	Марков 1910: 1–2 (№ 5); Рябцевич 1998: 66 (№ 1)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
20	Поречье, д., Беларусь, Витебская обл., Глубокский р-н		Клад найден в поле у деревни в 1960 г. Собрано 39 монет и 6 обрезков. 44 монеты определены А. А. Быковым. Монеты чеканены между 152 г. х. (769 г.) и 239 г. х. (853/854 г.). В состав клада вошли две свернутые в спираль серебряные гривны с граненым дротом, украшенным чеканным орнаментом и гранчатыми головками	Рябцевич 1965: 121–160; 1998: 68 (№ 14); Кропоткин 1971: 92 (№ 170); Noonan 1998: 102 (№ 45)
21	Ахремцы, д., Беларусь, Витебская обл., Россонский р-н	Витебская губ., Дриссенский у., Зябковская вол.	В деревне на правом берегу р. Дрисса вблизи песчаного обрыва в 1888 г. найден клад. В Императорскую Археологическую комиссию поступили 24 куфические монеты, битые между 741 г. и 852 г.	Отчет ИАК за 1893: 134–135; Марков 1910: 3 (№ 12); Рябцевич 1998: 73 (№ 40); Noonan 1998: 101–102 (№ 44); О серебряных куфических монетах А-1888
22	Лучесы, д., Беларусь, Витебская обл., Витебский р-н	Витебская губ.	Клад найден до 1910 г. «около губернского города» близ деревни. Известны 2 дирхема, младший (Аббасиды, Самарканд) выбит в 248 г. х. (862/863 г.)	Марков 1910: 2 (№ 8); Даркевич 1976: 157; Кропоткин 1978: 115; Рябцевич 1998: 67 (№ 11); Noonan 1998: 103 (№ 48)
23	Гарица (Гарицы), д., Беларусь, Витебская обл., Витебский р-н	Витебская губ., Витебский у., Королевская вол.	Клад найден в деревне ок. 1880 г. Известно 10 монет (сасанидская драхма и 9 дирхемов). Младшая монета – Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, аш-Шаш, 294 г. х. (906/907 г.)	Марков 1910: 136 (№ 3); Рябцевич 1998: 67 (№ 10)
24	Стражевичи I, д., Беларусь, Витебская обл., Чашникский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 1898 г. Известно о находке 216 монет, в том числе: дирхемы (главным образом фрагментированные) – 48; западноевропейские монеты – 159; монетные кружки – 9 экз. Младшая монета: Германия, еп. Бернольд (1027–1054 гг.), Давентер. Вещевая часть состояла из серебряных слитков и разнообразных серебряных предметов, преимущественно ювелирного лома	Корзухина 1954: 95–96 (№ 45); Потин 1967: 164 (№ 280); Рябцевич 2000: 68 (№ 86)
25	Стражевичи II, д., Беларусь, Витебская обл., Чашникский р-н		Клад найден в 1903 г. В составе клада известны 319 монет, в том числе: 45 дирхемов; 1 подражание саманидскому дирхему; 271 западноевропейская монета; 2 подражания им. Младшая монета – Германия, герц. Бернгард II (1011–1059 гг.), Люнебург. Вещевая часть клада содержала серебряные слитки и ювелирный лом	Корзухина 1954: 96–97 (№ 46); Потин 1967: 164–165 (№ 281); Рябцевич 2000: 68–69 (№ 87)
26	Горовляны I, д., Беларусь, Витебская обл., Глубокский р-н		В 1965 г. на селище найден клад, состоявший из серебряного ювелирного лома, куфических монет, подражаний им и западноевропейских денариев (Англия, Германия, Дания, Франция, Чехия). Младшими монетами клада являются денарии 1040–1050-х гг. (Рябцевич 2000: 66)	Потин 1967: 184 (№ 394); Кропоткин 1971: 92 (№ 174); Рябцевич 2000: 66 (№ 76); Кулешов 2012: 42, 43

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
27	Горовляны II, д., Беларусь, Витебская обл., Глубокский р-н		Клад найден Г. В. Штыховым в 1965 г. в 2 м от клада № 27. Состоит из дирхемов (115 экз.), монетных кружков (3 экз.) и чешского денария (967–1002 гг.). Последний является младшей монетой клада (Рябцевич 2000: 66). Вещевую часть клада составляют брактеаты с ушками, браслетообразные завязанные височные кольца, шейная гривна, браслет, золотостеклянные и пастовые синие бусы	Потин 1967: 184 (№ 395); Кропоткин 1971: 92 (№ 175); Рябцевич 2000: 66–67 (№ 77); Кулешов 2012: 42, 43
28	Козьянки, д., Беларусь, Витебская обл., Полоцкий р-н		Клад найден в 1973 г. на правом берегу Западной Двины близ юго-западной окраины Полоцка, в 300–350 м от воды. Признаков культурного слоя поблизости не отмечено. Монеты были завернуты в бересту. Масса клада составляла ок. 20 кг. Известно 7711 монет (Рябцевич 1998: 72). Младшая монета – Нух I ибн Наср, Самарканд, 333 г. х. (944/945 г.)	Рябцевич 1974: 380; 1993: 34–35; 1998: 72 (№ 36); Археологія і нумізматыка Беларусі 1993: 293; Добровольский, Рябцевич 1999: 295–296
29	Струнь, д., Беларусь, Витебская обл., Полоцкий р-н		Клад найден в 16 верстах от Полоцка в имении неперменного члена Полоцкого уездного по крестьянским делам присутствия М. П. Филипченко в 1888 г. Сокровище содержало ок. 50 серебряных куфических монет. Определены 26 целых экземпляров и 14 обрезков. Монеты чеканены между 286 г. х. (898/899 г.) и 362 г. х. (972/973 г.)	Отчет ИАК за 1893: 134–135; Марков 1910: 136 (№ 2); Милютин 1992: 31–32; Рябцевич 1998: 73 (№ 39); О серебряных куфических монетах А-1888
30	Полоцк, г., Беларусь, Витебская обл.		Монетно-вещевой клад найден на Верхнем замке в 1910 г. Общий вес – 9,43 кг. Включает дирхемы, английские, венгерские, германские, чешские и датские денарии, монетные кружки. Помимо монет, в клад входили серебряные слитки, олово, 8 трапециевидных пластин. Младшие монеты: 1 – Германия, западная часть Нижней Лотарингии, ок. 1040–1070 гг.; 2 – Свен II Эстридсен, Дания, 1047–1074 гг. Дата сокрытия клада, по В. М. Потину, – ок. 1070 г. (Потин 1967: 164)	Корзухина 1954: 97 (№ 48); Потин 1967: 163–164 (№ 279); Рябцевич 2000: 67 (№ 79)
31	Красная, д., Беларусь, Витебская обл., Миорский р-н	Виленская губ., Дисненский у.	Клад найден в 1896 г. Вес его составил 1 фунт 87 золотников серебра. Младшая монета клада: Саманиды, Нух ибн Мансур, Нисабур, 376 г. х. (986/987 г.)	Марков 1910: 136 (№ 1); Пахомов 1926: 74 (№ 246); Рябцевич 1998: 71 (№ 32)
32	Дисненский у., Беларусь (?)	Виленская губ., Дисненский у.	Клад найден в 1867 г. в неустановленном месте. В Археологическую комиссию поступило 135 дирхемов. Младшая монета – саманидский дирхем, выбитый в 332 г. х. (943/944 г.) (Марков 1910: 1, 2)	Марков 1910: 1–2 (№ 5)
33	Видзский двор, бывш. им., Беларусь, Витебская обл., Браสลавский р-н	Ковенская губ., Новоалександровский у.	Два дирхема найдены в 3 верстах от г. Видзь на поле имения «Видзский Двор» в 1869 г. Определены: 1 – Аббасиды, Харун ар-Рашид, Исфахан, 192 г. х. (807/808 г.); 2 – ал-Мамун, Табаристан, 199 г. х. (814/815 г.)	Марков 1910: 14 (№ 77); Рябцевич 1998: 67 (№ 4)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
34	Выпес-Клаукава (Випе), Латвия		Денежно-вещевой клад найден в 1934 г. Монетная часть включала 60 монет. Преобладают германские денарии. Младшая монета: денарий графа Вильгельма де Понте (1054–1076 гг.), Утрехт (Берга 1988: 34–35)	Берга 1988: 34–35; Ducmane, Ozoliņa 2009: 85 (№ 42)
35	Ливану-Страумес, Латвия		Денежно-вещевой клад найден в 1932 г. Более полутора сотен монет. Преобладают германские денарии. Младшая монета – венгерский денарий Андрея I (1046–1061 гг.). От вещевой части сохранились 4 серебряных слитка (Берга 1988: 35)	Потин 1967: 126 (№ 132); Берга 1988: 35; Ducmane, Ozoliņa 2009: 85–86 (№ 43)
36	Ливаны, Латвия		Насчитывал ок. 167 вендок. Клад не сохранился; предположительно датируется XI в. (Берга 1988: 39)	Потин 1967: 126 (№ 131); Берга 1988: 39; Ducmane, Ozoliņa 2009: 82 (№ 29)
37	Крустпилс, Латвия		Клад найден до 1862 г. Имеются сведения о находке 16 монет; из них 14 дирхемов (Ducmane, Ozoliņa 2009: 83)	Ducmane, Ozoliņa 2009: 83 (№ 32)
38	Лиелвардес-Ипши (Лиелварден), Латвия		Денежно-вещевой клад найден в 1884 г. Монетная часть клада (243 монеты) состояла преимущественно из германских денариев. Младшая монета: венгерский денарий Шаламона (1063–1074 гг.). Помимо монет в кладе были «серебряные и золотые предметы» (Берга 1988: 35)	Берга 1988: 35–36; Ducmane, Ozoliņa 2009: 86–87 (№ 44)
39	Айзкраукле, Латвия		Денежно-вещевой клад найден в 1975 г. на городище Айзкраукле. Монетная часть насчитывает 190 экз., преимущественно германских денариев и 4 (5?) куфические монеты. Младшая монета – денарий графа Экберта II (1068–1090 гг.). Вещевая часть клада состояла из серебряного спиралевидного браслета (Берга 1988: 36)	Потин 1967: 125 (№ 127); Берга 1988: 36; Ducmane, Ozoliņa 2009: 87–88 (№ 45)
40	Навессала, Латвия		Клад найден в 1930-е гг. Содержал более 300 восточных монет и 5 римских монет III в. Младшая монета – Саманиды, Ахмад ибн Исмаил, аш-Шаш, 913/914 г. (Берга 1988: 27–28)	Кропоткин 1971: 94 (№ 196); Noonan 1977: 242–243 (№ 5–7); Берга 1988: 27–28; Ducmane, Ozoliņa 2009: 78–79 (№ 17)
41	Даугмале I, городище, Латвия		Клад найден в 1936 г. в культурном слое при раскопках. Монеты сплавилась. Включает более 50 монет. Младшая монета: фризский граф Бруно III (1038–1057 гг.) (Берга 1988: 33)	Берга 1988: 33; Ducmane, Ozoliņa 2009: 83 (№ 36)
42	Даугмале II, городище, Латвия		Клад найден в 1990 г. на городище. Состоял из 10 немецких денариев. Младшие монеты – три денария еп. Бернольда (1027–1054 гг.) (Ducmane, Ozoliņa 2009: 84)	Ducmane, Ozoliņa 2009: 83–84 (№ 37)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
43	Саласпилс-Лаукскола, Латвия		Клад найден в 1969 г. при раскопках поселения, в постройке. Состоит из 5 западноевропейских монет, сложенных стопкой. Младшая монета: денарий Генриха III (1046–1056 гг.), Шпейер (Берга 1988: 34)	Берга 1988: 34; Ducmane, Ozoliņa 2009: 84 (№ 38)
44	Рига, г., Латвия		Клад, найденный в 1950 г. в горшке, насчитывал 300 монет. Определена одна монета – саманидский дирхем, выбитый в 944/945 г. (Берга 1988: 29)	Кропоткин 1971: 94 (№ 199); Noonan 1977: 245 (№ 11); Берга 1988: 29; Ducmane, Ozoliņa 2009: 80 (№ 20)
45	Рига, г., Латвия		Клад (36 дирхемов) был найден возле города в конце XVIII в. (Берга 1988: 29)	Савельев 1847: 29 (№ 24); Noonan 1977: 246 (№ 13); Берга 1988: 29; Ducmane, Ozoliņa 2009: 81 (№ 25)
46	Рига, г., Латвия		Клад найден в окрестностях Риги. Имеются сведения о 5 дирхемах, 4 из которых аббасидские, а один укайлидский, чеканки 998 г. Сведения о кладе Т. М. Берга считает сомнительными (Берга 1988: 29)	Берга 1988: 29; Ducmane, Ozoliņa 2009: 80 (№ 23)
47	Беркава, Латвия		Клад, в котором было 140 дирхемов, найден на берегу Западной Двины. Сведений о составе нет (Берга 1988: 29)	Noonan 1977: 246 (№ 14); Берга 1988: 29; Ducmane, Ozoliņa 2009: 81 (№ 4)
48	Зельбург, Латвия	Курляндская губ., Зельбургское обергауптманство	Близ местечка Зельбург на Западной Двине известна находка куфических монет	Савельев 1847: 110 (№ 23а); Марков 1910: 14 (№ 80)
49	Ашераден (Айзкраукле), Латвия	Лифляндская губ.	«В Ашерадене, близ замка Кокенгузен, на правой стороне Двины, вырыто 7 монет Саманидов, с 900 по 985 г.» (Савельев 1847: 111)	Савельев 1847: 111 (№ 24е)
50	Восточная Латвия (клад Резвова 1)		Собрание восточных монет найдено в неустановленном месте. Состояло из 194 куфических дирхемов. Старшая монета – Аббасиды, ал-Муттаmid, 876/877 г. Младшая монета: Саманиды, Нух ибн Мансур, аш-Шаш, 980/981 г. Вероятно, часть монет входила в состав клада Резвова 2	Берга 1988: 29
51	Восточная Латвия (клад Резвова 2)		Собрание западноевропейских монет (237 экз.), датирующееся концом XI в. Вероятно, часть монет входила в состав клада Резвова 1	Потин 1967: 128 (№ 143); Берга 1988: 29, 38

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
52	Саласпилс, Латвия		Клад найден ок. 1841 г. Включал 14 западноевропейских серебряных монет, серебряный слиток и железные ножницы. Младшие монеты: денарий Канута (1016–1035 гг.) (Берга 1988: 33)	Берга 1988: 33; Ducmane, Ozoliņa 2009: 83 (№ 34)
53	Лифляндская губ., Латвия, Эстония	Лифляндская губ.	Клад найден в неустановленном месте до 1828 г. Насчитывал 38 куфических монет, принадлежавших десяти различным аббасидским халифам и двум эмирам Тахиридам. Младшая монета клада выбита в 258 г. х. (871/872 г.) (Марков 1910: 20, 21)	Марков 1910: 20–21; Noonan 1977: 241 (№ 1)
54	Выру, г., Эстония		Клад западноевропейских монет найден на берегу оз. Тамула в 1799 г. Известно 26 (28?) монет. Младшая монета – Германия, Генрих IV, 1056–1106 (?) гг. (Потин 1967: 122)	Потин 1967: 122 (№ 103)
Бассейн р. Ловать				
55	Городище, д., Псковская обл., Великолукский р-н		Клад серебряных арабских монет найден близ городища в 1802 или 1803 гг. Клад находился в двух котлах, большом и маленьком. Вес серебра составлял более 6 пуд (более 97,3 кг). Х. Д. Френом определены 53 монеты, чеканенные между 924 и 977 гг.	Савельев 1847: 22–23 (№ 11); Марков 1910: 35–36 (№ 203)
56	Великие Луки, г., Псковская обл.		Клад серебряных арабских монет найден близ города в кургане в 1807 г. Клад находился в «кубышке». Подробности неизвестны	Спицын 1897: 254; Марков 1910: 36 (№ 204); Уваров 1910: 103–104; Окулич-Казарин 1914: 143–144
57	Васьково, д., Псковская обл., Великолукский р-н		Монетно-вещевой клад найден в 1923 г. Всего 4276 экз. монет (дирхемы – 155 целых и 4121 обломок, византийские – 4 целых и 1 обломок, европейские – 219 целых и 250 обломков). Младшая монета клада выбита между 1011 и 1059 гг.	Пахомов 1926: 81 (№ 270); Фасмер 1926: 290 (№ 22), 293, 1929: 290 (№ 22); Корзухина 1954: 98 (№ 50); Потин 1967: 144–145 (№ 209); Кропоткин 1971: 84 (№ 70); Лесман 2003: 60, 61
58	Пальцево, д., Тверская обл., Торопецкий р-н		Клад арабских серебряных монет найден в 1923 г. на месте бывшей деревни (в конце XX в. – пастбище в 1,5 км к северу от д. Семенцово) при пахоте. Монеты находились, по сведениям Ю. М. Лесмана, в глиняном сосуде (по сведениям Р. Р. Фасмера, в «восковом сосуде», что маловероятно). Осмотр места находки произведен в 1980 г. Ю. М. Лесманом. Следов поселения не выявлено. Вес монет до 10 фунтов (ок. 4 кг). Сохранился 261 дирхем, определено 257 монет. Аббасиды – 7; Саффариды – 1; Саманиды – 245; подражания – 4 экз. Младшая монета – саманидский дирхем 914 г. Определение Р. Р. Фасмера. Хранится в ГЭ	Фасмер 1929: 292 (№ 42); Янин 1956: табл. II; Кропоткин 1971: 80 (№ 33); Ковалев 2002; Лесман А-1980а

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
59	Аполец, д., Новгородская обл., Холмский р-н		Клад (?). В 2000 г. при грабительских раскопках местными жителями в кургане № 3 группы Аполец 1 найдено 11 монет (никаких вещей при этом не найдено). Одна из монет была передана сотруднику Новгородского КГИОП Г. Г. Акимченко и определена П. Г. Гайдуковым (Саманиды, X в.)	Сообщение Г. Г. Акимченко и П. Г. Гайдукова
60	Холм, г., Новгородская обл.	Псковская губ., Холмский (?) у.	Клад, состоявший из «целого мешка» монет, найден в Псковской губ. В 1843 г. П. С. Савельев получил из Холма 2 монеты из этого клада, приобретенные местным аптекарем через перекупщика у крестьянина Псковской губ.: 1 – Саманиды, Наср ибн Ахмед, аш-Шаш, 940/941 г.; 2 – Эдуард Исповедник, Лондон, 1040–1066 гг.	Савельев 1847: 108 (№ 13в); Марков 1910: 36 (№ 207)
61	Подборовка, д., Новгородская обл., Старорусский р-н		Денежно-вещевой клад найден на оз. Ильмень в 1934 г. (96 целых и 56 обломков монет). В состав клада входили 10 весовых гирек. Монеты определены А. А. Быковым. Младшая монета: дирхем 381 г. х. (991/992 г.)	Янин 1956: 77; Кропоткин 1971: 82 (№ 54)
62	Шумилово, д., Новгородская обл., Демянский р-н	Ленинградская обл., Демянский р-н	Клад найден в 1927 г. (995 целых и 331 обломок). 1111 монет определено А. А. Быковым (количество монет – по В. В. Кропоткину). Младшая монета дирхем 257 г. х. (870/871 г.)	Фасмер 1929: 292 (№ 44); Пахомов 1949: 94 (№ 1305); Янин 1956: 142; Кропоткин 1971: 83 (№ 56); Noonan 1998: 109–111 (№ 64)
63	Демянск, г., Новгородская обл.		Клад найден близ города в 1833 г. Насчитывал не менее 35 монет (10 целых, 25 обрезков). Часть дирхемов определена Х. Д. Френом. Монеты выбиты между 93 г. х. (711 г.) и 209 г. х. (825 г.)	Савельев 1847: 28 (№ 154); Марков 1910: 28 (№ 154); Noonan 1998: 93 (№ 30); Гомзин 2017: 98

Бассейн р. Днепр

64	Баево, д., Беларусь, Витебская обл., Дубровенский р-н	Белорусская ССР, Дубровенский р-н	В совхозе Соболево близ д. Баево на поле в 1936 г. найден клад восточных монет (ок. 2000 экз.). Примечательно, что К. В. Кузнецов указывает на то, что клад был найден в гончарном сосуде (Кузнецов 1949: 140). Сведения о кладе в литературе рознятся. По В. В. Кропоткину (1971), определены 304 монеты (136 целых и 168 обрезков). Монеты чеканены между 167 г. х. (783/784 г.) и 242 г. х. (856/857 г.). По В. Н. Рябцевичу (1998), определены 307 монет, чеканенных между 92 г. х. (710/711 г.) и 248 г. х. (862/863 г.)	Пахомов 1949: 93 (№ 1303); Кузнецов 1949: 140–141; Кропоткин 1971: 92 (№ 172); Рябцевич 1998: 69 (№ 20); Noonan 1998: 103 (№ 47); Кулешов 2012: 41, 42
----	---	-----------------------------------	---	--

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
65	Жигулино, д.	Смоленская губ., Духовщинский у.	Клад (?) найден в 5 верстах от Духовщины на поле у деревни ок. большого кургана. Монеты находились в медном сосуде. В исторический музей в Смоленске поступила одна арабская монета (Марков 1910: 45 (№ 253))	Марков 1910: 45 (№ 253)
66	Дорогобуж, р.	Смоленская губ., Дорогобужский у.	Клад (?) найден в 1847 г. в реке Дорогобуже. Известно о находке 9 серебряных монет, в числе которых было 2 саманидских дирхема (Марков 1910: 42 (№ 234)). Состав клада уточнен в работе В. М. Потина. В собрании были византийские, немецкие и английские монеты. Младшая из известных западноевропейских монет – Дания, Свен Эстридсен, 1047–1075 гг. (Потин 1967: 167)	Марков 1910: 42 (№ 234); Потин 1967: 167 (№ 296)
67	Дубровенка, д.	Смоленская губ., Смоленский у.	Клад найден в 1849 г. близ д. Дубровинки при проведении шоссе из Витебска в Ярославль (ок. 200 монет). Младшие монеты: Саманиды, Абдул-Малик ибн Нух (954–961 гг.) – 7 экз. (Марков 1910: 42 (№ 235))	Марков 1910: 42 (№ 235)
68	Смоленск, г.		Клад из 200 западноевропейских монет найден близ города перед 1909 г. Известно 45 монет. Младшая монета – Германия, гр. Экберт II, 1068–1090 гг. (Потин 1967: 167)	Потин 1967: 167 (№ 299)
69	Рачёвка, р. Смоленск, г.		Денежно-вещевой клад найден в конце 1980-х гг. в Смоленске близ р. Рачёвка. Включал помимо серебряного лома более 5400 монет и их фрагментов, как западноевропейских (преимущественно), так и арабских. Общий вес клада – ок. 12 кг. Младшие монеты – норвежские денарии Гарольда III (1047–1066 гг.) и датские Свена Эстридсена (1047–1075 гг.) (Лебедев, Галанов 2005: 421)	Лебедев, Галанов 2005: 421
70	Гнёздово, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Монетный клад найден в северной части селища в 1966 и 1975 гг. Известны 123 целые монеты и 8 фрагментов. Младшая монета 924/925 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Кропоткин 1971: 85 (№ 87); Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
71	Гнёздово, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Монетный клад найден в 1973 г. при раскопках на Восточном селище. Насчитывал 13 монет. Младшая монета выбита в 936/937 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
72	Гнёздово, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Монетный клад найден в районе Днепровской курганной группы в 2010 г. Известны 118 целых монет и 85 обломков. Датирован временем не ранее 935–937 гг. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
73	Гнёздово, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Производственный клад найден в раскопках 2001 г. на Восточном селище. Включал гирьки, весы, серебряную проволоку и 6 фрагментов монет. Младшая монета выбита в 945/946 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
74	Гнёздово, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Денежно-вещевой (предположительно) клад найден в 1870 г. в районе Восточного селища. Имеются данные о находке 64 монет. Младшая монета выбита в 948/949 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
75	Гнёздово, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 1993 г. при раскопках на Восточном селище. Включал 72 целые монеты и 3 фрагмента. Помимо них в состав клада входили украшения, гирьки, бусы и железный нож. Младшая монета дает датировку 952 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
76	Гнёздово, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 2001 г. на Восточном селище. Включал 48 целых монет и 22 обломка. В состав клада входили также украшения. Младшая монета выбита в 953/954 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
77	Гнёздово, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 1885 г. Имеются сведения о 154 монетах. Младшая монета выбита в 960/961 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
78	Гнёздово, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 1867 г. в районе Восточного селища. Имеются сведения о 12 монетах. Младшая выбита в 953/954 г. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
79	Гнёздово, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 2007 г. при раскопках Центрального городища. Помимо украшений содержал 5 фрагментов монет. Младшая монета выбита в 950-х гг. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
80	Гнёздово, п., Смоленская обл., Смоленский р-н		Вещевой клад, содержащий 2 монеты, найден в 1940 г. при раскопках Центрального городища. Предположительно датируется временем не ранее середины X в. (Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264)	Пушкина, Мурашева, Ениосова 2012: 264
81	Сож, д., Смоленская обл., Смоленский р-н		Клад найден в марте 2002 г. между д. Сож и Бобыри в 50 м от р. Сож. Известно о находке 73 монет, из которых 47 представлены фрагментами. Определено 70 монет. Время чеканки младшей монеты (Саманиды, Нух ибн Наср) может быть определено не позднее 955 г. (Лебедев, Галанов 2005: 422)	Лебедев, Галанов 2005

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
82	Барсуки, д., Смоленская обл., Починковский р-н		Монетный клад найден в 1998 г. у деревни на пашне. Всего зафиксировано 254 целые и фрагментированные монеты (византийские, западноевропейские и куфические). Клад сокрыт не ранее 990-х гг. (Лебедев, Галанов 2005: 435)	Лебедев, Галанов 2005
83	Стайки, д., Смоленская обл., Хиславичский р-н		Клад найден на левом берегу р. Сож возле курганов. Монеты утеряны, не определены. В. В. Кропоткин со ссылкой на Е. А. Шмидта сообщает, что это были дирхемы (Кропоткин 1971: 85)	Кропоткин 1971: 85 (№ 93)
84	Старый Дедин, д., Беларусь, Могилевская обл., Климовичский р-н		Монетный клад найден в 1926 г. на р. Остре. Клад включал 201 куфический дирхем (в том числе 18 обломков), 30 подражаний дирхемам, византийскую, две германские монеты, монету, чеканенную в Волжской Булгарии, и одну неопределенную. Младшая из куфических монет – 978/979 г. (Кропоткин 1971: 93)	Потин 1967: 169 (№ 306); Кропоткин 1971: 93 (№ 186)
85	Коселяцкий (Литвиновичи), д., Беларусь, Гомельская обл., Кормянский р-н		Монетный клад найден в 1954 г. Состоял примерно из 100 монет, из которых в ГИМ поступили 39 монет: 38 аббасидских дирхемов и 1 дирхем Тахиридов. Последняя монета является младшей. Она выбита в 208 г. х. (823/824 г.) (Мельникова 1957: 148). Еще 4 дирхема из этого клада, младший из которых выбит в 808/809 г., хранятся в НИМ РБ (Археологія і нумізматыка Беларусі 1993: 314)	Мельникова 1957: 148 (№ 2, 3); Кропоткин 1971: 93 (№ 178); Археологія і нумізматыка Беларусі 1993: 314; Нахапетян, Фомин 1994: 146 (№ 12); Noonan 1998: 93 (№ 28)
86	Борисково, д.	Смоленская губ., Краснинский у.	Две монеты (клад?) найдены в 1887 г. в деревне. Дирхемы: 1 – Саманиды, Наср ибн Ахмед, 324 г. (935 г.), аш-Шаш; 2 – Саманиды, Наср ибн Ахмед, 329 г. (940 г.), Самарканд (Марков 1910: 43 (№ 240))	Марков 1910: 43 (№ 240)
87	Ярцево, г., Смоленская обл., Ярцевский р-н		Клад куфических монет (не менее 10 экз.) был найден близ города в 1968 г. Сведений об определенных монетах нет	Кропоткин 1971: 86 (№ 96)
88	Брили, д., Беларусь, Минская обл., Борисовский р-н		Клад найден в пойме правого берега р. Березина в 2000 г. В руки исследователей попали 290 куфических монет и их фрагментов, 10 гирек-разновесов, серебряный, скрученный в спираль дрот, фрагментированный каролингский меч типа Н. Даты чеканки монет располагаются между 125 г. х. (742/743 г.) и 277 г. х. (890/891 г.)	Рабцэвіч, Плавінскі, Іоў 2011; Кулешов 2012: 42
89	Могилев 1, г., Беларусь	Могилевская губ.	Клад найден не позднее 1822 г. в окрестностях города. Количество монет – не менее 1300 целых и несколько сотен рубленых экземпляров. Вес клада – более 7 фунтов. Старшая монета клада: Омейяды, 80 г. х. (699/700 г.). Младшая монета: Аббасиды, 199 г. х. (814/815 г.). Х. Д. Френом рассмотрено несколько сотен монет (Пахомов 1926: 79)	Марков 1910: 25 (№ 141); Пахомов 1926: 79 (№ 262); Рябцевич 1998: 77–78 (№ 71, 71а, 71б); Noonan 1998: 89–90 (№ 17)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
90	Могилев 2, г., Беларусь	Могилевская губ.	Шесть дирхемов найдено ок. 1878 г. в кургане на берегу Днепра. Старшая монета: Омейяды, Абд ал-Малик ибн Мерван, Васит, 85 г. х. (704 г.). Младшая монета: Аббасиды, ал-Амин, Мааден Баджунейс, 195 г. х. (810/811 г.)	Марков 1910: 26 (№ 142); Пахомов 1926: 79 (№ 261); Рябцевич 1998: 77 (№ 70)
91	Любичи, д., Беларусь, Могилевская обл., Шкловский р-н		Клад найден в 1901 г. Насчитывал не менее 541 дирхема. Монеты не определены (Рябцевич 1998: 69)	Кропоткин 1971: 93 (№ 185); Рябцевич 1998: 69 (№ 19, 19а)
92	Гомель, г., Беларусь, Гомельская обл.	Могилевская губ., Белицкий у.	Клад найден в местечке в 1822 г. Состоял из 82 саманидских дирхемов. Младшая монета выбита в 331 г. х. (943 г.)	Марков 1910: 25 (№ 140)
93	Струпово, ур. близ с. Глубоцкое, Беларусь	Могилевская губ., Гомельский у., Марковичская вол.	Денежно-вещевой клад найден в 1883 г. Монетная часть включала в себя более 79 монет (столько поступило в ИАК). Все дирхемы саманидские. Младшая монета выбита в 298 г. х. (910/911 г.)	Марков 1910: 26–27 (№ 144)
94	Антовили, д., Беларусь, Витебская обл., Оршанский р-н	Могилевская губ., Оршанский у.	В 1918 г. между д. Антовили и им. Заболотье на берегу р. Оршица (приток Днепра) германскими солдатами в кургане найдено 10 монет. Определены 2 монеты. Саманиды, Самарканд (284 г. х.) и Андераба 299 г. х. (911/912 г.) (Фасмер 1926: 292)	Фасмер 1926: 292 (№ 47); Рябцевич 1998: 69 (п. 21)
95	Покоть, д., Беларусь, Гомельская обл., Чечерский р-н	Гомельский окр. Гомельский у., Цветиловичская вол.	В 1923 и 1924 гг. на поле у деревни найдено 5 монет. Определены две монеты. Обе аббасидские – ал-Махди, Багдад 160 г. х. (776/777 г.); Харун ар-Рашид, ал-Мухаммедия 181 г. х. (797/798 г.) (Фасмер 1926: 291 (№ 32))	Фасмер 1926: 291 (№ 32); Кропоткин 1971: 93 (№ 179)
96	Красновка, д., Беларусь, Минская обл., Крупский р-н		Клад найден в 1965 г. Известны два дирхема. Младшая монета: Бувайхиды, Имад ад-Даула, ал-Басра, 335 г. х. (946/947 г.)	Рябцевич 1998: 76 (№ 57)
97	Лециковщина, д., Беларусь, Минская обл., Минский р-н	Минская губ., Минский у., Самохваловичская вол.	Клад найден в 1894 г. в деревне. Имеются сведения о находке 502 дирхемов. Старшая монета: Аббасиды, ал-Мамун, Исфахан, 201 г. х. (816/817 г.). Младшая монета: Саманиды, Ахмад ибн Исмаил, аш-Шаш, 299 г. х. (911/912 г.)	Марков 1910: 138 (№ 13); Пахомов 1926: 78 (№ 258); Рябцевич 1998: 76 (№ 59)
98	Староселы, д., Беларусь, Могилевская обл., Чаусский р-н		Клад найден в начале 1900-х гг. Содержал более 200 монет. Определены 4 монеты (саманидская чеканка и подражания ей). Младшая монета: Саманиды, Ахмад ибн Исмаил, аш-Шаш, 299 г. х. (911/912 г.)	Рябцевич 1998: 78 (№ 73)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
99	Поречье, Беларусь, Витебская обл., Толочинский р-н	Могилевская губ., Могилевский (?) у., имение Хоментовского	Денежно-вещевой клад найден в 1886 г. Монетная часть клада насчитывала 575 целых и фрагментированных экз. В том числе: 299 дирхемов; 3 подражания куфическим монетам (брактеаты); 274 западноевропейских денария; милиарисий Василия II и Константина VIII; фрагментированный сребреник Владимира Святославича. Младшая монета клада: Англия, Канут (1016–1035 гг.). Вещевая часть клада не описана	Марков 1910: 26 (№ 143); Ильин 1924: 14 (№ 16); Потин 1967: 168 (№ 303); Рябцевич 2000: 67–68 (№ 83)
100	Прусеничи, д., Беларусь, Витебская обл., Толочинский р-н		Клад найден в 1961 г. В составе клада: 164 дирхема, 1 подражание саманидскому дирхему, 7 западноевропейских денариев и 1 подражание английскому денарию. Младшая монета: подражание денарию Этельреда II (978–1016 гг.). По мнению В. М. Потина, клад зарыт ок. 1005 г. (Потин 1967: 168)	Потин 1967: 168 (№ 303–1); Кропоткин 1971: 92 (№ 171); Рябцевич 2000: 68 (№ 84); Кулешов 2012: 42, 43
101	Новый Двор, д., Беларусь, Минская обл., Минский р-н	Минская губ., Минский у., Старосельская вол.	Клад найден в 1871 г. в деревне. Имеются сведения о находке 399 монет, из которых определено 352 или 353 (Рябцевич 2000: 68). В состав клада входят: дирхемы – 86; подражания дирхемам – 2; западноевропейские монеты – 250 (251?); византийский милиарисий – 1. Младшие монеты: Франция, Роберт (996–1031 гг.) и еп. Адальберо (995–1031 гг.), Лан. Возможная дата сокрытия клада – ок. 1000 г. (Пахомов 1926: 79)	Марков 1910: 23–24 (№ 134); Пахомов 1926: 78–79 (№ 260); Потин 1967: 165–166 (№ 284); Рябцевич 2000: 69–70 (№ 93)
102	Дегтяны, д., Беларусь, Минская обл., Копыльский р-н		Клад найден в 1957 г. Известны 320 целых и фрагментированных монет. Две монеты куфические, остальные западноевропейские. Дата сокрытия клада, по В. М. Потину – ок. 1050 г. (Потин 1967: 180)	Потин 1967: 180 (№ 369)
103	Городище, д., Беларусь, Брестская обл., Пинский р-н	Минская губ.	Клад найден на территории Бенедиктинского монастыря в деревне в 1824 г. 20 куфических монет двумя частями (4 и 16 монет) поступили в Минцкабинет Виленского ун-та в 1824 и 1825 гг. Монеты с достоверностью не идентифицируются (Грималускайте, Синчук 2004: 178)	Грималускайте, Синчук 2004: 178
104	Пинск, г., Беларусь, Брестская обл.		В окрестностях города в 1955 г. найден денежно-вещевой клад. Известно о находке 330 целых и 230 фрагментированных дирхемов. Младшая монета – саманидский дирхем 974 г. Вещевая часть клада состояла из серебряного лома (Грималускайте, Синчук 2004: 177)	Curba, Soczewiński 2002; Грималускайте, Синчук 2004: 177
Бассейн р. Неман				
105	Симоны, д., Беларусь, Минская обл., Мядельский р-н		Клад найден в 1961 г. в 400–500 м к юго-западу от деревни в 100 м от оз. Нарочь. Монеты находились в горшке. Известно о находке 125 дирхемов. Старшая монета: Омейяды, Валид ибн абд ал-Малик, 95 г. х. (713/714 г.). Младшая монета: Аббасиды, ал-Васик Биллах, Мерв, 231 г. х. (845/846 г.) (Рябцевич 1998: 77)	Кропоткин 1971: 93 (№ 184); Рябцевич 1998: 77 (№ 67); Noonan 1998: 101 (№ 41); Кулешов 2012: 40

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
106	Антониенберг, д., Беларусь, Минская обл., Мядельский р-н		Клад найден близ деревни в 1967 г. Известно о находке ок. 500 монет. Определены 6 целых и 3 фрагментированных дирхема. Старшая монета: ал-Мансур, ал-Мухаммедия, 149 г. х. (766/767 г.). Младшая монета: ал-Мамун, ал-Мухаммедия, 208 г. х. (823/824 г.)	Рябцевич 1998: 77 (№ 65); Noonan 1998: 93 (№ 29)
107	Погорельщина, д., Минская обл., Воложинский р-н		Клад найден в 1955 г. на левом берегу р. Березина. Состоял из 1904 целых и фрагментированных монет. Старшая монета: Омейяды, Сулайман ибн абд ал-Малик, Васит, 97 г. х. (716/717 г.). Младшая монета: Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, Самарканд, 291 г. х. (903/904 г.). Помимо монет в составе клада находился бронзовый котелок, серебряная витая шейная гривна и два спиральных дрота четырехгранного сечения (Рябцевич 1998: 75)	Кропоткин 1971: 93 (№ 183); Рябцевич 1998: 75 (№ 55)
108	Койданово (Дзержинск, г.), Беларусь, Минская обл., Дзержинский р-н	Минская губ.	Клад найден в 1894 г. в имении графа К. Гуттен-Чапского. Содержал ок. 500 дирхемов. Определены два: 1 – Саманиды, Исмаил ибн Ахмад, Балх, 292 г. х. (905/904 г.); 2 – подражание саманидскому дирхему	Марков 1910: 138 (№ 14); Рябцевич 1998: 75–78 (№ 56)

Области Курляндии и Рижского залива

109	Светциема-Унгены, Латвия		Клад найден в 1937 г. Из 6 найденных монет определены две: 1 – Омейяды, аноним Васит, 710/711 г.; 2 – Аббасиды, Мухаммед, ал-Мухаммедия, 792/793 г. В составе клада находились 2 спиралевидных браслета, позволяющие, по мнению Э. С. Мугуревича, датировать комплекс временем не ранее 900 г. (Мугуревич 1965: 22, 25). Т. М. Берга относит комплекс примерно к 900 г. (Берга 1988: 26–27)	Мугуревич 1965: 22, 25; Кропоткин 1971: 94 (№ 200); Noonan 1977: 241 (№ 3); Берга 1988: 26–27; Ducmane, Ozoliņa 2009: 78 (№ 13)
110	Гробиняс-Ильги, Латвия	Курляндская губ.	Клад найден в 1827 г. Известны 3 монеты: 1 – Аббасиды, ал-Мамун, Мадинат-ас-Салам, 833/834 г.; 2 – Аббасиды, ал-Валсик, Сура манн ра'а, 844/845 г.; 3 – ал-Муттавакил, Мадинат ас-Салам, 852/853 г. (Берга 1988: 27)	Марков 1910: 15 (№ 85); Noonan 1977: 241–242 (№ 4); Берга 1988: 27; Ducmane, Ozoliņa 2009: 78 (№ 14)
111	Видземе, Латвия	Лифляндская губ.	Найден ок. 1828 г. Имеются данные о находке 38 монет, определены не менее 14 экз. Младшая монета выбита в 872 г.	Марков 1910: 20–21 (№ 117); Берга 1988: 27
112	Либагу-Сарайи Латвия		Клад найден в 1930 г. Имеются данные о находке 57 монет, из которых в музейном хранении оказались 55 (Берга 1988: 27). Старшая монета: Омейяды, ал-Басра, 798/699 г. Младшая монета: Аббасиды, ал-Муттавакил, 863/864 г. (Берга 1988: 27).	Кропоткин 1971: 94 (№ 198); Noonan 1977: 241 (№ 2); Берга 1988: 27; Ducmane, Ozoliņa 2009: 78 (№ 16)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
113	Стенде, Латвия		Клад насчитывает 143 куфических дирхема. Младшая монета – Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд, 930/931 или 932/933 г. (Ducmane, Ozoliņa 2009: 80)	Дуцмане, Озолиня 1999: 180; Ducmane, Ozoliņa 2009: 79–80 (№ 19)
114	Дундагас-Канькуми, Латвия		Клад найден в 1933 г. Состоял из 40 монет, определены 39. Старшая монета: Аббасиды, ал-Мустаин, Самарканд, 862/863 г. Младшая монета: Саманиды, Самарканд, Наср ибн Ахмад, 914/915 г. (Берга 1988: 28, 29)	Кропоткин 1971: 94 (№ 197); Noonan 1977: 243–244 (№ 8); Берга 1988: 28–29; Ducmane, Ozoliņa 2009: 79 (№ 18)
115	Гробиняс-Кушки, Латвия		Сокровище найдено в 1896 или 1897 г. Оно содержало 106 целых и фрагментированных дирхемов и 5 серебряных спиралевидных браслетов. Старшая монета: Аббасиды, ал-Муттавакил, Мадинат ас-Салам, 243 г. х. (857/858 г.). Младшая монета: Саманиды, Нух ибн Наср, Бухара, 342 г. х. (953/954 г.) (Берга 1988: 29)	Noonan 1977: 244–245 (№ 10); Берга 1988: 29; Brather 2006: 140 (№ 22); Ducmane, Ozoliņa 2009: 80 (№ 21)
116	Гробиня, Латвия		Денежно-вещевой клад найден в 1796 г. близ города. Находился в горшке. Содержал 100 монет, из которых определены 8 экз. Младшая монета: «дирхем Буидов чеканки 946 г.» (Берга 1988: 29). Помимо монет клад содержал «кусочек литого серебра» (Марков 1910: 14)	Марков 1910: 14–15 (№ 82); Noonan 1977: 244 (№ 9); Берга 1988: 29; Brather 2006: 140 (№ 18); Ducmane, Ozoliņa 2009: 80 (№ 22)
117	Капседе, Латвия		Известно о находке 73 монет – дирхемов и англо-саксонских денариев. Т. М. Берга считает клад сомнительным и предположительно относит к началу XI в. (Берга 1988: 39)	Берга 1988: 39; Ducmane, Ozoliņa 2009: 81–82 (№ 28)
118	Грамздес-Яунземь, Латвия		Клад найден в 1936 г. Состоял из 3 саманидских дирхемов и 5 западноевропейских денариев. Старшая монета: Саманиды, Ахмед ибн Исмаил, аш-Шаш, 904/905 г. Младшая монета: Оттон III (992–1002 гг.), Майнц. В состав клада входили 2 спиралевидных браслета (Берга 1988: 32)	Берга 1988: 32; Ducmane, Ozoliņa 2009: 81 (№ 27)
119	Яунсвирлаукас-Стальгене, Латвия		Клад найден в 1922 г. Состоял из 16 западноевропейских монет. Младшая монета: архиеп. Пилигрим (1021–1036 гг.) (Берга 1988: 33)	Потин 1967: 128 (№ 142); Берга 1988: 33; Ducmane, Ozoliņa 2009: 83 (№ 33)
120	Яунмокас, Латвия		Клад найден в 1887 г. Включал ок. 420 монет, из которых определены 61. Младшая монета клада: денарий аббата Рутгарта (1046–1050 гг.), Корвей (Вестфалия) (Берга 1998: 34) и чешская монета Бржетислава, 1037–1055 гг. (Потин 1967: 127)	Потин 1967: 127 (№ 140); Берга 1998: 34; Ducmane, Ozoliņa 2009: 84–85 (№ 41)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
121	Ледурга I, Латвия		Денежно-вещевой клад. В составе клада находились 3 монеты: куфический дирхем, германский денарий и английский денарий Этельреда II (978–1016 гг.), Лондон. В вещевую часть клада входили: серебряный слиток и 4 фрагмента слитков; 3 спиралевидных кованных слитка (Берга 1988: 33)	Потин 1967: 123 (№ 113); Берга 1988: 33; Ducmane, Ozoliņa 2009: 83 (№ 35)
122	Ледурга II, Латвия		Клад найден в 1931 г. Сохранилось 340 монет, преимущественно германской чеканки. Младшая монета: денарий гр. Экберта II (1068–1090 гг.), Дюкком (Берга 1988: 37–38)	Потин 1967: 123 (№ 114); Берга 1988: 37–38; Ducmane, Ozoliņa 2009: 88–89 (№ 48)
123	Цесис, Латвия		Клад, найденный в начале 1900-х гг., состоял из 16 монет: 14 немецких денариев, чешская монета и подражание куфическому дирхему. Младшая монета: денарий Генриха III (1039–1056 гг.) (Берга 1988: 34)	Потин 1967: 124 (№ 115); Берга 1988: 34; Ducmane, Ozoliņa 2009: 84 (№ 40)
124	Бранты, Латвия		Монетно-вещевой клад найден в 1903 г. Монетная часть клада (89 экз.) состоит, в основном, из германских денариев. Младшая монета: 2 денария Экберта II (1068–1090 гг.). Вещевая часть клада состоит из 6 бронзовых спиралей (Берга 1988: 37)	Потин 1967: 124 (№ 120); Берга 1988: 37; Ducmane, Ozoliņa 2009: 88 (№ 47)

Дополнения

125	Кацену-Радова (Качаново-Родовое), Псковская обл., Палкинский р-н ⁴³	Латвия, Яунлатгальский у.	Клад найден в 1932 г. Известны 3 саманидских дирхема и западноевропейский денарий. Младшая монета: подражание денариям Оттона III и Адельгейды, 991–1040 гг. (Берга 1988: 32)	Берга 1988: 32; Ducmane, Ozoliņa 2009: 82 (№ 30)
126	Скадино, д., Псковская обл.		Денежно-вещевой клад найден в 1928 г. Монетная часть состояла из 839 целых и фрагментированных монет, преимущественно западноевропейских. Имеются 2 византийские и 11 куфических монет. Дата сокрытия клада определена В. М. Потиним как 1130 г. (Потин 1967: 133–135)	Потин 1967: 133–135 (№ 170)
127	Лудзас-Эверсмуйжа, Латвия		Клад найден в 1912 г. Содержал более 1100 куфических, западноевропейских монет и подражаний им. Младшая монета клада: денарий еп. Адалриха (1025–1040 гг.), Базель (Швабия) (Берга 1988: 32–33)	Потин 1967: 127 (№ 135); Берга 1988: 32–33; Ducmane, Ozoliņa 2009: 82 (№ 31)
128	Макашены, Латвия		Клад найден в 1883 г. Сохранились ок. 123 монет. Преобладают германские денарии. Младшая монета: 7 денариев гр. Экберта II (1068–1090 гг.) (Берга 1988: 36–38)	Потин 1967: 126 (№ 134); Берга 1988: 36, 38; Ducmane, Ozoliņa 2009: 88 (№ 46)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
129	Минская губ., Беларусь	Минская губ.	Клад найден до 1835 г. в неустановленном месте. Включал не менее 371 куфической монеты. Н. А. Маркову была известна 21 монета. Младшая из них выбита в 200 г. х. (816 г.) (Марков 1910: 24 (№ 136))	Марков 1910: 24 (№ 136); Пахомов 1926: 78 (№ 259); Noonan 1998: 90–91 (№ 19)
130	Юхновский у.	Смоленская губ., Юхновский у.	Два дирхема (клад?) найдены до 1910 г. в неустановленном месте. Одна монета саманидская (дата чеканки не установлена), вторая – аббасидская, выбитая в Багдаде в 316 г. х. (928 г.) (Марков 1910: 44 (№ 247))	Марков 1910: 44 (№ 247)

Прибалтика

131	Калининград, г.		Клад найден в 1945 г. на южной окраине города. Имеются данные о находке примерно 150 куфических монет. Определены 9 омейядских дирхемов. Старшая монета: Омейяды, Васит, 85 г. х. (704/705 г.). Младшая монета: Омейяды, ал-Джазира, 128 г. х. (745/746 г.) (Кропоткин 1971: 80 (№ 29))	Кропоткин 1971: 80 (№ 29); Noonan 1998: 82 (№ 1); Brather 2006: 140 (№ 4)
132	Бранево, п., Польша, воев. Варминьско-Мазурское		Клад, 47 дирхемов. Старшая монета: 755/756 г. Младшая монета: 816/817 г.	Brather 2006: 140 (№ 1)
133	Длугобур, д., Польша, пов. Бранево		Клад. Определено 3 монеты. Старшая монета: 745/746 г. Младшая монета: 813/814 г. (?)	Brather 2006: 140 (№ 2)
134	Дрохичин II, п., Польша, пов. Семятице, воев. Подляское		Клад. Известно о находке 308 монет. Старшая монета: 713/714 г. Младшая монета: 893/894 г.	Brather 2006: 140 (№ 3)
135	Краснолонка, д., Польша, пов. Бартошицы, воев. Варминско-Мазурское		Клад. Известно о находке 10 монет. Старшая монета: 747/748 г. Младшая монета: 813/814 г.	Brather 2006: 140 (№ 5)
136	Мокаймы–Суйки, деревни, Польша, пов. Эльблонг		Клад. Известно о находке 124 монет. Старшая монета: 730/740 г. Младшая монета: 817/818 г.	Brather 2006: 140 (№ 7)
137	Пирчипай, п., Литва, р-н Варена		Клад. Известно о находке более 6 монет. Старшая монета: 782/783 г. Младшая монета: 853/854 г.	Brather 2006: 140 (№ 8)
138	Рамсово, д., Польша, пов. Ольштын		Клад. Известно о находке 336 монет. Старшая монета: 741/742 г. Младшая монета: 828/829 г.	Brather 2006: 140 (№ 9)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
139	Стегна, д., Польша, пов. Новый Двор Гданьски		Клад. Известно о находке 17 монет. Старшая монета: 744/745 г. Младшая монета: 811/812 г.	Brather 2006: 140 (№ 12)
140	Залёво, п., Польша, пов. Илава		Клад. Известно о находке 40 монет. Старшая монета: 752/753 г. Младшая монета: 811/812 г.	Brather 2006: 140 (№ 13)
141	Балин, п., Польша, пов. Рыпин		Денежно-вещевой клад. Известны 9 монет. Младшая монета: 952/953 г.	Brather 2006: 140 (№ 15)
142	Гора Стрекова, Польша, пов. Белосток		Денежно-вещевой клад. Известны 29 монет. Старшая монета: 764 г. Младшая монета: 900 г.	Brather 2006: 140 (№ 17)
143	Яунюай, Литва, р-н Ширвинтос		Денежно-вещевой клад, содержащий ок. 20 монет. Старшая монета: 754/775 гг. (?). Младшая монета: 914/943 гг. (?) (Brather 2006: 140; Кропоткин 1971: 94)	Кропоткин 1971: 94 (№ 195); Kuncienė 1972: 246 (№ 4); Brather 2006: 140 (№ 19)
144	Велайкяй, Литва, р-н Зарасай		Клад найден в 1968 г. О. Кунцене приводит определения 7 целых монет и трех половинок. Все дирхемы саманидские. Младшая из них выбита в 942/943 г. или в 952/953 г. (Kuncienė 1972: 175–177)	Кропоткин 1971: 93 (№ 188); Kuncienė 1972: 175, 248 (№ 25)
145	Клюковиче, Польша, пов. Семятыче		Клад, ок. 935 монет. Старшая монета: 765/766 г. (?). Младшая монета: 901/910 гг. (?)	Brather 2006: 140 (№ 20)
146	Лечица I, Польша, Лодзьское воев.		Клад, ок. 80 монет. Старшая монета: 864/892 гг. (?). Младшая монета: 913/942 г. (?)	Brather 2006: 140 (№ 24)
147	Олива II, Польша, пов. Гданьск		Клад. Известно о находке 11 монет. Старшая монета: 751/752 г. (?). Младшая монета: 951/952 г. (?)	Brather 2006: 140 (№ 26)
148	Реше (Решес), Литва, р-н Вильнюс		Клад. 92 монеты. Старшая монета: 846/847 г. Младшая монета: 921/943 г. (?) (Brather 2006: 141)	Кропоткин 1971: 94 (№ 193); Kuncienė 1972: 175, 247 (№ 18); Brather 2006: 141 (№ 28)
149	Вильнюс, г., Литва		Клад. 78 монет (?). Старшая монета 685/705 гг. (?) Младшая монета: 963/964 г. (?)	Brather 2006: 141 (№ 32)
150	Вялюона (Велюона), Литва, р-н Юрбаркас		Клад куфических монет найден в первой половине XIX в. (Кропоткин 1971: 93)	Кропоткин 1971: 93 (№ 189); Kuncienė 1972: 248 (№ 24)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
151	Рудайчай, Литва, р-н Кретинга		Клад куфических монет найден до 1924 г. Известно о находке 118 дирхемов (Кропоткин 1971: 94)	Кропоткин 1971: 94 (№ 194); Kuncienė 1972: 247 (№ 19)

Бассейн оз. Ильмень

152	Потерпельцы, д., Новгородская обл.	Ленинградская обл., Боровичский р-н	Клад найден в 1935 г. Содержал 60 аббасидских дирхемов. Старшая монета: ал-Басра, 134 г. х. (751/752 г.). Младшая монета: ал-Мустаин, 251 г. х. (865/866 г.), Сура-менраа. Клад поступил в Эрмитаж (Пахомов 1949: 93–94 (№ 1304))	Пахомов 1949: 93–94 (№ 1304); Кропоткин 1971: 83 (№ 83); Noonan 1998: 107 (№ 54)
153	Любыни, д., Новгородская обл., Шимский р-н		Клад арабских монет найден на окраине села. Поступил в Новгородский музей в 1972 г. Насчитывает 2361 монету. Старший дирхем чеканен в ал-Андалусе в 729/730 г. Младшая монета выбита в Мадинат ас-Саламе в 873/874 г. (Нунан, Ковалев 2002: 152–156)	Нунан, Ковалев 2002: 152–156
154	Георгий, д., Новгородская обл., Новгородский р-н		Городище на левом берегу р. Веряжа при впадении в нее ручья. Исследовалось Е. Н. Носовым и А. В. Плоховым в 1989–1993 гг. В одной из материковых ям найдено 3 монеты: $\frac{1}{3}$ арабо-сасанидской драхмы VII в.; $\frac{1}{4}$ омейядского дирхема 713/714 г. чеканки; $\frac{1}{4}$ аббасидского дирхема второй пол. VIII – начала IX в., Мадинат ас-(Салам ?)	Носов 1997: 207
155	Любоежа, д., Новгородская обл.		Денежно-вещевой клад найден в 2001 г. между деревнями Горошково и Любоежа. Включал, помимо украшений и ювелирного лома, 12 восточных монет VIII–X вв. Предположительная датировка клада – конец X–начало XI в.	Торопов 2009б: 7–10; Меч и златник 2012: 79
156	Ерилово, д., Псковская обл.	Псковская обл., Островский р-н	Клад найден в 1930 г. Насчитывает 333 целых монеты и 68 обломков. 393 куфические монеты, 6 подражаний им, 1 монетный кружок и 1 византийская монета. Младшая монета клада – 975/976 г. (Кропоткин 1971: 84 (№ 71))	Кропоткин 1971: 84 (№ 71)
157	Ручьи, д., Псковская обл.		Клад найден севернее деревни в 1955 г. Известно 2010 целых и фрагментированных западноевропейских монет. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1090 г. (Потин 1967: 144)	Потин 1967: 143–144 (№ 206)

Бассейн р. Волхов

158	Рюриково Городище 1, Великий Новгород		Клад рубленых арабских монет найден в 1901 г. при раскопках М. И. Полянского в траншее на северном берегу Сиверсова канала. Монеты не определены, клад утерян. Известна дата чеканки одной монеты – 905/906 г. (Полянский 1908: 6)	Полянский 1908; Носов 1990: 22
-----	---------------------------------------	--	--	--------------------------------

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
159	Рюриково Городище 2, Великий Новгород		Клад арабских монет найден в раскопе 1980–1983 гг. при разборке углубленной в материк части постройки (комплекс 1). Насчитывал 7 целых и рубленых дирхемов (определены А. В. Фоминым): 1 – ал-Махди (775–785 гг.), Мадина-т ас-Салам, 774/775–775/776 гг.; 2 – ал-Мамун (813–833 гг.), Мадина-т ас-Салам, 812/813–814/815 гг.; 3 – ал-Мутасим (833–842 гг.), Мухаммедия, 837/838 г.; 4 – ал-Мутаваккиль (847–861 гг.), Армения, 853/854 г.; 5 – ал-Мустаин (862–866 гг.), 865 г.; 6 – ал-Мутааз (866–869 гг.), Самарканд, 867 г.; 7 – дирхем, вероятно, второй четверти-середины IX в.	Носов 1990: 92
160	Кирилловский монастырь 1, ур., Новгородская обл., Новгородский р-н		Клад куфических монет найден близ монастыря в июле 1889 г. (по данным В. С. Передольского). Монеты целые и обломки. Многие попали в Кирилловский монастырь. Монеты не определены (Марков 1910: 29)	Марков 1910: 29 (№ 157)
161	Кирилловский монастырь 2, ур., Новгородская обл., Новгородский р-н		Клад куфических монет обнаружен близ монастыря в 1920 г. при выемке грунта (производилась близ Кирилловского монастыря на правом берегу Малого Волховца возле сельца Монастырское). По данным Н. И. Репникова, клад был найден при постройке моста через Волхов, т. е. близ Рюрикова Городища (Фасмер 1925: 242). Находился в глиняном горшке, от которого уцелела нижняя часть. Определено 203 дирхе-ма (14 омейядских и 189 аббасидских). Младшая монета: ал-Мустаин, Мерв, 250 г. х. (864/865 г.) (Фасмер 1925: 242; Кропоткин 1971: 82 (п. 50))	Фасмер 1925: 242; 1926: 291 (№ 28); Кропоткин 1971: 82; Носов 1976а: 102; Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 24; Noonan 1998: 104 (№ 51)
162	Холопий Городок, ур., Новгородская обл., Новгородский р-н		Клад найден в карьере на территории селища в 1979 г. Общее количество монет неясно. Определены 24 монеты (20 куфических дирхемов и 4 сасанидские драхмы). Наиболее вероятная дата чеканки младшей монеты 810–812 гг. (Фомин 1993: 14)	Фомин 1993; Но- сов, Плохов 1997: 132
163	Хутынь, ур., Новгородская обл., Новгородский р-н		Клад куфических монет найден в 1983 г. ок. Хутынского монастыря на берегу озера, связанного с р. Волхов. Место находки клада исследовалось А. В. Фоминым и Е. Н. Носовым в 1983 и 1984 гг. Всего собрано 429 монет (из них 58 целых). Клад был завернут в матерю. Младшая монета клада выбита в 363 г. х. (973/974 г.). (Фомин 1987: 56)	Фомин 1987: 56–57

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
164	Великий Новгород 1, г.		Клад куфических монет найден в Новгороде в 1903 г. Насчитывал 10 целых и 30 обрубленных дирхемов. Один дирхем омейядский, 13 аббасидских, 8 саманидских, 2 варварских подражания Саманидам, 1 бувейхидский, 15 монет неопределены. Младшая монета: Саманиды, Нух ибн Наср, аш-Шаш, 341 г. х. (952/953 г.) (Быков 1925: 133–139; Кропоткин 1971: 82 (п. 49))	Быков 1925: 133–139; Кропоткин 1971: 82 (п. 49)
165	Великий Новгород 2, г.		Клад куфических монет найден в 1953 г. в Неревском раскопе на уровне 27-го яруса в постройке на углу Великой и Холопьевой улиц (верхняя дендрохронологическая дата 27-го яруса 989 г. (Янина 1963: 288)). Усадьба датируется второй половиной X в. Клад находился в берестяном туесе и насчитывал 871 монету (целые и в обломках), серебряную лунницу, набор разновесов и две хрустальные бусы – сферическая многогранная и призматическая. Самая ранняя монета клада – испахабды Табаристана, Омар (или Саид) 772–788 гг. Младшая монета – Саманиды, Мансур ибн Нух, 361 г. х. (971/972 г.) (Янина 1956: 181; Мельникова 1957: 148; Кропоткин 1971: 82 (п. 52))	Янина 1956: 181; Мельникова 1957: 148; Кропоткин 1971: 82 (п. 52)
166	Великий Новгород 3, г.		Клад куфических монет найден в 1956 г. на Неревском раскопе на уровне 27-го яруса близ перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц. Насчитывает 735 целых монет и обломков. Старшая монета – Омейяды, 101–132 г. х. (720–750 гг.). Младшая монета – Саманиды, Мансур ибн Нух, 364 г. х. (974/975 г.) (Янина 1963: 287; Кропоткин 1971: 82 (п. 53))	Янина 1963: 287; Кропоткин 1971: 82 (п. 53)
167	Великий Новгород 4, г.		Клад (?) арабских дирхемов найден в 1998 г. в Троицком XI раскопе на уровне 28-го строительного яруса. 13 монет были рассыпаны в глинистой прослойке во дворе усадьбы. Монеты определены Г. А. Федоровым-Давыдовым. 10 монет – саманидские, чеканены, в основном, в Шаше (Ташкент) в 907–930-х гг. Три монеты – подражания саманидским дирхемам (Янин и др. 1999: 6, 7). А. А. Гомзин (2017: 96) клад определил как продукцию фальшивомонетчика.	Янин и др. 1999: 6, 7; Гомзин 2017: 96
168	Новая Мельница, д., Новгородская обл., Новгородский р-н		Клад куфических монет найден в 1924 г. в 6 км от Новгорода. Зафиксировано 63 монеты, в том числе 38 обломков. Младшая монета выбита в 363 г. х. (973/974 г.). Аббасиды – 6 экз.; Хамданиды – 1 экз.; Саманиды – 46 экз.; Зийяриды – 3 экз.; подражания – 4 экз.; неопределенные 2 экз.	Фасмер 1926: 291 (№ 30); Пахомов 1926: 79 (№ 264); Янин 1960: 142; Кропоткин, 1971: 82 (п. 48)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
169	Собачьи Горбы, д., Новгородская обл., Новгородский р-н	Новгородская губ.	Денежно-вещевой клад найден в 1906 г. Включал в себя западноевропейские, куфические, византийские монеты. Старшая монета – дирхем 285 г. х. (898/899 г.). Младшая монета – Эдуарда Исповедника (1042–1066 гг.) (Пахомов 1938: 73 (№ 617))	Фасмер 1926: 291 (№ 29), 293 (№ 7); Пахомов 1938: 73 (№ 617); Потин 1967: 142 (№ 198)
170	Вылеги, д., Новгородская обл., Новгородский р-н.,	Новгородская губ., Новгородский у.	Клад куфических монет найден в 1882 г. крестьянином деревни при копке канавы на огороде ок. бани (т. е., видимо, на берегу Волхова). Общее количество монет неясно. Определено 7 монет (Дело А-1882: л. 6): 1 – испахбады Табаристана, Саид, 776 г.; 2 – Аббасиды, 162 г. х. (778 г.); 3 – Аббасиды, ал-Аббасия, 171 г. х. (787 г.); 4 – Аббасиды, Ифрикия (?), 173 г. х. (789 г.); 5 – Аббасиды, ал-Аббасия, 173 г. х. (789 г.); 6 – Аббасиды, ал-Мухаммедия, 192 г. х. (807 г.); 7 – Аббасиды, ал-Аббасия или Ифрикия, год не виден. Монеты хранятся в ГЭ	Дело А-1882; Марков 1910: 28 (п. 152); Noonan 1998: 84 (№ 8)
171	Княщина, д., (Княжчино) Ленинградская обл.	С.-Петербургская губ., Ново-Ладожский у.	Денежно-вещевой клад найден в 1874–1875 гг. у деревни. А. К. Марковым рассматривался как три или четыре разных клада (Марков 1910: 30, 31, 140 (№ 179–181, 26)). Впоследствии исследователи сошлись во мнении, что это один клад, монеты из которого попадали к специалистам частями вплоть до 1903 г. (Репников 1904: 59; Носов 1976а: 100). В кладе находилось не менее 300 монет. Младшая монета выбита в 193 г. х. (808 г.) (Марков 1910: 33). Вещевая часть клада состояла из 3 серебряных слитков	Случайные находки 1887: СХЛ; Репников 1904: 59; Марков 1910: 32–33, 140 (№ 179–181, 26); Носов 1976а: 100 (№ 2); Noonan 1998: 84–85 (№ 9)
172	Старая Ладога 1, Ленинградская обл.	С.-Петербургская губ.	Клад найден в 1892 г. на бечевнике р. Волхов. Состоял из 28 целых монет и 3 обломков. Определен полностью А. К. Марковым. Все монеты аббасидские, младшая выбита в 170 г. х. (786 г.) (Марков 1910: 140 (№ 24))	Марков 1910: 140 (№ 24); Пахомов 1926: 77 (№ 254); Noonan 1998: 82 (№ 2)
173	Старая Ладога 2, Ленинградская обл.		Клад найден в культурном слое Земляного Городища Старой Ладоги в 1938 г. Состоял из 5 целых и 18 обломков рассыпанных дирхемов (Носов 1976а: 100–102). Младшая монета клада выбита в 232 г. х. (846/847 г.)	Пахомов 1949: 93 (№ 1302); Носов 1976а: 100–102 (№ 1); Noonan 1998: 101 (№ 42)
174	Старая Ладога 3, Ленинградская обл.		Клад куфических монет найден в начале XX в. в Старой Ладоге. Определена одна монета, чеканенная в 392 г. х. (?) – 1002 г. (Марков 1910: 33)	Марков 1910: 33 (№ 186)
175	Старая Ладога 4, Ленинградская обл.		Клад (?) найден в начале XIX в. Известно о находке нескольких монет, среди которых был денарий Этельреда II, 979–1016 гг. (Потин 1967: 141)	Потин 1967: 141 (№ 193)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
176	Старая Ладога 5, Ленинградская обл.		Денежно-вещевой клад найден в 1920 г. к юго-западу от каменной крепости. Монетная часть состояла из 56 куфических монет, 9 германских, 1 византийской и 1 английской монет. Младшая монета – денарий Бардовика середины XI в. (Потин 1967: 141)	Корзухина 1954: 102 (№ 60); Потин 1967: 141 (№ 195)
177	Старая Ладога 6, Ленинградская обл.		Клад найден в 1938 г. при раскопках могильника на левом берегу р. Волхов в 200 м выше городища. Состоял из 13 фрисландских денариев второй половины XI в. (Потин 1967: 141–142)	Потин 1967: 141–142 (№ 196)

Ладожское озеро и Финский залив

178	Ладожское оз. Ленинградская обл.	С.-Петербургская губ.	Клад найден в 1809 или 1810 г. на берегу Ладожского оз. в 12 верстах от устья Волхова. Более 7 пудов серебра (?). Монеты не определены (Френ 1847: 34–35 (№ 35))	Френ 1847: 34–35 (№ 35); Марков 1910: 30–31 (№ 172)
179	Галерная гавань, Васильевский остров, Петербург		Клад куфических монет найден в 1797 г. при земляных работах. По непроверенным данным, содержал аббасидские и саманидские (!) монеты. Определена одна монета: африкано-арабская, Аббасия (?), 163 г. х. (780 г.), Изид бен Хатам, наместник халифа Мехди в Африке (Марков 1910: 30)	Марков 1910: 30 (№ 171)
180	Петергоф, г.		Клад найден в начале лета 1941 г. где-то близ Нижнего парка на первой приморской террасе (Лебедев 2002: 21). В 1966 г., сменив нескольких владельцев, клад поступил в ГИМ. На тот момент он насчитывал 82 куфические и сасанидские монеты, хотя известно, что в кладе было первоначально не менее 98 монет. Дата чеканки младшей монеты клада – 804/805 г. н. э. (Лебедев 2002: 22)	Добровольский, Дубов, Рождественская 1982; Мельникова, Никитин, Фомин 1984; Лапшин 1990: 82; Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991; Нахапетян, Фомин 1994: 146 (№ 9); Лебедев 2002
181	Мартышкино, п., Ленинградская обл.		Клад найден в 1923 г. Известно о находке более 100 западноевропейских монет. Предполагаемая дата сокрытия – 1070–1075 гг. (Потин 1967: 138)	Потин 1967: 138 (№ 185)
182	Боровская, д., Ленинградская обл.		Денежно-вещевой клад найден в 1846 г. Включал ок. 4000 монет – западноевропейских, византийских и куфических. Дата сокрытия клада, по В. М. Потину, – 1030–1040 гг. (Потин 1967: 138)	Потин 1967: 138 (№ 186)
183	Ушаки, ст., Ленинградская обл.		В 1920-е гг. на станции был приобретен клад. Точное место находки не установлено. Дата сокрытия, по В. М. Потину – 1040–1050 гг. (Потин 1967: 141)	Потин 1967: 141 (№ 192)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
184	Ропша, д., (Боровская мыза) Ленинградская обл.	С.-Петербургская губ., Ораниенбаумский у.	Клад (?) найден в 1846 г. в 30 верстах от Ораниенбаума между деревнями Дятлицы и Ропша. Определена одна монета: Саманиды, Наср ибн Ахмад, 302 г. х. (914 г.), аш-Шаш. Скорее всего, клад англосаксонских и куфических монет 1846 г., привязанный А. К. Марковым к Боровской мызе, расположенной близ д. Дятлицы (Марков 1910: 31, № 175), составляет с данной находкой единый комплекс. В таком случае младшая куфическая монета клада – окаялидская; выбита в Несибине в 395 г. х. (1004 г.) (Марков 1910: 31 (№ 174, 175))	Марков 1910: 31 (№ 174, 175)
185	Буяницы, д. Ленинградская обл.	С.-Петербургская губ., Ямбургский у.	Клад серебряных монет и украшений найден в 1852 г. близ деревень Белая Кирка, Буяницы, Чирковицы. Монеты (ок. 300 экз.) находились в глиняном сосуде. Среди них были куфические. Клад не определен (Марков 1910: 31 (№ 176)). По предположению В. М. Потина, среди монет был датский денарий Гартекнута, 1035–1043 г. Клад датирован им временем ок. 1035 г. (Потин 1967: 137)	Марков 1910: 31 (№ 176); Потин 1967: 137–138 (№ 182)

Бассейн р. Волга

186	Шлино, оз., Новгородская обл., Валдайский р-н, Тверская обл.	Новгородская губ., Валдайский у.	Клад найден в 1829 г. на берегу оз. Шлино. Включал ок. 200 монет, из которых определено 5 (все саманидские). Младшая монета выбита в 340 г. х. (951 г.) (Марков 1910: 28 (№ 156))	Марков 1910: 28 (№ 156)
187	Ржев, г.	Тверская губ.	Клад в «кубышке» найден в городе при постройке железнодорожной станции в 1874 г. Насчитывал более 300 целых и фрагментированных дирхемов. Определена одна монета: Саманиды, 341 г. х. (952/953 г.), Бухара (Марков 1910: 46 (№ 264))	Марков 1910: 46 (№ 264)
188	Сасынье, д.	Тверская губ.	Клад был найден до 1903 г. в деревне на правом берегу р. Волга возле уреза воды. Сохранились сведения о двух дирхемах: монета 157 г. х. (773/774 г.) и монета 243 г. х. (857/858 г.) (Плетнев 1903: 129)	Плетнев 1903: 129 (№ 12); Исланова, Крымов, Романов 2005: 75
189	Семенов Городок, д.	Тверская губ., Старицкий у.	Клад найден ок. 1870 г. на берегу р. Колоколенка, впадающей в Волгу в 8 верстах от г. Старица. Определены 7 монет, младшая из которых чеканена в Балхе в 195 г. х. (810 г.). Еще одна монета – саманидский дирхем, выбитый в 364 г. х. (974 г.), связывается с кладом предположительно. Е. Н. Носов считает, что монета не может относиться к данному сокровищу (Носов 1976а: 103)	Марков 1910: 46 (№; 263, 265); Носов 1976а: 103 (№ 6)
190	Загородье, д.	Тверская губ., Вышневолоцкий у.	Клад найден в 1889 и 1890 гг. на р. Молога. Определено 11 монет. Младшая монета: Аббасиды, 216 г. х. (831 г.), Багдад (Марков 1910: 47 (№ 267))	Марков 1910: 47 (№ 267)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
191	Кузнецкое, с., Тверская обл.	Московская обл., Весьегонский р-н	Клад был найден в 1899 г. Состоял из 162 дирхемов: 9 омейядских, 1 аглибидский, 9 тахиридских, 143 аббасидских. Младшая монета – аббасидский дирхем 256 г. х. (869/870 г.) (Пахомов 1938: 70 (№ 611))	Пахомов 1938: 70 (№ 611); Крopotкин 1971: 80 (№ 31); Носов 1976а: 103; Noonan 1998: 108–109 (№ 61)

Бассейн оз. Чудское

192	Псков, г. окрестности		Клад найден в 1835 г. близ Пскова. Насчитывал ок. 40 целых куфических монет и до 33 обломков. Древнейшая монета клада выбита в 258 г. х. (872 г.), младшая в 347 г. х. (958 г.) (Марков 1910: 36 (№ 205))	Марков 1910: 36 (№ 205)
193	Псковский р-н	Псковская губ., Псковский у.	Клад куфических монет найден в 1870-е гг. в неустановленном месте в 20 верстах от города. Известны 3 дирхема: 1 – Омейяды, Васит (год чеканки стерт); 2 – Аббасиды, 131 г. х. (748 г.), Васит; 3 – Аббасиды, 233 или 236 г. х. (847 г. или 850 г.), Серменраа (Марков 1910: 39 (№ 215))	Марков 1910: 39 (№ 215); Noonan 1998: 116 (№ 73)
194	Карамышево, ст., Псковская обл.		Клад найден в 1924 г. на р. Черёха. Известны 16 германских денариев. Младшая монета – Сель, Генрих III, 1039–1056 гг. (Потин 1967: 133)	Потин 1967: 133 (№ 169)
195	Булаево, с. Псковская обл.	Псковская губ., Псковский у.	Клад найден в 1845 г. в 10 верстах от Пскова и в 25 верстах от Изборска в селе. Известно 30 монет. Младшая монета: Саманиды, 324 г. х. (936 г.), Самарканд (Марков 1910: 36, 37 (№ 209); Колосова 2015: 120)	Марков 1910: 36–37 (№ 209); Пахомов 1926: 80 (№ 269); Колосова 2015
196	Устье, д., Псковская обл., Псковский р-н		Клад найден в 1925 г. Состоял из 35 фрисландских денариев графа Экберта II, 1068–1090 гг. (Потин 1967: 133)	Потин 1967: 133 (№ 163)
197	Прибуж, с., Псковская обл., Гдовский р-н	С.-Петербургская губ., Гдовский у.	Клад монет найден в 1889 г. в селе. Имеется информация о двух монетах – западноевропейской и куфической. Куфическая монета: Саманиды, Нух ибн Наср (?), 341 г. х. (952 г.), Самарканд (Марков 1910: 36 (№ 188))	Потин 1967: 131 (№ 155); Марков 1910: 33 (№ 188)
198	Полна, с., Псковская обл., Гдовский р-н		Клад западноевропейских монет найден в 1903 г. Известно 472 экз. Дата сокрытия, по В. М. Потину – 1075 г. (Потин 1967: 131–132)	Потин 1967: 131–132 (№ 158)
199	Забельское, д., Псковская обл., Гдовский р-н		Денежно-вещевой клад найден на левом берегу р. Белка в 1914 г. Состоял преимущественно из западноевропейских монет. Четыре монеты – куфические. Сохранилось 114 целых и 14 обломков монет. Дата сокрытия, по В. М. Потину, – 1080 г. (Потин 1967: 132)	Потин 1967: 132 (№ 159)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
200	Ручьи, д., Псковская обл., Гдовский р-н		Клад западноевропейских монет найден в 1910 г. Известно о находке 301 целой и 101 фрагментированной монеты. Определены 243 монеты. Дата сокрытия клада, по В. М. Потину – 1065 г. (Потин 1967: 130, 131)	Потин 1967: 130–131 (№ 154)
201	Нагинщина, д., Ленинградская обл., Сланцевский р-н		Клад найден в 1895 г. в глиняном горшке. Известны 1018 монет, главным образом западноевропейских. Дата сокрытия клада определена В. М. Потиним – 1055 г. (Потин 1967: 128–129)	Потин 1967: 128–129 (№ 177)
202	Нагинщина, д., Ленинградская обл., Сланцевский р-н		Клад найден в 1958 г. в глиняном горшке. Известно 1707 монет, преимущественно западноевропейских. Дата сокрытия, по В. М. Потину – не ранее 1065 г. (Потин 1967: 129)	Потин 1967: 129 (№ 148)
203	Ложголово, д., Ленинградская обл., Кингисеппский р-н		Клад найден в 1948 г. Насчитывал 89 монет – западноевропейских и куфических. В. М. Потин датировал клад приблизительно 1030 г. (Потин 1967: 136–137)	Потин 1967: 136–137 (№ 175)
204	Молоди, д., Псковская обл., Струго-Красненский р-н	Псковская губ., Псковский у., Жуковская вол.	Клад найден в 1878 г. в селе. Находился в кувшине. Состоял из куфических и западноевропейских монет, целых и рубленых (общий вес – 8 фунтов, 6 зол.). Определено 78 монет. Младшая из куфических монет: мервандидская, чеканенная в Миафарекине в 390 (?) г. х. (Марков 1910: 37 (№ 210)). Младшая монета – Русь, Владимир I, 980–1015 гг. (Потин 1967: 133)	Марков 1910: 37 (№ 210); Ильин 1924: 15 (№ 21); Потин 1967: 132–133 (№ 160)
205	Островский р-н Псковская обл.	Псковская губ., Островский у.	В 1837 г. в Островском у. в 12 верстах от г. Остров найдено ок. 100 куфических монет. Не определены (Марков 1910: 36 (№ 206))	Марков 1910: 36 (№ 206)
206	Боровиково, д. Псковская обл.	Псковская губ., Островский у.	Клад найден в 1889 г. близ деревни в кубышке. Вес клада – 85 зол. 24 доли. Состоял из 123 дирхемов и 34 варварских подражаний дирхемам. Древнейшая монета: Аббасиды, 141 г. х. (758 г.), Куфа. Младшая монета клада выбита в 293 г. х. (905 г.) (Марков 1910: 37–38 (№ 211)). Е. А. Пахомов сообщает о 124 дирхемах, в том числе 34 подражаниях (Пахомов 1926: 80 (№ 268))	Марков 1910: 37–38 (№ 211); Пахомов 1926: 80 (№ 268)
207	Демшино, д. Псковская обл.	Псковская губ., Новоржевский у., Туровская вол.	Клад найден в 1891 г. в деревне. Сокровище состояло из 5921 целой монеты и 827 обломков. Большинство составляли западноевропейские монеты XI в. Дирхемов найдено 240 целых и 30 обломков. Младший дирхем выбит в 404 г. х. (1013 г.) (Марков 1910: 38–39 (№ 212)). Дата сокрытия, по В. М. Потину – 1090 г. (Потин 1967: 136)	Марков 1910: 38–39 (№ 212); Пахомов 1926: 81 (№ 271); Потин 1967: 135–136 (№ 172)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
208	Крыжово, с., Псковская обл.	Псковская губ., Новоржевский у.	Денежно-вещевой клад найден в 1904 г. Несохранившиеся монеты были западноевропейскими денариями XI в. (Потин 1967: 135)	Корзухина 1954: 99–100 (№ 52); Потин 1967: 135 (№ 171)
Бассейн р. Буг				
209	Костомлоты, имение, Польша	Седлецкая губ.	В имении на левом берегу р. Буг в 1871 г. найден клад, в составе которого были куфические дирхемы и серебряные монеты Иоанна Цимисхия. Младшая из арабских монет: Саманиды, 360 г. х. (970 г.), Эндераб (Марков 1910: 45 (№ 256))	Марков 1910: 45 (№ 256)
210	Антополь, г., Беларусь, Брестская обл., Дрогичинский р-н		Клад найден в 1930 г. Имеются данные о находке свыше 200 монет. Младшая монета – 939/940 г. (Brather 2006: 140)	Kubiak 1958; Кропоткин 1971: 92 (№ 168); Грималускайте, Синчук 2004: 177; Brather 2006: 140 (№ 14)
211	Людвище, хут., Беларусь, Брестская обл., Кобринский р-н		Клад найден между городами Кобрин и Брест в 1934 г. Состоял из 651 монеты. Одна монета восточная, остальные западноевропейские. Дата сокрытия, по В. М. Потину, – 1060–1065 гг. (Потин 1967: 178–180)	Потин 1967: 179–180 (№ 368)
Днепровское Левобережье				
212	Нижние Новоселки, д., Брянская обл., Трубчевский р-н		Клад найден в 1959 г. в деревне на огороде. 142 монеты (27 целых и 97 обломков). Младшая монета: Аббасиды, ал-Мамун, Мадинат Арран, 196 г. х. (811/812 г.). Возможно, один обрезок датируется 201 г. х. (816/817 г.). (Кропоткин 1971: 79 (№ 12))	Кропоткин 1971: 79 (№ 12); Noonan 1998: 87–88 (№ 13)
213	Бобрик, д. Брянская обл., Погарский р-н		Клад куфических монет (ок. 200 экз.). Монеты не определены. Предварительно датированы IX в.	Кропоткин 1971: 78 (№ 8); Noonan 1998: 116 (№ 74)
214	Большой Кривец, д., Брянская обл., Новozyбковский р-н	Черниговская губ., Новozyбковский у.	Клад найден на поле в 1911 г. Состоял из 326 куфических монет, в том числе саманидские дирхемы Исмаила ибн Ахмада, Ахмада ибн Исмаила, Насра ибн Ахмада, Нуха ибн Насра (Кропоткин 1971: 79 (№ 9))	Кропоткин 1971: 79 (№ 9)
215	Ивановка, д. Брянская обл., Красногорский р-н		Клад куфических монет найден в 1955 г. Состоял из 50–60 монет. Определен один дирхем: Саманиды, Наср ибн Ахмад, Самарканд, 324 г. х. (935/936 г.) (Кропоткин 1971: 79 (№ 10))	Кропоткин 1971: 79 (№ 10)
Швеция, о. Готланд				
216	Хаммарс, прих. Форё		Клад найден в 1862 г. Известно 9 куфических дирхемов. Младшая монета 802/803 г.	Jonsson 1994: 456

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
217	Окес, прих. Ойа		Клад найден в 1831 г. Известно 11 куфических монет. Младшая монета выбита в 812/813 г.	Jonsson 1994: 456
218	Висбю, прих.		Клад найден в 1703 г. Известны 16 арабских и 5 сасанидских монет. Младшая монета 816/817 г.	Jonsson 1994: 456
219	Норргорда, прих. Бьорке		Клад найден в 1896 г. Известны 23 арабские и 4 сасанидские монеты. Младшая монета 818/819 г.	Jonsson 1994: 456
220	Норргорда, прих. Бьорке		Клад найден в 1904 г. Известны 62 арабских дирхема. Младшая монета 822/823 г.	Jonsson 1994: 456
221	Хейде, прих. Хейде		Клад найден в 1856 г. Известно 62 арабских дирхема и 5 сасанидских монет. Младшая монета 824/825 г.	Jonsson 1994: 456
Эстония				
222	Кохтла, г, Эстония		Клад найден в 1923 г. Состоял из более чем 500 куфических монет, целых и обломков. Определено 429 монет. Младшая монета – 223 г. (837/838 г.) (Фасмер 1926: 292 (№ 42))	Tallgren 1925: 147; Фасмер 1926: 292 (№ 42); Пахомов 1938: 76–77 (№ 625); Noonan 1977: 249–250 (№ 20)
223	Таллин, г, окрестности Эстония		Клад, находившийся в сосуде, найден в окрестностях Таллина до 1841 г. Содержал 12 куфических монет. Старшая монета: омейядский дирхем, выбитый в 716/717 г. Младшая монета датируется 942/943 г. (Noonan 1977: 248)	Марков 1910: 56 (№ 324); Noonan 1977: 248 (№ 17)
224	Таллин-1, г, Эстония		Клад, состоявший из куфических (аббасидских и саманидских), а также западноевропейских монет найден в городе в начале XIX в. Монеты не определены (Потин 1967: 110)	Марков 1910: 57 (№ 328); Потин 1967: 110 (№ 7)
225	Таллин-2, г, Эстония		Клад найден ок. города до 1842 г. Известны 14 западноевропейских монет, младшая из которых выбита в Кельне (Конрад II, 1024–1039 гг.) (Потин 1967: 111 (№ 8))	Потин 1967: 111 (№ 8)
226	Таллин-3, г, Эстония		Клад найден ок. города между 1842 и 1849 гг. Известны 4 западноевропейские монеты, младшая из которых выбита в Утрехте (еп. Вильгельм, 1054–1076 гг.) (Потин 1967: 111)	Потин 1967: 111 (№ 9)
227	Лагеди, ст, Эстония		Клад найден в 1907 г. Известны 7 западноевропейских денариев	Потин 1967: 111 (№ 11)
228	Равила, п., Эстония		Монетно-вещевой клад найден в 1839 г. В состав находки входили весы, гирьки и большое количество английских и германских монет, а также вендки. Младшая из известных монет – германский денарий, выбитый в 1056–1076 г. (Потин 1967: 111)	Потин 1967: 111 (№ 14)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
229	Ныва, п., Эстония		Клад найден в 1924 г. Известно о находке 14 западноевропейских монет. Младшая монета чеканена в Венгрии в 1046–1061 гг. (Потин 1967: 110)	Потин 1967: 110 (№ 1)
230	Койги, м., Эстония		Клад найден в начале XX в. Насчитывал 150 дирхемов. Старшая монета – омейядский дирхем, выбитый в 713/714 г. Младшая монета: саманидский дирхем, чеканенный в 954/955 г. (Noonan 1977: 250–251)	Noonan 1977: 250–251 (№ 21)
231	Пийпе, п., Эстония		Клад найден в 1863 г. на водоразделе рек бассейнов Чудского оз. и Балтийского моря. Клад состоял из 220 куфических и западноевропейских монет. Определено 169 экз. Младшая монета – Германия, Трир, архиеп. Эгильберт, 1078–1101 гг. (Потин 1967: 118)	Потин 1967: 118 (№ 71)
232	Варбола, п., Эстония		Клад из 64 немецких денариев. Не описан (Потин 1967: 111)	Потин 1967: 111 (№ 15)
233	Костивере, п., Эстония		Клад найден в 1884 г. Известно о находке 17 фрисландских денариев XI в. (Потин 1967: 111)	
234	Кехра, п., Эстония		Клад найден в 1940 г. Содержал 420 монет. 411 монет – куфические; 5 – византийские; 1 – английская и 3 германских. Младшая из западноевропейских монет – вероятно, Оттон III, 983–1002 гг. (Потин 1967: 112)	Потин 1967: 112 (№ 18)
235	Куусалу, п., Эстония		Клад найден в 1936 г. Насчитывал 452 монеты, из них 448 германских денариев, три обломка дирхемов и 1 английская монета (Потин 1967: 112)	Потин 1967: 112 (№ 19)
236	Эрра-Лиива, Кохтла-Ярве, г., Эстония		Клад найден в 1939 г. на земле хут. Кесккюла. Состоял из 128 серебряных монет, серебряной гривны и двух обломков серебряных украшений. Монеты: аббасидские и саманидские дирхемы, 2 византийских милиарисия, 2 индийские монеты. Младшая куфическая монета: Саманиды, Мансур ибн Нух, 361–364 г. х. (971/972–974/975 гг.). По мнению А. А. Быкова, датировка клада приблизительно 980 г. (Кропоткин 1971: 95 (№ 205))	Кропоткин 1971: 95 (№ 205)
237	Тарту, г., Эстония		Клад куфических монет VIII–X вв. найден в 1958 г. Всего 41 монета (Кропоткин 1971: 95 (№ 204))	Кропоткин 1971: 95 (№ 204)
238	Вааниквере, д., Эстония		Клад найден в 1930-е гг. Насчитывал 489 арабских монет, предварительно датированных X в. Монеты не определены (Noonan 1977: 251)	Noonan 1977: 251 (№ 23)
239	Ратскоф (Раади), им., Эстония	Лифляндская губ., Юрьевский у.	Клад найден ранее 1871 г. Известно о находке примерно 15 куфических монет, младшая из которых выбита в 348 г. х. (959 г.) (Марков 1910: 19)	Марков 1910: 19 (№ 103); Noonan 1977: 252 (№ 25)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
240	Ратскоф (Раади), им., Эстония	Лифляндская губ., Юрьевский у.	Клад (?) найден до 1910 г. Известно о находке саманидских дирхемов, младший из которых выбит в 952/953 г. (Марков 1910: 23)	Марков 1910: 23 (№ 133); Noonan 1977: 256 (№ 32)
241	Ратскоф (Раади), им., Эстония		Клад найден в 1911 г. Состоял из западноевропейских денариев. Известно 184 экз. Дата сокрытия, по В. М. Потину, – 1090 г. (Потин 1967: 121)	Потин 1967: 121 (№ 98)
242	Веснери (Веснерсгоф), п., Эстония		Клад найден в середине 1830-х гг. Известно о находке 9 монет: 5 западноевропейских и 4 куфических. Определена английская монета Этельреда II, 979–1016 г. (Потин 1967: 121)	Потин 1967: 121 (№ 99)
243	Вендау (Вынну), прих., Эстония	Лифляндская губ., Юрьевский у.	Денежно-вещевой клад найден в 1828 г. В двух горшках найдены куфические и англосаксонские монеты, фрагментированные кольца и янтарные бусы (Марков 1910: 19–20). Вероятно, этот же клад включен в каталог В. М. Потина под № 101. Известно ок. 20 экз. западноевропейских монет. Младшая – Фрисландия, Экберт II, 1068–1090 гг. (Потин 1967: 122)	Марков 1910: 19–20 (№ 110); Потин 1967: 122 (№ 101)
244	Аррогоф (Ару), им., Эстония	Лифляндская губ., Юрьевский у.	Клад найден в 1886 г. Насчитывал 284 монеты X–XI вв. (куфические, немецкие, вендские и англосаксонские). Дата чеканки младшего из дирхемов – 338 г. х. (950 г.) (Марков 1910: 20). Младшая из западноевропейских монет – Дания, Свен Эстридсен, 1047–1076 гг. (Потин 1967: 121)	Марков 1910: 20 (№ 112); Потин 1967: 121 (№ 95)
245	Ранну, п., Эстония		Клад найден в первой половине XIX в. на берегу оз. Выртсъярв. Известны 2 английские и 2 германские монеты. Младшая монета – Кельн, архиеп. Зигвина, 1079–1089 гг. (Потин 1967: 119)	Потин 1967: 110 (№ 84)
246	Рыngu, п., Эстония		Клад найден в 10 км к востоку от оз. Выртсъярв ранее 1842 г. Известно 11 западноевропейских монет. Младшая монета – Германия, Трир, архиеп. Поппо, 1016–1047 гг. (Потин 1967: 120)	Потин 1967: 120 (№ 87)
247	Куйгатси, п., Эстония		Клад найден в 1938 г. насчитывал 595 монет, из них – 46 английские, остальные – германские. Дата сокрытия, по В. М. Потину – XI в. (Потин 1967: 120)	Потин 1967: 120 (№ 90)
248	Сангасте, п., Эстония		Клад найден в 1890-х гг. Состоял из германских и восточных монет. Германские денарии относятся ко времени правления Оттонов, 936–1002 гг. (Потин 1967: 120)	Потин 1967: 120 (№ 91)
249	Оденпе, г., Эстония		Клад найден в 1888 г. возле города на хут. Юуура. По разным источникам насчитывал не менее 1336 или 1575 монет. Состав клада – западноевропейские (преимущественно) монеты, венди, куфические монеты. Младшая монета – Льеж, еп. Отберт, 1092–117 гг. (Потин 1967: 120, 121)	Марков 1910: 17 (№ 94); Потин 1967: 120–121 (№ 93)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
250	Кирумпе, п., Эстония		Клад найден в 1832 г. Известно 12 западноевропейских монет. Младшая – Дания, Гартекнут, 1035–1024 гг. (Потин 1967: 120)	Потин 1967: 120 (№ 88)
251	Варроль, им., Эстония	Лифляндская губ., Юрьевский у.	Клад, находившийся в горшке, обнаружен в 1846 г. Определены три куфические монеты. Младшая из них чеканена в 966/967 г. (Noonan 1977: 251)	Марков 1910: 20 (№ 114); Noonan 1977: 251 (№ 22)
252	Соотага, п., Эстония		Клад (?) найден в 1884 г. Известно 9 монет: Англия – 3, Византия – 1, куфические монеты – 5 (Потин 1967: 118)	Потин 1967: 118 (№ 76)
253	Левала, п., Эстония		Клад найден в 1937 г. Известно 38 монет, в числе которых 8 английских денариев, 11 германских монет, 1 византийская монета, 18 дирхемов (Потин 1967: 118)	Потин 1967: 118 (№ 77)
254	Алатскиви, п., Эстония		Клад западноевропейских монет найден в 1894 г. Известны 33 монеты. Младшая монета – Англия, Вильгельм I, 1066–1087 гг. (Потин 1967: 119)	Потин 1967: 119 (№ 82)
255	Кайавере, п., Эстония		Клад найден в 1894 г. между озерами Кайавере и Элиствере. В глиняном горшке находились 363 западноевропейские монеты. Определены 12 монет. Дата сокрытия, по В. М. Потину – не ранее 1030 г. (Потин 1967: 119)	Потин 1967: 119 (№ 78)
256	Ряпизе, п., Эстония		Денежно-вещевой клад найден в 1870 г. Состоял из западноевропейских денариев и куфических монет. Определены 39 монет. Младшая из них – Германия, Генрих VIII, 1053–1056 гг. (Потин 1967: 119)	Потин 1967: 119 (№ 80)
257	Тыйквере, п., Эстония		Клад найден в 1844 г. Известно 14 западноевропейских монет. Имеются сведения о наличии в кладе «польских монет». Младшая монета: Германия, Майнц, архиеп. Вецило, 1084–1088 гг. (Потин 1967: 119)	Потин 1967: 119 (№ 81)
258	Эзель (Сааремаа), о., прих. Вольде, Эстония		Клад найден ок. 1922 г. Насчитывал 36 арабских монет. Сохранилось 13 монет: 2 аббасидских дирхема и 11 саманидских. Младшая монета выбита в 323 г. х. (935 г.) (Фасмер 1926: 292 (№ 44))	Фасмер 1926: 292(№ 44); Noonan 1977: 255 (№ 29)
259	Ряяги, п., о. Сааремаа, Эстония		Денежно-вещевой клад найден в 1932 г. Состоял из 108 монет, 2 четырехугольных монетных пластинок и 4 кусков серебряных слитков. Англия – 32 монеты, Германия – 54, Византия – 2, куфические монеты – 20 (Потин 1967: 114 (№ 43)). Еще 107 монет относятся к этому кладу предположительно (Потин 1967: 114 (№ 40)). Дата сокрытия клада, по В. М. Потину, – ок. 1000–1005 гг.	Потин 1967: 114 (№ 40, 43)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
260	Лемальснэзе, м., о. Сааремаа, Эстония		Клад найден в 1840-е гг. в стеклянном сосуде. Насчитывал более 234 монет. Англия – 8, Германия – 19, Византия – 7, куфические монеты – более 200. Дата сокрытия клада предположительно отнесена В. М. Потиным к 1015 г. (Потин 1867: 115)	Марков 1910: 22 (№ 124); Потин 1967: 115 (№ 44)
261	Аренсбург, г. Эстония	Лифляндская губ.	Клад (?) найден в городе. Известно о находке трех монет, младшая из которых – саманидский дирхем, выбитый в 344 г. х. (955 г.) (Марков 1910: 19)	Марков 1910: 19 (№ 104)
262	Кихельконна, п., Эстония		Клад найден в 1864 г. Известно 11 экз. монет: 8 германских денариев и 3 куфические монеты. Дата сокрытия клада, по В. М. Потину, – конец X в. (Потин 1967: 114)	Потин 1967: 114 (№ 37)
263	Люманда, п., Эстония		Клад найден в 1889 г. Известно 18 монет: Англия – 5, Германия – 12, одна куфическая монета (Потин 1967: 114)	Потин 1967: 114 (№ 39)
264	Карлос, о., Эстония, окрестности Таллина		Клад найден в 1926 г. Насчитывал 113 монет, в том числе куфические, византийские и западноевропейские. Время сокрытия ок. 1015 г. (Фасмер 1926: 292 (№ 45))	Фасмер 1926: 292 (№ 45); Потин 1967: 110 (№ 6)
265	Фридрихсхоф, м., Эстония	Прих. Кегель, окр. Харриен	Клад найден в 1913 г. Заключал 312 целых и 603 обломка куфических монет и 7 серебряных браслетов. Датировка младшей монеты колеблется в пределах 340–343 г. х. (951–955 гг.) (Пахомов 1938: 77 (№ 627))	Пахомов 1938: 77 (№ 627); Кропоткин 1971: 94 (№ 202); Noonan 1977: 246–248 (№ 15, 16)
266	Кейла, г., Эстония		Клад найден в 1924 г. Состоял из 51 монеты. В состав клада входили как куфические, так и западноевропейские монеты. Младшая куфическая монета выбита в 964/965 г. Младшая из западноевропейских монет – Италия, Верона, Оттон I, 963–973 гг. (Потин 1967: 110)	Потин 1967: 110 (№ 3)
267	Ваабина, Вырусский р-н, Эстония		Денежно-вещевой клад найден в 1936 г. на берегу оз. Ханни. Включал 374 серебряные монеты, серебряную пластинку и фрагмент серебряного украшения. Среди монет – 205 дирхемов, 264 западноевропейские, 4 византийские и одна индийская. Младшая восточная монета клада выбита в 404 г. х. (1013/1014 г.) (Кропоткин 1971: 94). Младшая западноевропейская монета – Германия, Аугсбург, еп. Бруно, 1006–1029 гг. Дата сокрытия клада, по В. М. Потину, – 1011 г. (Потин 1967: 120)	Потин 1967: 120 (№ 91); Кропоткин 1971: 94 (№ 201)
268	Паункюла, Харьюсский р-н, Эстония		Денежно-вещевой клад найден в 1959 г. Известна сасанидская монета, 94 дирхема, 5 западноевропейских денариев, 14 византийских милиарисиев. Все монеты, кроме одной, с ушками (Кропоткин 1971: 94)	Кропоткин 1971: 94 (№ 203); Noonan 1977: 248 (№ 18)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
269	Кунде 1, г., Эстония	Прих. Махольм	Клад найден в 1885 г. Известно о 9 дирхемах. Младшая монета выбита в 334 г. х. (945/946 г.) (Пахомов 1938: 77)	Пахомов 1938: 77 (№ 626); Noonan 1977: 256 (№ 31)
270	Кунде 2, г., Эстония		Клад найден в 1894 г. ок. города. Насчитывал 126 монет – куфических и западноевропейских. Младшая из западноевропейских монет – Англия, Канут, 1016–1035 гг. (Потин 1967: 112)	Потин 1967: 112 (№ 24)
271	Люггенгузен, п., Эстония		Клад найден в 1897 г. Известно 15 монет, из которых 12 – денарии времени Оттонов (936–1002 гг.) и 3 куфические монеты (Потин 1967: 113)	Потин 1967: 113 (№ 31)
272	Йыхви, г., Эстония		Клад найден в 1903 г. Состоял из 525 монет. Из них 1 византийская (Константин VII, 912–959 гг.), 7 куфических. Остальные – западноевропейские. Младшая монета – Чехия (Вратислав II, 1061–1092 гг.) (Потин 1967: 114)	Потин 1967: 114 (№ 36)
273	Арка, п., Эстония		Клад найден в 1874 г. в коробке из бересты. Состоял из 805 монет: 787 – Германия, 17 – Англия, 1 – куфическая монета (Потин 1967: 112)	Потин 1967: 112 (№ 26)
274	Везенбергский у., Эстония, Раквереский р-н		Клад найден в 1881 г. Известно 196 или 199 целых и фрагментированных западноевропейских монет. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1060 г. (Потин 1967: 113)	Потин 1967: 113 (№ 29)
275	Керсель, м., Эстония		Денежно-вещевой клад найден в 1910 г. Известно 210 западноевропейских монет. Младшая монета – Англия, Вильгельм I, 1066–1087 гг. (Потин 1967: 113)	Потин 1967: 113 (№ 30)
276	Вихула, п., Эстония		Клад найден до 1930-х гг. Насчитывал 125 монет, из них 33 дирхема и 92 германских денария (Потин 1967: 112)	Потин 1967: 112 (№ 23)
277	Кавасту, Эстония	Эстляндская губ., Везенбургский окр.	Клад найден в 1882 г. Насчитывал ок. 1000 куфических монет. Младшая монета выбита в 359 г. х. (969/970 г.) (Марков 1910: 56)	Марков 1910: 56 (№ 323); Noonan 1977: 249 (№ 19)
278	Пейт, м., Эстония	Эстляндская губ., Везенбургский окр.	Клад найден в 1906 г. в глиняном кувшине. Известно о находке 158 монет, в числе которых были византийские, англосаксонские, немецкие и куфические, а также болгарские. Младшие монеты – 976–1025 (византийские), 995–1024 (немецкие). Самая младшая из куфических монет выбита в 391 г. х. (1000/1001 г.) (Пахомов 1938: 77–78). По мнению В. М. Потина, клад зарыт в 1005–1010 гг. (Потин 1967: 113)	Пахомов 1938: 77–78 (№ 628); Потин 1967: 112–113 (№ 27)
279	Пярну, г., окрестности Эстония		Клад, из которого известно 10 монет. Из них 9 аббасидских дирхемов и одна окаялидская монета 990 г. (Марков 1910: 22)	Марков 1910: 22 (№ 123); Пахомов 1926: 77 (№ 255)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
280	Оберпален (Пылтсамаа), м., Эстония		Клад английских и куфических монет найден в 1839 г. в двух горшках. Известно 18 дирхемов. Младшая монета выбита в 380 г. х. (1000 г.) (Марков 1910: 22, 23)	Марков 1910: 22–23 (№ 128); Потин 1967: 118 (№ 72)
281	Пылтсамаа, м., Эстония		Клад найден в 1939 г. Насчитывал ок. 500 куфических монет. Дирхемы не определены (Noonan 1977: 254–255)	Noonan 1977: 254–255 (№ 27)
282	Максоф, им., Эстония	Лифляндская губ. Юрьевский у.	Клад найден в 1878 г. в 16 верстах к западу от Юрьева (Тарту). Клад состоял примерно из 200 целых и фрагментированных куфических монет. Младшая монета клада датируется 947/948 г. (Марков 1910: 17–18)	Марков 1910: 17–18 (№ 98); Noonan 1977: 253 (№ 26)
283	Нью, п., Эстония		Клад найден ранее 1842 г. Известно 10 западно-европейских монет. Младшая монета – Венгрия, Саломон, 1063–1075 г. (Потин 1967: 121)	Потин 1967: 121 (№ 94)
284	Пейпус (Чудское), оз., Эстония	Лифляндская губ.	Клад найден на берегу Чудского оз. в 1885 г. Насчитывал ок. 60 восточных монет. Всего из клада известны: 2 омейядские монеты, 55 аббасидских дирхемов, два подражания аббасидским монетам, две монеты Тахиридов и одна идрисидская монета. Младшая монета клада выбита в 861/862 г. (Марков 1910: 18)	Марков 1910: 18 (№ 99); Noonan 1977: 255 (№ 30)
285	Выипсу, п., Эстония	Лифляндская губ.	Клад найден в 1878 г. на берегу реки близ ее впадения в Чудское озеро. Известно о находке 75 куфических монет (часть – с ушками), 12 англосаксонских монет, 43 немецких. Младшая из куфических монет выбита в 988 г. (Марков 1910: 18). Младшая из западноевропейских монет – Германия, Люнебург, 1011–1059 гг. (Потин 1967: 122)	Марков 1910: 18 (№ 101); Потин 1967: 122 (№ 104)
286	Ряпина, п., Эстония		Клад найден в 1935 г. Известно о находке 162 западноевропейских монет. Младшая монета – Англия, Вильгельм I, 1066–1087 гг. (Потин 1967: 122)	Потин 1967: 122 (№ 105)
287	Лихула, п., Эстония		Комплекс найден в 1924 г. в погребении. Состоял из 4 саманидских дирхемов, византийского милиарисия Константина VII и Романа II, выбитого в 945–959 гг., и серебряной подвески готландского типа с филигранью. Младшая восточная монета датируется 913/914 г. (Noonan 1977: 255)	Noonan 1977: 255 (№ 28)
288	Вигала, п., Эстония		Клад найден до начала 1930-х гг. Состоял из 78 западноевропейских монет. Датирован В. М. Потиным 1080 г. (Потин 1967: 116)	Потин 1967: 116 (№ 57)
289	Оявере, п., Эстония		Денежно-вещевой клад найден в 1813 г. в п. Оявере близ п. Вигала. Состоял из «серебряных колец», куфических монет и западноевропейских денариев (Потин 1967: 116)	Потин 1967: 116 (№ 58)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
290	Оявере, п., Эстония		Клад западноевропейских монет найден ок. 1843 г. на городище Соонтагана. Известны 16 монет. Младшая монета – Венгрия, Андрей, 1046–1061 гг. (Потин 1967: 116)	Потин 1967: 116 (№ 59)
291	Пыыравере, п., Эстония		Клад найден в 1850 г. Состоял из 70 монет, среди которых – Англия – 32, Германия – 33, Дания – 2, Швеция – 1. Восточных монет найдено две (1 санидская и 1 куфическая). Младшая монета – Англия, Вильгельм II, 1087–1100 гг. (Потин 1967: 117)	Потин 1967: 117 (№ 62)
292	Иммакюла, ст. Эстония		Клад найден в 1895 г. на р. Навести, левом притоке р. Пярну близ Олуствере. Известно о находке 76 монет. 36 из них куфические (младшая монета – 999 г.), остальные – западноевропейские. Младшая монета – Германия, Аугсбург, еп. Бруно, 1006–1029 гг. (Потин 1967: 117)	Потин 1967: 117 (№ 65)
293	Кабала, п., Эстония		Клад западноевропейских монет найден в 1912 г. в д. Вахамулла. Определены 11 монет. Младшая монета – Германия, Вормс, Генрих III, 1039–1056 гг. (Потин 1967: 118)	Потин 1967: 118 (№ 68)
294	Лыхавере, п., Эстония		Клад найден в 1936 г. Состоял из 211 западноевропейских (преимущественно германских) монет X–XI вв. (Потин 1967: 117).	Потин 1967: 117 (№ 66)
295	Карузе, ст., Эстония		Клад найден близ м. Эвриси (Ервис) в 1685 г. Состоял из куфических монет и западноевропейских денариев. Младшая из известных монет – Германия, Конрад II, 1024–1039 гг. (Потин 1967: 116)	Марков 1910: 55 (№ 317); Потин 1967: 116 (№ 55)
296	Вёлля, м., Эстония	Лифляндская губ. Перновский у.	Клад найден в 1903 г. Е. А. Пахомов сообщает о 136 западноевропейских, 123 византийских и 39 куфических монетах и подражаниях последним. Младшая из известных монет – милиарисий Константина XI и Василия II (976–1025 гг.) (Пахомов 1926: 77–78). Согласно данным А. М. Тальгрена, клад состоял примерно из 900 монет, треть из которых составляли куфические, треть немецкие и треть византийские монеты (Tallgren 1925: 148)	Фасмер 1926: 291 (№ 39); Пахомов 1926: 77–78 (№ 257); Tallgren 1925: 148; Потин 1967: 116 (№ 60)
297	Ууэ-Варбла, п., Эстония		Клад найден в 1885 г. Насчитывал не менее 164 западноевропейских монет. Младшая из известных монет: Германия, Герман Люксембургский, 1081–1088 гг.) (Потин 1967: 116)	Потин 1967: 116 (№ 56)

Приладожье и Восточная Финляндия

298	Лодейное Поле 1, г., Ленинградская обл., Лодейно-польский р-н		Клад найден близ города в 1878 г. Состоял из англосаксонских, французских и куфических монет (11 фунтов серебра). Первоначально датирован XI в. (Пахомов 1926: 79 (№ 265)). По мнению В. М. Потина, клад зарыт в 1105 г. (Потин 1967: 149)	Пахомов 1926: 79 (№ 265); Потин 1967: 146–149 (№ 218)
-----	---	--	--	---

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
299	Лодейное Поле 2, г, Ленинградская обл., Лодейно-польский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 1929 г. Известно о находке 258 западноевропейских монет и 2 «сердцевидных украшений». Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1085 г. (Потин 1967: 149, 150)	Потин 1967: 149–150 (№ 219)
300	Лодейное Поле 3, г, Ленинградская обл., Лодейно-польский р-н		Денежно-вещевой клад найден в 1949 г. Вес клада 3,5 кг. Состоял из 2871 монеты, преимущественно германской. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1095 г. (Потин 1967: 152)	Потин 1967: 150–152 (№ 220)
301	Свирьстрой 1, п., Ленинградская обл., Лодейно-польский р-н		Клад найден в 1933 г. Состоял из 19 монет: 17 западноевропейских и 2 куфических. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1040 г. (Потин 1967: 152)	Потин 1967: 152 (№ 221)
302	Свирьстрой 2, п., Ленинградская обл., Лодейно-польский р-н		Клад найден в 1940 г. Состоял из 264 монет. Из них – 235 – куфические, остальные – западноевропейские. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1015–1020 г. (Потин 1967: 152)	Потин 1967: 152 (№ 222)
303	Шириничи, д., Ленинградская обл., Лодейно-польский р-н		Клад найден в 1886 и 1887 гг. в деревне. Известно о находке 213 западноевропейских (германских за единственным исключением) монет. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1070 г. (Потин 1967: 146)	Потин 1967: 146 (№ 217)
304	Колголема, д., Ленинградская обл.		Клад найден в 1960 г. в медном котле. Насчитывал примерно 5,5 – 6 тыс. западноевропейских монет. Дата сокрытия – вторая половина XI в. (Потин 1967: 155)	Потин 1967: 155–156 (№ 229)
305	Вихмязь, д., Ленинградская обл.		Денежно-вещевой клад найден в 1934 г. Клад находился в бронзовом котле и насчитывал 13 398 монет, преимущественно западноевропейских. На долю куфических монет пришлось 53 экз. Дата сокрытия клада, по В. М. Потину – ок. 1090 г. (Потин 1967: 155)	Потин 1967: 153–155 (№ 228)
306	Вещево, п., Ленинградская обл.		Клад найден в 1877 г. Известно 69 германских денариев. Младшая монета – Экберт II, 1068–1090 гг. (Потин 1967: 158, 159).	Потин 1967: 158–159 (№ 254)
307	Куркиёки, п.		Клад найден в 1866 г. Из многих сотен монет известно 75 экз., преимущественно западноевропейских. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1070 г. (Потин 1967: 160)	Потин 1967: 160 (№ 258)

№	Административная принадлежность		Описание комплекса	Литература и архивные материалы
	В настоящее время	В момент находки		
308	Сосново 1, п., Ленинградская обл.		Клад найден в 1832 г. в прих. Рауту. Содержал ок. 20 монет. Из них 9 дирхемов, остальные – западноевропейские. Младшая из куфических монет относится к 1008 г. (Марков 1910: 59)	Марков 1910: 58–59 (№ 6); Потин 1967: 159 (№ 256)
309	Сосново 2, п., Ленинградская обл.		Денежно-вещевой клад найден в 1922 г. Известно 479 монет, преимущественно западно-европейских. Дата сокрытия, по В. М. Потину – ок. 1075 г. (Потин 1967: 159–160)	Потин 1967: 159–160 (№ 257)

Дополнения

310	Мшага, п. Новгородская обл., Шимский р-н		Клад куфических монет найден в р-не дд. Мшага Воскресенская и Мшага Ямская в 2016 г. Содержал около 20-30 монет. Определено 17 экз. Младшая из известных монет выбита в 825/826 г. (Гомзин 2017: 101).	Гомзин 2017: 95–104
311	Белый, г. (Обша, р.) Тверская обл.		Клад найден в 2011 г. в 25 км от г. Белый на берегу р. Обша. Собрано 116 целых дирхемов, 141 обломок, 3 византийских милиарисия и 13 западно-европейских денариев. Клад датирован первым десятилетием XI в. (Лебедев и др.: 2012: 47).	Лебедев и др. 2012
312	Кингисепп, г. Ленинградская обл.		Клад найден в 2011 г. к востоку от города. Содержал 181 целый диржем, около 200 обломков и 34 западноевропейских денария. Клад датируется началом XI в. (Лебедев и др. 2012: 47).	Лебедев и др. 2012

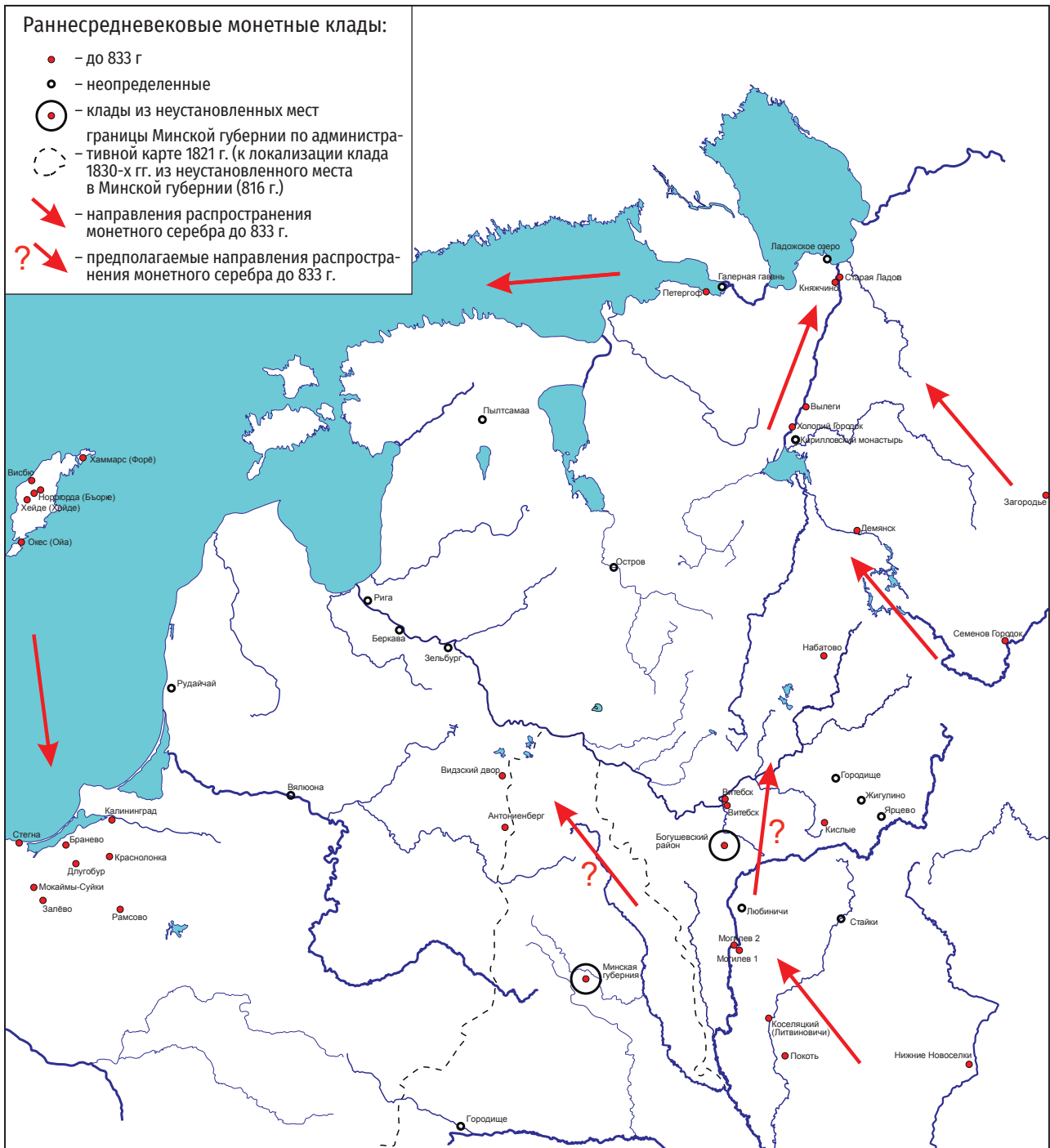

Рис. 54. Динамика сокрытия монетных кладов в бассейне Западной Двины – Даугавы и на сопредельных территориях до 833 г. Клады Готланда даны за период до 825 г. (Jonsson 1994)

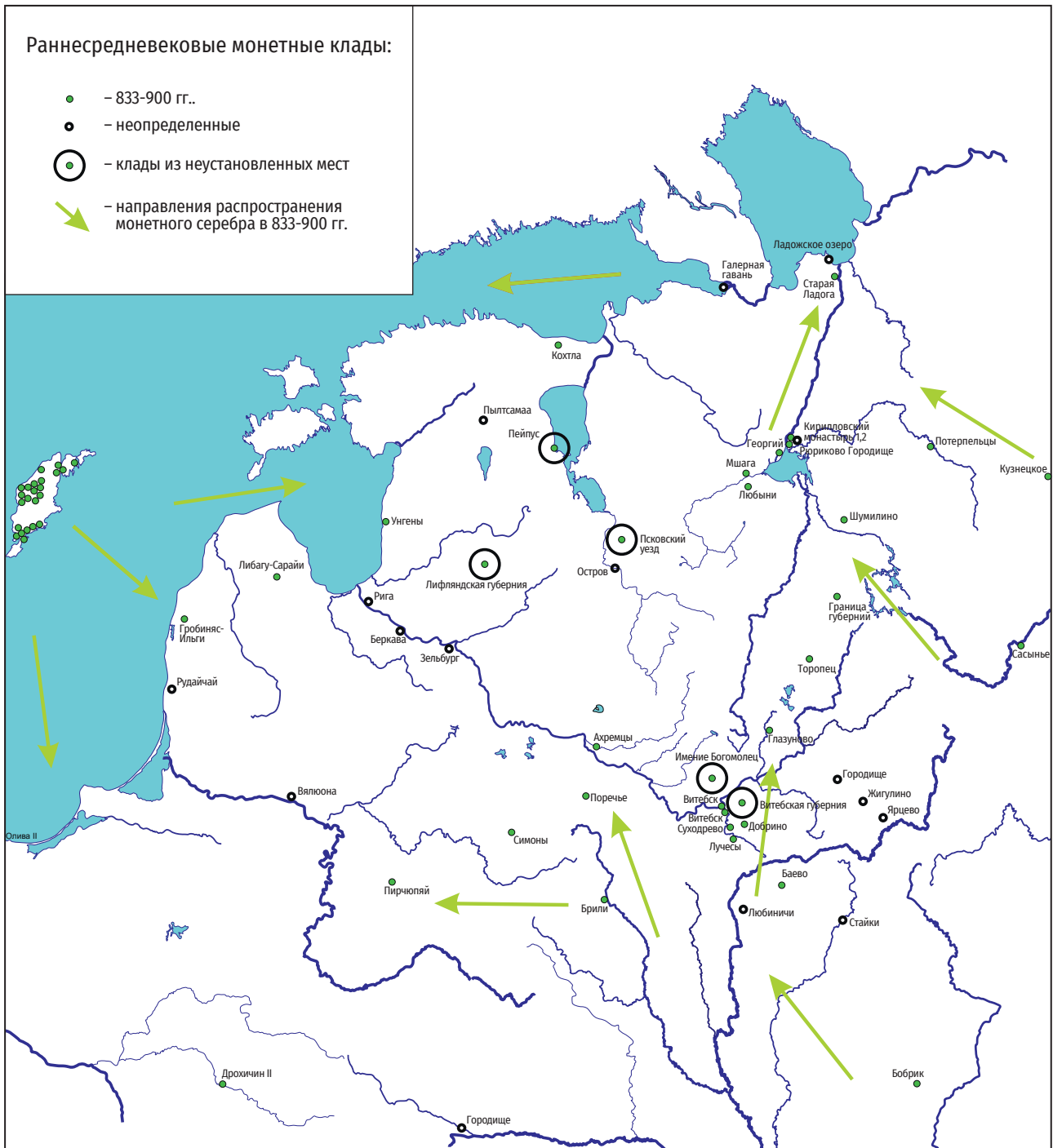

Рис. 55. Динамика сокрытия монетных кладов в бассейне Западной Двины – Даугавы на сопредельных территориях в IX в. (после 833 г.). Клады Готланда показаны за период 850-899 гг. (Jonsson, Östergren 1990: fig. 3)

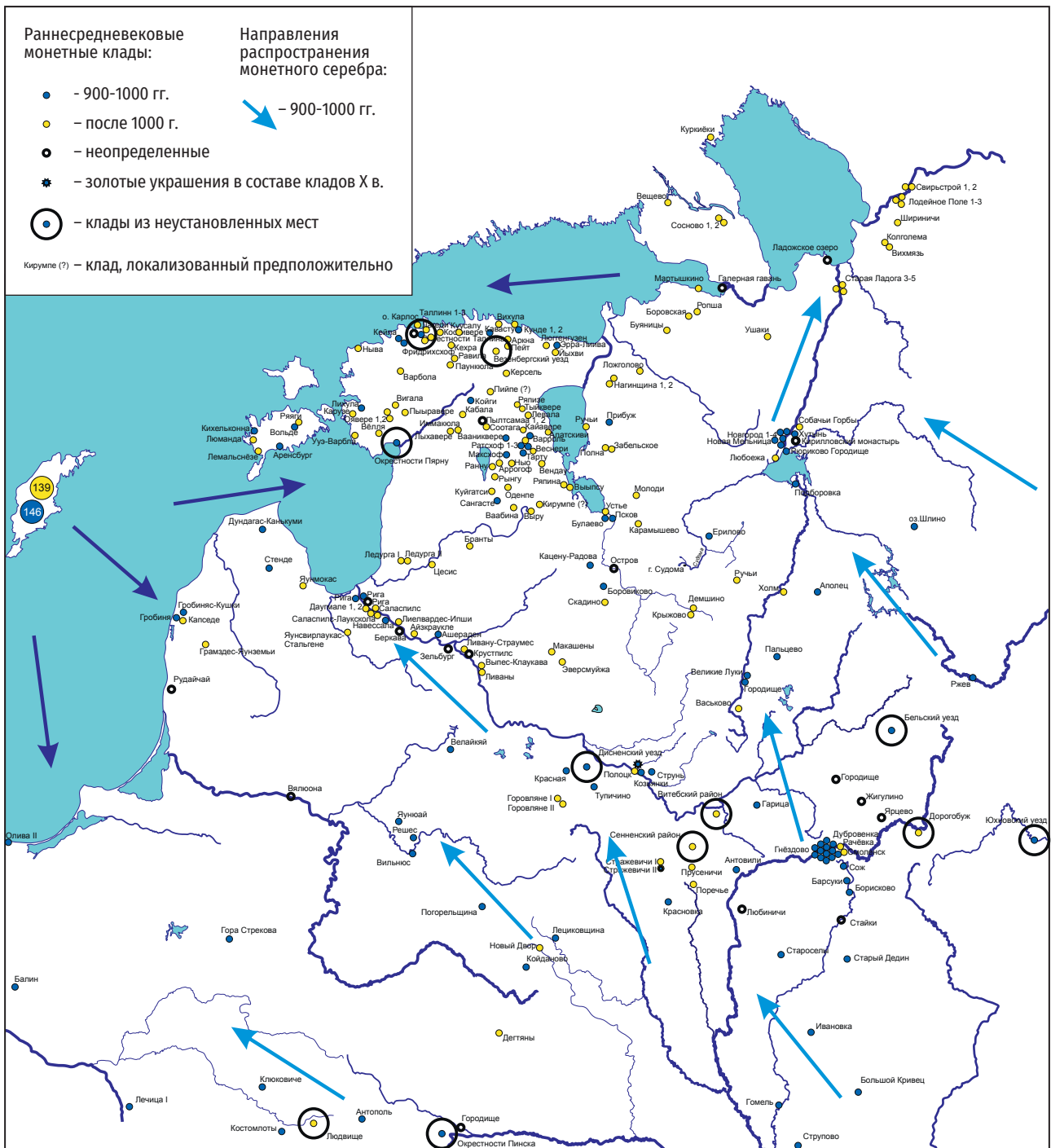
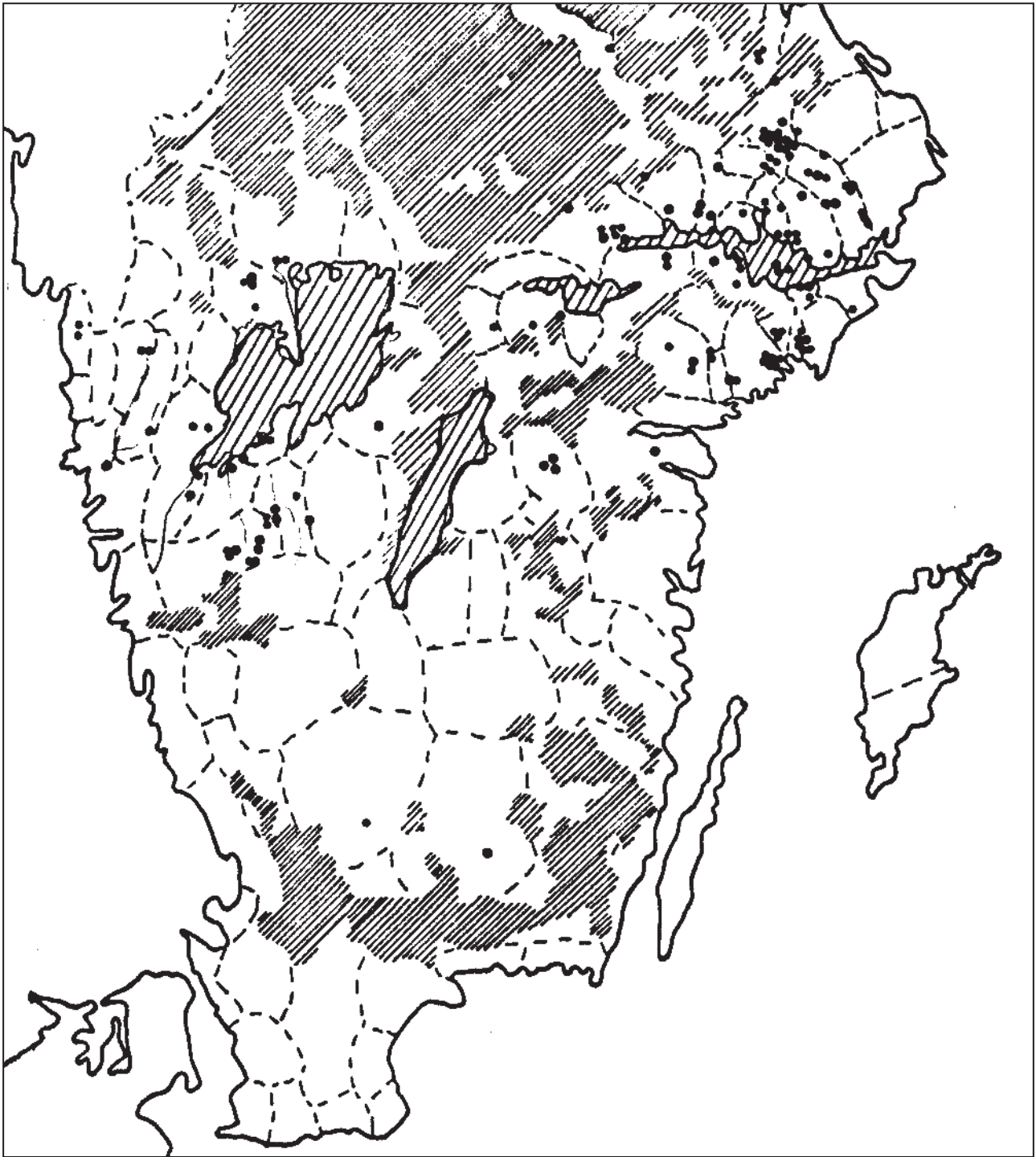
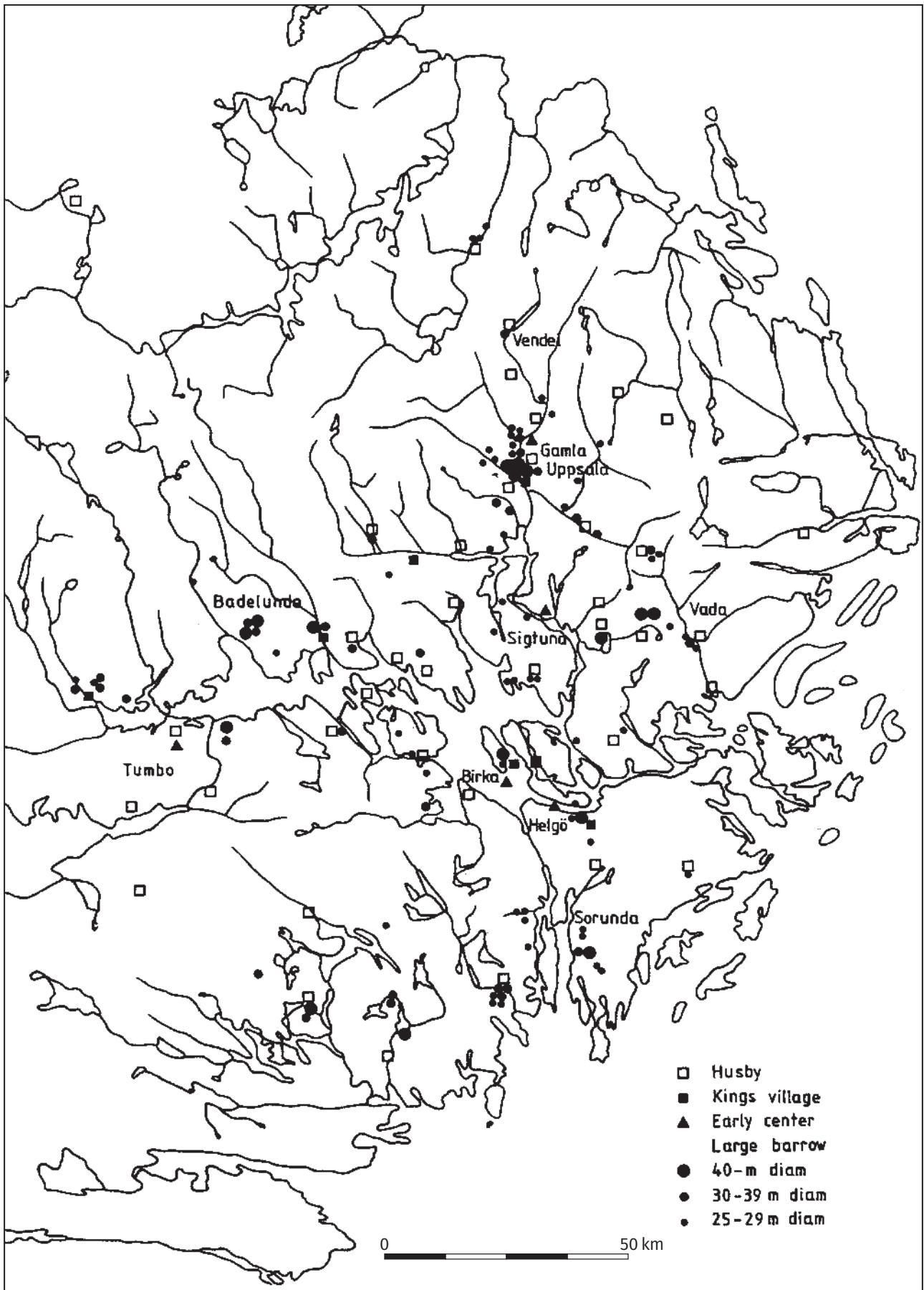

Рис. 56. Динамика сокрытия монетных кладов в бассейне Западной Двины – Даугавы на сопредельных территориях в X–XI вв. Клады Готланда подсчитаны суммарно (Jonsson, Östergren 1990: fig. 3). Клады на территории Польши показаны на период до 970 г. (Brather 2006)

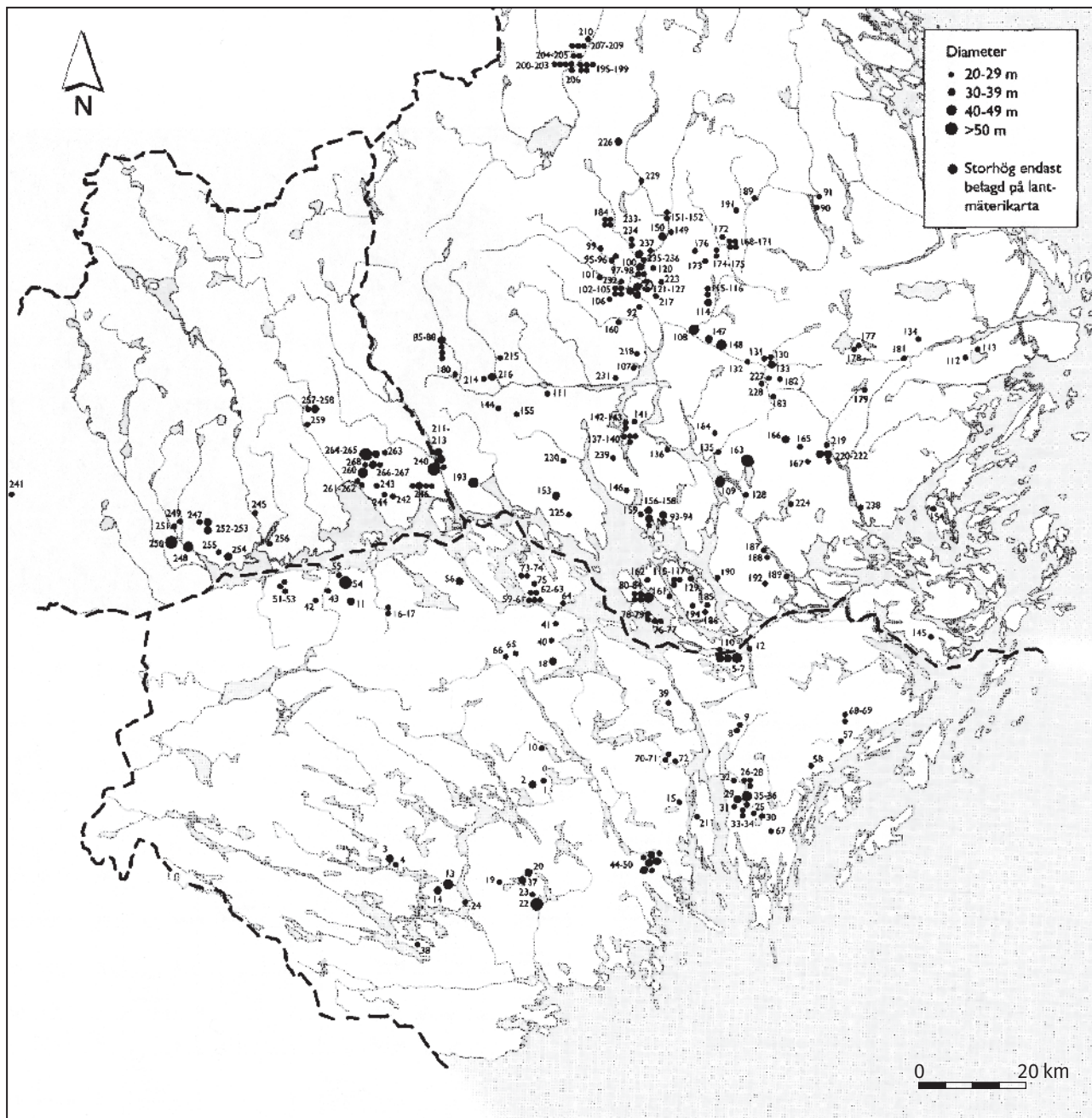
Иллюстрации к разделу 6.1

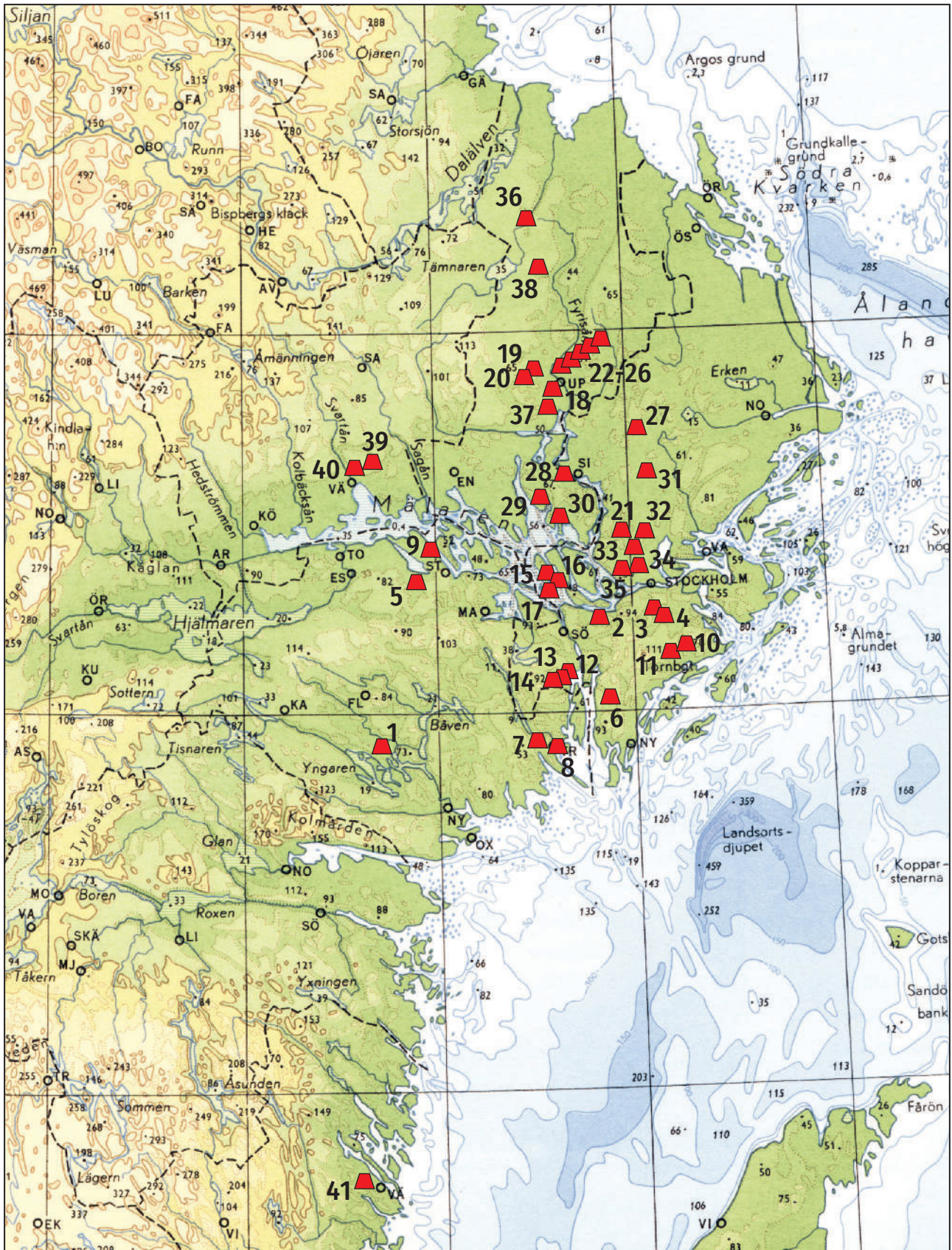
Ил. 1. Распространение больших курганов в Средней и Южной Швеции (Hyenstrand 1989)

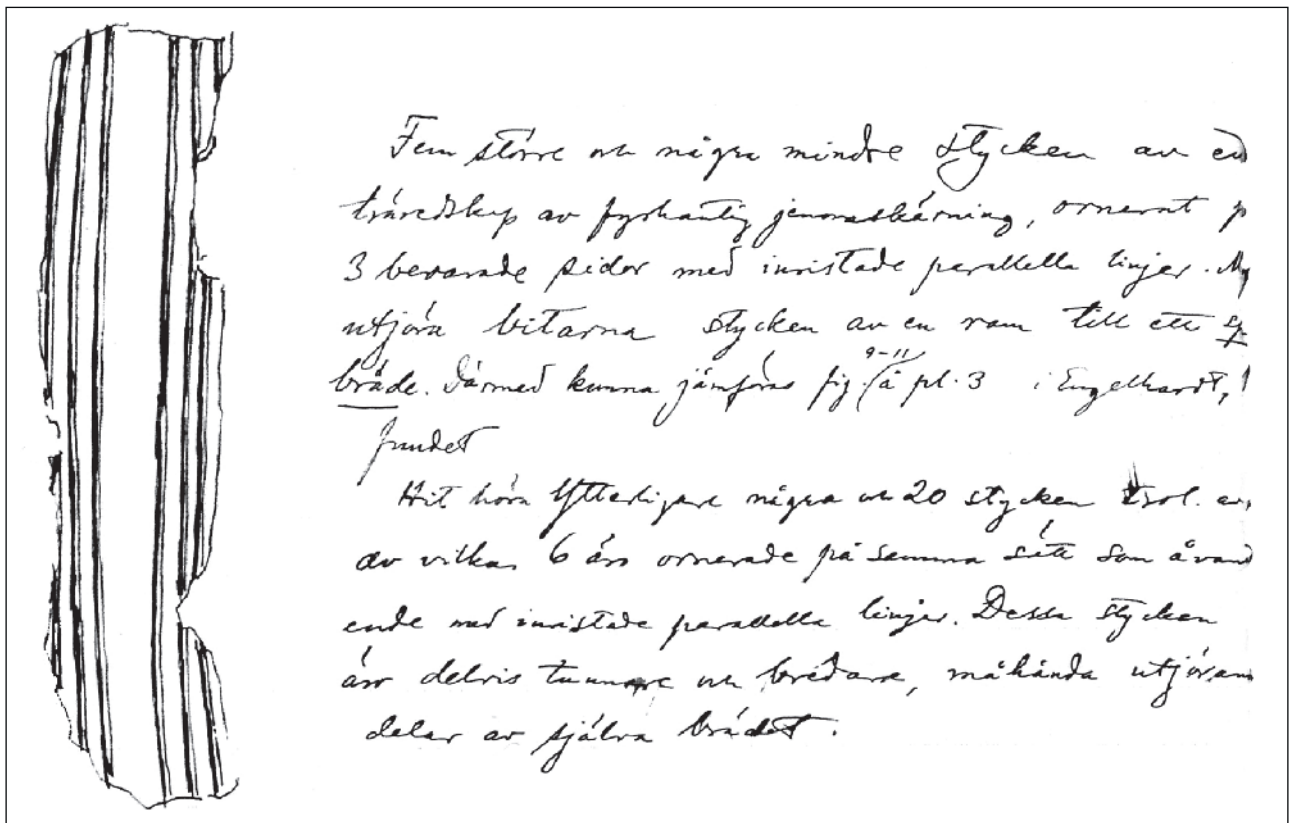
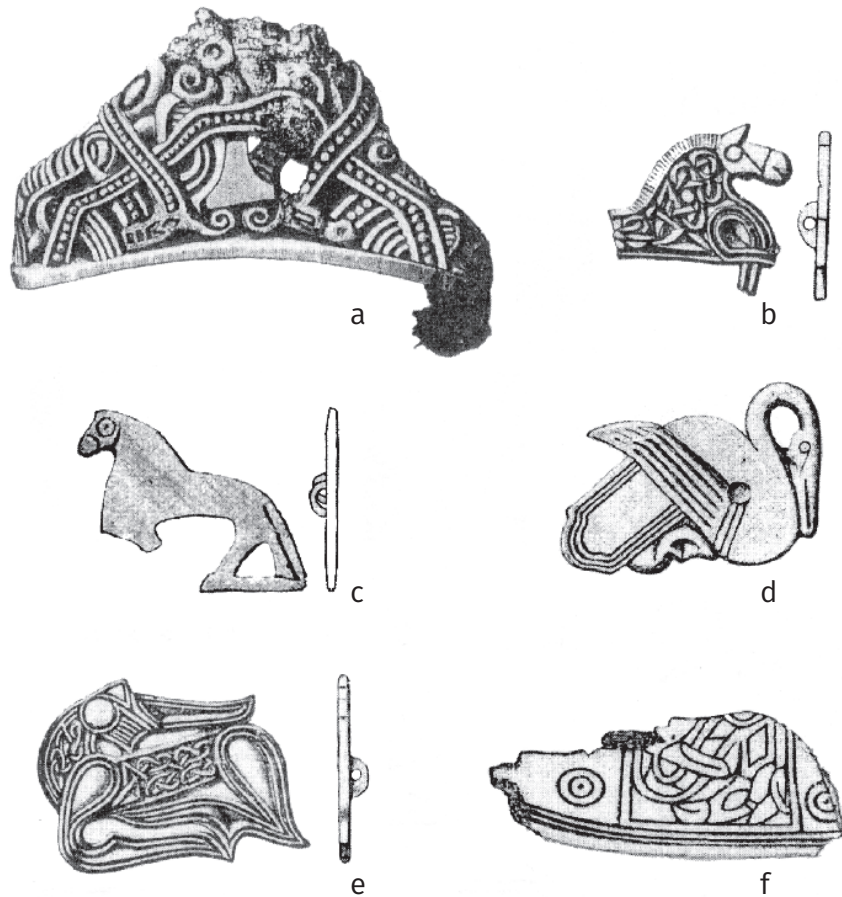
Ил. 2. Большие курганы в окрестностях оз. Меларен (Huyenstrand 1981)

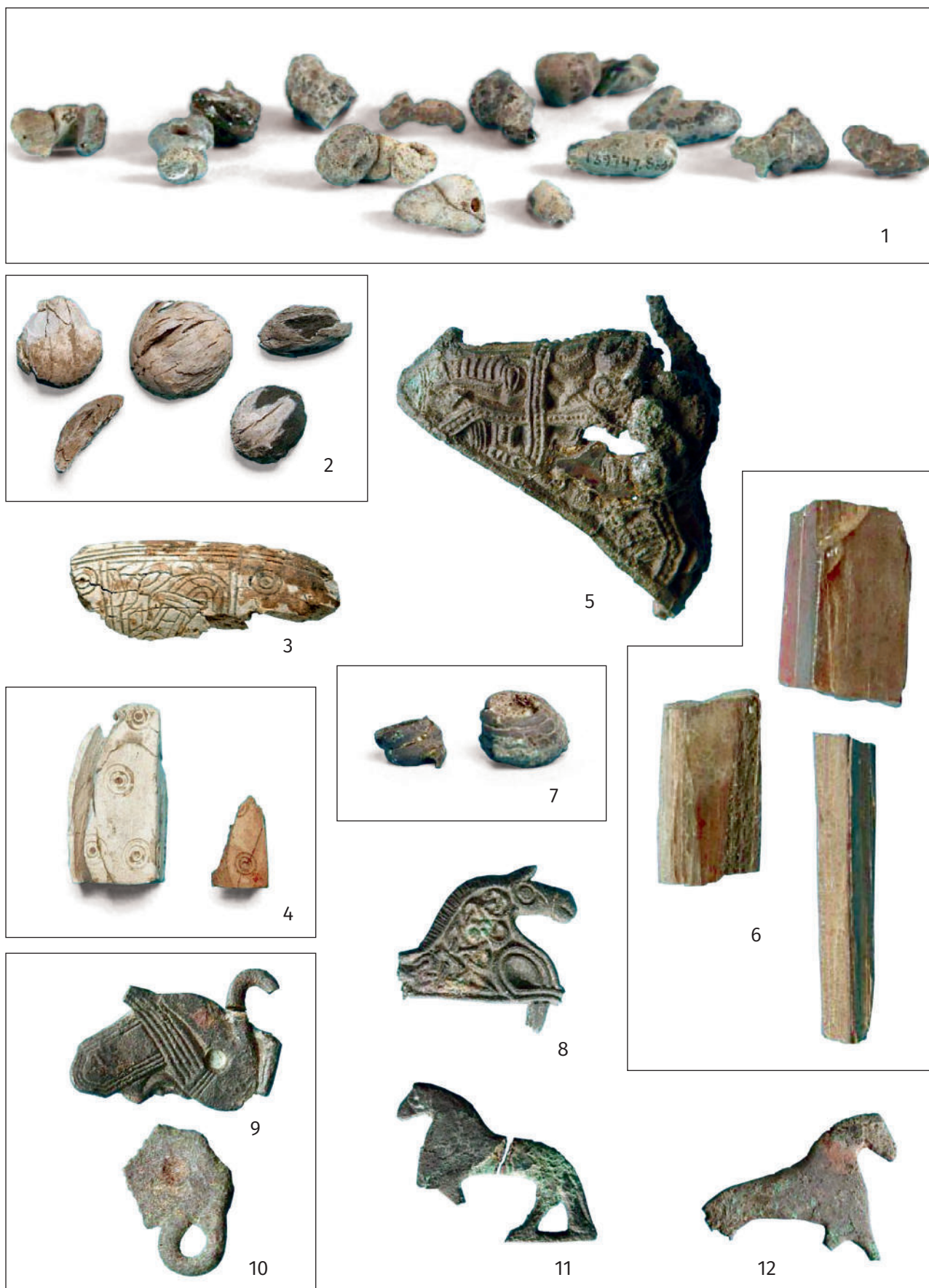
Ил. 3. Большие курганы в Вестманланде, Сёдерманланде и Упланде (Bratt 2008)

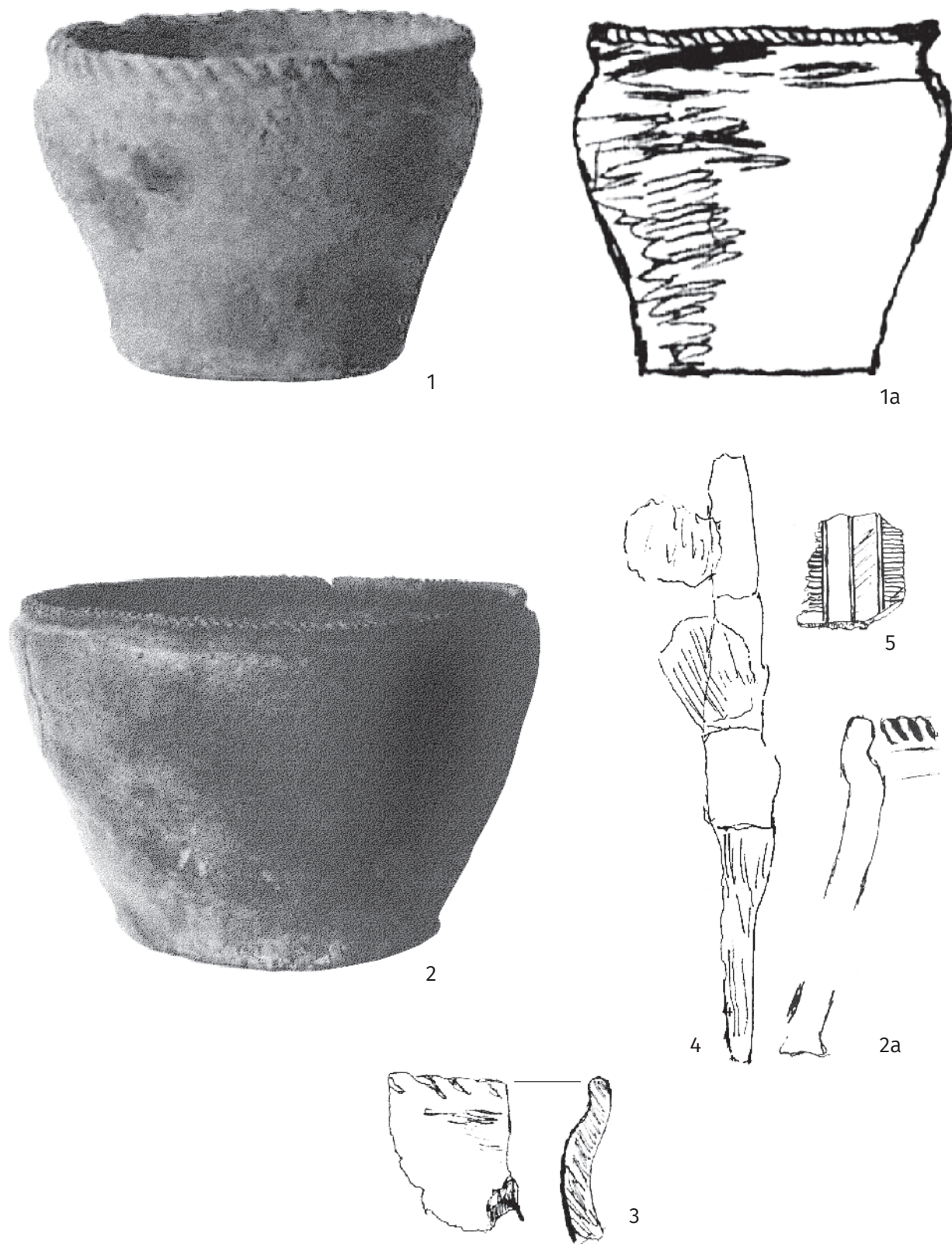
Ил. 4. Расположение исследованных раскопками курганных насыпей Средней Швеции упоминаемых в табл. 50

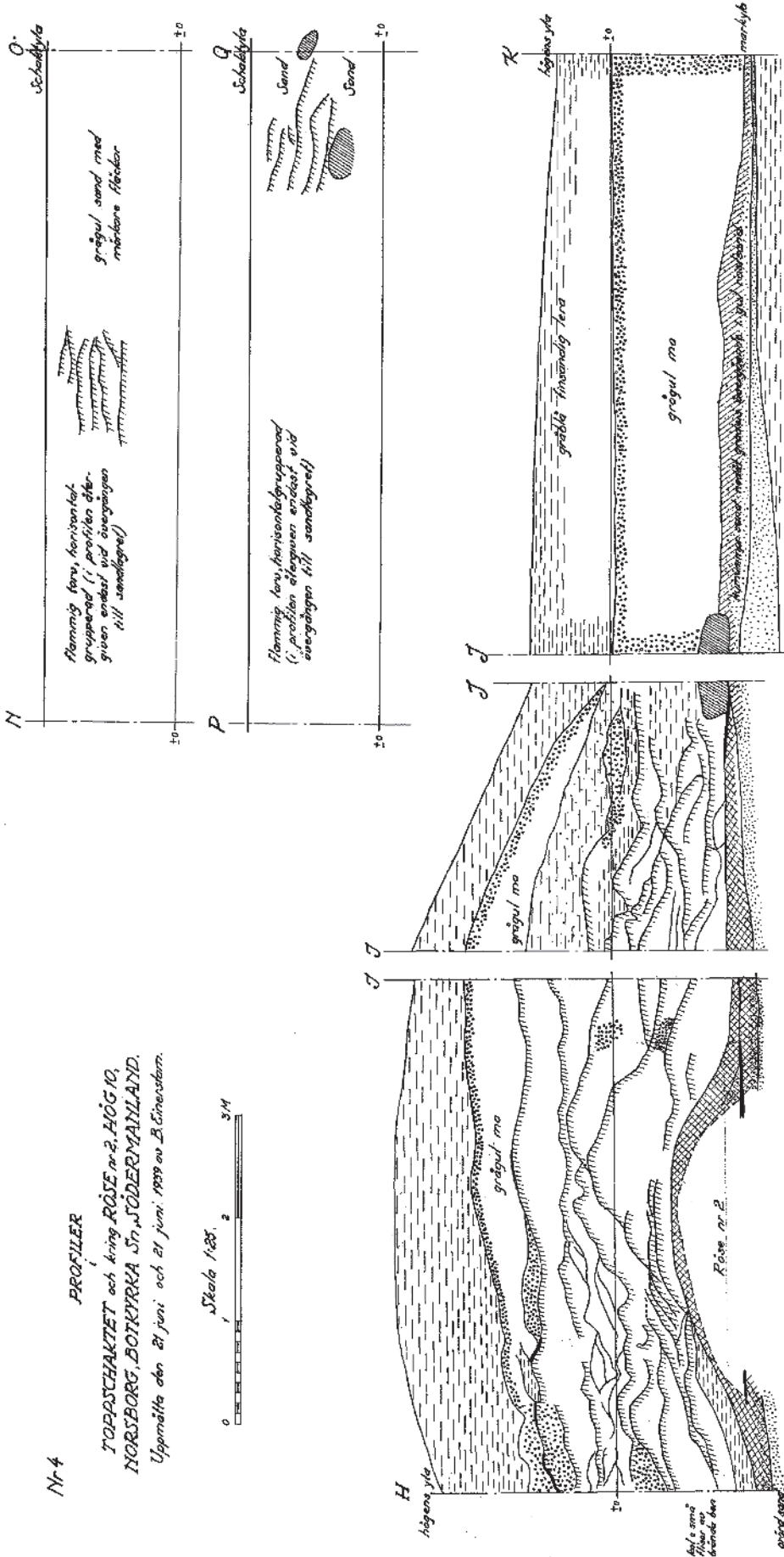
Ил. 5. Лёта, курган 7 (Löta, Bettna sn, Sö., RAÄ 152, A7). Находки (Bratt 2008). Внизу – рисунок из архивной картотеки (SHM)

Ил. 6. Лёта, курган 7 (Löta, Bettna sn, Sö., RAÄ 152, A7). Фотографии находок с сайта Исторического музея в Стокгольме (SHM 13974). Без масштаба

Ил. 7. Лёта, курган 14 (Löta, Bettna sn, Sö., RAÄ 152, A14). Лепные сосуды и находки из погребения. Фотографии и рисунки находок с сайта Исторического музея в Стокгольме (SHM 13974). Без масштаба

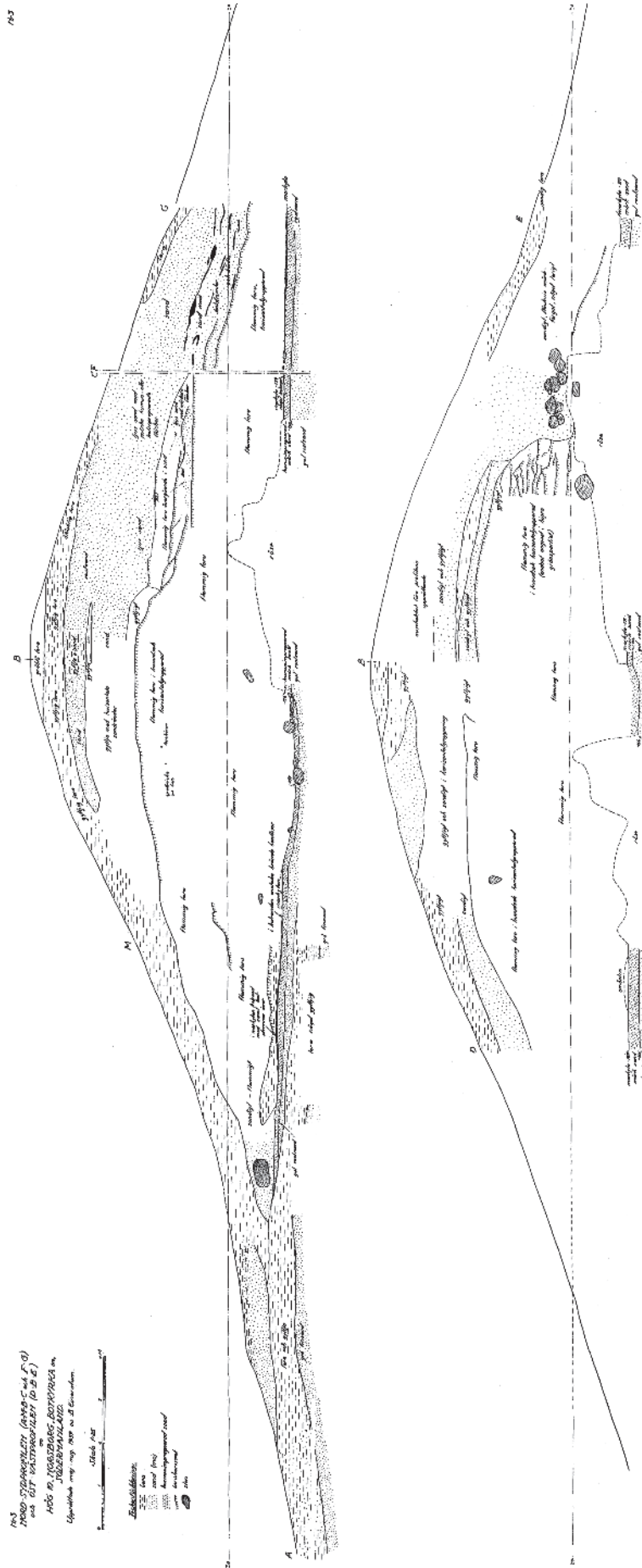
Prof. J. J. Vid J-815 och därutöver är det huvudsakligen glacialera med en del av annan en måttlig vara alltså uppåt övergående i fjälländ. 865 till 815 grågul blå pastigiallera med rostfärd, mjukt övergående i 845 till 765 med ett mjukt övergående i grågul mo. 184 till 145 fm, med låg, rostig glimmerrik litoränad, vara översta del Röse nr 2 om måttligt starkt kalkig och humusrik. Humusrikheten är och var efter vegetation. 85-114 sten.

Prof. J. J. Vid J-815 och därutöver är det huvudsakligen glacialera med en del av annan en måttlig vara alltså uppåt övergående i fjälländ. 865 till 815 grågul blå pastigiallera med rostfärd, mjukt övergående i 845 till 765 med ett mjukt övergående i grågul mo. 184 till 145 fm, med låg, rostig glimmerrik litoränad, vara översta del Röse nr 2 om måttligt starkt kalkig och humusrik. Humusrikheten är och var efter vegetation. 85-114 sten.

- Teckenförklaring:
- lera
 - sand (mo)
 - humusimpregnerad sand
 - grågul mo
 - redovisat finsand
 - sten
 - kolbädd

K. G. E.

Ил. 10. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10) (Åberg A-1939)

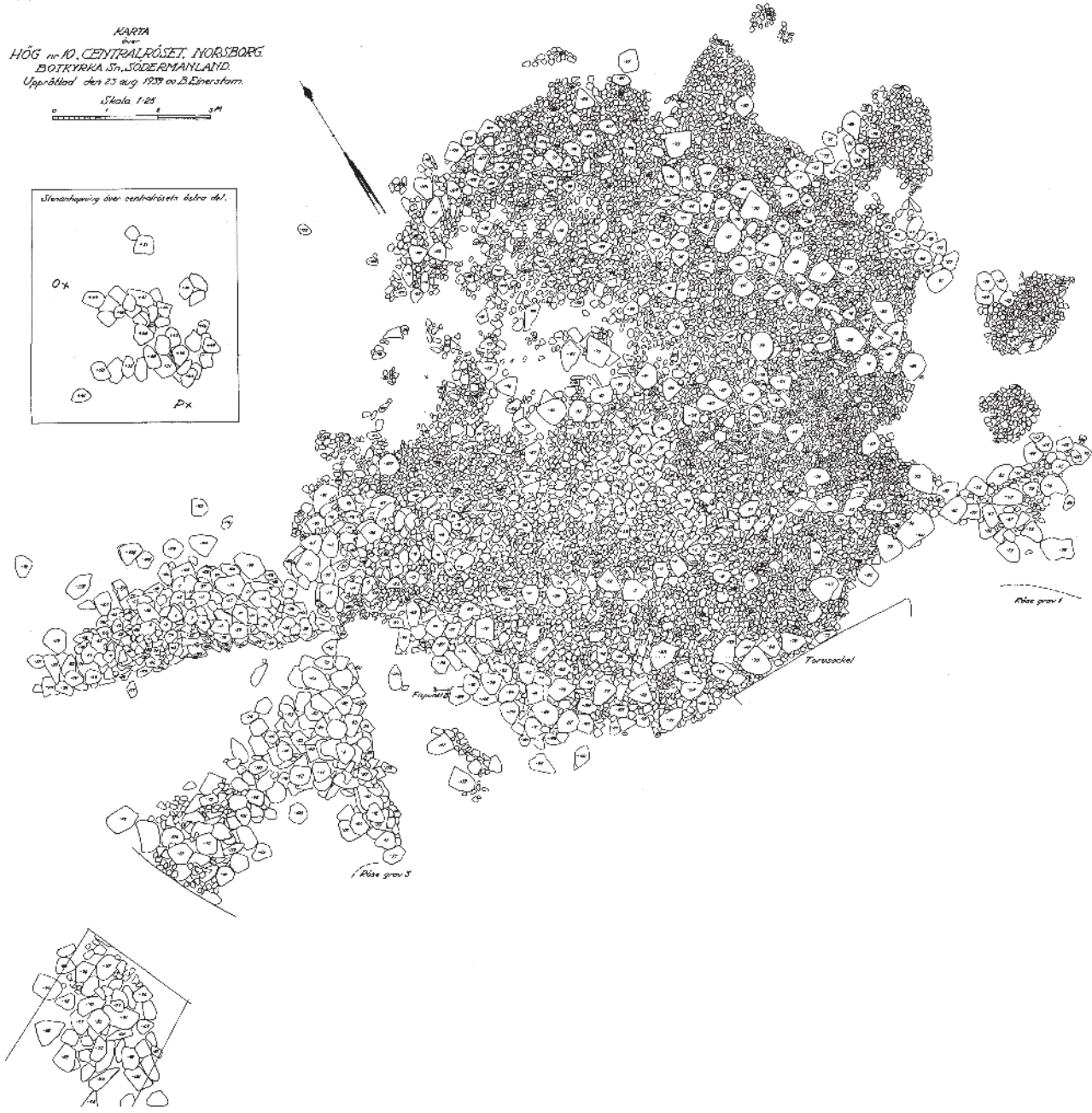
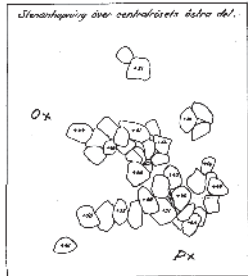
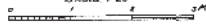

Ил. 11. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Votkurka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Профили насыпи (Åberg A-1939)

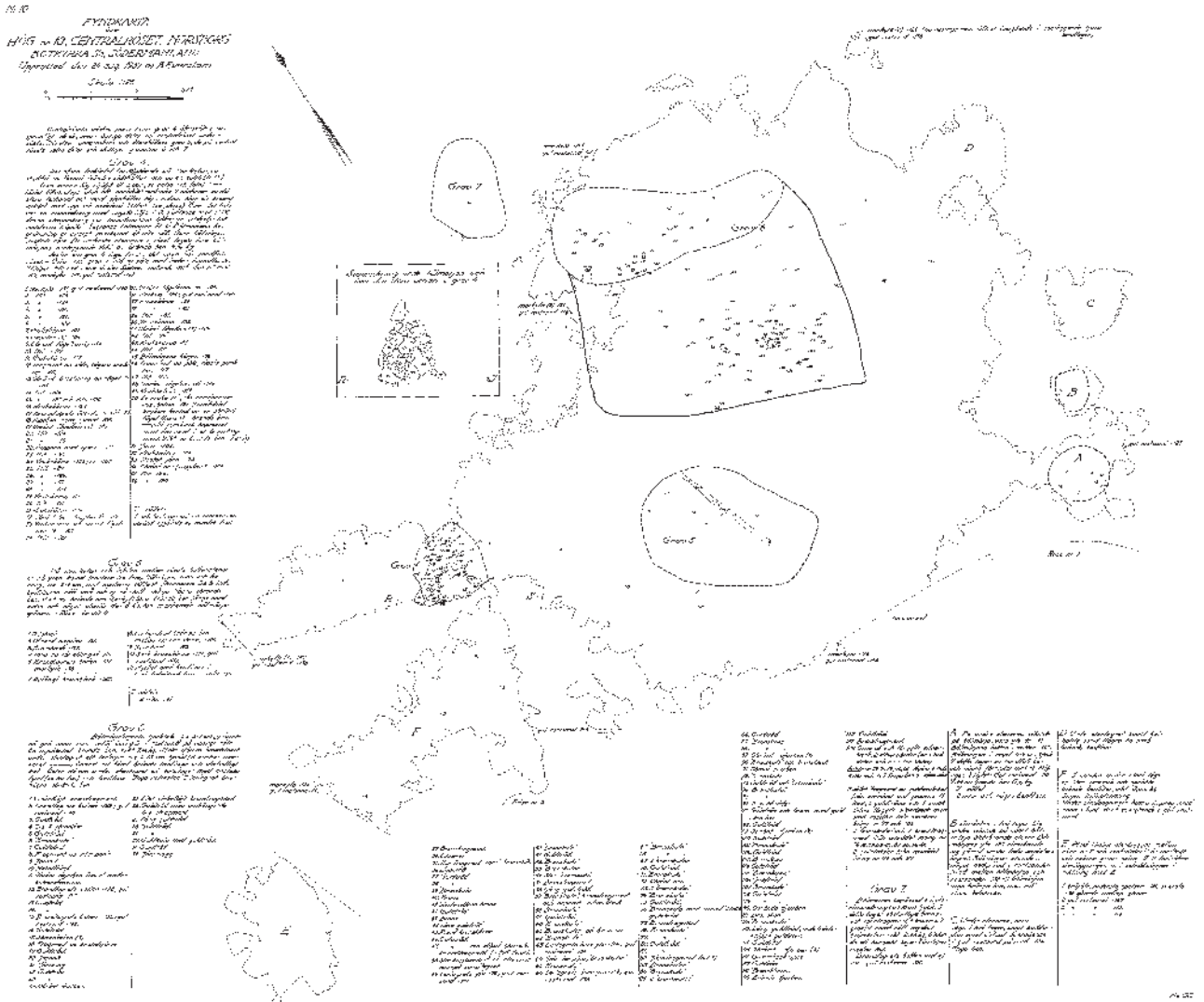
№ 9

№ 9

KARTA
 HÖG nr 10, CENTRALRÖSET, NORSBORG,
 BOTKYRKA Sn, SÖDERMANLAND.
 Upprättad den 23 aug 1939 av B. Einarstam.
 Skala 1:25

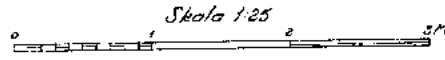
Ил. 12. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Каменные конструкции (Åberg A-1939)

Ил. 13. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Топография находок (Åberg A-1939)

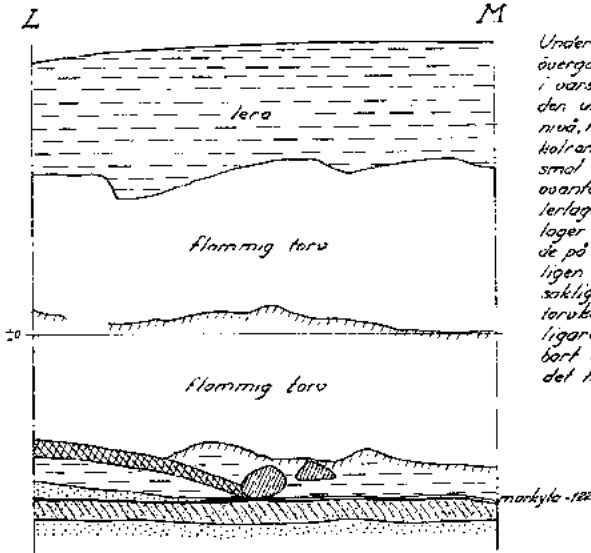
Nr 5

PROFILER
kring
RÖSE nr 3, NORSBORG,
BOTKYRKA SN, SÖDERMANLAND
Upprättade den 28 juni 1939 av B. Sinnerstom.

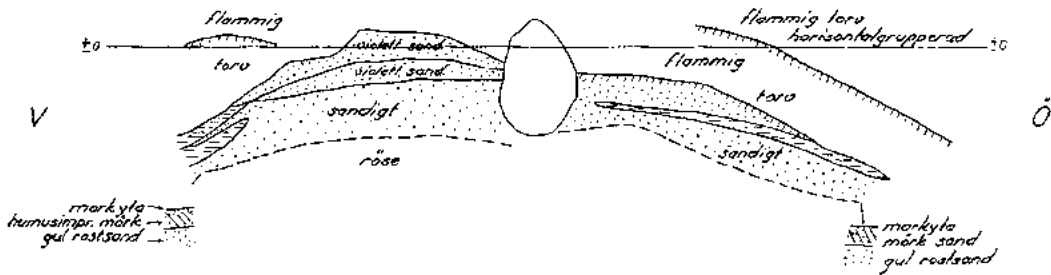
Testentförklaring:

- ≡≡≡ lera
- ⋯⋯⋯ sand (mörk)
- ▨▨▨ humusimpregnerad sand
- ▩▩▩ rödviollett finsand
- ||||| torvhorisont
- sten

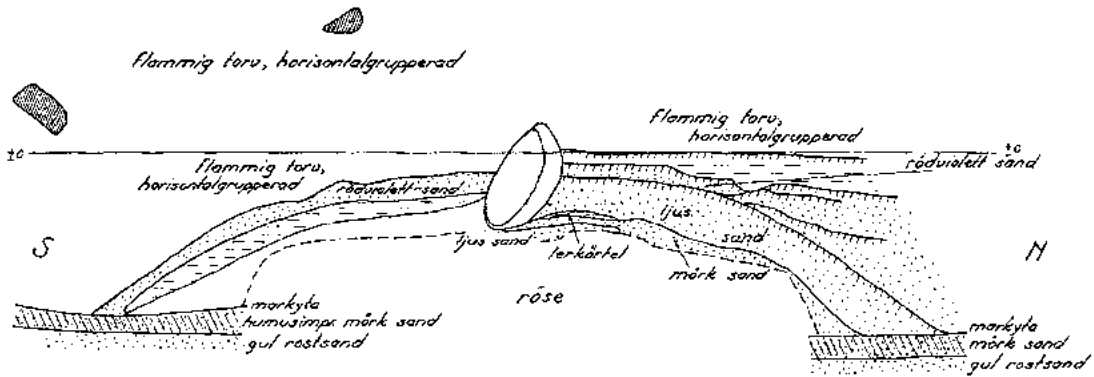

Underst fin rostig glimmerrik litoralsand diffust övergående i humusimpregnerad mörkförgad sand, i vars övre del en kolrand löper, vid M fällt under den ursprungliga markytan, vid L på ungefär samma nivå, men med ett såväl lager över. Under stenarna kolrand, brända benfilisar och tydlig grästora. Vid M smäl torvrand på den ursprungliga markytan. Vid L ovanför kolranden med mitten utbländ sand och lerlager, tillhörande manteln kring röset. Över detta lager ett smalt skikt brunviollett sand, ej fortsättande på andra sidan stenarna. Därövan värlager ett förmågen homogent ganska sandigt grästorvlag. Huvudsakligen i horisontalgruppering. I detta lager smärre torvkärklar samt obetydliga lerlinser. En av de tydligare torvhorisonterna samt en torvhorisont omedelbart över stenarna äro inlagda i profilen. Över det hela en lerkappa.

Öst-Väst-sektion

Nord-Syd-sektion

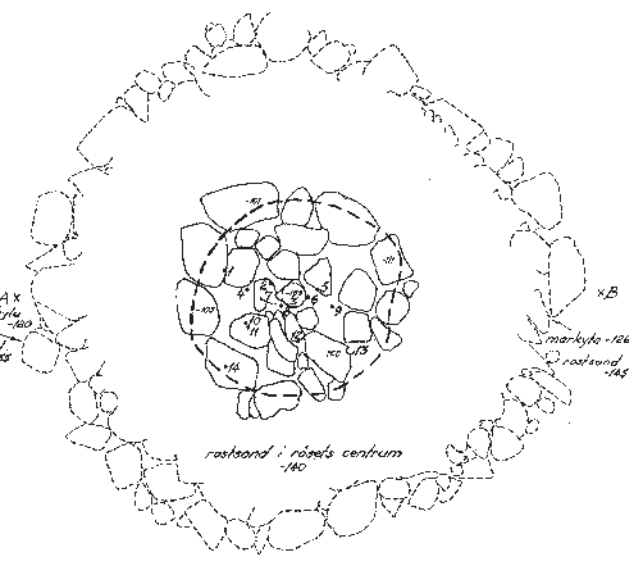
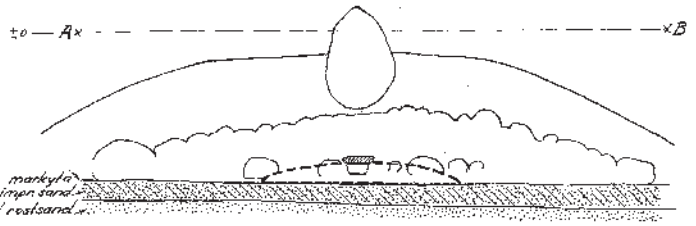
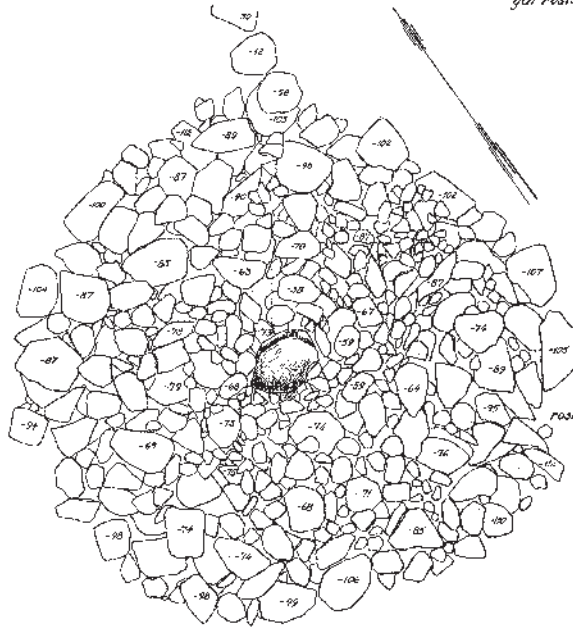
Kop GE

Ил. 14. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Каменная выкладка № 3. Разрезы (Åberg A-1939)

Nr 8

KARTA
öfver
HÖG 10, röse nr 3, NORSBORG,
BOTKYRKA Sn, SÖDERMANLAND.
Upprättad den 3 juli 1939 av B. Einerstäm.

Skala 1:25
0 1 2 3 M

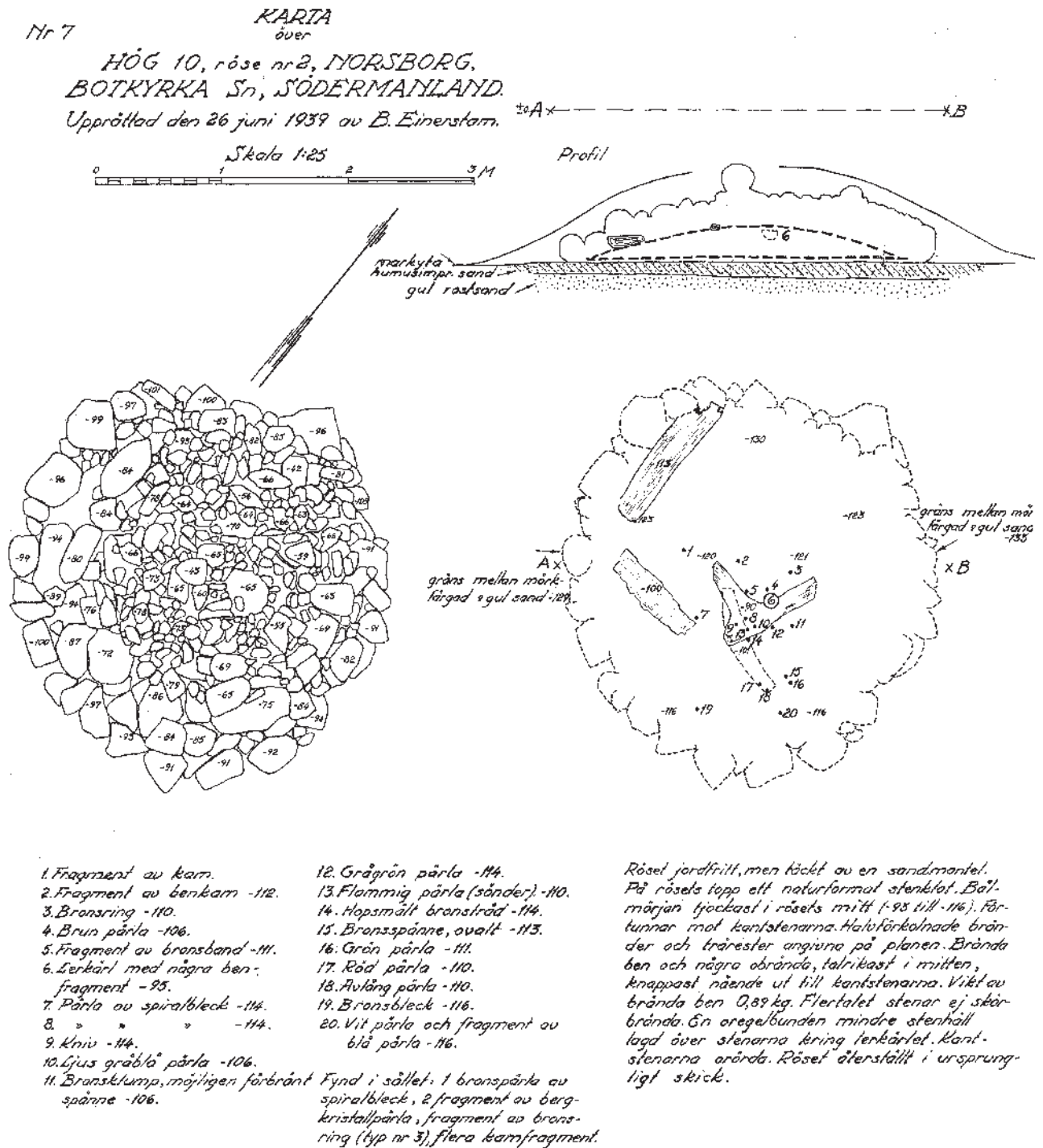

1. Järnbit -121
 2. Järnfragment
 3. Lerkärl -116
 4. Brynsten, skadad -119
 5. Järnkrampa
 6. Järnklin (2) -119
 7. Rygggrad av fisk, obränd -116
 8. Järnsöjervarn (?) -116
 9. Järn, sönderrostad -124
 10. Järn, sönderrostad -124
 11. Färdoljade brödkukur, runda, platta -124
 12. Röd pärla -123
 13. Rygggrad och småben av obränd fisk
 14. Järnbit, vinkelbörd
- Spärddes fragment av karn med fodral.

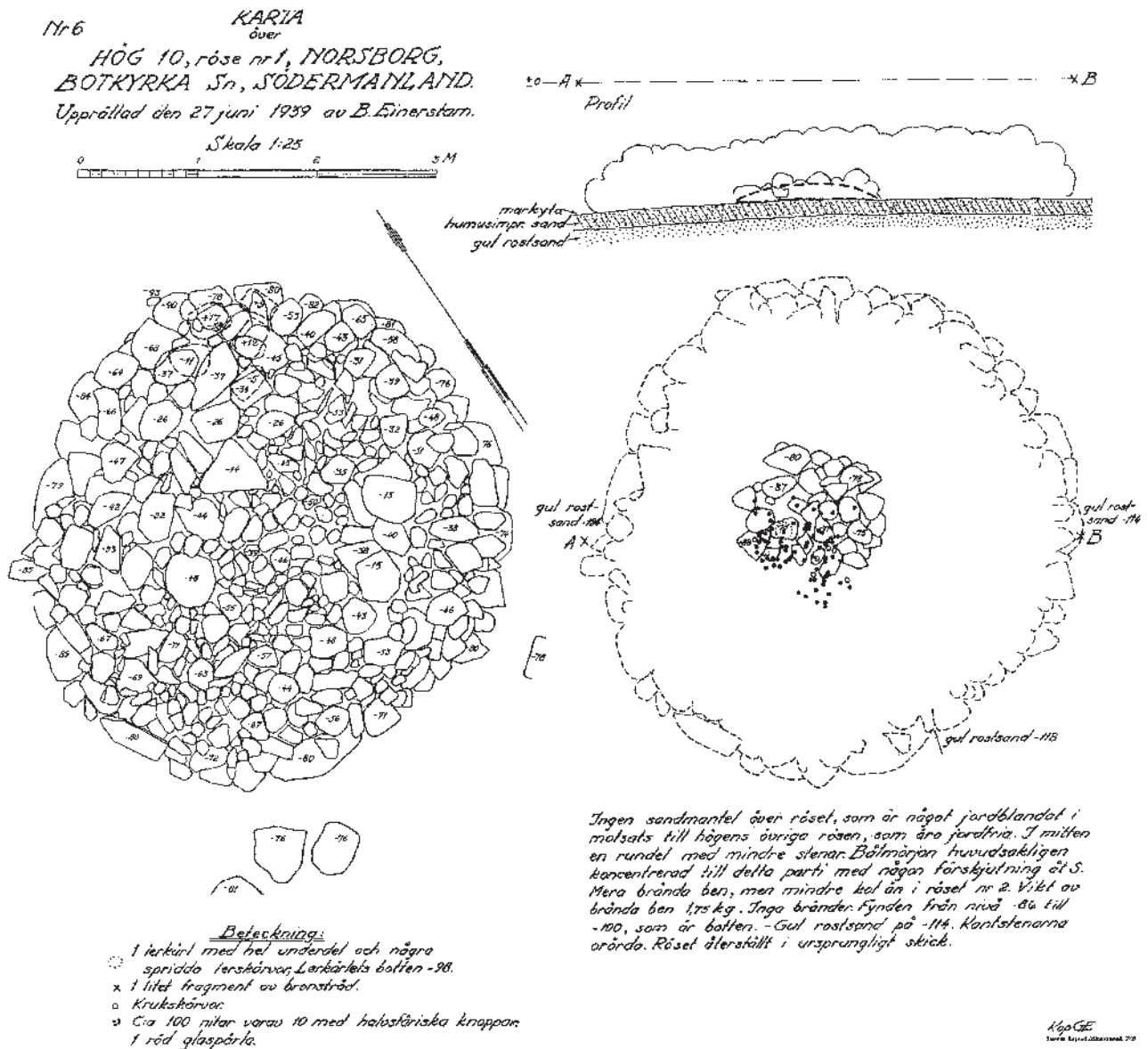
Röset är jordfritt med sandmarkel och rest aten på lappen. Brändlagret med mycket aska och mycket kol, men inga bränder. En myckenhet brända ben, vilket 2,05 kg och några obrända ben. På två ställen obrända fiskben. Brändlagrets mäktighet i mitten 107 till 124 cm. Kantstenarna arända. Röset ärensställt i ursprungligt skick.

Kop GE

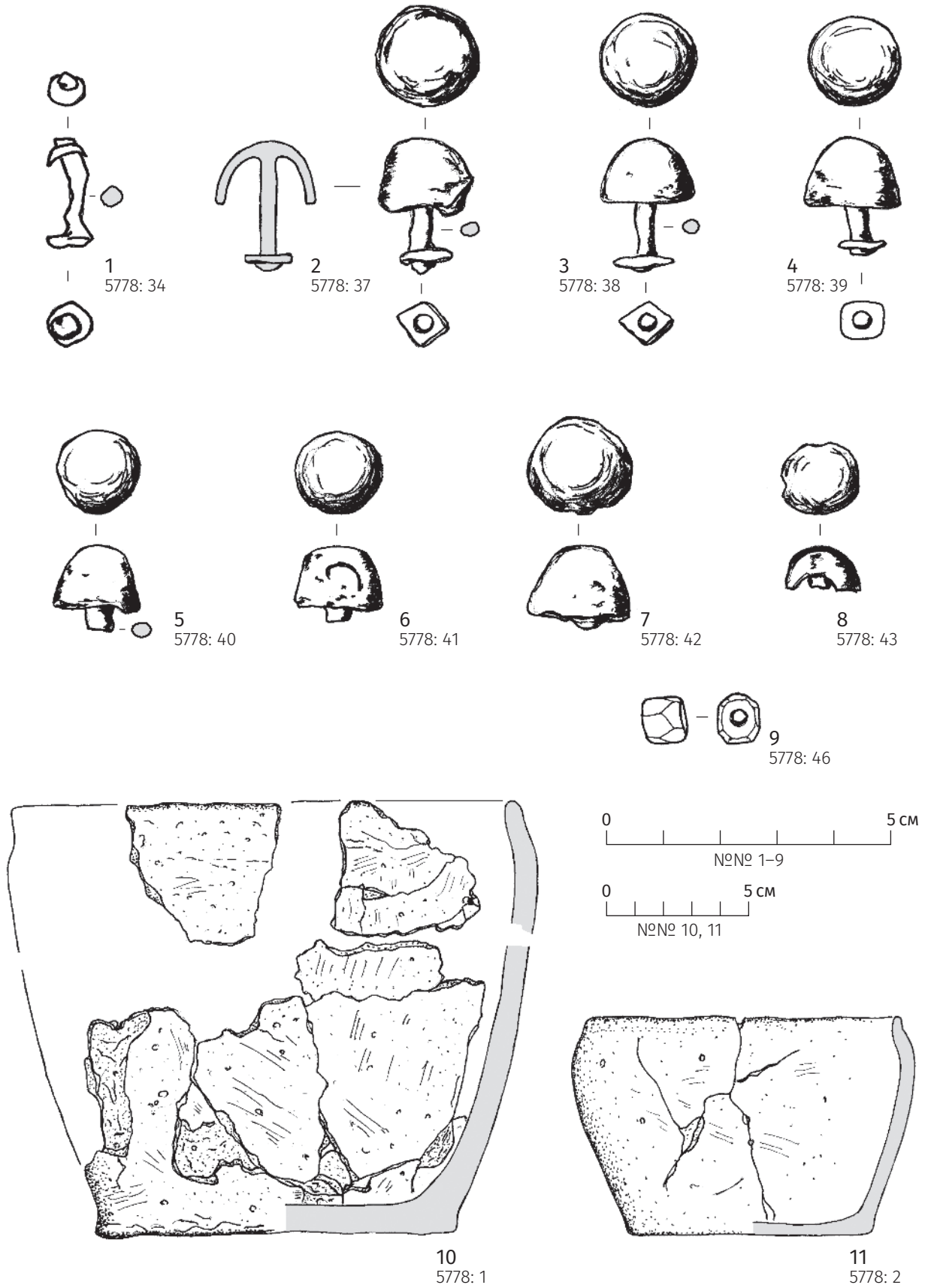
Ил. 15. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Каменная выкладка № 3. Планы и разрез погребения (Åberg A-1939)

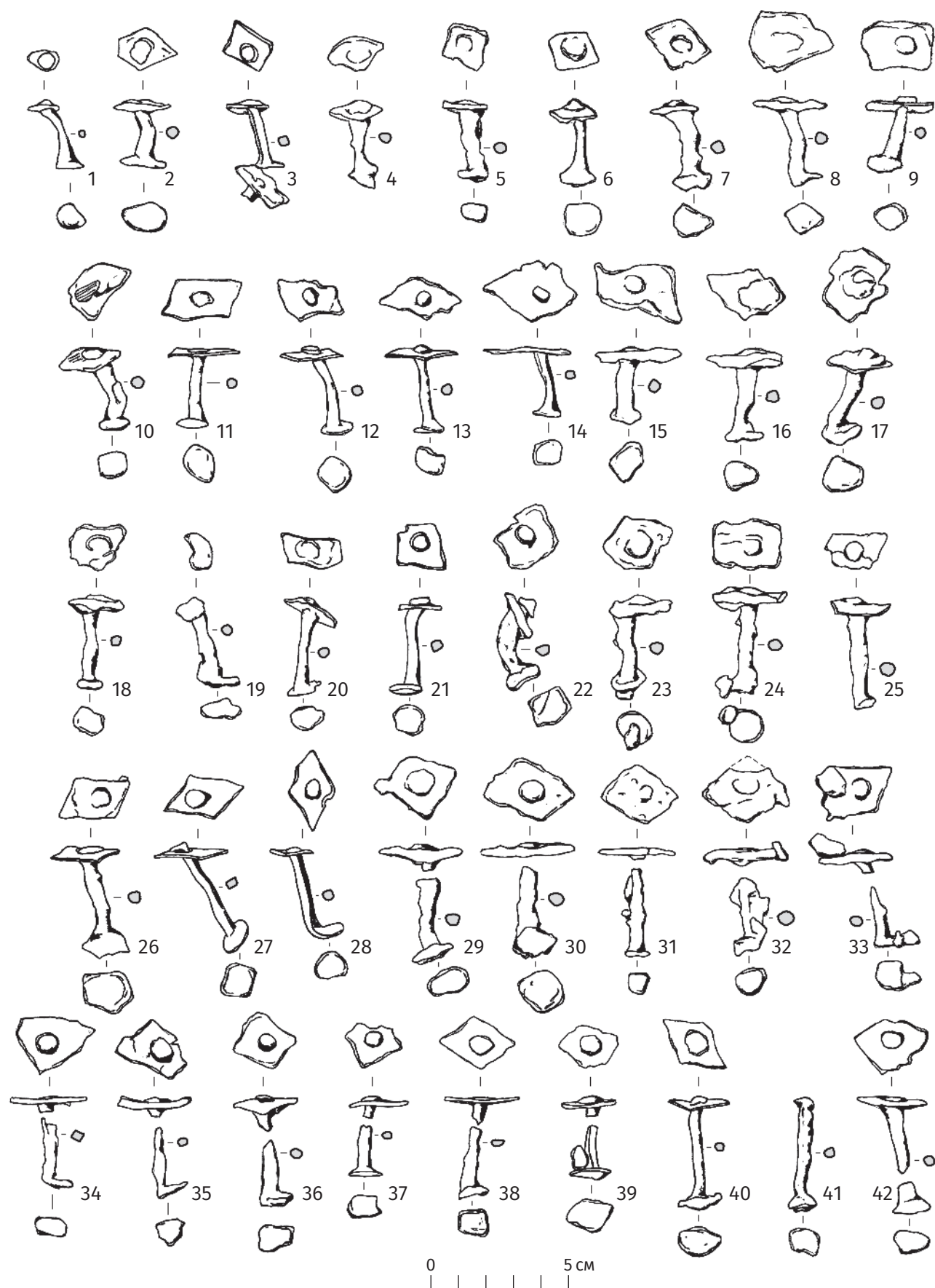
Ил. 16. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Каменная выкладка № 2 (Åberg A-1939)

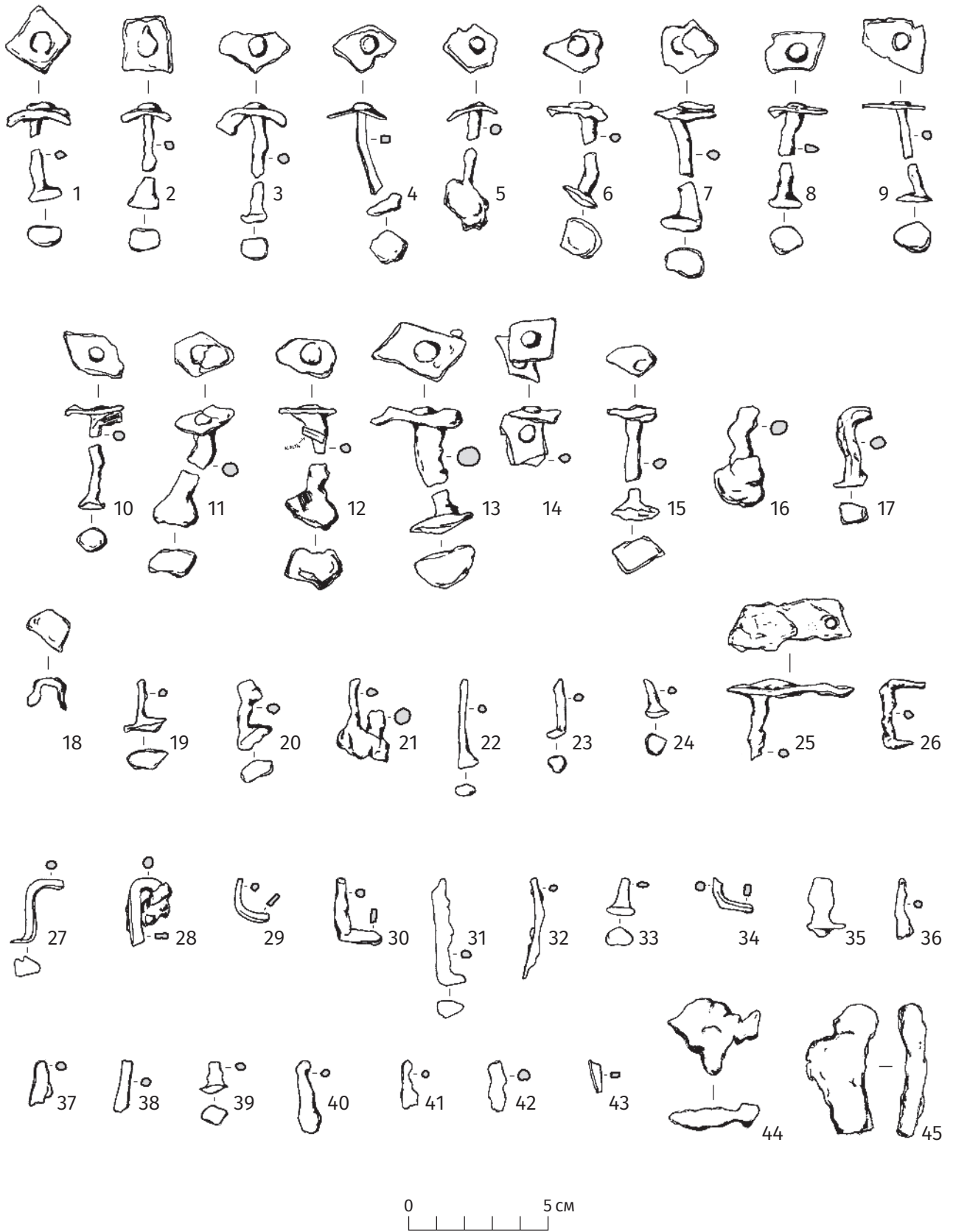
Ил. 17. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Сö., RAÄ 8, A10). Каменная выкладка № 1 (Åberg A-1939)

Ил. 18. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Инвентарь погребения в каменной кладке 1 (göse 1). 1-8 – железо; 9 – красное заглушенное стекло; 10, 11 – глина

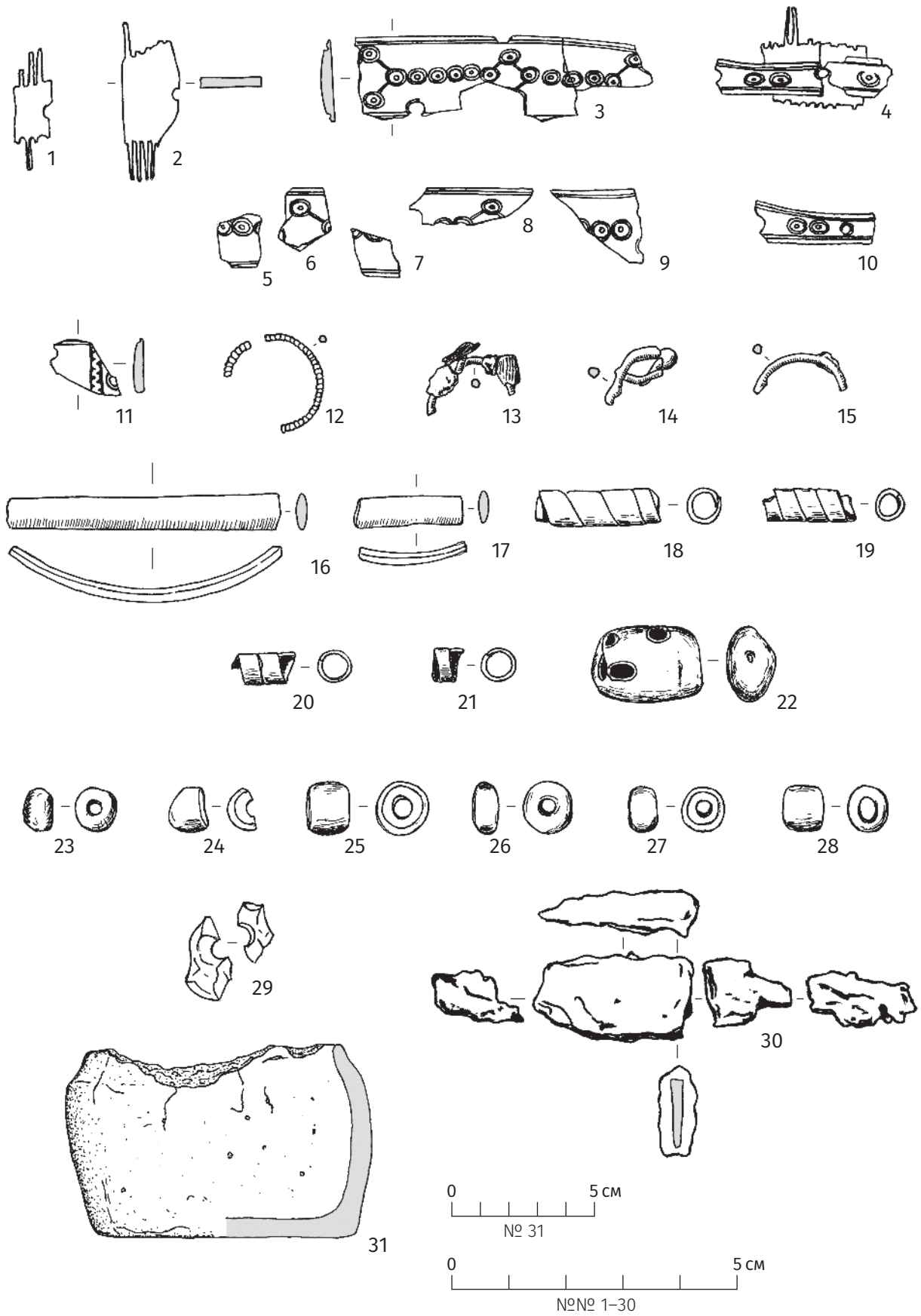
Ил. 19. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Инвентарь погребения в каменной кладке 1 (röse 1). Изделия из железа

Ил. 20. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Инвентарь погребения в каменной кладке 1 (röse 1). Изделия из железа

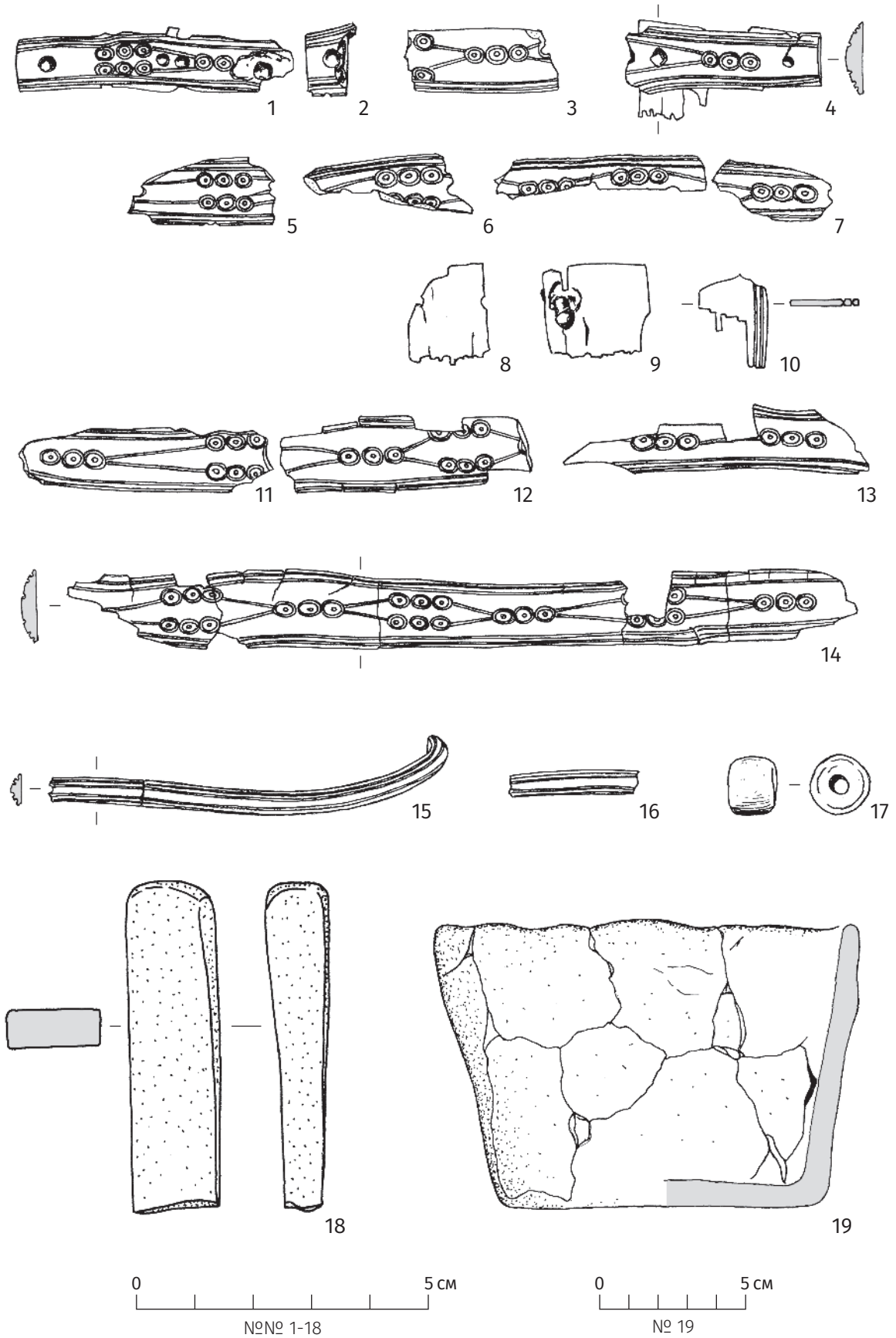
Ил. 21. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Воткурка sn, Sö., RAÄ 8, A10). Инвентарь погребения в каменной кладке 1 (göse 1). 1 — красное заглушенное стекло; 2 — глина

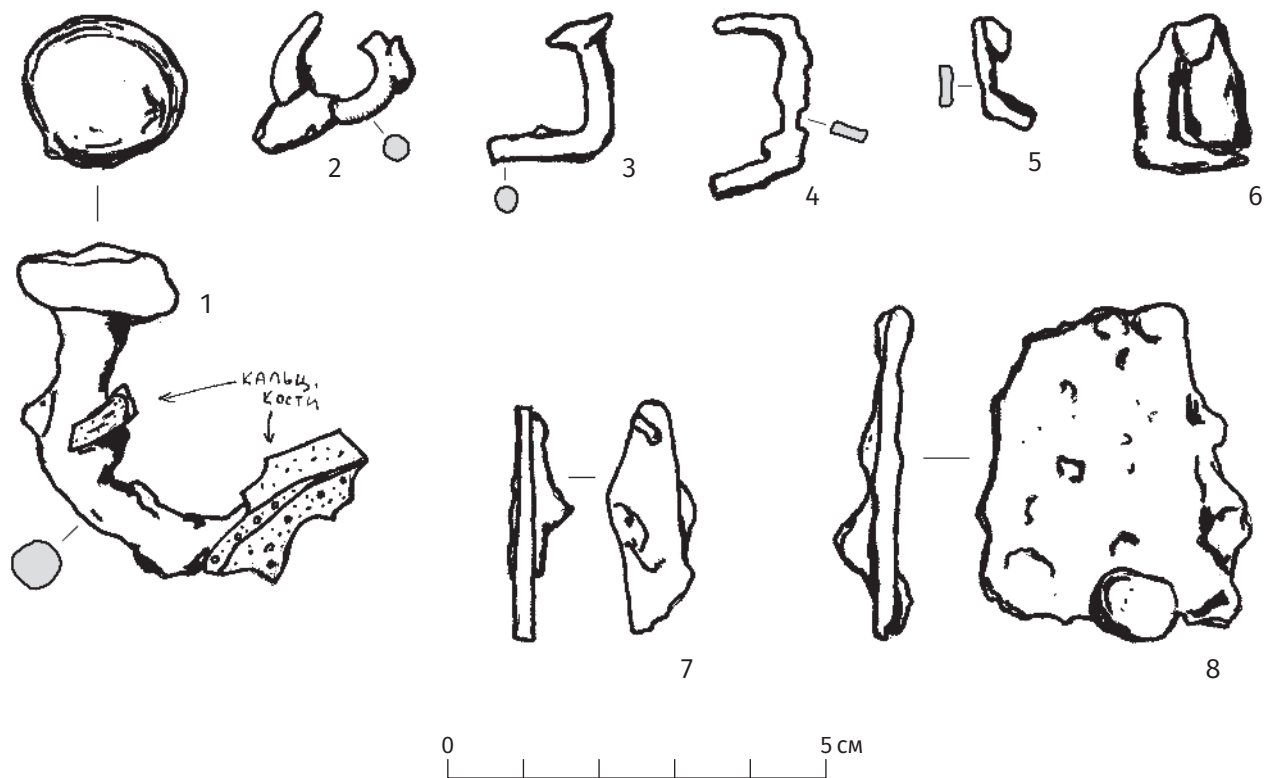
Ил. 22. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Инвентарь погребения в каменной кладке 2 (göse 2). 1-11 — кость; 12-21 — сплав меди; 22-28 — стекло; 29 — хрусталь; 30 — железо; 31 — глина

Ил. 23. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Инвентарь погребения в каменной кладке 2 (göse 2). 1 — сплав меди, позолота; 2, 3 — сплав меди; 4 — хрусталь; 5–11 — стекло

Ил. 24. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Инвентарь погребения в каменной кладке 3 (göse 3). 1–16 – кость; 17 – красное заглушенное стекло; 18 – камень (серый мелкозернистый сланец); 19 – глина

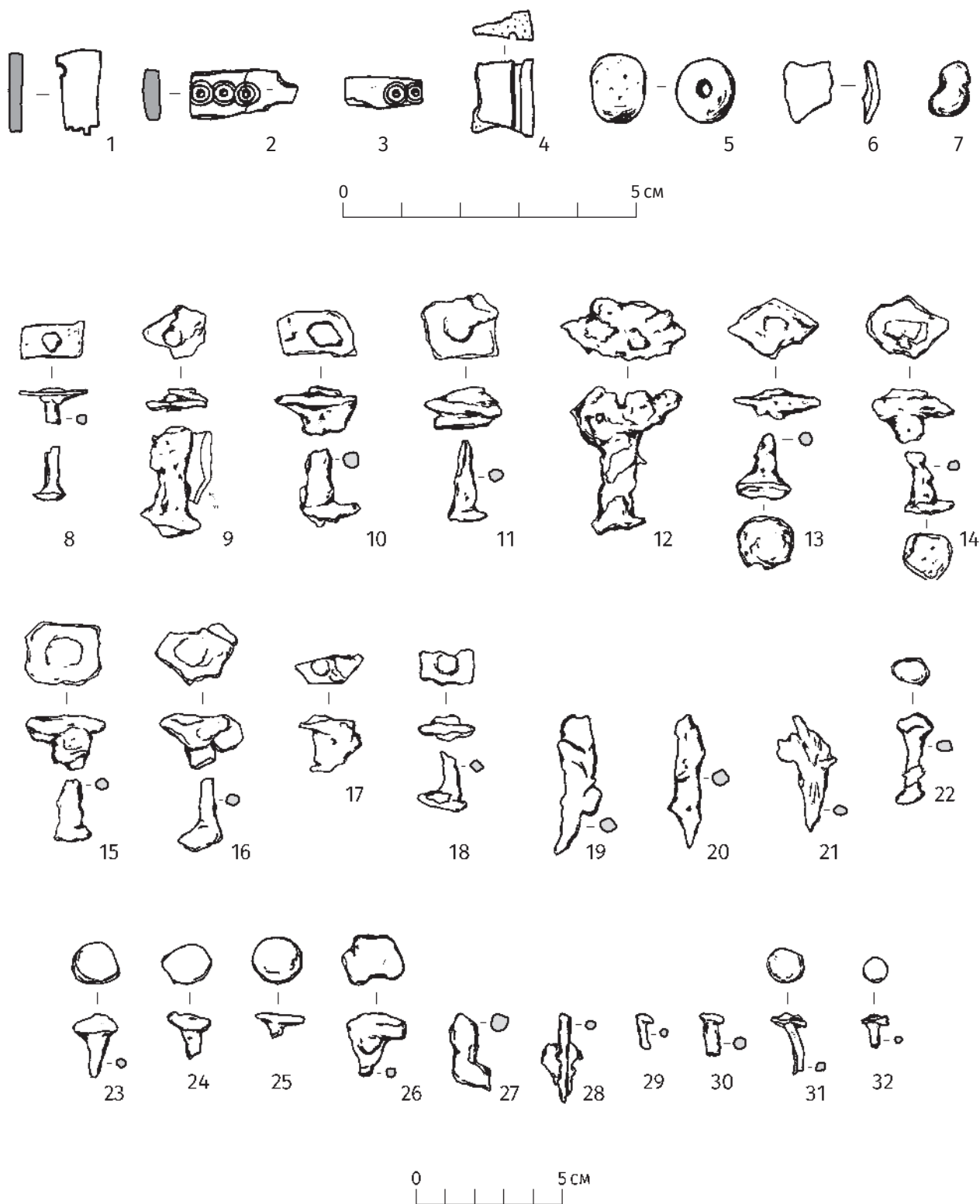
Ил. 25. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Инвентарь погребения в каменной кладке 3 (röse 3). Предметы из железа

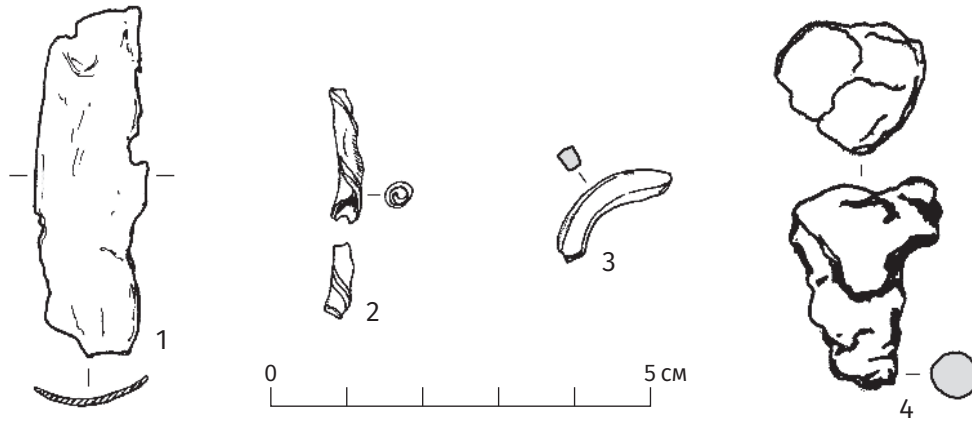
Ил. 26. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Бусы. 1 — стеклянная бусина из погребения в каменной кладке 3 (röse 3); 2 — стеклянная бусина из погребения 4 в центральной каменной кладке; 3 — фрагменты хрустальной бусины из погребения 6 в центральной каменной кладке; 4 — стеклянная бусина из погребения 6

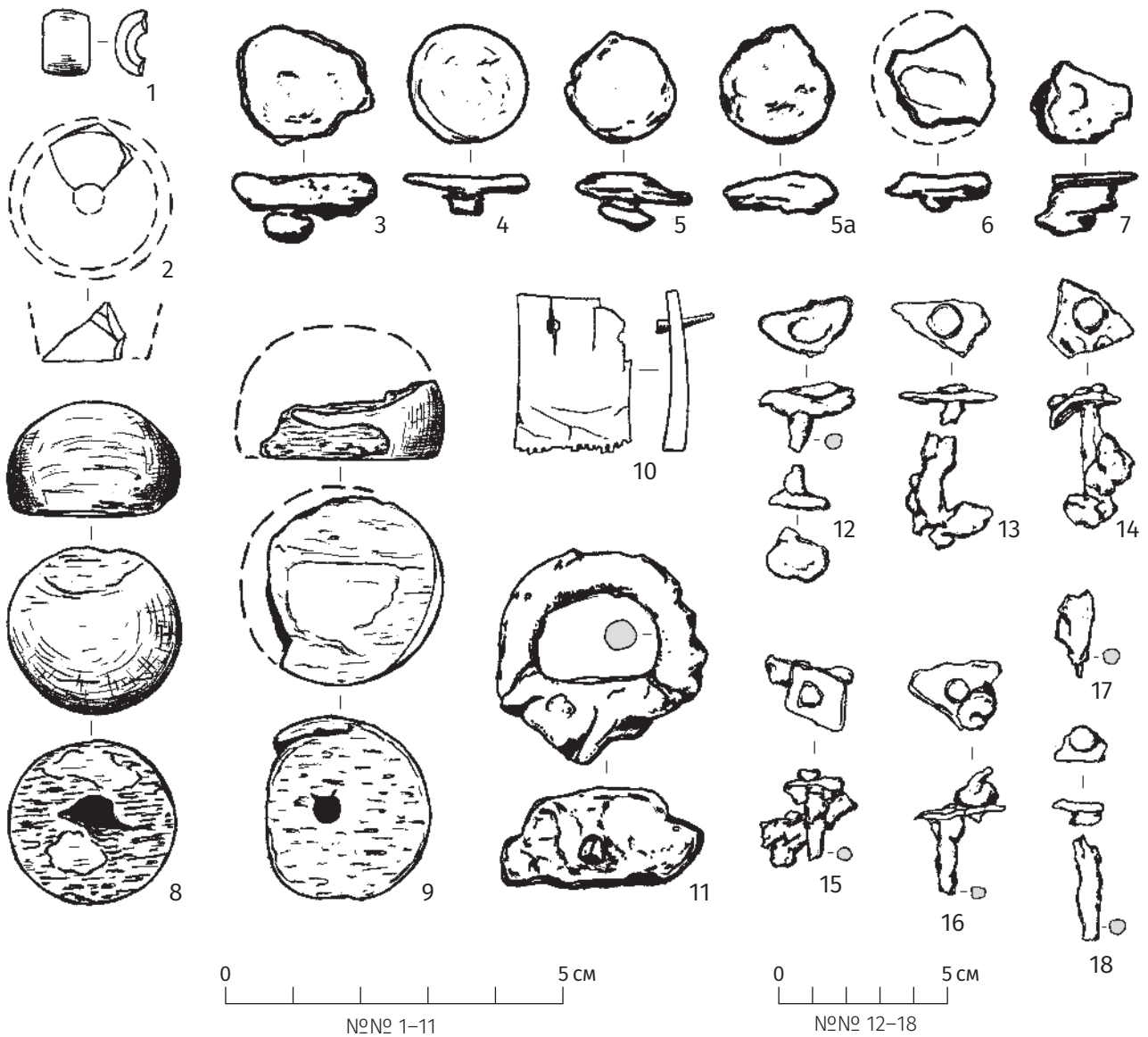
Ил. 27. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Инвентарь погребения 4 в центральной каменной кладке (centralröset). Глиняные лепные сосуды

Ил. 28. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Инвентарь погребения 4 в центральной каменной кладке (centralröset). 1-4 — кость; 5 — стекло; 6, 7 — бронза; остальное — железо

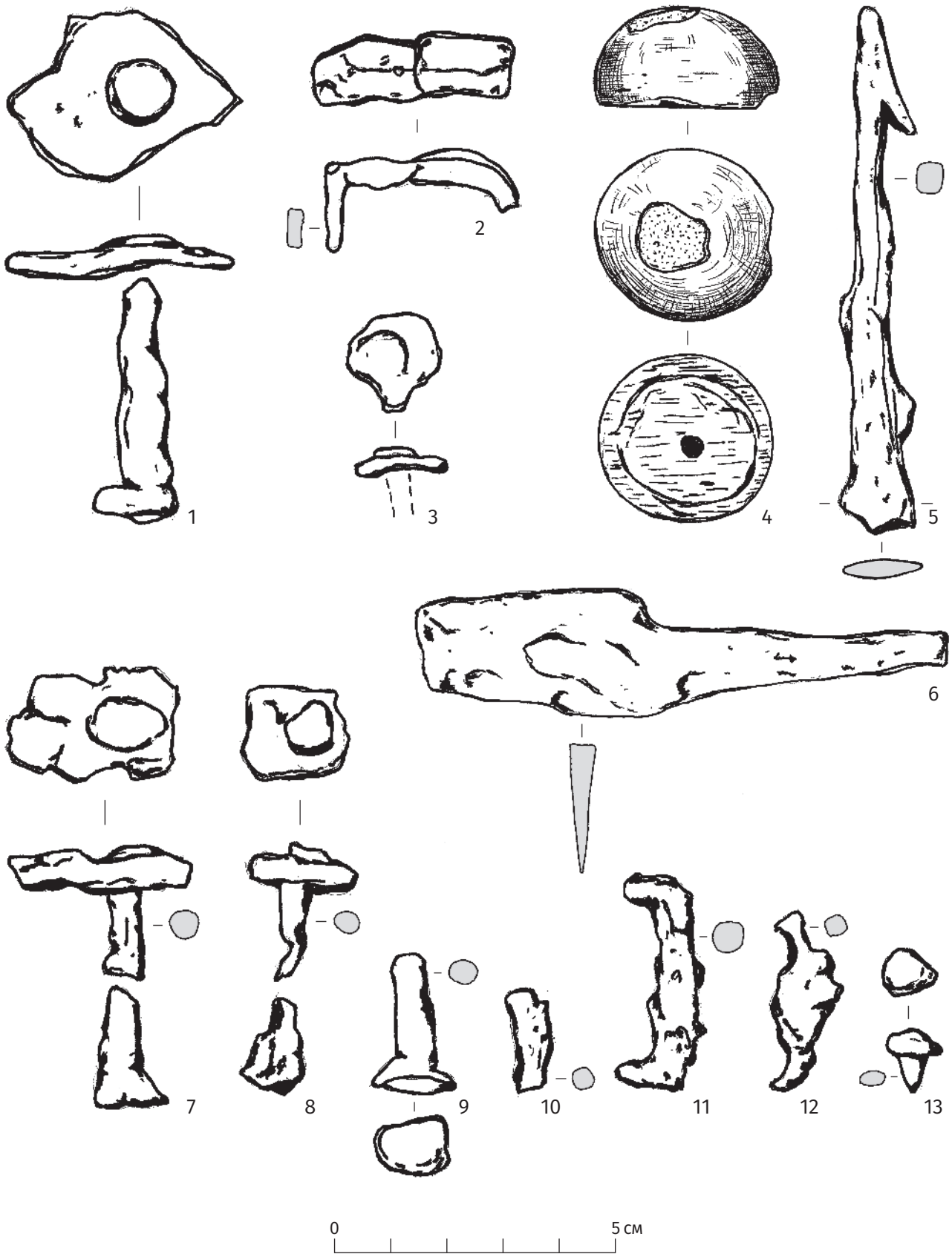
Ил. 29. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Инвентарь погребения 5 в центральной каменной кладке (centralröset). 1, 3 – бронза; 2 – белый металл; 4 – железо

Ил. 30. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Инвентарь погребения 6 в центральной каменной кладке (centralröset). 1 – красное заглушенное стекло; 2 – хрусталь; 3–7, 11–18 – железо; 8, 9 – кость

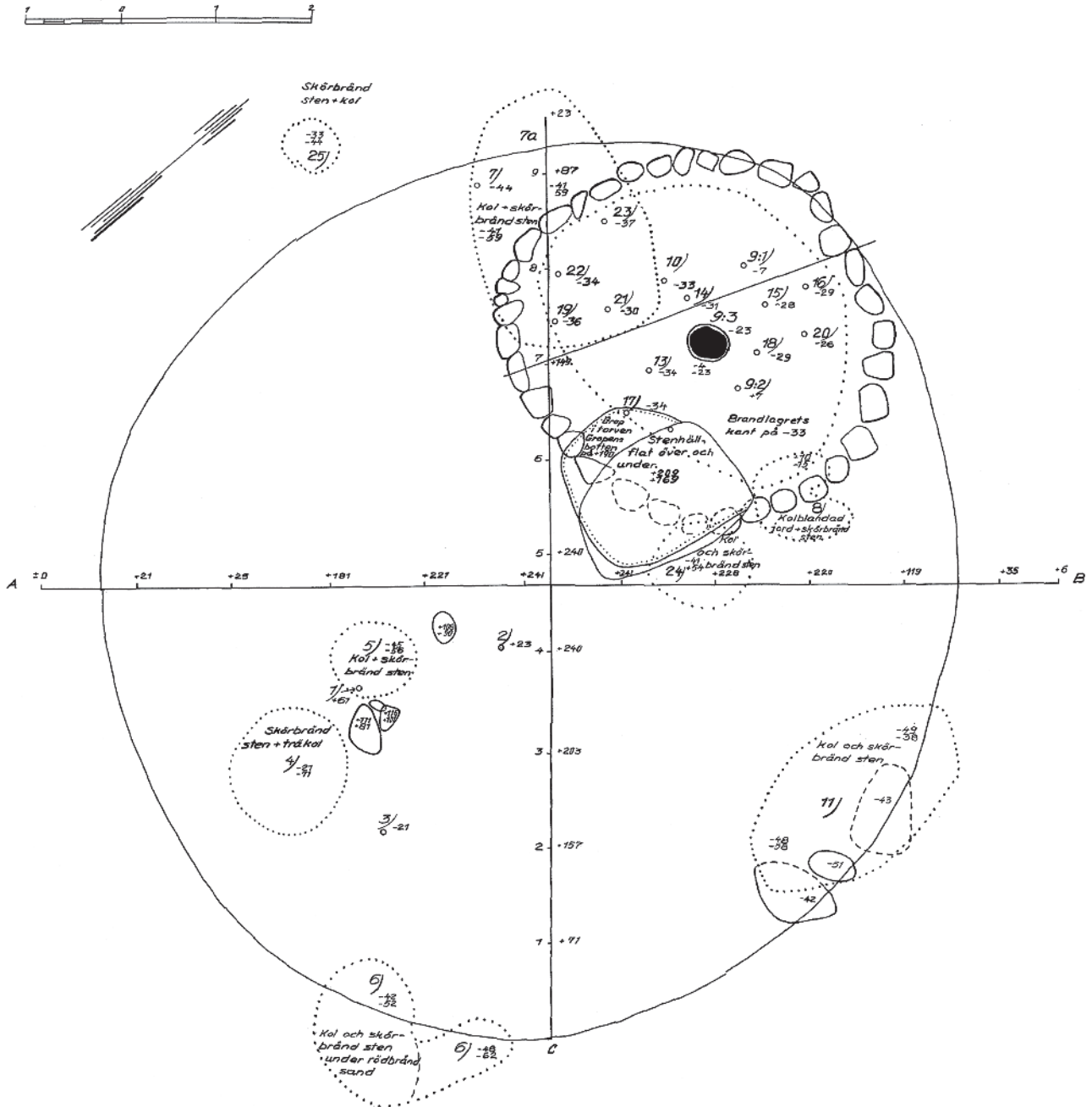

Ил. 31. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). Находки из погребения 6 в центральной каменной кладке. 1, 3, 4 — золото; 2 — серебро, позолота; 5–8 — серебро

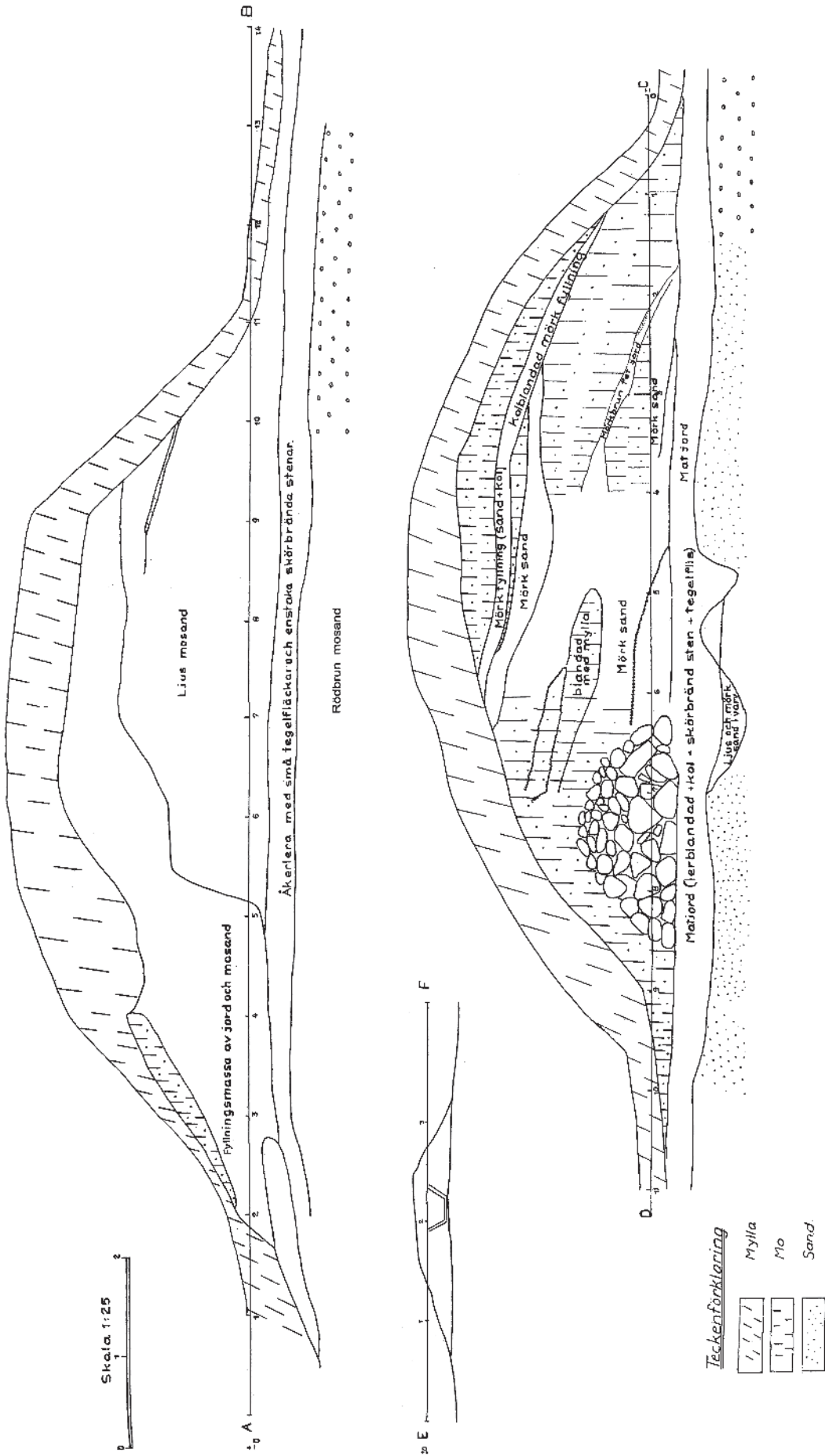

Ил. 32. Нушбори, курган 10 (Norsborg, Botkyrka sn, Sö., RAÄ 8, A10). 1-3 — инвентарь погребения 7 вне центральной каменной кладки (centralröset); 4-6 — находки в верхней части насыпи вне контекста; 7-12 — находки из сооружения А; 13 — находка под каменной кладкой западной части раскопа

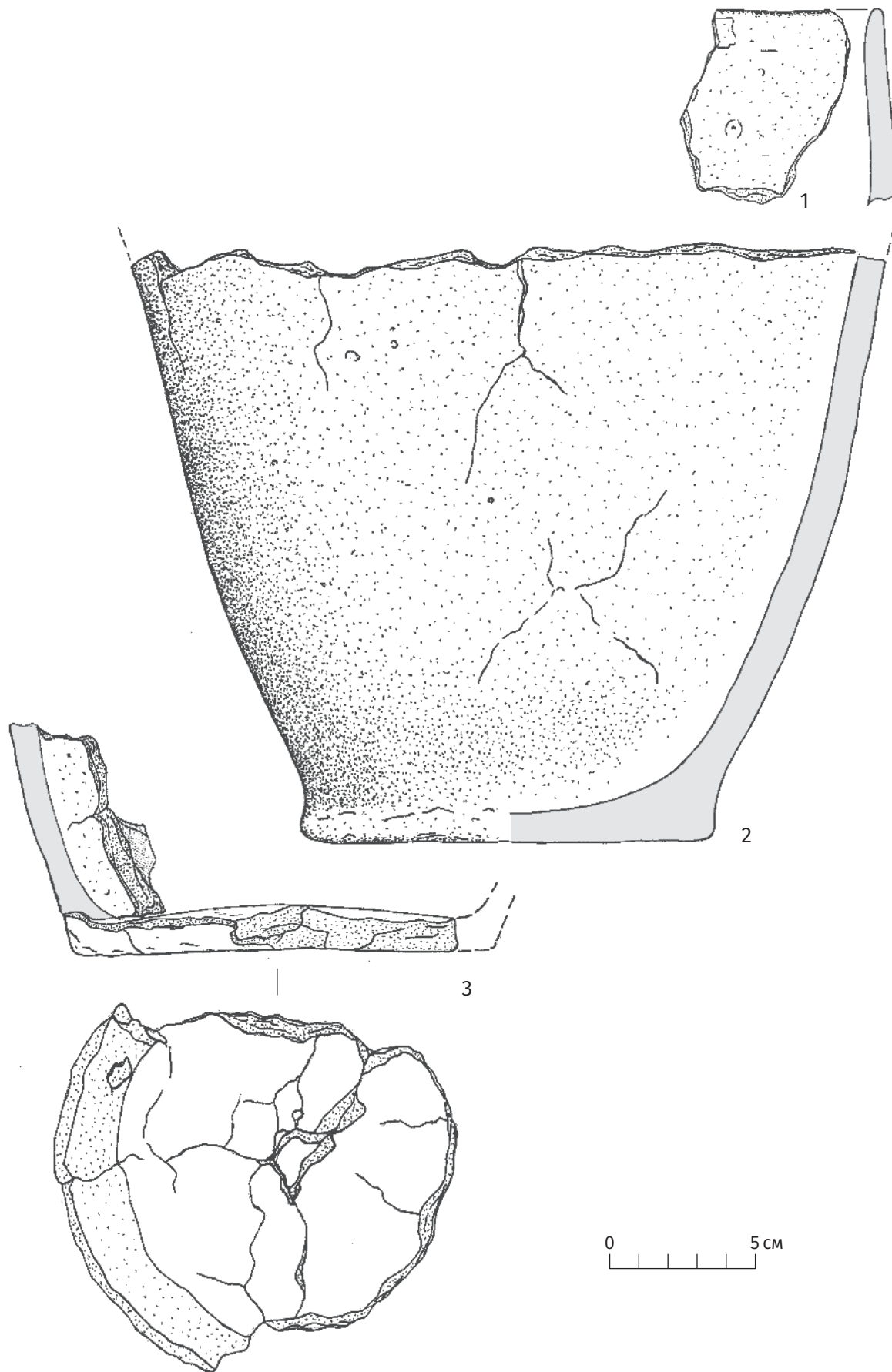
PLAN över HÖG nr 201 på HOXLA 11¹ i
SORUNDA Sn., SÖDERMANLAND
Undersökt den 23.10 - 10.11 1959.
av Claes Varenius.
Skala 1:25

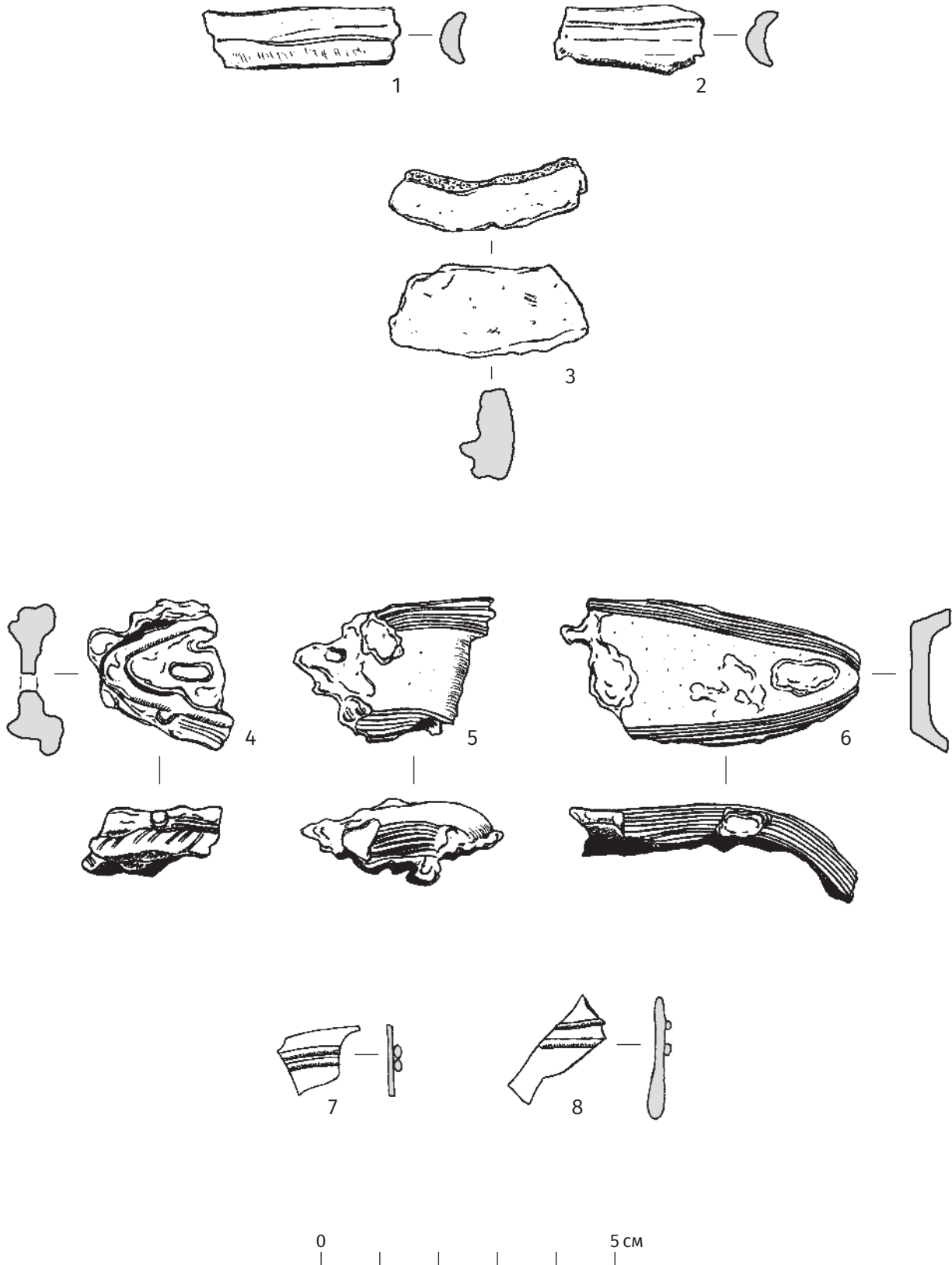
Ил. 33. Курган в Хёксла (Hoxla, Sorunda sn, Sö., RAÄ 201). План погребения (Varenius A-1960)

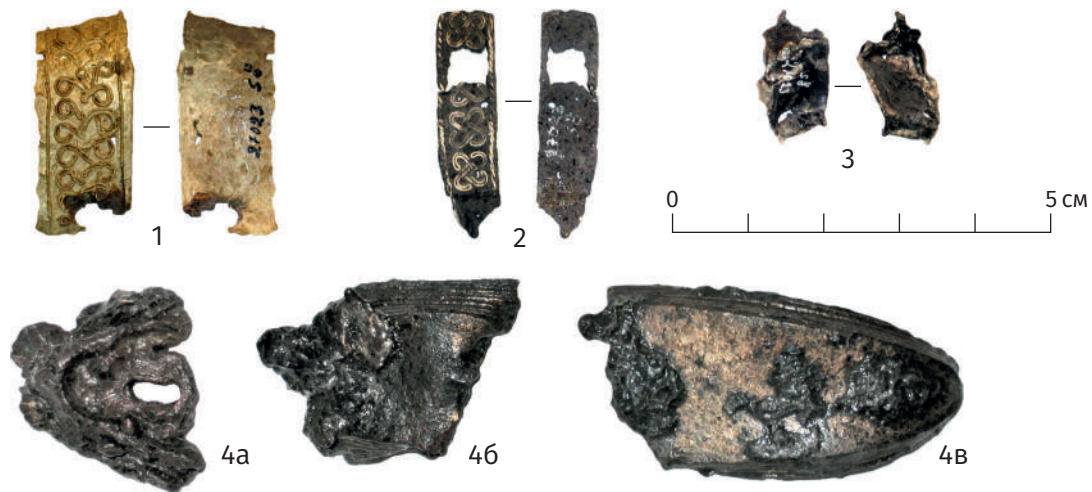
Ил. 34. Курган в Хёксла (Hoxla, Sorunda sn, Sö., RAÄ 201). Профили кургана (Varenius A-1960)

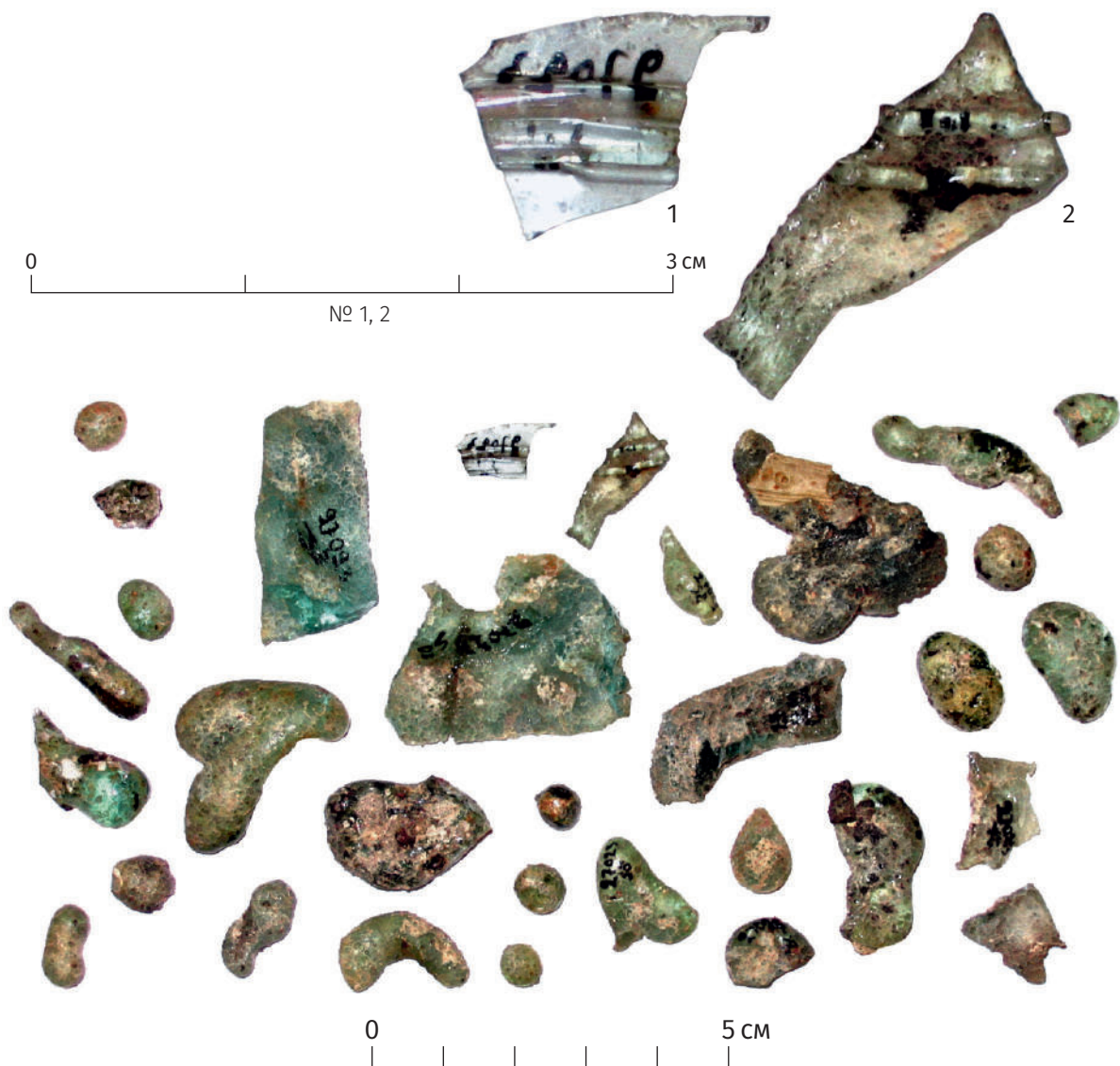
Ил. 35. Курган в Хёксла (Hoxla, Sorunda sn, Sö., RAÄ 201). Лепная керамика. 1, 3 — находки, сделанные за пределами захоронения (большого кострища)

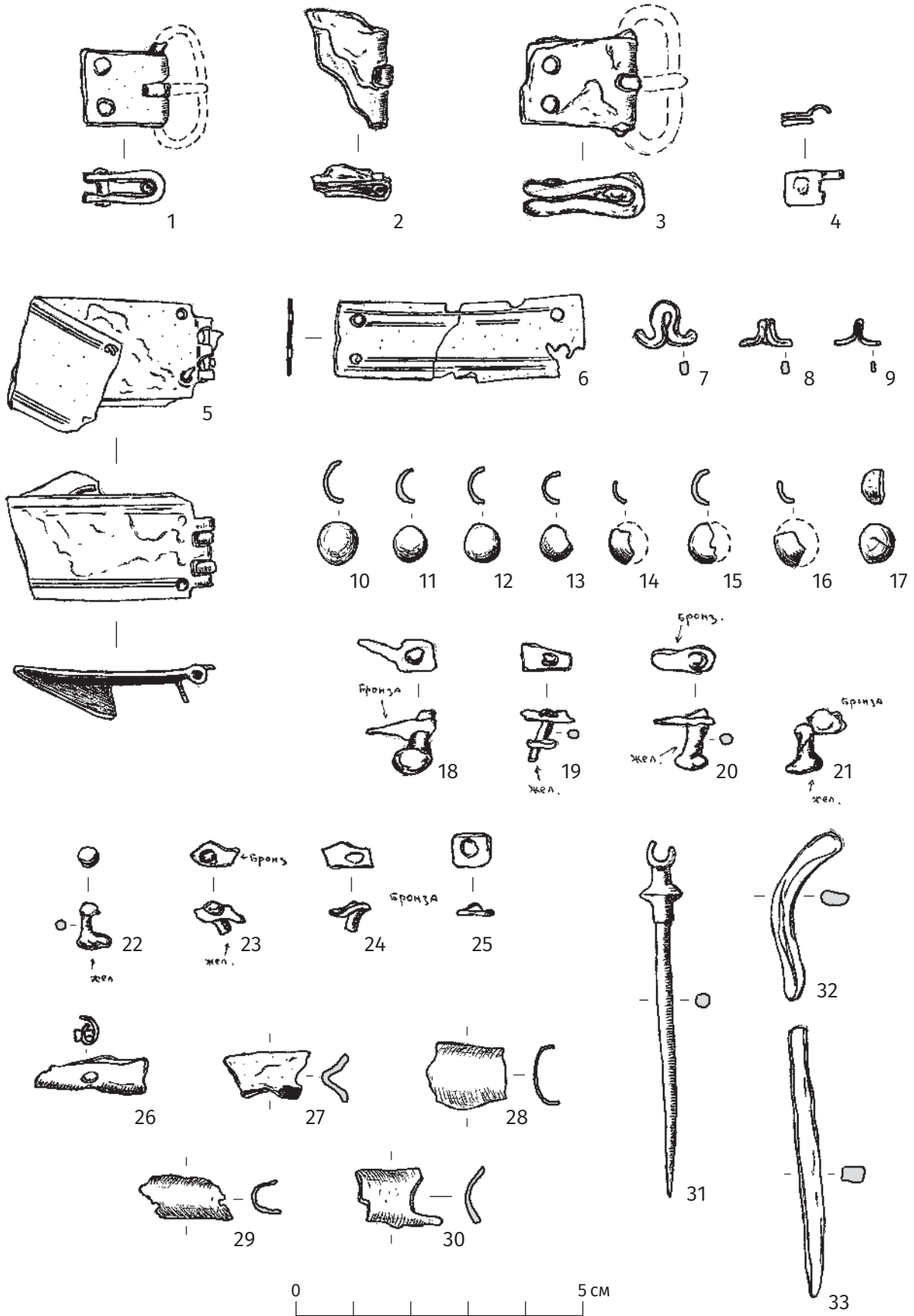
Ил. 36. Курган в Хёксла (Hoxla, Sorunda sn, Sö., RAÄ 201). 1–6 – детали рукояти меча (бронза); 7, 8 – фрагменты стеклянного сосуда (кубка?)

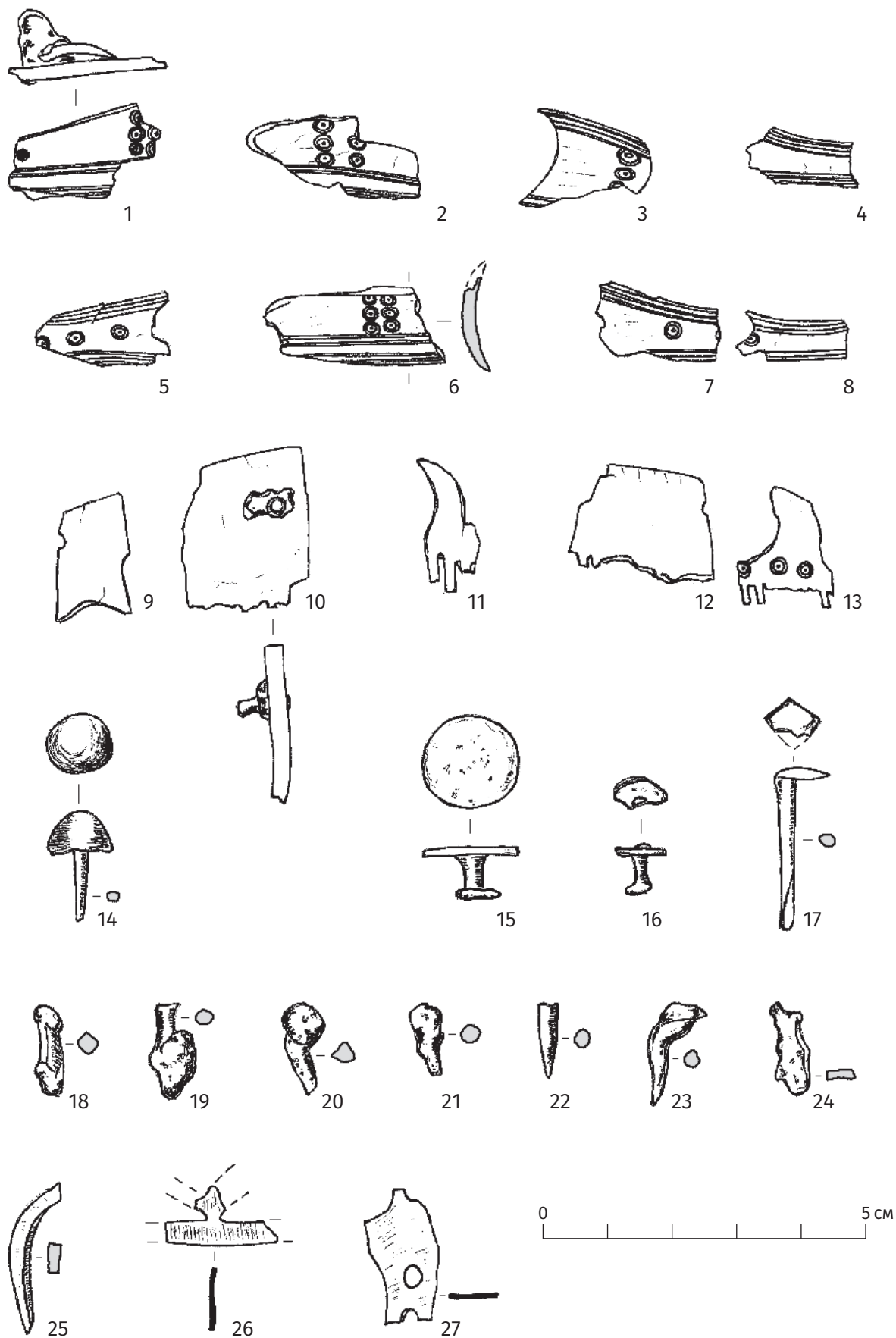
Ил. 37. Курган в Хёксла (Hoxla, Sorunda sn, Sö., RAÄ 201). Находки. 1–4 – детали рукояти меча и, возможно, ножен меча из Хёкслы (1 – золото, 2, 3 – серебро; 4 – бронза)

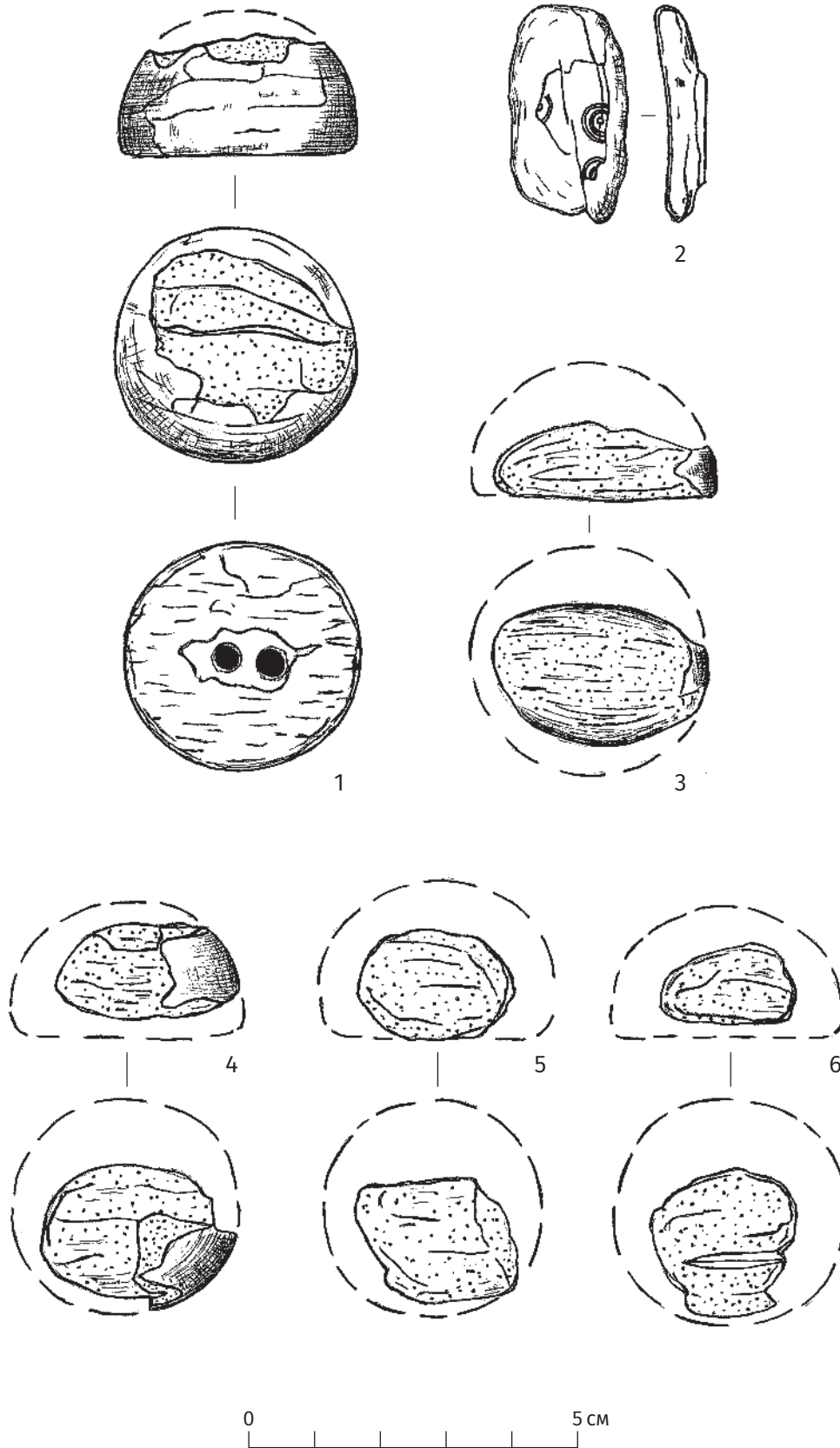
Ил. 38. Курган в Хёксла (Hoxla, Sorunda sn, Sö., RAÄ 201). Оплавленные фрагменты стеклянного кубка (кубков?) с запекшимся в одном из слитков фрагментом составного костяного гребня

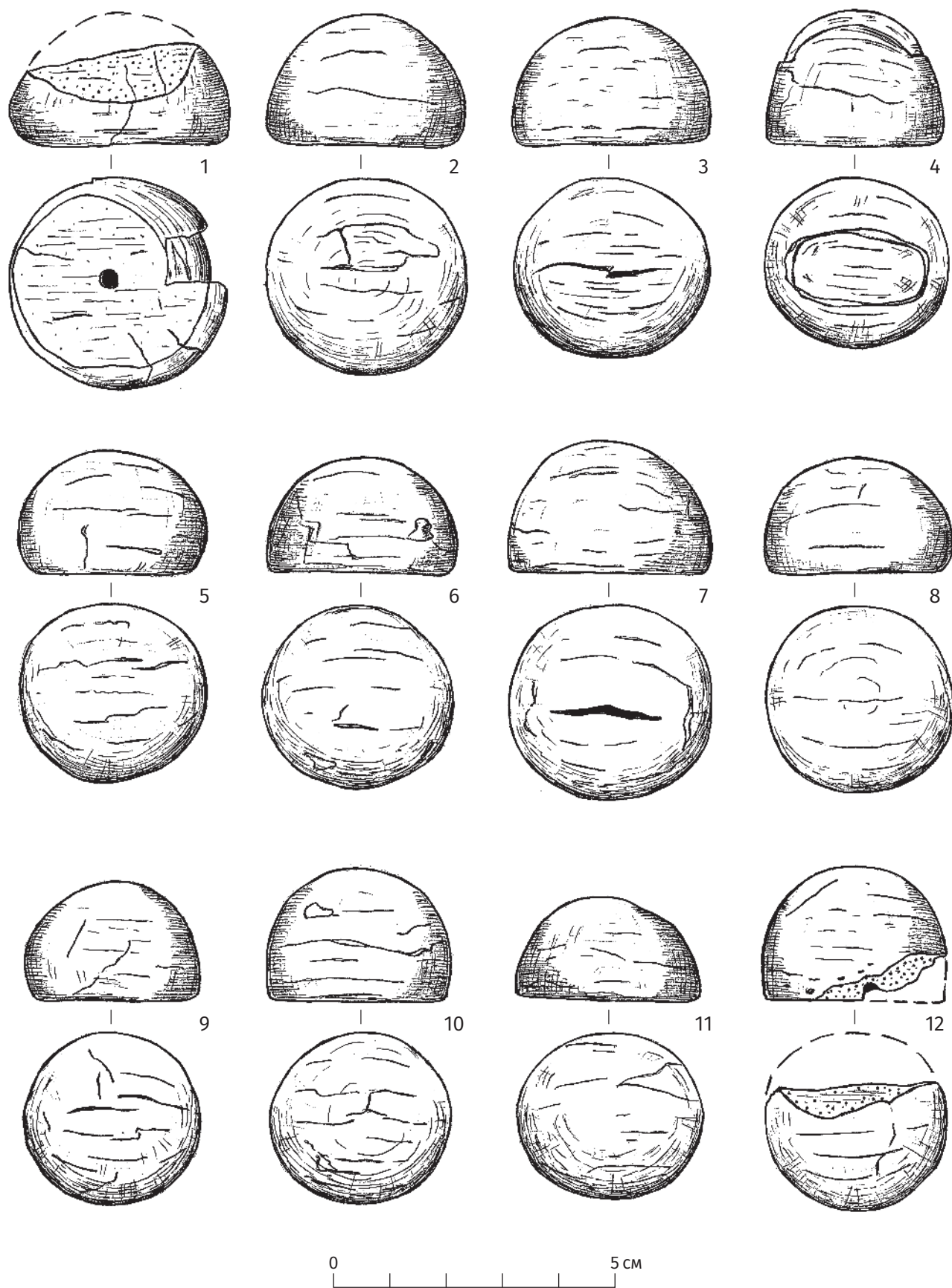
Ил. 39. Курган в Хёксла (Hoxla, Sorunda sn, Sö., RAÄ 201). Детали ремной гарнитуры (португеи меча?) и фрагменты изделий из бронзы. 33 – бронзовый стержень, найденный в погребенной почве вне захоронения (большого кострища)

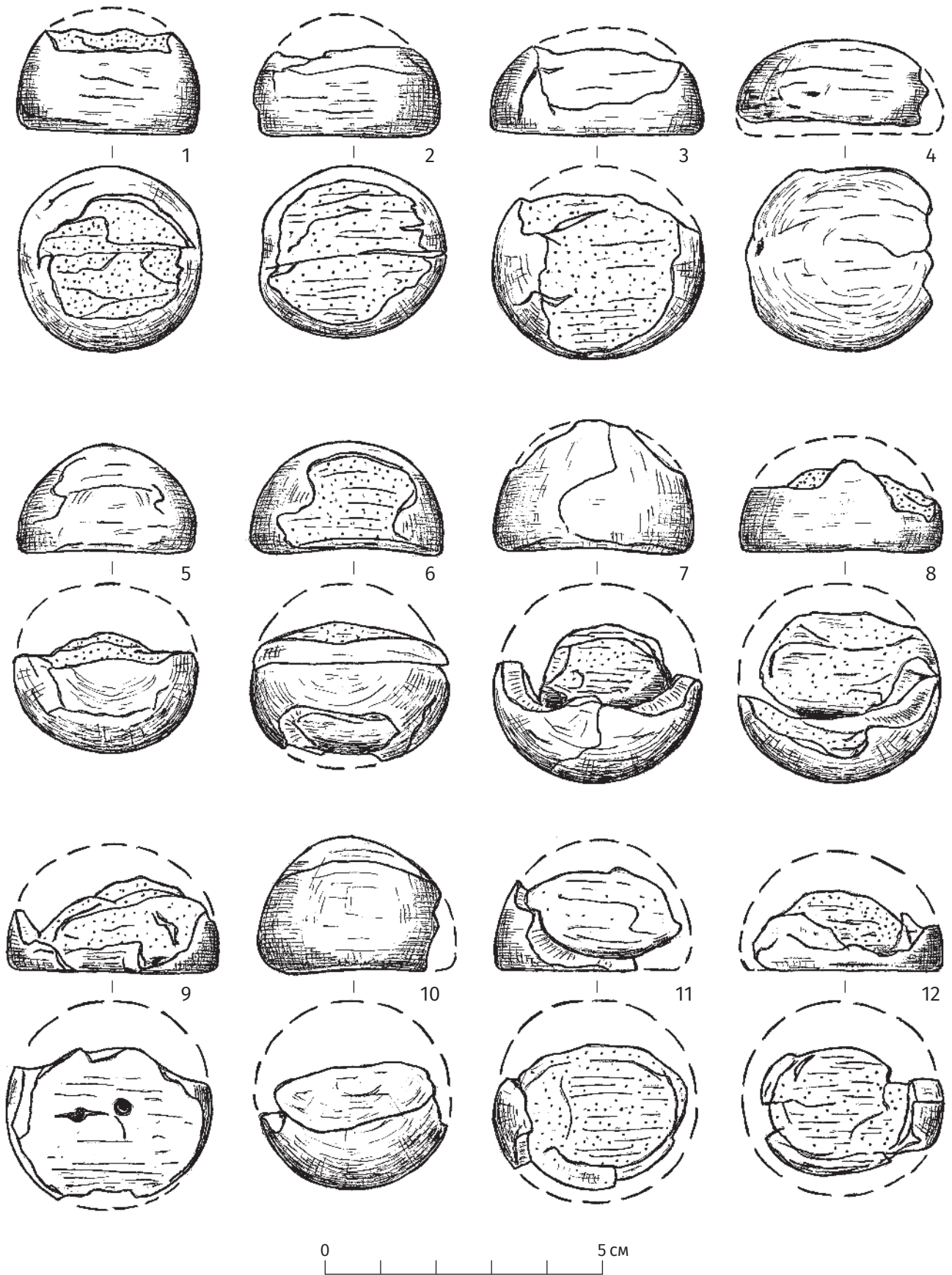
Ил. 40. Курган в Хёксла (Hoxla, Sorunda sn, Sö., RAÄ 201). Фрагменты костяного гребня (1–13) и изделия из железа

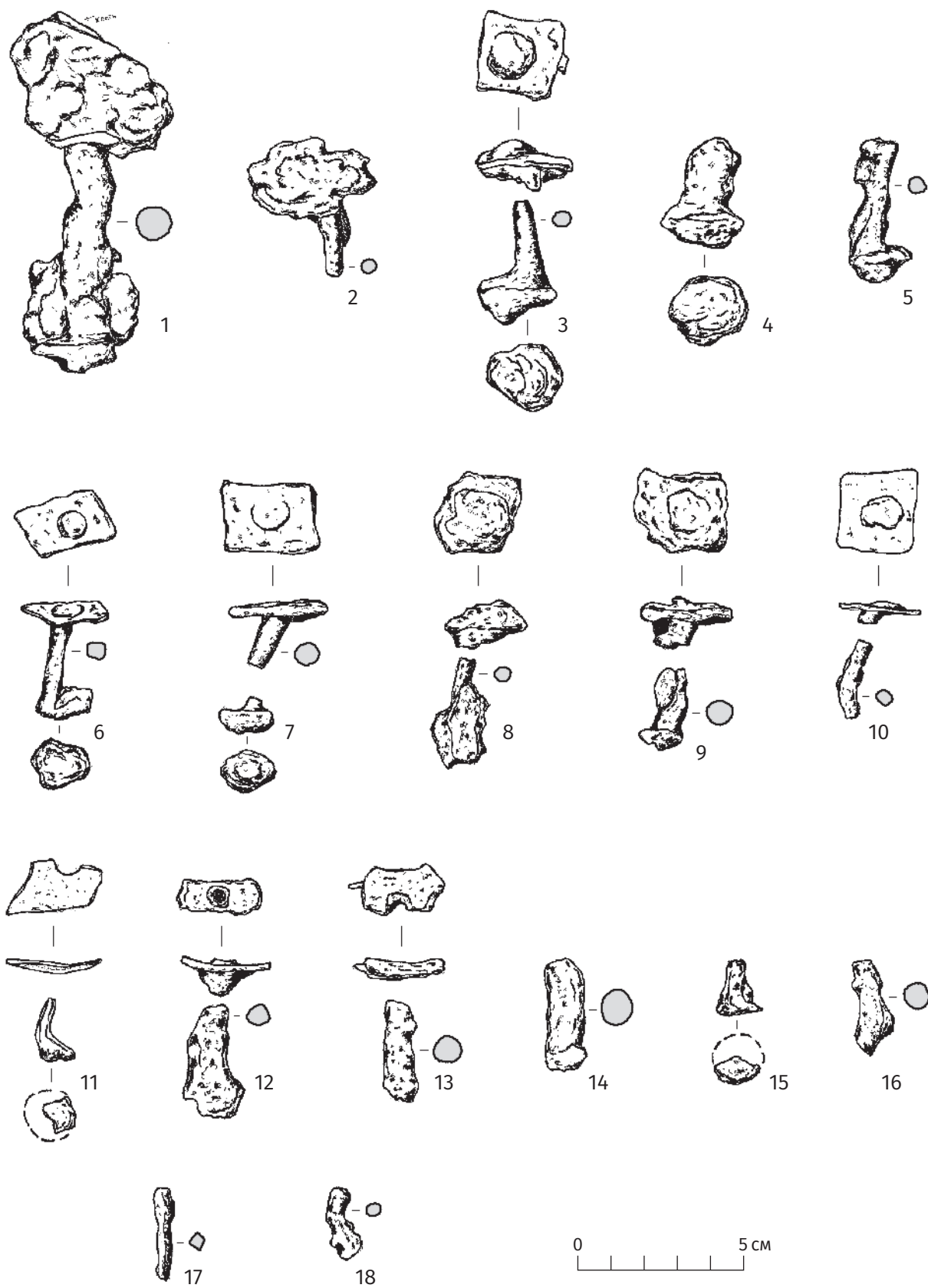
Ил. 41. Курган в Хёксла (Hoxla, Sorunda sn, Sö., RAÄ 201). Изделия из кости

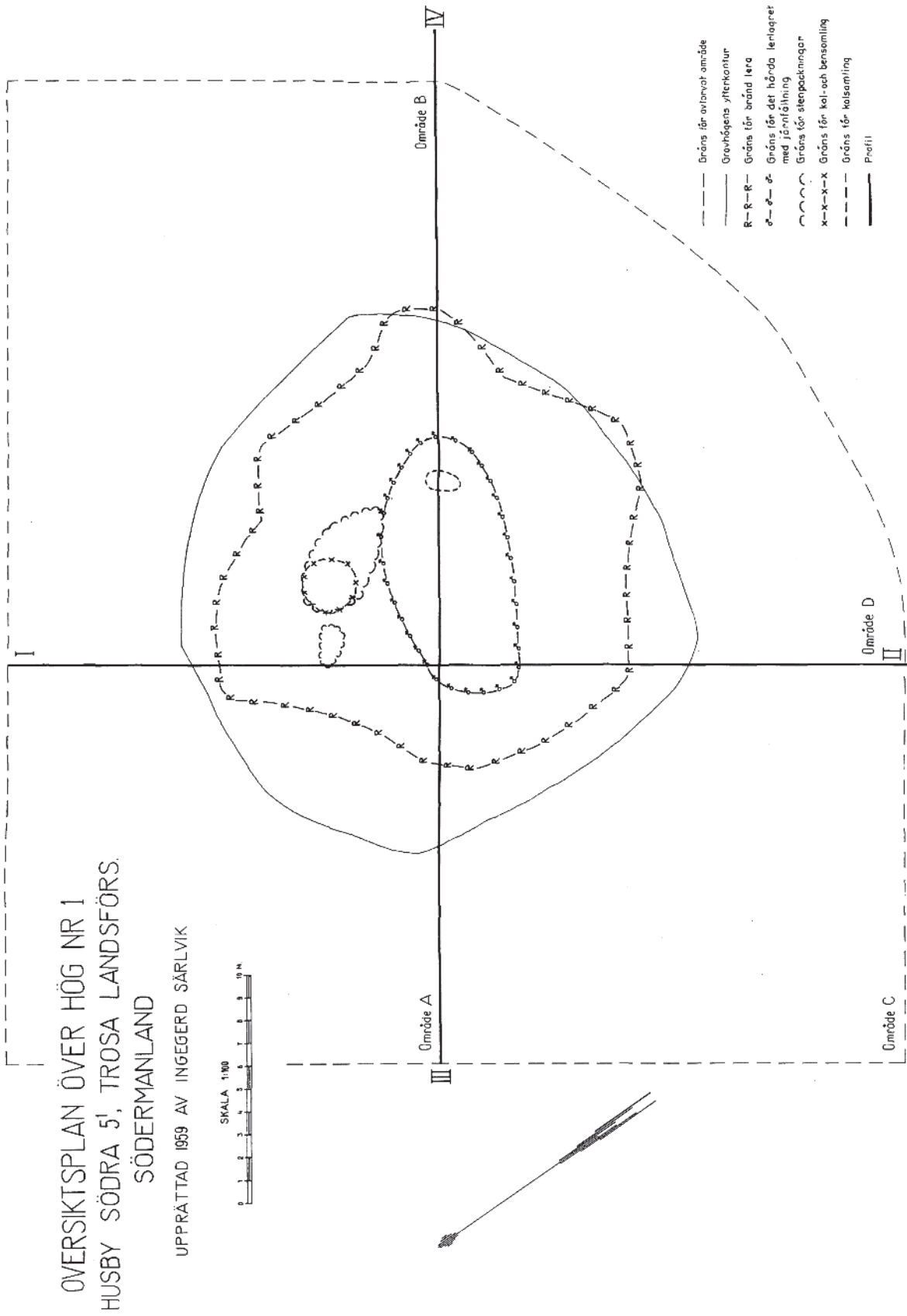
Ил. 42. Курган в Хёксла (Hoxla, Sorunda sn, Sö., RAÄ 201). Изделия из кости

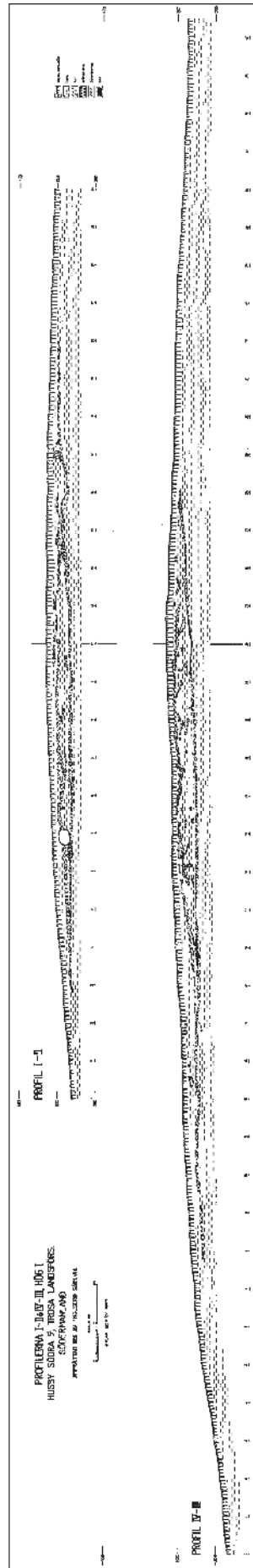
Ил. 43. Курган в Хёксла (Hoxla, Sorunda sn, Sö., RAÄ 201). Изделия из кости

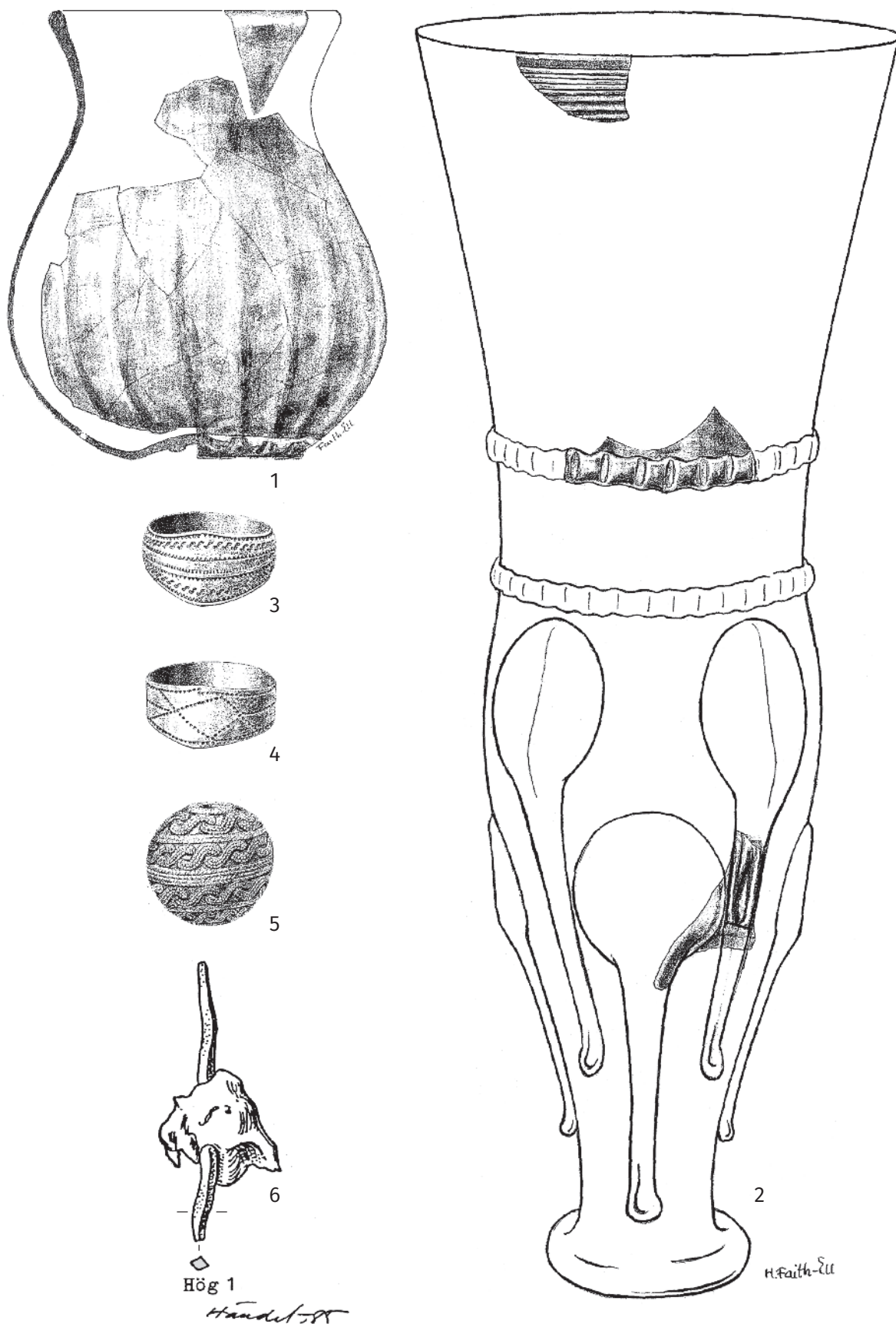
Ил. 44. Курган в Хёксла (Hoxla, Sorunda sn, Sö., RAÄ 201). Изделия из железа

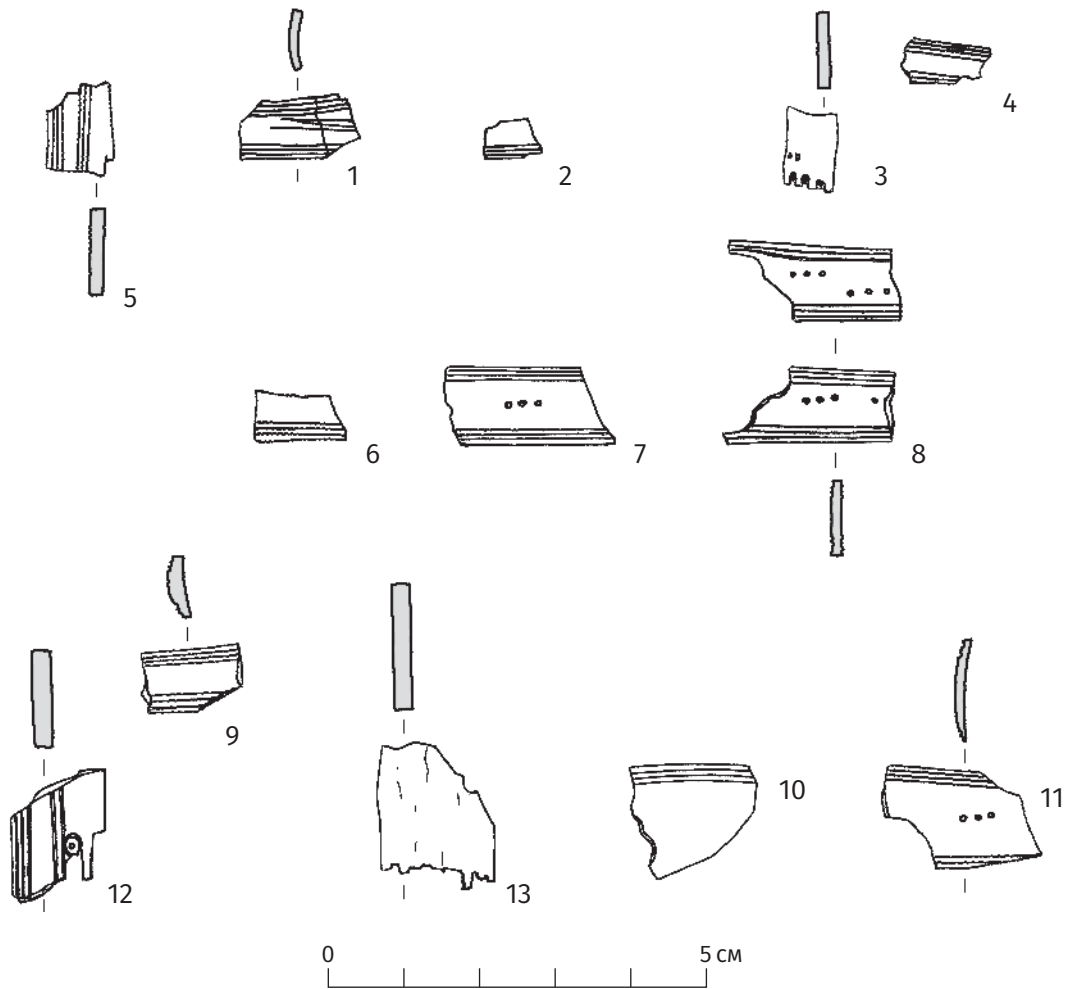
Ил. 45. Седра Хусбю, курган 1 (Södra Husby, Trosa-Vagnherad sn, Sö., RAÄ 177, A1). План кургана (Särlvik A-1959)

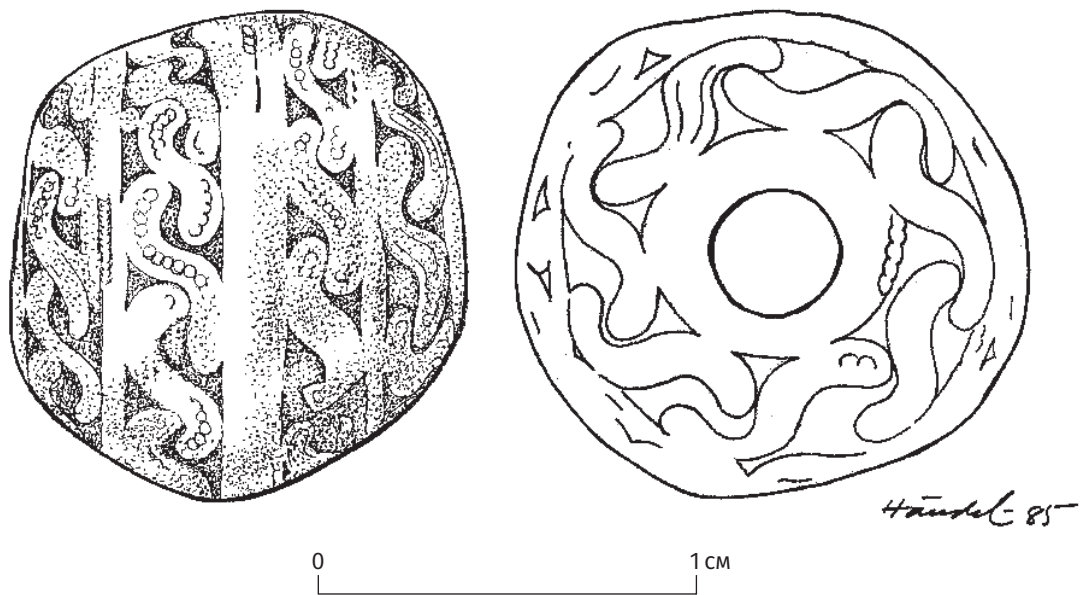
Ил. 47. Сёдра Хусбю, курган 1 (Södra Husby, Trossa-Vagnherad sn, Sö., RAÄ 177, A1). Профили кургана (Sätlvik A-1959)

Ил. 48. Сёдра Хусбю, курган 1 (Södra Husby, Trosa-Vagnherad sn, Sö., RAÄ 177, A1). Находки. Без масштаба. 1, 2 — стекло; 3-5 — золото; 6 — золото, зеленое стекло (рисунки из собрания АТА, Стокгольм)

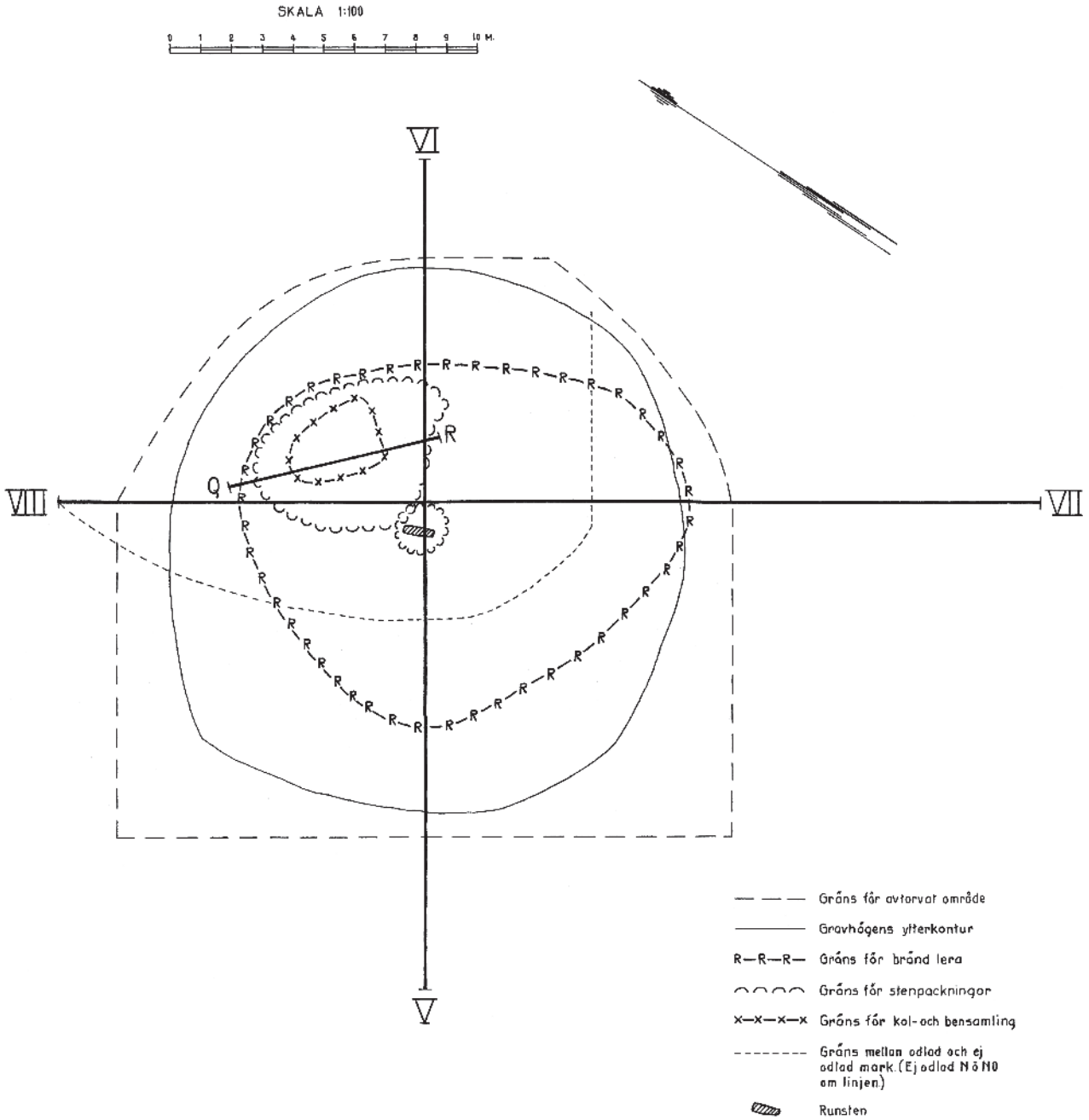
Ил. 49. Сёдра Хусбю, курган 1 (Södra Husby, Trosa-Vagnherad sn, Sö., RAÄ 177, A1). Фрагменты костяных гребней

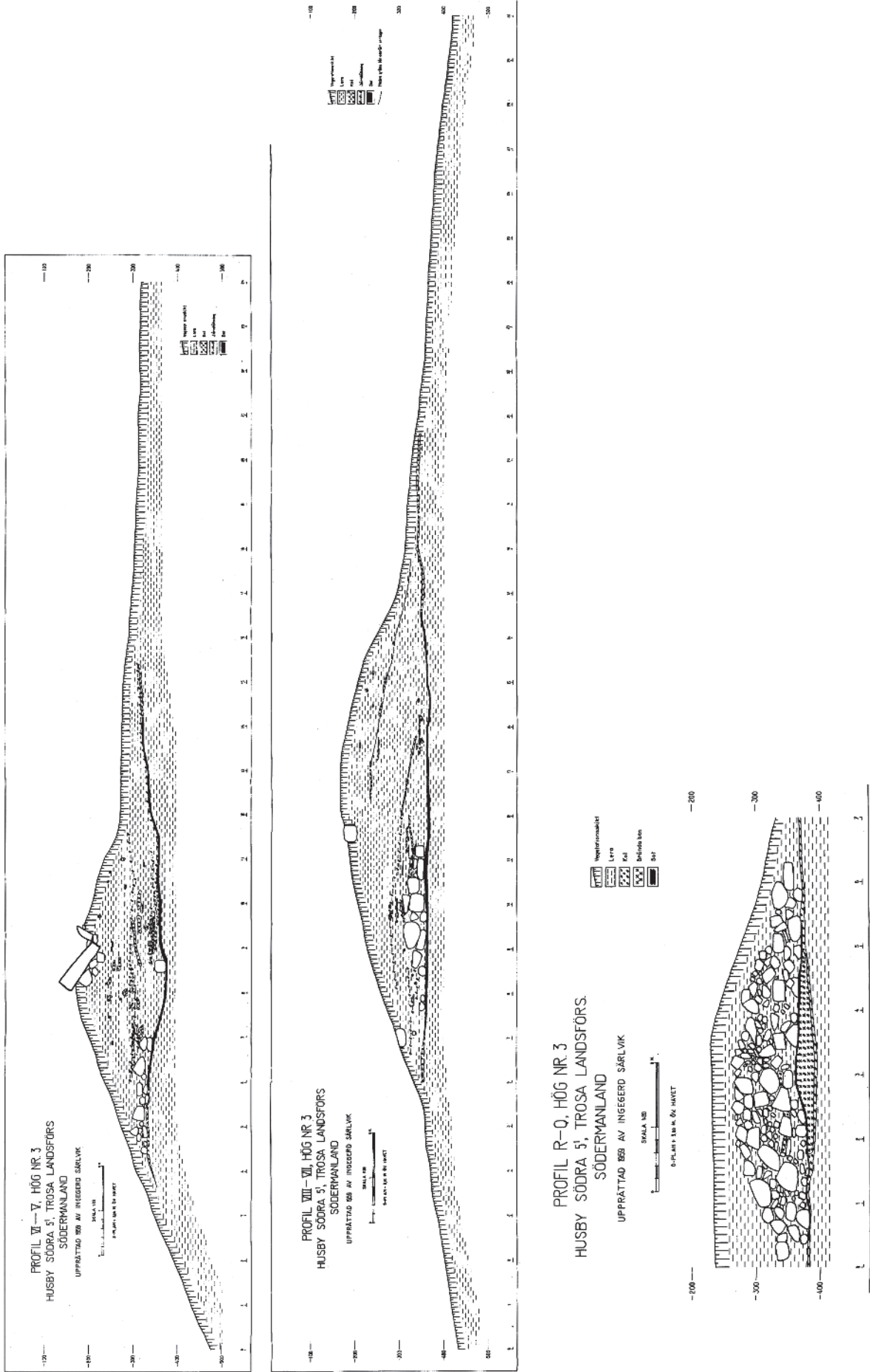
Ил. 50. Сёдра Хусбю, курган 1 (Södra Husby, Trosa-Vagnherad sn, Sö., RAÄ 177, A1). Золотая бусина со сканным декором (рисунок из собрания АТА, Стокгольм)

ÖVERSIKTSPLAN ÖVER HÖG NR. 3 HUSBY SÖDRA 5¹, TROSA LANDSFÖRS. SÖDERMANLAND

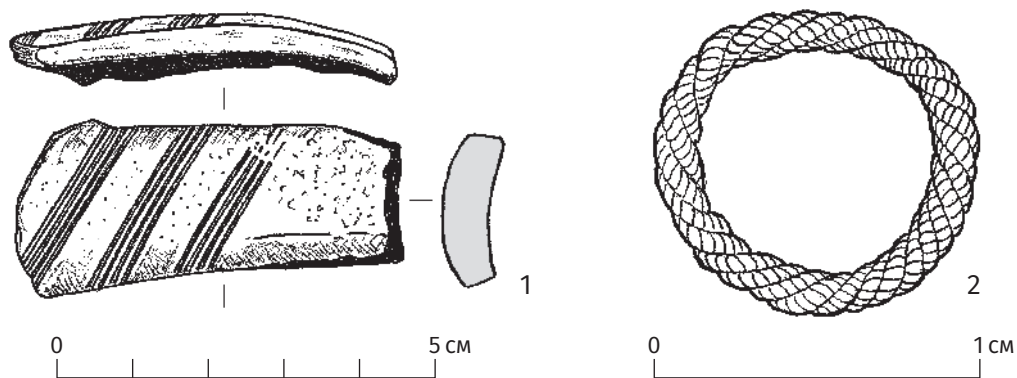
UPPRÄTTAD 1959 AV INGEGERD SÄRLVIK

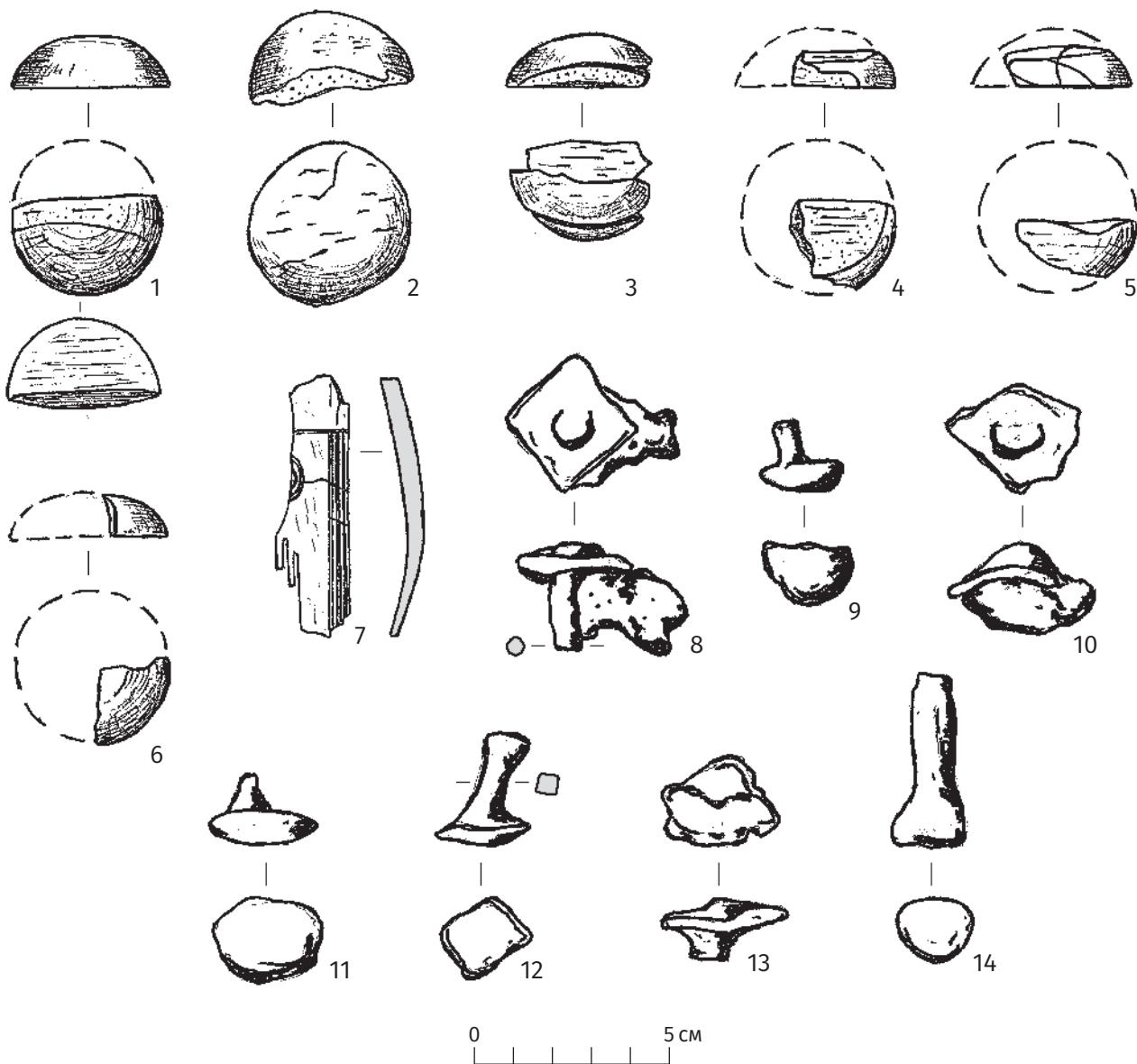
Ил. 51. Сёдра Хусбю, курган 3 (Södra Husby, Trosa-Vagnerad sn, Sö., RAÄ 177, A3). План кургана (Särllvik A-1959)

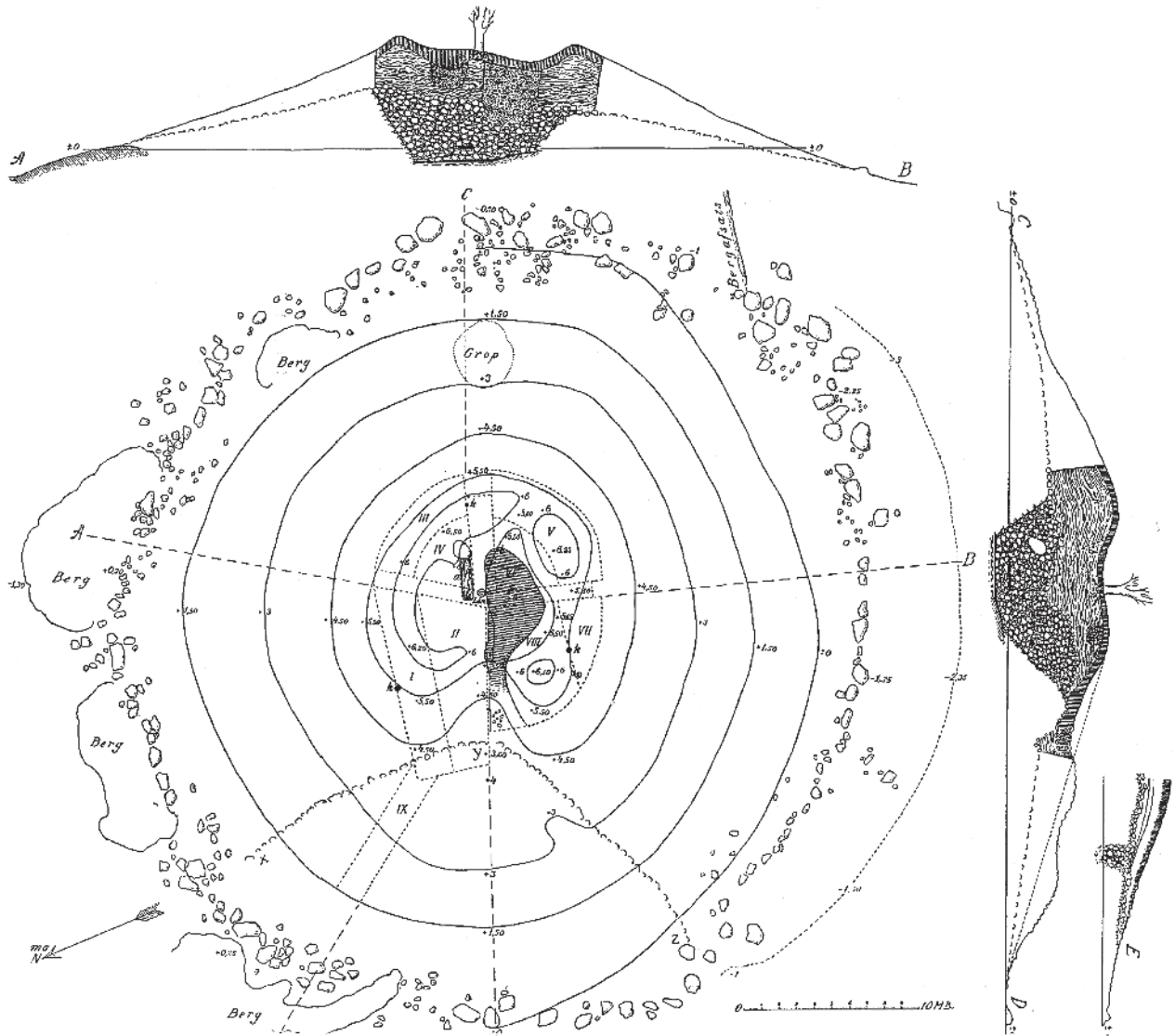
Ил. 52. Седра Хусбю, курган 3 (Södra Husby, Trosa-Vagnherad sn, Sö., RAÄ 177, A3). Профили кургана и погребения (Särlvik A-1959)

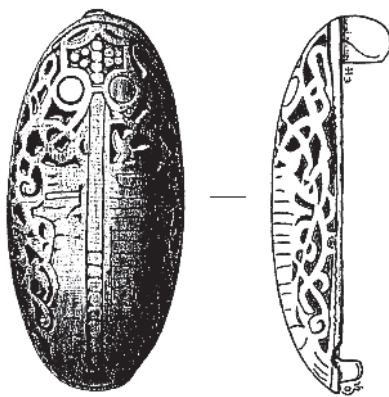
Ил. 53. Сёдра Хусбю, курган 3 (Södra Husby, Trosa-Vagnherad sn, Sö., RAÄ 177, A3). Фрагмент гребня шлема и кольцо из сканной проволоки. 1 – бронза; 2 – золото

Ил. 54. Сёдра Хусбю, курган 3 (Södra Husby, Trosa-Vagnherad sn, Sö., RAÄ 177, A3). Фрагменты изделий из кости (1–7) и железа (8–14)

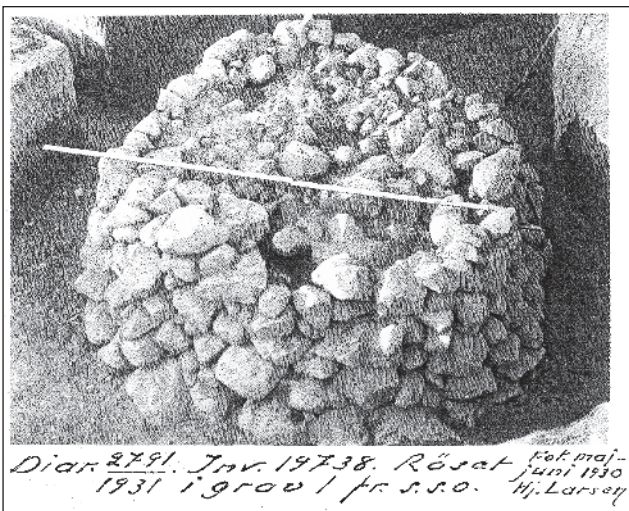
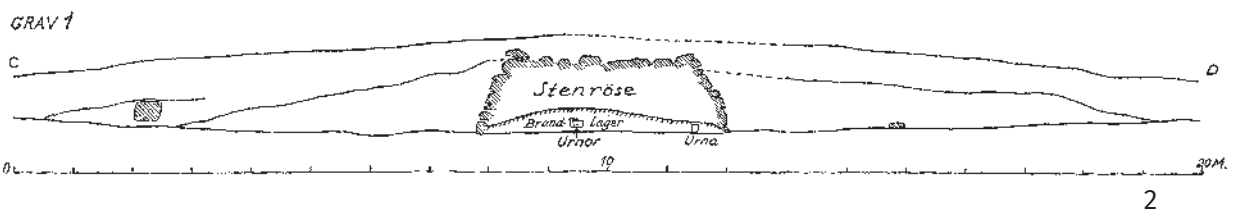
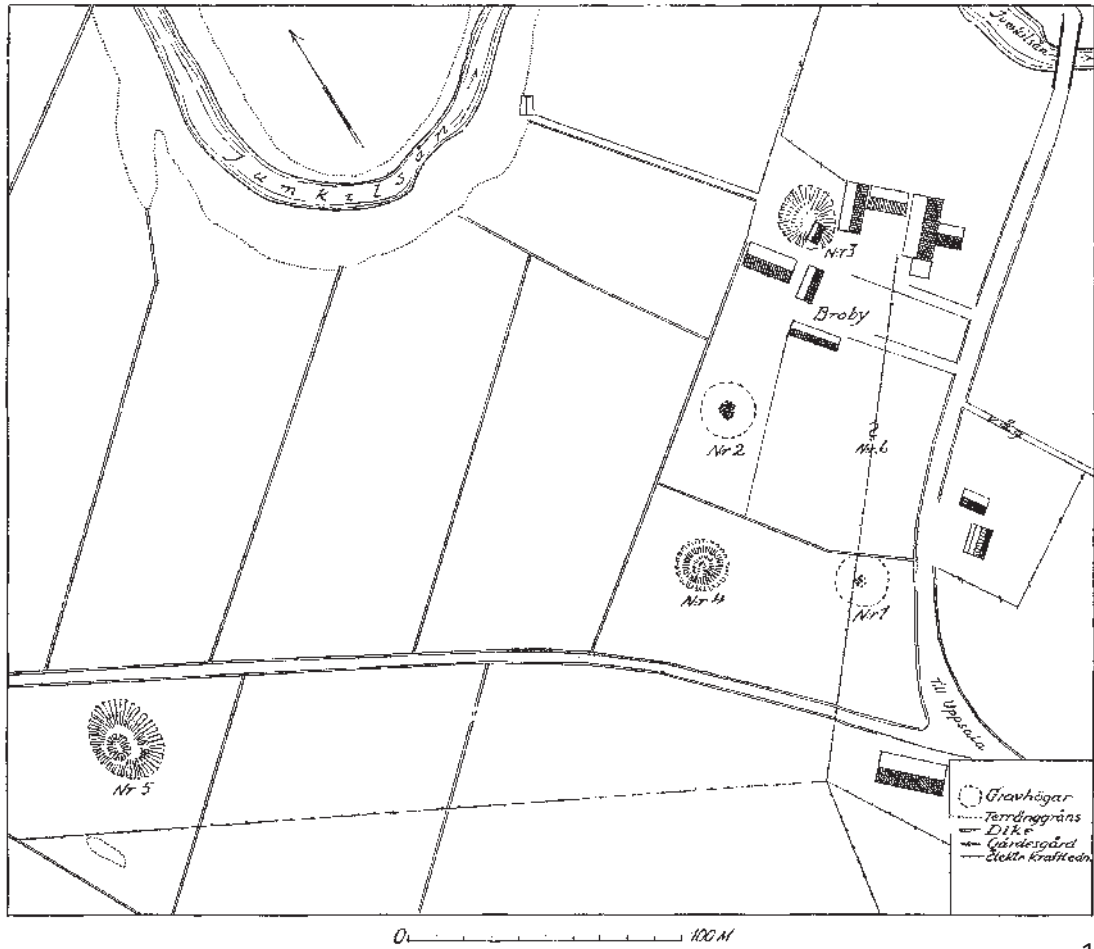
1

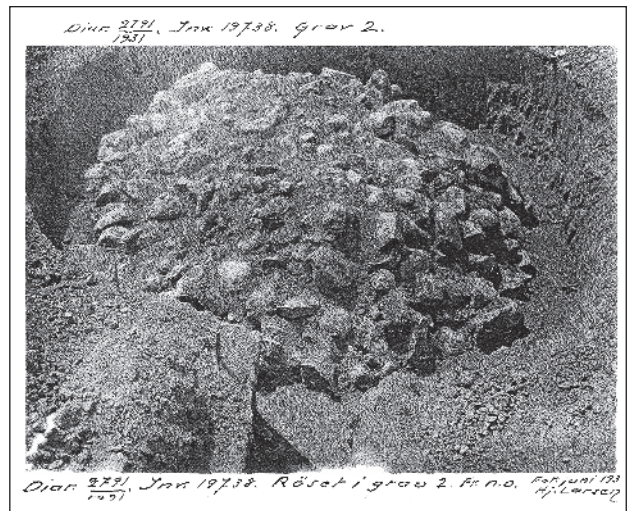
2

Ил. 55. Хора (Håga, Bondkyrka sn, Up., RAÄ 356, Kung Björns hög).
Сверху — план и профили кургана; внизу — находки вне контекста
из верхней части насыпи. 1 — железо; 2 — бронза (Almgren 1905)

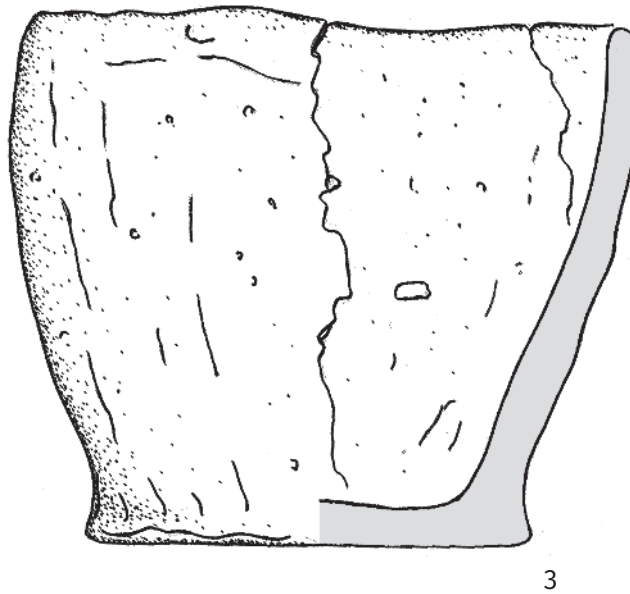
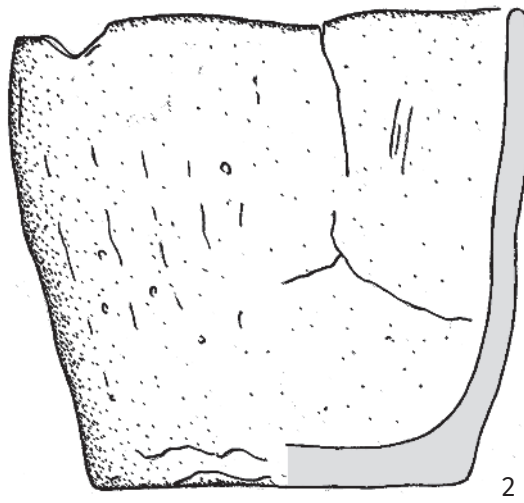
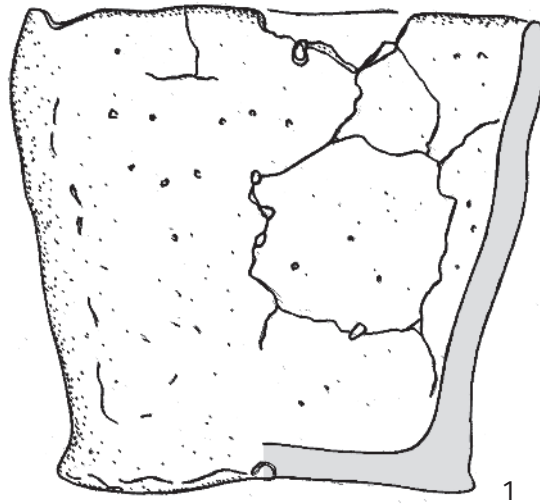

3

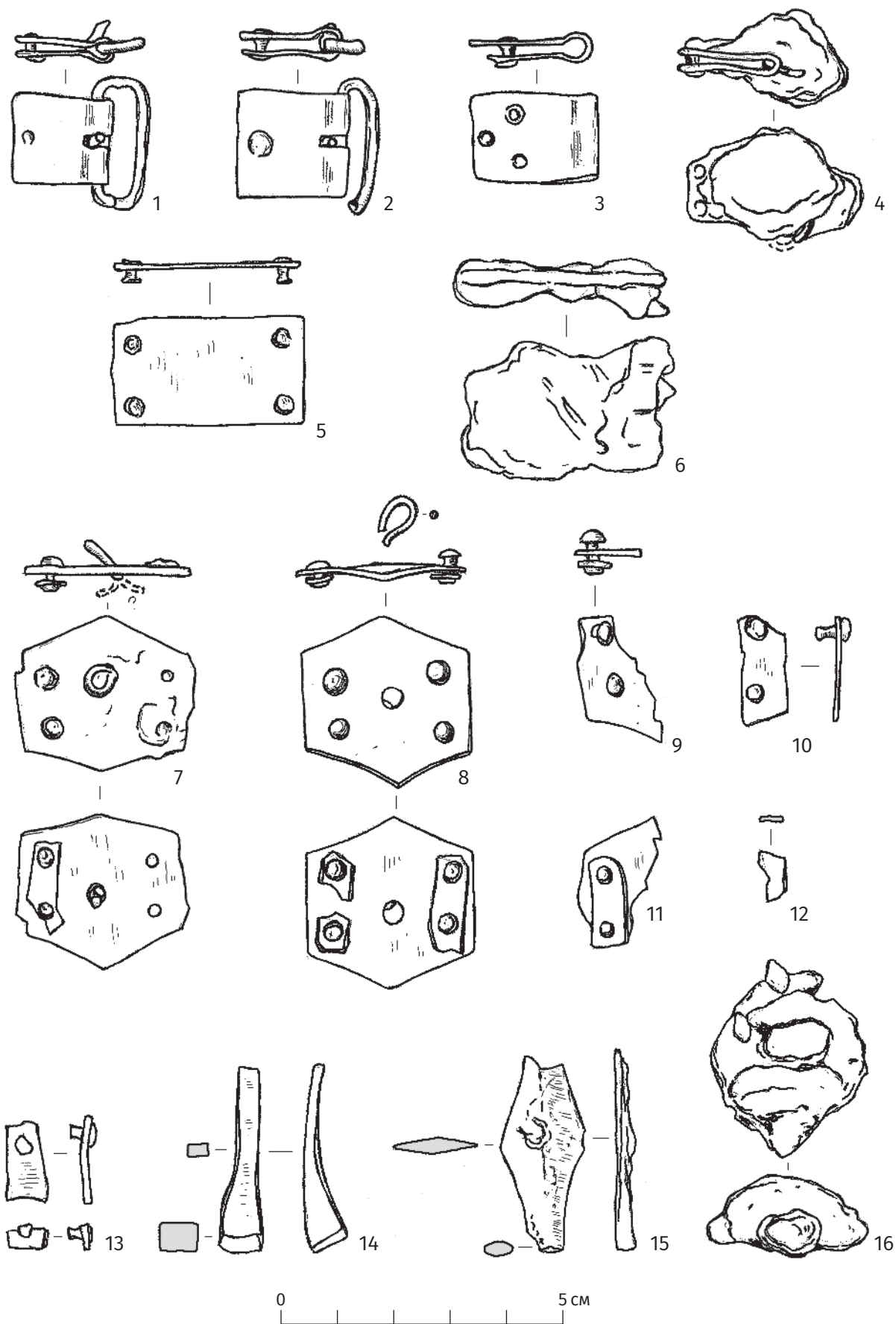
4

Ил. 56. Брубю (Broby, Börje sn, Up, RAÄ 26). 1 — план курганного могильника; 2 — разрез кургана 1 (Lindqvist 1936); 3 — каменная кладка в кургане 1; 4 — каменная кладка в кургане 2. Фотографии Х. Ларсена 1930 и 1931 гг. АТА

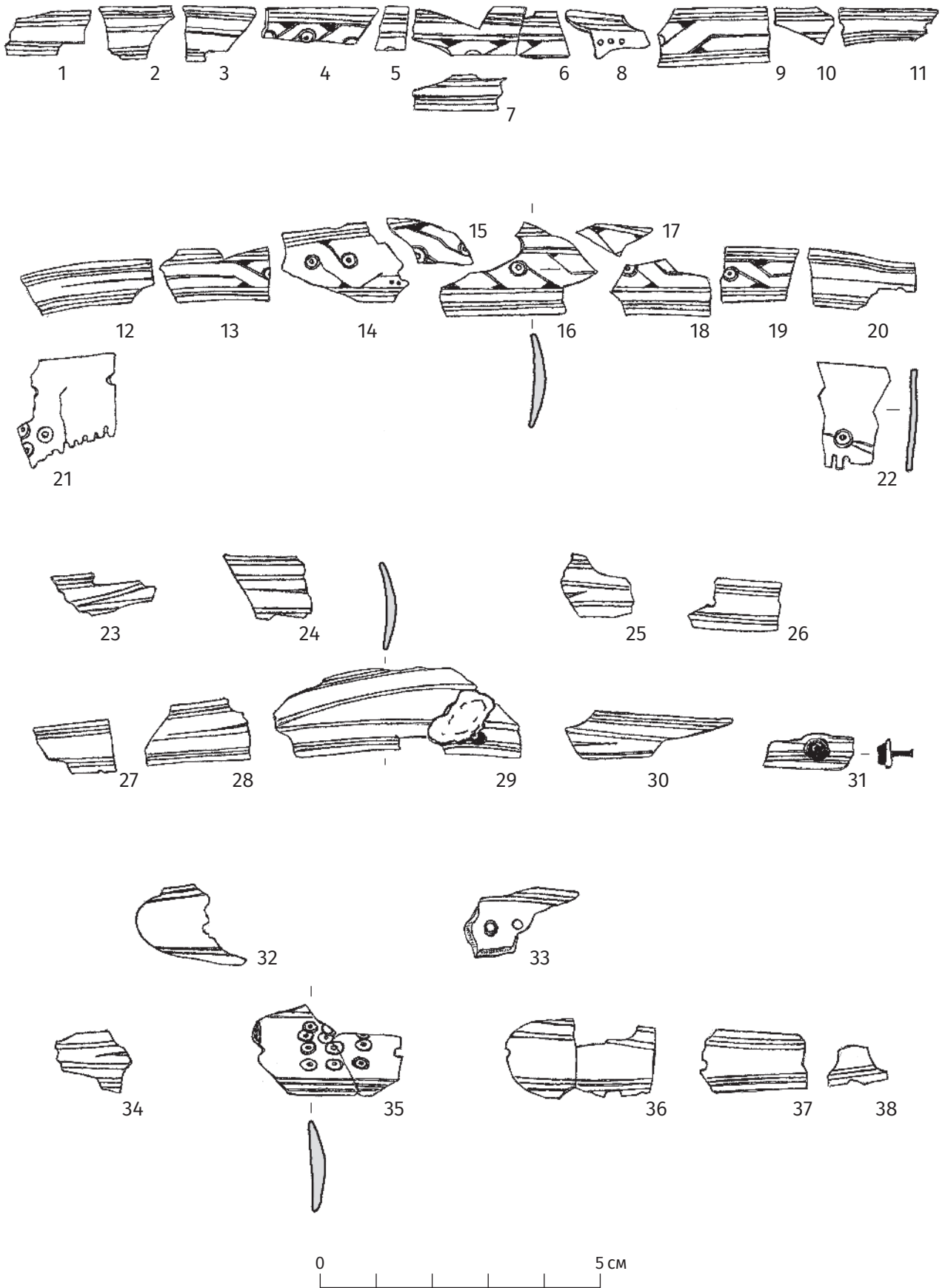

0 5 см

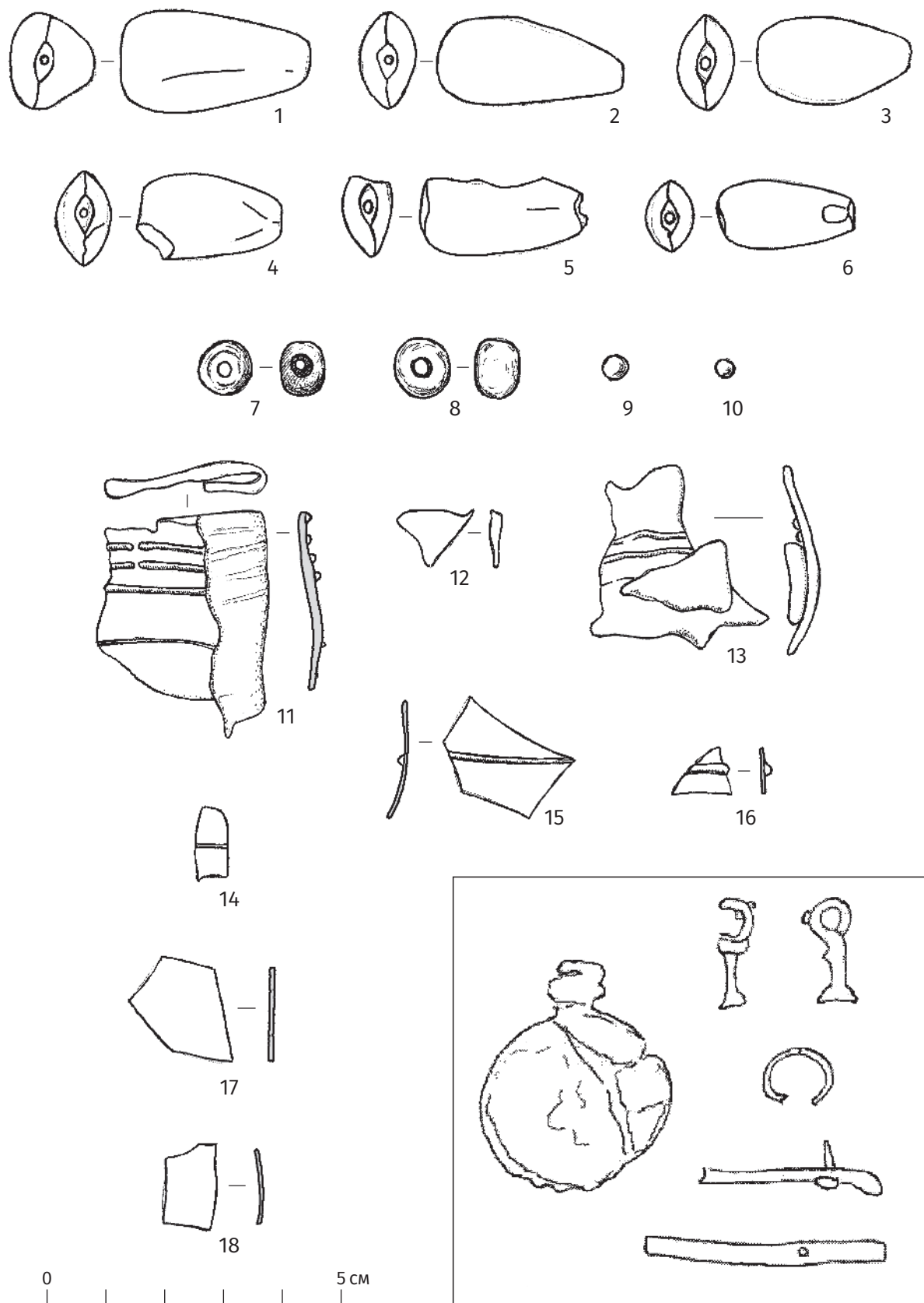
Ил. 57. Брубю, курган 1 (Broby, Vörje sn, Ур., RAÄ 26, A1). Лепная керамика

Ил. 58. Брубю, курган 1 (Broby, Börje sn, Up., RAÄ 26, A1). Предметы из железа

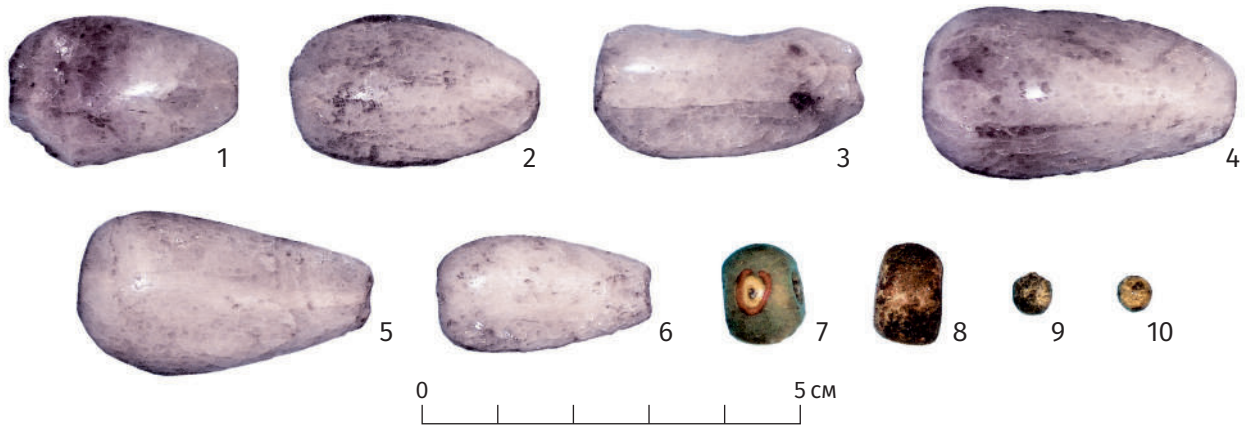

Ил. 59. Брубя, курган 1 (Вробу, Vörje sn, Up., RAÄ 26, A1). Фрагменты трех костяных гребней

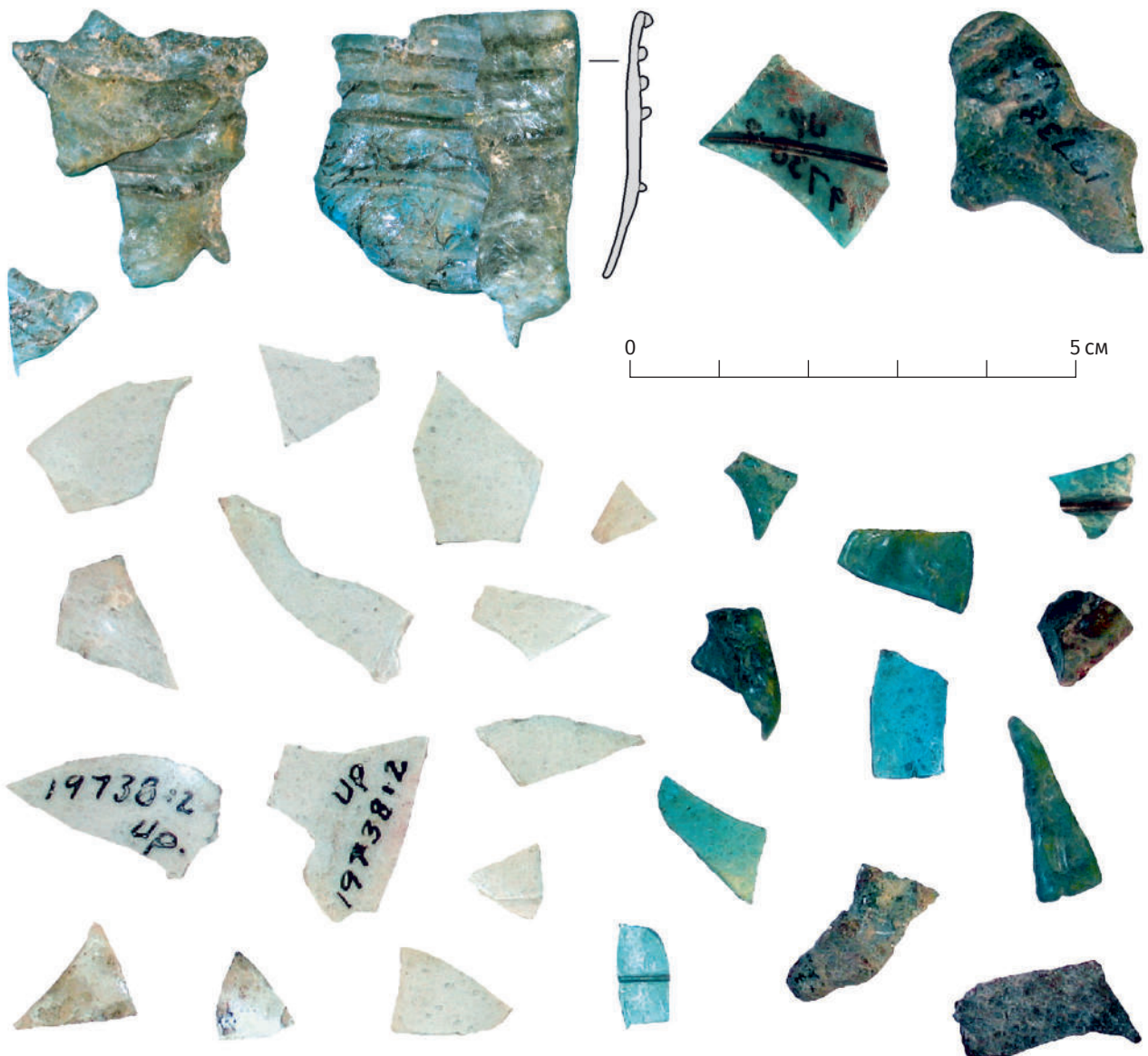

19

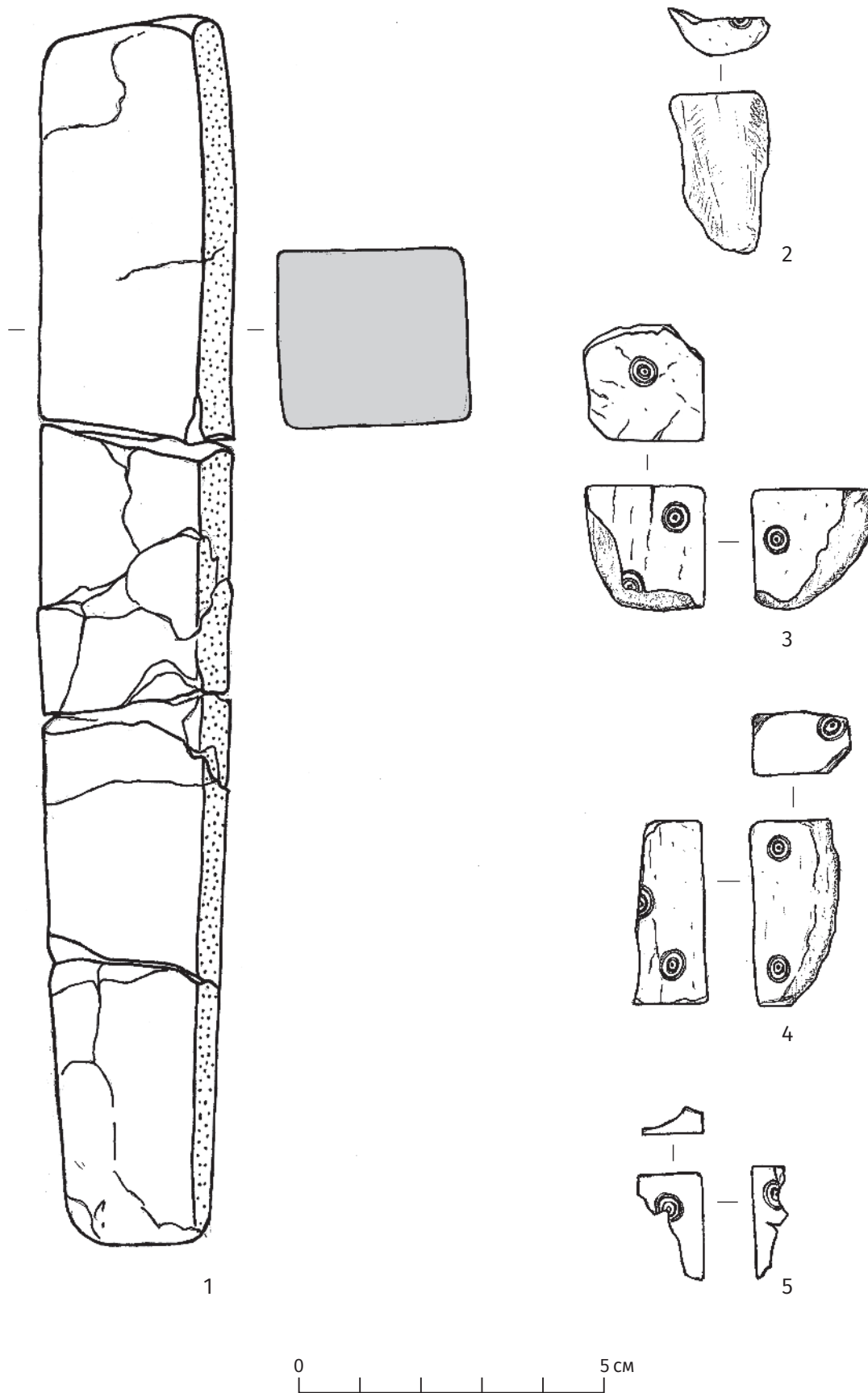
Ил. 60. Брубю, курган 1 (Broby, Börje sn, Up., RAÄ 26, A1). Аметистовые (1-6) и стеклянные (7-10) бусы; фрагменты стеклянных сосудов. 19 — рисунки изделий из бронзы из Huvudkatalog SHM

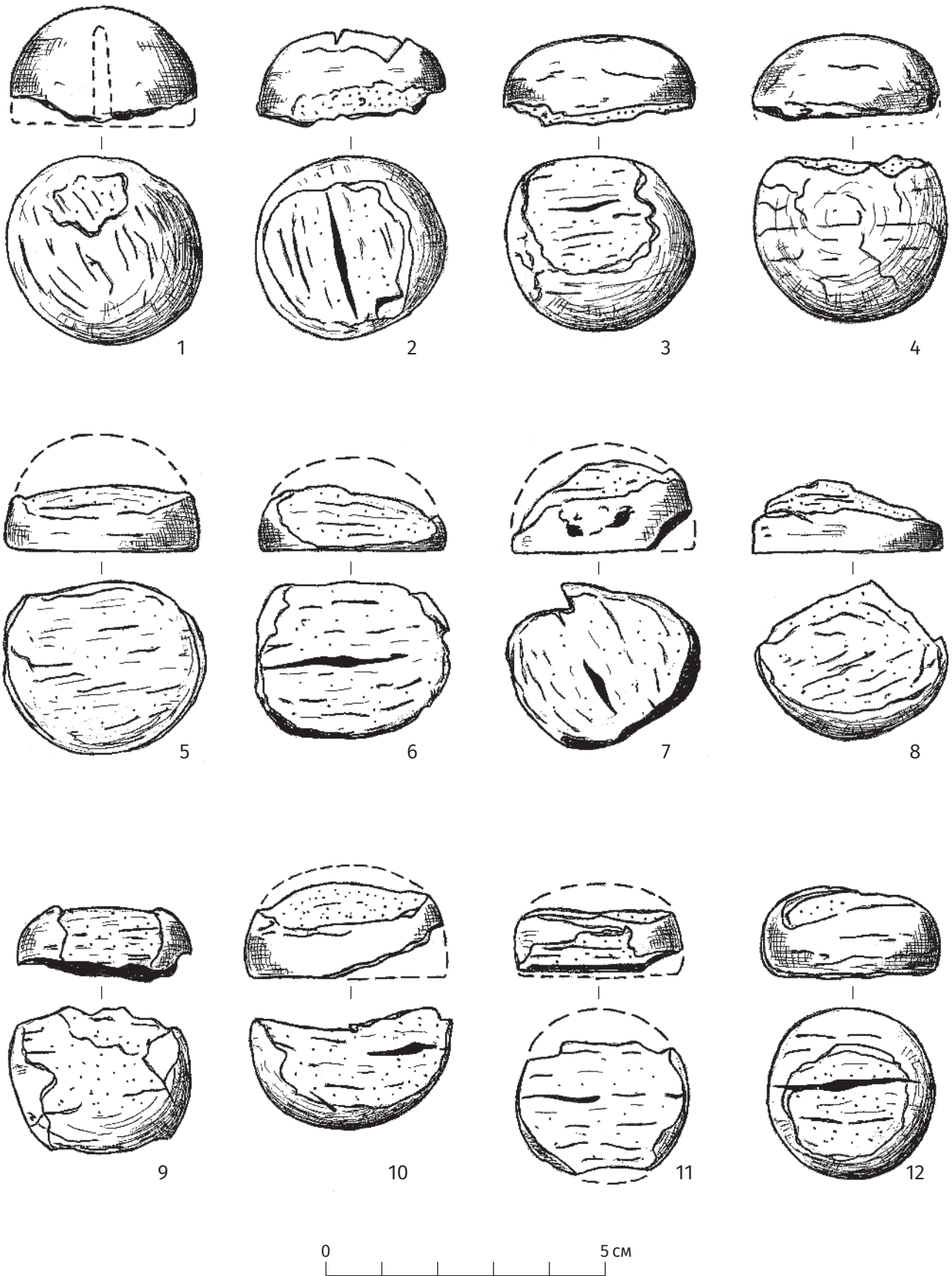
Ил. 61. Брубю, курган 1 (Brobju, Börje sn, Up., RAÄ 26, A1). Аметистовые (1–6) и стеклянные (7–10) бусы

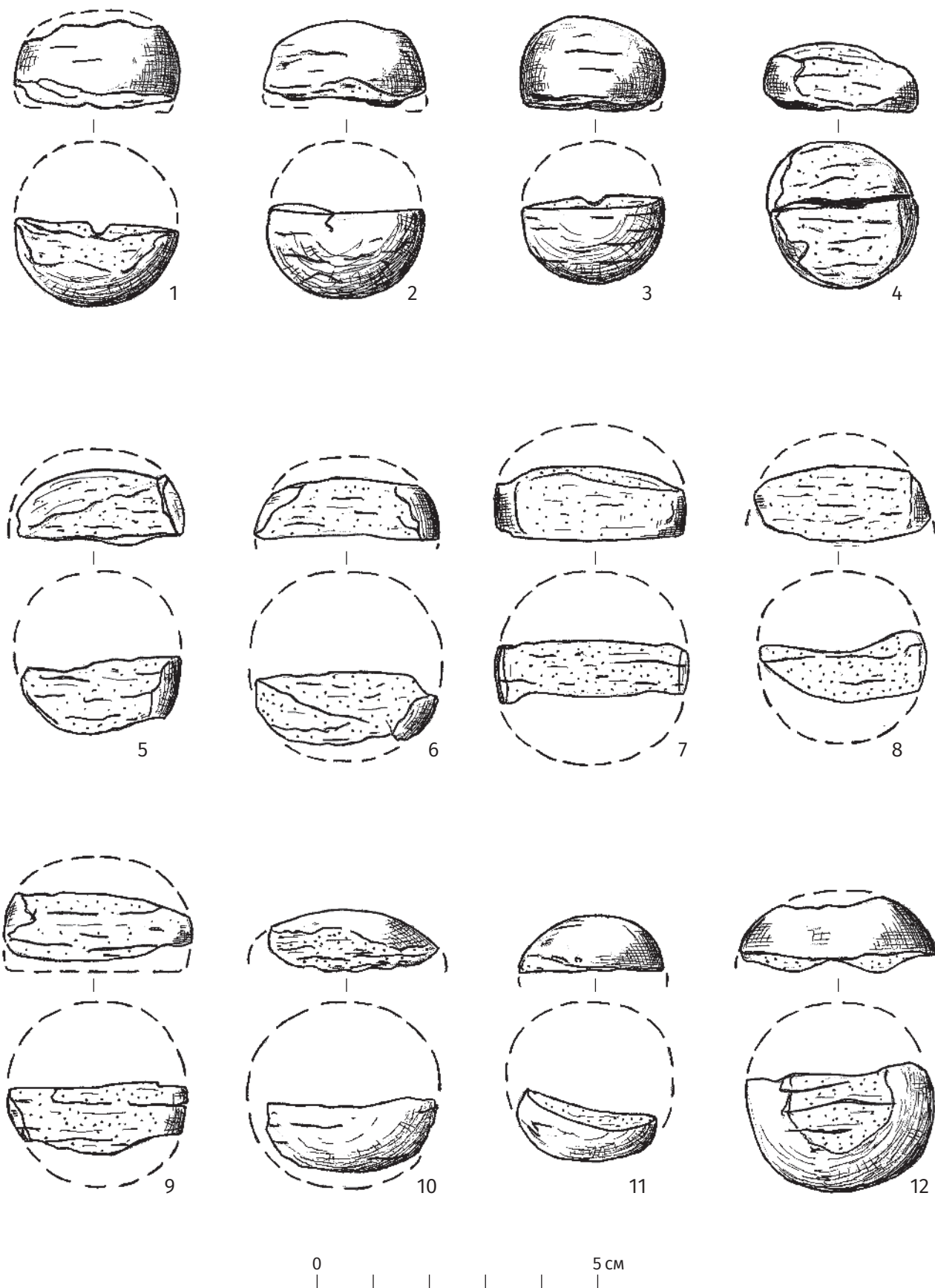
Ил. 62. Брубю, курган 1 (Brobju, Börje sn, Up., RAÄ 26, A1). Фрагменты стеклянных сосудов

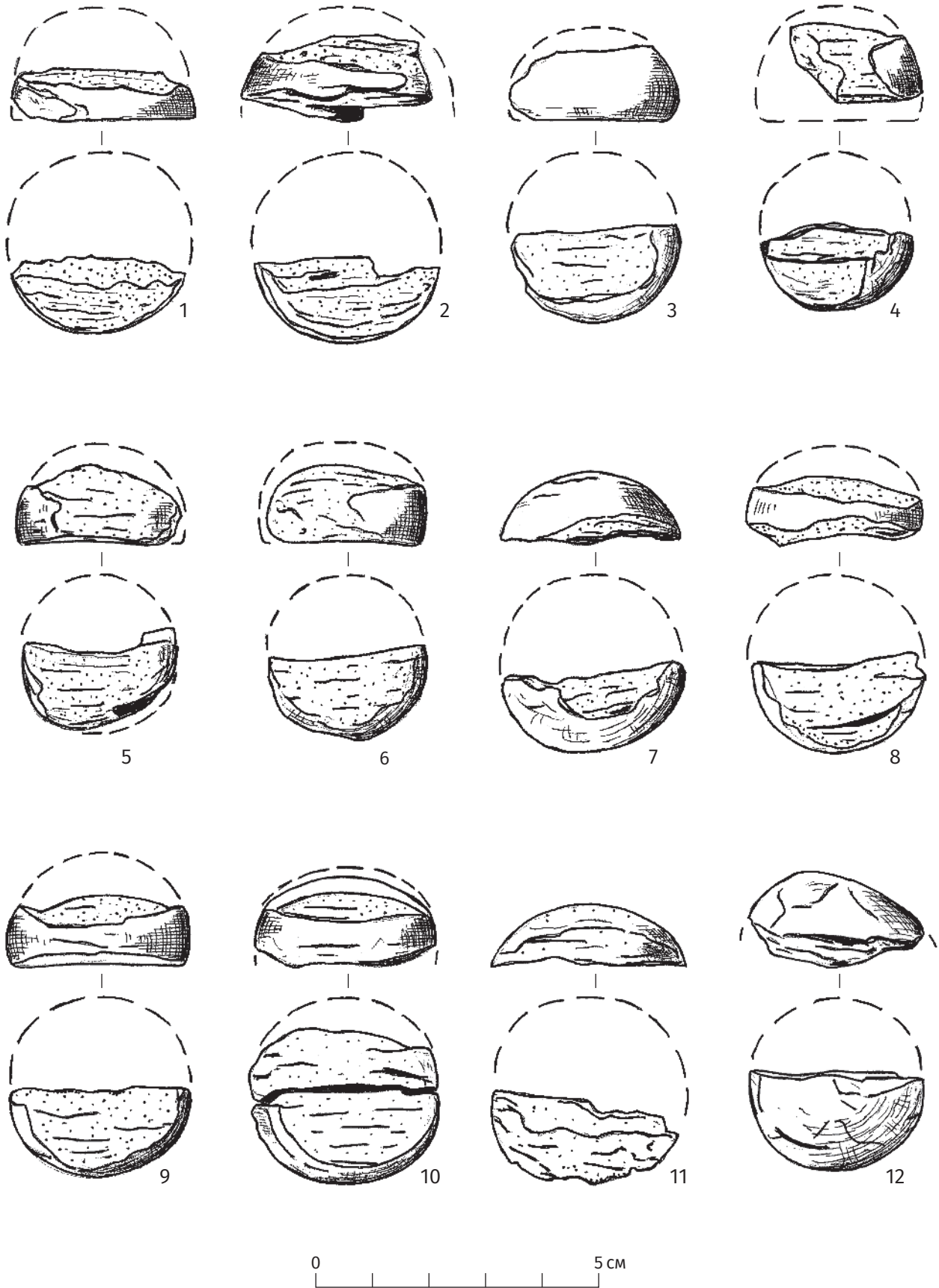
Ил. 63. Брубю, курган 1 (Broby, Börje sn, Up., RAÄ 26, A1). Каменный оселок (1) и игральные кости

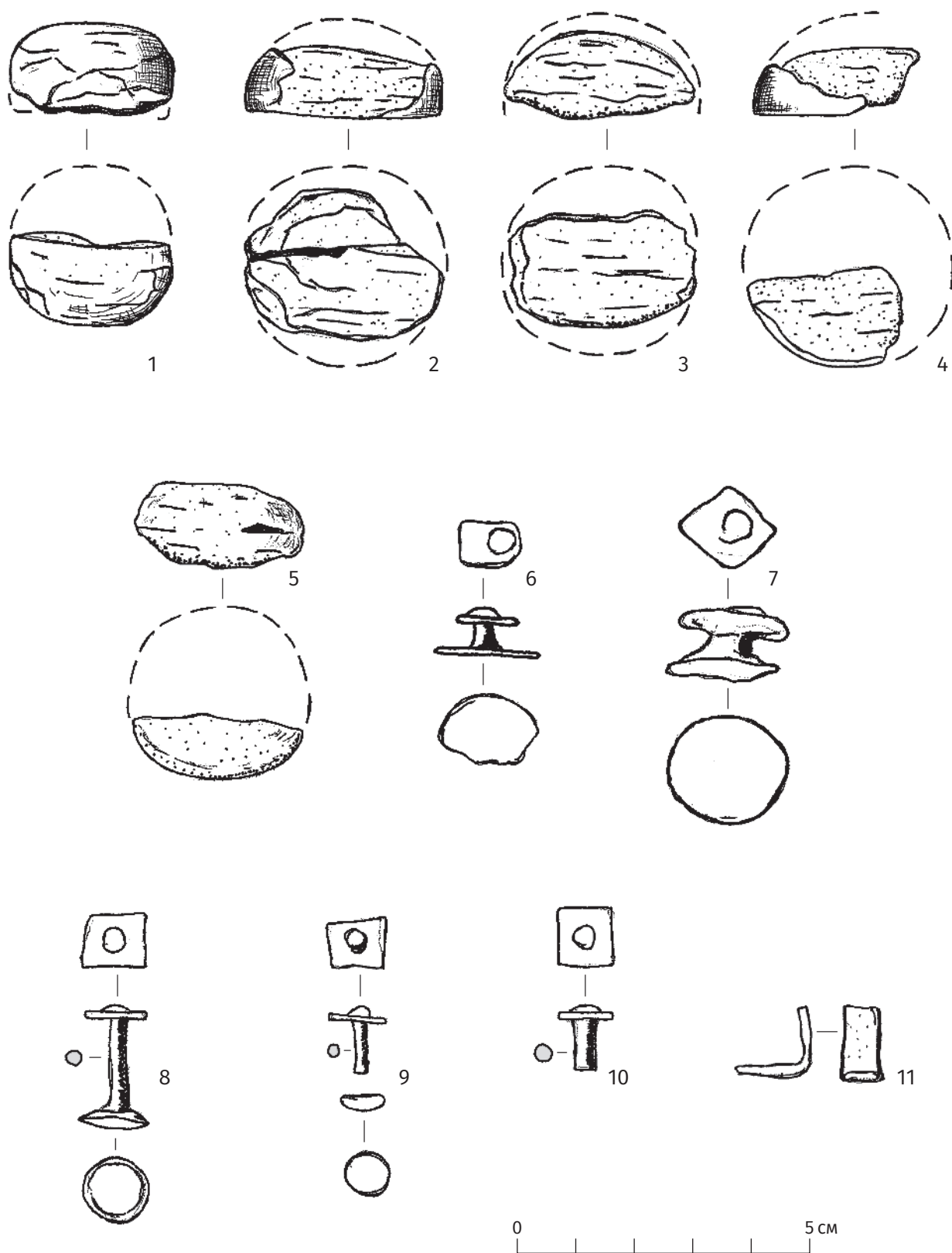
Ил. 64. Брубю, курган 1 (Broby, Börje sn, Up., RAÄ 26, A1). Костяные игральные фишки

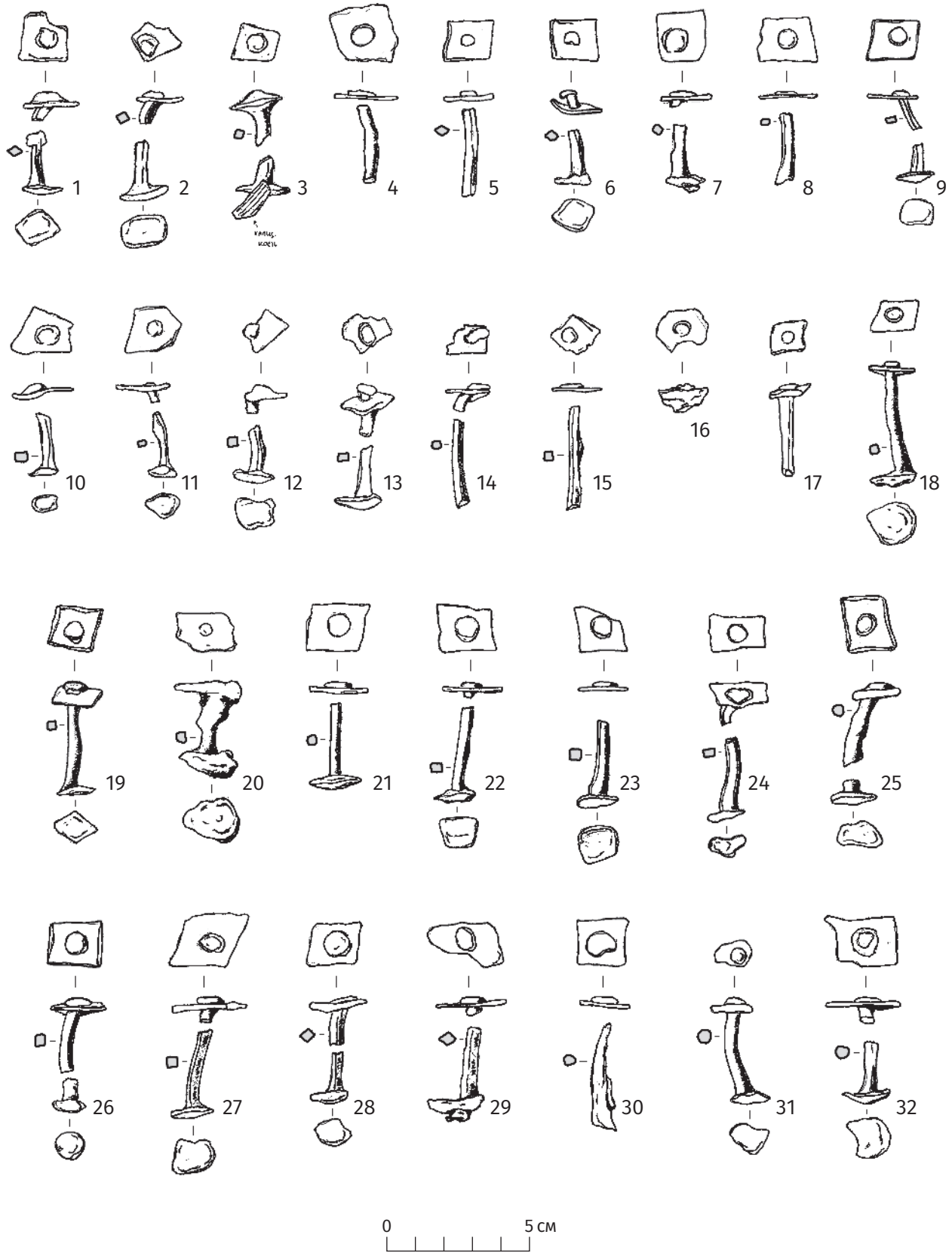
Ил. 65. Брубю, курган 1 (Broby, Vörje sn, Up., RAÄ 26, A1). Костяные игральные фишки

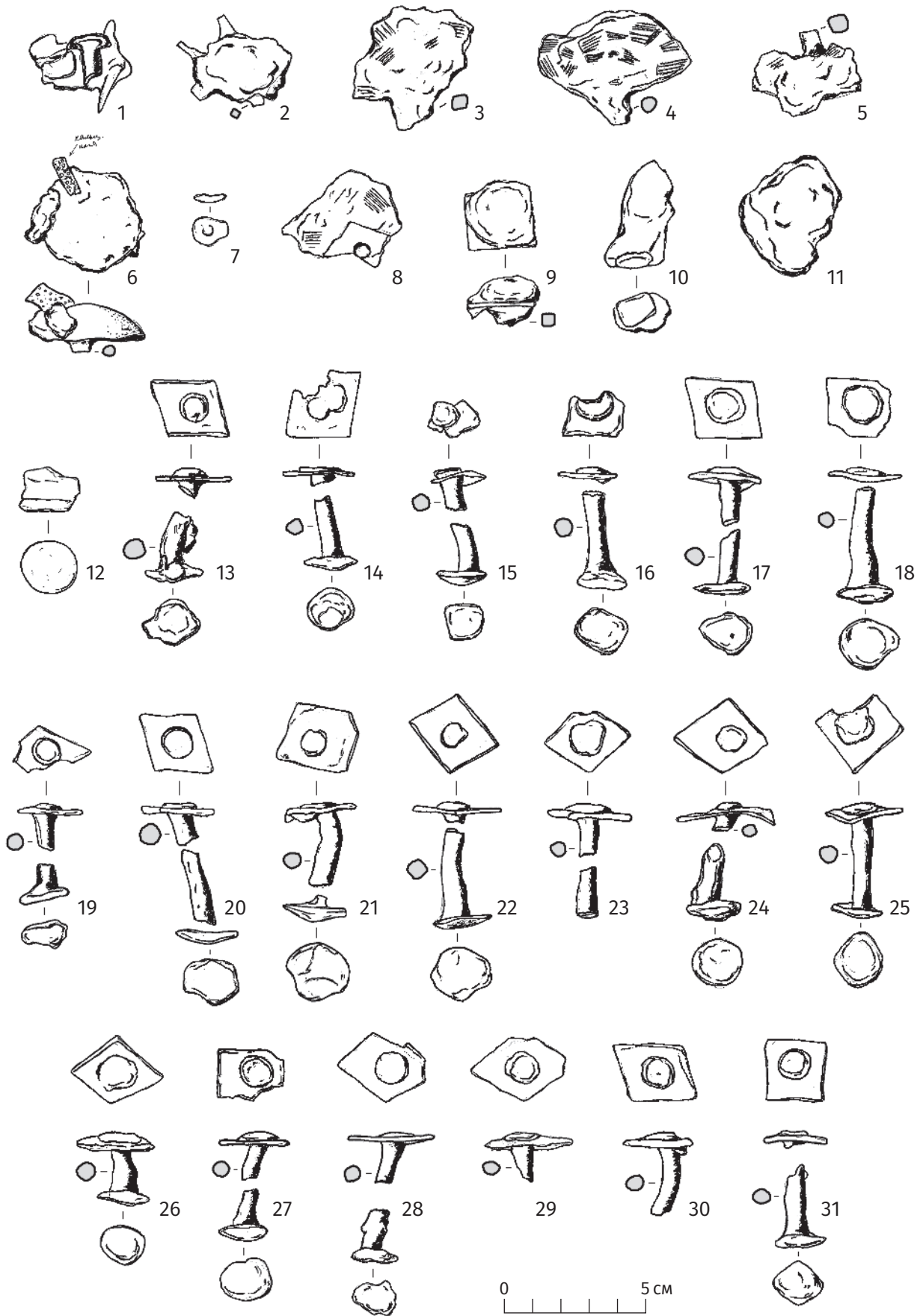
Ил. 66. Брубю, курган 1 (Broby, Börje sn, Up., RAÄ 26, A1). Костяные игральные фишки

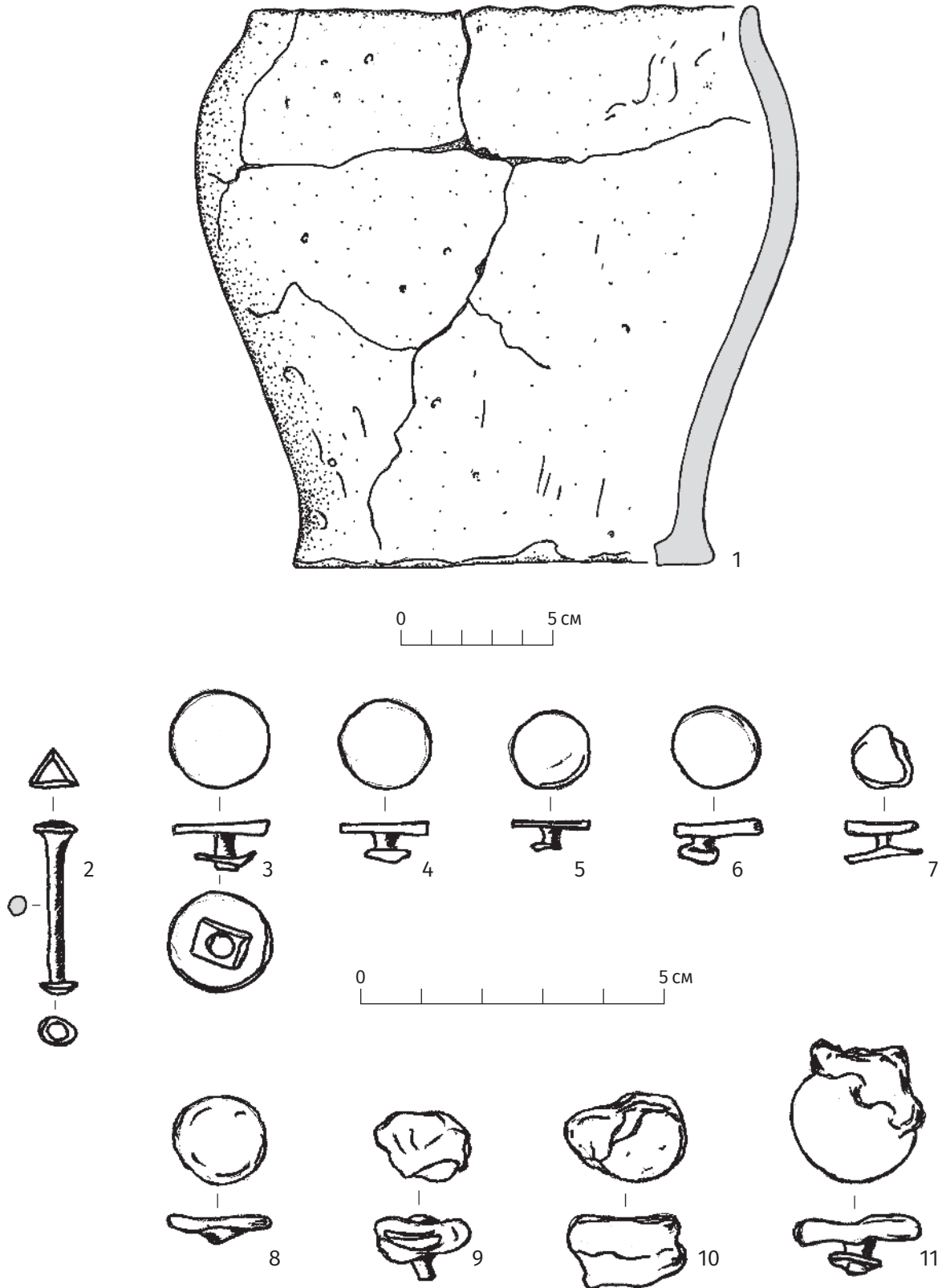
Ил. 67. Брубю, курган 1 (Vroby, Börje sn, Up., RAÄ 26, A1). Костяные игральные фишки (1–5) и изделия из железа: заклепки ременной сбруи (6, 7), детали ларца (?) – 8–11

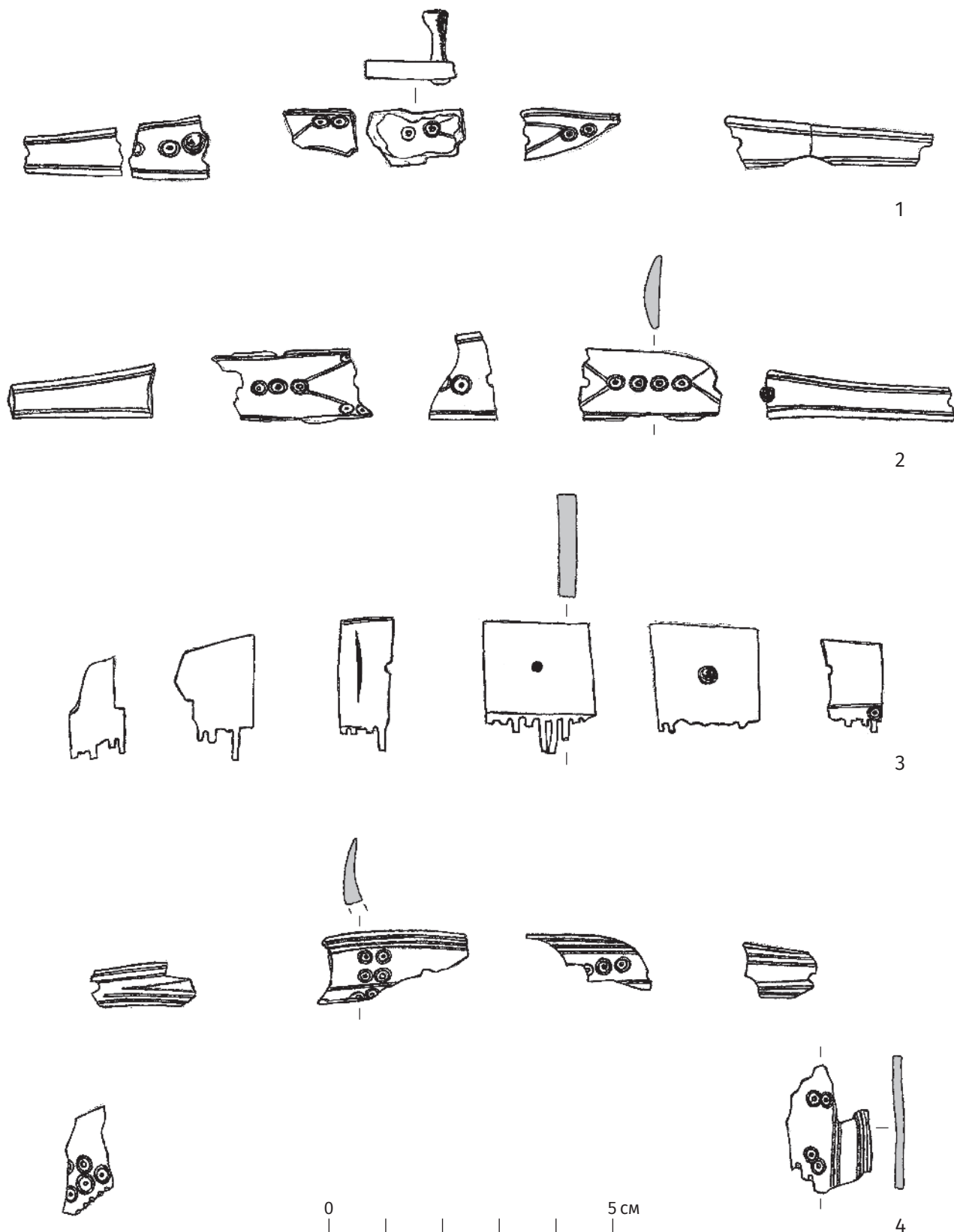
Ил. 68. Брубю, курган 1 (Broby, Vörje sn, Up., RAÄ 26, A1). Изделия из железа

Ил. 69. Брубю, курган 1 (Broby, Börje sn, Up., RAÄ 26, A1). Изделия из железа

Ил. 70. Брубю, курган 2 (Vroby, Börje sn, Up., RAÄ 26, A2). Лепной сосуд (1); железная декоративная заклепка (2) и железные детали сбруйной гарнитуры (3–11)

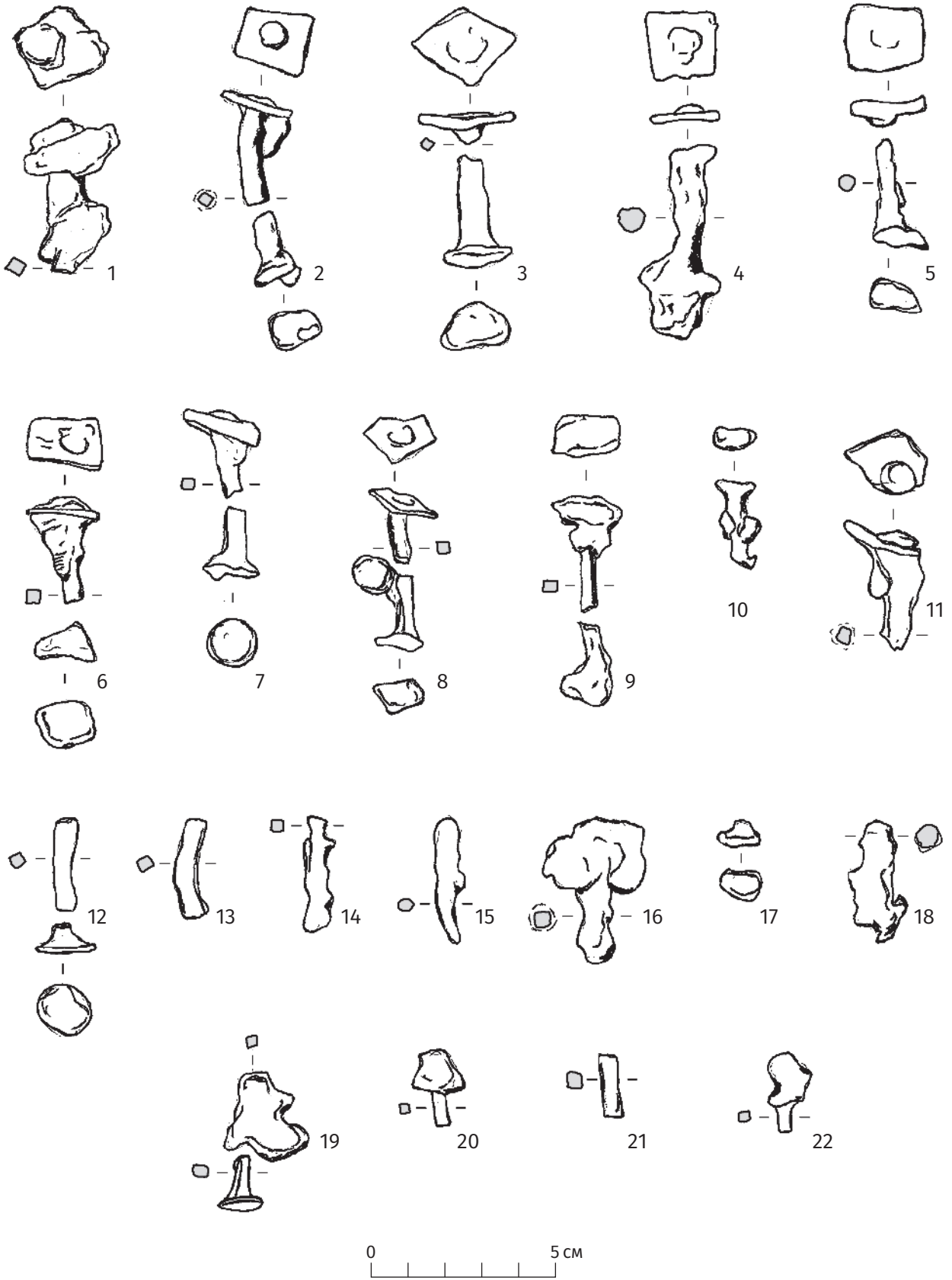
Ил. 71. Брубю, курган 2 (Vroby, Vörje sn, Up., RAÄ 26, A2). Обломки костяных гребней

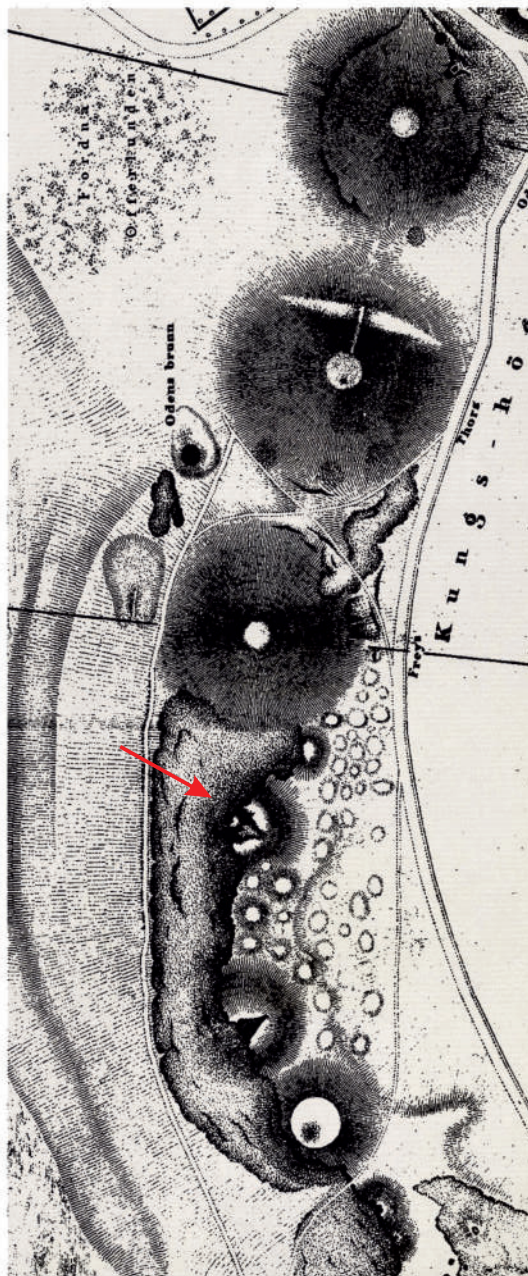
Ил. 72. Брую, курган 2 (Broby, Börje sn, Up., RAÄ 26, A2). Костяные игральные фишки

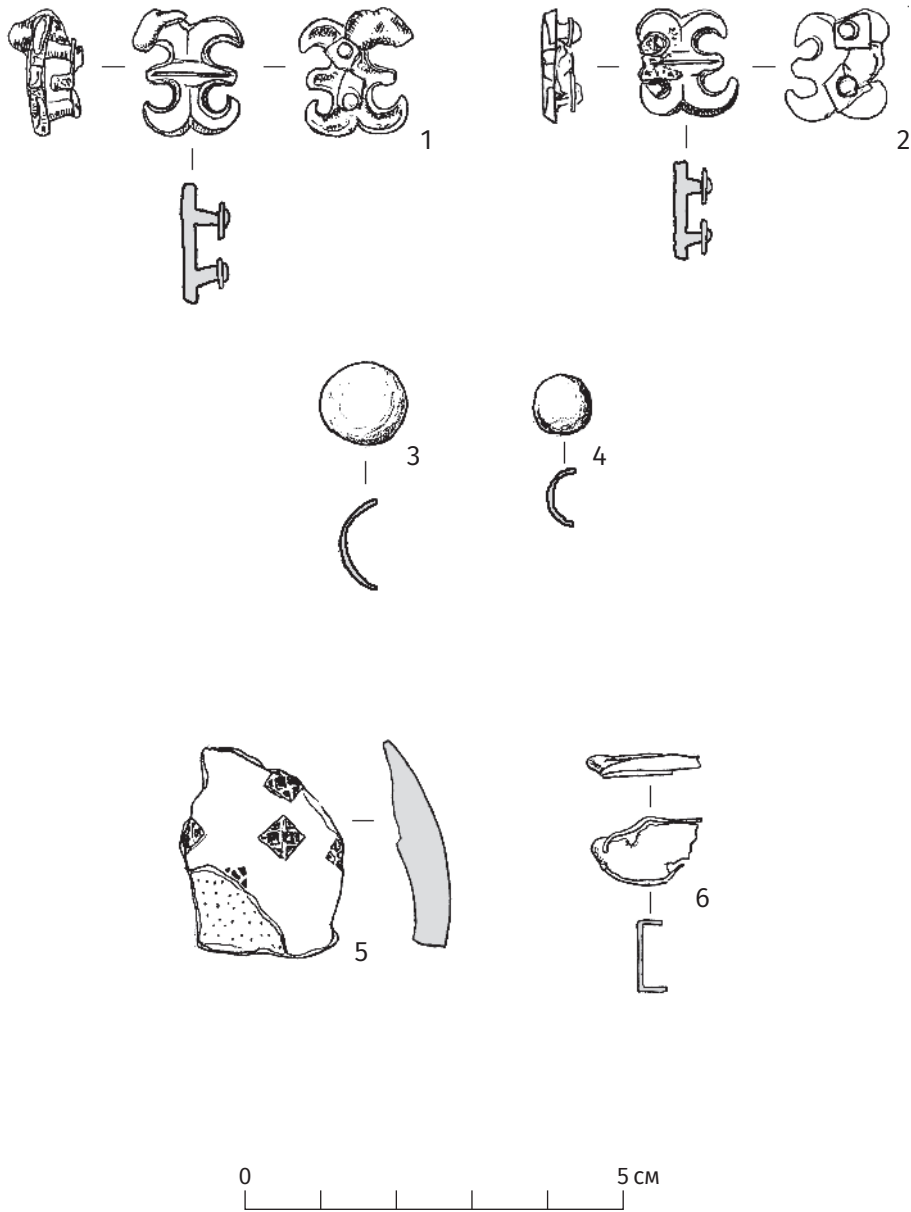
Ил. 73. Брубю, курган 2 (Broby, Börje sn, Up., RAÄ 26, A2). Костяные игральные фишки

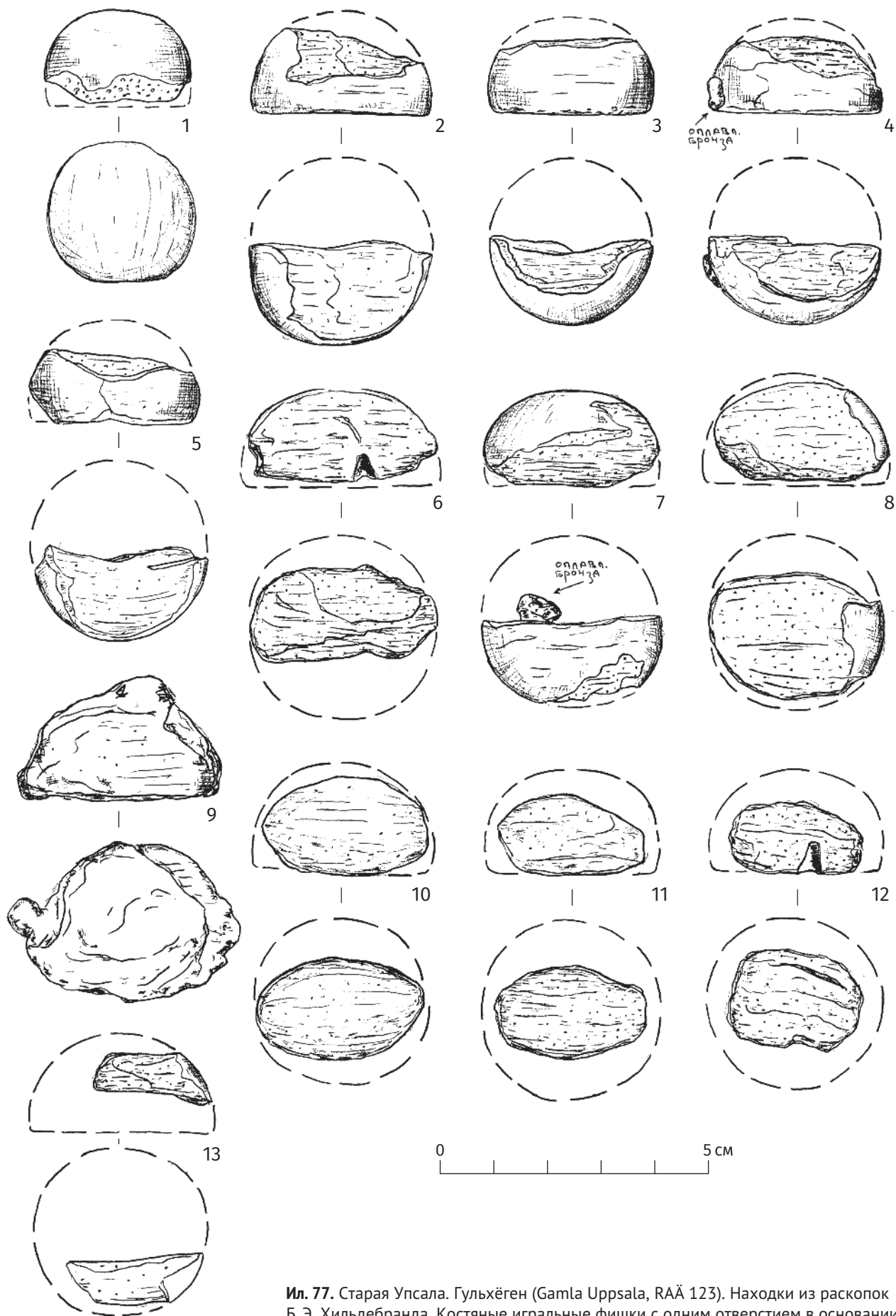
Ил. 74. Брубю, курган 2 (Broby, Vörje sn, Up., RAÄ 26, A2). Изделия из железа

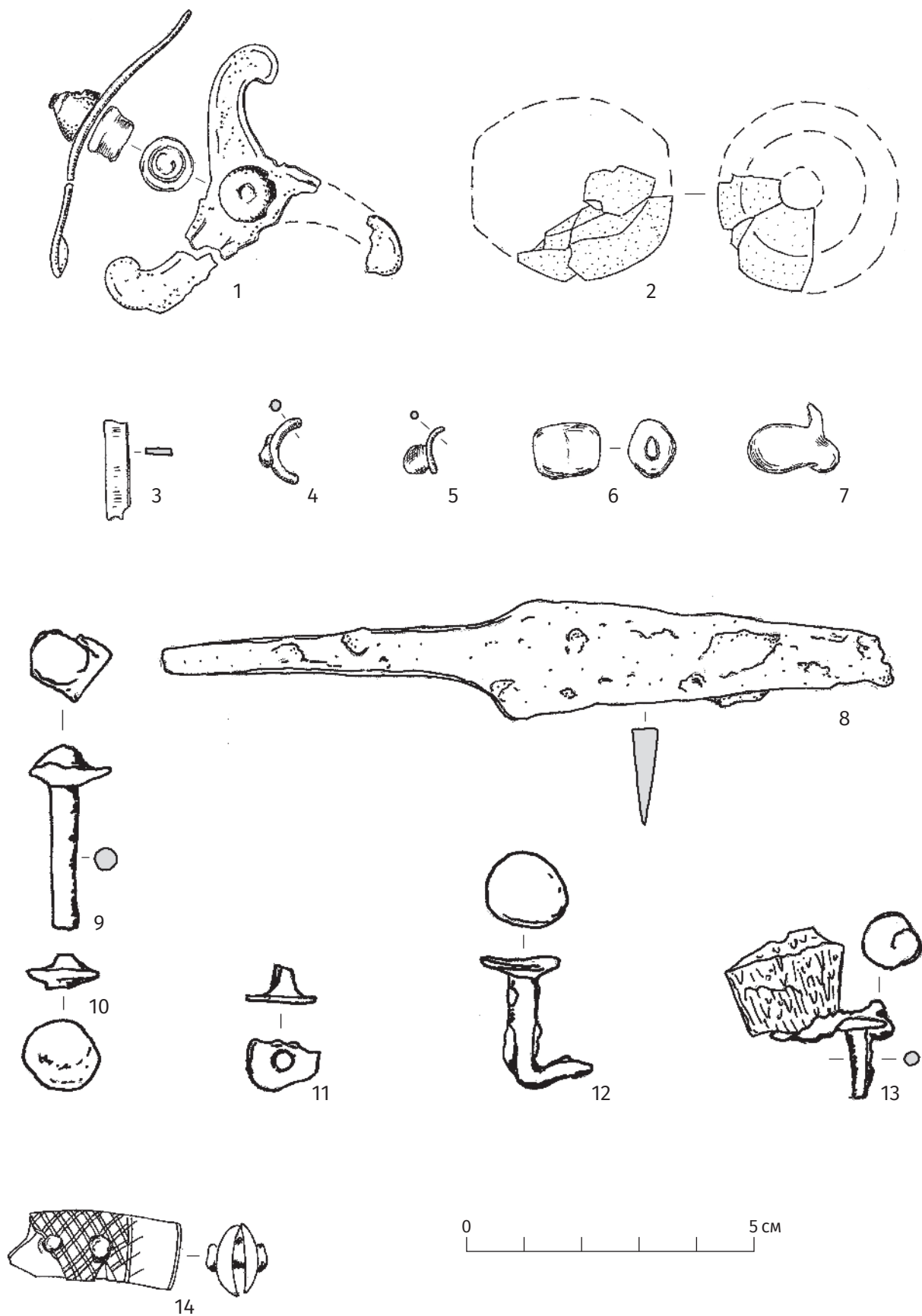
Ил. 75. Старая Упсала. Зарисовка и план курганной группы, сделанные в 1840-е гг. (Lindqvist 1936). Предполагаемое место кургана Гульхёген (Gamla Uppsala, RAÄ 123), раскопанного Б. Э. Хильдебрандом 14, 16 и 19 сентября 1846 г., отмечено стрелкой

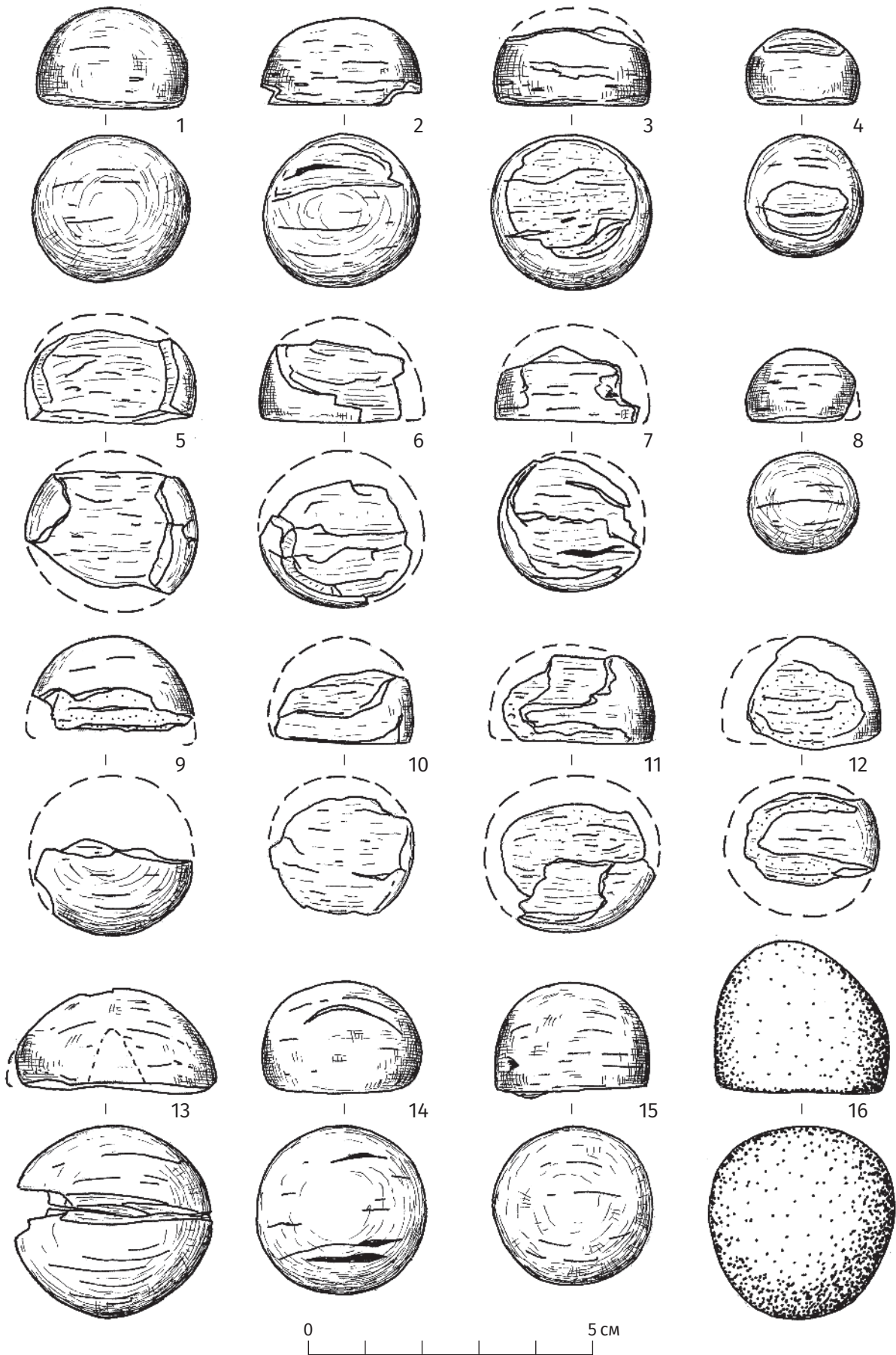
Ил. 76. Старая Упсала. Гульхёген (Gamla Uppsala, RAÄ 123). Находки из раскопок Б.Э. Хильдебранда.
1–4 – бронза; 5 – керамика; 6 – золото

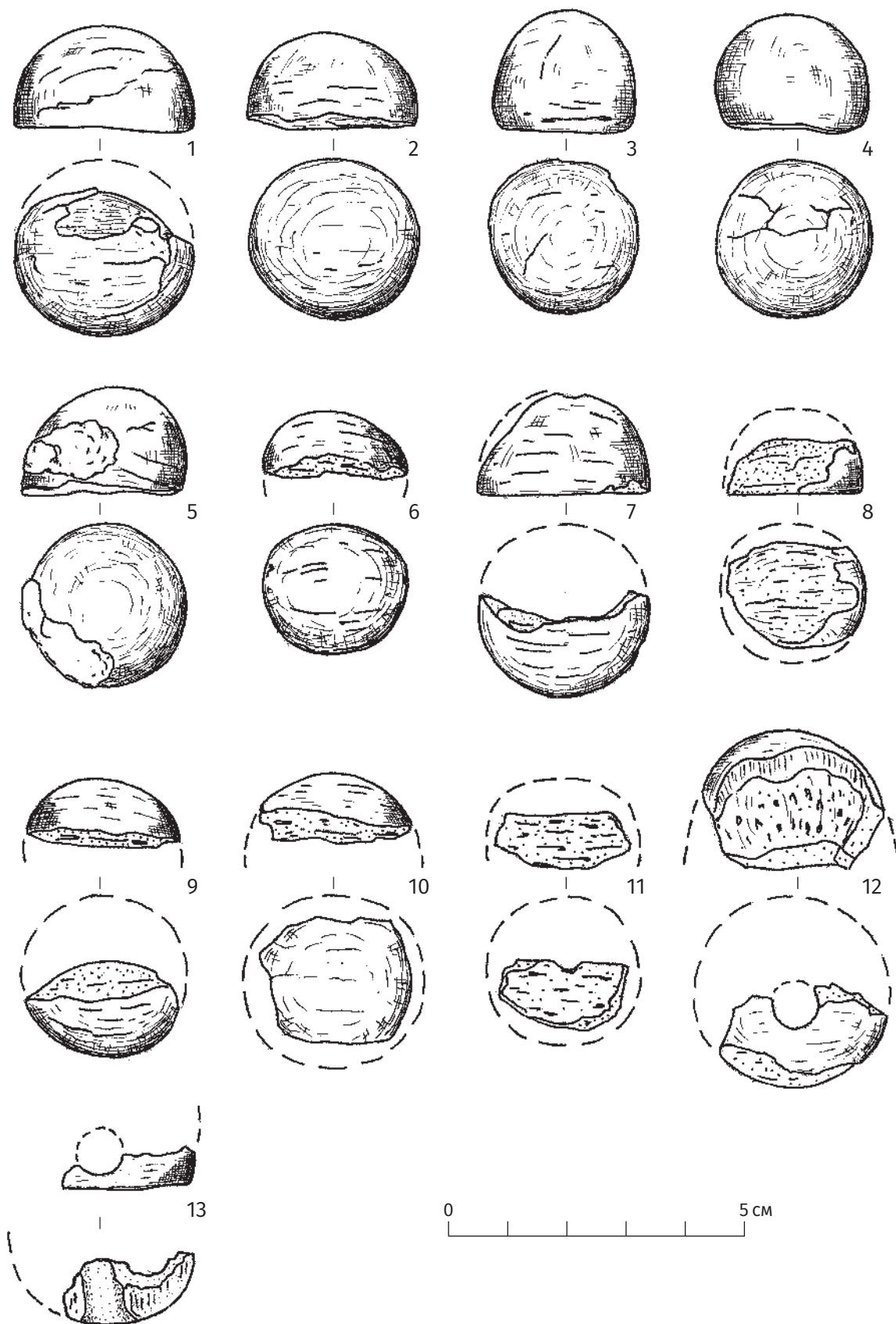
Ил. 77. Старая Упсала. Гульхёген (Gamla Uppsala, RAÄ 123). Находки из раскопок Б. Э. Хильдебранда. Костяные игральные фишки с одним отверстием в основании

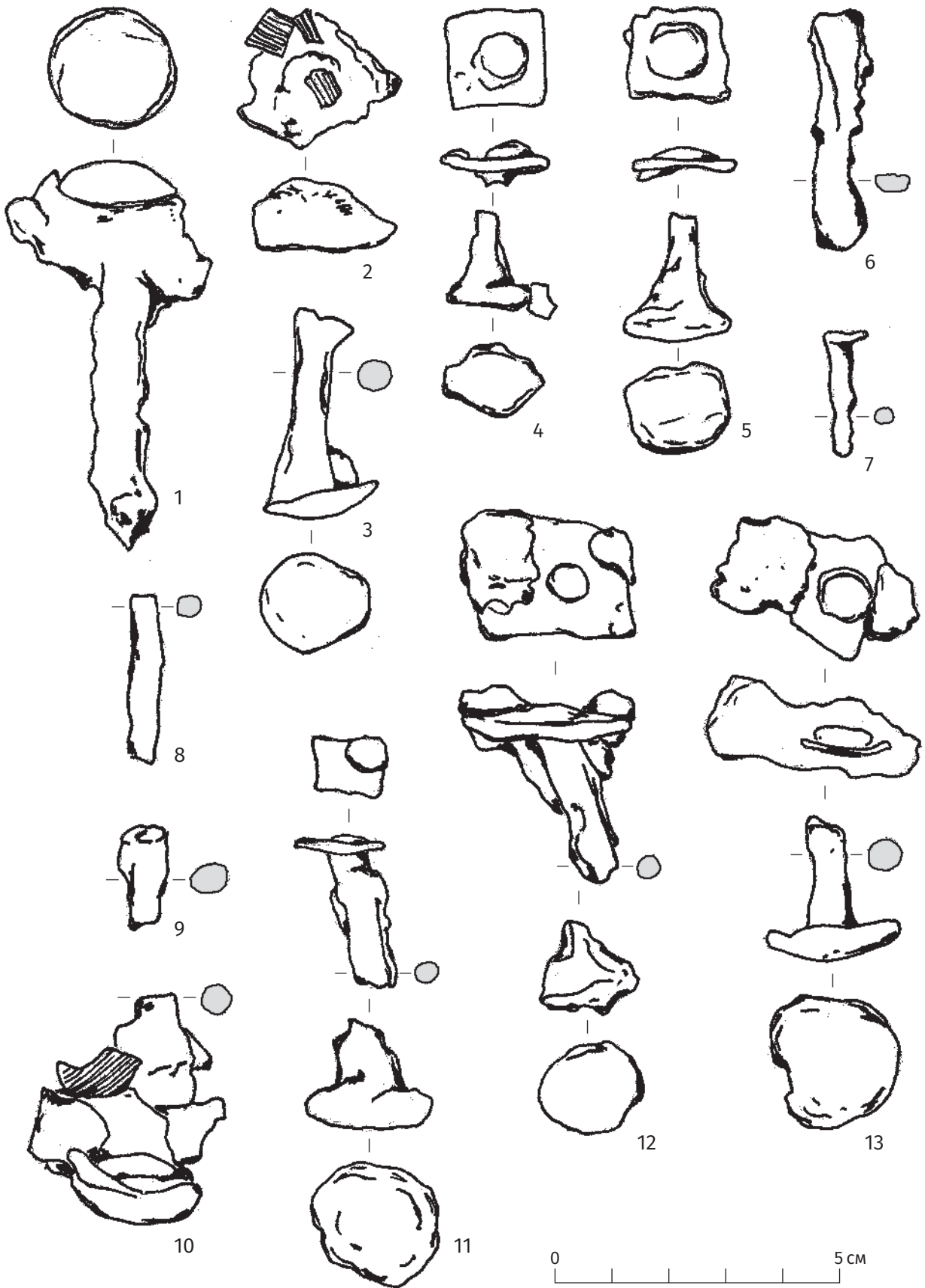
Ил. 79. Хешбю, курган 38 (Hersby, Sollentuna sn, Ур., RAÄ 45/47). Инвентарь погребения. 1, 3-5 – бронза; 2 – хрусталь; 6, 7 – молочно-белое стекло; 8-13 – железо; 14 – кость, железо

Ил. 80. Хешбю, курган 38 (Hersby, Sollentuna sn, Ур., RAÅ 45/47). Костяные (1–15) и каменная (16) игральные фишки

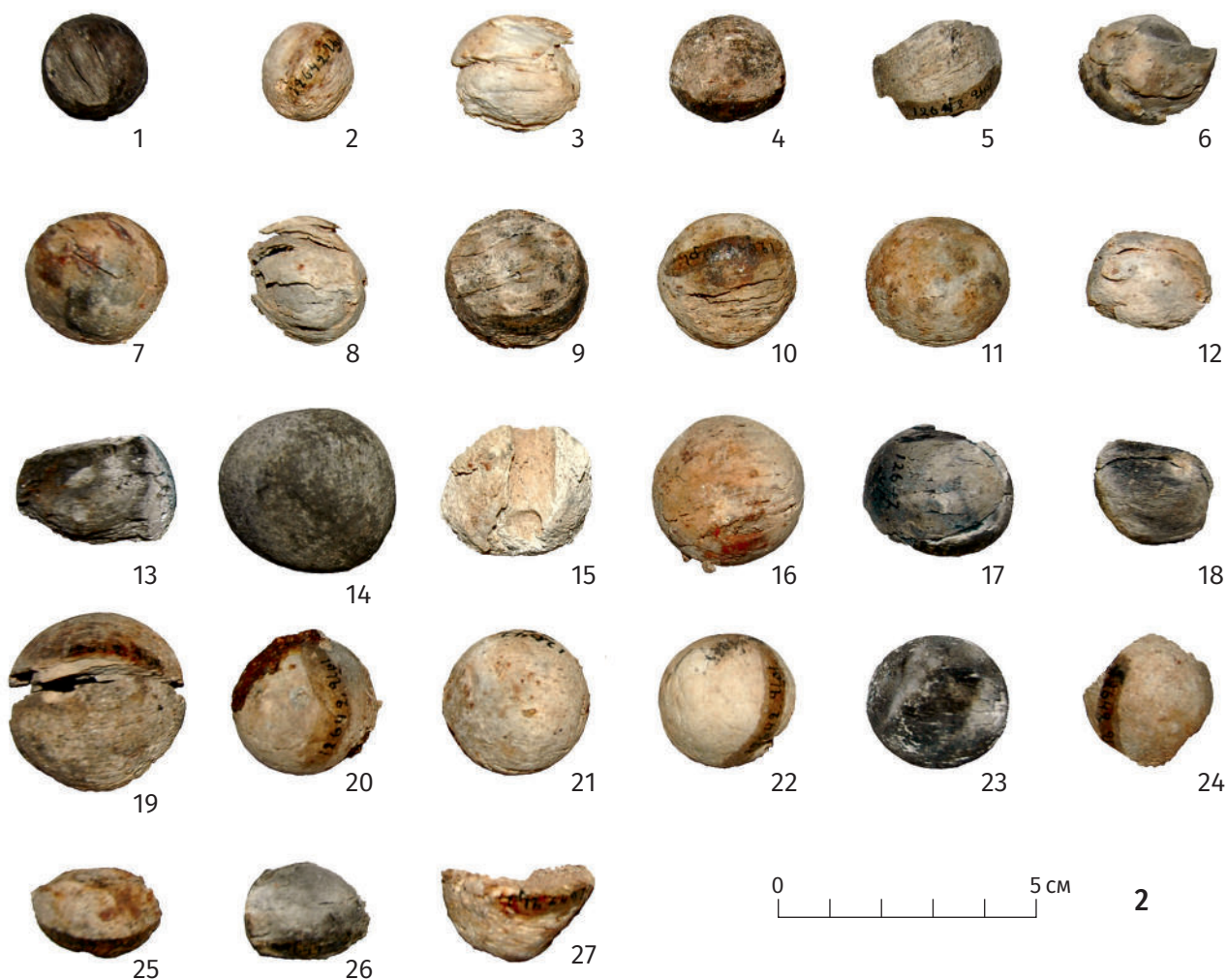
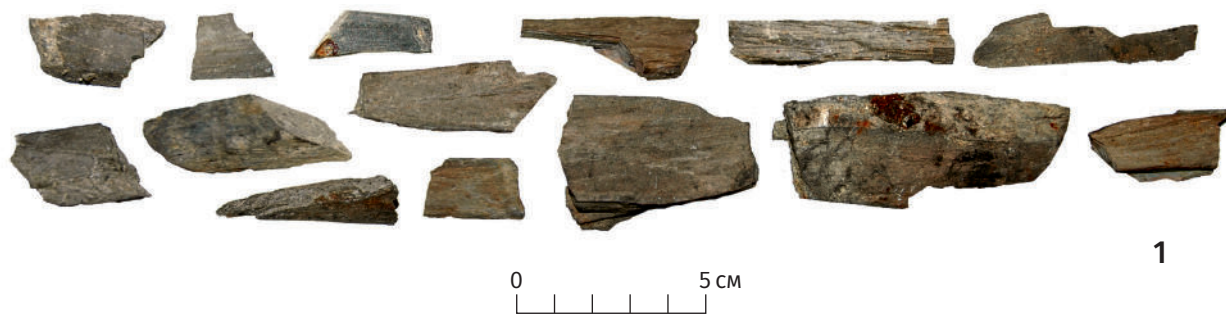
Ил. 81. Хешбю, курган 38 (Hersby, Sollentuna sn, Ур., RAÄ 45/47). Костяные игральные фишки

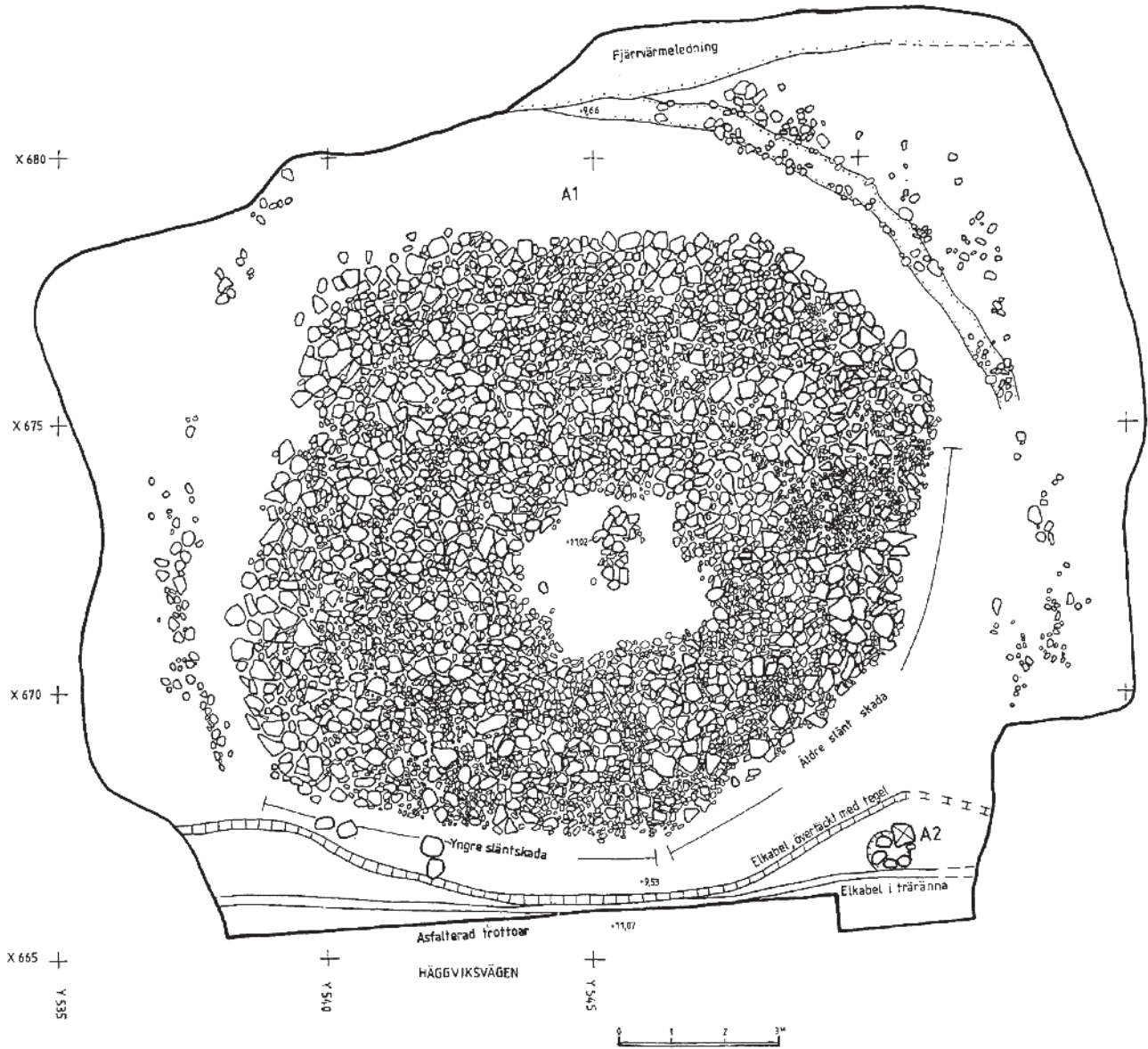
Ил. 82. Хешбю, курган 38 (Hersby, Sollentuna sn, Ур., RAÄ 45/47). Предметы из железа

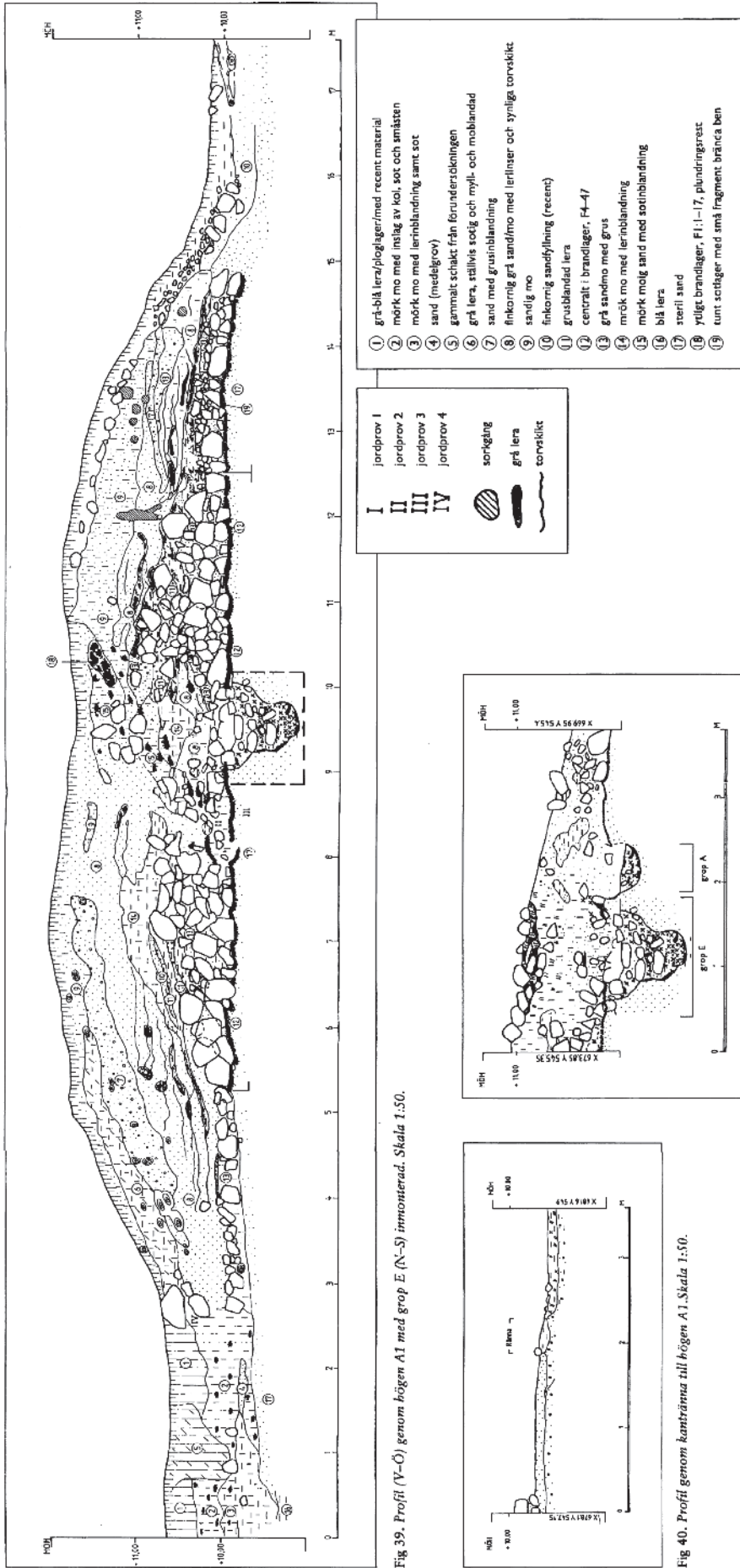
Ил. 83. Хешбю, курган 38 (Hersby, Sollentuna sn, Ур., RAÄ 45/47). Находки из погребения. 1, 2 – хрусталь (?); 3, 4 – хрусталь; 5, 6 – стекло

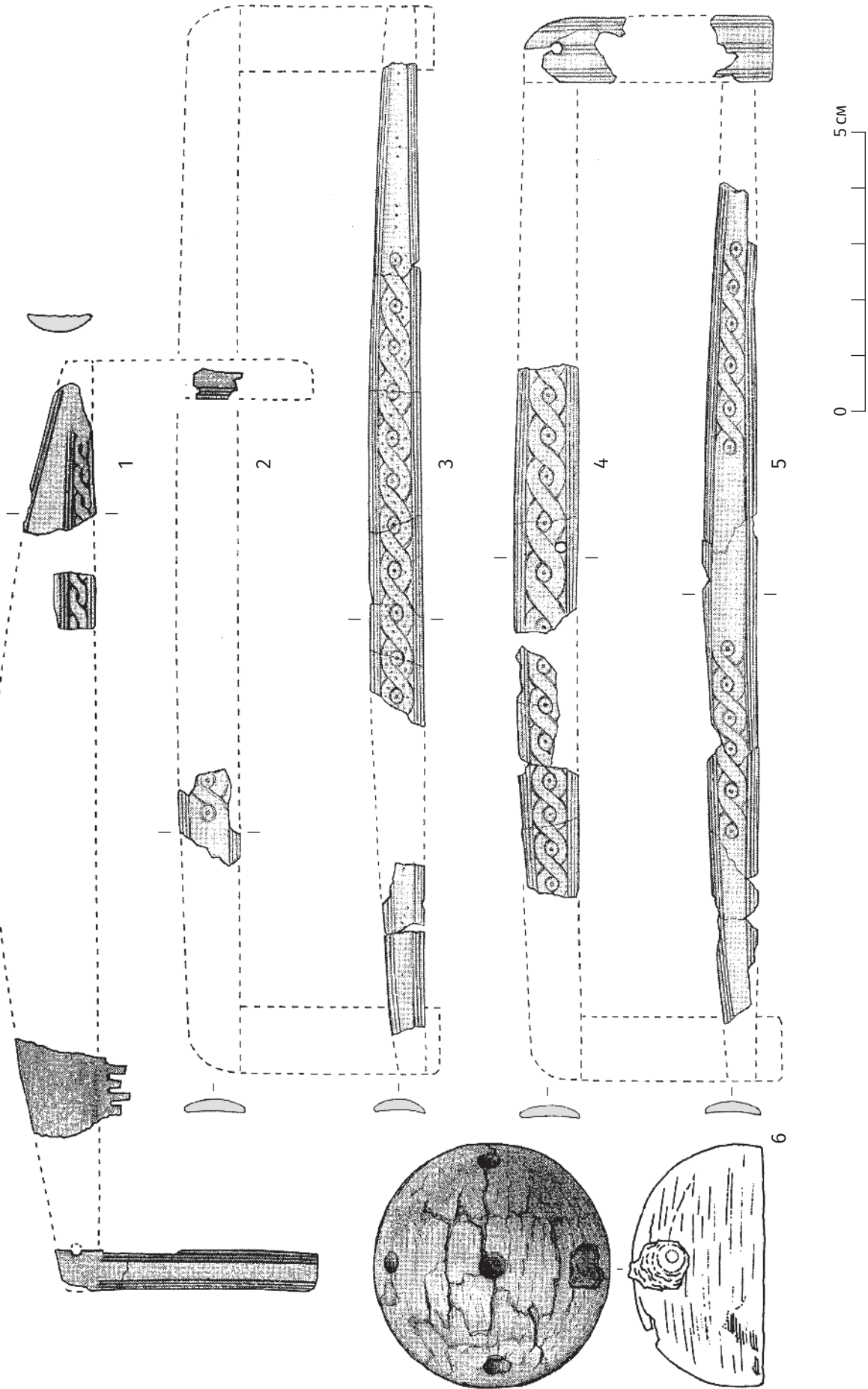
Ил. 84. Хешбю, курган 38 (Hersby, Sollentuna sn, Ур., RAÄ 45/47). Находки из погребения. 1: каменный оселок (?). 2: набор игральные фишек. 14 – камень, остальное – кость

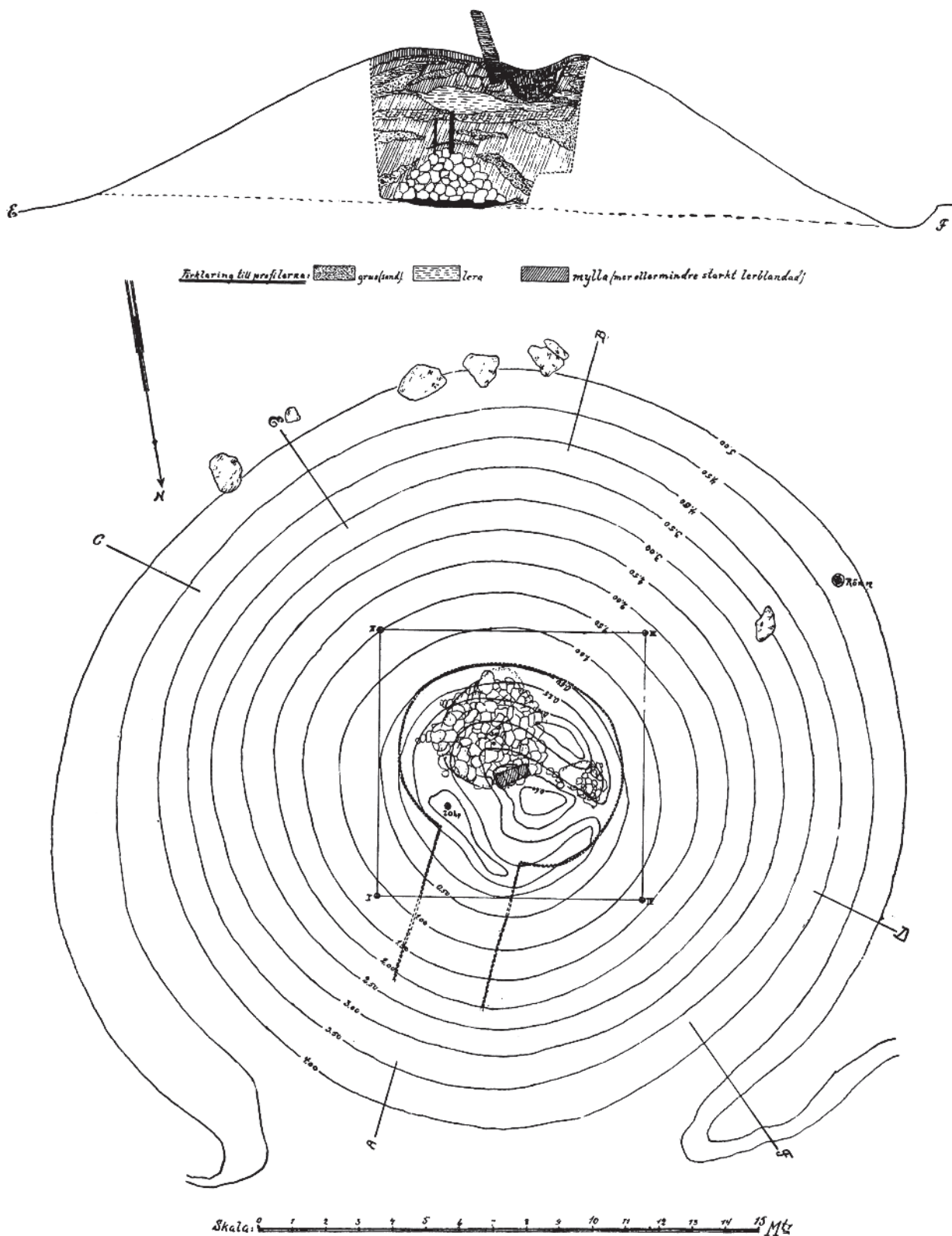
Ил. 85. Хаггвик, курган 1 (Häggvik, Sollentuna sn, Up, RAÄ 81, A1). План кургана (Andersson, Lidström-Holmberg 1998)

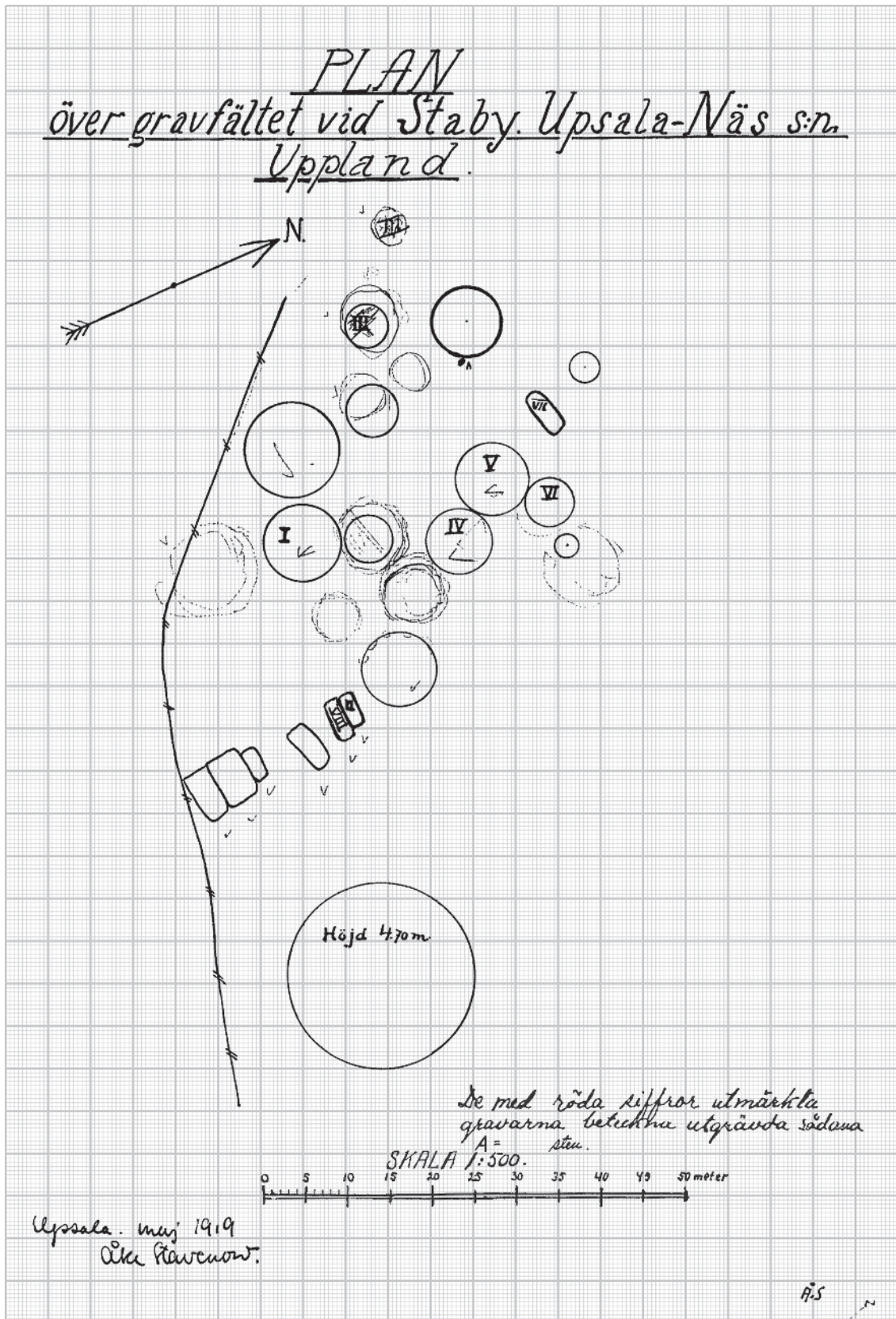
Ил. 86. Хагтвик, курган 1 (Häggvik, Sollentuna sn, Up., RAÄ 81, A1). Профили кургана (Andersson, Lidström-Holmberg 1998)

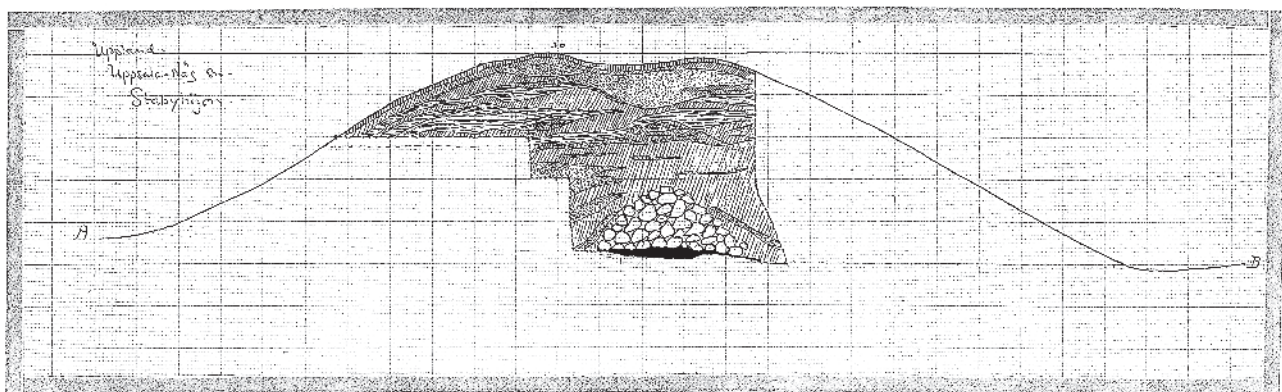
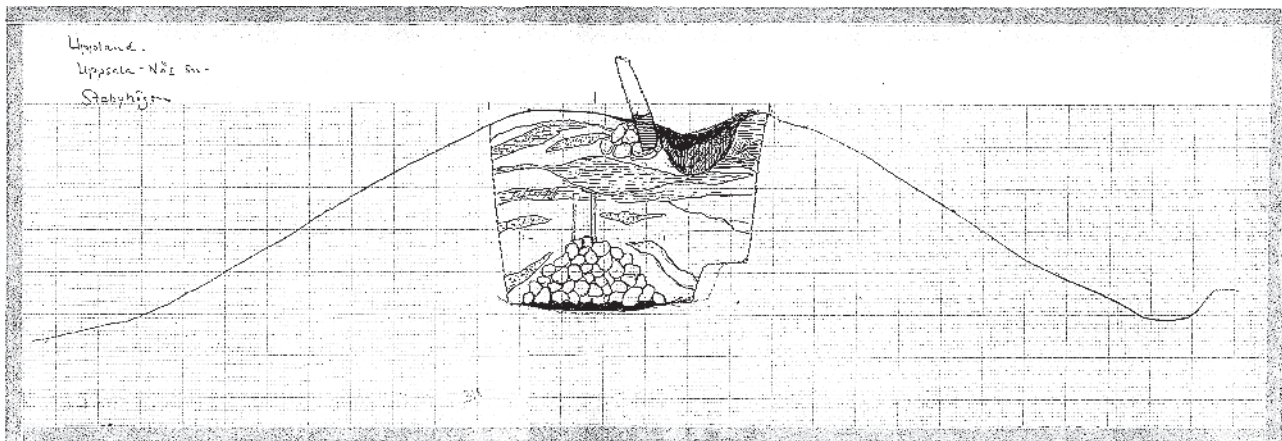
Ил. 87. Хаггвик, курган 1 (Häggvik, Sollentuna sn, Up., RAÄ 81, A1). Находки (Andersson, Lidström-Holmberg 1998). 1-5 – кость; 6 – кость, бронза

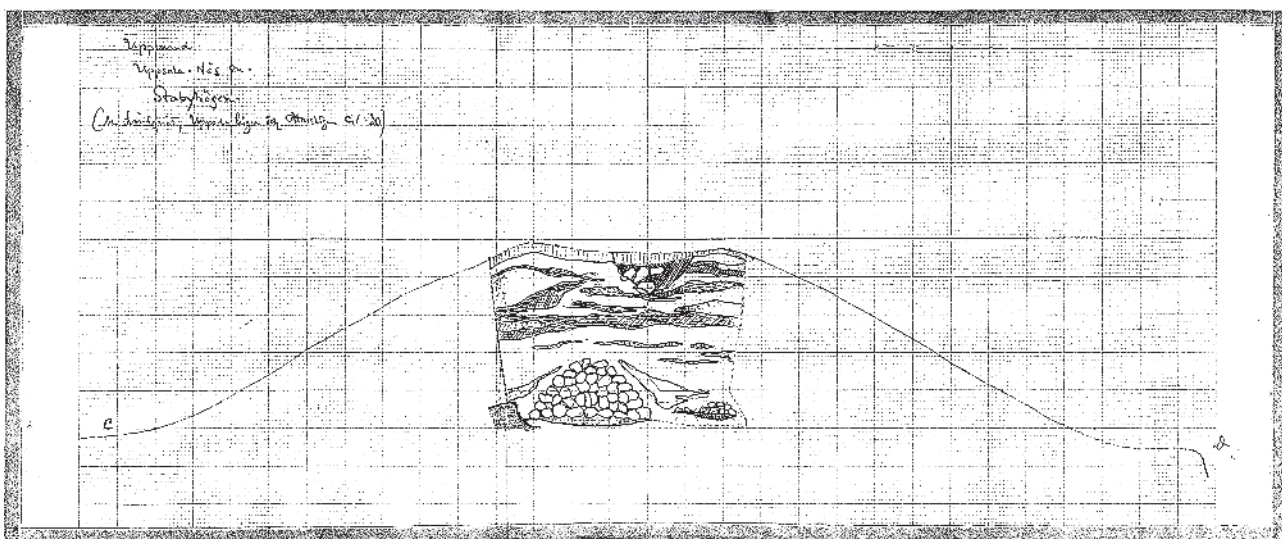
Ил. 88. Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn, Up., RAÄ 18). План и профиль кургана (Lindgvist 1936)

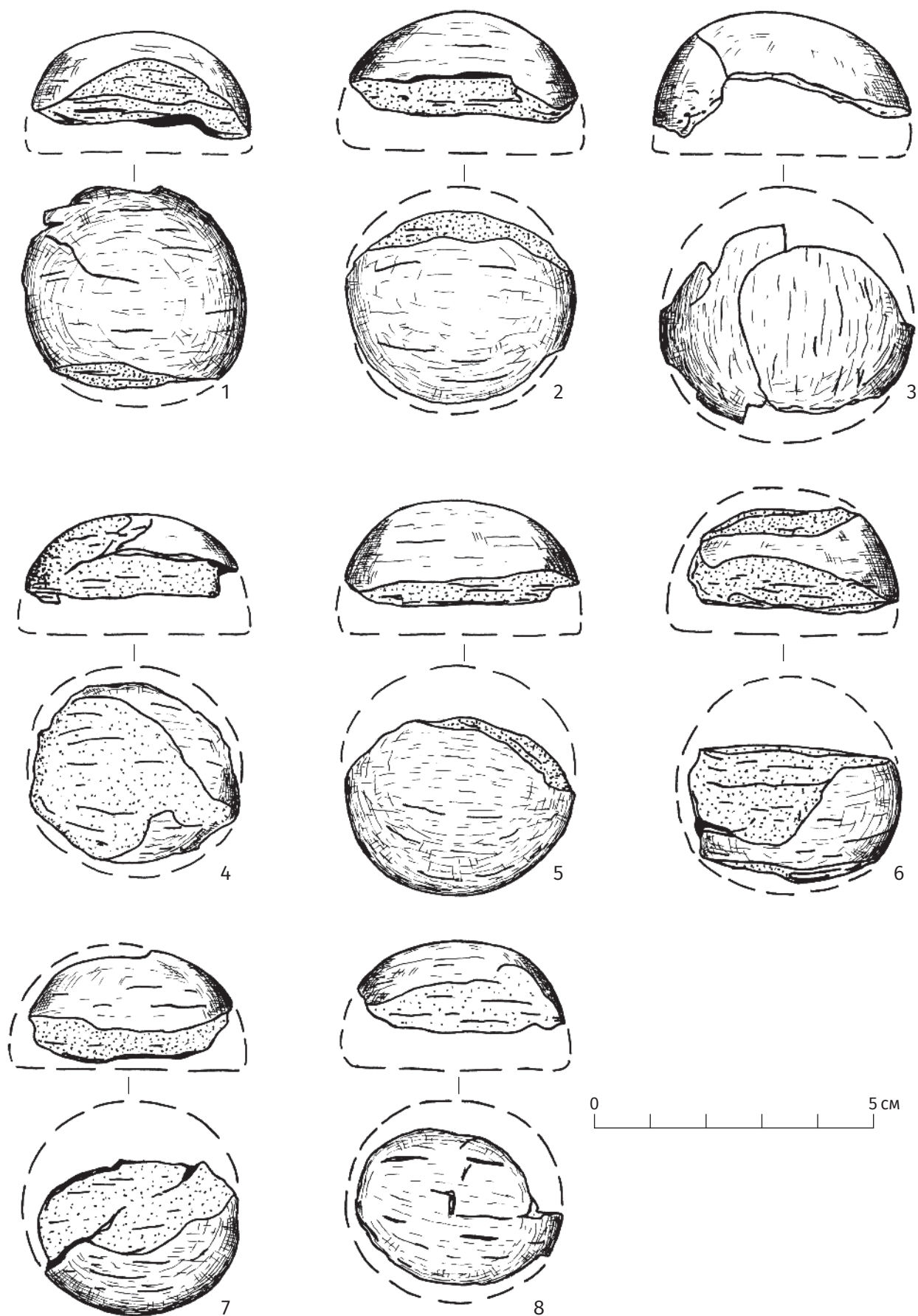
Ил. 89. Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn., Up., RAÄ 18). План курганной группы из рукописного отчета О. Ставенова 1919 г.

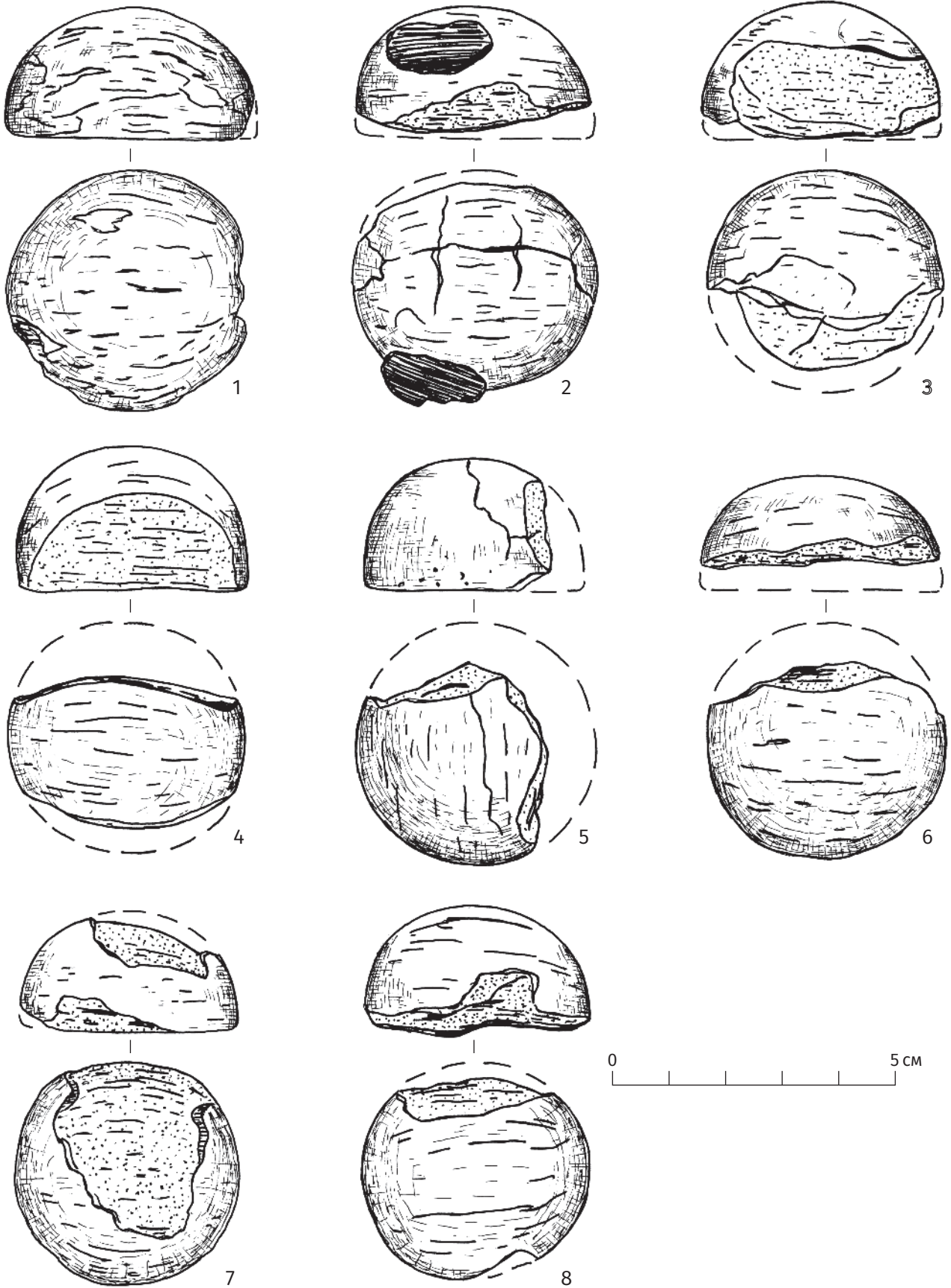
Ил. 90. Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn, Up., RAÄ 18). Профили из полевой документации

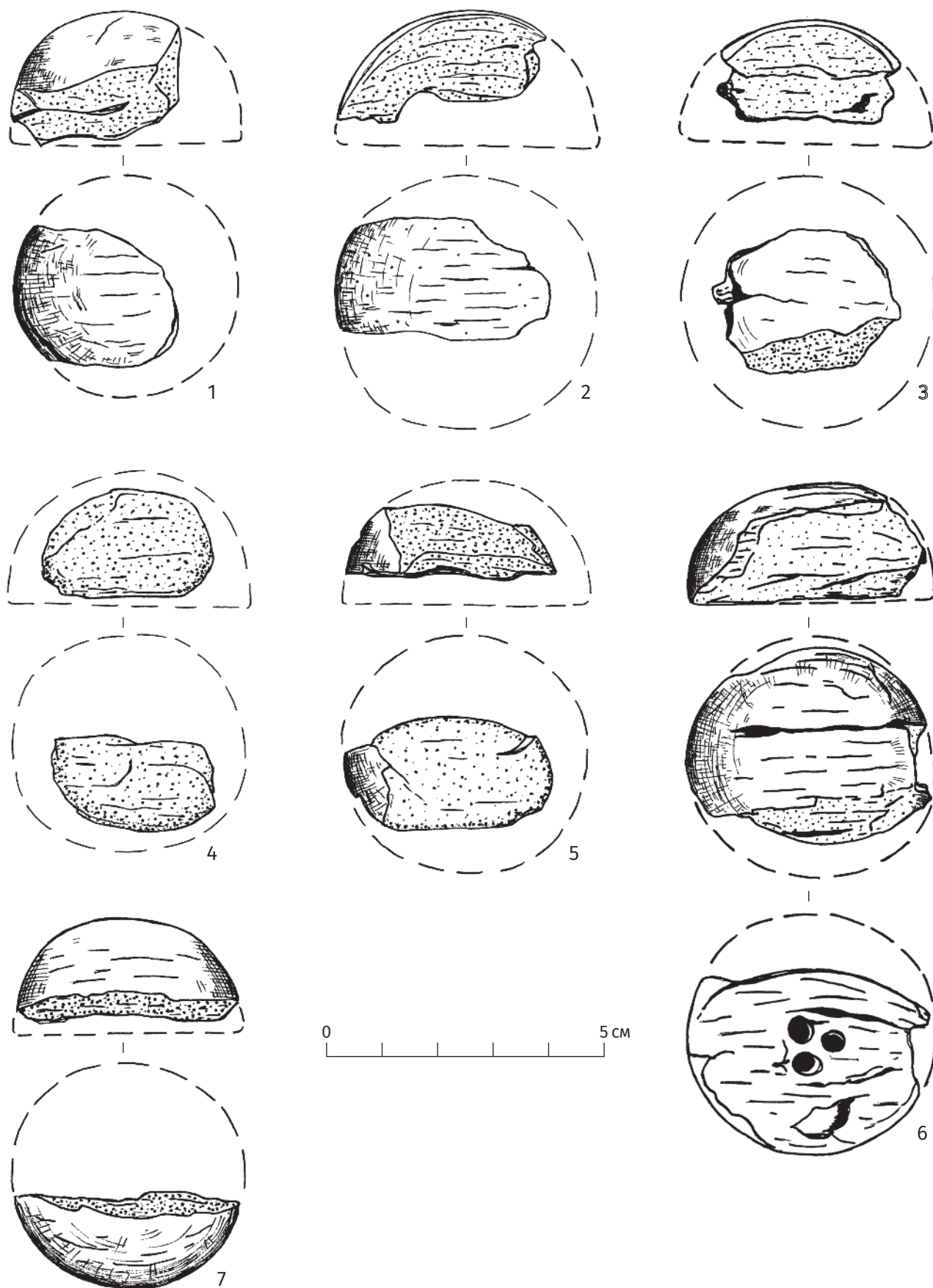
Ил. 91. Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn, Up., RAÄ 18). Профиль из полевой документации

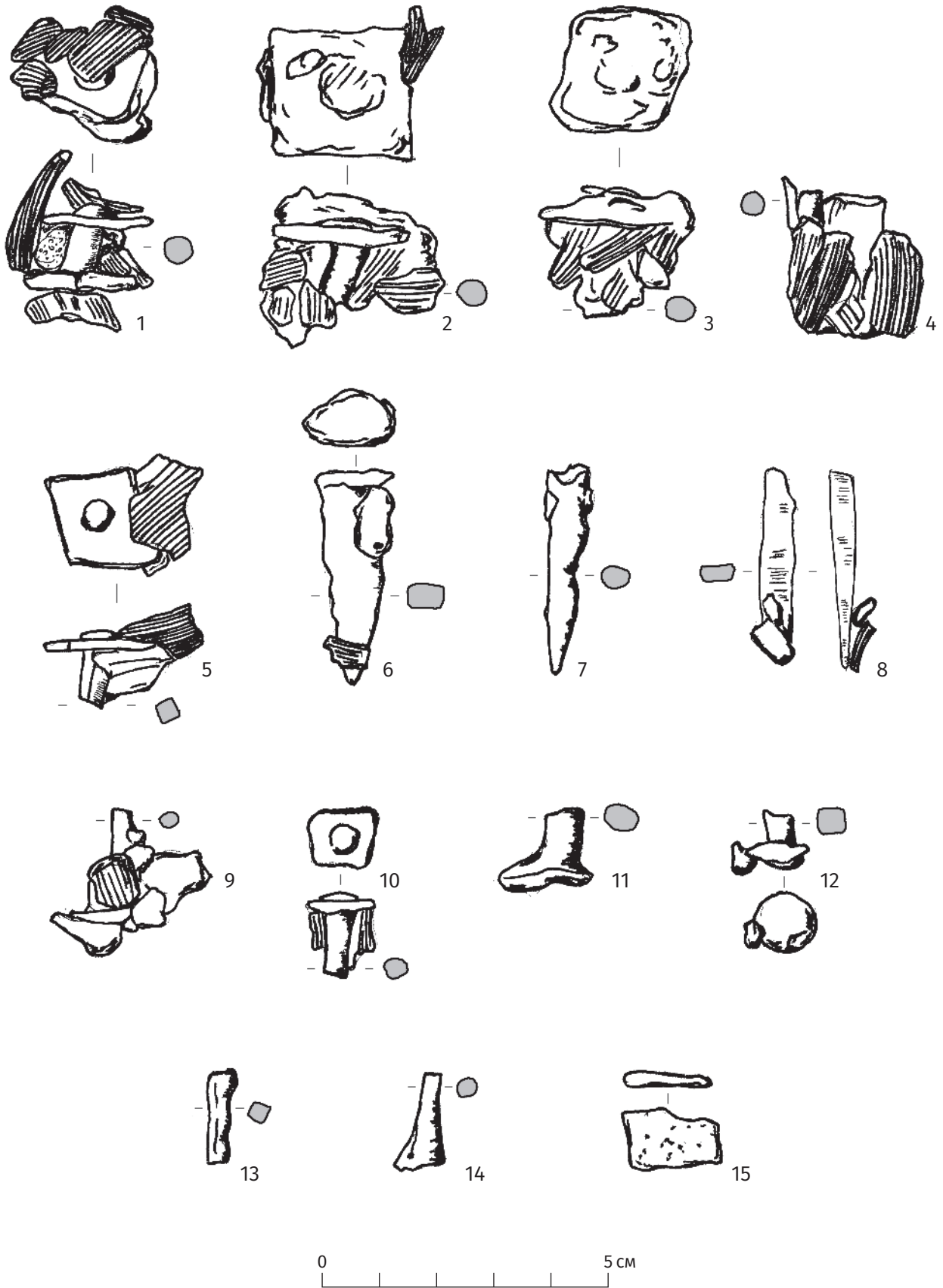
Ил. 93. Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn, Upp., RAÄ 18). Костяные игральные фишки

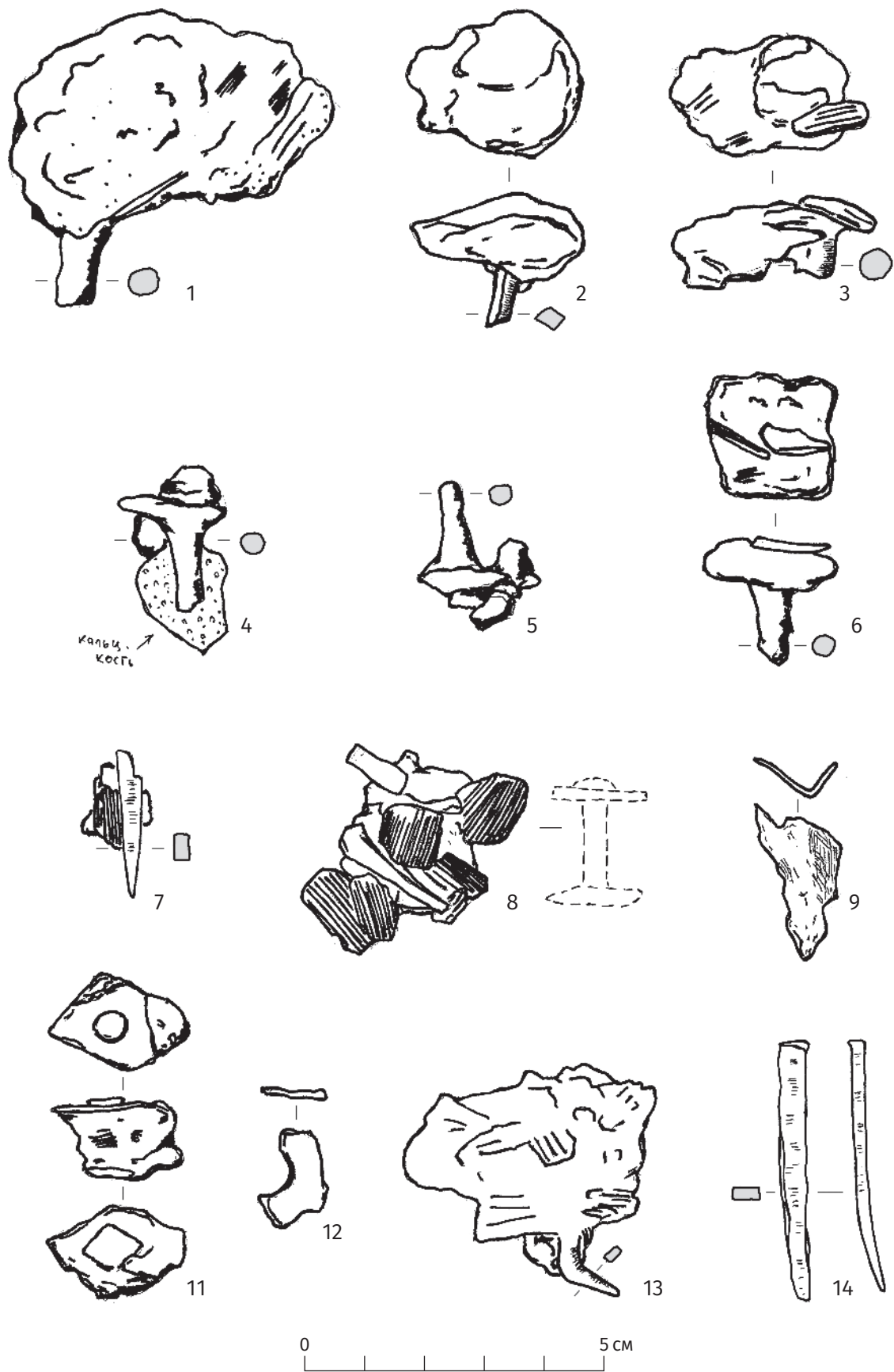
Ил. 94. Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn, Upp., RAÄ 18). Костяные игральные фишки

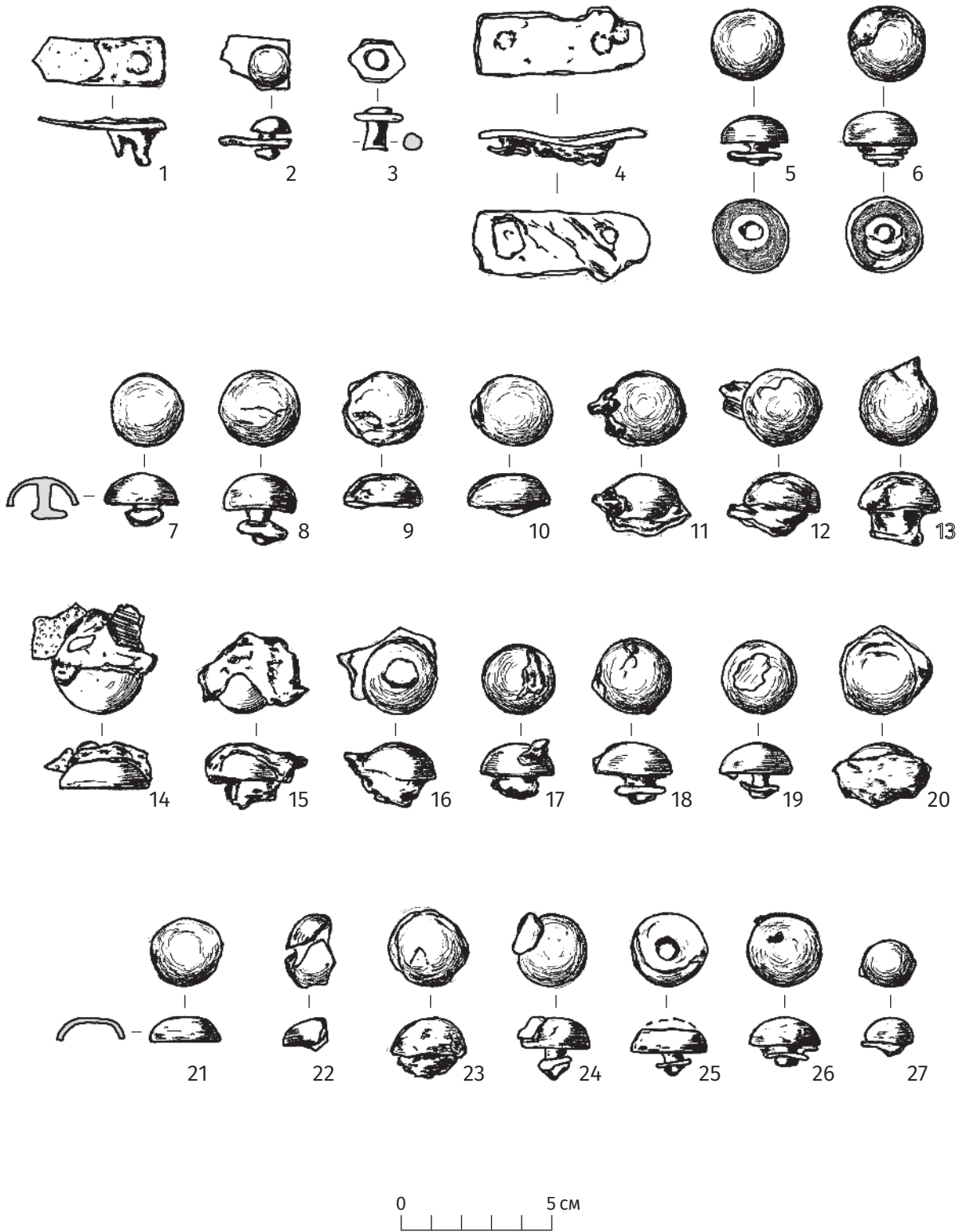
Ил. 95. Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn, Upp., RAÄ 18). Костяные игральные фишки

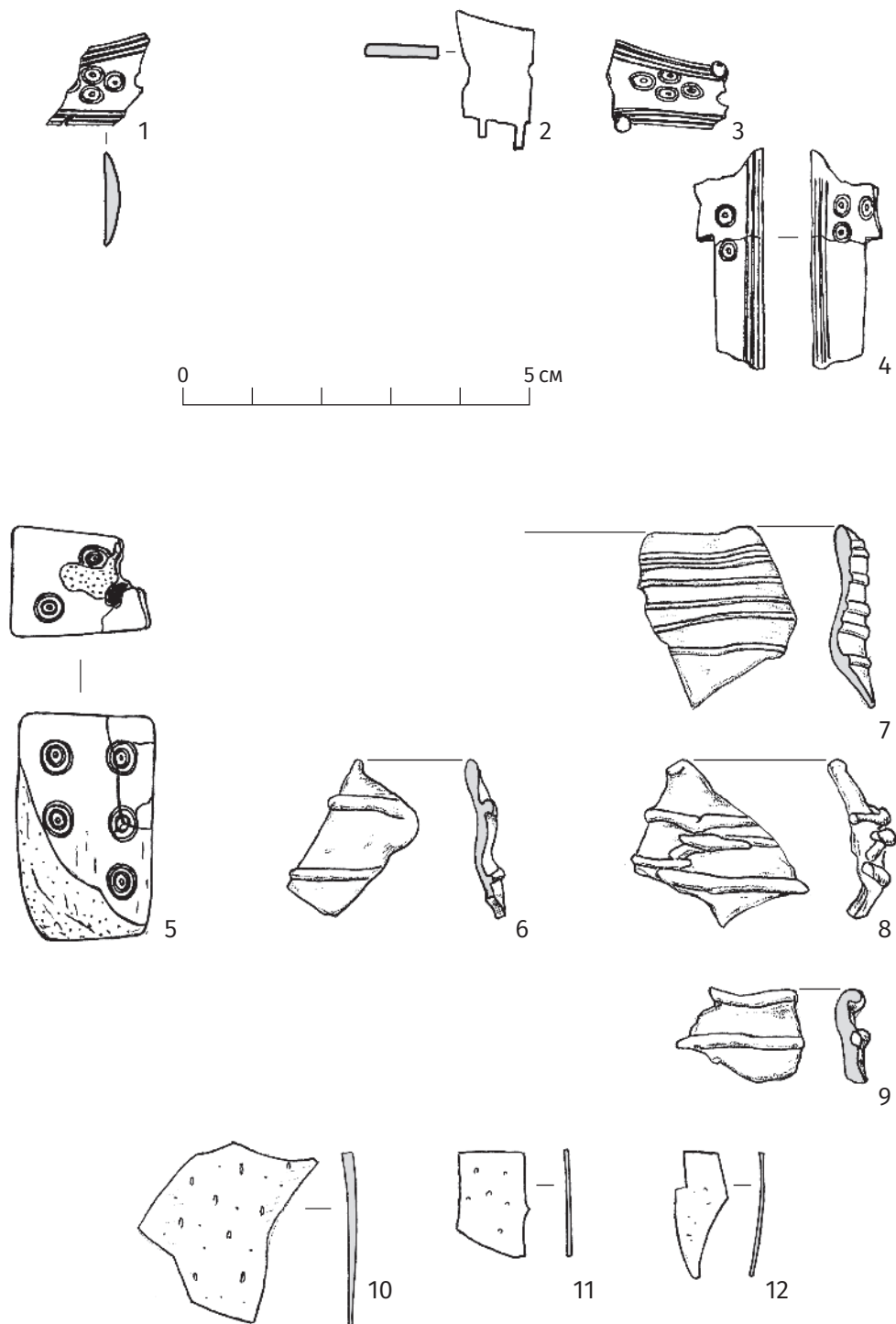
Ил. 96. Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn, Up, RAÄ 18). Предметы из железа

Ил. 97. Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn, Up., RAÄ 18). Предметы из железа

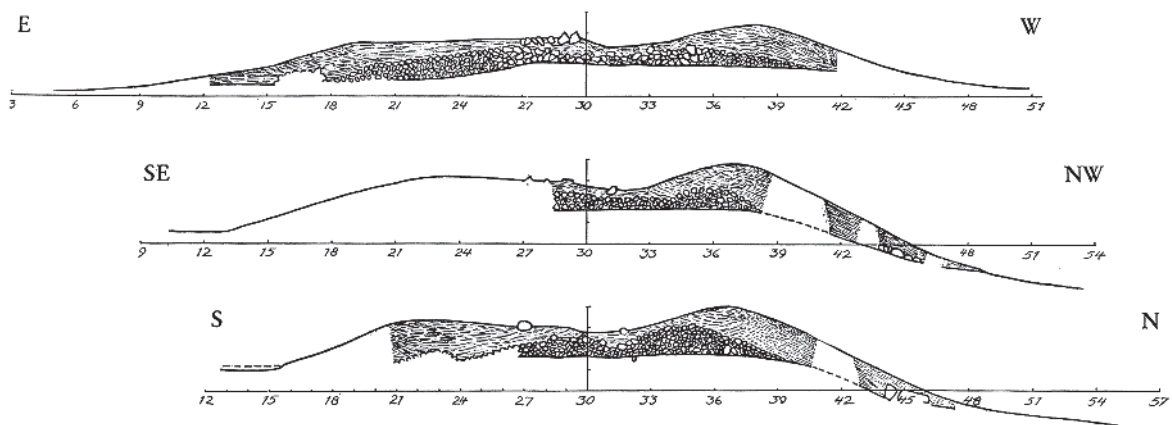
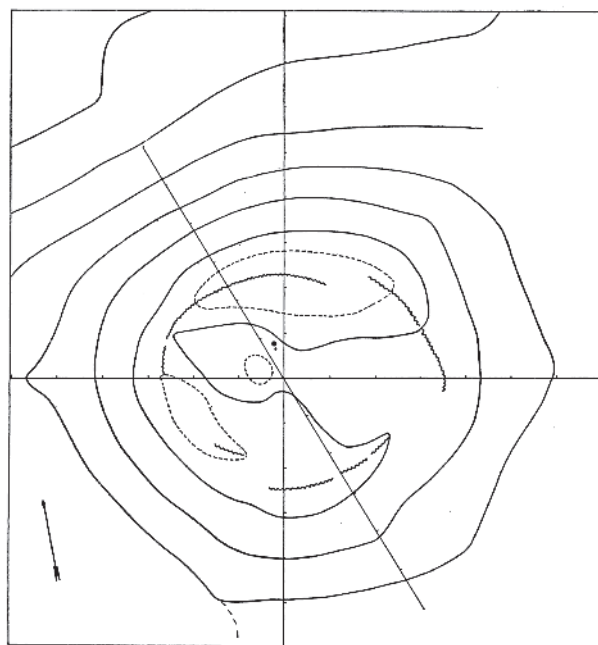
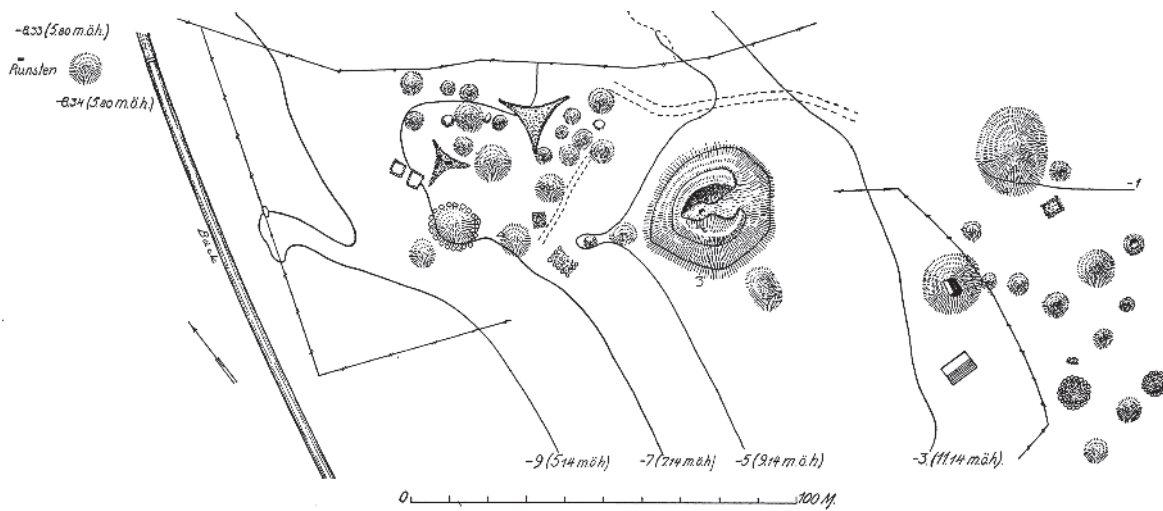
Ил. 98. Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn, Upp., RAÄ 18). Железные бляшки и заклепки ременной сбруи

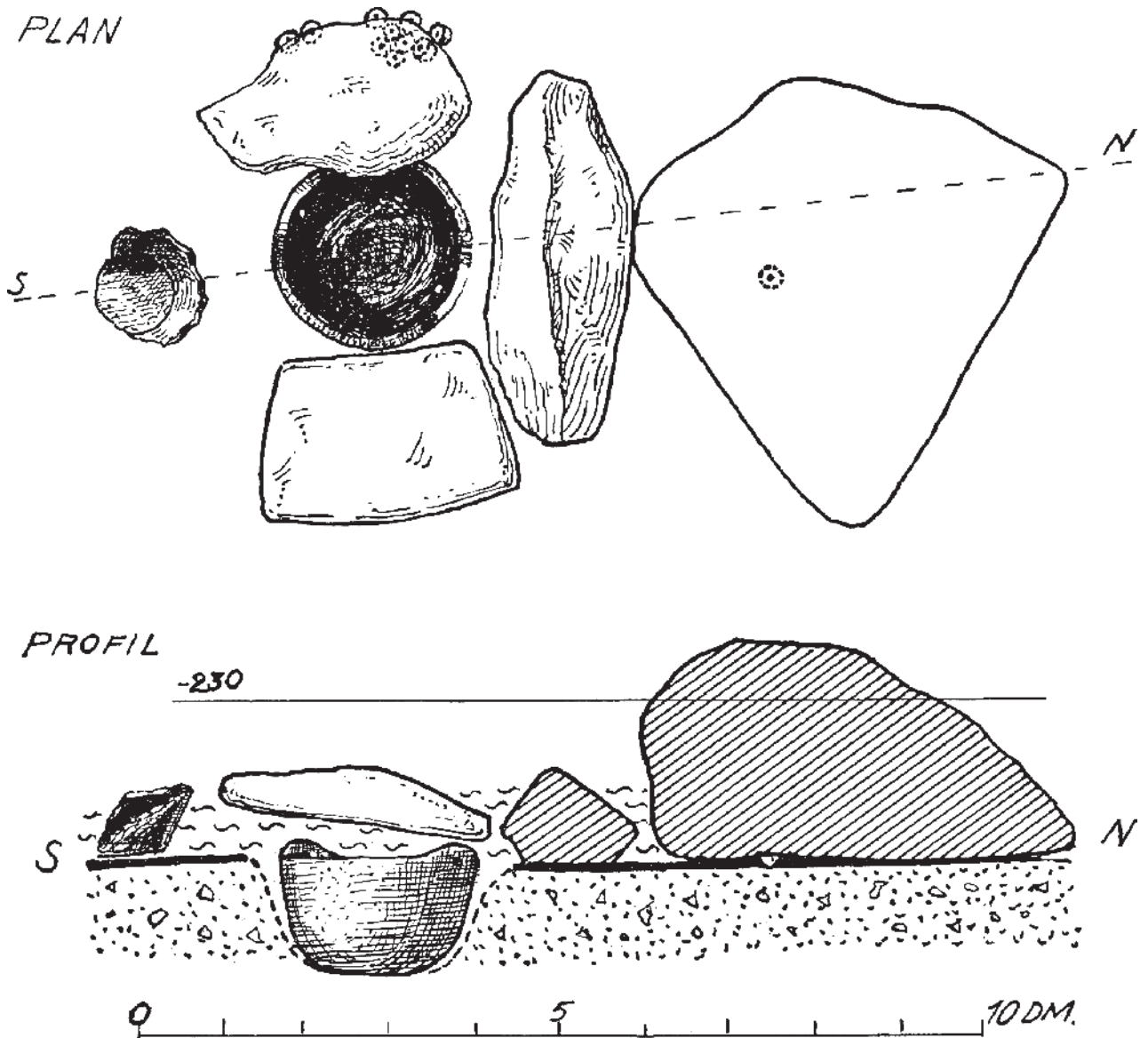
Ил. 99. Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn, Up., RAÄ 18). Фрагменты изделий из кости (1–5) и стекла (7–12)

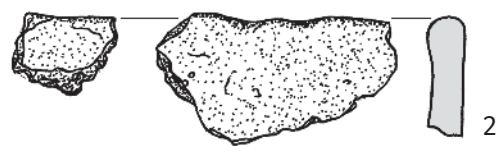
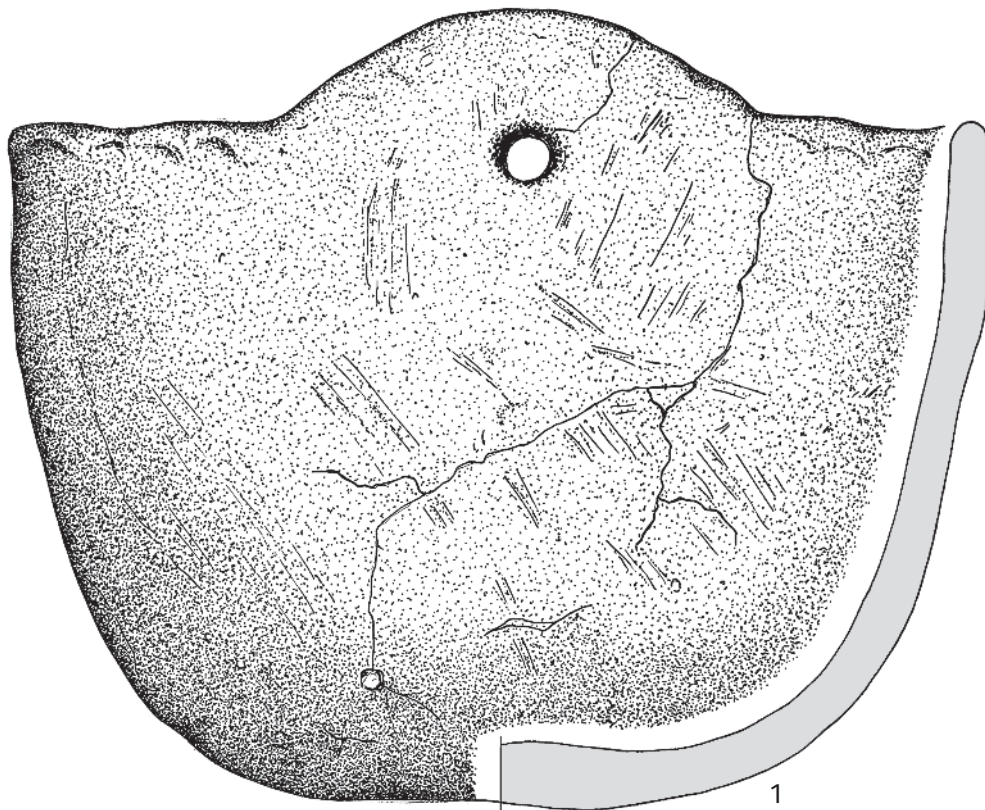
Ил. 100. Стабю (Staby, Uppsala-Näs sn, Upp., RAÄ 18). Фрагменты стеклянных сосудов

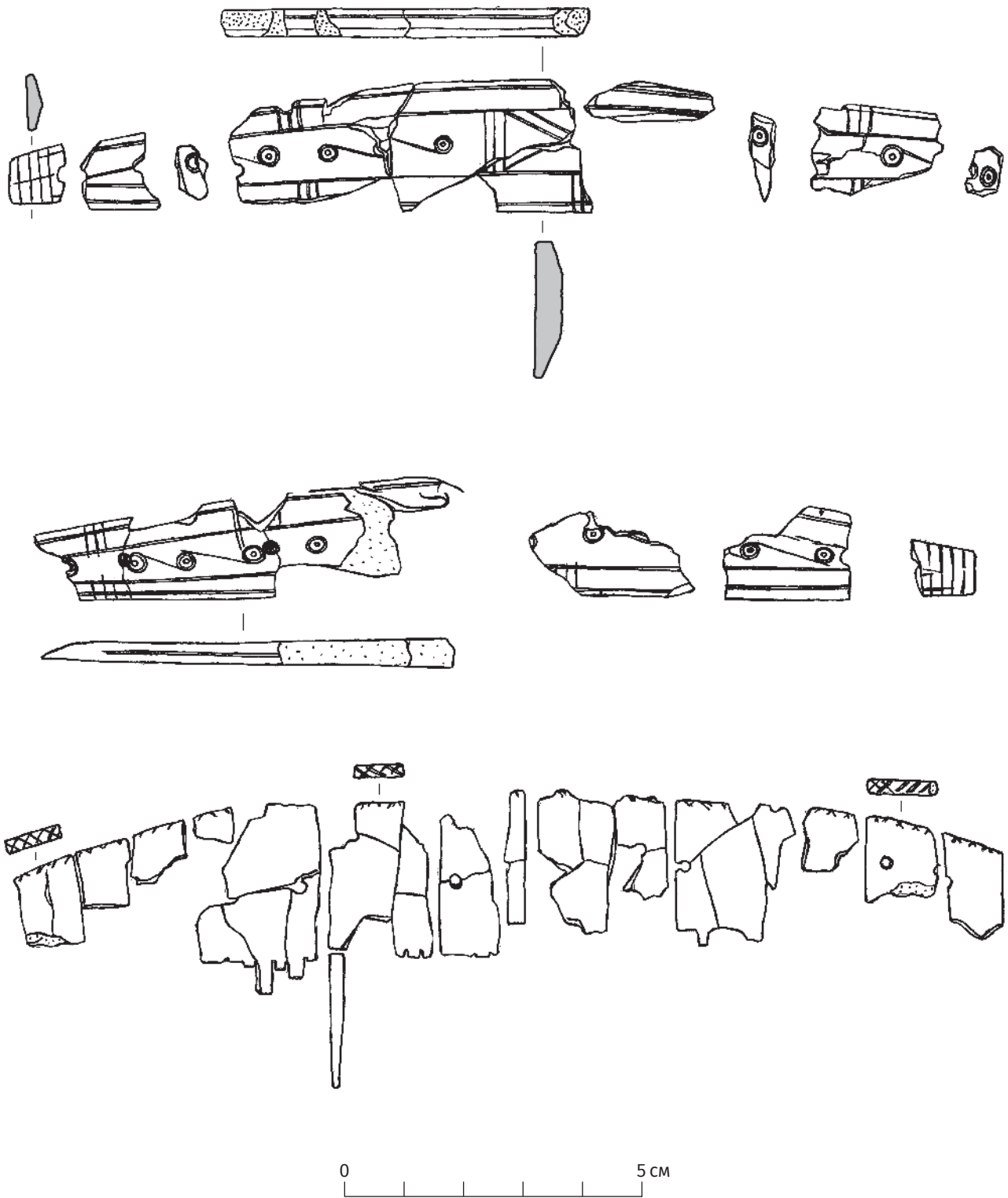
Ил. 101. Хусбю (Husby, Vansö sn, Sö., RAÄ, A 59, Ingjaldshögen). План курганной группы и профили кургана (Lindqvist 1936)

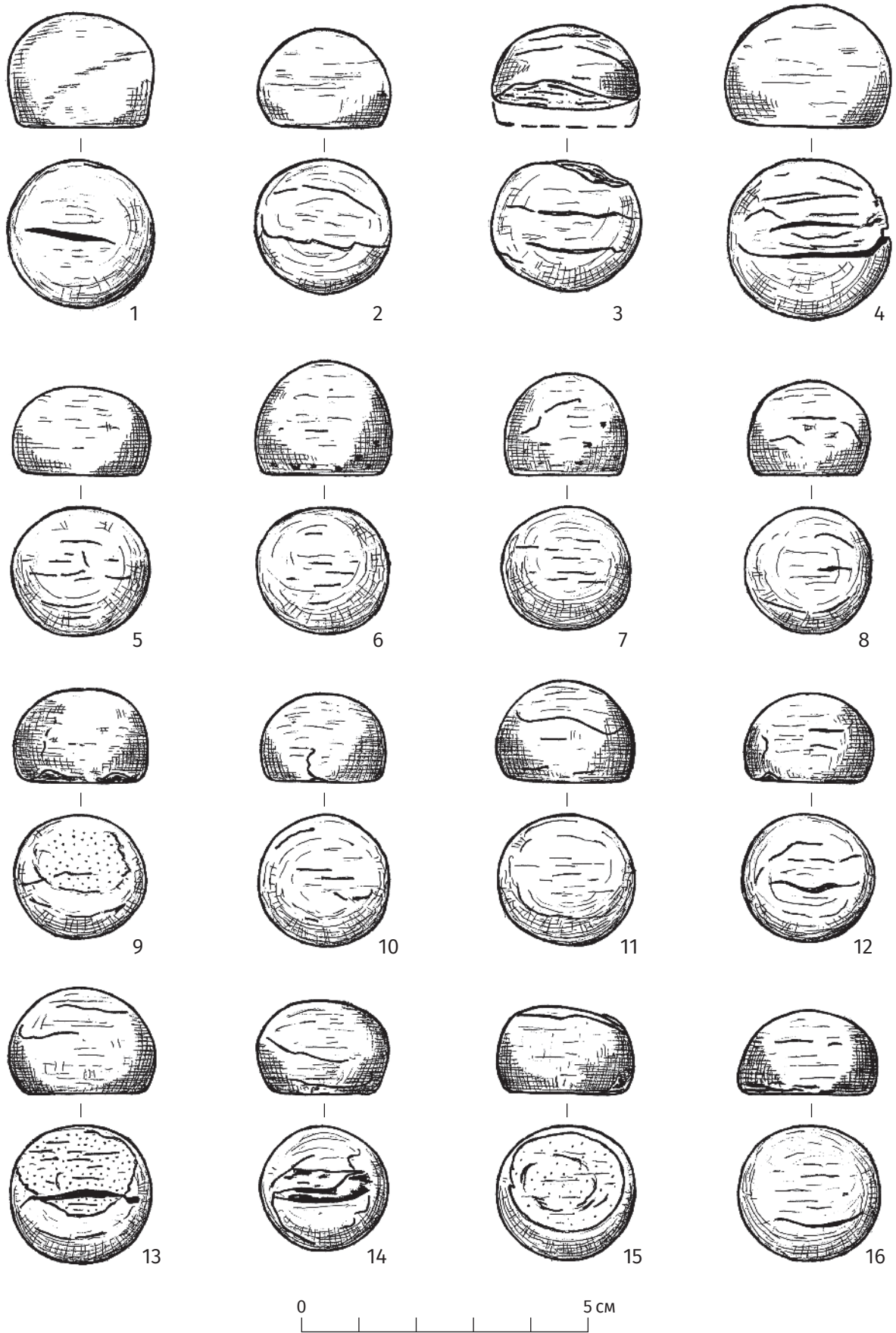
Ил. 102. Хусбю (Husby, Vansö sn, Sö., RAÄ, A 59, Ingjaldshögen). Погребение (Lindqvist 1936)

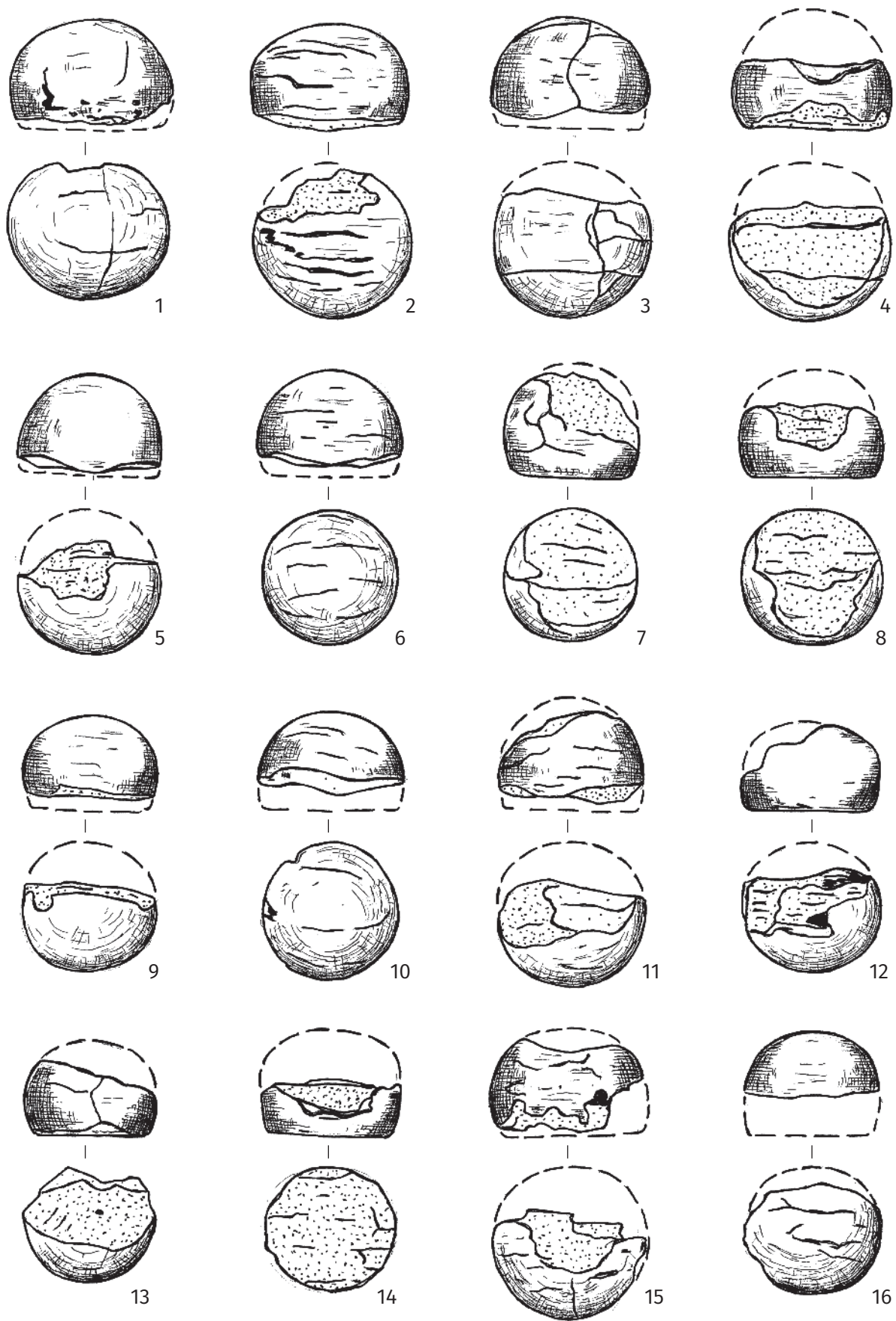
Ил. 103. Хусбю (Husby, Vansö sn, Sö., RAÄ, A 59, Ingjaldshögen). Лепная керамика

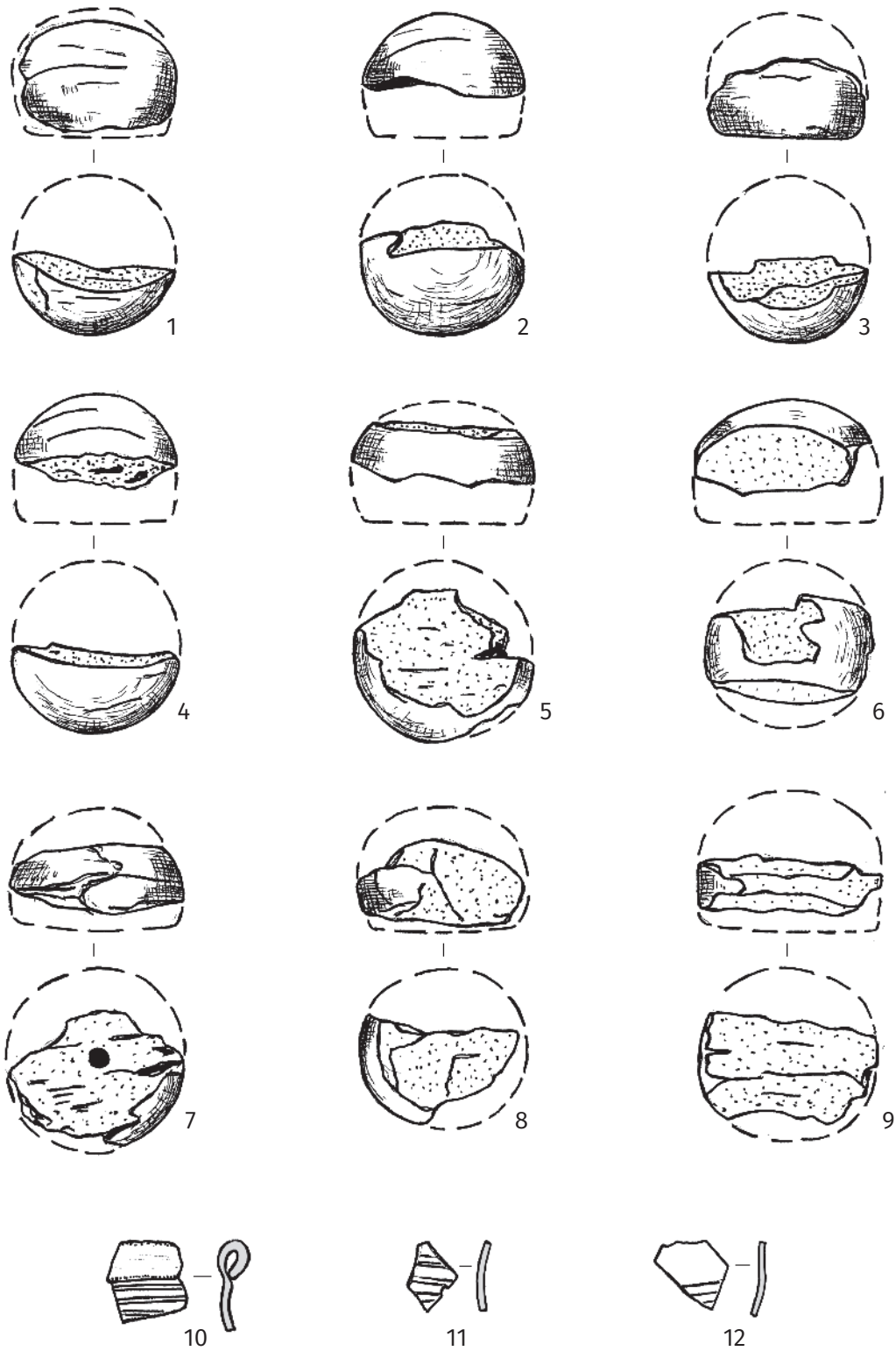
Ил. 104. Хусбю (Husby, Vansö sn, Sö., RAÄ, A 59, Ingjaldshögen). Фрагменты наборного костяного гребня

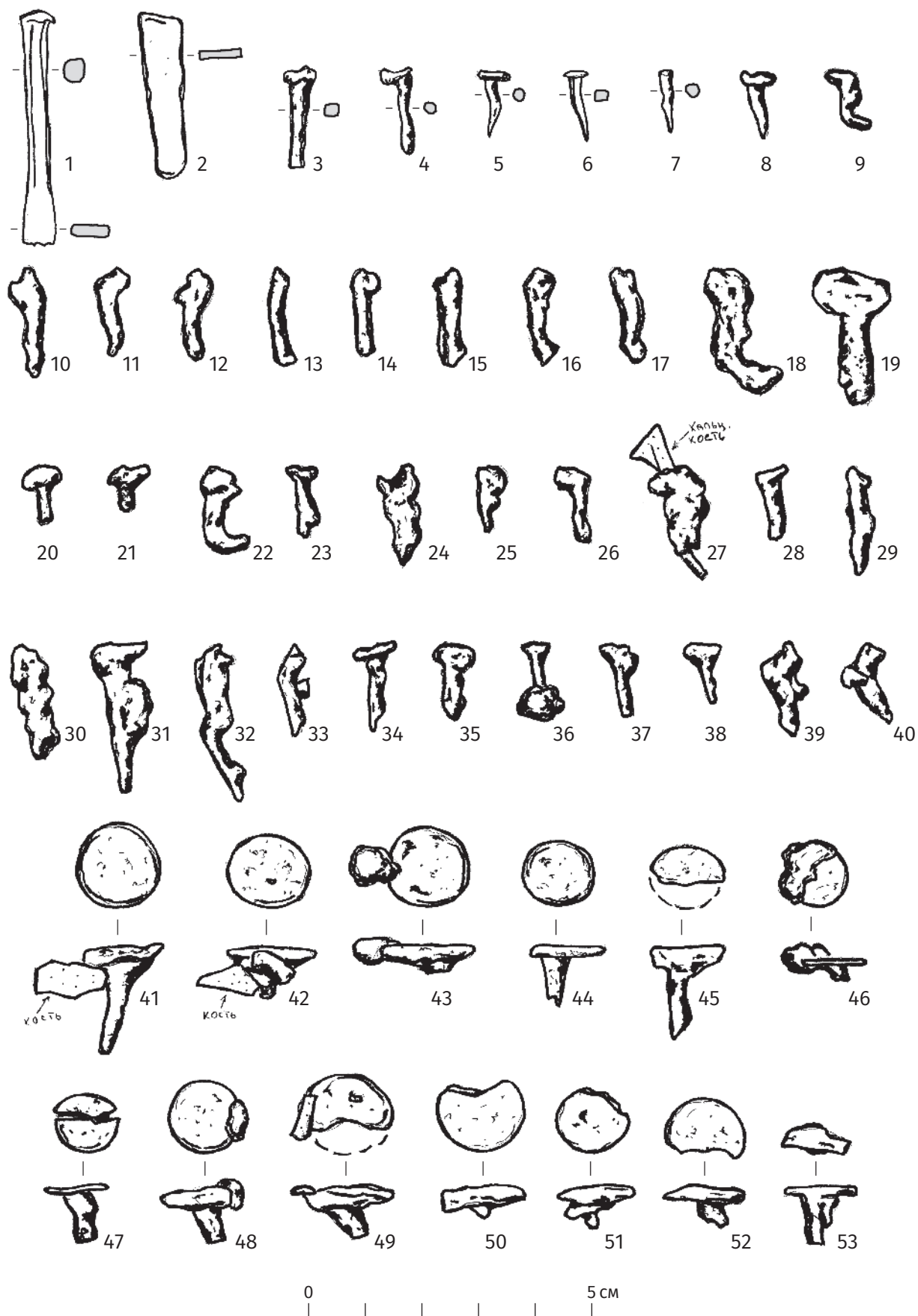
Ил. 106. Хусбю (Husby, Vansö sn, Sö., RAÄ, A 59, Ingjaldshögen). Костяные игральные фишки

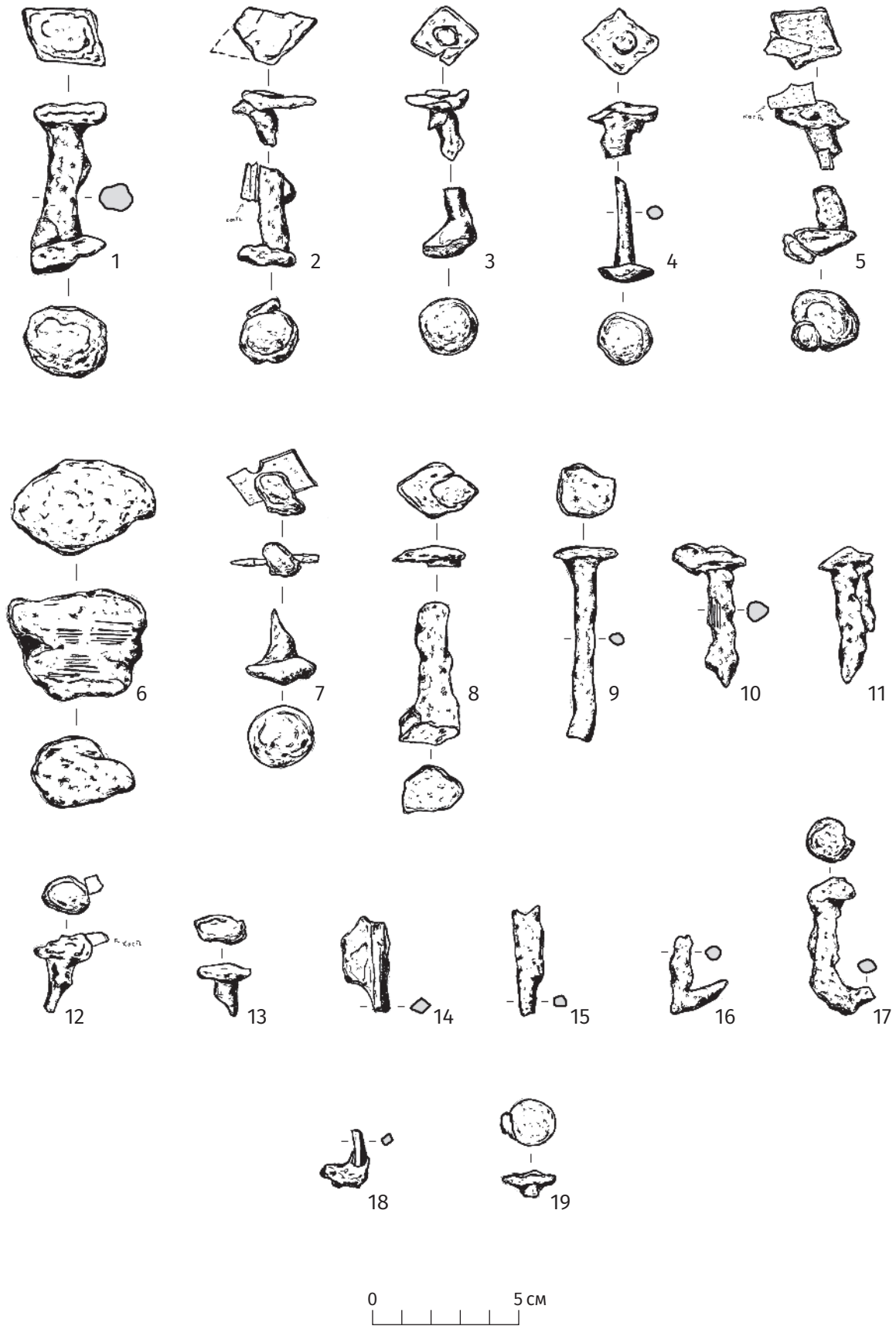
Ил. 107. Хусбю (Husby, Vansö sn, Sö., RAÄ, A 59, Ingjaldshögen).
Костяные игральные фишки

Ил. 108. Хусбю (Husby, Vansö sn, Sö., RAÄ, A 59, Ingjaldshögen). Костяные игральные фишки (1–9) и фрагменты стеклянного сосуда (10–12)

Ил. 109. Хусбю (Husby, Vansö sn, Sö., RAÄ, A 59, Ingjaldshögen). Предметы из железа

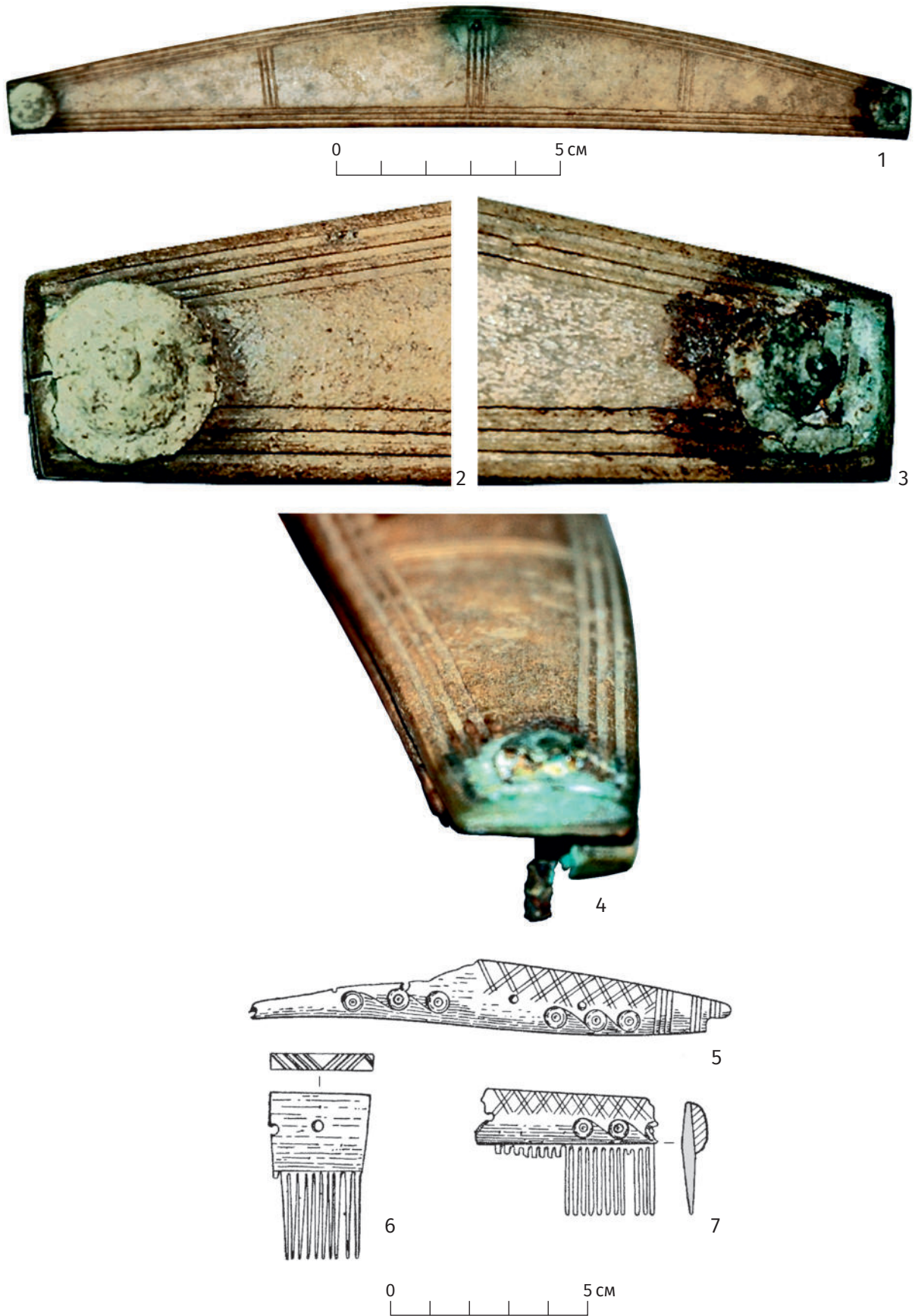
Ил. 110. Хусбю (Husby, Vansö sn, Sö., RAÄ, A 59, Ingjaldshögen). Предметы из железа

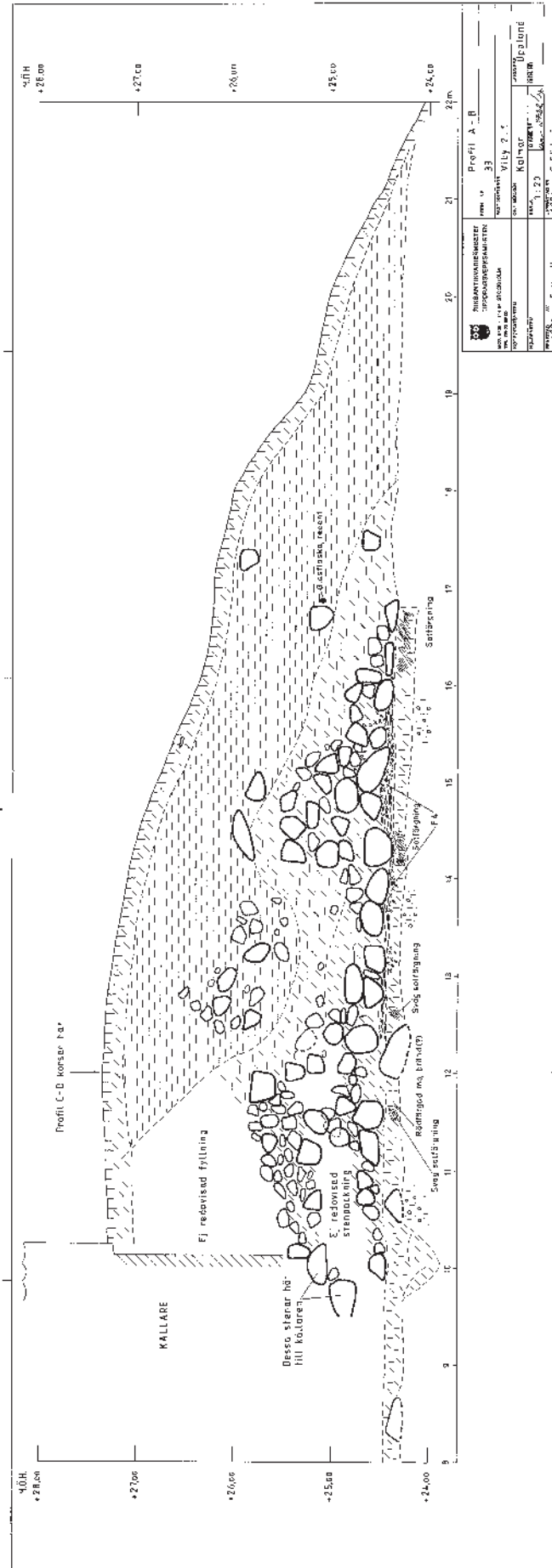
2

Ил. 111. Хусбю (Husby, Vansö sn, Sö., RAÄ, A 59, Ingjaldshögen). 1 – фрагменты стеклянного сосуда. 2 – стеклянные сосуды в стиле ретицелла из погребений могильника Бирки

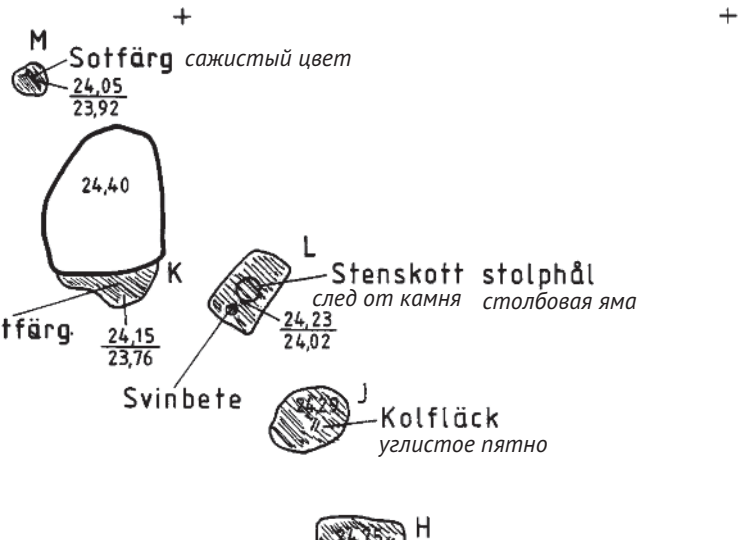

Ил. 112. 1–4 — футляр с бронзовыми накладками-розетками из Гротлингбо. Тройная окантовка пластин указывает на вендельское время изготовления гребня. 5–7 — фрагменты гребней из слоя E₃ Старой Ладogi (Рябинин 1985: рис. 10)

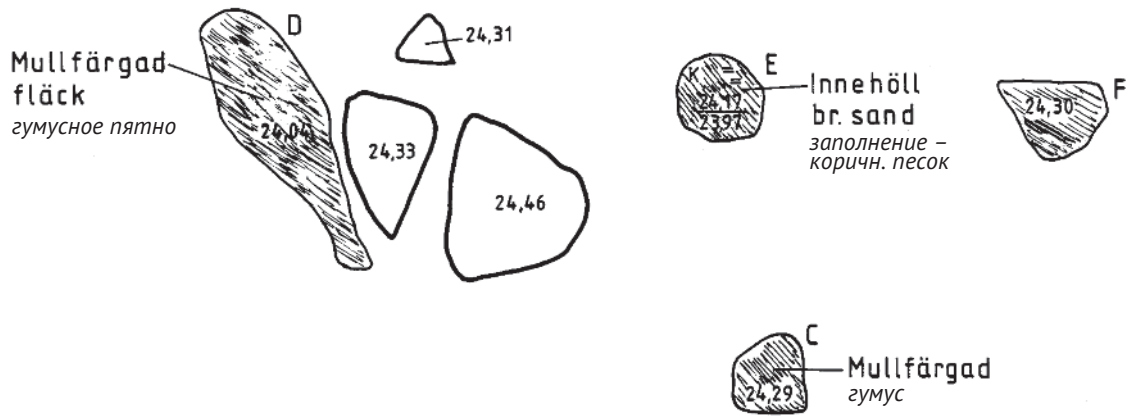

Ил. 114. Вибу (Viбу, Катмар sn, Sö., RAÄ 33). Разрез кургана (по К. Свенссону и С. Сёдербергу). Чертеж из собрания материалов к полемому отчету. АТА

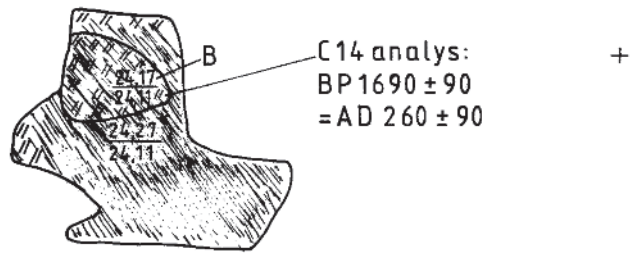
X 725 +

X 720 +

X 715 +

X 710 +
Y 980

+
Y 985

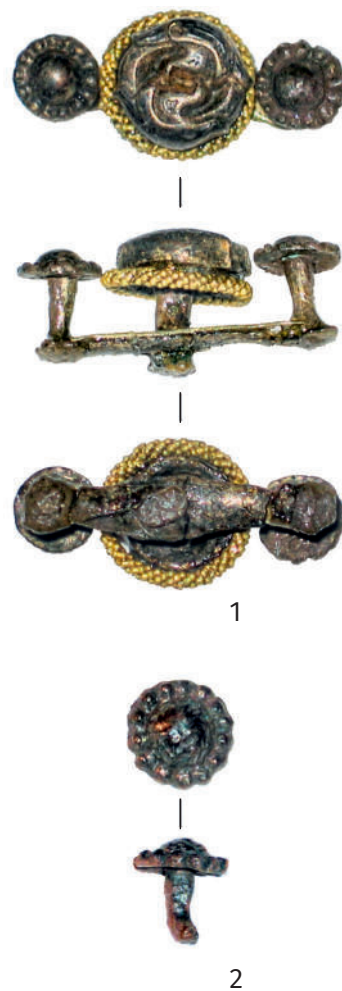
+
Y 990

Ил. 116. Вибу (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Следы конструкций на материке. Рисунок из собрания материалов к полевому отчету. АТА

0 5 cm

0 3 cm

Ил. 117. Находки, предположительно приписываемые кургану в Вибю (фото Музея Упланда [Urlandsmuseet], Упсала)

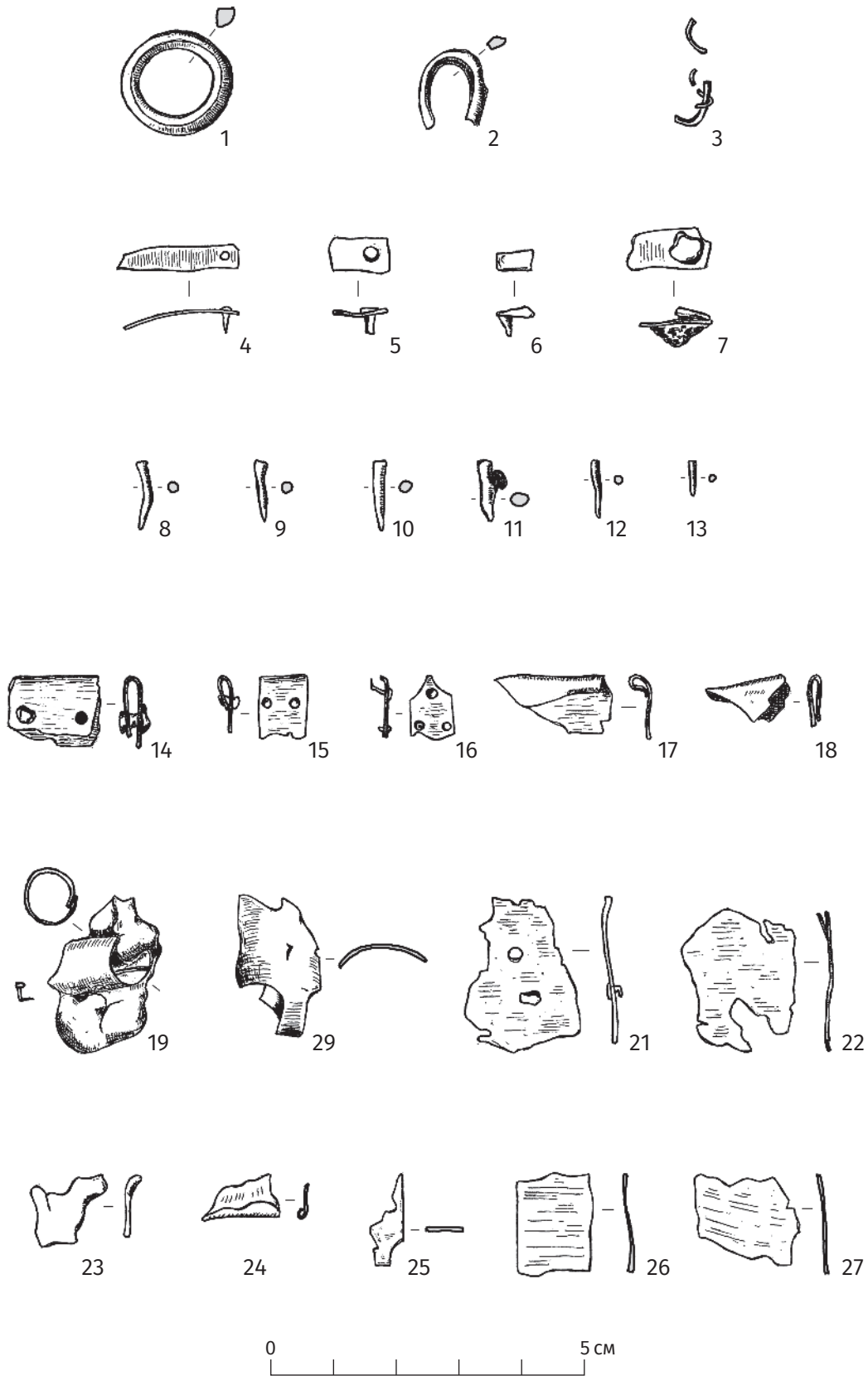
Ил. 118. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Обоймица с декоративными заклепками и заклепка от несохранившегося аналогичного украшения (?). Серебро, золото

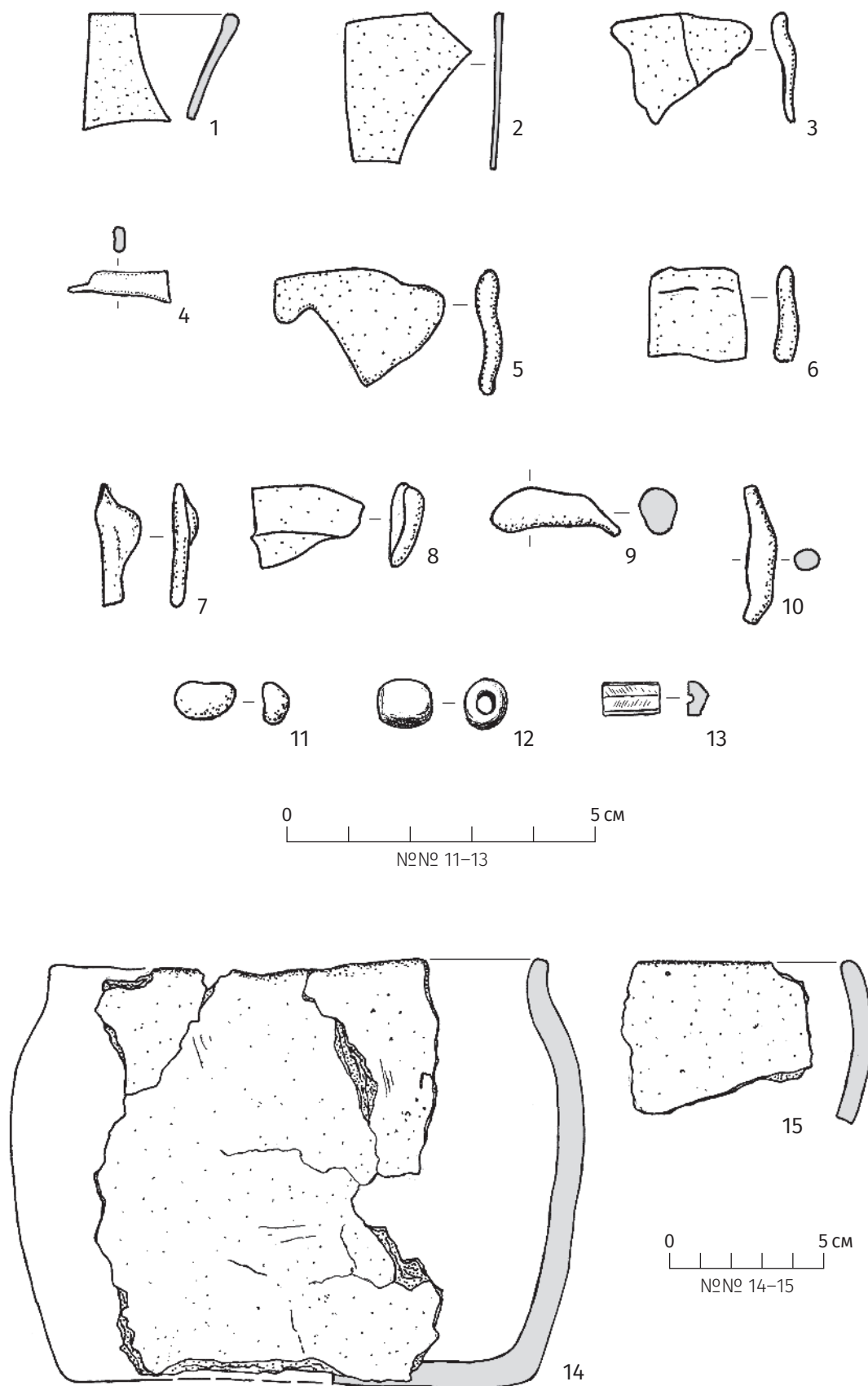
Ил. 119. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Изделия из серебра. 1–6 – фрагменты застежек; 7 – наконечник ремня (?); 8 – наконечник ножен меча (?)

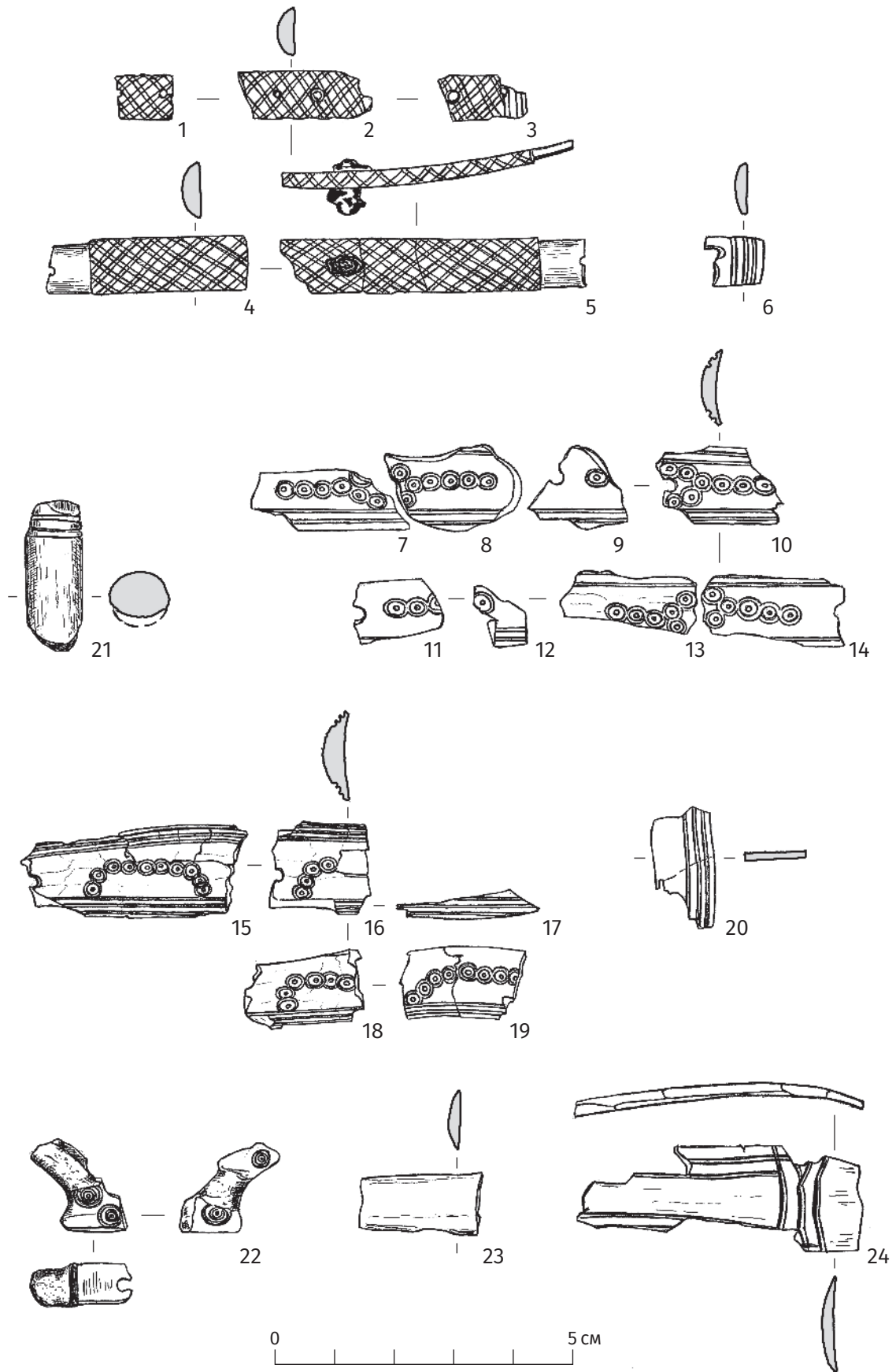
Ил. 120. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Фрагменты бронзовых накладок или накладки (ножен меча?)

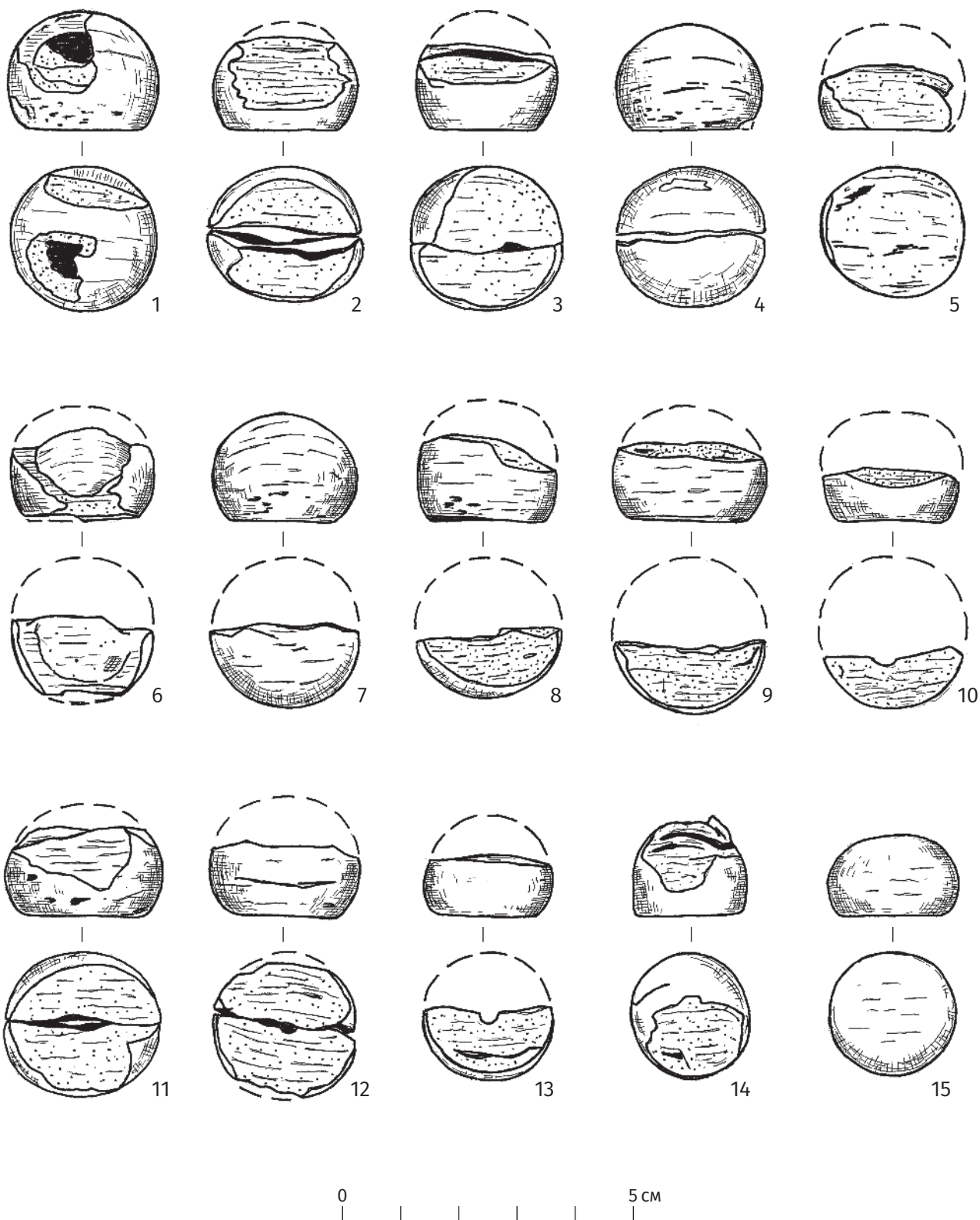
Ил. 121. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Бронзовые изделия и их фрагменты. 7, 9 – фрагменты бронзовых накладок с железными заклепками. 19 – бронзовая трубочка в слитке расплавленных бус (зеленое стекло и неопределимая красно-бело-сине-желтая бусина)

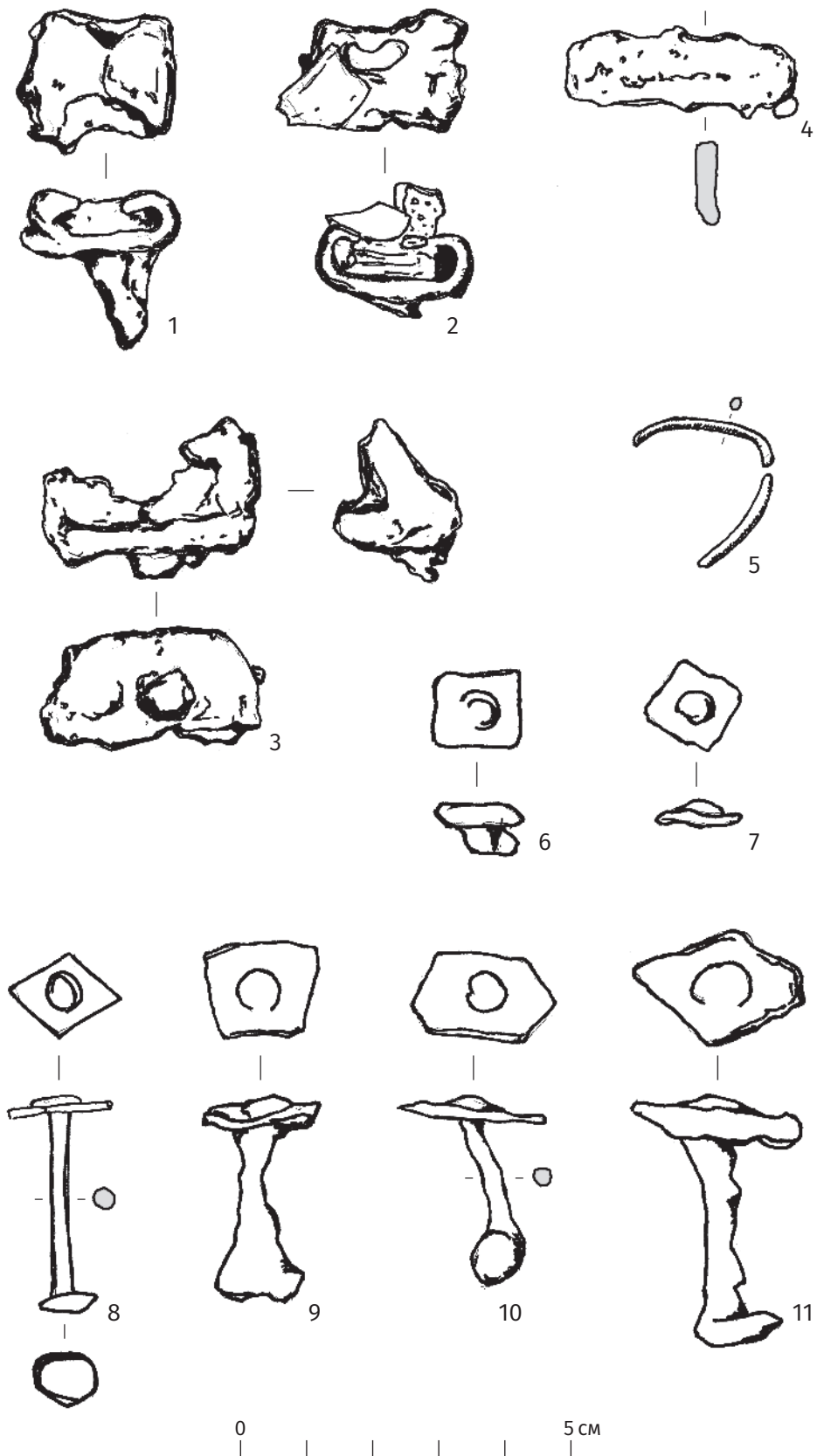
Ил. 122. Вибу (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Изделия из стекла (1–11 — фрагменты сосуда; 12, 13 — бусы) и фрагменты лепных сосудов (14, 15)

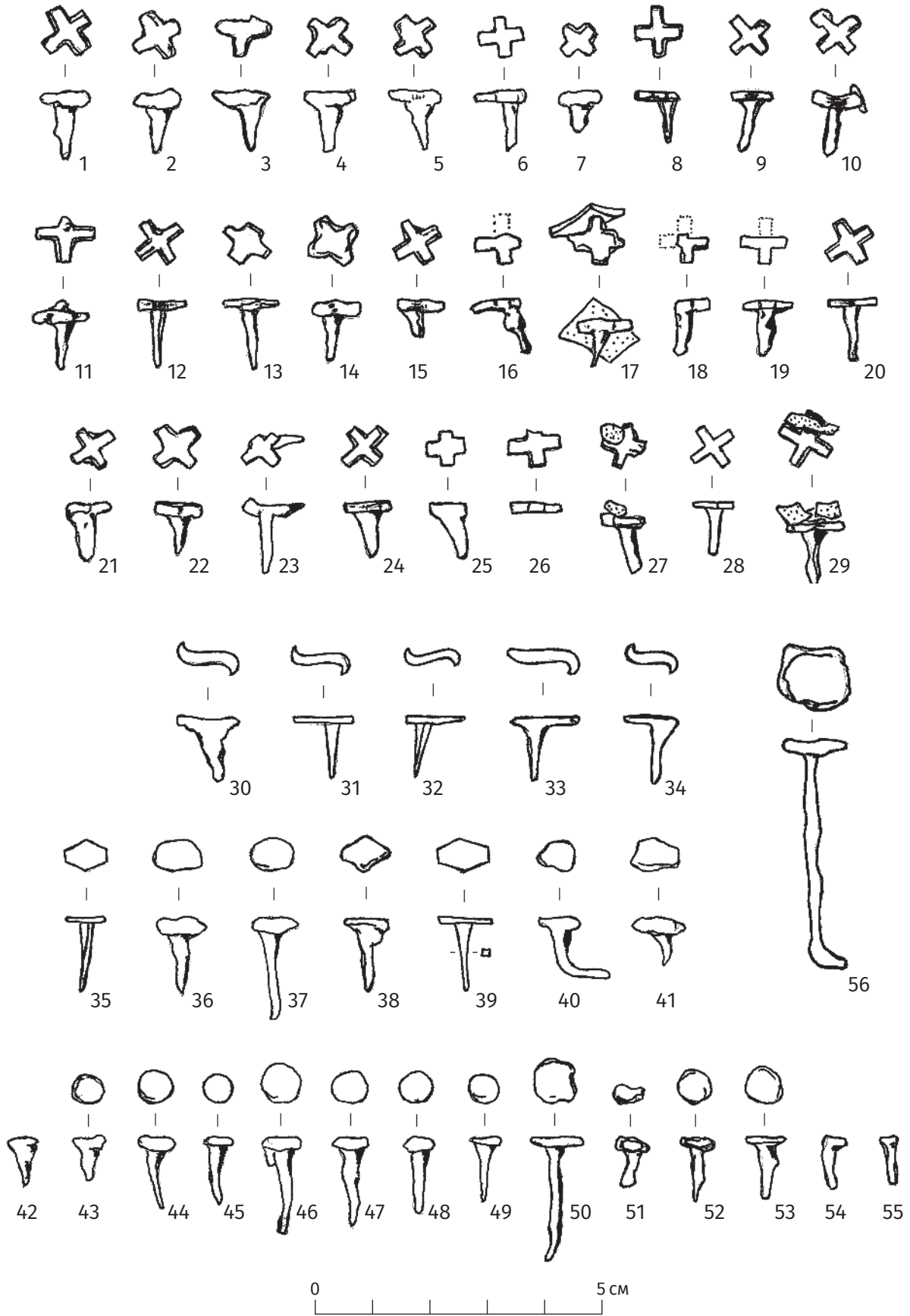
Ил. 123. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Изделия из кости и рога. 1–5 — гребень 1; 6 — гребень 2 (?); 7–14 — гребень 3; 15–20 — гребень 4; 21, 22 — неопределимые изделия из кости; 23, 24 — фрагменты накладок

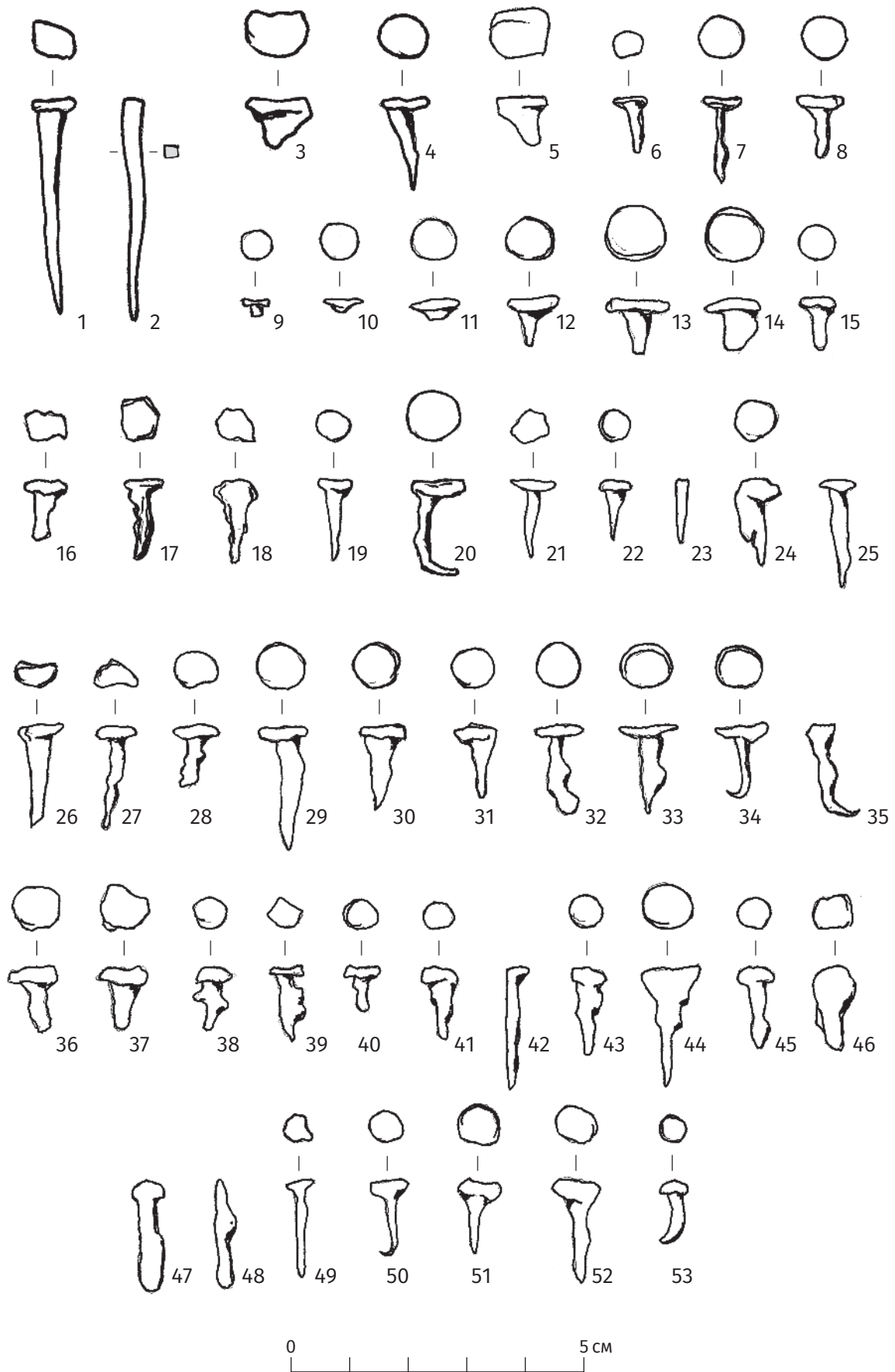
Ил. 124. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Костяные игральные фишки

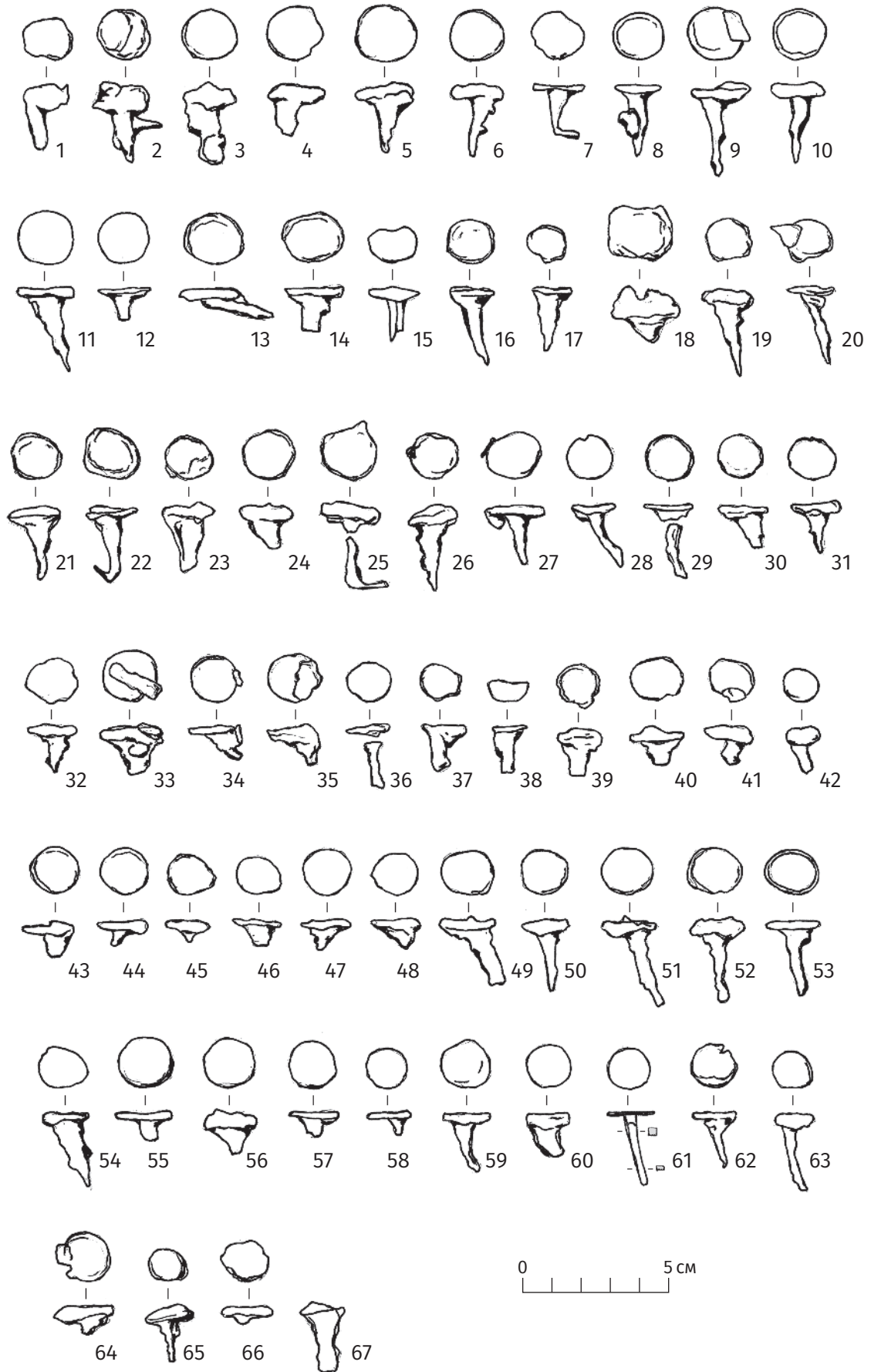
Ил. 125. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Изделия из железа. 1-3 — ледоходные шипы; 4 — фрагмент лезвия ножа (?); 5 — фрагменты проволочного кольца; 6-11 — заклепки от небольшого неопределимого изделия

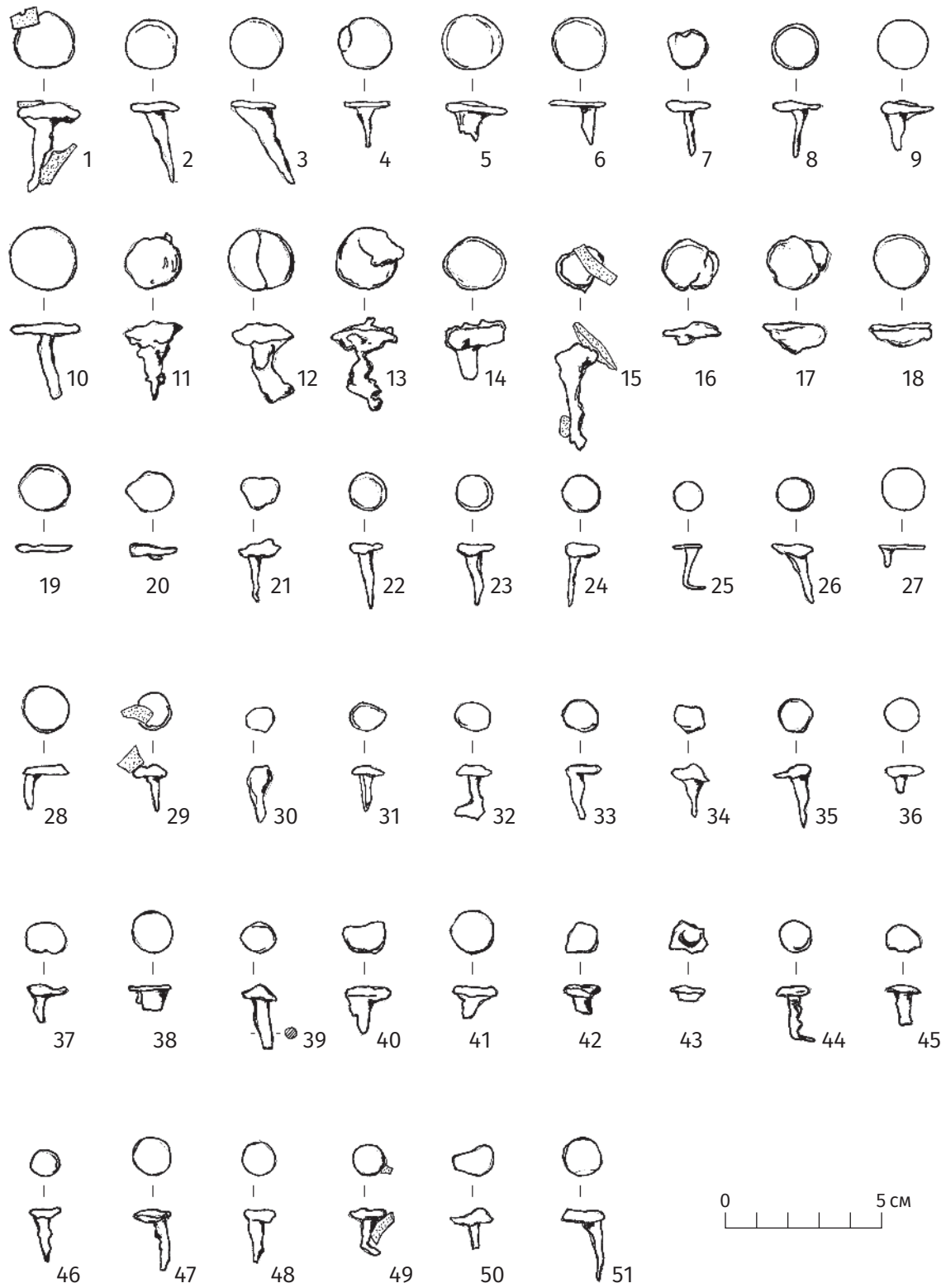
Ил. 126. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Железные декоративные гвозди от деревянного ларца или сосуда (?)

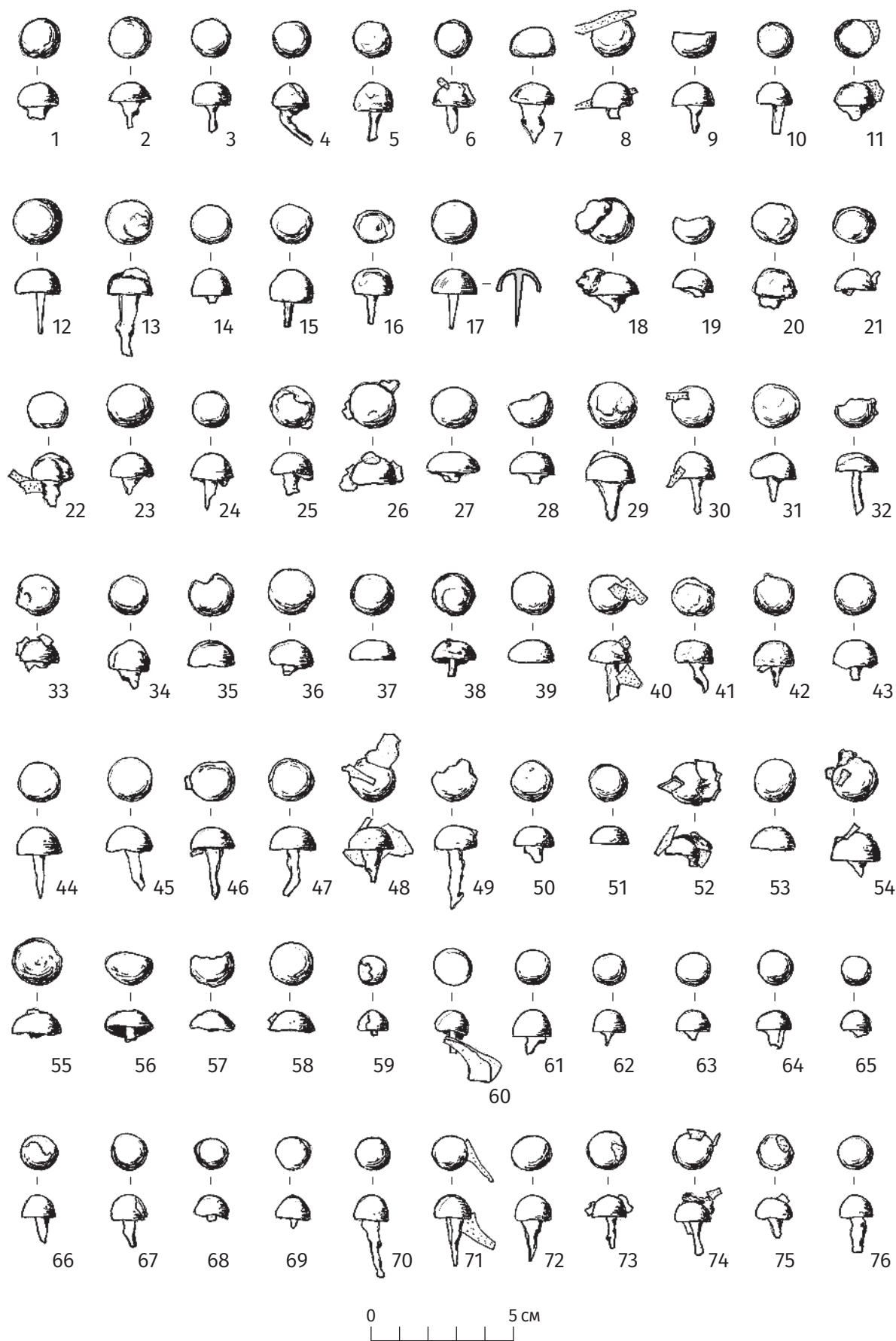
Ил. 127. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Железные гвозди от деревянного ларца или сосуда (?)

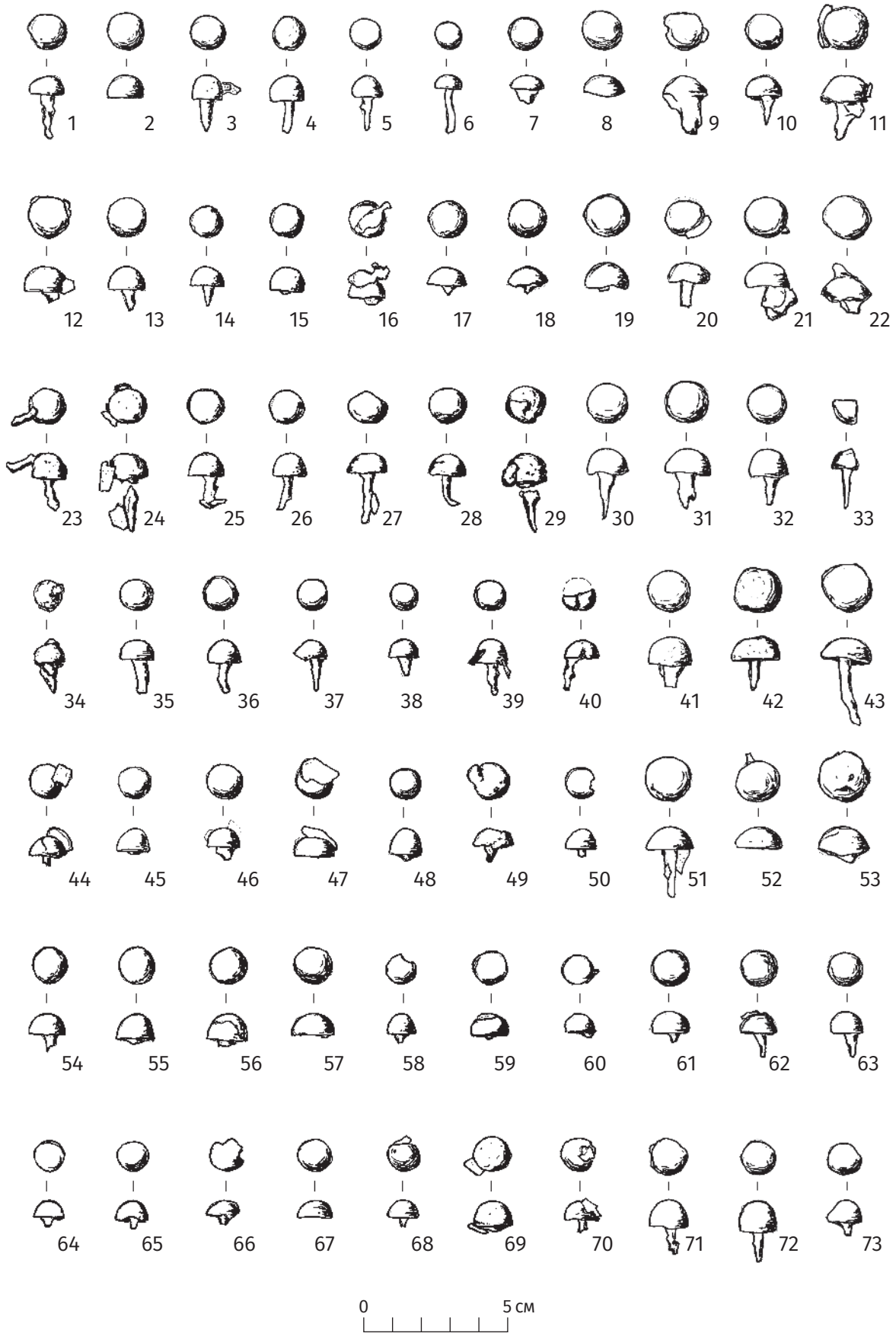
Ил. 128. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Железные декоративные гвозди от сундука 1

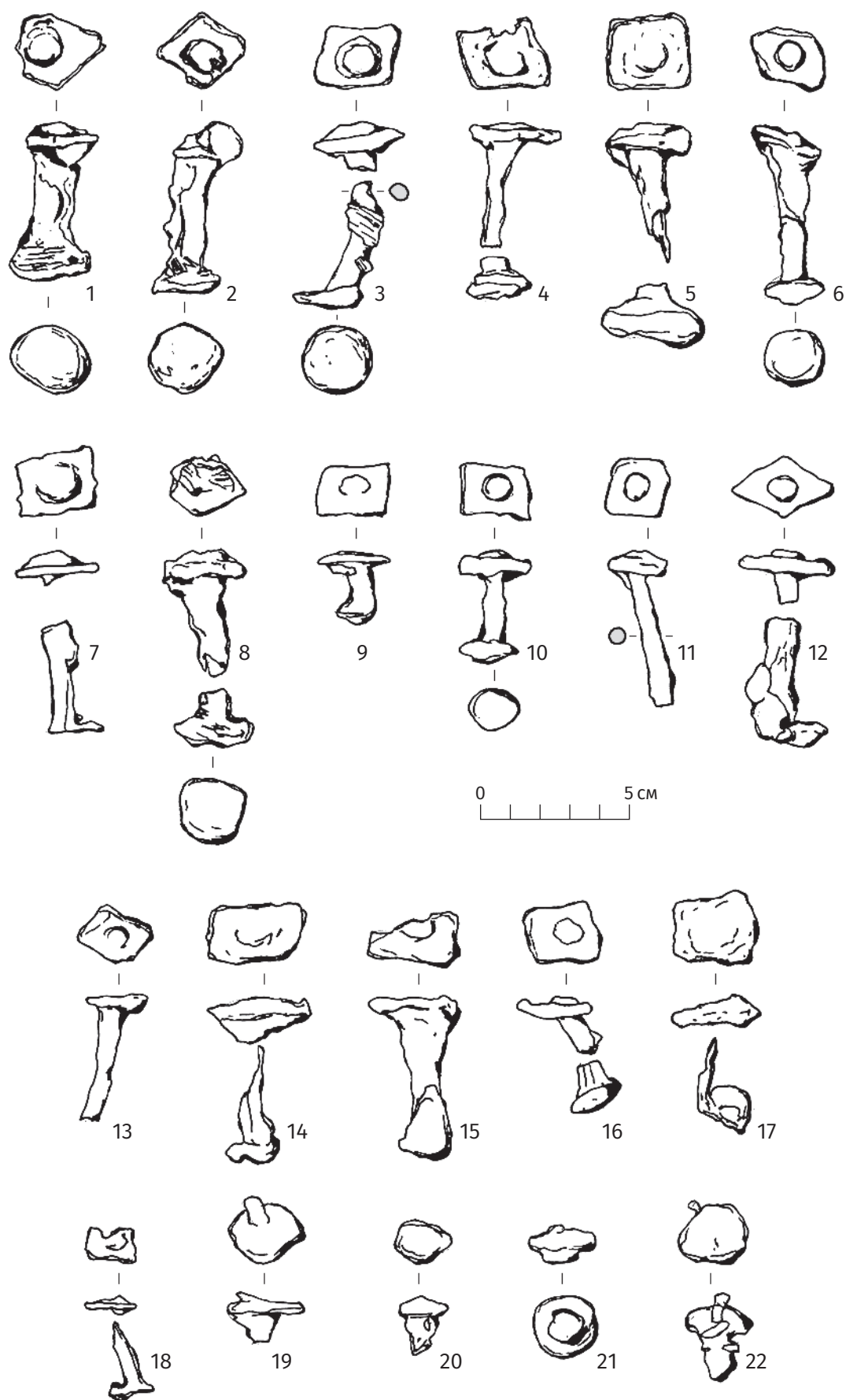
Ил. 129. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Железные декоративные гвозди от сундука 1

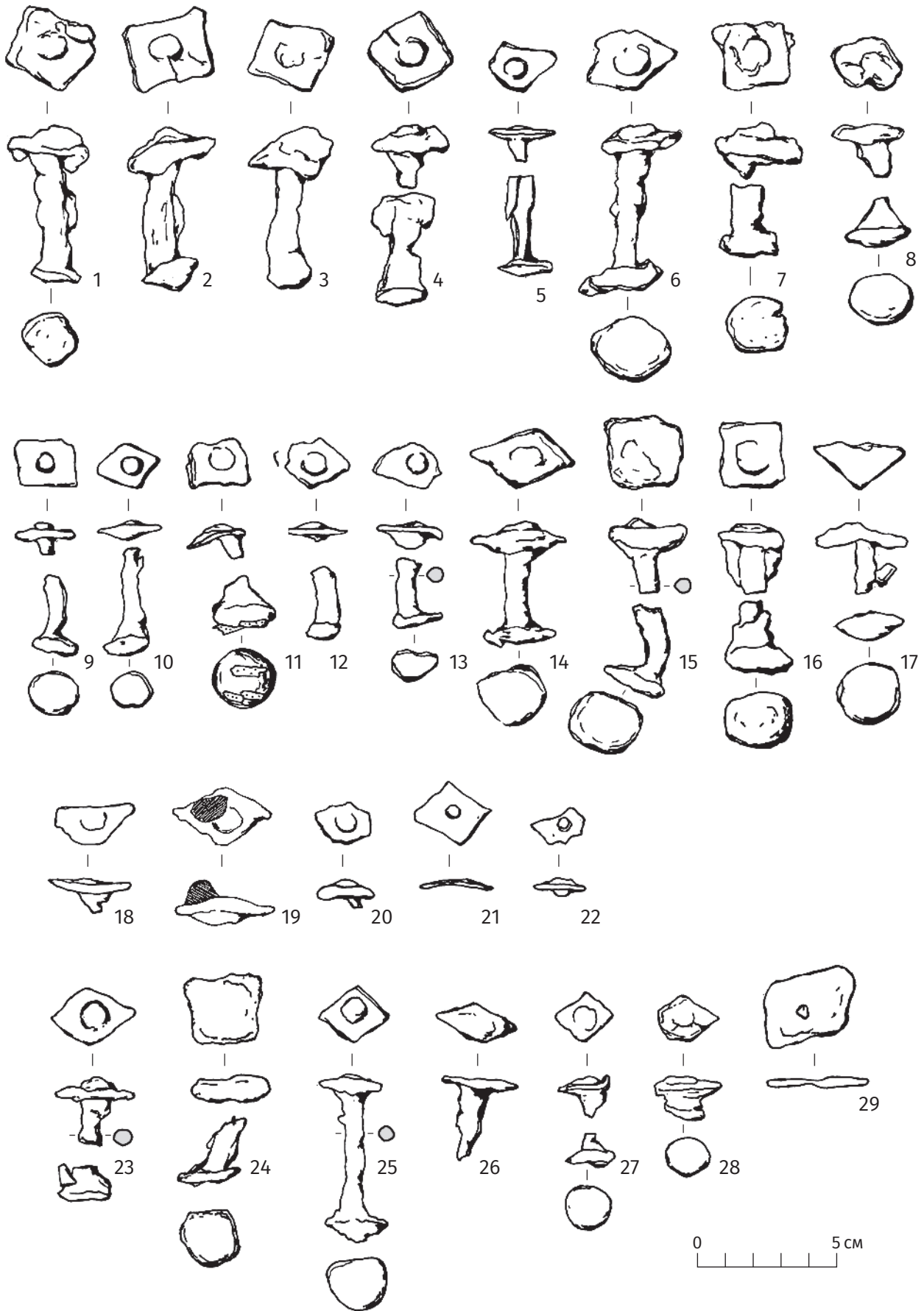
Ил. 130. Вибу (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Железные декоративные гвозди от сундука 2

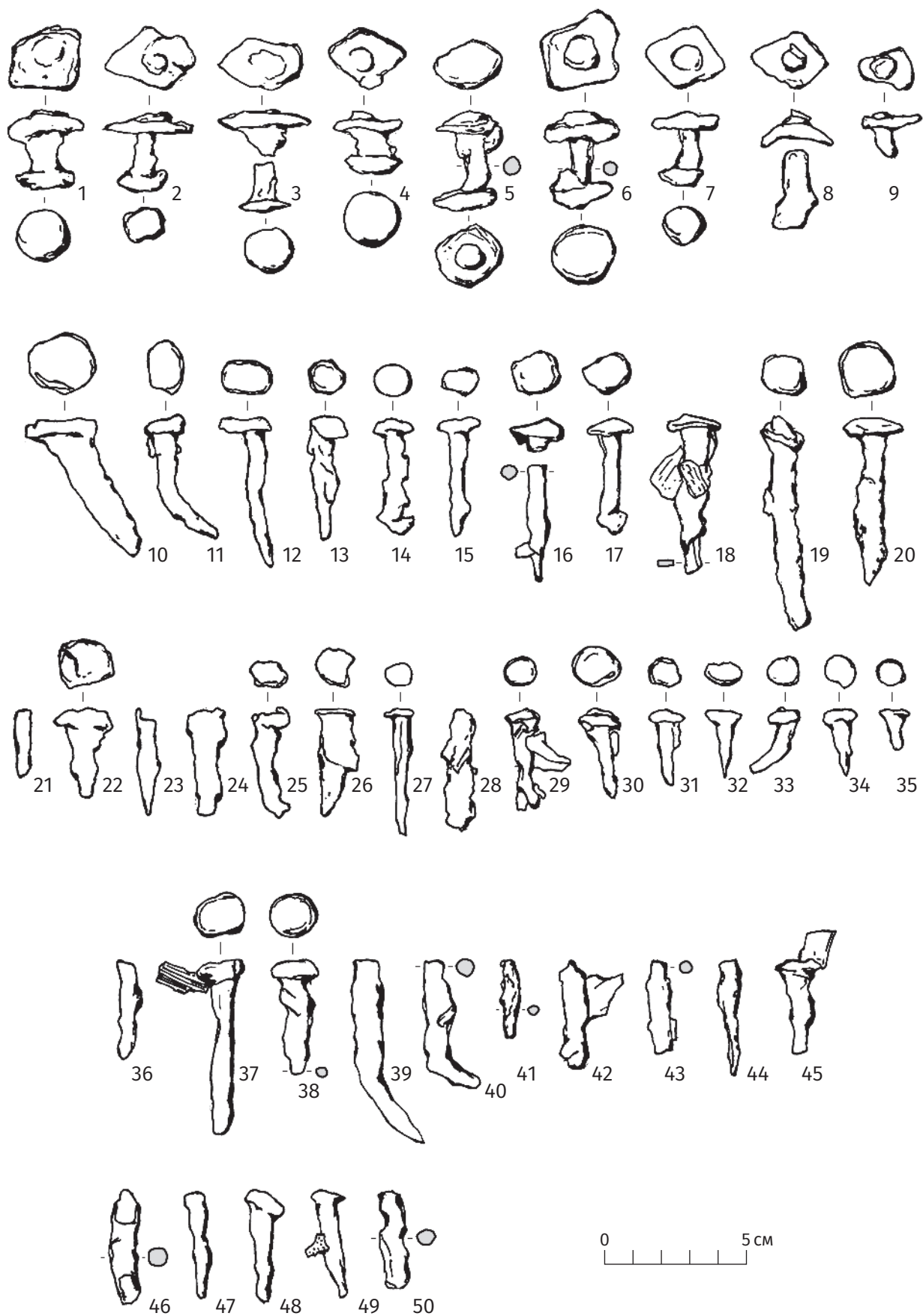
Ил. 131. Вибу (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Железные декоративные гвозди от сундука 2

Ил. 132. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Железные ладейные (?) заклепки и их фрагменты

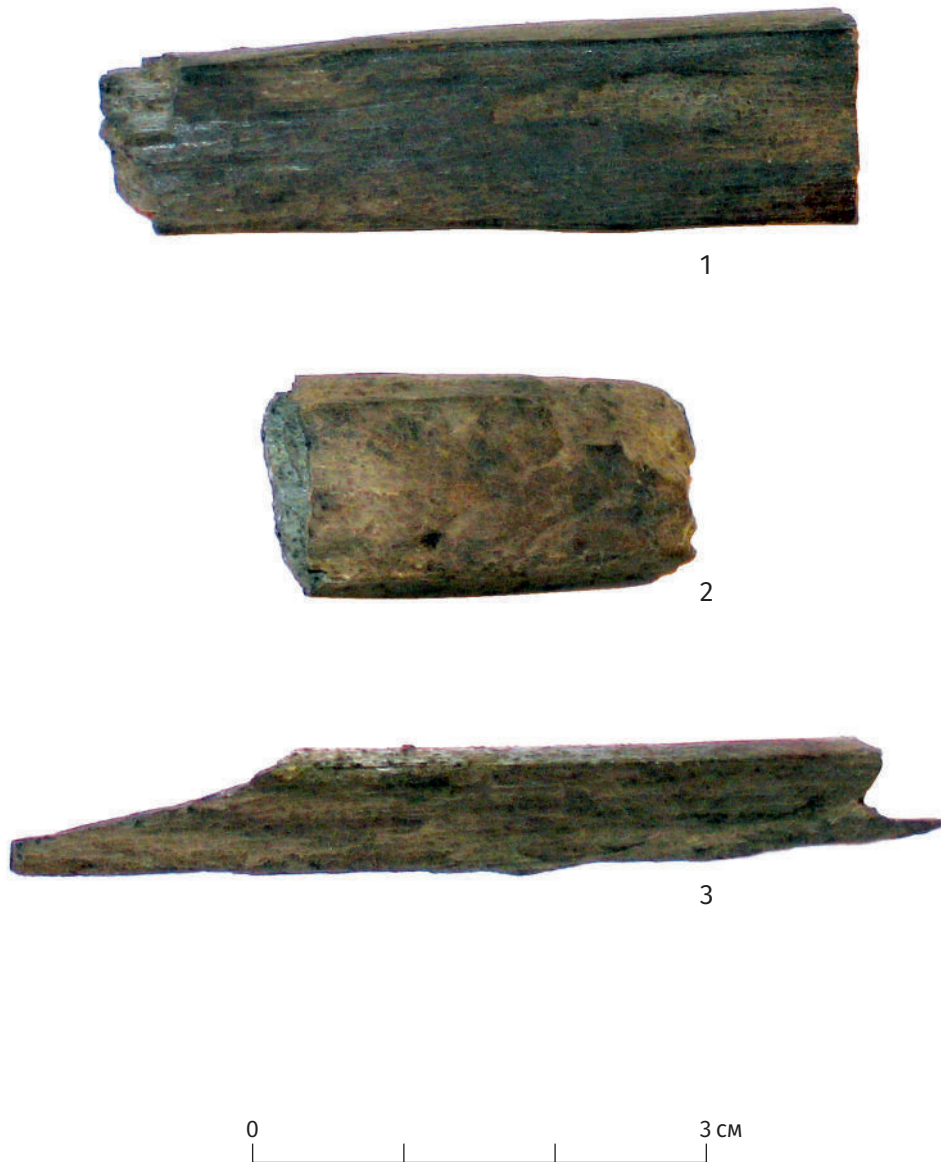
Ил. 133. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Железные ладейные (?) заклепки и их фрагменты

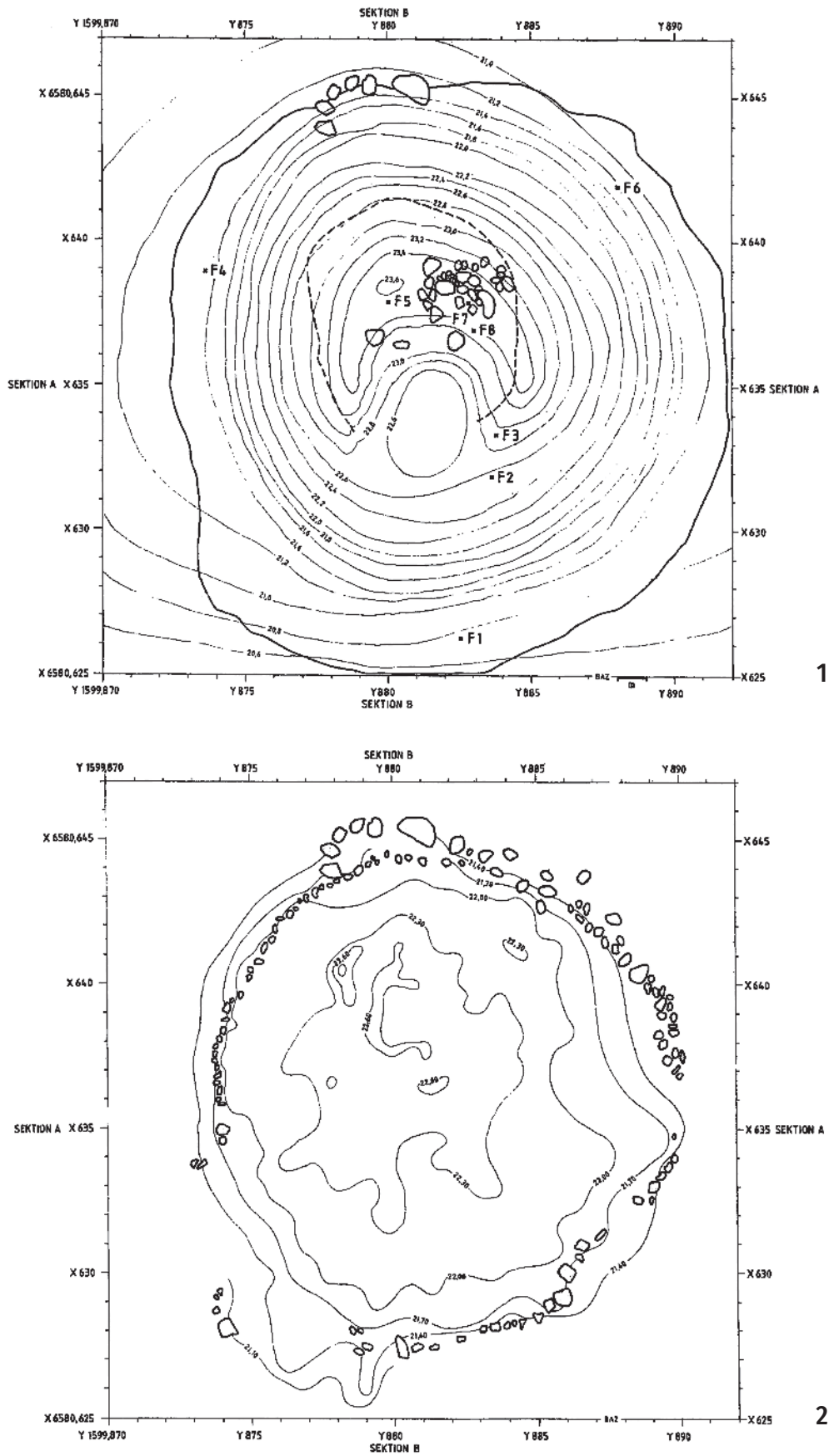
Ил. 134. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Железные ладейные (?) заклепки, их фрагменты и гвозди

Ил. 135. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Изделия из стекла

Ил. 136. Вибю (Viby, Kalmar sn, Sö., RAÄ 33). Фрагменты каменного оселка

Ил. 137. Ормкнёс (Ormknö, Adelsö sn, Up., RAÄ 111). 1 – поверхность кургана; 2 – каменное ядро кургана, обозначенное горизонталями (Arrhenius 1990)

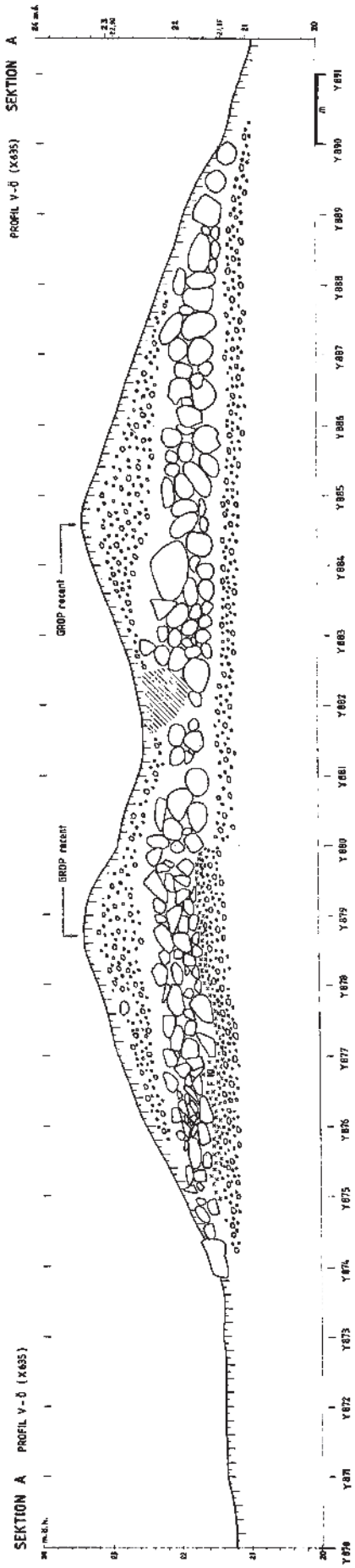
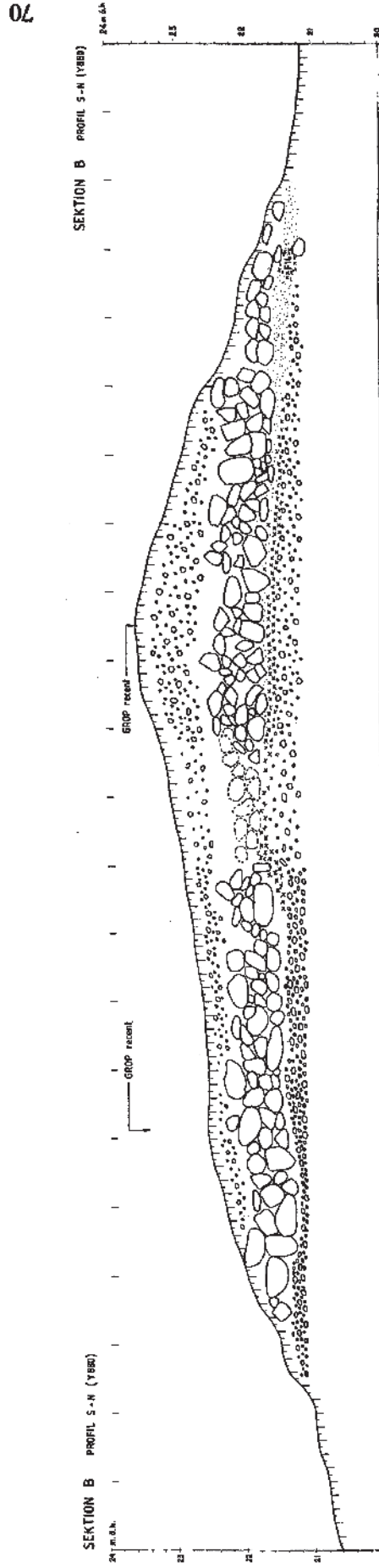
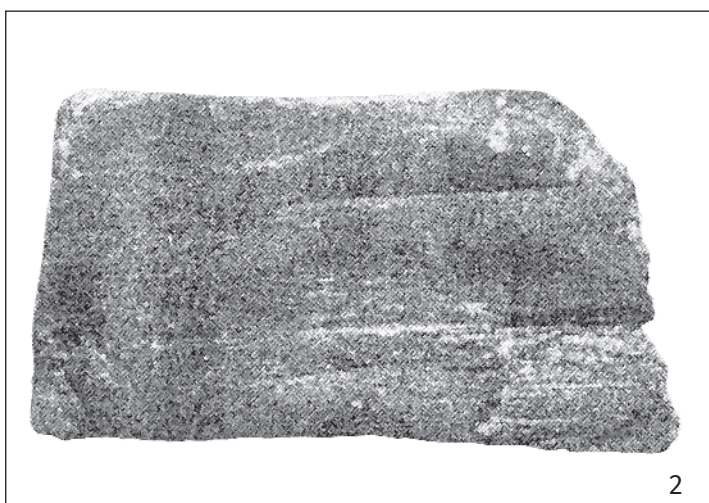
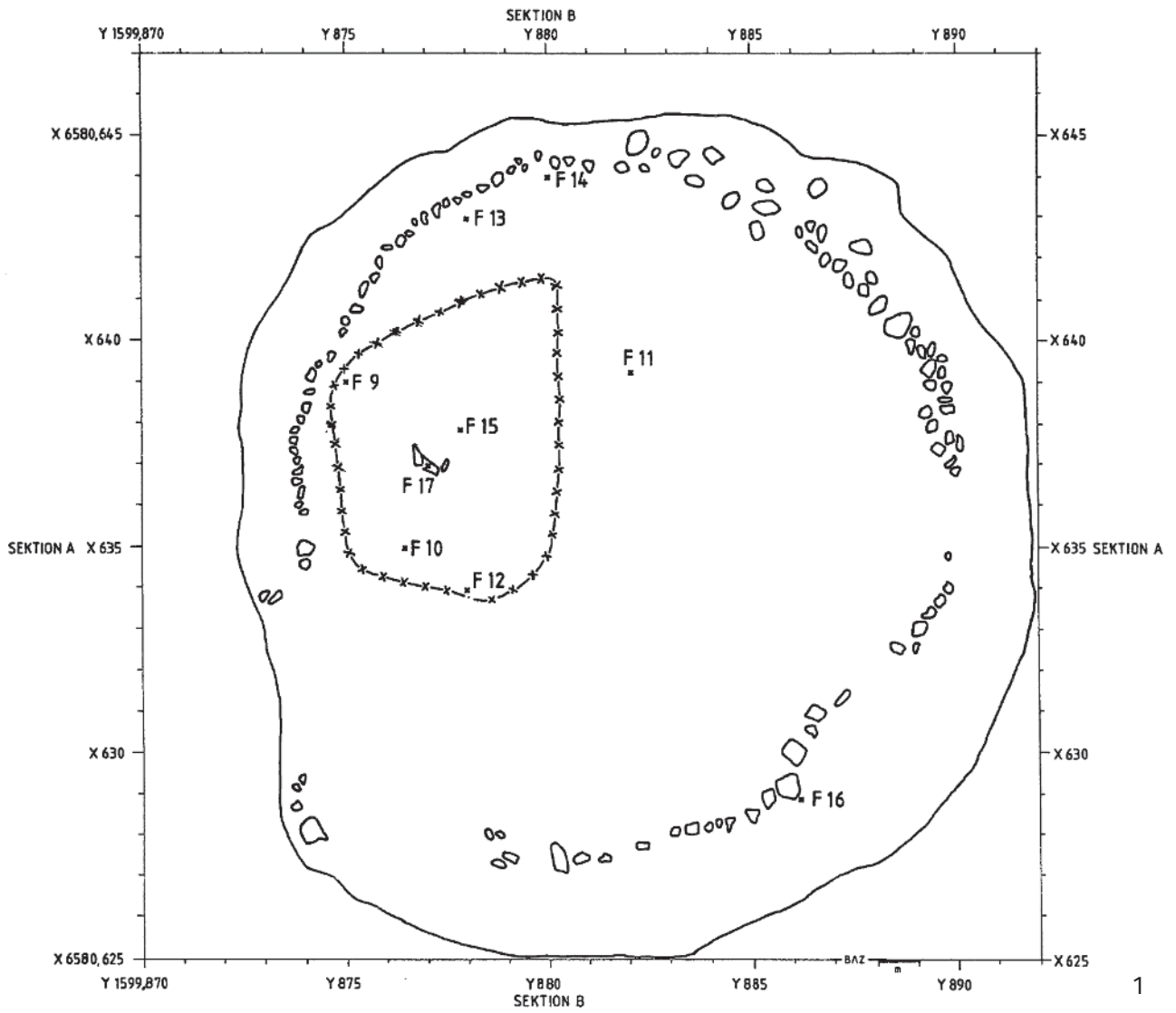

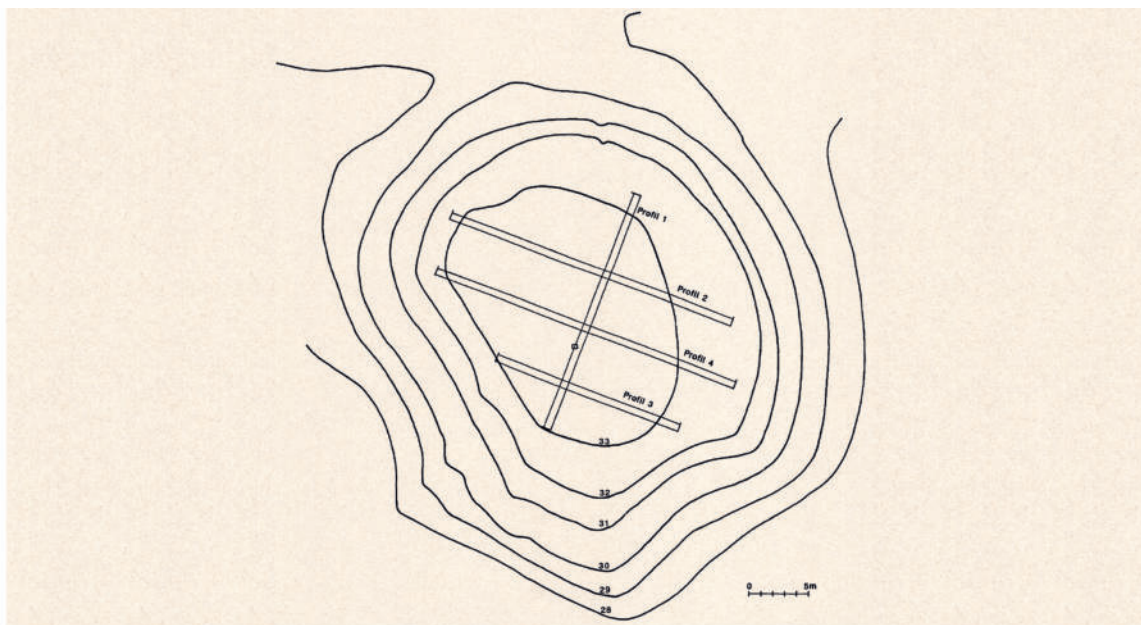
Fig 4. Profil A, V-Ö. Renritning Bo Zachrisson.

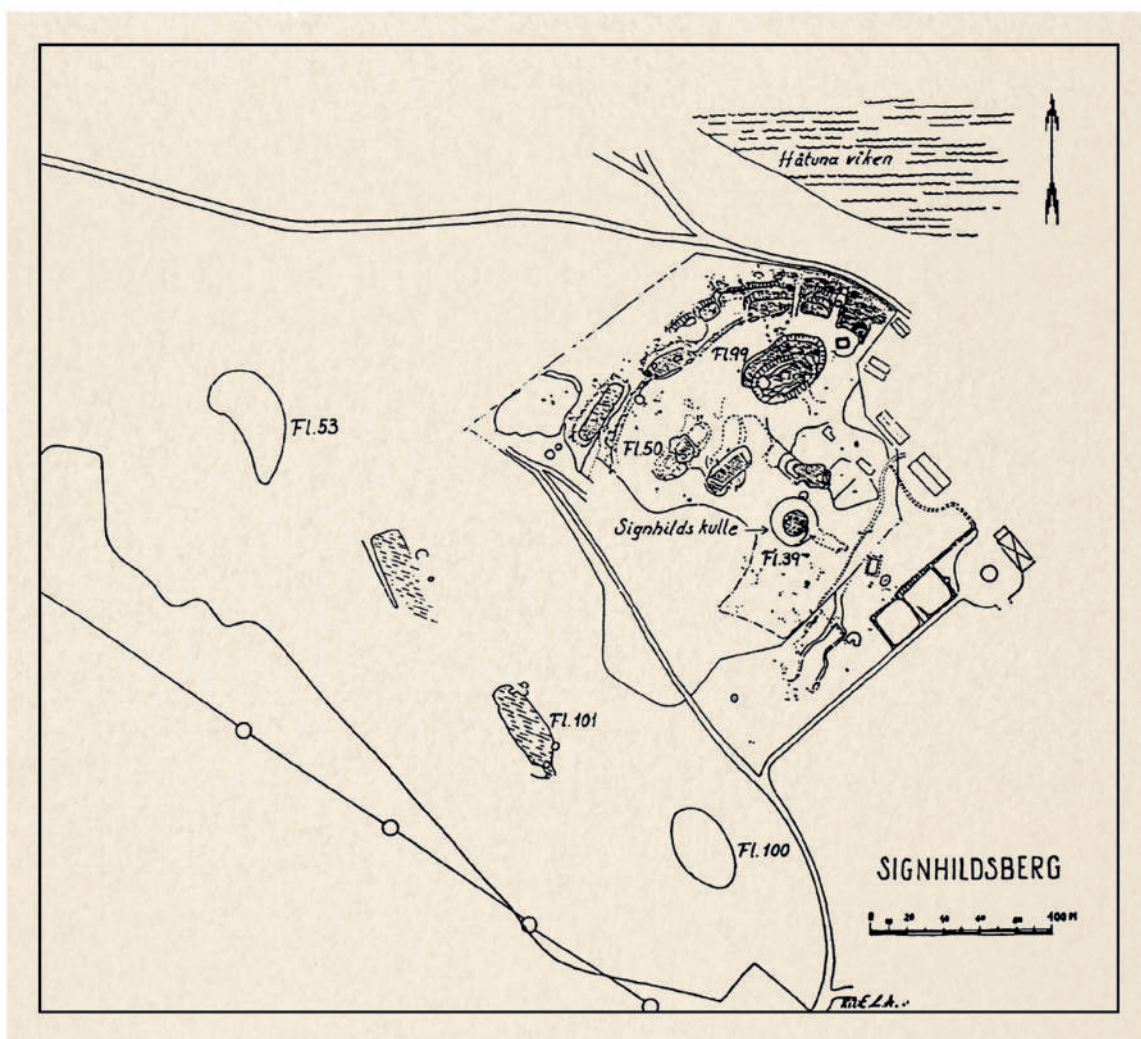
Илл. 138. Ормкнёс (Ormknös, Adelsö sn, Up., RAÄ 111). Профили кургана (Arrhenius 1990)

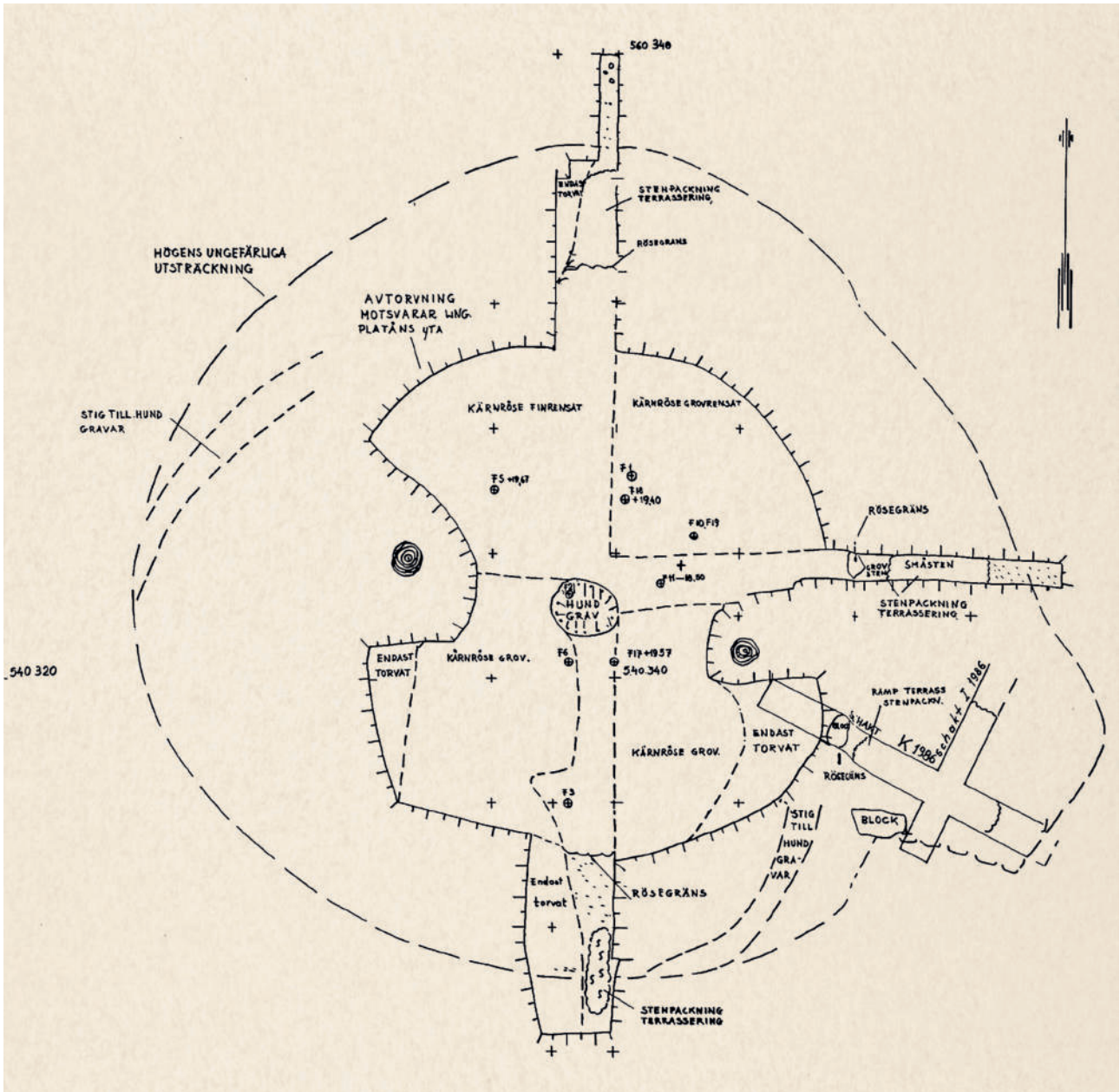
Ил. 139. Ормкнёс (Ormknös, Adelsö sn, Up., RAÅ 111). 1 – подкурганная площадка после удаления камней (очерчено пятно темного цвета); 2 – фрагмент сланцевого оселка; 3 – шар из красного гранита (стенклот) (Arrhenius 1990)

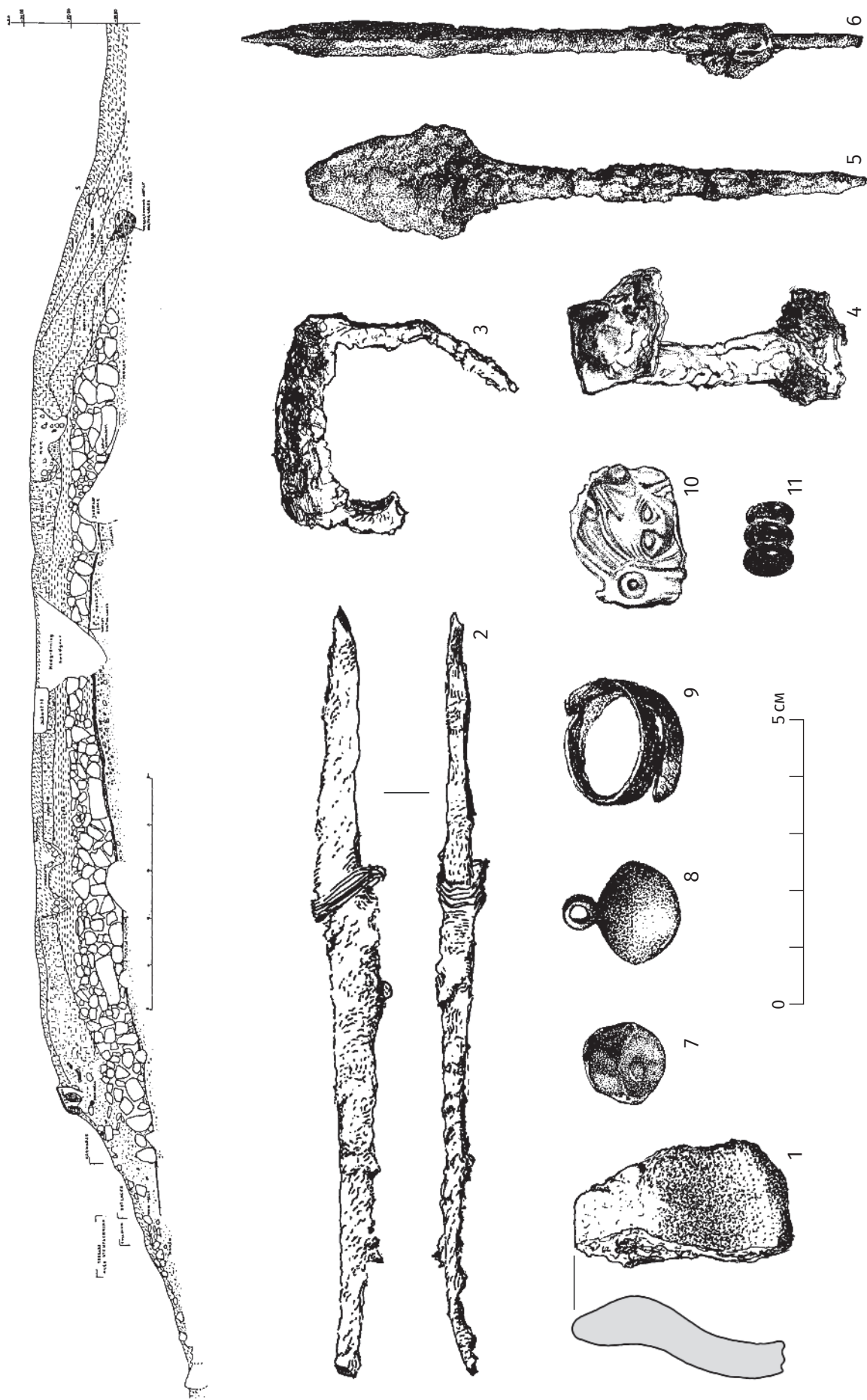
Ил. 140. Старая Упсала, Курган Тинга (Gamla Uppsala, RAÄ 123, Tingshögen, Domarhögen)

Ил. 141. Синхилсбори (Signhildsberg, Håtuna sn, Up., RAÄ 99, Signhilds kulle). План усадьбы с большим курганом (Allerstav et al. 1991)

Ил. 142. Синхилсбори (Signhildsberg, Håtuna sn, Up., RAÄ 99, Signhilds kulle). План кургана (Allerstav et al. 1991)

Ил. 143. Синхилсбори (Signhildsberg, Hätuna sn, Ур., RAÄ 99, Signhilds kulle). Разрез большого кургана и датирующие находки (Allerstav et al. 1991)

Список сокращений

Термины и методики

- БС — балтийская система абсолютных высот
 ДК — дьяковская культура
 ДДК — днепро-двинская культура
 КДК — культура длинных курганов (совокупность КПДК и КСДК)
 КПДК — культура псковских длинных курганов
 КСДК — культура смоленских длинных курганов
 КС — культура сопок
 КТБ — культура Тушемли – Банцеровщины (совокупность тушемлинской и банцеровской культур)
 КШК — культура штрихованной керамики
 РЖВ — ранний железный век
 СПА — спорово-пыльцевой анализ
 ХКТ — хозяйственно-культурный тип
 ЭРМ — эпоха раннего металла

Письменные источники

- Ипат. — Ипатьевская летопись
 НЛ — Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи)
 Н1 — Новгородская первая летопись
 ПВЛ — Повесть временных лет
 DAI — *Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio*

Научные издания и учреждения

- АН АрмССР — Академия наук Армянской ССР
 АН ЭССР — Академия наук Эстонской ССР
 АО — Археологические открытия
 АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
 ВВ — Византийский временник
 ВДИ — Вестник древней истории

ВИ	— Вопросы истории
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ВИР	— Всесоюзный научно-исследовательский институт растениеводства им. Н. И. Вавилова Российской Академии наук
ВОКМ	— Витебский областной краеведческий музей
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік Інстытута гісторыі АН Беларусі
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГУТК при СМ СССР	— Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского исторического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИАК	— Императорская археологическая комиссия
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИОЛЕАЭ	— Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МАБ	— Материалы по археологии Беларуси
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии
МНИИЯЛИЭ	— Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР
НА	— научный архив
НГПИ	— Новгородский государственный педагогический институт
НГОМЗ	— Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИС	— Новгородский исторический сборник
НОА	— научно-отраслевой архив
ОИАК	— Отчет Императорской Археологической комиссии
ОИДР	— Общество истории и древностей Российских при Московском университете
ОАВЕС ГЭ	— Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
ОПИ НГОМЗ	— Отдел хранения и изучения письменных источников, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
ПАВ	— Петербургский археологический вестник
ПАО	— Псковское археологическое общество
ПГОМЗ	— Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
Працы, т. II	— Працы археалёгічнай камісіі Беларускай АН
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей

РА	— Российская археология
РАЕ	— Российский археологический ежегодник
РАН	— Российская академия наук
РГПУ	— Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
РСМ	— Раннеславянский мир
РФФИ	— Российский фонд фундаментальных исследований
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЗРЦСЭ МЮ РФ	— Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации
СЛМ	— Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ РНИИ КПН	— Санкт-Петербургский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия
СС	— Скандинавский сборник
СЭ	— Советская этнография
ЭО	— Этнографическое обозрение
ЭССЯ	— Этимологический словарь славянских языков.
РУДН	— Российский университет дружбы народов
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЮУрГУ (НИУ)	— Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)
АЕ	— Arheoloģija un Etnogrāfija
АТА	— Antikvariska topografiska arkivet, Riksantikvarieämbetet, Stockholm
ВАР	— British Archaeological Reports
СЕУ	— Central European University, Budapest
FM	— Finskt Museum
MGH	— Monumenta Germaniae Historica

Список литературы

Публикации исторических источников

- Альбом Мейерберга 1903 – Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб.
- БЛДР. Т. 5. 1997 – Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб.
- Заметки о России 2012 – Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М.
- НЛ 1879 – Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб.
- НПК 1862 – Новгородские писцовые книги. Т. 2. Переписная оброчная книга Деревской пятины. Вторая половина. СПб.
- ПВЛ 1996 – Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи. СПб.
- Писцовая книга 1850 – Писцовая книга Обонежские пятины Нагорные половины // Временник ОИДР. М. Кн. 6. С. 58–126.
- Приходная книга 2011 – Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/1577 г. («Книга записей софийской пошрины»). М., СПб.
- ПСРЛ, т. I. 2001 – Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. I.
- ПСРЛ, т. III. 2000 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М. Т. III
- ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000 – Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. IV, ч. 1.
- ПСРЛ, т. XIV. 2000 – Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. М. Т. XIV.
- ПСРЛ, т. XXV. 2004 – Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. М. Т. XXV.
- ПСРЛ, т. 41. 1995 – Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей) // Полное собрание русских летописей. М. Т. 41.
- Adam Bremensis, Gesta – *Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / Herausgegeben von B. Schmeidler. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex MGH separatim editi. Hannoverae et Lipsiae, 1917.
- Annae Comnenae, Alexias – *Annae Comnenae Alexias. Prolegomena et textus* / Rec. D. R. Reinschet A. Kambylis. Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. XL/1. Berolini – Novi Eboraci, 2001.
- Annale squaedicuntur Einhardi – *Annales regni Francorum: indeaba. 741. usqueada. 829; quidicuntur Annales Laurissenses Maioreset Einhardi* / Ed. G. H. Pertz. Hannoverae, 1895.
- Annales Quedlingburgenses – *Die Annales Quedlingburgenses* / Herausgegeben von M. Giese. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T. LXXII. Hannover, 2004.
- Caesar, Bel. Gal. – *C. Iulii Caesaris Commentarii rerum gestarum*. Vol. 1. Bellum gallicum. Ed. W. Hering. Leipzig, 1987.
- The Chronicle of Morea 1904 – *Schmitt J. The Chronicle of Morea*. London, 1904.
- Cont. Fred. – *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV. Cum Continuationibus* / Ed. B. Krusch. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum. T. II. Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum. Hannoverae, 1888.
- Conversio – *Conversio Bagoariorum et Carantanorum* / Ed. D. W. Wattenbach. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XI. Hannoverae, 1854.
- DAI – *Constantine Porphyrogenitus De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Engl. transl. by R. J. H. Jenkins*. Washington, 1967.
- Einhard, Vita Karoli – *Einhardi Vita Karoli Magni* / Curavit O. Holder-Egger. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex MGH separatim editi. Hannoverae et Lipsiae, 1911.
- Ekkehardi Uraugiensis chronica – *Ekkehardi Uraugiensis chronica* / Ed. G. Waits. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannoverae, 1844. T. VI.
- Fred. – *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV. Cum Continuationibus* / Ed. B. Krusch. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum. T. II. Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum. Hannoverae, 1888.
- Ioannis Biclarenensis Chronicon – *Campos J. Juan de Biclario obispo de Gerona. Su vida y su obra*. Madrid, 1960.
- Iord. Get. – *Iordanis Romana et Getica* / Recensuit T. Mommsen. Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum. Berolini, 1882. T. V. Pars 1.

- Isidori Iunioris episcopi Hispalensis Chronica Maiora – *Isidori Iunioris episcopi Hispalensis Chronica Maiora* / Ed. T. Mommsen. Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum. Berolini, 1894. T. XI.
- Lex Baiwariorum – *Lex Baiwariorum* / Ed. E. von Schwind. Monumenta Germaniae Historica. Leges nationum Germanicarum. Hannoverae, 1926. T. V. Pars II.
- Liudprand, Antapodosis – *Liudprandi Antapodosis* / Die Werke Liudprands von Cremona / Herausgegeben von J. Becker. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum ex MGH separatim editi. Hannoverae et Lipsiae, 1915.
- Menander – *Blockley R. C. The History of Menander the Guardsman. Introductory essay, text, translation and historiographical notes* / ARCA, Classical and Medieval Texts, Papers and Monographs. Liverpool, 1985.
- Mon. Sangallensis – *Monachus Sangallensis. De Carolo Magno. Bibliotheca Rerum Germanorum* / Ed. P. Jaffé. T. IV. Monumenta Carolina. Berolini, 1867.
- Nic. Brev. – *Nicephori Archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula Historica* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880.
- Ordinatio imperii – *Ordinatio imperii. 817. Mense Iulio* / Ed. A. Boretius. Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio II. Capitularia rerum Francorum. Hannoverae, 1883. T. I.
- Pauli Historia Langobardorum – *Pauli Historia Langobardorum* / Ed. L. Bethmann, G. Waits. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI – IX. Hannoverae, 1878.
- Procopius. De Bello Gothico – *Procopii Caesariensis Opera Omnia* / Rec. J. Haury. Lipsiae, 1905. Vol. 2.
- Strabo. – *Strabonis Rerum Geographicarum libri XVII*. Ed. I. Casabonus. Paris, 1620.
- Strategikon – *Das Strategikon des Maurikios* / Ed. G. Dennis, Übersetzung von E. Gamillscheg. Wien, 1981.
- Tac. Ann. – *Tacitus. The Histories. With an English translation by C. H. Moore. The Annales. With an English translation by J. Jackson. In four volumes. IV. Annals, Books XIII – XVI*. London, 1962.
- Tertullianus. De anima – *Corpus Christianorum. Series Latina II. Q. S. F. Tertulliani opera. Pars II. Opera montanistica* / Cura et studio J. H. Waszink. Turnholti, 1954.
- Theophanis Chronographia – *Theophanis Chronographia* / Rec. C. de Boor. Vol. 1, 2. Lipsiae, 1883, 1885.
- Theophylacti Simocattae Historiae – *Theophylacti Simocattae Historiae* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887.
- Vita Haimhrammi episcopi – *Arbeonis episcopi frisingensis Vitae Sanctorum Haimhrammi et Corbiniani* / Rec. B. Krusch. Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum ex MGH separatim editi. Hannoverae, 1920.
- Vita Willibaldi – *Vita Willibaldi episcopi Eichstetensis* / Ed. O. Holder-Egger. Vitae Willibaldi et Wynnebalidi auctore sanctimoniali Heidenheimensi. Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XV. Pars I. P. 80–117. Hannoverae, 1887.
- Публикации переводов исторических источников**
- Анна Комнина 1996 – *Анна Комнина. Алексиада* / Пер. с греч. Я. Н. Любарского. СПб.
- Беовульф 1975 – *Беовульф* / Пер. с древнеанглийского В. Тихомирова // *Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах*. М. С. 29–180.
- Великий Новгород 2005 – *Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века*. М.
- Видекинд 2000 – *Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны* / Пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова. М.
- Герберштейн 1988 – *Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии* / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М.
- Деяния короля франков Дагоберта 2019 – *Деяния короля франков Дагоберта* / перевод с лат., коммент., статья Г. А. Шмидта / *Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники*. СПб.
- Джаксон 2012 – *Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты. Переводы. Комментарий*. М.
- Дневник 1902 – *Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721–1725 гг.* / Пер. с нем. И. Ф. Аммона. М.
- Древнерусские города 1987 – *Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, переводы, комментарий* / Составители: Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. М.
- Древняя Русь 2000 – *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. М.
- Жизнеописание Оттона Бамбергского 2021 – *Жизнеописание Оттона Бамбергского в церковных сочинениях и преданиях* / Пер. с лат., исслед. и коммент. А. С. Досаева и О. В. Кутарева. СПб.
- Записки Юлия Цезаря 1948 – *Записки Юлия Цезаря и его продолжателей* / Пер. акад. М. М. Покровского. М.; Л., 1948.
- Ибн-Хордадбех 1986 – *Ибн-Хордадбех. Книга путей и стран* / Пер. с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку.
- Из ранней истории 1999 – *Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы*. М.
- Иордан 1997 – *Иордан. О происхождении и деяниях гетов («Getica»)* / Пер. Е. Ч. Скржинской. СПб.
- Исландские пряди 2017 – *Исландские пряди* / Пер. с древнеисландского Е. А. Гуревич, М.И. Стеблин-Каменского, О. А. Смирницкой. М.
- Исландские саги 1956 – *Исландские саги* / Ред. М.И. Стеблин-Каменского. М.
- Исландские саги 2000 – *Исландские саги* / Пер. с древнеисландского А. В. Циммерлинга. М.

- Исландские саги 2004 – Исландские саги / Пер. с древнеисландского А. В. Циммерлинга. М. Т. 2.
- Константин Багрянородный 1991 – *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Пер. Г. Г. Литаврина. М.
- Ламберт Херсфельдский 2013 – *Ламберт Херсфельдский*. Анналы / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М.
- Лев Диакон 1988 – *Лев Диакон*. История / Пер. М. М. Копыленко. М.
- Лиутпранд Кремонский 2012 – *Лиутпранд Кремонский*. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / Пер. И. В. Дьяконова. М.
- Немецкие анналы 2012 – Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М.
- Олеарий 2003 – *Адам Олеарий*. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск.
- О стратегии 2007 – О стратегии: Византийский военный трактат VI века / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб.
- Павел Алеппский 1898 – *Павел Алеппский*. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 4. М.
- Платон 2007 – *Платон*. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Пер. с древнегреч. СПб.
- Продолжатель Феофана 2013 – *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания Византийских царей. СПб.
- Прокопий Кесарийский 1996 – *Прокопий Кесарийский*. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М.
- Проезжая по Московии 1991 – Отчет о поездке ганзейского посольства из Любека в Москву и Новгород в 1603 г. // Проезжая по Московии. М. С. 185–207.
- Пряди истории 2008 – Пряди истории. Исландские саги о Древней Руси и Скандинавии. М.
- Путешествие 1869 – Путешествие из Вены в Москву в 1655 г. / Пер. с сербского К. Петковича // Русский вестник. М. № 9(83). С. 137–165.
- Путешествие 1911 – Путешествие Его Княжеской Светлости Герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию. 1602 г. // ЧОИДР, кн. 3 (238). М. С. 1–64.
- Путешествие в Московию 1874 – Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена Императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии. М.
- Сага о Греттире 1976 – Сага о Греттире / Пер. с древнеисландского О. А. Смирницкой. М.
- Сага о Сверрире 1988 – Сага о Сверрире / Пер. с древнеисландского М. И. Стеблин-Каменского, Е. А. Гуревич, О. А. Смирницкой. М.
- Свод 1994 – Свод древнейших письменных известий о славянах. М. Т.1.
- Свод 1995 – Свод древнейших письменных известий о славянах. М. Т.2.
- Славянские хроники 2011 – *Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский*. Славянские хроники / Пер. с лат. И. В. Дьяконова, Л. В. Разумовской, редактор-составитель И. А. Настенко. М.
- Снорри Стурлусон 1980 – *Снорри Стурлусон*. Круг земной. М.
- Состояние России 1914 – Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. Императорское общество истории и древностей Российских. М.
- Старшая Эдда 1975 – Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Пер. В. Тихомирова, А. Корсуна, Ю. Корнеева. М.
- Страбон 1994 – *Страбон*. География / Пер. Г. А. Стратановского. М.
- Стратегикон Маврикия 2004 – Стратегикон Маврикия / Пер. В. В. Кучмы. СПб.
- Стрейс 1935 – *Стрейс Я.* Три путешествия / Пер. Э. Бородиной. М.
- Старшая Эдда 1975 – Старшая Эдда / Пер. А. Корсуна // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М. С. 181–356.
- Тертуллиан 2008 – *Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан*. О душе / Пер. с лат. А. Ю. Братухина. СПб.
- Тацит 1993 – *Корнелий Тацит*. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы. Малые произведения / Пер. с лат. А. С. Бобовича. М.
- Феофилакт Симокатта 1996 – *Феофилакт Симокатта*. История / Пер. С. П. Кондратьева. М.
- Хождение 1999 – Хождение на Флорентийский собор // Пер. Н. А. Казаковой. Библиотека литературы Древней Руси. СПб. Т. 6. С. 466–487.
- Хроники Фредегара 2015 – Хроники Фредегара / Пер. с лат. Г. А. Шмидта. СПб., М.
- Хронография Феофана 1980 – Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. Изд. подг. И. С. Чичуров. М.
- Эйнхард 2005 – *Эйнхард*. Жизнь Карла Великого / Пер. с лат. М. С. Петровой. М.
- Эккхард 2018 – *Эккхард из Ауры*. Всеобщая Хроника / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М.
- The Annals of St-Bertin 1991 – The Annals of St-Bertin. Ninth-century histories. Vol. 1. / Trans. By J. L. Nelson. Manchester and New York.
- Crusaders as conquerors 1964 – Crusaders as conquerors. The Chronicle of Morea / Trans. from the Greek by H. E. Lurier. New York; London.

Картографические источники

- Озеро Ильмень 1923 – Карта. Озеро Ильмень и его пойма. Составлена по данным исследований Отдела изысканий Волховского строительства в 1923 году. Масштаб 1 : 25 000. Лист II. Л.

Топографическое изображение Древнего Новгорода 1828 – Топографическое изображение Древнего Новгорода Великого с его окрестностями на 18 верст во все стороны, с показанием обработанных и необработанных мест земли, как оные были в последней четверти XVIII века при генеральном межевании. В кн. *Н. Н. Муравьев* Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб. Масштаб 2 в. в дюйме. 1: 83 686.

Научно-исследовательская литература

- Авенариус 1987 – *Авенариус А.* «Государство Само»: проблемы археологии и истории // *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей*. М.
- Авенариус 1991 – *Авенариус А.* Авары и славяне: «Держава Само» // *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)*. М. С. 26–37.
- Авдусин 1967 – *Авдусин Д. А.* О датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского // *Культура и искусство Древней Руси. Сборник в честь профессора М. К. Каргера*. Л. С. 21–25.
- Агеева 1970 – *Агеева Р. А.* Об этнониме *чудь* (*чухна, чухарь*) // *Этнонимы*. М. С. 194–203.
- Агеева 1990 – *Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М.
- Айбабин 1993 – *Айбабин А. И.* Могильники VIII – начала X в. в Крыму // *МАИЭТ. Симферополь*. Вып. III. С. 121–134.
- Айбабин, Хайрединова 2017 – *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.) Симферополь.
- Аклаев 2008 – *Аклаев А. Р.* Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. М.
- Аксенов 2005 – *Аксенов В. С.* Комплексы конского снаряжения салтовского времени с начальниками (по материалам Верхнесалтовского катакомбного могильника) // *Степи Европы в эпоху средневековья: Хазарское время*. Т. 4. Донецк. С. 245–260.
- Аксенов 2016 – *Аксенов В. С.* Подвески-амулеты в виде коней из катакомбных захоронений Верхне-Салтовского могильника: типология и хронология // *Хазарский альманах*. Т. 14. М. С. 15–37.
- Аксенов 2019 – *Аксенов В. С.* Элитный конский убор у населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: разнообразие в единстве // *Stratum plus*. № 5. С. 193–208.
- Аксенов, Большианов 2019 – *Аксенов А. О., Большианов Д. Ю.* Новые сведения о позднеголоценовой ладожской трансгрессии по данным полевых исследований // *Рельеф и четвертичные образования Арктики, Субарктики и Северо-Запада России*. Вып. 6. С. 184–191.
- АКР 1997 – Археологическая карта России. Смоленская область. М. Ч. 1.
- Александров 1913 – *Александров Б. В.* Разведки Б. В. Александрова // *Отчет Императорской археологической комиссии за 1909 и 1910 гг.* СПб. С. 167.
- Александров и др. 2008 – *Александров Д. А., Брюггемайер Ф.-Й., Лайус Ю. А.* Экологическая история: введение // *Человек и природа: экологическая история*. СПб. С. 8–22.
- Александрович 2004 – *Александрович С. С.* Осадное дело у древних славян в VI–VII вв. // *Российские и славянские исследования*. Минск. Вып. 1. С. 25–33.
- Александрович 2013 – *Александрович С. С.* Осадное дело древних славян в первой половине VI в. // *Российские и славянские исследования*. Минск. Вып. 8. С. 129–134.
- Александровский 2012 – *Александровский А. Л.* Радиоуглеродный возраст пахотного горизонта под культурным слоем Земляного городища Старой Ладogi // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. СПб. Вып. 3. С. 59–61.
- Александровский, Александровская 2005 – *Александровский А. Л., Александровская Е. И.* Эволюция почв и географическая среда. М.
- Александровский, Кренке 1993 – *Александровский А. Л., Кренке Н. А.* Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмоскowie // *КСИА*. Вып. 208. С. 20–31.
- Александровский и др. 1998 – *Александровский А. Л., Кренке И. А., Спиридонова Е. А., Янишевский Б. Е.* Изучение валов и погребенных под ними почв на дьяковских городищах Троицкое, Луковня 2 и Коробово в Подмоскowie // *Тверской археологический сборник*. Тверь. Вып. 3. С. 333–351.
- Александровский и др. 2009 – *Александровский А. Л., Арсланов Х. А., Давыдова Н. Н., Долуханов П. М., Зайцева Г. И., Кирпичников А. Н., Кузнецов Д. Д., Лавенто М., Лудикова А. В., Носов Е. Н., Савельева Л. А., Сапелко Т. В., Субетто Д. А.* Новые данные относительно трансгрессии Ладожского озера, образования реки Невы и земледельческого освоения Северо-Запада России // *Доклады РАН*. Т. 424. №. 5. С. 682–687.
- Александровский и др. 2019 – *Александровский А. Л., Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Долгих А. В.* Хронология отложений, почв и культурных слоев Старой Ладogi // *Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Геохронология четвертичного периода: инструментальные методы датирования новейших отложений»*, посвященной 90-летию со дня рождения Л. Д. Сулержицкого. М. С. 6.
- Александровский, Кренке, Нефёдов 2010 – *Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефёдов В. С.* Исследования почв и отложений под культурным слоем Земляного

- городища Старой Ладogi // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова. М. Т. 1. С. 43–61.
- Александровский, Долгих 2012 – Александровский А. Л., Долгих А. В. Почвенно-географические исследования в Старой Ладoge в 2010 г. // Староладожский сборник. СПб. Вып. 9. С. 69–78.
- Алексеев 1969 – Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.
- Алексеев 1972 – Алексеев В. П. В поисках предков. М.
- Алексеев 1979 – Алексеев В. П. Историческая антропология. М.
- Алексеев 1984 – Алексеев В. П. Становление человечества. М.
- Алексеев 1986 – Алексеев В. П. Этногенез. М.
- Алексеев 1991 – Алексеев В. П. Некоторые аспекты палеоэкологических исследований // Археология и социальный прогресс. Мат. конф. М. Вып. 1. С. 79–111.
- Алексеев 1993 – Алексеев В. П. Очерки экологии человека. М.
- Алексеев, Бромлей 1968 – Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. № 2. С. 35–45.
- Алексеев 1959 – Алексеев Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М. Т. 1. С. 273–315.
- Алексеев 1960 – Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава // КСИА. Вып. 81. С. 95–106.
- Алексеев 1966 – Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. М.
- Алексеев 1980 – Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.
- Алексеев 2002 – Алексеев Л. В. Древний Друцк (письменные источники, топография, время возникновения). К празднованию тысячелетия Друцка 1001–2001 гг. // РА. № 1. С. 74–91.
- Алексеев 2002а – Алексеев Л. В. Друцк в XII–XVI вв. (общие вопросы истории памятника) // РА. № 2. С. 81–98.
- Алексеев 2006 – Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. М. Кн. 1.
- Алексеева 1978 – Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М.
- Алексеева 1973 – Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.
- Алещукин, Рябинин, Шитов 2003 – Алещукин Л. В., Рябинин Е. А., Шитов М. В. Палеопочвы Любши – свидетельство ландшафтно-геохимических условий Нижнего Поволжья в раннем Средневековье // Вестник СПбГУ. Серия 7. Вып. 2. Геология, география. СПб. С. 52–63.
- Алимов 2018 – Алимов Д. Е. «Пражская империя и лендзяне: размышления о появлении славянской идентичности в Восточной Европе // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2 (24). С. 117–144.
- Алленов 2001 – Алленов С. Г. Русские истоки немецкой «консервативной революции»: Артур Мёллер ван ден Брук // Полис. Политические исследования. № 3. С. 123–138.
- Алымов 2017 – Алымов С. С. Украинские корни теории этноса // ЭО. № 5. С. 67–84.
- Амантов и др. 2016 – Амантов А. В., Амантова М. Г., Рябчук Д. В., Сергеев А. Ю., Гусенцова Т. М., Жамойда В. А., Фьелдскар В. Проблемы голоценового развития Южного Приладожья // Региональная геология и металлогения. № 65. С. 37–49.
- Амброз 1989 – Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.
- Андерсон 2001 – Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.
- Андерсон 2002 – Андерсон Б. Введение // Нации и национализм. М. С. 7–25.
- Андреева 2011 – Андреева О. А. Костяные изделия из цистерн Херсонеса (раскопки 1992 и 1997 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVII. С. 412–421.
- Андриенко, Шуреев, Желтова 2021 – Андриенко А. В., Шуреев А. В., Желтова М. Н. Древнейшие археологические материалы из раскопок 2013–2014 гг. на территории Ярославова дворища // Археологические вести. СПб. Вып. 31. С. 85–92.
- Андрощук 1993 – Андрощук Ф. О. Великі кургани Чернігова і шляхи еволюції монументального типу поховального обряду дружинної давньоруської культури // Старожитності Південної Русі. Чернігів. С. 37–39.
- Андрощук 2003 – Андрощук Ф. О. К истории обряда интронизации древнерусских князей («сидение на курганах») // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–X ст. Чернігів. С. 5–10.
- Андрощук 2004 – Андрощук Ф. А. От Рагнара Лодброка до Видгаутра (о датских и шведских контактах сембов и куршей в эпоху викингов и в раннем средневековье) // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 109–140.
- Андрощук 2013 – Андрощук Ф. А. Мечи викингов. Київ.
- Андрощук 2017 – Андрощук Ф. А. Осеберг: Загадки королевского кургана. Киев.
- Анкудинов 2005 – Анкудинов И. Ю. Археологические памятники на топографических картах Новгородского уезда первой четверти XIX в. // Новгород

- и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 19. С. 186–202.
- Анкудинов 2006 – Анкудинов И. Ю. Изменение берега Ильменского Поозерья по сведениям письменных источников XVII–XX вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 20. С. 199–210.
- Анкудинов 2007 – Анкудинов И. Ю. Новые письменные источники о Новгородском городище // У истоков русской государственности. СПб. С. 59–73.
- Антипов и др. 2001 – Антипов И. В., Бирюков Ю. Б., Булкин Вал. А. Археологическое изучение некоторых памятников новгородской архитектуры XV века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 15. С. 20–24.
- Ануфриев 1925 – Ануфриев Г. И. Краткий очерк растительности поймы озера Ильмень и нижнего течения рек Ильменского бассейна // Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л. Вып. IV. С. 1–41.
- Артамонов 1990 – Артамонов М. И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. Вып. 3. С. 271–290.
- Арутюнов 1989 – Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.
- Арутюнов 1995 – Арутюнов С. А. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С. В. Чешко) // ЭО. № 5. С. 7–10.
- Арутюнов, Рыжакова 2004 – Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология. М.
- Археология озерных поселений 2014 – Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. СПб.
- Археалогія Беларусі 2009 – Археалогія Беларусі. Энцыклапедыя ў двух тамах. Т. 1. Мінск.
- Археалогія Беларусі 2011 – Археалогія Беларусі. Энцыклапедыя ў двух тамах. Т. 2. Мінск.
- Археалогія і нумізматыка Беларусі 1993 – Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск.
- Археологическое наследие Беларуси 2012 – Археологическое наследие Беларуси. Минск.
- Арциховский 1970 – Арциховский А. В. Большой Беседский курган // Древние славяне и их соседи. М. С. 102–105.
- Арьес 1992 – Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с франц. В. К. Ронина. М.
- Атлас дикорастущих растений Ленинградской области 2010 – Атлас дикорастущих растений Ленинградской области / Под. ред. Е. В. Барановой и П. Г. Ефимова. М.
- Атран 2016 – Атран С. Разговаривая с врагом. Религиозный экстремизм, священные ценности и что значит быть человеком / Пер. с англ. Бюро переводов «Пароль» и Н. Подуновой. М.
- Ауліх 1972 – Ауліх В. В. Зимнівське городище – слов'янська пам'ятка VI–VII ст. н. е. в Західній Волині. Київ.
- Аун 1992 – Аун М. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин.
- Аун 2009 – Аун М. Костяные предметы в длинных курганах могильника Рысна-Сааре I (Юго-Восточная Эстония) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 54 заседания (15–17 апреля 2008 года). Псков. С. 355–362.
- Ахмедов 2002 – Ахмедов И. Р. Детали конского убора с зооморфным декором в гуннское и постгуннское время // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ. Вып. 135. М. С. 20–37.
- Ахмедов 2016 – Ахмедов И. Р. Мордва: между Хазарским каганатом, Волжской Булгарией и Русью // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. М. С. 431–461.
- Ашин 2010 – Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность. М.
- Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998 – Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.
- Байбурин 1993 – Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.
- Байок 2012 – Байок Дж. Л. Исландия эпохи викингов / Пер. с англ., фр. и предисл. И. Свердлова. М.
- Баран, Максимов, Магомедов 1990 – Баран В. Д., Максимов Е. В., Магомедов Б. В., Вакуленко Л. В., Вознесенская Г. А., Козак Д. Н., Поньков С. В., Пачкова С. В., Приходнюк О. М., Смиленко А. Т., Терпиловский Р. В., Юренко С. П. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.
- Бараш 1989 – Бараш С. И. История неурожаев и погоды в Европе (по XVI в. н. э.). Л.
- Барсов 1885 – Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава.
- Башенькин 1993 – Башенькин А. Н. Сопки и длинные курганы в Юго-Западном Белозерье // Славянская археология 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России. М. Вып. I. С. 135–143.
- Башенькин 1995 – Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Славяно-русские древности. СПб. Вып. 3. С. 3–29.
- Башенькин 1996 – Башенькин А. Н. «Домик мертвых» Куреваниха XX на р. Мологе // Древности Русского Севера. Вологда. Вып. 1. С. 141–150.
- Башенькин 1997 – Башенькин А. Н. Вологодская область в древности и средневековье // Вологда. Краеведческий альманах. Вологда. Вып. 2. С. 5–35.

- Башенькин 1999 – *Башенькин А. Н.* Финно-угры и славяне на Кобоже и Чагодоше // Чагода. Историко-краеведческий альманах. Вологда. С. 19–39.
- Башенькин 2007 – *Башенькин А. Н.* Сопковидная насыпь у деревни Никольское на реке Суде // Археология: история и перспективы. Сборник статей 3-й межрегиональной конференции. Ярославль. С. 9–18.
- Башенькин, Васенина 1989 – *Башенькин А. Н., Васенина М. Г.* Нижняя дата высоких погребальных насыпей Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 2. С. 28–31.
- Башенькин, Васенина 2003 – *Башенькин А. Н., Васенина М. Г.* Усть-Бельский археологический комплекс на реке Кобоже: Итоги исследований 1985–2000 годов // Археология: История и перспективы. Ярославль. Вып. 1. С. 11–21.
- Башенькин, Васенина 2004 – *Башенькин А. Н., Васенина М. Г.* Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобожа // Чагодощенская земля: культура, история, люди: Материалы краеведческой конференции (п. Чагода, 9–10 января 2004 г.). Вологда. С. 19–54.
- Башенькин, Васенина 2006 – *Башенькин А. Н., Васенина М. Г.* Поселение и погребальное сооружение Куреваниха XVI и XVI-а на р. Мологе // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция: сб. статей. Ярославль. С. 406–416.
- Башенькин, Васенина 2012 – *Башенькин А. Н., Васенина М. Г.* Сопковидная насыпь в курганной группе Куреваниха III на р. Мологе // История и археология Русского Севера. Вологда. С. 29–34.
- Башенькин, Иванищева 1988 – *Башенькин А. Н., Иванищева М. В.* Раскопки сопки и курганов Усть-Бельского могильника на р. Кобоже // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 1. С. 28–31.
- Белецкий 1977 – *Белецкий С. В.* Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. Вып. 150. С. 92–95.
- Белецкий 1979 – *Белецкий С. В.* Керамика Псковской земли второй половины I – начала II тысячелетий н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Белецкий 1980 – *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова // КСИА. Вып. 160. М. С. 3–18.
- Белецкий 1996 – *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб.
- Белова, Петрухин 2017 – *Белова О. В., Петрухин В. Я.* Великаны Евразии: от мифа к истории // ЭО. № 4. С. 56–64.
- Беляев 2017 – *Беляев Л. А.* Христианские древности: введение в сравнительное изучение. СПб.
- Берга 1988 – *Берга Т. М.* Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. Рига.
- Берковиц 2001 – *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль / Пер. с англ. А. Боричева, Л. Царук, Л. Ордановской. СПб.
- Бессарабова 1973 – *Бессарабова З. Д.* Славянские курганы второй половины первого тысячелетия н. э. с трупосожжением и деревянными сооружениями на территории Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 15. С. 65–82.
- Бессарабова 1997 – *Бессарабова З. Д.* Набор весовых гирек из сопки 15-1 у Старой Ладоги // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб. С. 62–65.
- Бессмертный 1991 – *Бессмертный Ю. Л.* Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории. М.
- Бжезинский 2005 – *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.
- Бирнбаум 1986 – *Бирнбаум Х.* Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции / Пер. с англ. В. А. Дыбо. М.
- Birnbaum 1990 – *Birnbaum H.* Еще раз о завоевании Северовосточной Европы славянами и о вопросе финно-угорского субстрата в русском языке // Uralo-Indo-germanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-ей балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990 г. М. Ч. I. С. 4–11.
- Матвеева, Богачев 2000 – *Матвеева Г. И., Богачев А. В.* Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М. С. 155–188.
- Богданов 1879 – *Богданов А. П.* Древние новгородцы в их черепках // ИИОЛЕАЭ. Т. XXXV. Антропологическая выставка 1879 года. М. Т. 3. Ч. 1. С. 462–475.
- Богданович 1895 – *Богданович А. Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белоруссов. Гродна.
- Борисенков 1982 – *Борисенков Е. П.* Климат и деятельность человека. М.
- Борисенков, Пасецкий 1988 – *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.
- Бочек 2015 – *Бочек В.* Рецензия на: Saskia Pronk-Tiethoff: The Germanic loanwords in Proto-Slavic. Amsterdam - New York. Rodopi, 2013 // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М. Вып. 4. Этимология. С. 455–466.
- Бранденбург 1895 – *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. МАР. № 18. СПб.
- Бранденбург 1896 – *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб.
- Брим 2002 – *Брим В. А.* Путь из варяг в греки // Из истории русской культуры. М. Т. II, кн. 1. Киевская и Московская Русь. С. 225–260.

- Бромлей 1973 – *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.
- Бромлей 1983 – *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.
- Бромлей 2009 – *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.
- Бронникова, Успенская 2007 – *Бронникова М. А., Успенская О. Н.* Позднеголоценовая эволюция растительности и ландшафта на территории Гнёздовского археологического комплекса // Гнёздово: результаты комплексных исследований памятника. СПб. С. 162–182.
- Бронникова и др. 2018 – *Бронникова М. А., Панин А. В., Шеремяцкая Е. Д., Борисова О. К., Успенская О. Н., Пахомова О. М., Мурашева В. В., Беляев Ю. Р., Бобровский М. В.* Формирование поймы Днепра в районе Гнёздовского археологического комплекса в среднем и позднем голоцене // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1 / Труды ГИМ. Вып. 210. М. С. 28–67.
- Брубейкер 2012 – *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.
- Брюсов, Зимина 1966 – *Брюсов А. Я., Зимина М. П.* Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР. САИ. Вып. В4-4. М.
- Бубенько 2004 – *Бубенько Т. С.* Средневековый Витебск. Витебск.
- Бубенько 2012 – *Бубенько Т. С.* Застройка склона Замковой Горы в Витебске // Віцебскія старажытнасці. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння Л. В. Аляксеева. Віцебск, 28–29 кастрычніка 2010. Мінск. С. 144–155.
- Бубенько 2019 – *Бубенько Т. С.* Исследования средневековых поселений на пути «из варяг в греки» в Витебской области в 2016 г. // Шумілінскі край. Мінск. С. 147–166.
- Бубенько, Левко 2003 – *Бубенько Т. С., Левко О. Н.* Стратиграфия и хронология нижнего слоя Витебска // МАБ. Минск. Вып. 8. С. 71–95.
- Бубрих 1947 – *Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск.
- Буданова 2000 – *Буданова В. П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.
- Буданова и др. 1999 – *Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е.* Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. М.
- Булкин 1975 – *Булкин В. А.* Большие курганы Гнездовского могильника // Скандинавский сборник. Таллин. Т. XX. С. 134–146.
- Булкин 1984 – *Булкин В. А.* О формировании границ в области Днепро-Двинского междуречья // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 55–63.
- Булкин 1994 – *Булкин В. А.* Днепро-Двинское пространство – «серединная» Русь // ПАВ. № 9. С. 130–135.
- Булкин, Дубов, Лебедев 1978 – *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л.
- Булкин, Герд 1989 – *Булкин В. А., Герд А. С.* К этноисторической географии Белоруссии // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования). Л. С. 67–76.
- Булкин и др. 1979 – *Булкин В. А., Булкин Вас. А., Смирнов В. Н., Ратнер И. Е.* Работы в Полоцке // АО 1978 г. М. С. 430–431.
- Булкин и др. 1999 – *Булкин В. А., Герд А. С., Лебедев Г. С., Седых В. Н.* Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России. СПб.
- Булкин, Седых, Штендер 1985 – *Булкин В. А., Седых В. Н., Штендер Г. М.* К ранней истории Хутынского и Юрьева монастырей // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 123–128.
- Бунак 2012 – *Бунак В. В.* Война как биологический фактор // Русская евгеника. М. С. 485–496.
- Буров 2003 – *Буров В. А.* Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М.
- Буров 1969 – *Буров Г. М.* О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек // КСИА. Вып. 117. С. 130–134.
- Буров 1984 – *Буров Г. М.* К изучению рыболовства на Европейском Северо-Востоке в середине I тысячелетия н. э. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск. С. 147–165.
- Быков 1925 – *Быков А. А.* Клад серебряных куфических монет, найденный в Новгороде в 1903 г. // Известия РАИМК. Л. Т. IV. С. 133–139.
- Бяліцкая 2020 – *Бяліцкая Г. М.* Аб знаходках упрыгожэнняў пастырскага тыпу ў Прыпяцкім Палессі // Історыя вещей – історыя і вешчы. К 60-летнему юбилею И. О. Гавритухина. РСМ 20. М. С. 49–53.
- Вайткунскене 1986 – *Вайткунскене Л.* К изучению культуры коня в Литве V–VI вв. // СА. Вып. 2. С. 100–109.
- Вайцяхович, Кенька 2009 – *Вайцяхович А. В., Кенька П. М.* Бірулі // Археалогія Беларусі. Энциклапедыя ў двух тамах. Мінск. Т. 1. С. 108–109.
- Валенцова 2015 – *Валенцова М. М.* Этнолингвистический комментарий к этимологии слова *упырь* // Труды Института русского языка. IV. Этимология. М. С. 101–125.
- Валк 2014 – *Валк Х.* Каменные оборонительные сооружения Изборского городища: взгляд из Эстонии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 59 заседания (9–11 апреля 2013 года). Псков. С. 125–136.
- Ванханен 2014 – *Ванханен Т.* Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме. М.
- Васенина, Башенькин 2007 – *Васенина М. Г., Башенькин А. Н.* Исследования высоких насыпей у деревень Крутец и Избищи Устюженского района // Археология: история и перспективы. Сборник статей 3-й межрегиональной конференции. Ярославль. С. 37–47.

- Васильев 1981 – *Васильев Л. С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. № 6. С. 157–175.
- Васильев 1992 – *Васильев М. А.* Следует ли начинать этническую историю славян с 512 года? // Славяноведение. 1992. Вып. 2. С. 3–20.
- Васильев 1993 – *Васильев М. А.* Славяне и анты: К проблемам этногенетических и раннеисторических процессов в славянском мире // Славяноведение. 1993. Вып. 2. С. 7–14.
- Васильев 1999 – *Васильев М. А.* Являлась ли новгородская Перынь местом официального капища Перуна в годы «первой религиозной реформы» князя Владимира // *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М. С. 297–325.
- Васильев 2005 – *Васильев М. А.* Анты, словене, немцы, греки: славянский культурно-лингвистический мир и его соседи в раннесредневековое время // Славяноведение. 2005. Вып. 2. С. 3–19.
- Васильева 2011 – *Васильева Н. В.* Антропогенные изменения гидрографической сети в Великом Новгороде // Общество. Среда. Развитие. № 1. С. 215–222.
- Васильева 2013 – *Васильева Н. В.* Формирование, развитие и современное состояние водных объектов Великого Новгорода: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб.
- Васильева и др. 2012 – *Васильева Н. В., Субетто Д. А., Вербицкий В. Р., Кротова-Путинцева А. Е.* История формирования Ильмень-Волховского бассейна // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. Направление «Естественные и точные науки». № 153 (2). С. 141–150.
- Васкс 1991 – *Васкс А. В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига.
- Вахтин, Головкин 2004 – *Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.* Социоллингвистика и социология языка. СПб.
- Веймарн, Айбабин 1993 – *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. Киев.
- Велецкая 1978 – *Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.
- Велецкая 2009 – *Велецкая Н. Н.* Символы славянского язычества. М.
- Вернер 1972 – *Вернер И.* К происхождению и распространению антов и склавинов // СА. № 4. С. 102–115.
- Византия. Сакральная среда 2017 – *Византия. Сакральная среда. Церковная утварь и предметы личного благочестия из бронзы и серебра в византийском Херсонесе. Проспект выставки из собрания Херсонесского музея-заповедника 3 ноября 2016 г. – 31 января 2017 г. Авторы выставки: Т. Ю. Яшаева, Е. А. Денисова. Севастополь.*
- Вилинбахов 1962 – *Вилинбахов В. Б.* Балтийские славяне и Русь // *Slavia occidentalis*. Т. 22. С. 253–277.
- Вилцане 2011 – *Вилцане А.* Плетви в археологическом материале Латвии // Археология и история Пскова и Псковской земли. М. – Псков. Вып. 57. С. 196–205.
- Винер 1998 – *Винер Б. Е.* Этничность: в поисках парадигмы изучения // ЭО. № 4. С. 3–26.
- Винер 2005 – *Винер Б. Е.* Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий // Журнал социологии и социальной антропологии. № 2. С. 142–164.
- Винников, Афанасьев 1991 – *Винников А. З., Афанасьев Г. Е.* Культовые комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж.
- Виноградова 1995 – *Виноградова Л. Н.* Человек/нечеловек в народных представлениях // Человек в контексте культуры. Славянский мир. М. С. 17–26.
- Виноградова 2008 – *Виноградова Л. Н.* Смерть хорошая и плохая в системе ценностей традиционной культуры // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М. С. 48–56.
- Витенкова 2016 – *Витенкова И. Ф.* Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой). Петрозаводск.
- Виткунас, Забела 2017 – *Виткунас М., Забела Г.* Городища балтов: неизвестное наследие. Вильнюс.
- Вишневский 1994 – *Вишневский В. И.* Новые материалы о земледелии племен дьяковской культуры Верхнего Поволжья // РА. № 3. С. 223–226.
- Вишневский 2009 – *Вишневский В. И.* Финно-угры и балты Северного Подмоскovie в раннем средневековье (Кикинское городище и Ратьковский могильник) // Древности земли Радонежской. Сергиев Посад. С. 31–37.
- Вишневский, Кирьянова, Добровольская 2007 – *Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Добровольская М. В.* Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. № 2. С. 89–107.
- Владимиров 2015 – *Владимиров С. И.* Топоры Маяцкого археологического комплекса // КСИА. Вып. 239. С. 358–367.
- Война Германии 1992 – *Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Berlin.*
- Волков 2009 – *Волков В. В.* Республика как тип охранного контракта // Что такое республика. СПб. С. 92–102.
- Волковицкий 1995 – *Волковицкий А. И.* Еще раз о пояском наборе из сопки № 140 // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. СПб. С. 9–12.
- Волковицкий 2001 – *Волковицкий А. И.* Фибула из урочища Сопки и проблема «нулевой фазы» Ладоги // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тыс.

- христианской эры. Пятое чтения памяти А. Д. Мачинской. СПб. С. 56–63.
- Волковицкий, Кузьмин 2004 – *Волковицкий А. И., Кузьмин С. Л.* Археологическое изучение Ладоги (проблемы, задачи, перспективы) // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 151–156.
- Волковицкий, Григорьева, Селин 2008 – *Волковицкий А. И., Григорьева Н. В., Селин А. А.* Новые средневековые находки в Южном Приладожье // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской земли. СПб. С. 147–156.
- Волковицкий, Селин 2012 – *Волковицкий А. И., Селин А. А.* Большие дома Старой Ладоги: предварительные наблюдения // Староладожский сборник. СПб. Вып. 9. С. 172–187.
- Воронин 1990 – *Воронин К. В.* Новые находки на стоянке Коломцы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород. С. 37–39.
- Воронина 2007 – *Воронина Р. Ф.* Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI в. М.
- Вощинина 1953 – *Вощинина А. И.* О связях Приуралья с Востоком в VI – VII вв. н. э. // СА. Вып. XVII. С. 183–196.
- Вяргей, Трымер 2003 – *Вяргей В. С., Трымер В.* Раннеславянское поселение Петрыкаў-2 на р. Прыпятъ // ГАЗ. Мінск. Вып. 18. С. 151–187.
- Гавритухин 2009 – *Гавритухин И. О.* Понятие пражской культуры // Сложение Русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света / Труды ГЭ. XLIX. С. 7–25.
- Гавритухин 2015 – *Гавритухин И. О.* Дунайский «страт» раннеславянской археологии // *Stratum plus*. № 5. С. 17–26.
- Гавритухин 2017 – *Гавритухин И. О.* К атрибуции славянских памятников V – VII веков на Южном Буге // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А. М. Обломского. РСМ 19. М. С. 51–62.
- Гавритухин, Обломский 1996 – *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Гавритухин, Щеглова 1996 – *Гавритухин И. О., Щеглова О. А.* Группы днепровских раннесредневековых кладов // *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. С. 53–57.
- Гайдуков 1992 – *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. М.
- Гайдуков 2010 – *Гайдуков П. Г.* Англосаксонская монета IX в. из Старой Ладоги // Краеугольный камень. Археология, история, искусство России и сопредельных стран. К 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова. М. Т. 1. С. 186–188.
- Галанов 2014 – *Галанов В. И.* Памятники нумизматики эпохи викингов в фондах Смоленского государственного музея-заповедника // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». Санкт-Петербург, Старая Ладога 18–20 апреля 2014 г. Материалы докладов и сообщений. СПб. С. 10–15.
- Галко 2003 – *Галко В. И.* «Повесть о житии и о храбрости» кн. Александра Невского // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник. СПб. С. 193–195.
- Гаучас 1988 – *Гаучас П.* К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в средневековье // Балто-славянские исследования. 1986. М. С. 195–213.
- Геллер 1991 – *Геллер Э.* Нации и национализм. М.
- Гельфер 1927 – *Гельфер А. А.* Озеро Ильмень и его пойма (Краткий физико-географический очерк к атласу карт) // Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л.
- Герасимов 2017 – *Герасимов Д. В.* Погребенные археологические комплексы каменного века в восточной части Финского залива и в Приладожье: история осознания и перспективы открытий // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. Доклады международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В. И. Тимофеева. Санкт-Петербург, Россия, 25–28 апреля 2017 г. СПб. С. 13–16.
- Герасимов, Субетто 2009 – *Герасимов Д. В., Субетто Д. А.* История Ладожского озера в свете археологических данных // Известия РГПУ им. Герцена. № 106. С. 37–49.
- Герд 2005 – *Герд А. С.* Введение в этнолингвистику. СПб.
- Гильфердинг 1874 – *Гильфердинг А. А.* Собрание сочинений. Т. 4. История Балтийских славян. СПб.
- Гильфердинг 2013 – *Гильфердинг А. А.* История Балтийских славян. М. – СПб.
- Гладкий 2010 – *Гладкий Ю. Н.* Гуманитарная география. Научная экспликация. СПб.
- Гладкий 2011 – *Гладкий Ю. Н.* «Антилиберальная» природа против либеральной: экономика России // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). Вып. № 2. С. 201–207.
- Гнёздово сквозь века 2006 – *Гнёздово сквозь века.* Набор открыток, выполненный по заказу Департамента Смоленской области по культуре. Смоленск.
- Гоббс 1991 – *Гоббс Т.* Сочинения в двух томах. Т. 2. М.
- Голдина 2015 – *Голдина Е. В.* Некоторые аспекты торговли стеклянными бусами в Верхнем Прикамье в I тысячелетии н. э. // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб. С. 131–142.
- Голдина 1985 – *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.

- Голдина 2012 – *Голдина Р. Д.* Истоки «дальнего импорта» в Приуралье // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 2 (10). Сыктывкар. С. 108–119.
- Головнев 1995 – *Головнев А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург.
- Голубев 2018 – *Голубев А. М.* Хронология салтовских памятников Верхнего Подонцовья в контексте венгерской проблематики // III Международный мадьярский симпозиум (Будапешт, 6–10 июня 2016 г.). Будапешт. С. 367–402.
- Голубева 1973 – *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.
- Голубовский 1895 – *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев.
- Голубцов 1950 – *Голубцов И. А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. М. Вып. 20. С. 271–302.
- Гольева 2008 – *Гольева А. А.* Диагностика агрогенных (пахотных) горизонтов методами почвоведения // Археология Подмосковья. М. Вып. 4. С. 33–40.
- Гольмстен 1940 – *Гольмстен В. В.* Надземные погребения в Среднем Поволжье // КСИИМК. Вып. 5. С. 56–58.
- Гомзин 2017 – *Гомзин А. А.* Клад куфических монет 2016 года из Новгородской области // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой. М. С. 95–104.
- Гопкало 2008 – *Гопкало О. В.* Бусы и подвески черняховской культуры. Киев.
- Горбаненко 2010 – *Горбаненко С. А.* Знряддя землеробства кінця I тис. до н. е. – I тис. н. е. Порівняльний аналіз // Археологія. № 4. С. 46–60.
- Гороховский 1988 – *Гороховский Е. Л.* Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев. Т. 4. С. 34–46.
- Горский 1995 – *Горский А. А.* Кривичи и полочане в IX–X вв. (Вопросы политической истории) // Древнейшие государства восточной Европы. 1992–1993. М. С. 50–63.
- Горский 1997 – *Горский А. А.* Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М. С. 271–282.
- Горский 2004 – *Горский А. А.* Русь от славянского расселения до Московского царства. М.
- Горский 2012 – *Горский А. А.* О стадии развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М. С. 192–210.
- Горский 2018 – *Горский А. А.* «Бещисленья рати и великия труды...»: Проблемы русской истории X–XV вв. СПб.
- Горюнова 2007 – *Горюнова В. М.* Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси // Северная Русь и народы Балтики. СПб. С. 45–89.
- Горюнова 2010 – *Горюнова В. М.* Чаша на поддоне из Золотого Колена. К вопросу о западной традиции в культуре сопок // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова. М. Т. 1. С. 220–229.
- Горюнова 2011 – *Горюнова В. М.* О западнославянских формах керамики в Северной Руси первой половины X в. (время и причины появления) // Археология и история Пскова и Псковской земли. М. – Псков. Вып. 56. С. 228–237.
- Грацианский 1943 – *Грацианский Н. П.* Славянское царство Само (К критике известий «Хроники Фредегара») // Исторический журнал. М. Вып. 5–6. С. 41–46.
- Грацианский 2012 – *Грацианский М. В.* О происхождении этнонима «анты» // ВВ. Т. 71 (96). С. 27–39.
- Грацианский 2014 – *Грацианский М. В.* Анты, венеты, вятичи, славяне: родство имен и родство племен (ответ С. А. Иванову и А. Е. Аникину) // ВВ. Т. 73 (98). С. 264–277.
- Грач, Савинов, Длужневская 1998 – *Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В.* Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.
- Грачева 2008 – *Грачева Р. Г.* Запись природной среды в гидроморфных почвах // Почва как память биосферно-геосферно-антропоферных взаимодействий. М. С. 106–127.
- Григорьев 2000 – *Григорьев А. В.* Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула.
- Григорьев 2005 – *Григорьев А. В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула.
- Григорьев 2003 – *Григорьев Д. Н.* Археологические исследования в Новой Руссе 2002 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 17. С. 68–80.
- Григорьев 2007 – *Григорьев Д. Н.* Мшага 3 – новый памятник раннего железного века – средневековья на нижней Шелони // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 6. Т. II. С. 119–125.
- Григорьева 2017 – *Григорьева Н. В.* Тигли и глиняные литейные формы Ладожского поселения X в.: комплекс рядом с большой постройкой // Новые материалы и методы археологического исследования: От археологических данных к историческим реконструкциям. Материалы IV конференции молодых ученых. М. С. 88–91.
- Грималускайте, Синчук 2004 – *Грималускайте Д., Синчук И.* Монеты из Городища в Минцкабинете импе-

- раторского Виленского университета (1803–183 г.) // ГАЗ. Минск. № 19. С. 173–180.
- Гроздилов 1965 – Гроздилов Г. П. Археологические памятники старого Изборска // АСГЭ. Вып. 7. Л. – М. С. 65–88.
- Грудочко, Боталов 2013 – Грудочко И. В., Боталов С. Г. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–XI веках (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги) // II-й Международный Магьярский симпозиум: сб. науч. тр. Челябинск. С. 110–138.
- Грушевский 1901 – Грушевский А. С. Очерк истории Турово-Пинского княжества XI–XIII вв. Киев.
- Губогло 2003 – Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.
- Гулыга 1974 – Гулыга А. В. Эстетика истории. М.
- Гумилев 1990 – Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л.
- Гунова и др. 1996 – Гунова В. С., Кирьянова Н. А., Кренке Н. А., Низовцев В. А., Спиридонова Е. А. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. № 4. С. 93–120.
- Гуревич 2005 – Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.
- Гуревич 2007 – Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб.
- Гурин 1987 – Гурин М. Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX–XIII вв. Минск.
- Гурин 2000 – Гурин М. Ф. Археологические материалы из городища Мысли // ГАЗ. Минск. Вып. № 15. С. 24–39.
- Гурина 1961 – Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР / МИА. № 87. М. – Л.
- Гусенцова и др. 2017 – Гусенцова Т. М., Сапелко Т. В., Лудикова А. В., Кулькова М. А., Рябчук Д. В., Сергеев А. Ю. Микрорегион стоянок Подолье 1 и 3 в палеоландшафте Южного Приладожья // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. Доклады международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В. И. Тимофеева. Санкт-Петербург, Россия, 25–28 апреля 2017 г. СПб. С. 30–34.
- Давидан 1962 – Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 4. С. 95–108.
- Давидан 1976 – Давидан О. И. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. Вып. 17. С. 101–118.
- Давидан 1994 – Давидан О. И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi (из коллекции Государственного Эрмитажа) // ПАВ. № 9. С. 156–167.
- Давидан 1998 – Давидан О. И. Сердоликовые изделия из Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 33. С. 123–132.
- Давидан 1999 – Давидан О. И. Новые находки гребней в Старой Ладoge // РА. № 1. 1999.
- Дайм 2002 – Дайм Ф. История и археология авар // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь. Вып. IX.
- Данилевич 1896 – Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев.
- Данилевский 1999 – Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.
- Данилевский 1871 – Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб.
- Данилевский 1991 – Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.
- Данилова 1969 – Данилова Г. М. Аламанское и баварское общество VIII и начала IX в. Петрозаводск.
- Дарвин 1927 – Дарвин Ч. Происхождение человека и половой подбор / Полное собрание сочинений Ч. Дарвина Т. 2. Кн. 1. М. – Л.
- Даркевич 2010 – Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.
- Даскалов 2015 – Даскалов М. Коланни гарнитури със странични ремъци от VI–VII век южно от Дунав // Археология. LVI. Кн. 1–2. С. 79–103.
- Двуреченский 2008 – Двуреченский О. В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Военная археология. М. Вып. 1. С. 55–93.
- Дементьева 2018 – Дементьева А. С. Гребни первой группы из Гнёздова // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1 / Труды ГИМ. Вып. 210. М. С. 91–101.
- Демин 1999 – Демин А. С. Архаичная персонология «Повести временных лет» // Автопортрет славянина. М. С. 12–20.
- Денисов 1970 – Денисов А. К. Северная граница ареала *Quercus pedunculata* Ehrh. в СССР и ее динамика за агрикультурное время // Ботанический журнал. Т. 55. № 6. С. 815–827.
- Дернович 2006 – Дернович С. Д. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск.
- Дернович 2019 – Дернович С. Д. Материалы селища-1 археологического комплекса Кордон в контексте исследований 2016 г. // Шумілінскі край. Минск. С. 127–147.
- Джаксон 1984 – Джаксон Т. Н. О названии Руси *Gardar* // Scando-Slavica. Т. 30. С. 133–143.
- Джаксон 1991 – Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1988–1989 годы. М. С. 5–169.
- Джаксон 1994 – Джаксон Т. Н. Альдейгьюборг: археология и топонимика // Памятники средневековой

- культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб. С. 77–79.
- Джентиле 2021 – *Джентиле Э.* Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб.
- Динамика лесных экосистем 2011 – Динамика лесных экосистем юга Валдайской возвышенности в позднем плейстоцене и голоцене. М.
- Дмитриев 2008 – *Дмитриев М. В.* Проблематика проекта «*Confessiones et nationes*: конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. М. С. 15–42.
- Доброва 2018 – *Доброва О. П.* Стекланные бусы Гнёздова по материалам раскопок Центрального городища // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1 / Труды ГИМ. Вып. 210. М. С. 102–126.
- Доброва, Торопов 2009 – *Доброва О. П., Торопов С. Е.* Стекланные бусы городища «Княжая Гора» (Пески-1) под Демянском. Классификация и хронология // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 54 заседания (15–17 апреля 2008 года). Псков. С. 273–285.
- Добровольский, Дубов, Рождественская 1982 – *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Рождественская Т. В.* Новая находка граффити на куфической монете // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. История. Язык. Литература. Вып. 1. № 2. С. 29–32.
- Довнар-Запольский 2011 – *Довнар-Запольский М. В.* История Белоруссии. Минск.
- Долуханов 2000 – *Долуханов П. М.* Истоки этноса. СПб.
- Долуханов, Носов 1985 – *Долуханов П. М., Носов Е. Н.* Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI–X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 19–23.
- Домрачев 1925 – *Домрачев П. Ф.* Предварительные результаты гидрологических исследований озера Ильменя в 1923–1924 гг. // Известия Российского Гидрологического Института. Л. Вып. 13. С. 53–63.
- Домрачев 1926 – *Домрачев П. Ф.* Гидрологический очерк озера Ильменя // Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л. Вып. X. С. 343–428.
- Доннерт 1988 – *Доннерт Э.* К сведениям о славянах в исторических произведениях франков VII–IX вв. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев. Т. 4. Серия I. Древние славяне. С. 55–58.
- Достоевский 1958 – *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. М. Т. 1.
- Дранникова, Ларсен 2005 – *Дранникова Н. В., Ларсен Р.* Предания о чуде в норвежском и русском фольклоре // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Сборник материалов международной научной конференции. Петрозаводск. С. 162–173.
- Дробушевский 2006 – *Дробушевский А. И.* Охранные исследования на поселении у д. Проскурни (Проскурни-II) в Гомельском Поднепровье // МАБ. Минск. Вып. 12. С. 18–32.
- Дробышева 2016 – *Дробышева М. М.* Летописные надписи-граффити Киевского Софийского собора (XI–XII вв.) как форма историописания // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М. С. 706–724.
- Дробышевский 2016 – *Дробышевский А. И.* Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Минск. Кн. 1. С. 38–136.
- Дубінскі 1930 – *Дубінскі С. А.* Чаркасоўскае гарадзішча пад Воршай // Працы. Менск. Т. II. С. 71–79.
- Дубов 1989 – *Дубов И. В.* Великий Волжский путь. Л.
- Дубынин 1974 – *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище // Дьяковская культура. М. С. 198–254.
- Дугин 2011 – *Дугин А. Г.* Этносоциология. М.
- Дук 2009 – *Дук Д. У.* Археалагічныя раскопкі на старо-жытнім полацкім гарадзішчы ў 2007 г. // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк. С. 255–278.
- Дуцмане, Озолиня 1999 – *Дуцмане К., Озолиня А.* Новые поступления монетных находок в музей истории Латвии // Седьмая всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщений. М. С. 180–183.
- Дучиц, Митрофанов 1994 – *Дучиц Л. В., Митрофанов А. Г.* Городище Ратюнки // ГАЗ. Минск. Вып. 5. С. 163–182.
- Дучыц 2000 – *Дучыц Л. У.* Да пытаньня аб вялікіх курганах Беларусі // ГАЗ. Минск. Вып. 15. С. 76–80.
- Дьяконов 2007 – *Дьяконов И. М.* Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. М.
- Евтюхова 1948 – *Евтюхова А. Е.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан.
- Егорейченко 2003 – *Егорейченко А. А.* Городище Ратюнки // ГАЗ. Минск. Вып. 18. С. 266.
- Егорейченко 2004 – *Егорейченко А. А.* Исследования в Ратюнках // ГАЗ. Минск. Вып. 19. С. 292.
- Егорейченко 2006 – *Егорейченко А. А.* Культуры штрихованной керамики. Минск.
- Егорейченко 2011 – *Егорейченко А. А.* Северо-Западная Беларусь во второй половине I – начале II тыс. н. э. (по материалам городища и селища Зазоны) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. СПб. – М. – Великий Новгород. Т. II. С. 26–28.
- Егорейченко 2013 – *Егорейченко А. А.* Северо-Западная Беларусь во второй половине I – начале II тыс. н. э. (по материалам городища и селища Зазоны) // ГАЗ. Минск. Вып. 28. С. 292–297.

- Егорейченко 2014 – А. А. *Егорейченко*. Браславское Поозерье в первых веках н. э. // *Stratum plus*. № 4. С. 149–158.
- Егорейченко 2016 – *Егорейченко А. А.* Памятники культур штрихованной керамики на северо-западе и в Центральной Беларуси // *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период*. Кн. 2. Минск. С. 99–160.
- Егорейченко 2017 – *Егорейченко А. А.* Городище Тариллово (Укля) // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 62 заседания (19–21 апреля 2016 года)*. Псков. С. 264–279.
- Еловичева 1993 – *Еловичева Я. К.* Палинология позднеледниковья и голоцена Белоруссии. Минск.
- Енуков 1990 – *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М.
- Еремеев 1995 – *Еремеев И. И.* О сопках в низовьях р. Ниши в Восточном Приильменье // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Новгород Вып. 9. С. 65–71.
- Еремеев 1997 – *Еремеев И. И.* Клад куфических монет VIII–IX вв. из д. Глазуново и Усвятский волок // *Археологические взаимодействия в условиях контактных зон. Археологические изыскания*. СПб. Вып. 41. С. 69–71.
- Еремеев 2005 – *Еремеев И. И.* Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги // *Археологические вести*. СПб. Вып. 12. С. 98–122.
- Еремеев 2007 – *Еремеев И. И.* Новгородские сопки и большие курганы Средней Швеции: проблемы сравнительного исследования // *У истоков русской государственности*. СПб. С. 240–255.
- Еремеев 2010 – *Еремеев И. И.* О фортификации городищ пражской культуры Белорусского Полесья // *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию Анатолия Николаевича Кирпичникова*. М. Т. 1. С. 269–283.
- Еремеев 2012 – *Еремеев И. И.* Полоцкая земля // *Русь в IX–X веках. Археологическая панорама*. М. – Вологда.
- Еремеев 2013 – *Еремеев И. И.* Находки деталей скандинавской конской сбруи из Усвят и Витебска // *Acta Archaeologica Albarutenica*. Минск. Vol. IX. С. 64–72.
- Еремеев 2015 – *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.
- Еремеев 2018 – *Еремеев И. И.* Новые археологические данные о динамике увлажненности Северо-Запада России во II тыс. до н. э. – I тыс. н. э. (по материалам поселений Ильмень-Волховского региона) // *Археология Владимиро-Суздальской земли*. М. Вып. 8. С. 39–58.
- Еремеев 2019 – *Еремеев И. И.* Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом // *Земля наша велика и обильна... 90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается*. СПб. С. 99–112.
- Еремеев 2020 – *Еремеев И. И.* Бронницкое городище и перевоз. Детали исторической панорамы // *Новгородский архивный вестник. Великий Новгород*. Вып. 16. С. 196–212.
- Еремеев, Дзюба 2010 – *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб.
- Еремеев, Дзюба, Лисицына 2007 – *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., Лисицына О. В.* Древнее расселение и земледелие на восточном берегу оз. Ильмень по данным археологии и палеогеографии // *Записки ИИМК РАН*. № 2. С. 215–256.
- Еремеев, Лисицына 2004 – *Еремеев И. И., Лисицына О. В.* Комплексные исследования в Восточном Приильменье в 2003 г. // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Великий Новгород. Вып. 18. С. 34–50.
- Еремеев, Носов 2018 – *Еремеев И. И., Носов Е. Н.* О раскопках фортификационных сооружений Рюрикова Городища Новгородской областной экспедицией ИИМК РАН // *АО* 2016 г. М. С. 52–57.
- Еремеев, Фурасьев 1997 – *Еремеев И. И., Фурасьев А. Г.* Древности Туричинской округи // *Дивинец Староладожский*. СПб. С. 77–85.
- Еремеев, Фурасьев 2021 – *Еремеев И. И., Фурасьев А. Г.* Древнерусский Усвят: в поисках города Ярослава Мудрого. СПб.
- Еремеев, Денисенков, Летюка, Кочубей 2019 – *Еремеев И. И., Денисенков В. П., Летюка Н. И., Кочубей О. В.* Природные и антропогенные факторы в динамике ландшафтов Волховской поймы в раннем средневековье (по материалам раскопок селища Ситно в 2016 г.) // *Археология поймы: рельеф, палеосреда, история заселения*. М. С. 35–45.
- Еремеев, Янссон, Сёдерберг 2010 – *Еремеев И. И., Янссон И., Сёдерберг С.* Курган в Вибю (Упланд) и проблема происхождения больших «дружинных» курганов Древней Руси // *Диалог культур и народов средневековой Европы*. СПб. С. 206–223.
- Еремеев и др. 2008 – *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., Лисицына О. В., Бубенько Т. С., Подгурский П. Н.* Новые данные о начальных этапах земледелия в бассейне Западной Двины // *Acta Archaeologica Albarutenica*. Минск. Vol. IV. С. 9–34.
- Еремян 1963 – *Еремян С. Т.* Армения по Амхарацуйцу. Ереван.
- Ершевский 1970 – *Ершевский В. Д.* Ильменские курганы // *АО* 1969 г. М. С. 17.
- Ершевский, Конечкий 1985 – *Ершевский В. Д., Конечкий В. Я.* Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // *Новое в археологии Северо-Запада СССР*. Л. С. 61–65.

- Есаян, Погребова 1980 – *Есаян С. А., Погребова М. Н.* Палочки-застежки в закавказских и скифских памятниках // Вестник общественных наук АН АрмССР. № 1. С. 79–88.
- Ефимова 1987 – *Ефимова Н. А.* Погребальный обряд кургана 22 могильника Яномоле (к вопросу о так называемых больших курганах культуры смоленских длинных курганов) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 63–65.
- Жданович 2016 – *Жданович О.* Посольства аваров к Византии у Менандра Протектора (комментированный перевод фрагментов источника) // Золотоордынское обозрение. Т. 4. № 4. С. 881–893.
- Жекулин 1972 – *Жекулин В. С.* Историческая география ландшафтов. Л.
- Жирар 2010 – *Жирар Р.* Козел отпущения / Пер. с фр. Г. Дашевского. СПб.
- Жирар 2010а – *Жирар Р.* Насилие и священное / Пер. с фр. Г. Дашевского. М.
- Жирар 2013 – *Жирар Р.* Достоевский: от двойственности к единству / Пер. с фр. Г. Куделич. М.
- Жирар 2015 – *Жирар Р.* Я вижу Сатану, падающего, как молния / Пер. с фр. А. Лукьянова и О. Хмелевской. М.
- Жирар 2016 – *Жирар Р.* Устремление к крайности // Страницы: богословие, культура, образование. 20: 4 (2016). С. 537–566.
- Жирар 2016а – *Жирар Р.* Вещи, сокрытые от создания мира / Пер. с фр. А. Лукьянова и О. Хмелевской. М.
- Жирар 2019 – *Жирар Р.* Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром / Пер. с фр. А. Зыгмонта. М.
- Завитневич 1894 – *Завитневич В. З.* Археологические разыскания в бассейне р. Березины // ОИАК за 1892 г. СПб. С. 124–153.
- Завойко 1917 – *Завойко К.* В Костромских лесах по Ветлуге реке (этнографические материалы, записанные в Костромской губернии в 1914–1916 гг.) // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома. Вып. VIII. Этнографический сборник. С. 3–40.
- Зайцева 2003 – *Зайцева Н. Г.* Вепсский язык // Прибалтийско-финские народы России. М. С. 349–351.
- Залевская 1982 – *Залевская Н. И.* К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 49–54.
- Залеская 2006 – *Залеская В. Н.* Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.
- Зализняк 1986 – *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977–1983 годов. М.
- Зализняк 1988 – *Зализняк А. А.* Значение новгородских берестяных грамот для истории русского и других славянских языков // Вестник АН СССР. № 8. С. 92–100.
- Зализняк 1993 – *Зализняк А. А.* К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989 годов. М. С. 191–321.
- Зализняк 1995 – *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М.
- Зализняк 2004 – *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М.
- Зализняк 2010 – *Зализняк А. А.* Из заметок о любительской лингвистике. М.
- Заринов 1997 – *Заринов И. Ю.* Исторические рамки феномена этничности // ЭО. № 3. С. 21–31.
- Заринов 2000 – *Заринов И. Ю.* Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // ЭО. № 2. С. 3–18.
- Заринов 2002 – *Заринов И. Ю.* Социум – этнос – этничность – нация – национализм // ЭО. № 1. С. 3–30.
- Засецкая 1993 – *Засецкая И. П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. Симферополь. Вып. III. С. 23–105.
- Засецкая 1994 – *Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в.) СПб.
- Захаров, Кузина 2008 – *Захаров С. Д., Кузина И. Н.* Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М. Т. 2. С. 142–215.
- Заяц 1994 – *Заяц Ю. А.* Паселішча каля в Дружба (Рылаўшчына) // ГАЗ. Мінск. № 3. С. 132–147.
- Звяруга 2005 – *Звяруга Я. Г.* Беларускае Павілле у жалезным веку і раннім сярэднявекюі / МАБ. Вып. 10. Мінск.
- Зверуго, Медведев 2003 – *Зверуго Я. Г., Медведев А. М.* Микольское селище (исследования 1981–1982 гг.) // МАБ. Мінск. Вып. 6. С. 85–100.
- Зверуго, Медведев 2003а – *Зверуго Я. Г., Медведев А. М.* Селище Микольцы (исследования 1983 г.) // МАБ. Мінск. Вып. 7. С. 85–110.
- Зверуго, Медведев 2006 – *Зверуго Я. Г., Медведев А. М.* Селище Микольцы (материалы исследований 1986–1991 годов) // МАБ. Мінск. Вып. 12. С. 33–55.
- Зеленин 1916 – *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг.
- Зеленин 1917 – *Зеленин Д. К.* Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // Известия АН. Пг. С. 399–414.
- Зеленин 1929 – *Зеленин Д. К.* Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? // Сборник Ленинградского общества изучения культуры финно-угорских народностей. Л. Вып. 1. С. 96–108.

- Зеленин 1937 – *Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М. – Л.
- Зеленин 1991 – *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К. Д. Цивиной. М.
- Зеленин 1994 – *Зеленин Д. К.* К вопросу о ходе древнейшей русской колонизации в Вятский край // *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М. С. 151–163.
- Зеленин 1995 – *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.
- Зеленин 2004 – *Зеленин Д. К.* Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов // *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934–1954. М. С. 111–144.
- Земляков 2018 – *Земляков М. В.* Франкские короли и славянские племена в анналистике середины VII – начала IX в.: дипломатические союзы, военные конфликты и их последствия // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17–20 апреля 2018 г. М. С. 113–118.
- Зенько 1997 – *Зенько А. П.* Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских ургов. Новосибирск.
- Зерницкая, Симакова, Павлова 2001 – *Зерницкая В. П., Симакова Г. И., Павлова И. Д.* Признаки хозяйственной деятельности человека в пыльцевых спектрах голоцена Беларуси // ГАЗ. Минск. Вып. 16. С. 5–19.
- Зечевий 2019 – *Зечевий Е.* Трагови словена у 6. и 7. столећу на Западном Балкану // Балканы, Подунавье и Восточная Европа в римское время и в раннем средневековье. Нови Сад. С. 407–441.
- Зимин 1973 – *Зимин А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М.
- Зимица 1993 – *Зимица М. П.* Каменный век бассейна реки Мсты. М.
- Зиммель 2015 – *Зиммель Г.* Человек как враг / *Зиммель Г.* Избранное. Проблемы социологии. М. – СПб.
- Зозуля 2018 – *Зозуля С. С.* Исследования в Днепровской курганной группе Гнёздовского археологического комплекса в 2010–2012 гг. // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1 / Труды ГИМ. Вып. 210. М. С. 181–210.
- Золотарев 2013 – *Золотарев А. Ю.* К вопросу об источниках рабства и характере эксплуатации рабов в раннесредневековой Англии // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А. П. Новосельцева. Москва, 17–19 апреля 2013 г. М. С. 113–119.
- Зомбарт 2005 – *Зомбарт В.* Торгаши и герои / В кн. *Зомбарт В.* Собрание сочинений в 3 т. Т. II / Пер. с нем. Д. В. Кузицына. СПб.
- Зубрицкий 1909 – *Зубрицкий М.* Селянські будинки в Мшанци Старосамбірського пов. // Матеріали до українсько-руської етнології. Львів. Т. 11. С. 1–22.
- Иванов 1998 – *Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск.
- Иванов 1983 – *Иванов С. А.* Оборона Византии и география «варварских» вторжений через Дунай в первой половине VI в. // ВВ. 1983. Т. 44. С. 27–47.
- Иванов 1991 – *Иванов С. А.* Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей) // Советское славяноведение. Вып. 5. С. 3–13.
- Иванов 1993 – *Иванов С. А.* Славянская этничность как методологическая проблема // Славяноведение. № 2. С. 23–26.
- Иванов 2008 – *Иванов С. А.* «В тени юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* № 2(4). Июль–декабрь. С. 5–12.
- Иванов 2017 – *Иванов С. А.* Славяне как «избранный народ» Юстиниана II // Культурный шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. Київ. С. 164–169.
- Иванов, Топоров 2000 – *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Из истории русской культуры. М. Т. 1. Древняя Русь.
- Иванова 1981 – *Иванова О. В.* Некоторые вопросы экономического развития славян в долинах Струмы и Вардара в VII–VIII вв. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М. С. 215–231.
- Иванищев 2005 – *Иванищев А. М.* Комплексы раннего железного века поселения Тудозеро-V // Археология Севера. Череповец. Вып. 1. С. 42–54.
- Иессен 1952 – *Иессен А. А.* Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. Вып. 16. С. 206–231.
- Измайлов 2003 – *Измайлов И. Л.* Балымерский курганный могильник в свете контактов Северной Европы и Волжской Булгарии: проблемы и дискуссии // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб. С. 127–141.
- Иллюстрированный определитель 2000 – *Иллюстрированный определитель растений Карельского перешейка* / Под ред. Ф. Л. Буданцева и Г. П. Яковлева. СПб.
- Ильин 1924 – *Ильин А. А.* Топография кладов древних русских монет X–XI в. и монет удельного периода // Труды нумизматической комиссии РАИМК. Л. Т. V.
- Ильютик 1996 – *Ильютик А. В.* Лысуха – памятник железного века // ГАЗ. Минск. Вып. 7. С. 141–161.
- Императорская археологическая комиссия 2009 – *Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной*

- археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.
- Исаченко 1998 – *Исаченко Г. А.* «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб.
- Исланова 1997 – *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.
- Исланова 2004 – *Исланова И. В.* Славянское расселение на Валдае и Верхней Волге (история решения вопроса по данным археологии) // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М. С. 77–91.
- Исланова 2006 – *Исланова И. В.* Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.
- Исланова 2007 – *Исланова И. В.* Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. РСМ. Вып. 9. М. С. 301–332.
- Исланова 2008 – *Исланова И. В.* Городище Отмичи. М.
- Исланова 2010 – *Исланова И. В.* Культурная принадлежность древностей середины I тыс. н. э. Верхнего Поволжья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Тула. Ч. 1. С. 203–217.
- Исланова 2014 – *Исланова И. В.* Памятники типа Подол (культурные контакты населения Верхневолжья в третьей четверти I тыс. н. э. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. РСМ. Вып. 15. М. С. 26–44.
- Исланова 2016 – *Исланова И. В.* Раннесредневековые группы памятников на Северо-Западе Восточной Европы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). РСМ. Вып. 17. М. С. 136–220.
- Исланова 2017 – *Исланова И. В.* О культурных трансформациях раннесредневековых древностей на Волго-Балтийском водоразделе // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А. М. Обломского. РСМ 19. М. С. 82–89.
- Исланова 2018 – *Исланова И. В.* О поздних погребальных памятниках в восточной области культуры псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 251. С. 237–248.
- Исланова 2019 – *Исланова И. В.* Культурно-исторические процессы во II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Исланова 2020 – *Исланова И. В.* Поселение Дубок 1 на озере Селигер // История вещей – история и вещи. К 60-летию юбилею И. О. Гавритухина. РСМ 20. М. С. 214–220.
- Исланова 2020а – *Исланова И. В.* Мстинско-Моложская группа древностей середины I тыс. н. э. на Волго-Балтийском водоразделе // Археологические вести. СПб. Вып. 28. С. 249–257.
- Исланова 2021 – *Исланова И. В.* Некоторые актуальные вопросы изучения раннесредневековых древностей (Валдай – Волго-Балтийский водораздел – Верхневолжье) // Записки ИИМК РАН. № 25. С. 149–159.
- Исланова, Крымов, Романов 2005 – *Исланова И. В., Крымов Е. Ю., Романов В. В.* Варяги на Верхней Волге (новые находки) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М. С. 72–77.
- Исланова, Мирецкий, Олейников 2007 – *Исланова И. В., Мирецкий А. В., Олейников О. М.* Городище Осечен (ранний железный век и раннее средневековье) // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 6. Т. II. С. 132–147.
- История 1990 – История Ладожского, Онежского, Псковско-Чудского озер, Байкала и Ханки. Л.
- Истрин 1893 – *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. М.
- Кагаров 1913 – *Кагаров Е.* Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.
- Каждан, Литаврин 1998 – *Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян. СПб.
- Казаков 1992 – *Казаков Е. П.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.
- Казакиявичюс 1988 – *Казакиявичюс В.* Оружие балтских племен II – VIII веков на территории Литвы. Вильнюс.
- Казанков 2002 – *Казанков А. А.* Агрессия в архаических обществах (на примере охотников-собирателей полупустынь). М.
- Казанский 2005 – 2009 – *Казанский М. М.* О раннеславянской коннице // *Stratum plus*. № 5. С. 457–471.
- Казанский 2006 – *Казанский М. М.* Некоторые находки из Старой Уппсалы и вопрос восточноевропейско-скандинавских контактов // Археологическое изучение Центральной России. Липецк. С. 273–275.
- Казанский 2007 – *Казанский М. М.* Курганы Старой Уппсалы и Восточный путь // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 21. С. 125–137.
- Казанский 2008 – *Казанский М. М.* Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула. Вып. 1. С. 304–325.
- Казанский 2010 – *Казанский М. М.* О контактах населения территории Восточной Эстонии и Скандинавии в эпоху великого переселения народов // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб. С. 330–336.
- Казанский 2010а – *Казанский М. М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // *Stratum plus*. № 4. С. 17–127.

- Казанский 2011 – *Казанский М. М.* О славянском панцирном войске (VI–VII вв.) // *Stratum plus*. № 5. С. 43–50.
- Казанский 2012 – *Казанский М. М.* Водные пути из Балтики к Черному морю и северные варвары в эпоху переселения народов // *Inter Ambo Maria*. Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю. Тезисы докладов международной конференции 3–7 октября 2012 г. Гаспра, Крым, Украина. Симферополь. С. 106–115.
- Казанский 2014 – *Казанский М. М.* Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. РСМ. Вып. 15. М. С. 45–137.
- Казанский 2015 – *Казанский М. М.* Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // *Stratum plus*. № 5. С. 43–95.
- Казанский 2016 – *Казанский М. М.* Пути проникновения готов на Боспор Киммерийский и природные условия Северного Причерноморья в III в. // Боспорские исследования. Керчь. Вып. XXXIII. С. 137–162.
- Казанский 2020 – *Казанский М. М.* О расселении славян в лесной зоне Восточной Европы: предметы ранне-средневекового убора дунайского происхождения (VI–IX вв.) // *Археологические вести*. СПб. Вып. 28. С. 258–271.
- Калинина 1994 – *Калинина Т. М.* Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // *Древнейшие государства Восточной Европы*. Материалы и исследования. 1991 год. М. С. 211–224.
- Калинина 2000 – *Калинина Т. М.* Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы*. Материалы и исследования. 1998 год. М. С. 106–119.
- Кальмер 1999 – *Кальмер Ю.* Археологические древности Руси // *Stratum plus*. № 5. С. 153–157.
- Каргопольцев 1997 – *Каргопольцев С. Ю.* Двухшпные наконечники дротиков памятников Северо-Запада в контексте древностей римского времени и великого переселения народов // *Ладога и религиозное сознание*. Третье чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 99–101.
- Карлов 2000 – *Карлов В. В.* Этнонациональная рефлексия и предмет этнологии (к проблеме самосознания науки) // *ЭО*. № 4. С. 3–21.
- Карлов 2011 – *Карлов В. В.* Этническая идентификация в системе идентичностей глобального мира: тенденции изменений // *Феномен идентичности в современном гуманитарном знании*. М. С. 469–473.
- Карский 1904 – *Карский Ф. О.* Белоруссы. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильна.
- Касюк 2020 – *Касюк Е. Ф.* Поселение Долгое-1 на р. Случь в римский период и эпоху Великого переселения народов // *История вещей – история и вещи*. К 60-летию юбилею И. О. Гавритухина. РСМ 20. М. С. 221–240.
- Каталог 1915 – Каталог выставки XVI Всероссийского археологического съезда 1914 года во Пскове, отмененного по случаю войны. Псков.
- Квасов 1975 – *Квасов Д. Д.* Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.
- Кенько 2016 – *Кенько П. М.* Материалы верхнеднепровского варианта киевской культуры с селища Черная Лоза // *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период*. Минск. Кн. 2. С. 255–262.
- Кенько, Дернович 2019 – *Кенько П. М., Дернович С. Д.* Культурно-хронологический аспект в изучении деталей костюма из коллекции археологического комплекса Кордон // *МАБ*. Минск. Вып. 30. С. 49–63.
- Керт 2005 – *Керт Г. М.* Критерии идентификации саамской субстратной топонимии // *Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Сборник материалов международной научной конференции*. Петрозаводск. С. 338–347.
- Кибинь 2014 – *Кибинь А. С.* От Ятвяжи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII вв. М.
- Килиевич 1982 – *Килиевич С. Р.* Детинец Киева IX – первой половины XIII века. Киев.
- Кирпичников 1958 – *Кирпичников А. Н.* Метательная артиллерия Древней Руси // *МАР*. № 77. М. С. 7–51.
- Кирпичников 1966 – *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // *САИ*. Вып. Е1-36. М. – Л.
- Кирпичников 1973 – *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / *САИ*. Вып. Е1-36. Л.
- Кирпичников 1980 – *Кирпичников А. Н.* Новооткрытая ладожская каменная крепость IX–X вв. // *Памятники культуры*. Новые открытия. 1979 г. Л. С. 441–455.
- Кирпичников 1982 – *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Северной Руси по данным новых архитектурно-археологических исследований // *Вестник АН СССР*. М. Вып. 5. С. 95–107.
- Кирпичников 1984 – *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.
- Кирпичников 1990 – *Кирпичников А. Н.* Приладожская лопь // *Финны в Европе VI–XV веков*. Вып. II. С. 135–144.
- Кирпичников 2002 – *Кирпичников А. Н.* Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. СПб. С. 227–250.
- Кирпичников 2004 – *Кирпичников А. Н.* Археологические неожиданности в Старой Ладоге // *Новгородские археологические чтения – 2*. Великий Новгород. С. 94–98.

- Кирпичников, Сарабьянов 2013 – *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога: древняя столица Руси. СПб.
- Кирпичников 2014 – *Кирпичников А. Н.* Древняя Ладога в эпоху викингов в свете международной культурной интеграции // Культурное наследие Российского государства. СПб. Вып. VI. Ч. 1. С. 225–252.
- Кирпичников 2018 – *Кирпичников А. Н.* Культурно-историческое исследование Старой Ладоги // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб. С. 7–20.
- Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 – *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М. С. 188–297.
- Кирпичников, Курбатов 2014 – *Кирпичников А. Н., Курбатов А. В.* Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволжье // *Stratum plus*. № 5. С. 129–136.
- Кирпичников, Рябинин 1990 – *Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А.* Прибалтийско-финские племена в составе Древнерусского государства // Финны в Европе VI–XV века. М. Вып. II. С. 101–120.
- Кирпичников, Сакса 2002 – *Кирпичников А. Н., Сакса А. И.* Финское население северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб. С. 134–144.
- Кирпичников, Сарабьянов 2003 – *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб.
- Кирьянова 2003 – *Кирьянова Н. А.* Результаты определения зерна из отмывок культурного слоя городища Варварина Гора // *Буров В. А.* Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М. С. 457–459.
- Кланица 1987 – *Кланица З.* Падение Аварской державы в Подунавье // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М.
- Клаузевиц 1998 – *Клаузевиц К.* О войне / Пер. с нем. А. Рачинского. М.
- Клейн 2013 – *Клейн Л. С.* Этногенез и археология. Т. 1. Теоретические исследования. СПб.
- Клейн 2015 – *Клейн Л. С.* Происхождение славян, версия биохимическая (*Клёсов А. А.* Происхождение славян. ДНК-генеалогия против «норманнской теории». М. 2013) // Российский археологический ежегодник. № 5. С. 651–664.
- Клещенко, Решетова 2019 – *Клещенко Е. А., Решетова И. К.* Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. М.
- Клімаў, Куляшоў 2011 – *Клімаў М., Куляшоў В.* Новыя знаходкі арабскіх дзірхамаў на Полацкім Гарадзішчы // *Studia Numismatica Albaruthenica*. Мінск. Vol. I. С. 49–60.
- Клубова 1990 – *Клубова О. В.* Охранные раскопки городища «Курская Гора» в верховьях реки Луги // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 3. С. 12–15.
- Клубова 1992 – *Клубова О. В.* Исследования в урочище Курская Гора в 1990 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 4/5. Новгород. С. 21–25.
- Клубова 1992а – *Клубова О. В.* Исследования селища в урочище Курская Гора в 1991 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 6. С. 24–27.
- Ключевский 1923 – *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Пг. Ч. 1.
- Ковалев 2002 – *Ковалев Р. К.* Клад дирхамов 913/914 гг. из деревни Пальцево Тверской губернии // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб. С. 160–164.
- Ковалевский 1956 – *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков.
- Ковалевский 1910 – *Ковалевский М. М.* Дарвинизм в социологии // Памяти Дарвина. М. С. 117–158.
- Козак 1997 – *Козак Д. Н.* Военное дело древних славян / Страницы истории Южной Украины. Вып. 21. Николаев.
- Козлов 1969 – *Козлов В. И.* Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М.
- Козлов 1999 – *Козлов В. И.* Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М.
- Коковцов 1932 – *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.
- Кол 2013 – *Кол Ф.* Прародины в современности и в прошлом: политическое применение опасной концепции // ЭО. № 1. С. 26–36.
- Колосова 2015 – *Колосова И. О.* Булаевский клад куфических монет 935/936 г.: историографические заметки // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 60-го заседания (22–24 апреля 2014 года). Псков. С. 111–122.
- Колосова, Милютин 1994 – *Колосова И. О., Милютин Н. Н.* «Большой курган» древнерусского некрополя Пскова (погребения 57, 59) // Археологическое изучение Пскова. Псков. Вып. 2. С. 110–127.
- Колосовский 1995 – *Колосовский Ю. В.* Штрихованная керамика на северо-востоке Беларуси (по материалам городищ Оршанского Поднепровья) // Региональная научно-конференция «Гістарычныя лэсы Верхняга Падняпроўя» (Частка 1). Магілёў. С. 99–109.
- Колосовский 1997 – *Колосовский Ю. В.* Новые данные о раннеславянском поселении у д. Вежки в Оршанском Поднепровье // Гісторыя Беларусі: жалезны век

- і сярэневечча. Да 70-годдзя з дня нараджэння Г. В. Штыхава. Мінск. С. 37–39.
- Колосовский, Штыхов 2005 – Колосовский Ю. В., Штыхов Г. В. Археологический комплекс около д. Казиново Городокского района Витебской области // МАБ. Минск. Вып. 9. С. 112–120.
- Колпаков 1995 – Колпаков Е. М. Этнос и этничность // ЭО. № 5. С. 13–23.
- Колчин 1968 – Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия / САИ. Вып. Е1-55. М.
- Колчин, Рыбина 1982 – Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. М. С. 178–238.
- Коляда 1985 – Коляда В. В. Роль подсечного земледелия в преобразовании ландшафтов Витебской области в раннем железном веке // Географические аспекты рационального природопользования. Минск. С. 35–40.
- Комар 2007 – Комар А. В. Что такое «пастырская культура»? // Проблемы на Прабългарската история и култура. София. Т. 4–1. С. 35–52.
- Комар, Кубышев, Орлов 2005 – Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 5. С. 245–374.
- Комаров, Елина 1976 – Комаров К. И., Елина А. К. Курганый могильник в окрестностях г. Старица // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М. С. 227–238.
- Кондов 1961 – Кондов Н. К. К вопросу о системе полеводства в Болгарских и соседних с ними землях Балканского полуострова в средние века // ВВ. Вып. XX. С. 3–13.
- Кондратьева, Белецкий 2002 – Кондратьева О. А., Белецкий С. В. Новые находки гребней из Псковского городища // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб. С. 94–98.
- Конецкий 1980 – Конецкий В. Я. Исследования грунтовых могильников и сопки в Приильменьи // АО 1979 г. М. С. 11–12.
- Конецкий 1981 – Конецкий В. Я. Нередицкий могильник // КСИА. Вып. 164. М. С. 83–86.
- Конецкий 1984 – Конецкий В. Я. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 154–172.
- Конецкий 1984а – Конецкий В. Я. Древнерусский грунтовый могильник у поселка Деревяницы около Новгорода // НИС. Вып. 2 (12). С. 39–61.
- Конецкий 1985 – Конецкий В. Я. О «каменных кругах» Юго-Западного Приильмения // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 37–44.
- Конецкий 1989 – Конецкий В. Я. Новгородские сопки и проблема этно-социального развития Приильмения в VIII–X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л. С. 140–150.
- Конецкий 1991 – Конецкий В. Я. Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I – начала II тыс. н. э. в бассейне р. Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли. М. С. 89–109.
- Конецкий 1991а – Конецкий В. Я. Роль естественно-природных факторов в ранней истории Новгородской земли // 125 лет Новгородскому музею: Тез. докл. науч. конф. Новгород. С. 32–39.
- Конецкий 1992 – Конецкий В. Я. К социальной интерпретации общины эпохи сопки (по материалам памятников в ур. Губинская Лука на р. Ловать) // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. науч. конф. Псков. С. 50–52.
- Конецкий 1993 – Конецкий В. Я. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I – начала II тысячелетия н. э. // Новгородский исторический сборник. СПб. – Новгород. Вып. 4 (14). С. 3–26.
- Конецкий 1994 – Конецкий В. Я. Центр и периферия Приильмения в IX–X веках; особенности социально-политического развития // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 8. С. 49–64.
- Конецкий 1994а – Конецкий В. Я. К происхождению некоторых особенностей социального устройства древнего Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород. С. 138–144.
- Конецкий 1995 – Конецкий В. Я. Социальная организация населения Приильмения и формирование коренной территории Новгородской земли в конце I тыс. н. э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород. Вып. 9. С. 31–40.
- Конецкий 1995а – Конецкий В. Я. Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации комплекса памятников в Перыни под Новгородом // Церковная археология. СПб. – Псков. Ч. 1. С. 80–85.
- Конецкий 1997 – Конецкий В. В. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород. Вып. 11. С. 213–225.
- Конецкий 1998 – Конецкий В. Я. Славянская колонизация Северо-Запада в отечественной исторической и археологической литературе // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород. Вып. 12. С. 226–241.
- Конецкий 2000 – Конецкий В. Я. Некоторые вопросы изучения древнейших пахотных орудий Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород. Вып. 14. С. 239–261.
- Конецкий 2000а – Конецкий В. Я. Археологические памятники Нередицкого холма: итоги и перспективы изучения // НИС. Вып. 8 (18). С. 20–29.

- Конецкий 2009 – *Конецкий В. Я.* Хозяйство и промыслы населения Приильменя в конце I – начале II тыс. н. э. // История экономики Великого Новгорода и Новгородской земли. Очерки хозяйственного развития. Великий Новгород. С. 7–19.
- Конецкий 2016 – *Конецкий В. Я.* Наральник южнорусского типа X века из раскопок в пос. Любытино // Ежегодник НГОМЗ. 2014. Великий Новгород. С. 87–90.
- Конецкий, Клубова 1989 – *Конецкий В. Я., Клубова О. В.* Работы областной экспедиции Новгородского музея // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород. Вып. 2. С. 11–14.
- Конецкий, Носов 1985 – *Конецкий В. Я., Носов Е. Н.* Загадки Новгородской округи. Л.
- Конецкий, Носов 1995 – *Конецкий В. Я., Носов Е. Н.* К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Славяно-русские древности. СПб. Вып. 3. С. 29–54.
- Конецкий, Самойлов 2000 – *Конецкий В. Я., Самойлов К. Г.* Хозяйство носителей культуры длинных курганов: проблема структурности // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 14. С. 261–275.
- Конецкий, Самойлов 2000а – *Конецкий В. Я., Самойлов К. Г.* К проблеме возникновения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы в I тыс. н. э. // Археологические вести. СПб. Вып. 7. С. 320–328.
- Конецкий, Патица 2017 – *Конецкий В. Я., Патица Т. Н.* Погребальные площадки культуры сопок в пос. Любытино // Ежегодник НГОМЗ. 2015. Великий Новгород. С. 136–152.
- Конецкий, Патица 2017а – *Конецкий В. Я., Патица Т. Н.* Лепная керамика Мальшевского археологического комплекса // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 31. С. 163–176.
- Конькова 1990 – *Конькова О. И.* Исследования ижорских средневековых могильников. Итоги и перспективы // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л. С. 31–35.
- Конькова 1992 – *Конькова О. И.* Вопросы ранней истории финноязычного населения нижнего течения р. Луги // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб. С. 92–105.
- Конькова 2008 – *Конькова О. И.* Археологические находки на западе Ленинградской области и проблема происхождения ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 2. Древности Ижорской земли. С. 9–32.
- Корепапов 2013 – *Корепапов Н. С.* Караван 1751 года: от Вышнего Волочка до Новгорода // Мстинский альманах. Великий Новгород. Вып. 3. С. 60–64.
- Корецкий 1969 – *Корецкий В. И.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV–XV вв. // Археологический ежегодник за 1967 год. М. С. 275–290.
- Корзухина 1954 – *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.; Л.
- Корзухина 1964 – *Корзухина Г. Ф.* Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // СС. Таллин. Вып. 8. С. 297–314.
- Корзухина 1978 – *Корзухина Г. Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье / САИ. Вып. Е1–43. Л.
- Королюк 1968 – *Королюк В. Д.* К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X – XII вв. // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации. М. С. 98–113.
- Королюк 1973 – *Королюк В. Д.* Вольняне Абу-л-Хасана ам-Ал-Масуди и «Повести временных лет» // Античная древность и средние века. Свердловск. Вып. 10. С. 139–141.
- Королюк 1976 – *Королюк В. Д.* Перемещение славян в Подунавье и на Балканы (славяне и волохи в VI – середине VII в. // Советское славяноведение. М. Вып. 6.
- Королюк 1976а – *Королюк В. Д.* К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М. С. 6–29.
- Королюк 1985 – *Королюк В. Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М.
- Коропчевский 1892 – *Коропчевский Д. А.* Психология войны. СПб.
- Короткевич 1999 – *Короткевич Б. С.* Культурный памятник на озере Воловжа в Псковской области // АСГЭ. Вып. 34. С. 172–186.
- Короткевич 2004 – *Короткевич Б. С.* Ранний железный век в верховьях Западной Двины и Ловати: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Короткевич 2012 – *Короткевич Б. С.* Стратиграфия городища Анашкино по материалам раскопок 2009–2010 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 58-го заседания (17–19 апреля 2012 года). Псков. С. 174–186.
- Короткевич, Лопатин 2000 – *Короткевич Б. С., Лопатин Н. В.* Работы на городище Токолово близ г. Великие Луки // АО 1998 г. М. С. 33–34.
- Короткевич, Мазуркевич 1992 – *Короткевич Б. С., Мазуркевич А. Н.* Пять вариантов днепро-двинской культуры // ПАВ. Вып. 2. С. 63–82.
- Короткевич, Саблин, Сыромятникова 2010 – *Короткевич Б. С., Саблин М. В., Сыромятникова Е. В.* Фауна городища Анашкино в эпоху поздней бронзы и раннего железного века // АСГЭ. Вып. 38. С. 24–28.

- Короткевич, Саблин 2014 – *Короткевич Б. С., Саблин М. В.* Фауна городища Анашкино (динамика культурно-хронологических изменений) // Археология и история Пскова и Псковской земли. СПб. Вып. 29. С. 298–311.
- Косменко 1993 – *Косменко М. Г.* Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб.
- Косменко 1996 – *Косменко М. Г.* Позднебеломорская культура // Археология Карелии. Петрозаводск. С. 257–267.
- Костюкевич 2015 – *Костюкевич А. В.* Аметистовая византийская бусина из Витебска // МАБ. Минск. Вып. 26. С. 246–248.
- Косых 2007 – *Косых А. М.* Янтарная находка из Любши и европейский путь лиры // *Antiquitas Iuventa*: Сб. науч. тр. студентов и аспирантов. Саратов. С. 301–308.
- Котляревский 1868 – *Котляревский А. А.* О погребальных обрядах языческих славян. М.
- Кочуркина 1973 – *Кочуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.
- Кочуркина 1986 – *Кочуркина С. И.* Корела и Русь. Л.
- Кочуркина 1989 – *Кочуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск.
- Кочуркина 2003 – *Кочуркина С. И.* Весь (по археологическим материалам) // Прибалтийско-финские народы России. М. С. 333–341.
- Кошечкин, Экман 1993 – *Кошечкин Б. И., Экман И. М.* Голоценовые трансгрессии Ладожского озера // Эволюция природных обстановок и современное состояние геосистемы Ладожского озера. СПб. С. 49–60.
- Кравченко 2005 – *Кравченко Э. Е.* Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк. Т. 4. Хазарское время. С. 153–186.
- Крадин 1995 – *Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М. С. 11–61.
- Крадин 2004 – *Крадин Н. Н.* Политическая антропология. М.
- Крадин 2011 – *Крадин Н. Н.* Перспективы политической антропологии // Полис: Политические исследования. № 6. С. 78–91.
- Крадин 2012 – *Крадин Н. Н.* Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М. С. 211–239.
- Крадин 2015 – *Крадин Н. Н.* Основные закономерности происхождения государства // КСИА. Вып. 239. С. 7–27.
- Крадин 2016 – *Крадин Н. Н.* Политическая антропология о происхождении государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 г. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М. С. 91–115.
- Красиков 2010 – *Красиков В. И.* Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М.
- Краснов 1968 – *Краснов Ю. А.* О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы // СА. № 2. С. 57–79.
- Краснов 1971 – *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.
- Краснов 1975 – *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М.
- Краснов 1987 – *Краснов Ю. А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.
- Крачковский 1957 – *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература // Избранные сочинения. М. – Л. Т. 4.
- Кревельд 2006 – *Кревельд М. ван* Расцвет и упадок государства / Пер с англ. под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. М.
- Кревельд 2015 – *Кревельд М. ван* Трансформация войны / Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова. М.
- Кренке 2004 – *Кренке Н. А.* Среднее течение Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.
- Кренке 2011 – *Кренке Н. А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. н. э. М.
- Кренке 2014 – *Кренке Н. А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. Дисс. докт. ист. наук. М. Т. 1.
- Кренке, Ершов, Раева 2020 – *Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А.* Смоленск и Гнёздово // Археологические вести. Вып. 28. С. 296–303.
- Кренке, Низовцев 1997 – *Кренке Н. А., Низовцев В. А.* Человек и ландшафт на территории Подмосковья в железном веке // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М. С. 81–90.
- Кренке, Чернавская 1998 – *Кренке А. Н., Чернавская М. М.* Пространственные и временные изменения повторяемости экстремальных климатических явлений на Русской равнине // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 129–141.
- Криганов 2012 – *Криганов А. В.* Військова справа кочівників Північного Причорномор'я кінця IV – початку XIII століть. Суми.
- Крийска, Лавенто 2007 – *Крийска А., Лавенто М.* «Текстильная керамика» в Эстонии в свете датирования

- нагара на фрагментах сосудов с использованием ускорительной масс-спектрометрии (AMS) // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН 9–12 апреля 2007 г, Санкт-Петербург. СПб. С. 243–250.
- Криничная 1991 – *Криничная Н. А.* Предания Русского Севера. СПб.
- Крис 1970 – *Крис Х. И.* Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища (классификация и хронология) // Древнее поселение в Подмосковье / МИА. Вып. 156. М. С. 145–169.
- Кристал 2001 – *Кристал Д.* Английский язык как глобальный. М.
- Кропоткин 1971 – *Кропоткин В. В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. IX. С. 76–97.
- Кропоткин 1978 – *Кропоткин В. В.* О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М. С. 111–117.
- Круглов 2016 – *Круглов Е. В.* Государство гузов в памятниках археологии и по данным Ибн Фадлана // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. М. С. 186–225.
- Крыласова, Белавин 2001 – *Крыласова Н. Б., Белавин А. М.* Неволинские пояса в системе международных связей // Миграции и оседлость от Дуная до Ладogi в I тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 88–94.
- Кудрявцев, Андриенко 2017 – *Кудрявцев А. А., Андриенко А. В.* Вещевые комплексы из раскопок церкви Благовещения на Городище под Новгородом в 2016 г. (предварительное сообщение) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. С. 47–53.
- Кудрявцев, Андриенко 2019 – *Кудрявцев А. А., Андриенко А. В.* Материальная культура северной части Новгородского (Рюрикова) городища перед возведением церкви Благовещения (по материалам археологических исследований 2016–2017 гг.) // Архитектурная археология. М. № 1. С. 113–127.
- Кузнецов 2006 – *Кузнецов А. М.* Теория этноса С. М. Широкогорова // ЭО. № 3. С. 57–71.
- Кузнецов 2007 – *Кузнецов А. М.* Этническое и национальное в политологическом дискурсе // Полис. Политические исследования. № 6. С. 9–23.
- Кузнецов 2008 – *Кузнецов А. М.* Рец. на: Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М., 2007 // ЭО. № 5. С. 177–180.
- Кузнецов 2008а – *Кузнецов А. М.* Рец. на: Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. 601 с. Этнографическое обозрение. <http://jurnal.iea.ras.ru/online>.
- Кузнецов 1949 – *Кузнецов К. В.* Собалеўскі скарб // Весці АН БССР. Мінск. № 6. С. 140–141.
- Кузьмин 1994 – *Кузьмин С. Л.* Сопка у д. Новые Дубовики // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб. С. 61–64.
- Кузьмин 1995 – *Кузьмин С. Л.* Крещение и христианизация Новгородской земли: акт и процесс по данным археологии // Церковная археология. СПб. – Псков. Ч. 1. С. 87–90.
- Кузьмин 1997 – *Кузьмин С. Л.* Волховские пороги в древности и средневековье // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб. С. 74–76.
- Кузьмин 1997а – *Кузьмин С. Л.* Волховские сопки на современном этапе изучения // Ладога и религиозное сознание. Третье чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 108–112.
- Кузьмин 1998 – *Кузьмин С. Л.* Волховские пороги в эпоху средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 12. С. 259–264.
- Кузьмин 1999 – *Кузьмин С. Л.* Сопки Нижнего Поволжья: взгляд на проблему на исходе XX в. // Ранне-средневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. С. 89–99.
- Кузьмин 2000 – *Кузьмин С. Л.* Сопки Нижнего Поволжья // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 174–183.
- Кузьмин 2000а – *Кузьмин С. Л.* Городище у деревни Надбелье на Оредеже // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 95–97.
- Кузьмин 2001 – *Кузьмин С. Л.* Рождение Северо-Западной Руси: демогенез и культурогенез // Миграции и оседлость от Дуная до Ладogi в I тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 63–73.
- Кузьмин 2008 – *Кузьмин С. Л.* К проблеме военного дела у населения Северо-Западной Руси в раннем средневековье (по материалам археологических памятников) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб. С. 50–55.
- Кузьмин 2008а – *Кузьмин С. Л.* Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб. С. 69–94.
- Кузьмин, Михайлова 1997 – *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р.* Новые материалы к проблеме славянского расселения на Северо-Западе Руси // Труды VI международного конгресса славянской археологии. М. Т. 3. С. 138–146.
- Кузьмин, Михайлова 2004 – *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р.* Памятники конца I тыс. н. э. в Лужско-Оредежском междуречье (к проблеме формирования древнерусской культуры в западных районах Новгородской

- земли) // <http://www.ladogamuseum.ru/litera/kuzmin/pub142/>
- Кузьмин, Тарасов 1998 – *Кузьмин С. Л., Тарасов И. И.* Раскопки поселения Новые Дубовики в 1998 г. // Ладога и эпоха викингов. СПб. С. 55–58.
- Кузьмин, Тарасов 2000 – *Кузьмин С. Л., Тарасов И. И.* Исследования раннесредневековых памятников на Оредеже и Волхове // АО 1998 г. М. С. 37–38.
- Кузьмин и др. 1999 – *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Селин А. А., Соболев В. Ю., Тарасов И. И.* Работы Северо-Западной экспедиции СПбФ РНИИ КПН в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 13. С. 33–40.
- Кулаков 2012 – *Кулаков В. И.* Железное кнатовище из могильника Kleine Kaup и роль статусных бичей в восточноевропейских древностях X–XI вв. // *Archaeologia Lituana*. Vilnius. Vol. 13. С. 117–128.
- Кулаков 2014 – *Кулаков В. И.* Малый Кауп: две формы обрядности // *Archaeologia Lituana*. Vilnius. Vol. 15. С. 93–110.
- Кулаков 2016 – *Кулаков В. И.* Пруссy эпохи викингов: жизнь и быт общины Каупа. М.
- Кулешов 2003 – *Кулешов Вяч. С.* Нева // Ладога. Первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. СПб. С. 27–36.
- Кулешов 2005 – *Кулешов В. С.* Памятники культуры Tandgraber на северо-западе европейской части России // Альманах молодых археологов. СПб. С. 183–197.
- Кулешов 2012 – *Кулешов В. С.* Новые данные о кладях с восточными монетами IX – X вв. на территории Беларуси // Нумизматические чтения 2012 года. К 150-летию со дня рождения Павла Васильевича Зубова (1862–1921). Москва, 4–5 декабря 2012 г. М. С. 40–44.
- Кулешов, Еремеев 2015 – *Кулешов Вяч. С., Еремеев И. И.* Глазуновский клад куфических монет IX в. // *И. И. Еремеев.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб. С. 605–609.
- Кулжинский 1861 – *Кулжинский А. И.* Известия о курганах и городищах. VII. Курганы Новгородской губернии // Известия Императорского археологического общества. СПб. Т. 2. Вып. 3. С. 149–160.
- Куликаускас 1970 – *Куликаускас П.* Археологические исследования городищ в Литве в 1967–1968 гг. // *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora*. Tallinn. С. 95–101.
- Кулишер 1923 – *Кулишер И. М.* Очерк истории русской торговли до девятнадцатого века включительно. Петербург.
- Кулькова, Юшкова 2006 – *Кулькова М. А., Юшкова М. А.* Керамика эпохи раннего металла поселения Шкурин Горка // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб. С. 82–92.
- Куник 1878 – *Куник А. А.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и Славянах. СПб. Ч. 1.
- Курбатов 2018 – *Курбатов А. В.* Ремесло раннесредневековой Ладоги // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб. С. 235–282.
- Кухаренко 1960 – *Кухаренко Ю. В.* Памятники пражского типа на территории Приднепровья // *Slavia antiqua*. Warszawa – Poznan. Vol. VII. С. 111–124.
- Кухаренко 1968 – *Кухаренко Ю. В.* Пинские курганы // Славяне и Русь. М. С. 87–90.
- Кушнер 1951 – *Кушнер П. И.* Этнические территории и этнические границы. М.
- Лавенто, Патрушев 2015 – *Лавенто М. Патрушев В. С.* Развитие и хронология текстильной керамики в Среднем и Верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые ¹⁴C-даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // Поволжская археология. № 2 (12). С. 160–188.
- Ладога 2013 – Ладога / Под ред.: В. А. Русянцева, С. А. Кондратьева. СПб.
- Лак, Эжман 1975 – *Лак Г. Ц., Эжман И. М.* О трансгрессиях Ладожского озера в голоцене // Доклады АН СССР. Т. 222. № 1. С. 175–178.
- Ланг 1995 – *Ланг В.* Аграрный ландшафт эпохи раннего железа в Эстонии // *Austrvegt*. Таллин. С. 15–18.
- Лаппо 1997 – *Лаппо Г. М.* География городов. М.
- Лапшин 1990 – *Лапшин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1. Западные районы.
- Лапшин 2015 – *Лапшин В. А.* Перспективы археологических исследований в Старой Ладоге // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 5. С. 29–35.
- Лапшин 2019 – *Лапшин В. А.* Изучение Старой Ладоги: итоги и перспективы // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб. С. 289–302.
- Лапшин 2019а – *Лапшин В. А.* Ладога до Ладоги // Записки ИИМК РАН. № 20. С. 112–120.
- Латышева, Розенфельдт 1964 – *Латышева Г. П., Розенфельдт И. Г.* Раскопки Барвихинского городища // КСИА. Вып. 102. С. 82–89.
- Лаул 1997 – *Лаул С.* Ранний железный век в Южной Эстонии и «предкурганная культура» // Памятники старины. Концепции, открытия, версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого 1919–1997. СПб. – Псков. Т. I. С. 402–409.
- Лаушкин 2019 – *Лаушкин А. В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М.
- Лашанкоў, Трацякоў 2005 – *Лашанкоў М., Трацякоў Д.* Палеаэтнабатанічныя даследаванні матэрыялаў з помнікаў ранняга жалезнага веку паўднёва-ўсходняй Беларусі // ГАЗ. Вып. 20. Мінск. С. 56–57.

- Лебедев, Галанов 2005 – *Лебедев В. П., Галанов В. И.* Два клада куфических дирхамов и их фрагментов из-под Смоленска // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 4. С. 421–437.
- Лебедев и др. 2012 – *Лебедев В. П., Тростянский О. В., Орлов А. С.* Два клада конца X в. с восточными и европейскими монетами с территории Северо-Западной Руси // Нумизматические чтения 2012 года. К 150-летию со дня рождения Павла Васильевича Зубова (1862–1921). Москва, 4–5 декабря 2012 г. М. С. 44–53.
- Лебедев 1973 – *Лебедев Г. С.* Городец под Лугой (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 135. С. 72–76.
- Лебедев 1974 – *Лебедев Г. С.* Длинные курганы Верхнего Полужья // КСИА. Вып. 139. С. 69–73.
- Лебедев 1977 – *Лебедев Г. С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л.
- Лебедев 1978 – *Лебедев Г. С.* Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье // КСИА. Вып. 155. С. 93–99.
- Лебедев 1982 – *Лебедев Г. С.* О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 29–39.
- Лебедев 1984 – *Лебедев Г. С.* Культурная стратиграфия Северо-Запада Европейской части России и проблемы формирования Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 46–54.
- Лебедев 1986 – *Лебедев Г. С.* Ладога – центр славяно-финско-скандинавских контактов в VIII–XI вв. // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар. С. 3–12.
- Лебедев 1989 – *Лебедев Г. С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне: этногенез и этническая история. Л. С. 105–115.
- Лебедев 1989а – *Лебедев Г. С.* Приладожье, Понаровье, Причудье и о. Тютерс и водные пути в Карелию // Нарва, Ивангород, Понаровье: взаимодействие культур. История и археология. Нарва. С. 27–28.
- Лебедев 1994 – *Лебедев Г. С.* Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира? // Старожитності Русі–України. Київ. С. 146–153.
- Лебедев 1999 – *Лебедев Г. С.* Русь Рюрика как объект археологического изучения // Основания регионалистики. СПб. С. 295–305.
- Лебедев 2002 – *Лебедев Г. С.* Петергофский клад начала IX века как источник по ранней истории Руси // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб. С. 21–35.
- Лебедев 2005 – *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.
- Лебедев и др. 1971 – *Лебедев Г. С., Назаренко В. А., Петренко В. П., Кольчатов В. А., Плоткин К. М.* Разведки в Южном Приладожье // АО 1970 г. М. С. 5.
- Лебедев, Седых 1985 – *Лебедев Г. С., Седых В. Н.* Археологическая карта Старой Ладоги и ее ближайших окрестностей // Вестник Ленинградского университета. № 9. История, яз., лит. Вып. 2. С. 15–25.
- Лебедева 2005 – *Лебедева Е. Ю.* Культурные растения Ростиславля: археоботанические материалы из дьяковского городища и древнерусского города // Археология и естественнонаучные методы. М. С. 159–180.
- Лебедева 2008 – *Лебедева Е. Ю.* Результаты археоботанического анализа образцов с городища Отмичи из раскопок 2002 г. // *Исланова И. В.* Городище Отмичи. М. С. 243–244.
- Лебедева 2009 – *Лебедева Е. Ю.* Продолжение археоботанических исследований на Ростиславльском городище дьяковской культуры // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М. Вып. 1.
- Лебон 1906 – *Лебон Г.* Психологические законы эволюции народов / Пер. В. К. Панченко. СПб.
- Лебон 1908 – *Лебон Г.* Психология социализма. СПб.
- Леви-Брюль 2002 – *Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет / Пер. с фр. Е. Кальщикова. СПб.
- Леви-Стросс 2016 – *Леви-Стросс К.* Узнавать других. Антропология и проблемы современности / Пер. с фр. Е. П. Чебучевой. М.
- Левкиевская 2002 – *Левкиевская Е. Е.* Доля // Славянская мифология. М. С. 141–142.
- Ляўко 1993 – *Ляўко В. М.* Багрынава // Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск. С. 69–70.
- Ляўко 2000 – *Ляўко В. М.* Новыя археалагічныя даследаванні Друцка і яго акругі // Друцк старажытны. Мінск. С. 87–113.
- Левко 2004 – *Левко О. Н.* Средневековые территориально-административные центры Северо-Восточной Белоруссии. Минск.
- Левко 2016 – *Левко О. Н.* Культурные трансформации в I тысячелетии н. э. на территории Витебского Подвинья и восточной части Днепро-Двинского междуречья // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. К 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Леонида Давыдовича Поболя. Минск. Кн. 2. С. 271–320.
- Левко 2018 – *Левко О. Н.* Кордон – ключевой объект предгосударственной истории Белорусского Подвинья // Шумілінскі край. Мінск. С. 87–104.
- Левко и др. 2019 – *Левко О. Н., Дернович С. Д., Кенько П. М.* Археологический комплекс Кордон на пути «из варяг в греки»: исследования 2015–2018 гг. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Минск. Кн. 2. С. 319–374.
- Левко, Колосовский 1994 – *Левко О. Н., Колосовский Ю. В.* К вопросу о культурной принадлежности городищ 3-й четверти I тыс. н. э. Оршанского Поднепровья // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Матэрыялы канферэнцыі 22 красавіка 1993 г. Магілёў. С. 133–141.

- Левко, Колосовский 2003 – *Левко О. Н., Колосовский Ю. В.* Раскопки городищ у д. Кисели (Дымокуры) Толочинского района и у д. Черкасово Оршанского района Витебской области // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. Минск. С. 182–208.
- Ляўко, Шадыра 1993 – *Ляўко В. М., Шадыра В. І.* Новы Болецк // Археалогія і нумізматэка Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск. С. 464–465.
- Леонтьев 1996 – *Леонтьев А. Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.
- Леонтьев 2012 – *Леонтьев А. Е.* На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М. С. 162–177.
- Леонтьев 2015 – *Леонтьев А. Е.* Городище Еськи на р. Мологе. Укрепления в пойме // Вопросы истории фортификации. СПб. – М. № 5. С. 114–118.
- Леонтьев 2017 – *Лентьев А. Е.* Городище-торжище Еськи на Верхней Мологе // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой. М. С. 196–200.
- Леонтьев и др. 2020 – *Леонтьев А. Е., Александровский А. Л., Бейлекчи Вал. В., Палатникова Е. В.* Исследования городища Выжегша в 2019 г. // Археология Владимирско-Суздальской земли. М. Вып. 10. С. 42–53.
- Леонтьев, Сапрыкина 2022 – *Леонтьев А. Е., Сапрыкина И. А.* Цветная металлообработка на городище Выжегша // КСИА. Вып. 266. С. 217–236.
- Леонтьев 2000 – *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство / Леонтьев К. Н. Поздняя осень России. М.
- Лесман 1990 – *Лесман Ю. М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М. С. 29–98.
- Лесман 1995 – *Лесман Ю. М.* Древнерусский Тесов // Древности Северо-Западной России. СПб. С. 78–82.
- Лесман 2003 – *Лесман Ю. М.* «Из варяг в греки»: хронологические варианты пути // Староладожский сборник. СПб. Вып. 6. С. 54–72.
- Лесман 2008 – *Лесман Ю. М.* Вырицкий курганный могильник // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 2. Древности Ижорской земли. С. 33–74.
- Львова 1998 – *Львова З. А.* Набор предметов вооружения и снаряжения знатного воина из перещепинского комплекса // АСГЭ. Вып. 33 С. 110–122.
- Литаврин 1956 – *Литаврин Г. Г.* Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. // ВВ. Т. XI. С. 123–134.
- Литаврин 1984 – *Литаврин Г. Г.* Славинии VII–IX вв. Социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М. С. 193–203.
- Литаврин 1989 – *Литаврин Г. Г.* О походе аваров в 602 г. против антов // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М. С. 15–33.
- Литаврин 2001 – *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. СПб.
- Липшиц 1952 – *Липшиц Е. Э.* Из истории славянских общин в Македонии в VI – IX вв. н. э. (Некоторые наблюдения по аграрной истории Византии) // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М. С. 49–54.
- Лопатин 1997 – *Лопатин Н. В.* Днепро-Двинская культура как компонент культуры длинных курганов // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М. Т. 3. С. 166–176.
- Лопатин 2007 – *Лопатин Н. В.* Проблемы изучения керамики Изборска // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: материалы LII заседания, посвященного памяти профессора А. Р. Артемьева. Псков. С. 209–218.
- Лопатин 2017 – *Лопатин Н. В.* Несколько заметок о верхнем слое городища Тушемля // De mare ad mare. Археология и история: Сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск. С. 149–153.
- Лопатин 2017а – *Лопатин Н. В.* О тушемлинской и колочинской культурах // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А. М. Обломского. РСМ 19. М. С. 63–69.
- Лопатин 2018 – *Лопатин Н. В.* О городищах V–VII вв. в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе России // КСИА. Вып. 250. С. 293–306.
- Лопатин, Медведев 2002 – *Лопатин Н. В., Медведев А. М.* Поселение Дедиловичи (Замковая Гора). По материалам раскопок 1962 и 1963 годов // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н. э. М. С. 24–41.
- Лопатин, Фурасьев 1995 – *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* О роли памятников III–V вв. н. э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // ПАВ. Вып. 9. С. 136–142.
- Лопатин 2004 – *Лопатин Н. В.* Керамические стили и культурные группы III – V вв. н. э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб. С. 144–157.
- Лопатин, Фурасьев 2007 – *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. / РСМ. Вып. 8. М.
- Лопатин, Фурасьев 2007а – *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северо-Запад России и Север Белоруссии // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. РСМ. М. Вып. 9. С. 276–300.
- Лопатин, Попов 2016 – *Лопатин Н. В., Попов С. Г.* Могильник Жеребятино // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). РСМ. М. Вып. 17. С. 333–348.

- Лопатина 2017 – *Лопатина О. А.* Текстильные отпечатки на древней керамике: проблемы интерпретации // РА. № 1. С. 168–179.
- Лопатина, Тавлинцева 2017 – *Лопатина О. А., Тавлинцева Е. Ю.* Поздняя профилированная «текстильная» керамика городища Ростиславль // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск. С. 345–361.
- Лоренц 1994 – *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). М.
- Лоренц 2016 – *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. Сборник трудов. Nuköping.
- Лосев 1991 – *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.
- Лотман, Успенский 1977 – *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту. Вып. 414. Труды по русской и славянской филологии. XXVIII. Литературоведение. С. 3–36.
- Лошенко 2011 – *Лошенко М. И.* Городища милоградской культуры на территории Беларуси. Минск.
- Лошенко, Барцева 1995 – *Лошенко М. И., Барцева Т. Б.* К вопросу о бронзолитейном ремесле населения милоградской культуры // ГАЗ. Минск. Вып. 6. С. 78–104.
- Луговцова 2011 – *Луговцова С. Л.* Размышления над книгой: Тымаці Снайдер. Рэканструкцыя нацый: Польшча, Украіна, Літва і Беларусь, 1569–1999 гг. Мінск, 2010. // Российские и славянские исследования: научн. сборник. Минск. Вып. 6. С. 207–212.
- Лухтан, Ушинкас 1988 – *Лухтан А., Ушинкас В.* К проблеме становления Литовской земли в свете археологических данных // Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс. С. 89–104.
- Львова 2009 – *Львова З. А.* Стекланные бусы Любши // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова. М. Т. 1. С. 467–478.
- Любавский 1996 – *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.
- Люттвак 2010 – *Люттвак Э. Н.* Стратегия Византийской империи. М.
- Ляўданскі 1930 – *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе // Працы. Менск. Т. II. С. 93–104.
- Ляўданскі 1930а – *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе // Працы. Менск. Т. II. С. 157–198.
- Ляўданскі 1930б – *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажы, Дняпра, і Касплі ў Смаленскай губэрні // Працы. Менск. Т. II. С. 269–338.
- Ляскоронский 1883 – *Ляскоронский В.* Этнография по Адаму Бременскому. Киев.
- Ляпушкин 1958 – *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое // МИА. № 74. М. – Л.
- Ляпушкин 1968 – *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л.
- Мавродин 1945 – *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л.
- Мавродин 1949 – *Мавродин В. В.* Начало мореходства на Руси. Л.
- Мажитов 1977 – *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII–XIV вв. М.
- Мажитов 1981 – *Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.
- Мазурик 2016 – *Мазурик Ю.* Човен-довбанка з річки Турія на Волині // Археологічні дослідження в Україні 2015. Київ. С. 20–21.
- Мазурик, Хомич 2016 – *Мазурик Ю., Хомич П.* Знахідка човна-довбанки на річці Стір на Волині // Археологічні дослідження в Україні 2015. Київ. С. 22–24.
- Майко, Джанов, Гукин 2019 – *Майко В. В., Джанов А. В., Гукин В. Д.* Некрополь салтово-маяцкого времени на участке куртин X–XI Судакской крепости // История и археология Крыма. Симферополь. Вып. X. С. 249–264.
- Макарий 1860 – *Архимандрит Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М. Ч. 1.
- Макаров 1999 – *Макаров Н. А.* На Бѣлѣозерѣ съдаты Весь (археологический комментарий к летописной записи) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М. С. 232–243.
- Макаров 2012 – *Макаров Н. А.* Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М. – Вологда. С. 449–459.
- МакНилл 2008 – *МакНилл Дж. Р.* О природе и культуре экологической истории // Человек и природа: экологическая история. СПб. С. 23–83.
- Максаковский 1998 – *Максаковский В. П.* Географическая культура. М.
- Максимов, Розанова 1998 – *Максимов А. Д., Розанова Л. С.* Результаты металлографического анализа железных изделий с городища Орлов Городок // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 3. С. 367–374.
- Максимов, Петрашенко 1988 – *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Славянские памятники у с. Монастырѣк на Среднем Днепре. Киев.
- Максимов 2018 – *Максимов С. В.* Очерки о белорусской земле. М.
- Макьявелли 2008 – *Макьявелли Н.* Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма / Пер. с итал. М.
- Малаховский и др. 1993 – *Малаховский Д. Б., Арсланов Х. А., Гей Н. А., Джиноридзе Р. Н., Козырева М. Г.* Новые

- данные по голоценовой истории Ладожского озера // Эволюция природных обстановок и современное состояние геосистемы Ладожского озера. СПб. С. 61–73.
- Малаховский и др 1993а – *Малаховский Д. Б., Арсланов Х. А., Гей Н. А., Джиноридзе Р. Н.* Новые данные по истории возникновения Невы // Эволюция природных обстановок и современное состояние геосистемы Ладожского озера. СПб. С. 74–84.
- Малашев 2000 – *Малашев В. Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону. С. 194–232.
- Мандель 1985 – *Мандель М.* Меч в вооружении эстонских племен до 7 века // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин. С. 78–85.
- Манн 2016 – *Манн М.* Темная сторона демократии: Объяснение этнических чисток. М.
- Манюхин 1996 – *Манюхин И. С.* Позднекаргепопольская культура // Археология Карелии. Петрозаводск. С. 220–238.
- Маркарян 1976 – *Маркарян Э. С.* К пониманию специфики человеческого общества как адаптивной системы // Географические аспекты экологии человека. М.
- Маркарян и др. 1983 – *Маркарян Э. С., Арутюнов С. А., Барсесян И. А., Енгибарян С. Е., Мелконян Э. Л., Мкртумян Ю. И., Сарингулян К. С.* Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван.
- Марков 1910 – *Марков А. К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.
- Марков 1911 – *Марков Р. Л.* Голубец на Красной поляне // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Курск. Вып. 1. Ч. 1. С. 138–157.
- Маршак 2006 – *Маршак Б. И.* Серебро за меха // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб: 2006. С. 72–82.
- Мастыкова 2009 – *Мастыкова А. В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.
- Мастыкова, Плохов 2010 – *Мастыкова А. В., Плохов А. В.* Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб. С. 337–357.
- Матвеева 1997 – *Матвеева Г. И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.
- Материалы 1886 – Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. (1731–1735). СПб.
- Матузова, Назарова 2002 – *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М.
- Мачинский 1981 – *Мачинский Д. А.* «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л. С. 110–171.
- Мачинский 1981а – *Мачинский Д. А.* Миграция славян в I тысячелетии н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М. С. 31–52.
- Мачинский 1982 – *Мачинский Д. А.* О времени и обстоятельствах первого появления славян на северо-западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 7–24.
- Мачинский 1984 – *Мачинский Д. А.* О месте Северной Руси в процессе сложения древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 5–25.
- Мачинский 1989 – *Мачинский Д. А.* Территория «Славянской прародины» в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н. э. – XI в. н. э. (контуры концепции) // Славяне: этногенез и этническая история. Л. С. 120–130.
- Мачинский 1990 – *Мачинский Д. А.* О роли финноязычного населения бассейнов Волхова и Великой в сложении этносоциума «Русь» (VIII–XI вв.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л. С. 110–120.
- Мачинский 1997 – *Мачинский Д. А.* Волховская Русь (VIII–IX вв.) // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб. С. 70–74.
- Мачинский 1997а – *Мачинский Д. А.* Ладога/Aldeigja: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность (VIII–XII вв.) // Ладога и религиозное сознание. СПб. С. 156–167.
- Мачинский 2009 – *Мачинский Д. А.* Второе русское протогосударство со столицей в Невогарде/Рюриковом городке и конструкция русского государства, построенного на двуединстве Киева и Невогарда/Новгорода (870–1054 гг.) // Староладожский сборник. Старая Ладога. Вып. 7. С. 149–176.
- Мачинский, Мачинская 1988 – *Мачинский Д. А., Мачинская А. Д.* Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л. С. 44–58.
- Мачинский, Тиханова 1976 – *Мачинский Д. А., Тиханова М. А.* О местах обитания и направлениях движений славян I–VII вв. н. э. (по письменным и археологическим источникам) // Acta Archaeologica Carpathica. T. XVI. С. 59–94.
- Медведев 1995 – *Медведев А. М.* Раскопки городища в Бельничском районе // Региональная научная конференция «Гістарычныя лёсы Верхняга Падня-проўя» (Частка 1). Магілёў. С. 110–120.
- Медведев 1995а – *Медведев А. М.* Посоховидные булавки // ГАЗ. Мінск. Вып. 7. С. 172–201.

- Медведев 1996 – *Медведев А. М.* Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тыс. до н. э. – V в. н. э.). Минск.
- Мядзведзеў 1999 – *Мядзведзеў А. М.* Да пытаньня аб знікненні культуры штрыхаванай керамікі ў басейне Віліі // ГАЗ. Мінск. Вып. 14. С. 36–47.
- Мядзведзеў 2003 – *Мядзведзеў А. М.* Раскопкі гарадзішча каля в. Краснае // МАБ. Мінск. Вып. 7. С. 32–43.
- Мелетинский 1968 – *Мелетинский Е. М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М.
- Мельникова 1957 – *Мельникова А. С.* Клады монет (зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1952–1954 годы) // КСИИМК. Л. Вып. 67. С. 147–158.
- Мельникова, Никитин, Фомин 1984 – *Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В.* Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. М. С. 26–47.
- Мельникова, Петрухин 1990 – *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Русь и чужд. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и Балтийского региона во второй половине I тыс. н. э. // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-ей балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990 г. М. Ч. I. С. 28–34.
- Мельниковская 1967 – *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.
- Меч и златник 2012 – Меч и златник: к 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М.
- Миеттинен 1997 – *Миеттинен Т.* Изменение картины железного века на северном побережье восточной части Финского залива // Славяне и финно-угры: археология, история, культура. СПб. С. 62–70.
- Микляев 1974 – *Микляев А. М.* О ландшафтной приуроченности некоторых типов археологических памятников на Северо-Западе СССР // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М. Ч. 1. С. 242–247.
- Микляев 1984 – *Микляев А. М.* Археологическая география: предмет, задача, метод // АСГЭ. Вып. 25. С. 127–130.
- Микляев 1984а – *Микляев А. М.* О топо- и гидронимах с элементом -гост/-гощ на Северо-западе СССР (к проблеме восточно-славянского расселения) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 25–46.
- Микляев 1992 – *Микляев А. М.* Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати: Автореф. ... дис. докт. ист. наук. СПб.
- Микляев 1995 – *Микляев А. М.* Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // ПАВ. Вып. 9. С. 7–39.
- Мильчик 2014 – *Мильчик М. И.* Старая Ладога. Очерк градостроительной истории. СПб.
- Милютин 1992 – *Милютин В. Н.* Клад X века из Струни // Полоцкий летописец. Полоцк. № 1. С. 30–32.
- Милютин, Шадыро 1994 – *Милютин В. Н., Шадыро В. И.* Находки монет из поселения Прудники // ГАЗ. Мінск. Вып. 5. С. 255–262.
- Миляев 2015 – *Миляев П. А.* Городище Любша в Нижнем Поволховье (по материалам архивов ИИМК РАН и ИА РАН) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 5. С. 108–124.
- Миляев 2017 – *Миляев П. А.* Изделия североευропейского облика в материальной культуре городища Любша IX – начала X в. // Èlite u ègalitè... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. СПб. С. 225–244.
- Минасян 1978 – *Минасян Р. С.* Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 19. С. 74–85.
- Минасян 1979 – *Минасян Р. С.* Поселение и могильник на берегу оз. Узмень // Труды ГЭ. Т. XX. С. 169–185.
- Минасян 1980 – *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. С. 68–74.
- Миролубов 1972 – *Миролубов М. А.* Пахотные орудия Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 14. С. 118–126.
- Митрофанов 1966 – *Митрофанов А. Г.* Новые данные о памятниках VI–VII вв. Средней и Северной Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск. С. 218–235.
- Митрофанов 1969 – *Митрофанов А. Г.* Селище VI–VII вв. близ дер. Городище // Древности Белоруссии. Минск. С. 240–261.
- Митрофанов 1978 – *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск.
- Мітрафанау, Каробушкіна 1975 – *Мітрафанау А. Г., Каробушкіна Т. М.* Археалагічны помнік расказвае // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск. Вып. 4. С. 38–40.
- Мишин 2002 – *Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.
- Мифы народов мира 2003 – Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2 (К–Я). М.
- Михайлов 1995 – *Михайлов К. А.* Захоронение воина с конями на вершине плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород. Вып. 9. С. 50–54.
- Михайлов 2010 – *Михайлов К. А.* Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археология і давня історія України. Київ. Вып. 1. С. 308–315.

- Михайлова 1993 – *Михайлова Е. Р.* О так называемых погребальных площадках в культуре длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 7. С. 70–78.
- Михайлова 2010 – *Михайлова Е. Р.* Комплекс памятников в урочище Колода близ д. Засобье (Лужский р-н Ленинградской обл.) // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб. С. 81–108.
- Михайлова 2010а – *Михайлова Е. Р.* Полностью исследованный могильник культуры псковских длинных курганов Берёзно I // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб. С. 7–54.
- Михайлова 2010б – *Михайлова Е. Р.* Сопка у деревни Вындин Остров (результаты исследования) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию А.Н. Кирпичникова. СПб. Т. 1. С. 496–504.
- Михайлова 2013 – *Михайлова Е. Р.* Насыпь у деревни Репьи: место среди погребальных памятников Северо-Запада конца I тыс. н. э. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. Вып. 58. С. 335–345.
- Михайлова 2014 – *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: Типология и хронология. Saarbrücken.
- Михайлова 2015 – *Михайлова Е. Р.* Древности Западной Ингрии I тыс. н. э.: новые материалы // Археологические вести. СПб. Вып. 21. С. 176–186.
- Михайлова 2016 – *Михайлова Е. Р.* Древности второй половины I тыс. вокруг Финского залива: к предистории пути из варяг в греки // НИС. 16 (26). Великий Новгород. С. 4–32.
- Михайлова 2018 – *Михайлова Е. Р.* «Балтский след» в культуре псковских длинных курганов? // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. Э. М. Загорюльского, Минск, 6–7 декабря 2018 г. Минск. С. 173–184.
- Михайлова 2019 – *Михайлова Е. Р.* Два локальных типа раннесредневековых украшений, или о значении неброских находок // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 2 (26). Июль–Декабрь. С. 101–108.
- Михайлова 2021 – *Михайлова Е. Р.* Курганные традиции Северо-Запада Русской равнины: к вопросу о развитии и преемственности // Археологические вести. СПб. Вып. 31. С. 196–207.
- Михайлова, Кузьмин 1994 – *Михайлова Е. Р., Кузьмин С. Л.* «Грунтовый» могильник у д. Которск // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб. С. 50–52.
- Михайлова и др. 2015 – *Михайлова Е. Р., Мурзенков Д. Н., Соболев В. Ю., Тарасов И. Г., Федоров И. А., Шмелев К. В.* Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ в 2012–2013 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. № 5. С. 107–122.
- Михайлова, Стасюк, Федоров 2016 – *Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Федоров И. А.* Городище Втырка (Пиллово-2) и древности эпохи викингов на Ижорском плато // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 61 заседания (14–16 апреля 2015 года). Псков. С. 262–275.
- Михеев 1985 – *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Могильников, Конилов 1983 – *Могильников В., А., Конилов Б. А.* Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. № 2. С. 162–182.
- Моисеев 2003 – *Моисеев Н. Н.* Избранные труды. В 2-х томах. Т. 2. Междисциплинарные исследования глобальных проблем. Публицистика и общественные проблемы. М.
- Молер 2017 – *Молер А.* Консервативная революция в Германии 1918–1932 / Пер. с нем. А. В. Васильченко. М.
- Морозов 1996 – *Морозов В. Ю.* Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара. С. 148–164.
- Морозов, Ткачук 2019 – *Морозов И. А., Ткачук Л. А.* «Правила смерти»: концепты «неправильный мертвец» и «неправильное погребение» в инструментарии социальных и политических технологий // ЭО. № 1. С. 11–26.
- Моррис 2017 – *Моррис И.* Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.
- Мугуревич 1965 – *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига.
- Мугуревич 1985 – *Мугуревич Э. С.* Находки железных частей пахотных орудий 10 – 17 вв. в Восточной Прибалтике // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин. С. 86–98.
- Муллонен 2000 – *Муллонен И. И.* Лимноним *Ильмень* в контексте ареальной дистрибуции топонимических основ российского Северо-запада // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург. Вып. 1. С. 56–66.
- Муллонен 2003 – *Муллонен И. И.* Территория расселения и этнонимы вепсов в XIX – XX вв. // Прибалтийско-финские народы России. М. С. 342–348.
- Мурашева 2016 – *Мурашева В. В.* «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл» // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. М. С. 474–511.
- Мурашева, Авдусина 2007 – *Мурашева В. В., Авдусина С. А.* Исследование притеррасного участка пойменной части гнездовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб. С. 8–30.

- Мурашева, Нефедов 2002 – *Мурашева В. В., Нефедов В. С.* Сошники из Гнёздова // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 16. Великий Новгород. С. 187–199.
- Мусин 2002 – *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.
- Мусин 2016 – *Мусин А. Е.* Некоторые мысли, возникающие после прочтения новых книг. Об «очерках начальной руси», составленных Алексеем Петровичем Толочко // Княжа доба: історія і культура. Львів. Вип. 10. С. 242–257.
- Мусин 2016а – *Мусин А. Е.* Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб.
- Мусин 2017 – *Мусин А. Е.* «Столетняя война» российской археологии // *Ex Ungue Leonem*: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб. С. 223–244.
- Мюссе 2001 – *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна. СПб.
- Мязсалу, Тамла 1983 – *Мязсалу А., Тамла Т.* Об оборонительных сооружениях городища Пуртсе // Известия АН ЭССР. Вып. 32: 4. С. 307–310.
- Наволоцкий историко-этнографический музей 1990 – Наволоцкий историко-этнографический музей. Проспект-каталог. Новгород.
- Назаренко 1993 – *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. Тексты, перевод, комментарий. М.
- Назаренко 2001 – *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.
- Назаренко 2012 – *Назаренко А. В.* Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М. – Вологда. С. 12–35.
- Назаренко 1997 – *Назаренко В. А.* Ладожские «большие дома» и приладожские «дома мертвых» (Об одном из возможных решений проблемы) // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб. С. 51–55.
- Назаретян 2012 – *Назаретян А. П.* Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.
- Назарова 1996 – *Назарова Е. Л.* Латгальская дань в системе отношений между Новгородом и Псковом // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г. М. С. 64–66.
- Найдыш 2004 – *Найдыш В. М.* Философия мифологии. XIX – начало XXI в. М.
- Народная демонология Полесья 2012 – Народная демонология Полесья. Т. II. Демонологизация умерших людей / Сост.: Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.
- Наследова 1956 – *Наследова Р. А.* Македонские славяне конца IX – начала X в. по данным Иоанна Камениаты // ВВ. Т. 11. С. 82–97.
- Наумов 2008 – *Наумов В. Д.* География почв. М.
- Нахапетян, Фомин 1994 – *Нахапетян В. Е., Фомин А. В.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1991 год. М. С. 139–208.
- Невская 1993 – *Невская Л. Г.* Балто-славянское причитание: Реконструкция семантической структуры. М.
- Невская 1999 – *Невская Л. Г.* Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий: Семантика звука и речи в традиционной культуре славян. М. С. 123–134.
- Нефёдкин 2003 – *Нефёдкин А. К.* Тактика славян в VI в. (по свидетельствам ранневизантийских авторов) // ВВ. 62(82). С. 79–91.
- Нефёдкин 2017 – *Нефёдкин А. К.* Готы. Первая полная энциклопедия. М.
- Нефёдов 1999 – *Нефёдов В. С.* Коллекции из раскопок В. И. Сизова и М. Ф. Кусцинского на западе Смоленской губернии (Опыт восстановления вещевых комплексов) // Труды ГИМ. Вып. 111. С. 92–110.
- Нефёдов 2000 – *Нефёдов В. С.* О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 191–199.
- Нефёдов 2020 – *Нефёдов В. С.* Древности салтовского круга в смоленских длинных курганах // Хазарский альманах. Т. 17. С. 151–174.
- Нефёдов, Мурашева 2008 – *Нефёдов В. С., Мурашева В. В.* Модель для изготовления поясных бляшек «восточного» облика с городища Рокот в Смоленской области // КСИА. Вып. 222. С. 98–105.
- Нефёдов, Панин 2011 – *Нефёдов В. С., Панин А. В.* Изменения водного режима в верховьях Волги и Западной Двины на протяжении голоцена по археолого-геоморфологическим данным // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 8. Т. I. С. 39–47.
- Нефёдов, Фролов 2014 – *Нефёдов В. С., Фролов А. А.* Рецензия на книгу: *И. И. Еремеев, О. Ф. Дзюба.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки: археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2010 // Историческая география. М. Т. 2. С. 484–502.
- Нидерле 1924 – *Нидерле Л.* Быт и культура древних славян. Прага.
- Нидерле 1956 – *Нидерле Л.* Славянские древности / Пер. с чешск. Т. Ковалевой и М. Хазанова. М.

- Низовцев, Щуркина 1997 – *Низовцев В. А., Щуркина Е. А.* Ландшафтные предпосылки возникновения города Москвы // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М. С. 26–33.
- Никитин 1982 – *Никитин А. Л.* Над квадратом раскопа. М.
- Николаев 1988 – *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М. С. 115–154.
- Николаев 1989 – *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. С. 225.
- Николаев 1990 – *Николаев С. Л.* К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. № 4. С. 54–63.
- Николаев 1994 – *Николаев С. Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. № 3. С. 23–49.
- Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011 – *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ.: Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.
- Носов 1974 – *Носов Е. Н.* Источники по славянской колонизации Новгородской земли // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 6. С. 212–241.
- Носов 1976 – *Носов Е. Н.* Поселение у Волховских порогов // КСИА. Вып. 146. С. 76–81.
- Носов 1976а – *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII–X вв. // ВИД. Л. Т. VIII. С. 95–110.
- Носов 1977 – *Носов Е. Н.* Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Носов 1981 – *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье // СА. Вып. 1. С. 42–56.
- Носов 1982 – *Носов Е. Н.* Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // НИС. Вып. 1 (11). С. 43–78.
- Носов 1985 – *Носов Е. Н.* Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Л. С. 147–155.
- Носов 1988 – *Носов Е. Н.* Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Славяно-русские древности. Л. Вып. 1. С. 21–38.
- Носов 1990 – *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) Городище. Л.
- Носов 1990а – *Носов Е. Н.* Финно-угры и Новгород // Финны в Европе VI–XV века. М. Вып. II. С. 47–57.
- Носов 1991 – *Носов Е. Н.* Археологические памятники верхневья Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н. э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М. С. 5–37.
- Носов 1992 – *Носов Е. Н.* Новгородская земля IX–XI вв. (Историко-археологические очерки): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб.
- Носов 1994 – *Носов Е. Н.* Предисловие к книге В. П. Петренко «Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв.» СПб. С. 3–4.
- Носов 1997 – *Носов Е. Н.* Городище Георгий в Ильменском Поозерье // Древности Поволховья. СПб. С. 205–209.
- Носов 2002 – *Носов Е. Н.* О находке поздне римской фибулы в Ильменском Поозерье // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб. С. 74–76.
- Носов 2012 – *Носов Е. Н.* Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX – X веках: археологическая панорама. М. – Вологда. С. 93–121.
- Носов 2017 – *Носов Е. Н.* Хольмгард – Новгород – Городище (к вопросу о первом названии центра Северной Руси) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 31. С. 116–120.
- Носов, Горюнова, Плохов 2005 – *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб.
- Носов, Ершевский, Плохов 1998 – *Носов Е. Н., Ершевский Б. Д., Плохов А. В.* О работе на поселении Прость в 1997 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 12. С. 25–31.
- Носов, Плохов 1989 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Холопий Городок под Новгородом // КСИА. Вып. 195. С. 34–42.
- Носов, Плохов 1992 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Раскопки на городище Георгий // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 6. С. 16–20.
- Носов, Плохов 1993 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* О работах Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 7. С. 43–44.
- Носов, Плохов 1994 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Исследования на берегах р. Веряжи и на Рюриковом Городище // АО 1993 г. М. С. 29–30.
- Носов, Плохов 1994а – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Археологические исследования в Андреапольском районе Тверской области в 1988 г. // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 1. С. 145–151.
- Носов, Плохов 1997 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Холопий Городок на Волхове // Древности Поволховья. СПб. С. 129–152.
- Носов, Плохов 2002 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Новые исследования в Ильменском Поозерье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. С. 159–180.

- Носов, Плохов 2016 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение и могильник на озере Съезжее // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). Раннеславянский мир. М. Вып. 17. С. 349–394.
- Носов и др. 1994 – *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Дорофеева Т. С., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Новгородская областная экспедиция в 1993 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 8. С. 14–17.
- Носов и др. 2004 – *Носов Е. Н., Еремеев И. И., Дорофеева Т. С., Медведева М. В., Хвоцинская Н. В., Юшкова М. А.* Новые раскопки Рюрикова Городища и Шкуриной Горки // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. С. 18–22.
- Носов, Плохов, Янссон 1996 – *Носов Е. Н., Плохов А. В., Янссон И.* Охранные исследования на Рюриковом Городище // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 10. С. 27–31.
- Носов, Хвоцинская 2004 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Финно-угорские элементы в материальной культуре Рюрикова Городища // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб. С. 125–133.
- Носов, Хвоцинская 2007 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Связи населения Центрального Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб. С. 6–17.
- Носов, Хвоцинская, Медведева 2012 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В.* Новгородская Русь: рождение державы. СПб.
- Носов, Плохов, Хвоцинская 2017 – *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково Городище. Новые этапы исследований. СПб.
- Носов, Хвоцинская 2019 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Рюриково Городище – выдающийся археологический памятник Древней Руси // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб. С. 302–323.
- Носов, Хвоцинская 2019 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Хлебные печи Рюрикова Городища // Записки ИИМК РАН. № 20. С. 121–131.
- Носов, Хвоцинская 2019а – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В.* Княжеский храм Благовещения в свете новых раскопок древнего рва Рюрикова городища // Архитектурная археология. № 1. С. 55–69.
- Нукшинский могильник 1957 – Нукшинский могильник. Рига.
- Нунан, Ковалев 2002 – *Нунан Т. С., Ковалев Р. К.* Клад 873/74 г. из Любыни: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб. С. 152–156.
- Обломский 1991 – *Обломский А. М.* Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. М. – Сумы.
- Обломский 2002 – *Обломский А. М.* Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). М.
- Обломский 2016 – *Обломский А. М.* Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). РСМ. Вып. 17. М. С. 10–113.
- Обсуждение 1998 – Обсуждение доклада В. А. Тишкова «О феномене этничности» // ЭО. № 1. С. 31–49.
- Овсяннико-Куликовский 1922 – *Овсяннико-Куликовский Н. Д.* Психология национальности. Пг.
- Овчинников 2013 – *Овчинников А. В.* Соотношение этноса и археологической культуры в дискурсе национальных историй (советский этап конструирования мифа) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск, Омск. Т. 1. С. 138–141.
- Озерецковский 1812 – *Озерецковский Н. Я.* Путешествие академика Н. Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб.
- Окороков 1994 – *Окороков А. В.* Древнейшие средства передвижения по воде. Калининград.
- Окулич-Казарин 1914 – *Окулич-Казарин Н. Ф.* Материалы для археологической карты Псковской губ. // Труды ПАО. Псков. Вып. 10. С. 131–310.
- Олейников 2001 – *Олейников О. М.* Курган № 4 курганной группы «Струйское» // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Новгород. Вып. 15. С. 258–267.
- Орлов 1941 – *Орлов С. Н.* Могильник в Старой Ладогe // Уч. зап. ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 10. С. 116–138.
- Орлов 1960 – *Орлов С. Н.* О раннеславянском грунтовом могильнике с трупосожжением в Старой Ладогe // СА. Вып. 2. С. 251–253.
- Орлов 1955 – *Орлов С. Н.* Сопки волховского типа около Старой Ладоги // СА. Вып. XXII. С. 190–211.
- Орлов 1956 – *Орлов С. Н.* К вопросу о древнем пашенном земледелии Старой Ладоги // КСИИМК. Вып. 65. С. 142–144.
- Орлов 1956а – *Орлов С. Н.* Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладогe // КСИИМК. Вып. 65. С. 94–98.
- Орлов 1958 – *Орлов С. Н.* Новые сведения о сопках волховского типа в районе Старой Ладоги // СА. № 1. С. 236–239.
- Орлов 1962 – *Орлов С. Н.* Городище эпохи раннего железа в низовьях реки Ловати // КСИИМК. Вып. 87. С. 42–45.
- Орлов 1968 – *Орлов С. Н.* Археологические исследования в низовьях реки Мсты // СА. № 3. С. 160–171.

- Орлов 1974 – Орлов С. Н. Городец Александра Невского на Шелони // Культура средневековой Руси. Л. С. 46–50.
- Орлов 1984 – Орлов С. Н. Памятники раннего железного века на территории Новгородской области // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 70–84.
- Орлов, Аксенов 1961 – Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // НИС. Новгород. Вып. 10. С. 161–168.
- Отчет 1895 – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1893 год. СПб.
- Отчет 1912 – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1908 г. СПб.
- Отчеты 1913 – Отчеты Императорской археологической комиссии. 1909–1910 гг. СПб.
- Павлова 1998 – Павлова В. В. Крест из склада Св. Синода в коллекции Национального музея истории Украины (г. Киев) // Церковная археология. СПб. Вып. 4. С. 226–229.
- Павлова 2021 – Павлова М. С. Курганный могильник на р. Ладожка в Старой Ладоге (заметки на полях книги В. А. Лапшина) // Записки ИИМК РАН. № 25. С. 215–223.
- Падин 1985 – Падин В. А. «Большой курган» старого Трубчевска // СА. № 2. С. 252–256.
- Палеогеографическая основа 1994 – Палеогеографическая основа современных ландшафтов: Результаты российско-польских исследований. М.
- Паллас 1809 – Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Часть первая. СПб.
- Памятники истории 1999 – Памятники истории и культуры Новгородской области. Каталог. Ч. 2 (памятники археологии). Великий Новгород.
- Панченко 1903 – Панченко Б. А. Памятник славян в Вифинии VII века // Известия Русского археологического института в Константинополе. София. Вып. 8 (1–2).
- Панченко 2008 – Панченко А. А. «Заложные родители»: Смерть, коллективная память и сакральное пространство // Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции. М. С. 232–259.
- Панченко 2013 – Панченко А. А. Мертвецы: «добрые», «злые» и непонятно какие // Отечественные записки. № 5 (56). С. 135–143.
- Паранин 1990 – Паранин В. И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск.
- Патрушев 2016 – Патрушев В. С. Археологические памятники с «текстильной керамикой»: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. № 3 (17). С. 194–224.
- Пахомов 1926 – Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана. Баку. Вып. 1.
- Пахомов 1938 – Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку. Вып. II.
- Пахомов 1949 – Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку. Вып. IV.
- Пахомов 1949а – Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку. Вып. V.
- Пашуто 2011 – Пашуто В. Т. Русь, Прибалтика, папство. М.
- Пекарська, Павлова 2004 – Пекарська Л. В., Павлова В. В. Процесійний хрест із Київського дитинця // Археологія. № 4. С. 94–100.
- Перетц 1894 – Перетц В. Н. Деревня Будогоща и ее предания (этнографический очерк): [Чит. в заседании Отд. этнографии Имп. Рус. геогр. о-ва 20 окт. 1893 г.]. СПб.
- Першиц 1986 – Першиц А. И. Вождество // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М. С. 34–36.
- Перхавко 1979 – Перхавко В. Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА. № 4. С. 40–55.
- Перхавко 2012 – Перхавко В. Б. Средневековое русское купечество. М.
- Пескова 2002 – Пескова А. А. Энкалпионы Старой Ладogi // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб. С. 30–37.
- Пескова, Строкова 2012 – Пескова А. А., Строкова Л. В. Христианские древности Византии в «Сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. СПб. – Киев.
- Петерсен 2005 – Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб.
- Петрашенко 1985 – Петрашенко В. А. Городище Монастырек VIII–X вв. в свете новых исследований // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (история и археология). Киев. С. 71–84.
- Петрашенко 1994 – Петрашенко В. А. До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян // Старожитності Русі-України. Київ. С. 181–187.
- Петренко 1977 – Петренко В. П. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладogi // КСИА. Вып. 150. С. 55–62.
- Петренко 1984 – Петренко В. П. Финно-угорские элементы в культуре раннесредневековой Ладogi // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л. С. 83–90.
- Петренко 1994 – Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб.
- Петренко 1991 – Петренко В. П. Званская сопка // КСИА. Вып. 205. С. 83–92.

- Петренко, Вирсе 1993 – *Петренко В. П., Вирсе И. А.* Исследование могильников Гробиняс Приедиенс в Западной Латвии // КСИА. Вып. 208. С. 95–103.
- Петренко, Шитова 1985 – *Петренко В. П., Шитова Т. Б.* Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Л. С. 181–191.
- Петров 1993 – *Петров Н. И.* О судьбах традиции сооружения сопки в Северо-Западной Руси: археологическая конкретика и культурные реалии // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 7. С. 78–91.
- Петров 1997 – *Петров Н. И.* Новые сведения об археологических памятниках Северного Поволжья (к археологической карте окрестностей Старой Ладоги) // Древности Поволжья. СПб. С. 58–62.
- Петров 1999 – *Петров Н. И.* Могилы превысокие: языческие курганы племенной аристократии Северо-Западной Руси VIII–XI вв. Vidarpest. Электронная публикация.
- Петров 2017 – *Петров Н. И.* Словенин «Русской правды» и словене «Повести временных лет» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 1(21). Январь–июль. С. 39–51.
- Петров, Фурасьев 1995 – *Петров Н. И., Фурасьев А. Г.* Городища культуры псковских длинных курганов и балтийско-волжский путь // Древности Северо-Западной России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. СПб. С. 47–51.
- Петрова и др. 2000 – *Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // НИС. № 8 (18). С. 95–157.
- Петрова, Анкудинов, Попов 2005 – *Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А.* О датировке подосновы плана осады Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. № 10 (20). С. 313–321.
- Петрухин 1975 – *Петрухин В. Я.* Ритуальные сосуды из курганов Гнёздова и Чернигова / Вестник МГУ. Вып. 2.
- Петрухин 1993 – *Петрухин В. Я.* К дискуссии о начале славянской этнической истории // Славяноведение. Вып. 2. С. 3–6.
- Петрухин 1995 – *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск.
- Петрухин 1996 – *Петрухин В. Я.* «Дунайская прародина» и расселение славян // Концепт движения в языке и культуре. М. С. 371–383.
- Петрухин 1998 – *Петрухин В. Я.* Большие курганы Руси и Северной Европы // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
- Петрухин 2000 – *Петрухин В. Я.* Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М. Т. 1.
- Петрухин, Раевский 2004 – *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.
- Пилявский 1959 – *Пилявский В. И.* Новгородские военные поселения (Историко-архитектурный очерк) // Новгородский исторический сборник. Новгород. Вып. 9. С. 119–154.
- Пименов 1965 – *Пименов В. В.* Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М. – Л.
- Пинкер 2021 – *Пинкер С.* Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше / Пер. с англ. Г. Бородиной и С. Кузнецовой. М.
- Письменные памятники 2003 – Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб.
- Плавинский 2010 – *Плавинский Н. А.* К вопросу о культуре псковских длинных курганов в Браславском поозерье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Тула. Ч. 1. С. 239–255.
- Плавинский 2010а – *Плавинский М. А.* Да рэканструкцыі сістэмы рассялення старажынарускага часу ў Браслаўскім паазер’і // Віцебскія старажытнасці. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску. Віцебск, 22–23 кастрычніка 2009. Мінск. С. 22–33.
- Плавинский 2013 – *Плавинский В. А.* Ланцетовидные наконечники стрел с территории Беларуси // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 58-го заседания (17–19 апреля 2012 г.) М. С. 399–410.
- Плавинский 2017 – *Плавинский М. А.* Курганны могильнік Пагошча ў кантэксце сінхронных старажытнасцяў Браслаўскага Паазер’я. Мінск.
- Плавинский, Шадыра 2011 – *Плавинский М. А., Шадыра В. I.* Лицейная формачка для скроневых колцаў з селішча Пруднікі (папярэдняе паведамленне) // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. VII. С. 179–187.
- Плавинский, Сцяпанова 2019 – *Плавинский М. А., Сцяпанова М. I.* Комплекс археалагічных помнікаў Кастыкі ў вярхоўях Віліі. Мінск.
- Платонова 1991 – *Платонова Н. И.* Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. С. 68–88.
- Платонова 2021 – *Платонова Н. И.* «Предсочные» погребальные традиции в Верхнем Полужье (по материалам Передольского археологического комплекса) // Записки ИИМК РАН. № 25. С. 194–214.
- Платонова и др. 2020 – *Платонова Н. И., Левковская Г. М., Брицкий Д. А., Карцева Л. А., Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Миляев П. А., Збукова Д. В.* Старая Ладога, СЭМ-исследования растительных остатков из палеопочв, разделенных отложениями Ладожской транс-

- грессии. Новые материалы и старые проблемы // Археологические вести. СПб. Вып. 30. С. 163–185.
- Плетерский 2015 – *Плетерский А.* Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях // *Stratum plus*. 2015. № 5. С. 227–248.
- Плетнев 1903 – *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь.
- Плетнева 1989 – *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.
- Плоткин 1974 – *Плоткин К. М.* К вопросу о хронологии городища Камно Псковской области // *КСИА*. Вып. 139. С. 13–16.
- Плоткин 1980 – *Плоткин К. М.* Псков и его округа во второй половине I тысячелетия н. э. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Л.
- Плохов 1987 – *Плохов А. В.* Поселение эпохи раннего металла на Рюриковом Городище под Новгородом // *История и археология Новгородской земли (тезисы научно-практической конференции)*. Новгород. С. 8–10.
- Плохов 1992 – *Плохов А. В.* Лепная керамика Центрального Приильменья и славянское расселение (к постановке проблемы) // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Новгород. С. 119–124.
- Плохов 1997 – *Плохов А. В.* К проблеме появления славян в Приильменьи // *Ладога и религиозное сознание*. СПб. С. 105–107.
- Плохов 2002 – *Плохов А. В.* Керамика «Ладожского типа» в Скандинавии // *У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник*. Любытино. Вып. 1. С. 144–159.
- Плохов 2008 – *Плохов А. В.* Древности VIII в. у истока Волхова // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 2. Вып. 3. С. 155–165.
- Плохов 2009 – *Плохов А. В.* Лепная керамика из раскопок в Великом Новгороде // *Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева*. М. С. 417–431.
- Плохов, Торопов 2013 – *Плохов А. В., Торопов С. Е.* Городок на Шелони – «забытый» памятник эпохи раннего средневековья // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Великий Новгород. Вып. 27. С. 251–277.
- Поболь 1971 – *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск.
- Поболь 1983 – *Поболь Л. Д.* Археологические памятники Белоруссии: Железный век. Минск.
- Поболь, Ильютик 2002 – *Поболь Л. Д., Ильютик А. В.* Поселение Абидня. Постройки 1, 2, 4, 5 // *Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н. э.* М. С. 54–74.
- Поветкин 2002 – *Поветкин В. И.* Старое и новое в музыкальной археологии Северо-Запада России // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Великий Новгород. Вып. 16. С. 69–77.
- Подгурский 2004 – *Подгурский П. Н.* Раскопки городища Новое Село в 2003 г. // *ГАЗ*. Минск. Вып. 19. С. 283–284.
- Подгурский 2005 – *Подгурский П. Н.* Результаты археологических работ в Витебском Подвинье // *ГАЗ*. Минск. Вып. 20. С. 229.
- Подгурский 2007 – *Подгурский П. Н.* Раскопки городища Старое Село // *Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья*. Витебск. С. 239–241.
- Подгурский 2007а – *Подгурский П. Н.* Исследование городища Новое Село. Раскоп VI // *ГАЗ*. Минск. Вып. 23. С. 206–207.
- Подгурский 2016 – *Подгурский П. Н.* Археологические исследования в Новом Селе (предварительные результаты) // *Славяне на территории Беларуси в догосударственный период*. Минск. Кн. 2. С. 263–270.
- Подобедов 1909 – *Подобедов В. А.* Бронницкий могильник (Сообщение члена общества В. А. Подобедова общему собранию 3 мая 1909 г.) // *Сборник Новгородского общества любителей древностей*. Новгород. Вып. 2. С. 28–30.
- Покровский 1895 – *Покровский Ф. В.* Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии // *Труды Девятого археологического съезда в Вильне*. 1893. М. Т. I. С. 166–220.
- Покровский 1897 – *Покровский Ф. В.* К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы // *Труды Девятого археологического съезда в Вильне*. 1893. М. Т. II. С. 138–196.
- Полубояринова 1991 – *Полубояринова М. Д.* Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.
- Полянский 1908 – *Полянский М. И.* Новгородская памятка для туристов. Новгород.
- Попов 1995 – *Попов С. Г.* Городища Восточного Причудья // *Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК)*. СПб. С. 89–94.
- Попов 2010 – *Попов С. Г.* Некоторые проблемы ранней хронологии культуры длинных курганов на Северо-Западе России // *Диалог культур и народов средневековой Европы*. СПб. С. 365–378.
- Попов 2015 – *Попов С. Г.* Погребально-поселенческие комплексы культуры длинных курганов к востоку от Чудского озера // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. СПб. Вып. 5. С. 135–147.
- Попов, Зайцева 1994 – *Попов С. Г., Зайцева Г. И.* Ранние этапы заселения Новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа // *Новые источники по археологии Северо-Запада*. СПб. С. 164–183.
- Попович 1985 – *Попович М. В.* Мироззрение древних славян. Киев.

- Поршнев 1969 – *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории // *Философские проблемы исторической науки*. М. С. 80–112.
- Поршнев 1979 – *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М.
- Потебня 1914 – *Потебня А. А. I.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. II. О связи некоторых представлений в языке. III. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. IV. О доле и сродных с нею существах. Харьков.
- Потин 1967 – *Потин В. М.* Топография находок западно-европейских монет X–XIII вв. на территории СССР // *Труды ГЭ*. Л. Т. IX. С. 106–184.
- Потин 1970 – *Потин В. М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным // *Исторические связи Скандинавии и России в IX–XX вв.* Л. С. 64–80.
- Поулик 1985 – *Поулик Й.* Вклад чехословацкой археологии в изучение истории Великой Моравии // *Великая Моравия: Ее историческое и культурное значение*. М. С. 28–49.
- Правдивец, Расолько 2014 – *Правдивец В. В., Расолько И. Д.* Особенности белорусской подляской идентичности // *Вестник РУДН, серия Социология*. № 1. С. 138–148.
- Правдин 1925 – *Правдин И. Ф.* Рыболовство в Северо-Западной области СССР. Научно-популярный очерк. Л.
- Прасолов 1925 – *Прасолов Л. И.* Почвы заливных лугов по берегам р. Волхова и оз. Ильменя // *Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна*. Л. Вып. IV.
- Прасолов 1927 – *Прасолов Л. И.* Почвы пойм в районе р. Волхова и оз. Ильменя // *Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна*. Л. Вып. XVI.
- Пресняков 1993 – *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.
- Приложение 2009 – Приложение: Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова. СПб.
- Приходнюк 1988 – *Приходнюк О. М.* Общественно-хозяйственная структура славянских поселений (по материалам пеньковской культуры) // *Труды V международного конгресса археологов-славистов*. Киев. Т. 4. С. 189–194.
- Приходнюк 1996 – *Приходнюк О. М.* Версия Нестора о расселении славян из Подунавья (опыт хронологической стратификации и исторической интерпретации) // *Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии*. Киев. С. 64–79.
- Приходнюк 1998 – *Приходнюк О. М.* Пеньковская культура. Воронеж.
- Приходнюк 2005 – *Приходнюк О. М.* Пастирське городище. Київ.
- Пронин 1990 – *Пронин Г. Н.* Еще раз о сопках // *Раннеславянский мир. Материалы и исследования*. М. С. 158–171.
- Пропп 2001 – *Пропп В. Я.* Мужской дом в русской сказке // *Пропп В. Я.* Сказка. Эпос. Песня. М. С. 33–64.
- Протокол 1886 – Протокол общего собрания 16 марта 1884 года // *Записки Императорского Русского археологического общества*. Т. 1. Новая серия. СПб. С. XXXVI–XL.
- Прохоров 2010 – *Прохоров Г. М.* «Некогда не народ, а ныне народ Божий...» Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб.
- Психология толп 1998 – *Г. Лебон.* Психология толп. *Г. Тард.* Мнение и толпа // *Психология толп*. М.
- Путешествие 1786 – Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предпринятое в 1787 году. СПб.
- Путь из варяг в греки 1996 – «Путь из варяг в греки и из грек в...»: Каталог выставки ГИМ. М.
- Пушкина 1993 – *Пушкина Т. А.* Изделия косторезного ремесла из Гнёздова // *Средневековые древности Восточной Европы / Труды ГИМ*. Вып. 82. М. С. 57–68.
- Пушкина 2018 – *Пушкина Т. А.* Ножи редкой формы из Гнёздова // «Нескончаемое лето». Сборник статей в честь Е. А. Рыбиной. СПб. С. 189–192.
- Пушкина, Мурашёва, Ениосова 2012 – *Пушкина Т. А., Мурашёва В. В., Ениосова Н. В.* Гнёздовский археологический комплекс // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*. М. С. 243–273.
- Равдоникас 1924 – *Равдоникас В. И.* Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин.
- Равдоникас 1945 – *Равдоникас В. И.* Старая Ладога // *КСИИМК*. Вып. 11. С. 30–41.
- Равдоникас 1950 – *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Часть II // *СА*. Вып. XII. С. 7–40.
- Радиньш 1987 – *Радиньш А. А.* Новые данные о курганном обряде на территории латгалов в первой половине II тысячелетия н. э. (по материалам Резекненского р-на) // *КСИА*. Вып. 190. С. 80–83.
- Радиньш 2001 – *Радиньш А.* Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков // *Archaeologia Lituana*. Vilnius. Vol. 2. P. 65–118.
- Радиньш 2010 – *Радиньш А.* Даугавский путь и Даугмале // *Диалог культур и народов средневековой Европы*. СПб. С. 280–294.
- Радичевич 2015 – *Радичевич Д.* К изучению раннеславянских памятников Сербского Подунавья (вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности) // *Stratum plus*. № 5. С. 285–308.
- Радищев 1938 – *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений. Т. I. М. – Л.

- Радкау 2014 – *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.
- Развитие...1975 – Развитие и преобразование географической среды. По материалам Новгородской области. Л. Вып. 1.
- Развитие...1975а – Развитие и преобразование географической среды. По материалам Новгородской области. Л. Вып. 2.
- Раннефеодальные государства 1985 – Раннефеодальные государства на Балканах VII – XII вв. М.
- Раткош 1985 – *Раткош П.* Великая Моравия – территория и общество // Великая Моравия: ее историческое и культурное значение. М. С. 81–95.
- Ревуненкова, Решетов 2003 – *Ревуненкова Е. В., Решетов А. М.* Сергей Михайлович Широкогоров // ЭО. № 3. С. 100–119.
- Репников 1904 – *Репников Н. И.* Поездка Н. И. Репникова в Старую Ладугу // ЗОРСА. СПб. Т. 5. Вып. 2. С. 57–60.
- Рерих 1899 – *Рерих Н. К.* Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца // ЗРАО. СПб. Т. XI. Вып. 1–2.
- Розанова и др. 2008 – *Розанова Л. С., Терехова Н. Н., Рябинин Е. А., Щеглова О. А.* Металлографическое исследование железных изделий Любшанского городища // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. С. 13–48.
- Розенфельдт 1982 – *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.
- Розенфельдт 1974 – *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М. С. 90–197.
- Романов 1966 – *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. М. – Л.
- Романов 2003 – *Романов Г. А.* Кресты в крестных ходах Древней Руси // Ставрографический сборник. М. Кн. 2. Крест в православии. С. 67–86.
- Романцев 1911 – *Романцев И. С.* О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород.
- Ронин 1982 – *Ронин В. К.* Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого (союз и вассалитет) // Советское славяноведение. М. Вып. 6.
- Ронин 1985 – *Ронин В. К.* Славянская политика Людовика Благочестивого: 814–829 гг. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-восточной Европы. М.
- Ронин 1986 – *Ронин В. К.* Славяне в латинской литературе VII – начале IX века // Советское славяноведение. М. Вып. 3.
- Русанова 1961 – *Русанова И. П.* Разведка по реке Уж // КСИА. Вып. 86. С. 70–72.
- Русанова 1966 – *Русанова И. П.* Курганы полян X–XII вв. // Археология СССР. САИ. Вып. EI-24. М.
- Русанова 1970 – *Русанова И. П.* Раскопки курганов на Волыни // АО 1969 г. М. С. 278–279.
- Русанова 1973 – *Русанова И. П.* Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом / САИ. Вып. EI-25. М.
- Русанова 1976 – *Русанова И. П.* Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М.
- Русланова 2018 – *Русланова Р. Р.* Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа.
- Русская философия смерти 2014 – Русская философия смерти. Антология. М. – СПб.
- Рыбаков 1951 – *Рыбаков Б. А.* Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. М. Т. I. С. 315–369.
- Рыбаков 1987 – *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М.
- Рыбаков 2008 – *Рыбаков В. В.* Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М.
- Рыбаков 2012 – *Рыбаков В. В.* Предисловие к кн. Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М.
- Рыбаков 2000 – *Рыбаков С. Е.* О методологии исследования этнических феноменов // ЭО. № 5. С. 3–17.
- Рыбаков 2001 – *Рыбаков С. Е.* Судьбы теории этноса. Памяти Ю. В. Бромлея // ЭО. № 1. С. 3–22.
- Рыбаков 2001а – *Рыбаков С. Е.* Нация и национализм. М.
- Рыбаков 2003 – *Рыбаков С. Е.* Этничность и этнос // ЭО. № 3. С. 3–24.
- Рыбаков 2012 – *Рыбаков С. Е.* К вопросу об этническом феномене // Мониторинг общественного мнения. № 2 (108). Март–апрель. С. 147–156.
- Рыков 1917 – *Рыков П.* Древности Летгаллии. Вып. I. Археологические раскопки в Режицком и Люцинском уездах Витебской губернии. Режица.
- Рябинин 1982 – *Рябинин Е. А.* Бусы Старой Ладogi (по материалам 1973–75 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 165–173.
- Рябинин 1985 – *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладoge (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования. Л. С. 27–75.
- Рябинин 1987 – *Рябинин Е. А.* Об исследовании средневековых могильников води в Ленинградской области // Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин. № 36/4. С. 408–411.
- Рябинин 1990 – *Рябинин Е. А.* Водь // Финны в Европе VI–XV века. М. Вып. II. С. 15–31.
- Рябинин 1990а – *Рябинин Е. А.* Ижора // Финны в Европе VI–XV века. М. Вып. II. С. 31–41.
- Рябинин 1990б – *Рябинин Е. А.* Славяно-финно-угорские контакты на севере Восточной Европы в эпоху средневековья // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-ей балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990 г. М. Ч. I. С. 44–51.

- Рябинин 1991 – *Рябинин Е. А.* Характер межэтнических контактов на севере Руси (современное состояние проблемы) // КСИА. Вып. 205. С. 3–11.
- Рябинин 1992 – *Рябинин Е. А.* Водь // Природа. Вып. 3. С. 78–86.
- Рябинин 1992а – *Рябинин Е. А.* Ижора // Природа. Вып. 9. С. 82–89.
- Рябинин 1994 – *Рябинин Е. А.* К проблеме этногенеза воды // Проблемы истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб. С. 23–29.
- Рябинин 1994а – *Рябинин Е. А.* У истоков ремесленного производства в Ладогe // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб. С. 5–59.
- Рябинин 1995 – *Рябинин Е. А.* Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладоги (материалы новых исследований) // Древности Северо-Западной России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. СПб. С. 51–56.
- Рябинин 1997 – *Рябинин Е. А.* Курганы с трупосожжениями водской земли // Славяне и финно-угры: археология, история, культура. СПб. С. 139–145.
- Рябинин 1997а – *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб.
- Рябинин 2001 – *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг. СПб.
- Рябинин 2002 – *Рябинин Е. А.* Раскопки Любшанского городища в Нижнем Поволховье (предварительные результаты археологических исследований) // Культура, образование, история Ленинградской области. Научно-практическая конференция. Тезисы докладов. СПб. С. 53–57.
- Рябинин 2003 – *Рябинин Е. А.* У истоков Северной Руси. СПб.
- Рябинин, Дубашинский 2002 – *Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.* Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. С. 196–203.
- Рябцева 2010 – *Рябцева С. С.* О «гроздевидных» украшениях // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. СПб. С. 273–285.
- Рябцевич 1965 – *Рябцевич В. Н.* Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. С. 121–160.
- Рябцевич 1974 – *Рябцевич В. Н.* Козьянковский клад // АО 1973 г. М. С. 380.
- Рябцевич 1993 – *Рябцевич В. Н.* Козьянковский клад (предварительные итоги исследования) // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Мінск. Ч. 1. С. 34–35.
- Рябцевич 1998 – *Рябцевич В. Н.* Дирхамы арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). Минск. С. 66–84.
- Рябцевич 2000 – *Рябцевич В. Н.* Денежные депозиты Полоцкой земли конца X–начала XI в. // ГАЗ. Минск. № 15. С. 66–72.
- Рабцэвіч 1993 – *Рабцэвіч В. Н.* Парэцкі манетна-рэчавы скарб // Археалогія і нумызматыка Беларусі: Энцыклапедыя. Мінск. С. 485–486.
- Рабцэвіч, Плавінскі, Іоў 2011 – *Рабцэвіч В. Н., Плавінскі М. А., Іоў А. В.* Брылёўскі скарб. Мінск.
- Рябчук и др. 2015 – *Рябчук Д. В., Григорьев А. Г., Жамойда В. А., Спиридонов М. А., Котилайнен А., Виртасало Й., Морос М., Сивков В. В., Дорохова Е. В.* Новые данные о формировании реки Нева по результатам седиментологических исследований в восточной части Финского залива // Региональная геология и металлогения. № 61. С. 6–20.
- Савельев 1847 – *Савельев П. С.* Мухаммеданская нумизматика в приложении к русской истории. СПб.
- Савинов 1984 – *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.
- Савчук 1985 – *Савчук Г. Э.* Некоторые итоги и перспективы изучения Великой Моравии // Великая Моравия: Ее историческое и культурное значение. М. С. 6–28.
- Сакса 1992 – *Сакса А. И.* Город Корела – центр Приладожской Карелии (по археологическим данным) // Славяне и финно-угры: Археология, история, культура. СПб. С. 179–185.
- Сакса 2006 – *Сакса А. И.* Карельский перешеек: формирование природного и историко-географического ландшафта // Археология, этнография и антропология Евразии. 2 (26). 2006. С. 35–44.
- Сакса 2006а – *Сакса А. И.* Хозяйство и ремесло населения Карельской земли в средние века // РА. № 3. С. 63–74.
- Сакса 2008 – *Сакса А. И.* Древняя Карелия и Ижорская земля // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 2. Древности Ижорской земли. С. 128–146.
- Сакса 2010 – *Сакса А. И.* Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.
- Сакса 2015 – *Сакса А. И.* Могильник Лапинлахти и проблема происхождения «корель» русских летописей // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 5. С. 227–244.
- Салларес 1995 – *Салларес Р.* Экология древнего мира: проблемы и подходы // ВДИ. № 4. С. 80–102.

- Салмин 2011 – *Салмин С. А.* Огнестрельное оружие из Петровских раскопов 1980–2009 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 28–34.
- Самойлович 2006 – *Самойлович Н. Г.* Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М. С. 371–386.
- Санкина 2000 – *Санкина С. Л.* Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб.
- Санкина 2009 – *Санкина С. Л.* Происхождение антропологических особенностей населения Новгородской земли (X–XIII вв.) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (39). С. 152–157.
- Санкина 2017 – *Санкина С. Л.* О западнославянской версии происхождения словен новгородских, скандинавской проблеме и древнеевропейском субстрате (данные антропологии) // *Ex Ungue Leonem*: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб. С. 256–274.
- Сапелко и др. 2018 – *Сапелко Т. В., Терехов А. В., Амантов А. В.* Ладожская трансгрессия: реконструкция финальной стадии и последующего спада в северной части озера // Региональная геология и металлогения. № 75/2018. С. 23–34.
- Сапелко и др. 2019 – *Сапелко Т. В., Гусенцова Т. М., Кулькова М. А., Лудикова А. В., Денисенков В. П., Корнеева Н. Ю.* Ладожская трансгрессия и ландшафты второй половины голоцена в Южном Приладожье (по данным изучения археологического памятника Подолье-1) // Известия РАН. Серия Географическая. № 5. 78–95.
- Сапунов 1893 – *Сапунов В. П.* Река Западная Двина. Витебск.
- Свердлов 1999 – *Свердлов М. Б.* О названии новгородского Славенского конца // НИС. СПб. № 7 (17). С. 15–17.
- Свердлов 1993 – *Свердлов М. Б.* К изучению моравских исторических произведений в составе «Повести временных лет» // Феодалная Россия: новые исследования. СПб. С. 17–25.
- Свердлов 2003 – *Свердлов М. Б.* Ладога IX–XII вв. в общерусском контексте // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб. С. 173–187.
- Свердлов 2009 – *Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб.
- Седакова 2004 – *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.
- Седакова 1990 – *Седакова О. А.* Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М. С. 54–63.
- Седин 2011 – *Седин А. А.* Эпоха великого переселения народов и банцеровские древности Лепельщины // IV Лепельскія чытанні. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі 17–18 верасня 2010 г. Мінск. С. 3–7.
- Седин 2012 – *Седин А. А.* Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня из городища Никодимово. Могилев.
- Седов 1953 – *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. Вып. 50. С. 92–103.
- Седов 1954 – *Седов В. В.* Новые данные о языческом святилище Перуна // КСИИМК. Вып. 53. С. 105–108.
- Седов 1956 – *Седов В. В.* Поселение XII – начала XV вв. в Перыни // КСИИМК. Вып. 62. С. 108–117.
- Седов 1960 – *Седов В. В.* Кривичи // Советская археология. № 1. С. 47–62.
- Седов 1962 – *Седов В. В.* Языческие святилища Смоленских кривичей // КСИА. Вып. 87. С. 57–64.
- Седов 1970 – *Седов В. В.* Новгородские сопки / Археология СССР. САИ. Вып. Е1–8. М.
- Седов 1982 – *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. Т. 14. М.
- Седов 1987 – *Седов В. В.* Селы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М. С. 365–370.
- Седов 1987а – *Седов В. В.* Литовские племена // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М. С. 381–397.
- Седов 1990 – *Седов В. В.* Погребальный обряд славян в начале средневековья // Исследования в области балто-славянской культуры: Погребальный обряд. М. С. 170–182.
- Седов 1995 – *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М.
- Седов 1999 – *Седов В. В.* Древнерусская народность. М.
- Седов 2000 – *Седов В. В.* Трансформация погребального обряда восточных славян под воздействием христианства // Славянский мир между Римом и Константинополем: Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. М. С. 116–118.
- Седов 2001 – *Седов В. В.* Предыстория белорусов // КСИА. Вып. 211. С. 44–50.
- Седов 2002 – *Седов В. В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М.
- Седов 2003 – *Седов В. В.* Этногенез ранних славян // Вестник РАН. Т. 73. № 7. С. 594–605.
- Седов 2005 – *Седов В. В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. М.
- Седов 2007 – *Седов В. В.* Изборск в раннем средневековье. М.
- Седов 1993 – *Седов П. В.* Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. СПб. – Новгород. 4 (14). С. 116–127.
- Седова 1981 – *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X – XV вв.). М.
- Седых 1997 – *Седых В. Н.* Большие курганы Древней Руси / ГАЗ. Вып. 11. Минск.
- Седых, Френкель 2021 – *Седых В. Н., Френкель В. В.* О цветном металле Тимерёвского поселения (по результа-

- там раскопок 1970-1980-х гг.) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии. СПб. С. 112–132.
- Селищев 1951 – *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 1. Введение. Фонетика. М.
- Семенов 1995 – *Семенов А. И.* Забытый динар 121 г. х. (738/39 гг. н. э.) из Староладожской крепости в свете новых нумизматических находок // Древности Северо-Западной России. СПб. С. 57–59.
- Семенов 1994 – *Семенов Ю. И.* Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // Война и мир в ранней истории человечества. М. Т. 2.
- Сементовский 1867 – *Сементовский А. М.* Памятники старины Витебской губернии. СПб.
- Сементовский 1890 – *Сементовский А. М.* Белорусские древности. СПб.
- Семянчук 1997 – *Семянчук Г.* Гарадзішча «Замкавая Гара» ў Браславе // Гісторыя Беларусі: жалезны век і сярэнявечча. Мінск. С. 61–65.
- Сениченкова 2010 – *Сениченкова Т. Б.* Керамика Любшанского городища // Acta Archaeologica Albaruthenica. Минск. Vol. VI. С. 68–94.
- Сениченкова 2011 – *Сениченкова Т. Б.* Несколько замечаний о формировании ладожского керамического комплекса (середина VIII – начало X в.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. М. – Псков. Вып. 56. С. 211–228.
- Сениченкова 2013 – *Сениченкова Т. Б.* Керамика Ладоги VIII–X вв. в контексте раннесредневековых древностей Северо-Запада // Староладожский сборник. СПб. Вып. 10. С. 226–235.
- Сенников 2005 – *Сенников А. Н.* Фитогеографическое районирование Северо-Запада Европейской части России (Ленинградская, Псковская и Новгородская области) // Биогеография Карелии. Труды Карельского научного центра РАН. Петрозаводск. Вып. 7. С. 206–243.
- Середонин 1916 – *Середонин С. М.* Историческая география. Пг.
- Серов 2008 – *Серов В. В.* О времени формирования юстиниановской идеи реконквисты // Известия Алтайского государственного университета. № 03–4 (60). С. 236–240.
- Сідаровіч 2005 – *Сідаровіч В.* Справаздача аб дзейнасці археалагічнай групы НМГ І КБ за 1994–2003 гг. // Музейны веснік. Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі. Мінск. Вып. 2. С. 74–80.
- Симонова 2008 – *Симонова А. Н.* Материальная культура славянского населения Северо-Восточной Венгрии VII–XI веков. М.
- Сирина, Закурдаев 2016 – *Сирина А. А., Закурдаев А. А.* Вступит. статья в кн. *Широкогоров С. М.* Письма к В. М. Алексееву (1927–1932). М. С. 3–22.
- Скальник 2006 – *Скальник П.* Советская «теория» этноса и ее южноафриканская параллель // ЭО. № 3. С. 73–85.
- Скворцов 2010 – *Скворцов К. Н.* Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). Материалы исследований 2008 г. Часть первая. М.
- Славянская мифология 2001 – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.
- Словарь древнерусского языка 1991 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М. Т. IV.
- Словарь древнерусского языка 2002 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М. Т. V.
- Словарь русского языка 1976 – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. Вып. 3.
- Случайные находки 1887 – Случайные находки в Старой Ладогe // Записки Императорского Русского археологического общества. Т. II. Новая серия. СПб. С. СXL.
- Смирнов 2005 – *Смирнов И. А.* Особенности распространения широколиственных лесов в Новгородской области: Автореф. дис. ... канд. сельскохозяйств. наук. СПб.
- Смирнов 1974 – *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М. С. 7–89.
- Смирнова 1976 – *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. Вып. 146. С. 3–10.
- Смирнова 1978 – *Смирнова Г. П.* К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода // Древняя Русь и славяне. М. С. 165–171.
- Смит 2004 – *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.
- Снесарев 2013 – *Снесарев Е. С.* Философия войны. М.
- Соколов 1926 – *Соколов Н. Н.* Геоморфологический очерк района р. Волхова и оз. Ильменя. Рельеф, наносы, история развития // Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л. Вып. VII.
- Соколовский 2004 – *Соколовский С. В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М.
- Сокровища Приобья 1996 – Сокровища Приобья. СПб.
- Соловьев 1959 – *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М. Книга 1 (тома 1–2).
- Сорокин 1997 – *Сорокин П. Е.* Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье. СПб.
- Сорокин 2008 – *Сорокин П. Е.* Ижора в эпоху средневековья (к вопросу о происхождении и ранней истории) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 2. С. 177–215.
- Сорокин 2008a – *Сорокин П. Е.* Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 2. Древности Ижорской земли. С. 88–127.

- Сорокин 2008б – *Сорокин П. Е.* Находки римского времени на Северо-Западе России // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 312–324.
- Сорокин 2016 – *Сорокин П. Е.* Окрестности Петербурга. Из истории ижорской земли. М.
- Сорокин, Шаров 2008 – *Сорокин П. Е., Шаров О. В.* О новых находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 2. Древности Ижорской земли. С. 167–201.
- Спиргис 2009 – *Спиргис Р.* Овальные фибулы ливов // Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века. М. С. 11–50.
- Спиридонова и др. 2005 – *Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д.* Особенности природной среды в окрестностях Рюрикова городища и воздействие на нее человека в средневековье // Археология и естественнонаучные методы. М. С. 191–203.
- Спиридонова и др. 2008 – *Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д.* Естественные и антропогенные изменения природного комплекса лесной зоны Русской равнины в средневековье. М.
- Список памятников 1990 – Список памятников истории и культуры республиканского значения БССР. Минск. Кн. 2.
- Спицын 1896 – *Спицын А. А.* Предполагаемые литовские курганы // ЗРАО. СПб. Т. VIII. Вып. 1–2. С. 103–114.
- Спицын 1897 – *Спицын А. А.* Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. VII. Псковская губерния // ЗРАО. СПб. Т. IX. Вып. 1–2. С. 249–256.
- Спицын 1899 – *Спицын А. А.* Сопки и жальники // ЗРАО. СПб. Вып. 1–2. Т. 11. С. 142–155.
- Спицын 1899а – *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. СПб. Вып. 8. С. 301–340.
- Спицын 1902 – *Спицын А. А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР. СПб. № 26.
- Спицын 1903 – *Спицын А. А.* Удлиненные и длинные русские курганы // ЗОРСА. V. Вып. 1. С. 196–202.
- Спицын 1917 – *Спицын А. А.* Русская историческая география. Пг.
- Спицын 1918 – *Спицын А. А.* Разведки А. А. Спицына // Отчет ИАК за 1913–1915 гг. Пг. С. 164–165.
- Спицын 1922 – *Спицын А. А.* Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Петербург. С. 1–12.
- Спицын 1929 – *Спицын А. А.* Основные русские племена // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. М. С. 28–30.
- Средневековая Ладога 1985 – Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Срезневский 1893 – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб. Т. 1. А–К.
- Стальсберг 2015 – *Стальсберг А.* О Ладоге и викингах // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. СПб. Вып. 5. С. 36–38.
- Станиславский 1990 – *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М.
- Станкевич 1950 – *Станкевич Я. В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги (по материалам раскопок 1947 г.) // СА. Вып. XIV. С. 187–216.
- Станкевич 1951 – *Станкевич Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги (по материалам раскопок 1947–1949 гг.) // СА. Вып. XV. С. 219–246.
- Станкевич 1958 – *Станкевич Я. В.* Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины // КСИИМК. Вып. 72. С. 46–53.
- Станкевич 1959 – *Станкевич Я. В.* Предварительные итоги исследований 1956 года в Великолукской области // КСИИМК. Вып. 77. С. 77–83.
- Станкевич 1960 – *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э. // МИА. № 76. С. 7–323.
- Станчу 2015 – *Станчу И.* Ранние славяне в румынской части Карпатского бассейна // Stratum plus. № 5. С. 163–216.
- Сташенков 2015 – *Сташенков Д. А.* О специфике набора стеклянных бус Самаро-Симбирского Поволжья в хазарскую эпоху // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб. С. 147–152.
- Степанов 1927 – *Степанов Е. С.* Хозяйственная характеристика лугов Волхово-Ильменского бассейна и общие соображения о затопляемости пойменных угодий р. Волхова // Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна. Л. Вып. XIX.
- Стефаненко 2009 – *Стефаненко Т. Г.* Стратегии конструирования и управления гибридной этнической идентичностью // Идентичность и организация в меняющемся мире. М. С. 57–72.
- Стефанович 2018 – *Стефанович П. С.* Новые подходы к этничности в медиэвистике: взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность. М. С. 467–486.
- Стефутин 2018 – *Стефутин С. А.* Комплекс археологических памятников близ д. Шниткино. Первые результаты исследований // Археология Древней Руси: Актуальные проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина (1918–2018). Москва, 22–24 ноября 2018 г. М. С. 111–113.

- Стеценко 1997 – *Стеценко Н. К.* История Ладожской крепости и проблемы ее изучения // Дивинец Староладожский. СПб. С. 168–176.
- Строков, Богусевич 1939 – *Строков А. А., Богусевич В. А.* Новгород Великий. Л.
- Струков 2011 – *Струков Д. М.* Альбом рисунков. 1864–1867. Минск.
- Стубавс 1959 – *Стубавс А. Я.* Раскопки городища Кентескалнс в 1954–1956 гг. // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М. С. 186–221.
- Субетто 2007 – *Субетто Д. А.* История формирования Ладожского озера и его соединения с Балтийским морем // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). № 1. С. 111–120.
- Субетто 2009 – *Субетто Д. А.* Донные отложения озер: палеолимнологические реконструкции. СПб.
- Субетто и др. 2007 – *Субетто Д. А., Сапелко Т. В., Кузнецов Д. Д., Лудикова А. В., Долуханов П. М., Зайцева Г. И.* История формирования стока из Ладожского озера: новые палеолимнологические данные // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН 9–12 апреля 2007 г. Санкт-Петербург. СПб. С. 381–403.
- Суворов 2007 – *Суворов А. В.* Материалы эпохи камня, бронзы и раннего железного века // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М. Т. 1. Поселения и могильники. С. 117–129.
- Сукачев 1973 – *Сукачев В. Н.* Болота, их образование и свойства // Избранные произведения. Т. 2. Проблемы болотоведения, палеоботаники и палеогеографии. Л. С. 97–188.
- Сукачев 1973а – *Сукачев В. Н.* О пограничном горизонте торфяников в связи с вопросом о колебании климата в послеледниковое время // Избранные произведения. Т. 2. Проблемы болотоведения, палеоботаники и палеогеографии. Л. С. 208–217.
- Сыроватко 2009 – *Сыроватко А. С.* Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.
- Сыроватко, Панин, Зарецкая 2017 – *Сыроватко А. С., Панин А. В., Зарецкая Н. Е.* Роль изменений водного режима р. Оки в формировании Щуровского археологического комплекса в последнем тысячелетии // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. Смоленск. С. 40–50.
- Сычева 2011 – *Сычева С. А.* Малый климатический оптимум голоцена и малый ледниковый период в памяти почв и отложений пойм рек Русской равнины // Известия РАН. Серия географическая. № 1. С. 79–93.
- Тайлор 1989 – *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура / Пер. с англ. Д. А. Коропчевского. М.
- Тамла 1984 – *Тамла Т.* Первое городище и хронология комплекса археологических памятников в Пада // Известия АН ЭССР. Вып. 34: 4. С. 360–363.
- Тамла, Тыниссон 1983 – *Тамла Ю., Тыниссон Э.* Исследование городища Варбола в 1978 – 1982 гг. // Известия АН ЭССР. Вып. 32: 4. С. 310–314.
- Тарабардина 2010 – *Тарабардина О. А.* О дендрохронологическом исследовании деревянных сооружений Городка на Маяте // Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб. С. 158–161.
- Тараканова 1956 – *Тараканова С. А.* Псковские городища // КСИИМК. Вып. 62. С. 33–44.
- Тарасов 2001 – *Тарасов И. И.* Рыболовный инвентарь из раскопок в Старой Ладоге // Вестник молодых ученых. Серия исторические науки. СПб. Вып. 1. С. 69–73.
- Татищев 1793 – *Татищев В. Н.* Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский. СПб. Ч. 1.
- Таутовичус 1959 – *Таутовичус А. З.* Восточнолитовские курганы // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М. Т. С. 128–153.
- Творогов 1987 – *Творогов О. Н.* Летописец Переяславля Суздальского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.) Л. С. 234–235.
- Терпиловский 1984 – *Терпиловский Р. В.* Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев.
- Терпиловский 1994 – *Терпиловский Р. В.* Праслов'янські старожитності Східної Європи. Перспективи пошуку // Старожитності Руси-України. Київ. С. 73–79.
- Терпиловский 2002 – *Терпиловский Р. В.* Некоторые дискуссионные проблемы археологии и истории ранних славян // Stratum plus. № 5. 2001–2002. С. 420–430.
- Терпиловский 2004 – *Терпиловский Р. В.* Славяне Верхнего Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. Lublin.
- Тизенгаузен 1873 – *Тизенгаузен В. Г.* Монеты восточного халифата. СПб.
- Тимощук 1990 – *Тимощук Б. А.* Социальная сущность городища Зимно // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М. С. 151–157.
- Тимофеев 1993 – *Тимофеев В. И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб. С. 8–34.
- Тимофеев, Стеценко, 1997 – *Тимофеев В. И., Стеценко Н. К.* Староладожская неолитическая стоянка // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб. – Псков. 1997. Т. 2. С. 331–334.

- Титаренко 2009 – *Титаренко Л. Г.* Модели национальной идентичности населения Беларуси и перспективы их развития // *Философия и социальные науки: Научный журнал.* № 1/2. С. 9–14.
- Тітков, Сидоренко 2001 – *Тітков О. В., Сидоренко О. В.* Про розвідки у Лубенському Посуллі // *Археологічний літопис Лівобережної України.* Полтава. Вип. 1. С. 93–100.
- Тихомиров 1979 – *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М.
- Тишков 1992 – *Тишков В. А.* Советская этнография: преодоление кризиса // *ЭО.* № 1. С. 5–20.
- Тишков 1997 – *Тишков В. А.* О феномене этничности // *ЭО.* № 3. С. 3–21.
- Тишков 2003 – *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.
- Тишков 2005 – *Тишков В. А.* Этнология и политика. М.
- Тишков 2013 – *Тишков В. А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.
- Тишков 2016 – *Тишков В. А.* От этноса к идентичности и после // *ЭО.* № 5. С. 5–22.
- Тойнби 2010 – *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М.
- Токарев 1964 – *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // *Вопросы философии.* № 11. С. 43–53.
- Токарев 2012 – *Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. М.
- Толочко 2015 – *Толочко А. П.* Очерки начальной руси. Киев, СПб.
- Толочко 1999 – *Толочко П. П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев.
- Толстая 2004 – *Толстая С. М.* Ученая проза поэта // *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М. С. 8–13.
- Толстой, Кондаков 1891 – *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 4. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб.
- Толстой 1995 – *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.
- Толстой 2000 – *Толстой Н. И.* Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // *Из истории русской культуры.* М. Т. 1. Древняя Русь. С. 441–447.
- Томсинский 2004 – *Томсинский С. В.* Угличе Поле в IX–XIII веках. СПб.
- Топоров 1987 – *Топоров В. Н.* Заметки по похоронной обрядности (к 150-летию со дня рождения А. Н. Веселовского) // *Балто-славянские исследования.* 1985. М. С. 10–52.
- Топоров 1988 – *Топоров В. Н.* Язык и культура: об одном слове-символе (к 1000-летию христианства на Руси и 600-летию его в Литве) // *Балто-славянские исследования.* 1986. М. С. 3–44.
- Торопов 2009 – *Торопов С. Е.* Из истории средневекового новгородского города Демона // *Великий Новгород и Средневековая Русь: Сб. ст. к 80-летию академика В. Л. Янина.* М. С. 245–261.
- Торопов 2009а – *Торопов С. Е.* Археологический комментарий к проблеме локализации и преемственности новгородского городка Демон и Демянского погоста // *Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хоросхева.* М. С. 552–558.
- Торопов 2009б – *Торопов С. Е.* Два уникальных комплекса древнерусских ювелирных украшений // *Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.* 2008. Великий Новгород. С. 7–10.
- Торопов 2013 – *Торопов С. Е.* К характеристике ранне-средневекового поселения на городище Княжая Гора в бассейне р. Полю // *Вестник НГУ.* № 73. Т. 1. С. 107–111.
- Тотев 2012 – *Тотев К.* Константинопольски литийни кръстове от бронз, открити в България. Част I // *Археология.* Год. LIII. Кн. 1. С. 46–61.
- Тотев 2012а – *Тотев К.* Константинопольски литийни кръстове от бронз, открити в България. Част II // *Археология.* Год. LIII. Кн. 2. С. 66–80.
- Третьяков 1941 – *Третьяков П. Н.* Северные восточно-славянские племена // *МИА.* № 6. С. 9–55.
- Третьяков 1952 – *Третьяков П. Н.* Древлянские «грады» // *Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия.* М. С. 64–68.
- Третьяков 1953 – *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М.
- Третьяков 1966 – *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.
- Третьяков 1970 – *Третьяков П. Н.* У истоков дренерусской народности. Л.
- Третьяков 1982 – *Третьяков П. Н.* По следам древних славянских племен. Л.
- Третьяков, Шмидт 1963 – *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.
- Трубачев 1974 – *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // *Вопросы языкознания.* № 6. С. 48–67.
- Трубачев 2003 – *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М.
- Трубачев 2005 – *Трубачев О. Н.* В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.
- Трубецкой 1918 – *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. М.
- Тухтина 1968 – *Тухтина Н. В.* Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа // *Славяне и Русь.* М. С. 188–193.

- Уваров 1910 – Уваров А. С. Лицевые сосуды // Уваров А. С. Сб. мелких трудов. М. Т. 2. С. 103–104.
- Угенинов, Кондратьев 2011 – Угенинов Г. Н., Кондратьев А. Н. Генезис русла реки Невы // Ученые записки Российского Государственного гидрометеорологического университета. № 19. С. 46–52.
- У истоков мира 2014 – У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды. М.
- Уилсон 2015 – Уилсон Э. О. О природе человека. М.
- Ульянов 2007 – Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М.
- Урбанавичюс 1990 – Урбанавичюс В. Погребения в озере Обеляй // Исследования в области балто-славянской культуры: Погребальный обряд. М. С. 196–201.
- Успенский 1872 – Успенский Ф. И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб.
- Успенский 1913 – Успенский Ф. И. История Византийской империи. СПб. Т. 1.
- Уэллс 1957 – Уэллс Г. Избранное. М. Т. II.
- Фай 2021 – Фай Э. Хайдеггер, введение нацизма в философию: на материале семинаров 1933–1935 гг. М.
- Фасмер 1925 – Фасмер Р. Р. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. // Известия РАИМК. Л. Т. IV. С. 242–276.
- Фасмер 1926 – Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Л. Т. I. С. 287–308.
- Фасмер 1929 – Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры. II // Сообщения ГАИМК. Л. Т. II. С. 281–324.
- Фасмер 1986 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. Т. 1 (А–Д).
- Фасмер 1986а – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. Т. 2 (Е–Муж).
- Федоров 1983 – Федоров И. Т. Расселение ижоры в XIX–XX веках // СЭ. № 5. С. 97–104.
- Фейерабенд 2007 – Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.
- Фейерабенд 2010 – Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М.
- Фейерабенд 2010а – Фейерабенд П. Прощай, разум. М.
- Фехнер 1959 – Фехнер М. В. Шихинская курганная группа // СА. Вып. 4. С. 239–242.
- Фехнер 1982 – Фехнер М. В. Наконечник ножен меча из кургана близ Коростеня // СА. Вып. 4. С. 243–244.
- Филин 1980 – Филин Ф. П. О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков // Вопросы языкознания. № 4. С. 36–50.
- Филин 2010 – Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.
- Филиппов 2010 – Филиппов Р. В. «Советская теория этноса». Историографический очерк. М.
- Финно-угры и балты 1987 – Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
- Фишман 2005 – Фишман Д. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. № 4 (49). С. 132–140.
- Флёрова 1996 – Флёрова В. Е. Домашние промыслы в Саркеле – Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара. С. 277–332.
- Флёрова 2001 – Флёрова В. Е. Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.
- Фомин 1987 – Фомин А. В. Хутынский клад куфических монет X в. // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа): Краткие тез. докл. и сообщений научной конференции (14–16 октября 1987 г.). Л. С. 56–57.
- Фомин 1993 – Фомин А. В. Новые находки восточных монет в Северной Руси // Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщений. Вологда, 18–21 мая 1993 г. Вологда. С. 13–15.
- Фомин 2005 – Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. М.
- Фомин 2015 – Фомин В. В. Варяги Южной Балтики А. Ф. Гильфердинга // Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. М. – СПб. С. 17–60.
- Формозов 2005 – Формозов А. А. Человек и наука: Из записей археолога. М.
- Франклин, Шепард 2000 – Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200. СПб.
- Франчес 1961 – Франчес Э. Византийское государство и левобережье Дуная в VI в. // ВВ. Т. XX. С. 14–22.
- Френ 1847 – Френ Х. Д. О восточных монетах, находимых в России // Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в приложении к русской истории. СПб. С. 3–52.
- Фролов 1994 – Фролов А. А. Сопка у дд. Брод-Лучки Валдайского район Новгородской области (результаты исследования и интерпретация) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 8. С. 36–49.
- Фролов, Пиотух 2008а – Фролов А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). М. – СПб. Т. 2. Атлас и справочные материалы.
- Фромм 2015 – Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.
- Фроянов 1992 – Фроянов И. Я. Мятельный Новгород. СПб.
- Фроянов 1996 – Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб.

- Фроянов 2010 – *Фроянов И. Я.* Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб.
- Фрэзер 1983 – *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь: исследование магии и религии / Пер. с англ. М. К. Рыклина. М.
- Фуко 2005 – *Фуко М.* Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / Пер. с франц. Е. А. Самарской. СПб.
- Фурасьев 1997 – *Фурасьев А. Г.* Демидовка и Узмень. Нетрадиционный взгляд на «классические» памятники // ГАЗ. Минск. Вып. 11. С. 33–38.
- Фурасьев 2001 – *Фурасьев А. Г.* Динамика культурных трансформаций в междуречье Западной Двины и Великой во второй и третьей четверти I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Фурасьев 2002 – *Фурасьев А. Г.* Памятники юга Псковской области (из фондов Северо-Западной экспедиции Государственного Эрмитажа // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V веках н. э. М. С. 42–43.
- Фусек 2015 – *Фусек Г.* Древнее славянское население на территории Словакии // *Stratum plus*. № 5. С. 151–162.
- Хабургаев 1979 – *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М.
- Хабургаев 1994 – *Хабургаев Г. А.* Первые столетия славянской письменной культуры. М.
- Халикова 1976 – *Халикова Е. А.* Больше-Тиганский могильник // СА. № 2 С. 158–178.
- Хан 2015 – *Хан В. С.* Об антиномиях и современном противостоянии в этнологии // Вестник антропологии. № 1(29). С. 4–25.
- Хантингтон 2003 – *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.
- Харитонович 2008 – *Харитонович З. А.* Заселение территории Лепельского района в раннем железном веке // III Лепельскія чытанні. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі 10 кастрычніка 2008 г. Лепель. С. 13–21.
- Харитонович 2011 – *Харитонович З. А.* Материалы раскопок городища Боровно из фондов Лепельского районного краеведческого музея // IV Лепельскія чытанні. Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі 17–18 верасня 2010 г. Минск. С. 8–17.
- Харытановіч 2011 – *Харытановіч З. А.* Археалагічныя даследаванні на гарадзішчы і селішчы Стары Лепель у 2008 // МАБ. Минск. Вып. 20. С. 300–307.
- Харытановіч 2013 – *Харытановіч З. А.* Археалагічныя даследаванні гарадзішча Бірулі ў 2011 г. // МАБ. Минск. Вып. 24. С. 308–312.
- Харытановіч 2014 – *Харытановіч З. А.* Археалагічныя даследаванні на гарадзішчы Бірулі ў 2012 годзе // МАБ. Минск. Вып. 25. С. 252–258.
- Харькова 2018 – *Харькова С. Ю.* Гидронимы в севернорусских былинах // Русский фольклор. Т. XXXVII: Фольклоризм в литературе и культуре: Границы понятия и сущность явления (Сборник статей и материалов памяти А. А. Горелова). СПб. С. 408–475.
- Хаусхофер 2001 – *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет / Пер. с нем. И. Г. Усачева. М.
- Хвоцинская 1999 – *Хвоцинская Н. В.* Подковообразные фибулы Рюрика городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М. С. 39–50.
- Хвоцинская 2003 – *Хвоцинская Н. В.* Приладожские курганы в свете финской погребальной обрядности // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб. С. 47–50.
- Хвоцинская 2008 – *Хвоцинская Н. В.* Славяне и финны на северо-западе древнерусского государства: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Хвоцинская 2013 – *Хвоцинская Н. В.* Финское население на северо-западе Новгородской земли // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в средневековье. Vilnius. С. 17–34.
- Хвоцинская 2021 – *Хвоцинская Н. В.* Укрепления Рюрика Городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий // Археологические вести. СПб. Вып. 33. С. 107–120.
- Херрман 1988 – *Херрман И. Ruzzi. Forsderen Liudi. Fresiti.* К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского Географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М. С. 162–169.
- Хобсбаум 1998 – *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.
- Ходаковский 1839 – *Ходаковский З.* Отрывок из путешествия по России // Русский исторический сборник. М. Т. 3. Вып. 2. С. 129–200.
- Ходаковский 1844 – *Ходаковский З.* Сопки. Донесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Долуга-Ходаковского // Русский исторический сборник. М. Т. 7. С. 368–375.
- Холкина 2017 – *Холкина М. А.* Керамика эпохи раннего металла восточной части Финского залива: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Холсол 2013 – *Холсол Г.* Этничность и раннесредневековые могильники // РАЕ. № 3. С. 460–477.
- Хорошкевич 1963 – *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М.
- Хорошкевич, Плигузов, Коваленко 2000 – *Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И., Коваленко Г. М.* Апология Юхана Видекинда // *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / Перевод С. А. Аннинского, А. М. Александрова. М. С. 521–561.
- Хотинский 1977 – *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата. М.
- Хотинский 1981 – *Хотинский Н. А.* Следы прошлого ведут в будущее. М.

- Хофмайстер 2006 – *Хофмайстер Х.* Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / Пер. с нем. О. А. Коваль. СПб.
- Храпунов 1994 – *Храпунов И. Н.* Погребение середины III в. н. э. из могильника Дружное // МАИЭТ. Симферополь. Вып. IV. С. 529–544.
- Хрисимов 2015 – *Хрисимов Н.* Раннеславянские памятники в северо-восточной части Балканского полуострова // *Stratum plus*. № 5. С. 309–342.
- Хюбнер 1994 – *Хюбнер К.* Критика научного разума / Пер. с нем. И. Т. Касавина. М.
- Хюбнер 1996 – *Хюбнер К.* Истина мифа / Пер. с нем. И. Т. Касавина. М.
- Хюбнер 2001 – *Хюбнер К.* Нация: от забвения к возрождению / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.
- Циркин 1984 – *Циркин А. В.* Древковое оружие мордвы и его хронология // СА. № 1. С. 123–133.
- Чебоксаров, Чебоксарова 1985 – *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М.
- Чекин 1999 – *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. М.
- Черкасов 1994 – *Черкасов А. А.* Из записок сибирского охотника. М.
- Чернягин 1941 – *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // МИА. № 6. М. Л. С. 93–148.
- Чешко 1993 – *Чешко С. В.* Этническая история славян с точки зрения этнологии // *Славяноведение*. № 2. С. 15–22.
- Чешко 1994 – *Чешко С. В.* Человек и этничность // ЭО. № 6. С. 35–49.
- Чешко 1995 – *Чешко С. В.* Ответ оппонентам // ЭО. № 5. С. 11–13.
- Чичерин 1858 – *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М.
- Чуркина 2007 – *Чуркина И. В.* Первые государственные объединения словенцев // ВИ. № 4. С. 126–141.
- Шадыро 1985 – *Шадыро В. И.* Ранний железный век северной Белоруссии. Минск.
- Шадыро 2000 – *Шадыро В. И.* Белорусско-литовско-латвийское порубежье в эпоху железа и раннего средневековья (этнокультурные аспекты) // *Iš baltų kultūros istorijos*. Vilnius. С. 189–204.
- Шадыро 2001 – *Шадыро В. И.* Городище и селище Прудники // *Lietuvos Archeologija*. Т. 21. Р. 267–274.
- Шадыро 2009 – *Шадыро В. И.* Локальные изменения в материальной культуре населения Белорусского Подвинья в эпоху великого переселения народов // *Древняя история Восточной Европы*. Минск. С. 112–125.
- Шадыро, Ласкавий 1994 – *Шадыро В. И., Ласкавий Г. В.* Средневековые наконечники стрел лука и арбалета из поселения у д. Прудники // ГАЗ. Минск. Вып. 4. С. 217–224.
- Шадыро, Кенько 2019 – *Шадыро В. И., Кенько П. М.* Исследования городища «Вал» археологического комплекса Кордон Шумилинского района Витебской области в 2016 г. // Шумілінскі край. Мінск. С. 105–126.
- Шадыро 1980 – *Шадыро В. И.* Гарадзішча Замошша // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск. № 2. С. 27–29.
- Шадыро 1993 – *Шадыро В. И.* Селішча Пруднікі на Беларуска-Латышскім парубежжы (матэрыяльная культура і датыроўка) // ГАЗ. Мінск. Вып. 2. С. 170–182.
- Шадыро 1995 – *Шадыро В. И.* Вялікае перасяленне народаў і крывічы // ГАЗ. Мінск. Вып. 7. С. 202–212.
- Шадыро 2004 – *Шадыро В. И.* Гарадзішча Клішына («Выспянская Гара») Крупскага Раёна (раскопкі 1999–2002 гг.) // ГАЗ. Мінск. Вып. 19. С. 115–125.
- Шадыро 2004а – *Шадыро В. И.* Новыя дадзеныя з раскопак гарадзішча Клішына Крупскага раёна // ГАЗ. Мінск. Вып. 19. С. 290.
- Шадыро 2005 – *Шадыро В. И.* Гарадзішча Вышадкі Гарадцакага раёна // ГАЗ. Мінск. Вып. 20. С. 83–81.
- Шадыро 2005а – *Шадыро В. И.* Раскопкі гарадзішча «Выспянская Гара» на воз. Селява Крупскага раёна // ГАЗ. Мінск. Вып. 20. С. 230.
- Шадыро 2006 – *Шадыро В. И.* Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.). Мінск.
- Шадыро 2007 – *Шадыро В. И.* Археалагічны комплекс на воз. Селява Крупскага р-на // ГАЗ. Мінск. Вып. 23. С. 212–213.
- Шадыро 2011 – *Шадыро В. И.* Селішча жалезнага веку на воз. Сялява // МАБ. Мінск. Вып. 20. С. 292–299.
- Шадыро 2016 – *Шадыро В. И.* Матэрыяльная культура археалагічнага комплексу на возеры Селява ў Дняпроўска-Дзвінскім міжрэччы: I–VIII стст. н. э. // *Славяне на тэрыторыі Беларусі ў догосударствены перыяд*. Мінск. Кн. 2. С. 197–255.
- Шадыро, Махнач 2009 – *Шадыро В. И., Махнач А. И.* Селішча Клішына на выспе возера Селява // МАБ. Мінск. Вып. 17. С. 169–178.
- Шажинбат 2015 – *Шажинбат А.* Этнос как философско-антропологическая проблема. Дисс. докт. философ. наук. М.
- Шажинбат 2015а – *Шажинбат А.* Этнос как философско-антропологическая проблема: Автореф. дис. ... докт. философ. наук. М.
- Шажинбат 2015б – *Шажинбат А.* Этнос и человеческая природа // *Философская мысль*. 2015. № 7. С. 47–75.
- Шандыбин 1998 – *Шандыбин С. А.* Постмодернистская антропология и сфера применимости ее культурной модели // ЭО. № 1. С. 14–30.
- Шарковская 2012 – *Шарковская Н. Ю.* Артефакты с Замковой Горы из собраний витебских музеев // Віцебскія старажытнасці. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння

- Л. В. Аляксеева. Віцебск, 28–29 кастрычніка 2010. Мінск. С. 155–174.
- Шарковская 2012а – *Шарковская Н. Ю.* Материалы археологических разведок и раскопок в фондах ВОКМ // Віцебскія старажытнасці. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння Л. В. Аляксеева. Віцебск, 28–29 кастрычніка 2010. Мінск. С. 70–101.
- Шаров 2006 – *Шаров О. В.* О находке перекладчатой фибулы в Старой Ладогe // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб. С. 176–211.
- Шаров, Сорокин 2008 – *Шаров О. В., Сорокин П. Е.* Комплекс находок римского времени у деревни Удосолово Ленинградской области // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб. Сер. 2. Вып. 4. Ч. 1. С. 162–169.
- Шаскольский 1979 – *Шаскольский И. П.* Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки // Финно-угры и славяне. Л. С. 41–48.
- Шахматов 1915 – *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии. Пг. Вып. 11.1.
- Шахматов 1919 – *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг.
- Шахматов 1940 – *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы. М. – Л. Т. IV.
- Шафаревич 2003 – *Шафаревич И. Р.* Русский народ в битве цивилизаций. М.
- Шевцов 2017 – *Шевцов А. О.* Монеты императора Феофила (829–842) на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. № 1. С. 141–149.
- Шевцов 2005 – *Шевцов Ю. В.* Объединенная нация. Феномен Беларуси. М.
- Шеллинг 1989 – *Шеллинг Ф. В. Й.* Введение в философию мифологии // Сочинения в 2 т. М. Т. 2.
- Ширинский 1999 – *Ширинский С. С.* Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Гнёздовский могильник. М. Ч. 1. С. 87–146.
- Широкогоров 1923 – *Широкогоров С. М.* Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / Известия Восточного факультета Государственного дальневосточного университета. Т. LXVII. Шанхай.
- Широкогоров 2001 – *Широкогоров С. М.* Этнографические исследования. Владивосток.
- Широкогоров 2012 – *Широкогоров С. М.* Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М.
- Шитов 1990 – *Шитов В. Н.* Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск. Вып. 99. С. 21–31.
- Шитов 2007 – *Шитов М. В.* Голоценовые трансгрессии Ладожского озера: Автореф. дис. ... канд. геол.-мин. наук. СПб.
- Шитов и др. 2004 – *Шитов М. В., Бискэ Ю. С., Носов Е. Н., Плишивцева Э. С.* Природная среда и человек Нижнего Поволжья на финальной стадии ладожской трансгрессии // Вестник СПбГУ. СПб. Сер. 7. Вып. 3. С. 3–15.
- Шитов и др. 2005 – *Шитов М. В., Бискэ Ю. С., Плишивцева Э. С., Мараков А. Я.* Позднеголоценовые изменения уровня Волхова в районе Старой Ладогы // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб. Сер. 7. Вып. 4. 2005. С. 3–16.
- Шмерлина 2001 – *Шмерлина И. А.* Социология и этология человека // Социологический журнал. № 1. С. 33–43.
- Шмидехельм 1955 – *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин.
- Шмидехельм 1959 – *Шмидехельм М. Х.* Городище Рьуге в юго-восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М. С. 154–185.
- Шмидт 1958 – *Шмидт Е. А.* Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе // СА. № 3. С. 162–169.
- Шмидт 1969 – *Шмидт Е. А.* Раскопки в Смоленской области // АО 1968 г. М. С. 63–65.
- Шмидт 1976 – *Шмидт Е. А.* Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII века н. э.). М.
- Шмидт 1982 – *Шмидт Е. А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. М. Ч. 1.
- Шмидт 1983 – *Шмидт Е. А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. М. Ч. 2.
- Шмидт 1992 – *Шмидт Е. А.* Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М.
- Шмидт 1995 – *Шмидт Е. А.* Вооружение и снаряжение воинов-всадников тушемлинских племен Поднепровья // ГАЗ. Мінск. № 6. С. 105–117.
- Шмидт 2003 – *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Смоленск.
- Шмидт 2008 – *Шмидт Е. А.* Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков. Смоленск.
- Шмидт 2012 – *Шмидт Е. А.* Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья. Смоленск.
- Шмидт 2013 – *Шмидт Е. А.* Шугайлово (комплекс археологических памятников). Смоленск.
- Шмидт 2014 – *Шмидт Е. А.* Древности Смоленской земли: материалы фондов Смоленского государственного музея-заповедника. Смоленск.
- Шмидт, Ходченков 1961 – *Шмидт Е. А., Ходченков А. А.* Археологические памятники и их охрана // Памятники культуры Смоленской области. Смоленск. Вып. 1.
- Шмитт 2007 – *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М.

- Шмитт 2008 – *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum eugoraem* / Пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца под ред. Д. Кузницына. СПб.
- Шмитт 2016 – *Шмитт К.* Понятие политического / Пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.
- Шнеевайс 2009 – *Шнеевайс Й.* «Полабские славяне» – исследовательский проект на северо-западной периферии славянского мира // Сложение Русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. Т. XLIX. СПб. С. 247–263.
- Шнеевайс 2017 – *Шнеевайс Й.* Заселение славян на территории между Эльбой и Одером. Краткий обзор состояния актуальных исследований // Материалы научно-практического семинара по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия имени А. Г. Векслера. М. С. 268–273.
- Шнеевайс 2019 – *Шнеевайс Й.* «Late Antique Little Ice Age» и распространение славян в третьей четверти I тыс. н. э. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. № 4 (65). С. 52–63.
- Шнирельман 1994 – *Шнирельман В. А.* У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества. М. Т. 1.
- Шнирельман 2003 – *Шнирельман В. А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.
- Шнирельман 2006 – *Шнирельман В. А.* Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // ЭО. № 3. С. 8–21.
- Шнирельман 2011 – *Шнирельман В. А.* «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М. Т. I.
- Шнирельман 2011a – *Шнирельман В. А.* «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М. Т. II.
- Шнирельман 2013 – *Шнирельман В. А.* Археология и общество – проблемные взаимоотношения. Введение в дискуссию // ЭО. № 1. С. 3–8.
- Шнирельман 2013a – *Шнирельман В. А.* Национализм и археология // ЭО. № 1. С. 9–25.
- Шноре 1959 – *Шноре Э.* Городища древних латгалов // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М. Т. 1. С. 222–232.
- Шноре, Цимермане 1966 – *Шноре Э., Цимермане И.* Поселение и могильник Кивты (Восточная Латвия) // От эпохи бронзы до раннего феодализма. Исследования по археологии Прибалтики и смежных территорий. Таллин. С. 175–186.
- Шорохов 2011 – *Шорохов В. А.* О некоторых аспектах восточноевропейской работорговли в IX – первой половине X века (по данным восточных источников) // Труды Исторического факультета СПбГУ. СПб. Вып. 6. С. 31–41.
- Шпенглер 1998 – *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К. А. Свасьяна. М.
- Шпенглер 1998a – *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.
- Шпенглер 2002 – *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм / Пер. с нем. Г. Д. Гурвича. М.
- Шпенглер 2009 – *Шпенглер О.* Политические произведения / Пер. с нем. В. В. Афанасьева. М.
- Шпирт 2013 – *Шпирт А. М.* Венская школа исторической этнографии и проблема этногенеза в эпоху раннего средневековья (опыт историографического обзора) // Альманах по истории средних веков и раннего нового времени. № 3–4. С. 42–52.
- Штыхов 1966 – *Штыхов Г. В.* Сравнительное изучение городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей // Древности Белоруссии. Минск. С. 238–252.
- Штыхов 1971 – *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. Минск. Вып. 2.
- Штыхов 1975 – *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк IX–X вв. Минск.
- Штыхов 1978 – *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.
- Штыхов 2000 – *Штыхов Г. В.* Формирование полоцких кривичей // *Iš baltų kultūros istorij os.* Vilnius. С. 209–218.
- Штыхаў 1992 – *Штыхаў Г. В.* Крывичи. Минск.
- Штыхаў 2003 – *Штыхаў Г. В.* Лужаснянскі археалагічны комплекс каля Віцебска // МАБ. Минск. Вып. 8. С. 259–274.
- Штыхаў 2005 – *Штыхаў Г. В.* Археалагічнае вывучэнне помнікаў V–VIII стст. у наваколлі Віцебска // ГАЗ. № 20. Мінск. С. 233.
- Штыхаў 2007 – *Штыхаў Г. В.* Вынікі даследавання гарадзішча Баронікі пад Віцебскам // ГАЗ. Мінск. Вып. 23. С. 231.
- Шувалов 1991 – *Шувалов П. В.* Славянское общество дунайского периода (469–604) // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб. С. 31–37.
- Шувалов 1998 – *Шувалов П. В.* Проникновение славян на Балканы // Основы балканского языкознания. Языки Балканского региона. СПб. Ч. 2 (славянские языки). С. 5–28.
- Шувалов 2001 – *Шувалов П. В.* Волколаки, заложные покойники и великая экспансия славян // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тысячелетии христианской эры. Пятое чтения памяти Анны Мачинской. СПб. С. 5–12.
- Шувалов 2004 – *Шувалов П. В.* Оружие ранних славян // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб. С. 254–264.

- Шувалов 2008 – *Шувалов П. В.* Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 2(4). Июль–декабрь. С. 13–20.
- Шулте-Умберг 2018 – *Шулте-Умберг У.* Скульптура и пластические искусства в Малой Лангобардии (VIII–XI века) // *Лангобарды: Народ, изменивший историю*. СПб. С. 270–285.
- Шумкин 1990 – *Шумкин В. Я.* Истоки формирования народности саами // *Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы*. Л. С. 121–127.
- Шут 1966 – *Шут К. П.* Памятники раннего железного века на севере Белоруссии // *Древности Белоруссии*. Минск. С. 166–182.
- Шут 1967 – *Шут К. П.* Городища эпохи раннего железа на северо-западе Белоруссии // Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР (ноябрь 1967 г.) Минск. С. 406–424.
- Шушарин 1997 – *Шушарин В. П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.
- Щеглова 1990 – *Щеглова О. А.* О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья*. Курск. С. 162–205.
- Щеглова 1991 – *Щеглова О. А.* Среднее Поднепровье конца VII – первой половины VIII в.: причины смены культур // *Социогенез и культурогенез в историческом аспекте*. СПб. С. 42–50.
- Щеглова 2003 – *Щеглова О. А.* Свинцово-оловянистые украшения VIII – X вв. из Старой Ладоги и Любшанского городища и их восточноевропейские параллели // *Ладога и истоки российской государственности и культуры*. СПб. С. 38–46.
- Щеглова 2004 – *Щеглова О. А.* Тисненые изделия и инструменты для их изготовления в раннесредневековых Любше, Ладоге и Изборске // *Восточная Европа в средневековье*. М. С. 263–271.
- Щеглова 2009 – *Щеглова О. А.* Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // *Сложение Русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ*. Т. XLIX. СПб. С. 39–65.
- Щеглова, Григорьева 2014 – *Щеглова О. А., Григорьева Н. В.* Матрицы, отливки и тисненые «бляшки с крестом» в материалах Причудья и Нижнего Поволховья: техники разные, тип один // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. СПб. Вып. 4. С. 7–11.
- Щедрина 2003 – *Щедрина К. А.* «Крест императора Константина Великого» (к вопросу иконографии) // *Ставрографический сборник*. М. Кн. 2. Крест в православии. С. 55–66.
- Шукин 1987 – *Шукин М. Б.* О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // *АСГЭ*. Вып. 28. С. 103–118.
- Шукин 1989 – *Шукин М. Б.* Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян // *Славяне: этногенез и этническая история*. Л. С. 56–62.
- Эдинг 1928 – *Эдинг Д.* Сарское городище. Ростов Ярославский.
- Эйхвальд 1856 – *Эйхвальд Э. И.* Извлечение из замечаний Д.С.С., Заслуженного Профессора и Академика Эйхвальда, во время путешествия по озеру Ильмень и окрестностям Старой Руссы.
- Экология 2002 – *Экология эрозионно-русловых систем России*. М.
- Экосистема озера Ильмень 1997 – *Экосистема озера Ильмень и его поймы*. СПб.
- Эпоха бронзы 1987 – *Эпоха бронзы лесной полосы СССР*. М.
- Эриксен 2014 – *Эриксен Т. Х.* Что такое антропология? М.
- ЭССЯ 1980 – *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* / Ред. О. Н. Трубачев. М. Вып. 7.
- ЭССЯ 1984 – *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* / Ред. О. Н. Трубачев. М. Вып. 11.
- Этнические группы 2006 – *Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий*. М.
- Юнгер 2002 – *Юнгер Э.* Излучения (февраль 1941 – апрель 1945) / Пер. с нем. Н. О. Гучинской, В. Г. Ноткиной. СПб.
- Юнгер 2007 – *Юнгер Э.* Годы оккупации (апрель 1945 – декабрь 1948) / Пер. с нем. И. П. Стребловой. СПб.
- Юнгер 2015 – *Юнгер Э.* Семьдесят минуло: дневники. 1971–1980 / Пер. с нем. Е. Воропаева. М.
- Юрьев 1927 – *Юрьев М. М.* Погребенные торфяники нижнего течения Мсты // *Прасолов Л. И.* Почвы пойм в районе р. Волхова и оз. Ильменя // *Материалы по исследованию реки Волхова и его бассейна*. Л. Вып. XVI. С. 243–249.
- Юшко 1972 – *Юшко А. А.* Покровские и Стрелковские курганы // *СА*. Вып. 1. С. 185–199.
- Юшко 1991 – *Юшко А. А.* Московская земля IX–XIV веков. М.
- Юшкова 2004 – *Юшкова М. А.* Памятники эпохи раннего металла в Нижнем Поволховье // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Великий Новгород. Вып. 18. С. 233–242.
- Юшкова 2009 – *Юшкова М. А.* Раскопки городища Холпий Городок // *АО* 2006 г. М. С. 105–106.
- Юшкова 2010 – *Юшкова М. А.* Новая группа памятников культуры могильников с каменными оградками (die Tarandgäberkultur) на западе Ижорской возвышенности // *Диалог культур и народов средневековой Европы*. СПб. С. 316–329.
- Юшкова 2010а – *Юшкова М. А.* Металлические изделия эпохи бронзы на Северо-Западе России // *Известия*

- Самарского научного центра РАН. Самара. Т. 12. № 2. С. 272–277.
- Юшкова 2011 – Юшкова М. А. Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: Дис. канд. ист. наук. СПб.
- Юшкова 2011а – Юшкова М. А. Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. СПб.
- Юшкова 2015 – Юшкова М. А. Новая группа памятников I–VII вв. на юго-западе Ленинградской области // Археологические вести. СПб. Вып. 21. С. 187–198.
- Юшкова 2015а – Юшкова М. А. Памятники культуры сетчатой керамики в Южном Приладожье // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Замытнинский сборник. Вып. 4. СПб. С. 278–318.
- Юшкова, Кулешов 2010 – Юшкова М. А., Кулешов Вяч. С. Керстово 1 – новый памятник эпохи римских влияний на Северо-Западе России // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Тула. Ч. 1. С. 218–238.
- Яйленко 1990 – Яйленко В. П. Прибалтийско-финские основы названий Новгородской земли: Славно, Ильмень, Меря // *Uralo-Indogermanica*. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-й балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990 г. М. Ч. 1. С. 35–40.
- Яковлева, Татарников 2010 – Яковлева Е. А., Татарников О. М. Первоначальный рельеф древнего Пскова и его влияние на развитие городской среды // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. К 80-летию А. Н. Кирпичникова. М. Т. 2. С. 540–546.
- Янин 1956 – Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М.
- Янин 1960 – Янин В. Л. Монетные клады Новгородского музея // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. II. С. 141–154.
- Янин 1982 – Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Л. Вып. 1(11). С. 79–95.
- Янин 1991 – Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М.
- Янин 1999 – Янин В. Л. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. М.
- Янин 2003 – Янин В. Л. 70 лет новгородской археологии. Итоги и перспективы // Ладога и истоки российской государственности. СПб. С. 76–83.
- Янин 2004 – Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М.
- Янин 2007 – Янин В. Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности: историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород – СПб. С. 205–212.
- Янин, Алешковский 1971 – Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. М. – Л. № 2. С. 32–61.
- Янин и др. 1999 – Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Е. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 13. С. 5–10.
- Янина 1956 – Янина С. А. Неревский клад куфических монет X в. // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. С. 5–10 (МИА. № 55).
- Янина 1963 – Янина С. А. Второй Неревский клад куфических монет X в. // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. С. 287–331 (МИА. № 117).
- Янссон 1999 – Янссон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М. С. 18–38.
- Янссон 2009 – Янссон И. Королевские/княжеские центры эпохи викингов в Скандинавии и на Руси // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк. С. 208–232.
- Янкевич 1999 – Янкевич В. Смерть / Пер. с фр. А. А. Адриянова, В. П. Большакова, Г. В. Волкова, Н. В. Кислова. М.
- Ясперс 1991 – Ясперс К. Истоки истории и ее цель / Пер. с нем. М. И. Левиной. Вып. 1. М.
- Ясперс 1991а – Ясперс К. Истоки истории и ее цель / Пер. с нем. М. И. Левиной. Вып. 2. М.
- Age of spirituality 1979* – *Age of spirituality: Late Antique and Early Christian Art, third to seventh century: catalogue of the exhibition at the Metropolitan Museum of Art, November 19, 1977, through February 12, 1978.* New York.
- Alexandrov, Tallgren 1930 – Alexandrov B. V., Tallgren A. M. Funde aus der romischen Eisenzeit im Gouv. Novgorod // *ESA*. Helsinki. Bd. 5. S. 100–108.
- Aleksandrovsii et al. 2009 – Aleksandrovsii A.L., Arslanov Kh. A., Davydova N.N., Doluchanov P. M., Zaitseva G. I., Kirpichnikov A. N., Kuznetsov D. D., Lavento M., Ludikova A. V., Nosov E. N., Savel'eva L. A., Sapelko T. V., Subetto D. A. New Data on the Ladoga Transgression, the Neva River Formation, and Agricultural Development of Northwestern Russia // *Doklady Earth Sciences*. Vol. 425. No. 2. P. 274–278.
- Allerstav et al. 1991 – Allerstav A., Damell D., Gustafsson J. H., Hammar T., Hedman A., Königsson L.-K., Sandén B., Sjösvärd L., Stenström G., Strid J. P. Fornsigstuna. En kungsgårds historia. Tierp.
- Allmäe et al. 2011 – Allmäe R., Maldre L., Tomek T. The Salme I Ship Burial: An Osteological View of a Unique Burial in Northern Europe // *Interdisciplinaria archaeological. Natural Sciences in Archaeology*. Vol. II. Issue 2. P. 109–124.

- Almgren 1905 – *Almgren O.* 'Kung Björns Hög' och Andra Fornlämningar vid Håga. Stockholm.
- Almgren 1955 – *Almgren B.* Bronsnycklar och djurornamentik vid övergången från vendeltid till vikingatid. Uppsala.
- Almgist-Jacobson 1994 – *Almgist-Jacobson H.* Interaction of the Holocene climate, water balance, vegetation, fire, and the cultural land-use in Swedish Borderland // Lundqua Thesis. Lund. Vol. 30.
- Ambrosiani 1981 – *Ambrosiani K.* Viking age combs, comb making and comb makers: in the light of finds from Birka and Ribe. Stockholm.
- Ambrosiani 1985 – *Ambrosiani B.* Aristocratic Graves and Manors in Early Medieval Sweden // Archaeology and Environment 4. Umea. P. 109–118.
- Andersen 1951 – *Andersen H.* Tomme Høje // Kuml. Aarhus. S. 91–135.
- Andersen 1998 – *Andersen H. H.* Danevirke og Kovirke. Arkæologiske undersøgelser 1861–1993. Århus.
- Andersson 1993 – *Andersson G.* Antuna. Stockholm.
- Andersson 2004 – *Andersson, G.* "Skrytböndernas" gravspråk – en spegling av aristokratins? // *Larsen J.H. & Rolfen P.* (red.) Halvdanshaugen – arkeologi, historie og naturvitenskap. Universitetets kulturhistoriske museer Skrifter nr. 3. Oslo. S. 301–311.
- Anderson 2006 – *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, New York.
- Andersson, Lindström-Holmberg 1998 – *Andersson G., Lindström-Holmberg C.* En Hög och ett gravfält i Häggvik. Stockholm.
- Androshchuk 2005 – *Androshchuk F.* En man i Osebergsgraven? // Fornvännen 100. Stockholm.
- Androshchuk 2013 – *Androshchuk F.* Vikings in the East: Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100). Uppsala.
- Arbman 1937 – *Arbman H.* Schweden und das Karolingische Reich. Stockholm.
- Arbman 1940 – *Arbman H.* Birka. Die Gräber. Uppsala. T. I. Tafeln.
- Arbman 1943 – *Arbman H.* Birka. Die Gräber. Uppsala. T. I. Text.
- Arbman 1955 – *Arbman H.* Svear i österviking. Stockholm.
- Arkeologi i Sverige 1976 – Arkeologi i Sverige 1976. Riksantikvarieämbetet och Statens historiska museer, Rapport 1978:6. Stockholm 1978.
- Arne 1915 – *Arne T.* Nya bidrag till Södermanlands förhistoria // Bidrag till Södermanlands äldre kulturhistoria. Strängnäs. Vol. XVI. P. 3–38, 45–68.
- Arne 1919 – *Arne T.* Grabar från "Vendeltid" vid Lagerlunda i Kärna socken, Östergötland // Fornvännen. Stockholm. Vol. 14. P. 145–156.
- Arne 1924 – *Arne T.* Den stora Gravhögen vid Vaxtuna i Orkesta socken, Seminghundra härad, Uppland // Fornvännen. Stockholm. Vol. 19. P. 136–139.
- Arrhenius 1978 – *Arrhenius B.* Ein Amethystanhänger aus Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haihabu. Neumünster. Bd. 12. S. 9–23.
- Arrhenius 1980 – *Arrhenius B.* The chronology of the Vendel graves // Rapport från Stockholms universitets arkeologiska forskningslaboratorium, 1980:2.
- Arrhenius 1990 – *Arrhenius B.* Utgrävningen av den östligaste storhögen på gravfältet Ormknös. RAÄ 111, Björkö, Adelsö sn. Uppland. Laborativ arkeologi 4. Stockholm. S. 65–80.
- Arrhenius, Eriksson 2006 – *Arrhenius B., Eriksson G.* Guldens hög i Husby-Långhundra. Stockholm.
- Arwidsson 1942 – *Arwidsson G.* Vendelstile, Email und Glas im 7.–8. Jahrhundert. Uppsala.
- Asplund 2008 – *Asplund H.* Kymittae. Sites, Centrality and Long-Term Settlement Change in the Kemionsaari Region in SW Finland // Turun Yliopiston julkaisuja/Annales Universitatis Turkuensis. Sarja - Ser. B osa. Tom. 312. Humaniora. Turku.
- Atgāzis 1974 – *Atgāzis M.* Dzelzs iedzītņa šķēpu gali ar atkarpēm Latvijā // Arheoloģija un etnogrāfija. Rīga. T. XI. 154.– 73. lpp.
- Atterman 1934 – *Atterman I.* Fågelformade spännen och beslag från folkvandringstid // Studier tillägnade Gunnar Ekholm. Göteborg. Vol. 13/3. P. 169–186.
- Balassa 1975 – *Balassa I.* The earliest ploughshapes in Central Europe // Tools and Tillage. Copenhagen. Vol. II: 4. P. 242–255.
- Balodis 1929 – *Balodis F.* Die lettischen Burgberge // Fornvännen. Stockholm. Bd 24. P. 270–295.
- Balodis 1942 – *Balodis F.* Die Burgberge Lettlands (Estratto da «Studi Baltici»). Vol. VIII. 1941–42). Roma.
- Bárdos, Garam 2009 – *Bárdos E., Garam E.* Das awarenzeitliche Gräberfeld in Zamárdi-Rétiföldek. Budapest. T. 1.
- Barford 2001 – *Barford P. M.* The Early Slavs: Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe. London; New York.
- Barth 1969 – *Barth F.* Ethnic Groups and Boundaries. Introduction. Boston.
- The Baeux Tapestry 2004 – The Baeux Tapestry. London.
- Bekić 2016 – *Bekić L.* The Early Medieval between Pannonia and the Adriatic. Early Slavic Ceramic and other Archaeological Finds from the Sixth to Eighth Century. Pula.
- Bennett 1985 – *Bennett A.* Karleby och Gärtuna: bebyggelse och gravar från bronsålder och järnålder i Östertälje socken, Södermanland. Stockholm.
- Beranová 1989 – *Beranová M.* The agricultural tools of Bohemia at the beginning of the Iron Age (5th – 3rd century BC) // Tools and Tillage. Copenhagen. Vol. VI: 2. P. 107–118.

- Berglund 1991 – *Berglund B. E. (Ed.)* The cultural landscape during 6000 years in southern Sweden – the Ystad Project // *Ecological Bulletins*. Copenhagen. Bd. 4.
- Bikic 2010 – *Bikic V.* Vizantijski nakit u Srbiji: modeli i naslede. Beograd.
- Bitner-Wróblewska 2006 – *Bitner-Wróblewska A.* The key problems of Late Migration Period in the Balt Lands // *Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas. P. 7–15.
- Biuw 1992 – *Biuw A.* Norra Spånga. Stockholm.
- Björck, Håkansson, Antonsson 1995 – *Björck J., Håkansson T., Antonsson H.* Eisåsen – a Deserted Farm in Jämtland, Sweden. *Vegetation History and Soil Studies* // *Pact*. Vol. 50. P. 337–346.
- Björkman 2001 – *Björkman L.* The role of human disturbance in Late Holocene vegetation changes on Kullaberg, southern Sweden // *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 10. P. 201–210.
- Bogucki 2007 – *Bogucki M.* Some Oriental Finds from the Port of Trade at Janów Pomorski (Truso), Poland // *Cultural Interaction between East and West*. Stockholm. P. 164–170.
- Bolin 1999 – *Bolin H.* Crossroads of culture. Aspects of the social and cultural setting in northern Sweden during the last two millennia BC // *Fennoscandia archaeologica*. Vol. XVI. P. 3–29.
- Bonde 1994 – *Bonde, N.* De norske vikingskibsgraves alder. Et vellykket norsk-dansk forskningsprojekt. // *Nationalmuseets Arbejdsmark*. København. P. 128–148.
- Bogucki 2006 – *Bogucki M.* Grobiņa – a Sign of an Early Future Port of Trade in the Balt Lands // *Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas. P. 93–106.
- Borders, Barriers and Ethnogenesis 2005 – *Borders, Barriers and Ethnogenesis*. *Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages* / Ed. by F. Curta. Brepols.
- Bowen 1963 – *Bowen H. C.* Ancient fields. A tentative analysis of vanishing earthworks and landscapes. London.
- Brady 1990 – *Brady Niall D. K.* Early ard pieces in Finnish museums // *Tools and Tillage*. Copenhagen. Vol. VI: 3. P. 158–175.
- Brastiņš 1928 – *Brastiņš E.* Latvijas pilskalni. Latgale. Rīgā.
- Brather 2004 – *Brather S.* The beginnings of Slavic settlement east of the river Elbe // *Antiquity*. Vol. 78. No. 300. June. P. 314–329.
- Brather 2006 – *Brather S.* Early Dirham Finds in the Southeast Baltic. Chronological Problems in the Light of Finds from Janów Pomorski (Truso) // *Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas. P. 133–142.
- Brather 2008 – *Brather S.* Archäologie der westlichen Slawen. Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaft im frühund hochmittelalterlichen Ostmitteleuropa. *Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Bd. 61. Berlin – New York.
- Brather 2017 – *Brather S.* The Archaeology of Identities and Alterities. Opposite Perspectives for the Early Middle Ages // *Entangled Identities and Otherness in Late Antique and Early Medieval Europe. Historical, Archaeological and Bioarchaeological Approaches*. BAR – International Series 2852. Oxford. P. 11–22.
- Bratt 1996 – *Bratt P.* Storhögar och maktstrukturer i Mälardalen under järnåldern // *Aktuell arkeologi V*. Stockholm archaeological reports. Stockholm. Nr. 30. P. 13–36.
- Bratt 1999 – *Bratt P.* Anundshög. Del 1, Delundersökning för datering: arkeologisk delundersökning av Anundshög, RAÄ 431, Långby, Badelunda socken, Västerås stad, Västmanland. Stockholm.
- Bratt 2004 – *Bratt P.* Anundshög – ett maktcentrum i Västmanland under yngre järnåldern // *Halvdanshaugen – arkeologi, historie og naturvitenskap*. Oslo. P. 277–300.
- Bratt 2008 – *Bratt P.* Makt uttryckt i jord och sten: stora högar och maktstrukturer i Mälardalen under järnåldern. Stockholm.
- Broadbent 1985 – *Broadbent N.* New Knowledge of Early Iron Age Settlement in Northern Sweden // *Archaeology and Environment*. Vol. 4. P. 387–393.
- Brown, Pluskowski 2013 – *Brown A., Pluskowski A.* Medieval Landscape Transformation in the Southeast and Eastern Baltic: Palaeoenvironmental Perspectives on the Colonisation of Frontier Landscapes // *Archaeologia Baltica*. Klaipėda. Vol. 20. P. 24–46.
- Brugmann 2004 – *Brugmann B.* Glass beads from early Anglo-Saxon graves: a study on the provenance and chronology of glass beads from Anglo-Saxon graves based on visual examination. Oxford.
- Budinský-Krička 1956 – *Budinský-Krička V.* Pohrebisko z neskorej doby avarskej v Žitavskej Tôni // *Slovenská Archeologia*. T. IV-1. S. 5–131.
- Buko 2008 – *Buko A.* The Archaeology of Early Medieval Poland. Leiden – Boston.
- Butėnas 2001 – *Butėnas E.* Kario raitelio kapas iš Kurklių šilo pilkapyno // *Lietuvos archeologija*. Vilnius. T. 21. P. 227–234.
- Butėnas 2012 – *Butėnas E.* The Excavation of Kurklių Šilas Barrow Cemetery // *Archaeological Investigations in Independent Lithuania*. Vilnius. P. 86–89.
- Büntgen et al. 2011 – *Büntgen U., Tegel W., Nicolussi K., McCormick M., Frank D., Trouet V. M., Kaplan J. O., Herzig F., Heussner K. U., Wanner H., Luterbacher J., Esper J.* 2500 Years of European Climate Variability and Human Susceptibility // *Science*. Vol. 331. P. 578–582.
- Büntgen et al. 2016 – *Büntgen U., Myglan V. S., Chaprentier Ljungqvist F., McCormick M., Di Cosmo N., Sigl M., Jungclaus J., Wagner S., Krusic P. J., Esper J., Kaplan J. O., de Vaan M. A. C., Luterbacher J., Wacker L., Tegel W., Kirilyanov A. V.* Cooling and societal change during the

- Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD // *Nature Geoscience*. Vol. 9. P. 231–236.
- Callmer 2000 – *Callmer J.* The archaeology of the early Rus' c. AD 500–900 // *Mediaeval Scandinavia: A journal devoted to the study of mediaeval civilization in Scandinavia and Iceland*. Vol. 13. P. 7–63.
- Callmer 2006 – *Callmer J.* Early West Slavic pottery and Scandinavian brooches and combs / *Świat Słowian wczesnego średniowiecza*. Szczecin – Wrocław.
- Callmer 2013 – *Callmer J.* At the watershed between the Baltic and the Pontic before Gnezdovo // *From Goths to Varangians. Communication and Cultural Exchange between the Baltic and the Black Sea*. Aarhus. P. 39–85.
- Carlsson 1979 – *Carlsson D.* Kulturlandskapets utveckling på Gotland. Visby.
- Chalk, Johanssohn 1990 – *Chalk F., Johanssohn K.* The History and Sociology of Genocide. Analysis and case studies. New Haven, London.
- Charanis 1959 – *Charanis P.* Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 13. P. 23–44.
- Christiansson, Nordahl 1989 – *Christiansson H., Nordahl E.* Tingshögen and Kungsgårdsplatåerna in Gamla Uppsala // *Tor*. Vol. 22. P. 245–258.
- Comşa 1982 – *Comşa M.* Östliche Elemente im Karpaten-Balkan-Raum im 7.–8. JH / *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte*. Vol. II, Nr. 17. S. 11–40.
- Constable 1996 – *Constable O. R.* Trade and Traders in Muslim Spain: The Commercial Realignment of the Iberian Peninsula, 900–1500. Cambridge.
- Crane 1972 – *Crane F.* Extant Medieval musical instruments: a Provisional Catalogue by Types. Iowa City.
- Cruikshank Dodd 1961 – *Cruikshank Dodd E.* Byzantine Silver Stamps. Washington.
- Crustal 2003 – *Crustal D.* English as a global language. Cambridge.
- Curba, Soczewiński 2002 – *Curba J., Soczewiński E.* Skarb dirhemów, ozdób srebrnych i złomu srebra z drugiej połowy X wieku z okolic Pińska // *ГАЗ. Мінск*. № 17. С. 158–164.
- The Curonians 2009 – *The Curonians: Tribe Culture According to the Burial Data*. Vilnius.
- Curta 2002 – *Curta F.* From Kossinna to Bromley: Ethnogenesis in Slavic Archaeology // *On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages*. Studies in the Early Middle Ages. Vol. 4. Sydney. P. 201–218.
- Curta 2004 – *Curta F.* The Slavic *Lingua Franca* (Linguistic Notes of an Archeologist Turned Historian) // *East Central Europe*. Vol. 31. Part 1. P. 125–148.
- Curta 2005 – *Curta F.* Frontier Ethnogenesis in Late Antiquity: The Danube, the Tervingi, and the Slavs // *Borders, Barriers and Ethnogenesis. Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages*. Brepols. P. 173–04.
- Curta 2006 – *Curta F.* Southeastern Europe in the Middle Ages. 500–1250. Cambridge.
- Curta 2007 – *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700 A. D. Cambridge.
- Curta 2008 – *Curta F.* The making of the Slavs between ethnogenesis, invention, and migration // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 2(4). Июль–декабрь. P. 155–171.
- Čilinská 1983 – *Čilinská Z.* The development of the Slavs north of the Danube during the Avar Empire and their social-cultural contribution to Great Moravia // *Slovenská archeológia XXXI-2*. 1983. Bratislava. P. 237–276.
- Daim 2017 – *Daim F.* The Gold of the Avars. Three Case Studies // *Dalle steppe al mediterraneo popoli, culture, integrazione*. Atti del Convegno internazionale di studi Fondazioni e rituali funerari delle aristocrazie germaniche nel contesto mediterraneo Cimitile-Santa Maria Capua Vetere, 18–19 giugno 2015, Atti del Convegno internazionale di studi Oriente e Occidente fra tarda antichità e medioevo popoli e culture dalle steppe al Mediterraneo Cimitile-Santa Maria Capua Vetere, 16–17 giugno 2016. Napoli. P. 407–422.
- Damell 1985 – *Damell D.* Rösaring and a Viking Age Cult Road // *Archaeology and Environment*. Vol. 4. P. 171–185.
- Damell 1991 – *Damell D.* Fornsigstuna – a Royal Seat and Precursor of an Urban Settlement // *Regions and reflections*. In honour of Märta Strömberg. Lund. P. 291–296.
- Damell 1993 – *Damell D.* About Royal Manors from the Late Iron Age in Middle Sweden // *Current Swedish Archaeology*. Vol. 1. P. 39–47.
- Davidan 1992 – *Davidan O. I.* Kunsthandwerkliche Gegenstände des 8. bis 10. Jahrhunderts aus Alt-Ladoga (Die Sammlung der Staatlichen Ermitage in St. Petersburg) // *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*, Jahrgang 20. Bonn. S. 5–61.
- Davidson 1952 – *Davidson R. G.* The minor objects. Corinth. Results of excavations 12. New Jersey.
- Dobos 2015 – *Dobos A.* Weapons and weapon depositions in the late row-grave cemeteries in Transylvania // *Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin*. Cluj-Napoca. P. 57–88.
- Dolukhanov 1995 – *Dolukhanov P.* The Holocene environment and prehistoric settlement in the Northeasyern Baltic Area // *Fennoscandia archaeologica*. Helsinki. Vol. XII. P. 25–33.
- Dolukhanov et al. 2010 – *Dolukhanov P. M., Subetto D. A., Arslanov Kh. A., Davydova N. N., Zaitseva G. I., Kuznetsov D. D., Ludikova A. V., Sapelko T. V., Savelieva L. A.* Holocene oscillations of the Baltic Sea and Lake Ladoga levels and early human movements // *Quaternary International*. Vol. 220. P. 102–111.
- Drotz, Ekman 1995 – *Drotz M., Ekman N.* Kumla Ättebacke – 1000 år i Härads Kumla. Arkeologisk undersökning E20, Södermanland, Härads socken, RAÄ 15, Dnr 3035/92.

- Riksantikvarieämbetet UV Stockholm. Rapport 1995: 32. Stockholm.
- Ducmane, Ozoliņa 2009 – *Ducmane K., Ozoliņa A.* Latvija Eiropā: monētu depoziiti 1.–20. gadsimtā. Rīga.
- Duczko 1996 – *Duczko W.* Uppsalahögarna som symboler och arkeologiska källor // *Arkeologi och miljögeologi i Gamla Uppsala. Vol. II. Occasional Papers in Archaeology. Vol. 11.* Uppsala. S. 59–93.
- Duczko 2004 – *Duczko W.* Viking Rus. Studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden, 2004.
- Dulinicz 2001 – *Dulinicz M.* Kształowanie się słowiańszczyzny północno-zachodniej: Studium archeologiczne. Warszawa.
- Dürr 2018 – *Dürr R.* „Symbols of power“ im (spät)römischen Gräberfeld von Unterloisdorf (Bez. Oberpullendorf / A) // *Archäologisches Korrespondenzblatt. Nr. 48.* S. 229–240.
- Dvornik 1956 – *Dvornik F.* The Slavs. Their Early History and Civilization. Boston.
- Dyer 1972 – *Dyer J.* Earthworks of the Danelaw Frontier // *The Archaeology and the Landscape. London.* P. 222–235.
- Eketorp III 1998 – *Eketorp III:* Den medeltida befästningen på Öland. Artefakterna. Stockholm.
- Einerstam 1940 – *Einerstam B.* En kungshög vid Norsborg // *Sörmlandsbygden: Södermanlands hembygdsförbunds årsbok. Nyköping.* P. 143–152.
- Ekholm 1931 – *Ekholm G.* Gravhögen vid Staby, Uppsala-Näs // *Upplands fornminnesförenings tidskrift. Uppsala, 1929–1933. Vol. XLIII.* P. 65–69.
- Engelmark 1978 – *Engelmark R.* The comparative Vegetational History of Inland and Coastal Sites in Medelpad, N Sweden, during the Iron Age // *Early Norrland. Stockholm. Vol. 11.* P. 25–62.
- Engelmark 1981 – *Engelmark R.* Carbonized plant material from the early Iron Age in N Sweden // *Wahlenbergia. Umeå. Vol. 7.* P. 39–43.
- Engelmark, Wallin 1985 – *Engelmark R., Wallin J.-E.* Pollen Analytical Evidence for Iron Age Agriculture in Hälsingland, Central Sweden // *Archaeology and Environment. Vol. 4.* P. 353–366.
- Engström 1984 – *Engström J.* Torsburgen. Talking av en gotländsk fornborg. Aun 6. Uppsala.
- Engström 1992 – *Engström J.* Die prähistorischen und mittelalterlichen Burgen Gotlands. Eine Forschungsübersicht // *Die kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Fruhen Mittelalter. Uppsala.* S. 49–59.
- Eremeev et al. 2009 – *Eremeev I. I., Dzyuba O. F., Lisitsyna O. V., Buben'ko T. S., Podgursky P. N.* New evidence of initial agriculture in the Western Dvina Basin // *Quaternary International. Vol. 203.* P. 67–73.
- Erdélyi, Ojtozi, Gening 1969 – *Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W.* Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest.
- Everyday life 2002 – *Everyday life in Byzantium.* Athens.
- Eriksson 1999 – *Eriksson J.-A.* Land-use history in Gamla Uppsala // *Laborativ Arkeologi. Bd. 12.* P. 25–34.
- Ferenius, Gustafsson 1999 – *Ferenius J., Gustafsson H.* Brennekyrkia Sochn. Socknen vid staden. Monografier utgivna av Stockholms stad 115. Stockholm.
- Feveile, Jensen 2000 – *Feveile C., Jensen S.* Ribe in the 8th and 9th century. A contribution to the archaeological chronology of North Western Europe // *Acta archaeologica. København. Vol. 71,* P. 9–24.
- Florek 2008 – *Florek M.* Issues concerning the existence and functions of the so-called great kurgans in Małopolska in early phases of the Early Middle Ages // *Analecta archaeologica ressoviensia. Rzeszów. T. 3.* P. 273–307.
- Florin 1958 – *Florin M.-B.* Pollen-analytical evidence of prehistoric agriculture at Mogetorp Neolithic settlement, Sweden // *Vråkulturen: Stenaldersboplatserna vid Mogetorp, Östra Vrå och Brokvarn. Stockholm.* P. 223–247.
- Franklin, Shepard 1996 – *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus, 750–1200. London & New York.
- Fredsjö 1960 – *Fredsjö Å.* Tingshögen i Bro. Lysekil.
- Fries 1962 – *Fries M.* Studies of sediments and the vegetational history in the Ösbysjö basin north of Stockholm // *Oikos. Bd. 13.* P. 76–96.
- Geake 1997 – *Geake H.* The Use of Grave-Goods in Conversion-Period England, c. 600–850. BAR. British Series 261. Oxford.
- Garipzanov, Geary, Urbańczyk 2008 – *Garipzanov I. H., Geary P. J., Urbańczyk P.* Introduction: Gentes, Gentile Identity, and State Formation in Early Medieval Europe // *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Turnhout.* P. 1–14.
- Gimbutas 1971 – *Gimbutas M.* The Slavs. London.
- Glaß, Goßler, Kinkeldey 2013 – *Glaß S., Goßler N., Kinkeldey T.* Frühe Slawen in der Westprignitz // *Slawen an der unteren Mittelelbe. Untersuchungen zur ländlichen Besiedlung, zum Burgenbau, zu Besiedlungsstrukturen und zum Landschaftswandel Beiträge zum Kolloquium vom 7. bis 9. April 2010 in Frankfurt a. M. Wiesbaden.* S. 39–52.
- Goßler, Kinkeldey 2011 – *Goßler N., Kinkeldey T.* Eine frühslawische Siedlung am Rudower See bei Lenzen (Lkr. Prignitz, Brandenburg) // *Der Wandel um 1000. Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte der 18. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumforschung in Greifswald, 23. bis 27. März 2009. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. Bd. 60. Langenweissbach.* S. 318–328.
- Godłowski 1979 – *Godłowski K.* Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia Słowian w V–VII w. n. e. Kraków.
- Godłowski 2000 – *Godłowski K.* Pierwotne siedziby Słowian. Kraków.
- Goldina 2003 – *Goldina E.* Scandinavia and the Kama region: contacts in the second half of the 1st millennium AD // *Art and archaeological investigation of the Woodland*

- of East Europe. Izhevsk. Material and researches of the Kama-Vyatka archaeological expedition. T. 8. P. 61–70.
- Gołąb 1992 – *Gołąb Z.* The origins of the Slavs: a linguist's view. Columbus.
- Grufhögssynd vid Tureberg 1908 – Grufhögssynd vid Tureberg // Uppsala Nya Tidning. Vol. 7/6.
- Gräslund 1980 – *Gräslund A.-S.* The burial customs. A study of the graves on Björkö. Birka IV. Stockholm.
- Gustin 2016 – *Gustin I.* Elites, Networks and the Finnish Connection in Birka // New Aspects on Viking-age Urbanism c. AD 750–1100. Stockholm. P. 49–61.
- Hackman 1910 – *Hackman A.* Ett fornfynd på Tytärsaari i Finska viken // *Kaukomieli IV*: 45–58.
- Hackman 1938 – *Hackman A.* Das Brandgräberfeld von Pukkila in Isokyrö // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska Fornminnesföreningens Tidskrift. Vol. XLI. Helsinki.
- Hadley 2006 – *Hadley D. M.* The Vikings in England. Settlement, society and culture. Manchester.
- Halsall 2003 – *Halsall G.* Warfare and the society in the Barbarian West, 450–900. London – New York.
- Halsall 2007 – *Halsall G.* Barbarian migrations and the Roman West, 376–568. Cambridge.
- Hammar 1999 – *Hammar T.* The Prehistoric Environment of Fornsigstuna: A paleoecological study of the land-use history at Signhildsberg. Stockholm.
- Hansson 1938 – *Hansson H.* En ättenhög i Brännkyrka // Kulturhistoriska studier 1938. Stockholm.
- Hansson 1995 – *Hansson A.-M.* Seeds and Fruits found in the Black Earth of Birka: Excavation Season 1990 // Birka studies. Stockholm. Vol. 2. P. 117–122.
- Hansson 1997a – *Hansson A.-M.* On plant food in the Scandinavia Peninsula in Early Medieval Times. Stockholm.
- Hansson 1997b – *Hansson A.-M.* Bilaga 3: Vegetabilier som gravgåva. Rapport av växtmakrofossilanalys av två brandgravar, A1 och A2 samt sotfläck A10 under grav A2, RAÅ 26, Up., Vendels sn, Vendel // SIV Svealand i Vendel- och Vikingatid: Rapport från utgrävningarna i Vendel. Stockholm. S. 93–97.
- Hansson, Bergström 2002 – *Hansson, A.-M., Bergström L.* Archaeobotany in prehistoric graves – concepts and methods // Journal of Nordic Archaeological Science. Vol. 13. P. 43–58.
- Havlíková 1991 – *Havlíková L.* Slavic Ships in 5th – 12th Centuries Byzantine Historiography // *Byzantinoslavica*. Prague. Vol. LII. P. 89–104.
- Hedlund 1994 – *Hedlund J.* Hersby i Sollentuna. Hersir –by; en del i landvärdet under yngre järnålder i Uppland // Arkeologi i Attundaland. Stockholm. P. 76–98.
- Helbaek 1955 – *Helbaek H.* The botany of the Vallhagar Iron Age field // Vallhagar. A Migration Period settlement on Gotland / Sweden. Copenhagen. P. 653–699.
- Helmbrecht 2008 – *Helmbrecht M.* Prachtvolle Zeugnisse weitreichender Verbindungen: Ein karolingerzeitlicher Neufund vom Aggbichl bei Marquartstein, Lkr. Traunstein // Bericht der bayerischen Bodendenkmalpflege. Bd. 49. S. 367–385.
- Hampel 1905 – *Hampel J.* Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Bd. 1. Systematische Erläuterung. Braunschweig.
- Henning 2007 – *Henning J.* “Heiße Eisen” der frühen Rechtsgeschichte: Pflugschare als Grabbeigaben in der Merowinger- und Karolingerzeit // Die Herrschaften von Asseln: Ein frühmittelalterliches Gräberfeld am Dortmunder Hellweg. München. P. 109–114.
- Henning 2008 – *Henning J.* Strong Rulers – Weak Economy? Rome, the Carolingians and the Archaeology of Slavery in the First Millennium AD // The Long Morning of Medieval Europe. New Directions in Early Medieval Studies. Aldershot. P. 33–53.
- Henning 2014 – *Henning J.* Did the “agricultural revolution” go east with Carolingian conquest? Some reflections on early medieval rural economics of the *Baiuvarii* and *Thuringi* // *Baiuvarii and Thuringi: An Ethnographic Perspective*. Studies in Historical Archaeoethnology. Center for Interdisciplinary Research on Social Stress. International conference in San Marino, September 2004. San Marino. P. 331–360.
- Henry 1967 – *Henry F.* Irish art during the Viking invasion (800–1020 A.D.). London.
- Heurgon 1958 – *Heurgon J.* Le trésor de Ténès. Paris.
- Hillberg 2015 – *Hillberg J.* Early Lyres in Context a Comparative Contextual Study on Early Lyres and the Identity of Their Owner/User. Master's Thesis in Archaeology 2015/VT Supervisor: Kristina Jennbert. Department of Archaeology & Ancient History, Lund University.
- Hillerdal 2009 – *Hillerdal C.* People in Between. Ethnicity and Material Identity – a New Approach to Deconstructed Concepts / Occasional Papers in Archaeology. Vol. 50. Uppsala.
- Hodges 1989 – *Hodges R.* Dark age economics: the origins of towns and trade A.D. 600–1000. Bristol.
- Holand 2003 – *Holand I.* Glass vessels // Borg in Lofoten: a chieftain's farm in North Norway. Trondheim. P. 211–229.
- Holmqvist Olausson 1993 – *Holmqvist Olausson L.* Aspects on Birka. Investigations and surveys 1976–1989. Theses and papers in archaeology B: 3. Stockholm.
- Holmqvist Olausson 2001 – *Holmqvist Olausson L.* Birkas befästningsverk – resultat från de senaste årens utgrävningar // Birkas krigare. Stockholm. P. 9–15.
- Holmqvist 1975 – *Holmqvist, W.* Was there a Christian mission to Sweden before Ansgar? // Early medieval studies 8 (Antikvariskt arkiv 75). Stockholm. P. 33–55.
- Huggett 1988 – *Huggett J. W.* Imported Grave Goods and the Early Anglo-Saxon Economy // *Medieval Archaeology*. Vol. 32. London. P. 63–96.

- Hyenstrand 1981 – *Hyenstrand Å.* The Mälaren Area // Excavations at Helgö. Stockholm. Vol. 6.
- Hållans 1986 – *Hållans A.-M.* Pollista, en vikingatid gård // Tor. Uppsala. Bd. 21. S. 38–44.
- Høilund Nielsen 1987 – *Høilund Nielsen K.* Zur Chronologie der jüngeren germanischen Eisenzeit auf Bornholm. Untersuchungen zu Schmuckgarnituren // Acta Archaeologica. København. Vol. 57. S. 47–86.
- Hardh 1984 – *Hardh B.* Feuerstahle // Birka II: 1. Systematische Analysen der Graberfunde. Stockholm. S. 155–160.
- Jacobsson 2003 – *Jacobsson B.* Trelleborg and the Southern Plain during the Iron Age: a study of a coastal area in south-west Scania, Sweden // Centrality – regionalität: the social structure of southern Sweden during the Iron Age. Acta Archaeologica Lundensia Series in 8: 40. P. 191–221.
- Jans et al. 2018 – *Jahns S., Alsleben A., Bittmann F., Brande A., Christiansen J., Dannath Y., Effenberger H., Giesecke T., Jäger K.-D., Kirleis W., Kloß S., Kloss K., Kroll H., Lange E., Medović A., Neef R., Stika H.-P., Sudhaus D., Wiethold J., Wolters S.* Zur Geschichte der nacheiszeitlichen Umwelt und der Kulturpflanzen im Land Brandenburg // Sonderdruck aus: Beiträge zur Archäozoologie und Prähistorischen Anthropologie. Bd. XI. Gesellschaft für Archäozoologie und Prähistorische Anthropologie e.V. S. 9–35.
- Jansson 1985 – *Jansson I.* Ovals spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet. Uppsala.
- Jansson 1986 – *Jansson I.* Gürtel und Gürtelzubehör vom orientalischen Typ // Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm. S. 77–108.
- Jansson 1992 – *Jansson I.* Scandinavian oval brooches found in Latvia // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Frühen Mittelalter. Uppsala. P. 61–78.
- Jansson 1997 – *Jansson I.* Warfare, trade or colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking Period // The Rural Viking in Russia and Sweden. Örebro. P. 9–64.
- Jansson 1999 – *Jansson I.* «Oriental import» into Scandinavia in the 8th–12th centuries and the role of Volga Bulgaria // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань. С. 116–124.
- Jirlow 1973 – *Jirlow R.* Årderkrokarna från Björnlunda och Svarvarbo // Fornvännen. Stockholm. Bd. 1. P. 20–22.
- Jonsson 1994 – *Jonsson K.* A Gotlandic Hoard from the Early Viking Age // Festschrift till Birgit Arrhenius / ed. T. Hackens. PACT 38. Brussels. P. 451–458.
- Jonsson, Ostergren 1990 – *Jonsson K., Ostergren M.* The Gotland hoard project and the Stumle hoard – an insight into the affairs of a gotlandic «farman» // Sigtuna Papers. Proceedings of the Sigtuna symposium on Viking-age coinage 1–4 June 1989. Stockholm. P. 145–158.
- Jöns 2006 – *Jöns H.* Slawisch-skandinavische Kontakte an der südwestlichen Ostseeküste im Lichte neuer Forschungen // Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic. Kaunas. P. 117–131.
- Jørgensen 1990 – *Jørgensen L.* Bakkegard and Glasergard. Two cemeteries from the Late Iron Age on Bornholm. København.
- Jørgensen 1992 – *Jørgensen, L.* AD. 568 – A Chronological Analysis of Lombard Graves in Italy // Chronological studies of Anglo-Saxon England, Lombard Italy and Vendel Period Sweden. Copenhagen.
- Jørgensen, Jørgensen 1997 – *Jørgensen L., Jørgensen A. N.* Norre Sandegard Vest. A cemetery from the 6th–7th centuries on Bornholm. København.
- Importants sites 1978 – Importants sites slaves en Slovaquie. Bratislava.
- Innes 2007 – *Innes M.* Introduction to Early Medieval Western Europe, 300–900: The Sword, the Plough and the Book. Routledge.
- Iršėnas 2009 – *Iršėnas M.* Žmogaus ir gyvūnų vaizdavimas baltų dailėje. Vilnius.
- Ivanov 2019 – *Ivanov M.* Serdica in the 1th–6th c. // Sofia and Belgrade. Archaeological pearls. Sofia – Belgrade. P. 48–53.
- Iversen, Näsman 1978 – *Iversen M., Näsman U.* Smykkefund fra Eketorp-II // Kuml. 1977. P. 85–104.
- Kahane, Henry & Renee 1962 – *Kahane, Henry & Renee.* Notes on the Linguistic History of *Sclavus* // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver. Collana di “Ricerche Slavistiche”. Firenze. P. 345–360.
- Kaliff, Oestigaard 2018 – *Kaliff A., Oestigaard T.* Bronze Age Håga and the Viking King Björn: A History of Interpretation and Documentation from AD 818 to 2018. Uppsala.
- Karlsson 1997 – *Karlsson S.* Pollen Analysis from a Rock Depression, the Hillfort, Birka, Björkö // PACT. Vol. 52. P. 239–248.
- Karlsson 1999 – *Karlsson S.* Vegetation History and land use in the Vendel area, Uppland, eastern Sweden // Laborativ Arkeologi. Bd. 12. P. 11–24.
- Karlsson et al. 1995 – *Karlsson S., Björck J., Elfstrand B., Risberg J., Sandrem P.* Vegetational History and Human Impact as Recorded in the Bog Älgpussen, Eastern Sweden // PACT. Vol. 50. P. 319–330.
- Karlsson, Robertsson 1997 – *Karlsson S., Robertsson A.-M.* Human Impact on the Lake Mälaren Region during the Viking Age (AD 750–1050): a Survey of Biostratigraphical Evidence // Birka Studies. Stockholm. Vol. 4. P. 47–72.
- Kastholm 2016 – *Kastholm O. T.* Bronzealderbådene fra Varpelev og Vestersø i et europæisk perspektiv // Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie. København. P. 59–115.
- Kazakevičius 1993 – *Kazakevičius V.* Plinkaigalio kapinynas (Summary: The Plinkaigalis Burial Ground) // Lietuvos archeologija. Vilnius. T. 10. P. 3–181.

- Kubiak 1958 – *Kubiak W.* Skarb monet kufickich z Antopola na Polesiu a szlak wodny przypecko-bużański // *Vznik a počatky Slovanu.* Praha. T. II. S. 225–232.
- Kuncienė 1972 – *Kuncienė O.* Prekybiniai ryšiai IX–XIII amžiais // *Lietuvos gyventojų prekybiniai ryšiai I–XIII a.* P. 149–254, 279–285.
- López Quiroga, Kazanski, Ivanišević 2017 – *López Quiroga J., Kazanski M., Ivanišević V. (dir.)*. Entangled Identities and Otherness in Late Antique and Early Medieval Europe. Historical, Archaeological and Bioarchaeological Approaches. BAR – International Series 2852. Oxford. P. 1–10.
- Karlsson, б. д. – *Karlsson Ö.* Bebyggelsen Kring Ottarshögen. Stockholm.
- Keeley 1996 – *Keeley L. H.* War before Civilization. New York – Oxford.
- Kiss 2001 – *Kiss A.* Das awarenzeitliche Gräberfeld in Kölked-Feketekapu B. T. II. Budapest.
- Kivikoski 1940 – *Kivikoski E.* Svenskar i österled under 500-talet / FM. Vol. XLVI. Helsingfors.
- Kivikoski 1973 – *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki.
- Kleiber 1957 – *Kleiber B.* Zu einigen Ortsnamen aus Gardaríke // *Scando-Slavica.* Bd. 3. S. 215–223.
- Kliaugaitė, Kurila, Baubonis 2012 – *Kliaugaitė V., Kurila L., Baubonis Z.* Ažušilė Barrow Cemetery // *Archaeological Investigations in Independent Lithuania.* Vilnius. P. 90–94.
- Kliaugaitė, Kurila 2012 – *Kliaugaitė V., Kurila L.* Baliuliai Barrow Cemetery // *Archaeological Investigations in Independent Lithuania.* Vilnius. P. 95–101.
- Koch 1987 – *Koch U.* Die Glas- und Edelsteinfunde aus den Plangrabungen 1967–1983. Teil 1: Text / Der Runde Berg bei Urach. Teil: 6. Heidelberg.
- Koch 1997 – *Koch U.* Polychrome Perlen in Württemberg / Nordbaden // *Perlen: Archaologie, Techniken, Analysen.* Bonn. S. 143–148.
- Koivisto, Nurminen 2015 – *Koivisto S., Nurminen K.* Go with the flow: stationary wooden fishing structures and the significance of estuary fishing in subneolithic Finland // *Fennoscandia archaeologica XXXII.* Helsinki. P. 55–77.
- Korpela 2019 – *Korpela J.* Slaves from the North: Finns and Karelians in the East European slave trade, 900–1600. Leiden, Boston.
- Kovalev, Kaelin 2007 – *Kovalev R. K., Kaelin A. C.* Circulation of Arab Silver in Medieval Afro-Eurasia: Preliminary Observations // *History Compass.* Vol. 5. P. 1–21.
- Kruse 1859 – *Kruse F.* Necrolivonica oder Geschichte und Alterthümer Liv-, Esth- und Curlands griechischen, romischen, byzantinischen, nortmannischen oder warger-russischen, frankischen, angelsachsischen, angolanischen Ursprungs. Gefunden auf einer Allerhochst befehlenden archaologischen Untersuchungsreise und durch spatere Nachforschungen wissenschaftlich erläutert. Leipzig.
- Königsson 1989 – *Königsson I.-K.* Pollen analysis in archaeology and geoarchaeology // *Pact. Ravello.* Bd. 24. P. 81–104.
- Königsson 2001 – *Königsson I.-K.* Landschaftsentwicklung und Landnutzung im Novgoroder Land seit dem Neolithikum // *Novgorod: das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands. Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete.* Bd 1. Neumunster. S. 349–357.
- Königsson, Possnert, Hammar 1997 – *Königsson I.-K., Possnert G., Hammar Th.* Economical and cultural changes in the landscape development at Novgorod, Russia // *Tor. Uppsala.* Bd. 29. P. 353–387.
- Lamb 1985 – *Lamb H. H.* Climate, history and the modern world. London – New York.
- Lamm 1962 – *Lamm J. P.* Ett vendeltida gravfynd från Spelvik // *Fornvännen.* Stockholm. Vol. 57. P. 277–299.
- Lamm 2000 – *Lamm J. P.* Some Scandinavian art styles. // *From Attila to Charlemagne. Arts of the early medieval period in the Metropolitan Museum of Art.* New York. P. 308–321.
- Lang 1991 – *Lang V.* Uhe savinotuubi Ajaloost Loode-Eestis // *Muinasaja teadus 1. Arheoloogiline kogumik.* Tallinn.
- Lang 1994 – *Lang V.* Prehistoric and medieval field systems in Estonia // *Tools and Tillage.* Copenhagen. 1993–1994. Vol. VII, 2–3. P. 67–81.
- Lang 1994a – *Lang V.* Celtic and Baltic fields in North Estonia. Fossil field systems of the Late Bronze Age and Pre-Roman Iron Age at Saha-Loo and Proosa // *Acta Archaeologica.* Vol. 65. P. 203–219.
- Lang 1995 – *Lang V.* Varane maaviljelus ja maaviljelusuhiskond Eestis: aaremarkusi moningate arengutendentside kohta // *Eesti arheoloogia historiograafi lisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisi aspekte.* Muinasaja teadus. Vol. 3. Tallinn. P. 116–181.
- Lang 1995a – *Lang V.* The Hill-fort of Iru // *Archaeology East and West of the Baltic.* Stockholm. P. 53–60.
- Lang 1996 – *Lang V.* Muistne Rävåla. Muistised, kronoloogia ja maaviljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas. 1. köide // *Muinasaja teadus.* 4. Tallinn.
- Lang 1996a – *Lang V.* Muistne Rävåla. Muistised, kronoloogia ja maaviljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas. 2. köide // *Muinasaja teadus.* 4. Tallinn.
- Lang 2000 – *Lang V.* Keskusest aaremaaks: viljelusmajandusliku asustuse kujunemine ja areng Vihasoo-Palmse piirkonnas virumaal // *Muinasaja teadus.* 7. Tallinn.
- Lang 2007 – *Lang V.* The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu.
- Langhammer 2007 – *Langhammer D.* Ashusby – an Iron Age Central Place // *Cultural interaction between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in Northern Europe.* Stockholm. P. 140–147.

- Langó 2010 – *Langó P.* Crescent-shaped Earrings with Lower Ornamental Band // *Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Teil 3. Peripherie und Nachbarschaft.* Mainz. P. 369–410.
- Laul 2001 – *Laul S.* Rauaaja kultuuri kujunemine Eesti kaugosas (500 e. Kr. – 500 p. Kr.). Tallinn.
- Lebedev 1982 – *Lebedev G. S.* Der slawische Burgwall Gorodec bei Luga. Zum Problem der west-und ostslawischen Beziehungen // *Beiträge zur Ur-und Frühgeschichte.* Bd. II. Berlin. S. 225–238.
- Le Bon 1898 – *Le Bon G.* The Psychology of Peoples. New York.
- Lehtosalo-Hilander 1982 – *Lehtosalo-Hilander, P.-L.* Luistari II. The artefacts. Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 82:2. Helsinki.
- Liedgren 1992 – *Liedgren L.* Hus och gård i Hälsingland: en studie av agrar bebyggelse och bebyggelseutveckling i norra Hälsingland Kr.f.-600 e. Kr. Umeå.
- Ligi 1993 – *Ligi P.* National romantism in archaeology: the paradigm of slavonic colonization in North-West Russia // *Fennoscandia Archaeologica.* Helsinki. Bd. X. P. 31–39.
- Ligi 1994 – *Ligi P.* “Active Slaves” and “passive Finns”: a reply // *Fennoscandia Archaeologica.* Helsinki. Bd. XI. P. 104–112.
- Ligi 1995 – *Ligi P.* Saaremaa during the Viking Age // *Archaeology East and West of the Baltic.* Stockholm. P. 39–45.
- Lindqvist 1921 – *Lindqvist S.* Ynglingaättens gravskick // *Fornvännen.* Vol. 16. S. 83–194.
- Lindqvist 1936 – *Lindqvist S.* Uppsala högar och Ottarshögen. Stockholm.
- Litvin 2007 – *Litvin J.* Slav Boatbuilding Centres on the southern Baltic Shore (8th – 13th centuries) // *Siedlung, Kommunikation und Wirtschaft im westslawischen Raum: Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte des 5. Deutschen Archäologenkongresses in Frankfurt an der Oder, 4. bis 7. April 2005.* Langenweissbach. P. 91–105.
- Ljungkvist 2000 – *Ljungkvist J.* Vapen och brandgravskick under Vendeltid // *Tor 30.* Uppsala. 1998–1999. P. 165–184.
- Ljungkvist 2008 – *Ljungkvist J.* Dating two royal mounds of Old Uppsala. Evaluating the elite of the 6th – 7th century in Middle Sweden // *Archäologisches Korrespondenzblatt.* Nr. 38: 2. P. 263–282.
- Ljungkvist 2009 – *Ljungkvist J.* Continental Imports to Scandinavia. Patterns and Changes between AD 400 and 800 // *Foreigners in Early Medieval Europe: Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility.* Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 78. Mainz. P. 27–49.
- Ljungkvist 2013 – *Ljungkvist J.* Monumentaliseringen av Gamla Uppsala // *Gamla Uppsala i ny belysning. Religionsvetenskapliga studier från Gävle 9.* Uppsala. S. 33–67.
- Lutvak 2009 – *Lutvak E. N.* The Grand Strategy of the Byzantine Empire. Cambridge, Massachusetts, and London, England.
- Mann 1955 – *Mann T.* Phantasie über Goethe. Als Einleitung zu einer amerikanischen Auswahl aus seinen Werken. 1948 // *Mann T.* Gesammelte Werke in Zwölf Bänden. Berlin. Bd. X. S. 674–716.
- Mann et al. 2009 – *Mann M. E., Zhang Z., Rutherford S., Bradley R. S., Hughes M. K., Shindell D., Ammann C., Faluvegi G., Ni F.* Global Signatures and Dynamical Origins of the Little Ice Age and Medieval Climate Anomaly // *Science.* Vol. 326. P. 1256–1260.
- Mazurkevich et al. 2009 – *Mazurkevich A. N., Korotkevich B. S., Dolukhanov P. M., Shukurov A. M., Arslanov Kh. A., Savel'eva L. A., Dzinoridze E. N., Kulkova M. A., Zaitseva G. I.* Climate, subsistence and human movements in the Western Dvina – Lovat River Basins // *Quaternary International.* No. 203. P. 52–66.
- McCormick 2001 – *McCormick M.* Origins of the European Economy: Communications and Commerce A.D. 300–900. Cambridge.
- McCormick 2002 – *McCormick M.* New Light on the ‘Dark Ages’: How the Slave Trade Fuelled the Carolingian Economy // *Past & Present.* Vol. 177. P. 17–54.
- Melin, Sigvallius 2001 – *Melin J., Sigvallius B.* Cemetery 118 and Building Group 7 and Cemetery 115. Excavations at Helgö. 14. Stockholm, 2001.
- Messal 2001 – *Messal S.* The Daugava Waterway as a Communication Route to the East (9th–12th Centuries) // *Offa.* Neumunster. Bd 58. P. 71–80.
- Messal, Rogalski 2012 – *Messal S., Rogalski B.* The ‘Slavonisation’ of the southwestern Baltic area: Preliminary report on the investigations in the Pyritz region // *ACE Conference Brussels: The very beginning of Europe? Early-Medieval Migration and Colonisation.* Brussels. P. 89–100.
- Metcalfe 1962 – *Metcalfe D.* The Slavonic threat to Greece circa 500: some evidence from Athens // *Hesperia.* Baltimore. Vol. 3. No. 2. P.
- Mészáros 2017 – *Mészáros B.* Archaeological data on the history of Avars in the region between the Danube and Tisza rivers // *Hungarian Archaeology.* E-journal. 2017. Spring. P. 1–5.
- Meulemeester, O’Conor 2007 – *Meulemeester J. De, O’Conor K.* Fortifications // *The Archaeology of Medieval Europe.* Aarhus. Vol. I. P. 316–341.
- Mikhaylova 2016 – *Mikhaylova E. R.* The Population of the Southeast Shore of the Gulf of Finland and its Contacts with Regions of the Baltic Sea in the First Millennium AD // *Archaeologia Baltica.* Klaipėda. Vol. 23. P. 181–198.
- Miller 1895 – *Miller K.* Mappae mundi: Die ältesten Weltkarten. Heft 1 (1895). Die Weltkarte des Beatus (776 n. Chr.): Mit Abbildungen im Text und der Karte von St. Sever in den Farben des Originals. Stuttgart.

- Miller, Hedin 1988 – *Miller U., Hedin K.* The Holocene Development of Landscape and Environment in the South-East Mälaren Valley, with Special reference to Helgö // Excavations at Helgö. Uppsala. Vol. XI. P.
- Mishin 1998 – *Mishin D.* The *Ṣaḡālība* Slaves in the Aghlabid State // Annual of Medieval Studies at CEU 1996/1997. Budapest. P. 236–44.
- Mosca 1939 – *Mosca G.* The Ruling Class (Elementi di Scienza Politico). Translation by H. D. Kahn. New York – London.
- Myrdal 1982 – *Myrdal J.* Jordbrusredskap av järn före år 1000 // Fornvännen. Stockholm. Vol. 77. P. 81–104.
- Mugurēvičs 1977 – *Mugurēvičs Ē.* Oļiņkalna un Lokstenes pilsovadi. Rīga.
- Mägi 2016 – *Mägi M.* The origin of Rus' and the question of Balto – Finnic role in this process // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год. Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М. P. 231–257.
- Müller, Steuer 2000 – *Müller R., Steuer H.* Fibel und Fibeltracht / Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Vol. 8. Berlin – New York.
- Müller-Wille 1992 – *Müller-Wille M.* Monumentale Grabhügel der Völkerwanderungszeit in Mittel- und Nordeuropa // Mare Balticum. Beiträge zur Geschichte des Ostseeraums in Mittelalter und Neuzeit. P. 1–20.
- Müller-Wille 2013 – *Müller-Wille M.* „... wie morgendlicher Schnee auf der ruhmvollen Kuppe eines Kurgans ...“ // Offa. Vol. 69/70. P. 389–401.
- Mütherich, Gaehde 1977 – *Mütherich F., Gaehde J.E.* Peinture carolingienne. Paris – English version: Carolingian painting. New York 1976. German version: Karolingische Buchmalerei. München.
- Nagy 1998 – *Nagy M.* Avarenzeitliche Gräberfelder im Stadtgebiet von Budapest. Budapest. T. II.
- Nerman 1929 – *Nerman B.* Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm.
- Nerman 1934 – *Nerman B.* Swedish Colonies on the Baltic // ESA. Helsinki. Vol. IX. P. 367–380.
- Nerman 1958 – *Nerman B.* Grobin-Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm.
- Nerman 1960 – *Nerman B.* Var låg centrum i Attundalands småkonungadöme? // Fornvännen 55. Stockholm. P. 97–109.
- Nerman 1961 – *Nerman B.* Till vilken ätt ha de stora gravhögarna vid Norsborg i Botkyrka socken hört? // Fornvännen 56. Stockholm. P. 97–109.
- Nerman 1963 – *Nerman B.* Var låg centrum i Fjädrundalands småkonungadöme? // Fornvännen 58. Stockholm. P. 161–173.
- Nerman 1969 – *Nerman B.* Die Vendelzeit Gotlands. T. II. Tafeln. Stockholm.
- Nerman 1975 – *Nerman B.* Die Vendelzeit Gotlands. T. I. Text. Stockholm.
- Niederle 1911 – *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život starých slovanů. Dílu I. Svazek 1. Praha.
- Nordström 1980 – *Nordström A.* Sorunda – en socken för sig. Stockholm.
- Noonan 1977 – *Noonan T. S.* Pre-970 dirham hoards from Estonia and Latvia, I: Catalog // Journal of Baltic studies. VIII. Nr 3. P. 238–259.
- Noonan 1980 – *Noonan T. S.* When and how dirhams first reached Russia. A numismatic critique of the Pirenne theory // Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. XXI (3-4). P. 401–469.
- Noonan 1998 – *Noonan T. S.* The Islamic World, Russia and the Vikings. The Numismatic Evidence. Norfolk.
- Näsman 1986 – *Näsman U.* Vendel period glass from Eketorp-II, Öland, Sweden: on glass and trade from the late 6th to the late 8th centuries A. D. // Acta archaeologica 1984 (55). P. 55–116.
- Obolensky 1971 – *Obolensky D.* Byzantium and the Slavs: collected studies. London.
- Olausson 2014 – *Olausson M.* The Great House at Runsa – a house of representation // Runsa Borg: Representative Life on a Migration Period Hilltop Site – a Scandinavian Perspective. Östersund. P. 169–209.
- Olrik 1909 – *Olrik A.* At sidde på høj. Oldtidens konger og oldtidens thulir // Danske Studier. København. S. 1–10.
- Ossowski 2007 – *Ossowski W.* Early-medieval logboats from Poland: an important source of information about inland navigation // Siedlung, Kommunikation und Wirtschaft im westslawischen Raum: Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte des 5. Deutschen Archäologenkongresses in Frankfurt an der Oder, 4. bis 7. April 2005. Langenweissbach. P. 107–115.
- Ørsnes 1966 – *Ørsnes M.* Form og stil i Sydsnkandinaviens yngre germanske jernalder. København.
- Pallas 1799 – *Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig. Bd. 1.
- Pallas 1805 – *Pallas P. S.* Voyages entrepris dans les gouvernements de l'empire de Russie. Paris. Vol. 2.
- Palm 2001 – *Palm V.* Gunnerstadhögen – en vendeltida båtgrav i focus. CD-essay in archaeology. University of Kalmar.
- Palm 2002 – *Palm V.* Gunnerstadhögen – en vendeltida båtgrav i focus // Tidskrift arkeologi i Sydöstra Sverige 2. Kalmar.
- Parczewski 1988 – *Parczewski M.* Poczatki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Wrocław.
- Paroli, Ricci 2008 – *Paroli L., Ricci M.* The Necropolises in Castel Trosino and Nocera Umbra in Italy // Rome and the barbarians: The birth of a new world. Milano. P. 478–479.

- Pavlovič et al. 2021 – *Pavlovič D., Vojakovič P., Toškan B.* Cerklje ob Krki: novosti v poselitvi Dolenjske v zgodnjem srednjem veku // *Arheoloski Vestnik*. Vol. 72. S. 137–186.
- Pedersen, Widgren 2011 – *Pedersen E. A., Widgren M.* Agriculture in Sweden, 800 BC–AD1000 // *The Agrarian History of Sweden 4000 BC to AD 2000*. Lund. P. 46–71.
- Peets et al. 2013 – *Peets J., Allmae R., Maldre L., Saage R., Tomek T., Lougas L.* Research Results of the Salme Ship Burials in 2011–2012 // *Archaeological Fieldwork in Estonia*. Tallinn. P. 43–60.
- Pelteret 1995 – *Pelteret D. A. E.* Slavery in Early Medieval England: from the reign of Alfred until the Twelfth Century. Woodbridge.
- Petersen 1919 – *Petersen J.* De norske vikingsverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania.
- Petersen 1928 – *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger.
- Petersen 2013 – *Petersen L. I. R.* Siege warfare and military organization in the successor states (400–800 AD): Byzantium, the West and Islam. Leiden – Boston.
- Petré 1984 – *Petré B.* Arkeologiska undersökningar på Lovö. Del 2. Fornlämning RAÄ 27, Lunda. Acta universitatis stockholmiensis. Studies in North-European archaeology 8. Stockholm.
- Petré 1984a – *Petré B.* Arkeologiska undersökningar på Lovö. Del 4. Bebyggelsearkeologisk analys. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studies in North-European Archaeology 10. Stockholm.
- Petrenko 1991 – *Petrenko V.* A Picture Stone from Grobin (Latvia) // *Fornvännen* 86. P. 1–9.
- Petrenko, Urtāns 1995 – *Petrenko V., Urtāns J.* The Archaeological Monuments of Grobiņa. Riga – Stockholm.
- Phillipson 2008 – *Phillipson R.* The Linguistic Imperialism of Neoliberal Empire // *Critical Inquiry in Language Studies*. Vol. 5 (1). P. 1–43.
- Plague and the End of Antiquity 2007 – *Plague and the End of Antiquity. The Pandemic of 541–750*. New York.
- Pohl 1991 – *Pohl W.* Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies // *Archaeologia Polona*. Vol. 29. P. 39–49.
- Pohl 2005 – *Pohl W.* Frontiers and Ethnic Identities: Some Final Considerations // *Borders, Barriers and Ethnogenesis. Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages*. Brepols. P. 255–265.
- Pohl 2018 – *Pohl W.* The Avars: a steppe empire in Europe, 567–822. New York.
- Polek 1997 – *Polek K.* The political and military relations between the Charlemagne's Frankish Empire and Avarian Khaganate // *Central Europe in 8th–10th Centuries*. International Scientific Conference, Bratislava October 2–4, 1995. Bratislava. P. 46–52.
- Poska, Saarse, Veski 2004 – *Poska A., Saarse L., Veski S.* Reflections of pre- and early-agrarian human impact in the pollen diagrams of Estonia // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. Vol. 209. P. 37–50.
- Pouliík 1948 – *Pouliík J.* Staroslovanská Morava. Praha.
- Pouliík 1988 – *Pouliík J.* K otázce vzniku předvelkomoravských hradišt // *Slovenská archeológia XXXVI-1*. 1988. Bratislava. S. 189–216.
- Pouliík 1997 – *Pouliík J.* Zur Frage der Lokalisierung der “indefabilis munitio” und “antiqua urbs Rastizi” nach den Fuldaer Annalen // *Central Europe in 8th–10th Centuries*. International Scientific Conference, Bratislava October 2–4, 1995. Bratislava. S. 121–132.
- Priego 1990 – *Priego C. C.* Las joyas prerrománicas de la Cámara Santa de Oviedo en la cultura medieval // *Liño: Revista anual de historia del arte*. No. 9. P. 7–44.
- Pritsak 1970 – *Pritsak O.* An Arabic Text on the Trade Route of the Corporation of the ar-Rus in the Second Half of the Ninth Century // *Folia Orientalia*. Vol. 12. P. 256–257.
- Profantova 2012 – *Profantova N.* Cultural discontinuity and the migration hypothesis. The 6th-century Slavic migration in the light of new archaeological finds from Bohemia // *ACE Conference Brussels: The very beginning of Europe? Early-Medieval Migration and Colonisation*. Brussels. P. 255–264.
- Profantová 2015 – *Profantová N.* The horse harness, spurs and stirrups in Bohemia in 8th and 9th century // *Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin*. Cluj-Napoca. P. 281–297.
- Pronk-Tiethoff 2013 – *Pronk-Tiethoff S.* The Germanic loanwords in Proto-Slavic / *Leiden Studies in Indo-European 20*. Amsterdam, New York.
- Pülz 2020 – *Pülz A. M.* Byzantinische Kleinfunde aus Ephesos. Ausgewählte artefakte aus metall, bein und glas. Katalog- und Tafelband. Wien.
- Påhlsson 1981 – *Påhlsson I.* *Cannabis sativa* in Dalarna // *Striae*. Uppsala. Vol. 14. P. 79–82.
- Quast 2004 – *Quast D.* Ein skandinavisches Spathascheidenmundblech der Völkerwanderungszeit aus Pikkjärve (Põlvamaa, Estland) // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 51. Jahrgang 2004. S. 243–279.
- Radiņš 2006 – *Radiņš A.* Lower Daugava Area in the 1st–11th Century. Ethnic, Economic, Social and Political Change – on the Question of Activity along Daugava Waterway // *Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas. P. 81–92.
- Ramqvist 1992 – *Ramqvist P. H.* Högom. Neumünster. Part. I.
- Ramqvist 1998 – *Ramqvist P. H.* Arnäsbaken. Umeå.
- Ramqvist 2014 – *Ramqvist P. H.* Arkeologisk undersökning av boplatsspår vid Sangishögen, RAÄ 81:1, Nederkalix sn, Norrbottens län, 2013 // *Silverbudget Rapport 66*. Arjeplog.
- Ramqvist, Hörnberg 2015 – *Ramqvist P. H., Hörnberg G.* Burial mounds as settlement indicators: archaeological and palynological investigations at Sangis, Northern Sweden // *Fennoscandia archaeologica XXXII*. Helsinki. P. 121–138.

- Rashev 2005 – *Rashev R.* Remarks on the Archaeological Evidence of Forts and Fortified Settlements in Tenth-Century Bulgaria // *Borders, Barriers and Ethnogenesis. Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages.* Brepols. P. 51–58.
- Rejholcová 1995 – *Rejholcová M.* Pohrebisko v Čakajovciach (9.–12. storočie). Katalóg. Nitra.
- Regnéll 1989 – *Regnéll J.* Vegetation and land use during 6000 years. Palaeoecology of the cultural landscape at two lake sites in southern Skåne, Sweden // *Lindqua thesis.* Lund. Vol. 26. P.
- Richards 1991 – *Richards J. D.* Viking Age England. London.
- Robertsson, Karlsson, Helm 1995 – *Robertsson A.-M., Karlsson S., Helm K.* Lake Fatburssjön – an Archive of 3000 Years of Environmental History in Stockholm, Sweden // *Pact.* Vol. 50. P. 283–296.
- Roes 1963 – *Roes A.* Bone and antler objects from the Frisian terp-Mounds. Haarlem.
- Roes 1965 – *Roes A.* Vondsten van Dorestad // *Archaeologica Traiectina.* VII. Groningen.
- Roesdahl 1979 – *Roesdahl E.* Eastern Imports at the Viking Firtress of Fyrkat, Denmark // *Rapports du III Congrès International d'Archéologie Slave.* T. 1. Bratislava. P. 665–669.
- Rossignol 2011 – *Rossignol S.* Civitas in Early Medieval Europe – Stronghold or District? // *The Medieval History Journal.* Vol. 14. P. 71–99.
- Rotman 2009 – *Rotman Y.* Byzantine Slavery and the Mediterranean World. Translated by Jane Marie Todd. Cambridge.
- Ryabinin 1992 – *Ryabinin E. A.* The Ancient Site of Unorozh, end of the First Millenium A.D. // *Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs.* Tallinn. P. 122–134.
- Rygh 1885 – *Rygh O.* Norske oldsager. Christiania.
- Rydh 1936 – *Rydh H.* Förhistoriska undersökningar på Adelsö. Stockholm.
- Salin 1922 – *Salin B.* Fyndet från Broa i Halla, Gotland // *Fornvännen* 17. Stockholm.
- Selirand, Deemant 1985 – *Selirand J., Deemant K.* Völkerwanderungszeitliche Gegenstände mit ostskandinavischen Ornamenten von Proosa (Nordestland) // *Fornvännen.* B. 80. S. 243–253.
- Shirokogoroff 1924 – *Shirokogoroff S. M.* Ethnical Unit and Milieu: a summary of the Ethnos. Shanghai.
- Shirokogoroff 1935 – *Shirokogoroff S. M.* Psychomental Complex of Tungus. London.
- Šach 1968 – *Šach F.* Proposal for the classification of pre-industrial tilling implements // *Tools and Tillage.* Copenhagen. Vol. I: 1. P. 3–27.
- Schietzel 2018 – *Schietzel K.* Spurensuche Haitabu. Dokumentation und Chronik 1963–2013. Wachholts.
- Schneider 2011 – *Schneider M.* Broby – där hav mötte land. Ortsnamnbildning vid kommunikativa knutpunkter i järnålderns Uppland // *Fornvännen* 106. Stockholm. S. 290–305.
- Šnore 1987 – *Šnore E.* Kivtu kapulauks. Rīga.
- Segerström 1990 – *Segerström U.* The post-glacial history of vegetation and agriculture in the Luleälv river valley // *Archaeology and environment.* Umeå. Vol. 7. P.
- The Selonians 2007 – *The Selonians.* Baltic Archaeological Exhibition: Catalogue. Vilnius.
- Schenker 1995 – *Schenker M.* The Dawn of Slavic: An Introduction to Slavic Philology. New Haven.
- Shetelig 1920 – *Shetelig H.* Vestfoldskolen. Osebergfundet III. Oslo.
- Schmiedehelm, Laul 1970 – *Schmiedehelm M., Laul S.* Asustusest ja etnilistest oludest Kagu-Eestis I aastatuhandel // *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora.* Tallinn. C. 154–165.
- Schnell 1928 – *Schnell I.* En sörmländsk tingshög // *Sörmlandsbygden: meddelanden från Södermanlands museiförbund* 1. Strängnäs. S. 7–15.
- Schnittger 1912 – *Schnittger B.* Några undersökningar å Linga graffält i Södermanland // *Fornvännen* 7. S. 19–35.
- Sietinsone 2006 – *Sietinsone L.* Latvijas pilskalnu datubāzes izveide un telpiskā izvietojuma analīze ģeogrāfi skio informāciju sistēmu vidē // *Latvijas Universitātes Raksti.* Nr. 695. P. 41–56.
- Silver 1996 – *Silver K.* Kungshögarna i Sverie // *Arkeologi och miljögeologi i Gamla Uppsala.* Vol. II. Occasional Papers in Archaeology 11. Uppsala. S. 53–58.
- Simniškytė 1998 – *Simniškytė A.* Geriamieji ragai Lietuvoje // *Lietuvos archeologija.* Vilnius. Vol. 15. P. 185–245.
- Skatter ur Finlands konst och kultur 1967 – *Skatter ur Finlands konst och kultur: Förhistorisk tid.* István Rácz, C. F. Meinander, Pirkko-Liisa Lehtosalo. Otava.
- Die Slaven in Deutschland 1972 – *Die Slaven in Deutschland.* Berlin.
- Ślupecki 1999 – *Ślupecki L. P.* The Krakus' and Wanda's Burial Mounds of Cracow // *Studia mythologica Slavica* II. S. 77–98.
- Stenberger 1966 – *Stenberger M.* Eisenzeitliche befestigte siedlungen in Schweden // *От эпохи бронзы до раннего феодализма. Исследования по археологии Прибалтики и смежных территорий.* Таллин. С. 156–165.
- Steponaitis 2012 – *Steponaitis V.* Paduobė – Šaltaliūnė Barrow Cemetery III // *Archaeological Investigations in Independent Lithuania.* Vilnius. P. 114–121.
- Smith 1988 – *Smith Anthony D.* The ethnic origins of nations. Blackwell.
- Snyder 2003 – *Snyder T.* The reconstruction of nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven – London.
- Sokol 2016 – *Sokol V.* Medieval Jewelry and Burial Assemblages in Croatia A Study of Graves and Grave Goods, ca. 800 to ca. 1450. Leiden – Boston.

- Sołtysiak 2006 – *Sołtysiak A.* The plague pandemic and Slavic expansion in the 6th–8th centuries // *Archaeologia Polona*. Vol. 44. S. 339–364.
- Svanberg, Söderberg 1999 – *Svanberg F., Söderberg B.* Den vikingatida borgen i Borgeby. Malmö.
- Szóke 1960 – *Szóke B.* Az avarok hringje // *Archaeologiai Értesítő*. Vol. 87. P. 61–63.
- Spinei 2009 – *Spinei V.* The Romanias and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden – Boston.
- Spiridonova, Aleshinskaya 2012 – *Spiridonova E. A., Aleshinskaya A. S.* Results of palynological investigations of the archaeological sites in the Lake Ilmen and Lake Kubenskoye study areas // *The archaeology of medieval Novgorod in context*. Oxford. P. 10–39.
- Spirģis 2008 – *Spirģis R.* Bruņrupuču saktas ar krūšu važiņrotām un lībiešu kultūras attīstība Daugavas lejtecē 10.–13. gadsimtā. Rīga.
- Stalsberg 1980 – *Stalsberg A.* Novgorod-sopkaene // *Fornvännen* 75. 1980. Stockholm. S. 15–19.
- Sten, Vretemark 1988 – *Sten S., Vretemark M.* Storgravsprojektet – osteologiska analyser av yngre järnålderns benrika brandgravar // *Fornvännen* 83. S. 145–156.
- Stenberger 1955 – *Stenberger M.* Vallhagar. A Migration Period settlement on Gotland, Sweden. Copenhagen. P. II.
- Stolpe, Arne 1912 – *Stolpe H., Arne T.* Graffältet vid Vendel. Stockholm.
- Straume 1987 – *Straume E.* Glaser mit Facettenschliff aus skandinavischen Grabern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. Oslo.
- Šnore 1987 – *Šnore E.* Kivtu kapulauks. Rīga.
- Šturms 1949 – *Šturms E.* Schwedische Kolonien in Lettland // *Fornvännen* 44. S. 205–217.
- Svensson 1983 – *Svensson K.* Vibyhögen, Fornl. 33, Kalmar sn, Uppland – dess forskningshistoriska, rumsliga, näringsökonomiska och sociala sammanhang. Uppsats för påbyggnadskurs i arkeologi, särskilt nordeuropeisk vid Stockholms universitet. Stockholm.
- Särilvik 1962 – *Särilvik I.* Två Sörmländska stormansgravar // *Fornvännen* 57. Stockholm. S. 45–49.
- Tempel 1979 – *Tempel W.-D.* Die Kämme aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof // *Elisenhof: die Ergebnisse der Ausgrabung der frühgeschichtlichen Marschensiedlung beim Elisenhof in Eiderstedt 1957/58 und 1961/64*. Studien zur Küstenarchäologie Schleswig-Holsteins. Serie A, Elisenhof. Frankfurt am Main.
- Šatavičius 2012 – *Šatavičius E.* The investigation of the Sudota Archaeological Complex // *Archaeological Investigations in Independent Lithuania*. Vilnius. P. 27–34.
- Tallgren 1924 – *Tallgren A. M.* Ein wichtiger eisenzeitlicher Fund aus Kunilepa Ksp. Juuru (Jörden) // *Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat* 1923. Dorpat. S. 50–56.
- Tallgren 1925 – *Tallgren A. M.* Zur Arhaologie Eestis. II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. Dorpat.
- Tallgren 1937 – *Tallgren A. M.* The Arctic Bronze Age in Europe // *ESA*. Vol. XI. P. 2–46.
- Teodor 2005 – *Teodor E. S.* The Shadow of a Frontier: The Walachian Plain during the Justinianic Age // *Borders, Barriers and Ethnogenesis. Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages*. *Brepols*. P. 205–245.
- Tilko 2006 – *Tilko S.* Kaula ķemmes no Doles Vampeiešu kapulaukiem // *AE*. Vol. XXIII. P. 269–281.
- Tilko 2011 – *Tilko S.* Kaula ķemmes no 10.–13. gs. Daugavas lejteces kapulaukiem // *AE*. Vol. XXV. P. 159–181.
- Thunmark-Nylén 1992 – *Thunmark-Nylén L.* Gammalt och nytt i Broa // *Fornvännen* 87, Stockholm.
- Thunmark-Nylén 1992a – *Thunmark-Nylén L.* Gotland – neighbour between the West and the East // *Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Fruhen Mittelalter*. Uppsala. S. 155–162.
- Thunmark-Nylén 1995 – *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. Bd. I. Stockholm.
- Thunmark-Nylen 1998 – *Thunmark-Nylen L.* Die Wikingerzeit Gotlands. Bd II. Stockholm.
- Thunmark-Nylén 2006 – *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. Bd. III:1. Stockholm.
- Tolochko 2008 – *Tolochko O. P.* The Primary Chronicle's "Etnography" Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State // *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe*. Turnhout. P. 169–188.
- Tomka 2008 – *Tomka P.* Innere Migranten in einer Strassenkreuzung – Regionsfremde in der Kleinen Tiefebene // *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen*. Hrsg.: I. Bemann, M. Schmauder. *Kolloquien zur Ur- und Frühgeschichte* 11. Bonn. S. 601–618.
- Trotzig 1968 – *Trotzig, G.* Gotland, Oseberg och gripdjuren. Reflexioner i anslutning till ett nytt fynd // *Gotländskt arkiv* 1968. P. 47–60.
- Tymowski 2009 – *Tymowski M.* Tribal organizations in prestate Poland (9th and 10th centuries) in the light of anthropological theories of segmentary system and chiefdom // *Acta Poloniae Historica*. Warszawa. Vol. 99. P. 5–37.
- Tyniec 2018 – *Tyniec A.* Kopiec Kraka dwa razy usypany // *Materiały archeologiczne*. Kraków. Vol. XLII. P. 235–248.
- Tvauri 2012 – *Tvauri A.* The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. *Estonian Archaeology*. Tartu. Vol. 4.
- Tönisson 1992 – *Tönisson E.* Skandinavien und die Frühgeschichtliche Ostsee-Finnische Kultur // *Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien in Fruhen Mittelalter*. Uppsala. S. 163–171.

- Udolph 1981 – *Udolph J.* Die Landnahme der Ostslaven im Lichte der Namenforschung: Mit zwei Karten // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 29. H. 3.* P. 321–336.
- Udolph 2016 – *Udolph J.* Expansion slavischer Stämme aus namenkundlicher und bodenkundlicher Sicht // *Onomastica. Vol. 60. S. 215–231.*
- Ungerma 2015 – *Ungerma S.* Mečové pásy 9.–10. století v západní a střední Evropě (typologie, chronologie, provenience, symbolika) // *Bojná 2. Nové výsledky výzkumov včasnostredovekých hradísk. Archaeologica Slovaca Monographiae. Fontes XX. Nitra. P. 251–279.*
- Van den Berghe 1987 – *Van den Berghe P. L.* The ethnic phenomenon. Westport. Connecticut. London.
- Vasks 1994 – *Vasks A.* Brikļu nocietinātā apmetne: Lubāna zemiene vēlajā bronzas un dzelzs laikmetā (1000. g. pr. Kr.–1000. g. pēc Kr.). Rīga.
- Vencl 1983 – *Vencl S.* K problematice fortifikací v archeologii // *Archeologické rozhledy. Vol. 35. S. 284–315.*
- Vencl 1984 – *Vencl S.* War and Warfare in Archaeology // *Journal of Anthropological Archaeology 6. P. 116–132.*
- Veski, Lang 1995 – *Veski S., Lang V.* Human impact in the surroundings of Saha-Loo, North Estonia, based on a comparison of two pollen diagrams from Lake Maardu and Saha-Loo Bog // *Pact. Bd 50. Ravello. P. 297–304.*
- Vích et al. 2018 – *Vích D., Biborski M. J., Biborski M. R., Jilek J., Stępiński J., Martinek J.* Nález mečů protohistorického období z Křna Svitavsku // *Archeologické rozhledy. Vol. LXX. S. 526–553.*
- Virse 2017 – *Virse I. L.* Grobiņa (Latvia): dwelling site of Scandinavians and Curonians // *Interaktion ohne Grenzen: Beispiele archäologischer Forschungen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Schleswig. P. 683–689.*
- Virse, Ritums 2012 – *Virse I. L., Ritums R.* The Grobiņa complex of dwelling locations and burial sites, and related questions // *Archaeologia Baltica 17. Klaipeda. P. 34–41.*
- Vlasto 1970 – *Vlasto A. P.* The Entry of the Slavs into Christendom. An introduction to the medieval history of the Slavs. Cambridge.
- Volkaite-Kulikauskiene 1971 – *Volkaite-Kulikauskiene R.* Lietuvio kario žirgas. Vilnius.
- Wadyl 2018 – *Wadyl S.* Ciekawe grebenie wczesnośredniowieczne z Pasymia w pow. Szczycieńskim // *Wiadomości Archeologiczne. T. LXIX. S. 51–65.*
- Waller 1996 – *Waller J.* Dräktnålar och dräktskick i östra Mälardalen: kontinuitet och förändringstid och vendeltid. Uppsala.
- Wallin 1996 – *Wallin J.-E.* History of sedentary farming in Ångermanland, Northern Sweden, during the Iron Age and Medieval period based on pollen analytical investigations // *Vegetation History and Archaeobotany. Vol. 5. P. 301–312.*
- Wamers 1999 – *Wamers E.* Zwischen Salzburg und Oseberg. Zu Ursprung und Ikonographie des nordischen Greiftierstils // *Akten des 48. Sachsensynposiums in Mannheim vom 7. bis 11. September 1997. Bonn.*
- Wegraeus 1976 – *Wegraeus E.* The Öland Ring-forts: A literary study // *Eketorp: Fortification and Settlement on Öland/Sweden. The Monument. Sockholm. P. 33–44.*
- Welinder 1975 – *Welinder S.* Prehistoric agriculture in Eastern Middle Sweden. Lund.
- Welinder 1994 – *Welinder S.* A model deforestation curve for central Sweden: 5000 B.C. – A.D. 2000 // *Frenzel B. (ed.) Evaluation of land surfaces cleared from forests in the Roman Iron Age and the time of migrating Germanic tribes based on regional pollen diagrams. Mainz. P. 33–45.*
- Wennberg 1986 – *Wennberg B.* Iron Age agriculture at Trogssta, North Sweden // *Fornvännen. Stockholm. Vol. 81. P. 254–261.*
- Werner 1953 – *Werner J.* Slawische Bronzefiguren aus Nordgriechenland // *Abhandlungen des Deutschen Akademie der Wissenschaft zu Berlin. Klasse für Gesellschaftswissenschaft. Berlin. Bd. 2.*
- Werner 1984 – *Werner J.* Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. Budapest.
- Widgren 1983 – *Widgren M.* Settlement and farming systems in the early Iron Age. A study of fossil agrarian landscapes in Östergötland, Sweden. Stockholm.
- Wiethold 1998 – *Wiethold J.* Studien zur jüngeren postglazialen Vegetations- und Siedlungsgeschichte im östlichen Schleswig-Holstein // *Archäologische Informationen. Nr. 21/1. S. 191–196.*
- Wijkander 1983 – *Wijkander K.* Kungshögar och sockenbildning. Nyköping.
- Willemsen 2004 – *Willemsen A.* Vikings! Raids in the Rhine / Meuse region 800–1000. Utrecht.
- Willroth 2011 – *Willroth K.-H.* „Germanen, Slawen, Deutsche...“ – Eine unendliche Forschungsgeschichte: interdisziplinäre Forschungen zum frühen und hohen Mittelalter im Hannoverschen Wendland // *Slawen an der Elbe. Göttingen. S. 1–14.*
- Wilson 1964 – *Wilson D.M.* Anglo-Saxon ornamental metalwork 700–1100 in the British Museum. London.
- Wilson, Klindt-Jensen 1966 – *Wilson D.M., Klindt-Jensen O.* Viking art. London.
- Woltermann, Lau 2014 – *Woltermann G., Lau D.* Ein ungewöhnlicher salierzeitlicher Bernsteinfingerring aus Bissendorf (Lkr. Osnabrück) – Einblicke in die Fernhandelskontakte des Hochmittelalters // *Archäologisches Korrespondenzblatt. Nr. 44/3. P. 429–442.*
- Wyatt 2009 – *Wyatt D.* Slaves and warriors in medieval Britain and Ireland, 800–1200. Leiden.
- Yeremeyev 2012 – *Yeremeyev I. I.* The natural environment and settlement patterns of the Lake Ilmen region in the last third of the first millennium AD // *The archeology of Medieval Novgorod in context. Oxford. P. 139–151.*

- Zabiela 1997 – *Zabiela G.* Scandinavian arrowheads in Lithuania // *Archaeologia Baltica*. Vilnius. Vol. 2. P. 133–139.
- Zachrisson 1994 – *Zachrisson T.* The odal and its manifestation in the landscape // *Current Swedish archaeology*. Vol. 2. P. 219–238.
- Zantoch 1936 – *Zantoch.* Eine Burg im deutschen Osten // *Deutschland und der Osten*. Leipzig. Bd. I.
- Zariņa 1988 – *Zariņa A.* Libešu apgārbs 10.–13. gs. Rīga.
- Zernitskaya, Mikhailov 2009 – *Zernitskaya V., Mikhailov N.* Evidence of early farming in the Holocene pollen spectra of Belarus // *Quaternary International*. Vol. 203. P. 91–104.
- Åqvist, Flodin 1992 – *Åqvist C., Flodin L.* Pollista and Sanda – two Thousand-year-old Settlements in the Mälaren region // *Rescue and Research. Reflections of Society in Sweden 700–1700 A. D.* Riksentikvarieämbetet, Arkeologiska undersökningar. Skrifter No 2. Stockholm. P. 310–333.

Архивные источники

- Аксенов, рукопись – *Аксенов М. М.* Древнеславянские поселения в Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. КП 46565.
- Альбом с рисунками А-1968-1970-е – Альбом с рисунками археологических находок, собранных на городищах у д. Городок Куклинского с/с Солецкого района, с. Молвотицы и Марево, д. Сельцо Полавского с/с Парфинского (б. Старорусского) р-на, на оз. Велье Демянского р-на, д. Бор Батецкого р-на, с. Никандрово Любытинского р-на и др. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 468.
- Антипов А-1999 – *Антипов И. В.* Отчет об архитектурно-археологических разведках в Новгородском, Чудовском и Маловишерском районах Новгородской области в 1999 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 22216.
- Антипов А-2017 – *Антипов И. В.* Отчет об архитектурно-археологических раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Церковь Николы на Липне» в Новгородском районе Новгородской области в 2016 г. СПб. Архив ИА РАН.
- Археологические находки А-1973 – Археологические находки с городища у д. Шелгуново на левом берегу р. Ловать. Старорусский р-н Новг. обл. Фото. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 462.
- Воронова А-1984 – *Воронова М. А.* Поселения раннего железного века Ильменского бассейна. Дипломная работа. Л. Архив Кафедры археологии СПбГУ.
- Гей А-1981 – *Гей Н. Н.* Отчет о работе Ловатского отряда Ильменской экспедиции ИА АН СССР в 1981 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 10061, 10061а.
- Гроздилов А-1952 – *Гроздилов Г. П.* Курганная группа на правом берегу р. Волхова у д. М. Черनावино // *Гурина Н. Н.* Отчет о работах, произведенных в районе Юго-Восточного Приладожья (зоне водохранилища ГЭС № 15) в 1952 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 721, 722.
- Гурина А-1952 – *Гурина Н. Н.* Отчет о работах, произведенных в районе Юго-Восточного Приладожья (зоне водохранилища ГЭС № 15) в 1952 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 721, 722.
- Дело А-1882 – Дело о сасанидских и куфических монетах, найденных в д. Вылеги крестьянином Иваном Федоровым. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1882. № 45.
- Дело А-1893 – Дело ИАК по ходатайству Председателя Новгородского Губ. Стат. Комитета о разрешении крестьянам дер. Миронег раскопать сопки, находящиеся на их земле. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1893. № 51.
- Еремеев А-2003 – *Еремеев И. И.* Отчет о работе Восточно-Приильменского отряда Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН в 2003 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН.
- Еремеев А-2004 – *Еремеев И. И.* Отчет о работе Восточно-Приильменского отряда Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН в 2004 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН.
- Еремеев А-2020 – *Еремеев И. И.* Отчет об археологических разведках на территории Валдайского и Крестецкого районов Новгородской области в 2020 г. Открытый лист № 2674-2020. В 2 томах. Научно-отраслевой архив ИА РАН.
- Закурина А-2011 – *Закурина Т. Ю.* Отчет об археологических раскопках на объекте культурного наследия регионального значения «Городище и посад Камно», VIII–XVI вв». Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 39710.
- Закурина А-2012 – *Закурина Т. Ю.* Отчет об археологических раскопках на объекте культурного наследия регионального значения «Городище и посад Камно», VIII – XVI вв». в Псковском районе Псковской области. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 29714.
- Иоаннисян А-1978 – *Иоаннисян О. М.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях в Никольском соборе в Старой Ладге в 1978 году и камеральной обработке коллекции. Т. II. Книга 2. Альбом иллюстраций. Л., 1979. Архив СЛМ. № 634.
- Кирпичников А-1975 – *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской крепости в 1975 г. (в т. ч. Никольского собора). Приложение: описи находок, иллюстраций и фотографии раскопок. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1975. № 132.
- Кирпичников, Петренко А-1973 – *Кирпичников А. Н., Петренко В. П.* Отчет о раскопках в Старой Ладге и ее окрестностях в 1972 г. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1972 г. № 144.

- Кирпичников, Петренко А-1973а – *Кирпичников А. Н., Петренко В. П.* Отчет о раскопках в Старой Ладогe и ее окрестностях в 1972 г. Ч. I. Раскопки в крепости Старой Ладогe. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4954.
- Кирпичников, Петренко А-1973б – *Кирпичников А. Н., Петренко В. П.* Отчет о раскопках в Старой Ладогe и ее окрестностях в 1972 г. Ч. II. Раскопки на посаде и в окрестностях Старой Ладогe. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4876, 4876а.
- Кирпичников А-2009 – *Кирпичников А. А.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2009 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 38397.
- Клубова А-1989 – *Клубова О. В.* Отчет об охранных раскопках городища «Курская Гора» в 1989 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 14444.
- Клубова А-1990 – *Клубова О. В.* Отчет об охранных раскопках в урочище Курская Гора в 1990 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 15815.
- Клубова А-1991 – *Клубова О. В.* Отчет об охранных раскопках в урочище Курская Гора в 1991 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 16822.
- Клубова А-1992 – *Клубова О. В.* Отчет об охранных раскопках селища «Курская Гора» Новгородского района Новгородской области в 1992 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 17208.
- Конецкий А-1982 – *Конецкий В. Я.* Отчет об археологических работах Новгородского музея в 1982 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 9067.
- Конецкий А-1989 – *Конецкий В. Я.* Отчет об археологических работах Новгородского музея в 1989 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1. № 13966.
- Конецкий А-1990 – *Конецкий В. Я.* Отчет о работах Новгородского музея в 1990 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1. № 16894.
- Конецкий А-1991 – *Конецкий В. Я.* Отчет о работе экспедиции Новгородского музея в 1991г. Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1. № 16816.
- Корзухина А-1958 – *Корзухина Г. Ф.* Отчет о разведке на территории Староладжской каменной крепости в 1958 г. Хранение О. И. Давидан в Государственном Эрмитаже.
- Корзухина А-1965 – *Корзухина Г. Ф.* Старая Ладога. Могильники (материалы к карте). Научный архив ИИМК РАН. Ф. 77. 1965. № 56.
- Короткевич А-2011 – *Короткевич Б. С.* Отчет о работах в Псковской области в 2011 году. Т. 1. СПб. Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1. № 29896.
- Короткевич, Лопатин А-1998 – *Короткевич Б. С., Лопатин Н. В.* Отчет о работах на городище у д. Токолово (Великолукский район Псковской области) в 1998 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН.
- Кузьмин А-1997 – *Кузьмин С. Л.* Отчет о работе 1-го отряда Северо-Западной археологической экспедиции Санкт-Петербургского филиала Российского НИИ культурного и природного наследия на территории Ленинградской области в 1997 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 23046, 23047.
- Кузьмин А-1998 – *Кузьмин С. Л.* Отчет о работах 1-го отряда Северо-Западной археологической экспедиции Санкт-Петербургского филиала Российского НИИ культурного и природного наследия на территории Ленинградской области в 1998 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 23460, 23461.
- Кузьмин А-1999 – *Кузьмин С. Л.* Отчет о работах I отряда Северо-Западной экспедиции в 1999 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 22861.
- Лебедев А-1970 – *Лебедев Г. С.* Отчет о работах Лужского отряда Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ и Ленинградского областного отделения ВООПИК в 1970 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4311
- Лебедев А-1971 – *Лебедев Г. С.* Отчет о работах Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ 1971 года на Верхней Луге. Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1. № 4848.
- Лебедев А-1972/1973 – *Лебедев Г. С.* Отчет о работах в Лужском районе Ленинградской области СЗАЭ 1972/73 гг. Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1. № 8766.
- Лебедев, Прусакова А-1974 – *Лебедев Г. С., Прусакова З. В.* Отчет о работах Лужского отряда СЗАЭ ЛГУ в 1974 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1. № 6221.
- Лесман А-1979 – *Лесман Ю. М.* Отчет Оредежского археологического отряда. 1979 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 7692.
- Лесман А-1980 – *Лесман Ю. М.* Отчет Оредежского археологического отряда. 1980 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 8513.
- Лесман А-1980а – *Лесман Ю. М.* Отчет Торопецкого археологического отряда за 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8512.
- Микляев, Минасян А-1969 – *Микляев А. М., Минасян Р. С.* О работе Невельской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1969 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4059.
- Мильков А-1973 – *Мильков В. В.* Отчет о проведении аварийных археологических раскопок на городище «Белая Гора» у д. Белая Батецкого района Новгородской области. Архив НГОМЗ. Ф. 1. 1973/53. № 797.
- Мильков А-1980 – *Мильков В. В.* Отчет о проведении археологических работ в Новгородской области отрядом Новгородского музея в 1980 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7741, 7741а.
- Мильков А-1981 – *Мильков В. В.* Отчет о проведении археологических работ отрядом Новгородского музея в сезон 1981 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 9848, 9848а.

- Мильков А-1982 – *Мильков В. В.* Отчет о проведении археологических работ отрядом Новгородского музея в сезон 1982 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 8964, 8964а.
- Мильчик и др. А-1983 – *Мильчик М. И., Яковлева Г. Г., Стеценко Н.К., Войнова И. Л., Гусева О. Г.* Крепость Старая Ладога. Отчет об архитектурно-археологических и историко-архивных исследованиях 1977–1982 гг. в 3-х томах. Т. I. Текст. Л., 1983. Архив СЛМ. № 468.
- Мильчик и др. А-1983а – *Мильчик М. И., Яковлева Г. Г., Стеценко Н.К., Войнова И. Л., Гусева О. Г.* Крепость Старая Ладога. Отчет об архитектурно-археологических и историко-архивных исследованиях 1977–1982 гг. в 3-х томах. Т. II. Приложения. Л., 1983. Архив СЛМ. № 149.
- Мильчик и др. А-1983б – *Мильчик М. И., Яковлева Г. Г., Стеценко Н.К., Войнова И. Л., Гусева О. Г.* Крепость Старая Ладога. Отчет об архитектурно-археологических и историко-архивных исследованиях 1977–1982 гг. в 3-х томах. Т. III. Изобразительный материал. Л., 1983. Архив СЛМ. № 469.
- Минасян А-1971 – *Минасян Р. С.* Отчет о работе Славяно-Русского отряда Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1971 году. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4450.
- Миронова А-1981 – *Миронова В. Г.* Отчет о разведке в Солецком и Волотовском районах Новгородской области в 1981 г. ОПИ НГОМЗ. Ф. 1. № 1981/99.
- Митрофанов А-1964 – *Митрофанов А. Г.* Отчет об экспедиционных исследованиях группы по изучению археологических памятников центральной и северной Белоруссии в 1964 г. Архив ИИ НАНБ.
- Митрофанов А-1965 – *Митрофанов А. Г.* Отчет об археологических исследованиях группы по изучению памятников железного века центральной и северной Белоруссии в 1965 г. Архив ИИ НАНБ.
- Митрофанов А-1966 – *Митрофанов А. Г.* Отчет об археологических исследованиях группы по изучению памятников железного века средней и северной Белоруссии в 1966 г. Архив ИИ НАНБ.
- Митрофанов А-1967 – *Митрофанов А. Г.* Отчет о полевых археологических исследованиях группы по изучению памятников железного века Северной и Средней Белоруссии за 1967 год. Архив ИИ НАНБ.
- Митрофанов А-1968 – *Митрофанов А. Г.* Отчет о полевых работах группы по изучению восточно-балтийских древностей за 1968 год. Архив ИИ НАНБ. № 348.
- Митрофанов А-1969 – *Митрофанов А. Г.* Отчет о полевых работах группы по изучению древностей восточных балтов в 1969 г. Архив ИИ НАНБ. № 366.
- Митрофанов А-1970 – *Митрофанов А. Г.* Отчет группы по изучению восточнобалтийских древностей об экспедиционных исследованиях в 1970 году. Архив ИИ НАНБ.
- Митрофанов А-1972 – *Митрофанов А. Г.* Белорусская археологическая экспедиция. Группа по изучению древностей восточных балтов на территории Белоруссии. Отчет о полевых исследованиях группы в 1972 г. Архив ИИ НАНБ.
- Митрофанов А-1973 – *Митрофанов А. Г.* Отчет об археологических исследованиях группы по изучению древностей восточных балтов на территории Белоруссии в 1973 году. Архив ИИ НАНБ.
- Митрофанов А-1974 – *Митрофанов А. Г.* Отчет Западнoдвинского отряда о полевых работах в 1974 году. Архив ИИ НАНБ. № 473.
- Михайлов А-1980 – *Михайлов А. В.* Разведки и раскопки в верховьях р. Великой в 1980 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 8137.
- Михайлов А-1983 – *Михайлов А. В.* Отчет о работах 1983 г. в бассейне р. Алоли в Псковской области. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 9899.
- Назаренко А-1970 – *Назаренко В. А.* Отчет о работе Волховского отряда Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ в 1970 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4465, 4465а.
- Назаренко, Носов А-1971 – *Назаренко В. А., Носов Е. Н.* Отчет о полевых исследованиях Староладожского отряда ЛОИА АН СССР. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4466, 4466а.
- Носов А-1972 – *Носов Е. Н.* Отчет о работе Староладожского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1972 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4862, 4862а.
- Носов А-1974 – *Носов Е. Н.* Отчет о работе Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1974 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 5895, 5895а.
- Носов А-1978 – *Носов Е. Н.* Отчет Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР о работах 1978 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7169, 7169а.
- Носов А-1979 – *Носов Е. Н.* Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1979 г. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1979. № 56.
- Носов А-1982 – *Носов Е. Н.* Отчет о работах Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1982 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 9204, 9204а.
- Носов А-1982а – *Носов Е. Н.* Инструментальный план археологического комплекса у д. Береговые Морины. Научный архив ИИМК РАН. КП 2771. 1982 г.
- Носов А-1985 – *Носов Е. Н.* Отчет о работах Новгородской областной экспедиции ЛОИА АН СССР в Новгородской области в 1985 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 11241, 11241а.
- Носов, Плохов А-1989 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Отчет о работе Новгородской областной археологической

- экспедиции ЛОИА АН СССР в 1989 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 14565, 14566.
- Носов, Плохов А-1990 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 15559, 15560.
- Носов, Плохов А-1991 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН в 1991 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 16278, 16279.
- Носов, Плохов А-1992 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции в 1992 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 17623, 17624.
- Носов, Плохов А-1993 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Отчет Новгородской областной археологической экспедиции в 1993 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 18001, 18002.
- Носов, Плохов А-1995 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН в 1995 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 19309, 19310.
- О находках А-1908 – Дело о находках каменных молотков и др. каменных поделок в с. Бронницах Новгородской губ. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1908. № 126.
- О серебряных куфических монетах А-1888 – Дело о серебряных куфических монетах, найденных в Витебской губернии. // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 49. 1888 г.
- Об инженерно-геологических изысканиях А-2012 – Технический отчет об инженерно-геологических изысканиях для установки памятного знака российской государственности «Княжий камень» на Рюриковом городище в Великом Новгороде. ОАО «Институт Новгородинжпроект». Великий Новгород. Инв. № ВН-1299-08 ГИ.
- Орлов А-1941 – *Орлов С. Н.* Краткий отчет по учету памятников и сводка сведений из опубликованных и архивных источников по археологическим памятникам Ленинградской и Новгородской областей, находящихся в бассейнах рр. Вишеры, Волхова, Ловати, Мсты, Полисты, Полы, Порусьи, Редьи, Сяси, Шелони и побережья оз. Ильмень. Ч. 1. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1941. № 41.
- Орлов А-1941а – *Орлов С. Н.* Краткий отчет по учету памятников и сводка сведений из опубликованных и архивных источников по археологическим памятникам Ленинградской и Новгородской областей, находящихся в бассейнах рр. Вишеры, Волхова, Ловати, Мсты, Полисты, Полы, Порусьи, Редьи, Сяси, Шелони и побережья оз. Ильмень. Ч. 2. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1941. № 42.
- Орлов А-1950–1980-е – *Орлов С. Н.* Описи археологических находок, собранных во время археологических раскопок на территории Новгородской области и при наблюдениях за земляными работами в Новгороде. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 68.
- Орлов А-1950–1980-е, приложение – *Орлов С. Н.* Описи археологических находок, собранных во время археологических раскопок на территории Новгородской области и при наблюдениях за земляными работами в Новгороде. Приложение: рисунки археологических находок. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 68.
- Орлов А-1958 – *Орлов С. Н.* Отчет о полевых археологических работах в сезон 1958 года. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 1701.
- Орлов А-1958а – *Орлов С. Н.* Дневник с записями археологических исследований в Новгородском р-не (Холопий Городок, Бронницкая гора, Городище на р. Веряже у д. Георгия, Парфинском (Городок на Ловати) районе, Старой Руссе. Тетрадь № 54. 1958 г. Рукопись. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 44.
- Орлов А-1958б – *Орлов С. Н.* Дневник с записями исследований в Старорусском р-не («Городок» на р. Поле Юрьевского с/с), Парфинском р-не. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 45.
- Орлов А-1958, 1960 – *Орлов С. Н.* Отчеты о проведении сплошного археологического обследования района Поозерья и берегов оз. Пелено в Боровичском районе и о частичных археологических раскопках разрушающихся археологических памятников на реке Веряжке и реке Ловать. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 61.
- Орлов А-1959 – *Орлов С. Н.* Отчет об археологических разведках в Новгородской области в 1959 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 1864.
- Орлов А-1959–1972 – *Орлов С. Н.* Дневники с записями археологических исследований в Новгородском районе («Городок» на левом берегу Веряжи, Коломцы), Любыгинском, Батецком, Боровичском (оз. Крюково, начало в 1 тетради, окончание во 2 тетр.), Поддорском (2 тетр.), Старорусском (2 тетр.), Валдайском (д. Поломять – 2 тетр.), Окуловском (д. Сковородка – 2 тетр.) районах. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 46.
- Орлов А-1960–1970-е – *Орлов С. Н.* Список городищ, расположенных по рекам Ловати, Шелони и ее притокам, по р. Луге. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 67.
- Орлов А-1961 – *Орлов С. Н.* Отчет об археологических раскопках древнего поселения близ Перыни под Новгородом. 1961 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 2350.
- Орлов А-1961–1976 – *Орлов С. Н.* Дневник с записями археологических исследований в Новгородском районе (Сметанинская мыза, урочище Кобылья Голова, Рюриково Городище и др.), Батецком районе, Маловишерском районе, Чудовском («Красный Фарфорист»), Боровичском, Парфинском (городище у д. Сельцо Полавского р-на на правом берегу р. Ларинки). ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 48.
- Орлов А-1963, 1966–1968, 1970 – *Орлов С. Н.* Отчеты об обследовании памятников археологии, истории и

- искусства на территории Новгородской области по заданию Управления культуры Новоблисполкома. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 62.
- Орлов А-1965–1979 – Орлов С. Н. Дневник с записями археологических исследований в Новгородском районе (д. Наволок, д. Понеделье, д. Сопки и др.), Волотовском, Солецком (д. Городок Куклинского с/с, п. Загородищи и др.), Любытинском (Княжье Село). ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 51.
- Орлов А-1966 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях на левом берегу реки Мсты в урочище «Кобылья Голова» около дер. Полосы, Больше-Доркского сельсовета Новгородской области. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 3027, 3027а.
- Орлов А-1967–1970 – Орлов С. Н. Дневник 1967–1970 гг. с записями обследований археологических памятников в Боровичском р-не (Егла и др.), Любытинском, Маловишерском, Валдайском, Крестецком, Пестовском, Мошенском, Холмском, Поддорском, Солецком (д. Городок), Демянском (оз. Велье), Парфинском, Хвойнинском (оз. Б. Кузино) р-нах. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 53.
- Орлов А-1968 – Орлов С. Н. Отчет о работе археологической экспедиции Новгородского пединститута и музея на городище у дер. Сельцо Парфинского района Новгородской области в 1968 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 3681, 3681а.
- Орлов А-1968а – Орлов С. Н. Отчет об археологическом обследовании долины реки Волхов и рисунки археологических находок из сопки в урочище «Победище», с поселения эпохи раннего железа ок. д. Подсопье, с городища в районе Ст. Ладоги при впадении р. Любши. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 33.
- Орлов А-1968б – Орлов С. Н. Отчет Волховского отряда Ленинградской области института археологии АН СССР об археологическом обследовании долины реки Волхова по заданию Ленинградского областного управления культуры. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1968. № 113.
- Орлов А-1968–1984 – Орлов С. Н. Дневник с записями археологических исследований в Парфинском районе (д. Сельцо), Старорусском районе, Волотовском, Солецком (д. Загородищи, Выбити, долине р. Шелони), Демянском (д. Пески, Едрово, Яжелбицы и др.), Маревском (Молвогицы, Марёво, Велилы) районах. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 54.
- Орлов А-1969 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях отряда Новгородской архитектурно-археологической экспедиции ЛО Института археологии АН СССР. Руководитель экспедиции проф. М. К. Каргер. Нач. отряда С. Н. Орлов. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4277, 4277а.
- Орлов А-1969а – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях отряда Новгородской архитектурно-археологической экспедиции ЛО Института археологии АН СССР. Руководитель экспедиции проф. М. К. Каргер. Нач. отряда С. Н. Орлов. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1969. № 47.
- Орлов А-[1960-е]–1984 – Орлов С. Н. Дневник с записями археологических раскопок в д. Сельцо Парфинского р-на. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 55.
- Орлов А-1970 – Орлов С. Н. Отчет об обследовании памятников археологии, истории и искусства на территории Новгородской области в сезон 1970 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4352, 4352а.
- Орлов А-1970а – Орлов С. Н. Отчет о продолжении археологических исследований на городище у дер. Городок в Солецком районе Новгородской области в сезон 1970 года. Научный архив ИИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 48.
- Орлов А-1970б – Орлов С. Н. Альбом иллюстраций к отчету С. Н. Орлова об археологических исследованиях на территории Новгородской области в 1970 г. Научный архив ИИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 49.
- Орлов А-1971 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в сезон 1971 года. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4517, 4517а.
- Орлов А-1971а – Орлов С. Н. Отчет о проведении Новгородским отрядом ЛОИА АН СССР археологических исследований по программе Всеросс. Общества по охране памятников истории и культуры с целью составления Свода памятников Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 63.
- Орлов А-1972 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях на территории Новгородской области в сезон 1972 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4861, 4861а.
- Орлов А-1972–1973 – Орлов С. Н. Дневник с записями археологических исследований на территории НГПИ (Антоново), в Новгородском районе («Холопий городок», «Медвежья голова» (Слутка) и др.), б. Маловишерском (д. Лопатень и др.) районе. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 56.
- Орлов А-1973 – Орлов С. Н. Отчет о работе совместной археологической экспедиции Новгородского пединститута и Новгородского музея. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. 1973. № 5162, 5162а.
- Орлов А-1973а – Орлов С. Н. Фото. Городище на правом берегу р. Ловать у д. Городок Парфинского р-на (б. Старорусского) Новгородской обл. Общие виды. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оа. 2. Ед. хр. 619.
- Орлов А-1976 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях в Новгородской области в 1976 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 6153.
- Орлов А-1976–1978 – Орлов С. Н. Дневник с записями археологических исследований в Батецком районе (ст. Передольская), Демянском районе («Княжая гора» и др.). ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 57.
- Орлов А-1977 – Орлов С. Н. Отчет об археологических раскопках на городище «Княжая гора» у д. Пески

- Демянского района Новгородской области. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 6652, 6652а.
- Орлов А-1978 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях на городище «Княжая Гора» в Демянском районе Новгородской области. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р. 1. № 7166, 7166а.
- Орлов А-1979 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях в Новгородской области в 1979 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7446, 7446а.
- Орлов А-1980 – Орлов С. Н. Отчет об археологических исследованиях на городище «Княжая Гора» у д. Пески Демянского района Новгородской области в период июль-август 1980 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р. 1. № 8675, 8675а.
- Орлов А-1980–1981 – Орлов С. Н. Дневник археологических раскопок на городище «Княжая гора» у д. Пески Демянского р-на, на пр. берегу р. Волхов южнее Антониева монастыря (с описью находок), на поселении Прость (с описью находок). ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 59.
- Орлов А-1984 – Орлов С. Н. Отчет об археологических раскопках на городище у деревни Сельцо Парфинского района Новгородской области. Архив ИА РАН. Р-1. № 10375, 10375а.
- Паспорт 1966 – Паспорт. Д. Подгощи, городище. Составил С. Н. Орлов в 1966 г. Министерство культуры РФ. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Паспорт 1966а – Паспорт. Д. Рахлицы, городище. Составил С. Н. Орлов не ранее 1966 г. Министерство культуры РФ. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Паспорт 1968 – Паспорт. Д. Погледово, городище. Составил С. Н. Орлов в 1968 г. Министерство культуры РФ. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Паспорт 1977 – Паспорт. Д. Белая, городище. Составил Г. Н. Пронин 15. 11. 1977 г. Министерство культуры РФ. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Паспорт 1979 – Паспорт. Д. Шелгуново, городище. Составил Г. Н. Пронин 27. 10. 1979 г. Министерство культуры РФ. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Паспорт 1981 – Паспорт. Дд. Крутец, Погледово, городище. Составила В. Г. Миронова 3. 10. 1981 г. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Паспорт 1982 – Паспорт. Д. Загородищи, городище. Составила В. Г. Миронова 01.12.1982 г. Министерство культуры РФ. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Паспорт 1986 – Паспорт. Пос. Бронница, городище. Составил Е. Н. Носов 10.03.1986 г. Министерство культуры РФ. Управление по охране памятников истории и культуры. Новгород.
- Передольский А-1891 – Передольский В. С. Отчет за 1891 г. Дело о раскопках В. С. Передольского в Новгородской губернии. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1890 г. № 46.
- Передольский А-1897 – Передольский В. С. К разрезам площади Коломцов. ОПИ НГОМЗ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 5.
- Петренко А-1970 – Петренко В. П. Раскопки Староладожского музея 1970 г. Полевые чертежи. Любшанское городище. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 131.
- Петренко А-1971 – Петренко В. П. Полевой дневник археологической экспедиции Староладожского музея 1971 г. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1970. № 128.
- Петренко А-1970/1971 – Петренко В. П. Отчет об археологических исследованиях Староладожского музея в 1970 и 1971 году. Архив СЛМ. № 60.
- Петренко А-1970/1971а – Петренко В. П. Отчет о работах археологической экспедиции Староладожского музея за 1970–1971 гг. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1970. № 127.
- Петренко А-1970/1971б – Петренко В. П. Отчет о работах археологической экспедиции Староладожского музея за 1970–1971 гг. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4694, 4694а.
- Петренко А-1972 – Петренко В. П. Раскопки Староладожского музея. Полевые чертежи. Любшанское городище. Научно-отраслевой архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1972 г. № 145.
- Петренко А-1972а – Петренко В. П. Раскопки Староладожского музея. Рисунки находок. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1972. № 147.
- Петренко А-1972б – Петренко В. П. Раскопки Староладожского музея. Полевые чертежи. Победище-72. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1972. № 148.
- Петренко А-1973 – Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладогe и ее окрестностях в 1973 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 5446, 5446а
- Петренко А-1973а – Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладогe и ее окрестностях в 1973 г. Часть 1. Текст. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 108.
- Петренко А-1973б – Петренко В. П. Альбом иллюстраций к отчету Староладожской экспедиции 1973. Урочище Победище. Насыпи № 2–4. Научный архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 157.
- Петренко А-1974 – Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладогe и ее окрестностях в 1974 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 5472, 5472а.
- Петренко А-1974а – Петренко В. П. Княщинский отряд Староладожской экспедиции. Полевые описи находок. Тетрадь № 1. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 156 (1).

- Петренко А-1974б – *Петренко В. П.* Староладожская экспедиция. Княщинский отряд. Полевые чертежи. Северное Победище. Насыпь 1. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 123.
- Петренко А-1974в – *Петренко В. П.* Дневник полевых исследований в 1974 г. 20.06–08.07.74. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 151.
- Петренко А-1975 – *Петренко В. П.* Отчет о раскопках Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1975 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 5955, 5955а.
- Петренко А-1975а – *Петренко В. П.* Княщинский отряд Староладожской экспедиции. Полевые чертежи. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 166.
- Петренко А-1976 – *Петренко В. П.* Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1976 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 6489, 6489а.
- Петренко А-1977 – *Петренко В. П.* Отчет о раскопках в Старой Ладоге близ Варяжской улицы в 1977 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7070, 7070а.
- Петренко А-1978 – *Петренко В. П.* Отчет о раскопках насыпи № 1 в северной части урочища «Победище» близ с. Старая Ладога в 1978 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7090.
- Петренко А-1978а – *Петренко В. П.* Княщинский отряд. Полевые чертежи. Северное Победище – 78. Насыпь 1. Разрезы. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 166.
- Петренко А-1978б – *Петренко В. П.* Староладожская экспедиция. Княщинский отряд. Описание находок из насыпи № 1, Северное Победище. 1978 г. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 176.
- Петренко А-1979 – *Петренко В. П.* Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1979 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7911, 7911а.
- Петренко А-1979а – *Петренко В. П.* Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1979 г. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1979. № 27.
- Петренко А-1979б – *Петренко В. П.* Княщинский отряд Староладожской экспедиции. Полевые чертежи. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 28.
- Петренко А-1980 – *Петренко В. П.* Отчет о раскопках в с. Старая Ладога и на территории Ивангородской крепости. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 8216, 8216а.
- Петренко А-1981 – *Петренко В. П.* Отчет о работах Ивангородской экспедиции в 1981 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 8890, 8890а.
- Петунов А-2010 – *Петунов А. С.* Работы Крестецкого отряда Областной археологической экспедиции НовГУ в 2009 г. Разведки в среднем течении р. Холова. Стендовый доклад на XXIV научной конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология» 26–18 января 2010 г. Великий Новгород.
- План городища А-1960 – План городища у деревни Бор Батецкого района Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 333.
- План и профили городища 1970 – План и профили городища у деревни Городок на правом берегу р. Маяты Парфинского района Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 618.
- План урочища Коломцы А-1889 – План урочища «Коломцы». 1889 г. Чертеж С. Н. Богословского. ОПИ НГОМЗ. КП 25987/4798 (I, II).
- Планы и разрезы А-1959 – Планы и разрезы раскопа городища у д. Городок на правом берегу реки Ловати (б. Старорусского) Парфинского р-на Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 416.
- Планы и профили А-1959–1973 – Планы и профили городища у д. Городок (б. Старорусского) Парфинского р-на Новгородской области. Рукопись. Миллиметровка. 1959 – 1973. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 415.
- Планы горелых бревен А-1973 – Планы I–III горизонтов горелых бревен и разрез северной стенки шурфа на северной оконечности городища у д. Городок (б. Старорусского) Парфинского района Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 417.
- Планы и чертежи А-1973 – Планы и чертежи разрезов и профилей городища у д. Шелгуново на левом берегу р. Ловати в Старорусском районе Новгородской области. Рукопись. Миллиметровка. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 634.
- Плоткин А-1973 – *Плоткин К. М.* Отчет о работе Псковского отряда Северо-западной археологической экспедиции ЛГУ им. Жданова и Гос музея истории Ленинграда. Научно-отраслевой архив ИА РАН. № 5382.
- Плоткин А-1974 – *Плоткин К. М.* Отчет о работе отряда по изучению городища Камно Псковской области археологической экспедицией ЛОИА АН СССР в 1974 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 5484.
- Подгурский А-2000 – *Подгурский П. Н.* Отчет о раскопках городищ в Витебском районе. Архив ИА НАНБ. № 1882.
- Подгурский А-2001 – *Подгурский П. Н.* Отчет о исследованиях археологического отряда ВГУ им. П. М. Машерова в 2001 г. Архив ИА НАНБ. № 1942.
- Подобедов А-1908 – *Подобедов В. А.* Рапорт и. д. секретаря Губернского статистического комитета Новгородскому губернатору // Дело ИАК о находках каменных молотков и др. каменных поделок в с. Бронницах Новгородской губ. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1908. № 126.
- Пономарев А-1938 – *Пономарев В. С.* Новгородские сопки. Рукопись. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. № 155.
- Попов А-1985 – *Попов С. Г.* Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР о полевых работах 1985 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 11019.

- Попов А-1986 – *Попов С. Г.* Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР о работах 1986 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 12411.
- Попов А-1988 – *Попов С. Г.* Отчет о работах Гдовского отряда ЛОИА АН СССР в 1988 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 12769.
- Попов А-1989 – *Попов С. Г.* Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР о работах 1989 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 13832.
- Попов А-1989а – *Попов С. Г.* Приложение к отчету Гдовского отряда ЛОИА АН СССР 1989 г. Альбом иллюстраций. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 13833.
- Попов А-1990 – *Попов С. Г.* Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР о работах 1990 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 15788.
- Попов А-1990а – *Попов С. Г.* Альбом к отчету Гдовского отряда ЛОИА АН СССР о работах 1990 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 15789.
- Попов А-2003 – *Попов С. Г.* Отчет Гдовского археологического отряда ИИМК РАН о раскопках на поселении у д. Горка в 2003 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 31776.
- Попов А-2005 – *Попов С. Г.* Отчет Гдовского археологического отряда ИИМК РАН о раскопках на поселении Горка в Гдовском районе Псковской обл. в 2005 году. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 31335.
- Пронин А-1979 – *Пронин Г. Н.* Отчет о работе Ильменской экспедиции в 1979 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7842, 7842а-в.
- Пронин А-1980 – *Пронин Г. Н.* Отчет о работе Ильменской экспедиции в 1980 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 7843, 7843а-б.
- Профиль стенки траншеи А-1968 – Профиль стенки траншеи через земляной вал на городище Городок Полавского с/с (б. Старорусского) Парфинского района Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 418.
- Путятин А-1894 – *Путятин П. А.* Отчет о раскопках в Старорусском уезде Новгородской губ. в 1894 г. Научный архив ИИМК РАН. Ф-1. 1894 г. № 60.
- Равдоникас А-193(?) – *Равдоникас В. И.* Об этногонии народов лесной полосы Восточной Европы в связи со взглядами М. Н. Покровского на образование великорусской народности. Корректурная статья. Хранение О. И. Давидан в Государственном Эрмитаже.
- Разрезы раскопа А-1960 – Разрезы раскопа остатков городища у деревни Бор Батецкого района Новгородской области. Архив НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 334.
- Рисунки археологических находок А-1969 – Рисунки археологических находок с городища у села Яжелбицы Валдайского района, из сопки у города Демянска, с городища «Княжая Гора», у деревни Пески Демянского района, с поселения у д. Любно Маревского района. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 469.
- Рисунки археологических находок А-1970 – Рисунки археологических находок с городищ у д. Устье, д. Брякуново Пестовского района, у д. Шелгуново Старорусского района, на р. Маята Парфинского района, у с. Усть-Волма Крестецкого района. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 470.
- Рисунки археологических находок А-1973 – Рисунки археологических находок с городища у д. Белая Батецкого района Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 327.
- Рябинин А-1998 – *Рябинин Е. А.* Отчет Волховского отряда ИИМК РАН об исследовании Любшанского городища в 1997 году. СПб. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 21337.
- Рябинин А-1999 – *Рябинин Е. А.* Отчет Волховского отряда ИИМК РАН об исследовании Любшанского городища (Волховский район Ленинградской области) в 1998 г. СПб. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 22062.
- Рябинин А-2000 – *Рябинин Е. А.* Отчет о работе Волховского археологического отряда ИИМК РАН в 1999 г. СПб. Научно-отраслевой архив ИА РАН.
- Рябинин А-2001 – *Рябинин Е. А.* Отчет Волховской экспедиции ИИМК РАН о полевых исследованиях Любшанского городища в Волховском районе Ленинградской области в 2000 г. СПб. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 22206.
- Станкевич А-1954 – *Станкевич Я. В.* Отчет о работах Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИИМК в 1954 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 1071.
- Станкевич А-1955 – *Станкевич Я. В.* Отчет об археологических исследованиях в Великолукской области в 1955 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 1194.
- Станкевич А-1956 – *Станкевич Я. В.* Отчет о работе Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИИМК АН СССР за 1956 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН Р-1. № 1390.
- Станкевич А-1957 – *Станкевич Я. В.* Отчет об археологических исследованиях Западно-Двинского отряда Верхнеднепровской экспедиции в 1957 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 1661.
- Стеценко А-1982 – *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологическом исследовании 1982 г. Л., 1983. Архив СЛМ. № 150.
- Стеценко А-1983 – *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1983 г. в двух томах. Т. I. Текст отчета, фотоиллюстрации. Л., 1984. Архив СЛМ. № 149.
- Стеценко А-1983а – *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1983 г. в двух томах. Т. II. Рисунки находок из раскопок на территории Ладужской крепости в 1979–1983 годах. Л., 1984. Архив СЛМ. № 468.

- Стеценко А-1984 – *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Церковь Георгия. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1984 г. в 2-х томах. Т. I. Текст отчета, иллюстрации. Л. 1985. Архив СЛМ. № 445.
- Стеценко А-1984а – *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Церковь Георгия. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1984 г. в 2-х томах. Т. II. Иллюстрации (продолжение). Л., 1985. Архив СЛМ. № 439.
- Стеценко А-1985 – *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1985 г. в 2-х томах. Т. I. Текст отчета, иллюстрации. Л., 1986. Архив СЛМ. № 151.
- Стеценко А-1985а – *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1985 г. в 2-х томах. Т. II. Рисунки находок из раскопок 1984–1985 гг. Л., 1986. Архив СЛМ, № 152.
- Тараканова А-1948 – *Тараканова С. А.* Отчет Псковской археологической экспедиции ИИМК АН СССР о работах за 1948 год. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 218.
- Тараканова А-1949 – *Тараканова С. А.* Отчет Псковской археологической экспедиции ИИМК АН СССР о работах за 1949 год. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 411.
- Тараканова А-1952 – *Тараканова С. А.* Отчет об археологических работах, произведенных в Псковской области осенью 1952 года. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 773.
- Третьяков А-1971 – *Третьяков П. Н.* Отчет об археологических исследованиях в Себежском районе Псковской области РСФСР в 1971 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4411.
- Третьяков А-1972 – *Третьяков П. Н.* Отчет об археологических раскопках в Себежском районе Псковской области в 1972 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 4946.
- Чернягин А-1929 – *Чернягин Н. Н.* Отчет по маршрутной рекогносцировке по реке Волхову. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1929. № 122.
- Чертеж плана раскопов I и III А-1973 – Чертеж плана раскопов I и III городища у д. Белая Батецкого р-на Новгородской обл. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 328.
- Чертеж разрезов А-1973 – Чертеж разрезов по линии пикетов через насыпь земляного вала на городище у д. Белая Батецкого района Новгородской области. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 329.
- Фрагменты керамики А-1960 – Фрагменты керамики с городища Городок у д. Бор на правом берегу р. Луги Батецкого р-на Новгородской обл. ОПИ НГОМЗ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 335.
- Хвощинская А-1983 – *Хвощинская Н. В.* Отчет о работе Гдовского отряда ЛОИА АН СССР в 1983 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 9644.
- Хвощинская А-1984 – *Хвощинская Н. В.* Отчет о работе Гдовского отряда ЛОИА АН СССР в 1984 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 10639.
- Холкина А-2017 – *Холкина М. А.* Керамика эпохи раннего металла восточной части Финского залива. Диссертация на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. СПб. Научный архив ИИМК РАН.
- Шмидт А-1983 – *Шмидт Е. А.* Отчет о раскопках археологических памятников на территории Смоленской области в 1983 году. Смоленск, 1984. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 9225.
- Штыхов А-1969 – *Штыхов Г. В.* Отчет об исследованиях Полоцко-Витебского археологического отряда в 1969 г. Архив ИИ НАНБ. № 350.
- Штыхов А-1971 – *Штыхов Г. В.* Отчет о разведках и раскопках в Северной Белоруссии в 1971 г. Архив ИИ НАНБ. № 385.
- Штыхов А-1972 – *Штыхов Г. В.* Отчет о раскопках в Витебске и обследовании археологических памятников в Витебском и Городокском районах в 1972 г. Архив ИИ НАБ. № 413.
- Штыхов А-1974 – *Штыхов Г. В.* Отчет о работах Полоцко-Витебского отряда в 1974 г. Архив ИИ НАБ. № 477.
- Шут А-1964 – *Шут К. П.* Отчет о полевых археологических работах в 1964 г. Архив ИИ НАНБ.
- Шут А-1965 – *Шут К. П.* Отчет о полевых археологических работах в 1965 г. Архив ИИ НАНБ.
- Шут А-1966 – *Шут К. П.* Отчет о полевых археологических исследованиях в 1966 г. Архив ИИ НАНБ.
- Юшкова А-2006 – *Юшкова М. А.* Отчет Волховского отряда Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН о раскопках городища Холопий городок в Новгородском районе Новгородской области в 2006 г. СПб. 2007. Научно-отраслевой архив ИА РАН.
- Inv. 1411. 1847 – Inv. 1411. 1847. Uppland. Vaksala hd. Gamla Uppsala Sn. Odins högen. АТА.
- Larsen А-1931 – *Larsen H.* Till Riksantikvarien. Ed den 23 juli 1931. АТА.
- Särlvik А-1959 – *Särlvik I.* Rapport över arkeologiska undersökningar på gravfältet nr 177 vid Husby Sodra 5¹, Trosa-Vagnharads kommun Södermanland. Stockholm, 1959. АТА.
- Varenius А-1960 – *Varenius C.* Rapport över arkeologisk undersökning på fornl. nr. 201 Hoxla 11¹, Sorunda sn, Södermanland. 1960. АТА.
- Åberg А-1939 – *Åberg N.* Gravfältet i Norsborgs park. Botkyrka sn, Södermanland. Rapport över Arkeologiska seminariets undersökningar år 1939. Text och fotografier. Stockholm, 1939. АТА.

Научное издание

Иван Еремеев

Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X в.

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ СЛАВЯНО-СКАНДИНАВСКИХ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В двух томах

Том 2

Норманны и погребальный обряд Ильмень-Волховского региона

Верстка и художественное оформление *И. Н. Лицук*
Редактор *С. Л. Ронгонен*
Корректор *Л. И. Григорьева*

Подписано в печать 06.09.2023. Формат 60×90 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 54.
Тираж 300 экз. Заказ № 899

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

Ivan Eremeev

SLAVS AND NORSEMEN NORTH OF THE DNEIPER

Vol. 2

The monograph develops the concept of slavonization of North-West Russia during 500–900 AD and the emergence of proto-state socio-political institutions here. The basis of these processes is recognized as a series of migrations of the agrarian population from the regions of Dnieper-Neman Rivers interfluvium and West Dvina River basin (modern Byelorussia). The results of archaeological excavations of early medieval hillforts, open settlements and burial mounds of Imen-Volkhov Region are presented. Cultural processes are considered on the background of ancient landscape dynamics. The data of paleogeographic, palynological and carpological studies, serial radiocarbon dating are used.

Second volume is devoted to the study of Scandinavians movement to North-West Russia, its character and relationship with the Early Medieval Slavic migrations. Agriculture and burial traditions of North-West Russia are analyzed. The focus is on the large burial mounds – “sopkas”, which were studied in Volkhov Region, and on their Swedish prototypes. The hypothesis is put forward that the oldest large mounds mark the zones of Scandinavian initial agrarian colonization. As a comparative material for the “sopkas” study, archaeological collections from the excavations of large mounds (500–900 AD) from Central Sweden are published.

The book is written for historians, archaeologists, ethnologists, readers interested in the initial stages of Ancient Rus history.

ISBN 978-5-6049788-2-5

9 785604 978825